

тенденции

Василий Галин

Запретная политэкономия

Революция по-русски

Москва
АЛГОРИТМ
2006

ББК66

Г15

Галин В.В.

Г 15 Запретная политэкономия. Революция по-русски. (Серия: Тенденции) - М.: Алгоритм, 2006 . - 608 с.

ISBN 5-9265-0247-0

На Западе с начала XX века, а в России с 1990-х политэкономия попала в немилость, по сути став запрещенной наукой. Автор книги возвращается к этой уже почти забытой науке, делая это в наглядной форме на примере российской истории XX века. Своей целью В. Галин ставит изучение объективных законов развития общества, пытаясь заглянуть в будущее.

ББК66

ISBN 5-9265-0247-0

© Галин В.В., 2006

© ООО «Алгоритм-Книга», 2006

Когда я бродил по ухоженным улицам баварских городов, среди стриженных газонов и старинных особняков провинциальной Англии, я все время возвращался к мысли, почему в нашей стране, столь много трудившейся, столь много пролившей крови за свою и чужую свободу и независимость, внесшей свой достойный вклад в мировую цивилизацию, люди не живут, а постоянно борются за выживание. Ведь мы ничем не хуже их. Эта мысль не давала мне покоя и отравляла впечатление от благоустроенных картин Запада. Я стал искать ответ, наверное, с первых моих поездок за границу...

Неужели самоотверженный труд предыдущих поколений, их жертвы и страдания были напрасны? А верен ли выбранный Россией в 90-х годах путь развития, не приведет ли он в очередной тупик, перечеркивающий все усилия и жертвы нынешнего поколения? Не окажется ли русская цивилизация загнанной в число вымерших наравне с древнеримской, древнегреческой, древнеегипетской?.. Или, может быть, свершится предсказание В. Шубарта: «Будущее — всемирная борьба между Западом и Востоком (Россией), примирение между ними и зарождение всемирной западно-восточной культуры новой эпохи»¹. Есть ли у русских возможность и имеют ли они шанс стать равноправными членами мирового сообщества или обречены?..

Эта книга о долге, долге настоящего перед прошлым, в котором наши предки умирали и трудились за лучшую жизнь для своих детей и внуков, т.е. для нас. Эта книга об ответственности перед будущим, тем будущим, которое наше поколение намерено завещать своим потомкам. Эта книга о нашем месте в этом мире: «Мы должны дать себе отчет в нашем бытии; следовательно, мы хотим также стать подлинными кормчими этого бытия и не допустить, чтобы наше существование было равносильно бессмысленной случайности»².

Настоящий переходный период, который переживает Россия, представляет для такого рода оценок наиболее удобное время, и его необходимо не упустить. «В период брожения и распада смысл недавнего прошлого неожиданно

проясняется, потому, что еще нет равнодушия будущего, но уже рухнула аргументация вчерашнего дня и ложь резко отличается от правды, — отмечала Н. Мандельштам, — *Надо подводить итоги, когда эпоха, созревшая в недрах прошлого и не имеющая будущего, полностью исчерпана, а новая еще не началась. Этот момент всегда упускается, и люди идут в будущее, не осознав прошлого*³.

ОПАСНАЯ ТЕОРИЯ, или почему была предана забвению наука о движущих силах развития общества

Одна из причин легковесности нынешних умов — в избытке книг, заполнивших мир; книг не столько скверно написанных, сколько скверно прочитанных. Мы оказали бы услугу грядущим поколениям, если бы научили их читать; ведь с тех пор, как все выучились писать, сей талант становится все большей редкостью...

*А. де Кюстин*⁴

ИСТОРИЗМ

Историзм утверждает, что будущее и прошлое неразрывно связаны. Уже Полибий (ок. 201-120 до Р.Х.), древнегреческий историк, видел в истории единый и закономерный процесс и поэтому считал, что изучение истории дает уроки на будущее⁵. Основы историзма заложены в учениях Гераклита, Платона, Аристотеля. XVII век знаменует возврат к историзму, получившему развитие в работах Дж. Вико, Вольтера, Гегеля, К. Маркса...*

Причины столь пристального интереса к историзму, по мнению В. Шубарта, кроются в том, что: «всякий настоящий историк живет убеждением, что незнакомое будущее можно свести к знакомому прошлому. Из этого положения исходил уже Маккиавелли, пытавшийся — первым в Европе — обосновать необходимость и полезность политической науки. За общественным интересом европейца кроется, конечно же, не любовь к прошлому; главным стимулом здесь является забота о будущем»⁶. Мнение немецкого философа перекликалось с мыслями английского историка конца XIX века Дж. Сили: «Настанет время, когда вы должны задать себе вопрос: для чего изучалось все это? Для какой практической цели собраны и запечатлены в памяти все эти факты? Ес-

* Указатель имен — в конце второй книги серии «Запретная политэкономия» («Красное и белое») или на сайте www.Galin.ru

ли они не ведут к великим истинам, имеющим одновременно и общенаучное, и важное практическое значение, то история — не больше, как забава, и едва ли она может встать в ряду с другими науками»⁷. Дж. Сили приходил к выводу, что изучение истории должно представлять общую тенденцию развития всех событий, «чтобы дать нам возможность мыслить о будущем и предугадывать предназначенную... судьбу»⁸. В. Кожин обосновывал целесообразность труда историка тем, что «любое предвидение будущего страны возможно только при опоре на достаточно полное и глубокое знание и понимание ее предшествующей истории»⁹. В. Ключевский возводил историзм в ранг важнейшей из наук: «*Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и к чему должны стремиться*»¹⁰. Л. Гумилев облакал эту зависимость в образно-поэтическую форму:

Утраченные дни сильнее поколений.
Детей не упасут от пращуров отцы,
Истоки ваших чувств, восторгов и стремлений
Хранят в глухих горбах седые старики.

О той же зависимости говорил и Лебон: «Как человек не может выбрать себе возраста, так и народы не могут выбирать свои учреждения. Они подчиняются тем, к которым их обязывает их прошлое, их верования, экономические законы, среда, в которой они живут. Что народ в данную минуту может путем насильственной революции разрушить учреждения, переставшие ему нравиться, — это не раз наблюдалось в истории. Но чего история никогда еще не показывала — чтобы новые учреждения, искусственно навязанные силой, держались сколько-нибудь прочно и положительно. Спустя короткое время все прошлое вновь входит в силу, так как мы всецело созданы этим прошлым, и оно является нашим верховным властителем»¹¹.

1990-е годы вместе с решительной переоценкой всех прежних нравственных и моральных устоев общества привели и к полному отрицанию русской истории XX века. Например, были осмеяны гимн и флаг СССР — символы не столько государства, сколько народа, победившего во Второй мировой войне, первым вышедшего в космос, построившего одно из самых могущественных государств в истории человечества... Да, была кровь и страдания, но были подвиги и победы. Взглянем на пример Запада, его отношение к своей истории: ведь это под современный гимн Германии — «Немецкую песню» Гайдна — маршировала по Европе и России фашистская армия. Под звуки Марсельезы рубили головы на площадях Парижа, французский триколор развевался над взорванным Кремлем в 1812 г.* Под звуки американского гимна, под «Stars

*Французы сами почти сто лет «не могли понять», что такое Французская революция — величайшее преступление или величайшее достижение. Марсельеза вновь стала гимном лишь в 1879 г.

7

and Stripes», срезали скальпы индейцам и ломали кости рабам. Это под английский «Union Jack» и «God save the King» беспощадно колонизировалось население целых континентов...

В конце XX — начале XXI веков средства массовой информации, телевидение, газеты, радио обрушили почти тотальное наступление на русскую историю. Политики, историки, литераторы и даже авторы учебников, начисто отвергая, издевались над историей своих предков. В это время Л. Абалкин писал: «Надменно отрицать сделанное предшественниками, глумиться над их идеалами столь же несправедливо, сколь и безнравственно»¹². Но только ли о безнравственности в данном случае идет речь? Не повторяется ли история вновь? Деникин в 1917 г. писал Керенскому: «Ведите русскую жизнь к правде и свету под знаменем свободы! Но дайте и нам реальную возможность за эту свободу вести в бой войска под старыми нашими боевыми знаменами, с которых — не бойтесь! — стерто имя самодержца, как прочно стерто и в сердцах наших. Его нет больше. Но есть Родина. Есть море пролитой крови. Есть слава былых побед. Но вы — вы втоптали наши знамена в грязь...»¹³ Не втоптывается ли в очередной раз в грязь русская история? Зачем?

Ответ дал тот же В. Ключевский в начале XX века: «Народ без истории, как ребенок без родителей: и с тем и с другим можно сделать все что угодно». П. Чаадаев в 1831 г. замечал: «протекшее определяет будущее: таков закон жизни. Отказаться от своего прошлого — значит лишиться себя будущего»¹⁴. Ведь именно история делает из толпы нацию. Француз Э. Ренан в 1882 г. указывал: «Нация являет собой великое солидарное сообщество, созданное ощущением жертвы, которую она принесла и готова приносить в дальнейшем. Нация задана своим прошлым и придает себе окончательный вид в настоящем...»¹⁵ А. Пушкин в 1831 г. говорил, что именно история народа формирует гражданина:

Два чувства дивно близки нам —
В них обретает сердце пищу —
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.
(На них основано от века,
По воле Бога самого,
Самостоянье человека,
Залог величия его.)

С. Кара-Мурза в этой связи отмечает: «Школа — главный государственный институт, который «создает» гражданина и воспроизводит общество. Это — консервативный «генетический аппарат» культуры»¹⁶. Ницше утверждал, что «всякое высшее воспитание должно быть историческим»...¹⁷ Дж. Сили был еще более категоричен: «Благосостояние страны и все интересы ее граждан зависят от изучения истории»¹⁸.

История каждого народа — это его Библия; именно она формирует из разрозненной толпы нацию, из обывателя гражданина.

Этот постулат в самом конце своей жизни Пушкин утверждал словами: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... поклянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал...»¹⁹ Совокупность историй народов, населяющих Землю, создает человеческую цивилизацию.

Отрицание народом своей истории означает не только его отказ от долга перед прошлым, но и от обязательств перед будущим. В итоге, утверждал П. Столыпин, «такие народы гибнут, они превращаются в назем, удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы...»²⁰

Конечно, можно искать и несомненно найти в воинственном пренебрежении историей злой умысел. Еще П. Столыпин указывал: «Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России...»²¹ Можно, как Ю. Мамлеев, обвинить во всем советскую систему: «Насмешки по отношению к своей стране аналогичны надругательству над могилами родителей. А ведь такие насмешки, издевательства сознательно и тщательно культивируются многими журналистами... Этому есть причины. Деспотизм советской системы доводил мыслящего человека до полного иступления. Ненависть ослепляла, ее перенесли на саму страну...»²² Но все ли так просто? Не носят ли отличия России от других стран более глубокий характер?

П. Чаадаев в 1831 г. по этому поводу писал: «Народы живут только сильными впечатлениями, сохранившимися в их умах от прошедших времен, и общением с другими народами. Этим путем каждая отдельная личность ощущает свою связь со всем человечеством. В чем заключается жизнь человека, говорит Цицерон, если память о протекших временах не связывает настоящего с прошлым? Мы же, явившись на свет как незаконнорожденные дети, без наследства, без связи с людьми, которые нам предшествовали, не усвоили себе ни одного из поучительных уроков минувшего... Мы растем, но не зреем; идем вперед, но по какому-то косвенному направлению, не ведущему к цели» «Мы живем в каком-то равнодушии ко всему, в самом тесном горизонте, без прошедшего и будущего»²³.

По словам А. Пушкина: «У нас иной потомок более дорожит звездой двоюродного брата, чем историей своего дома, т.е. историей отечества»²⁴. Аналогичные образные наблюдения оставил В. Розанов: «Когда я попросил в цветочном магазине убирать цветами могилку, то у меня спросили: "На лютеранском кладбище?" — "Нет, на православном". — "Ну так извините, мы убирать цветами ни в коем случае не мо-

жем. Через полчаса все выруют с корнем..." И это так. Кроме сорных трав, на могилах ничего не растет. Если вы хотите садить цветы, то, кроме высокой решетки, должны устроить над могилой навес, а бока затянуть металлической сеткой. Получается нечто вроде клетки, чрезвычайно безобразной. Но по всему кладбищу стоят такие клетки, делая его похожим с опустелым зверинцем...»²⁵

Отмечая эти особенности, В. Шубарт указывал: «Русский даже не хочет учиться у истории. Он сомневается в том, что это возможно... Поскольку русский живет мгновением, он так же мало заботится о прошлом, как и о будущем»²⁶. К подобным выводам пришел и М. Палеолог: «Русские живут исключительно впечатлениями момента. То, что вчера чувствовали и думали, для них более не существует. Их настоящее настроение порой уничтожает в них самое воспоминание об их прежних взглядах... В России чаша весов не колеблется — она сразу получает решительное движение. Все разом рушится, все образы, помыслы, страсти, идеи, верования, все здание. Для большинства русских верхом счастья является постоянная смена декораций»²⁷.

Шубарт находил причины отличия европейца в том, что у него «культура памяти злоупотребляет человеческим мозгом. Она перегружает его ученым хламом и мусором столетий и тащит их, пыхтя, чрез все времена. Поэтому она становится неспособна к творческой мысли: она знает слишком много, поэтому познает слишком мало. Она занимается мумификацией всех человеческих знаний...»²⁸ В. Шубарт противопоставляет «культуре памяти» «культуру забвения», свойственную русским, которая «непоколебимо доверяет жизни и ее силам». Но тут же он указывал, что современному европейскому «человеку присуще срединное состояние души. Это делает его холодным, деловитым, постоянным рассудительным. Русской душе чужда срединность. У русского нет амортизирующей средней части, соединяющего звена между двумя крайностями»²⁹. *Русской душе «недостает уравновешивающей середины»*³⁰.

По мнению историка А. Ахизера, именно «инверсия» — шараханье из одной крайности в другую — является характерной чертой русской истории³¹. Каждый раз история пишется «с чистого листа», стирая предшествующую, разрушая общество, уничтожая накопленные ресурсы развития, и все начинается с начала. В. Кожин замечал по этому поводу: «Россия — в отличие от тех же стран Запада — страна «крайностей», и это вызывает и проклятия, и восторги... Но объективный и трезвый взгляд на русскую историю призван понять эту ее неотъемлемую особенность, а не хулить и, равным образом, не восхвалять ее»³². Но еще в большей мере этот «объективный и трезвый взгляд» должен быть обращен на причины и последствия этой «неотъемлемой особенности», чтобы избежать повторения разрушительных ошибок прошлого.

10

ДВИЖУЩИЕ СИЛЫ ИСТОРИИ

История в чистом виде есть только перечень видимых фактов, знание которых мало что дает для ее понимания. П. Столыпин отмечал это явление утверждением, что «...видимая правда часто противоречит истине»³³. Д. Менделеев приводил образный пример: «Ведь правда, неоспоримая правда для всякого непосредственного наблюдателя, что Солнце вертится вокруг Земли, между тем истина, добытая пытливым умом человека, противоречит этой правде»³⁴. К. Маркс придавал этой аксиоме научную строгость: «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишней...»³⁵ Но как найти «сущность вещей»?

Можно выделить несколько подходов к решению этой задачи.

Традиционный — сводится к той или иной интерпретации исторических

фактов. Примером, в данном случае, могут являться рассуждения Б. Такман, которая приходит к выводу, что, «продираясь через различные интерпретации, историк бредет, пытаясь найти истину относительно дней минувших и выяснить, — «как это, собственно, происходило». Он обнаруживает, что истины субъективны и различны, они состоят из маленьких кусочков свидетельств различных очевидцев»³⁶. Последователи этого метода, понимая его субъективистский характер, в целях повышения достоверности дополняют *традиционный* подход утверждением: «Не делить, не дробить нужно историю, а следовать... за связью явлений... Ничто не может быть без значительного ущерба вырвано из общей исторической связи»³⁷.

Альтернативный — А. Широкоград дает ему следующее обоснование: «Кто-то написал: «История не терпит сослагательного наклонения». Если следовать этой фразе и не рассматривать альтернативные варианты хода исторических событий, то историк из ученого превращается просто в регистратора событий. Грамотная оценка событий возможна лишь при условии тщательного анализа альтернативных вариантов... ими не стоит увлекаться и... строить цепь последующих событий. Тут резко убывает вероятность, и историк становится писателем-фантастом»³⁸. О том же писал и Ницше: «Повсюду широкий оптимизм в науке. Вопрос «что произошло бы, если б не наступило то или другое?» почти единогласно отклоняется, а между тем это как раз кардинальный вопрос, который превращает все в предмет иронии»³⁹. О. Касимов предлагает свою версию теории «альтернатив», опираясь на «неумолимую логику развития» событий, и «требует от историка анализа вариантов — отражений реальности»⁴⁰.

Творческое осмысление истории — этот подход получил наибольшее, массовое распространение. Он, как правило, делает упор на особенностях исторических личностей, народов, партий, классов, отдавая им на откуп историю. Данный метод ограничивается весьма узкими

11

рамками исследуемого объекта, что не позволяет в полной мере осветить всю картину происходивших событий. Кроме этого, творческий подход порой дает волю фантазии и зачастую больше обращен к эмоциям человека, чем к логике происходивших событий. В лучшем случае попытки *творческого осмысления* служат популяризации истории, в худшем — приводят к созданию заказных «мыльных опер» на исторические темы...

Идеологический — исследователи данного направления придерживаются правила: историю пишут победители, а их задача сводится к подгонке под эту «историю» соответствующих исторических фактов. Ницше обосновывал этот принцип так: «Всякая история до сих пор писалась с точки зрения успеха, и притом при предположении разумности этого успеха»⁴¹. М. Лермонтов утверждал его в стихах:

Поверь: великое земное
Различно с мыслями людей.
Сверши с успехом дело злое —
Велик; не удалось — злодей...

Если в Средние века движущие силы истории однозначно определяла победившая религия, то в XX веке их стала столь же однозначно определять победившая идеология*. История здесь становится одним из элементов пропаганды утверждающих «политику свершившихся фактов».

Чаще всего указанные методы используются не в отдельности, а в той или иной совокупности, что позволяет порой почти вплотную приблизиться к «исторической истине». Но исследователь по-прежнему остается бесконечно

далек от ее понимания, поскольку все эти методы являются лишь отражением внешних форм проявления исторических фактов и не дают ответа на ключевой вопрос о «сущности вещей».

На необходимость нового подхода к изучению истории указывал еще в 1831 г. П. Чаадаев в своих «Философских письмах», которые взорвали образованное общество того времени: «Ни к чему не ведут попытки связать между собой времена... (и) непрестанная работа над фактическим материалом... если внимательно всмотреться в дело, то окажется, что все сырье истории уже исчерпано... если и предстоит еще дать лучшие объяснения прошедшим эпохам, то эта задача будет решена не критикой, которая способна копаться лишь на свалке истории, а приемами

*Некоторые авторы подходят к вопросу с поистине религиозным рвением и порой создается впечатление, что вся их умственная работа заключается лишь в смене старых идолов на новых...
12

чисто рациональными...» «В наши дни рациональное воззрение на историю привело бы, без сомнения, к более положительным результатам. Разум века требует совсем новой философии истории, такой философии истории, которая так же мало напоминает бы старую, как современные астрономические учения мало схожи с рядами гномонических наблюдений Гиппарха и прочих астрономов древности. Надо только осознать, что никогда не будет достаточно фактов для того, чтобы все доказать, а для того, чтобы многое предчувствовать, их было достаточно со времен Моисея и Геродота. Самые факты, сколько бы их не собирать, еще никогда не создадут достоверности, которую нам может дать лишь способ их понимания. Точно так же, как, например, опыт веков, раскрывший Кеплеру законы движения планет, был недостаточен для того, чтобы обнаружить для него общий закон природы; это открытие выпало на долю необычайного воззрения особого рода, на долю благочестивого размышления. Именно так нам... и следует пытаться понять историю»⁴².

Рациональное понимание истории подразумевает под собой исследование сил, воздействующих на общество и обеспечивающих его развитие. Ведь «сущности вещей» — это не что иное, как внешнее проявление влияния этих сил. И здесь, по аналогии с определением Менделеева для химии, можно сформулировать основной постулат для исторического исследования: **«Без понимания взаимодействия сил, приводящих ее в движение, история является лишь описательным источником знания»***. При этом, «*взаимодействие сил*» носит не случайный характер, а подчиняется действию вполне объективных законов развития общества**.

За изучение сил и законов, крутящих колеса истории, отвечает специальная наука — «политэкономия», — понятие которой было предложено французом А. Монкретьеном еще в 1615 г. в книге «Трактат политической экономии»***. А. Смит, У. Петти, Т. Мальтус, Ж. Сэй, Д. Рикардо и др. сделали из теории политэкономии самостоятельную науку, исследующую внутренние закономерности общественного развития. Выдающийся немецкий ученый Г. Гегель назвал политическую экономию наукой, которая «делает честь мысли, потому что она, имея перед собой

* Перефразируя Менделеева: «Без понятия о массах, действующих друг на друга, химия была бы лишь описательным (источником) знания».

** Эти тезисы вовсе не отрицают фактологии, наоборот фактология является основой любого исторического исследования. Но ее задача ограничена сбором, систематизацией и первичной обработкой исторических фактов. В истории она выполняет те же функции, что и статистика в экономике.

*** Дословно: «правила ведения общественного хозяйства», «законы о государственном хозяйствоведении».

13

массу случайностей, отыскивает их законы. Интересно видеть, как все

взаимозависимости оказывают здесь обратное действие, как особенные средства группируются, влияют на другие сферы и испытывают от них содействие себе или помеху. Эта взаимная связь, в существование которой сначала не верится... замечательна главным образом тем — и сходна в этом с планетарной системой, — что она всегда являет глазу лишь неправильные движения; и все же можно познать ее законы»⁴³.

Политэкономия Маркса

С Маркса в политэкономии начался новый этап развития. Основной постулат, повторенный К. Марксом бесчисленное количество раз в различных трактовках, звучит так: «Способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще»⁴⁴. Энгельс развивал мысль: «Экономическое производство и неизбежно вытекающее из него строение общества любой исторической эпохи образуют основу ее политической и умственной истории...»⁴⁵ «Подобно тому, как Дарвин открыл закон развития человеческой истории, Маркс открыл тот до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями простой факт, что... производство непосредственных материальных средств к жизни и тем самым каждая данная ступень экономического развития народа или эпохи образуют основу, из которой развиваются государственные учреждения, правовые воззрения, искусство и даже религиозные представления данных людей и из которых они, поэтому, должны быть объяснены, — а не наоборот, как это делалось до сих пор»⁴⁶. Политэкономия марксизма жестко утвердила примат материальных сил, движущих развитием общества.

Однако развитие общества происходит не только под действием материальной силы. На другую силу указывал еще Моисей за пару тысяч лет до возникновения политэкономии. Наиболее полное и глубокое ее понимание оставил П. Чаадаев: «Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас встать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой или противимся ей, — все равно, мы вечно под ее властью. Поэтому нам остается только стараться дать себе верный отчет в ее действии на нас... эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается, она-то и ведет вселенную к ее предназначению»⁴⁷. «Не зная истинного двигателя, бессознательным орудием которого он служит, человек создает свой собственный закон, и этот закон... он называет нравственный закон...»⁴⁸ «Нравственный закон пребывает вне нас и независимо от нашего знания его... каким бы отсталым ни было разумное существо, как бы ни были ограничены его способности, оно всегда имеет некоторое понятие о начале, побуждающем его действовать. Чтобы размышлять, чтобы судить

14

о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять ни судить, он не будет существом разумным»⁴⁹.

Носителем нравственного закона — духовной силы — с момента своего возникновения стала церковь. Она на протяжении веков исправно несла свое бремя, создавая соответствующие времени моральные предпосылки развития. Но с начала XIX века философы почти единодушно стали отмечать падение роли церкви. Д. Кортес в 1852 г. в письме к римскому кардиналу Фермари предсказывает апокалипсические потрясения, так как: «Гордыня человека нашего времени внушила ему две вещи, в которые он уверовал: в то, что он без изъянов, и в то, что не нуждается в Боге, что он силен и прекрасен»⁵⁰. В конце XIX столетия Ф. Ницше констатировал «Бог умер» и предупреждал: «Нигилизм стоит за

дверями, этот самый жуткий из всех гостей»⁵¹. Европейские философы предвидели в нарастающей бездуховности общества наступление эпохи глобальных социальных и политических катастроф и катаклизмов.

За полвека до Ф. Ницше П. Чаадаев тонко уловил эти тенденции и пришел к выводу о том, что человечество для своего выживания неизбежно должно выдвинуть в скором времени новое учение, которое свяжет воедино физические и нравственные силы общества. П. Чаадаев даже указал, откуда возникнет это новое учение — из понимания исторических законов развития: «Для всякого, кому истина не безразлична, явные ее признаки налицо... Это вся совокупность исторических фактов, должным образом проработанных. Сейчас их надо свести в стройное единое целое, облечь в доступную форму и так их выразить, чтобы они подействовали на души людей...»⁵² И это учение, объединившее основы материальных и духовных сил, возникло немногим более десяти лет спустя.

Его основателями стали Маркс и Энгельс, которые, опираясь на базу политэкономических законов, дали свое толкование истории. Ф. Энгельс отмечал, что «политическая экономия в самом широком смысле есть наука о законах, управляющих производством и обменом материальных жизненных благ в человеческом обществе», что она «не может быть поэтому одной и той же для всех стран и всех исторических эпох... *политическая экономия, по своему существу, — историческая наука.* Она имеет дело с историческим, т.е. постоянно изменяющимся материалом...»⁵³ И. Шумпетер в середине XX века находил важнейшее достижение К. Маркса именно в экономической интерпретации истории⁵⁴. С ним по сути согласны Е. Гайдар и В. Мау, которые полагают: «наиболее интересными и актуальными компонентами марксовской теории являются..., философия истории, как метод исторического анализа, и теория экономической истории»⁵⁵.

15

Марксистская идеология*, объединив в себе науку и религию, приобрела черты своеобразной «светской религии», призванной дать ответы как на материальные, так и на моральные запросы общества**. И. Шумпетер обращал внимание, что научный характер придает марксизму убедительность, а элементы религии, рассуждения на тему добра и зла, моральном долге делают его особенно притягательным⁵⁶. Д. Норт отмечал: «Несмотря на то, что по истории технологий и связи технолога с экономическим процессом написано много прекрасной литературы, этот вопрос по существу остался за рамками какого-либо формального корпуса теории. Исключение составляют труды Карла Маркса, который попытался соединить технологические изменения с институциональными изменениями»⁵⁷.

С другой стороны, идеологизм марксизма сразу же подвергся вполне обоснованной критике. Так, Л. Фойер отмечал, что для идеологии, в отличие от науки, нет объективной истины, поскольку идеология связана с интересами⁵⁸. А. Фурсов, обобщая мнение подавляющего большинства критиков марксизма, указывает, что сила и слабость марксизма заключалась в том, что он «провозгласил себя научной идеологией»⁵⁹. Именно здесь, констатируют Е. Гайдар и В. Мау, «возникает конфликт между религиозной и научной сторонами марксизма...»⁶⁰ Эту критику можно было бы признать справедливой, если бы Маркс ставил пред собой только научные цели...

Возврат от Маркса к чистой науке произошел в конце XIX в. в виде учения о рациональном поведении человека в рыночной экономике. Ее приверженцами стали первые представители маржинализма***. Как и следовало ожидать, новая трактовка старой науки, поддержанная выдающимися учеными, привела к рождению новой науки. В 1902 г. английский экономист А. Маршалл положил начало неоклассической политэкономии и впервые начал читать курс

«Экономикс». Определяя его, А. Маршалл писал: «Экономическая наука занимается изучением того, как люди существуют, развиваются и о чем они думают в своей повседневной жизни. Но предметом ее исследований являются главным образом те побудительные мотивы, которые наиболее сильно и наиболее

* Понятие идеологии—«науки о мыслях людей» — было введено в конце XVIII века французскими философами. Денюд де Траси в 1801 г. выпустил учебник «Элементы идеологии».

** В. Ленин указывал на «три составных части марксизма»: философию, политэкономии и «научный коммунизм».

*** Маржинализм — один из основных принципов неоклассической политэкономии, основанный на использовании предельных величин в анализе экономических явлений. Основные представители: К. Менгер, О. Бём-Баверк, Ф. Визер, У. Джевонс, Л. Вальрас.

16

устойчиво воздействуют на поведение человека в хозяйственной сфере его жизни»⁶¹. Политэкономия Маркса потерпела сокрушительное поражение с гибелью СССР. «Молитвенником» «новых русских экономистов» вместо «Капитала» К. Маркса безоговорочно стал «Экономикс»*.

Экономикс

Экономикс, по определению Б. Селигмена, «представляет собой один из способов рассмотрения всего комплекса социального поведения. В этом смысле он является частью общей теории социальных систем и имеет своей задачей как изучение чисто экономических процессов, так и вытекающих из этих процессов форм поведения»⁶². Для более четкого понимания этого определения приведем другие трактовки понятия экономикс. Самуэльсон, подразумевая экономикс, писал: «Экономика есть наука о том, какие из редких производительных ресурсов люди и общество с течением времени, с помощью денег или без их участия, избирают для производства различных товаров и распределения их в целях потребления в настоящем и будущем между различными людьми и группами общества»⁶³. Но, пожалуй, ближе всего к классическому стало определение К. Макконнелла и С. Брю: «Экономикс — это исследование поведения людей в процессе производства, распределения и потребления материальных благ и услуг». Они уточняют: «Экономикс исследует проблемы эффективного использования ограниченных ресурсов или управления ими с целью достижения максимального удовлетворения материальных потребностей человека»⁶⁴. Именно в этом определении наиболее ярко выступает отличие жесткого естественного материализма Экономикса в противовес идеологическому материализму политэкономии.

Таким образом, в настоящее время в мире, казалось бы, существуют две основные теории исследования сил,двигающих общественным развитием: политэкономия и «экономике»**. Обе ставят своей первоочеред-

* Помимо Экономикса другим «осколком» политэкономии стал институционализм, сложившийся в работах американских экономистов конца XIX — начала XX веков: Т. Веблена, Д. Коммонса, У. Митчела. Терминами «институт» стали называться явления как экономического, так и неэкономического порядка — государство, законодательство, общественные организации и структуры, обычаи, семья и т.д. Институционалисты подчеркивали общественные мотивы в поведении людей, выступали за госрегулирование и «социальный контроль». Институционализм получил популярность после Второй мировой войны. В настоящее время преподается в большинстве высших экономических учебных заведений.

** Вводятся и новые понятия, например, — «хронотроники» как «междисциплинарной науки, изучающей эволюцию общества во времени и пространстве как

17

ной целью исследование «побудительных мотивов, воздействующих на поведение человека». В чем же их различие?

К. Макконнелл и С. Брю вскользь указывают, что экономикс — это отдельный предмет, который не есть суррогат политэкономии, а лишь ее часть.

Однако для многих экономикс, как в России, так и на Западе, подменил собой понятие политэкономии — и далеко не случайно. Еще Ф. Ницше писал: «Они научились подменивать имена, и таким образом люди стали ошибаться относительно простых вещей. Вот все искусство самых мудрых». Перенесение понятия политэкономии на экономике приводит к тому, что человеческое общество предстает неким стадом хищников, члены которого готовы перегрызть друг другу глотку за максимальное удовлетворение своих материальных потребностей...

Об опасности такого одностороннего толкования сил развития предупреждал еще С. Витте: «Теперешняя революция и смута показали это с реальной, еще большей очевидностью. Никакое государство не может жить без высших духовных идеалов. Идеалы эти могут держать массы лишь тогда, когда они просты, высоки, если они способны охватить души людей, одним словом, если они божественны. Без живой церкви религия обращается в философию, а не входит в жизнь и ее не регулирует. Без религии же масса обращается в зверей, но зверей худшего типа, ибо звери эти обладают большими умами, нежели четвероногие...»⁶⁵ А. де Кюстин почти за 70 лет до Витте отмечал: «Чем тщательнее изучаешь характер различных наций, тем тверже убеждаешься в том, что участь их зависит от исповедуемых ими религий; религия — залог долговечности общества, ибо, лишь веруя в сверхъестественное, люди могут проститься с так называемым естественным состоянием — состоянием, рождающим только насилие и несправедливость...»⁶⁶ В. Шубарт накануне Второй мировой войны указывал: «Когда человеческое общество не скреплено связью с Богом, оно постепенно разлагается до естественно-первобытного состояния, какое виделось Гоббсу, — и начинается война всех против всех, бессмысленная бойня ради низменных целей. Человечество или живет надчеловеческими ценностями, или — прекращает существование. В конце пути, на который ступили позитивисты, стоит не человек разумный, а бестия, и вместо желанного господства человека над природой устанавливается господство хищного зверя над человеком»⁶⁷.

систему взаимовлияния человека и природы с целью нахождения оптимальных путей развития в условиях ограниченных ресурсов на основе выявления объективных закономерностей в природе и обществе». (Валянский С, Калюжный Д... С. 418.) Понятие хронотроники, судя по определению, в принципе подменяет политэкономии. Некоторые возвращаются к понятию «хрематистика» как устаревшему синониму «политэкономии».

18

Для пояснения мысли приведем несколько примеров: Согласно Экономиксу, мотивом работы врача или адвоката является получение личной материальной выгоды. Но в этом случае врач зарабатывает на страданиях больного, а адвокат на оправдании преступления. Выполнение врачебного или адвокатского долга (оказание помощи больному или восстановление справедливости) требует, чтобы кроме материального интереса ими двигали еще и какие-то нравственные принципы. Политэкономия, как раз и рассматривает это сочетание материальных и моральных сил, движущих общественным развитием. Или другой, более общий, но более существенный пример: отделение экономики от социальных и духовных потребностей очень удобно; в частности, можно, с одной стороны, с праведным, полным благородства порывом бороться за светлые идеалы, за права человека, а с другой, экономической стороны — со спокойной совестью грабить его, при этом порой прикрывая одним другим.

Именно на обман этого расхождения в конце XIX века указывал В. Соловьев: «Нельзя склоняться перед христианской истиной и в то же время смиряться с антихристианской действительностью как с чем-то вечно неизменным и неизбежным». В. Шубарт выделял здесь особенность русской природы, ведь Запад к тому времени уже давно преодолел подобные моральные преграды и подобный

максимализм оставался только на Руси: «Русский не выносит расхождения между истиной и действительностью»⁶⁸.

Между тем потребность в развитии толкает человеческую цивилизацию, и прежде всего Запад, к поиску компромисса. Именно его пытаются отобразить авторы «Экономикса» своим вопросом-утверждением: «Капитализм и демократия действительно образуют самое невероятное сочетание. Может быть, поэтому они нуждаются друг в друге, чтобы внести некое рационально зерно в понятие равенства и некую человечность в понятие эффективности»⁶⁹.

Но какова связь между нравственностью и материальной выгодой? Где точка равновесия между «человечностью» и «эффективностью»? Где грань между социал-дарвинизмом и моралью? На эти вопросы экономике ответа не дает. Статус-кво может быть восстановлен, если считать, что экономике рассматривает только часть вопросов, определяющих силы развития общества, и в этом является одним из важнейших и ключевых разделов политэкономии.

Между тем сама политэкономия в марксистской трактовке в XX веке объективными и субъективными предпосылками фактически была сведена почти исключительно к борьбе классов, что привело ее к отставанию от развития общества. На эти недостатки указывал еще Ф. Бродель: «секрет притягательности его (Маркса) идей лежит в том, что он был первым, кто сконструировал социальные модели, ориентирующиеся

на долгосрочное развитие. Но эти модели были слишком простыми и неизменными. Им придали силу закона и начали использовать как готовые автоматические объяснения процессов, протекающих в любом месте и в любом обществе... Именно это ограничило эффективность использования наиболее сильных средств анализа социальных процессов в течение последнего века»⁷⁰.

Но значение политэкономии как науки, определяющей движущие силы человечества, не потеряло своей актуальности. Наоборот, развитие общества и переход его на следующий, постиндустриальный уровень, возрастающие одновременно ресурсные ограничения обостряют вопросы, стоящие перед человечеством, до крайности, а для отдельных государств и народов — вплоть до дилеммы «быть или не быть».

В настоящее время, по аналогии с Экономиксом, можно сказать, что политэкономия исследует проблемы использования ограниченных ресурсов в целях достижения максимального удовлетворения материальных и духовных потребностей человека.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

«Метод — самая первая, основная вещь. От метода, от способа действия зависит вся серьезность исследования. Все дело в хорошем методе. При хорошем методе и не очень талантливый человек может сделать многое. А при плохом методе гениальный человек будет работать впустую и не получит ценных, точных данных».

И. Павлов⁷¹, выдающийся физиолог.

Мы пришли к выводу, что общественным развитием двигают две силы: материальная и духовная, или, как определял П. Чаадаев, физическая и нравственная. Влияние этих сил на общество подчиняется действию политэкономических законов. Но простая констатация данных фактов мало что значит для ученого, поскольку не дает инструмента для их исследования. Нужна соответствующая методика, при этом она должна быть достаточно проста и наглядна, для того, чтобы ее мог воспринять любой читатель. Прибегнем в данном случае к графическому методу, где движущие силы, которые мы определили выше, представим в виде соответствующих осей:

— Вдоль вертикальной оси расположим силу, на которую указывал еще Адам Смит в XVIII веке. Основной движитель человеческих поступков он находил в эгоизме, в стремлении каждого индивида улучшить

20

свое положение. Цель личного интереса — получение максимальной личной выгоды. Для личного интереса — морально все, что приносит личную выгоду. Фундаментом личного интереса являются принципы индивидуализма. Личный интерес нацелен на получение максимальной эффективности и прежде всего экономической, поэтому назовем эту силу экономической эффективностью — Economic efficiency — (Ee).

— Вдоль горизонтальной оси расположим нравственную силу, о которой говорил П. Чаадаев. Нравственная сила направлена, прежде всего, на обеспечение выживания и развития большинства членов человеческого общества. Она по своей сути является социальной силой. Поэтому назовем ее силой социальной справедливости — Social justice — (Sj). Под социальной справедливостью понимается комплекс показателей, включающий в себя моральные и духовные потребности человека, в том числе: политические права и свободы человека, уровень социальной защищенности*, образования... вплоть до права на самую человеческую жизнь.

С точки зрения Экономикса, Ee и Sj можно рассматривать как функции производства и потребления соответственно, однако в данном случае такое допущение было бы слишком утрированным. С точки зрения политэкономии, Ee и Sj можно рассматривать как соотношение производственных сил и производственных отношений; такой подход «теплее», но и он не будет в полной мере отражать значение этих величин. Понятия политэкономии и Экономикса в данном случае являются одними из основных составляющих Ee и Sj, но недостаточными для их определения.

Отметим, что на нашем графике независимую переменную (причину) отражает вертикальная ось, а зависимую (следствие) горизонтальная. Т.е. ключевым параметром, определяющим общественное развитие, является экономическая эффективность, именно она обуславливает потенциально достижимый уровень прав и свобод в обществе. В этом вопросе обнаруживается редкостное единодушие. Ницше, далекий от теоретической политэкономии, указывал: «Вы будете всегда иметь только такую мораль, которая соответствует вашим силам»⁷². Это был ответ на вопрос-утверждение Экономикса: «Равенство — это высшее благо; чем богаче мы становимся, тем больше равенства мы можем себе позволить»⁷¹. К. Маркс, утверждая примат материалистических основ, констатировал: «Не сознание людей определяет их бытие, а наоборот — их общественное бытие определяет их сознание...»⁷⁴ Экономикс изучает исключительно экономическую эффективность, как основную движу-

* В экономике существует несколько механизмов определения его состояния, в частности кривая Лоренца, коэффициент Джини, децильный коэффициент, доля ВВП, перераспределяемая государством (в том числе на социальные цели). Но в данном случае подразумевается более обобщающее понятие.

21

щую силу развития общества, и именно с этих позиций в итоге так же приходит к рассмотрению проблем социальной справедливости. Политологи, в свою очередь, уже давно отмечают зависимость между уровнем экономического развития и последующей политической организацией общества⁷⁵.

Объединим теперь эти две силы на графике, а затем разместим на нем уровни развития общества. Для примера обозначим три из них, известных нам еще со школьной скамьи: рабовладельческий, феодальный, капиталистический.

Предельные соотношения социальной справедливости и экономической эффективности

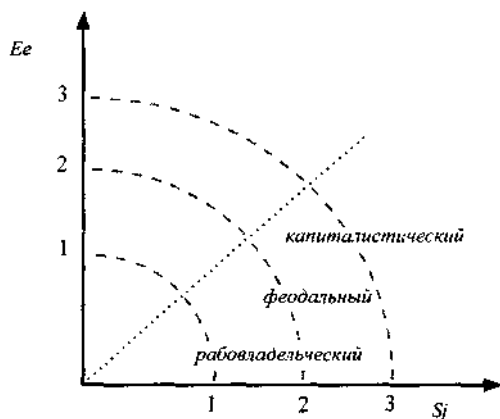

График демонстрирует, что зависимость экономической эффективности от социальной справедливости носит обратный характер — т.е. чем выше один показатель, тем ниже другой. На причину такой зависимости указывает А. Окун: «Погоня за эффективностью обязательно приводит к неравенству. А следовательно, общество стоит перед выбором: равенство или эффективность»⁷⁶. Экономикс своим вопросом-утверждением: «В конечном счете некоторые свободы могут быть более важны, чем свобода каждого человека от нужды»⁷⁷ показывает другую сторону проблемы.

Кроме этого можно заметить, что график имеет выпуклый вид. Почему? — из предположения, что все общественно-политические процессы рано или поздно достигают насыщения и естественного сопротивления, в противном случае человечество уже давно бы пошло в разнос и прекратило свое существование.

Какие же естественные ограничения имеет общественная система? Во-первых, как мог заметить читатель, в крайних точках графика человеческое общество вообще не может существовать. «Война всех

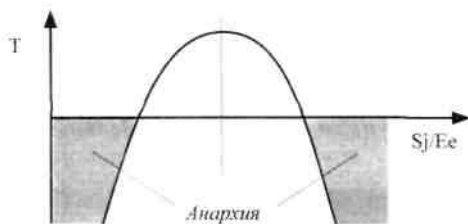
22

против всех» — естественное состояние капиталистического общества, утверждал один из его теоретических основоположников — Гоббс. Господство абсолютного личного интереса неизбежно доводит эту войну до всеобщего истребления. С другой стороны, социальное общество так же неизбежно обречено на деградацию и вымирание, поскольку будет тратить все получаемые ресурсы не на развитие, а на обеспечение выживания все увеличивающегося количества своих членов. В конечном итоге доступные ресурсы будут проедены, и человечество вымрет от голода.

Другими словами, в случае превалирующего развития одного из показателей происходит нарушение баланса, и время — (Т) стабильного существования системы резко сокращается. Эта зависимость носит параболический характер.

В крайних секторах графика государство и общество вообще не могут существовать, это состояние отражает отрицательное значение времени (Т) на графике. Время в данном случае действительно течет вспять — происходит саморазрушение общества и государства. Назовем это состояние «Анархией», как понятия, наиболее близкого по смыслу. Вико и Плутарх называли это состояние «Хаосом».

Зависимость S_j и E_e от времени — T

Минимальное значение социальной справедливости — S_j характеризуется состоянием полной, максимальной свободы, не сдерживаемой никакими моральными ограничениями, и одновременно максимальной экономической эффективностью. С другой стороны, минимальное значение экономической эффективности — E_e , характеризуется максимальным уровнем социальной справедливости (социального равенства). Нетрудно заметить, что мы имеем дело с идеологическими понятиями — в первом случае либерализма, в другом коммунизма.

Примечательно, что несмотря на прямо противоположные цели идеологических течений — либерализма и коммунизма — их радикальные формы постулируют отрицание государства. Либерализм возводит свободу личности, ее «естественных прав и свобод» в абсолют и ставит ее выше любых государственных ограничений. Его идея воплотилась

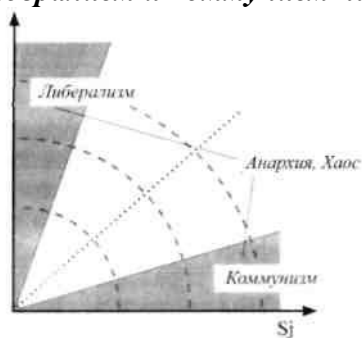
23

в принципе «laissez faire» — «оставьте (экономическую систему) в покое»*. В политику этот принцип внес маркиз д'Аргесо, который в 1753 г. определял: «Чтобы управлять лучше, надо управлять меньше». Эта точка зрения пришла в американскую политическую философию с высказыванием Т. Джефферсона: «Управляемое меньше есть управляемое лучше» («the least governed are the best governed»), Адам Смит в «Богатстве народов» (1776) дал научное обоснование этой экономической политике, сформулировав доктрину «невидимой руки»: при отсутствии государственного регулирования люди, удовлетворяя свои потребности, ведут экономическую деятельность, будто направляемы невидимой рукой, с максимальной пользой как для своего собственного, так и для общественного благополучия. Г. Уэллс отмечал: «Враждебный государству индивидуалист не приемлет ни таможенных тарифов, ни границ, ни каких-либо других ограничений»⁷⁸.

Ленин в свою очередь утверждал один из ключевых постулатов марксизма в своей работе «Государство и революция» следующим образом: «Пока есть государство, нет свободы. Когда будет свобода, не будет государства...» Вся коммунистическая идеология была направлена на слом государственной машины, как орудия угнетения. Коммунистическая идеология отличалась от анархических теорий У. Годвина, М. Штирнера, П. Прудона, М. Бакунина, П. Кропоткина... только сроками и методами достижения.

Таким образом на нашем графике мы можем указать сектора, соответствующие идеологии радикального либерализма и коммунизма, которые совпадают с состоянием «Анархии» в обществе.

Либерализм и коммунизм на графике предельных соотношений

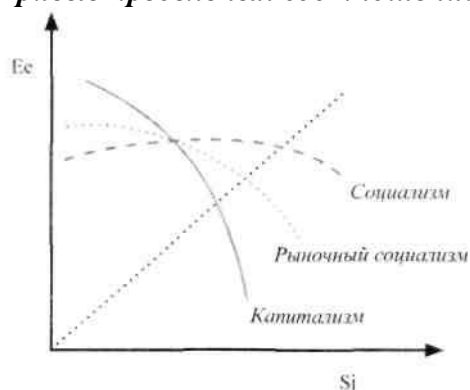

* Авторство этого изречения приписывается французскому купцу Лежандру (1680 г.). Оно было обращено к тогдашнему французскому правительству, которое сдерживало промышленность и торговлю чрезмерным регулированием, и гласило — если хотите развивать коммерцию и промышленность, «оставьте ее в покое».

Однако не только устойчивость системы является критерием выбора оптимального соотношения между E_e и S_j , здесь в силу вступают политэкономические законы. И именно поиск баланса между социальной справедливостью и экономической эффективностью является основным вопросом политэкономии. Философию этого баланса определил еще Парацельс, указав, что: **«Все есть яд и все есть лекарство, тем или другим его делает лишь доза».**

Приведенные рассуждения касаются как условий «капитализма»*, так и «социализма»**; отличие состоит в изменении комбинации составляющих и их взаимосвязей. Это не приводит к изменению самой сути теории, а выражается в изменении угла наклона «социалистической» кривой по отношению к «капиталистической». В качестве наглядного примера можно привести еще общественную организацию, предложенную творцом немецкого послевоенного экономического чуда Л. Эрхардом, которую он назвал «социальное рыночное хозяйство»⁷⁹, или «рыночный социализм».

Кривые предельных соотношений для капитализма и социализма

* А. Смит не использовал термин «капитализм», он описывал то, что он называл «обществом абсолютной свободы». Ни в «Коммунистическом манифесте», ни в «Капитале» Маркс не использовал термина «капитализм»; он употребил его только в своей переписке в 1877 г. Оксфордский словарь относит первое использование термина «капитализм» как условие владения капиталом — Теккереем в 1854 г. Для обозначения экономической системы термин был впервые использован в 1884 г. Дзу в книге «Лучшие времена».

** Термин «социализм» ввел французский мыслитель Пьер Леру в 1834 году, а «коммунизм» — француз Этьен Кабе в 1840-м.

25

ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Мы определили силы развития и методику их исследования, но и этого недостаточно, чтобы приступить к поиску «исторической истины». Не менее, а может, еще и более важным является знание законов развития. Но откуда их взять? Направление поиска оставил К. Маркс, который утверждал: *«Закон действует только как тенденция, влияние которой явственно выступает только при определенных обстоятельствах и в течение продолжительных периодов времени».* Ф. Энгельс развивал мысль: *«Все экономические законы являются лишь выражением прокладывающих себе путь и взаимно перекрещивающихся тенденций»*⁸⁰. Т.е., согласно классикам марксизма, все человеческое развитие однозначно определяется действием строго определенных тенденций. Даже случай Маркс подчинил действию своих законов. Отмечая роль случая в истории, он указывал, что «необходимость прокладывает себе дорогу через бесконечное количество случайностей».

Такой жесткий материализм — своего рода исторический фатализм — вызывает у многих стойкий пессимизм. Мол, историей и так все предрешиено, а

происходит лишь то, что должно было случиться. О. фон Бисмарк по этому поводу писал: «Историческая логика еще строже в своей проверке, чем наши счетные палаты»⁸¹.

Не случайно с конца XIX в. историзм подвергался ожесточенной критике В. Дильтеем, Б. Кроче, Г. Риккертом, К. Ясперсом и др., которые ставили под сомнение возможность установления законов развития общества. Появились альтернативные теории, первыми из них стали расовые и социальные, утверждавшие, что носителями человеческого развития являются только избранные нации или классы. Позже возникли другие теории, например, Леопольда фон Ранке, одного из основателей историографии, который утверждал, что история развивается не на основе закономерностей, а как «неповторимая цепь событий»⁸²; Гегеля полагавшего, что история развивается помимо воли людей, под действием «мирового духа». В 30-х годах XX века появилась теория сравнения «живого с живым» В. Шубарта*. Во второй половине XIX века с подачи Миртова (Лаврова) в России приобрело широкое распространение учение о «критически мыслящей личности» как основном факторе прогресса⁸³. В Германии в то же время получили популярность идеи Ницше, обуславливавшие человеческое развитие «волей к власти»⁸⁴. Начало XX века дало толчок теориям, определявшим ускоренное развитие экспортом либеральной или социальной «революции».

* В. Шубарт: «Если какой-нибудь народ хочет познать себя, для этого он имеет разные возможности; наиболее неподходящим я считаю самый распространенный метод — исторический. Народ не может познать себя, заглядывая в свою историю, поскольку он не будет выводить объяснения настоящего из прошлого, а наоборот: будет из близкой перспективы заглядывать вглубь с неосознанным желанием санкционировать прошлым настоящее. Тем самым прошлое затемняется, и настоящее остается непонятым». (Шубарт В... С. 41).

26

«Либералы середины XX в. искали свои пути противодействия теории "исторической неизбежности". Они апеллировали к единственному, что оставалось в их распоряжении, — тезису о непредсказуемости технологического прогресса. Тем самым они отказывались признать то, что казалось тогда очевидным, — неизбежность смены рыночной демократии централизацией и тоталитаризмом»⁸⁵.

Классик современного либерализма Ф. Хайек в своей книге «Дорога к рабству» отрицал возможность объективного познания мира, поскольку невозможно «найти рациональное объяснение силам, механизм действия которых в основном от нас скрыт...»

Важнейшим этапом либерального противостояния «железным законам» стала книга К. Поппера «Нищета историзма», главная идея которой — доказательство невозможности прогноза истории человечества на основе научных или иных рациональных методов». (Там же.)

Радикально-либеральная концепция противопоставляет историзму утверждение, что двигающие историю законы сугубо субъективны и индивидуалистичны — человек сам творец своего счастья. Она полностью, либо избирательно отрицает причинно-следственные связи свершающихся событий. На философском языке ее главенствующий принцип звучит, как «сознание определяет бытие», на религиозном — как «верховенство духа над миром». Исходя из этого принципа, либералы оценивают исторические события, сводя все движущие силы истории к той или иной идеологии и особенностям личностей, народов, партий и классов. В. Шубарт доводил принцип либерализма до его логического конца: «Расы и народы являются носителями судеб мира, влияние же окружающей среды, природы, климата, национальной истории не имеет большого значения... Пестрота истории объединяется у них сменой наций, из которых каждая в свой черед берет свое лидерство»... «Расовая теория принуждает к

зоологическому пониманию истории, когда на судьбы человеческой культуры смотрят с точки зрения биологического вида»⁸⁶.

Здесь происходит странная метаморфоза, материалистичный теоретический марксизм на практике впадает в идеализм — изучая объективные законы развития, он стремится построить идеалистическое будущее. С другой стороны, идеалистический либерализм на практике оборачивается радикальным материализмом — ставя в основу развития принцип идеалистического индивидуализма, он на практике строго следует самым жестким формам социализма и националдарвинизма. Создается ощущение, что крайние течения либерализма и коммунизма ищут опору для себя в своих противоположностях. И это закономерно...

Ведь правы и не правы оказываются как сторонники, так и критики «голового» материализма или индивидуализма. Наивно было бы отрицать роль личности в истории, но ведь ее возможности ограничены объективными тенденциями развития общества. «Железный канцлер» О. Бисмарк писал в свое время историку Г. Кинкелю: «Я не настолько самоуверен, чтобы считать, что наш брат политик может делать историю. Моя задача состоит в том, чтобы наблюдать за ее течениями и вести свой корабль наилучшим образом. Руководить течениями я не в состоянии, еще менее — вызывать их»⁸⁷.

27

В. Кожин отмечал, что индивидуальный выбор всегда проявляется только в виде реакции на внешний вызов, который проявляется как следствие взаимодействия тех или иных тенденций развития. Ни личность, ни общество не могут изменить направление тенденций. В человеческих силах лишь в определенных пределах ослабить негативные тенденции и усилить позитивные, «подталкивать» тенденции в нужном направлении. Для того, чтобы более или менее радикально изменить тенденции, необходима кропотливая, длительная, целенаправленная работа нескольких поколений. Она может быть значительно ускорена соответствующим воздействием извне системы или адаптивным изменением самой системы. Справедливо и обратное — негативное внешнее воздействие, впрочем, как и внутреннее, может перечеркнуть усилия целых поколений. Отдельные тенденции вообще не поддаются сколько-нибудь реальному изменению или корректированию, их можно только с большим или меньшим успехом компенсировать. Эти тенденции можно принять как условно постоянные; к ним относятся, например, климат и география.

Об этом же писали Маркс и Энгельс: «Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки... **Мы делаем нашу историю сами**, но, во-первых, мы делаем ее при весьма определенных предпосылках и условиях. Среди них экономические являются в конечном счете решающими. Но и политические, и т.п. условия, даже традиции, живущие в головах людей, играют известную роль, хотя и не решающую»⁸⁸.

Здесь мы подошли к вопросу: какие факторы определяют тенденции? Имея в виду силы, действующие на развитие общества, можно сформулировать следующее определение: **«Политэкономические тенденции формируются под воздействием природно-географических факторов, исторической наследственности, окружающих условий и целенаправленной человеческой деятельности».**

Говорят, история повторяется... Действительно, изучая историю, мы видим в настоящем, в новой форме, повторение прошлого. Эти справедливые утверждение и наблюдение основаны на том, что тенденциям присущ волновой характер. Примером социально-экономических волн могут являться демографические

волны, которые с упорным постоянством повторяются каждые 20-25 лет на протяжении жизни нескольких поколений. К ним же можно отнести и бизнес-циклы, и циклы Кондратьева... Волны тенденций обладают свойствами, хорошо знакомыми нам из физики, — в зависимости от условий они могут носить затухающий или, наоборот, возбуждающийся характер. Встречаясь, они могут либо взаимно гасить друг друга, либо, наоборот, резонировать. Именно встречаясь и накладываясь друг на друга, волны тенденций формируют исторические, политэкономические события и процессы.

28

ТЕОРИЯ В ДЕЙСТВИИ. УРОКИ ИСТОРИИ

29

Наше исследование мы начнем с поворотного 1917-го года, в котором как в зеркале отразились тенденции русского общества, которые накапливались и развивались на протяжении всей русской истории и которые в итоге привели к Русской революции. Для их понимания нам необходимо отвлечься от «революционной символики» и, следовательно, обратиться к тем непосредственным свидетелям событий, которых невозможно заподозрить в приверженности к большевистским идеям, представлявшим разные слои общества, обладавшим выдающимися способностями и необходимой полнотой информации. В их устах мертвый исторический факт превращается в живой дух того времени. Не меньший интерес представляет взгляд на Россию иностранных свидетелей событий — это единственная возможность взглянуть на себя со стороны, «увидеть свое отражение в зеркале мировой истории». Дополнив эту палитру работами ученых и исследователей истории, мы можем получить картину прошедших дней и выявить тенденции, двигавшие развитием русского общества.

Не делайте поспешных выводов; придя в начале книги к одному мнению, вы можете полностью переменить его к ее концу. Не ищите однозначных или простых ответов на сложные вопросы, их нет и не может быть. Противоречивость жизни естественна и объективна. Однозначных ответов нет и потому, что автор исследует, а не защищает чьи-либо интересы. Хотя порой может показаться, что автор предвзято относится к тому или иному вопросу, на самом деле он не имеет ни малейшего намерения возбудить или усилить какую-либо националистическую, государственную, социальную или классовую вражду. Точно так же он не желает становиться обвинителем или защитником каких-либо политических сил.

Целью книги является способствовать, насколько это возможно, углублению понимания тенденций исторического развития, учету ошибок прошлого и послужить тем самым дальнейшему совершенствованию человеческого общества.

30

ПО ПУТИ ЗАПАДА — ЗА СВОБОДУ И ДЕМОКРАТИЮ

Русская буржуазная революция 1917 года

Я не устаю повторять, чтобы вывести здешний народ из ничтожества, требуется все уничтожить и пересоздать заново... Если народ живет в оковах, значит, он достоин такой участи; тиранию создают сами нации. Или цивилизованный мир не позже чем через пять десятков лет опять покорится варварам, или в России совершится революция куда более страшная, чем та, последствия которой до сих пор ощущает европейский Запад⁸⁹.

Создание русского государства на обширных, труднодоступных, малонаселенных и многонациональных территориях с жесткими климатическими условиями требовало сильной централизованной власти, способной сохранить единство страны и обеспечить изъятие необходимых ресурсов для ее существования и развития. «Кто создал Российскую империю так, как она была еще десять лет тому назад? Конечно, неограниченное самодержавие, — утверждал С. Витте. — Не будь неограниченного самодержавия, не было бы Российской великой империи. Я знаю, что найдутся люди, которые скажут: "Может быть, но населению жилось бы лучше". Я на это отвечаю: "Может быть, но только может быть". Но несомненно то, что Российская империя не создалась бы при конституции, данной, например, Петром I или даже Александром I»⁹⁰.

Но «в конце XIX и в начале XX века нельзя вести политику Средних веков, — указывал бывший премьер, — когда народ делается, по крайней мере в части своей, сознательным, невозможно вести политику явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства. Политики и правители, которые этого не по-

31

нимают, готовят революцию, которая взрывается при первом случае, когда правители эти теряют свой престиж и силу... Вся наша революция произошла от того, что правители не понимали и не понимают той истины, что общество, народ движается. Правительство обязано регулировать это движение и держать его в берегах, а если оно этого не делает, а прямо грубо загораживает путь, то происходит революционный потоп»⁹¹. «Если бы Государь, — продолжал Витте, — сам, по собственной инициативе сделал широкую крестьянскую реформу в духе Александра II, сам, по собственной инициативе дал известные вольности, давно уже назревшие, как, например, освободил от всяких стеснений старообрядцев, смело стал на принцип веротерпимости, устранил явно несправедливые стеснения инородцев и пр., то не потребовалось бы 17 октября. Общий закон таков, что народ требует экономических и социальных реформ. Когда правительство систематически в этом отказывает, то он приходит к убеждению, что его желания не могут быть удовлетворены данным режимом; тогда в народе экономические и социальные требования откладываются и назревают политические требования как средство для получения экономических и социальных преобразований. Если затем правительство мудро не реагирует на это течение, а тем более если начинает творить безумие (японская война), то разражается революция. Если революцию тушат (что мной и моими сотрудниками было сделано — созыв Думы), но затем продолжают играть направо и налево, то водворяется анархия»⁹².

Опыт представительских учреждений в России, несмотря на непреложность сохранения принципа абсолютизма, имел свою историю. Если не углубляться в нее слишком далеко и начать с династии Романовых, то ее первый представитель Михаил Романов был избран в 1613 г. на царство Земским собором — институтом, подобным тогдашним западноевропейским парламентам*. Земские соборы сыграли немалую роль в судьбах России. Они, например, способствовали восстановлению российской государственности в Смутное время, созвали первое ополчение 1611 г., решили вопрос о воссоединении Украины с Россией в 1653 г. и т.д. Соборы дополняла Боярская Дума, которая носила законосовещательный характер и просуществовала, как и Соборы, вплоть до Петра I.

Реформы Петра Великого по европейскому образцу сменили Думу на Сенат, одновременно на место боярства был выдвинут новый высший класс — дворянство. Подобные реформы требуют времени больше, чем одна человеческая

жизнь. Новая аристократия, уже получив «глоток» западноевропейских веяний, тем не менее была еще слишком слабой, малочисленной, распыленной на огромных просторах и не могла служить опорой государства. Поэтому на протяжении всего XVIII века роль аристократии подменялась силой гвардии.

* Первый Земский собор был созван Иваном Грозным в 1550 г.

32

«Роль гвардии «как избирательного корпуса» настолько вошла в нравы, что участие гвардейцев в вопросе о престолонаследии сделалось для них, по меткому выражению Шильдера, «своего рода инстинктом». А. де Кюстин писал об образе правления в России, как «абсолютной монархии, умеряемой убийством». Однако все было не так просто. С. Соловьев по этому поводу указывал: «Во всех дворцовых переворотах в России в XVIII веке мы видим сильное участие гвардии; но из этого вовсе не следует, что перевороты производились преторианцами, янычарами по своекорыстным побуждениям, войском, оторванным от страны и народа; не должно забывать, что гвардия заключала в себе лучших людей, которым дороги были интересы страны и народа, и доказательством служит то, что все эти перевороты имели целью благо страны, производились по национальным побуждениям»⁹³. «Практика дворцовых переворотов, — по замечанию М. Покровского, — делала то, что люди становились республиканцами сами того не замечая»⁹⁴. Следует учитывать и то, что гвардия в своих переворотах опиралась на самую широкую социальную базу, не имевшую аналогов на Западе*.

В 1726 г. Екатерина I создала Верховный тайный совет, который после смерти Петра II избрал императрицей Анну Иоанновну, с условием принятия ею «кондиций», лишавших ее права единолично распоряжаться государственными финансами, вопросами войны и мира, жизнью и собственностью подданных⁹⁵. На базе «кондиций» был подготовлен и конституционный проект, по шведскому образцу, который был поддержан лидерами столичного и провинциального дворянства. Но в 1730 г. гвардия совершила очередной государственный переворот, вернувший Анне самодержавную власть⁹⁶.

Екатерина II в начале своего царствования создала нечто подобное Учредительному собранию — Комиссию по выработке нового Уложения (свода законов), *написанный российской императрицей в 1767 г. для Комиссии «Наказ» во Франции был запрещен к печатанию как сочинение, чересчур либеральное*. 21 апреля 1785 года (чуть позже американской «Декларации Независимости» и чуть раньше — французской «Декларации прав человека и гражданина») Екатерина II приняла аналогичный по содержанию документ. Назывался он «Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». Объем прав личности, закрепленный в этом документе, был не меньше, чем в упомянутых западных декларациях⁹⁷. Но дальше благих пожеланий дело не пошло.

* Социальный состав гвардейцев, посадивших на трон Елизавету: из дворян — 54 человека, из крестьян — 137, из однодворцев (особая категория государственных крестьян) — 25, из детей церковнослужителей — 24, из солдатских детей — 24, из бывших холопов и их детей — 14, прочие (бывшие монастырские служители, казаки, инородцы, посадские и купцы) — 30 человек. (Беспалов Ю. Г... С. 106-107.)

33

Незыблемость позиций абсолютизма в России обуславливалась тем, что он приходился на период становления Российской империи, сопровождавшийся ее быстрым ростом. В XVI-XVIII веках территория России увеличилась в несколько раз. Политика территориальной экспансии не была оригинальной, ей следовали все великие страны того времени. Отличие России состояло в том, что для нее естественная экспансия отягощалась дополнительной — вынужденной. России были необходимы выход к морям, защита южных земель от набегов кочевников,

отражение агрессий с Запада. Непрерывные войны требовали мобилизации власти и экономики в одних руках. В то время ими могли быть только «руки» абсолютного монарха.

Предложение проектов создания аристократической монархии активизировалось с началом XIX века — среди высшего сословия российского общества: в 1802 г. записка Сперанского, проект гр. Мордвинова... В 1808 появился первый проект «сверху», поддержанный Александром I. Он был подготовлен М. Сперанским по французскому образцу с сохранением абсолютной монархии. Позже в 1814 г. М. Сперанский переходит к английскому опыту и предлагает уже ограниченную аристократией монархию. В 1814 г. вышел и первый проект *республиканской* конституции «снизу», автором которого были представители высшей русской аристократии — члены тайного ордена «Русских рыцарей». При этом один из его основателей граф Мамонтов писал относительно монархии: «Щадить тиранов это значит ковать для себя оковы более тяжкие, нежели те, которые хотят сбросить»⁹⁸.

Наполеоновские войны привели к усилению в высшем обществе идей французской революции и, по мнению декабристов, к пробуждению самосознания русского народа*. М. Покровский отмечает: «В Германии, особенно в Италии и Испании, носителями либеральных идей являлись бывшие участники «освободительной» войны, и первые революционные движения 20-х годов почти всюду принимали форму военного восстания, как наше 14 декабря»⁹⁹. В 1816-1818 г. появились первые тайные организации декабристов — Союз Спасения, а затем Союз благоденствия. Его организационная форма была скопирована с прусского тайного общества «Тугендбунд»**. Конституциональные проекты

* Декабрист Якушкин: «Война 1812 г. пробудила народ русский к жизни и составляет важный период в его политическом существовании». Ал. Бестужев: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то русский народ впервые ощутил свою силу; тогда пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободомыслия на Руси». М. Покровский не без основания считал, что декабристы чересчур переоценивали «пробуждение русского народа», выдавая желаемое за действительное.

** Отличие состояло в том, что «Тугендбунд» требовал от своих членов-помещиков освобождение ими крестьян с землею, в уставе Союза благоденствия этого не было.

34

декабристов проходили по грани аристократической и буржуазной республики, в них звучали первые варианты отмены крепостного права, «права собственности на людей».

Ответом на восстание декабристов стало учреждение Третьего (жандармского) отделения, и в том же 1826 году по указу Николая I Сперанский представил первый официальный план освобождения крестьян и усиления роли земств. Но проект показался слишком либеральным для своего времени. В 1842 бывший покровитель декабристов Киселев выдвинул новый план, в основе которого лежал сильно урезанный проект Сперанского, но даже он был отвергнут, как чрезмерно либеральный. Только поражение в Крымской войне, последовавшие экономический и политический кризис вынудили Александра II приступить к осуществлению либеральных реформ.

«Освобождение» крестьян вызвало всплеск эмоций: «Говорят, что в Петербурге боятся пуще всего Земской думы; опасаются, что с нею начнется революция в России, — писал в 1862 году Бакунин. — Да неужели же там в самом деле не понимают, что революция давно началась... вопрос не в том, будет или не будет революция, а в том: *будет ли исход ее мирный или кровавый?*.. В 1863 году быть в России страшной беде, если царь не решится созвать всенародную Земскую думу...»¹⁰⁰ Весной 1863 г. в разгар польского восстания Валуев предложил проект «съезда государственных гласных», некоего сильного

урезанного пропарламента при Государственном совете. Но, — как пишет М. Покровский, — польская угроза 1863 г. миновала, а «общество задаром, без всяких конституционных подачек, обнаружило такой "патриотизм", что Александр II и его министры быстро успокоились».

Дальнейшее политическое развитие России определялось становлением капитализма и его законами, экономические кризисы вели к обострению политической борьбы, как со стороны буржуазии, так и только что народившегося пролетариата. Мировой кризис, совпавший с аграрным и экономическим кризисами, последовавшими за русско-турецкой войной, привел к появлению *стачечного движения* 1878-1879 годов, «налицо оказывалась масса безработных или недорабатывающих, масса озлобленных и не видящих выхода из своего положения...»¹⁰¹ Министр внутренних дел Лорис-Меликов в 1881 г. предложил проект создания прообраза Думы — созыва представителей земств для сотрудничества с Государственным Советом. Убийство Александра II и углубление экономического и политического кризиса привело к усилению реакции и изданию фабричных законов 1882-1886 гг., направленных, по определению министерства внутренних дел, против «*произвола фабрикантов*»¹⁰², что ослабило давление пролетариата. В свою очередь бурный экономический рост, начавшийся в конце 1880-х годов, снизил политическую активность либеральной буржуазии. Рабочее движение

35

в тот период развивалось в основном в экономическом и политическом направлениях. Перелом наступил с промышленного застоя 1900-1903 гг. Начавшиеся массовые банкротства и увольнения привели к революционизации — как буржуазии, так и пролетариата. Именно «в 1903 году наиболее активные действия земской оппозиции... выявили свои цели — свержение самодержавия и созыв Учредительного собрания...»¹⁰³

По мнению Воейкова, «6 ноября 1904 года можно считать штурмовым сигналом для активной работы общественных деятелей по захвату государственной власти, так как съехавшиеся в Москву представители земств в этот день приняли первую объединенную резолюцию с требованием политической свободы и народного представительства»¹⁰⁴. Копившееся в обществе напряжение выплеснулось после поражения России в русско-японской войне 1904-1905 гг. в виде Первой русской революции. Во главе революции встала аристократия: «Дворянство, несомненно, хотело ограничения государя, но хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним... — указывал Витте. — Кто, если преимущественно не дворянство, участвовал во всех съездах так называемых земских и городских представителей в 1904 и 1905 гг., требовавших конституцию, систематически подрывавших всякие действия царского правительства и самодержавного государя... К этому движению пристала буржуазия, и в особенности торгово-промышленная. Морозовы и другие питали революцию своими миллионами»¹⁰⁵.

В программе торгово-промышленного съезда, представлявшего богатейших промышленников России в июле 1905 г., говорилось: «Русские торговцы и промышленники, не видя в существующем государственном порядке должной гарантии для своего имущества, для своей нормальной деятельности и даже для своей жизни, не могут не объединиться на политической программе с целью содействовать установлению в России прочного правопорядка и спокойного течения гражданской и экономической жизни». Главным требованием было принятие конституционно-монархической системы правления¹⁰⁶. Съезд бизнес-элиты общества был запрещен правительством, а у его руководителей проведены обыски.

Другая политическая группа — либеральных демократов из мелкой

буржуазии и либеральной интеллигенции — в лице съезда Союза союзов в те дни приняла воззвание Милюкова: «Мы должны действовать, как кто умеет и может по своим политическим убеждениям... Все средства теперь законны против страшной угрозы (катастрофы), заключающейся в самом факте дальнейшего существования настоящего правительства... Мы говорим: всеми силами, всеми мерами добивайтесь немедленного устранения захватившей власть разбойничьей шайки и поставьте на ее место Учредительное собрание...»¹⁰⁷

36

Наибольшим радикализмом отличалась пресса. Лидер либералов П. Милюков отмечал в мемуарах: «Витте решил, что пресса сошла с ума и «деморализована» и что «опереться на нее невозможно»¹⁰⁸. Витте вспоминал, что он «поразился необузданности прессы при существовании самого реакционного цензурного устава. Пресса начала разнуздываться еще со времени войны; по мере наших поражений на востоке пресса все смелела и смелела. В последние же месяцы, еще до 17 октября, она совсем разнузданась, и не только либеральная, но и консервативная. Вся пресса обратилась в революционную, в том или другом направлении, но с тождественным мотивом «долой подлое и бездарное правительство, или бюрократию, или существующий режим, доведший Россию до такого позора»¹⁰⁹. По словам Великого князя Александра Михайловича, «...рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или писателе, артисте или музыканте, художнике или инженере судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не ходить далеко за примерами, достаточно сослаться на печальный личный опыт философа В.В. Розанова, публициста М.О. Меньшикова и романиста Н.С. Лескова»¹¹⁰.

Но пресса отражала лишь общее настроение в стране, положение в которой рисовал сам Витте: «Можно без всякого преувеличения сказать, что вся Россия пришла в смуту и что общий лозунг заключался в крике души «так дальше жить нельзя!» — другими словами, с существующим режимом нужно покончить»¹¹¹.

17 октября под давлением Витте Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». В основу манифеста легли два положения: дарование законодательных прав Государственной Думе и дарование свободы слова, собраний, совести и неприкосновенности личности. Манифест обещал «принятие мер к скорейшему прекращению опасной смуты... действительное участие (Думы) в надзоре» за властями и даже привлечение к выборам в Думу классов населения, «совсем лишенных избирательных прав», а в перспективе — «дальнейшее развитие общего избирательного права вновь установленным законодательным порядком»!¹¹²

Одновременно был опубликован доклад Витте «О мерах к укреплению единства деятельности министров и главных управлений», которым, в сущности, создавался Кабинет министров. В этом докладе (с высочайшей надписью «Принять к руководству») в частности говорилось: «Волнение, охватившее разнообразные слои русского общества, не может быть рассматриваемо как следствие частичных несовершенств государственного и социального устройства или только как результат организованных крайних партий... Корни того волнения залегают глуб-

37

же. Они в нарушенном равновесии между идейными стремлениями русского мыслящего общества и внешними формами его жизни. Россия переросла форму существующего строя и стремится к строю правовому на основе гражданской свободы...»¹¹³

Вебер оценивал Манифест 17 октября 1905 г. как полное поражение

монархии: «Дав урезанную, выхолощенную конституцию, самодержавие стало ее заложником и потеряло свою силу, не приобретя ничего взамен. Отныне оно могло только ухудшать ситуацию, но не имело возможности ее улучшить. Оно не в состоянии предпринять попытку разрешения какой угодно большой социальной проблемы, не нанося себе при этом смертельный удар»¹¹⁴. Для Великого князя Александра Михайловича уже сам факт появления манифеста означал конец монархии: «Интеллигенция получила наконец долгожданный парламент, а русский царь стал пародией на английского короля — и это в стране, находившейся под татарским игом в год принятия Великой хартии вольностей... Это был конец! Конец династии, конец империи!»¹¹⁵.

Однако самодержавие сдаваться не собиралось, и тот хрупкий компромисс между монархией и обществом, который абсолютизм предложил в виде Манифеста, мог полностью или частично рухнуть в любой момент. Не исключался вариант, что этот компромисс мог продлиться еще полстолетия. Аналогичная ситуация, например, произошла с крепостным правом, де юре ликвидированным в 1861, а на деле просуществовавшим до Первой русской революции, когда были отменены выкупные платежи и начата земельная реформа.

На возможность такого развития событий указывал С. Витте: «...Интеллигентная часть общества впала в своего рода революционное опьянение не от голода, холода, нищеты и всего того, что сопровождает жизнь 100-миллионного непривилегированного русского народа, или, точнее говоря, голодных подданных русского царя и русской державы, а в значительной степени от умственной чесотки и либерального ожирения... в то опьянение, которое страшно испугало имущих и по непреложному закону вызвало страшную реакцию, когда явились все эти обстоятельства, которые вызвали в глубине души сожаление, для чего я подписал 17 октября, то явилась попытка если не аннулировать напрямик, то по крайней мере косвенными путями (не мытьем, так катаньем) стереть или протереть 17 октября»¹¹⁶. «Дворянство увидело, что ему придется делить пирог с буржуазией — с этим оно мирилось, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате. Между тем последний для этих близоруких деятелей вдруг только в сентябре 1905 г. появился во всей своей стихийной силе. Сила эта основана и на численности и на малокультурности, а в особенности на том, что ему терять нечего. Он как только подошел к пирогу, начал реветь, как зверь, который не остановится, чтобы проглотить все, что не его породы. Вот когда дворянство и буржуазия увидели сего зверя, то они нача-

38

ли пятиться, т.е. начал производиться процесс поправления... Одним словом, дворянство сто лет добивалось конституции, но только для себя, и вся та часть дворянства, которая носит в себе только проглоченную пищу, а не идеи, когда она увидела, что конституция не может быть дворянской, явно или стыдливо тайно начала исповедовать идеи таких каторжников, а то и просто сволочи, как Дубровин, Пуришкевич и др.»¹¹⁷

С. Витте приводил пример того, что ожидали и к чему пришли торгово-промышленные круги в результате революции: «В 1906 г. во время страшного государственного финансового кризиса вследствие войны... Крестовников просил меня его принять... от имени московского торгово-промышленного мира. (Он) жаловался на то, что Государственный банк держит весьма высокие учетные проценты и просил приказать их понизить... я ему объяснил, что ныне понизить проценты невозможно... После такого моего ответа Крестовников схватил себя за голову и, выходя из кабинета, кричал: "Дайте нам скорее Думу, скорее соберите Думу!" — и как шальной вышел из кабинета. Вот до какой степени представители

общественного мнения не понимали тогда положения дел... представитель исключительного капитала воображал, что коль скоро явится первая Дума, то она сейчас же займется удовлетворением карманных интересов капиталистов. Все умеренные элементы, и в том числе колоссальный общественный флюгер — "Новое время" твердили: "Скорее давайте выборы, давайте нам Думу". Когда же Дума собралась и увидели, что Россия думает... то тогда эти умеренные элементы с умеренным пониманием вещей ахнули — и давай играть в попятную, чем занимаются и поныне»¹¹⁸. «Буржуазный попутчик революции, — подтверждает М. Покровский, — быстро отстал и прибег даже снова к весьма оригинальной форме правительственного "воспособления", арендуя на льготных условиях казенные пулеметы для защиты своих имений»¹¹⁹. Те, кто был побогаче, нанимал для охраны поместий подразделения казаков.

Либералы в свою очередь восприняли Манифест за слабость царской власти и усилили свое давление на нее. Кадеты попытались даже объявить правительству Витте экономическую войну, изо всех сил стараясь сорвать получение им французского кредита, без которого Российская империя после русско-японской войны становилась банкротом. С требованием не давать России займов кадеты обращались непосредственно к правительству и президенту Франции¹²⁰. С. Витте вспоминал: «Господа кадеты, узнав о старании моем совершить заем, действовали в Париже, дабы французское правительство не соглашалось на заем ранее созыва Государственной Думы...»¹²¹ Кадетов поддержала европейская «прогрессивная общественность», которая была возмущена подавлением российской революции. В Англии царя величали «обыкновенным убийцей», а Россию провозглашали «страной кнута, погромов

39

и казенных революционеров». Во Франции газеты вопрошали «Давать ли деньги на поддержку абсолютизму?», а парламент предлагал заем дать, но не правительству, а Думе — пусть она диктует царю свои требования.

Витте пытался заручиться поддержкой либеральной общественности для стабилизации ситуации, но... «Не помогла тут ни частная телеграмма Витте... с призывом к «патриотизму» общественных деятелей, ни поддержка князя Долгорукова, считавшего, что «надо подать руку помощи Витте». Это был голос... вчерашнего дня. Так далеко большинство съезда (кадетов) идти не могло, не теряя лица», — вспоминал их лидер П. Милюков¹²². Витте, практически заставивший царя подписать Манифест, не найдя поддержки даже в своей собственной пробуржуазной среде, был обречен. И не только Витте... Первая русская революция стала неизбежностью. В отчаянии накануне 9 января 1905 г. (день начала первой русской революции) в интервью «Дейли ньюс» Витте заявил, что «русскому обществу, недостаточно проникнутому инстинктом самосохранения, нужно дать хороший урок. Пусть обожжется; тогда оно само запросит помощи у правительства». По мнению Милюкова, «это уже отзывало сознательной провокацией...»¹²³ Но Витте был здесь ни при чем, он лишь констатировал результат революционного обострения почти столетнего противостояния монархии и либералов как уже, по сути, свершившийся факт...

Однако несмотря на революцию, наступившую реакцию и радикализм обеих сторон, поле для компромисса между ними еще оставалось. Этим полем стала Дума*. Выборы в I Государственную Думу 1906 г. были ограничены сословно-имущественным цензом — 1 голос помещика" приравнивался к 3 голосам городской буржуазии, 15 голосам крестьян и 45 рабочих***. Выборы были еще к тому же и сословно-многоуровневыми; например, для 26 крупнейших городов двух-, а для крестьян — четырехуровневыми. Милюков указывал по этому поводу: «Выборы двухстепенные или многостепенные теснее связывают представителя с его деревней; но это будет не представитель, а ходатай,

доступный влиянию и подкупу». Ключевский предостерегал, что сословность выборов «может быть истолкована в смысле защиты интересов

* С опубликованием акта о Думе автоматически прекращалась единственная «свобода», допущенная указом 18 февраля, — свобода публичного обсуждения преобразований старого строя.

** Ценз 100-500 десятин, в зависимости от региона, или владение недвижимостью на сумму свыше 15 тыс. руб.

*** От предприятий с 1000 человек работающих избирался один уполномоченный, свыше 1000 — один на каждую тысячу занятых. Права голоса не имели женщины, военные, полицейские, представители высшей губернской администрации, кочевники, учащиеся, осужденные или находящиеся под следствием, лишенные сана или исключенные из общины и дворянских собраний.

40

дворянства. Тогда восстанет в народном воображении мрачный призрак сословного царя. Да избавит нас Бог от таких последствий»¹²⁴. Выборы бойкотировали большевики, эсеры, многие крестьянские и национальные партии.

В итоге в 50 европейских губерниях землевладельцы представляли в губернских собраниях 32% всех выборщиков, крестьяне 42%, горожане 22% (без 26 крупных городов), рабочие — 3%*. Всего в I Думе «около 30% депутатов (из 450) были крестьянами и рабочими — намного больше, чем в парламентах других европейских стран. Например, в английской Палате общин в то время было 4 рабочих и крестьянина, в итальянском парламенте — 6, во французской палате депутатов — 5, в германском рейхстаге — 17»¹²⁵. Такой уклон в сторону крестьянства был сделан сознательно, власть считала крестьян опорой монархии.

Абсолютным победителем на выборах в I Думу стала кадетская партия. В январе 1906 г. партия Народной свободы (кадетов) была крупнейшей и насчитывала около 100 000 зарегистрированных членов¹²⁶. Член ЦК партии кадетов С. Муромцев стал председателем Госдумы, все его заместители и председатели 22 комиссий также были кадетами. Т.е. несмотря на социальный ценз, I Дума получилась полностью либеральной. Вполне закономерно, что П. Милюков настаивал на формировании чисто кадетского правительства. Однако такой резкий переход от абсолютной монархии к фактически буржуазной республике на практике был невозможен.

Неоднократные переговоры С. Витте с кадетами для нахождения компромисса закончились безрезультатно. Кадеты стояли на своем. Радикализм кадетов, строившийся на их уверенности в том, что, по словам П. Милюкова: «роспуска Думы боялись, как перед Европой, так и перед Россией», отметал все шансы на формирование переходного правительства. По мнению В. Коковцова, основной причиной провала I Думы был отказ кадетов от сотрудничества с властью. Такого же мнения был и В. Маклаков; им посвящена целая книга вопросу о кадетской и «милюковской» ответственности за пропущенный шанс мирной политической эволюции.

С. Булгаков характеризовал кадетскую Думу следующим образом: «Первая Государственная дума... обнаружила полное отсутствие государственного разума и особенно воли и достоинства перед революцией, и меньше всего этого достоинства было в руководящей и ответственной кадетской партии... и это неудивительно, потому что духовно кадетизм был поражен тем же духом нигилизма и беспочвенности, что и революция. В этом, духовном смысле кадеты были и остаются в моих

* Для Польши, Кавказа, Сибири и Средней Азии устанавливался особый порядок выборов.

41

глазах революционерами в той же степени, как и большевики»¹²⁷. Выводы о радикальной революционности кадетов подтверждали слова их лидера: «Когда Родичев сравнивал этот редкий орган (Думу) с иконой, разбить которую у власти не поднимется рука, он жестоко ошибался; его разбила рука подлинных "дикарей"

сверху. "Революционная волна" как будто отхлынула перед грубым насилием. Но это была только отсрочка, данная власти, и уже последняя», — пишет Милюков. И тот же В. Ключевский — даже вопреки своим настроениям — сделал из случившегося пророческий вывод: «Династия прекратится; Алексей царствовать не будет»¹²⁸.

Столкнувшись с маргинализмом кадетской партии, монархический режим, заведший российское общество в революционный тупик, встал перед выбором: смена правого правительства или роспуск Думы. Лидер октябристов А. Гучков, анализируя оба варианта, приходил к пессимистическим выводам: «В первом случае получим анархию, которая приведет нас к диктатуре; во втором случае — диктатуру, которая приведет к анархии. Как видите, положение, на мой взгляд, совершенно безвыходное. В кружках, в которых приходится вращаться, такая преступная апатия, что иногда действительно думаешь: да уж не созрели ли мы для того, чтобы нас поглотил пролетариат?»¹²⁹

Бенкендорф уже через месяц после созыва Думы заявлял, что ее разгон, как и правительства, в любом случае неизбежен; вопрос заключался лишь в форме: «Это министерство (Горемыкина) мне кажется осужденным: Дума в том виде, как она есть, рано или поздно — также... Но не теперешнее министерство может распустить Думу. Один факт, что это министерство возьмет на себя ответственность за эту меру, повлечет за собой, во-первых, материальную опасность, а затем выборы с еще худшими результатами... Мне кажется, что надо составить кабинет из либерального, но умеренного меньшинства этой Думы; он... имел бы бесконечно больше морального авторитета. Такой кабинет был бы при первом же голосовании оставлен в меньшинстве и мог бы приступить к роспуску с гораздо большими шансами на успех. Я не вижу другого способа избежать красной Думы или военной репрессии»¹³⁰.

Именно в то время на горизонте появляется Столыпин. За день до открытия I Думы Столыпин, зарекомендовавший себя в подавлении крестьянских волнений в бытность саратовским губернатором, был назначен Николаем II министром внутренних дел. По мнению П. Столыпина: «Для разрешения создавшегося кризиса возможны только два выхода... сформирование кадетского министерства или роспуск Думы в расчете, что новые выборы дадут более благоприятный состав. Если привести к власти министерство от партии к.-д., то оно неминуемо принуждено будет немедленно проводить в жизнь и осуществлять всю свою партийную программу полностью... Тогда левые партии неминуемо захлестнут кадет, выбросят их за борт и захватят власть в свои руки»¹³¹.

42

Камнем преткновения стал аграрный вопрос, за которым стояла стихийная сила крестьянства, представлявшая почти 80% населения России. Описывая расстановку сил в I Государственной Думе, С. Витте отмечал: «...Когда правительство уже Горемыкина явилось в Думу и сказало: «Земли ни в каком случае, частная собственность священна», — то тогда крестьянство пошло не за царским правительством, а за теми, которые сказали: «Первым делом мы вам дадим землю, да в придаток и свободу», т.е. за кадетами (Милюков, Гессен) и трудовиками»¹³². Кадеты призвали к конфискации казенных, монастырских и частично помещичьих земель. 1-я Дума была обвинена в разжигании смуты и распущена на 72-й день своего существования. В этот же день Столыпин был назначен председателем Совета министров. Первая Дума наглядно показала характер и позиции противостоящих сторон. Монархия проявила свой реакционный характер, до конца держась за свои феодальные привилегии; кадеты, в свою очередь, пытались провести давно запоздавшие пробуржуазные, прокапиталистические реформы революционным путем. А за всем этим стояла темная «стихийная сила», составлявшая основу царизма и сохраняемая им в

глубоком феодализме, которая, не понимая ни тех ни других, требовала только одного своего — «земли и воли». В этих условиях, чтобы предотвратить новый социальный взрыв, Николай II пошел по пути полуреформ, полудиктатуры, полурепрессий.

Новая политика проявила себя уже при выборах во II Государственную Думу, где для формирования нужного ему состава Столыпин прибег к откровенному политическому террору против лидеров даже пробуржуазных партий. Так от участия в выборах было отстранено 120 из 169 возможных кандидатов в Думу от кадетов. Зато появились «союзы» Михаила Архангела, «русского народа» и т.д. Гучков нашел лозунг, объединивший представителей помещиков с «черной сотней», — «пламенный патриотизм»¹³³. По словам Витте, партия «черносотенцев»: «представляет собой дикий, нигилистический патриотизм, питаемый ложью и обманом; она есть партия дикого и трусливого отчаяния, но не содержит в себе мужественного и прозорливого созидания. Она состоит из темной, дикой массы, вожаков — политических негодяев, тайных соучастников из придворных и различных, преимущественно титулованных, дворян, все благополучие у которых связано с бесправием и лозунг которых «не мы для народа, а народ для нашего чрева». К чести дворян, эти тайные черносотенники составляют ничтожное меньшинство благородного русского дворянства. Это дегенераты дворянства, взлелеянные подачками (хотя и миллионными) от царских столов. И бедный государь мечтает, опираясь на эту партию, восстановить величие России»¹³⁴.

Однако Вторая Дума, несмотря на все усилия правительства, как и предсказывал Бенкендорф, оказалась гораздо левее Первой. Прави-

43
тельство получило всего пятую часть состава Думы. Кадеты, чей представитель Головин был выбран председателем Думы, стали еще более радикальными. Великий князь Александр Михайлович тогда писал: «Ники и его министры рассказывают мне о серьезности политического положения. Вторая Дума состоит из открытых бунтовщиков, которые призывают страну к восстанию»¹³⁵. И. Щегловитов: «Дума ничего более, как сборище жадных искателей своего личного благополучия. Все зиждется на достижении эгоистических в разных смыслах целей. О бескорыстном стремлении к осуществлению высших идеалов нет речи»¹³⁶. Лопухин: «Делового обсуждения законодательных предположений с правительством нет. Дума представляет собою революционный митинг. Думская трибуна обслуживает исключительно революционную пропаганду»¹³⁷.

По мнению П. Столыпина, в то время перед Государем были «три дороги — реакции, передачи власти кадетам и образования коалиционного министерства с участием общественных деятелей... Путь реакции нежелателен, кадеты скомпрометировали себя Выборгским воззванием*... остается третий путь, имеющий особенное значение ввиду предстоящих выборов. Задача правительства проявить авторитет и силу и вместе с тем идти по либеральному пути, удерживая Государя от впадения в реакцию и подготавливая временными мерами основы тех законов, которые должны быть внесены в будущую Думу»¹³⁸. Николай II поддержал начинание премьера и даже подыскивал подходящих кандидатов, но потерпел неудачу: «Вчера я принимал Львова и Гучкова, Столыпин им предлагал места министерские, но оба отказались. Также и Самарин, которого я видел два раза, — он тоже не желает принять место обер-прокурора! У них собственное мнение выше патриотизма вместе с ненужною скромностью и боязнью скомпрометироваться»¹³⁹. Предложения Столыпина об организации коалиционного министерства были так же отклонены представителями оппозиционных партий¹⁴⁰.

В. Маклаков находил причины отказа от сотрудничества в том, что

общественность «не хотела себя компрометировать *соглашением* с ним... Она хотела все делать *сама и одна*; пользы от соглашения с прежнею властью она не понимала»¹⁴¹. Либеральная оппозиция не верила в моментальное перерождение Николая II и имела для этого все основания. А. Гучков вспоминал о своей аудиенции у монарха: «Я ясно видел, что, несмотря на... вероятно, искреннее желание ввести нас в состав правительства, он настолько был убежден в том, что революционная волна окончательно схлынула..., что находил совершенно излишним какое-ли-

* Выборгское воззвание (10.07. 1906) группы депутатов-кадет к гражданам России с призывом не платить налоги и не служить в армии в знак протеста против роспуска 1-й Думы. Организаторы (167 человек) приговорены к трехмесячному заключению в тюрьму.

44

бо обновление внутренней политики». Н. Львов: «Между маленьким, почти игрушечным дворцом "Александрия" и ужасом русской жизни лежала целая пропасть»¹⁴².

В свою очередь общественные деятели разочаровали и царя: «Они не годятся в министры сейчас, — писал он о Гучкове и Львове. — Они не люди дела, т.е. государственного управления»¹⁴³. П. Столыпин отмечал, что: «Львов чрезвычайный фантазер и отвлеченный теоретик, которому необходимо дать в помощники опытного товарища»¹⁴⁴. В. Лопухин о лидере кадетов: «Книжник, теоретик был Милюков, оторванный от жизни. Человек мысли... человек свободно лившегося слова, человек пера. Но не дела! Не государственный человек!»¹⁴⁵ А. Кони «был крайне неприятно поражен тою легковесностью, с которою А. Гучков и Н. Львов говорили о важнейших вопросах... и довольно небрежно относясь к необходимости считаться с желаниями коренного русского народа... За словами моих собеседников я, к прискорбию, видел не государственных людей... а политиканствующих хороших людей, привыкших действовать не на ум, а на чувства слушателей не теоремами, а аксиомами»¹⁴⁶. Аналогичного мнения был и С. Крыжановский, по его словам, действительная причина отказа от сотрудничества «в убеждении как Государя, так и правительственных кругов в совершенном отсутствии общественных элементов, сколько-нибудь подготовленных к делу управления и способных отправлять обязанности власти. И последующие события показали, что они были правы»¹⁴⁷.

Причина отказа либеральных партий от сотрудничества очевидно крылась и в психологических особенностях революционеров. Революционеры нацелены, прежде всего, на разрушение старого строя, это психология разрушителей. Ее невозможно поменять в один момент, революционер в силу выработавшейся за долгое время привычки, менталитета борца будет идти до конца, пытаясь разрушить старый мир. Революционер не готов к созиданию, к нормальной государственной деятельности, он себя к ней не готовил. Именно в этом состоит трагедия революционеров, они становятся врагами общества на следующий день после победы революции. Революционеры до конца идут не за нуждами государства, а за своей партийной программой. Наглядную демонстрацию этому постулату давал сам лидер кадетов П. Милюков. «Едва ли не самым большим его недостатком, мешавшим ему стать государственным деятелем, — по мнению А. Тырковой, — было то, что верность партийной программе заслоняла от него текущие государственные нужды, потребности сегодняшнего дня. У него не было перспективы, он не понимал значения постепенного осуществления определенной политической идеологии. В этом умеренном, сдержанном, рассудочном русском радикале сидел максимализм, сыгравший так много злых шуток с русской интеллигенцией»¹⁴⁸. С другой стороны, победа революции не означает слома сопротивления побежденного класса, борьба на этом

45

не заканчивается, провоцируя революционеров на продолжение своей борьбы... Очевидно, что эти рассуждения скрывались за словами Столыпина, который «называл кадетов "мозгом страны"... и тут же грозил "вырвать кадетское жало" из страны»¹⁴⁹.

Кадеты, по наблюдениям А. Тырковой, «не сделали ни одной попытки для совместной с правительством работы в Государственной Думе»¹⁵⁰. «Как две воюющие армии, стояли мы друг перед другом», — писала она о правительстве и кадетской оппозиции¹⁵¹. Интересный в этом отношении факт вспоминал В. Гурко. В связи с открытием Государственной Думы Московская городская управа внесла предложение послать ей приветствие. «Против этого предложения гласные кадеты... решительно восстали, причем их лидер, профессор А. Мануйлов, не постеснялся в частной беседе объяснить городскому голове Н. Гучкову: "Вы ей желаете плодотворной работы. Нам нужно свалить правительство"»¹⁵². Характерен также пример обращения Столыпина к Думе с требованием высказать «глубокое порицание и негодование всем революционным убийствам и насилиям...» * Тогда вы снимете с Государственной Думы обвинение в том, что она покровительствует революционному террору, поощряет бомбометателей и старается им предоставить возможно большую безнаказанность». Столыпин упрашивал Милюкова: «Напишите статью, осуждающую убийства; я удовлетворюсь этим...» Милюков, лидер крупнейшей партии Думы, отказывался от осуждения революционных убийств, но в конце уступил на соломоновом условии: «Личная жертва, не противоречащая собственному убеждению, и взамен — прекращение преследований против партии, может быть, спасение Думы! Я поставил одно условие: чтобы статья была без моей подписи»¹⁵³. Партия кадетов не приняла «жертвы» своего лидера и отказала в публикации статьи...**

* О размахе политического терроризма говорят следующие факты: в 1901 г. были убиты министр народного просвещения и министр внутренних дел, в 1903 — уфимский губернатор. 2 апреля 1902 г. и 15 июля 1904 г. были убиты два министра внутренних дел. 4 февраля 1905 г. был убит московский генерал-губернатор, в 1906 — петербургский градоначальник. На Столыпина было совершено 10 покушений, при одном из них погибли 29 человек и 32 были ранены. С февраля 1905 по май 1906 г. при террористических покушениях погибли и были ранены 1273 человека, в том числе 13 генерал-губернаторов, губернаторов, градоначальников и их замов, более 800 полицейских всех уровней, около 20 генералов и офицеров, более 80 фабрикантов, банкиров и крупных торговцев и др., не считая жертв крестьянских восстаний и революции 1905-1907 гг. (Статистические данные о лицах, пострадавших при террористических актах с февраля 1905 по май 1906. (Рыбас С... С. 382.))

** Пройдет всего 10 лет, и сам Милюков окажется в аналогичной ситуации. Он как член Временного правительства будет упрашивать лидеров Совета «...написать воззвание, чтобы не делали насилий над офицерами...» «Сам Милюков, прославленный российской общественности вождь, сверхчеловек народного доверия!» (Шульгин В.В... С. 226.)

46

Не случайно, что С. Булгаков о II-й Государственной Думе был еще более категоричного мнения, чем о первой: «Это уличная рвань, которая клички позорной не заслуживает. Возьмите с улицы первых попавшихся встречных... внушите им, что они спасители России... и вы получите II Государственную Думу. И какими знающими, государственными, дельными представлялись на этом фоне деловые работники ведомств — "бюрократы"...»¹⁵⁴ Царь спрашивал: «Что же нужно делать, чтобы положить предел тому, что творится в Думе, и направить ее работу на мирный путь?» Коковцов отвечал: «Готовиться к роспуску Думы и к неизбежному пересмотру избирательного закона»¹⁵⁵. Последней каплей снова стал земельный вопрос. П. Столыпин сообщал Николаю: «Самым же серьезным является отношение большинства Думы к земельному вопросу, в котором не видно ни малейшего желания пойти навстречу серьезным предположениям и работе правительства. Вообще вся Думская работа последнего времени начинает приводить к убеждению, что большинство Думы желает разрушения, а не

укрепления Государства»¹⁵⁶. Усилия Столыпина, направленные на достижение компромисса между левыми и правыми, потерпели поражение. Не случайно, по словам В. Маклакова, роспуск II Думы был, не торжеством П. Столыпина, а победой над ним¹⁵⁷.

На этом закончилась Первая русская революция — государственным переворотом 3 июня 1907 года: разгоном II Думы и изданием нового избирательного «закона»¹⁵⁸. По мнению С. Витте: «Переворот этот, по существу, заключался в том, что новый выборный закон исключил из Думы народный голос, т.е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам. Таким образом, Государственная Дума перестала быть выразительницей народных желаний, а явилась выразительницей только желаний сильных и богатых, желаний, делаемых притом в такой форме, чтобы не навлечь на себя строгого взгляда сверху...» «Закон этот был актом государственного переворота, но мне представляется, что этот закон искусственный, что он не даст успокоения, как основанный не на каких-либо твердых принципах, а на крайне шатких подсчетах и построениях. В законе этом выразилась все та же тенденциозная мысль, которую Столыпин выражал в Государственной думе: что Россия существует для избранных 130 000, т.е. для дворян, что законы делаются, имея в виду сильных, а не слабых, а потому закон 3 июня не может претендовать на то, что он дает «выборных» членов Думы, он дает «подобранных»... Теперешняя Государственная Дума есть Дума не «выборная», а «подобранная»¹⁵⁹. В день роспуска II Думы были арестованы все социал-демократические депутаты, их осудили на каторжные работы сроком на 5 лет с последующей пожизненной ссылкой (20 человек) или просто к пожизненной ссылке (11 человек).

47

При выборах в III Государственную Думу по новому избирательному закону 1 голос помещика приравнивался к 4 голосам крупной буржуазии, 68 — средней и мелкой буржуазии, 260 — крестьян и 543 — рабочих*. Это была чисто «аристократическая» Дума. Дворяне заняли в ней 43% мест, крестьяне — 15%, промышленники и торговцы — 5%, религиозные деятели — 10%, представители либеральных профессий — 19,5%**.

На финансирование выборов правительство направило три с лишним млн. рублей, которые пошли в основном на субсидии правым партиям: «Курская бль», «Русское знамя», «Земщина», «Собрание националистов»... Кадеты и октябристы и тем более социалисты не получили ничего. Правые обещали Коковцову «затмить самые смелые ожидания» относительно будущего состава Думы, если он не покусится дать им... миллион. Получив отказ, Марков 2-й пригрозил: «Вы получите не такую Думу, которую бы мы вам дали за такую незначительную сумму»¹⁶⁰. В. Пуришкевич получал дополнительные пособия для правых через дворцовую канцелярию и департамент полиции¹⁶¹.

О характере проведении выборов свидетельствовал П. Милюков: «Все сколько-нибудь подозрительные по политике лица бесцеремонно устранялись от участия в выборах. Целые категории лишались избирательных прав или возможности фактически участвовать в выборах. При выборах присутствовали земские начальники. Нежелательные выборы отменялись. Предвыборные собрания не допускались, и сами названия нежелательных партий запрещалось произносить, писать и печатать. Съезды избирателей делились по любым группам для составления искусственного большинства. Весь первый период выбора уполномоченных первой стадии прошел втемную. Мелкие землевладельцы почти поголовно отсутствовали; зато по наряду от духовного начальства были мобилизованы священники, которые и явились господами положения. В 49 губерниях на 8764 уполномоченных было 7142 священника, и лишь для

избежания скандала было запрещено послать в Думу более 150 духовных лиц; зато они должны были голосовать повсюду за правительственных кандидатов»¹⁶².

С. Булгаков подтверждал: «Совершенно новым в этих выборах было принудительное участие в них духовенства, причем оно было заранее пристегнуто властью к «правому» блоку и все время находилось под

* По одному выборщику приходилось на 230 земельных собственников, — на 1000 представителей торгово-промышленного класса, — на 15 000 средней буржуазии, — на 60 000 крестьян и на 125 000 рабочих.

** В 50 европейских губерниях на землевладельцев приходилось более 50% выборщиков, на горожан 1-го разряда — 13%, 2-го — 11%, на жителей волостей и казачьих станиц — 22%, на рабочих — 2%. Число крупных городов сокращено с 26 до 7.

48

надзором и под воздействием архиерея... Последствия этого сатанинского замысла — сделать духовенство орудием выборов правительственных кандидатов — будут неисчислимы, ибо духовенству предстоит еще отчитываться пред своей паствой за то, что по их спинам прошли в Государственную Думу «губернатор» и иные ставленники своеобразных правых... Это политический абсурд и наглый цинизм, которого нарочно не придумают и враги церкви... До сих пор мне приходилось много нападать на нигилизм интеллигентский, но я должен признать, что в данном случае ему далеко до нигилизма административного!»¹⁶³

Однако «правые» все равно остались недовольны. Они обвиняли Столыпина не в методах проведения и результатах выборов, а в самом их проведении. Известный экономист Шарапов в то время писал: «Заглянем в глубину наших душ, спросим нашу совесть: разве вот это наше собрание обладает необходимой мудростью, верой и нравственной силой, чтобы спасти и переустроить Россию?»¹⁶⁴. По мнению К. Победоносцева, политика Столыпина — «это продолжение системы, заведенной роковым человеком — Витте — в декабре 1904 года. Он говорил тогда, что цель его — обратить к правительству благоразумную часть общества! Но это была лишь уступка улице и разнузданной толпе»¹⁶⁵. А. Варженевский: «Уступки никогда ни к чему хорошему не приводили в течение всей истории человечества... Своей нерешительностью и двойственностью он дал смуте разлиться по всей стране и пустить глубоко свои корни»¹⁶⁶. А. Зыбин: «Игра в конституцию» продолжается¹⁶⁷. Л. Тихомиров: премьер «думает, что законодательство 1905-1906 гг. взяло верный тон, и не хочет его исправлять»¹⁶⁸. «Чтобы спасти теперь положение дел, необходимо только одно — чтобы Столыпин был устранен от дел», — заявлял князь Э. Ухтомский и искренне желал: «Хорошо было бы, если бы его контузило или слегка ранили»¹⁶⁹. Недовольство и ругань по адресу П. Столыпина за то, что терпит Думу, не разгоняет ее, — общее место всех правых газет апреля — мая 1907 г.¹⁷⁰ Например, «Киевлянин» писал, что премьер «не только созвал шайку разбойников, но и позволяет ей самым наглым образом из Таврического дворца подготавливать новые "иллюминации"»... «Почему не рассеяна та революционная толпа, та невежественная чернь, которая громадным, подавляющим большинством заполнила зал заседания русского «парламента»?»¹⁷¹

Генерал Богданович писал Николаю II: «Премьер Ваш... миндальничает с ними, уповая на невозможное, стремясь совместить несовместимое... Говорю с полным сознанием и откровенностью: так жить дальше нельзя, мы на краю гибели и погибнем, если Правительство не даст решительного отпора все растущей гидре революции...»¹⁷² Н. Комаровский: «Когда же будет прекращен тот позор, которому подвергает нас г. Столыпин перед лицом всего мира? Это малодушная и бесчестная игра в конституцию и заигрывание с «достойнейшими» мерзавца-

49

ми, сидящими в так называемой Думе, не имеет никакого объяснения и извинения»¹⁷³. «Казалось бы, довольно было двукратного опыта, чтобы убедиться

в непригодности Виттовской затеи, особенно в эпоху повсеместной смуты, — возмущался И. Тютчев, — но нет, хотя еще третьего опыта с новым избирательным законом»¹⁷⁴. По словам Е. Крыжановского, «влиятельные круги в то время решительно настаивали на том, чтобы Дума была прикрыта»¹⁷⁵.

Далеко не случайным было замечание В. Коковцова о том, что «министры... смотрели так, что нужно спасти самую идею Государственной Думы»¹⁷⁶. Н. Шубинский: «Свести к банкротству наше молодое народное представительство было очень легко: стоило только третье избрание народных представителей предоставить прежнему порядку, чтобы с спокойной совестью начать речь о неудавшемся опыте и незрелости страны для представительного строя в ней»¹⁷⁷. «Государственная власть, — утверждал В. Гурко, — стояла тогда перед дилеммой: либо совершенно упразднить народное представительство, либо путем изменения выборного закона получить такое представительство, которое действительно было бы полезным фактором государственной жизни»¹⁷⁸. В этих условиях созыв очередной Думы уже сам по себе становился фактом утверждения в России парламентского строя. «Что касается избирательного закона, то, — свидетельствовал В. Коковцов, — П. Столыпин решился на его изменение «исключительно во имя сохранения идеи народного представительства, хотя бы ценою... явного отступления от закона»¹⁷⁹. По мнению А. Бородина: «В тех условиях другого способа спасти Государственную Думу не было»¹⁸⁰. При этом «П. Столыпин, подчиняясь требованию Государя о роспуске Думы, сумел, утверждает В. Маклаков, сохранить конституцию: переворот в манифесте оправдывается государственной необходимостью и невозможностью легальным путем выйти из положения, а не законным *правом* Монарха»¹⁸¹.

Третьеиюньский государственный переворот не только спас Думу — он существенно укрепил представительную систему. Примечательна в этом отношении оценка А. Киреева: «Теперь без Думы управлять уже нельзя. Не будет этой Думы, будет 4, 5, 6-я... 3-я Дума не ругается, не плюется, не беснуется, как две первые, — но она *гораздо* тверже, самоувереннее, нежели 1-я и 2-я»¹⁸². П. Столыпину на этот раз отчасти удалось решить проблему, которая по мнению С. Крыжановского, состояла в том, чтобы создать Думу уравновешенную и государственную, чуждую крайностей как в сторону красного, так и в сторону черную радикализма? Вот и «приходилось вылавливать из современного общества чуть ли не по крупинке тех немногих лиц... которые способны были к этому делу»¹⁸³. Скоро III Дума стала восприниматься в среде «правых» как более опасная, нежели две первые. «Думская работа наладилась, — отмечал И. Тхоржевский. — Этого-то правые круги никогда Столыпину и не простили!»¹⁸⁴. Н. Муратов писал, что столпы консервативного лагеря находили «политику Столыпина в отношении треть-

50

ей Думы слишком левой»¹⁸⁵. Лелеяли надежду на ее разгон. «Хорошо бы вместе с нею сменить и Столыпина, а не то он созовет и 4-ю Думу на прежнем основании»¹⁸⁶.

*Составы Государственных Дум**

	I	II	III	IV
Правые партии				
Крайне правые	38	6 3	52	65
Умеренно правые	38	3	22	20

(октябристы, центристы)		4	6	8	
Беспартийные (большой частью скрытые реакционеры — по Милюкову)	2	11	2	16	7
Левые партии					
Прогрессисты**				39	48
Кадеты	4	18	1	53	59
Национальные депутаты		32	3	26	21
Трудовики и вообще «левее к.-д.»		85	9	14	9
Социалисты		26	8	14	15
			3		

У «правых» оставался еще один рубеж обороны — Государственный совет. П. Милюков по этому поводу заявлял, что деятельность даже «подобранной» III Думы была ограничена «пробкой» Государственного Совета, превратившегося в «кладбище думского законодательства». С лидером кадетов был в данном случае согласен и П. Столыпин: «Что толку в том, — говорил он М. Родзянко, — что успешно проведешь хороший закон через Государственную Думу, зная наперед, что в Государственном совете его ожидает неминуемая пробка»¹⁸⁷.

В «III Думе наступающей стороной была власть; общественность, слабо организованная, только оборонялась, едва удерживая занятые по-

* Состав Государственных Дум разнится по источникам не только по партийной принадлежности, но и по сессиям Думы. См., напр.: БСЭ. 1-е изд. Т. 18. — М., 1930. С. 295-296,301. Или: Федоров Б.Г... Т. 1. С. 409. В данном случае приведены сокращенные данные непосредственного участника событий П. Милюкова. (Милюков П.Н... С. 277.)

** Партия, основанная крупнейшими промышленниками Рябушинским и Коноваловым.

51

зиции и идя на компромисс с властью»¹⁸⁸. Но III Дума была также распущена, на этот раз причиной стал министерский кризис, вызванный атакой на премьера справа. Николай II по предложению П. Столыпина 14 марта 1911 г. распускает Думу и Государственный совет. При этом П. Столыпин обосновывал претензии правительства тем что «законодательные учреждения обсуждают, голосуют, а действует и несет ответственность правительство»¹⁸⁹. По мнению П. Милюкова, «это было бы почти возвращением к "совещательной" Думе времен Лорис-Меликова и Булыгина»¹⁹⁰. Как раз к этому, кстати, в то время призывал «правый» Л. Тихомиров — превратить Думу в законосовещательное учреждение. Примечательно, что П. Столыпин обозвал этот призыв «злостной провокацией»¹⁹¹. Объективность же роспуска законодательных учреждений в то время подчеркивал даже член ЦК партии кадетов В. Маклаков, который считал, что в сложившихся условиях «14 марта случилось нечто, не нарушившее, а укрепившее права молодого русского представительства»¹⁹². П. Зырянов: «В III Думе Столыпин всегда нашел бы нужное ему число голосов. Но с 1 января... в его руках оказывался и Государственный совет. Отныне Столыпин становился полновластным диктатором и мог беспрепятственно проводить нужные ему законы»¹⁹³.

«Суть перемены, происшедшей в IV Думе, — по словам П. Милюкова, — заключалась в том, что компромисс оказался невозможным и потерял всякое

значение... Два противоположных лагеря стояли теперь открыто друг против друга...»¹⁹⁴ Но недовольным оказался и «правый» лагерь: «Победа премьера и способ пользования ею, — по мнению одной немецкой газеты, — причинила острую боль весьма широким и весьма влиятельным кругам. Они оказались так плотно прижатыми к стене, что с трудом могут перевести дух. Этого здесь Столыпину никогда не простят. Они будут жить мечтой о реванше»¹⁹⁵. Попытка П. Столыпина «затронуть особое положение дворянства в местном управлении... подняли против него и такие слои, которые имели большое влияние у Престола»¹⁴⁶. Л. Тихомиров: «Государственный совет унижен... Это — полное подчинение Столыпину самого монарха... Теперь трудно себе представить все последствия неслыханного разгрома правой группы совета. Конечно, наряду с рабским страхом перед проскрипциями, кипит жгучая ненависть»¹⁹⁷.

Левых и правых объединяла теперь одна слепая ненависть к Столыпину. Левый П. Милюков обвинял правительство Столыпина в оскорблении национального достоинства, называл его политику «антинациональной и антипатриотической»¹⁹⁸. Правый С. Шарапов утверждал, что «кабинет очень далек от понимания деловой, реальной основы жизни нашего Отечества»¹⁹⁹. «Слева Столыпина считали реакционером, справа — опасным революционером», — писал Деникин. Сам П. Столыпин говорил, что «меня травят справа даже более чем слева»²⁰⁰.

52

В глазах политической общественности П. Столыпин превратился в диктатора²⁰¹. Правые к тому же обвиняли П. Столыпина в узурпации прав Верховной власти, опасались, что «вместо Самодержавного Государя Императора будет самодержавный министр»²⁰². Князь Андронников восклицал: «Государь еще царствует или отрекся от престола и своим заместителем сделал Столыпина?»²⁰³. Романовы действительно долго отказывались от избрания первого министра, поскольку, по их мнению, это «ведет к умалению значения власти императора»²⁰⁴. Всего год спустя после назначения нового премьера Николай II заявлял, что: «Столыпин узурпировал власть монарха, проводя в министры своих избранников»²⁰⁵. А. Гучков подтверждал — Столыпин был настолько крупной фигурой, что невольно «заслонял» Николая²⁰⁶.

Против Столыпина и его реформ, затрагивавших все стороны государственной жизни, выступали все: националисты и монархисты, либералы и социалисты, крестьяне и церковь, бюрократия и аристократы. С.Витте, со стороны наблюдавший за развитием ситуации, в неудаче своих реформ был склонен обвинять всех сразу: «17 октября 1905 г. законодательным учреждениям был дан достаточный контроль над действиями администрации. Тем не менее ныне, через семь лет, в России не только нет гражданской свободы, но даже эта свобода, которая существовала до 1905 г., умалена административным произволом, который в последнее пятидесятилетие никогда так беззастенчиво не проявлялся. Причиной такому положению вещей следующие обстоятельства: 1) полнейшая политическая бестактность и близорукость не только крайних революционных партий, но и почти всех либеральных партий того времени; они точно сорвались с цепи и, вместо того чтобы считаться с действительностью, обалдели; 2) так как новый строй, конечно, был не по шерсти верхам, то начала образовываться реакция, находившая себе покровительство наверху, — реакция, в своих правых флангах явившаяся столь же безумной и нахальной, как левые фланги революционно-либеральных партий; 3) правительство Столыпина, «для которого решительно все равно, будет ли конституция или неограниченный абсолютизм, лишь бы составить карьеру», которое на словах «мы за свободу», а на деле, благо это возможно и выгодно, «за полнейший полицейский произвол»²⁰⁷.

Витте был прав в своих заключениях, но делал из них ошибочные выводы. Он стремился своими реформами осуществить переход от феодализма к капитализму ненасильственными мерами — только путем реформ, и именно в этом заключалась его ошибка. Ни один класс добровольно не отказывается от своих привилегий и ни одна радикальная партия, достигнув успеха, не желает останавливаться, пока не доведет революцию до своего логического конца. Витте в частных беседах сам «не скрывал от некоторых из нас, что, по его убеждению, ввиду результатов выборов, первую Думу правительству придется распустить, так как работать с нею никакое правительство не будет в состоянии: каде-

53

ты не захотят помочь правительству умиротворить и устроить Россию, так как, говорил он, единственная их цель — управлять самим, а не служить Царю и стране»²⁰⁸.

Мало того, революционное движение буржуазии провоцировало подъем низов — народных масс, также требующих своей доли... В. Джунковский, тогда московский губернатор, писал: «Адрес Думы показал, что она не желает работать в рамках, предоставленных ей законом, а посягает на прерогативы Верховной власти... Все это действовало возбуждающе, особенно в провинции. Со всех концов России приходили вести о беспорядках, погромах, убийствах административных и должностных лиц. Казалось бы, с открытием Думы должно было бы наступить успокоение, между тем произошло как раз обратное...»²⁰⁹. По словам пензенского губернатора И. Кошко: «Правительство фигурировало даже не в роли обвиняемого, а прямо тяжкого заранее осужденного уголовного преступника. Это бесповоротно роняло престиж власти...»²¹⁰ Из Тамбовской губернии писали: «продолжение деятельности Думы опаснее ее распускания. Опасность заключается в распространении мнения о слабости правительства»²¹¹.

Никакими парламентскими методами этой стихии не удержать. Пример почти всех европейских буржуазных революций свидетельствует о том, что между монархическим и буржуазным обществами неизбежно должен существовать переходный период, который разрушает и подавляет старый феодальный порядок и дает возможность созреть и закрепиться новому — капиталистическому. М. Олсон характеризовал этот переходный период следующим образом: «Тот факт, что кто-то получит в результате экономического роста непропорционально много, знаменует собой новое распределение экономической власти. Но при этом возникает «противоречие» между новым распределением экономического влияния и прежним распределением общественного статуса и политической силы»²¹².

В Англии этому периоду соответствовала эпоха Кромвеля, во Франции Наполеона III, вошедшая в историю под названием «бонапартизма». В России первым попытался применить подобную практику Лорис-Меликов, с одной стороны предлагавший либеральные реформы, а с другой осуществлявший «диктатуру сердца»²¹³. После буржуазной революции диктатура стала неизбежной. В 1907 г. вышла книга известного правого экономиста С. Шарапова «Диктаторь», в которой обосновывалось и выдвигалось требование немедленного введения диктатуры ради спасения государства.

На Западе даже в наиболее развитых странах того времени, например в Англии и Франции, кровавые буржуазные революции продолжались почти столетие. Столыпин должен был осуществить буржуазную революцию в отсталой аграрной стране, мирным путем в течение всего 20-30 лет, при этом он был вынужден сохранять лояльность к тому

54

строю, чьи основы подрывал. Для реализации своих остро необходимых обществу реформ он был вынужден идти напролом, ломая вековые общественные устои и

интересы справа и ограничивая радикальный либерализм слева. При этом Столыпин проводил свои реформы в гораздо более мягких формах, чем его предшественники из Англии или Франции.

Полудиктаторский стиль Столыпина дал повод журналисту М. Меньшикову упрекнуть П. Столыпина в мягкотелости. В 1911 г. в статье «Нужен сильный» он обрушился на Столыпина, который был якобы только мистификатором с маской богатыря²¹⁴. Ф. Самарин опасался, что Столыпин «слишком верит в возможность совместить восстановление порядка с охраной дарованных "свобод"»²¹⁵. П. Шванебах считал, что Столыпин чересчур полагается на «возможность упрочения в России демократического конституционного строя; пуще всего боится упреков в реакции (не желая понять, что реакция в силу естественного закона должна неизбежно завершить русскую революцию) и мечтает о какой-то роли примирителя между революцией и монархической властью»²¹⁶.

Столыпин

Кем же был П. Столыпин, какие идеалы отстаивал? Свое кредо новый премьер изложил следующим образом: «Реформы во время революции необходимы, так как революцию породили в большей степени недостатки внутреннего уклада. Если заняться исключительно борьбой с революцией, то в лучшем случае устраним последствие, а не причину: залечим язву, но пораженная кровь породит новые изъязвления... там, где правительство побеждало революцию (Пруссия, Австрия), оно успевало не исключительно физической силой, а тем, что, опираясь на силу, само становилось во главе реформ. Обращать все творчество правительства на полицейские мероприятия — признание бессилия правящей власти»²¹⁷.

О сути реформ говорит критика Столыпина его противниками справа: «Предлагаемые им законы все в шаблонно-либеральном духе» — утверждал Л. Тихомиров²¹⁸. А. Киреев: «Столыпин ведет нас открыто к парламентскому режиму»²¹⁹. «Столыпин прямо становится на «парламентский» путь», — заявлял князь А. Ширинский-Шихматов²²⁰. «Правые, — отмечал А. Еропкин, — не могли простить его конституционной твердости в охране народного представительства»²²¹. П. Столыпин, по свидетельству В. Гурко, «понимал, что для укрепления государственной власти нужно привлечь на сторону этой власти хотя бы некоторые культурные общественные круги, а что для этого необходимо не упразднить конституционный образ правления, а, наоборот, его закрепить»²²². В. Герье имел все основания считать П. Столыпина

55

«главным охранителем конституционного порядка»²²³. Аналогичного мнения был и А. Суворин²²⁴.

Именно П. Столыпин инициировал избрание Председателем Государственной Думы октябриста А. Гучкова²²⁵. Гучков верил в Столыпина, как в идола, «он верил в него, как в единственного человека, способного спасти Россию»²²⁶. И именно А. Гучков, по словам И. Тхоржевского, «убедил Столыпина... изменить опрометчивый избирательный закон Витте; пожертвовать *формой* законности, для спасения *идеи* Думы и конституции...»²²⁷ Гучков, писал А. Киреев, «потянет к парламентаризму через умеренный сладкий конституционализм»²²⁸ и приходил к выводу, что: «Столыпин в сущности октябрист»²²⁹. «Декларация Столыпина представляется мне исповедью октябризма», — вторил граф Н. Комаровский²³⁰. Генерал Богданович шел еще дальше: «Столыпин кокетничает с кадетами»²³¹. За сопротивление роспуску II Думы П. Столыпина характеризовали «чистым кадетом» в ближайшем окружении царя²³². Премьера упрекали, что «масса чиновников — кадеты, весь суд заражен этим движением»²³³.

Столыпин и в самом деле выполнял программу кадетов — уничтожил общину, передал крестьянам казенные и удельные земли, ввел земства в западных губерниях... Князь В. Голицын указывал, что в законах Столыпина «одним росчерком пера разрушается все содеянное в прошлом царствовании и говорится без обиняков о том, что 3-4 года тому назад почиталось бы преступлением»²³⁴. «Выступив противником Думы и провозгласив обратные ей принципы, правительство на практике следует стремлениям Думы» — указывал А. Нарышкин²³⁵. Аграрную реформу «почти целиком взяли у кадет, кроме, слава Богу, одного пункта — принудительного отчуждения», — писал С. Шарапов²³⁶.

Сам П. Столыпин определял свое политическое кредо следующим образом: «Я не сторонник чистого народоуправления. Скажу откровенно — я убежденный монархист. Народное представительство наше — только выразитель части народа, созревшей для политической жизни. Мой идеал — представительная монархия. В таких громадных государствах, как Россия, многие вовсе не подготовлены к политической жизни и требованиям, выдвигаемым ею. Примирить же взаимные интересы в стране — моральные, экономические, духовные — может своим авторитетом во многих случаях только Монарх»²³⁷.

«Morning Post» в марте 1911 г. следующим образом характеризовала П. Столыпина: «Премьер... желает идти по пути прогресса, но не скорее, чем полагается умеренным людям... Его политика — согласное с обстоятельствами движение вперед в направлении реформы... Всякий посторонний наблюдатель, расположенный придираться к этой политике, должен вспомнить, какие вероятности были в России год или два тому назад для политики кадетов и какие вероятности для абсолютистской реакции... При постепенном же расширении методов представительства и власти местного управления абсолютистское и бюрократическое

56

государство может постепенно преобразоваться в государство, близкое к представительному образу правления и к национальной организации. Таково предположение о политике П. Столыпина, и оно не только объясняет ее, но и, оправдывая его образ действий, заставляет предполагать в нем государственного деятеля, которому Россия впоследствии может оказаться обязанной за основы новой национальной жизни»²³⁸.

В. Ленин определял правление Столыпина, как буржуазный (либеральный) бонапартизм: «безусловной ошибкой была бы всякая оценка столыпинской аграрной политики, не учитывающая, с одной стороны, ее бонапартистских приемов, с другой стороны, ее буржуазной (= либеральной) сущности»²³⁹.

Витте и Столыпин

«Есть полная аналогия между политикой Витте в период 1892-1902 гг. и... политикой Столыпина» — писал П. Струве²⁴⁰. П. Столыпин «во многом — в области крестьянской земельной реформы и прививки к русскому Государственному строю Думы, народного представительства — продолжал и исправлял Витте, бросившего первые семена — наспех, полусознательно... — при этом, отмечал И. Тхоржевский, — П. Столыпин был «рыцарственнее, дисциплинированнее». В Витте не было «душевного рыцарства», такие, как он, не способны на подвиг»²⁴¹. По мнению В. Гурко, в Витте ценили «ум, энергию, признавали значительность и полезность многих из осуществленных им мер, но симпатии к нему и тем более доверия не испытывали ни в каких кругах...»²⁴² П. Столыпин указывал, что С. Витте человек «очень умный и достаточно сильный, чтобы спасти Россию, которую, думаю, можно еще удержать на краю пропасти. Но боюсь, что он этого не сделает, так как, насколько я его понял, это человек,

думающий больше всего о себе, а потом уже о России»²⁴³. Наиболее точное сравнение двух премьеров оставил, наверное, А. Извольский. Он писал о С. Витте: «В известные периоды его службы... его можно поставить в один ряд с величайшими государственными людьми всех времен и всех наций. Но в иные времена и, к сожалению, в очень критические моменты он не оказывался на высоте положения. Это происходило скорее от недостатка характера, чем интеллекта, так как в противоположность личности Столыпина он обнаруживал себя как человек, моральные качества которого не всегда были на одном уровне с его интеллектуальной одаренностью»²⁴⁴. Витте действительно не хватало твердости характера, обстоятельства оказывали на него гораздо большее влияние, чем на Столыпина. Это во многом и определяло его моральные качества. Витте был по натуре искателем, а не борцом, как Столыпин. Эти искания в итоге привели Витте к социальным взглядам на жизнь, что поставило его вне высшего общества того времени. Он платил ему тем же.

57

У Столыпина, в отличие от Кромвеля или Наполеона III, не было ни партии, ни армии, которые могли удержать диктатуру; у него был только царь, который являлся его опорой и одновременно ограничителем. С царем Столыпин был вынужден согласовывать все свои действия, он даже не мог сам формировать свой собственный кабинет министров, царь утверждал все законы, контролировал армию и внешнюю политику... По словам самого П. Столыпина: «Ошибочно думать, что русский кабинет даже в его современной форме есть власть. Он — только отражение власти. Нужно знать ту совокупность давлений и влияний, под гнетом которых ему приходится работать»²⁴⁵.

Но даже обладая Столыпин абсолютной властью и послушной бюрократией, результат его реформ был далеко не очевиден — слишком велики и трудноразрешимы были накопившиеся проблемы. Однако Столыпин последовательно шел к своей цели вопреки растущему раздражению и ненависти как справа, так и слева. «Одно появление Столыпина на трибуне (Думы) сразу вызывало кипение враждебных чувств, отменяло всякую возможность соглашения. Его решительность, уверенность в правоте правительственной политики бесили оппозицию, которая привыкла считать себя всегда правой, а правительство всегда виноватым. После этого я (Тыркова-Вильямс) сказала во фракции: «На этот раз правительство выдвинуло человека и сильного и даровитого. С ним придется считаться». Это замечание всех раздражило, и Миллюков заметил: «Совершенно дамские рассуждения. Конечно, вид у Столыпина эффектный. Но в его доводах нет государственного смысла. Их ничего не стоит разбить». В ответ на это у Тырковой мелькнула мысль: «А ведь Столыпин куда крупнее Миллюкова». С годами эта мысль окрепла»²⁴⁶. Революция была подавлена, Россия вышла на эволюционный путь развития, но Столыпин был остановлен в самом начале своих реформ. После гибели Столыпина, его преобразования, которые местами начинали пробуксовывать уже при жизни их творца (например, аграрная реформа), были постепенно свернуты. Причину этого многие находили в том же, что и В. Шульгин: «Свалить «перегруженного» премьера легко, но заменить его — некем»²⁴⁷.

В 1910 г. промышленный застой сменился подъёмом, сопровождавшимся углублением обнищания пролетариата. «Самые условия жизни рабочих, — писал Ленин в то время, — делают их способными к борьбе и толкают на борьбу»²⁴⁸. В 1911 г. бастовало 105 тыс. (5,1%), в 1912 г. — более 1 млн. (33,7%), в первом полугодии 1914 г. — 1337 тыс. рабочих (68,2%). Шло обострение объективных капиталистических противоречий между трудом и капиталом, радикализовавшим одновременно отношения между буржуазной оппозицией и самодержавием. Либералы требовали передачи всей полноты власти парламенту,

на что Николай II отвечал: «Это — при отсутствии у нас конституции — есть полная бессмыслица. Представление на выбор и утверждение государя

58

мнений и большинства и меньшинства будет хорошим возвращением к прежнему спокойному течению законодательной деятельности, и притом в русском духе»²⁴⁹. Страсти обострялись, чувствовалось приближение чего-то грозного и неизбежного. 18 октября 1913 года в письме министру внутренних дел Н. Маклакову Николай II потребовал подготовить «ропуск Думы и объявление Питера и Москвы на положении чрезвычайной охраны...»²⁵⁰

В том же году Гучков на съезде октябристов предложил «перейти в резкую оппозицию и борьбу» — и притом не с бессильным правительством, а состоящими за ним безответственными «темными» силами. Он грозил иначе «неизбежной тяжкой катастрофой», погружением России в «длительный хаос»... Когда началась война, он сразу заявил, что она «кончится неудачей»... Но это мрачное настроение не разделялось тогда ни его фракцией, ни нами» вспоминал П. Милюков²⁵¹. Приближение войны между тем действительно ощущалось обществом и радикализировало его настроения. В марте 1914 г. один из лидеров Московского биржевого комитета А. Коновалов провозглашал: «Правительство обнаглело до последней степени, потому что не видит отпора и уверено, что страна заснула мертвым сном. Но стоит только проявиться двум-трем эксцессам революционного характера, и правительство немедленно проявит свою обычную трусость и растерянность... На другой день после мира (по прогнозу в 1916 г.) у нас начнется кровопролитная внутренняя война. Это будет анархия, бунт, страшный взрыв пострадавших масс... При первых революционных взрывах правительство окончательно растеряется и бросит все русское общество на произвол судьбы...»²⁵²

С другой стороны, война могла разрубить гордиев узел накопившихся политэкономических противоречий. Шульгин вспоминал: «Дело было в Третьей Думе... Выскакивает В. Маклаков и ко мне: «Кабак!» — сказал громко, а потом, понизив голос, добавил: «Вот что нам нужно: война с Германией и твердая власть»²⁵³. Шингарев, в свою очередь, писал: «Войны боится и центр, и крайне правые, — потому что боятся революции. Нет ни одной политической группы в Думе, которая подходила бы к войне с легким сердцем»²⁵⁴. Войны ждали — и ее боялись, ждали как шанс для свержения полуфеодального самодержавия — и боялись как неизбежного взрыва нового «русского бунта», который во весь голос заявил о себе во время первой русской революции 1905 г.

ВОЙНА

С началом Первой мировой войны произошла вспышка патриотических чувств, на время сплотивших нацию. В газете кадетов «Речь» было опубликовано воззвание ЦК партии: «Каково бы ни было наше

59

отношение к внутренней политике правительства, наш первый долг сохранить нашу страну единой и неделимой и защищать ее положение мировой державы, оспариваемое врагом. Отложим наши внутренние споры, не дадим противнику ни малейшего предлога рассчитывать на разделяющие нас разногласия и будем твердо помнить, что в данный момент первая и единственная наша задача — поддержать наших солдат, внушая им веру в наше правое дело, спокойное мужество и надежду на победу нашего оружия...» «Священное единение, — отмечал Милюков, — продолжалось, однако же, недолго. И не по вине Думы оно было нарушено. Заседание 26 июля было единственным, и мы ничего против этого не имели, ввиду серьезности момента... Но уже накануне мы узнали, что по

проекту Н. Маклакова Дума не будет собрана до осени 1915 г., то есть больше года. Тут проявилось не только оскорбительное отношение к Думе, но и прямое нарушение основных законов»²⁵⁵. В результате, приходил к выводу Милюков, «борьба с правительством, очевидно, была безнадежна и теряла интерес. На очередь выдвигалась апелляция Думы непосредственно к верховной власти. И сессия открылась рядом заявлений о том, что с данным правительством сговориться невозможно — и не стоит сговариваться»²³⁶.

Тем временем, несмотря на тяжелые потери, русская армия в 1914 г. одержала ряд крупных побед. Планы молниеносной войны, на которой основывала свой успех Германия, потерпели провал. Это означало, что еще год — и война может закончиться победой Антанты над центральными державами. Но такая «победоносная война» означала для России победу царизма, победу реакции. Ничто так не укрепляет власть, как победоносные войны, лишь поражения ведут к реформам. Победа России в войне 1812 г. почти на полвека приостановила отмену крепостного права и индустриализацию страны, что привело к все нарастающему и обостряющемуся отставанию России от своих конкурентов. Именно поражения России в войнах приводили монархию к пониманию необходимости реформ. Так, поражение в Крымской войне в 1856 г. послужило началом либеральных реформ в России и дало толчок к отмене крепостного права в 1861 г. Поражение в русско-японской войне вынудило монархию ввести гражданские права и парламентаризм в России, начать крестьянскую и прочие реформы 1905-1907 гг.

Очевидно, что революционеры понимали эти закономерности. Большевики в 1914 г. устами Ленина утверждали: «с точки зрения интересов трудящихся масс и рабочего класса России не может подлежать ни малейшему... сомнению, что наименьшим злом было бы... поражение царизма в войне»²⁵⁷. Лидеры легальных социалистических партий на тайном съезде в конце 1915 г., под председательством Керенского, пришли к выводу, что если будет заключен мир, то он «будет реакционный и монархический», следовательно: «Когда наступит последний час войны, мы должны будем свергнуть царизм, взять власть в свои руки и уста-

60

новить социалистическую диктатуру». Однако на власть претендовали не только социалисты, но и либералы...

Буржуазная революция могла победить только в результате поражений на фронте, в противном случае она откладывалась в России на многие десятилетия. Милюков позже напишет: «Конечно, мы должны признать, что ответственность за совершающееся лежит на нас, то есть на блоке Государственной Думы... Твердое решение воспользоваться войной для производства переворота принято нами вскоре после начала этой войны; знайте также, что ждать мы больше не могли, ибо знали, что в конце апреля или начале мая наша армия должна перейти в наступление, результаты коего сразу в корне прекратили бы всякие намеки на недовольство, вызвали бы в стране взрыв патриотизма и ликования»³³⁸. Именно поэтому либеральная демократия и буржуазия избрали тактикой борьбы с царизмом лозунг русско-японской войны: «Чем хуже, тем лучше». Милюков заявлял: «Следует помнить, что по необходимости наша любовь к родине принимает иногда неожиданные формы и что ее кажущееся отсутствие на самом деле является у нас наивысшим проявлением подлинно патриотического чувства». О формах, которое приобретало это чувство, писал кадет И. Гессен: русская печать вела «партизанскую войну» с властью «с возрастающим ожесточением до самой революции»²⁵⁹.

Можно было бы поразиться цинизму революционеров, которые пытались воспользоваться войной для свержения правительства. Ведь тем самым революционеры превращались в «пятую колонну», ведущую войну против

собственной страны. Объяснение данному явлению скрывалось в том, что любые революционеры, в том числе и социалистические, и либеральные не следуют обычным нормам морали*. Независимо от того, признавали они его или нет, тем не менее радикалисты всегда в той или иной мере исповедовали нечаевский «Катехизис революционера», снимавший с революционера любые моральные ограничения по отношению к власти". Представление о «катехизисе» дает хотя бы такое его положение: «Товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию и разобшению тех бед и тех зол, которые должны наконец вывести народ из терпения и принудить его к поголовному восстанию».

* Так, один из виднейших деятелей Великой французской революции О. Мирабо, по своим политическим взглядам близкий к тем же идеалам, что и П. Миллюков, еще в конце XVIII века заявлял: «Человеку для того, чтобы разорвать свои цепи, дозволены все средства без исключения».

** С. Нечаев—организатор тайного общества и автор «Катехизиса революционера» 1869 г. Дело Нечаева легло в основу романа Ф. Достоевского «Бесы». Несмотря на то, что «катехизис» был отвергнут практически всеми политическими силами, он, как замечал Б. Козьмин, предвосхитил «ту постановку революционного дела, какую оно получило в последующие десятилетия».

61

Единство тактических целей — свержение самодержавия — приводило к сближению радикальных социалистических и либеральных партий. Так, В. Шамбаров указывает на то, что еще до войны Коновалов и Рябушинский вели переговоры с большевиками о сотрудничестве в целях «раскачки государства и облегчения атаки на власть». Правые оказывали финансовую помощь левым, был создан совместный «Информационный комитет», правда, альянс просуществовал недолго. Тем не менее после ареста и осуждения депутатов-большевиков в ноябре 1914 г. за враждебную пораженческую пропаганду Дума потребовала их освобождения, видя в данной акции... «полицейский террор» и «очередное наступление на демократию». А либеральная газета «Киевская мысль» в ноябре предложила эмигранту Троцкому стать ее корреспондентом во Франции²⁶⁰.

Был и другой аспект проблемы. Открытая революция во время войны могла привести к непредсказуемым последствиям, в том числе и реальному поражению России в войне, что, очевидно, не входило в планы революционеров. Кроме того, либералы хорошо запомнили урок 1905 г., преподнесенный им «стихийной силой». Именно о ней предупреждал в 1905 г. Витте, а в 1913 г. октябрист Гучков и представитель промышленников Коновалов. Либералов предупреждал и французский посол Палеолог, который приводил слова «монархической оппозиции» во время революции 1848 г.: «Если бы мы знали, насколько тонки стены вулкана, мы бы не стремились вызвать извержение»²⁶¹. Во время Первой мировой войны «стихийная сила» стала еще вооруженной и организованной и при определенных обстоятельствах могла развернуть штыки и в другую сторону. По словам Гучкова, «дело оказалось бы чрезвычайно легким», если бы вопрос шел о том, чтобы поднять военное восстание... но мы не желали касаться солдатских масс»²⁶². П. Миллюков: «Мы не хотели этой революции. Мы особенно не хотели, чтобы она пришла во время войны. И мы отчаянно боролись, чтобы она не случилась»²⁶³.

Либералам для реализации их планов необходимо было пройти по «лезвию бритвы», между возвращением царского феодализма и взрывом стихии «русского бунта». Именно поэтому «речь шла о заговоре в стиле дворцового переворота XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства»²⁶⁴. Миллюков вспоминал: «Рядом стояли люди — и число их быстро увеличивалось, — которые надеялись предупредить стихийную революцию дворцовым переворотом с низложением царской четы»²⁶⁵. Мнение либералов было единодушным, и оно находило отклик в самых широких общественных кругах. Так, генерал Данилов отмечал: «Возможен был двойкий переворот: путь

дворцовый и революционный. Первый выход казался менее болезненным и менее кровавым. К тому же, по мнению некоторых лиц, сочувствовавших дворцовому перевороту, обеспечивалась возможность сохранения монархического принципа»²⁶⁶.

62

Сохранение монархического принципа играло ключевую роль. Ведь свержение самодержавия, являвшегося основой государственной власти на протяжении столетий, тем более во время войны, даже путем переворота, неизбежно вело к социальному и национально-сепаратистскому взрыву. Поэтому практическая тактика либеральной части общества строилась на установлении в России конституционно-монархического строя. Существовало два основных варианта переворота:

—отстранение от власти Николая II с последующей передачей власти наследнику Алексею с регентством великого князя Михаила Александровича. Этот вариант английский министр иностранных дел Бальфур рекомендовал своему послу в России: следует убедить Николая, что «национальным несчастьем» явился бы отказ от предоставления Алексею права наследования трон»²⁶⁷. Аналогичного мнения придерживался и Милюков: «при перевороте так или иначе Николай II будет устранен с престола. Блок соглашался на передачу власти монарха к законному наследнику Алексею и на регентство — до его совершеннолетия — великого князя Михаила Александровича. Мягкий характер великого князя и малолетство наследника казались лучшей гарантией перехода к конституционному строю... Говорилось в частном порядке, что судьба императора и императрицы остается при этом нерешенной — вплоть до вмешательства лейб-гвардейцев, как это было в XVIII в.; что у Гучкова есть связи с офицерами гвардейских полков, расквартированных в столице, и т.д. Мы ушли в полной уверенности, что переворот состоится»²⁶⁸. А. Гучков предлагал: «...Захватить по дороге между Ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые в Петрограде можно было бы рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавят правительство»²⁶⁹.

— деловой мир не был склонен возлагать надежды на особенности характера того или иного из великих князей. Он обладал необходимой силой, чтобы заставить правительство и монархию считаться с собой. Буржуазия рассчитывала вынудить самого Николая II принять конституционно-монархическую форму правления. Председатель Московского военно-промышленного комитета Рябушинский в период отступления русской армии в 1915 г. заявлял: «Путем давления на центральную власть добиться участия общественных сил в управлении страной... нам нечего бояться, нам пойдут навстречу в силу необходимости, ибо наши армии бегут перед неприятелем». В руках буржуазии находились деньги, заводы, фабрики, газеты, политики... и именно от нее далеко не в последнюю очередь зависели военные успехи и неудачи самодержавия...

Промышленно-торговые круги готовы были пойти и дальше конституционной монархии. Так, на совещании промышленников в августе того же года Рябушинский утверждал, что необходимо «вступить на путь

63

полного захвата в свои руки исполнительной и законодательной власти»²⁷⁰. Его статьи призывали для сохранения «великой России» к «замене существующего режима правления конституционным», что обеспечит «мощную поддержку буржуазии либеральному правительству». Одна из газет магната «Утро России» 26. 08 опубликовала список Комитета обороны, который предвосхищал практически полный состав Временного правительства февраля 1917 г.

Однако пойти на прямой переворот революционеры не решились. С одной стороны, не было до конца известно, как на него прореагируют армия и консервативные силы, тем более во время войны. Вместо либеральной демократии дело могло закончиться военной диктатурой. С другой стороны, переворот мог подорвать престиж власти и спровоцировать революцию, т.е. вывести на политическую арену пролетариат и крестьянство. Тогда вместо буржуазной республики неизбежно была бы установлена социалистическая. Именно поэтому либералам необходимо было в первую очередь легализовать переворот в глазах армии и общества. А это требовало времени и соответствующей подготовки... По словам В. Сухомлинова: «Для партий Государственной думы на первом плане стояли вопросы внутренней политики; для большинства октябристов под эгидой Гучкова и вплоть до крайних левых казалось, что наступила минута низвержения царской России. Они должны были напасть на тот пункт, где они думали найти доказательства того, что старый режим прогнил»²⁷¹.

Она началась с мобилизации политических сил. В августе 1915 г. по инициативе кадетов влиятельными промышленниками А. Коноваловым и И. Ефимовым был создан антиправительственный Прогрессивный блок, фактическим руководителем которого стал Милюков. Программа блока состояла из радикальных либеральных лозунгов, главным требованием, как и прежде, оставалось создание «правительства народного доверия». В блок вошли 236 из 422 депутатов Государственной Думы. Цели «блока» ни для кого не были секретом. Министр внутренних дел Н. Маклаков сообщал царю в то время: «Дума прокладывает путь к свободе революции». «Я борюсь против неудержимо растущего у всех стремления, забыв царя, в одном общественном мнении видеть начало и конец всего»; «Родзянко — только исполнитель, напыщенный и неумный, а за ним стоят его руководители, гг. Гучковы, кн. Львов и другие, систематически идущие к своей цели»²⁷². Эффективность легальной работы Прогрессивного блока была подорвана очередным роспуском Думы.

Однако еще в августе 1914 г. либералами были использованы другие массовые политические инструменты, которые оправдали свою эффективность еще во время революции 1905 г. — «союзы». По аналогии с «Союзом земств» времен японской войны был учрежден «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам» под пред-

64

водительством кн. Львова. После поражений 1915 г. этот союз слился с «Союзом городов» Милюкова, образовав «Земгор». По словам В. Сухомлинова, органы самоуправления дворянства, земства и городов были «значительно деятельнее бюрократии», «но все их добрые начинания привели к совершенно обратным результатам благодаря политическим тенденциям, внесенным в работу по оказанию помощи действующей армии антимонархическими партиями или такими честолюбивыми карьеристами, как Гучков и Родзянко»²⁷³.

«Так как городскому и земскому союзам не удалось привлечь сколько-нибудь крупных общественных и частных средств, они..., — вспоминал В. Воейков, — вынуждали правительство увеличивать выдаваемые им суммы... Это вынужденное воспособление Земгору... выразилось к концу 1914 года в цифре 43 млн рублей и, возрастая ежегодно, достигло ассигнования на первое полугодие 1917 года одному только Всероссийскому союзу городов цифры 65 млн. рублей*. Большую часть работников в этих союзах составляли лица, уклонявшиеся от службы в действующей армии... Занимались работники земского и городского союза... антиправительственной пропагандой среди солдат и офицеров фронта... Пропагандисты раздували каждый промах военного управления, приписывая его высшему начальству... Немало потрудились они и над расшатыванием престола,

подчеркивая немецкое происхождение императрицы и распространяя небылицы об ее отношении к Распутину»²⁷⁴.

На съезде Земгора в сентябре 1915 г. Гучков разъяснял цели организации. Она «нужна не только для борьбы с врагом внешним, но еще больше с врагом внутренним, той анархией, которая вызвана деятельностью настоящего правительства». «Надо всю Россию покрыть всероссийскими союзами», — утверждал в 1915 г. Н. Некрасов". В 1916 г. последний премьер царского правительства князь Н. Голицын утверждал, что «у союзов готов состав временного правительства, и отделы союзов соответствуют существующим министерствам»²⁷³. На информации департамента полиции о съездах Земгора в 1916 году ген. Алексеев наложил резолюцию: «В различных организациях мы имеем не только сотрудников в ведении войны, но получающие нашими трудами и казенными деньгами «внутреннюю спайку силы, преследующие весьма вредные для жизни государства цели»²⁷⁶.

Торгово-промышленные круги тем временем создали свою организацию. В мае 1915 г. на 9-м съезде представителей промышленности и торговли Рябушинский выступил за мобилизацию промышленности,

* Всего Земгор получил от государства около 600 млн. казенных рублей, на вложенный, собранный по подписке частный капитал 0,6 млн. рублей.

** По проекту Н. Некрасова осенью 1915 г. был учрежден Всероссийский кооперативный комитет. Комитет через несколько месяцев был закрыт московским градоначальником. (Яковлев Н.Н... С. 206.)

65

а в июне по его настоянию были созданы военно-промышленные комитеты (ВПК), во главе которых встал А. Гучков*. В. Сухомлинов считал, что «сформированные Военно-промышленные комитеты, в большом числе и повсеместно, получают много денег, но едва ли для настоящей войны окажут существенную пользу. Следовало бы направить их деятельность к тому, чтобы впредь обрабатывающая промышленность водворилась и развилась у нас так, чтобы бывшая до сих пор зависимость и заграничная кабала исчезли»²⁷⁷.

Действительно, по словам начальника главного артиллерийского управления ген. Маниковского, мобилизационная деятельность комитетов себя не оправдала. В середине ноября 1915 года он в письме в «Новое время» свидетельствовал, что «от военно-промышленных комитетов не получено ни одного снаряда. Эти комитеты «мобилизовали» около 1300 предприятий средней и мелкой промышленности, которые выполнили за войну примерно половину полученных заказов, что составило 2-3% от общей стоимости заказов военного ведомства»²⁷⁸. Зачем же они тогда создавались? По мнению В. Воейкова: «Первою заботою созданных под руководством А.И. Гучкова военно-промышленных комитетов... было обеспечение себе 1% стоимости всех проходивших через комитеты поставок. Вследствие этого комитеты оказались, во-первых, коммерчески заинтересованы в возможно более высокой расценке поставок, а во-вторых, создалось такое ненормальное положение, при котором, например, состоялась уплата... военно-промышленному комитету процентного отчисления со стоимости переданного Главным артиллерийским управлением казенному Балтийскому заводу заказа... Печать, преклонявшаяся перед деятельностью военно-промышленных комитетов, почему-то не считала для себя возможным говорить правду: например, письмо начальника Главного артиллерийского управления, указывавшего осенью 1915 года на неполучение от военно-промышленных комитетов еще ни одного снаряда, не было пропущено в печати. Помимо денежной щепетильности, представители деловой России не обнаружили и большого патриотизма: забывая о своих собственных русских заводах, они стремились производить заготовки на заграничных рынках, чему, наконец,

воспрепятствовал Совет министров. Прекрасной иллюстрацией деятельности военно-промышленных комитетов может служить... ведомость состояния главнейших заказов центрального военно-промышленного комитета на 1 января 1916 года... Так, например, снарядов к бомбометам заказано 3 245 000, а сдано 96 135; мин заказано 663 400, а сдано 119 штук и т.д. А куда уходили деньги военно-промышленного комитета, осталось — и не для меня одного — тайной»²⁷⁹.

* Прообразом военно-промышленных комитетов послужили аналогичные комитеты в Германии.

66

По мнению Н. Яковлева, «военно-промышленные комитеты нужны были буржуазии не для налаживания военной экономики, а как форум для ведения политической деятельности». Действительно, «Военно-промышленный комитет сразу выделил «рабочую секцию», занявшуюся рассмотрением рабочего законодательства, а также обсуждением вопросов внутренней политики, к делу снабжения армии ни малейшего отношения не имевших, — отмечал В. Воейков. — Революционная деятельность рабочей секции, иногда приглашавшей на свои заседания и нечленов военно-промышленного комитета, не составляла секрета для министра внутренних дел, который принимал к ее обузданию лишь полумеры»²⁸⁰. Организаторы «рабочих секций», как докладывал начальник Московского охранного отделения, «думали, что таким способом будет достигнуто приобретение симпатий рабочих масс и возможность тесного контакта с ними как боевого орудия в случае необходимости реального воздействия на правительство». Министр внутренних дел Протопопов все время говорил «о том, что земский и городской союзы, а также военно-промышленные комитеты суть организации революционные...»²⁸¹

В начале сентября 1915 года возник сверхзаконспирированный «Комитет народного спасения», организаторы которого констатировали, что для победы на внутреннем фронте необходимо оставить всякую мысль о «блоках и объединениях с элементами зыбкими и сомнительными». Во главе его встали Г. Львов, А. Гучков и А. Керенский²⁸².

Поворотным моментом в противостоянии монархии и либеральной оппозиции стали поражения 1915 г., когда из-за недостатка снарядов, винтовок, патронов, продовольствия началось великое отступление. В. Шульгин вспоминал: «Я был на фронте и видел все... Неравную борьбу безоружных русских против ураганного огня немцев... И когда снова была созвана Государственная Дума, я принес с собой, как и многие другие, горечь бесконечных дорог отступления и закипающее негодование армии против тыла... Я чувствовал себя представителем армии, которая умирала так безропотно, так задаром, и в ушах у меня звучало: пришлите нам снарядов!»²⁸³ «Неудачи сделали свое дело... В особенности повлияла причина отступления... И против власти... неумелой... не поднявшейся на высоту задачи... сильнейшее раздражение...»²⁸⁴

Действительно, главным революционером оказалась не оппозиция, а власть. Внешне в условиях войны это выразилось в концентрированном виде в том, что самодержавие не смогло осуществить должную мобилизацию экономики и общества. Наглядный пример тому приводил министр продовольствия Наумов: «...С первых же шагов моей деятельности... я встретил прежде всего во всех областях и условиях создавшейся продовольственной обстановки именно ту разрозненность действий, Учреждений и лиц, которая подрывала в корне текущую работу и ослаб-

67

ляла энергию для предстоящей». «Отсутствие связи тыла с фронтом сказывалось на каждом шагу продовольственной жизни в столь резкой форме, что всякое промедление с принятием мер в целях упорядочения этих взаимоотношений

грозило катастрофой делу снабжения как армии, так и страны»²⁸⁵. Военный министр В. Сухомлинов вспоминал: «Казалось, что междуведомственная рознь еще более обострилась сравнительно с тем, как это было до войны... Во всем давал себя чувствовать ужасно тонкий наш культурный слой, при недостатке образованного персонала»²⁸⁶. Свидетельством кризиса власти стала смена за 1915-1916 гг. 4 премьер-министров, 6 министров внутренних дел, 4 — военных, юстиции, земледелия; 3 — иностранных дел, обер-прокуроров Синода... Власти просто не было...

Правда, 20 июня 1915 г. для консолидации общества, мобилизации военной и гражданской власти, тыла и фронта Николай II согласился организовать Особое совещание по обороне*, в состав которого вошли члены Думы, Госсовета, крупнейшие промышленники, финансисты, государственные деятели. Уже за первый месяц работы Особого Совещания выпуск снарядов в России увеличился вдвое — только лишь за счет организации и повышения дисциплины поставок.

Однако поражения 1915 г. уже вершили свое дело. Они привели к тому, что одни стали искать виновных, другие впадали в панику. Ставка, по мнению Головина, «слишком поздно решила на отвод наших армий в глубь страны. Это запоздание стоило много лишних жертв...»²⁸⁷ А. Поливанов утверждал, что «над всеми царит генерал Янушкевич... Печальнее всего, что правда не доходит до его величества... на фронте и в армейских тылах можно каждую минуту ожидать непоправимой катастрофы. Армия уже не отступает, а попросту бежит. Ставка окончательно потеряла голову»²⁸⁸. Управляющий делами Совета министров А. Яхонтов передавал состояние членов правительства: «Всех охватило какое-то возбуждение... Неужели все пропало?.. За все время войны не было такого тяжелого заседания. Настроение было больше чем подавленное»²⁸⁹. Далеко не либеральный кн. В. Шаховской заявлял: «Нельзя не считаться с тем фактом, что поражения на фронте создали революционно повышенное настроение в стране»²⁹⁰. Обеспокоенный Янушкевич просил из Ставки царя: пообещать каждому солдату-крестьянину шестнадцать акров земли за верную службу²⁹¹...

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА

Один из очевидцев «великого отступления» 1915 г. вспоминал: «...Получилось полное впечатление краха. Армия... не отступала, а бе-

* Всего их было четыре: по государственной обороне, транспорту, топливу, продовольствию, под председательством соответствующих, министров.

68

жала, бросая по дороге материальную часть и огромные склады продовольствия и фуража, взрывая форты сильнейших крепостей и оставляя без одного выстрела прекрасно укрепленные позиции... Нужно было какое-то крупное решение. И вот в этот момент государь принял на себя всю ответственность за дальнейшую судьбу Отечества»²⁹². Николай II хотел встать во главе армии еще в августе 1914 года, «но решительно все министры высказались против этого желания, доказывая императору, что все возможные неудачи, которые могут быть всегда, свалятся на него как на главного виновника»²⁹³. Тем не менее 4 августа 1915 г., когда армия оказалась на грани поражения, а страна — революции, Николай принял командование армией. «Решение Николая II, — писал Г. Катков, — взять на себя Верховное Главнокомандование было, по-видимому, его последней попыткой сохранить монархию и... предотвратить надвигающийся шторм...»²⁹⁴ Председатель Совета министров И. Горемыкин заявлял: «Когда на фронте почти катастрофа, его величество считает священной обязанностью русского царя быть среди войск и с ними либо победить, либо погибнуть...»²⁹⁵

Этот шаг был вроде бы поддержан даже либеральной общественностью. Так,

военно-морская комиссия Думы, еще до решения Николая II, подала ему доклад, подписанный председателем кадетом Шингаревым и восемью другими членами Думы, в том числе Шульгиным. Доклад . содержал обвинения правительства и Главнокомандующего и был пронизан мыслью, что «общественность должна взять в свои руки обеспечение войны». В конце доклада говорится, что «только непрерываемой царской властью можно установить согласие между ставкой великого князя, Верховного командования и правительством». Н. Головин полагал: «Николай II имел полное право сделать логический вывод о том, что русские общественные круги желают, чтобы монарх в своем лице совместил управление страной и Верховное Главнокомандование»²⁹⁶.

Решение Николая II мотивировались, очевидно, не только ситуацией на фронте. А. Вырубова вспоминала: «Государь рассказывал, что (Верховный главнокомандующий) великий князь Николай Николаевич постоянно без ведома государя вызывал министров в Ставку, давая те или иные приказания, что создавало двоевластие в России»²⁹⁷. Адмирал Бубнов: «Когда стало очевидным, что верховное управление страной неспособно справиться со своей задачей и его деятельность может привести к поражению, великий князь... отказался от чрезмерной осторожности и начал выступать с решительными требованиями различных мероприятий...»²⁹⁸ Великий князь Николай Михайлович: «Относительно популярности Николаши» (*Николая Николаевича*) — это явление «меня тревожит, особенно при том возбужденном состоянии нашего общественного мнения, которое все яснее обрисовывается в провинции...»²⁹⁹ В. Воейков: «...Я вполне разделял мнение И. Л. Горемыкина, считавшего, что агитация вокруг имени великого князя Николая Николаевича являлась для левых партий одним из средств дискредитирования госу-

69

даря... Его величество... считает нежелательным откладывать свое вступление в командование, с одной стороны, из-за неудачных действий и распоряжений великого князя на фронте, а с другой — из-за участвовавших случаев его вмешательства в дела внутреннего управления. Никакими доводами не удалось ни графу Фредериксу, ни мне отговорить царя от этого решения, в правильность которого верила и государыня Александра Федоровна»³⁰⁰.

Николай II на посту Верховного Главнокомандующего первым делом сменил все руководство Ставки³⁰¹. Генерал Носков: «Это была смена системы, так как все ближайшие помощники великого князя были удалены одновременно вместе с ним. Важные изменения были произведены также в командовании фронтами и в командовании армиями»³⁰². Начальник генерального штаба Янушкевич был отправлен в отставку, на его место был назначен М. Алексеев. Причем сначала был смещен штаб, и только после этого великий князь³⁰³. Генерал Спиридович: «После отъезда великого князя стало как-то легче. Как будто разрядилась гроза. Кто знал истинный смысл свершившегося, крестились. Был предупрежден государственный переворот, предотвращена государственная катастрофа...»³⁰⁴

Современник тех событий вспоминал: «...Николай Николаевич являлся стержнем, вокруг которого плелась вся интрига против личности русского монарха. Сделавши эту предпосылку, станет совсем понятно, почему так цинично взбунтовались министры, когда узнали о желании государя сослать вел. князя на Кавказ, и конечно, наивные доводы ген. Данилова о том, что эти министры боялись неопытности царя в роли главнокомандующего, не заслуживают внимания. Эти министры, по всей вероятности, боялись не за армию и Россию, а за провал заговора, в котором, как выяснилось впоследствии, они играли видную роль»³⁰⁵.

В данном случае речь идет о коллективном письме восьми либеральных министров, в котором они, угрожая отставкой, требовали от Николая II, дабы

предотвратить «тяжелые последствия», отказаться от своего намерения возглавить армию, ибо «в таких условиях они теряют веру в возможность с сознанием пользы служить царю и родине». Министр иностранных дел Сазонов восклицал: «Какой-то хаос в голове делается... в какую бездну толкается Россия!» Министр земледелия А. Кривошеин, еще недавно говоривший, что «Ставка ведет Россию в бездну, к катастрофе, к революции... если Верховным был бы сам Император, тогда никаких недоразумений не возникало... вся исполнительная власть была бы в одних руках»³⁰⁶, теперь заявлял: «Ставятся ребром судьбы России и всего мира. Надо протестовать, умолять, настаивать, просить — словом, использовать все доступные нам способы, чтобы удержать его величество от бесповоротного шага. Мы должны объяснить, что ставится вопрос о судьбе династии, о самом троне, наносится удар монархической идее, в которой и сила, и вся будущность России»³⁰⁷.

70

Председатель Государственной Думы Родзянко, после того как Николай II возглавил Ставку, так же стал увещевать: «Неужели, государь, вам не ясно, что вы добровольно отдадите вашу неприкосновенную особу на суд народа, а это и есть гибель России?» Против решения русского царя выступил даже английский посол: «Я сказал, что его величеству придется нести ответственность за новые неудачи, могущие постигнуть русскую армию, и что вообще совмещать обязанности самодержца великой империи и верховного главнокомандующего — задача непосильная для одного человека. Царица тут же возразила, что царю надо было с самого начала взять командование, а теперь, когда армия терпит столько лишений, его место — среди своих войск. «Я не терплю, — продолжала она, — министров, которые пытаются отговорить его от исполнения своего долга. Положение требует твердости. Царь, к сожалению, слаб, но я сильна и буду такой и впредь»³⁰⁸.

Аврех, рассуждая о тех доводах, которые приводили министры, замечает, что «совершенно очевидно, что, если бы дело заключалось только в этих причинах, реакция не была бы столь болезненной и острой»³⁰⁹. Г. Катков недоумевал: «Трудно понять, что было подлинной причиной этой чрезвычайно эмоциональной — теперь можно бы даже сказать, иррациональной — реакции на решение, которое в конце концов было достаточно мотивированно и вполне соответствовало статусу монарха»³¹⁰.

Свет на причину ультиматума министров, очевидно, проливает состав революционного «правительства общественного доверия» П. Рябушинского, в котором, кроме Милюкова, Гучкова, Коновалова, числились двое министров — военный Поливанов и земледелия Кривошеин... Поливанов еще до войны был тесно связан с Гучковым, о котором Хвостов говорил, что тот «способен, когда представится возможность, взять командование батальоном и маршировать в Царское Село»³¹¹. Министр А. Наумов отмечал: «У генерала Поливанова установилась тесная дружба с А. Гучковым...»³¹² Яхонтов: «За Поливановым всегда чувствовалась тень Гучкова...» «Не понимаю, чего добивается Поливанов. Он всех науськивает и против великого князя, и против принятия командования государем... Уж не своего ли друга любезного г. Гучкова он ладит в спасители Отечества?»³¹³ В. Сухомлинов: «А. Гучков и А. Поливанов работают дружно, признавая существующий строй и порядок не соответствующими требованиям времени... Если вовремя это не прекратить — быть большой беде...»³¹⁴ Про министра земледелия великий князь Андрей Владимирович замечал в дневнике: «Кривошеин орудует всем и собирает такой кабинет министров, который был бы послушным орудием у него в руках. Направление, взятое им, определяется народом как желание умалить власть государя»³¹⁵.

Министр иностранных дел Сазонов так же активно поддерживал идею

«правительства общественного доверия»: «Люди, болеющие душой за родину, ищут сплочения наиболее деятельных нереволуцион-

71

ных сил страны, а их объявляют незаконным сборищем и игнорируют... Правительство не может висеть в безвоздушном пространстве и опираться на одну только полицию». Премьер-министр Горемыкин отвечал: «(Прогрессивный) Блок создан для захвата власти. Он все равно развалится, и все его участники между собой переругаются». Сазонов: «А я нахожу, что нужно во имя общегосударственных интересов этот блок, по существу умеренный, поддержать. Если он развалится, то получится гораздо более левый. Что тогда будет?» Александра Федоровна писала Николаю II в сентябре 1915 года: «Сазонов больше всех кричит, волнует всех... не ходит на заседания Совета министров — это ведь неслыханная вещь! Я это называю забастовкой министров»³¹⁶.

Увольнение Сазонова вызвало всплеск эмоций. Великий князь Николай Михайлович писал Николаю II: «...Ввиду того, что многое после войны может измениться, лучше заранее учесть все признаки готовящихся явлений в русской жизни. Не знаю, по каким мотивам ты уволил С.Д. Сазонова, но вот что случилось. Почти вся пресса (кроме «Нового времени» и «Земщины») сделала из Сазончика великого человека и своего рода сверхпатриота; все земства, общественные учреждения, союзы городов, промышленные комитеты и т.д. послали ему соболезнования по случаю его ухода и создали для него особую популярность, которую вряд ли он мог ожидать, продолжая быть министром иностранных дел. Это я считаю весьма опасным симптомом...»³¹⁷ В защиту Сазонова перед Николаем II выступил даже английский посол...

В своей «Истории русской революции», написанной в 1930-е годы, Л. Троцкий отмечал, что: «в 1915 году, за полтора года до переворота, на заседаниях правительства открыто велись речи, которые и сейчас кажутся невероятными. Военный министр Поливанов: «Спасти положение может только примирительная к обществу политика. Теперешние шаткие плотины не способны предупредить катастрофу». Морской министр Григорович: «Не секрет, что и армия нам не доверяет и ждет перемен». Министр иностранных дел Сазонов: «Популярность царя и его авторитет в глазах народных масс значительно поколеблены». Министр внутренних дел князь Щербатов: «Мы все вместе непригодны для управления Россией при слагающейся обстановке... Нужна либо диктатура, либо примирительная политика» (заседание 21 августа 1915 года.) Ни то ни другое уже не могло помочь; ни то ни другое уже не было осуществимо. Царь не решался на диктатуру, отклонял примирительную политику и не принимал отставки министров, считавших себя негодными. Ведший записи крупный чиновник делает к министерским речам краткий комментарий: придется, очевидно, висеть на фонаре. При таком самочувствии немудрено, если даже в бюрократических кругах говорили о необходимости дворцового переворота как единственном средстве предупредить надвигающуюся революцию. «Если бы я закрыл глаза, — вспоминает о таких беседах один из участ-

72

ников, — то я мог бы подумать, что нахожусь в обществе заядлых революционеров»³¹⁸. П. Мультатули интерпретирует события конца августа 1915 г. как попытку «тихого» переворота, который был предотвращен царем, «когда он принял верховное командование»³¹⁹.

Настроение в общественно-политических кругах России того времени передают воспоминания монархиста Шульгина: «Интеллигенция кричит устами Думы: вы нас губите... Вы проигрываете войну... Ваши министры — или бездарности, или изменники... Страна вам не верит... Армия вам не верит... пустите нас... Мы попробуем... Допустим, что все это неправда, за исключением

одного: немцы нас бьют — этого ведь нельзя отрицать... А если так, то этого совершенно достаточно, чтобы дать России вразумительный ответ... Зачем это делается — одному Богу известно... Нельзя же, в самом деле, требовать от страны бесконечных жертв и в то же время ни на грош с ней не считаться... Можно не считаться, когда побеждаешь: победителей не судят... Но побеждаемых судят, и судят не только строго, а в высшей степени несправедливо, ибо сказано: «*Vae victis!*...» Надо признать неизбежность этой несправедливости и сообразно с этой неизбежностью поступать. Надо поступать так, чтобы откупиться не только от суда праведного, но и от несправедливого. Надо дать взятку тем, кто обличает... Ибо они имеют власть обличать, так как на каждого обличающего — миллионы жадно слушающих, миллионы думающих так же, нет, не так же, а гораздо хуже. Да, их миллионы, потому что военные неудачи принадлежат к тем фактам, которые не нуждаются в пропаганде... «Добрая слава за печкой лежит, а худая по миру бежит...» За поражения надо платить. Чем?.. Той валютой, которая принимается в уплату: надо расплачиваться уступкой власти... хотя бы кажущейся, хотя бы временной...

Можно поступить разное:

1. Позвать Прогрессивный блок, т.е., другими словами, кадетов, и предоставить им составить кабинет: пробуйте, управляйте. Что из этого вышло бы — бог его знает. Разумеется, кадеты чуда бы не сделали, но, вероятно, они все же выиграли бы время. Пока разобрались бы в том, что кадеты не чудотворцы, прошло бы несколько месяцев, — а там весна и наступление, которое все равно решит дело: при удаче выплывем, при неудаче все равно потонем.

2. Если же не уступать власти, то надо найти Столыпина-второго... Надо найти человека, который блеснул бы перед страной умом и волей... Надо сказать второе «не запугаете», эффектно разогнать Думу и править самим — не на словах, а на самом деле — самодержавно...*

* Аналогичное предложение в ноябре 1916 г. Николай II получил от черносотенной группы Римского-Корсакова, предлагавшей: «Назначить на высшие посты министров, начальников округов, военных генерал-губернаторов лиц, преданных

73

3. Если кадетов не призывать, Столыпина-второго не находить, остается одно: кончать войну.

Вне этих трех комбинаций нет пути, т.е. разумного пути. Что же делают вместо этого? Кадетов не зовут, Думы не гонят, Столыпина не ищут. Мира не заключают, а делают — что?.. Назначают «заместо Столыпина» — Штюмерера, о котором Петербург выражается так: абсолютно беспринципный человек и полное ничтожество...»³²⁰

Чем же мотивировались решения Николая II, не использовавшего решительных волевых мер и одновременно упорно не шедшего на соглашение с общественностью?

С одной стороны, Николай II не обладал теми волевыми и умственными качествами, которые необходимы были в то время. Возглавив армию и уехав в Ставку, Николай II не столько стремился к командованию войсками, сколько бежал от управления государством, сталкивающегося со все возрастающими проблемами. Он записывал: «Мой мозг отдыхает здесь — нет министров, нет беспокоящих вопросов, требующих осмысления. Я полагаю, что это хорошо для меня»³²¹. Начальник Генерального штаба Алексеев, со своей стороны, фактически дезавуировал деятельность Николая II как главы государства и армии, идя на поводу желаний последнего. Адмирал А. Колчак передавал мнение большинства командного состава армии: «...Я смотрел на назначение государя... только как на известное знамя, в том смысле, что верховный глава становится вождем армии... но фактически всем управлял Алексеев. Я считал Алексея в этом случае выше

стоящим и более полезным, чем Николай Николаевич»³²².

Вместо себя управлять огромной страной Николай II оставил свою жену. Целый ряд высших лиц государства обращались к Николаю II с предостережением об опасности, грозившей стране и династии из-за участия в управлении государством Александры Федоровны... В их числе нач. Генерального штаба Алексеев, генерал Гурко, протопресвитер Шавельский, Пуришкевич, Родзянко, великие князья Николай и Александр Михайловичи и сама вдовствующая императрица. Например, великий князь Николай Михайлович писал Николаю II: «Если бы тебе удалось устранить это постоянное вторгательство темных сил, сразу началось бы возрождение России и вернулось бы утраченное тобой доверие громадного большинства твоих подданных... Ты находишься

царю и способных на решительную борьбу с надвигающимся мятежом. Они должны быть твердо убеждены, что никакая примирительная политика невозможна. Заведомо должны быть готовы пасть в борьбе и заранее назначить заместителей, а от царя получить полноту власти. Думу распустить без указания нового срока созыва. В столицах ввести военное положение, а если понадобится, то и осадное...»

74

накануне эры новых волнений; скажу больше — новых покушений. Поверь мне, если я так напираю на твое собственное *освобождение* от создавшихся оков, то... только ради надежды спасти тебя, твой престол и нашу дорогую родину от самых тяжких и непоправимых последствий». Но никакие представления не действовали»³²³.

Со своей стороны, В. Воейков, несомненно осведомленный в делах царской семьи, вспоминал: «...Если судить по результатам, число лиц, кандидатуру которых поддерживала императрица, было прямо ничтожно... по сравнению с количеством лиц, получивших за этот период назначения... Что же касается вмешательства ее величества в управление государственными делами, я лично могу констатировать, что его не было. Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь мог эту клевету подтвердить документальными данными»³²⁴... Однако престарелые премьеры Горемыкин и Штюрмер на роль Столыпина-второго так же явно не подходили, тем более во время войны. Они были не выдающимися и не слишком волевыми, но зато верными гарантами сохранения самодержавия. Абсолютным императивом для Николая II было: «желание сохранить престол... дабы в таком же виде передать его после смерти своему сыну»³²⁵.

Английский премьер-министр Ллойд-Джордж уже после свержения Николая II отмечал: «Русский ковчег не годился для плавания. Этот ковчег был построен из гниющего дерева, и экипаж был никуда не годен. Капитан ковчеха способен был управлять увеселительной яхтой в тихую погоду, а штурмана изображала жена капитана, находившаяся в капитанской рубке...»³²⁶ Современники событий, даже ярые приверженцы монархии, практически были единодушны в своих оценках Николая II. Он был скорее символом монархии — прилежный семьянин, добрый отец, но не самодержавный государь. Страна же во время войны фактически оставалась без верховной власти.

В то же время позицию Николая II по отношению к «демократизации» власти во время войны трудно назвать легкомысленной. Он, очевидно, помнил урок 1905 г., когда провозглашение Манифеста привело только к эскалации революции. Практика на примере Февральской революции показала, что Николай II, может и не вполне осознано, но все же был недалек от истины: уже после отречения В. Воейков «обратился к его величеству с вопросом, отчего он так упорно не соглашался на некоторые уступки, которые, быть может, несколько месяцев тому назад могли бы устранить события этих дней. Государь ответил, что, во-первых, всякая ломка существующего строя во время такой напряженной борьбы с врагом привела бы только к внутренним катастрофам, а во-вторых, уступки, которые он

делал за время своего царствования по настоянию так называемых общественных кругов, приносили только вред отечеству, каждый раз устраняя часть препятствий работе зловердных элементов, сознательно ведущих Россию к гибели»³²⁷.

У. Черчилль разделял опасения Николая II: «Он видел так же ясно, как и другие, возрастающую опасность. Он не знал способа ее избе-

75

жать. По его убеждению, только самодержавие, создание веков, дало России силу продержаться так долго наперекор всем бедствиям. Ни одно государство, ни одна нация не выдерживали доселе подобных испытаний в таком масштабе, сохраняя при этом свое строение. Изменить строй, отворить ворота нападающим, отказаться хотя бы от доли своей самодержавной власти — в глазах царя это означало вызвать немедленный развал. Досужим критикам, не стоявшим перед такими вопросами, нетрудно пересчитывать упущенные возможности. Они говорят, как о чем-то легком и простом, о перемене основ русской государственности в разгар войны, о переходе самодержавной монархии к английскому или французскому парламентскому строю...»

В середине 1916 г. Шингарев констатировал: «Зашло так далеко, пропущены все сроки, я боюсь, что если наша безумная власть даже пойдет на уступки, если даже будет составлено правительство из этих самых людей доверия, то это не удовлетворит... Настроение уже перемахнуло через нашу голову, оно уже левее Прогрессивного блока... Придется считаться с этим... Мы уже не удовлетворим... Уже не сможем удержать... Страна уже слушает тех, кто левее, а не нас... Поздно...»³²⁸ По словам Шульгина: «Тяжелее и глупее всего было в этой истории положение наше — консервативного лагеря. Ненависть к революции мы всосали если не с молоком матери, то с японской войной. Мы боролись с революцией, сколько хватало наших сил, всю жизнь. В 1905-м мы ее задавили. Но вот в 1915-м, главным образом потому, что кадеты стали полупатриотами, нам, патриотам, пришлось стать полукадетами. С этого все и пошло. «Мы будем твердить: все для войны, — если вы будете бранить власть»... И вот мы стали ругаться, чтобы воевали. И в результате оказались в одном мешке с революционерами, в одной коллегии с Керенским и Чхеидзе...»³²⁴

Шульгин ставил в заслугу оппозиции то, что «раздражение России, вызванное страшным отступлением 1915 года... удалось направить в отдушину, именуемую Государственной Думой. Удалось перевести накипевшую революционную энергию в слова, в пламенные речи и в искусные, звонко звенящие «переходы к очередным делам». Удалось подменить «революцию» «резолуцией», то есть кровь и разрушение словесным выговором правительству». И тут же Шульгин отмечал: «В минуту сомнений мне иногда начинает казаться, что из пожарных, задавшихся целью тушить революцию, мы невольно становимся ее поджигателями. Мы слишком красноречивы... мы слишком талантливы в наших словесных упражнениях. Нам слишком верят, что правительство никуда не годно...»³³⁰ Шульгин продолжал: «Мы избрали этот путь... Путь, так сказать, «суда» — вместо «самосуда». Путь парламентской борьбы — вместо баррикад... «А вы не думаете, что так вы скорее дойдете до баррикад?» Вот в этом-то и вопрос. Что мы, сдерживаем или

76

разжигаем?.. Мне всегда казалось, что сдерживаем...»³³¹ Но на деле происходило то, о чем в свое время писал Ницше, «ослабляя болезнь, вы ослабили больного — вы не врачи, а шарлатаны!»³³² Этот же образ использовал П. Столыпин, за несколько лет до войны предупреждая думских деятелей: «Вы хирурги, собравшиеся вокруг одурманенного больного. Больной этот... ошеломленный вашей критикой. Вы, господа, взяли ланцеты и режете его, потрошите его внутренности, но одна неловкость, одно неосторожное движение — и вы уже

будете не оперировать больного, а анатомировать труп»³³³.

Победа русской армии в 1916 г. привели к тому, что как и в 1914 г., в либеральных кругах снова возник страх, что война закончится скорой победой и, следовательно, укреплением монархии. Великий князь Александр Михайлович сообщал о настроениях в Петербурге: «Политиканы мечтали о революции и смотрели с неудовольствием на постоянные успехи наших войск... город был полон слухов... "Правда ли, что царь запыл?" "А вы слышали, что государя пользует какой-то бурят, и он прописал ему... лекарство, которое разрушает мозг?" "Известно ли вам, что Штюмер, которого поставили во главе нашего правительства, регулярно общается с германскими агентами в Стокгольме?" "А вам рассказали о последней выходке Распутина?" И никогда ни одного вопроса об армии! И ни слова радости о победе Брусилова! Ничего, кроме лжи и сплетен, выдаваемых за истину только потому, что их распускают высшие придворные чины»³³⁴. «В целом ситуация создавала ощущение, — вспоминал великий князь Кирилл Владимирович, — будто балансируешь на краю пропасти или стоишь среди трясины. Страна напоминала тонущий корабль с мятежным экипажем. Государь отдавал приказы, а гражданские власти выполняли их несвоевременно или не давали им хода, а иногда и вовсе игнорировали их. Самое печальное, что пока наши солдаты воевали, не жалея себя, люди в чиновничьих креслах, казалось, не пытались прекратить растущий беспорядок и предотвратить крах; между тем агенты революции использовали все средства для разжигания недовольства»³³⁵. Ю. Ломоносов отмечал «что... это недовольство было направлено почти исключительно против царя и особенно царицы. В штабах и в Ставке царицу ругали нещадно, поговаривали не только о ее заточении, но даже о низложении Николая. Говорили об этом даже за генеральскими столами. Но всегда, при всех разговорах этого рода, наиболее вероятным исходом казалась революция чисто дворцовая, вроде убийства Павла»³³⁶. На причину, почему этот государственный переворот все же не был осуществлен, образно указывал В. Маклаков, который сравнивал в то время Россию с автомобилем, ведомым безумным шофером по узкой дороге над пропастью, когда всякая попытка овладеть этим рулем закончится общей гибелью. Поэтому сведение счетов с шофером (Николаем II) откладывается «до того вождельного времени, когда минует опасность»³³⁷.

77

Николай II, по-видимому, не понимал всей серьезности складывающейся ситуации. Мамонтов приводил в воспоминаниях свой разговор с царем, в котором он высказал озабоченность внутривластной обстановкой: «Государь внимательно, с недоверчивой улыбкой и возраставшим изумлением слушавший меня не прерывая, при заключительных словах моих воскликнул: "Да вы с ума сошли, вам все это приснилось, и приснилось когда же? Чуть не накануне нашей победы?! И чего вы боитесь? Сплетен гнилого Петербурга и крикунов в Думе, которым дорога не Россия, а их собственные интересы? Можете быть спокойны; если бы и могли произойти какие-нибудь неожиданности, то соответственные меры против них приняты и повторяю: победа теперь уже на за горами"»³³⁸.

Тем не менее Николай II уже не знал, на кого опереться. По словам В. Воейкова: «Положение царя становилось все более и более тяжелым; верные слуги таяли, а число людей, оппозиционно настроенных, увеличивалось. Главную роль в обществе стали играть члены Государственной Думы, мнения которых принимались за непреложные истины...»³³⁹ Видимо, именно с этим связано назначение в январе 1916 г. председателем Совета министров консервативного гофмейстера барона Б. Штюмера. Монархист Шульгин негодовал: «Этот «дед» не только не принес порядка России, а унес последний престиж власти... Штюмер — жалкий, ничтожный человек, а Россия вела мировую войну. Дело в том, что все

державы мобилизовали свои лучшие силы, а у нас — «святочный дед» премьером. Вот где ужас. Вот отчего страна в бешенстве. И кому охота, кому это нужно было доводить людей до иступления?! Что это, нарочно, что ли, делалось?!» Американский посол в России Фрэнсис характеризовал председателя Совета министров следующим образом: «Кажется, этот человек не питает уважения ни к одному выдающемуся русскому из тех, с кем я встречался. Решительно, его назначение — победа реакции». И добавлял, что Б. Штюрмер — реакционер, оппортунист без всяких убеждений и интеллекта. Удаление Штюрмера произвело бы умиротворяющий эффект, восстановило бы доверие... Фрэнсис предупреждал: «Если император будет настаивать на сохранении Штюрмера и на время прервет работу Думы или распустит ее, может последовать революция»³⁴⁰. Французский посол Палеолог сообщал в Париж: «Штюрмеру 67 лет. Как личность он ниже среднего уровня. Ума небольшого; мелочен; души низкой; честности подозрительной; никакого государственного опыта и никакого делового размаха...»³⁴¹ Бывший премьер В. Коковцов назвал его «бесталанным и пустым человеком»³⁴².

Английского посла Бьюкенена больше всего беспокоила прогерманская ориентация нового премьера. «Как реакционер с прогерманскими симпатиями, Штюрмер никогда не смотрел благожелательно на идею союза с демократическими правительствами Запада, боясь, что будет создан канал, по которому либеральные идеи проникнут в Россию»³⁴³.

78

Беспокойство посла по поводу внутренней ситуации в России было настолько велико, что он обратился с «предложением» о смене премьер-министра и государственного строя к русскому царю: «В первых числах февраля... (Бьюкенен) получил аудиенцию, на которой... впервые сделал серьезную попытку побудить императора вступить на более либеральный путь. Указав на растущее чувство недовольства, открыто выражаемого всеми классами населения, я сказал ему, что офицеры и даже генералы, возвращающиеся с фронта, заявляют, что пора убрать с дороги всех тех, кто виноват в страданиях армии. Принесенные народом жертвы, говорил я, заслуживают некоторой награды. И я советовал его величеству даровать в качестве акта милости за оказанные услуги то, что было бы унижительно отдать под давлением революционного движения»³⁴⁴. В донесении в министерство иностранных дел от 18 августа Бьюкенен говорил: «...Если император будет продолжать слушаться своих нынешних реакционных советчиков, то революция, боюсь, является неизбежной»³⁴⁵.

16 декабря 1916 г. биржевик А. Коновалов заявлял в Государственной Думе: вся Россия уже осознала, что «с существующим режимом, существующим правительством победа невозможна, что основным условием победы над внешним врагом должна быть победа над *внутренним врагом*». Рябушинский утверждал: «Мы переживаем трагическое время, и декабрь 1916 г. в истории России навсегда оставит память противоположности интересов Родины и правительства»³⁴⁶. Великий князь Александр Михайлович писал Николаю II 25 декабря 1916 г.: «Как это ни странно, но... само правительство поощряет революцию. Никто ее не хочет... Мы ведем войну, которую необходимо выиграть во что бы то ни стало. Все это сознают кроме твоих министров. Их преступные действия, их равнодушие к страданиям народа и их беспрестанная ложь вызовут народное возмущение... грядущая революция 1917 года явится прямым продуктом усилий твоего правительства. Впервые в современной истории революция будет произведена не снизу, а сверху, не народом против правительства, но правительством против народа»³⁴⁷. Генерал А. Деникин: «Безудержная вакханалия, какой-то садизм власти, который проявляли сменявшиеся один за другим правители распутинского назначения, к началу 1917 года привели к тому,

что в государстве не было ни одной политической партии, ни одного сословия, ни одного класса, на которое могло бы опереться царское правительство. **Врагом народа** его считали все: Пуришкевич и Чхеидзе, объединенное дворянство и рабочие группы, великие князья и сколько-нибудь образованные солдаты»³⁴⁸.

Великие князья забрасывали Николая II своими тревожными письмами. Александр Михайлович: «Я принципиально против так называемого ответственного министерства, т.е. ответственного перед Думой... надо помнить, что парламентская жизнь у нас в самом зародыше — при

79

самых лучших намерениях тщеславие, желание власти и почета будут играть не последнюю роль. И главное, при непонимании парламентского строя, личной зависти и прочих человеческих недостатках министры будут меняться даже чаще, чем теперь...» Но при этом великий князь отмечал: «Состоявшиеся... назначения показывают, что ты окончательно решил вести внутреннюю политику, идущую в полный разрез с желаниями всех твоих верноподданных. Эта политика только на руку левым элементам, для которых положение «чем хуже, тем лучше» составляет главную задачу; так как недовольство растет, начинает пошатываться даже монархический принцип... Факты развала и произвола налицо. Продолжаться долго такое положение не может; опять повторяю: нельзя править страной, не прислушиваясь к голосу народному, не идя навстречу его нуждам, не считая его способным иметь собственное мнение, не желая признавать, что народ свои нужды сам понимает... Когда подумаешь, что ты несколькими словами и росчерком пера мог бы все успокоить, дать стране то, чего она жаждет, т.е. правительство доверия и широкую свободу общественным силам, при строгом контроле, конечно, что Дума, как один человек, пошла бы за таким правительством, что произошел бы громадный подъем всех сил народных... то становится невыносимо больно, что нет людей, которым бы ты доверял...»³⁴⁹

Спустя месяц Александр Михайлович снова писал Николаю: «...События показывают, что твои советники продолжают вести Россию и тебя к верной гибели... Недовольство растет с большой быстротой, и чем дальше, тем шире становится пропасть между тобой и твоим народом (когда я говорю «народом», я понимаю в смысле тех, которые понимают нужды народные, а не тех, которые представляют из себя стадо, которое пойдет за человеком, сумеющим увлечь толпу)... Посмотри, что делается в союзных нам странах — править государствами призваны самые способные люди, без различия их убеждений...»³⁵⁰

Великий князь Георгий Михайлович: «Ненависть к Штюрмеру чрезвычайная... какие же меры могли бы излечить это состояние? На это могу ответить, что общий голос — удаление Штюрмера и установление ответственного министерства для ограждения тебя от обмана различных министров. Эта мера считается единственной, которая может предотвратить общую катастрофу. Если бы я это слышал от левых и разных либералов, то я не обратил бы на это никакого внимания. Но это мне говорили и здесь говорят люди, глубоко преданные тебе и желающие от всей души блага только тебе и России... Признаюсь, что я не ожидал, что я услышу здесь, в армии, то же, что я слышал всюду в тылу. Значит, это желание всеобщее — глас народа — глас Божий, и я уверен, что Господь тебе поможет пойти навстречу всеобщему желанию и предупредить надвигающуюся грозу изнутри России»³⁵¹. В другом письме Георгий Михайлович предупреждал Николая II: «Если в течение двух недель не будет созвано новое правительство, ответственное в своих действиях перед Государственной Думой, мы все погибнем»³⁵².

80

Великий князь Николай Михайлович: «Ты неоднократно выражал твою волю «довести войну до победоносного конца». Уверен ли ты, что при настоящих

тыловых условиях это исполнимо? Осведомлен ли ты о внутреннем положении не только внутри империи, но и на окраинах (Сибирь, Туркестан, Кавказ)? Говорят ли тебе правду или многое скрывают? Где кроется корень зла?..»³⁵³ Великий князь Михаил Михайлович: «Агенты Интеллидженс Сервис... предсказывают в ближайшем будущем в России революцию. Я искренне надеюсь, Ники, что ты найдешь возможным удовлетворить справедливые требования народа, пока еще не поздно»³⁵⁴. Великий князь Павел Александрович уже составил манифест о введении конституции после войны³⁵⁵.

Если у великих князей были такие настроения, то что уж говорить о либералах. Накануне переворота 09. 02. 1917 г. Н. Маклаков писал: «Дума и союзы, несомненно, толкнут часть населения на временные осложнения... Власть должна... быть уверенной в победе над *внутренним врагом*, который давно становится и опаснее, и ожесточеннее, и наглее врага внешнего». Председатель кадетской комиссии* на это заметил: «Вы, в сущности, объявляете всю Россию внутренним врагом»³⁵⁶. И правительство, и либералы использовали один термин — «*внутренний враг*», — но каждый имел при этом в виду противоположную сторону. В. Сухомлинов: «У нас был свой собственный *внутренний враг*. В первую очередь военному министру пришлось бороться с ним, и притом с негодными средствами. Именно этим объясняется многое из того, что потом случилось: самый совершенный цензурный аппарат не может помочь, если во время войны правительственная политика не будет основана на единодушной народной воле. Мне вскоре стало ясно, что на стороне царя не народная воля, а лишь тонкий слой чиновничества, офицерства и промышленников, в то время как политические партии готовили свою похлебку на костре военного времени»³⁵⁷. 5 января 1917 года «Русские ведомости» внешне скорбно, но внутренне торжествуя, сообщили: «Бюрократия теряет то единственное, чем она гордилась и чем старалась найти искупление своим грехам, — внешний порядок и формальную работоспособность»³⁵⁸.

Развязка приближалась. 14 декабря императрица пишет царю: «Я бы спокойно и с чистой совестью перед всей Россией отправила Львова... Милюкова, Гучкова и Поливанова также — в Сибирь. Идет война, и в такое время внутренняя война есть государственная измена. Почему ты так на это не смотришь, я, право, не могу понять. Я только женщина, но моя душа и мой ум говорят мне, что это было бы спасением России... Будь Петром Великим, Иваном Грозным, императором Павлом... Раздави их всех под собой!» Николай II на это отписывается: «Бедный старый муженек — без воли»...

* Комиссия Временного правительства по расследованию деятельности царской администрации.

81

Власти не было, и это было очевидно для всех. Милюков вспоминал: «...Я так же хорошо мог бы озаглавить этот предреволюционный год словами "паралич власти"». «Власти нет», — писал князь Львов. «Правительства нет», — подтверждал Протопопов³⁵⁹. «И оба признавали, — замечает Милюков, — с противоположных сторон: общественные организации хотят занять место власти».

Гражданской власти действительно не было, но оставалась армия, и Деникин был недалек от истины, когда утверждал: «...Является совершенно бесспорным одно положение: исход революции во многом зависел от армии»³⁶⁰. Далек не случайно А. Гучков, учитывая опыт первой русской революции, когда именно армия сказала решающее слово, еще до войны возглавил думский комитет по военным делам. При нем он организовал нечто вроде «военной ложи», в которую вошли военный министр Поливанов, генералы Алексеев, Брусилов, Гурко, Крымов, Ломоносов, Маниковский, Рузский и т.д...³⁶¹

С началом Первой мировой войны главной задачей либеральных сил стало углубление раскола между армией и правительством, что было не так сложно. В армии с первых дней войны нарастало глухое недовольство тылом, не способным обеспечить потребности армии, что неоднократно приводило к прямым конфликтам между Ставкой и правительством. Беспорядки в тылу крайне болезненно отзывались на фронте, поскольку именно там они непосредственно вели к новым страданиям и жертвам. Армии необходима была консолидирующая тыл и фронт, мобилизующая общество власть, которую Николай II обеспечить не смог. Об этом писал в начале 1917 г. генерал Нокс, глава британской миссии в России: «Перспективы были более многообещающими, чем виды на кампанию 1916 года в марте того года... Русская пехота устала, но меньше чем год назад... почти всех видов вооружений, боеприпасов и снаряжения было больше, чем когда-либо — при мобилизации, весной 1915-го или весной 1916 г. Качество командования улучшалась с каждым днем... Нет никакого сомнения в том, что если бы тыл не раздирался противоречиями... русская армия увенчала бы себя новыми лаврами... и, вне сомнений, нанесла бы такой удар, который сделал бы возможным победу союзников к исходу этого года»³⁶².

Именно на этой неспособности власти мобилизовать тыл строили свою пропаганду в верхних эшелонах армейского командования либералы. Показательным в этом плане является открытое письмо Гучкова начальнику штаба Верховного главнокомандующего Алексееву от 28 августа 1916 г.: «В тылу идет полный развал... власть гибнет на корню... Как ни хорошо теперь на фронте, но гниющий тыл грозит еще раз, как было год тому назад, затянуть и Ваш доблестный фронт, и Вашу талантливую стратегию, да и всю страну, в то невылазное болото, из которого мы когда-то выкарабкались со смертельной опасностью...

82

А если Вы подумаете, что вся власть возглавляется г. Штюрмером, у которого (и в армии, и в народе) прочная репутация если не готового предателя, то готового предать, — что в руках этого человека ход дипломатических отношений в настоящем и исход мирных переговоров в будущем — а следовательно, и вся наша будущность, — то Вы поймете, Михаил Васильевич, какая смертельная тревога за судьбу нашей Родины охватила и общественную мысль, и народные настроения»³⁶³. Современники расценивали это письмо, как прямую провокацию. Великий князь Александр Михайлович указывал, что «А. Гучков, лидер консерваторов, делал все, что было в его власти, чтобы возбудить бунт в русской армии»³⁶⁴.

По словам Александра Михайловича, «общественные деятели регулярно посещали фронт якобы для его объезда и выяснения нужд армии. На самом же деле они ездили, чтобы завоевать симпатии командующих армиями. Члены Думы, обещавшие в начале войны поддерживать правительство, теперь трудились не покладая рук над разложением армии»³⁶⁵. Об одном из подобных посещений рассказывал полковник Н. Балабин: «Объезжая в 1916 г. войсковые части в качестве главноуполномоченного Красного Креста, Гучков в интимной беседе со мной в штабе дивизии высказывал мне серьезные опасения за исход войны. Мы единодушно приходили к выводу, что неумелое оперативное руководство армией, назначение на высшие командные должности бездарных царедворцев, наконец, двусмысленное поведение царицы Александры, направленное к сепаратному миру с Германией, может закончиться военной катастрофой и новой революцией, которая, на наш взгляд, грозила гибелью государству. Мы считали, что выходом из положения мог бы быть дворцовый переворот: у Николая нужно силой вырвать отречение от престола». Учитывая дальнейшую судьбу Балабина — летом 1917 года при Временном правительстве он был начальником штаба Петроградского

военного округа, — это признание существенно³⁶⁶. М. Лемке отмечал, что «телеграммы и письма, получаемые Гучковым все это время, показывают, как популярен он в армии..., кто его только не приветствует»³⁶⁷.

Продвижению оппозиционных идей в армии способствовало запрещение деятельности в ней министерства внутренних дел. Но фронтовые части и подразделения трудно поддавались революционной пропаганде и разложению. Свои «боевые силы» революционеры «нашли» в запасных батальонах, «автором» которых стал военный министр Поливанов. Все лето и осень 1915 г. он призывал новые контингента — а послать их на фронт не мог из-за отсутствия винтовок. Запасные батальоны разрослись до 12-15 тыс. чел, при штатном офицерском составе на тысячу чел., да и то из инвалидов и юнцов. Бороться с этим злом попытался Шуваев — он вообще отменил призывы весной и летом 16-го. Но и то огромные тыловые части до конца не рассосались. А из-за летних потерь,

83

увеличения линии фронта потребовались новые пополнения, и к зиме запасные батальоны опять стали расти³⁶⁸. По словам Игнатьева: «Несоразмерно большие потери в офицерском составе в первые месяцы войны и запоздалые меры по подготовке прапорщиков создали подлинную угрозу боевой способности русской пехоты. Казармы ломились от запасных батальонов, а обучить и вести в бой этих солдат было некому»³⁶⁹.

О состоянии запасных частей начальник канцелярии премьера Мануйлов сообщал Палеологу: «В тылу полное разложение. Тыловые части ровно ничего не делают или, во всяком случае, недостаточно заняты. Вы знаете, что зима — самое неудобное время для военного обучения. Но в этом году это обучение проходило в особенно сокращенном и упрощенном виде из-за недостатка ружей, пулеметов, орудий, а главное — из-за недостатка в офицерах. Кроме того, солдаты очень скверно помещены в казармах. Их набивают как сельдей в бочку. В Преображенских казармах, рассчитанных на 1200 человек, помещены 4000 человек. Представьте себе их жизнь в душных и темных помещениях! Они проводят целые ночи в разговорах. Не забывайте, что среди них есть представители всех народностей империи, всех религий и сект, есть даже евреи. Это прекрасный бульон для культуры революционных бактерий. И наши анархисты, конечно, прекрасно это понимают». Слыша вместо обычной бравады этот вопль о грядущем несчастье, Палеолог сделал вывод, что «падение русского режима не за горами»³⁷⁰.

В. Шамбаров указывает, что гигантской тыловой частью был Балтфлот, причем, как писал А. Колчак: «Гельсингфорс тогда буквально кишел немецкими шпионами и немецкими агентами, так как по самому положению Гельсингфорса, как финского города, контроль и наблюдение за иностранцами были страшно затруднены»... Но главную опасность представляли не шпионы, а настроения моряков. Это был объективный фактор, который совершенно одинаково действовал, как в России, так и в Германии, где ноябрьская революция 1918 года также вспыхнула на флоте. Адмирал Тирпиц, характеризуя настроения немецких моряков, писал, что длительное бездействие флота, «тяжелая и однообразная служба после пятилетнего непрерывного пребывания на борту корабля становилась почти невыносимой... матросы редко получали отпуск и находились в постоянном напряжении... такие условия жизни... превратили флот в школу критики и рассадник разрушительных и болезненных доктрин».

29. 09. 1916 г. начальник Кронштадтского порта вице-адмирал Р. Вирен докладывал: «Достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе со своими судами, находящимися сейчас в порту, выступит против меня, офицерства, правительства, кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль,— через минуту раздастся взрыв. Вчера я

посетил крейсер "Диана", на приветствие команда ответила по-казенному, с плохо скрытой враждебностью. Я всматривал-

84

ся в лица матросов, говорил с некоторыми по-отечески; или это бред усталых нервов старого морского волка, или я присутствовал на вражеском крейсере, такие впечатления оставил у меня этот кошмарный осмотр...» Вирен получил ответ, что министерство внутренних дел «держит ситуацию под контролем»*.

Тревожный «звонок» прозвучит уже 29. 10, когда все заводы Петрограда безо всяких требований прекратили работу... Вызванные на подмогу солдаты открыли огонь по... полиции, но бунт быстро подавили казаки. Однако никаких мер в преддверии открытия Думы не было предпринято, власти не хотели раздражать «общественность»³⁷¹. По словам русского военного агента во Франции Игнатьева: «Серьезно призадуматься над «беспорядками» в столице заставили промелькнувшие намеки на участие в них солдат Волынского полка. Варшавская гвардия! Как могла она попасть в Петербург? Это может быть, наверное, только запасный батальон этого полка, решил я, — надо же быть Беляевыми и Хабаловыми, чтобы додуматься для обеспечения порядка в столице набить ее запасными войсками, поддающимися легче всего разложению! Французские правители поступали хитрее, отводя на отдых в окрестности Парижа только самые надежные и наиболее дисциплинированные части — кавалерию. Они настоятельно доказывали, что армия остается «вне политики», но по существу считали ее, конечно, опорой республиканского режима. Они правда, не жалели денег на хорошую полицию, не упоминали в своих воинских уставах, в противоположность нашим, о «врагах внутренних», но все же рассчитывали на армию как на последний полицейский резерв»³⁷². В России военное министерство концентрировало запасные батальоны именно в столице, препятствуя введению в Петроград на отдых кадровых воинских частей. В феврале 1917 г. Петроградский округ был выведен из состава Северного фронта в связи с нарастанием напряженности в столице. Командующим округом стал ставленник Протопопова ген. Хабалов.

Атмосферу запасных полков уже после февраля передавал один из унтер-офицеров: «Полк катился к полному разложению. То выявится пропажа оружия и патронов, то группа солдат растащит продукты в частном магазине, то рьяный часовой откроет беспричинную стрельбу, то в столовой возникнет кем-то спровоцированная драка. Многие солдаты перестали бриться и подстригать бороды, ходили в распахнутых шинелях без ремней, курили где попало, являя собой пример распушенности, апатии, безразличия ко всему, что делается вокруг. Росло число дезертиров. Офицерский состав, практически отстраненный солдатской массой от командования, находил утешение в пьянстве и в спорах-разговорах о будущем России»³⁷³. Ген. Деникин писал про «буйную солдатскую чернь, наводнявшую области в качестве армей-

* Р. Вирен был убит матросами 14. 03. 17.

85

ских запасных батальонов и тыловых армейских частей. Этот бич населения положительно терроризировал страну, создавая анархию в городах и станицах, производя разгромы, захват земель и предприятий, попирая всякое право, всякую власть и создавая невыносимые условия жизни»³⁷⁴. Но ведь тем же закончилась и русско-японская война, и с того же началась первая русская революция. Ген. Алексеев писал в конце декабря 1905 года: «...400 тысяч запасных из солдат превратились в истеричных баб — дряблых, безвольных, помешанных на одной мысли — ехать домой»³⁷⁵.

РЕВОЛЮЦИЯ

«Если вовремя не давать разумные свободы, то они сами себе прощупают пути. Россия представляет страну, в которой все реформы по установлению разумной свободы и гражданственности запоздали и все болезненные явления происходят от этой коренной причины. Покуда не было несчастной войны, прежний режим держался, хотя в последние годы перед войной он уже претерпевал потрясения; несчастная война пошатнула главное основание того режима — силу и, особенно, престиж силы, сознание силы. Теперь нет выхода без крупных преобразований, могущих привлечь на сторону власти большинство общественных сил».

*С. Витте*³⁷⁶

По свидетельству очевидцев и мнению большинства исследователей, Февральская революция произошла совершенно естественным, стихийным путем. Так, Л. Троцкий, например, писал: «Февральское восстание именуют стихийным... в феврале никто заранее не намечал путей переворота; никто не голосовал по заводам и казармам вопроса о революции; никто сверху не призывал к восстанию. Накопившееся в течение годов возмущение прорвалось наружу, в значительной мере неожиданно для самой массы»³⁷⁷. По мнению Н. Бердяева: «К 1917 г. в атмосфере неудачной войны все созрело для революции. Старый режим сгнил и не имел приличных защитников. Пала священная русская империя, которую отрицала и с которой боролась целое столетие русская интеллигенция»³⁷⁸. А. Деникин приходил к выводу, что «Революция была неизбежна. Ее называют *всенародной*. Это определение правильно лишь в том, что революция явилась результатом недовольства старой властью решительно всех слоев населения...»³⁷⁹

А. Буровский констати-

86

рует, что «у Февральской революции 1917 г. не было организатора. У начавшего заваливаться строя не оказалось защитников»³⁸⁰.

Февральская революция, казалось, произошла даже вопреки желанию либеральных партий. Они боролись против власти всеми методами, однако ничто не страшило их больше, чем революция. Так, 3 ноября 1916 г. Шульгин с трибуны Думы заявлял: «Я не принадлежу к тем людям, для которых борьба с властью есть дело, если не сказать привычное, то, во всяком случае, давнишнее. Наоборот, в нашем мировоззрении та мысль, что даже дурная власть лучше безвластия, — эта мысль занимает почетное место... И тем не менее у нас есть только одно средство: бороться с властью до тех пор, пока она не уйдет!.. Мне кажется, что рабочие будут спокойнее и усерднее стоять у своих станков, зная, что Государственная Дума исполняет свой долг; и даже тогда, когда в их мастерские будут врывать банды и говорить им: «Забастуйте для борьбы с правительством», — я уверен, рабочие скажут: «Прочь, уходите, вы или шпионы, или провокаторы, потому что борется с правительством Государственная Дума, и она борется с правительством за Россию...»

Казалось бы, какое отношение в таком случае либералы имеют к революции, они ведь, наоборот, подобными речами стремились предотвратить ее, призывая отдать решение вопроса о власти в руки Государственной Думы?

Ответ на этот вопрос дал Марков 2-й, который оценил заявление Шульгина следующим образом: «Правда Шульгина такая: мы в Думе владеем словом, могучим словом, и словом будем бить по ненавистному правительству, и это патриотизм, это священный долг гражданина. А когда рабочие, фабричные рабочие, поверив вашему слову, забастуют, то это государственная измена. Вот шульгинская правда, и я боюсь, что эту правду рабочие назовут провокацией, и, пожалуй, что это будет действительно правда... Знайте, что народ и рабочие — люди дела, они не болтуны и словам вашим верят, и если вы говорите эти слова — будем бороться с государственной властью во время ужасной войны, — понимайте, что это значит... чтобы рабочие бастовали, чтобы рабочие поднимали

знамя восстания, и не закрывайтесь, что вы только словами хотели ограничиться; нет, знайте, что ваши слова ведут к восстанию, к народному возмущению... Речи депутатов Милюкова, Керенского, Чхеидзе и ласковое изречение г. Шульгина разнятся только в тоне, в манере, в технике, но суть их одна, и все они ведут к одному — к революции»³⁸¹.

То, что либералы упорно готовят переворот, в то время не было секретом. С. Булгаков вспоминал о политике кадетов и октябристов в конце 1916 г.: «В это время в Москве происходили собрания, на которых открыто обсуждался дворцовый переворот и говорилось об этом, как о событии завтрашнего дня. Приезжали в Москву А. Гучков, В. Макла-

87

ков, суетились и другие спасители отечества... Особенное недоумение и негодование во мне вызвали в то время дела и речи кн. Г. Львова, будущего премьера... Его я знал... как верного слугу царя, разумного, ответственного, добросовестного русского человека, относившегося с непримиримым отвращением к революционной сивухе, и вдруг его речи на ответственном посту зовут прямо к революции... Это было для меня показательным, потому что о всей *интеллигентской черни* не приходилось и говорить...»³⁸² Председатель Думы М. Родзянко успокаивал британского военного атташе: «Мой дорогой Нокс, вы должны успокоиться. Все идет правильно. Россия — большая страна, мы можем вести войну и совершать революцию одновременно»³⁸³. Бьюкенен, в свою очередь, отмечал в воспоминаниях, что один его «русский друг, который был впоследствии членом Временного правительства, известил меня, что перед Пасхой должна произойти революция, но что мне нечего беспокоиться, так как она продлится не больше двух недель»³⁸⁴. Николай II писал жене 5 ноября 1916 года: «Вчера я принял славного Маниковского, начальника артилл. управления. Он рассказал мне много относительно рабочих, об ужасной пропаганде среди них и огромных денежных суммах, раздаваемых для забастовок, — и что, с другой стороны, этому не оказывается никакого сопротивления, полиция ничего не делает, никому дела нет до того, что может случиться! Министры, как всегда, очень слабы — вот и результат»³⁸⁵.

1917 г. начался с подготовки новой атаки на власть. Она была назначена, на день открытия Думы — 9.01 — годовщину "кровавого воскресенья". Мероприятию должны были предшествовать съезды земских и торгово-промышленных организаций. Все они были запрещены. Тем не менее в годовщину "кровавого воскресенья" в столице бастовало 150 тыс. чел., а всего по стране до 700 тыс. На Металлическом заводе день забастовки стоил фронту 15 тыс. недоданных снарядов.

Рябушинский в то время заявлял: «Лишь чувство великой любви к России заставляет безропотно переносить ежедневно наносимые властью, потерявшей совесть, оскорбления». Тиражировалась речь Львова, в которой говорилось, что «власть стала совершенно чуждой интересам народа», она «бездействует, ее механизм не работает, она вся поглощена борьбой с народом». Распространялась декларация оргкомитета запрещенного съезда: «*правительство*, превратившись в орудие темных сил, ведет Россию к гибели и *колеблет императорский трон*». «Пусть же Дума в решительной борьбе, начатой ею, оправдает ожидания страны!» «Однако очередной раунд «решительной борьбы» был сорван. Открытие Думы перенесли на 14. 02». 09. 02 полиция арестовала «рабочую группу» при Военно-промышленном комитете... были найдены доказательства подготовки массовых выступлений, приуроченных к открытию Думы. Гучков и Коновалов разразились протестами в прессе, возмутились ВПК и Особое Совещание по обороне. Однако арест дез-

88

организовал готовившиеся манифестации. В день открытия Думы бастовало «всего» 58 предприятий — 89 576 чел., но дальше выступления пошли на убыль. Руководство кадетской партии очередной раунд борьбы с самодержавием считало проигранным...»³⁸⁶

В это время министр внутренних дел успокаивал Николая II, что ничего страшного не происходит и обстановка находится под контролем. Оптимистичные доклады А. Протопопова обуславливались, по-видимому его неопытностью, как и всего руководства МВД, которое было сменено с приходом нового министра на лояльных власти людей; желанием угодить Николаю II (последнему нравились успокоительные отчеты); знанием антиреволюционных настроений либералов (А. Протопопов до назначения был членом Прогрессивного блока); надеждами на мир с Германией и на достижение компромисса с оппозицией; недооценкой стихийности движения масс и тем, что антиправительственный заговор так и не был раскрыт. Даже Троцкий сомневался: «Существовал ли он на самом деле? Ничто этого не доказывает. Он был слишком широк, этот «заговор», захватывал слишком многочисленные и разнообразные круги, чтобы быть заговором. Он висел в воздухе, как настроение верхов петербургского общества, как смутная идея спасения или как лозунг отчаяния. Но он не сгушался до степени практического плана»³⁸⁷. Непосредственный участник событий Шульгин свидетельствовал: «Они — революционеры — не были готовы, но она — революция — была готова. Ибо революция только наполовину создается из революционного напора революционеров. Другая ее половина, а может быть, три четверти состоит в ощущении властью своего собственного бессилия. У нас, у многих, это ощущение было вполне. Ибо все в России делалось «по приказу его императорского величества». Это был электрический ток, приводящий в жизнь все провода. И именно этот ток обессиливался и замирал, уничтоженный безволием. На почве этого последнего выросли три грозных болезни: Распутин, Штюрмер и Милюков»³⁸⁸.

Планы главных либеральных «заговорщиков» на самом деле, по-видимому, не шли дальше заявлений о дворцовом перевороте и угрозах революции. Их действия были направлены прежде всего на расшатывание, обескровливание власти. Власть должна была пасть сама. Начав дело, они уже не могли остановиться, даже если бы эта власть рухнула им на головы. М. Покровский в этой связи замечал: «температуру революции нельзя регулировать по термометру»³⁸⁹. Данные рассуждения вовсе не исключают того, что за Милюковым, Гучковым, Львовым... стояли более серьезные лица. Ведь кто-то финансировал их деятельность, давал надежды на будущее... Интересно в этой связи замечание У. Черчилля о лидерах февральской революции: «Деятели прогрессистов Гучков и Милюков, доброжелательные и простодушные марионетки, скоро сошли со сцены. Они сыграли свою роль в происходившем поразительном разложении»³⁹⁰.

89

Обстановка становилась все напряженнее. В докладах министру начальника охранного отделения Глобачева сообщалось о тайных заседаниях левого крыла Думы и Госсовета, о подрывной деятельности газет и журналов «Летопись», «Дело», «Луч», «Утро России», «Русская воля» (финансировалась из Германии). Делались выводы, что «неспособные к органической работе и переполнившие Госдуму политики... способствуют своими речами разрухе тыла... Их пропаганда, не остановленная правительством в самом начале, упала на почву усталости от войны». Указывалось, что оппозиция начала активную агитацию на заводах. В докладе от 08.02 говорилось: «Руководящие круги либеральной оппозиции уже думают о том, кому и какой именно из ответственных портфелей удастся захватить в свои руки...»³⁹¹

В феврале 1917 г. охранное отделение доносило о новой напасти: «С каждым днем продовольственный вопрос становится острее, заставляет обывателя ругать всех лиц, так или иначе имеющих касательство к продовольствию, самыми нецензурными выражениями». «Новый взрыв недовольства» новым повышением цен и исчезновением с рынка предметов первой необходимости охватил «даже консервативные слои чиновничества». «Никогда еще не было столько ругани, драм и скандалов, как в настоящее время... Если население еще не устраивает голодные бунты, то это еще не означает, что оно их не устроит в самом ближайшем будущем. Озлобление растет, и конца его росту не видать»³⁹². Февральская революция началась с рабочих демонстраций требовавших хлеба, позже к нему добавился лозунг «Долой самодержавие».

Количество бастующих петроградских рабочих (чел.)

23 февраля	87 000
24 февраля	197 000
25 февраля	240 000

Но хлеб в столице был. Уже на первом заседании Совета в феврале 1917 г. выяснилось, что продовольственное состояние Петрограда «отнюдь не было катастрофическим»³⁹³. 23—24 февраля Протопопов и Хабалов заявляли, что «хлеба хватит», «волнения вызваны провокацией», «недостатка хлеба в продаже не должно быть»³⁹⁴. 25 февраля Хабалов докладывал генералу Иванову, что в городе было «5 600 000 пудов запаса муки»³⁹⁵. В. Воейков приводит заверения городского общественного управления от 25 февраля, что в «Петрограде в данный момент имеются достаточные запасы муки; на складах Калашинковской биржи было свыше 450 000 пудов муки, так что опасения о недостатке хлеба являлись совершенно неосновательными. При этом не упоминалось

90

о двенадцати так называемых маршрутных поездах, шедших из Таврической губернии в Петроград, из которых первые шесть должны были подойти 25 февраля, а вторые шесть — второго марта; нагружены они были исключительно зерном, и с их прибытием столица должна была быть обеспечена мукою по май месяц»³⁹⁶. М. Пришвин, служивший в Министерстве земледелия в Отделе продовольствия рабочих заводов и фабрик, в своих дневниках неоднократно возвращается к хлебному вопросу: «Член Совета министров заставил нас высчитать, сколько всего рабочих занято в предприятиях, обслуживающих оборону. Цифра получается очень небольшая, и странно кажется, что этих рабочих Министерство земледелия не могло обеспечить продовольствием, что на фабриках, работающих на оборону, повсеместно реквизируются запасы продовольствия... А бумаги все поступают и поступают: там по недостатку хлеба остановился завод, там целый район заводов»³⁹⁷. Т. Китанина, исследовавшая обстановку с продовольствием, приходила к выводу, что «излишек хлеба (за вычетом объема потребления и союзных поставок) в 1916 г. составил 197 млн. пуд.»³⁹⁸. Другой исследователь А. Анфимов также утверждал: «Европейская Россия вместе с армией до самого урожая 1917 г. могла бы снабжаться собственным хлебом, не исчерпав всех остатков от урожаев прошлых лет»³⁹⁹. Что же тогда стало причиной голодных бунтов?

К началу 1917 г. очевидно характерным стало положение, о котором Родзянко говорил еще в середине 1916 года: «Беспорядки в тылу приняли угрожающий характер. В Петрограде уже чувствовался недостаток мясных продуктов. Между тем, проезжая по городу, можно было встретить вереницы подвод, нагруженных

испорченными мясными тушами, которые везли на мыловаренный завод. Подводы попадались прохожим среди белого дня и приводили жителей столицы в негодование: на рынке нет мяса, а на глазах у всех везут чуть ли не на свалку испорченные туши... По обыкновению, министерства не могли с собой сговориться: интендантство заказывало, железные дороги привозили, а сохранять было негде, на рынок же выпускать не разрешалось. Это было так же нелепо, как и многое другое; точно сговорились все делать во вред России». Яковлев замечает: «Тут, вероятно, Родзянко подошел к истине — одним головоутиятием чиновников объяснить происходившее было невозможно...»⁴⁰⁰ Несколько проясняют ситуацию и показания А. Протопопова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: «Кто должен был этим продовольствием ведать? Должно было ведать правительство, а так как правительство само по себе уничтожалось, то, конечно, на его место стали общественные силы. Министерство оставалось ни при чем, и его можно было уничтожить, и это было бы, может быть, рационально, а то получилось то, что Риттих назвал «бисерной забастовкой», потому что для революционных действий, идущих против старого строя, нет более удобных путей, как экономическая борьба, т.е.

91

путь, чтобы еще более расстроить кровообращение страны, вселяя недовольство и доводя его до сильнейшего состояния, пока не произойдет взрыв. Это ужас...»⁴⁰¹

Революция действительно напоминала взрыв разорвавшейся бомбы, сметавшей все на своем пути. Протопопов докладывал Николаю II о том, что «в верности царю общей массы войск не сомневается». На деле если 23 февраля с толпой еще справлялись полиция и жандармы, то уже 24-го пришлось пустить военные части. 25-го, после царского приказа, решено стрелять, и на следующий день войска местами стреляли. Но одна рота запасного батальона Павловского полка уже требовала прекращения стрельбы и сама стреляла в конную полицию. 27 февраля отдельные части побратались с рабочими... Город был объявлен на осадном положении. К вечеру оставшиеся верными воинские части составляли уже ничтожное меньшинство...»⁴⁰²

26 февраля М. Родзянко телеграфировал Николаю II: «Положение серьезное. В столице — анархия. Правительство парализовано. Транспорт продовольствия и топлива пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя. Всяческое промедление смерти подобно...»⁴⁰³

27 февраля С. Хабалов телеграфировал генералу М. Алексею: «Прошу доложить его императорскому величеству, что исполнить повеление о восстановлении порядка в столице не мог. Большинство частей одни за другими изменили своему долгу, отказываясь сражаться против мятежников. Другие части побратались с мятежниками и обратили свое оружие против верных его величеству войск... К вечеру мятежники овладели большей частью столицы...»⁴⁰⁴ «Ваше величество, — телеграфировал генерал Эверт, — на армию в настоящем ее составе при подавлении внутренних беспорядков рассчитывать нельзя... Я принимаю все меры к тому, чтобы сведения о настоящем положении дел в столице не проникали в армию, дабы оберечь ее от несомненных волнений. Средств прекратить революцию в столице нет никаких»⁴⁰⁵.

27 февраля Николай II приостановил деятельность Думы, несмотря на то, что еще 19 февраля ее председатель М. Родзянко предупреждал Николая II, что в случае роспуска Думы вспыхнет революция, которая «сметет вас, и вы уже не будете царствовать». — «Ну, Бог даст», — отвечал самодержец... Очевидно, не последнюю роль в решении монарха сыграло мнение и императрицы. 24 февраля

она писала мужу: «Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разнесли Филиппова, и против них вызвали казаков. Я надеюсь, что Керенского из Ду-

92

мы повесят за его ужасную речь — это необходимо (военный закон, военное время), и это будет примером. Все жаждут и умоляют проявить твердость». 25 февраля: «...Хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба... Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам. Но это все пройдет и успокоится, если только Дума будет хорошо вести себя. Худших речей не печатают, но я думаю, что за антидинастические речи необходимо немедленно и очень строго наказывать, тем более что теперь военное время». 26 февраля: «В городе дела вчера были плохи. Произведены аресты 120-130 человек... Министры и некоторые правые члены Думы совещались вчера вечером... Протопопов писал (в 4 часа утра) о принятии строгих мер, и все надеются, что завтра все будет спокойно. Те хотели строить баррикады и т.д.»⁴⁰⁶

Против роспуска депутаты не возражали. Как вспоминал Милюков: «Самоубийство Думы совершилось без протеста»⁴⁰⁷. «В телеграмме царю членов Государственного совета в ночь на 28 февраля положение определялось следующим образом: «Вследствие полного расстройств транспорта и отсутствия подвоза необходимых материалов остановились заводы и фабрики. Вынужденная безработица и крайнее обострение продовольственного кризиса, вызванного тем же расстройством транспорта, довели народные массы до полного отчаяния... Правительство, никогда не пользовавшееся доверием в России, окончательно дискредитировано и совершенно бессильно справиться с грозящим положением»⁴⁰⁸. В тот же день Совет министров подал царю просьбу о коллективной отставке и разошелся. П. Милюков отмечал: «Во время «революции» в столице России не было ни царя, ни Думы, ни Совета министров». Шульгин: «...Во всем этом огромном городе нельзя было найти несколько сотен людей, которые бы сочувствовали власти...»⁴⁰⁹ На следующий день — 28 февраля — многие министры, включая председателя, были арестованы, а к Таврическому дворцу шли уже в полном составе полки, перешедшие на сторону Государственной Думы⁴¹⁰.

Сам Николай II фактически был блокирован в Ставке с 23 февраля, куда прибыл по настойчивой просьбе Алексеева. Д. Боткин в связи с этим считал, что «революция началась задолго до того дня, когда Гучков и Шульгин добивались в Пскове отречения... Государь фактически был узником заговорщиков еще до подписания отречения...»⁴¹¹ Этой же версии придерживался С. Шидловский: «Временною властью были приняты все меры, чтобы не допустить его в Петроград из опасения личного его появления». Между тем открытое противодействие означало прямой мятеж, который нельзя было бы прикрыть демагогической заботой «о судьбах династии»⁴¹². Правда, у Николая II оставались еще надежды на гвардию...

Однако, как отмечал полковник лейб-гвардии Финляндского полка Д. Ходнев: «К февралю 1917 г., понеся за время войны страшные потери,

93

гвардейская пехота как таковая перестала существовать! «Старых» кадровых офицеров.. и рядовых мирного времени, получивших... должное воспитание., понимавших и свято хранивших свои традиции, видевших мощь, славу, величие и красоту России, обожавших царя, преданных ему и всей его семье, — увы, таких осталось совсем мало! В действующей армии, в каждом гвардейском пехотном полку насчитывалось человек десять-двенадцать таких офицеров (из числа вышедших в поход 70-75) и не более сотни солдат (из числа бывших 1800-2000

мирного времени). В каждом бою гвардейская пехота сгорала, как солома, брошенная в пылающий костер... Посылаемая в самые опасные, тяжелые и ответственные места, гвардия все время уничтожалась... Будь гвардейская пехота не так обескровлена, будь некоторые ее полки в Петрограде — нет сомнения, что никакой революции не случилось бы, так как февральский бунт был бы немедленно подавлен».

Но в столице гвардейских полков не было. По словам И. Солоневича: «Генералы не могли места найти для запасных батальонов на всем пространстве империи. Или места в столице империи для тысяч двадцати фронтовых гвардейцев. Это, конечно, можно объяснить и глупостью; это объяснение наталкивается, однако, на тот факт, что все в мире ограничено, даже человеческая глупость...» А. Вырубова вспоминала, что Николай II «высказывал сожаление, что в Петрограде и Царском Селе нет настоящих кадровых войск (в Петрограде стояли запасные полки), и выражал желание, чтобы полки гвардии поочередно приходили в Царское Село на отдых, думаю, чтобы в случае нужды предохранить от грозящих беспорядков». Попытки Николая II вызвать гвардию в Царское Село и Петроград под разными предлогами отклонялись назначенным на время отдыха Алексея на его место генералом Гурко⁴¹³. Великий князь Александр Михайлович замечал: «Каким-то странным и таинственным образом приказ об их отправке в Петербург был отменен»⁴¹⁴.

В том, что для изоляции Николая II и надежных воинских частей были специально приняты предупредительные меры, вполне откровенно признавался П. Милюков: «В Петербург для усмирения восстания царем были посланы войска. Генерал Иванов назначен диктатором с объявлением военного положения в Петербурге, сам царь выехал 1 марта из Ставки в Царское. Но в то же время наши инженеры Некрасов и (прогрессист) Бубликов вместе с левыми вошли в связь с железнодорожным союзом и оказались хозяевами движения по всей железнодорожной сети»⁴¹⁵. Гучков вскоре после переворота добавлял: «Нужно признать, что тому положению, которое создалось теперь, когда власть все-таки в руках благомыслящих людей (Временного правительства), мы обязаны, между прочим, тем, что нашлась группа офицеров Генерального штаба, которая взяла на себя ответственность в трудную минуту и организовала отпор правительственным войскам, надвигавшимся на Питер, — она-то и помогла Государственной Думе овладеть положением»⁴¹⁶.

94

Но даже будь армия и сам Николай II в Петербурге, навряд ли это сколько-нибудь серьезно изменило ситуацию, кроме того, что вместо революции, сразу же началась гражданская война, в которой победа неизбежно была бы за революцией. Николай II очевидно понимал это и первой из причин своего отречения поставил «желание избежать в России гражданской войны»⁴¹⁷.

Революция была следствием действия объективных тенденций, которые не могли изменить ни царь, ни гвардия. Главная причина революции крылась в том, что буржуазные реформы в России слишком запоздали, почти на полвека, что стало основной причиной критического отставания России от своих европейских конкурентов и радикализации политической жизни в стране. Причины этого отставания кроются как в объективных российских условиях, где реформы по западному образцу были просто невозможны, так и в субъективных — крайнем консерватизме монархического строя. В сложившемся положении ключевым вопросом стал выбор между эволюционным и революционным путем развития. Эволюционный путь предлагал Витте, а следом за ним, в другой форме более интенсивного развития — Столыпин; они в той или иной мере осознанно ставили себе задачу создания материальной базы для нового буржуазно-демократического строя. Шульгин смотрел в корень проблемы: «Столыпин заплатил жизнью за то,

что раздавил революцию, и главным образом за то, что указал путь для эволюции. Нашел выход, объяснил, что надо делать».

В противовес премьерам, царская аристократия стремилась любой ценой сохранить свое привилегированное положение и цепко держала Россию в прошлом, в феодализме. Либералы и социалисты, в свою очередь, не считаясь с объективными экономическими возможностями Российского государства, требовали политического, революционного разрешения вопроса, что находило широкий отклик у населения. Эгоистичному консерватизму русской аристократии противостоял нигилистический идеализм русской интеллигенции и буржуазии, и всему этому был противопоставлен суровый материализм русских премьеров.

Россия имела шансы найти свое направление эволюционного развития и догнать конкурентов, но для этого необходимо было время... Россия не успела закончить даже восходящую часть цикла своего эволюционного развития — этому помешали разорительные русско-турецкая и русско-японская войны, финалом стала Первая мировая; именно в этом кроется главная причина всех последующих пертурбаций в России. Войны уничтожали накопленный реформистский потенциал, приводя общество на грань экономического и политического кризисов. Это резко обостряло противостояние сторон, сводило его к узкой точке борьбы за власть, отбросив решение всех остальных вопросов «на потом».

Кризисы и радикализация отношений между властью и партиями не столько вели к переделу власти между ними, сколько наносили удар

95

по народу, разоряя его и вызывая взрыв справедливого возмущения, толкая массы к «русскому бунту». П. Столыпин искал выход и в 1910 г. писал: «После горечи понесенных испытаний Россия, естественно, не может не быть недовольной; она недовольна не только правительством, но и Государственной Думой, и Государственным Советом, недовольна и правыми партиями, и левыми партиями. Недовольна потому, что Россия недовольна собой. Недовольство это пройдет, когда выйдет из смутных очертаний, когда образуется и укрепится русское государственное самосознание, когда Россия почувствует себя опять Россией. И достигнуть этого возможно, главным образом, при одном условии: при правильной совместной работе правительства и представительных учреждений». Но именно этой совместной работы достигнуть не удалось. Наблюдавший за русской политической сценой англичанин Д. Уоллес не переставал удивляться различию в политической культуре России и Запада. Он приводил пример своего разговора с одним из лидеров партии кадетов. Англичанин говорил: «Вместо того чтобы сохранять атмосферу систематической и бескомпромиссной враждебности к министерству, партия могла бы сотрудничать с правительством и посредством этого постепенно создать нечто подобное английской парламентской системе, которой вы так восхищаетесь; этого результата можно было бы достичь в течение восьми-десяти лет». Услышав эти слова, мой друг внезапно прервал меня и воскликнул: «Восемь или десять лет? Да мы не можем ждать так долго!» — «Хорошо, — ответил я, — вы, должно быть, знаете ваши обстоятельства лучше, но в Англии мы должны были ждать в течение нескольких столетий»⁴¹⁸.

Уоллес был прав, что опыт той же Англии мог быть достаточно показательным, чтобы не доводить ситуацию до революции. Такой исход был возможен только при обоюдном стремлении к сближению позиций двух сторон, царизма и буржуазии, работать во благо российского общества, но именно этого единения и не было. Министр земледелия России Кривошеин определил опасность обозначившегося противостояния в простой формуле: «Будущее России останется непрочным, пока правительство и общество будут упорно смотреть друг на друга, как два противоположных лагеря, пока каждый из них

будет обозначать другого словом «они» и пока они не будут употреблять слово «мы», указывая на всю совокупность русских»⁴¹⁹.

ФРАНЦИЯ

Было бы неправильно полагать, что война потрясла основы только отсталой монархической России. Для сравнения приведем пример передовой демократической Франции во время ее поражений на первом этапе войны 1914-1915 гг. Президент Франции Пуанкаре писал:

96

«Как только сердце Франции начинает биться несколько сильнее, моя корреспонденция страдает от нездорового вздутия. Впрочем, в каждом немобилизованном французе живет стратег, который дремлет в дни победы и при малейшей неудаче просыпается и приходит в ажиотаж...»⁴²⁰ «В результате усталости, охватившей известные круги, увеличилось число получаемых мною писем с угрозами и оскорблениями. «Мы желаем мира, — пишут мои корреспонденты. — В противном случае берегитесь 14 июля. С вами расправятся как следует». Впрочем, я получаю также много трогательных свидетельств доверия и сочувственных адресов»⁴²¹. «С каждым днем я получаю все больше ругательных писем, анонимных и подписанных. Одни обвиняют меня в том, что я «хотел войны», другие — в том, что я не подготовил ее. Многие требуют от меня заключить мир. Некоторые угрожают мне революцией»⁴²².

Генерал Лиоте горько жаловался: «Неистовая и полная неправильных утверждений кампания, которую ведет Клемансо... уже повела здесь к грубым нарушениям дисциплины и авторитета командования... Я надеялся, что он, по крайней мере на время войны, сложит оружие. Мне невозможно будет вести командование и продолжать исполнять свою столь тяжелую и неблагодарную задачу, если лицо, занимающее столь видное положение в государстве, будет продолжать пропагандировать здесь беспорядок и нарушение дисциплины...»⁴²³ «С первых же дней войны духовенство развило бешеную религиозную и противореспубликанскую пропаганду. Оно яростно протестовало против применения к духовенству военного закона и призыва служителей культа в армию. Так, например, епископ д'Ош по этому поводу сказал в проповеди: «Двадцать тысяч епархий лишены священников, это почти на двадцать тысяч меньше месс каждый день — это составляет национальное преступление...» В печати, с церковного амвона, на собраниях верующих... проповедовалась мысль, что часть Франции занята Германией в наказание за отделение церкви от государства, изгнание религиозных конгрегаций, разрыв с Ватиканом, введение светского обучения...»⁴²⁴

Пуанкаре записывал: «...В отношениях между военным командованием и гражданской властью что-то не клеится... ставка главнокомандующего считает себя во время войны совершенно независимой от правительства, признает над собой только номинальную неотчетственную власть президента республики и не считает себя ответственной перед ним... мы не можем, не подвергаясь опасности, оставаться в нынешнем неопределенном положении... Регулярный контроль со стороны правительства является даже единственным средством избежать того, что парламент присвоит себе роль правительства и станет злоупотреблять своим собственным вмешательством, которое может стать опасным на почве множества мнений и разброда в инициативе»⁴²⁵. Вивиани «предпочел бы никого не удалять, а просто включить в состав кабинета несколько министров без портфеля... К сожалению... малейшее

97

преобразование в составе кабинета будит старые привычки из времен

парламентских кризисов и приводит в движение рои трутней и шмелей в наполовину опустевших кулуарах палат...»⁴²⁶ «Тогда как на наших восточных и северных границах продолжают литься потоки крови, кровь лучших французов... я обречен искать вдали от фронта... пути, как применить мою формулу Священного союза на реконструкции министерства, причем я наталкиваюсь на личные интересы, на тенденциозность и даже на политические интриги и козни...»⁴²⁷ «Наши солдаты в большинстве случаев превосходны и полны энтузиазма. Но наши вожди!» И с сугубой серьезностью де Маньодэ делает вывод: «Надо отправить к нашим армиям комиссаров, чтобы следить за тем, что там происходит, и поднять дух войск»⁴²⁸.

«...Говорят, что Думер не прекращает в сенате своих нападок на главнокомандующего, утверждают также... что в кулуарах палаты депутатов намечаются признаки кампании в пользу преждевременного мира и что крайне важно было бы не допустить продолжения парламентской сессии. Правительство не имеет права закрыть сессию, но парламент может отсрочить ее»⁴²⁹. Сенатор Будано утверждал, что в сенате «с каждым днем растет враждебное настроение против Жоффра. Его обвиняют в нежелании подчиняться правительству. Правительство обвиняют в том, что оно не дает ему почувствовать свою власть»⁴³⁰. Вивиани говорит, что «для правительства становится невозможным оставаться в том положении, в котором оно находится. Растущая враждебность парламентских комиссий, в особенности военной и финансовой комиссии сената, делает жизнь правительства невыносимой»⁴³¹.

«В России, как и во Франции, после понесенных поражений и потерь происходят конфликты между армией и штатскими...»⁴³² «Кажется, во всех воюющих странах, какова бы ни была форма их государственного строя, отношения между государственной властью и высшим командованием не установлены в точности. В Великобритании политическое руководство войной, минуя короля, почти целиком находится в руках кабинета в составе двадцати двух членов»⁴³³. По примеру Великобритании Франция, после сокрушительных и кровавых поражений, спустя два года также придет к выводу о необходимости соответствующей мобилизации власти. Сравнивая же свою страну с Россией Пуанкаре заявлял: «Самодержавная монархия еще труднее приспособляется к военному положению, чем наш режим свободы»⁴³⁴. Но форма правления в данном случае играла далеко не главную роль...

98

ПЕРВОЕ ИСПЫТАНИЕ — ДЕМОКРАТИЯ ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

на примере русской армии

Почему армии? Да потому, что именно она, по мнению А. Деникина, в 1917 году сыграла решающую роль в судьбах России: «Исследуя понятие "власть" по отношению ко всему дооктябрьскому периоду русской революции, мы, в сущности, говорим лишь о внешних *формах* ее. Ибо в исключительных условиях мировой войны небывалого в истории масштаба, когда 12% всего мужского населения было под ружьем, вся власть находилась в руках *Армии*»⁴³⁵. «Впервые в России была собрана армия такого размера и такого типа. В начале 1917 г. в армии и на флоте состояли 11 млн. человек — это были мужчины в расцвете сил...* Армия стала небывалым для России форумом социального общения, тем более не поддающегося политической цензуре»⁴³⁶.

Армия является оптимальным объектом для наблюдения еще и потому, что она, по верному замечанию Л. Троцкого, «представляет собою сколок общества, которому служит, с тем отличием, что она придает социальным отношениям

концентрированный характер, доводя их положительные и отрицательные черты до предельного выражения»⁴³⁷.

ОТРЕЧЕНИЕ

А Деникин, варившийся в гуще армейской жизни, вспоминал: «Русское кадровое офицерство в большинстве разделяло монархические убеждения и в массе своей было, во всяком случае, лояльно... Как явление общее, в офицерском корпусе было стремление отделить особу

* По данным С. Кара-Мурзы, классовый состав армии «был примерно таков: 60-66% крестьян, 16-20% пролетариев (из них 3,5-6% фабрично-заводских рабочих), около 15% — из средних городских слоев» (С. Кара-Мурза... С. 91.). Головин приводит статистические данные, согласно которым армия на 90-92% состояла из выходцев с сельской местности и только на 8-10% — из горожан. (Головин Н.Н... С. 82,403.)

99

государя от той придворной грязи, которая его окружала, от политических ошибок и преступлений царского правительства, которое явно и неуклонно вело к разрушению страну и к поражению армию. Государю прощали, его старались оправдать... В солдатской толще идея монархизма глубоких мистических корней не имела. Еще менее, конечно, эта малокультурная масса отдавала себе тогда отчет в других формах правления, проповедуемых социалистами разных оттенков. Известный консерватизм, привычка жить, как «испокон века», внушение церкви — все это создавало определенное отношение к существующему строю, как к чему-то вполне естественному и неизбежному... Как бы то ни было, настроение армии являлось достаточно благоприятным и для идеи монархии, и для династии. Его легко было поддерживать»⁴³⁸. Солдаты шли в бой под лозунгом «За веру, царя и Отечество». Параграф первый «Устава 1874 года о всеобщей воинской повинности» гласил: «Защита престола и Отечества есть священная обязанность каждого русского подданного...» Отречение царя от престола во время войны для солдат было равносильно освобождению от присяги, потере смысла войны.

Д. Пихно предупреждал еще в 1905 г., после опубликования Манифеста, вводившего конституцию: «За веру, царя и отечество» — умирали, и этим казалась Россия. Но чтобы пошли умирать за Государственную Думу — вздор»⁴³⁹. Наблюдения С. Витте подтверждали данный прогноз: «Я вынес то глубокое впечатление, что армия после... (Манифеста) находилась в весьма революционном настроении, что многие военачальники скисли и спасовали не менее, нежели некоторые военные и гражданские начальники в России, что армия была нравственно совершенно дезорганизована и что шел поразительный дебош во многих частях, возвращавшихся в Россию, до тех пор куда ему не был положен, по моей инициативе, предел посредством карательных экспедиций... и смены главнокомандующего генерала»⁴⁴⁰.

Что же можно было ожидать от армии после революции и отречения самодержца... Боевой генерал А. Деникин отвечал: «**Родины не стало. Вождя распяли...**»⁴⁴¹ «Армии, сбитой с толку, развращенной ложными учениями, потерявшей сознание долга и страх перед силой принуждения. А **главное — потерявшей «вождя»**. Ни правительство, ни Керенский, ни командный состав, ни Совет, ни войсковые комитеты, по причинам весьма разнообразным и взаимно исключаящим друг друга, не могли претендовать на эту роль»⁴⁴². Генерал П. Краснов в эмиграции вспоминал: «Чем он был для тех, кто умирал за него? Для тех миллионов «неизвестных солдат», что умерли в боях, для тех простых русских, что и по сей час живут в гонимой, истерзанной Родине нашей. Пусть из страшной темени лжи, клеветы и лакейского хихиканья раздастся голос мертвых

и скажет нам правду о том, что такое Россия, ее вера православная и ее Богом венчанный царь»⁴⁴³. Барон Унгерн: «Не стало царей. А с ними не стало и счастья. И даже люди, ищущие смер-

100

ти, не могут найти ее»⁴⁴⁴. Генерал П. Врангель: «С падением царя пала сама идея власти, в понятии русского народа исчезли все связывающее его обязательства. При этом власть и эти обязательства не могли быть ничем заменены»⁴⁴⁵.

«Отечество. Увы, затуманенные громом и треском привычных патриотических фраз, расточаемых без конца по всему лицу земли русской, мы проглядели внутренний органический недостаток русского народа: недостаток патриотизма» — приходил к выводу А. Деникин⁴⁴⁶. Английский посол Бьюкенен: «Русский солдат сегодняшнего дня не понимает, за что или за кого он воюет. Прежде он был готов положить свою жизнь за царя, который в его глазах олицетворяет Россию, но теперь, когда царя нет, Россия для него не означает ничего, кроме его собственной деревни»⁴⁴⁷. Но что малограмотные солдаты! По мнению Н. Головина, истинный патриотизм был вообще редким явлением в русском обществе: «Малое сознание в интеллигентских кругах России того, что защита родины с оружием в руках является долгом каждого гражданина, приводило к тому, что интеллигент легко устраивался в тылу или на безопасных местах в армии»⁴⁴⁸. А. Деникин указывал, что в размахе дезертирства и уклонения от военной службы, «повинна наша интеллигенция едва ли не больше, чем темный народ»⁴⁴⁹.

Полковник Б. Сергеевский, окончивший в 1901 году в Санкт-Петербурге гимназию с золотой медалью, вспоминал, как отреагировали старшие на его желание поступить в военное училище: «Все преподаватели меня отговаривали; дважды вызывался я на квартиру директора для убеждения отказаться от моего «некультурного» желания. «Это позор для гимназии», — говорил мне директор. «Ведь кто идет в офицеры? Только идиоты и неудачники», — говорили другие. Воинская повинность рассматривалась как что-то дикое, неприемлемое для культурного человека. Это была не почетная обязанность, а тяжелая кара, почти каторга. Так думали либералы, так часто думал простолюдин, и, что всего удивительнее, — соответственно поступало и правительство»⁴⁵⁰. Генерал Е. Мартынов в 1912 г. передавал отношение общественности к армии: «Попробуйте задать нашим интеллигентам вопросы: что такое война, патриотизм, армия, военная специальность, воинская доблесть? Девяносто из ста ответят вам: война — преступление, патриотизм — пережиток старины, армия — главный тормоз прогресса, военная специальность — позорное ремесло, воинская доблесть — проявление глупости и зверства...»

Николай II подписал отречение 2 марта. Ключевую роль в отречении сыграли великий князь Николай Николаевич, начальник штаба верховного главнокомандующего ген. Алексеев и все командующие фронтами: Брусилов, Эверт, Сахаров, Рузский, адмирал Колчак. Вопрос о степени участия и осведомленности генералов в перевороте и сверже-

101

нии царя до сих пор остается открытым. Гучков в эмиграции отрицал однозначную поддержку генералитетом заговора. По его словам он оставался в неуверенности относительно того, «удалось ли бы получить участников заговора в лице представителей высшего командного состава, скорее была уверенность, что они бы нас арестовали, если бы мы их посвятили в наш план»⁴⁵¹. С другой стороны, М. Лемке отмечал в середине ноября 1915 года: «Очевидно, что-то зреет... Недаром есть такие приезжающие, о целях появления которых ничего не удастся узнать... Имею основание думать, что Алексеев долго не выдержит своей роли, что-то у него есть, связывающее с генералом Крымовым именно на почве

политической, хотя и очень скрываемой деятельности». «По некоторым обмолвкам Пустовойтенко (генерал-квартирмейстер ставки) видно, что между Гучковым, Коноваловым, Крымовым и Алексеевым зреет какая-то конспирация, какой-то заговор...»⁴³²

Свое решение поддержать отречение Николая II Алексеев мотивировал тем, что «революция в России... будет означать позорное окончание войны... Армия очень тесно связана с жизнью в тылу. Можно с уверенностью утверждать, что беспорядки в тылу приведут к тому же результату среди вооруженных сил. Невозможно требовать от армии, чтобы она спокойно продолжала воевать, пока в тылу разрастается революция...»⁴⁵³ «Обстановка, по-видимому, не допускает иного решения, и каждая минута дальнейших колебаний повысит только притязания, основанные на том, что существование армии и работа железных дорог находятся фактически в руках Петроградского Временного правительства. Необходимо спасти действующую армию от развала, продолжить до конца борьбу с внешним врагом, спасти независимость России и судьбу династии... Армия должна всеми силами бороться с внешним врагом, а решение относительно внутренних дел должно избавить ее от искушения принять участие в перевороте, который более безболезненно совершится при решении сверху»⁴⁵⁴.

Аналогичные причины выдвигали и другие члены высшего командного состава армии, почти единодушно выдвигая при этом сохранение династического принципа. Генерал М. Бонч-Бруевич: «Легковерные люди, мы полагали, что достаточно заменить последнего царя кем-либо из его многочисленных родственников, хотя бы тем же великим князем Михаилом Александровичем... — и династия обретет былую силу»⁴⁵⁵. Генерал Сахаров в обращении к Николаю II, излив свои верноподданические чувства, писал: «Переходя же к логике разума и учтя создавшуюся безвыходность положения, я, непоколебимо верноподданный его величества, рыдая, вынужден сказать, что, пожалуй, наиболее безболезненным выходом для страны и для сохранения возможности биться с внешним врагом является решение пойти навстречу уже высказанным условиям, дабы промедление не дало пищу к предьявлению дальнейших, еще гнуснейших притязаний»⁴⁵⁶.

102

За сохранение династии в форме конституционной монархии, выступал даже лидер либералов. П. Милюков уговаривал великого князя Михаила отказаться от отречения: «Если вы откажетесь, ваше высочество, будет гибель. Потому что Россия, Россия теряет свою ось. Монарх — это ось. Единственная ось страны. Масса, русская масса, вокруг чего она соберется? Если вы откажетесь, будет анархия, хаос, кровавое месиво. Монарх — это единственный центр. Единственное, что все знают. Единственное общее. Единственное понятие о власти пока в России. Если вы откажетесь, будет ужас, полная неизвестность, ужасная неизвестность, потому что не будет присяги, а присяга — это ответ, единственный ответ, который может дать народ нам всем на то, что случилось. Это его санкция, его одобрение, его согласие, без которого нельзя ничего, без которого не будет государства, России, ничего не будет»⁴⁵⁷.

Керенский убеждал великого князя в противоположном: «Ваше высочество, мои убеждения — республиканские. Я против монархии... Милюков ошибается. Приняв престол, вы не спасете Россию. Наоборот. Я знаю настроение массы рабочих и солдат. Сейчас резкое недовольство направлено именно против монархии. Именно этот вопрос будет причиной кровавого развала. И это в то время, когда России нужно полное единство. Пред лицом внешнего врага начнется гражданская, внутренняя война. И поэтому я обращаюсь к вашему высочеству, как русский к русскому. Умоляю вас во имя России принести эту жертву! Если это жертва. Потому что, с другой стороны, я не вправе скрыть здесь,

каким опасностям вы лично подвергаетесь в случае решения принять престол»⁴⁵⁸. С лидером трудовиков оказался по сути согласен адмирал Колчак: «Для меня было ясно, что монархия не в состоянии довести эту войну до конца и должна быть какая-то другая форма правления, которая может закончить эту войну»⁴⁵⁹.

Под давлением Родзянко, Львова, Керенского, а больше всего под давлением либеральной волны, поднятой Февральской революцией, которая зашла уже слишком далеко, последний Романов подписал отречение династии от престола. Планы по установлению конституционной монархии в России провалились.

Революция привела к прямо противоположному эффекту, чем ожидалось. После кратковременного патетического подъема солдат петроградского гарнизона, «войны до победного конца», российская армия стала разбегаться. Именно отречение стало одним из ключевых факторов обвального роста дезертирства в армии. Так, если среднемесячное количество учтенных дезертиров с начала войны до февраля 1917 г. составляло примерно 6346 человек, то с февраля по август — 31 000⁴⁶⁰, к ним нужно еще добавить незарегистрированных дезертиров, количество которых в этот период насчитывалось почти 200 000 ежемесячно. К 1 ноября 1917 г. по стране бродило более 1,5 млн. дезертиров, т.е.

103

на каждых трех чинов действующей армии приходился один дезертир*. «Уже в марте на солдатских митингах явственно чувствовались признаки разложения частей петроградского гарнизона...»⁴⁶¹ Набоков писал в апреле: «Революция нанесла страшнейший удар нашей военной силе, ее разложение идет колоссальными шагами, командование бессильно»⁴⁶². В то время генерал Людендорф облегченно вздыхал: «Наше положение было чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным... наша экономика не отвечала требованиям войны на истощение. Силы на родине были подорваны... В апреле и мае 1917 г., несмотря на одержанную победу на Эне и в Шампани, только русская революция спасла нас от гибели»⁴⁶³.

ПРИКАЗ № 1 И КОМИССИЯ ПОЛИВАНОВА

С чего же начала оппозиция, придя к власти во *время войны?* — с демократизации армии! Уже 2 марта 1917 года — тиражом в 9 млн. экземпляров!⁴⁶⁴ — был издан Приказ № 1 Центрального исполнительного комитета (ЦИК) Петроградского" Совета. «...Приказ, имеющий такую широкую и печальную известность и, — по словам Деникина, — давший первый и главный толчок к развалу армии...»⁴⁶⁵ Приказ № 1 требовал «немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов... Всякого рода оружие... должно находиться в распоряжении... комитетов и ни в коем случае не выдаваться офицерам...»⁴⁶⁶ Солдаты истолковали этот приказ, как разрешение выбирать командиров.

Причины появления «Приказа» были изложены на заседании правительства, главнокомандующих и ЦИК Совета 4 мая 1917 года, на котором Церетели заявлял: «Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать». Скобелев: «Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим, и чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога насчет того, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были»⁴⁶⁷. И. Гольденберг, член Совета и редактор «Новой жизни», был

* Количество учтенных дезертиров с начала войны до Февральской революции 1917 г.

составляет примерно 195 130 чел. Количество незарегистрированных дезертиров с февраля по ноябрь 1917 г. составило около 1518 тыс. человек. (Головин Н.Н... С. 186.)

** По существу, Всероссийского.

104

еще более конкретен: «Приказ № 1 — не ошибка, а необходимость. Его редактировал не Соколов; он является единодушным выражением воли Совета. В день, когда мы «сделали революцию», мы поняли, что если не развалить старую армию, она раздавит революцию. Мы должны были выбирать между армией и революцией. Мы не колебались: мы приняли решение в пользу последней и употребили — я смело утверждаю это — надлежащее средство»⁴⁶⁸.

«Произведенное военными властями расследование не выявило авторов приказа. Тем не менее через 3 дня, 5 марта, Совет отдал приказ № 2, подтвержденный официальной властью — Временным правительством, который разъяснял, что приказ № 1 относится только к Петроградскому военному округу. Однако приказ № 2, как и воззвание о незаконности обоих приказов, не получил никакого распространения в войсках и ни в малейшей степени не повлиял на ход событий, вызванных к жизни приказом № I»⁴⁶⁹.

Деникин вспоминал: «Нам трудно было понять, какими мотивами руководствовалось военное министерство, издавая свои приказы. Мы не знали тогда о безудержном оппортунизме лиц, окружавших военного министра, о том, что Временное правительство находится в плену у Совета рабочих и солдатских депутатов и вступило с ним на путь соглашательства, являясь всегда страдательной стороной»⁴⁷⁰. Но правительство могло находиться «в плену у Советов» только в том случае, если реальной власти оно не имело. Именно поэтому Временное правительство, точно так же как и Советы, боролось за власть, и во время войны пыталось захватить инициативу прежде всего в армии. Победителю доставалось все — реальная власть. Одновременно обе стороны боялись армии — автократичной, дисциплинированной, вооруженной, радикализованной войной и сплоченной силы, неоднократно уже заявлявшей свои права на власть и способной в случае неудачи экспериментов с «демократией» смести как Временное правительство, так и Советы и восстановить монархию или установить военную диктатуру — либо, наоборот, привести к анархии, поэтому обе стороны пытались «демократизировать» этого потенциального противника в свою пользу.

В июне, уже после отставки, военный министр Гучков будет объяснять Корнилову свою позицию по «демократизации» армии: «Удержать армию от полного развала под влиянием того напора, который шел от социалистов, и в частности из их цитадели — Совета рабочих и солдатских депутатов, выиграть время, дать рассосаться болезненному процессу, помочь окрепнуть здоровым элементам — такова была моя задача»⁴⁷¹. И Гучков, для того чтобы расчистить дорогу «здоровым элементам» и избавиться от «командного состава, не присоединившегося к восставшим», сразу же после революции начал массовые чистки в армии. «Военные реформы начались с увольнения огромного числа командующих генералов... В течение нескольких недель были уволены...

105

до *полутораста* старших начальников», то есть около половины⁴⁷². Для того чтобы «дать рассосаться болезненному процессу», т.е. снизить растущее напряжение в армии, уже «...5 апреля вышел приказ военного министра об увольнении из внутренних округов солдат старше 40 лет для направления их на сельскохозяйственные работы до 15 мая (фактически же почти никто не вернулся), а постановлением от 10 апреля вовсе увольнялись лица старше 43 лет. Первый приказ вызвал психологическую необходимость под напором солдатского давления распространить его и на армию, которая не примирилась бы со

льготами, данными тылу; второй вносил чрезвычайно опасную тенденцию, являясь фактически *началом демобилизации армии*», — указывал Деникин⁴⁷³.

Следующим шагом на пути разрушения армии стала знаменитая комиссия Поливанова, созданная «для проведения «демократизации армии» военным министром Гучковым. «Ни один будущий историк русской армии не сможет пройти мимо поливановской комиссии, — отмечал Деникин, — этого рокового учреждения, печать которого лежит решительно на всех мероприятиях, погубивших армию. С невероятным цинизмом, граничившим с изменой Родине, это учреждение, в состав которого входило много генералов и офицеров, назначенных военным министром, шаг за шагом, день за днем проводило тлетворные идеи и разрушало разумные устои военного строя...»⁴⁷⁴

Первым делом был изменен устав внутренней службы — отменялись титулование офицеров, обращение к солдатам на «ты» и целый ряд мелких ограничений для солдат, установленных уставом: воспрещение курить на улицах и в других общественных местах, посещать клубы и собрания, играть в карты и т.д. «Солдатская масса, не вдумавшись нисколько в смысл этих мелких изменений устава, приняла их просто как освобождение от стеснительного регламента службы, быта и чинопочитания. — Свобода — и кончено!.. Но если все эти мелкие изменения устава, толкуемые солдатами распространительно, отражались только в большей или меньшей степени на воинской дисциплине, то разрешение военным лицам во время войны и революции «участвовать в качестве членов в различных союзах и обществах, образуемых с политической целью», представляло уже угрозу самому существованию армии». Военный совет, состоявший из старших генералов — хранителей опыта и традиции армии, — на своем заседании 10 марта полностью поддержал инициативы Временного правительства⁴⁷⁵. В итоге, вспоминал Деникин, «дисциплинарная власть начальников упразднена была вовсе... вносилась полная анархия во внутреннюю жизнь войсковых частей и законом дискредитировался начальник...»⁴⁷⁶.

В 1917 г. повторялась картина русско-японской войны, когда М. Алексеев 28 октября 1905 г. замечал: «Дисциплина, и без того упавшая, падает еще ниже, и неразвитая масса видит свободу в том, что теперь каж-

106

дый солдат «на одной ноге с офицером». Сознательные развратители армии знают, что этим путем ближе всего можно довести до низкой ступени ценность нашей вооруженной силы»⁴⁷⁷.

КОМИТЕТЫ И КОМИССАРЫ

Комитеты возникали, как формы революционной организации, санкционированные приказом № 1. Появление комитетов не вызвало сопротивления, наоборот — их приветствовали, как «председатель Государственной Думы Родзянко, так и председатель Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов Чхеидзе и главнокомандующий Западным фронтом генерал Гурко»⁴⁷⁸.

Комитеты быстро набирали силу. Скоро в «число задач комитетов вошло «принятие законных мер против злоупотреблений и превышений власти должностных лиц своей части»... На комитеты возлагалась обязанность входить в отношения с политическими партиями без всякого ограничения, посылать в части депутатов, ораторов и литературу для разъяснения программ перед выборами в Учредительное собрание... Интересно сопоставить взгляд по вопросу о политической пропаганде в армии *анархиста* Махно, выраженный в приказе одного из его «командующих войсками» Володина от 10 ноября 1919 года: «Ввиду того что всякая партийная агитация в данный боевой момент вносит

сильную разруху в чисто боевую работу Повстанческой армии, категорически объявляю всему населению, что всякая партийная агитация до окончательной победы над белыми мною совершенно воспрещена»⁴⁷⁹.

«Понемногу установилось фактическое право (комитетов) смещения и выбора начальников, ибо положение начальника, которому «выразили недоверие», становилось нестерпимым. Таким путем, например, на Западном фронте, войсками которого я (Деникин) командовал, к июлю ушло до 60 старших начальников — от командира корпуса до полкового командира включительно... В результате и на Юго-Западном фронте, где комитеты пользовались исключительным вниманием главного командования (Брусилев, Гудер), и у меня, на Западном фронте, все они сознались в полном своем бессилии не только двинуть войска вперед, но и остановить их безумное, паническое бегство... Комитет Минского военного округа незадолго до наступления уволил на полевые работы всех солдат запасных батальонов в свои губернии... Комитет одного из конских депо на моем фронте постановил поить лошадей только один раз в сутки, после чего большая часть лошадей пала»⁴⁸⁰.

«Целые полки, дивизии, даже корпуса на активных фронтах, и особенно на Северном и Западном, отказывались от производства подготовительных работ, от выдвижения на первую линию. Накануне наступления приходилось назначать крупные военные экспедиции для

107

вооруженного усмирения частей, предательски забывших свой долг»⁴⁸¹. «Теоретически становилось все яснее, — говорил один из виднейших комиссаров Станкевич, — что нужно или уничтожить армию, или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сделать ни того ни другого. Комитеты были ярким выражением неизлечимой социологической болезни армии, признаком ее верного умирания, ее паралича. Но было ли задачей военного министерства ускорить смерть решительной и безнадежной операцией?»

«Следующая мера демократизации армии — введение института комиссаров. Заимствованная из истории французских революционных войн, эта идея поднималась в разное время в различных кругах, имея своим главным обоснованием *недоверие* к командному составу». Находясь в прямом и исключительном подчинении органам Временного правительства, комиссары лишь согласовывали свои действия с соответствующими военными начальниками... Между тем напор, и довольно сильный, шел с другой стороны. Совещание делегатов фронта в середине апреля обратилось с категорическим требованием к Совету рабочих и солдатских депутатов о введении в армии комиссаров, мотивируя необходимость его тем, что нет далее возможности сохранить порядок и спокойствие... Совещание предложило совершенно нелепый проект одновременного существования в армиях трех комиссаров от: 1) Временного правительства; 2) Совета; 3) армейских комитетов... Никаких законов, определяющих права и обязанности комиссара, издано не было. Начальники, по крайней мере, не знали их вовсе — это одно уже давало большую пищу для всех последующих недоразумений и столкновений»⁴⁸².

«Негласной обязанностью комиссаров явилось наблюдение за командным составом и штабами в смысле их политической благонадежности. В этом отношении демократический режим, пожалуй, превзошел самодержавный... Состав комиссаров, известных мне (Деникину), определялся таким образом: офицеры военного времени, врачи, адвокаты, публицисты, ссыльные переселенцы, эмигранты, потерявшие связь с русской жизнью, члены боевых организаций и т. п. Ясно, что достаточного знания среды у этих лиц быть не могло... Что касается личных качеств комиссаров, то, за исключением нескольких — типа, близкого к Савинкову, — никто из них не выделялся ни силой, ни

особенной энергией. Люди слова, а не дела»⁴⁸³. Деникин заключал: «Итак, в русской армии вместо одной появились три разнородные, взаимно исключают друг друга власти: командира, комитета и комиссара. Три призрачные власти. А над ними тяготеет, на них духовно давила своей безумной, мрачной тяжестью власть толпы...»⁴⁸⁴

Генерал Марков писал Керенскому: «Никакая армия по своей сути не может управляться многоголовыми учреждениями, именуемыми ко-

108

митетами, комиссариатами, съездами и т. п. Ответственный перед своей совестью и Вами как военным министром, начальник почти не может честно выполнять свой долг, отписываясь, уговаривая, убаюкивая полуграмотных в военном деле членов комитета, имея, как путы на ногах, быть может, и очень хороших душой, но тоже несведущих, фантазирующих и претендующих на особую роль комиссаров. Все это люди, чуждые военному делу, люди минуты, и главное, не несущие никакой ответственности юридически. Им все подай, все расскажи, все доложи, сделай так, как они хотят, а за результаты отвечай начальник. Больно за дело и оскорбительно для каждого из нас иметь около себя лицо, как бы следящее за каждым твоим шагом. Проще нас всех, кому до сих пор не могут поверить, уволить и на наше место посадить тех же комиссаров, а те же комитеты — вместо штабов и управлений»⁴⁸⁵.

«ДЕКЛАРАЦИЯ ПРАВ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ»

9 мая Керенский издает свой знаменитый «Приказ по армии и флоту», получивший собственное имя — «Декларация прав солдата». Она была подготовлена Советом и согласована с комиссией генерала Поливанова. «Эта «декларация прав», давшая законное признание тем большим явлениям, которые распространились в армии, — писал Деникин, — ...окончательно подорвала все устои старой армии. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу...»⁴⁸⁶ Даже Гучков, протестуя против «декларации», сложил с себя должность военного министра, «не желая разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины». «Есть какая-то линия, за которой начинается разрушение того живого, могучего организма, каким является армия»⁴⁸⁷. А. Гучков мотивировал свою отставку сложившимися условиями, «которые изменить я не в силах и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, свободе и самому бытию России...» Такое признание со столь высокого поста показалось нам чрезмерным, вспоминал П. Миллюков⁴⁸⁸.

«Вся военная иерархия была потрясена до основания, наружно сохраняя атрибуты власти и привычный порядок сношений: директивы, которые не могли сдвинуть армии с места, приказы, которые не исполнялись, судебные приговоры, над которыми смеялись...»⁴⁸⁹ Безысходной грустью и жутью веяло от всех спокойных по форме и волнующих по содержанию речей главнокомандующих, рисовавших крушение русской армии, на объединенном совещании Временного правительства и ЦИК Совета 2-4 мая. Генерал Брусилов: «...Есть еще надежда спасти армию и даже двинуть ее в наступление, если только не будет издана декларация... Но если ее объявят — нет спасения». Генерал Алексе-

109

ев: «...Реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину. Дисциплина же составляет основу существования армии... Свобода на несознательную массу подействовала одуряюще. Все знают, что даны большие права, но не знают какие; не интересуются и обязанностями...» Генерал

Драгомиров: «Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов России. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода, не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт под тем предлогом, что два года назад уже стояла на позиции под Пасху. Гордость от принадлежности к великому народу потеряна, особенно среди населения поволжских губерний. «Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет; не дойдет и японец». *Генерал Щербачев:* «Главнейшая причина этого явления — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он необразован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами министерства внутренних дел... Я не буду приводить вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название Железной и блестяще поддерживавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать. Причина — исчезла дисциплина, нет доверия к начальникам, слово «Родина» для многих стало пустым звуком... Если развал армии продолжится, то мы не только потеряем союзников, но и сделаем из них врагов. А это грозит нам тем, что мир будет заключен за наш счет... Если вы введете декларацию, то армия рассыплется в песок»⁴⁹⁰.

Генерал Алексеев: «Главное сказано, и это правда. Армия на краю гибели. Еще шаг — и она будет ввергнута в бездну, увлечет за собой Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны все. Вина лежит на всем, что творилось в этом направлении за последние два с половиной месяца»⁴⁹¹. 7 мая Всероссийский съезд офицерских депутатов, военных врачей и чиновников открылся речью Верховного главнокомандующего *генерала Алексеева:* «...Это, к сожалению, тяжелая правда. Россия погибает. Она стоит на краю пропасти. Еще несколько толчков вперед — и она всей тяжестью рухнет в эту пропасть...»⁴⁹²

Реакция представителей Советов и Временного правительства была прямо противоположной. *Церетели:* «Тут нет никого, кто способствовал разложению армии, кто играл бы на руку Вильгельму. Я слышал упрек, что Совет способствовал разложению армии. Между тем все признают, что если у кого в настоящее время и есть авторитет, то только у Совета. Что стало бы, если бы его не было? К счастью, демократия помогла делу, и у нас есть вера в спасение»⁴⁹³. «Исполнительный комитет Совета 13 мая отозвался на декларацию восторженным воззванием, в котором убогая мысль остановилась исключительно на вопросе отда-

110
ния чести: «Солдат-гражданин освободился от рабского отдания чести и как равный, свободный будет приветствовать того, кого пожелает. Дисциплина в революционной армии будет существовать народным энтузиазмом, а не обязательным отдаванием чести... Впрочем, большинство революционной демократии Советов не удовлетворилось декларацией. Ее называли «новым закрепощением солдата»⁴⁹⁴.

В командном составе армии также не было единства. Генерал Клембовский предлагал «поставить во главе фронта триумvirат из главнокомандующего, комиссара и выборного солдата; Квецинский — «снабдить армейские комитеты особыми полномочиями от военного министра и Центрального комитета Совета рабочих и солдатских депутатов, дающими им право действовать от имени комитета»; генерал Вирановский — «...обратить командный состав в технических советников, передав всю власть комиссарам и комитетам!»⁴⁹⁵ «...Генерал Вирановский, будучи сам противником наступления, заявил дивизионным комитетам, что он ни в каком случае не поведет гвардию на убой...»⁴⁹⁶

ПРОПАГАНДА

«Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы — *пропаганда*, — писал Деникин. — ...Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами, органы пропаганды Англии, Франции и Америки (в особенности Англии) вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и... валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские, союзнические и нейтральные, внося ее в области военную, политическую, моральную и экономическую... Трудно перечислить даже в общих чертах тот огромный арсенал идей, которые шаг за шагом, капля по капле углубляли социальную рознь, подрывали государственную власть, подтачивали духовные силы противников и веру их в победу, разъединяли их союз, возбуждали против них нейтральные державы, наконец, поднимали падающее настроение своих собственных народов...»⁴⁹⁷

Пропаганда в зависимости от условий принимала различные формы: от прямой агитации до дезинформации и демагогии, оказания материальной и моральной поддержки соответствующим политическим силам... Вполне естественно во время войны главными целями пропаганды были вопросы войны и мира. С помощью пропаганды стороны стремились либо подорвать силы соперника, либо оказать психологическое давление и заставить воевать своего союзника. Другим направлением пропагандистской войны, тесно переплетавшимся с первым, стало политическое противоборство монархической, либеральной и социалистической идей.

111

Правда, с началом войны, *по* словам Деникина, «общественная мысль и печать были задушены. Широко раздвинувшая пределы своего ведения военная цензура внутренних округов (в том числе Московского и Петроградского) была неуязвимой, скрываясь за военным положением, в котором находились эти округа, и за статьи 93 и 441 Положения о полевом управлении войск, в силу которых от командующих и главнокомандующих «никакое правительственное место, учреждение или лицо в империи не могут требовать отчетов». Общая цензура не уступала в удушении...»⁴⁹⁸

Однако уже во второй половине 1916 г. Кривошеин отмечал: «Наша печать переходит все границы не только дозволенного, но и простых приличий. До сих пор отличались только московские газеты, а за последние дни и петроградские будто с цепи сорвались. Они заняли такую позицию, которая не только в монархии — в любой республиканской стране не была бы допущена, особенно в военное время. Сплошная брань, голословное осуждение, возбуждение общественного мнения против власти, распускание сенсационных известий — все это день за днем действует на психику 180-миллионного населения». Горемыкин: «Наши газеты совсем взбесились. Даже в 1905 г. они не позволяли себе таких безобразных выходов, как теперь... Надо покончить с газетным враньем. Не время теперь для разнузданности печати. Это не свобода слова, а черт знает что такое...» Но, как пишет В. Шамбаров, «политической цензуры в стране давно не существовало, а военная действовала в соответствии с законом и утвержденными циркулярами, освобождающими «военных цензоров от просмотра печатных произведений в гражданском отношении». Да и сами цензоры были прапорщиками военного времени из студентов, адвокатов и т.п. и в своей массе симпатизировали либералам»⁴⁹⁹. Распространению антиправительственной агитации и деятельности вражеских разведок способствовало и то, что в 1915 году — в разгар войны шеф жандармов генерал Джунковский отменил институт

секретных сотрудников в действующей армии⁵⁰⁰.

С февральской революцией все «условности», ограничивающие «демократию» и «свободу слова», были сметены: параграф 6 «Декларации прав военнослужащих» установил, что все без исключения печатные произведения должны доходить до адресата. Только Московским военным бюро на фронт было поставлено: с 24 марта по 11 июня: «Солдатской правды» — 63,5 тыс. экз., «Правды» — 15 тыс., «Социал-демократа» — почти 65 тыс.⁵⁰¹ Лишь 14 июля правительство сочло себя вынужденным напомнить существование закона о военной тайне, а перед этим, 12 июля, предоставило в виде временной меры министрам военному и внутренних дел право закрывать повременные издания, «призывающие к неповиновению распоряжениям военных властей, к неисполнению воинского долга и содержащие призывы к насилию и к гра-

жданской войне» — с одновременным привлечением к суду редакторов. Керенский действительно закрыл несколько газет в столице и на фронте. Закон тем не менее имел лишь теоретический характер. Ибо в силу сложившихся взаимоотношений между правительством и органами революционной демократии суд и военная власть были парализованы, ответственность фактически отсутствовала, а крайние органы, меняя названия («Правда» — «Рабочий и солдат» — «Пролетарий» и т.д.), продолжали свое разрушительное дело...»⁵⁰²

Социалистическая и большевистская пропаганда. Социалистическая пропаганда основывалась на лозунге «земля — крестьянам» и экономических требованиях для рабочих. Война внесла в нее свои коррективы, их понимание дает один из примеров этой пропаганды: «...Председатель Государственной думы все требует от вас, чтобы вы, товарищи, русскую землю спасли... Так ведь, товарищи, это понятно... У господина Родзянко есть что спасать... немалый кусочек у него этой самой русской земли в Екатеринославской губернии, да какой земли!.. А может быть, и еще в какой-нибудь есть?.. Например, в Новгородской?.. Там, говорят, едешь лесом, что ни спросишь, чей лес, отвечают: родзянковский... Так вот, Родзянкам и другим помещикам Государственной Думы есть что спасать... Эти свои владения, княжеские, графские и баронские... они и называют русской землей... Ее и предлагают вам спасать, товарищи... А вот вы спросите председателя Государственной Думы, будет ли он так же заботиться о спасении русской земли, если эта русская земля... из помещичьей... станет вашей...»⁵⁰³

Новый социалистический лозунг «мир — народам» был выдвинут в соответствии с Манифестом Циммервальдской международной социалистической конференции 1915 г. Манифест говорил об «империалистическом характере» войны и призывал начать борьбу за мир без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов*. Радикализация ситуации в стране, вызванная тяготами войны, вела к маргинализации требований оппозиционеров.

В августе 1916 г. министр внутренних дел Щербатов докладывал правительству: «Агитация идет повсюду, располагая огромными средствами из каких-то источников... агитация принимает все более антимилитаристский или, проще говоря, пораженческий характер». В сентябре: «Показания агентуры однозначно сводятся к тому, что рабочее движение должно развиваться в угрожающих размерах для государственной безопасности». А насчет экономических требований уточнял:

* Циммервальдская международная социалистическая конференция 5-8 сентября 1915 г. в швейцарской деревушке Циммервальде, в которой участвовало 38 делегатов от Франции, Германии, Италии, России, Польши и т.д. Ленин выступил с призывом превратить империалистическую войну в гражданскую.

подпольных руководителей — использовать неудачи на войне и внутреннее обострение для попытки совершить социальный переворот и захватить власть»⁵⁰⁴. После революции, 9 апреля 1917 г., Бьюкенен докладывал в Лондон: «Социалистическая пропаганда в армии продолжается, и хотя я не упускаю случая указать министрам на губительные последствия такого рода разрушения дисциплины, они, по-видимому, бессильны предотвратить его. Взаимоотношения офицеров и солдат в высшей степени неудовлетворительны, немалое число солдат самовольно уходит домой. Их побуждают к этому слухи о близком разделе земли и желание обеспечить свою долю в грабеже...»⁵⁰⁵

Но пропаганда может ложиться лишь на подготовленную почву, для ее успеха должны создаться объективные условия. Здоровый общественный организм обладает определенным иммунитетом против пропаганды, ее влияние сильно только в больном, ослабленном «теле». Милюков приводил по этому поводу воспоминания Станкевича, в которых, по его словам, «можно найти правильное наблюдение, что ни одна из классических русских партий не может претендовать на честь инициативы в русской революции. Не русские социалистические партии посылали первых агентов взбунтовать Кронштадт, резать по немецким спискам лучших офицеров флота в Гельсингфорсе, распространять среди солдат «Окопную правду» и т.д. Идеи разложения армии, прекращения войны, извращения целей союзной политики — все это стало достоянием массы помимо интеллигентского социализма, и все это проникло беспрепятственно в первый состав Советов, на фронт и т.д.»⁵⁰⁶

Милюков неоднократно возвращался к этой теме: «Так называемые запасные батальоны новобранцев, плохо обученные и недисциплинированные, разбежались по дороге на фронт, а те, которые доходили в неполном составе, по мнению регулярной армии, лучше бы не доходили вовсе. Раньше, чем они прочли номер «Окопной правды» — листка, разбрасывавшегося в окопах на германские деньги с целью разложить армию, — и раньше, чем появились в ее рядах в заметном количестве свои, русские агитаторы, процесс разложения уже зашел далеко в солдатских рядах»⁵⁰⁷. Деникин, говоря о самом широком распространении большевистской печати в армии, вместе с тем утверждал: «Было бы, однако, неправильно говорить о непосредственном влиянии печати на солдатскую массу. Его не было... в их сознании преобладало прямолинейное отрицание: «Долой!» Долой... вообще все постылевшее, надоевшее, мешающее так или иначе утробным инстинктам и стесняющее «свободную волю» — все долой!»⁵⁰⁸

На объективные причины разложения армии указывали почти все серьезные наблюдатели тех событий. Так, например, Дж. Бьюкенен 18 ок-

114

тября 1916 г. сообщал в Лондон: «...Потери, понесенные Россией, столь колоссальны, что вся страна охвачена печалью. В недавних безуспешных атаках у Ковеля и в других местах принесено в жертву без всякой пользы столь много жизней, что это дало новую пищу тому взгляду, что продолжение борьбы бесполезно и что Россия, в противоположность Великобритании, ничего не выиграет от продолжения войны...»⁵⁰⁹ Армия и народ были истощены войной, цели которой им были непонятны; они требовали мира — мира любой ценой. За несколько дней до революции 21 февраля 1917 г. Палеолог отмечал: «В России назрел революционный кризис. С каждым днем русский народ все больше утрачивает интерес к войне, а анархистский дух распространяется во всех классах, даже в армии; время больше не работает в России на нас — мы должны теперь предвидеть банкротство нашей союзницы и сделать из этого все необходимые выводы»⁵¹⁰.

Ситуация февраля 1917 года напоминала ту, о которой писал еще в 1904 году активный сторонник славянской взаимности В. Клофач, лидер чешской партии

национальных социалистов: «Истощенные мужики» в форме солдат русской армии «не знали, зачем они живут и за что они должны умирать». Клофач приходил к выводу, что «Россия должна измениться в самом своем основании»⁵¹¹. «К концу апреля (1917 г.) то или иное отношение к войне стало основным признаком общественных группировок в России: за войну до конца означало против революции; против войны означало за революцию»⁵¹².

Деятельность большевиков до марта 1917 г. носила подпольный характер, официально их партия фактически находилась под запретом. Одна часть большевиков была арестована, другая находилась в эмиграции. Тем не менее большевики, как и легальные социалисты, принимали живое участие в атаке на власть, только в отличие от либералов — «снизу». Именно с участием социалистов и большевиков проходило большинство стачек во время войны, например, в 1916 г. крупнейшая на Путиловском заводе.

К более или менее активной работе большевики смогли приступить только в конце апреля 1917 г. Политическое поле для них было уже вспахано и засеяно, и им оставалось только собирать плоды предыдущей разрушительной политики. Они откровенно эксплуатировали создавшееся положение, не брезгуя никакими методами и средствами, в том числе натравливая солдат на офицеров, призывавших к продолжению войны. Ортодоксальность их пропаганды на фоне проезда Ленина в «пломбированном» вагоне во время войны через территорию противника, в кадровой армии и либеральных кругах приводила к тому, что большевиков вполне естественно воспринимали как немецких шпионов. Откровения Людендорфа вообще ставили точку в этом вопросе: «Отправлением в Россию Ленина наше правительство возложило на себя особую ответ-

115

ственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: Россия должна была рухнуть в пропасть»⁵¹³. Деникин справедливо вопрошал «На какие деньги в апреле 1917 г. партия (большевиков) могла издавать, по официальным данным, 17 ежедневных газет тиражом в 320 тысяч экземпляров? Их еженедельный тираж составлял 1415 тысяч»⁵¹⁴.

В литературе можно найти массовые сведения об источниках финансирования большевистской пропаганды. Все они, в той или иной мере, сводятся к тем, на которые указывал, например, В. Воейков: «...В начале марта 1917 года Германский имперский банк открыл счета Ленину... Троцкому и другим (будущим) деятелям Совета народных комиссаров на пропаганду мира в войсках фронта. В январе 1918 года Совету народных комиссаров было переведено из Рейхсбанка 50 миллионов рублей на покрытие расходов по содержанию Красной гвардии и агитаторов...»⁵¹⁵ Милюков ссылается на министра юстиции Переверзева, который в июле 1917 г. огласил документы разведки, «которыми доказывался подкуп большевиков немцами при посредстве шведских банков... Опубликованные документы много содействовали дискредитированию восставших большевиков»⁵¹⁶. После чего начались их аресты.

Финансирование германским правительством деятельности большевиков дало повод для обвинения их в пособничестве германской агрессии*. Однако революционная мораль отличается от менталитета шпиона, идущего на предательство ради личных материальных или других земных интересов. Нечаевский «Катехизис революционера» утверждал, что для революционеров «нравственно все, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно все, что мешает ему...»⁵¹⁷. Как замечает А. Бушков, это «общая для всех времен и народов революционная мораль»⁵¹⁸.

Меньшевик Церетели по этому поводу писал: «Чтобы воспользоваться услугами германского правительства для проезда в революционную Россию, Ленин не имел никакой надобности принимать на себя обязательство

сотрудничества с германским штабом. Он хорошо знал мотивы, диктовавшие германскому штабу действия, направленные к облегчению возвращения в Россию эмигрантов-пораженцев, работа которых, по мнению этого штаба, могла только дезорганизовать военные силы России. И он открыто использовал расчеты внешнего врага, считая и заявляя, что более верными окажутся его собственные расчеты, согласно которым большевистская организация в России послужит стимулом аналогичной революции в самой Германии и других воюющих странах и приведет к поражению в этих странах установленного порядка и к со-

* По иронии судьбы в начале войны Ленин был арестован австро-венгерскими властями по подозрению в шпионаже в пользу России.

116

циальной революции»⁵¹⁹. Действительно, программная установка В. Ленина гласила: «Германия сама воюет не за освобождение, а за угнетение наций. Не дело социалистов помогать более молодому и сильному разбойнику (Германии) грабить более старых и обожравшихся разбойников. Социалисты должны воспользоваться борьбой между разбойниками, чтобы свергнуть всех их»⁵²⁰.

О том, кто победил в этой схватке между большевиками и кайзеровской Германией, свидетельствовал главнокомандующий немецкой армией генерал Людендорф: «Я часто мечтал об этой революции, которая должна была облегчить тяготы нашей войны. Вечная химера! Но сегодня мечта вдруг исполнилась непредвиденно. Огромная тяжесть свалилась у меня с плеч. Но я не мог предположить, что она станет могилой для нашего могущества...» «Мысль о революции... и большевизм нашли в Германии подготовленное состояние умов... Ложное учение скоро начало привлекать к себе широкие массы. Германский народ в глубине страны и на фронте получил смертельный удар»⁵²¹.

Не случайно на вопрос, не является ли Ленин немецким провокатором, французский посол получил ответ: Ленин человек неподкупный. Это фанатик, но необыкновенно честный, внушающий к себе всеобщее уважение. «В этом случае, — пришел к выводу Палеолог, — он еще более опасен»⁵²². Американский представитель Робинс в итоге констатировал: «Большевики не были германскими агентами; если немцы думали, будто купили большевиков, то их здорово надули»⁵²³.

Либеральная пропаганда. Рассуждения либералов о большевиках как немецких агентах строились не на пустом месте, а на огромнейшем собственном опыте либералов. Ведь шпиономания началась не с большевиков, а гораздо раньше... Уже в начале 1915 г. кадеты обвинили власть в поисках сепаратного мира с Германией. Милюков приводил свои подозрения на этот счет: «...Н. Маклаков и Щегловитов подали государю записку, в которой указывали на необходимость скорейшего окончания войны и примирения с Германией, родственной России по политическому строю. Напротив, сближение с нашими союзниками они считали опасным для России»⁵²⁴; Протопопов встречался с представителем германского посла по условиям сепаратного мира... «С этой беседы с Варбургом Протопопов быстро пошел в ход»⁵²⁵.

Деморализующее воздействие на армию оказало Великое отступление 1915 г. Яковлев отмечал: «Поражения оскорбили и озлобили армию, виновников не надо было разыскивать — их имена была на устах: придворная камарилья, высший генералитет...» 11 июня 1915 г. французский посол Палеолог записывал: «В течение последних нескольких дней Москва волновалась, серьезные беспорядки возникли вчера и продолжаются сегодня. Движение приняло такие размеры, что пришлось

117

прибегнуть к вооруженной силе. На знаменитой Красной площади, видевшей столько исторических сцен, толпа бранила царских особ, требуя пострижения

императрицы в монахини, отречения императора, повешения Распутина и пр.»⁵²⁶

Отступление стало поводом для инициации Гучковым «шпионского фарса» против военного министра Сухомлинова, обвиненного либералами в измене. В. Воейков вспоминал: «Опубликование этого приказа (*о следствии над Сухомлиновым*) произвело как в России, так и за границей самое удручающее впечатление... Министр иностранных дел Великобритании лорд Грей по этому поводу высказался так: «Ну и храброе же у вас правительство, раз оно решается во время войны судить за измену военного министра». Травля против В. Сухомлинова совпала с другой травлей — против носителей немецких фамилий, начатой на страницах «Нового времени» в июне 1915 года⁵²⁷. Причины шпиономании, по мнению министра двора Фредерикса, скрывались в том, что сторонники осуждения Сухомлинова «хотят взвинтить суд над ним во всесветский скандал, дискредитирующий правительство и могущий нанести сильный удар монархическому принципу... Суд над Сухомлиновым неминуемо разрастется в суд над правительством. Эхо происходившего на суде раздастся преувеличенно в кулуарах Думы, оттуда в чудовищных размерах разольется на улицу и проникнет в совершенно искаженном виде в народ и армию, пятная все, что ненавистно народу»⁵²⁸. Суд состоялся уже при Временном правительстве «На этом процессе впервые явился продукт революции — «прокурор-общественник», который должен был освещать процесс с точки зрения «революционного права». Сей муж высказал в своей речи мысль, что если бы генерал Сухомлинов и не был виновен, обвинительный приговор должен быть вынесен для удовлетворения возбужденного общественного мнения. По-видимому, только благодаря переходу на этот путь и удалось обвинить В.А. Сухомлинова, так как ни комиссия генерала Петрова, ни затем Чрезвычайная следственная комиссия не нашли подтверждения ни одному из фактов, распространенных прессой, Государственной Думой и врагами В. А. Сухомлинова»⁵²⁹.

«В сентябре — октябре 1915 года буржуазия переставляет акценты в своей пропаганде, — отмечал Н. Яковлев, — Если раньше утверждалось, что верховная власть не может вести войну без помощи «общественности», то теперь на первое место выдвигается обвинение: самодержавие и не помышляет о победе, а готовит постыдное предательство дела Антанты — сепаратный мир с врагом»⁵³⁰. «Изо дня в день повторялись утверждения, что правые оказывают сильнейшее давление на царя пойти на «позорный мир» с Германией. Назывались «факты» — записка правых со 150 подписями в пользу мировой с Берлином. Говорили об этом официально в Думе, но не назвали ни одной фамилии. Муссировались слухи о тайных переговорах с Вильгельмом II.. Обвинения

118

постоянно сосредоточивались на «немке»-императрице...* Жена Родзянко... сообщает убийственные сведения: «На фронте говорят, что она (царица) поддерживает всех шпионов-немцев...» Генерал Селивачев (генерал!) писал: «Вчера одна сестра милосердия сообщила, что есть слух, будто из царскосельского дворца от государыни шел кабель для разговора с Берлином». «А. Хвостов, смещенный в начале 1916 года с поста министра внутренних дел, бросился в Москву и стал доказывать, что уволен за попытку отделаться от германских шпионов, кишевших вокруг «божьего человека». Родзянко... категорически заявлял, что Распутин действовал по директивам из Берлина»⁵³¹. По словам Милюкова, в поездке по Швейцарии он встретился «со старой русской эмиграцией. В этой среде все были уверены, что русское правительство сносится с Германией через своих специальных агентов. На меня посыпался целый букет фактов — достоверных, сомнительных и неправдоподобных — рассортировать их было нелегко... Часть материала из Швейцарии я все же использовал для своей речи 1 ноября»⁵³².

Окончательный удар был нанесен либералами царскому правительству именно этой речью на очередной сессии Думы. Накануне члены ее сенъор-конвента собрались, чтобы выработать формулу «перехода к очередным делам» по случаю нового созыва Государственной Думы. Это вошло уже в обычай. В обычай вошло и то, что «переходы эти заключают три части: привет союзникам, призыв к армии (твердо продолжать войну) и резкую критику правительства...»⁵³³ Когда был прочитан проект резолюции, Шульгин заявил: «Обращаю внимание на слово «измена». Это страшное оружие. Включением его в резолюцию Дума нанесет смертельный удар правительству...»⁵³⁴ Шульгин: «Измена... Это ужасное слово бродит в армии и в тылу... Началось это еще с Мясоедова в 1914 году**», а теперь кого только не обвиняют! Вплоть до самых верхов бежит это слово, и рыщут даже вокруг двора добровольные ищейки. Как будто недостаточно зла причинено России бессознательно, чтобы обвинять еще кого-то в измене... И это положительно как зараза. Люди, которые, казалось, могли бы соображать, и те шалеют... Шпиономания — это отвратительная и невероятно глупая зараза. Я лично не верю ни в какие «измены», а «борьбу с немецким засильем» считаю дурацки опасным занятием. Я пробовал бороться с этим и даже в печати указал, что, «поджигая бикфордов шнур, надо помнить, что у тебя на другом конце»...»⁵³⁵

* Родной брат Александры Федоровны — Эрнст служил в германском Генеральном штабе. Она одновременно являлась внучкой английской королевы Виктории и прожила в Англии всю сознательную жизнь вплоть до замужества.

** Дело Мясоедова приобрело широкий размах: обыски и аресты прошли в 80 российских городах.

119

Тем не менее на открытии сессии Думы 1 ноября Милюков начал с критики правительства, закончив ее вопросом «Что это — глупость или измена?»* И тут же процитировал *немецкую газету* «Нойе фрайе цайтунг», где упоминались императрица и окружавшая ее камарилья — Распутин, Питирим, Штюрмер. Милюков сослался и на то, что «из уст *британского посла* сэра Джорджа Бьюкенена я выслушал тяжеловесное обвинение против известного круга лиц в желании подготовить путь к сепаратному миру». Милюков выразил твердую уверенность в том, что курс на сепаратный мир взят. «Когда мы обвиняли Сухомлинова, мы ведь тоже не имели тех данных, которые следствие открыло. Мы имели то, что имеем теперь: инстинктивный голос всей страны и ее субъективную уверенность»⁵³⁶. Милюков продолжал: «...Мы говорим правительству: мы будем бороться всеми законными средствами до тех пор, пока вы не уйдете... Когда со все большею настойчивостью Дума напоминает, что надо организовать тыл для успешной борьбы, а власть продолжает твердить, что организовать тыл — значит организовать революцию и сознательно предпочитает хаос и дезорганизацию, что это, глупость или измена? Мало того. Когда на почве общего недовольства и раздражения власть намеренно занимается вызыванием народных вспышек... путем провокации, и притом знают, что это может служить мотивом для прекращения войны, — что это делается, сознательно или бессознательно?»⁵³⁷ Цензура запретила публикацию этой речи, но кадеты издали ее миллионными тиражами и распространяли не только в тылу, но и в действующей армии. Либеральные круги считали эту речь «штурмовым сигналом», приведшим к падению царского режима.

Не случайно в день речи Милюкова в Думе председатели губернских земских управ и уполномоченные Союза городов (Земгор) приняли обращение к Думе, в котором писали, что «пришли к единодушному убеждению, что стоящее у власти правительство, открыто подозреваемое в зависимости от темных и враждебных России влияний, не может управлять страной и ведет ее по пути гибели и позора...» Говорилось о «зловещих слухах о предательстве и измене», о

«подготовке почвы для позорного мира», о необходимости «неуклонного продолжения войны до конечной победы»... Дума уведомлялась, что «наступил решительный час — промедление недопустимо, должны быть напряжены все усилия к созданию, наконец, такого правительства, которое в единении с народом поведет страну к победе»⁵³⁸. Тактика, к которой прибегли либеральные организации, в том числе Земгор, в 1916 г. ничуть не изменилась с 1905 г., когда Витте описал методы действия союзов, организованных Тучковыми, Львовыми, Милюковыми и т.д.: «Все эти

* Основание для этого афоризма дал Милюкову военный министр Д.С. Шуваев, который во время приступа шпиономании оправдывался: «Я, может быть, дурак, но не изменник».

120

союзы различных оттенков, различных стремлений были единокорны в поставленной задаче — свалить существующий режим во что бы то ни стало, и для этого многие из этих союзов признали в своей тактике, что цель оправдывает средства, а потому для достижения поставленной цели не брезговали никакими приемами, в особенности же заведомой ложью, распускаемой в прессе. Пресса совсем изолгалась, и левая так же, как правая; а когда вспыхнула революция и началась анархия, то правая пресса... в смысле небрежания для преследуемых целей, начала распространять ложь, клевету, обман и, пожалуй, превзошла левую прессу»⁵³⁹. Ложь, в «в интересах партийной борьбы»⁵⁴⁰ стала скорее правилом, чем исключением.

Слово «измена» с молниеносной быстротой разнеслось по стране... «Газеты, печатавшие думские речи, демонстративно выходили с целым рядом белых столбцов. Пресса и Государственная Дума сошлись в открытой борьбе против правительства»⁵⁴¹. «Впечатление получилось, — писал впоследствии Милюков, — как будто прорван был наполненный гноем пузырь и выставлено напоказ коренное зло, известное всем, но ожидавшее публичного обличения». В предисловии к отдельному изданию речи при Временном правительстве (конечно, не без ведома оратора) объяснялось: «С высоты думской трибуны было названо впервые имя царицы и предъявлено царскому правительству тяжкое обвинение в национальной измене. Испытанный вождь оппозиции П.Н. Милюков тщательно подготовил материал для всенародного разоблачения закулисной работы партии царицы Александры и Штюрмера и перед лицом всего мира разорвал завесу, скрывавшую немецкую лабораторию сепаратного мира»⁵⁴².

Деникин указывал, что основной деморализующий эффект на армию оказало даже не отречение Николая II, «Наиболее потрясающее впечатление произвело роковое слово «измена». Оно относилось к императрице. В армии громко, не стесняясь ни местом, ни временем, шли разговоры о настойчивом требовании императрицей сепаратного мира, о предательстве ее в отношении фельдмаршала Китченера, о поездке которого она якобы сообщила немцам, и т.д. Переживая памятью минувшее, учитывая то впечатление, которое произвел в армии слух об измене императрицы, я считаю, что это обстоятельство сыграло огромную роль в настроении армии, в ее отношении и к династии, и к революции...»⁵⁴³

«По ту сторону фронта истерическая кампания в России вызывала величайшее удовлетворение, на глазах подрывался моральный дух противника. Руководитель австрийской разведки М. Ронге много лет спустя после окончания войны писал: «Русское шпионоискательство принимало своеобразные формы. Лица, которые были ими арестованы и осуж-

121

дены, как, например, жандармский полковник Мясоедов, Альтшуллер, Розенберг... военный министр Сухомлинов и др., не имели связи ни с нашей, ни с германской разведывательной службой. Чем хуже было положение русских на фронте, тем чаще и громче раздавался в армии крик «предательство!».

Руководитель германской разведки полковник В. Николаи заявлял в 1925 году, что «Мясоедов никогда не оказывал никаких услуг Германии»⁵⁴⁴. С. Мельгунов приходил к выводу: «Можно считать неоспоримо доказанной не только невиновность самого Мясоедова, но и то, что он пал жертвой искупления вины других*. На нем в значительной мере отыгрывались, и прежде всего отыгрывалась ставка»⁵⁴⁵.

В. Шамбаров на основании собранных им данных опровергает невиновность Мясоедова. Но сами по себе эти факты не имеют принципиального значения. Шпионы и халатные командиры были всегда и во всех армиях, их суровая кара воспринимается как естественное и необходимое условие выживания государства. Дело заключалось не в «предательстве» Мясоедова или Сухомлинова, а в использовании этих «фактов» либеральной оппозицией для атаки на власть и обвинении уже самой государственной власти в измене. В этой связи можно доверять словам П. Игнатьева, работавшего в контрразведке, который «приводил слышанные его сотрудником слова немецкого дипломата: «Нас нисколько не интересует знать, желает ли русский император заключить сепаратный мир, — нам важно, чтобы верили этому слуху, который ослабляет положение России и союзников»⁵⁴⁶.

* Первый раз С. Мясоедова обвинили в 1907 г. в контрабанде. «Однако все попытки раздобыть доказательства... оканчивались неудачей». Второй раз обвинения С. Мясоедова уже в шпионаже появились в статьях и газетах Б. Суворина и А. Гучкова (Вечернее время, Новое время) в 1912 г. Расследованием занимались три независимых друг от друга органа. Все они, министерство внутренних дел, контрразведки и военных судей, «не дали, безусловно, никаких данных, могущих указывать на преступную деятельность подполковника Мясоедова». Б. Суворин и А. Гучков не смогли привести никаких доказательств своих обвинений. С. Мясоедов вызвал их на дуэль и одновременно привлек к суду за клевету. В итоге А. Гучков опубликовал в своей газете «Голос Москвы» опровержение на статью о Мясоедове «в целях восстановления доброго имени его, несправедливо нами задетого». Б. Суворин принес свои извинения лично. Третий раз дело Мясоедова всплыло во время Первой мировой войны. По мнению А. Гойхбарга, опубликованному в «Новой Жизни», дело было вызвано тем, что «верховное командование, желая снять с себя вину за отступление нашей армии, решает объяснить это отступление существованием обширной шпионской организации». Контрразведка следила за каждым шагом Мясоедова. «Однако улики, действительно подтверждавших факты шпионажа, так и не было собрано». Но судьба Мясоедова была решена еще до суда. Начальник штаба Ставки Н. Янушкевич писал военному министру: «Надо бы постараться скорее... покончить с мясоедовским делом для успокоения общественного мнения». Исполнители так торопились, что сначала повесили Мясоедова, а потом уже утвердили приговор. (Сухомлинов В.А.. С. 361, 485-488, 500-503 прим.)

122

«После Февральской революции комиссия Временного правительства не смогла найти связей «черного блока» с Германией. Блефом оказались и сведения о тайных переговорах с Германией. Документы внешнеполитического ведомства Германии, оказавшиеся доступными для исследования после Второй мировой войны, не содержат каких-либо данных о серьезных связях царского режима с Германией в годы той войны. Берлин действительно пытался зондировать почву в отношении заключения мира с Россией, но, как горестно комментировал Бетман-Гольвег в письме Фердинанду Баварскому в октябре 1916 года, все поползновения в этом направлении встретили на берегах Невы «эхо насмешек»⁵⁴⁷. Шульгин позже напишет, что приведенные Милюковым «факты измены» были «не очень убедительны»⁵⁴⁸ и базировались на *слухах эмигрантов, немецких газетах и мнении британского посла...*

После революции подозрения в причастности к немецким деньгам коснулись и самих либералов. В частности, по словам Набокова, «П. Милюков на заседании Временного правительства говорил, что «ни для кого не тайна, что германские деньги сыграли свою роль в числе факторов, содействовавших (Февральскому) перевороту»⁵⁴⁹. Эти слова находят косвенные подтверждения: Родзянко и Гучкова с достаточными основаниями обвиняли в покровительстве немецкой фирме

«Проводник». За передачу сведений о русском военном флоте по обвинению в государственной измене было привлечено к ответственности правление страхового общества «Россия», в состав которого входил тот же Гучков⁵⁵⁰. Возможность для сотрудничества была широкой: «Только в одной Москве действовало свыше 500 германских фирм, — с началом войны они лишь сменили вывески, заблаговременно переоформились на доверенных лиц, продолжающих выполнять поручения, пересылаемые через нейтральные страны. Причем контрразведка об этом знала, но ничего не могла поделать в рамках существующего законодательства...»⁵⁵¹

Консервативная пропаганда. Позиция Витте базировалась на его твердом убеждении, что любая масштабная война неизбежно означает конец Российской империи. Слово «война», по его мнению, для России было синонимом поражения и распада при любом ее исходе. Еще во время подписания портсмутского мира 1905 года Витте предсказывал: «следующая война для России — ее политическая катастрофа»⁵⁵². Витте считал русско-германскую войну «актом самоубийства не только двух монархий, но и двух миров, без которых жизнь человечества вообще не мыслима». Именно поэтому Витте, несмотря на то, что именно по его настойчивой инициативе за девять лет до войны был разорван союзнический русско-германский договор, с начала войны активно выступал за достижение мирных компромиссов между воюющими сторона-

123

ми. И он не только говорил, но и делал практические шаги, ведя через своих представителей переговоры с немцами. В марте 1914 года «Новое время» опубликовало целый ряд бесед о международном положении с русским государственным деятелем, в котором легко было узнать графа Витте. Эти беседы привлекали всеобщее внимание. Суть их сводилась к тому, что необходимым условием постоянного мира является перегруппировка держав. Граф Витте всегда считал, что главным рычагом русской иностранной политики является возможно более тесное соединение с Германией, и поэтому называл англо-русское согласие ошибкой, связавшей России руки⁵⁵³.

Английский посол вспоминал: «Вдобавок к чувству растерянности из-за военного положения мирная кампания, руководимая графом Витте и его сподвижниками-германофилами, была далеко не успокаивающим моментом. Как я уже указывал... граф Витте всегда считал, что в интересах России — более тесное сближение с Германией, а теперь он открыто утверждает, что Россия ничего не выиграет от продолжения войны и должна заключить мир... Нападки графа Витте были направлены главным образом против Англии...»⁵⁵⁴ В начале ноября 1914 г. Палеолог в беседе с Сазоновым указал, что царю следует принять меры против возглавляемой Витте кампании, принимавшей, по словам французского посла, «угрожающие размеры». «16 марта 1915 г. известный своим безупречным тактом император Николай поступил, в общем-то, нехарактерно для себя. С блеском иронической радости в глазах он спросил посла Палеолога, не слишком ли тот опечален смертью графа Витте. Посол заключил свое мнение в одной фразе: большой очаг интриг погиб вместе с ним. Формула Палеолога чрезвычайно понравилась Николаю, и он дважды повторил ее гостям»⁵⁵⁵. Пуанкаре: «Узнали о смерти графа Витте. Эта смерть чуть ли не имеет для Антанты значение выигранного сражения...»⁵⁵⁶

Немецкая пропаганда. Провал планов молниеносной войны, вызванный наступлением русских армий в 1914 г., поставил Германию перед необходимостью вести войну на два фронта. Этот факт соответствующим образом изменил планы немецкого генштаба. Теперь победа могла быть достигнута только за счет разрушения единства союзников. Пуанкаре вспоминал, что в течение 1915 г. Германия через различных посредников неоднократно обращалась к России с

предложениями сепаратного мира, обещая ей Константинополь и проливы, которые всегда лояльно отклонялись царем и царицей, но находили поддержку у многих русских германофилов⁵⁵⁷. С аналогичными предложениями

* С 1453 г. Стамбул. Однако даже в начале XX века в России оставалось широко популярным византийское название — Константинополь.

124

Германия обращалась и к Франции. Пуанкаре: «Сегодняшние известия из-за границы снова показывают нам непрестанную работу германской пропаганды в ее дьявольской изобретательности. В социалистических кругах Норвегии, которые благожелательны к нам, эта пропаганда заявляет, что Германия оставит побежденной Франции ее жизнь и достоинство и предложит всем европейским нациям, включая Англию, создать всеобщий мир и образовать федерацию против русского деспотизма. Через посредников-шведов она распространяет среди англичан инсинуацию, что английские войска, сбитые с толку нашим безобразным руководством, напрасно принесли себя в жертву...»⁵⁵⁸ Президент Франции приходил к выводу: «Действительно, надо думать, Германия будет отныне пытаться разъединить своих противников»⁵⁵⁹.

Однако победы Германии в 1915 г. и сплоченность союзников привели Вильгельма II, в ноябре 1915 года, к новому изменению стратегических планов: «Теперь я не согласен на мир. Слишком много германской крови пролито, чтобы все вернуть назад, даже если есть возможность заключить мир с Россией»⁵⁶⁰. Министр иностранных дел Ягов начинает окончательно формировать цели Германии в войне: «В ходе столкновения германского и славянского миров панславянские тенденции в России будут укрепляться, и традиционные династические связи между нами и Петербургом будут окончательно похоронены, а Россия останется нашим врагом и в будущем. Следует решить вопрос: не диктует ли необходимость выдворения полуазиатской московитской империи за Буг рассматривать как императивно необходимую, поскольку нынешний поворот истории обязывает нас, как представителей западной культуры, отбросить славян за Эльбу, Одер и Вислу»⁵⁶¹. Германия даже не надеялась достичь своих целей с помощью одной только военной силы: «Если она (*Германия*) не расколется фронт своих противников, то будет задушена. Единственный способ избежать этой смертельной опасности — дестабилизировать Россию. «Если мы вовремя сумеем революционизировать Россию и тем самым сокрушить коалицию, то призом победы будет главенство в мире»⁵⁶².

Один из идеологов этой доктрины Гельфанд-Парвус демонстрировал глубокое понимание вопроса: «Русская демократия может реализовать свои цели только посредством полного сокрушения царизма и расчленения России на малые государства. Германия, со своей стороны, не добьется полного успеха, если не сумеет возбудить крупномасштабную революцию в России. Русская опасность будет, однако, существовать даже после войны, до тех пор пока русская империя не будет расколота на свои компоненты. Интересы германского правительства совпадают с интересами русских революционеров»⁵⁶³. Свой меморандум Гельфанд завершил в марте 1915 года словами: «Объединенные армия и революционное движение в России сокрушат колоссальную русскую централизацию, представляемую царской империей, которая

125

будет оставаться угрозой мира в мире до тех пор, пока существует. Так падет главная крепость политической реакции в Европе»⁵⁶⁴.

При этом Людендорф в мемуарах признавал: «Германская пропаганда с трудом удерживала свои позиции... Нам не удалось существенно повлиять на неприятельские народы. Сильно воинственное правительство Запада беспощадно заглушало там всякое зарождающееся чувство мягкости и слабости, всякий намек

на мысль о мире, в особенности «соглашательском мире»... На востоке русские творили свое несчастье сами, и там наша деятельность имела второстепенное значение». Тем не менее немецкая пропаганда вершила свое дело. Так, например, морской министр Григорович сообщал: «Настроение рабочих очень скверное. Немцы ведут усиленную пропаганду и заваливают деньгами противоправительственные организации. Сейчас особенно остро на Путиловском заводе»⁵⁶⁵. Когда произошла революция, Людендорф писал: «На востоке наступила огромная перемена. В марте поддерживаемая Антантой революция свергла царя. Власть захватило правительство с сильной революционной окраской... Наше общее положение значительно улучшилось. Предстоящие на западе бои меня не страшили»⁵⁶⁶.

После Февральской революции, по словам Людендорфа, «посредством пропаганды... стремление к миру в русской армии надо было развить в непосредственной и резкой форме»⁵⁶⁷. Примеры этой пропаганды давал Деникин: «С момента переворота немецкий генштаб систематически проводил политику братания на русском фронте. Методичные немцы выработали соответствующие инструкции для своего командного состава, посылали в русские окопы надежных людей, знавших русский язык. Пропаганда мира шла по определенному трафарету — говорилось о бесцельности войны. Пораженческая литература, изготовленная в Германии, сотнями тысяч экземпляров распространялась в русских окопах. Немцы утверждали, что война выгодна лишь Временному правительству и генералам. А потому, чтобы ликвидировать войну, следовало ликвидировать и правительство, и русский офицерский корпус. Одним словом, проповедовался мир на фронте и война в тылу»⁵⁶⁸.

Союзническая пропаганда. Во Франции, как и в Германии пропаганда начала свою работу задолго до 1914 г. Радикализуя население собственных стран, правительства психологически готовили его к войне. С ее началом все прежние сдерживающие условности были отброшены. К пропаганде подходили без особой щепетильности. Так, во французском журнале «Ле рир руж» Вильгельма называли дегенератом. Два французских юриста, Ларно и Лапрадель, сочинили фальшивку под названием «Письма гуннов», где содержались призывы — якобы от имени кайзера — убивать детей, женщин и стариков ради быстреего достижения победы в войне⁵⁶⁹.

В Великобритании пропагандой занималось вначале пресс-бюро при парламентском Комитете по целям войны, а позже — созданный

126

на его базе в декабре 1916 года Департамент информации. Руководил им триумвират, в состав которого входили Дж. Бухан, автор приключенческих романов, впоследствии ставший генерал-губернатором Канады, Э. Карсон, юрист и ярый националист, апологет «британского Ольстера», и наконец лорд Нортклифф... В феврале 1918 года Департамент стал полномасштабным министерством⁵⁷⁰. По другим данным, «вся пропаганда находилась... в руках лорда Бивербрука с тремя директорами, из которых лорд Нортклифф обрабатывал неприятельские страны, Киплинг — Англию и колонии, а лорд Ротермер — нейтральные страны. Англия специализировалась главным образом в области экономической и политической пропаганды, а военная и культурная пропаганда составляла неотъемлемое владение Франции... Америка, помогавшая первоначально только деньгами..., позже также приняла активное участие»⁵⁷¹. После войны Вильгельм выражал невольное восхищение профессионализмом Нортклиффа: «Вот это тип! Если бы у нас был свой Нортклифф, мы бы выиграли войну!»⁵⁷² По словам Людендорфа, «Нортклифф был мастером массового гипноза»⁵⁷³.

Пропаганда предназначалась прежде всего для формирования и сохранения

боевого духа собственного народа. Но скоро она перекинулась через границы сражающихся государств.

Цели союзнической пропаганды на первый взгляд не отличались от внутренней пропаганды. Англию и Францию интересовало удержание России в войне и поддержка ее «боевого духа». Однако при этом была «гораздо менее понятна логика союзников, — замечал В. Воейков, — также не жалевших денег на поддержку наших революционных партий в борьбе с царским правительством...»⁵⁷⁴

Французская пропаганда. Политическую пропаганду впервые стал успешно использовать еще Наполеон, продвигая свободы своего "наполеоновского кодекса" (который сам он и не думал вводить.) для подрыва единства противостоящих государств. В XIX в. его опыт успешно переняла Англия, а затем и Франция, занявшись экспортом идей либерализма... Эти идеи активно подхватила русская либеральная оппозиция, которая нередко становилась просто ретранслятором западной политической пропаганды. «Точка зрения, что "у нас все плохо, а у них все хорошо" не только утвердилась в России, — пишет В. Шамбаров, — но и стала считаться "передовой". И чем "передовее" хотело выглядеть то или иное политическое течение, тем радикальнее оно принималось охаивать все свое в противовес чужому. Ведь тем легче оно находило "понимание" в Европе! Чем и гордилось, зараженное своими "комплексамии национальной неполноценности"»⁵⁷⁵.

Начало Первой мировой войны ознаменовалось всплеском дружественных жестов со стороны представителей французских парламента и правительства по отношению к оппозиционным партиям российского союзника. В Париже на русском языке стали выходить газеты русских

127

революционеров "Голос" Мартова, с 1915 г. "Наше слово" и "Начало", где сотрудничали Троцкий, Антонов-Овсеенко, Мануильский, Лозовский, Коллонтай, Луначарский, Чичерин, Урицкий, Рязанов. Причем одной из главных тем, — как указывает В. Шамбаров, — была «война с социал-шовинизмом» — то бишь патриотизмом Плеханова и примкнувшей к нему части социал-демократии.

Осенью 1915-го по поводу роспуска Думы французские газеты выступили с прямым шантажом царского правительства: «По словам союзных делегатов, неопределенность внутренней политики России учитывается общественным мнением союзных держав как неблагоприятный признак для общего дела союзников. Особенно неблагоприятное впечатление производит не вполне благожелательное отношение к законодательным учреждениям. Продолжение такого рода неопределенности внутренней политики может вызвать в союзных странах охлаждение, что особенно нежелательно теперь, когда возникает вопрос о финансировании России. Деловые круги Европы, не имея твердой уверенности в политическом курсе России, воздержатся вступать в определенные с нею соглашения»⁵⁷⁶.

В 1916-м, при посещении Думы, иностранные делегаты утверждали: «Французы горячо и искренне относятся к Государственной Думе и представительству русского народа, но не к правительству. Вы заслуживаете лучшего правительства, чем оно у вас существует». Тома даже заявил Родзянке: «Россия должна быть очень богатой и уверенной в своих силах, чтобы позволить себе роскошь иметь такое правительство, как ваше, в котором премьер-министр — бедствие, а военный министр — катастрофа»... Тот же Тома «дал полномочия» Родзянке при необходимости обращаться лично к нему или к Жоффру «с указанием на происходящие беспорядки». «Мы поверим народным представителям и немедленно исполним все по Вашему требованию»⁵⁷⁷.

В. Воейков вспоминал, что «французский посол Морис Палеолог, стараясь не

отставать от своего английского коллеги, при каждом удобном случае тоже критиковал ненавистный Франции монархический строй в России»⁵⁷⁸. «...Непонятно было, почему они (*французы*), будучи обязаны своим спасением от натиска немцев русским монархистам, ставили непременным условием своей помощи соглашение между буржуазными и социалистическими группами всех оттенков. Еще непонятнее были лозунги французов: с одной стороны, «ни капли французской крови», а с другой — «борьба до конца»⁵⁷⁹. Объяснение последнему могло быть только одно: вместо французов воевать должны были русские...

В 1916 — начале 1917 г. французский посол Палеолог в своих дневниках записывал, что царское «правительство организует голод, чтобы вызвать волнения и расправиться с социалистическими партиями»... что пораженческие теории Ленина поддерживаются лишь небольшой кучкой лиц... «подкупленных охранкой»! Перед Февральской революцией либералы с союзниками раздували версию, что социальный взрыв пред-

128

намеренно готовится правительством, чтобы подавить его, разогнать Думу и под предлогом волнений заключить пресловутый сепаратный мир с немцами...»⁵⁸⁰ Генерал М. Бонч-Бруевич в свою очередь указывал, что о февральском заговоре «были осведомлены Палеолог и Джордж Бьюкенен»⁵⁸¹.

Английская пропаганда. «Пропаганда, — по словам Людендорфа, — была испытанным и могучим английским средством борьбы. Благодаря ей Ост-Индская компания достигла блестящих результатов при завоевании Индии. Пропаганда создала в Англии целую школу. Англия была единственным государством, которое уже давно вполне сознательно и с поистине широким размахом пользовалось этим вспомогательным средством политической и военной борьбы в своей национальной политике, стремящейся захватить весь мир в сферу своего влияния. «Держать чужие государства под угрозой революции стало уже довольно давно ремеслом Англии», — сказал Бисмарк еще 60 лет назад. Он думал при этом о речи, произнесенной Каннингом 12 декабря 1820 г., когда во время публичного заседания нижней палаты премьер-министр грозил, что Англия имеет в своем распоряжении «мешок Эола» и может в любую минуту снять узду с революционных сил. Он сказал: «Если мы примем участие в какой-либо войне, под наши знамена соберутся все волнующиеся, все имеющие основание быть недовольными и недовольные без основания тех стран, с которыми мы будем враждовать»⁵⁸².

Ленин не строил иллюзий в отношении планов «союзников» России, в марте 1917 г. он заявлял: «Если поражения в начале войны играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то связь англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки организации заговора против Николая Романова... Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К⁰ к захвату власти в интересах продолжения империалистической войны...»⁵⁸³ и привел к февральской революции. Ленин был далеко не одинок в своих подозрениях:

В. Воейков: «Во время войны значительно увеличилось число официальных и неофициальных агентов стран Антанты... Прибывшая в половине января в Петроград комиссия союзников... не постеснялась доложить его величеству следующие требования: введение в состав штаба Верховного Главнокомандующего с правом решающего голоса представителей союзных армий (английской, французской и итальянской), реформу правительства в смысле привлечения к власти членов Государственной Думы и общественных деятелей, а также целый ряд других требований приблизительно такого же характера...»⁵⁸⁴ Особенно выделял последний дворцовый комендант деятельность

англичан: председателем комитета по сбору пожертвований для лазарета Государственной Думы был М. Родзянко, а почетной председателем состояла супруга английского посла леди Джорджина Бьюкенен. «Впоследствии

129

невольно бросилось в глаза сходство имен членов Исполнительного комитета Государственной Думы с именами деятелей комитета по сбору пожертвований»⁵⁸⁵. Сам Бьюкенен напрямую обращался к Николаю II с советами относительно изменения российского политического строя. В. Воейков по этому поводу замечал: «Ответ государя на советы сэра Дж. Бьюкенена мне неизвестен; но сохранился в памяти ответ в подобном же случае кардинала Бернетти лорду Пальмерстону, дававшему папе советы по управлению Ватиканом: «Когда английское правительство будет применять у себя в течение 15 или 20 лет предлагаемые меры, святой отец одобрит нововведения, которые Великобритания всегда предлагает другим, но не допускает у себя»⁵⁸⁶.

Княгиня Палей, вдова великого князя Павла Александровича: «Английское посольство по приказу Ллойд-Джорджа сделалось очагом пропаганды. Либералы — князь Львов, Милюков, Родзянко, Маклаков, Гучков и др. — постоянно его посещали. Именно в английском посольстве было решено отказаться от легальных путей и вступить на путь революции...»⁵⁸⁷ «Протопопов докладывал Николаю о сношениях Бьюкенена с главнейшими деятелями прогрессивного блока и предлагал установить наблюдение за британским посольством. Николай не одобрил будто бы этого предложения, находя наблюдение за послом «не соответствующим международным традициям». Между тем Курлов, не обинуясь, сообщает, что «розыскные органы ежедневно отмечали сношения лидера кадетской партии Милюкова с английским посольством»⁵⁸⁸. Английский посол писал в свое оправдание: «Совершенно верно, что я принимал в посольстве либеральных вождей... так как моею обязанностью посла было поддерживать связь с вождями всех партий. Кроме того, я симпатизировал их целям...»⁵⁸⁹.

Подозрения Палей поддерживали люди, составлявшие ближайшее окружение царской семьи. А. Вырубова вспоминала: «Государь заявил мне, что он знает из верного источника, что английский посол сэра Бьюкенен принимает деятельное участие в интригах против их величеств и что у него в посольстве чуть ли не заседания с великими князьями по этому поводу»⁵⁹⁰. В. Воейков вопрошал: «Почему в конце февраля и начале марта происходили непрерывные овации перед балконом здания английского посольства, так что послу короля Великобритании при императоре всероссийском приходилось по нескольку раз в день выходить на балкон и благодарить толпу, признательную за содействие к освобождению России от гнета царизма?»⁵⁹¹. Подозрения углублял и сам лидер кадетов, ведь именно на Бьюкенена, как на поставщика обвинений царской семье, ссылался Милюков в своей речи «Измена» 1 ноября 1916 г.⁵⁹² И именно на одного из организаторов «министерской забастовки» 1916 года Сазонова будет указывать позже в своих воспоминаниях английский посол, как на основного проводника английского интересов в русском правительстве.

130

Что же подвигло англичан оказать поддержку либеральной революции? Людендорф недоумевал: «Какие причины были у Антанты идти рука об руку с революцией, мне непонятно. Увидела ли она перед собой неминуемое народное движение и потому к нему присоединилась или же царь из боязни внутреннего переворота обнаружил тенденцию к заключению сепаратного мира и потому должен был быть устранен? Или были к тому еще какие-нибудь причины? Но несомненно, что Антанта надеялась извлечь из революции выгоду для ведения войны, по крайней мере спасти то, что еще могло быть спасено. Ввиду этого она действовала без колебаний. Царь, начавший войну в интересах Антанты, должен

был пасть. В этом таилась бесконечная сила воли, которая ни перед чем не отступала, когда речь шла о том, чтобы отечество вышло победителем. Антанта поступила бы так же еще в 1916 г., если бы Штюрмер действительно оказался сторонником мира»⁵⁹³.

Ответ на вопрос давал Бьюкенен в своей приветственной речи к Временному правительству: «В этот торжественный час, когда перед Россией открывается новая эра прогресса и славы, более чем когда-либо необходимо не упускать из виду Германию, ибо победа Германии будет иметь последствием разрушение того прекрасного памятника свободе, который только что воздвиг русский народ... *Россия не отступит ни перед какими жертвами* и, солидарная со своими союзниками, не сложит оружия...»⁵⁹⁴ Позже английский посол добавлял: «...Если я с воодушевлением говорил о вновь добытой Россией свободе, то только допуская поэтическую вольность; это делалось ради того, чтобы подсластить мой дальнейший призыв к поддержанию дисциплины в армии и к борьбе, а не дружбе с германцами. *Моей единственной мыслью было удержание России в войне*»⁵⁹⁵. Великий князь Александр Михайлович комментировал позицию Бьюкенена следующим образом: «Британский посол... вообразил, что этим своим поведением он лучше всего защитит интересы союзников и что грядущее либеральное русское правительство поведет Россию от победы к победе»⁵⁹⁶.

Однако примечательно, что речи о русской революции зазвучали в Англии задолго до 1917 г., когда Россия достигла предела своего истощения и встала на грань революции. Размышляя о будущем послевоенном мире, Ллойд-Джордж 5 августа 1915 г. говорил: «Неприятель в своем победоносном шествии не ведает, что творит. Пусть остережется, потому, что он снимает оковы с русского народа. Своей чудовищной артиллерией немцы разбивают ржавые оковы, в которые закован русский народ. Он расправляет могучие члены и сбрасывает с себя душившие его развалины старого здания... Австрия и Германия делают сейчас для России то же, что их воинственные предки когда-то так неразумно сделали для Франции. Они куют меч, который сокрушит их самих, и освобождают великий народ... Мы должны продолжить борьбу или навсегда сойти со сцены, как самостоятельная нация. У Британии есть и дру-

131

гая задача. Она становится все яснее... Мы должны позаботиться, чтобы страдания и потери не были напрасными. Поля Европы истерзаны плугом войны, цветы старой цивилизации гибнут в ее опустошительном напоре. Мы должны позаботиться, чтобы пшеницей, а не плевелом была засеяна кровавая нива, и «в пору пожнем, если не ослабеем!»⁵⁹⁷ Первая часть речи не оставляет никаких сомнений в целях британского истеблишмента в Первой мировой войне относительно России — это свержение царского режима. В этой связи замечание Бьюкенена, что именно Англии Россия обязана своей (февральской) революцией выглядят далеко не случайными. Как и Ллойд-Джорджа, который, узнав о революции в России, отметил: «Одна из целей войны для Англии теперь достигнута»⁵⁹⁸. Говоря о других задачах Британии, Ллойд-Джордж переходил на эзопов язык, говоря о плевелах и пшенице, хотя намек остается вполне прозрачен...

Подозрения в причастности союзников к февральской революции в России имеют очевидно такое же право на существование, что и обвинение большевиков в причастности к немецким деньгам. Англичане и французы вмешивались во внутренние дела союзного им государства и подрывали ту самую «реакционную» власть, которая спасала их первые три года войны. Как ни отстал, плох и «реакционен» был русский монархизм, поддержка во имя великих «демократических целей» оппозиции в тех конкретных условиях на практике означала не что иное, как необъявленную войну против официальной

государственной власти, т.е. против «союзного» им российского государства. «Союзники» по сути дела занимались «экспортом буржуазной революции»... во время мировой войны!

Позже У.Черчилль напишет: *«Ни к одной стране судьба не была так жестока, как к России. Ее корабль пошел ко дну, когда гавань была уже видна. Она пережила бурю, когда все обрушилось на нее. Все жертвы были принесены, вся работа была завершена. Отчаяние и измена овладели властью, когда задача была уже выполнена.* Долгие годы отступления закончились, снарядный голод побежден, вооружение шло широким потоком. Более сильная, более многочисленная, гораздо лучше снабжаемая армия держала огромный фронт; тыловые сборные пункты были переполнены людьми... Российская империя к 1917 г. располагала значительно большей и лучше экипированной армией, чем та, с которой Россия начинала войну... Фронт был обеспечен, и победа казалась бесспорной... Самоотверженный порыв русских войск, которые спасли Париж в 1914 г., преодоление мучительного бесснарядного отступления; медленное восстановление сил; победы Брусилова, вступление России в кампанию 1917 г. непобедимой, более сильной, чем когда-либо... *Несмотря на все ошибки, большие и страшные, режим...*

132

к этому моменту выиграл войну для России... Согласно поверхностной моде нашего времени, царский строй принято трактовать как слепую, прогнившую, ни на что не годную тиранию. Но разбор 30 месяцев войны с Германией и Австрией должен исправить эти легковесные представления. Силу Российской империи мы можем измерить по ударам, которые она вытерпела, по неисчерпаемым силам, которые она развила, и по восстановлению сил, на которое она оказалась способна».

О лояльности Николая II союзническим обязательствам говорит тот факт, что русский царь во исполнение союзнического долга пожертвовал даже своей короной. Одной из причин отречения Николай II выдвигал «желание удержать армию в стороне от политики, чтобы она могла помогать союзникам»⁵⁹⁹.

Чем же мотивировался экспорт революции? — Самыми светлыми идеалами, теми же самыми, что и у революционеров, — свободы, демократии и прогресса. И хоть представители союзников навряд ли читали нечаевский «катехизис революционера», действовали они полностью в соответствии с теми же самыми принципами — морально все, что идет на пользу революции.

Кроме этого союзники несут ответственность не только за настоящее, но и за будущее друг друга, поскольку победитель в войне фактом своей победы фактически утверждает те принципы организации общества, которые позволили ему победить. Он их навязывает побежденному врагу и тем более обязан поделиться ими со своим более слабым союзником. Война должна вестись ради каких-то высших идеалов, в противном случае война превращается в откровенный грабёж и массовое убийство. Оказание *помощи* в свершении демократической революции в России в этом плане диктовалось для союзников их моральным долгом. Необходимо было еще выиграть войну, и союзники вполне объективно должны были оказать помощь в поддержании боевого духа русского народа.

Какую же плату должна была заплатить Россия за эту *помощь*?:

«*Пропаганда войны*»: Вместо конкретной боевой или материальной помощи союзники финансировали «поддержание боевого духа» в русском народе и армии, что обходилось им во много раз дешевле. В итоге вместо союзных снарядов немецкие окопы заваливали русским «пушечным мясом». Но это была лишь вершина айсберга, его подводная часть заключалась в том, что пропаганда войны вела к перераспределению военной (мобилизационной) нагрузки с «союзников»

на Россию. Такая своеобразная «эксплуатация» союзника приводила к тому, что степень истощения экономического и политического потенциала России была в несколько раз выше, чем Франции или Англии, которые сэкономили свои ресурсы. Россия к 1917 г. была разорена...

133

«Экспорт либеральной революции»: В Европе к XX веку не было страны, имевшей больший опыт в революционных переворотах, чем Франция, ей ли было не знать, к чему ведет подобная политика. Или Франция забыла собственный опыт, когда в войне 1870 г. потерпела поражение, благодаря тому, что в тылу вспыхнула буржуазная революция, в итоге приведшая к Коммуне? И французские либералы, вчера еще критиковавшие правительство в неумении вести войну, теперь сами призывали немецкие войска в Париж, чтобы подавить Коммуну. Франция потеряла Эльзас и Лотарингию, выплатила огромную контрибуцию, а торжество демократов над монархистами обернулось внутривнутриполитическим хаосом, за 10 лет сменилось 14 правительств... Людендорф по этому поводу писал: «Мы уверенно рассчитывали на то, что революция понизит боеспособность русской армии; наши предположения оправдались»⁶⁰⁰.

Итог: к окончанию войны Россия должна была подойти разоренной и охваченной революцией. Конец войны был уже виден. В ноябре 1916 г., отвечая на вопросы журналистов, Брусилов говорил: «Война нами уже выиграна. Вопрос лишь во времени...» По его прогнозу, война должна была закончиться в августе 1917 г.⁶⁰¹ У. Черчилль в последние месяцы 1916 г. начал подготовку плана демобилизации английской армии и экономики после войны, а весной 1917 г. для этих целей был создан Департамент реконструкции...⁶⁰²

Участие самодержавной России в клубе победителей резко усиливало ее позиции в Европе, примером могут служить хотя бы последствия наполеоновских войн, когда Николая I называли «государем Европы». Балканы, Восточная Европа и Черноморские проливы в данном случае отходили в зону влияния России. Чрезмерное усиление России и продвижение ее в Европу, в Средиземное море на фоне резкого ослабления Германии не соответствовало интересам «союзников». Они были уже всерьез заняты подготовкой к послевоенной расстановке сил среди победителей и дележом австро-венгерского, турецкого и германского «наследства». А в результате буржуазной революции неизбежно возникало еще и «российское наследство»... С другой стороны, ослабление в результате войны России и Франции оставляло Великобританию единственным победителем в Первой мировой войне. В этой связи весьма многозначительно выглядит фраза У Черчилля, сказанная устами греческого диктатора Венизелоса, поставленного англичанами: «Во всех войнах, какие Англия вела в прошлом, она всегда выигрывала только одну битву — последнюю»...⁶⁰³ Еще более многозначительно звучали слова Ллойд-Джорджа: «в пору пожнем, если не ослабеет!»

Благие намерения союзников по «экспорту демократии» на практике обернулись чисто прагматичным экономическим и геополитическим расчетом. Что в общем-то закономерно. И. Валлерстайн в этой связи отмечал, что «ценности весьма эластичны, когда речь заходит о таких вещах, как власть и прибыль». «Экспорт демократии» в этих условиях превращался в ширму для прикрытия продвижения собственных

134

корыстных интересов союзников. Наиболее наглядное подтверждение тому давала американская пропаганда.

Американская пропаганда. США вступили в пропагандистскую кампанию, как и в войну, последними. Американский представитель Рут, посланный в Россию после февраля 1917 г. для изыскания способов поднятия активности русской армии, сообщал: «Интриги германского правительства в России

заставили президента Вильсона спешно, как можно скорее испробовать план»⁶⁰⁴. План, разработанный офицером британской разведки в Вашингтоне сэром У. Уайзменом, предполагал использовать в России агента с целью пропаганды против Германии, на что Вашингтон выделил 75 000 долл. Уайзмен просил британское правительство предоставить аналогичную сумму. «Я, — продолжал он, — позабочусь о передаче Хаузу сообщений относительно русского плана». И добавил в заключение: «Я, конечно, не стану докладывать Хаузу или еще кому-либо об использованных методах, только о результатах»⁶⁰⁵.

«Рут для противодействия германской и социалистической пропаганде запросил для начала 100 тыс. долл. на выпуск необходимых 5 миллионов листовок, плакатов, газет, брошюр и фильмов для распространения на фронте. Если уж приходится спасать Россию, ее надо спасать подешевле. Для подъема морального духа за линией фронта Рут предложил использовать полевые кухни Ассоциации молодых христиан. Он отмечал незрелость российской демократии, когда для наведения порядка требуется атрибутика «детского сада»⁶⁰⁶. Франция и Британия распространили миллион экземпляров речи Рута перед Временным правительством и ответ Терещенко. Миссия истратила 30 тыс. долл. на распространение «Послания к России» Вильсона»⁶⁰⁷.

Глава Комитета общественной информации (COMPUB) в Вашингтоне писатель Дж. Крил считал, что запрошенная Рутум сумма должна быть увеличена и стремиться к сумме 810 тыс. долл., ибо «то, что мы делаем в России, должно быть сделано хорошо и быстро». Он предлагал разделить пропаганду на новости и статьи (500 тыс. долл.), кино (300 тыс. долл.) и солдатскую газету (10 тыс. долл.)»⁶⁰⁸. Оскар Страус писал Лэнсингу: «...Мы можем послать в Россию определенное число людей, обладающих опытом в международных делах, которые будут весьма благожелательно приняты и принесут максимальную пользу в деле просвещения российских масс, делясь с ними конкретным американским опытом управления в условиях демократии, его благами и возможностями»⁶⁰⁹. У. Томпсон, магнат с Уолл-стрит, возглавлявший миссию американского Красного Креста, ввиду бездействия Вильсона пожертвовал из своего кармана миллион долларов на совершенствование методов пропаганды в России. Вильсон заметил на это, что «тратить деньги на пропаганду в России все равно что лить воду в бездонную пропасть»⁶¹⁰. «Единственным до конца сделанным для России той

135

осенью делом была отправка Моттом пятисот сотрудников Ассоциации молодых христиан для укрепления морали в российской армии...»⁶¹¹

Конечно, можно было бы восхититься американским альтруизмом (имевшим, впрочем, иногда место), тратившим миллионы долларов на «укрепление морали» в русской армии и пропаганду демократии, если бы не до предела циничное требование, переданное миссией И. Рута, к России — «продолжение войны в обмен на кредиты». Скотт к этому добавлял: «Могла возникнуть благоприятная ситуация... мы окупим бы ссуду России... если бы таким путем удержали ее от заключения мира с Германией этой зимой»⁶¹². И. Рут в отчете о поездке в Россию в мае — июне 1917 г. призвал направить значительные суммы на борьбу с пораженчеством в рядах русской армии. Даже если русская армия и не начнет свое долгожданное наступление, «положительные стороны такого финансирования для Соединенных Штатов и их союзников будут столь велики, что оправдают возможные траты»⁶¹³.

О каких же «положительных сторонах» шла речь? — Продолжение участия России в войне могло быть обеспечено только за счет американских кредитов. В 1917 г., после трех лет войны, Россия была банкротом. Судя по полученным Временным правительством кредитам, один миллион долларов,

вложенный в пропаганду войны в России, в среднем приносил США сто миллионов долларов экспортных военных заказов (в кредит). Кроме этого, США за счет продолжения участия России в войне сэкономили на посылке пропорционального количества своих войск в Европу, но поскольку снаряжение американского солдата обходилось дороже русского, то дополнительная экономия составляла еще не менее 100 млн. долл. Но и этого мало: поскольку русские войска участвовали в войне вместо американских, на русских ложились и людские потери — в среднем около 20 тыс. человек (на каждые 100 млн. долл., потраченных на войну для России). Но ведь продолжая войну, разоренная Россия была вынуждена вкладывать еще и свои оставшиеся ресурсы и тем самым еще больше снижать расходы США. Мало того, после войны Россия должна была вернуть с процентами американский кредит. И все это за один миллион долларов, потраченных на пропаганду! Сверхвыгодный бизнес! Россия просто обязана была продолжать войну!..

Такая сугубо материалистическая оценка целей американской пропаганды, которую отчасти можно отнести и к английской, выглядит, конечно, слишком цинично, но... для того чтобы иметь моральное право пропагандировать войну, ради достижения самых высоких идеалов и «демократических ценностей», необходимо самому пройти по крайней мере через сравнимые ужас и страдания, смерть и лишения, которые навязываешь другому. Нужно принести сопоставимую жертву на алтарь победы, прежде чем требовать жертвы от другого, тем более уже положившего на этот алтарь миллионы жизней и свое

136

будущее. США же пропагандировали войну в России, еще даже толком не вступив в нее.

Но и это были мелочи, главное состояло в том, что после победы разоренная войной Россия неизбежно попадала в полную экономическую и политическую зависимость от кредиторов и в первую очередь от США. Ослабленные войной конкуренты и должники Англия, Франция, Германия ничего не могли противопоставить экономической мощи заокеанского союзника. По мнению американского посла, Россия, как и в свое время США, должна будет после войны избавиться от диктата Лондона и пройти курс ускоренного экономического развития. Дэвис напрямую предлагал Сазонову экономическую помощь США в обмен на «особые права» американского бизнеса в России, мотивируя ее тем, что плодами побед России могут воспользоваться англичане, предъявив счет за долги... (Что англичане и сделали на Парижской конференции в конце 1916 г., решения конференции не были утверждены не только Советом министров, но даже либеральной Думой.) Сазонов ответил американскому представителю, что на такое соглашение Россия могла бы пойти в критические дни 15-го, но не сейчас. Случайно ли, в этой связи, что американский посол добивался права первым признать Временное правительство?

После февральской революции Фрэнсис писал Вильсону: «Финансовая помощь Америки России была бы мастерским ударом»⁶¹⁴. Но американцы успели потратить на пропаганду только 5,5 млн. долл.⁶¹⁵ и предоставить кредитов на 425 млн. долл. Заемщик оказался ненадежным, «недемократичным» в понимании американцев, русская армия и народ отказывались воевать, они не выбрали даже выделенных кредитов. Уошберн писал, что в России нет власти; комитеты меняются; трудовая ситуация плохая; в городах недостает топлива и продуктов; немецкие агитаторы пользуются свободой передвижения; положение способно изменить только чудо. Мотт эхом вторил пессимистическим заявлениям Уошберна⁶¹⁶. Скотт также сообщал о приближении катастрофы, непригодности железнодорожного подвижного состава, неэффективности управления железными дорогами. Он опять вопрошал, поможет ли финансовая поддержка продолжению

АГОНИЯ

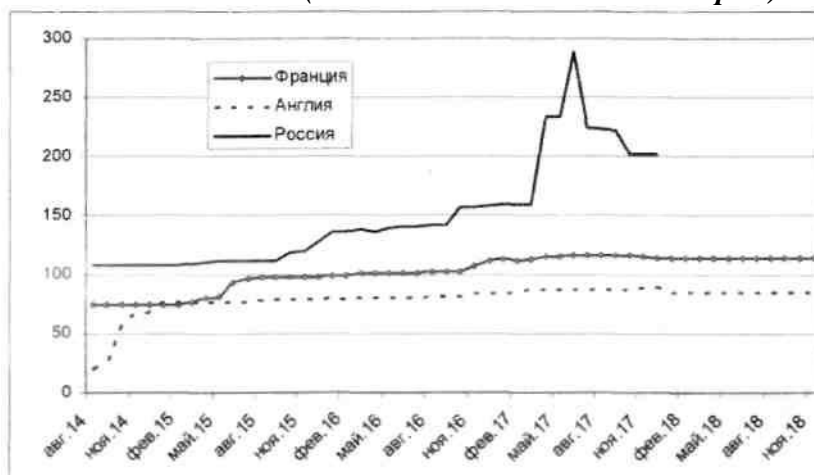
Сразу после революции отношение либеральных сил к войне определялось в первую очередь острой необходимостью демонстрации преимуществ нового строя, по сравнению с «прогнившим» и «продавшимся» врагу царским режимом. Победоносная война играла в этом деле решающую роль. Настроение либералов было полно оптимизма; так, П. Милюков вспоминал: «Мы ожидали взрыва патриотического энтузи-

137

азма со стороны освобожденного населения, который придает мужества в свете предстоящих жертв. Я должен признать, что память о Великой французской революции — мысли о Вальми, о Дантоне — воодушевляли нас в этой надежде»⁶¹⁸. Состояние армии, казалось, позволяло строить надежды на решительный успех: Деникин в январе 1917 г. утверждал, что «старая русская армия заключала в себе еще достаточно сил, чтобы продолжать войну и одержать победу»⁶¹⁹. Брусилов: войска «были в твердом настроении духа, и на них можно было надеяться». Французский генерал Кастельно, посетивший фронт 20. 02, подтверждал: «Дух войск показался мне превосходным, люди сильные, хорошо вытренированные, полные мужества, с прекрасными светлыми и кроткими глазами...»⁶²⁰ А. Лукомский указывал, что на успех также надеялись вследствие сосредоточения на фронте значительной артиллерии и считали, что, может быть, при поддержке могущественного артиллерийского огня части пойдут вперед, а победа даст и все остальное.

Подготовка к наступлению началась сразу же после Февраля. Наиболее наглядно ее отражает организационное реформирование армии — сокращение числа батальонов в дивизии с одновременным увеличением количества последних. Ударная мощь дивизий сохранялась, поскольку у них оставалось прежнее количество артиллерии, а число пулеметов увеличивалось в 3 раза. Людендорф в этой связи отмечал: «Россия приступила к особенно обширному новому формированию. Она оставила в своих дивизиях только 12 батальонов, а в батареях по 6 орудий... Такое переформирование значительно увеличивало ее силы»⁶²¹.

Количество дивизий (пехоты и спешенной кавалерии) стран Антанты⁶²²

138

Но всего десять дней спустя после создания Временного правительства Верховный главнокомандующий М. Алексеев сообщал военному министру А. Гучкову, что он не в состоянии исполнить обязательство, принятое перед

союзниками на совещаниях в Шантильи в ноябре 1916 г. и в Петрограде в феврале 1917 г.: «Мы приняли обязательство не позже как через три недели после начала наступления союзников решительно атаковать противника... Теперь дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства, или совсем уклониться от исполнения их...»⁶²³ Говоря о причинах такого положения, М. Алексеев указывал: «Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема, порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах Родины и ее будущем забывается. Причина этого явления та, что теоретические соображения были брошены в массу, истолковавшую их неправильно...»⁶²⁴ 16 апреля М. Алексеев снова пишет А. Гучкову: «С большим удивлением читаю отчеты безответственных людей о «прекрасном» настроении армии. Зачем? Немцев не обманем, а для себя — это роковое самообольщение...»

Правительство, в свою очередь, «...проявляло полнейшее игнорирование Верховного главнокомандующего даже в таких вопросах, которые непосредственно затрагивали его компетенцию, как управление областями театра войны»⁶²⁵. Не было единства и среди генералитета. Так, генерал Лукомский докладывал: «Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно. Таким образом, приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции недопустимо... Надо, чтобы правительство все это совершенно определенно и ясно сообщило нашим союзникам...»⁶²⁶ Одновременно его коллеги командующие фронтами единогласно приходили к выводу, что: «1) армии желают и могут наступать; 2) наступление вполне возможно, это наша обязанность перед союзниками, перед Россией и перед всем миром...»⁶²⁷

Действительно, армия в материальном плане была готова к наступлению. Деникин вспоминал: «Никогда еще мне не приходилось драться при таком перевесе в числе штыков и материальных средств. Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив. На 19-верстном фронте у меня было *184 батальона против 29 вражеских*, 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких». Однако в морально-психологическом плане к началу июньской операции революция и «демократизация» привели армию к полному разложению. В результате после трех дней успешного наступления 11-я армия «обратилась в паническое бегство... и при огромном превосходстве сил и техники уходила безостановочно»⁶²⁸.

Головин: «Летнее 1917 г. наступление русской армии, когда артиллерия бу-

139

квально смела с лица земли укрепления противника, велось отборными частями. Остальная пехота следовала неохотно, причем были случаи, когда полки, подойдя к бывшим позициям противника, возвращались назад под предлогом, что наша артиллерия так разрушила неприятельские окопы, что ночевать негде. Отборные части были почти полностью выбиты. В результате небольшой нажим немцев привел удачное на первых порах русское наступление к повальному паническому отступлению»⁶²⁹. «Действительно, через два дня после успешного наступления солдаты считали, что исполнили свой долг, отказались продолжать наступление и повернули обратно».

Донесения с фронта гласили: «Дивизии 11-й и частью 7-й армии бежали под давлением в 5 раз слабейшего противника, отказываясь прикрывать свою артиллерию, сдаваясь в плен ротами и полками, оказывая полное неповиновение офицерам. Зарегистрированы случаи самосудов над офицерами и самоубийств офицеров, дошедших до полного отчаяния... Озверелые банды дезертиров грабят

в тылу деревни и местечки, избивая жителей и насилая женщин»⁶³⁰. «С фронта бежали тысячами, грабя и насилая в тылу»⁶³¹. «И все пошло прахом»⁶³². «Армия обезумевших темных людей, не ограждаемых властью от систематического разложения и развращения, потерявших чувство человеческого достоинства, бежит. На полях, которые нельзя даже назвать полями сражения, царит сплошной ужас, позор и срам, которых русская армия не знала с самого начала своего существования», — писал генерал Корнилов⁶³³.

Комитеты и комиссары 11-й армии телеграфировали Временному правительству: «Начавшееся 6 июля немецкое наступление на фронте 11-й армии разрастается в неизмеримое бедствие, угрожающее, быть может, гибелью революционной России. В настроении частей, двинутых недавно вперед героическими усилиями меньшинства, определился резкий и гибельный перелом. Наступательный порыв быстро исчерпался. Большинство частей находится в состоянии все возрастающего разложения. О власти и повиновении нет уже и речи, уговоры и убеждения потеряли силу — на них отвечают угрозами, а иногда и расстрелом... На протяжении сотни верст в тыл тянутся вереницы беглецов с ружьями и без них — здоровых, бодрых, чувствующих себя совершенно безнаказанными. Положение требует самых серьезных мер... Сегодня Главнокомандующим, с согласия комиссаров и комитетов, отдан приказ о стрельбе по бегущим. Пусть вся страна узнает правду... содрогнется и найдет в себе решимость обрушиться на всех, кто малодушием губит и предает Россию и революцию»⁶³⁴.

Один из немецких офицеров позже вспоминал: «Летом 1917 г. русские вели наступление на наши позиции». Часть, которая атаковала участок этого офицера, наступала грамотно. После быстрой перебежки цепи залегали. Немецкие офицеры, наблюдавшие в бинокли, не могли понять одной вещи: перед следующей перебежкой солдаты поднимали

140

свободную левую руку и кто-то из них пересчитывал, а потом что-то кричал. После чего цепь снова поднималась в атаку. Оказалось, что каждый раз солдаты решали голосованием — вставать в атаку или нет»⁶³⁵. Генерал Драгомиров, командующий 5-й армией, сообщал: «Находясь в резерве, полки декларируют готовность сражаться до полной победы, однако отказываются по приказу выходить из окопов»⁶³⁶. «Трусость и недисциплинированность некоторых частей дошла до того, что начальствующие лица вынуждены были просить нашу артиллерию не стрелять, так как стрельба своих орудий вызывала панику среди солдат»⁶³⁷.

Деникин: «В одном из корпусов приказал показать мне худшую часть... Мы подъехали к огромной толпе безоружных людей, стоявших, сидевших, бродивших на поляне за деревней. Одетые в рваное тряпье (одежда была продана и пропита), босые, обросшие, нечесанные, невымытые, они, казалось, дошли до последней степени физического огрубения. Одержимые или бесноватые, с помутневшим разумом, с упрямой, лишенной всякой логики и здравого смысла речью, с истерическими криками, изрыгающие хулу и тяжелые, гнусные ругательства. Мы все говорили, нам отвечали — со злобой и тупым упорством. Помню, что во мне мало-помалу возмущенное чувство старого солдата уходило куда-то на задний план, и становилось только бесконечно жаль этих грязных, темных русских людей, которым слишком мало было дано и мало поэтому с них взыщется. Хотелось, чтобы здесь, на этом поле, были, видели и слышали все происходящее верхи революционной демократии»⁶³⁸.

Временное правительство откликнулось на ситуацию на фронте своей последней декларацией от 25 сентября. В ней повторялись лозунги приверженности демократии, призывы к миру без «возмещения всяких издержек»

и «только сокровенный смысл фразы «защита общесоюзнического дела», предназначенный для успокоения союзных стран, — по словам Деникина, — нарушал несколько общий тон "декларации бессилия", как назвала этот акт печать...»⁶³⁹

Германские армии воспользовались ситуацией и развили наступление, практически не встречая на своем пути сопротивления. В августе ген. Корнилов сдал немцам Ригу. 2 октября тральщики Балтийского флота отказались подчиняться Временному правительству и минировать проходы, что позволило немцам захватить Моонзундский архипелаг (350 км от Петрограда), взяв в плен до 20 тысяч человек... Немцы начали демонстративную подготовку наступления на Петроград, для чего, в частности, высадили десант на материк южнее Гапсаля, что вызвало всплеск эмоций у либеральной демократии. Деникин вспоминал: «Буржуазные элементы и печать призывали к борьбе с немцами. Умирающие исполнительные комитеты также призывали демократию «стойко защищать родную землю». Петроградская дума откликнулась

141

многоглаголюющими заседаниями, образованием «центрального комитета общественной безопасности» и новых пяти комиссий. Временное правительство постановило эвакуировать Петроград. Но наиболее безотрадную картину распада явил собою «Совет Российской республики». После долгого обсуждения вопроса об обороне государства 18 октября на голосование Совета было поставлено... шесть формул, все шесть были отвергнуты — и вопрос снят с обсуждения. «Совет Российской республики» в дни величайшей внешней опасности и накануне большевистского переворота не нашел ни общего языка, ни общего чувства скорби и боли за судьбу Родины. Поистине, и у людей непредубежденных могла явиться волнующая мысль: одно из двух, или «соборный разум» — великое историческое заблуждение, или в дни разгула народной стихии прямым и верным отображением его в демократическом фокусе может быть только «соборное безумие»...⁶⁴⁰

Либеральная интеллигенция, еще вчера призывавшая к войне до победного конца и обвинявшая царскую семью в измене, теперь сама ждала и призывала немецкое нашествие. Родзянко заявлял в газете «Утро России»: «Петроград находится в опасности... Я думаю, бог с ним, с Петроградом... Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (т.е. Советы и т.д.)... Очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли... Со взятием Петрограда флот все равно погибнет». Но жалеть об этом не приходится: «Там есть суда совершенно развороченные»... Родзянко совершенно точно объявляет, зачем именно это нужно. «После сдачи Риги, — говорит он, — там водворился такой порядок, какого никогда не видали. Расстреляли десять человек главарей, вернули городовых, город в полной безопасности...»⁶⁴¹ Лидер кадетов Милюков спустя несколько месяцев вступит в непосредственный контакт с командованием немецких войск и будет упрашивать их занять Москву и Петербург⁶⁴². Бунин в то время писал: «В газетах — о начавшемся наступлении немцев. Все говорят: «Ах, если бы!»... Вчера были у Б. Собралось порядочно народу — и все в один голос: немцы, слава Богу, продвигаются, взяли Смоленск и Бологое... Слухи о каких-то польских легионах, которые тоже будто бы идут спасать нас... После вчерашних вечерних известий, что Петербург уже взят немцами, газеты очень разочаровали... В Петербург будто бы вошел немецкий корпус... Видел В.В. Горячо поносил союзников: входят в переговоры с большевиками вместо того, чтобы идти оккупировать Россию» и т.п.⁶⁴³ В итоге генерал В. Марушевский констатировал: «К великому сожалению, этот период был отмечен большой национальной работой лишь левых партий и, главным образом, эсеров, шедших по пути честного продолжения борьбы до

конца. Едва зародившиеся, вернее, сплотившиеся, правые группы сразу стали склоняться в сторону совершенно определенных сношений с тогда еще не рухнувшей монархической Германией»⁶⁴⁴.

142

Впрочем, российские либералы не отличались оригинальностью и вели себя точно так же, как и французские 45 лет назад, спровоцировавшие в тылу собственной армии либерально-демократическую революцию. Доведя Францию до Коммуны, французские либералы призвали немецкие войска для ее подавления и сами сдали немцам Париж... В России либералы сдать Петроград не успели: им помешали большевики.

БОЛЬШЕВИКИ

Причину гибели армии либералы обычно находят в пораженческой пропаганде большевиков. Действительно, по словам Деникина: «В стране не было ни одной общественной или социальной группы, ни одной политической партии, которая могла бы, подобно большевикам и к ним примыкающим, так безоговорочно, с такой обнаженной откровенностью призывать армию «воткнуть штыки в землю»⁶⁴⁵.

Между тем 16 июля 1917 года один из будущих вождей Белого движения, радикальный противник большевиков, ведущий с ними бескомпромиссную войну на уничтожение А. Деникин заявлял: «У нас нет армии. И необходимо немедленно во что бы то ни стало создать ее... Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие, а большевики — лишь поганые черви, которые завелись в гнойниках армейского организма»⁶⁴⁶. Черчилль прибег к подобному сравнению: «С победой в руках она (Россия) рухнула на землю, съеденная заживо... червями». Ллойд-Джордж использовал ту же аналогию, но при этом отмечал: «Черви, которые пожирали внутренности старого режима и подрывали его силы, были вызваны к жизни разложением самого режима. Царизм пал потому, что его мощь, его значение и авторитет оказались насквозь прогнившими. Поэтому при первом ударе революции царизм распался. Когда голодная петроградская толпа вышла на улицу, не считаясь больше с устрашающими указами царского правительства, последнее уже не обладало достаточной силой, даже чтобы спасти скипетр императора»⁶⁴⁷. То же можно сказать и относительно Временного правительства, которое сгнило, даже не успев встать на ноги. Один из наиболее выдающихся деятелей «черносотенства» Б. Никольский в начале 1918 г. замечал: «Чем большевики хуже кадетов, эсеров, октябристов?.. Россию правят сейчас карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в ее зияющих ранах»⁶⁴⁸.

Относительно армии сам Деникин утверждал, что армейский организм к этому времени был уже практически мертв, и трупный яд, который он источал, грозил отравить все вокруг. Американский генеральный консул в Москве сообщал: «Солдаты грабят страну, устремившуюся к анархии и гражданской войне, а армия как боевая сила перестала су-

143

ществовать. Ситуация в глубине страны постоянно ухудшается. Идет разгром поместий, владельцев избивают и убивают»⁶⁴⁹. Кроме большевиков, в России не было силы, которая могла бы остановить это самоуничтожение армии и государства. По словам Троцкого, одним из побудительных мотивов к скорейшему захвату большевиками власти было опасение, что «события на фронте могут произвести в рядах революции чудовищный хаос и ввергнуть в отчаяние рабочие массы»⁶⁵⁰. Россия уже проиграла войну, на пути анархии и

развала встали только большевики. Им прежде всего необходимо было «разложить» этот армейский труп, и только тогда на его «останках» можно было вырастить (создать) новую армию... И здесь большевики не брезговали никакими, даже самыми варварскими и циничными, средствами и методами для разложения армии. Их политика приобретала силу, поскольку совпадала, вернее эксплуатировала стихийное, инстинктивное движение масс...

Из чего формировались эти инстинкты, дает представление донесение командующего 12-й армией: «Армия представляет из себя огромную, усталую, плохо одетую, с трудом прокармливаемую, озлобленную толпу людей, объединенных жаждой мира и всеобщим разочарованием. Такая характеристика без особой натяжки может быть применена ко всему фронту вообще»⁶⁵¹. «Осенью на одном из заседаний Петроградского совета прибывший с фронта офицер Дубасов говорил: «Солдаты сейчас не хотят ни свободы, ни земли. Они хотят одного — конца войны. Что бы вы здесь ни говорили, солдаты больше воевать не будут»⁶⁵². По выражению Ленина, солдаты «проголосовали за мир своими ногами» — к октябрю 1917 г. из армии бежали более 2 млн. дезертиров, более 2 млн. солдат сдались в плен, (не считая 2 млн. захваченных в плен до 1917 г.) Уже в мае 1917 г. в плен сдавались дивизиями (например, 120-я дивизия). Повальное дезертирство ограничивалось только пропускными возможностями транспорта. Армии и государства практически не существовало, и здесь большевики стали последним барьером борьбы русского народа за свое существование — за ним была только анархия и самоуничтожение...

Создание новой армии большевики начали с восстановления дисциплины. Деникин возмущенно писал: «Постепенно отбрасывая все «завоевания революции» в области демократизации армии — как-то: выборное начало, митинги, комитеты, упразднение единоличной дисциплинарной власти, — советская власть посягнула и на институт войсковых комиссаров. По докладу Троцкого еще на 7-м съезде Советов принципиально принят был вопрос об уничтожении этого института; меру эту предполагалось провести постепенно, причем комиссаров должны были заменить *помощники* командиров по политической части».

144

«ЗЕМЛИ И ВОЛИ»

Главная движущая сила революции в борьбе за... феодализм

Но война и развал армии дали лишь внешний толчок революции, ее движущие силы еще даже не выходили открыто на политическую сцену, хотя их присутствие чувствовалось в каждом «вздохе» любой партии и любой власти. Речь идет о «стихийной силе» — русского крестьянства.

«К концу XIX века, — отмечает В. Кондрашин, — масштабы неурожаев и голодных бедствий в России возросли, (но) В 1872-1873 и 1891-1892 гг. крестьяне безропотно переносили ужасы голода, не поддерживали революционные партии»⁶⁵³. Впервые о «ряде крестьянских беспорядков» сообщал циркуляр министерства внутренних дел от 17 июля 1898 г., когда целые деревни совершали «вооруженные нападения на экономии и усадьбы землевладельцев»⁶⁵⁴. Это был ответ крестьян на аграрный подъем последних лет XIX века, когда «вся рабочая сила накинута на хлебопашество»⁶⁵⁵. Но двинулась не только рабочая сила, но и капитал, который современными средствами производства быстро вытеснял отсталые крестьянские хозяйства. Главным объектом конкуренции была земля, арендные цены на которую выросли почти в 2 раза. Журнал Вольного экономического общества в то время сообщал: «Крестьяне старались прежде

всего добыть землю своего помещика», «о претензиях крестьян на землю своих прежних помещиков пишут корреспонденты всех губерний». «Этого барина земля наша, и мы не дадим ее никому ни арендовать, ни покупать», — гласят анкеты Вольного экономического общества⁶⁵⁶. В Харьковской и Полтавской губерниях в 1902 г. было «разобрано» 79 имений, отобран «весь хлеб, запасы сена и соломы». Крестьяне действуют спокойно, с полным сознанием своей правоты, — писал корреспондент «Искры».

С 1901 г. крестьянские волнения стали вспыхивать по всей стране. Правительство видело проблему и даже создало специальное сельскохозяйственное совещание, но на практике не делало ничего. В результате, как отмечал Витте, «когда началась революция (1905 г.), то само правительство по крестьянскому вопросу уже хотело пойти дальше то-

145

го, что проектировало сельскохозяйственное совещание. Но этого уже оказалось мало. *Несытое существо можно успокоить, давая пищу вовремя, но озверевшего от голода одной порцией пищи уже не успокоишь. Он хочет отомстить тем, кого правильно или неправильно, но считает своими мучителями. Все революции происходят оттого, что правительства вовремя не удовлетворяют назревшие народные потребности. Они происходят оттого, что правительства остаются глухими к народным нуждам.* Правительства могут игнорировать средства, которые предлагают для удовлетворения этих потребностей, но не могут безнаказанно не обращать внимания и издеваться над этими потребностями. Между тем мы десятки лет все высокопарно манифестовали: «Наша главная забота — это народные нужды, все наши помыслы стремятся, чтобы осчастливить крестьянство» — и проч. и проч. Все это были и до сего времени представляют одни слова»⁶⁵⁷. Деникин приходил к аналогичным выводам: «Бесспорно, что аграрная реформа запоздала. *Долгие годы крестьянского бесправия, нищеты, а главное — той страшной духовной темноты, в которой власть и правящие классы держали крестьянскую массу, ничего не делая для ее просвещения, не могли не вызвать исторического отщепеня*»⁶⁵⁸.

Не случайно, что «самая серьезная часть русской революции 1905 г., — указывал Витте, — конечно, заключалась не в фабричных, железнодорожных и тому подобных забастовках, а в крестьянском лозунге «Дайте нам землю, она должна быть нашей, ибо мы ее работники» — лозунге, осуществления которого начали добиваться силою»⁶⁵⁹.

Земельная реформа отставала в России почти на столетия. Бывший министр земледелия А. Кривошеин на встрече с журналистами в июне 1920 года говорил: «Трагедия России в том, что к землеустройству не приступили сразу после освобождения. Русская революция потому и приняла анархический характер, что крестьяне жили земельным укладом царя Берендея. Если Западная Европа, треща и разваливаясь, еще обошлась без большевизма (и обойдется), то потому, что земельный быт французского, немецкого, английского, итальянского фермера давно устроен»⁶⁶⁰. Столыпин отлично понимал проблему: «Настолько нужен для переустройства нашего царства, переустройства его на крепких монархических устоях, крепкий личный собственник, насколько он является преградой для развития революционного движения, видно из трудов последнего съезда социалистов-революционеров, бывшего в Лондоне в сентябре настоящего (1908) года: «Правительство, подавив попытку открытого восстания и захвата земель в деревне, поставило себе целью распылить крестьянство усиленным насаждением личной частной собственности или хуторским хозяйством. Всякий успех правительства в этом направлении наносит серьезный ущерб делу революции...»⁶⁶¹

Витте буквально пророчествовал: «Не подлежит, по моему мнению,

сомнению, что на почве землевладения, так тесно связанного с жиз-

146

нью всего нашего крестьянства, т.е., в сущности, России, ибо Россия есть страна преимущественно крестьянская, и будут разыгрываться дальнейшие революционные пертурбации в империи, особенно при том направлении крестьянского вопроса, которое ему хотят в последние столыпинские годы дать, когда признается за аксиому, что Россия должна существовать для 130 тыс. бар и что государства существуют для сильных»⁶⁶². Столыпин действительно заявлял, что правительство «делало ставку не на убогих и пьяных, а на крепких и сильных», «нельзя ставить преграды для обогащения сильного, для того чтобы слабые разделили с ним его нищету». Но здесь же он говорил: «Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ от нищеты, от невежества, от бесправия... нельзя только на верхах развешивать флаги какой-то мнимой свободы...»⁶⁶³ Но Столыпин успел сделать только первый шаг, поднять только один пласт крестьянского общества, остальное еще оставалось в темноте полуфеодального прошлого.

И в данном случае С. Витте оказывался абсолютно прав. Все власти: Временное правительство, Советы солдатских и рабочих депутатов — отражали настроения не более 10-12% населения страны; крестьянство же, составлявшее почти 80%, практически не было прямо представлено нигде, но давило на них всей своей массой. Главным лозунгом русских крестьян в 1917 г., как и прежде, в 1905 г., оставалось требование — «Земли и воли!». Именно крестьяне были той не осознанной ими самими силой, двигавшей все русские революции, как в свое время — и французскую, и английскую.

Очевидно, что большая часть крестьянства России восприняла Февральскую революцию, как начало долгожданного решения земельного вопроса. И действительно, как отмечал Деникин: «В основной идее реформы не было разногласия. Вся либеральная демократия и буржуазия, революционная демократия, Временное правительство — все они совершенно определенно говорили о «переходе земли в руки трудящихся». Революционная демократия во всех партийных, классовых и профессиональных организациях отстаивала положение, проведенное Всероссийским крестьянским съездом (25 мая) при участии министра Чернова о «переходе всех земель в общее народное достояние для уравнительного пользования без всякого выкупа»⁶⁶⁴.

На деле, как и почти все лозунги Временного правительства, провозглашавшие «переход земли в руки трудящихся», оказались чистой демагогией. Во-первых, пойти на национализацию земли Временное правительство не могло, поскольку уже в 1916 г. половина всех землевладений была заложена и национализация земли разорила бы банки (которые к тому же почти все были иностранными). Во-вторых, Временное правительство, представлявшее буржуазию и помещиков, вполне

147

естественно в первую очередь защищало их интересы, поэтому в программных декларациях от 3 и 6 марта 1917 г. оно вообще обошло аграрный вопрос⁶⁶⁵. Но это было только началом. 11 апреля Временное правительство принимает закон «Об охране посевов», гарантировавший помещикам «законную охрану» их земель, получение арендной платы и даже возмещение убытков в случае «народных волнений». Таким образом Временное правительство, по сути, «консервировало» помещичье землевладение.

Одновременно Временное правительство отменяет запрет на куплю-продажу земли, введенный царским правительством в начале войны. Как следствие, «нестабильность, вызванная войной и революцией, привела к резкому росту спекуляций землей». Опасаясь, что земли они не получат, солдаты хлынули с

фронта домой. Землю продавали по низким ценам иностранцам или делили малыми участками между родственниками и закладывали по бросовой цене в банках. На хищнический сруб продавали леса, так что крестьяне нередко снимали стражу помещиков и ставили свою. Всероссийский съезд крестьянских депутатов — сторонник Временного правительства — потребовал немедленно запретить куплю-продажу земли. Это требование было настолько разумно, что помещик и либерал Пришвин писал 26 марта: «Что в аграрном нашем вопросе можно сплеча решить, не копаясь в статистике и в аграрной науке всякой, — это чтобы земля, во-первых, не была подножием политической власти земельного класса и, во-вторых, чтобы земля не была предметом спекуляции...»^{*} Невозможно землю отобрать у частных владельцев, но возможно запретить ее продавать иначе как государству. Причем для мелкого землевладения и среднего можно сделать облегченные налоги, для крупного — такие большие, что продать ее государству будет необходимостью».

Ответом на «реформистские» действия Временного правительства стало создание на местах, по инициативе крестьян, земельных комитетов, действия которых под давлением «снизу» принимали все более решительный и радикальный характер⁶⁶⁶. Испуганное этим нажимом, коалиционное правительство 5 мая пообещало начать преобразование землепользования «в интересах народного хозяйства и трудящегося населения», не дожидаясь Учредительного собрания, но так и не издало ни одного законодательного акта во исполнение этой декларации⁶⁶⁷. В этих условиях, крестьяне начали пресекать сделки стихийно. Угроза восстания заставила Временное правительство 12 июля пере-

* Интересна в этой связи позиция Людендорфа, который после захвата немецкими войсками Курляндии оказался в сходной ситуации. Первым делом он «запретил продажу недвижимости, чтобы сохранить в дальнейшем возможность правильной аграрной и колонизационной политики и прекратить спекуляцию землей». (Людендорф Э... С. 204.)

148

дать вопрос о разрешении сделок земельным комитетам. Конфликт был перенесен вниз, так же как и вопрос об арендной плате. В результате помещики организовались для борьбы с земельными комитетами, начались массовые аресты их членов и предание их суду. «Если так будет продолжаться, — заявлял Чернов, — то придется посадить на скамью подсудимых три четверти России»⁶⁶⁸.

У крестьян были все основания, чтобы подозревать правительство в обмане, тем более что весна торопила с решением земельного вопроса. В первый же месяц революции число крестьянских выступлений составило 20% по сравнению со всем 1916 г. За апрель их число выросло в 7,5 раз. Военные отказались участвовать в усмирении, а милиция даже способствовала выступлениям крестьян. К концу апреля крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России⁶⁶⁹. В ответ правительство требовало от губернских комиссаров пресечь аграрные беспорядки любыми мерами, вплоть до применения против крестьян оружия⁶⁷⁰. В «течение лета аграрные беспорядки делались все более и более ожесточенными, что объяснялось и сотнями тысяч дезертиров, хлынувших с фронта в деревню». Пришвин, 15 июня: «И солдатки, обиженные и ничего не понимающие, пишут письма мужьям: «Тебя, Иван... мужики обделили. Бросайте войну, спешите сюда землю делить...» Начиная с последних дней августа крестьяне, уставшие ждать от правительства решения аграрных проблем, взялись за разграбление и поджоги помещичьих усадеб, безжалостно изгоняя их владельцев с насиженных мест. На Украине и в России — в Тамбовской, Пензенской, Воронежской, Саратовской, Орловской, Тульской, Рязанской губерниях — были сожжены тысячи усадеб, убиты сотни их владельцев⁶⁷¹. Осенью 1917 г. восстания охватили более 20 губерний европейской части России.

Здесь только в сентябре было разгромлено свыше 900 помещичьих имений⁶⁷². Главную причину крестьянского взрыва точно сформулировал комиссар «горячего» Козловского уезда Тамбовской губернии: «Неопределенная земельная политика, породившая опасность, что землю крестьяне не получат»⁶⁷³.

Крестьянский бунт 1917 г. повторял методы времен революции 1905 г. Их, со слов отца, описывала дочь Столыпина: «Крестьяне жгут имения помещиков, уничтожают все, что попадает им под руку: библиотеки, картины, фарфор, старинную мебель и даже скот и урожай. Почти никогда крестьяне ничего не крадут, но ярким пламенем горят помещичьи дома, скотные дворы, сараи, амбары. Рубят в щепки, топчут ногами, ломают и рвут все, что владельцы, в надежде спасти хоть крохи своего имущества, выносят из горящих домов»⁶⁷⁴. Причины подобного вандализма объяснял Мартынов: «Когда крестьяне разрушали и жгли помещичьи усадьбы, крестьяне усматривали в этом известную гарантию против реставрации. Когда я, побывав в Подолии в нескольких деревнях, видел там всюду развалины роскошных помещичьих

149

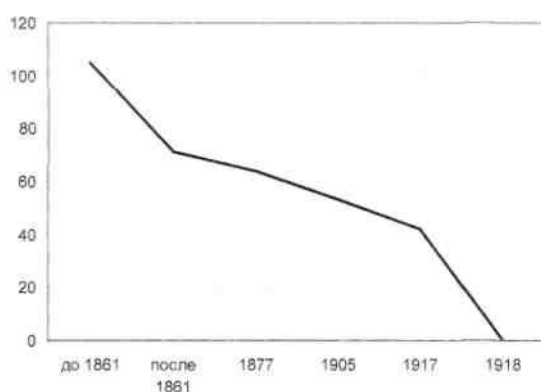
усадоб, я спрашивал крестьян: «Почему вы жгли эти усадьбы? Почему вы, прогнав панов, не использовали их усадьбы для своих общественных нужд?» — «А мы для того сжигали их гнезда, — отвечали крестьяне, — чтобы эти птицы никогда к нам назад не прилетели»⁶⁷⁵. Это заявление перекликалось с лозунгом эсеров времен революции 1905 г., призывавших крестьян: «Разорьте гнезда — воронье разлетится».

Управлявший Министерством внутренних дел Церетели в одном из циркуляров губернским комиссарам констатировал явление полной деревенской анархии: «Захваты, запашки чужих полей, снятие рабочих и предъявление непосильных для сельских хозяев экономических требований; племенной скот уничтожается, инвентарь расхищается; культурные хозяйства погибают; чужие леса вырубаются, заготовленные для отправки лесные материалы и дрова задерживаются и расхищаются. Одновременно частные хозяйства оставляют поля незасеянными, а посевы и сенокосы необранными». Министр обвинял местные комитеты и крестьянские съезды в организации самочинных захватов и приходил к выводу, что создавшиеся условия ведения сельского и лесного хозяйств «грозят неисчислимыми бедствиями армии, стране и существованию самого государства». Если к этой картине прибавить местами пожары, убийства, самосуды, разрушение усадеб, представлявших собой иногда хранилища предметов огромной исторической ценности, то мы получим истинную картину тогдашнего деревенского быта⁶⁷⁶. Лидерами крестьянского движения были середняки и богатые крестьяне, батраки («пролетариат») были наиболее пассивны. Т. Шанин отмечал: «Средняки, в соответствии с точным определением этого слова, были решающей силой в российском селе и большинством в его общинах... Что касается кулаков в сельской местности России, по крайней мере в крестьянском значении этого термина, они были не обязательно самыми богатыми хозяевами или работодателями, но «не совсем крестьянами», стоящими в стороне от общин или против них»⁶⁷⁷.

Новое либерально-социалистическое коалиционное правительство в декларации от 8 июля пообещало «полную ликвидацию разрушительной и дезорганизующей деревню прежней землеустроительной политики», опять предупредив против земельных захватов. Министру земледелия эсеру В. Чернову удалось провести лишь постановление «о приостановлении землеустроительных работ», посредством которых проводилась столыпинская реформа. Это было вызвано тем, что крестьяне уже переключились с погрома помещичьих усадеб на погром «столыпинских раскольников» — хуторян. По словам Т. Шанина: «Главная внутрикрестьянская война, о которой сообщали в 1917 г., была

выражением не конфронтации бедных с богатыми, а массовой атакой на «раскольников», т.е. на тех хозяев, которые бросили свои деревни, чтобы уйти на хутора в годы столыпинской реформы»⁶⁷⁸. Действительно, как только помещичья земля стала заканчиваться, крестьяне перешли к стихийному «раскулачиванию» хуторян и арендаторов. Особенно ярко оно выразилось в казачьих областях, где крестьяне приступили к «расказачиванию». Толчок этому дало само Временное правительство. На майском Всероссийском крестьянском съезде министр земледелия Чернов заявил, что казаки имеют большие земельные наделы и теперь им придется поступиться частью своих земель. Это выступление было поддержано меньшевиками и эсерами из Советов в виде их массовой агитации за расказачивание⁶⁷⁹. Таким образом, раскулачивание и расказачивание, инициативу которых обычно приписывают большевикам, были начаты задолго до их прихода к власти.

*Земля в помещичьем владении, млн. десятин*⁶⁸⁰

Крестьянский вопрос приобретал все большую остроту по мере нарастания продовольственного кризиса. После Февральской революции «деревня, прекратившая внесение податей и арендной платы, насыщенная бумажными деньгами и не получавшая за них никакого товарного эквивалента, задерживала подвоз хлеба. Агитация и воззвания не действовали, приходилось местами применять силу». 29 марта Временное правительство вводит хлебную монополию. Весь излишек запаса хлеба после исключения норм на продовольствие, на обсеменение и на корм скота поступал государству. Одновременно правительство в очередной раз повысило твердые цены на хлеб и обещало установить их и на все предметы первой необходимости: железо, ткани, кожу, керосин и т.д. Россию покрыла огромная сеть продовольственной организации, стоимость которой определялась в 500 миллионов рублей в год, но которая оказалась бессильной справиться со своим делом⁶⁸¹. Если кампания 1916 года

151

(1 августа 1916-го — 1 июля 1917 года) дала 39,7%, то июль 1917 года дал 74%, а август — 60-90% невыполнения продовольственных заготовок⁶⁸². Крестьяне отказывались отдавать хлеб, и на его сбор стали отправлять войска, которые получали самые жесткие инструкции.

«Деревня замкнулась в узкий круг своего быта и, поглощенная «черным переделом», совершенно не интересовалась ни войной, ни политикой, ни социальными вопросами, выходящими за пределы ее интересов, — отмечал Деникин. — Война отнимала и калечила ее работников, и деревня тяготилась войной. Власть препятствовала земельным захватам и стесняла монополией и твердыми ценами сбыт хлеба — и деревня невзлюбила власть. Город перестал давать произведения промышленности и товары — и деревня отгородилась от

города, уменьшая и временами прекращая подвоз туда хлеба»⁶⁸³. По словам С. Кара-Мурзы: «Выявилась полная беспомощность правительства в главном вопросе России. Вечером 24 октября предпарламент небольшим большинством принял резолюцию левых фракций о передаче земли в ведение земельных комитетов — впредь до решения вопроса Учредительным собранием. Ночью, уже 25 октября, эту резолюцию отвезли в Зимний дворец, чтобы потребовать от правительства ее утвердить. Как пишет лидер меньшевиков Ф. Дан, вручивший резолюцию Керенскому, левые надеялись, что правительство даст согласие, сразу же будут отпечатаны и расклеены по городу афиши, а в провинции разосланы телеграммы о передаче крестьянам всех помещичьих земель и начале переговоров о мире. Но Керенский ответил, что правительство «в посторонних советах не нуждается, будет действовать само и само справится с восстанием». В тот же день, 25 октября, это правительство было без боя смещено»⁶⁸⁴.

К октябрю 1917 г. в деревнях земля давно была взята и поделена. Догорали помещичьи усадьбы и экономии, дорезали племенной скот и доламывали инвентарь. Иронией поэтому звучали слова правительственной декларации, возлагавшей на земельные комитеты упорядочение земельных отношений и передавшей им земли «в порядке, *имеющем быть установленным законом и без нарушения существующих норм землевладения*»⁶⁸⁵. Большевистский «Декрет о земле», провозгласивший, что «помещичья собственность на землю отменяется немедленно без всякого выкупа», ограничился, по сути дела, узакониванием самовольного захвата земель помещиков и кулаков, который осуществлялся в деревнях уже с апреля 1917 года⁶⁸⁶.

Но раздел земли был только началом формирования гораздо более опасной для самого существования государства тенденции, которая все более активно проявлялась во втором стихийном требовании крестьян, — «воли». Под «волей» крестьяне понимали не интеллигентскую свободу, а полное отсутствие государственной власти, и именно это стремление отражал разгоравшийся «крестьянский бунт». 29 сентября

152

1917 г. В. Ленин пишет статью «Кризис назрел»: «В крестьянской стране при революционном, республиканском правительстве, которое пользуется поддержкой партий эсеров и меньшевиков, имевших вчера еще господство среди мелкобуржуазной демократии, растет *крестьянское восстание*... Официальные эсеры... *вынуждены* признать, что через семь месяцев революции в крестьянской стране «почти ничего не сделано для уничтожения кабалы крестьян»... Ясно само собою, что если в крестьянской стране после семи месяцев демократической республики дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил *к последней черте*... все симптомы указывают... именно на то, что общенациональный кризис назрел...»⁶⁸⁷

На пути всеразрушающего «бессмысленного и беспощадного» крестьянского бунта, за которым шло более 80% населения России, вооруженного, радикализованного лишениями и жертвами войны, правлением кадетов, меньшевиков и эсеров, встали только большевики. Они снова оказались последним рубежом борьбы русского народа за свое выживание, за которым прекращалось существование государства...

153

ДВОЕВЛАСТИЕ КАК ФОРМА БЕЗВЛАСТИЯ Временное правительство и Советы «в борьбе за власть»

«Но их бедой была победа — за ней открылась пустота».

Настало время поближе познакомиться с теми политическими силами, которые вершили революции и боролись за власть в 1917 г.

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО

В Шульгин накануне Февральской революции 1917 г. попал на совещание, где «были все — видные деятели Думы, земцы. Мелькали лица Гучкова, Некрасова, князя Львова, но было множество других, собрание никак не носило узкого характера. Чувствовалось что-то необычайное, что-то таинственное и важное... Но можно было догадываться. Может быть, инициаторы хотели говорить о перевороте сверху, чтобы не было переворота снизу... У меня было смутное ощущение, что грозное близко. А эти попытки отбить это огромное были жалки. Бессилие людей, меня окружавших, и свое собственное в первый раз заглянуло мне в глаза. И был этот взгляд презрителен и страшен... Мы способны были, в крайнем случае, безболезненно пересест с депутатских скамей в министерские кресла, при условии, чтобы императорский караул охранял нас... Но перед возможным падением власти, перед бездонной пропастью этого обвала у нас кружилась голова и немело сердце»⁶⁸⁸. Керенский заявлял: «Важно одно: чтобы власть перешла в другие руки». — «Чьи? — спросил Маклаков». — «Это безразлично. Только не бюрократические». — «Почему не бюрократические? — возразил Маклаков. — Я именно думаю, что бюрократические... только в другие, толковее и чище... Словом, хороших бюрократов. А эти, "облеченные доверием", — ничего не сделают. Почему? Потому что мы ничего не понимаем в этом деле. Техники не знаем. А учиться теперь

154

некогда...» — «Пустяки, — заявляет Керенский. — Вам дадут аппарат. Для чего же существуют все эти bureaux esous-secretaires?!»⁶⁸⁹

Шульгин: «Мы все критиковали власть... Но совершенно неясно было, что мы будем отвечать, если нас спросят: «Ну хорошо, la critique est aisee — довольно критики, теперь пожалуйте сами! Итак, что надо делать?» Мы имели «великую хартию блока», в которой значилось, что необходимо произвести некоторые реформы, но все это совершенно не затрагивало центрального вопроса: «Что надо сделать, чтобы лучше вести войну?»⁶⁹⁰. Я неоднократно с самого основания блока добивался ясной практической программы. Сам я ее придумать не мог, а потому пытал своих «друзей слева», но они отделялись от меня разными способами, а когда я бывал слишком настойчив, отвечали, что практическая программа состоит в том, чтобы добиться «власти, облеченной народным доверием». Ибо эти люди будут толковыми и знающими и поведут дело. Дать же какой-нибудь рецепт для практического управления невозможно; «залог хорошего управления — достойные министры» — это и на Западе так делается. Тогда я стал добиваться, кто эти достойные министры. Мне отвечали, что пока об этом неудобно говорить, что выйдут всякие интриги и сплетни и что это надо решать тогда, когда вопрос станет, так сказать, вплотную. Но сегодня мне казалось, что вопрос уже стал «вплотную». Явственно чувствовалась растерянность правительства. Нас еще не спрашивали: кто? Но чувствовалось, что каждую минуту могут спросить. Между тем были ли мы готовы? Знали ли мы, хотя бы между собой, кто. Ни малейшим образом»⁶⁹¹. «Мы вот уже полтора года твердим, что правительство никуда не годно. А что, если «станется по слову нашему»? Если с нами, наконец, согласятся и скажут: «Давайте ваших людей». Разве мы готовы? Разве мы можем назвать, не отделяваясь общей формулой, «людей, доверием общества облеченных», конкретных, живых людей?»⁶⁹²

А. Деникин говорил почти по-марксистски: «Революция, с точки зрения государственного строительства, есть разрыв непрерывности (переход «порядок — хаос»). В это время утрачивает силу старый способ легитимации власти». Власть царя как помазанника Бога, освященная Церковью, прекратилась. Вообще, Февральская революция нанесла сильнейший удар по всем основаниям государственности. Как признал тогда А. Гучков, «мы ведь не только свергли носителей власти, мы свергли и упразднили саму идею власти, разрушили те необходимые устои, на которых строится всякая власть»⁶⁹³. «Нужен центр. Нужен во что бы то ни стало какой-нибудь фокус... Не то все разбредется... Все разлетится... Будет небывалая анархия... И главное — армия, армия. Все пропало, если развал начнется в армии»⁶⁹⁴.

«Кто-то должен был овладеть движением. И после горячих споров, после проявления некоторой растерянности и нерешительности эту

155

роль приняла на себя Государственная Дума, выделив из своей среды Комитет Государственной Думы...»⁶⁹⁵ Между последним и Думой сразу же разгорелась борьба за власть. Проект председателя Государственной Думы Родзянко предусматривал, что: «Государственная Дума... явилась бы носительницей верховной власти и органом, перед которым Временное правительство было бы ответственным». Этому проекту решительно воспротивились главным образом деятели кадетской партии. Милюков восклицал: «Можно ли было признавать это учреждение фактором сложившегося положения? Дума была тенью своего прошлого. К тому же срок ее избрания наступал в том же году...»⁶⁹⁶ По мнению П. Милюкова, «временный комитет существовал независимо от санкции председателя (Думы), и также независимо он (комитет), а не председатель наметил состав Временного правительства. Не он, а князь Львов должен был это правительство возглавить, а не «назначить»... П. Милюков, несколько дней назад умолявший великого князя Михаила отказаться от отречения теперь, отрицая всякую юридическую преемственность с прежней властью, заявлял: «Нас выбрала русская революция!» «Эта простая ссылка на исторический процесс, приведший нас к власти, закрыла рот самым радикальным оппонентам. На нее потом и ссылались как на канонический источник нашей власти»⁶⁹⁷.

В любом случае, как отмечал А. Деникин, «когда царская власть пала, в стране до созыва Учредительного собрания не стало вовсе легальной, имевшей какое-либо юридическое обоснование власти. Это совершенно естественно и вытекает из самой природы революции... Оставим, следовательно, в стороне всенародное и демократическое происхождение временной власти. Пусть она будет самозванной, как это имело место в истории всех революций и всех народов. Но самый факт широкого признания Временного правительства давал ему огромное преимущество перед всеми другими силами, оспаривавшими его власть»⁶⁹⁸.

Состав Временного правительства* был далеко не случаен, он сложился еще 6 апреля 1916 года: «Именно этот тайный кабинет министров составлял "бюро Прогрессивного блока", который после революции с прибавлением Керенского и Чхеидзе образовал Временное правительство. "Это было расширение блока налево..."⁶⁹⁹ Но и "бюро блока" с изменениями (Родзянко заменен Львовым, и выведены трое «либеральных» царских министров) лишь воспроизводил список Комитета обороны Рябушинского, опубликованный в августе 1915 года. Уже тогда планировалось правительство, поголовно состоящее из кадетов и октябристов,

* М. Родзянко, Н. Некрасов, А. Коновалов, И. Дмитриюков, А. Керенский, В. Шульгин, С. Шидловский, П. Милюков, М. Караулов, В. Львов, В. Ржевский, М. Чхеидзе, последний отказался, предпочтя пост председателя в Совете рабочих депутатов. Потом вступил Б. Энгельгардт.

что поддержали меньшевики и эсеры. "Ср. и с.д. намечали "буржуазное министерство"! — изумлялся Милюков»⁷⁰⁰.

Что же представляли собой лидеры новой временной власти? Николай II писал о них еще в июле 1906 г.: «Принял Львова и Гучкова. Говорил с каждым по часу. Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.е. государственного управления, в особенности Львов...»⁷⁰¹ Аналогичного мнения были и послы союзников: Бьюкенен в марте 1917 г. доносил: «...Положение очень далеко от нормального, и в надвигающейся борьбе с Советом требовался человек действия, способный воспользоваться первой благоприятной возможностью для подавления этого соперничавшего и незаконно образовавшегося собрания (Советов). В правительстве не было ни одного такого человека»⁷⁰². Палеолог, в свою очередь, был доволен, что наконец создается новое правительство, но «разочарован его составом. Хорошие люди эти Львовы, Гучковы, Милюковы: серьезные, честные, разумные, незаинтересованные». Но... «ни у кого из них нет политического кругозора, духа быстрой решительности, бесстрашия, дерзания, которых требует грозное положение». Палеолог сравнивает их с Моле, Одилоном Барро Июльской революции 1830 г., тогда как «нужен по меньшей мере Дантон». «Однако мне называют одного из них, навязанного Советом как человека действия, — Керенского». «Именно в Совете надо искать людей с инициативой, с энергией, со смелостью... заговорщиков, ссыльных, каторжников: Чхеидзе, Церетели, Зиновьева, Аксельрода. Вот истинные протагонисты начинающейся драмы». Все это записано 4(17) марта, два дня спустя после появления Временного правительства»⁷⁰³.

«На первом приеме, устроенном Временным правительством, западные дипломаты имели возможность впервые воочию рассмотреть правительство, пришедшее на смену царским сановникам...» Даже благоволящий к ним Палеолог сбивается в рассказе об этой встрече на саркастический тон: «Какой у них бессильный вид! Задача, которую они взяли на себя, явно превосходит их силы. Как бы они не изнемогли слишком рано! Только один из них, кажется, человек действия: министр юстиции Керенский... Он, по-видимому, самая оригинальная фигура Временного правительства и должен скоро стать его главной пружиной»⁷⁰⁴. Британский посол приходил к такому же выводу: «Керенский был единственным министром, чья личность, пусть и не во всем симпатичная, останавливала на себе внимание. Как оратор он обладал магнетическим влиянием на аудиторию... Владея этим рычагом воздействия на массы, в отсутствие подлинного квалифицированного соперника, Керенский стал единственным человеком, способным, по нашему мнению, удержать Россию в войне»⁷⁰⁵. Аналогично воспринимал Керенского и простой народ. Один из унтер-офицеров вспоминал о его приезде в часть: «Мы слушали Керенского раскрыв рты и искренне верили, что действительно интересы революции требуют завершить войну победой. Глава Временного правительства казался нам в те дни каким-то новым

революционным царем. Психологическое воздействие его короткой, но энергичной речи было огромно»⁷⁰⁶.

Основу Временного правительства составила партия конституционных демократов (кадетов), представлявшая интересы либеральной буржуазии и интеллигенции; их поддержали либеральные ветви меньшевиков и эсеров, надеявшиеся консолидировать общество на умеренно буржуазной платформе. Для усиления позиции кадетов «в марте при правительстве было учреждено Юридическое совещание, в которое были назначены семь видных юристов (все кадеты)... Через него проходили законопроекты, предлагаемые министерствами

(особенно большую роль сыграло Юридическое совещание в блокировании актов о земле)⁷⁰⁷.

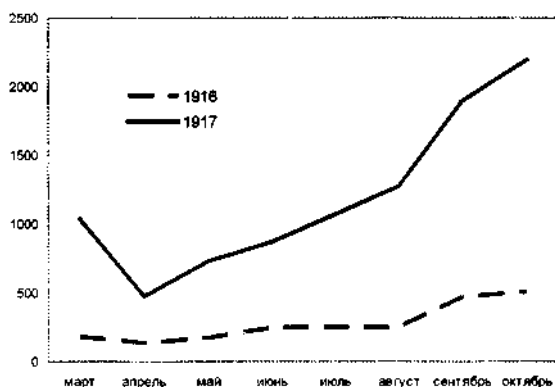
В это время «буржуазия вела себя как победитель и требовала от правительства соответствующих «лавров»: необложения налогом военных прибылей, свободы эмиссии, неограниченного права приобретения недвижимости, облегчения порядка получения иностранной валюты»⁷⁰⁸. Временное правительство сразу же объявило об охране банковской и коммерческой тайн; отказалось от мобилизационной национализации ключевых отраслей промышленности, проводимой до этого царским правительством, и пошло по пути укрепления фаворитизма — сотрудничества правительственных группировок с буржуазными организациями, наделив последние функциями учета и распределения продукции и сырья. На требование социал-демократов о подчинении промышленности интересам государства либерал-демократы ответили, что «новое правительство, подобно старому, принципиально «не приемлет» государственное регулирование промышленности как меру слишком социалистическую»⁷⁰⁹.

Временное правительство последовательно снимало все «недемократические» ограничения рынка. Так, оно отменило политику царского правительства, направленную на ограничение спекуляции. Это привело к резкому росту инфляции, которая удовлетворяла уже не столько интересы государства, ведущего войну, сколько спекулятивные требования буржуазии. Буржуазия резко выступила против попыток Временного правительства провести принудительный заем в своей среде, а сама, как и во время революции 1905 г., стала интенсивно выводить деньги за границу. «Бегство капиталов» служило для банков предметом валютных спекуляций и игры на понижение курса рубля.

«Темпы эмиссии за восемь месяцев работы Временного правительства оказались в 4 раза выше, чем при самодержавии»⁷¹⁰. Покупательная способность рубля, составлявшая накануне Февральской революции на внутреннем рынке 27 коп., понизилась к октябрю до 6-7 коп.⁷¹¹ Количество бумажных денег по сравнению с началом войны увеличилось к 1 ноября 1917 г. в 12 раз⁷¹². Денежная система России практически рассыпалась, над страной нависла угроза финансового краха.

158

*Эмиссия кредитных билетов царским и Временным правительствами (в млн. руб.)*⁷¹³

Деньги обесценивались, и страна переходила к натуральному товарообмену. Обещание Временного правительства облегчить бремя налогов «более справедливым распределением их»⁷¹⁴ не выполнялось. Повышение уровня налогообложения капиталистов всячески оттягивалось, а введение в действие принятых 12 июня 1917 г. под угрозой народного выступления трех знаменитых налоговых законов (о единовременном налоге на доходы, о повышении ставок

обложения по подоходному налогу и налоге на сверхприбыль) под мощным давлением буржуазных кругов было приостановлено⁷¹⁵. После этого население практически перестало платить налоги вообще. В результате даже военные расходы правительства стали покрываться почти на 80% за счет денежной эмиссии. Остальная часть военных расходов в основном покрывалась поступлениями от военных займов⁷¹⁶. Государственный долг, в том числе и внешний, при Временном правительстве возрастал в 2,2 раза быстрее, чем при самодержавии, и к началу Октябрьской революции составил колоссальную сумму — 50 млрд. руб.⁷¹⁷ Благодаря новым займам за рубежом финансово-экономическая зависимость Временного правительства от союзников усиливалась.

Но революция всколыхнула не только армию, крестьян и буржуазию — она подняла и рабочих, главными требованиями которых был 8-часовой рабочий день и повышение зарплаты. Против первого выступила не только буржуазия, но и солдаты, мотивировавшие тем, что они исполняют свой долг на фронте круглосуточно. Против второго выступили предприниматели — в ответ на требования рабочих они стали объявлять локауты. В то же время «...верное заявленному лозунгу "социального мира", вынужденное считаться с силой революционного про-

159

летариата, правительство прибегло к уступкам, широкообещательным обещаниям либеральных реформ рабочего законодательства»⁷¹⁸. Нереальных шагов в этом направлении правительство не делало. В результате экономическая борьба рабочих начала приобретать политическую окраску, и они все более смещались в леворадикальный лагерь, утверждаясь в мысли, что переход всей полноты власти в руки Советов — единственный выход из кризиса, а единственная форма государственной власти, способной защитить интересы трудящихся, — Советы.

Один из крупнейших российских промышленников Рябушинский признавал, что *«...чрезвычайно важным, очень печальным, но заслуженным фактом входит вполне ясно определившаяся ненависть широких кругов населения к купцам и промышленникам. Причиной ее служит непомерная дороговизна, спекуляция и т.д.»*⁷¹⁹ П. Волобуев, тщательно изучавший экономическую политику власти того времени, констатировал: *«деятельность Временного правительства привела к тому, что «разруха расшатала самые основы капиталистического строя — современное материальное производство. Тем самым была подточена изнутри вся система русского капитализма, причем начала рушиться не только его высшая форма — государственно-монополистический капитализм, но и его основа — товарное производство»*⁷²⁰. Американские исследователи в связи с этим пришли к еще более категоричным выводам, что *«борьба рабочих России вышла за рамки обычного конфликта, характерного для западных стран, и привела к отрицанию всей системы ценностей буржуазного общества»*⁷²¹.

СОВЕТЫ

«Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы Совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования вверх бы Россию в геенну огненную».

*Из речи П. Столыпина в Государственной Думе, 1910 г.*¹²²

В первый день революции помимо Временного правительства неожиданно для всех возникла еще одна независимая власть. 27 февраля из стен Таврического дворца вышло воззвание: «Граждане! Заседающие в Государственной Думе

представители рабочих, солдат и населения Петрограда объявляют, что первое заседание их представителей со-

160

стоится сегодня в 7 часов вечера в помещении Государственной Думы. Всем перешедшим на сторону народа войскам немедленно избрать своих представителей по одному из каждой роты. Заводам избрать своих депутатов по одному на каждую тысячу. Заводы, имеющие менее тысячи рабочих, избирают по одному депутату...» Так возникли знаменитые «Советы рабочих и солдатских депутатов».

Идея Совета рабочих депутатов была выдвинута Союзом освобождения после «кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. Они воспользовались для этого правительственной комиссией, назначенной для разбора нужд и требований рабочих. Однако вскоре по причине, что «депутатами овладели революционеры», комиссия была распущена. Часть уцелевших депутатов комиссии образовала Совет. В конце 1905 г. Витте под впечатлением восстания севастопольских матросов сначала арестовал лидера Совета Хрусталева-Носаря, а потом и весь Совет в составе 267 членов. Руководители Совета ответили вооруженным восстанием в Москве (9-20 декабря); но оно было быстро подавлено правительственными войсками⁷²³.

Схожие союзы были и в крестьянской среде. А. Чайнов находил в этом определенную преемственность: «Развитие государственных форм идет не логическим, а историческим путем. Наш режим есть режим советский, режим крестьянских советов. В крестьянской среде режим этот в своей основе уже существовал задолго до октября 1917 года в системе управления кооперативными организациями». Т. Шанин резонно замечал, что рабочие в массе своей вряд ли знали о теоретических спорах среди социал-демократов и тем более о перипетиях истории Парижской коммуны в 1871 г. «Но каждый рабочий знал, что есть волостной сход — собрание деревенских представителей исключительно одного класса (государственные чиновники и другие «чужаки» обычно там не присутствовали), где выборные представители сел обсуждают вопросы, представляющие общий интерес. Причина того, почему общегородская организация представителей, избранных рабочими основных предприятий, была учреждена так легко и как бы сама собой, была напрямую связана с формами, уже известными и общепринятыми»⁷²⁴. «Русская деревня с незапамятных времен имела свое самоуправление, называвшееся волостным. Волостной сход составляли все хозяева данной волости. Хозяином почитался каждый, кто владел наделом, то есть участком земли, полученным в 1861 году при освобождении крестьян. Надел переходил по наследству. Волость как старинная форма самоуправления, хорошо знакомая крестьянам, и была положена в основу крестьянских выборов в Государственную Думу. Волостные сходы выбирали делегатов в уездное избирательное собрание. Это последнее выбирало делегатов в губернское,... где уже выбирались члены Государственной Думы от губернии»⁷²⁵. Высшей формой самостоятельной крестьянской организации стал Всероссийский крестьянский союз, образованный в 1905 г.

161

Именно большой опыт народного самоуправления привел к стихийному и практически мгновенному появлению новой, неведомой доселе формы государственной власти. Это, пожалуй, уникальный случай в истории человечества, по крайней мере аналогов не дает ни одна другая революция. Так, Хоскинг отмечает: «Только природой русского общества можно объяснить тот факт, что после падения самодержавия образовался не один наследственный режим, а целых два»⁷²⁶. Активный деятель того времени художник А. Бенуа в апреле 1917 г. говорил: «У нас образовалось само собой, в один день, без всяких

предварительных комиссий и заседаний, нечто весьма близкое к народному парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов»⁷²⁷. В. Ленин в то время писал: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты... еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип* государства». При этом Ленин указывал на стихийность создания Советов: «...стихийность движения есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости, это несомненно. Почвенность пролетарской революции, беспочвенность буржуазной контрреволюции — вот что, с точки зрения стихийности движения, показывают факты»⁷²⁸.

Но в стихийном характере создания Советов были своя сила и бессилие. Поддержка масс давала эту силу, но в то же время Советы были вынуждены идти на поводу у этих масс и были почти бессильны проводить какую либо самостоятельную политику. Они лишь отражали настроение масс, но не могли управлять ими. Об этом говорил непосредственно сам член исполнительного комитета Петроградского Совета В. Станкевич: «Совет — это собрание полуграмотных солдат — оказался руководителем потому, что он ничего не требовал, потому что он был только ширмой, услужливо прикрывавшей полное безначалие». Две тысячи тыловых солдат и восемьсот рабочих Петрограда образовали учреждение, претендовавшее на руководство всей политической, военной, экономической и социальной жизнью огромной страны! Газетные отчеты о заседаниях Совета свидетельствовали об удивительном невежестве и бестолочи, которые царили в них. Становилось невыразимо больно и грустно за такое «представительство» России»⁷²⁹.

Стихийный характер образования Советов подчеркивает тот факт, что социалисты даже не подозревали о приближении революции. Член Думы, один из лидеров меньшевиков Н. Чхеидзе утверждал в начале января 1917 г.: «В настоящее время нет никаких надежд на удачную революцию. Я знаю, что полиция пытается инсценировать революционные вспышки и вызвать рабочих на улицу, чтобы с ними расправиться»⁷³⁰. Полностью оторванный от России, Ленин из Цюриха говорил в январе то же самое: «Мы, старое поколение, не увидим будущей революции»⁷³¹. Представитель Ленина в Петрограде, руководитель Русского бюро ЦК А. Шляпников: «Все политические группы и организации

162

подполья были против выступления в ближайшие месяцы 1917 года»⁷³². Н. Бердяев: «Вспоминаю, как приблизительно за месяц до Февральской революции у нас в доме сидели один меньшевик и один большевик, старые знакомые, и мы беседовали о том, когда возможна в России революция и свержение самодержавной монархии. Меньшевик сказал, что это возможно, вероятно, не раньше чем через 25 лет, а большевик сказал, что не раньше чем через 50 лет...»⁷³³ М. Геллер и А. Некрич констатировали: «Все в стране ждут неминуемых перемен, кроме революционеров»⁷³⁴. Один из лидеров кадетов Маклаков откровенно признавался послам: «Никто из нас не предвидел огромности движения; никто из нас не ждал подобной катастрофы. Конечно, мы знали, что императорский режим подгнил, но мы не подозревали, что до такой степени. Вот почему ничего не было готово. Я говорил вчера об этом с Максимом Горьким и Чхеидзе: они до сих пор не пришли в себя от неожиданности»⁷³⁵. Сам Милюков подтверждал эти наблюдения: «...Социалистические партии держались в стороне от широкого рабочего движения последних дней перед революцией. Они были застигнуты врасплох, не успев организовать в стране своих единомышленников»⁷³⁶.

Именно на условиях «первенства» захвата власти строил свои логические обоснования прав на власть Временного правительства П. Милюков: «..Родзянко, который смешивает всех левых в одну кучу, приписывает им заранее обдуманый план. Такого плана не существовало, и именно поэтому правительство было

сильно... ораторы на съезде Советов 30 марта откровенно признавали эту «психологическую» причину своего воздержания от власти. «Нам не было еще на кого опереться. Мы имели перед собой лишь неорганизованную массу», — говорил Стеклов. «Мы не чувствовали в первые дни революции почвы под ногами для захвата власти», — повторял Есиповский. Таким образом, «буржуазное» правительство получило отсрочку и не могло не быть признано именно как власть по праву»⁷³⁷. Действительно, по словам В. Войтинского, в исполнительном комитете Совета «царила поразительная растерянность.. Это было результатом того, что ни у правого, ни у левого крыла комитета, ни у его центров в то время не было ясной, продуманной до конца линии — были лишь осколки программ, разбитых катастрофической быстротой нагрянувших событий». «Отсутствие же ясной политики У руководителей Петроградского Совета зависело не от личных свойств, а от того, что революционная волна подняла их на свой гребень в тот момент, когда сами народные массы еще не осознали своих стремлений, когда ни одна группа населения, и во всяком случае ни одна группа демократии, не могла точно формулировать свою волю»⁷³⁸.

«Незаконно образованное», по мнению английского посла, собрание — Советы — показали свою реальную силу уже в первые дни революции. Так, например, только «благодаря усилиям Исполнительного Ко-

163

митета (Совета) во вторник, 13 марта, положение в городе обнаружило признаки улучшения... Хотя стрельба продолжалась весь день, но в большинстве случаев это стреляли городские из пулеметов, размещенных Протопоповым на крышах домов...»⁷³⁹ Кадеты с первых дней существования Временного правительства отчетливо ощущали эту политическую силу, как и свое бессилие бороться против нее. Они были вынуждены включить руководителей Советов в состав Временного правительства, «как представителей левых фракций Думы и очень дорожили их участием», — вспоминал Милюков. Но Чхеидзе, председатель Совета рабочих депутатов, отказался от предложения из-за желания солидарности «чистоту риз» социалистов в «буржуазной революции»⁷⁴⁰. Мнение представителей Совета было единодушным. Церетели: «Не настал еще момент для осуществления конечных задач пролетариата, классовых задач... Мы поняли, что совершается буржуазная революция... И не имея возможности полностью осуществить светлые идеалы... не захотели взять на себя ответственность за крушение движения, если бы в отчаянной попытке решились навязать событиям свою волю в данный момент»⁷⁴¹. Суханов: «Мы сейчас совершаем не социальную, а буржуазную революцию, а потому во главе ее должны стоять и делать буржуазное дело ее люди из буржуазии»; иначе социалистам «пришлось бы делать своими социалистическими руками буржуазное дело, это было бы гибелью доверия демократии и социалистических партий к своим вождям». Гендельман: «Нельзя давать авторитета мерам, которые носят буржуазный характер; нельзя брать на себя власть ни целиком, ни частично»⁷⁴². В состав Временного правительства вошел только Керенский, который, «можно сказать, вынудил согласие Совета».

Для либеральных партий введение двух представителей Совета в состав Временного правительства было лишь тактическим ходом, «кадеты» от этого ничего не теряли, зато отодвигали Советы на политической сцене на второй план и одновременно могли использовать их влияние на массы в своих интересах. Очевидно, эти соображения играли ключевую роль в определении позиции Чхеидзе и Церетели. Совет сам претендовал на свою долю фактической власти и уже 1 марта обратился к Временному комитету с предложением обсудить условия поддержки правительства демократическими организациями. При этом лидеры Совета заявили права на некий вид верховной партийной власти, с одной стороны, фактически признав «власть Временного правительства», а с другой — оставив за

собой право, поскольку «новая власть создалась из общественно-умеренных слоев общества», присматривать за ней: «В той мере, в какой она будет осуществлять эти свои обязательства, демократия должна оказать ей свою поддержку»⁷⁴³. 4 апреля руководители Совета уточнили свою позицию: «Организуясь и сплачивая свои силы вокруг Советов рабочих и солдатских депутатов, быть готовым дать решительный отпор всякой попытке правительства уйти из-под контроля демократии или уклониться от выполнения принятых на себя

164

обязательств»⁷⁴⁴. Таким образом, Совет попытался укрепить свое право самостоятельной и параллельной ветви власти, при этом присвоив себе, по существу, функции идеологического и контролирующего органа. Шульгин по этому поводу обвинял представителей Совета в том, что «они ведут подкоп против Комитета Государственной Думы, что этим путем они подрывают единственную власть, которая имеет авторитет в России и может сдержать анархию... Одно из двух: или арестуйте всех нас, посадите в Петропавловку и правьте сами, или уходите и дайте править нам»⁷⁴⁵.

Деникин отчетливо передает влияние этого двоевластия на российскую глубинку: «Местные Советы рабочих и солдатских депутатов усвоили себе навыки худшего абсолютизма — с той только разницей, что худшие представители прежней власти все же чувствовали над собой иногда карающую десницу, тогда как Советы были абсолютно безответственны. Эта коллегиальная безответственность прикрывала ошибки невежд и преступления людей злой воли. При этом Советы распространяли свою компетенцию на все области управления и жизни, даже на церковную». С другой стороны, «правительство было бессильно справиться с анархией и, кроме воззваний, не делало к этому никаких попыток. Местный представитель его — губернский комиссар — был едва ли не наиболее трагикомической фигурой правительственного аппарата. Без какой-либо силы — среди вопиющего бесправия и торжествующего беззакония... Власть терпела и не могла порвать цепей, приковывавших ее к Советам, — даже теперь, когда Советы порвали с ней окончательно»⁷⁴⁶.

Сила Советов была в их стихийности, отражавшей насущные потребности радикализованных масс, представлявших подавляющее большинство населения. Временное правительство, наоборот, проводило радикальную либерально-буржуазную политику имущего меньшинства. Например, в ключевом вопросе о земле Временное правительство явным образом поддерживало интересы помещиков и спекулянтов, а Петроградский совет уже 9 апреля признал «запашку всех пустующих земель делом государственной важности» и потребовал создания земельных комитетов. Один этот жест привлек большинство крестьян на сторону Советов. Когда уже во втором — коалиционном Временном правительстве министр сельского хозяйства эсер В. Чернов попытался реализовать свою партийную программу и призвал крестьянские комитеты взять под контроль «пустующие земли», министр внутренних дел отменил этот указ, что, естественно, сметало для крестьян весь авторитет власти даже коалиционного Временного правительства. В результате крестьяне после неудачных попыток сотрудничества с правительством перешли в резкую оппозицию к нему.

Другой пример. Временное правительство объявило амнистию и создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет — милицию

165

из рабочих, в которую фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого десятого рабочего. Очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция. Временное правительство пришло к власти с лозунгом «Война до победного конца». А первым словом Совета, с которым он обратился к «народам всего мира» 14 марта 1917 г., был «мир». Нетрудно

догадаться, на чьей стороне после этого находилось общественное мнение в тылу и армии.

Однако на практике руководители Советов не были готовы и не хотели, а Временное правительство, в свою очередь, не могло взять реальную власть. Обе стороны в той или иной мере владели лишь символами власти, а сама власть принадлежала стихии. «Отсюда и лживый пафос бесконечных митинговых речей. Отсюда эти странные на вид противоречия: князь Львов, говоривший с трибуны, что «процесс великой революции еще не закончен, но каждый прожитый день укрепляет веру в неиссякаемые творческие силы русского народа, в его государственный разум, в величие его души»; и тот же Львов, горько жалующийся в беседе с Алексеевым на невозможные условия работы Временного правительства, создаваемые все более растущей в Совете и в стране демагогией. Или Керенский — идеолог солдатских комитетов с трибуны, и Керенский — в своем вагоне, нервно бросающий адъютанту: «Гоните вы эти проклятые комитеты в шею!» Чхеидзе и Скобелев — на заседании с правительством и главнокомандующими горячо отстаивающие полную демократизацию армии, и они же — в перерыве заседания, признающие в частном разговоре за стаканом чая необходимость суровой военной дисциплины и свое бессилие провести эту идею через Совет...»⁷⁴⁷ Чхеидзе владели пессимистические настроения: «И вообще все пропало... Чтобы спасти... чтобы спасти — надо чудо... я вам говорю: все пропало...»⁷⁴⁸

В этих условиях стихии и борьбы за власть обе стороны использовали прием, в котором Милюков еще до войны стыдливо признавался: «Были, конечно, демагогические заскоки, исходившие и из нашей кадетской среды. Профессор Герье.. издал в те годы ученый памфлет, где собран был целый букет подобных кадетских выступлений. Я с раздражением прочел эту тенденциозную книжку. Неужели мы это говорили? Но цитаты были по-профессорски точны и аккуратно выужены из стенографических отчетов Думы. Пришлось признаться самому себе: да, действительно говорили. В самом деле — грешны...»⁷⁴⁹ Во время революции произошел бурный всплеск демагогии, и это было закономерно, поскольку основным орудием воздействия на массы в условиях стихии является демагогия. Стихия живет не умом, а эмоциями, поэтому в революционных условиях побеждал тот, кто мог завладеть настроениями толпы. В моменты хаоса старая поговорка «кто управляет эмоциями, тот правит миром» приобретает особую остроту. Именно по-

166

этому Советы и Временное правительство соревновались в демагогии, пытались привлечь к себе массы, и тем самым одновременно радикализовали их. Деникин отмечал, что «обе стороны не отражали в надлежащей мере настроения народной массы, от имени которой говорили и которая, изображая первоначально зрительный зал, рукоплескала лицедеям, затрагивавшим ее наиболее жгучие, хотя и не совсем идеальные чувства. Только после такой психологической обработки инертный ранее народ, в частности армия, обратились «в стихию расплавленных революцией масс... со страшной силой давления, которую испытывал весь государственный организм»... Эти массы, как говорит даже сторонний наблюдатель из марксистского лагеря Карл Каутский, «как только революция втянула их в свое движение, знали лишь о своих нуждах, о своих стремлениях и плевали на то, осуществимы ли и общественно полезны или нет их требования». И сколько-нибудь твердое и решительное противодействие их давлению грозило смести бытие Совета»⁷⁵⁰.

«В этом заключался весь трагизм положения правительства Керенского и Совета. Толпа не шла за отвлеченными лозунгами. Она оказалась одинаково равнодушной и к родине, и к революции, и к Интернационалу и не собиралась ни

за одну из этих ценностей проливать свою кровь и жертвовать своей жизнью. Толпа шла за реальными обещаниями тех людей, которые потворствовали ее инстинктам»⁷⁵¹. Эти «реальные обещания», по мнению Деникина, давали только большевики, «потворствовавшие инстинктам толпы». Милюков понимал под этим «потворствованием» демагогию: «...На сложные рассуждения меньшевиков большевики по-прежнему отвечали демагогическими призывами к примитивным инстинктам масс»⁷⁵². Войтинский вспоминал, что речи Ленина звучали «с каким-то презрением к здравому смыслу слушателей, уверенностью, что их можно убедить в чем угодно, лишь бы попасть в тон их тайных желаний»⁷⁵³.

Кажущееся странным противоречие между «реальными обещаниями» большевиков и обвинениями их в «демагогических призывах» вполне объяснимо. Очевидно, что понятия родины и революции у народа и либеральной части общества кардинально различались. Для подавляющего большинства демагогией звучали именно призывы идти и умирать за отвлеченные для них интересы буржуазии или союзников, проявляя тем самым свой «интернационализм и любовь к родине»; «сохранять преданность революции», которая своей экономической политикой уже полностью продемонстрировала свои цели — построение системы дикого капитализма, а значит, ради дальнейшего обнищания большинства населения. «Примитивные инстинкты масс» к миру, к большей социальной справедливости — это естественные, здоровые инстинкты здорового общества. Эти инстинкты имеют вполне четкие политэкономические ограничения, и любое общество, несмотря на все свои желания, неизбежно в них упирается на каждом этапе своего раз-

167

вития. В революционных условиях борьбы за власть, естественно, все эти инстинкты гипертрофируются и приобретают черты демагогических требований — это неизбежно. Но демагогия большевиков в этих конкретных условиях обрела черты прагматизма — в противовес все усиливавшейся деструктивной демагогии Временного правительства. Эта демагогия, усиленная стихией безвластия, разрушала как общество, так и власть, которая слабела с каждым днем.

Всего через месяц после революции «полное бессилие Временного правительства стало настолько очевидным, что князь Львов с согласия комитета Государственной Думы и кадетской партии обратился к Совету, приглашая «к непосредственному участию в управлении государством... те активные творческие силы страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного в нем участия»⁷⁵⁴. «Правительство, по замечанию князя Львова, было «властью без силы», тогда как Совет рабочих депутатов был «силой без власти»⁷⁵⁵. Как определил ситуацию английский историк Лиддел Гарт, «умеренное Временное правительство взобралось в седло, но у него не было вожжей»⁷⁵⁶. Газета Горького писала: «Бессильная в самостоятельной борьбе с контрреволюцией, неспособная к положительной творческой работе в деле обороны и борьбы с разрухой, живущая целиком за счет авторитета и поддержки Совета и его руками выводящая страну из-под смертельного удара корниловщины, наша власть чувствует себя достаточно «независимой» и «неограниченной»... в пределах Зимнего дворца»⁷⁵⁷.

Наряду с ослаблением Временного правительства авторитет Советов стремительно усиливался. Наиболее ярко он проявился во время апрельского кризиса, — после того как Корнилов в ответ на стихийное антиправительственное вооруженное выступление в Петрограде попытался вызвать войска. Исполнительный комитет Советов предотвратил столкновение, распоряжением «не выходить с оружием в руках без вызова Исполнительного комитета в эти тревожные дни». Правоту этого шага косвенно признал даже Милюков, но Совет

по его мнению, «несомненно, вторгнулся в права правительства», и 26 апреля Временное правительство «разъяснило», что «власть главнокомандующего остается в полной силе и право распоряжения войсками может быть осуществляемо только им»⁷⁵⁸.

В начале мая английский посол Бьюкенен доносил своему правительству: «Львов, Керенский и Терещенко пришли к убеждению, что так как Совет — слишком могущественный фактор, чтобы его уничтожить или с ним не считаться, то единственное средство положить конец двоевластию — это образовать коалицию»⁷⁵⁹. Против выступил только П. Милюков: «Я решительно протестовал... против введения социалистов в состав министерства. — вспоминал лидер кадетов, — Я доказывал, что, признавая свои провалы, правительство дискредитирует само себя, а введение социалистов ослабит авторитет власти. Но и то и дру-

168

гое было совершенно бесполезно... «Коалиция»... с самого начала была основана не на полном соглашении, а на гнилом компромиссе, который вводил борьбу Совета с правительством в самую среду нового кабинета. Я по-прежнему продолжал возражать против самого принципа коалиции и на этом принципиальном вопросе — а не только на вопросе о дальнейшем ведении внешней политики — обосновал свой уход. Практические соображения оказались сильнее принципиальных, и мой вопрос о сохранении единства был решен отрицательно — даже раньше, чем мне удалось его поставить формально»⁷⁶⁰. П. Милюков требовал от Совета прежде всего формального признания Временного правительства единственным органом власти, а затем признания за правительством права применения силы и распоряжения армией. В тех конкретных условиях претензии Милюкова означали не что иное, как установление правой диктатуры и развязывание гражданской войны против подавляющего большинства населения.

Представители Совета, после некоторого колебания, все же вошли в состав Временного правительства, образовав первую коалицию. Но даже умеренное пробуржуазное правительство оказалось бессильным стабилизировать ситуацию и закрепить за собою реальную власть. В мае забастовал Кронштадт. «Кронштадт не нюхал пороха, — отмечал Войтинский. — Но в течение многих лет для всех этих людей крепость, живую силу которой они составляли, была бездушной, мертвящей тюрьмой. Бесправие, свирепая муштровка, издевательства, жестокие наказания за малейшую провинность — все это оставляло отпечаток в их душах, родило в них обиду, злобу, жажду мести. И теперь пришел их час... В смысле марксистском это была масса, не только лишенная пролетарского классового самосознания, но деградированная, деморализованная каторжными условиями существования при царизме, масса с психологией люмпенов, то есть слой, который скорее должен был представлять угрозу для революции, нежели опору ее»⁷⁶¹. По мнению В. Войтинского: «Не апрельские дни и не июньское наступление, а именно середина и вторая половина мая принесли нам в Петрограде наиболее тяжелые поражения»⁷⁶². Резолюция Кронштадтского совета звучала, как последнее предупреждение правительству: «Мы признаем центральную власть Временного правительства и будем признавать ее до тех пор, пока вместо существующего правительства не возникнет новое, пока Всероссийский центральный совет не найдет возможным взять в свои руки центральную власть»⁷⁶³.

29 мая собрание одного из гренадерских полков постановило: «Мы не хотим умирать, когда в душу закрадывается сомнение, что снова вовлечены в бойню капиталистами. Нет сил с легкой душой двинуться вперед... Мы умрем все за Совет... Нам не страшна смерть — страшно сгубить свою свободу. Нужна

уверенность перед смертью, что умираем задело народа, а для этого требуется, чтобы вся власть бы-

169

ла у народа, вся власть у Совета... Итак, если нужно пожар тушить пожаром, если для скорого достижения мира нужна война, нужно наступление — то, чтобы пойти вперед, необходимо, чтобы Совет взял свою власть в свои руки...»⁷⁶⁴ 21 июня 1-й пулеметный полк заявил: «Мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер, который возможен только при устранении от власти капиталистов и переходе ее в руки демократии в лице Всероссийского совета...»⁷⁶⁵

В июне начался первый Всероссийский съезд советов, на котором, как отмечал Деникин, «подавляющие массы *несоциалистической* России не были представлены ни одним человеком... Чисто социалистическими были и все составы исполнительного комитета Совета... В сущности, этот узкопартийный блок, тяготевший над волей правительства, и несет на себе главную тяжесть ответственности за последующий ход русской революции...»⁷⁶⁶ Но, во-первых, никаких «подавляющих несоциалистических масс» в то время просто не существовало, это в скором времени покажут выборы в Учредительное собрание. Во-вторых, это был съезд Советов, представлявших интересы именно социалистических партий, Деникин же, по сути, отождествлял съезд родственных партий с парламентом. И это очень знаменательная ошибка...

Съезд собрал делегатов от 358 Советов, представлявших 20,3 млн. человек (5,1 млн. рабочих, 4,24 млн. крестьян и 8,15 млн. солдат.)* Большевики на съезде были в явном меньшинстве.

1 Всероссийский съезд представителей Советов рабочих и солдатских депутатов (июнь 1917 г.)

	деле гаты	%
Эсеры	285	36, 8
Меньше вики	248	32
Больше вики	105	13, 5
Прочие **	137	17, 7

* Т.е. все рабочие и солдаты были представлены практически полностью.

** Интернационалистов — 32, внефракционных социалистов — 73, объединенных социал-демократов — 10, бундовцев — 10, группы «Единство» — 3, народных социалистов — 3, трудовиков — 5, анархо-коммунистов — 1.

170

Произошедшие примерно в то же время отставки Корнилова и Гучкова привели к тому, что «уже 6 июня обе главные партии большинством 543 против 126... одобрили решение Исполнительного комитета принять участие во власти в коалиции с буржуазией. А 8 июня резолюция съезда признала ответственными перед Советами одних «министров-социалистов» — на том основании, что «переход всей власти к Советам в переживаемый период русской революции значительно ослабил бы ее силу, преждевременно оттолкнув от нее элементы, еще способные ей служить, и грозил бы крушением революции...»⁷⁶⁷ «Легко можно представить себе то впечатление, которое производили подобные резолюции на

буржуазию и ее «заложников» в коалиционном министерстве. — вспоминал Деникин, — И хотя Совет выражал новому правительству свое полное доверие и призывал демократию «оказать ему деятельную поддержку, обеспечивающую ему всю полноту власти», эта «власть» была уже окончательно и безнадежно дискредитирована и потеряна»⁷⁶⁸.

Таким образом, несмотря на согласие принять участие в коалиции, Совет опять ускользал от участия во власти, пытаясь оставить за собой лишь роль ее идеологического контролера. Своим отказом от власти, по мнению А. Деникина, «Совет в действительности не прямо разрушал русскую государственность. Он ее расшатывал и расшатал до крушения армии и приятия большевизма»⁷⁶⁹. Причина откровенного отказа Совета от власти заключалась не столько в нежелании поддерживать буржуазное правительство, сколько в его неуверенности в своих силах. Тот же А. Деникин отмечал: «Власть Совета была также весьма условна. Невзирая на ряд кризисов правительства, на возможность взять при этом власть в свои руки безраздельно и безотказно, революционная демократия, представленная Советом, категорически уклонилась от этой роли, прекрасно сознавая, что в ней недостаточно ни силы, ни знания, ни умения вести страну, ни надлежащей в ней опоры»⁷⁷⁰.

Отсутствие реальной власти в 1917 г. вело к анархии, в июне опять готовились очередные демонстрации. В этой ситуации Съезд советов снова, как и в апреле, был вынужден проявить инициативу и постановил: «Ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не должно быть на улице». На три дня, 11—13 июня, всякие собрания и шествия запрещались, а нарушители объявлялись «врагами революции». Здесь, пожалуй, впервые открыто, но пока еще осторожно на политической сцене появляются большевики. Милюков замечал, что среди организаторов демонстрации «большевики, конечно, были... но только с пропагандистскими целями. О выступлении для себя они еще не могли думать. И настроение (организаторов демонстраций) было не большевистское, а анархистское, направленное против съезда... Министры-социалисты стали такими же буржуями и идут против народа... Если даже большевики отменят демонстрацию, то все равно через несколько

171

дней мы выйдем на улицу и разгромим буржуазию... Так формулировались лозунги подонков революции, пытавшихся организовать уличное выступление 10 июня. Утром же большевистская «Правда» формально его отменила»⁷⁷¹.

Но, как продолжал Милюков, «бессилие власти было настолько очевидно, что понятен был соблазн покуситься теперь на нечто большее... И две недели спустя после «общего» выступления, 18 июня, мы встречаемся с событием, которому при желании можно было дать название первого опыта большевистской революции. Большевистский штаб отрицает это значение выступления — и он, я думаю, прав... Зиновьев так объяснял эту вспышку в годовщину восстания: «В течение двух недель, начиная с демонстрации 18 июня, наша партия, влияние которой росло не по дням, а по часам, делала все возможное, чтобы сдержать преждевременное выступление петроградских рабочих. Мы, бывало, шутили, что превратились в пожарных. Мы чувствовали, что петроградский авангард еще недостаточно сросся со всей армией рабочих, что он забежал слишком вперед, что он слишком нетерпелив, что основные колонны не подспели, особенно солдатские и крестьянские».

Если еще 22 апреля резолюция большевистского ЦК гласила: «Лозунг «Долой Временное правительство» потому и неверен сейчас, что без прочного... большинства народа на стороне революционного пролетариата такой лозунг есть фраза либо объективно сводится к попыткам авантюристического характера. Только тогда мы будем за переход власти в руки пролетариев, когда Советы...

станут на сторону нашей политики и захотят взять эту власть»⁷⁷² — то уже 17 июня Ленин впервые заявил о готовности большевиков в любую минуту взять всю государственную власть в свои руки, несмотря на откровенное нежелание Советов брать ее⁷⁷³. Сотни тысяч солдат и рабочих шли с красными знаменами, с требованиями: «Долой царскую Думу!», «Долой Государственный совет!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!», «Да здравствует контроль и организация промышленности!», «Пора кончать войну!», «Хлеба, мира, свободы!». «Манифестация 18 июня превратилась в манифестацию недоверия Временному правительству»⁷⁷⁴.

Для большевиков это была только «проба пера», они впервые реально возглавили стихийное движение масс и получили ценный опыт управления им. Новый кризис власти наступил менее чем через месяц — с полного провала июльского наступления. И так же, как либералы после поражений царской армии в 1905 и 1915 гг., большевики в июле 1917 г. требовали смены обанкротившейся власти. 3 июля Ленин с балкона в доме Кшесинской, в котором фактически размещался революционный штаб, приветствовал солдат. Между тем лозунг восставших и большевиков «Вся власть Советам!» совершенно не устраивал лидеров Советов, которые откровенно избегали ее. С другой стороны.

172
у большевиков в Советах было явное меньшинство, и взятие всей власти Советами было для большевиков в тот момент невыгодно. Очевидно, что лозунг сохранился даже вопреки желанию большевиков как стихийное требование демонстрантов. «...Военные отряды и народные толпы днем и ночью в течение этих трех дней (3-5 июля) шли к Таврическому дворцу, где заседал Совет, и держали его в непрерывной осаде-Цертели хотели арестовать, но не нашли. Чернова застигли на крыльце, и какой-то рослый рабочий исступленно кричал ему, поднося кулак к лицу: «Принимай, сукин сын, власть, коли дают!» Кронштадтские матросы потащили его в автомобиль — в заложники, что Советы возьмут «всю власть», и выручил его только Троцкий»⁷⁷⁵. 4 июля рабочая секция Петроградского Совета приняла резолюцию: «Ввиду кризиса власти рабочая секция считает необходимым настаивать на том, чтобы Всероссийский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов взял в свои руки всю власть...»⁷⁷⁶

«В этих условиях Временное правительство проявило свою фактическую независимость... просто уйдя из игры. Князь Львов, правда, добросовестно остался и перенес свою деятельность в военный штаб, когда на улицах послышались выстрелы. Он сочинял «воззвание». Но Керенский, показавшись на минуту в штабе, уехал на Западный фронт — как раз вовремя, чтобы избежать ловушки, которая готовилась ему на вокзале. Двое других приехали в штаб, но, когда увидели, что его защищают только несколько инвалидов и казаков, исчезли. Некрасов, чтобы не было сомнений, прислал на другой день приказ, которым правительство удовлетворяло его прошение об отставке. Когда вечером 5 июля пришли на помощь «верные» части войск, вызванные генералом Полковниковым, и восстание прекратилось само собой, об отставках не было больше речи. Все вернулись, и Керенский вечером 6 июля заявил толпе, что русская революционная демократия и он, уполномоченный ею военный министр, поставленный во главе армии, не позволят никаких посягательств на русскую революцию»⁷⁷⁷.

Начались аресты большевиков, в том числе Троцкого, Каменева, Луначарского. Ленин и Зиновьев успели скрыться. Был запрещен ввоз в армию большевистских газет, разогнаны штабы большевиков... «Но это продолжалось недолго... Керенский, вернувшись в Петроград... запретил штабу продолжать аресты большевиков, прекратил их обязательное разоружение, заменив его совершенно недействительным добровольным»⁷⁷⁸. Министр юстиции был

отправлен в отставку. Мало того, «правительство запретило помещать в печати сведения, порочащие доброе имя товарища Ленина, и прибегло к репрессиям... против чинов судебного ведомства. В свою очередь, ЦИК Советов... специальным воззванием 5 июля «предлагал воздержаться от распространения позорящих обвинений» против Ленина и «других политических деятелей» впредь до расследования дела особой комиссией»⁷⁷⁹.

173

Позиция Керенского и Советов получила «...откровенное объяснение в резолюции ЦИК (8 июля), которая, осуждая попытку анархо-большевистских элементов свергнуть правительство, вместе с тем выражала опасение, что «неизбежные меры, к которым должны были прибегнуть правительство и военные власти, создают почву для демагогической агитации контрреволюционеров, выступающих пока под флагом установления революционного порядка, но могущих проложить дорогу к военной диктатуре»⁷⁸⁰. «Родзянко и другие слишком много говорили о контрреволюции и указывали на то, что военный переворот есть единственное средство, которое может спасти Россию. Хотя кадеты говорили более осторожным языком, однако и они решили попытаться свалить правительство и своей тактикой внушали мысль, что они также работают в пользу контрреволюции»⁷⁸¹. Терещенко 8 октября говорил Бьюкенену: «В течение шести трагических месяцев, прожитых Россией, они ничему не научились и ничего не позабыли. Вместо того, чтобы стараться спасти Россию, демагоги думали только о своих собственных партийных интересах и о том, чтобы контролировать и чинить препятствия работе правительства... Контрреволюция, хотя и не непременно монархическая, представляет единственную надежду на спасение родины»⁷⁸².

Очевидно, что Керенский почувствовал наступление той грани, за которой заканчивается революция и наступает реакция в виде контрреволюционной диктатуры. На этом заканчивалась не только его власть, но и окончательно гибли все надежды и достижения революции. Церетели определял положение так: «Это не только кризис власти — это кризис революции. В ее истории началась новая эра». На своем боевом языке Ленин вторил: «4 июля еще возможен был мирный переход власти к Советам... Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо полная победа контрреволюции, либо новая революция»⁷⁸³.

Действительно, новая эра революции уже началась. Еще 2 июля кадеты, оставшись в меньшинстве при голосовании по автономии Украины, вышли из правительства. Центр власти во Временном правительстве, несмотря на протесты кадетской партии, естественным путем перешел в руки «министров-социалистов», и 2-я коалиция была создана уже на их условиях. Фактически к власти пришла партия меньшевиков. Программа, которую выдвигали меньшевики после Февраля, была совершенно *социалистической*: «Все общественные богатства, все средства производства, все земли, фабрики, заводы, рудники стали бы общественной собственностью, при котором все члены общества, все граждане обязаны были бы трудиться, но зато все в равной степени пользовались бы благами природы и всем, что добыто человечеством. При социалистическом обществе прекратилась бы борьба классов, так

174

как исчезли бы самые классы, прекратились бы войны, которые нужны только правящим классам. Человечество стало бы одной братской семьей»⁷⁸⁴. В конце июля Ленин в статье «Две тактики социал-демократии в демократической революции», сравнил позиции большевиков и меньшевиков. Главное различие между ними он находил не столько в целях, сколько в способах и сроках их достижения. Вместо 50-100 лет, в течение которых западноевропейские социал-

демократии планировали эволюционным путем прийти к своим целям, Ленин призывал: «От революции демократической мы сейчас же начнем переходить и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути»⁷⁸⁵.

Тактика меньшевиков в буржуазной революции базировалась на теоретических разработках их вождей, таких как Аксельрод, Плеханов, которые «доказывали невозможность тактики захвата власти пролетариатом при помощи победоносной революции. Они продолжали утверждать, что только буржуазно-демократическая революция возможна в России и что с «либералами» и «капиталистами» не следует бороться, а надо их поддерживать...»⁷⁸⁶ Г. Плеханов писал: «Социалистическая политика, основанная на учении Маркса, имеет, конечно, свою логику. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих... и беднейшую часть крестьянства к его низвержению»⁷⁸⁷. В результате после 2-й коалиции и выхода из правительства кадетов либерально-буржуазная революция в России продолжилась, но теперь правая политика осуществлялась и защищалась исключительно левыми руками — социалистами умеренных течений.

Вторая коалиция просуществовала недолго. В конце августа вспыхнул контрреволюционный «корниловский мятеж». «Тот факт, что защиту его в основном пришлось организовывать Петроградскому совету, в глазах граждан означал полное банкротство правительства»⁷⁸⁸. 4 сентября Временным правительством отпущен на свободу Троцкий, и «в те же дни государственная власть широко открывала двери петроградских тюрем и выпускала на волю многих влиятельных большевиков...»⁷⁸⁹ С другой стороны, страх перед контрреволюцией привел к тому, что после корниловского выступления Временным правительством были арестованы все участники мятежа, составившие позже костяк Белой армии. Через несколько дней была ликвидирована Ставка. Корниловский мятеж и последовавшие за ним события показали, что уже «в первой половине сентября правительства в стране не было, — констатирует Войтинский. — Кабинет, самоупразднившийся 26 августа, в начале конфликта со Ставкой, с тех пор не был восстановлен... При отсут-

175

ствия власти в центре на местах шел процесс распада государственной ткани, развивалась анархия»⁷⁹⁰.

После корниловского мятежа «революционная демократия в лице Петроградского совета огромным большинством голосов левых эсеров и большевиков требована отстранения от власти не только партии народной свободы, но и всех ценовых элементов, и передачи ее в руки исключительно «революционного пролетариата и крестьянства». По данным Штейнберга, из 165 резолюций разных провинциальных организаций не менее 115 высказались за переход всей власти в руки Советов, причем солдатские комитеты оказывались часто левее рабочих. К этому времени (1-9 сентября) президиум Петроградского Совета незначительным большинством голосов проголосовал против «умеренных» социал-демократов — за большевиков и левых эсеров. 7 сентября за большевиков проголосовал Московский Совет. Новый председатель Совета Троцкий, сменивший Чхеидзе, считал, что народные массы уже вполне подготовлены к восприятию советской власти, но «после жестокого урока июльских дней стали только более благоразумными, отказались от собственной инициативы и ожидают призыва свыше»⁷⁹¹.

Меньшевики и эсеры, так же как двумя месяцами раньше правые партии, стремительно теряли свое влияние в массах. Перед ними вплотную встала

дилемма «коалиция или советская власть». Попыткой третьей коалиции стал созыв 14-19 сентября Демократического совещания. Теперь уже социалистические партии призывали либералов к сотрудничеству. 21 сентября передовая статья газеты «Дело народа» официального органа эсеров предупреждала: «Если буржуазия не захочет работать с демократией до Учредительного собрания... тогда... **большевики будут обязаны формировать кабинет...**»⁷⁹². Демократическое совещание должно было явиться противовесом как московскому Государственному совещанию справа, так и Советам слева. Бьюкенен сообщал: «Первоначальная мысль его инициаторов заключалась в том, чтобы дать демократии возможность выступить объединенным фронтом против несоциалистических партий, но единственным результатом его было расщепление демократии на бесчисленное множество мелких групп и подрыв авторитета ее признанных вождей. Одни только большевики, составляющие компактное меньшинство, имеют определенную политическую программу. Они более активны и лучше организованы, чем какая бы то ни было иная группа, и пока они и представляемые ими идеи не будут окончательно раздавлены, до тех пор страна будет оставаться добычей анархии и беспорядка... Если правительство не будет достаточно сильно, чтобы раздавить большевиков силой, рискуя раздавить вместе с ними и Совет, то **единственной возможностью будет большевистское правительство**»⁷⁹³.

В это время бывший политический аутсайдер Февральской революции В. Ленин говорил: «Получив большинство в обоих столичных

176

Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки. Могут, ибо, предлагая тотчас демократический мир, отдавая тотчас землю крестьянам, восстанавливая демократические учреждения и свободы, помятые и разбитые Керенским, большевики составят такое правительство, какого *никто не* свергнет. Большинство народа за нас. Это доказал длинный и трудный путь от 6 мая до 31 августа и до 12 сентября: большинство в столичных Советах есть *плод* развития народа в *нашу сторону*. Колебания эсеров и меньшевиков, усиление интернационалистов среди них доказывают то же самое... Демократическое совещание обманывает крестьянство, не давая ему ни мира, ни земли... А отдаче Питера при армии с Керенским и К^о во главе мы помешать *не в силах*... Ждать «формального» большинства у большевиков наивно: ни одна революция этого не ждет... История не простит нам, если мы не возьмем власти теперь. Нет аппарата? Аппарат есть: Советы и демократические организации...»⁷⁹⁴

В то же время, указывал А. Деникин, у либеральных сил «программы все нет. Надеялись на Московское государственное совещание, но оно прошло и не внесло никаких перемен в государственную и военную политику»⁷⁹⁵. Одновременно «...пресса напутствовала безвременно угасшее Демократическое совещание однообразной эпитафией: «В потоке слов погибла еще одна русская иллюзия»⁷⁹⁶. Действительно, попытка Демократического совещания организовать новую коалицию провалилась: против было подано 813 голосов, за — всего 180.

В этой обстановке всплыла идея предпарламента, принятая подавляющим большинством голосов. Но и она умерла своей смертью, не успев толком появиться на свет. В. Войтинский описывал свои ощущения того времени: «Я выехал снова... на фронт, унося с собою из Петрограда гнетущее, тяжелое чувство бессилия и безнадежности. Начиналась агония Февральской революции»⁷⁹⁷. «Функции предпарламента никогда не были ясно определены, но правительство дало понять совершенно ясно, что оно отнюдь не считает себя в какой-либо мере ответственным перед учреждением, которое было задумано как чисто совещательный орган»⁷⁹⁸. 7 октября большевики вышли из предпарламента. В

Петрограде создалось следующее положение: «на одной стороне Совет, на другой стороне — раздираемый спорами, сплетенный из взаимоисключающих друг друга элементов, бессильный и беспомощный предпарламент⁷⁹⁹; вокруг Смольного — наэлектризованная толпа и гарнизон, вокруг Мариинского дворца — пустота всеобщего равнодушия и недоверия»⁸⁰⁰. Весьма далекий от симпатии к большевикам, непосредственный участник событий С. Ан-ский, передавал характер противостояния большевиков и предпарламента: «Не говоря уже о весьма существенной разнице в политическом содержании, в большевистских "нападках" не было ничего подобного тому остервенелому вою, которым особенно отличались эсеро-меньшевистские газеты...»⁸⁰¹

177

Тем временем Бьюкенен продолжал убеждать Керенского, что «большевизм является источником всех зол, от которых страдает Россия, и если бы он только вырвал его с корнем, то он вошел бы в историю не только в качестве вождя революции, но и в качестве спасителя своей страны»⁸⁰². 23 октября Керенский действительно требует от ген. Черемисова: прислать надежные войска в Петроград на случай беспорядков. В ответ Черемисов смеялся: «Они там совершенно рехнулись.. Откуда возьму я им «надежные войска»?» Войтинский подтверждал: «Организация и отправка отряда под лозунгом защиты Временного правительства невозможна. За этим лозунгом никто не пойдет...» «В этот решительный момент правительство оказалось столь же бессильно, как и в июльские дни, — на его стороне в *Петрограде* не было никого и ничего»⁸⁰³. Войтинский подает Октябрьскую революцию в стиле дворцового переворота, который совершила «новая гвардия» в лице Петроградского гарнизона, против которой выступила армия (с фронта), и лишь замешательство Керенского и Главкома Северного фронта ген. Черемисова с отправкой «надежных войск для освобождения Петрограда» позволило ей победить.

Действительно, Петроградский гарнизон отличался от остальной армии. В феврале 1917 г. Шульгин писал: «Вы не смотрите на то, что на каждой площади и улице они «печатают» на снегу... Вы знаете, что это за публика? Это маменькины сынки!.. Это — все те, кто бесконечно уклонялись под всякими предложениями и всякими средствами... Им все равно, лишь бы не идти на войну... Поэтому вести среди них революционную пропаганду — одно удовольствие... Они готовы к восприятию всякой идеи, если за ней стоит мир. А кроме того, и объективные причины есть для неудовольствия. Люди страшно скучены. Койки помещаются в три ряда, одна над другой, как в вагоне третьего класса. А ведь все они имеют удобные квартиры здесь. И вот беснуются. Пойдет к себе домой и приходит совершенно красный. Для чего их тут держат? Это самый опасный элемент. Чуть что — они взбунтуются. Вот помяните мое слово. Гнать их надо отсюда как можно скорей... И вспомнилось мне, как еще в 1915 году жаловались мне на одну дивизию, набранную в Петрограде. Ее иначе не называли, как «С.-Петербургское беговое общество». Куда ни пошлют ее в бой, она непременно убежит»⁸⁰⁴.

Однако во время буржуазной революции самой большой неожиданностью была быстрая и практически полная измена всей армии своему монарху — «...от генералитета до солдат, от фронтовых частей до самых привилегированных гвардейцев. Революционное знамя поднял даже гарнизон Царского Села — во главе колонны шли наиболее обласканные короной войска, шли казаки свиты... За ними следовали... привилегированные части императорской гвардии. Появился полк Его Величества, своего рода священный легион, куда попадали лучшие, отобранные из представителей гвардейских частей, — они специально предназначались для охраны царя и царицы... Шествие замыкала импе-

178

раторская дворцовая полиция — отборные телохранители... Вчера они охраняли

царя, а сегодня заявляли о преданности новой власти, даже названия которой они не знали»⁸⁰⁵. «Это оглушительное "ура" — это мираж, — писал Шульгин. — Ведь я знаю, чему они так рады... Потому что надеются не пойти на фронт. Почти все части без офицеров...»⁸⁰⁶

Действительно, особое положение Петроградского гарнизона, безусловно, сыграло свою роль в обеих, Февральской и Октябрьской, революциях, но так же очевидно, что оно было далеко не решающим. В Октябре, например, на защиту Временного правительства не встало даже офицерство. С. Волков пишет: «После всего того, что офицерство претерпело по вине Временного правительства, после августовских событий офицерство в массе своей не могло, да и не хотело защищать его». «Пресловутый «комитет спасения революции», — говорил генерал Черемисов, — принадлежит к партии, которая около восьми месяцев правила Россией и травила нас, командный состав, как контрреволюционеров, а теперь поджала хвосты, распустила слюни и требует от нас, чтобы мы спасли их. Картина безусловно возмутительная». Н. Головин добавлял: «Во-первых, офицерство само было обезглавлено. Вожди, за которыми оно пошло бы с самоотвержением, были или арестованы или удалены. Лица, подставленные им на замену, не только не пользовались уважением, но часто даже презирались. Во-вторых, офицеры, распыленные в толще армии, были бессильны что-либо сделать после неудачи корниловского выступления: солдатская масса видела в офицерстве своего врага»⁸⁰⁷. В критический момент в Зимнем дворце будет находиться всего около 1000 человек из окрестных школ прапорщиков, 50-60 случайных офицеров и женский батальон⁸⁰⁸.

Таким образом, еще до конца октября правящая власть сама де-факто лишилась власти. Октябрьская революция лишь констатировала свершившийся факт де-юре. Даже сама легализация новой власти прошла в два этапа. Л. Троцкий вспоминал: «После «тихого» восстания столичного гарнизона к середине октября, с того момента как батальоны по приказу Военно-революционного комитета отказались выступить из города* и не вышли, мы имели в столице победоносное восстание, чуть-чуть еще прикрытое сверху остатками буржуазно-демократической государственности. Восстание 25 октября имело только дополнительный характер. Именно поэтому оно прошло так безболезненно»⁸⁰⁹. Действительно, Октябрьская революция в столице по сравнению с Февральской прошла тихо, без массовых забастовок, митингов и демонст-

* 20 октября Временное правительство приказало 150-тысячному гарнизону Петрограда выступить на фронт и закрыть брешь, образовавшуюся в результате массовых братаний на Северо-Западном фронте. Гарнизон по приказу Военно-революционного комитета отказался. Войска, вызванные Керенским для умирания бунта Петроградского гарнизона, отказались выполнять приказ.

179

раций, большинство обывателей столицы ее даже не заметили. Суэта была только вокруг Зимнего и Мариинского дворцов*.

С редким единодушием как сторонники, так и радикальные противники большевиков констатируют, что Временное правительство само де-факто потеряло власть до 25 октября. Уже 25 апреля «в послании к народу... Временное правительство весьма удачно определило положение страны, в которой «рост новых социальных связей, ее скрепляющих, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя». Это несоответствие проявлялось роковым образом во всех областях народной жизни»⁸¹⁰. «По-видимому, большевистский бурун нагрянет неотвратимо»⁸¹¹, — приходит к выводу накануне революции В. Чернов. «Настроение власти в октябре 1917 г. с отчаянной откровенностью выразил министр иностранных дел Терещенко в беседе с американским послом Д. Фрэнсисом 24 октября. «Я ожидаю

большевистское выступление сегодня ночью, — сообщил Терещенко... Я думаю, что мы сможем его подавить..., но я надеюсь, что оно произойдет независимо от того, подавим мы его или нет. Я устал от неуверенности и напряжения»⁸¹².

Американский посол Фрэнсис объяснял причины крушения Временного правительства тем, что «огромная масса солдат русской армии была темными крестьянами, которые не имели представления о том, за что они сражаются. Они воевали уже давно; они несли огромные потери; их предали некоторые из их военачальников, а их семьи терпели лишения. Ленин и Троцкий вместе с многочисленными сторонниками обещали им мир и землю. Они стремились к миру! Получить землю, на которой они трудились, было мечтой многих поколений. В этих условиях заставить этих вышедших из крестьян солдат сражаться и в то же время создавать демократическое правление в стране, где на протяжении столетий царствовал деспотизм, было задачей для лидера, имеющего стальные нервы Кромвеля и глубинную мудрость Линкольна. Керенский не был таким человеком. Он был преимущественно оратором. Он был русским патриотом, заботящимся о благосостоянии своей страны. Но он был слаб и в течение короткого времени своего правления дважды фатально ошибся; первый раз — когда после попытки совершения переворота в июле не сумел уничтожить Ленина и Троцкого. Второй раз — когда во время борьбы с Корниловым он не сумел найти общий язык с генералом, а обратился за помощью к Совету рабочих и солдатских депутатов, раздав оружие и боеприпасы рабочим Петрограда»⁸¹³.

А. Деникин, подводя итоги деятельности Временного правительства и Совета за 8 месяцев их существования, указывал: «Если Церетели имел право заявить, что «не было случая, чтобы в важных вопросах Временное правительство не шло на соглашение», то мы также имеем право отождествлять их работу и ответственность. Вся эта деятельность воле-

* *Активное сопротивление было в Москве* «... как говорят, число жертв достигает пяти тысяч...» 19 ноября 1917 г. (Бьюкенен Дж... С. 368.)

180

но или невольно имела характер разрушения, не созидания... Причинами такого строительства были: первое — отсутствие целостного и стройного плана у русских политических партий, вся энергия, напряжение *мысли* и воли которых были направлены главным образом к разрушению существовавшего ранее строя. Ибо нельзя назвать практическим планом отвлеченные эскизы партийных программ; они, скорее, законные или фальшивые дипломы на право строительства. Второе — отсутствие у новых правящих классов самых элементарных технических знаний в деле управления... Четвертое — одиозность всего, на чем лежала печать старого режима, хотя бы оно имело в основе здоровую сущность. Пятое — самомнение политических партий, представлявших каждая порознь «волю всего народа» и отличавшихся крайней непримиримостью к противникам... Революцию ждали, ее готовили, но *к ней не подготовился никто*, ни одна из политических группировок»⁸¹⁴.

ЧКК: «Три состава Временного правительства, сменявшие друг друга в период между 2 марта и 25 октября 1917 года, показали полную его неспособность решить проблемы, доставшиеся в наследство от старого режима: экономический кризис, продолжение войны, рабочий и земельный вопросы... Неудача корниловского переворота 25-30 августа 1917 года вызвала окончательный кризис Временного правительства, переставшего контролировать все традиционные рычаги власти»⁸¹⁵. А. Деникин: ***«Власть пала из слабых рук Временного правительства, во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действительной организации, которая могла бы предъявить свои права на тяжкое наследие во всеоружии реальной силы»***⁸¹⁶.

Хронология власти в 1917 г.

25-27 февраля	Февральская революция	
2 марта	Образование Временного правительства	Большинство принадлежит представителям партии кадетов и октябристов.
6 мая	1-я коалиция Временного правительства	По предложению председателя Временного правительства кн. Львова, с социалистами.
Июнь — июль	Кризис 1-й коалиции	Расстрел антиправительственной демонстрации 3 июля. Выход из правительства представителей кадетов. Угроза контрреволюции.
25 июля	2-я коалиция Временного правительства	Большинство министерских портфелей переходит к социал-демократам — меньшевикам.
27 августа	Кризис 2-й коалиции	Контрреволюционный «мятеж» Корнилова. 31 августа в Петроградском Совете, а 5 сентября в Московском большинство переходит к большевикам.
Сентябрь	3-я коалиция	Попытки либералов и социалистов организовать новую коалицию путем созывов «Государственного совещания», «Демократического совещания», «предпарламента».
Октябрь	Кризис 3-й коалиции	В середине октября за большевиков проголосовали Совет Петроградской губернии и Северный областной съезд Советов. 21 октября за Советы отдали свои голоса собрание всех ротных и полковых комитетов Петрограда. 19 октября в Москве была провозглашена советская власть. По сути, социалистическая революция свершилась де-факто, оставалось только ждать ее юридической формализации.

25 октября	Октябрьская революция	Свержение Временного правительства, государственная власть переходит к Советам.
25 ноября	Учредительное собрание	Полная победа социалистов на выборах.

УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Бывают времена, когда нельзя нарушать правила и принципы, но бывают и другие времена, когда опасно соблюдать их.

*Киндлебергер**

Только Учредительное собрание, по мнению многих, могло стать единственным органом легитимной постреволюционной власти. Так, например, А. Деникин утверждал: «После 3 марта (отречение царя) и до Учредительного собрания *всякая* верховная власть носила признаки самозванства...»⁸¹⁷ Идея созыва Учредительного собрания довлела над либеральными партиями и рассматривалась ими как конечная цель революции. Тем не менее Временное правительство, назначив Учре-

* Kindleberger C.P. Manias, Panics, and Crashes. A History of Financial Crises. New York: Basic Books, 1989. [181] (Аникин А... С. 179)

182

дительное собрание на 17 сентября, всячески оттягивало выборы под различными предложениями: недостаточного количества конвертов для избирательных бюллетеней, необходимости капитального ремонта Таврического дворца, отсутствия результатов выборов в органы земского самоуправления или просто потому, что некому поручить составление списков для общегосударственных выборов. И только спустя полгода, после декларации немедленного созыва Учредительного собрания, под нарастающим давлением демократов 22 августа 1917 года Временное правительство назначило новую дату выборов — 25 ноября. Захватив власть 7 ноября, большевики провели выборы точно в назначенный срок — через семнадцать дней после переворота.

Известный английский историк Советской России Э. Карр, внимательно изучив ход дела, пришел к выводу, что «выборы... были проведены без какого-либо вмешательства»⁸¹⁸. Действительно, за две недели при существовавшем уровне коммуникаций и организации какую-либо серьезную подтасовку выборов сделать было практически невозможно. На выборах победили эсеры. Победа была обеспечена голосами *крестьян*, всецело разделявших основной программный тезис эсеров, выдвинутый ими с момента создания партии в 1901 г., — превращения земли во «*всенародное достояние*». *83,6% голосов получили социалистические партии, выступавшие против частной собственности.*

Итоги выборов 12 (25) ноября 1917 г.⁸¹⁹

в % от общего количества голосов

(количество избирателей 44,4 млн. чел из 80 млн.)*

	п о Росси и	в 68 губ. города х	П етрог рад	Петрог рад, воен. гарниз.	М осква	М оск. гарн.
Левые социалистические партии						
Прав.э серы	4 0,4	10, 5	0, 5	0,3	8 ,5	

Лев. эсеры			6, 2	11,2		
Больш евики	4	2	36, 5,3	4	79,2	5 0,1
Мень шевики	6	2,				
Осталь ные	4,5	1				
Правые либеральные и буржуазные партии						
Кадет ы	7	4,				3 4 ⁸²⁰
Осталь ные	1,7	1				

*По числу принявших участие в выборах избирателей в разных источниках есть расхождения, но они не выходят за рамки 36-50 млн. избирателей. Расхождения в количестве избранных депутатов незначительны. См. например, Знаменский О.Н. Всероссийское Учредительное собрание. — Л., 1976. С. 338-339. Или Литвин А.Л... С. 21.

183

Учредительное собрание начало свою работу 5 января 1918 г. в Петрограде в Таврическом дворце. Председатель ВЦИК Я. Свердлов зачитал «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и предложил собранию принять ее, т.е. признать Советскую власть и ее важнейшие декреты: о мире, земле и т.д. Большевиков поддержали левые эсеры. Однако Учредительное собрание большинством голосов (237 голосов против 138) Декларацию отвергло. В знак протеста большевики и левые эсеры покинули зал заседаний, собрание лишилось кворума. Силой Учредительное собрание никто не разгонял*, его членов не арестовывали". Но без большевиков собрание теряло смысл, поскольку реальная власть принадлежала только им. Именно отказ большевиков от сотрудничества с партиями, которые за восемь месяцев своего правления привели страну к хаосу и анархии, назвали «разгоном» Учредительного собрания. При этом, как отмечает ЧКК: «Этот незаконный акт не вызвал сколько-нибудь значительного отклика в стране. Малочисленная демонстрация протеста в Петрограде была встречена залпами матросских отрядов. Двадцать тел, оставшихся лежать на мостовых Петрограда, — такова была тяжкая расплата за несколько часов эксперимента с парламентской демократией в России»⁸²¹.

Отвечая на пафос ЧКК, можно напомнить, что в первые дни буржуазно-демократической Февральской революции было убито и ранено 1443 человека. Позже, 3 июля, Временное правительство расстреляло многочисленные демонстрации рабочих в Петрограде, жертвами стали десятки человек. Царское правительство также расстреливало мирные демонстрации рабочих, вспомнить хотя бы «кровавое воскресенье» 1905 г., когда погибли, по официальным данным, 120 человек, а по оценкам газет того времени — более 4 тысяч. Россия не была исключением: расстрел рабочих демонстраций широко практиковался и в «парламентских демократиях» Англии, Франции, США...***

В любом случае все серьезные исследователи констатируют, что реального сопротивления окончанию работы Учредительного собрания не было. Так, например, видный эсер-депутат Б. Соколов в своих воспоминаниях, проклиная насильников-большевиков и левых эсеров, вместе с тем признал, что после разгона «нигде не было видно оппозиции... Никто не защищал Учредительное собрание»⁸²². А. Деникин также констатировал, что при роспуске Учредительного собрания «ни одна рука не поднялась на защиту его»⁸²³.

* Если не считать фразу матроса-анархиста Железняка, сказанную им про заседавшим до

полуночи депутатам: «Караул устал».

** С. Валянский в этой связи считает, что говорить о том, что Учредительное собрание «разогнали», юридически не верно. (Валянский С... С. 131.)

*** Например, даже во второй половине XX века (!) 08. 02. 1962 в демократическом Париже была расстреляна мирная уличная демонстрация.

184

Кадеты, предвидя свое поражение, еще до выборов в Учредительное собрание начали подготовку к гражданской войне. Терять им было нечего. Они стали полными политическими банкротами уже летом 1917 года, после того как сделали ставку на установление в стране военной диктатуры, поддержав мятеж генерала Корнилова. Сам Милюков отмечал, что название «кадет» стало тогда в народе бранным словом⁸²⁴. В начале ноября 1917 г. кадеты поддержали формирование белогвардейских воинских частей генералов Каледина, Дутова, Алексеева. Генерал Краснов в это время уже шел на Петроград и захватил Гатчину... В конце ноября на Дон прибыл генерал Деникин, к этому времени там уже был лидер кадетов Милюков. Милюков вошел в состав Донского гражданского совета, помогавшего в организации Добровольческой армии Алексеева. Лидер партии кадетов стал автором документа, формирующего цели и принципы Белого движения. Фактически это было официальным объявлением гражданской войны, почти за месяц до «разгона» Учредительного собрания.

У большевиков не было другого выхода, и 10 декабря Совнарком объявил партию кадетов *партией врагов народа* и аннулировал их мандаты. Ленинский декрет недвусмысленно заявлял: «В полном сознании огромной ответственности, которая ложится сейчас на Советскую власть, за судьбу народа и революции, Совет народных комиссаров объявляет кадетскую партию... партией врагов народа»⁸²⁵. Каким другим термином назвать партию, представляющую интересы менее 5% населения страны, развязывающую гражданскую войну? 13 декабря В. Ленин опубликовал свои «Тезисы об Учредительном собрании». В них говорилось, что возможность сосуществования двух типов государственности исчерпана, поскольку крестьянство и армия определенно перешли на сторону Советской власти, а буржуазные силы начали с ней вооруженную борьбу (восстание Каледина, действия буржуазных режимов на Украине, в Белоруссии, в Финляндии и на Кавказе). Поэтому вопрос об отношении к Учредительному собранию не является *юридическим*. Оно может быть включено в государственное строительство лишь при условии признания им Советской власти. Являясь вершиной демократии в ходе буржуазной революции, Учредительное собрание «опоздало»⁸²⁶.

Деникин и Колчак не только не возражали против «разгона» Учредительного собрания, но более того — считали его вообще «недемократически» избранным. Действительно, по меркам тех времен Учредительное собрание, избранное на бесцензовой основе, не имело прецедентов в мировой практике. Во всем мире выборы ограничивались многочисленными цензами: имущественным, социальным, оседлости и т.д. Именно благодаря цензам при выборах в III Думу 30 тыс. помещиков получили в два раза больше депутатских мест, чем 20 млн. крестьянских дворов. В московском Государственном совете осени 1917 г., благодаря социальному цензу 10% населения, представлявшие высшие классы общества,

185

получили почти в два раза больше мест, чем оставшиеся 90% (рабочие, крестьяне, профсоюзы, кооператоры и т.д.)

На бесцензовых выборах в Учредительное собрание настаивали почти все без исключения не только левые, но и правые партии. В результате победителями стали малограмотные, жившие представлениями эпохи феодализма крестьяне, вернее выразители их интересов — эсеры. Далекое не случайно Деникин

утверждал, что «то собрание, рожденное в стихии бунта и насилия, не выражало воли русского народа, а будущее отразит ее более совершенно...»⁸²⁷ Колчак ставил своей целью созыв нового Учредительного собрания, но только из «государственно здоровых элементов...»⁸²⁸ Лозунг созыва нового Учредительного собрания, «отражающего действительную волю народа», стал флагом Белого движения. Большевики в первой Российской Конституции (июль 1918 г.) сохранили сословный ценз, на выборах 1 голос рабочего приравнивался к 5 голосам сельских жителей*.

Несмотря на разгон Учредительного собрания, большевики откровенно пытались предотвратить гражданскую войну, и поэтому они были готовы идти на серьезные компромиссы. В частности на основе договоренности с крупнейшей партией эсеров и привлечении ее членов в высшие органы власти. В. Ленин 10 октября 1917 года директивно указывал: «Сразу осуществлять тот блок с левыми эсерами, который *один* может нам дать *прочную власть* в России»⁸²⁹. Более 20 левых эсеров входило в Военно-революционный комитет, и они имели 40% мест во Всероссийском исполнительном комитете и столько же портфелей наркомов в советском правительстве. Ленин имел все основания заявить, что «за большевиками, при поддержке их левыми эсерами, поддержке, давно уже осуществляемой на деле, несомненное большинство»⁸³⁰. Можно отнести подобные выступления на счет большевистской пропаганды, но например, Колчак утверждал, что большинство членов Учредительного собрания 1917 г. «находятся в рядах большевиков»⁸³¹. Министр иностранных дел Франции Пишон годом позже также заявлял, что большевистская власть признана двумя третями русского народа и является властью де-факто⁸³².

Блок с левыми эсерами просуществовал недолго. Немаловажную роль здесь сыграли «послы» западных держав, спровоцировавшие и профинансировавшие восстание эсеров летом 1918 г. Позже при поддержке интервентов эсеры, победившие на выборах в Учредительное собрание, получили шанс организовать собственные правительства**. «23 сентяб-

* Кроме этого, была введена категория лишенцев, которая вообще не имела избирательных прав: «Лица, живущие на нетрудовые доходы, частные торговцы, служители церкви, бывшие сотрудники полиции, члены царской фамилии, а также лица, прибегающие к наемному труду с целью извлечения прибыли».

** Примечательно, что кадеты, ставшие идеологами развязывания гражданской войны, несмотря на активную поддержку штыков «белых армий» и союзников, не смогли создать ни одного своего правительства.

186

ря 1918 года эсеры в Сибири, где во время ноябрьских выборов 1917 года они получили от 54,4 до 87% голосов, образовали в Уфе Всероссийское правительство, которое 9 октября переместилось в Омск. Правда, как это ни неожиданно, уже в октябре начались крестьянские бунты против вроде бы столь желанного крестьянству эсеровского правительства. И это Всероссийское правительство просуществовало всего лишь 56 дней...»⁸³³ Другое эсеровское правительство, Чайковского, было создано во время интервенции в Архангельске. Оно также просуществовало всего несколько месяцев, на этот раз его поспешили разогнать сами интервенты. Причины неудач «демократических правительств» генерал Болдырев объяснял тем, что их «наиболее слабым местом» была «оторванность от широких масс». Они были порождением интеллигенции, декларировали общие красивые принципы и оперировали «немыми отвлеченными лозунгами «Родина», «народ» и ничем не соприкасались с живой жизнью»⁸³⁴. Ленин отмечал: «Только иноземная помощь, только помощь иностранных штыков, только продажа России штыкам японским, немецким, турецким, только она давала до сих пор хоть тень успеха соглашателям капитализма и помещикам. Но мы знаем, что когда восстание подобного рода, на почве голода и отчаяния

масс, подымалось, когда охватывало местность, где иностранные штыки нельзя было вызвать на помощь, как это было в Саратове, в Козлове, Тамбове, власть помещиков, капиталистов и их друзей, прикрывающихся прекрасными лозунгами Учредительного собрания, эта власть измеряла продолжительность своего существования днями, если не часами»⁸³⁵. Уже в середине 1919 г. эсеры добровольно признают большевиков, снова примут их сторону и даже будут создавать партизанские отряды и поднимать восстания в тылу белогвардейцев для скорейшего окончания гражданской войны.

С другой стороны, для России разгон парламента не был новостью. Все четыре российских Государственных Думы были разогнаны, что оппозиция, от Витте до Милюкова, считала государственным переворотом*. С начала войны в 1914 г. Дума практически бездействовала. 3 сентября 1915 г. под аплодисменты думцев Родзянко зачитал указ о роспуске Думы. Правда, потом под давлением оппозиции она еще созывалась всего один-два раза в год для утверждения бюджета. С февраля 1917 г., утонув в демагогии, Дума фактически сама отказалась от власти. Заброшенная и забытая всеми, она спокойно «умерла»⁸³⁶ своей смертью».

* Так, трудовики и кадеты считали роспуск Первой Думы неконституционным и незаконным. Основываясь на примере Венгрии, юридический эксперт кадетов Ф. Кокошин находил вполне конституционным построить протест на принципе пассивного сопротивления — отказе платить налоги и давать рекрутов правительству. (Милюков П.Н... С. 307, 328.)

187

Самоназначившееся Временное правительство на правах, «данных революцией»⁸³⁷, отодвинуло от власти парламент — Государственную Думу и Государственный совет, арестовало царских министров, но за 8 месяцев так и не справилось с доставшейся властью.

Причина этого, по словам А. Деникина, заключалась в том, что «ни одна из правивших инстанций (Временное правительство, Совет) не имела за собой надлежащей опоры большинства. Ибо это большинство (80%) устами своего представителя в Учредительном собрании 1918 года сказало: «У нас, крестьян, нет разницы между партиями; партии борются за власть, а наше мужицкое дело — одна земля». Но если бы даже, предрешая волю Учредительного собрания, Временное правительство удовлетворило полностью эти желания большинства, оно не могло рассчитывать на немедленное подчинение его общегосударственным интересам и на активную поддержку: занятое черным переделом, сильно отсекавшим и элементы фронта, крестьянство вряд ли дало бы государству добровольно силы и средства к его устройению, то есть много хлеба и много солдат — храбрых, верных и законопослушных. Перед правительством оставались бы и тогда неразрешимые для него вопросы: невоюющая армия, непроизводительная промышленность, разрушаемый транспорт и... партийные междоусобицы»⁸³⁸. А. Деникин констатировал: «После 3 марта (отречение царя)... никакая власть не могла бы удовлетворить все классы населения из-за непримиримости их интересов и неумеренности их вожделений»⁸³⁹.

Кроме субъективных вожделений русских крестьян и политических партий, А. Деникин указывал и на объективные особенности того периода, которые делали невозможным установление демократической формы правления: «Народ интересовался реальными ценностями, проявлял глубокое безразличие к вопросам государственного устройства и, видя ежечасное ухудшение своего правового и хозяйственного положения, роптал и глухо волновался. Народ хотел хлеба и мира. И не мог поверить, что хлеб и мир немедленно не может дать ему никто — ни Корнилов, ни Керенский, ни Церетели, ни Ленин. Между тем распад всей государственной жизни с каждым днем становился все более угрожающим... Все первопричины разрухи оставались в силе, и лишь элемент времени расширил и

углубил ее проявления... Окончательно самоопределялись окраины. Туркестан пребывал в состоянии постоянной дикой анархии. В Гельсингфорсе открывался явочным порядком финляндский сейм, и местные революционные силы и русский гарнизон предупреждали Временное правительство, что не позволят никому воспрепятствовать этому событию. Украинская Центральная рада приступила к организации суверенного учредительного собрания, требовала отдельного представительства на международной конференции, отменяла распоряжения главнокомандующего Юго-Западным фронтом, формировала «вольное казачество» (не то опричнину, не то просто разбойные банды), угрожавшее окончательно затопить Юго-Западный

188

край. В стране творилось нечто невообразимое. Газеты того времени переполнены ежедневными сообщениями с мест под многоговорящими заголовками: «Анархия», «Беспорядки», «Погромы», «Самосуды» и т.д.

Министр Прокопович накануне Октябрьской революции поведал Совету Российской республики, что не только в городах, но и над армией висит зловеющий призрак голода, ибо между местами закупок хлеба и фронтом все пространство объято анархией и нет сил преодолеть его. На всех железных дорогах, на всех водных путях идут разбои и грабежи. Так, в караванах с хлебом, шедших по Мариинской системе в Петроград, по пути разграблено крестьянами при сочувствии или непротивлении военной стражи сто тысяч пудов из двухсот. Статистика военного министерства: за одну неделю только в тыловых войсках и только как исключительные события — 24 погрома, 24 «самочинных выступления» и 16 «усмирений вооруженной силой».

В особенности страшно страдала прифронтовая полоса. Начальник Кавказской туземной дивизии в таких черных красках рисовал положение Подольской губернии, где стояли на охране его части: «Теперь нет сил дольше бороться с народом, у которого нет ни совести, ни стыда. Проходящие воинские части сметают все, уничтожают посевы, скот, птицу, разбивают казенные склады спирта, напиваются, поджигают дома, громят не только помещичьи, но и крестьянские имения. В каждом селе развито винокурение, с которым нет возможности бороться из-за массы дезертиров. Самая плодородная страна — Подолия — погибает. Скоро останется голая земля»⁸⁴⁰.

«Фактически с этого момента западные державы начинают списывать со счетов Россию как великую державу. Ей предрекались уже лишь голод и распад. Тонкий слой цементирующего Россию класса стал жертвой социальной ненависти. Через год, 5 июня 1918 г., в газете «Л'Ор» Марсель Кашен вспоминал о мнении своего посла: «Вы создаете себе иллюзию, полагая, что этот славянский народ оправится. Нет! Он с этого момента осужден на разложение. В военном отношении от него нечего ждать. Никакие усилия не могут его спасти. Он идет к гибели: он следует своему историческому предназначению, его ждет анархия. И это на долгие годы»⁸⁴¹.

Даже самое лучшее Учредительное собрание было бессильно решить насущные задачи в тех условиях. Об этом же говорил и Войтинский: «По мере приближения выборов надежды на Учредительное собрание не только не возрастали, но, наоборот, тускнели. Постепенно создалось настроение безнадежности: и Учредительное собрание ничему не поможет, ничего не изменит...»⁸⁴² И главную объективную роль в росте этих настроений играла война. Меньшевик А. Мартынов, резко выступавший против большевиков, тем не менее замечал: «...Сто раз был прав Маркс, писавший в 1848 году про франкфуртский парламент: «Франкфуртское собрание занимается школьными упражнениями в парламентаризме и предоставляет правительству действовать. Допустим, что

189

этому ученому собору удалось бы после зрелого обсуждения выработать наилучший порядок дня и наилучшую конституцию. Какой толк будет... от наилучшей конституции, если немецкое правительство в это время поставило уже штык в порядок дня?»⁸⁴³

Даже в «развитых демократиях», таких, как Франция или Англия, выборы на время войны были запрещены. Ллойд-Джордж 3 июня 1915 г. фактически цитировал Маркса: «Обычный в демократическом государстве способ подготовки серьезной меры общенационального значения — неприменим во время войны... Под артиллерийским огнем не до споров»⁸⁴⁴. Но Англия к середине 1915 г. еще даже серьезно не вступила в войну, а Россия к октябрю 1917 г. воевала уже 3,5 года, была материально и морально истощена до предела. Именно экономический и политический кризисы, вызванные войной и отсталостью России, довели ее до состояния анархии. Ситуация в России была сходна с положением в революционной Испании двадцать лет спустя, о котором Х. Роблес писал: «Давайте не будем обманывать себя. Страна может жить при монархии или республике, с парламентским или президентским строем, при коммунизме или фашизме! Но она не может жить в анархии»⁸⁴⁵.

А. Деникин видел выход только в диктатуре: «Потребность в сильной власти далеко не исчерпывается периодом до Учредительного собрания. Ведь бывшее собрание 1918 года напрасно взывало к стране уже не о подчинении, а просто об избавлении его от физического насилия буйной матросской вольницы...» А. Тойнби в 1971 году писал: «Я предполагаю, что человечество согласится на жесткую диктатуру ленинского типа как на зло меньшее, чем самоуничтожение или постоянная анархия, которая может закончиться только самоуничтожением»⁸⁴⁶. А. Грамши в 1918 г.: «Создается впечатление, что в **данный момент максималисты (большевики) были стихийным выражением (действия), биологически необходимого для того, чтобы Россия не претерпела самый ужасный распад, чтобы русский народ, углубившись в гигантскую и независимую работу по восстановлению самого себя, с меньшими страданиями перенес жестокие стимулы голодного волка, чтобы Россия не превратилась в кровавую схватку зверей, пожирающих друг друга**»⁸⁴⁷. Бердяев: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»⁸⁴⁸.

«Рабоче-крестьянская революция в октябре 1917 г. реализовала, таким образом, потребность российского общества в сильной государственной власти, способной радикальными действиями спасти страну от экономической и военной катастрофы. Власть перешла к Советам*.

* 10 января 1918 г. открылся III Всероссийский съезд Советов, утвердивший победу большевиков. Учредительное собрание, таким образом, лишалось своего легитимного статуса.

190

воплотившим народные представления о демократии. Они соединили в себе законодательную и исполнительную функции власти... Это позволило сконцентрировать власть для усиления ее эффективности...»⁸⁴⁹ В. Ипатьев: «Продолжение войны угрожало полным развалом государства и вызывало крайнее раздражение во всех слоях населения». Либеральные и почти все левые партии требовали продолжения войны. «Наоборот, большевики, руководимые Лениным, — продолжал Ипатьев, — своим лейтмотивом взяли требование окончания войны и реальной помощи беднейшим крестьянам и рабочим за счет буржуазии... Надо удивляться талантливой способности Ленина верно оценить сложившуюся конъюнктуру и с поразительной смелостью выдвинуть указанные лозунги, которым ни одна из существовавших политических партий в то время не могла ничего противопоставить... Можно было совершенно не соглашаться с

многими идеями большевиков. Можно было считать их лозунги за утопию, но надо быть беспристрастным и признать, что *переход власти в руки пролетариата в октябре 1917 г., проведенный Лениным и Троцким, обусловил собой спасение страны, избавив ее от анархии, и сохранил в то время в живых интеллигенцию и материальные богатства страны*⁸⁵⁰.

191

РУССКИЙ ПУТЬ — НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, или Почему победили большевики

«Люди созданы так, что стремятся к свободе и к самоуправлению. Хорошо ли это для человечества вообще или для данной нации в частности, это вопрос с точки зрения практики государственного управления довольно праздный, как, например, праздный вопрос—хорошо ли, что человек до известного возраста растет или нет?»

*С. Витте*⁸⁵¹

Была ли победа большевиков предопределена или стала результатом... стечения обстоятельств? Ведь следуя логике исторического процесса Россия должна была повторить путь, проложенный Западом. Почему этого не произошло? Виной тому азиатские черты России, особенность ее народа или злая воля большевиков? Или что-то еще?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы должны вернуться к предмету политэкономии. Нам необходимо оценить политэкономические силы, двигавшие социально-экономическим развитием российского общества в то время. В данном случае нас интересуют именно «силы», а не историческая фактология.

Рассмотрение общественных сил начнем с класса, который непосредственно делал экономическую политику в XIX веке — буржуазии. Наиболее полную характеристику ее оставил М. Покровский: «Через пять лет после освобождения крестьян «открылись новые пути к обогащению», и «буржуазный либерализм, казалось, так же "крепко умер", как в свое время император Павел. "Отеческое самодержавие" давало буржуазии все, что ей было нужно: его лозунгом... было — обогащайтесь! Но чего же буржуазия, как класс, может другого требо-

192

вать»⁸⁵². «Достаточно было присмотреться к тому, кто делает русскую экономическую политику, чтобы понять, что в «парламентском образе правления» русские фабриканты и заводчики нуждаются не так уже жгуче — особенно когда парламент приходилось покупать ценою 8-часового рабочего дня, приличного фабричного законодательства и прочих неприятностей. При полной, официально, бесправности «общества» в делах, его касающихся, — причем самое упоминание публично о возможности каких-либо прав каралось как преступление — фактически ни один закон, задевавший интересы русских предпринимателей, шло ли дело о таможенном или о фабричном законодательстве, не проходил без их согласия, не говоря уже о том, что им же нередко принадлежала и инициатива»⁸⁵³. «Отсутствие оппозиционного настроения среди русских капиталистов совершенно понятно: в этой, политической, области купец имел полное основание находить, что стражники и жандармы гораздо лучше оградят его «материальные и умственные интересы», нежели это мог бы сделать парламент. «Выборные учреждения для России вообще новы, — говорил в 1882 году Крестовников, — и вряд ли могут считаться хорошо привившимися, а потому полагаю, что польза от сих учреждений сомнительна по отношению к интересам промышленности и торговли»⁸⁵⁴.

В свою очередь заграничный кредит делал российское правительство «не зависимым от туземной буржуазии более, нежели в какой бы то ни было другой

стране: отношение правительства и туземных капиталистов было в России диаметрально противоположным тому, какое установилось, например, с XVII века в Англии. Там буржуазия держала в руках кошельки правительства, у нас последнее держало в руках кошельки буржуазии...» В итоге М. Покровский приходит к выводу, «что на протяжении всего XIX века в области народного хозяйства крупный капитал был у нас политически консервативной силой»⁸⁵³. Политическая активность буржуазии, повинувшись политэкономическим законам, стала просыпаться только с началом кризиса 1901-1903 гг.

В отсутствии интереса к политике со стороны двигателя прогресса — экономически наиболее активного класса — буржуазии, его функции взяла на себя интеллигенция. Этот факт предопределил особенности формирования общественных движений в России.

Политические идеи русской интеллигенции

Интеллигенция не имеет непосредственной связи с реальными политэкономическими силами, двигающими развитие общества. Поэтому политические идеи русского общества, в отсутствие интереса к ним у буржуазии и на фоне общей отсталости России, носили не соб-

193
ственный, а подражательный, заимствованный у Запада характер. Т.е. в отличие от Запада, где движущей силой буржуазно-демократического развития, предопределившей его успех, был экономический и социальный прогресс, политическое движение в России шло за следствием чужого прогресса, а не за реальными движущими силами истории в своей стране.

П. Чаадаев еще в 1837 г. писал: «Присмотритесь хорошенько, и вы увидите, что каждый факт нашей истории был нам навязан, каждая новая идея почти всегда была заимствована»⁸⁵⁶. «...Из западных книг мы научились произносить по складам имена вещей. Нашей собственной истории научила нас одна из западных стран; мы целиком перевели западную литературу, выучили ее наизусть, нарядились в ее лоскутья и наконец стали счастливы, что походим на Запад, и горды, когда он снисходительно согласился причислить нас к своим»⁸⁵⁷. «Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы»⁸⁵⁸.

А. Уткин в этой связи отмечает: «Гордость России — ее интеллигенция — никогда не признавала себя тем, чем она фактически являлась — прозападной интеллектуальной элитой, самоотверженной и почти воспринявшей свое отчуждение от народа как естественное состояние. Космополитическая, в лучшем смысле этого слова, она дала миру глубоко национальных гениев от Пушкина до Чехова, каждый из которых шел вровень с идейным миром Запада*. Интеллектуально их родиной был Запад, хотя эмоционально, разумеется, горячо люби-

* Не все разделяют подобные обобщения. За сто лет до А. Уткина в 1909 г. П. Струве в «Вехах» проводил более резкие грани: «В 60-х годах с их развитием журналистики и публицистики «интеллигенция» явственно отделяется от образованного класса, как нечто духовно особое. Замечательно, что наша национальная литература остается областью, которую интеллигенция не может захватить. Великие писатели Пушкин. Лермонтов, Гоголь, Тургенев не носят интеллигентского лика...»

194

мая Россия. Блеск этого русского «века Перикла» почти заслоняет тот факт, что основная масса народа жила в другом мире...»⁸⁵⁹

Чтобы наглядно представлять себе пропасть, разделявшую Запад и Россию, в которой оказалась русская интеллигенция, можно привести несколько строк из А. де Кюстина. Правда, написаны они были более чем за полвека до рассматриваемых событий, но это нисколько не умаляет их актуальности: «В России деспотизм работает всегда с математической правильностью, и результатом этой крайней последовательности является крайнее угнетение. Приходишь в негодование, видя суровость этой непреклонной политики, и с ужасом спрашиваешь себя: отчего в делах человека так мало человечности? Но дрожать не значит презирать: не презирают того, чего боятся. Созерцая Петербург и размышляя об ужасной жизни обитателей этого гранитного лагеря, можно усомниться в милосердии Божиим, можно рыдать, проклинать, но нельзя соскучиться. Здесь есть непроницаемая тайна; но в то же время чудовищное величие... Эта колоссальная империя, явившаяся моим глазам на востоке Европы — той Европы, где общества так страдают от недостатка общепризнанного авторитета, производит впечатление чего-то, воскресшего из мертвых. Мне кажется, что предо мною какой-то ветхозаветный народ, и с ужасом и любопытством, в одно и то же время, я стою у ног этого допотопного чудовища»⁸⁶⁰.

Русские, в процессе эволюции, выработали свои защитные механизмы от деспотизма власти, они заключались во внутренней свободе и духовности русского человека. На этих особенностях русской нации концентрировал свое внимание В. Шубарт: «Рабство отнимает только внешнюю свободу, тогда как греховность разрушает всякую свободу, всякую связь с Богом. В этом вопросе русскую установку вновь определяет стремление к внутренней свободе»⁸⁶¹. «Приказы, давящие на них извне, растворяются в свободных влечениях жизни. Поэтому дисциплина — редкое явление для Востока, чуждающегося норм. Кто знает только Европу, тот и представления не имеет, сколько неразберихи может быть среди людей»⁸⁶². Герцен по этому поводу писал: «Россию спасает беспорядок»⁸⁶³. Л. Толстой: «Для массы русского народа закона совсем не существует... Неподчинение закону, полное пренебрежение им — вот что сделало наш народ таким добрым, миролюбивым и долготерпеливым... народные массы пренебрегают всякими внешними ограничениями, руководствуясь в своей жизни совестью»⁸⁶⁴. Н. Бердяев противопоставлял безграничную «внутреннюю свободу русского народа... внутренней несвободе западных народов, их порабощенности внешним. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жадной земной прибылью и земного благоустройства. Россия — страна *бытовой* свободы, неведомой передовым народам Запада, закрепощенным мещанскими нормами». В. Кожин отмечая, что России присуща *стихия свободы*, указывал

195

на неизбежность того, что в ней «с давних пор государственная власть имела самый жесткий и всепроникающий характер»⁸⁶⁵.

Обратной стороной «внутренней свободы» было невероятное внешнее покорство и послушание. Представление об этих качествах русского народа давал в 1823 г. А. Пушкин:

Паситесь, мирные народы!
Вас не разбудит чести клич.
К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь.
Наследство их из рода в роды
Ярмо с гремушками да бич.

Спустя восемнадцать лет М. Лермонтов напишет:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые
И ты, послушный им народ.

Монархический деспотизм подавлял любые попытки инакомыслия. Д. Мережковский в эмиграции писал: «Русская монархия — это узаконенное беззаконие, застывший террор»⁸⁶⁶. Не случайно, что формы сопротивления в России носили весьма специфический характер. Екатерина II говорила о них: «В России упражняются в тихом роптании»⁸⁶⁷. Позже эта форма выражения недовольства получит название — «бунт на коленях».

Просвещенная интеллигенция, воспитанная на примере Запада, уже не могла воспринимать эти реалии российского народа и государства. Пропасть между ними становилась все глубже и шире. А. Чехов в этой связи утверждал, что истинный интеллигент в любом случае должен «не обвинять, не преследовать, а вступаться даже за *виноватых*»... «нужно обороняться от государственной политики»⁸⁶⁸. П. Струве в «Вехах» указывал, что «идейной формой русской интеллигенции является ее... отчуждение от государства и враждебность к нему».

Эта враждебность со временем приобретала радикальный характер и вырождалась у интеллигенции в откровенную русофобию. Тютчев в 1867 г. писал: «Можно было бы дать анализ современного явления, приобретающего все более патологический характер. *Это русофобия* некоторых русских людей — кстати, весьма почитаемых. Раньше (во времена Николая I) они говорили нам... что в России им ненавистно бесправие, отсутствие свободы печати и т.д. и т.п., что потому именно они так нежно любят Европу, что она бесспорно обладает всем тем, чего нет в России... А что мы видим ныне? По мере того как Россия, добиваясь

196

большой свободы, все более самоутверждается (реформы 1860-х годов), нелюбовь к ней этих господ только *усиливается*... И напротив, мы видим, что никакие нарушения в области правосудия, нравственности и даже цивилизации, которые допускаются в Европе (а это эпоха Наполеона III и Бисмарка! — *В.К.*), несколько не уменьшили их пристрастия к ней...»⁸⁶⁹

И. Солоневич приходил к выводу: «Русская интеллигенция есть самый страшный враг русского народа». Ему вторил В. Розанов: «Русская печать и общество, не стой у них поперек горла «правительство», разорвали бы на клоки Россию и раздали бы эти клоки соседям даже и не за деньги, а просто за «рюмочку» похвалы. И вот отчего без решительности и колебания нужно прямо становиться на сторону «бездарного правительства», которое все-таки одно только все охраняет и оберегает»⁸⁷⁰.

«Не забуду страшного впечатления, — вспоминал о 1904 г. Карел Крамарж, чешский либерал, отнюдь не питавший симпатий к самодержавию, — произведенного на меня чтением того, как истерические революционные женщины или девушки целовали первых пленных японских офицеров, когда их привезли на Волгу. А война ведь началась без объявления, предательским ночным

нападением, т.е. так, как до сих пор цивилизованный мир не привык видеть начала войны! Но великое английское изречение "wrong or right, my country!" ("право или нет, но это мое отечество!") давно сделалось непонятным большей части русской интеллигенции»⁸⁷¹.

Ф. Достоевский в «Бесах» 1872 г., в период расцвета нигилизма, словами своего героя передавал настроения интеллигенции: «Вы призваны обновить дряхлое и завонявшее от застоя дело; имейте всегда это пред глазами для бодрости. Весь ваш шаг пока в том, чтобы все рушилось: и государство и его нравственность. Останемся только мы, заранее предназначившие себя для приема власти: умных приобщим к себе, а на глупцах поедем верхом. Этого вы не должны конфузиться. Надо перевоспитать поколение, чтобы сделать достойным свободы».

Перевоспитание строилось прежде всего на примере Запада. Образец его приводил тот же Ф. Достоевский: «Народ наш нищ и смерд, каким он был всегда, и не может иметь ни лица, ни идеи. Вся история народа нашего есть абсурд... Образование же его мы оснуем и начнем с чего сами начали, т.е. на отрицании им всего его прошлого и на проклятии, которому он сам должен предать свое прошлое. Чуть мы выучим человека из народа грамоте, тотчас же и заставим его нюхнуть Европы, тотчас же начнем оболещать его Европой... Для доброй цели мы многочисленнейшими и всякими средствами подействуем прежде всего на слабые струны характера, как и с нами было, и тогда народ — наш. Он застыдится своего прежнего и проклянет его»⁸⁷². За полвека до этих строк — в 1807-1811 Д. Горчаков писал:

197

Какой к отечеству их жар, к служенью рвенье
И к праху праотцов в душе благоговенье?
Я тщетно русского найти меж ними льщусь:
Всяк англичанин в них, иль немец, иль француз;
Презренье к своему, к чужому почитанье
Им иностранное внушило воспитанье»⁸⁷³.

Не случайно В. Печерин, эмигрировавший в 1836 г. из России, «в припадке байронизма» писал: «Как сладостно отчизну ненавидеть, // И жадно ждать ее уничтоженья, //И в разрушении отчизны видеть // Всемирного денницу возрожденья!»

Радикальность настроений интеллигенции отмечали многие выдающиеся современники тех событий: Так, С. Булгаков писал: «Кто жил в интеллигентских кругах, хорошо знает это высокомерие и самомнение, сознание своей непогрешимости и пренебрежения к инакомыслящим... Вследствие своего максимализма интеллигенция остается малодоступна к доводам исторического реализма и научного видения...» Л. Гумилев: «Нынешняя интеллигенция — это такая духовная секта. Что характерно: ничего не знают, ничего не умеют, но обо всем судят и совершенно не приемлют инакомыслия».

Эти мнения отчасти указывают на причины — «родовые черты» максимализма и нетерпимости интеллигенции, как вполне определенной прослойки общества: чрезмерное самомнение, посредственное (поверхностное) образование и еще худшее воспитание. Данные особенности русской интеллигенции отмечал в 1871 г. Н. Данилевский: «Без... народной основы так называемая интеллигенция не что иное, как более или менее многочисленное собрание довольно пустых личностей, получивших извне почерпнутое образование, не переваривших и не усвоивших его, а только перемальвающих в голове, перебалтывающих языком ходячие мысли, находящиеся в ходу в данное время под пошлою этикеткою современных»⁸⁷⁴.

Однако радикальность интеллигенции была вызвана не столько ее «родовыми

чертами» или крайним деспотизмом российской монархии, а была отражением еще более глубоких, фундаментальных антагонистических противоречий. На них вскользь указывал М. Покровский: «Нет ничего индивидуалистичнее интеллигентской работы: ни в какой области *личность* не чувствует себя в такой степени хозяином всего «процесса производства», с начала и до конца»⁸⁷⁵. Именно поэтому русская интеллигенция шла вслед за Западом, где всецело и всепроникающе господствовал дух индивидуализма...

В противоположность Западу русское общество имело общинный характер. В России община не только объединяла до 80% населения страны, но общинное миропонимание довлело даже в самых просвещенных и высокопоставленных кругах. Община, с одной стороны, подавляла ин-

198

дивидуальность, а с другой — обеспечивала выживание русского крестьянина и русского государства в крайне суровых климатических условиях. Община была естественной мобилизационной единицей, обеспечивавшей устойчивость государства во время многочисленных войн прошлого. После освобождения крестьян община, с одной стороны, оставалась рудиментом феодализма, с другой — становилась переходной формой организации от крепостного к свободному хозяйству. «Общинное хозяйство теперь, в настоящую минуту для России необходимо, — писал Александру II председатель редакционной комиссии Ростовцев, — народу нужна еще сильная власть, которая заменила бы власть помещика. Без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство своих податей и повинностей»⁸⁷⁶. Общинный строй в той или иной степени был свойствен всем странам Европы в дофеодальный и даже феодальный период развития, когда на Западе община была уничтожена. В России община дожила до XX века...

Для того, чтобы понять всю глубину противоречий между западным индивидуализмом и русским общинным духом, имеющих принципиальное значение во всей русской истории, мы должны более подробно остановиться на этой теме и посвятить ей отдельный параграф.

Западный индивидуализм и русский общинный дух

Индивидуализм стал чертой западного мира с началом индустриализации, во времена буржуазных революций, когда переход от феодального к буржуазному строю неожиданно столкнулся с чисто психологической проблемой — принципы функционирования нового общества, главными критериями которого были беспощадная конкуренция и нажива, вступили в ожесточенное противоречие с традиционной системой ценностей феодальных общинных и патриархальных отношений. Одним из первых систему моральных ценностей нового общества обосновал наиболее яркий философ того времени Томас Гоббс (1588-1679). «Наблюдая за жизнью современного ему общества, Гоббс приходит к выводу, что человек ищет не общения, а господства и что к другим людям его влечет не любовь, а жажда славы и удобства. Повсюду человек добивается только своей выгоды... люди в естественном состоянии пребывают в постоянной вражде друг с другом. Они проникнуты жаждой приносить вред друг другу. Один человек боится другого человека как своего врага. Он ненавидит его и старается ему навредить. Эгоистические стремления и страх характеризуют человека в естественном состоянии. Кредо Гоббса — «человек человеку — волк». По его словам, естественное состояние есть состояние войны — войны всех против всех»⁸⁷⁷. Другой философ гражданского общества, Джон Локк, утверждал индивидуализм тезисом, что «никто не может разбогатеть, не нанеся убытка другому».

Индивидуализм, тем более в крайних формах раннего капитализма, для того чтобы получить право на существование, стать моральной нормой для подавляющего большинства общества, должен был приобрести статус массовой религии. Эту роль на Западе взяла на себя кальвинистская ветвь протестантизма, которая во время протестантской реформации предложила в XVI веке систему моральных взглядов, соответствовавшую нуждам торгового капитализма⁸⁷⁸. Вебер обнаружил, что протестантизм был одной из ярких черт, присущих исключительно Западу⁸⁷⁹. Для Кальвина было очень важным представление об «избранных», спасение которым предопределено. В понимании Вебера протестантизм взрастил сильное чувство преданности в своей работе или «призванию», и успешность в делах была знаком того, что человек избран для спасения⁸⁸⁰. «Во всех странах одинаково — в Голландии, в Америке, в Шотландии и в самой Женеве — социальная теория кальвинизма прошла тот же процесс развития. Она началась как опора авторитарной регламентации. И она стала главным двигателем почти утилитарного индивидуализма. Если социальные реформаторы XVI века могли славить Кальвина за жестокость устанавливаемого им экономического режима, то в период реставрации в Англии их наследники либо порицали его как отца вседозволенности в экономической жизни, либо превозносили кальвинистские общины за дух предпринимательства и свободу от древних предрассудков в области экономической нравственности. Насколько мало знают те, кто берется направлять стрелы духа, где они запылают»⁸⁸¹.

Детерминизм неизбежно ставил любого верующего перед сакральным вопросом о его собственной избранности и способах удостовериться в ней. Вебер отмечал: «Повсюду, где господствовало учение о предопределении, обязательно вставал вопрос о существовании верных признаков, указывающих на принадлежность к кругу «electi»⁸⁸². Протестантизм выработал идею, что «Бог, создавая мир, и в социальном устройстве желал объективной целесообразности как одного из путей приумножения славы своей». Отсюда проистекает, что «the good of the money» следует ставить выше «личного» или «частного» блага отдельных людей»⁸⁸³. Благодаря взаимосвязи труда и спасения постепенно устанавливалась параллель между немногими богатыми и немногими избранными, при которой *богатство само по себе становилось критерием избранности*, независимо от способа распоряжения этим богатством. Аскетизм сходил на нет. *«Полная интенсивной религиозной жизни эпоха XVII века... завещала... безупречную чистую совесть... сопутствующую наживе»*⁸⁸⁴.

Фундаментальное утверждение кальвинистов (1609 г.) гласило: «Хотя и говорят, что Бог послал сына своего для того, чтобы искупить грехи рода человеческого, но не такова была его цель: он хотел спасти от гибели лишь немногих. И я говорю вам, что Бог умер лишь для спа-

200

сения избранных». С. Кара-Мурза замечает, что это был «отход от сути христианства назад, к идее «избранного народа». Видимым признаком избранности стало *богатство*. Бедность ненавиделась как симптом отверженности. Кальвин настрого запретил подавать милостыню, принятые в Англии «Законы о бедных» поражают своей жестокостью»⁸⁸⁵. Тем не менее протестантский кальвинизм был крайне прогрессивен для своего времени, он стал базой для разрушения феодального строя и перехода к капитализму. Но плата человеческими жизнями и страданиями за это была невероятно высока.

Как показывает Вебер, возникновение духа капитализма сопровождалось сдвигом от евангельских, христианских установок к законам Моисея как «естественному праву» — нужна была «вся мощь ветхозаветного Бога, который награждал своих избранных еще в этой жизни». Для капитализма нужно было

религиозное оправдание наживы, которого не давало Евангелие. Но этот скрытый антихристианизм постепенно и незаметно привел к утрате *всякого* религиозного чувства. Вебер поясняет, почему так случилось: «Капиталистическое хозяйство не нуждается более в санкции того или иного религиозного учения и видит в любом влиянии церкви на хозяйственную жизнь такую же помеху, как регламентирование экономики со стороны государства. Мировоззрение теперь определяется интересами торговой или социальной политики. Тот, кто не приспособился к условиям, от которых зависит успех в капиталистическом обществе, терпит крушение или не продвигается по социальной лестнице. Капитализм, одержав победу, отбрасывает не нужную ему больше опору»⁸⁸⁶.

Капитализм убил «Бога» в сердце западного человека. С этим утверждение Вебера совпадают выводы почти всех выдающихся философов. Так, например, В. Шубарт писал: «Когда в 1812 году Лаплас послал свою "Небесную механику" Наполеону, он сопроводил ее гордым замечанием, что его система делает излишней гипотезу о Боге. Это то, к чему в конечном счете неудержимо стремилось европейское развитие с XVI века: сделать Бога ненужным. Уже Декарт охотно обошелся бы без Него, что справедливо подчеркивал Паскаль. Самому стать богом — вот тайное стремление западного человека, то есть повторить творческий жест Бога, заново перестроив мир на принципах человеческого разума и избегнув при этом ошибок, допущенных Божественным Творцом. "Если бы боги существовали, как бы я вынес то, что я — не бог? Значит, богов нет". В этих словах Ницше выболтал тайну Европы»⁸⁸⁷. Ф. Маутнер накануне Первой мировой войны отмечал: «Современность так спокойна в своем атеизме, что в спорах о Боге уже нет необходимости»⁸⁸⁸. П. Чаадаев в 1831 г.: «...она (*реформация*) снова отбросила человека в одиночество его личности, она попыталась снова отнять у мира все симпатии, все созвучия, которые Спаситель принес миру. Если она ускорила развитие человеческого разума, то она в то же время изъяла из сознания

201

разумного существа плодотворную, возвышенную идею всеобщности и единства...»⁸⁸⁹

Как перекликаются эти мысли с размышлениями В. Шубарта в 1939 г.: «Чем бесцеремоннее утверждался прометеевский архетип, тем здоровее, производительнее и банальней становился человек: возрастающее трудолюбие при ослабевающей духовности. В конечном счете он становился пруссаком или англосаксом»⁸⁹⁰. Или с мнением радикального противника большевиков барона Р. Унгерна в 1920-х: «Посмотрите на Запад, оглянитесь на его прошлое, где он в огне и крови и в дерзкой безумной борьбе человека с Богом. Запад дал человечеству науку, мудрость и могущество, но он дал в то же время безверие, безнравственность, предательство, отрицание истины и добра»⁸⁹¹.

Между тем человек отличается от животного, и ему для уничтожения или эксплуатации себе подобных все равно требуется какая-то моральная база. Поэтому вместо христианской быстро создавались другие типы морали, соответствовавшие целям заказчика и духу времени. Они базировались на расовой или социальной, религиозной, идеологической и прочей неполноценности жертвы. Как только очередная жертва признавалась неполноценной, она вычеркивалась из рядов человечества, становилась изгоем и против нее можно было использовать любые средства. Зачастую это устанавливалось на законодательном уровне, и тогда любая попытка жертвы бороться за свои права была нарушением закона со всеми вытекающими последствиями. Остроту борьбы в данном случае определяет величина ставок: чем они выше, тем радикальней меры, тем большее преступление будет оправдано. Все отбрасывается в сторону, и в силу вступают первобытные инстинкты борьбы за выживание, сильный

поедает слабого... Именно общественная потребность в соответствующей моральной базе подтолкнула кальвинизм в условиях просвещенного XIX века к эволюционированию и проявлению в различных научных течениях.

Так, Г. Спенсер распространил на общество дарвинистскую теорию «естественного отбора», биологически обосновывая социальное неравенство, трудности существования и гибель нижних слоев населения. Он считал, как и Дж. Ст. Милль (1806-1873), что преобразование капитализма возможно лишь в результате компромисса между различными социальными группами в отдаленном будущем. Идеи Г. Спенсера, как и других родоначальников позитивизма, оказали значительное влияние на современников. Дальнейшая эволюция этих идей привела к появлению прагматизма, понятие которого ввел американец Ч. Пирс (1839-1914). Он связал его с предложенным И. Кантом понятием «прагматическая вера». Критерием ее правильности является практический успех. В 1903 г. в «Лекциях о прагматизме» Ч. Пирс определил прагматизм как «учение о том, что каждое понятие есть понятие о мыслимых практических последствиях». Радикальный подход Ч. Пирса к определению

202

своего термина привел к тому, что под давлением критики он был вынужден в 1905 году отказаться от него*.

Другое теоретическое направление кальвинизма, дававшее новое развитие его идей применительно к современному обществу, эволюционировало в работах выдающихся экономистов Л. Вальраса, А. Маршалла, О. Бём-Баверка и др., ставших основателями «Экономикса» — науки о рациональном поведении человека в рыночной экономике. Об этой стороне западной «психологии», да не экономики, а в первую очередь «психологии», мы уже говорили в предисловии.

Дальнейшее развитие кальвинистского протестантизма эволюционировало и выродилось в откровенный расизм. При этом он приобретает новое содержание: если раньше речь шла только о национальном расизме, то с XIX века расизм становится еще и социальным, основатели политэкономии говорят о «расе рабочих», а премьер-министр Англии Дизраэли — о «расе богатых» и «расе бедных»⁸⁹². Национальный и социальный расизм применялся и применяется не только в отношении индивидуумов, но и против целых стран и народов, которые по своему экономическому развитию стоят ниже.

Крупнейший историк Запада А. Тойнби в этой связи указывал на замещении христианства культом Левиафана (так назвал буржуазное государство Гоббс): «В западном мире в конце концов последовало появление тоталитарного типа государства, сочетающего в себе западный гений организации и механизации с дьявольской способностью порабощения душ, которой могли позавидовать тираны всех времен и народов... В секуляризованном западном мире XX века симптомы духовного отставания очевидны. Возрождение поклонения Левиафану стало религией, и каждый житель Запада внес в этот процесс свою лепту»⁸⁹³. Именно этот культ Левиафана стал идеологической основой фашизма...

В Германии политэкономическая школа формировалась позже и в других условиях, чем англосаксонская, и во многом отличалась от нее. Американский президент В. Вильсон находил эти отличия в том, что: «немецкая философия по существу эгоистична и лишена духовности»⁸⁹⁴. Немецкий экономист В. Зомбарт в книге «Торговцы и герои» платил англосаксам той же монетой: «Германская мысль и германское чувство проявляют себя в единодушном протесте против всего, что может хотя бы отдаленно называться английской или западноевропейской мыслью и чувством. С величайшим отвращением, с отчаянием и возмущением германский дух восстает против идей восемнадцатого века — английских по происхождению. Каждый германский фило-

* Брошенное зерно упало в благодатную почву. Ф. Фукуяма, американский советолог, в 1989

г. опубликовал книгу «Конец истории?», в которой провозгласил конец идеологических исканий человечества, которое должно признать американскую общественную модель для всего мира, — в ней абсолютные духовные ценности заменяются прагматическим экономическим интересом...

203

соф и даже каждый немец, думающий по-немецки, всегда решительно отвергают весь этот утилитаризм и эвдемонизм. Все, что в западных идеях связано с коммерционализмом, недостойно нас»⁸⁹⁵.

Англосаксонскому либерализму был противопоставлен немецкий идеализм. Кант пытался обосновать смысл жизни, построив его на рационалистическом морализме. Он утвердил религиозную мораль, недоказуемую теоретически, постулатом «практического разума», необходимой предпосылкой нравственности. При этом Кант лишил мораль характера учения и возвел ее в законодательный ранг, подчинив мораль долгу, делая его категорическим императивом.

Гегель сделал Бога вообще «ненужным». Через все его работы проходит тезис: «Христианству понадобилось запугать человека, сделать его больным и держать его в мысли... что он нуждается в спасении». Моралью Гегель назвал субъективное понятие права. Мораль и право, по Гегелю, образуют нравственность. Высшей формой социальной жизни Гегель считал не общество, а государство в виде монархии. История развивается у него помимо воли людей, под действием «мирового духа». В. Шубарт, анализируя немецкую философию, в 1939 г. приходил к выводу, что: «От Канта через Гегеля ведет прямая дорога к тотальному государству современности, которое есть не что иное, как тотальность нормирования, коллективная попытка искоренить изначальный страх»⁸⁹⁶. «Чем меньше религии, тем сильнее потребность в государстве. Там, где государство стало всем, религия угасает. Тотальное государство — это социальная форма безбожия»⁸⁹⁷.

В конце XIX века Ницше констатирует «Бог умер!» и одновременно приходит к выводу, что рационалистический морализм без метафизической или религиозной основы — прямой путь в пустоту. Именно с этим связано нарастание разочарования немецких философов: пессимистическое осуждение жизни у Шопенгауэра, нигилизм Ницше и Гейне. Ницше нашел свой выход в том, что довел до завершения немецкую философию идеализма (замены Бога — идеей). Он откровенно выразил порыв: «Да здравствует сверхчеловек!». В. Шубарт по этому поводу отмечал: «Новый человек жаждет быть господином земли и поэтому хочет быть без Бога...»⁸⁹⁸.

Немецкая философия привела к формированию нового типа общественных отношений, прямо противоположного англосаксонскому, — немецкому протосоциализму, народу-государству. Основная причина этих различий заключалась в том, что Германия с первых дней своего существования столкнулась с необходимостью вести борьбу за свое выживание. Борьба диктовала Германии необходимость высокого уровня мобилизации власти в лице сильного государства. Это было возвращение к древнеримской республике, к принципам Макиавелли с его «Государем», согласно которому именно государство является источником морали и средством обуздания эгоистичной природы человека. И именно государство стало платформой, на которую уже наслаивались про-кальвинистское и прогобсовское понимания жизни, философия древнегреческого аристократизма Ницше.

204

Англосаксонский и немецкий типы реформации отличались по форме, но тем не менее были едины в своей сущности, во главе которой стоял принцип индивидуализма. Различия лишь сдвигали акценты... В. Шубарт выделял эти национальные особенности: «Русский — братский всечеловек, немец — радикальный индивидуалист*, англичанин — типовой индивидуалист, француз —

индивидуалистическое социальное существо»⁸⁹⁹.

Без западного индивидуализма не было бы промышленной революции, да и вообще без него человеческий прогресс был бы под вопросом. Скорее всего, без индивидуализма темпы человеческого развития были бы таковы, что мы жили бы еще при феодализме. Между тем оголтелый индивидуализм не может привести ни к чему другому, как к полному уничтожению человеческого общества. На Западе на пути радикального индивидуализма встало государственное насилие и римское право, которое неожиданно воскресло в начале XVI века, вместе с первым пробуждением капитализма. В. Шубарт отмечал: «Ни один из больших народов Западной Европы в их сегодняшнем обличье непредставим вне римского влияния». «Римский дух оказал наибольшее влияние на постготическую эпоху в Европе через *римское право*. Наряду с Реформацией и Ренессансом рецепция римского права была третьим большим культурным процессом, в котором заметен поворот в мироощущении Запада»⁹⁰⁰. «Римское право вытеснило товарищеские права готики не потому, что оно юридически превосходило их, а потому, что это было право материально сильного, это было властное право»⁹⁰¹. Апологет либерализма Ф. Хайек в своей книге «Дорога к рабству» разъяснял эту мысль, указывая, что само понятие римского права ведет к социальному неравенству: «формальное равенство перед законом несовместимо с любыми действиями правительства, основанны(ми) на идее справедливого распределения, (они) однозначно вед(ут) к разрушению правозаконности... Никто не будет отрицать, что Правозаконность ведет к экономическому неравенству...»

Вернемся в начало XX века в Россию. Психология и мораль подавляющего большинства русского общества базировались на докапиталистических общинных постулатах и особенностях русского народа. Общественные интересы для подавляющего большинства русского общества имели приоритет перед личными. С. Кара-Мурза очень точно подметил коренные различия между социальной психологией российского и западного общества. «Взгляды на общество в западной социальной философии от Гоббса и до наших дней следуют принципам методологического индивидуализма: «действия *индивидуумов создают общество*». В России социальная философия (как православная, так и либеральная, а тем более марксистская) вообще считала саму поста-

* А. Гитлер в «Mein Kampf» пишет об ультраиндивидуализме немцев.

205

новку вопроса некорректной, поскольку личности вне общества просто не существует. Общество и личность связаны нераздельно и *создают друг друга*»⁹⁰².

В. Шубарт, наверное один из наиболее глубоких западных исследователей духовных особенностей России*, писал: «Русский переживает мир, исходя не из "я", не из "ты", а из "мы". Личностные противоречия людей не являются для него чем-то изначальным. Изначально, с присущей ему стихийной живостью, он ощущает во всех людях неделимое целое, люди же — органы их общего мира. Поэтому "он один из всех европейцев обладает способностью непосредственной связи с душой ближнего"»⁹⁰³ Соловьев утверждал: «Истинность человека состоит в том, что он не отделяет себя от целого (от общества), что он вместе с ним». Русский, по мнению В. Шубарта, «в людях вокруг себя... видит братьев, а не врагов. Его первое побуждение симпатия и доверие. Он верит в естественную доброту ближнего... В Европе, особенно в германских странах, все наоборот...»⁹⁰⁴ В. Шубарт пишет о духе братства, пропитывающем русских, противоположном чувству индивидуализма и эгоизма европейца. Даже европейской социалдарвинистской идее русскими был противопоставлен тезис «взаимной помощи». В 1902 г. князь Кропоткин опубликовал в Лондоне книгу «Взаимная помощь как фактор эволюции»⁹⁰⁵.

Ценность человеческой жизни у русских была гораздо выше, чем у

европейцев. Могло ли быть иначе? Ведь, например, в начале XVI века в германских княжествах и Италии жило уже по 11 млн. человек, во Франции 15 млн., двумя веками позже, к концу XVII население России составляло всего 4,8 млн. человек, для сравнения, Речи Посполитой, без Украины, в то же время 11,5 млн. На обширных, холодных русских просторах человек был редкостью, а что редко, то высоко ценится. Сами условия жизни диктовали не агрессивные, а наоборот, братские отношения между людьми.

При этом В. Шубарт предупреждал: «Русское чувство братства не следует путать с понятием стадности. Русский человек — это не человек толпы, он высоко ценит свободу человеческой личности. Но его понятие о личности не совпадает с европейским, скроенным по образцам Рима и Ренессанса. Идеалом личности на Западе является сверхчеловек, на Востоке — всечеловек. Сверхчеловек стремится к возвышению из жажды власти, всечеловек стремится к расширению из чувства любви...»⁹⁰⁶

Коренное глубинное понимание отличия русского духа от западного индивидуализма звучит в словах Ф. Достоевского: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить

* Обостренное восприятие русского духа и критическое сравнение с ним Европы у В. Шубарта связано с тем, что свою книгу он писал накануне Второй мировой войны. В. Шубарт искал спасение радикализованного индивидуализма Европы в русской духовности.

206

к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верой, что все наши девяносто миллионов русских... будут все, когда-нибудь, образованны, очеловечены и счастливы...»

Общинный характер русского крестьянина вовсе не отрицает наличие у него, как, впрочем, и у всех остальных народов, врожденных индивидуалистических инстинктов. Но подавленные общиной и государственной деспотией они искажались, получая гипертрофированное развитие на бытовом уровне и деградируя на общеэкономическом. Одним из наиболее ярких примеров тому является парадоксально прямо противоположная «чувству братства» неспособность русских к совместной плодотворной работе, которую отмечали многие отечественные и иностранные наблюдатели российской действительности. Так, Энгельгардт писал: «Я много раз указывал на сильное развитие индивидуализма в крестьянах, на их обособленность в действиях, на неумение, нежелание... соединяться в хозяйстве для лучшего дела»⁹⁰⁷. Энгельгардт отмечал, что крестьяне, трудясь вместе, будут вырабатывать меньше, чем работая порознь. Это утверждение можно распространить не только на крестьян, но и почти на все классы и сословия России. Например, виднейший промышленник того времени С. Морозов обосновывал свое нежелание вступать в акционерные компании тем, что у нас семейный бизнес процветает, а общий непременно рушится. Та же ситуация была и в политике; так, Бьюкенен писал в 1917 г.: «Неспособность русских к дружной совместной работе даже тогда, когда на карте стоит судьба их родины, достигает степени почти национального дефекта»⁹⁰⁸. Шубарт находил любопытное отличие общинного чувства русского от общинного чувства европейца. У последнего понятие общности «более грубое материальное, земное. Оно основано на сходных интересах людей... Русское общество — более духовного плана. Оно опирается на чувство братства, не имеющего реального образа и основы».

Сохранение общинного характера русского общества было обусловлено в первую очередь объективными причинами. Взаимопомощь была одним из основных условий выживания человека в суровых климатических условиях. Необходимость защиты от внешней агрессии сплачивала русский народ. Вместе с

тем огромные просторы порождали в русских чувство широты природы, гостеприимства и сострадания. Честность становилась естественным качеством в замкнутом коллективе, окруженном враждебной природной средой, изгой был обречен. Не даром одним из жизненных принципов становился постулат «Честность дороже свободы».

Ограниченные объективными географическими и природными условиями возможности самореализации русского человека в материальной сфере компенсировались соответствующим развитием его ду-

207

ховной жизни, что вело к усилению влияния нравственных установок православной церкви. Длительное сосуществование с различными народами в рамках одного государства развивало дух межнациональной общности. Совокупность этих качеств формировали в русском чувство всечеловечности. Они обеспечивали его выживание, потрясающую иностранцев выносливость и сплоченность и естественным образом культивировались на протяжении веков. Но к концу XIX столетия, наряду с наследием патриархальных общинных отношений, намеренно консервировавшимся монархией, «русское чувство братства» вступило в конфликт с новым духом капитализма.

Капитализм для успеха бизнеса экономического и политического прогресса требовал радикализованного индивидуализма. На этот конфликт с русской действительностью указывал В. Шубарт, видели его и русские реформаторы, такие, как Витте и Столыпин, а вслед за ними и большевики. Именно они осуществляли непосредственные попытки внедрения в психологию русских и особенно русского крестьянина западной индивидуалистической психологии. Еще Витте готовил реформу, по которой надельная земля должна была перейти в личную собственность крестьян. Витте был убежден, что «одна и, может быть, главная причина нашей революции — это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а следовательно, и сознания собственности и потребности в гражданственности, в том числе и гражданской свободы. Всему этому не давали развиваться естественно, а так как жизнь шла своим чередом, то народу пришлось или давиться, или силою растопыривать оболочку; так пар взрывает дурно устроенный котел — или не увеличивай пара, значит, отставай, или совершенствуй машину по мере развития движения. Чувство "я" — чувство эгоизма в хорошем и дурном смысле — одно из чувств, наиболее сильных в человеке...»⁹⁰⁹

Планы Витте развил и осуществил Столыпин, который в 1902 г. утверждал, что сохранение общины грозит «в конце концов крахом и полным разорением страны»*. Ленин указывал, что «знаменитое аграрное законодательство Столыпина по 87-й статье насквозь проникнуто чисто буржуазным духом. Оно, вне всякого сомнения, идет по линии капиталистической эволюции, облегчает, толкает вперед эту эволюцию, ускоряет экспроприацию крестьянства, распадение общины, создание

* Первая записка Николаю II С.Витте о крестьянском беспорядке — 1898 г. После крестьянских восстаний 1902 г. во главе с Витте было создано Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности (Витте С. Записки по крестьянскому вопросу). В Особом совещании ключевую роль играл сподвижник Витте А. Риттих, позже сотрудник П. Столыпина, а еще позже министр земледелия. Двоюродный брат отца Д. А. Столыпина возглавлял комиссию Императорского московского общества сельского хозяйства по исследованию вопроса об устройстве крестьянских хуторов на владельческих землях 1874-1889 гг.

208

крестьянской буржуазии. Это законодательство, несомненно, прогрессивно в научно-экономическом смысле»⁹¹⁰.

Большевики во времена нэпа также попытаются развить мелкобуржуазную индивидуалистическую психологию русских крестьян, но так же, как и Столыпин,

потерпят неудачу. И дело здесь не в каком-то особом менталитете русских, а в объективных экономических законах. Для становления индивидуалистической психологии необходимы материальные и финансовые ресурсы, доступные рынки сбыта, которые обеспечивали бы переход к массовому промышленному производству, переход от феодального к индустриальному строю. Маркс формулировал этот постулат следующим образом: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества»⁹¹¹. Новые материальные условия должны перевесить влияние неблагоприятных климатических и географических особенностей России, последствия экономической разрухи, приносимой войнами и революциями, инерцию наследственности и традиций предыдущих столетий. У России таких ресурсов, рынков и времени для завершения эволюционного цикла развития не было. Именно поэтому реформы Столыпина были ограничены не только субъективным желанием царского режима, но и объективными экономическими законами. Правда, эти ресурсы можно было накопить, а власть и общество должны были эволюционировать вместе с изменением экономических отношений. Но для этого необходимо было время...

10 мая 1907 года Столыпин говорил: «В деле этом нужен упорный труд, нужна продолжительная черная работа. **Разрешить** этого вопроса нельзя, его надо **разрешать!** В западных государствах на это потребовались десятилетия. Мы предлагаем вам скромный, но верный путь. Противникам государственности хотелось бы избрать путь радикализма, путь освобождения от исторического прошлого России, освобождения от культурных традиций. Им нужны великие потрясения — нам нужна великая Россия!» «Пока крестьянин беден, пока он не обладает личной земельной собственностью, пока он находится насильно в тисках общины — он останется рабом, и никакой писанный закон не даст ему блага гражданской свободы». «Итак, на очереди главная задача — укрепить низы. В них вся сила страны. Их более ста миллионов! Будут здоровы и крепки корни у государства, поверьте, и слова русского правительства совсем иначе зазвучат перед Европой и всем миром. Дружная, общая, основанная на взаимном доверии работа — вот девиз для всех нас, русских! **Дайте государству двадцать лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России!**»⁹¹² Но России столько лет мира в XX веке никто не дал...

209

Русское общество оставалось общинным, интеллигентский прозападный индивидуализм вступал с ним в непримиримое смертельное противоречие. Гершензон в «Вехах» в то время писал: «Мы не люди, а калеки, сонмище больных, изолированных в родной стране, — вот, что такое русская интеллигенция... Мы для него (народа) не грабители, как свой брат деревенский кулак, мы для него даже не просто чужие, как турок или француз; он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует нашей человеческой души и поэтому ненавидит нас страстно... Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться мы его должны пуще всех козней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами ограждает нас от ярости народной».

К XX веку, с утверждением капитализма в России, политические течения отечественной интеллигенции приобретают окончательные черты и разделяются на два противоборствующих лагеря — либеральный и социалистический.

Кадеты, или «Кризис русского либерализма».

Становление либеральных партий началось с издания в июле 1902 г. в Штутгарте нелегального журнала «Освобождение», редактором которого был известный философ, *«легальный марксист»* П. Струве. В 1903 г. возникли две организации — Союз освобождения и Союз земцев-конституционалистов. В октябре 1904 г. Союз освобождения начал «агитацию за образование союзов адвокатов, инженеров, профессоров, писателей и других лиц либеральных профессий» и их объединение «с бюро земских и городских деятелей — в единый Союз союзов. За отсутствием деления общества на политические партии мысль организовать его по профессиям была очень удачна»⁹¹³, — отмечал П. Милюков. Однако Союз отказался идти в русле либерального движения. П. Милюков, которого уже в июле сместили с поста председателя, сравнивал кадетов с курицей, которая высидела утят. Он жаловался в воспоминаниях: «Я не предвидел, что очень скоро мне самому придется отойти от Союза союзов, когда он послушно пойдет за ленинской линией».

На волне первой русской революции в октябре 1905 г. либеральные силы создали свою партию. Кадеты считали себя партией «внеклассовой» и отвергали идею социальной революции, хотя и признавали возможность в крайнем случае революции *политической*. В январе 1906 г., к названию партии было прибавлено: *Партия народной свободы*⁹¹⁴. «К весне 1906 г. по всей России возникло более 360 комитетов разного уровня партии кадетов, в ней насчитывалось около 70 тыс. членов. Они создали обширную прессу — до 70 центральных и местных газет

210

и журналов, много партийных клубов и кружков. По интенсивности пропаганды и качеству ораторов им не было равных — кадеты распространяли бесплатные брошюры, расклеивали плакаты, снимали для избирательных собраний хорошие помещения, куда стекались по несколько тысяч человек»⁹¹⁵. Главным лозунгом либеральной интеллигенции провозглашалось: «Борьба за политическое освобождение России на началах демократизма»⁹¹⁶. Цель партии осталась неизменной с времен Союза освобождения: «Считая политическую свободу даже в самых ее минимальных пределах совершенно несовместимой с абсолютным характером русской монархии, Союз будет добиваться прежде всего уничтожения самодержавия и установления в России конституционного режима»*.

Наиболее полную характеристику кадетам дал С. Кара-Мурза: «Прежде всего все они были до мозга костей интеллигентами, даже интеллектуалами: полуполитическими деятелями, полупрофессорами. Настоящий кадет выглядел, да и в глубине своей был, человеком хорошо образованным, человеком с хорошими теоретическими познаниями по части истории страны, Европы, мира... Они превосходно разбирались в политике Древнего Рима, в эпохе Кромвеля... Они были до предела «подкованными» во всем, что касалось прошлого — далекого и близкого. Но у них не было ни малейшего представления о реальных закономерностях современной жизни...» Они были приверженцами самой благородной демократии и рыночной экономики, не запятнали себя ни терроризмом, ни крутыми революционными мерами. Кадеты были интеллектуальной «партией мнения». Они имели в своих рядах многих видных философов и экономистов, ученых и публицистов»⁹¹⁷.

Причины того, что кадеты не имели «ни малейшего представления» о законах развития общества, заключались:

— *во-первых*, в подражательном характере политических движений в России, не имевших связи с реальной материальной жизнью;

— *во-вторых*, ограниченные возможности для самореализации и достойного самообеспечения в экономической сфере толкали интеллигенцию в область искусства, культуры и политической борьбы, что еще больше отрывало

интеллигенцию от материальных основ существования общества. Этот факт отмечали практически все наблюдатели. Так, Пришвин писал: «Господствующее мирозерцание широких масс рабочих, учителей и т.д. — материалистическое, марксистское. А мы — кто

* Кадеты разрабатывали два проекта конституции — «проект Струве» и «проект Муромцева», которые обсуждались с виднейшими западными правоведом, включая М. Вебера. Более умеренный, напоминающий германскую конституционную систему проект Муромцева был «в принципе» принят земским съездом в июле 1905 г. и опубликован в газете «Русские ведомости» вместе с проектом избирательного закона. (С. Кара-Мурза... С. 98.)

211

против этого? — высшая интеллигенция, напитались мистицизмом, прагматизмом, анархизмом, религиозным исканием... оккультисты, хлысты, декаденты, романтики. Марксизм — а как это назвать одним словом и что это?..»⁹¹⁸ К. Победоносцев говорил министру внутренних дел Плеве: «Интеллигенция — часть русского общества, восторженно воспринимающая всякую идею, всякий факт, даже слух, направленный к дискредитированию государственной власти; ко всему же остальному в жизни страны она равнодушна». «Смотря на вопросы воспитания и дисциплины как на лишней балласт, люди науки в то же время поощряли стремление зеленой молодежи принимать участие в политической жизни государства...»⁹¹⁹ Шульгин приводил пример рассуждения немцев в Первой мировой войне: «Как?! Эти ничтожные русские получают 35 пудов зерна с десятины?.. Это просто стыдно. О, мы научим их, как обращаться с такой драгоценностью, как русский чернозем! К тому же, если мы объявим им войну, у них сейчас же будет революция. Ведь их культурный класс может только петь, танцевать, писать стихи... и бросать бомбы...»⁹²⁰ Отец С. Булгаков в «Вехах» указывал: «У нас при таком обилии героев так мало просто порядочных, дисциплинированных, трудоспособных людей... Для русской интеллигенции предстоит медленный трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков, нет катаклизмов и побеждает лишь упорная самодисциплина»⁹²¹.

— *была и третья причина*: либералы не хотели знать законов развития и не признавали их, поскольку они прямо противоречили декларируемым ими лозунгам. Чернышевский отмечал в 1858 г.: «Либералов совершенно несправедливо смешивают с демократами... Демократ из всех политических учреждений непримиримо враждебен только аристократии, либерал почти всегда находит, что при известной степени аристократизма общество может достичь либерального устройства. Поэтому либералы обыкновенно питают к демократам смертельную неприязнь... Либерализм может казаться привлекательным для человека, избавленного счастливою судьбою от материальной нужды...» Либерал понимает свободу формально — в разрешении, в отсутствии юридического запрещения, он «не хочет понять, что юридическое разрешение для человека имеет цену только тогда, когда у человека есть материальные средства пользоваться этим разрешением»⁹²². Т.е. *либерализм есть не что иное, как идеология новой формы аристократии эпохи капитализма*, удержаться у власти она может только опираясь на всю мощь подавления государственной системы. Разрушение этой машины ставит их на край пропасти...

Пример тому давала очередная французская революция 1848 г. Герцен в работе «С того берега» писал: «Либералы долго играли, шутили с идеей революции и дошутились до 24 февраля. Народный ураган поставил их на вершину колокольни и указал им, куда они идут и куда ве-

212

дут других; посмотревши на пропасть, открывшуюся перед их глазами, они побледили; они увидели, что не только то падает, что они считали за предассудок, но и все остальное, что они считали за вечное истинное; они до

того перепугались, что одни уцепились за падающие стены, другие остановились кающимися на полдороге и стали клясться всем прохожим, что они этого не хотели. Вот отчего люди, провозгласившие республику, сделались палачами свободы, вот отчего либеральные имена, звучавшие в ушах наших двадцать лет, являются ретроградными депутатами, изменниками, инквизиторами. Они хотят свободы, даже республики в известном круге, литературно образованном. За пределами своего круга они становятся консерваторами... Либералы всех стран, со времени Реставрации, звали народы на низвержение монархически-феодального устройства во имя равенства, во имя слез несчастного, во имя голода неимущего; они радовались, гоняя до упаду министров, от которых требовали неудобноисполнимого, они радовались, когда одна феодальная подставка падала за другой, и до того увлекшись наконец, что перешли собственные желания. Они опомнились, когда из-за полуразрушенных стен явился не в книгах, не в парламентской болтовне, не в филантропических разглагольствованиях, а на самом деле пролетарий, работник с топором и черными руками, голодный и едва одетый рубищем... Либералы удивились дерзости и неблагодарности работника, взяли приступом улицы Парижа, покрыли их трупами и спрятались от брата за штыками осадного положения, спасая цивилизацию и порядок!»

Аналогичный пример демонстрировала Первая русская революция 1905 г. По словам Витте: «...Аристократический либерализм улетучился сейчас, как только встретился с либерализмом голодного желудка русского народа. Вообще после демократического освобождения в 60-х годах русского народа... между высшим сословием Российской империи появился в большой дозе западный либерализм. Этот либерализм выражался в мечтах о конституции, т.е. ограничении прав самодержавного государя императора, но в ограничении для кого? для нас, господ дворян. Когда же увидели, что в России, кроме монарха и дворян, есть еще народ, который также мечтает об ограничении, но не столько монарха, как правящего класса, то дворянский либерализм сразу испарился»⁹²³. Об одном из лидеров буржуазной партии октябристов Витте писал: «г. Гучков... исповедовал те же идеи, был обуян теми же страстями, а как только он увидел народного "зверя", как только почувствовал, что, мол, игру, затеянную в "свободы", народ поймет по-своему, и именно, *прежде всего, пожелает свободы не умирать с голода, не быть битым плетью и иметь равную для всех справедливость*, то в нем, Гучкове, сейчас же заговорила "аршинная" душа, и он сейчас же начал проповедовать: государя ограничить надо не для народа, а для нас, ничтожной кучки русских дворян и буржуа-аршинников определенного колера»⁹²⁴.

213

Но воспоминания о Первой русской революции скоро забылись, и кадеты снова вернулись к старому. В. Розанов писал: «Весь тон "господ Родичевых" (имеется в виду один из главных кадетских лидеров. — В.К) вышел в «господа России»... Так в этом *тоне* всегда и говорили... У них не было России-Матери... а была — служанка Россия, обязанная бегать у них на побегушках, а когда она не торопилась, они выходили из себя и даже вредительствовали ей» .

Тем не менее урок из Первой революции кадеты все же извлекли — необходимость опоры на массы. А для этого сама либеральная идеология кадетов должна была претерпеть изменения и сблизиться с общинным духом народа. Вебер в этой связи признавая, «что кадеты являются истинными западниками... вскользь отмечает, что сам идеал свободы кадетов в глубине своей отличен от либерального западного идеала. У кадетов он вытекает из идеала справедливости, который имеет у них абсолютный приоритет и вдохновлен верой в этически-религиозную оригинальность политической миссии русского народа. Это, по словам Вебера, есть «этически ориентированная демократия», которая отрицает «этику успеха» и не признает ценность чего бы то ни было этически

нейтрального. Иными словами, и кадеты в глубине своей исходили из идеала традиционного, а не западного общества»⁹²⁶. Как следствие, утверждал М. Вебер, кадеты прокладывали дорогу как раз тем устремлениям, что устраняли их самих с политической арены. Так что кадетам, по его мнению, ничего другого не оставалось, кроме как надеяться, что их враг — царское правительство — не допустит реформы, за которую они боролись.

С другой стороны, кадеты оставались западниками. Они не сливались с народом. По словам министра внутренних дел России П. Дурново, «за нашей оппозицией (имелись в виду думские либералы. — В.К.) нет никого, у нее нет поддержки в народе... наша оппозиция не хочет считаться с тем, что никакой реальной силы она не представляет»⁹²⁷. Аналогичного мнения был и Н. Бердяев: «Либеральное движение было связано с Государственной Думой и кадетской партией. Но оно не имело опоры в народных массах и лишено было вдохновляющих идей»⁹²⁸.

В своей политической работе кадеты, по словам Ленина, рассчитывали «на массы как на *пьедестал* своих успехов, своего господства». По его мнению вне союза с «левыми» кадеты не только не имели бы связи с массами, но и не являлись сколько-нибудь серьезными претендентами на власть. «Партия кадетов — эфемерная, безжизненная партия..., — писал Ленин. — Кадеты не партия, а симптом. Это не политическая сила, а пена, которая получается от столкновения более или менее уравнивающих друг друга борющихся сил. Они соединяют в себе поистине лебедя, рака и щуку — болтливую, чванную, самодовольную, ограниченную, трусливую буржуазную интеллигенцию, контрреволюционно-

214
го помещика, желающего за сходную цену откупиться от революции, и, наконец, твердого, хозяйственного, экономного и прижимистого мелкого буржуа. Эта партия не хочет и не может сколько-нибудь прочно властвовать в буржуазном обществе вообще, не хочет и не может вести по какому-нибудь определенному пути буржуазно-демократическую революцию... Кадеты — партия мечтаний о беленьком, чистеньком, упорядоченном, "идеальном" буржуазном обществе»⁹²⁹.

Претензии кадетов на власть в I и II-й Думах, по мнению В. Герье, не имели «теоретических и юридических оснований», он предупреждал, что формирование кадетского кабинета было бы «роковой ошибкой». Поскольку кадеты могут считать себя представителями большинства в Государственной Думе лишь при условии поддержки ее группами, решительно *враждебными* всякой конституционной монархии»; к тому же «ей удалось выйти из избирательной борьбы с значительным количеством голосов лишь благодаря выставленным в ее программе обещаниям избирателям, которые она на самом деле не в состоянии была бы осуществить». Во-вторых, в России с ее географической обширностью и этнографическим составом, «всякое *партийное* правительство только ухудшило бы дело: в руках крайних партий оно повело бы даже невольно к поощрению иллюзий, к еще большему разгару страстей и содействовало бы всеобщему разложению...»⁹³⁰

Социалистическая интеллигенция

Если либеральные партии опирались в основном на высшие и имущие классы, то социалистические — на образованные низшие и неимущие слои общества. Основным представителем этих слоев было студенчество. М. Покровский отмечал: «Молодое поколение» — русское революционное студенчество 1861 г., происходившее в основном из бедных классов, имело остро социальную направленность». Министром народного просвещения был поставлен тогда моряк николаевских времен гр. Путятин, главными принципами которого были

дисциплина и аристократизм. Он сократил бесплатный прием в Московский университет почти в десять раз. Полицейские порядки Путьятина привели в 1861 г. к первым студенческим волнениям, потребовавшим для усмирения вооруженной силы. «Впервые со времен Пестеля произнесено, а напечатано вообще впервые на Руси слово *республика*. Впервые зазвучали требования социальной революции...» «Студенческая среда представляла как нельзя более благоприятный элемент для распространения социалистического учения», — отмечал М. Покровский. «Мы были бедны, едва-едва перебивались; но в то время студент почти гордился бедностью», — вспоминал современник о быте киевских студентов конца 1860-х годов»⁹³¹. Индивидуализм российской социально ориентирован-

215

ной интеллигенции был основан не на философии материального успеха, как на Западе, а на принципах служения обществу*.

Создание социалистических партий в XX веке началось с образования в 1901-1902 гг. из ряда подпольных групп, остатков разгромленной в 1881 г. «Народной воли», партии социалистов-революционеров (эсеров). Они считали себя наследниками революционных народников и тяготели к философии боевого действия. Выдающийся народник Н. Михайловский обосновывал право террора тем, что «Дюринг, обосновавший теорию справедливости на чувстве мести, здорового возмездия, гораздо больше подходит к современной русской действительности, чем Маркс, который изучает явления только объективно и не обладает достаточно боевым темпераментом, чтобы понимать условия русской политической борьбы»⁹³². М. Покровский объясняет террористическую тактику революционеров той поры ограниченностью их материальных ресурсов, что позволяло осуществлять только самые дешевые способы борьбы — террористические. Он отмечал: «Слабость сил революционеров вела к террору»⁹³³. Революционный радикализм эсеров достался им в наследство от народовольцев, лидер которых Желябов утверждал, что *«история движется ужасно тихо, надо ее подталкивать*. Иначе вырождение нации наступит раньше, чем опомнятся либералы и возьмутся за дело»⁴³⁴. Террор был жестом отчаяния, ответом на радикализм власти и, как следствие, на полную невозможность изменить мир другим путем.

Эсеры и террористы находили полное понимание и поддержку в либеральной среде. Она всегда и везде вставала на их защиту. Бушков приводит множество примеров тому. Так, например, «14 мая 1906 г. в Севастополе брошена бомба в коменданта города генерала Неплюева. Генерал уцелел, но погибли восемь случайных прохожих, несколько десятков человек ранены. Но депутаты Государственной думы публично именуют суд над схваченными на месте преступления бомбистами «кровопролитием»»⁹³⁵. Во время революции 1905-1907 гг. и перед ней эсеры совершили 263 крупных террористических акта, в результате которых погибли 2 министра, 33 губернатора, 7 генералов и т.д.⁹³⁶ В то время партия насчитывала 63 тыс. членов (всех социал-демократов было тогда около 150 тыс.).

М. Пришвин в марте 1917 г. в своем дневнике давал сравнительную оценку эсерам и социал-демократам: «Эсеры малосознательны, в своем поведении подчиняются чувству, и это их приближает к стихии, где нет

* В среде творческой либеральной интеллигенции философия была радикально противоположной — основанной на собственной исключительности. Эта философия подразумевала, что не творческая интеллигенция служит народу, а наоборот, народ должен прислуживать ей.

216

добра и зла. Социал-демократы происходят от немцев, от них они научились действовать с умом, с расчетом. Жестоки в мыслях, на практике они мало убивают. Эсеры, мягкие и чувствительные, пользуются террором и обдуманном

убийством. Эсерство направлено больше на царизм, чем на с-дечество»⁹³⁷. Программа эсеров была развитием программы народолюбцев и совмещала в себе черты веяний с Запада с поиском особого исторического пути России. Несовместимость феодальных традиций с духом капитализма их при этом мало смущала. Для эсеров конечной целью было не столько новое будущее, сколько непосредственно сама революция, которая, по их мнению, должна была принести освобождение угнетенным народным силам.

Мировоззрение социал-демократических партий, в отличие от эсеров, строилось на материалистической базе. К ее основателям в России можно отнести Чернышевского и Герцена. Они делали ставку не на личный террор, а на пропаганду, подталкивающую социальное развитие общества по мере его экономического прогресса. Показателен в этой связи пример эволюции взглядов кумира прогрессивной интеллигенции своего времени — Герцена, первым порывом которого, рожденным французской революцией, был идеалистический либерализм. Однако уже после реформы 1861 г. он выступил резко против него. Его мировоззрение становится все более материалистичным. Герцен развивает идею единства среды и личности, исторических обстоятельств и человеческой воли. Он выступает критиком как буржуазного индивидуализма, так и уравнилельной утопии, и стремится избежать крайностей: «Нельзя... звать массы к такому социальному перевороту, потому что насилием и террором можно расчистить место, но создать ничего нельзя. Чтобы создавать, нужны «идеи строящие», нужна сила, нужно народное сознание, которого также нет, ибо народ пока ещё внутренне консервативен. «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри»... Пока их нет, нужна пропаганда»⁴³⁸.

Другим примером могут являться «Исторические письма» Миртова (Лаврова), которые стали «своего рода Евангелием молодежи 70-х годов». Лавров придерживался твердых материалистических взглядов: «При рассмотрении взаимодействия экономических и политических потребностей в истории научное решение вопроса склоняется к господству первых над последними, и всюду, где, при помощи исторического материала, можно разглядеть с большею подробностью истинное течение фактов, приходится сказать, что политическая борьба и ее фазисы имели основанием борьбу экономическую; что решение политического вопроса в ту или другую сторону обуславливалось экономическими силами; что эти экономические силы создавали каждый раз удобные для себя политические формы, затем искали себе теоретическую идеализацию в соответствующих религиозных верованиях и философских

217

миросозерцаниях, эстетическую идеализацию — в соответствующих художественных формах, нравственную идеализацию — в прославлении героев, защищавших их начала»⁹³⁹.

Такой материалистический фатализм, казалось, ставил непреодолимую преграду на пути политических и социальных исканий русской интеллигенции. Но Лавров нашел свой выход и развил учение о «критически мыслящей личности» как основном факторе прогресса: «Как ни мал прогресс человечества, но и то, что есть, лежит исключительно в критически мыслящих личностях: без них он безусловно невозможен; без их стремления распространить его он крайне непрочен»... Интеллигенция составляет ничтожное меньшинство народа — это не беда: «Большинство может развиваться лишь действием на него более развитого меньшинства»... «Проповедь» для «меньшинства» не только историческая необходимость, это — его нравственный долг. «Член небольшой группы меньшинства, видящий свое наслаждение в собственном развитии, в отыскании истины и в воплощении справедливости, сказал бы себе: каждое удобство жизни,

которым я пользуюсь, каждая мысль, которую я имею досуг приобрести или выработать, куплена кровью, страданиями или трудом миллионов. Прошедшее я исправить не могу, и как ни дорого оплачено мое развитие, я от него отказаться не могу: оно именно и составляет идеал, возбуждающий меня к деятельности. Лишь бессильный и неразвитый человек падает под ответственностью, на нем лежащей, и бежит от зла в Фиваиду или в могилу. Это надо исправить, насколько можно, а это можно сделать лишь в жизни. Зло надо зажить. Я сниму с себя ответственность за кровавую цену твоего развития, если употреблю это самое развитие на то, чтобы уменьшить зло в настоящей и будущем»⁹⁴⁰. Современники в один голос утверждали, что ничем так сильно не действовали «Исторические письма» на молодежь, как этим учением о *долге интеллигенции перед народом*⁹⁴¹.

В начале XX века объективно созревшие экономические условия привели к возможности внешнего проявления тех идей, которые пропагандировались на протяжении предшествующих десятилетий. Именно они привели к созданию российской социал-демократической партии 1 марта 1898 г. Все участники первого съезда были арестованы. На своем Втором съезде в 1903 г. социал-демократы разделилась на две по сути противоборствующие партии: меньшевиков, сторонников эволюционного развития, и большевиков. С момента своего организационного оформления большевистская партия резко отличалась от всех других социал-демократических течений прежде всего нацеленностью на революционное изменение существующего строя и концепцией организации партии — «жестко структурированной, дисциплинированной, состоящей из отборных революционеров-профессионалов, партии — антипода расплывчатым массовым партиям, широко открытой для сочув-

218

ствующих, для борьбы мнений и дискуссий, т.е. такой, какой были российские меньшевики и почти все европейские социал-демократы».

Такова была вкратце панорама политических сил русской интеллигенции накануне 1917 г. Читателю может показаться, что мы остановились на ней излишне подробно, однако, например, именно интеллигенции С. Булгаков отведет главную роль в русской революции: «Весь идейный багаж, все духовное оборудование вместе с передовыми бойцами, застрельщиками, агитаторами, пропагандистами был дан революции интеллигенцией. Она духовно оформляла инстинктивные стремления масс, зажигала их своим энтузиазмом, словом, была нервами и мозгом гигантского тела революции. В этом смысле *революция есть духовное детище интеллигенции...*»⁹⁴²

А. Деникин обвинит интеллигенцию во всех связанных с революцией бедствиях России: «Что народные массы, освобожденные от всяких сдерживающих влияний, опьяненные свободой, потеряли разум и принялись с жестоким садизмом разрушать свое собственное благополучие, — это еще понять можно. Что у власти не нашлось силы, воли, мужества, чтобы остановить внезапно прорвавшийся поток, — это тоже неудивительно. Но что делала соль земли, верхние слои народа, социалистическая, либеральная и консервативная интеллигенция; наконец, просто «излюбленные люди», более или менее законно, более или менее полно, но все же представлявшие подлинный народ, — это выходит за пределы человеческого понимания. Перечтите отчеты всех этих советов, демократических, государственных и прочих совещаний, комитетов, заседаний, предпарламентов, и вас оглушит неудержимый словесный поток, льющий вместо огнегасительной горючую жидкость в расплавленную народную массу. Поток слов умных, глупых или бредовых; высокопатриотических или предательских; искренних или провокаторских. Но только слов. В них отражены гипноз отвлеченных формул и такая страстная нетерпимость к программным, партийным, классовым отличиям, которые заставляют нас вспомнить страницы

талмуда, средневековую инквизицию и споры протопопа Аввакума... *Не только для истории, но и для медицины состояние умов, в особенности у верхнего слоя русского народа, в годы великой смуты представит высокоценный неисчерпаемый источник изучения*⁹⁴³. Философ и экономист, меньшевик В. Базаров тогда замечал: «Словосочетание "несознательный интеллигент" звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину». Не случайно последний дворцовый комендант В. Воейков приходил к выводу: «Главною виновницею разгрома России можно считать нашу одуроченную интеллигенцию, которая разрушала собственными руками без какой-либо внешней катастрофы захваченное ею наследие предков»⁹⁴⁴.

219

Эта категоричность относилась к общественному слою, представлявшему менее 1% населения России. Политически активная его часть была еще на порядок меньше. По переписи 1897 г. количество российских интеллигентов составляло 778426 человек⁹⁴⁵. В 1914 г. в России было 42700 врачей, 6400 преподавателей высшей школы, 11800 адвокатов, около 300000 учителей⁹⁴⁶. Основная масса квалифицированной интеллигенции проживала в губернских центрах и в столицах: 81,8% всех инженеров и архитекторов, 90% ученых, 83,2% литераторов и 70% всех врачей⁹⁴⁷.

А где же было остальное население страны? Какое влияние оно оказывало на революционные процессы и было ли оно?

Социальная структура общества в 1917 г.

Общество можно условно разделить на три группы: высший класс — обычно придерживающийся консервативной политики, средний класс — наиболее подвижный и являющийся носителем либеральных идей, низшие классы — для которых социальная справедливость является даже не просто идеей, а средством выживания. Во всех развитых европейских странах численность среднего класса составляла более 25%. В России же в 1917 году около 77% населения составляло в основном нищее крестьянство, еще 7-10% — такой же нищий пролетариат, и только 5-6% населения можно было отнести к имущему, или среднему классу, которому было что терять. Численность господствующей верхушки (помещики, крупная буржуазия и высшее чиновничество) в 1897 г., по подсчетам В. И. Ленина, составляла только 3 млн. человек, т.е. 2,4% всего населения России. Основную массу населения (63,7 млн. человек, т.е. 50,4%) представляли пролетарии и полупролетарии. Беднейших мелких хозяев в городе и деревне было 35,8 млн. (36,6% населения).

Основной причиной того, что доля высших и средних классов в России была меньше, чем в Европе, являлась более низкая отдача капитала в суровых природных условиях России. Русские в отличие от европейцев платили дополнительный климатическо-географический налог тем природным условиям, в которых они жили. Особенно сильно этот разрыв стал проявляться с переходом к рыночным, капиталистическим формам хозяйствования, где в накоплении капитала ключевую роль играют себестоимость товара и доступность рынков сбыта. В России себестоимость из-за климатического налога была выше, как и транспортные расходы до рынков сбыта, следовательно доля накопления была ниже, чем в Европе. Как следствие, была ниже и численность высшего и среднего класса.

220

Фундаментальность этого принципа наглядно подтверждается тем, что он сохранял свое действие на протяжении всей русской истории. Так, например, «приказных» людей на рубеже XVII-XVIII веков в России насчитывалось 4,7 тыс.

человек, тогда как в Англии при вчетверо меньшем населении их было 10 тыс. В Петровскую эпоху весь господствующий класс составлял 6-7% всего населения⁹⁴⁸. В 1839 г. А. де Кюстин отмечал: «Здесь очень легко обмануться видимостью цивилизации. Находясь при дворе, вы можете почитать себя попавшим в страну, развитую в культурном, экономическом и политическом отношении, но вспомнив о взаимоотношении различных сословий в этой стране, увидев, *до какой степени эти сословия немногочисленны*, наконец присмотревшись к нравам и поступкам, вы замечаете самое настоящее варварство, едва прикрытое возмутительной пышностью»⁹⁴⁹.

Для начала XX века наглядную сравнительную картину соотношения численности различных слоев общества дает сопоставление количества государственных служащих в развитых странах мира. Как видно из таблицы, в России их число было в 4-6 раз меньше, что объяснялось не более высокой эффективностью работы русского чиновника или монархической власти, а ограниченностью ресурсов которое могло выделить общество на содержание госаппарата.

Число государственных служащих в 1900—1918 гг.

	Кол-во гос. служащих, тыс. чел.	Население, млн. чел.	Гос. служащие / население, в %.
Россия*	576	167	0,34
Франция	468	39,6	1,18
Англия	779	46,1	1,7
США	1275	98,8	1,3
Германия	1500	67,8	2,21

Наибольшую проблему представляла крайняя малочисленность среднего класса. Причины того крылись в негативном влиянии климатическо-географического фактора, снижавшего в России эффективность любой экономической деятельности. Существование высших классов в этих условиях обеспечивалось внеэкономическими мерами — за счет принудительного сохранения крепостного права и общины. Ф. Достоев-

* В России в отличие от других стран в число гос. служащих входило еще и значительная часть преподавателей, врачей, инженеров и других специалистов.

221

ский приводил по этому поводу один примечательный пример: «Для вас преобразователь оставил народ крепостным, чтобы он, служа вам трудом своим, дал вам средство к европейскому просвещению примкнуть. Вы и просветились в два столетия, а народ от вас отдалился, а вы от него»⁹⁵¹.

В деловом мире природные особенности России приводили к замедлению темпов развития отечественного бизнеса. Скачкообразный рывок российской промышленности, начавшийся со второй половины XIX века, был обеспечен в основном за счет чужих капиталов. Именно сверхбыстрые темпы промышленного развития России того времени, по мнению М. Покровского, привели к тому, что крупная буржуазия, растущая за счет чужих сбережений, вытесняла мелкую и среднюю буржуазию, не успевшую «даже образоваться как следует»⁹⁵².

Такой жесткий материалистический подход может породить пессимистические настроения. Но помимо объективных причин низкая численность среднего класса в России определялась и субъективными факторами.

Потрясающие вещи писал в 1839 г. А. де Кюстин о России: «Человек здесь лишен свободы и превращен в деньги; он приносит свободу своему барину, почитаемому свободным оттого, что он владеет рабами... Живя здесь, я помимо воли постоянно подсчитываю, во сколько семей обошлась какая-нибудь шляпка или шаль; войдя в дом и увидев розу или гортензию, я смотрю на нее не теми глазами, что всегда; все кругом мне кажется политым кровью; я замечаю только обратную сторону медали. Я больше думаю о том, сколько душ было замучено до смерти ради того, чтобы купить ткань на обивку кресла или на платье хорошенькой придворной дамы, чем об уборе этой дамы и ее прелестях... *Роскошь здесь перестает быть невинной забавой; здесь она непростительна. Всякому обществу, где не существует среднего класса, следовало бы запретить роскошь*, ибо единственное, что оправдывает и извиняет благополучие высшего сословия, — это выгода, которую в странах, устроенных разумным образом, извлекают из тщеславия богачей труженики третьего сословия»⁹⁵³.

Удивительный французский путешественник оказался к тому же и выдающимся политэкономом. Он совершенно точно отметил процесс, когда инвестиционные ресурсы общества, которые могли бы стать его «собственными сбережениями», попросту «проедались». А вместе с ними «проедался» и средний класс, и будущее страны. Наблюдения де Кюстина не были абсолютно новым откровением. Еще новоторговый устав 1667 г. запрещал ввоз предметов роскоши, чтобы «нечиновные люди не беднели», подобные законы в то время встречались и в других европейских странах. В России они появлялись даже во времена Петра Г.

* М. Покровский критиковал эти запреты на роскошь, подавая их за следствие невежественного меркантилизма. (Покровский М..., Т. 2 С. 94.) На самом деле они были лишь следствием господства феодальных, патриархальных отношений.

222

Для более наглядного представления механизма воздействия структуры общества на революцию обратимся к нашему графику. Политэкономический строй, на котором базировалось самодержавие, был постфеодальным. Положение российского абсолютизма при нем определялось наличием ресурсов для его дальнейшего политэкономического развития. К началу XX века в России они были уже практически полностью исчерпаны — российская монархия на графике находилась в критически нестабильной, крайней левой зоне — точке (А). За сохранение существующего положения боролись различные привилегированные проправительственные партии и непосредственно сам царский режим; реальными силами, позволявшими сохранять относительную стабильность, были прежде всего царская бюрократия, инерция власти и репрессивный аппарат.

В то же время реальное развитие страны уже вплотную приблизилось к следующему уровню общественного развития — капиталистическому. Отдельные слои и классы общества уже практически перешли на него. Однако между ними существовали принципиальные различия. Либеральная интеллигенция и буржуазия стремились занять на дуге «капитализма» положение, максимально приближенное к уровню политических свобод и материальных возможностей Запада. Однако такое перемещение было ограничено экономическими возможностями русского общества того времени. Поэтому предельно достижимым равновесным положением для либералов была только точка «Л». Это означает, что уровень западных свобод и потребления при существующем уровне экономического развития мог быть обеспечен только очень небольшой элитарной группе за счет дальнейшего усиления внеэкономической эксплуатации всего остального общества. Т.е. либерализм и демократия в данном случае оказывались понятиями несовместимыми.

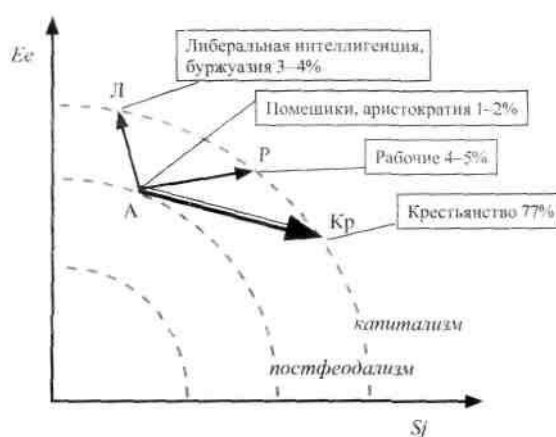
К аналогичным выводам приходили все серьезные исследователи русского общества. «Анализ сознания и практических устремлений всех общественно-

политических сил, так или иначе вовлеченных в революционные события 1905-1906 гг., — интеллигенции, инициировавшей революцию и игравшей в ней наиболее активную роль, крестьянства, тонкого слоя собственно «буржуазии», малочисленного рабочего класса и аморфной городской «мелкой буржуазии» — привел Вебера к заключению, что «массы», которым всеобщее избирательное право «всучило» бы власть, не будут действовать в духе либеральной буржуазно-демократической программы...»⁹⁵⁴ Э. Карр, один из наиболее глубоких исследователей российской революции 1917 г., утверждал: «Буржуазная демократия и буржуазный капитализм по западному образцу, к которым стремились и на которые надеялись меньшевики, не могли укорениться на российской почве, так что ленинская политика была единственно приемлемой, с точки зрения текущей политики в России. Отрицать ее как преждевременную значило повторять, как сказал одна-

223

жды Ленин, «довод крепостников, говоривших о неподготовленности крестьян к свободе»⁹⁵⁵.

Предельные политэкономические кривые в начале XX века в России

Говоря о рабочих, М. Вебер отмечал, что критерием господства «духа капитализма» является состояние умов рабочих, а не буржуа. В России же, промышленный пролетариат еще носил отпечатки крестьянской жизни; как указывал Пришвин, «рабочие — посланники земли»: «Характерно для нашего движения, что рабочие в массе сохраняют деревенскую мужицкую душу». Причина тому крылась в особенностях «освобождения» 1861 года, когда во избежание их пролетаризации крестьян сделали «принудительными владельцами» небольших клочков земли, недостаточных для выживания, но привязывавших их к деревне. Крестьянин сохранял за собой землю даже после того, как уходил в город и становился рабочим. С всех рабочих имели дополнительный доход с земли. (Более 85% обрабатывая ее сами или семьями и около 15% сдавая в аренду.) Сохранение земельного надела диктовалось не только традициями, но и выступало страховкой на случай частых кризисов, обеспечивая выживание рабочего и его семьи. Кроме того, «привязанный к земле рабочий обходился хозяину гораздо дешевле, нежели его

* Около 10% населения, в зависимости от достатка и развития, были расплелены на переходных уровнях.

224

пролетаризованный брат за границей. Денежная заработная плата рабочего Московской губернии в 80-х годах прошлого столетия была *вчетверо* ниже, чем в Англии, и *впятеро* ниже, чем в Соединенных Штатах»⁹⁵⁶. Избыток предложения рабочей силы позволял промышленникам без особых усилий сохранять такой уровень эксплуатации. Выделялись только Москва и Петербург, где подавляющее

большинство рабочих земель не владели и имели самый высокий заработок.

Рабочие частично уже находились на капиталистической стадии развития, но в отличие от либералов и буржуазии они стремились к большей социальной справедливости (основные требования: повышение зарплаты, сокращение продолжительности рабочего дня, социальная защищенность...), которую в данном случае отражает точка «Р». Туган-Барановский отмечал: *«Первыми русскими социалистами были заводские мастеровые Петербурга — материально самый обеспеченный разряд русского пролетариата»*⁹⁵⁷. М. Покровский, описывая то время замечал: «Всякая общественная группа вырабатывает философию общественного процесса, отвечающую объективным условиям существования этой группы. Рабочему классу как нельзя больше подходит материалистическое понимание истории, — *"экономический материализм"* каждый пролетарий чувствует непосредственно на своей коже»⁹⁵⁸.

Но все вышеперечисленные раздираемые противоречиями группы, вместе взятые, составляли всего примерно 20% русского общества. И их влияние на исторический процесс было ограничено устремлениями оставшейся почти 80% слитной крестьянской массы. М. Покровский сравнивал город с европейским островом среди азиатского (феодального) океана: «На фоне промышленного подъема островитянам жилось недурно и они старались не думать, что когда-нибудь азиатские, крепостнические волны могут снести их наскоро сколоченную европейскую постройку»⁹⁵⁹.

Устремления крестьян определялись их экономическим положением, которое мало изменилось за предшествующее столетие. Екатерина II в конце XVIII века, рассуждая о быте крестьян, отмечала: «Хлеб, который они (крестьяне) едят, религия, которая их утешает, вот единственные их идеи. Благоденствие государства, потомство, грядущие поколения — для них это слова, которыми их нельзя затронуть. Они связаны с обществом только своими страданиями и из всего того беспредельного пространства, которое называется будущим, они замечают только завтрашний день. Их жалкое положение лишает их возможности иметь более отдаленные интересы»⁹⁶⁰. В конце XIX века описание быта крестьян оставил Желябов (будущий лидер «Народной воли»), который «пошел в деревню, хотел просвещать ее, бросить лучшие семена в крестьянскую душу, а чтобы сблизиться с нею, принялся за тяжелый крестьянский труд. Он работал по 16 часов в поле, а, возвращаясь, чув-

225

ствовал одну потребность растянуться, расправить уставшие руки или спину, и ничего больше; ни одна мысль не шла в его голову. Он чувствовал, что обращается в животное, в автомата. И понял, наконец, так называемый консерватизм деревни: что пока приходится крестьянину так истощаться, переутомляться ради приобретения куска хлеба... до тех пор нечего ждать от него чего-либо другого, кроме зоологических инстинктов и погони за их насыщением... Почти в таком же положении и фабрика. Здесь тоже непомерный труд и железный закон вознаграждения держат рабочих в положении полуголодного волка»⁹⁶¹.

С тех времен, которые описывал Желябов, к 1917 г. прошло почти четыре десятка лет, крестьянская реформа, революция 1905 г... Но для завершения эволюционного цикла перехода от феодального к буржуазному обществу времени деревне не хватило. На Западе этот процесс занимал столетия, или как минимум жизни нескольких поколений. Русское крестьянство к началу Первой мировой войны оставалось — отчасти само, в силу инерции, отчасти из-за специфических климатических условий, но по большей части из-за сознательной его консервации и эксплуатации высшими классами общества, на том же самом постфеодальном уровне, который отражал главный лозунг крестьян — «Земля и воля!». Мало того, оставаясь на постфеодальном уровне, крестьяне склонялись к еще большей

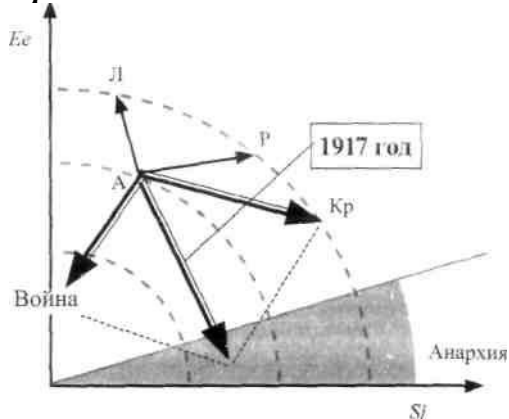
социальной справедливости — «черному переделу», что отражает точка «Кр». Сохранялось то положение, о котором писал еще Герцен в середине XIX века: «...освобождение крестьян сопряжено с освобождением земли; что... в свою очередь является началом социальной революции, провозглашением сельского коммунизма»⁹⁶².

До времени все классы и сословия находились в относительно стабильном состоянии. Их уравнивала инерция власти и репрессивный, бюрократический государственный аппарат. Для свершения революции необходима была какая-то внешняя сила, которая выводила бы общественную систему из равновесия. Этой силой обычно становились кризисы или войны. Так, в России русско-японская война привела к Первой русской революции, Первая мировая к революциям 1917 г. Причина этого заключается прежде всего в том, что политэко-номический кризис, вызванный войнами, приводит к снижению политэкономического потенциала общества. Вектор развития общества в данном случае оказывает направленным не вверх, а вниз. Именно он выводит общество из равновесия. Величину этой силы — вектора «Война» — рассчитать довольно сложно, но тем не менее можно дать вполне объективную сравнительную оценку, и мы это сделаем чуть позже на основании сопоставления мобилизационной нагрузки в Первой мировой войне России с другими странами. Пока отметим лишь, что для России она была в несколько раз больше, чем для ее союзников.

Величи-

на мобилизационной нагрузки характеризует глубину экономического и политического кризиса, степень разрушения политэкономического потенциала общества.

Предельные политэкономические кривые в России 1917 года

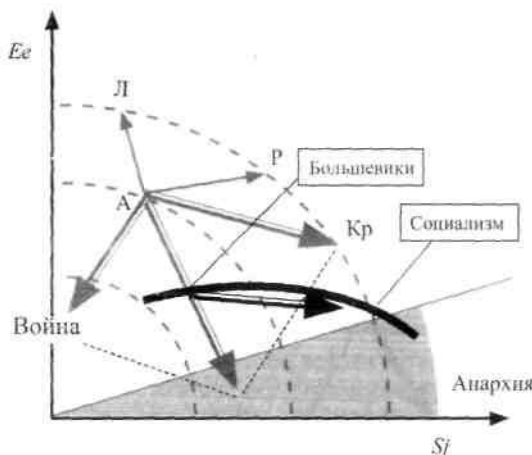

Именно сочетание всех этих сил предопределило направление результирующего вектора дальнейшего развития страны — «1917»*, ведущего к хаосу и распаду государства (вследствие снижения политэкономического потенциала общества). Т.е. направление развития российского общества было объективным и неизбежным, не зависящим от воли той или иной партии. Революционеры могли только в той или иной мере подталкивать естественный ход событий, но не могли ни изменить, ни остановить его.

Что же сделали большевики? — Они свернули направление развития России на новый — социалистический политэкономический уровень. Этот поворот был осуществлен насильственными мерами — за счет установления диктатуры пролетариата. Однако именно он спас российское государство от самоуничтожения. Эти рассуждения наглядно демонстрирует наш график:

* При этом необходимо помнить, что величина каждой силы определяется не только долей, которую ее представители занимают в обществе, но и степенью активности ее составляющих, а также общими окружающими и стартовыми условиями.

Предельные политэкономические кривые в 1917 г. в России

Понимание данной ситуации в той или иной степени демонстрировали практически все выдающиеся современники той эпохи. Еще О. фон Бисмарк отмечал: «В случае неудачной для России войны, в результате внутренних политических неурядиц, характер бессилия этой страны будет совершенно иным, чем в любом другом европейском государстве»⁹⁶³. Вильгельм II еще до войны писал: «Заключение мира после непрерывной череды военных неудач приведет к утрате престижа армии; царю придется уйти: при всей его привлекательности как личности и при всех его добрых намерениях это почти неизбежно; возможно, падет и монархия, и начнется переход к демократической форме правления, которая в условиях, когда всего пятая часть населения умеет читать, будет выглядеть совсем не так, как в Америке»⁹⁶⁴.

Министр внутренних дел П. Дурново в 1907 г. предупреждал: «Россия и Германия представляют в цивилизованном мире яркое консервативное начало, противоположное республиканскому. Наша война с немцами вызовет ослабление мирового консервативного режима. Сейчас уже не важно, кто победит — Россия Германию или Германия Россию. Независимо от этого, в побежденной стране неизбежно возникнет революция. Но при этом социальная революция из побежденной страны обязательно перекинется в страну победившую, и потому не будет победителей и побежденных. Любая революция в России выльется в социалистические реформы».

В феврале 1914 года, когда уже была очевидна надвигающаяся угроза войны с Германией, П. Дурново, убеждая Николая II любой ценой пре-

дотвратить ее, буквально пророчествовал: «...Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная кампания против него; как результат, в стране начнутся революционные выступления. *Эти последние сразу же выдадут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения*, — сначала «черный передел», а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ... Армия, лишившаяся за время войны наиболее надежного кадрового состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут не в силах сдерживать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению»⁹⁶⁵.

Летом 1906 г. Столыпин объяснял Николаю II: «У нас нет ни прочной

влиятельной аристократии, как в Англии, ни многочисленной зажиточной буржуазии, столь упорно отстаивающей свои имущественные интересы во Франции и Германии. При таких данных в России открывается широкий простор проявлению социальных стремлений, **не** встречающих того отпора, который дает им прочно сложившийся строй на Западе»⁹⁶⁶. Далеко не случайно в ноябре 1917 г. на выборах в Учредительное собрание по Московскому городскому округу торгово-промышленная группа получила всего 0,35% голосов — по сравнению с 48% у большевиков. П. Рябушинский так изложил причины исторического поражения своего класса: **«Русская буржуазия, численно слабая, не в состоянии была выступить той регулирующей силой, которая помешала бы событиям идти по неверному пути...»**⁹⁶⁷

Путилов 2 июня 1915 г. указывал представителям Антанты на неизбежность революционного взрыва. «Поводом послужит военная неудача, голод или стачка в Петрограде, мятеж в Москве или дворцовый скандал. **Революция будет исключительно разрушительной, ввиду того что образованный класс в России являет собой незначительное меньшинство населения.** Он лишен организации и политического опыта, а главное, не сумел создать надежных связей с народом. Величайшим преступлением царизма (утверждала устами Путилова русская буржуазия) является то, что он не создал иного очага политической жизни, кроме бюрократии. Режим настолько зависит от бюрократии, что в тот день, когда ослабнет власть чиновников, распадется русское государство. Парадокс заключается в том, что сигнал к революции дадут буржуазные слои, интеллигенты, кадеты, думая, что спасают Россию. Но от буржуазной революции Россия тотчас же перейдет к революции рабочей, а немного позже — к революции крестьянской. Начнется ужасающая анархия длительностью в десятки лет»⁹⁶⁸.

229

Будучи абсолютно прав в своих выводах и прогнозах, Путилов зря обвинял царизм, сильная бюрократия являлась не только причиной, но и следствием слабости «политической жизни». Русские промышленники и интеллигенция не смогли в силу своей малочисленности, оторванности и эгоистичной чуждости нуждам народа создать свои «очаги политической жизни», поэтому единственной их опорой была именно царская бюрократия. Не будь ее, в России не было бы ни капиталистов, ни либеральной интеллигенции.

Вполне естественно, что все, кто понимал законы развития общества и искал выход из создавшегося положения, неизбежно уходили от либерально-буржуазной идеи к социалистической. Либеральная идея в тех конкретных условиях России становилась опасной, губительной для русского государства и народа утопией. В начале XX века С. Булгаков писал в «Философии хозяйства»: «Практически все экономисты суть марксисты, хотя бы даже ненавидели марксизм»⁹⁶⁹. Так, например, известный в то время экономист западник Янжул «склонялся к так называемому государственному социализму»; он был приверженцем широкого вмешательства государства в экономическую жизнь и возлагал надежды на его социальную политику. При этом ученый, по его собственному признанию, «был равнодушен к вопросам политики, придавая гораздо большее значение экономическому моменту в жизни человека и общества»⁹⁷⁰. Философ Бердяев, не вникая в политэкономические тонкости, приходил к аналогичному выводу: «В России революция либеральная, буржуазная, требующая правового строя, была утопией, не соответствующей русским традициям и господствовавшим в России революционным идеям. В России революция могла быть только социалистической...»⁹⁷¹

Была ли в этом случае альтернатива большевизму? Фон Эртцен в 1963 году в книге «Производственные Советы в Ноябрьской революции» указывал:

«Единственный действительной альтернативой буржуазной демократии был не «большевизм», а опирающаяся на Советы социальная демократия». Этот вывод напрашивался сам собой. В. Никольский после Февральской революции находил выход в том, что, «сглаживая трения, все три партии могут идти по одному пути, если кадеты решительно сдвинутся влево и пойдут навстречу зову жизни». Проф. Лосский на 7-м кадетском съезде (март 1917 г.) открыто заявил, что кадеты тоже социалисты, только не революционные, а эволюционные...» «Если мы воспроизведем в своей памяти основные пункты программ трех наших партий, то не найдем непримиримых противоречий»⁹⁷².

Но почему эта альтернатива не была реализована? Только ли из-за разобщенности политических партий, неспособности их к совместной работе? На этот вопрос Е. Трубецкой отвечал еще в начале XX века:

230

«В других странах наиболее утопическими справедливо признаются наиболее крайние проекты преобразований общественных и политических. У нас наоборот: чем проект умереннее, тем он утопичнее, неосуществимее. При данных исторических условиях, например, у нас легче, возможно осуществить «неограниченное народное самодержавие», чем манифест 17 октября. Уродливый по существу проект «передачи всей земли народу» без всякого вознаграждения землевладельцев менее утопичен, т.е. легче осуществим, нежели умеренно-радикальный проект «принудительного отчуждения за справедливое вознаграждение». Ибо первый имеет за себя реальную силу крестьянских масс, тогда как второй представляет собой беспочвенную мечту отдельных интеллигентских групп, людей свободных профессий да тонкого слоя городской буржуазии»⁹⁷³.

Понимание законов развития показал Н. Бердяев, который в 1907 г. в книге «Духовный кризис интеллигенции» «довольно точно предсказал, что когда в России настанет час настоящей революции, то победят большевики»⁹⁷⁴. После революции Н. Бердяев напишет: «Не революционному народничеству, а именно ортодоксальному, тоталитарному марксизму удалось совершить революцию, в которой Россия перескочила через стадию капиталистического развития, которая представлялась неизбежной первым русским марксистам. И это оказалось согласным с русскими традициями и инстинктами народа»⁹⁷⁵. «Логичен в революции, верен ее существу был только большевизм», — к такому выводу пришел бывший либеральный марксист, а затем монархист П. Струве⁹⁷⁶. Из Германии Э. Деймиг при этом верно подмечал: «Товарищи, не давайте лишить себя власти, испугавшись призрака большевизма. Тот, кто хорошо понимает дело, знает, что под именем большевизма надо подразумевать то, что называется социализмом»⁹⁷⁷.

Большевики

*Коковцов накануне Февральской революции говорил Палеологу: «Мы движемся к революции». Сидящий рядом Путилов не согласен: «Вовсе нет. Мы движемся к анархии. Между ними большое различие. Революционеры пытаются что-то перестроить — анархисты думают только о разрушении»*⁹⁷⁸.

К началу Февральской революции в Петрограде почти не было сколько-нибудь влиятельных большевиков. Из 29 членов и кандидатов в члены большевистского ЦК, избранного на VI съезде (в августе 1917 года), ни одного! Они находились или в эмиграции в Европе и США,

231

или в ссылке. И сам Ленин не только ничего не знал о готовящемся перевороте, но и не предполагал, что он вообще возможен⁹⁷⁹. Большевистские лидеры

откровенно опоздали к началу революции и появились в России только в апреле (Ленин) и в мае (Троцкий). Тем не менее В. Ленина, который изобразил председателя Петроградского совета меньшевика Н. Чхеидзе чуть ли не предателем, последний, от имени Совета приветствовал ночью 3 апреля на Финляндском вокзале под звуки «Марсельезы» с почетным караулом, большой толпой единомышленников и сочувствовавших⁹⁸⁰.

Первая более или менее ярко выраженная активность большевиков проявилась во время июньских демонстраций, которых они хотя и не организовывали, но приняли активное участие. Их лозунгами были «Мир!» и «Вся власть Советам!» Своё отношение к власти большевики совершенно четко определили уже 3 июня 1917 г. на Первом Всероссийском съезде Советов. Тогда лидер меньшевиков И. Церетели, оправдывая нежелание его партии брать власть в свои руки, заявил: «В настоящее время в России нет политической партии, которая бы говорила: «Дайте нам в руки власть, уйдите, мы займем ваше место». Такой партии в России нет!» Именно тогда прозвучал знаменитый ответ Ленина: «Есть такая партия!» Большевики оказались единственной партией, политической силой в России, которая была готова не только реально взять власть, но и нести ответственность за нее.

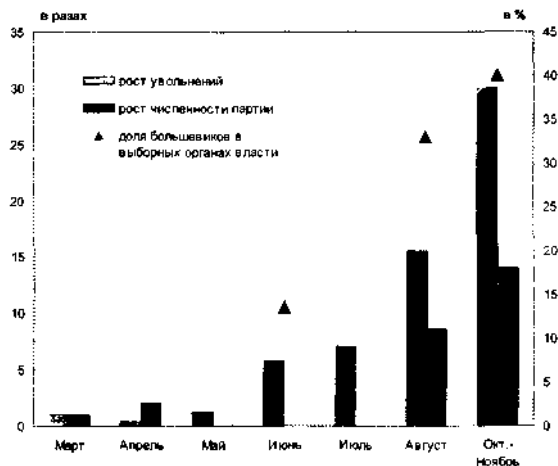
29 сентября 1917 г. в статье «Кризис назрел» В. Ленин писал: «Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской... революции... Мы стоим в преддверии всемирной пролетарской революции. И так как мы, русские большевики, одни только из всех пролетарских интернационалистов всех стран, пользуемся сравнительно громадной свободой, имеем открытую партию, десятка два газет, имеем на своей стороне столичные Советы рабочих и солдатских депутатов, имеем на своей стороне *большинство* народных масс в революционное время, то к нам поистине можно и должно применить слова: кому много дано, с того много и спросится. В России переломный момент революции несомненен»⁹⁸¹.

Именно объективные условия выдвигали на политическую арену наиболее радикальную политическую силу. Политэкономический кризис в России достиг своего дна. Об этом в определенной мере свидетельствует сравнение одного из индикаторов социально-экономического кризиса — безработицы с ростом влияния радикальных социалистических партий*.

* В дальнейшем мы еще не раз убедимся в надежности этого индикатора.

232

Рост количества уволенных рабочих⁹⁸² и членов партии большевиков⁹⁸³ (по отношению к марту), в размах, и доля большевиков в выборных органах власти в 1917 г., в %⁹⁸⁴

Уже в 1915 г. журнал «Вопросы страхования» подчеркивал, что «война усилила безработицу, число безработных достигло необычайных размеров». По

подсчетам Л. Клейнборга, масштабы безработицы к концу 1917 г. достигли 573 тыс.⁹⁸⁵ (или около 20% всех рабочих). Однако эти данные не представляли полной картины, по мнению специалистов безработица приняла еще более угрожающие размеры⁹⁸⁶. И только большевики всего через месяц после прихода к власти, 11 декабря 1917 г., в тяжелейших условиях военной и революционной разрухи приняли решение о «страховании на случай безработицы»⁹⁸⁷. В. Ленин полностью отдавал себе отчет, какие силы привели его к власти. В марте 1920 г. он в продолжавшемся споре с меньшевиками и эсерами говорил: «Нашелся ли бы на свете хоть один дурак, который пошел бы на революцию, если бы вы действительно начали социальную реформу? Почему вы этого не сделали? Потому, что ваша программа была пустой программой, была вздорным мечтанием». Франция, например, приняла подобный закон уже в первые дни войны: «Правительству пришлось наскоро создать организацию... по страхованию от безработицы. Оказание быстрой помощи диктовалось необходимостью сохранения социального мира. 20 августа 1914 г. правительство создало национальный фонд для безработных...»⁹⁸⁸

Что же происходило с другими партиями в тот момент, когда партия большевиков стремительно набирала очки, увеличив с января по ок-

233

тябрь 1917 г. количество свои членов почти в 15 раз и достигнув к началу социалистической революции численности в 350 тыс. человек?

Кадетская партия, которая в лучшие свои годы состояла из 100 тыс. членов, как реальная политическая сила к октябрю 1917 г. практически перестала существовать. Милюков характеризовал состояние своей партии: «Куда-то, вдаль от нас, отодвигались и наши партийные группы в провинции. Их общее настроение, и прежде более левое, не поспевало эволюционировать за нами. Партийные съезды собирались все реже... Наша связь с провинцией поддерживалась регулярно издаваемыми отчетами фракции о ее деятельности в Думе; но откликов на эти отчеты было очень мало; до меня они не доходили»⁹⁸⁹. К осени 1917 г. в стране, по мнению П. Милюкова, «создалось «парадоксальное положение»: буржуазная республика защищалась «одними социалистами умеренных течений», утратив в то же время «последнюю поддержку буржуазии», которая окончательно отказалась от буржуазной демократии и реформистских идей. В августе 1917 г. П. Милюков в письме членам ЦК партии кадетов обреченно заявлял, что «спасение России в возвращении к монархии... народ не способен воспринять свободу»⁹⁹⁰.

Для меньшевиков, численность которых еще в августе 1917 г. достигала 200 тыс. членов, роковым моментом стала их идея коалиции с буржуазией. Видный меньшевик А. Иоффе еще в мае 1917 г. по сути пророчествовал: «Как бы громки ни были революционные фразы, но до тех пор, пока меньшевизм остается правительственной партией *буржуазного* правительства, до тех пор меньшевизм не только обречен на бездействие, не и совершает над собою своеобразное политическое «характери», ибо губит самую внутреннюю сущность социал-демократии»⁹⁹¹. Коалиция с буржуазией в дни корниловского мятежа окончательно дискредитировала меньшевиков, хотя они принимали активное участие в организации отпора Корнилову. Партия меньшевиков стала распадаться. 28 сентября газета «Новая жизнь» сообщала: «Кто знаком с положением дел петроградской, крупнейшей организации меньшевиков, еще недавно насчитывавшей около 10 тысяч членов, тот знает, что она перестала фактически существовать. Районные собрания происходят при ничтожном количестве, 20-25 человек, членские взносы не поступают. Тираж «Рабочей газеты» катастрофически падает. Последняя общегородская партийная конференция не могла собраться из-за отсутствия кворума». В октябре — ноябре

в России состоялось множество съездов разного уровня, и меньшевики на них везде терпели поражение. Видный меньшевик Д. Далин приходил к выводу: **«Нужно иметь мужество признать, что рабочие массы в огромном большинстве идут сейчас за большевиками. Это неоспоримый факт».**

Газета эсеров «Дело народа» в статье о Московском областном съезде Советов, состоявшемся 4 октября, отмечала: «Съезд лишний раз обнаружил исчезновение с политической арены партии социал-демократов

234

меньшевиков». После ухода меньшевиков со II Всероссийского съезда советов меньшевистская партия фактически перестала существовать. Н. Суханов вспоминал: «...Мы ушли неизвестно куда и зачем, разорвав с Советом, смешав себя с элементами контрреволюции, дискредитировав и унизив себя в глазах масс, подорвав все будущее своей организации и своих принципов. Этого мало: мы шли, совершенно развязав руки большевикам, сделав их полными господами всего положения, уступив им целиком всю арену революции. Борьба на съезде за единый демократический фронт могла иметь успех... Уходя со съезда, оставляя большевиков с одними левыми эсеровскими ребятами и слабой группкой новожиленцев, мы своими руками отдали большевикам монополию над Советом, над массами, над революцией. По собственной неразумной воле мы обеспечили победу всей линии Ленина...»⁹⁹²

Социал-революционеры. Численность эсеровской партии к середине 1917 г. была сравнима с численностью всех остальных политических партий России, вместе взятых (700 тыс. членов). Партия, получившая большинство в Совете, с самого начала демонстрировала откровенное нежелание брать на себя ответственность власти. Эсеры добровольно уступили место правящей партии меньшевикам и кадетам. «Позже, в сентябре 1917-го, один из эсеровский вождей, В. Чернов, резко обвинил своих соратников во «властебоязни», в «уступках кадетам», в привычке «топтаться вокруг власти» и на возражения, что взятие власти до Учредительного собрания является ее узурпацией, отвечал: «...Что же касается вопроса об «узурпаторстве», то кто же может оспаривать очевидный факт, что сейчас массы тянутся именно к *социалистическим* лозунгам и партиям, а следовательно, пришел их исторический черед...» Чернов сетовал, что власть не была захвачена эсерами ранее. «Надо было, — упрекал он свою партию, — не упускать, когда все шло прямо к нам в руки, а «не удержался за гриву — за хвост и подавно не удержишься»⁹⁹³. Эсеры так и не смогли справиться со своей болезнью «властебоязни». Хронический характер «болезни» объяснялся объективными предпосылками ее возникновения. Партия социал-революционеров была до конца революционной партией, нацеленной только на разрушение... Эсеры сохраняли свои позиции только благодаря поддержке крестьян, которые шли за радикально-анархистским эсеровским лозунгом «Земля — крестьянам!».

Временное правительство, как и царское, стало банкротом своей собственной разрушающей государственные основы политики. Пришедшие им на смену большевики не были создателями, но уже и не были разрушителями. Они не имели вполне определенных идей нового государственного строительства, но, несмотря на лозунги «мировой революции», по логике отрицавшие наличие государственной системы, именно они обладали волей и организацией для остановки стремительно разва-

235

ливающегося и разлагающегося государственного организма. По сути, большевики проводили операцию банкротства уже давно обанкротившейся царской и «временной» власти России. Что такое банкротство? Это прежде всего форма ликвидации неэффективного управления и одновременное создание условий для выхода из кризиса. Большевики оказались единственной силой,

которая встала на пути развала и самоуничтожения русского государства, последним рубежом отчаянной борьбы русского народа за свое существование...

Один из наиболее выдающихся руководителей и идеологов «черносотенства» Б. Никольский через два месяца после Октябрьского переворота писал о большевиках: «Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану; сотрудником их я не был и не буду», но «я не иду и не пойду против них», поскольку большевики — «неудержимые и верные исполнители исторической неизбежности... и правят Россией... Божиим гневом и попусшением... Они власть, которая нами заслужена и которая исполняет волю Промысла, хотя сама того не хочет и не думает». В октябре 1918 года Б. Никольский отмечал, что большевики «в активной политике... с нескудеющей энергией занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая вопреки своей воле и мысли новый фундамент для того, что сами разрушают...» Вместе с тем, продолжал Никольский, «разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, аще не умрет... Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудия исторической неизбежности... лучшие в их среде сами это чувствуют как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны, в этом их Немезида: несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!..»⁹⁹⁴

Можно привести один образный пример из старой русской сказки, где мертвого богатыря по очереди окропляют сначала «мертвой», а затем «живой» водой. Ликвидация обанкротившейся временной власти, которую осуществляли большевики, была не чем иным, как окроплением той самой «мертвой» водой умирающего государства; «живая» будет еще впереди... Между тем операция банкротства сама по себе подразумевает хирургическое вмешательство в разъедаемый гангреной организм; болезнь к тому же была запущена, а большевики были вынуждены делать операцию срочно, в полевых условиях военного времени, интервенции, поэтому операцию пришлось делать без наркоза. Резать приходилось по живому — мучительно, больно, но тем самым спасался сам организм.

Эта операция была своеобразной расплатой за вековую отсталость, хранимую русской аристократией, за демагогию либеральной демократии последних лет, бездумную алчность буржуазии, за откровенный социальный расизм элиты к своему собственному народу... плата за преступления и грехи высших слоев русского общества, копившие-

236

ся столетиями, за их неисполненный долг — это был ее Судный день. Объективные политэкономические причины такого поведения элиты были, они неизбежны в России, и о них мы будем говорить, но были и глубоко субъективные... Об этой плате говорил и Н. Бердяев: «Мне глубоко антипатична точка зрения слишком многих эмигрантов, согласно которой большевистская революция сделана какими-то злодейскими силами, чуть ли не кучкой преступников; сами же они неизменно пребывают в правде и свете. Ответственны за революцию все, и более всего ответственны реакционные силы старого режима... Революция есть тяжелая болезнь, мучительная операция больного, и она свидетельствует о недостатке положительных творческих сил, о неисполненном долге. Я сочувствовал «падению священного русского царства»... (но) я видел в этом падении неотвратимый процесс развоплощения изолгавшейся символики исторической плоти»⁹⁹⁵.

ОБЪЕКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РОССИИ

Для лучшего понимания особенностей России, приведших к социалистической революции, необходимо сделать одно отступление и указать на ключевые причины которые обусловили специфику ее развития и отличие от стран Европы.

Наше исследование «тенденций» началось с переходного периода развития русского государства от феодализма к капитализму. Вышеградский, Витте, Столыпин — все они осуществляли свои реформы именно в этот период. Их целью было накопление капиталов и совершение индустриального скачка для утверждения в России капитализма. Капитализм своим названием указывает на главный фактор своего успешного развития — капитал. Чем больше общество накопило капитала, тем большим потенциалом процветания оно обладает. «Капиталы, капиталы, капиталы — вот те волшебные силы, которые и самую дикую пустыню превращают в рай», — восклицал в начале XX века «Дух журналов»⁹⁹⁶.

Между феодальным строем и капиталистическим лежит переходный период, в течение которого происходит накопление стартовых капиталов и соответствующее новому строю изменение психологии общества. Страны, которые начинают позже других, с одной стороны имеют преимущества, поскольку могут использовать опыт и знания более передовых стран. С другой стороны, они должны ликвидировать свое экономическое и технологическое отставание от конкурентов, в противном случае они обречены на колониальную зависимость. Поэтому для отсталых стран переходный период носит характер интенсивного догоняющего развития. Капитал в данном случае приобретает еще более решающую роль, чем при эволюционном развитии.

237

Как же обстояло дело в России с этим, одним из главных ресурсов развития — капиталом? Ответ на этот вопрос разбивается на нескольких пунктов:

1. Ключевыми факторами, определяющими тенденции развития любого народа или государства, являются его географические и природно-климатические условия. Именно они в первую очередь обуславливают возможности экономического и политического прогресса общества, формирование его менталитета, привычек и обычаев. Климат и география довлеют над всеми другими тенденциями и оказывают на них самое сильное влияние. «Начиная изучение истории какого-либо народа, встречаем силу, которая держит в своих руках колыбель каждого народа, — природу его страны», — писал В. Ключевский.

Россия в этом плане является, пожалуй, уникальной страной. Суровость климата, огромность просторов делали не то, что развитие, а само выживание человека крайне непростой задачей. Эти особенности России ни для кого не являлись секретом, так Ф. Достоевский в «Бесах» писал: «Россия игра природы, но не ума», а Н. Бердяев, что Русь «ушиблена своей ширью». Эти объективные особенности России обуславливали крайне низкие темпы накопления капитала, поскольку:

— низкое естественное плодородие почв обуславливало низкую эффективность производства главного продукта русской экономики того времени — хлеба, предопределяя тем самым низкие темпы накопления капитала в экономике страны. Покровский установил характерную для России прямую зависимость темпов накопления капитала от размеров экспорта хлеба.

Дополнительное повышение темпов накопления в промышленности достигалось путем усиления эксплуатации деревни*, что вело ее, и без того жившую полунатуральным хозяйством, к еще большему обнищанию. Но ведь именно деревня являлась основным рынком сбыта промышленной продукции. И нищета деревни ставила здесь свои преграды — она резко ограничивала ее спрос

на промышленные товары. Этот факт в 1905 году отмечался в записке петербургских фабрикантов на имя министра финансов В. Коковцова, в которой говорилось: *«Промышленность не может процветать там, где народ бедствует»*;

— земледельческий характер страны дополнялся нахождением ее в зоне рискованного земледелия, как следствие — риск ведения любого бизнеса у русских был выше, чем у любого другого народа. Об этом же говорили представители делового мира России в начале XX века, когда приходили к выводу, что «не может быть и речи о здоровом развитии промышленности и торговли там, где нет устойчивого сельского хозяйства»⁹⁹⁷.

* Перераспределение ресурсов осуществлялось мерами целенаправленной валютно-тарифной политики.

238

— низкая плотность населения и отдаленность рынков сбыта обуславливали высокие транспортные и сбытовые расходы. Плотность населения в России составляла 17 человек на кв. км, в Австро-Венгрии — 73,1; Франции — 73,8; в Германии — 112; в Италии — 117,6; в Англии — 140; в Бельгии — 243... «Один этот факт покажет нам, — писал в 1918 г. П. Милюков, — как далеко Россия должна была отстать от западных государств по всему экономическому развитию»⁹⁹⁸.

— короткий период деловой активности для 80% населения страны — 3-5 теплых месяца, по сравнению с 6-10 в Европе и США, снижал совокупную производительность труда в России в 2-3 раза по сравнению с Западом;

— а ведь русские несли еще и дополнительные затраты труда на обеспечение своего выживания в суровых климатических условиях. П. Чаадаев в связи с этим отмечал: «Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении удобствами и радостями жизни. Мы лишь с грехом пополам боремся с ненастями разных времен года, и это при климате, о котором можно не в шутку спросить себя, был ли он предназначен для жизни разумных существ»⁹⁹⁹.

Таким образом, вполне объективные географическо-климатические причины приводили к тому, что темпы накопления капитала в России были гораздо ниже, чем в Европе. Этот факт в свою очередь предопределял все основные тенденции развития российского государства.

2. Особенности России обуславливали и низкую эффективность использования имеющихся капиталов, поскольку существование монархии предопределялось не экономическими, а патриархальными законами. Так, еще Екатерина II в своем «Наказе» утверждала: «9. Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе, власть не может действовать сходно с пространством столь великаго государства... 11. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и в конец разорительно...»¹⁰⁰⁰ Н. Карамзин позже добавлял: «Я хвалю самодержавие, а не либеральные идеи; то есть хвалю печи зимой в северном климате»¹⁰⁰¹.

Патриархальный феодальный закон требовал обеспечение защиты и выживания большинства населения, а не извлечения максимальной прибыли. Как следствие, абсолютизм мог существовать опираясь только на определенную прослойку общества — аристократию, мотивация поведения которой определялась не собственными экономическими интересами, а приоритетами государства и монархии. А это, в свою очередь, требовало соответствующих расходов на содержание дворянства.

До отмены крепостного права эти расходы покрывались в основном доходами от эксплуатации помещичьих имений. После освобождения крестьян помещики получили компенсацию в виде огромных выкупных и арендных платежей. К 1905

г, крестьяне выплатили по ним

239

с процентами более 10 млрд. рублей*. Однако, как отмечает Вебер, «судя по всему, эти деньги были выброшены на ветер»¹⁰⁰². Аналогичного мнения был и Салтыков-Щедрин: «Выкупные ссуды проедены или прожиты так, что почти, можно сказать, спущены в ватерклозет»¹⁰⁰³. Т.е. инвестиционные ресурсы общества, полученные от земельной ренты и закладных по имениям", были почти полностью «проедены» высшим сословием к началу XX века...

Капитализм использует капитал во много раз эффективнее, чем прежний аристократический режим. Из этого можно сделать вывод, что если бы крайне ограниченный «пирог» российского капитала перешел в руки буржуазии, его накопление в России было бы более быстрым и эффективным. Так и происходило, норма накопления капитала в России с начала XX века быстро увеличивалась. Однако особенности России и здесь вносили свои коррективы. Слишком медленное накопление капитала на стартовом этапе индустриализации требовало искусственных мер, направленных на повышение интенсификации накопления. Эти меры, в конце XIX века, в основном сводились к соответствующей финансово-тарифной политике, делавшей привлекательным приток иностранного капитала. Эффективность работы иностранного капитала была в несколько раз выше, чем отечественного, поскольку иностранный капитал приносил не только деньги, но и передовые технологии, и приемы работы. Россия, в то время была самым крупным заемщиком капитала в мире. Обратной стороной медали был вывоз иностранным капиталом из страны дивидендов, процентов и прибыли. Общая сумма вывезенного капитала, только за счет дивидендов, процентов и репатриированной прибыли, с 1885 по 1914 г. составила почти 6,7 млрд. рублей¹⁰⁰⁴. Участие иностранного капитала в экономике России достигло такого уровня, что он уже стал подчинять ее своим интересам, т.е. осуществлять ее экономическую колонизацию. Игнатъев в этой связи замечал: **«заграничный капитал главной своей целью ставит закабаление всех, кто от него зависит»**¹⁰⁰⁵.

Тем не менее, темпы роста инвестиций в России с 1885 по 1913 гг. в среднем в два раза превосходили темпы роста вывоза доходов иностранного капитала.

* Экономисты различают восточный и западный тип накопления капитала для индустриального скачка. Восточный сводится к усилению эксплуатации собственного населения, западный к получению ресур-

** Для сравнения, весь внешний долг России к 1914 г. составлял — 5,7 млрд руб., а стоимость всех промышленных предприятий — 4 млрд руб. Уже к середине XIX века большинство дворянских имений было заложено в Государственном Дворянском банке, поддерживавшем аристократию льготными кредитами.

240

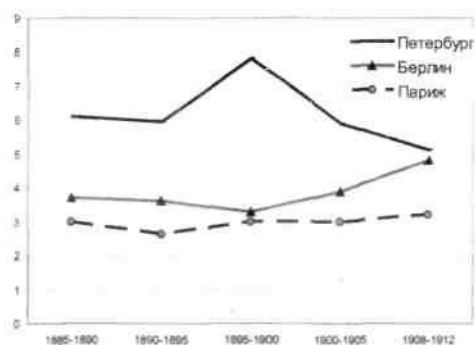
сов развития из внешних источников. Последними, на этапе становления капитализма в Европе, были не столько иностранные инвестиции, сколько доходы от военного грабежа, эксплуатации колоний и т.д. Конечно, в чистом виде западный и восточный тип накопления практически не встречался, речь в данном случае идет о преобладающем типе. К середине XIX века политику импорта капитала для совершения индустриального скачка использовало большинство стран. Например, США до Первой мировой войны были крупнейшими импортерами капитала в мире.

Привлечение капитала, с экономической точки зрения, обеспечивалось за счет укрепления национальной валюты и установления протекционистских барьеров. После достижения конкурентоспособного уровня развития твердая валюта и высокие таможенные барьеры начинали мешать дальнейшему прогрессу национальной экономики. В это время политика индустриализации подходила ко второму этапу развития. Национальной промышленности для дальнейшего

развития становились необходимы внешние рынки, ее лозунгом становится free trade. И здесь иностранный капитал вступал в жесткую конкурентную борьбу с национальным.

Примером этой борьбы служат взаимоотношения Германии и России. Последняя к 1914 г. фактически прошла первый этап эволюционного развития. Когда она попыталась вырваться из экономической петли и перейти на второй этап промышленного развития Германия, которой были жизненно необходимы внешние рынки, не нашла другого пути, как развязать войну. Наглядной демонстрацией этого процесса является динамика изменения учетных ставок в европейских столицах в последние десятилетия перед мировой войной.

Официальные учетные ставки в Петербурге, Берлине и Париже (по облигациям со сроком погашения 1 год)¹⁰⁰⁶

241

Рост процентных ставок в Германии, сопровождавшийся ростом экономики, говорит о ее растущем «перегреве». Снижение процентных ставок в России при росте экономики свидетельствует о выходе ее на стабильную динамику развития. Таким образом, к 1913 г. Германии для предотвращения кризиса необходим был рост экспорта, Россия к этому времени как раз заканчивала первый этап своего промышленного развития и вплотную приближалась ко второму. Рубежом в отношениях двух стран стал 1914 г...*

Вернемся в Россию.

К началу XX века снизу феодальную аристократию уже изо всех сил поджимало новое высшее сословие — буржуазия. Оно руководствовалось исключительно экономическими законами, и здесь капитализм вступал в непримиримое противоречие с феодализмом. Последний в свою очередь не мог уйти с дороги прогресса и, чтобы не отстать от мировых тенденций, был даже вынужден сам способствовать ему, но и уступать без боя он не собирался. Основным орудием борьбы феодальной аристократии стало установление высоких административных и бюрократических барьеров для бизнеса и личности.

О его действенности говорят многочисленные письма и выступления представителей нового класса. Так, в 1905 году железозаводчики писали Витте: «Проявление частной промышленной инициативы у нас крайне стеснено. Акционерное дело, железнодорожное строительство, земельный, городской и коммерческий кредит — все это в России продукт правительственного усмотрения, а не следствие свободно развивающейся народной жизни. После этого неудивительно, что нужды нашей промышленности на различных съездах выливаются почти исключительно в ряд многочисленных ходатайств перед правительством и лишены начал самостоятельности и самопомощи»¹⁰⁰⁷. С этой запиской перекликалось мнение уральских промышленников: «В России нет ни твердо обеспеченного правопорядка, ни гражданской свободы и удовлетворительного законодательства, и в этом лежит главная причина тех неурядиц, которые приходится переживать нашей промышленности»¹⁰⁰⁸.

«Необходимо в интересах экономического преуспевания страны не подчинять экономику политике»¹⁰⁰⁹. «Нельзя забывать, что Россия — как это ни странно для тех, кто привык верить, что в России все скуплено, все присвоено иностранцами, — принадлежит как раз к числу тех стран, куда капитал идет крайне неохотно, притекая крайне медленным темпом. Причинами этого являются... архаичность многих

* Изменение учетных ставок, конечно же, нельзя напрямую связывать с неизбежностью войны. Они лишь в определенной мере демонстрируют тенденции развития общества и характер возникающих в нем напряжений, которые при определенных условиях действительно могут привести к войне. Последним посвящена глава о Первой мировой войне.

242

наших законов, недостатки нашего торгового законодательства и, сказал бы я, отсутствие уверенности в существовании твердой экономической политики»¹⁰¹⁰. В 1910 г. журнал «Промышленность и торговля» напечатал статью под многозначительным названием «Наши противоречия»: «Ныне наблюдается у нас несомненный избыток свободных капиталов. Они стараются проникнуть всюду, лишь бы не в отечественную промышленность. Такое печальное и крайне опасное явление объяснимо лишь тем гнетом и преследованием, которым подвергается у нас всякая инициатива и самодеятельность как со стороны правительства, так и со стороны русской периодической печати. У нас господствует еще панический страх перед тем, как бы кто не заработал»¹⁰¹¹.

Эти речи звучали в десятилетие 1904-1913 гг., когда прирост промышленного производства в России составил 88%!!! Но российский деловой мир требовал еще больше...

Что же стояло по другую сторону этого роста?

Концентрация капиталов, быстрые темпы роста промышленности и выкачивание капиталов из деревни обеспечили крайнюю неравномерность развития — передовой капитализм в городах и консервирование постфеодализма в деревне. Массовые случаи голода в сельской местности начались именно с начала интенсивной индустриализации конца XIX века. Менее 1/5 численности населения России, жившего в городах, было связано с бешеными темпами развития промышленности, которые достигались за счет беспощадной эксплуатации оставшихся 4/5, населявших деревню. Капитализм требовал денег и буржуазного общества, основанного на экономических законах, деревня могла выжить только при условии сохранения патриархальной монархии. Самодержавие для сохранения стабильности государства и одновременно обеспечения его развития было вынуждено балансировать между двумя этими крайними общественными силами. Была и третья сторона вопроса — патриархальная полуфеодалная деревня была опорой монархии. И последняя вполне сознательно консервировала развитие деревни, задержав необходимые ей реформы почти на полвека...

Россия оставалась «колоссом на глиняных ногах». Именно этот факт, по мнению В. Ленина, обусловил характер русской революции: «Без ломки старых земельных порядков не может быть выхода из того противоречия, которое глубже всего объясняет русскую революцию: самое отсталое земледелие, самая дикая деревня* — самый передовой промышленный и финансовый капитализм!»¹⁰¹²

* П. Грегори опровергает это заявление, утверждая что «данные Ленина... оказываются неточными для периода с 1885 по 1913гг.».(Грегори П...25) По мнению автора, оценки П. Грегори грешат чрезмерными допущениями и крайней идеологизированностью. К его работам мы еще вернемся. Пока же лишь отметим, в подтверждение своих слов, что средний доход крестьянского хозяйства был в 5-10 раз ниже заработка среднего рабочего, кроме этого, более половины Доходов крестьянина давало натуральное (т.е. феодальное) хозяйство.

243

Либералы в тех условиях сделали для России очень много. Именно они зажгли Первую русскую и Февральскую революции, именно благодаря им пал

реакционный монархический режим. Несомненно, в этом плане их деятельность была столь же жизненно необходимой, как и прогрессивной. Без их усилий монархия вырождалась в открытую паразитическую диктатуру аристократии. Монархист Шульгин в 1910 г. передавал факт этого вырождения оригинальным образом: «Конечно, В.Н. не был виноват. Как не был виноват весь класс, до сих пор поставивший властителей, что он их больше не поставляет... Был класс, да съездился...»¹⁰¹³

Однако либералы не учитывали особенностей России, в ней просто невозможен был англосаксонский тип либерального государства. И либералы сами стали реакционной силой, едва появившись на свет из обломков российского абсолютизма. Можно согласиться с Л. Сараскиной, что в данном случае «политическими авантюристами оказываются изначально обе партии — и партия правителей и партия заговорщиков, и обе несут ответственность за произошедшую катастрофу»¹⁰¹⁴. Разговоры о либеральной демократии в нищей стране выглядели откровенной провокацией. Для либералов и буржуазии она была страшней, чем самое деспотичное самодержавие. Куда бы новый капитализм дел десятки миллионов экономически неэффективного крестьянского населения? На Западе на это ушли столетия бесчисленных войн, беспощадный террор и эксплуатация, унесшие многие десятки миллионов жизней. Становление западного капитализма взяло свою плату. Утверждение западного типа радикального либерализма в России не являлось исключением из этого правила. Оно означало истребление всего неэффективного населения, и в первую очередь русского народа.

Герцен еще за полвека до 1917 г. отмечал: «При всей разноречивости мнений и взглядов, при всем различии местных интересов, один принцип был принят без возражений. Ни правительство, ни дворянство, ни народ не думали об освобождении крестьян без земли. Бесконечно меняли определение доли, которую предстояло уступить крестьянам, и условия, которые предстояло им поставить, но никто всерьез не говорил об освобождении в пролетариат, разве только какой-нибудь неисправимый последователь старой политической экономии. Создать миллионов двадцать пролетариев — это была перспектива, заставлявшая, и не без основания, бледнеть правительство и помещиков»¹⁰¹⁵. В начале XX века ситуация была еще хуже. В России был самый высокий прирост населения в Европе и самые высокие темпы промышленного роста — разрыв в уровне развития, жизни, доходах, образовании и т.д., между городом и деревней, между бедными и богатыми увеличился многократно. Они жили в разных эпохах. При этом буржуазия в погоне за максимальной прибылью видела только свой непосредственный экономический интерес, и ее абсолютно не волновало какой ценой он получен. Она сама рыла себе ту яму, в которую должна была рухнуть.

244

Далеко не случайно было и отношение общества к буржуазии. В одном из отчетов Союза промышленных и торговых предприятий России говорилось: «В нашей... прессе даже из-под перьев заправских экономистов и мыслящих людей то и дело выдвигается гонение против всего того, что связано с развитием, доходностью и поддержкой нашей обрабатывающей, горной и даже мелкой промышленности. А слово «промышленник» по «крепостнической традиции» сделалось синонимом слов «мошенник», «кровопийца», «эксплуататор» и прочих не менее лестных определений. Такая практика вошла в плоть и кровь нашего общественного мнения»¹⁰¹⁶.

За этим отношением на деле стояли низкие темпы накопления капитала, которые, как и эффективность его использования, на протяжении столетий в России были ниже, чем в европейских странах и США. Это предопределяло отставание и отличия в развитии России от стран Запада. Именно эти причины

были материальной основой того, что в России не мог победить западный тип либерального общества. Именно они предопределили фактическое отсутствие среднего класса в России, что не позволило сформировать сбалансированную общественную систему. И после буржуазной революции на место дворянской аристократии встала финансовая аристократия. Отличие последней от первой заключалось только в еще более агрессивной эксплуатации населения.

Если у России не было шансов идти западным путем, то существовала ли у нее возможность найти собственный путь развития? Теория отвечает, что да. Если бы монархия в России эволюционными мерами провела социал-демократические реформы, не было бы силы, способной ее свергнуть, династия Романовых в конституционно-демократической форме правила бы до сих пор. А Россия в экономическом плане имела шанс стать одной из наиболее развитых и благополучных стран мира.

Кто же помешал идти этим путем? Ответственность несут не те, кто занимался террором и пропагандой, убивал и призывал к революции, а те, кто тихо и мирно жил и, пользуясь правом рождения, или позже прикрываясь священным правом частной собственности, или волей бога доставшейся властью, тем или иным способом «проедал» или разорял ресурсы развития общества. Без этих капиталов большая часть народа не имела будущего и была обречена на вымирание, а вместе с ними и русское государство. «Проедание» элитой ресурсов развития сверх определенной меры является ничем иным, как войной против собственного народа, войной на истребление.

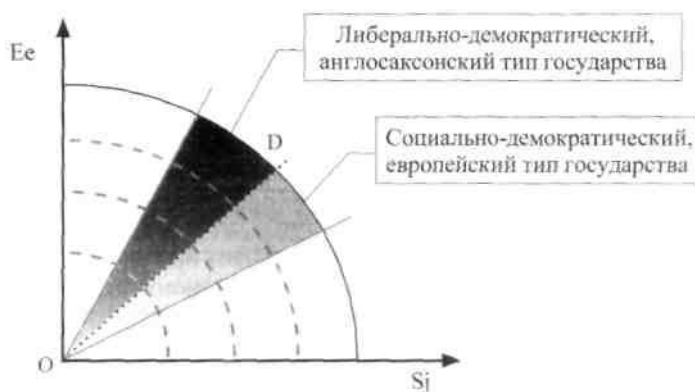
Революция стала защитной реакцией русского общества, диктуемой еще более древним и более святым правом, чем все те, которые придумало человечество, — инстинктом коллективного самосохранения. Война лишь довела до логического конца и кристаллизовала все тенденции, которые копились десятилетиями, делая революцию неизбежной

245

и справедливой. Несмотря на все издержки, революция стала доказательством наличия духа и сил у русского народа в его борьбе за выживание, его стремления к свободе и желания внести свой вклад в мировую цивилизацию.

Где же должна была оказаться Россия в случае эволюционного развития? Чтобы ответить на этот вопрос, прежде всего выделим на нашем графике либерально-демократический и социально-демократический типы государства. Отметим так же, что либерально-демократический тип присущ англосаксонской модели общества, социально-демократический — европейской. Наиболее яркими представителями европейского типа являются скандинавские страны, Ирландия, Канада и т.д...

Либерально-демократический и социально-демократический типы государств

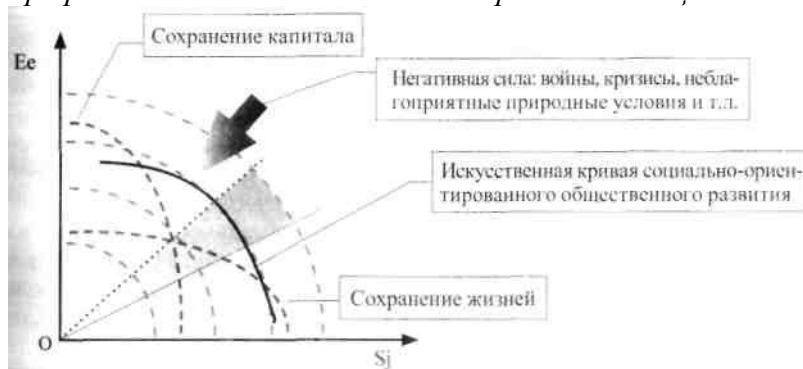
Чем же обусловлен выбор общественно-государственного устройства?— Нетрудно заметить, что наиболее яркие представители социально-демократических стран находятся в зонах с суровым климатом. На политэкономии он отражается в виде дополнительного климатического налога. Он приводит к снижению общей сравнительной экономической эффективности системы и, как следствие, к резкой социальной поляризации общества. Выживание и развитие большинства членов общества в данных условиях может быть обеспечено только за счет относительного социального выравнивания. Последнее достигается путем перераспределения доходов от богатых слоев общества в сторону искусственного увеличения численности среднего класса.

246

Но, скажет критик, та же Франция или Германия находятся в благоприятных климатических условиях, но они также идут по социально-ориентированному пути развития? — Здесь в силу вступает другой фактор, приводящий к снижению эффективности экономической системы,— войны. Непрерывные, опустошительные европейские войны уничтожали накопленные десятилетиями ресурсы развития общества, каждые 20-40 лет все приходилось практически начинать с нуля. Для обеспечения своего выживания среднеевропейское государство было вынуждено переходить на социально-ориентированную модель развития.

Графически этот процесс можно представить в следующем виде. Под воздействием неблагоприятной внешней силы: климатическо-географической или войны — общественные уровни начинают изгибаться либо в сторону сохранения капитала, либо в сторону сохранения жизней членов общества. Новый компромиссный — искусственный уровень достигается за счет установления некоего компромисса между этими двумя тенденциями. При социально-ориентированном пути развития материальных жертв со стороны капитала (богатых слоев общества) в пользу среднего класса больше, чем со стороны остального населения.

График влияния негативных сил на развитие общества

Отметим, что англосаксонский тип может существовать только в странах, имеющих «тепличные» условия развития, с благоприятным климатом, географией и не ведущих войн на своей территории. Кроме того, радикальный либерализм не может существовать только за счет ресурсов своей страны. Поэтому радикальный англосаксонский тип в чистом виде не может существовать без внешней подпитки, например, за счет мировой торговой или финансовой монополии... На самом

247

главном — стартовом — этапе для Англии в роли внешней подпитки выступала эксплуатация колоний, для США европейские войны и т.д.

Различия типов государств отражают и принципы их создания. Так, в основе

англосаксонской модели государства лежали принципы, озвученные Гоббсом, А. Смитом, Дж. Локком, утверждавшими, что государство существует для защиты богатых против бедных. В Германии философию государства обосновал Ф. Лист в первой половине XIX века, указывавший, что «между человеком и человечеством стоит государство, которое обеспечивает выживание этого человека». По словам Вильгельма II, сказанным в 1902 г., цель немецкого государства определяется постулатом: «Свобода отдельной личности и ее стремление к саморазвитию, внутренне присущие нашей расе, сочетаются у нас с подчинением частного общему ради блага этого общего»¹⁰¹⁷.

Россия является уникальной страной, поскольку суровые климатические условия сочетаются у нее со сложными географическими и, кроме этого, Россия всегда была в центре евроазиатской политики. Т.е. участвовала во всех значимых войнах на континенте. В этих условиях до революции существование российского государства обеспечивалось за счет господства патриархальных отношений. После нее само существование государства и народа могло быть обеспечено только и исключительно при социально-ориентированном общественном строе.

Эти размышления приводят к одному замечанию — «экспорт революции» между странами с различным общественно-политическим устройством ограничен вполне объективными факторами. В 1917 г. попытка экспорта в Россию «либеральной революции англосаксонского типа», тем более во время войны, приведшей к сверхкритическому росту величины «негативной силы», потерпела поражение именно по этой причине. В. Румянцев в связи с этим отмечает: «Герберт Уэллс в своей книге «Россия во мгле» ошибочно принимает большевистский переворот за регресс глобального масштаба, за наступление Азии на Европу. На самом деле Россия отторгла чуждые ей по своей природе Временное правительство и Учредительное собрание, потому что они перестали быть русскими с первого дня своего существования. Разогнав 7 ноября 1917 года Временное правительство, гарнизон Петрограда сделал только полдела. Необходимо было поставить юридическую точку в том политическом режиме, который выстраивался усилиями русской интеллигенции по «лучшим образцам». И 19 января 1918 года точка была поставлена. Это было не разрушением России, «которую мы потеряли» а сохранением ее»¹⁰¹⁸. Радикальность обстановки требовала радикальных мер для обеспечения выживания населения.

Для Запада «экспорт либеральной революции» — цивилизации — приобретал характер исторической миссии, о чем писал, например, Р. Киплинг в стихотворении «Бремя Белых». Это был взгляд из XVII века, из эпохи становления капитализма в Англии, пришедше-

248

го на смену монархии. Времен полного и абсолютного господства идей либерализма. Последний, конечно претерпел существенные изменения за несколько столетий, но даже М. Тэтчер в 2003 г. утверждает основы своей политики строками из Р. Киплинга, начала XIX столетия:

А если чернь или монарх
Нарушат вековой обычай...
Вскипит упрямый дух английский¹⁰¹⁹.

В конкретных условиях России начала XX века, где более 85% населения представляли ту самую чернь, эти принципы выглядели не иначе, чем проявление социального расизма. Именно радикализованный индивидуализм либералов, их социальный расизм по отношению к черни стали первоосновой интервенции и гражданской войны и дикого, ничем не сдерживаемого насилия.

Запад быстро почувствовал приближение того ада, к которому привели их

благие начинания. С. Харпер, вероятно, ведущий специалист в США по России в те годы, заметил про либеральных революционеров: «Казалось, что они вели дело хорошо в противовес пресловутым неумелым бюрократам. Естественно, они вносили политический элемент в свою работу, (но) Впоследствии многие были разочарованы в способности этого класса к практической работе, когда они стали полностью нести ответственность за управление Россией после Февральской революции 1917 г.». Британский посол, спустя всего две недели после февральской революции, приходил к еще более пессимистичным выводам: «Военные перспективы в высшей степени неутешительны, и лично я потерял всякую надежду на успешное русское наступление весной. Равным образом я не держусь оптимистических взглядов на ближайшее будущее этой страны. Россия не созрела для чисто демократической формы правления, и в ближайшие несколько лет мы, вероятно, будем свидетелями ряда революций и контрреволюций, как это было около пятисот лет назад в Смутное время»¹⁰²⁰. Позже Бьюкенен добавлял: «Монархическое правление является единственно возможным способом удержания этой огромной империи. Эта страна не готова для республиканской формы правления, и у меня есть большие сомнения, будет ли республика приемлема для большинства нации. Причина, по которой я в беседе с Милюковым выступил за сохранение за великим князем Николаем поста главнокомандующего, заключается в том, что если он добьется доверия к себе армии и сможет удержать ее в руках, то возникнет реальный шанс для великого князя стать в конечном счете императором»¹⁰²¹.

Палеолог уже 5(18) марта, через три дня после появления Временного правительства, телеграфировал своему премьеру: «Беспорядок в военной промышленности и на транспорте не прекратился и даже усилился. Способно ли новое правительство осуществить необходимые реформы?

249

Я нисколько этому не верю. В военной и гражданской администрации царит уже не беспорядок, а дезорганизация и анархия. В любом случае следует предвидеть ослабление национальных усилий, которые и без того анемичны и беспорядочны. И восстановительный кризис рискует быть продолжительным у расы, в такой малой степени обладающей духом методичности и предусмотрительности... Факторы, призванные играть решающую роль в конечном результате революции (например: крестьянские массы, священники, евреи, инородцы, бедность казны, экономическая разруха и пр.), еще даже не пришли в действие. Поэтому невозможно уже теперь установить логический и положительный прогноз о будущем России. До сих пор русский народ напал исключительно на династию и на чиновничью касту. Вопросы экономические, социальные, религиозные не замедлят выйти на поверхность. Это — с точки зрения войны — вопросы страшные, потому что славянское воображение, далекое от конструктивности (как воображение латинское или англосаксонское), в высшей степени анархично и разбросано. Их решение не пройдет без глубоких потрясений...»¹⁰²² Деникин, комментируя Палеолога, отмечал: «Этим соображениям нельзя отказать в глубине и проницательности. Ход процесса, его темп и его результаты были действительно таковы, и предвидеть их при знании России было возможно. Возможно ли было предупредить их, предвидя? К этому, в сущности, сводился основной вопрос русской внутренней политики»¹⁰²³.

Предвидеть их действительно было возможно, и их предвидели Витте, Столыпин, Дурново, предвидели все здравомыслящие люди того времени, и они пытались предупредить их первопричину — отсталость России и войну... После начала войны не осталось ни одной силы, способной встать на пути хаоса и анархии кроме большевиков.

ТЕНДЕНЦИИ ВЛАСТИ

Свергнув Временное правительство и разогнав Учредительное собрание, большевики почти без сопротивления получили всю полноту власти, но с другой стороны, они тем самым взяли на себя и всю ответственность власти. Взять власть в условиях революционного хаоса было относительно несложно, гораздо труднее было удержать ее в своих руках. А для этого революционеры должны были предложить и реализовать программу построения государства, основанную на новых принципах общественного устройства.

Какие же теоретические основы оставили большевикам в этом плане классики марксизма? — Несмотря на огромный объем их наследия, оно в принципе сводилось к нескольким основополагающим постулатам. Идейные основы давал Ф. Энгельс: «При посредстве этой теории (*Мальтуса о народонаселении*) мы стали понимать глубочайшее уни-

250

жение человечества, его зависимость от условий конкуренции. Она показала нам, как в конце концов частная собственность превратила человека в товар, производство и уничтожение которого тоже зависит лишь от спроса; как вследствие этого система конкуренции убивала и ежедневно убивает миллионы людей; все это мы увидели, и все это побуждает нас покончить с этим унижением человечества путем уничтожения частной собственности, конкуренции и противоположности интересов»¹⁰²⁴. По мнению классиков: «...Новый общественный строй уничтожит конкуренцию и поставит на ее место ассоциацию... общее пользование всеми продуктами производства и распределение продуктов по общему соглашению, или так называемую общность имущества»¹⁰²⁵. То есть в основе хозяйственной идеологии социал-демократов в весьма абстрактном выражении декларировались тезисы отмены «частной собственности» и «рыночной конкуренции», а взамен выдвигались лозунги «общности имущества» и «планомерной организации».

Багаж оставленного классиками теоретического наследия в деле построения нового государства Ленин попытался обобщить в работе «Государство и революция», написанной в сентябре 1917 г. Основные результаты сводились к следующим пунктам:

Конечный постулат Маркса базировался на неизбежном отмирании государства в два этапа. Коммунистическое общество, которое только что вышло на свет божий из недр капитализма, которое носит во всех отношениях отпечаток старого общества, Маркс называет «низшей фазой коммунистического общества», или социализмом, основной принцип которого гласит: «за равное количество труда равное количество продукта». Однако это еще не устраняет «буржуазного права», которое неравным людям за (фактически неравное) количество труда дает равное количество продукта... На высшей фазе... общество сможет написать на своем знамени: «Каждый — по способностям, каждому — по потребностям». При этом Маркс совершенно четко указывал: **«Право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества...»**¹⁰²⁶

Представления Маркса о социалистическом государстве базировались на опыте Парижской коммуны: «Полная выборность, сменяемость в любое время всех без изъятия должностных лиц, сведение их жалованья к обычной «заработной плате рабочего», — по мнению Ленина, — эти простые и «само собою понятные» демократические мероприятия, объединяя вполне интересы рабочих и большинства крестьян, служат в то же время мостиком, ведущим от капитализма к социализму. Эти мероприятия касаются государственного, чисто политического переустройства общества, но они получают, разумеется, весь свой

смысл и значение лишь в связи с осуществляемой или подготовляемой «экспроприацией экспроприаторов», т.е. переходом капиталистической частной собственности на средства производства в общественную собственность»¹⁰²⁷.

251

Вот, в общем-то, и все, что оставили классики в своем учении о пролетарском государстве. Остальное должны были найти эмпирическим путем потомки. «У Маркса нет ни тени попыток сочинять утопии, по-пустому гадать насчет того, чего знать нельзя. Маркс ставит вопрос о коммунизме, как естествоиспытатель поставил бы вопрос о развитии новой, скажем, биологической разновидности, раз мы знаем, что она так-то возникла и в таком-то определенном направлении видоизменяется, — констатировал в итоге В. Ленин, — Не вдаваясь в утопии, Маркс от *опыта* массового движения ждал ответа на вопрос о том, в какие конкретные формы эта организация пролетариата, как господствующего класса, станет выливаться, каким именно образом эта организация будет совмещена с наиболее полным и последовательным «завоеванием демократии»¹⁰²⁸. Т.е. большевики, взяв власть, за исключением некоторых весьма абстрактных теоретических предпосылок не имели никакой реальной программы построения нового государства.

Неподготовленность большевиков к реальному осуществлению власти отмечали многие современники событий. Так, военный министр Временного правительства А. Верховский 3 ноября 1917 г. записывал: «Сегодня говорил с несколькими делегатами, прибывшими только что из переизбранного армейского комитета. Все большевики. Говоря о происшедшем, я указал им на главную опасность, по моему мнению, от захвата власти большевиками — это переход управления в руки людей, совершенно незнакомых с делом. От незнания могут быть сделаны ошибки непоправимые. Не зная меня, не зная, с кем говорят, они ответили фразой, отражающей, как мне кажется, настроение широких масс: «Нас восемь месяцев водили за нос знающие, но так ничего и не сделали. Теперь попробуем сами своими рабочими руками свое дело сделать; плохо ли, хорошо, а как-нибудь выйдет». В этом сказалась вся темнота народная, с одной стороны, неумение понять происходящее, всю объективную невозможность что-либо сделать в обстановке разрухи, оставленной нам в наследство, а с другой — весь ужас потери веры народом в кого бы то ни было, если люди решаются взяться за дело, в котором, они сами чувствуют, ничего не понимают»¹⁰²⁹.

Но большевики шли еще дальше — они декларировали еще и отказ от традиционных экономических методов хозяйствования. Так, С. Витте отмечал: «Единственный серьезный теоретический обоснователь экономического социализма, Маркс, более заслуживает внимания своею теоретической логичностью и последовательностью, нежели убедительностью и жизненной явностью. Математически можно строить всякие фигуры и движения, но не так легко устраивать на нашей планете при данном физическом и моральном состоянии людей. Вообще социализм для настоящего времени очень метко и сильно указал на все слабые стороны и даже язвы общественного устройства, основанного на индивидуализме, но сколько бы то ни было разумного жизненного иного устройства не предложил. Он силен отрицанием, но ужасно слаб созиданием»¹⁰³⁰.

252

Именно в этом заключалась главная, основополагающая проблема большевиков, отказывавшихся от частной собственности, отличной материальной заинтересованности, от личного интереса. Они ничего не предлагали взамен, не давали никакой новой мотивации хозяйственной деятельности. Этот вопрос марксистами был рассмотрен меньше всего. Е. Гайдар и В. Мау вполне обоснованно указывают на этот ключевой недостаток марксистской теории:

«Маркс и Энгельс не сформулировали основное противоречие человека, не указали на источник его (само)развития, (само)движения»¹⁰³¹. На этот источник «естественного развития» капиталистического общества его основатели указали еще в XVII веке. В современной истории о них писал Р. Нейлброн: «При всех новых свойствах индустриального общества XX века великие принципы личного интереса и конкуренции, как бы они ни были ослаблены и ограничены, все еще определяют основные правила поведения, которые ни одна экономическая организация не может позволить себе полностью игнорировать...»¹⁰³² К началу XX века альтернатив «личному интересу и конкуренции», как источникам саморазвития, человеческая мысль тем более не знала. Австрийский профессор Мизес в 1922 г. имел все основания утверждать, что «социализм коммунистов ведет не к развитию производительных сил, а к их падению. Это происходит прежде всего потому, что коммунисты забывают о крупнейшей роли частноиндивидуалистического стимула, частной инициативы. Капитализм страдает пороками — это верно. Но капиталистическая конкуренция ведет к развитию производительных сил, которые гонятся капиталистическим развитием вперед, и в результате роста производительных сил общества больше приходится и на долю рабочего класса. Поскольку коммунисты хотят установить производство по приказу, из-под палки, постольку их политика потерпит и уже терпит неминуемый крах»¹⁰³³.

Чем объяснить такую неподготовленность большевиков к власти и основополагающим вопросам организации любой социально-экономической, государственной системы? Ортодоксальностью их взглядов? Или чем-то большим? Есть ли помимо субъективных факторов, какие-либо объективные тенденции, которые вели большевиков к власти и определяли ее характер?

История и законы развития общества дают нам возможность ответить на эти вопросы и выделить по крайней мере несколько вполне объективных тенденций, не зависевших от воли и желаний большевиков. В то же время эти тенденции настойчиво толкали и двигали большевиков к власти, одновременно формируя ее социально-экономические черты:

Первую тенденцию наиболее наглядно обозначил Питт Джордж: «Революция не начинается с атаки на государство некой новой мощной силы. Она начинается просто с внезапного понимания почти всеми пассивными и активными гражданами, что государства больше не су-

253
ществует»¹⁰³⁴. В поисках причин «исчезновения» государства практически все мыслители, двигаясь с разных сторон, приходили к одним и тем же выводам: Н. Бердяев: «Революции я считаю неизбежными, они фатальны при отсутствии или слабости творческих духовных сил, способных радикально реформировать и преобразовать общество»¹⁰³⁵. О. Бисмарк: «Сила революционеров не в идеях вождей, а в обещаниях удовлетворить хотя бы небольшую долю умеренных требований, своевременно не реализованных властью». Питирим Сорокин: «Падение режима — обычно результат не столько усилий революционеров, сколько бессилия и неспособности к созидательной работе самого режима».

Паркинсон на основе русской революции сформулировал один из своих фундаментальных законов: «Любую революцию порождает само правительство, оно создает вакуум, куда бунтари засасываются, можно сказать, против своей воли... Империи рушатся потому, что гниют изнутри, а правители, на чьем счету нет никаких конкретных преступлений, приводят свой народ к катастрофе всем, чего они не удосужились сделать». На языке марксистской философии этот закон определял революционную ситуацию тем, что «верхи не могут, а низы не хотят» жить по-старому.

Но почему же к власти должны были прийти именно большевики?

За 70 лет до рассматриваемых событий П. Чаадаев в своих рассуждениях о французской революции писал: «Странное дело! В конце концов признали справедливым возмущение против привилегий рождения; между тем происхождение — в конце концов — закон природы... между тем все еще находят несправедливым возмущение против наглых притязаний капитала, в тысячу раз более стеснительных и грубых, нежели когда-либо были притязания происхождения... Социализм победит не потому, что он прав, а потому, что не правы его противники»¹⁰³⁶. Откровенная и голая *неправота* противников социализма выразилась в концентрированном виде во время работы буржуазно-демократического Временного правительства, приведшего страну на край катастрофы. Октябрьская революция была не победой большевиков, а поражением идей, на протяжении предыдущих восьми месяцев уничтожавших Россию. Народные массы шли не за большевиками, а против буржуазно-демократической власти, обрекавшей их на вымирание и деградацию. Большевики, пытаясь удержаться у власти, следовали за стихией и ушли гораздо дальше даже тех идей, которые сами ставили своей целью.

Вторая тенденция была predeterminedена уровнем социально-экономического развития России. Царский режим принудительным образом сохранял в деревне по сути феодальные, доэкономические отношения. Доля рыночных отношений крестьян составляла около 40% всей их хозяйственной деятельности. Основная часть производимой ими продукции шла на обеспечение собственного выживания в рамках натураль-

254

ного хозяйства. Кроме того, крестьяне существовали не сами по себе, а были объединены в общины, выполнявшие роль органа внутреннего самоуправления. Их целью было выполнение не столько экономических, сколько социальных функций: обеспечения выживания и социальной защиты своих членов, — что можно было осуществить только за счет относительного социального выравнивания внутри общины. Но и это не все. Право частной собственности внутри общины имело резко ограниченный характер. Собственность на основной, жизненно необходимый производственный ресурс крестьянина — землю — принадлежала общине, крестьянин только арендовал ее у общины, вернее, община бесплатно кредитовала его крестьянина. Крестьянин не мог ни продать, ни заложить землю. То есть личный, частнохозяйственный, капиталистический интерес в мотивации труда крестьянина был сильно ограничен и не выходил за строго определенные узкие рамки. И это положение касалось почти 80% населения Российской империи, в том числе и армии, и рабочих первого поколения. Общинный менталитет имел еще более широкую социальную базу и в той или иной мере накладывал свой отпечаток практически на все русское общество. Общинно-феодальная модель сельского коммунизма во многом перекликалась с довольно абстрактными идеями левых, по крайней мере она могла быть использована на переходном этапе развития, на что, в частности, указывал Маркс¹⁰³⁷. Крестьянская стихия, разбуженная и радикализованная войной и революцией, устремилась в русло той общественной модели, которой крестьянство отчасти жило, отчасти в идеализированном виде представляло себе в мечтах, на протяжении веков.

И большевики на первом этапе революции, чтобы удержаться у власти, шли не столько за своими идеями, сколько следовали за стихийным движением масс. В. Булдаков цитирует автора, точно уловившего суть происходящего: «Ленин относился к тем редким лидерам, которые «становятся во главе стихии именно потому, что ей подчиняются»... Ленин обладал «редким чутьем к стихии», «умел улавливать все колебания стихии»¹⁰³⁸. В 1925 г. Н. Устрялов, в прошлом главный колчаковский пропагандист, в далеком Харбине уверял, что Ленин оказался «по

ту сторону добра и зла», поскольку в его лице Россия столкнулась с «воплощенной стихией революции»¹⁰³⁹. Большевики шли по пути, о котором М. Либер с возмущением говорил: *«Ложь, что массы идут за большевиками. Наоборот, большевики идут за массами. У них нет никакой программы, они принимают все, что массы выдвигают».*

На третью тенденцию указывала марксистская теория эволюционного развития общества. Маркс утверждал: если общество попало на след естественного закона своего развития, то оно не может ни перескочить через естественные фазы развития, ни отменить последние декретами. Оно может лишь сократить и смягчить муки родов. На первом

255

этапе «социалистической революции», который должен был продлиться неизвестно сколь долго, согласно классикам марксизма, неизбежен переход к буржуазно-демократическому строю. И большевики начинали свою революцию именно как буржуазно-демократическую, а муки родов пытались снизить усилением социальной ориентацией нового общества.

Этот эволюционный путь развития был избран как стратегический на III съезде в Лондоне (первом чисто большевистском), где вместе с полной победой «демократической рабоче-крестьянской диктатуры», установленной в результате успешного вооруженного восстания, которое «низвергнет самодержавие с его дворянством и чиновничеством», целью революции выдвигалось установление буржуазно-демократической республики с объединенным социал-демократическим Временным правительством во главе. И большевики четко придерживались своей стратегической линии.

Так, в 1917 г. П. Милюков отмечал: «Теперь, как и в 1905 г., общее мнение левых было, что в России переворот должен начаться с буржуазной революции. Социалисты принципиально не хотели брать власти с самого начала, оставляя это для следующей «стадии»¹⁰⁴⁰. Меньшевики считали, что в Октябре 1917 г. «никакой социалистической революции не было, а была буржуазно-демократическая революция, лишь одетая в социалистические лозунги и осложненная... преимущественной и руководящей ролью в ней пролетариата»¹⁰⁴¹. Ленин, судя по его работам начала 1918 г., после захвата власти явно склонялся к эволюционной социально-буржуазной модели дальнейшего развития.

Его идеи построения нового общества базировались на фундаментальных утверждениях Маркса, который в предисловии к «Капиталу» указывал: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»¹⁰⁴². В. Ленин в полном соответствии с теорией определял предлагаемый им путь развития тезисом: «Россия находится в таком положении, когда целый ряд из первоначальных предпосылок подобного перехода (к социализму — *Н.С.*) имеются налицо. С другой стороны, целый ряд подобных предпосылок отсутствует в нашей стране, но может быть заимствован ею сравнительно легко из практического опыта соседних, гораздо более передовых стран, давно уже поставленных историей и международным общением в тесную связь с Россией»¹⁰⁴³.

Трудность реализации идей классиков состояла в том, что новая система не может быть просто скопирована с аналогичных систем других передовых государств, каждая страна имеет свои исторические, географические и прочие особенности, и поэтому чужая система должна быть по крайней мере адаптирована к реалиям конкретной страны. Кроме этого русская революция неожиданно увела большевиков гораздо дальше их теоретических построений. Копировать, по большому счету,

256

было некого и нечего. Этот факт беспристрастно констатировал Е.

Преображенский: «Увы, и на европейском континенте и на американском материке мы имеем страны, промышленно гораздо больше развитые, чем Россия, но, к сожалению, ни одна из этих стран не в состоянии показать промышленно отсталой советской России картину ее ближайшего будущего. *Тот неожиданный зигзаг, который проделала история* фактом победы в результате установления диктатуры пролетариата как раз в одной из отсталых, аграрных стран Европы, как Россия, при наличии капиталистических отношений в экономически более передовых странах, этот зигзаг сделал ситуацию... несравненно более сложной (в смысле обучения отсталых стран у передовых), чем та, в обстановке которой писались... слова Маркса»¹⁰⁴⁴.

В результате большевикам пришлось строить новое общество эмпирическим путем фактически с нуля. Е. Преображенский по этому поводу писал: «Человеческое общество именно в том прорыве капиталистической оболочки, который образовался благодаря пролетарской революции в России..., *нащупывает «естественный закон своего развития»* на ближайшую эпоху. В этом главное и самое существенное для понимания основного процесса, происходящего теперь на территории советской России»¹⁰⁴⁵.

Четвертую тенденцию сформировали Первая мировая война и Февральская революция, которые вносили новые коррективы в политику большевиков. Они ставили выбор: либо хаос и анархия, либо немедленная жесткая мобилизация власти ради спасения государства. Мало того, неожиданное саморазрушение всей политэкономической системы капитализма приводило к ситуации, когда эволюционный переход от капитализма к социально-ориентированному буржуазному обществу оказался невозможным. Лозунги кадетов, октябристов, меньшевиков и эсеров превращались в пустой звук, который больше провоцировал массы, чем вел их за собой. Ни у одной партии, ни у одной политической силы, не было ни одной идеи, ни одной мысли, способной консолидировать стихию масс и направить ее в созидательное русло.

Именно в это время появляется работа В. Ленина «Апрельские тезисы», написанная в апреле 1917 г. по дороге из эмиграции в Петроград. «Всего один рабочий день попался мне в поезде... Мои рассуждения буду несколько теоретичными, но, полагаю, в общем и целом правильными, соответствующими всей политической обстановке страны»¹⁰⁴⁶ — писал Ленин, который, за исключением нескольких дней в 1905 г., семнадцать лет с 1900 г. не был в России»¹⁰⁴⁷. «Апрельские тезисы» фактически отвергали переходный буржуазно-демократический этап развития:

«5. Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С.Р.Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих, батрацких

257

и крестьянских депутатов... Устранение полиции, армии, чиновничества. Плата всем чиновникам, при выборности и сменяемости всех их в любое время, не выше средней платы хорошего рабочего.

6. В аграрной программе... Национализация *всех* земель в стране, распоряжение землею местными Советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение Советов депутатов от беднейших крестьян...

7. Слияние немедленное всех банков страны в один общенациональный банк и введение контроля над ним со стороны С.Р.Д.

8. Пока — не *введение социализма*, а только переход к контролю со стороны Совета рабочих депутатов за общественным производством и распределением продуктов.

9. Требование государства-коммуны и перемена названия партии социал-демократов большевиков на коммунистическую партию.

1) свержение правительства и разложение армии;

2) возбуждение классовой борьбы в стране и даже внутриклассовой в деревне;
3) отрицание демократических форм государственного строя и переход власти к меньшинству (к партии социал-демократов большевиков)—меньшинству хорошо организованному, вооруженному и централизованному»¹⁰⁴⁸.

Г. Плеханов обозвал тезисы В.И. Ленина «бредом», представляющим собой «безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на русской земле»¹⁰⁴⁹. На другой день после опубликования тезисов, 8 апреля, на заседании Петроградского комитета большевиков Ленин оказался в полной изоляции. Богданов заявлял: «Ведь это бред, это бред сумасшедшего!», его поддержали видный большевик Гольденберг и редактор «Известий» Стеклов (Нахамкес). Н. Суханов назвал эту программу «разудалой левизной, бесшабашным радикализмом, примитивной демагогией, не сдерживаемой ни наукой, ни здравым смыслом»¹⁰⁵⁰. Отпор был такой, что Ленин покинул зал, даже не используя свое право на ответ¹⁰⁵¹. Против тезисов было подано 13 голосов, за — 2, воздержался — 1. Однако состоявшаяся 18 апреля Петроградская городская и VII Всероссийская конференция большевиков приняли резолюции, в основе которых лежали положения «Апрельских тезисов».

В мае в России появляется меньшевик Троцкий, который, несмотря на свои разногласия с Лениным, сразу встает на его сторону. От этого Троцкий идейно не стал большевиком, но, очевидно, он увидел в Ленине, тогда еще «аутсайдере революции», ту единственную силу, которая могла организовать массы и повести их за собой. Впрочем, не он один. Странники Ленина разглядели в «Апрельских тезисах», помимо «бесшабашного радикализма», программу мобилизации власти на самой широкой социальной основе в стремительно разваливающемся государстве. Это не была программа построения социализма, как утверждают многие. Сам Ленин полгода спустя напишет про свои «Апрельские тезисы»: «Заметьте, что это писано при Керенском, что речь идет здесь

258

не о диктатуре пролетариата, не о социалистическом государстве, а о "революционно-демократическом"... Неужели не ясно, что в материальном, экономическом, производственном смысле мы еще в преддверии социализма не находимся? И что иначе, как через это не достигнутое еще нами "преддверие", в дверь социализма не войдешь?»¹⁰⁵²

«Апрельские тезисы» были интуитивной попыткой найти формы мобилизации власти, пригодные для страны, уже потерпевшей поражение в войне и пребывающей в революционном хаосе и анархии. Свои представления о новой мобилизационной политике В. Ленин основывал в работе «Главная задача наших дней» (11 марта 1918 г.). Вней он пытался перенять опыт мобилизационной политики кайзеровской Германии: «Победа над беспорядком, разрухой, расхлябанностью важнее всего, ибо продолжение мелкособственнической анархии есть самая большая, самая грозная опасность, которая погубит нас (если мы не победим ее) безусловно, тогда как уплата большей дани государственному капитализму не только не погубит нас, а выведет вернейшим путем к социализму»... «Чтобы еще более разъяснить вопрос, приведем прежде всего конкретнейший пример государственного капитализма. Всем известно, каков этот пример: Германия. Здесь мы имеем последнее слово современной крупнокапиталистической техники и планомерной организации, подчиненной юнгерско-буржуазному империализму. Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистского — тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которую дает социализм»¹⁰⁵³. «Социализм, — утверждал в другой своей статье В. Ленин, — есть не что иное, как ближайший шаг вперед от

государственно-капиталистической монополии. Или иначе: социализм есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, *обращенная на пользу всего народа* и постольку *переставшая* быть капиталистической монополией»¹⁰⁵⁴. Данная политика являлась не чем иным, как формой мобилизации власти во время войны и революции, получившая название «военный коммунизм» в противовес кайзеровскому «военному социализму».

Политика «военного коммунизма» неоднократно критиковалась другими социалистами именно за ее несоответствие идеологии. Левые коммунисты уже в 1918 году резко отрицательно воспринимали ленинскую концепцию государственного капитализма, протестовали против механического применения опыта кайзеровской Германии или дореволюционной России, утверждая, что это является отказом от типа управляющего с низов «государства-коммуны»¹⁰⁵⁵. При этом часть близких к большевикам социалистов — В.Базаров, А.Богданов и другие — заявляли о полной противоположности идеологии «военного коммунизма» задачам построения планомерного социалистического общества¹⁰⁵⁶.

259

Но Ленин был непреклонен: «Германия и Россия воплотили в себе в 1918 году всего нагляднее материальное осуществление экономических производственных, общественно-хозяйственных, с одной стороны, и политических условий социализма — с другой стороны. Если в Германии революция еще медлит «разродиться», наша задача — учиться государственному капитализму немцев, всеми силами перенимать его, не *жалеть диктаторских приемов для того, чтобы ускорить это перенимание западничества варварской Русью*, не останавливаясь перед варварскими средствами борьбы против варварства. Социализм немислим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов... Государственный капитализм был бы шагом вперед против теперешнего положения дел в нашей Советской республике. Если бы примерно через полгода у нас установился государственный капитализм, это было бы громадным успехом и вернейшей гарантией того, что через год у нас окончательно упрочится и непобедимым станет социализм»¹⁰⁵⁷. Спустя три года, Ленин напишет: «В приведенных рассуждениях 1918 года есть ряд ошибок насчет сроков. Сроки оказались дольше, чем предполагалось тогда. Это неудивительно. Но основные элементы нашей экономики остались те же»¹⁰⁵⁸.

Большевики, придя к власти, не имели опыта государственного управления, и вполне объяснимо, что они пытались подогнать свои идеологические догмы под насущные потребности времени и на этом фундаменте создать принципы построения государства нового типа. Идея государственного капитализма выросла именно из этого синтеза идеологии и объективных требований окружающей реальности. Историк и мыслитель Л. Карсавин, высланный за границу в ноябре 1922 года, по этому поводу писал: «Тысячи наивных коммунистов... искренне верили в то, что, закрывая рынки и "уничтожая капитал", они вводят социализм... Но разве нет непрерывной связи этой политики с экономическими мерами последних царских министров, с программой того же Риттиха? Возможно ли было в стране с бегущей по всем дорогам армией, с разрушающимся транспортом... спасти города от абсолютного голода иначе, как реквизируя и распределяя, грабя банки, магазины, рынки, прекращая свободную торговлю? Даже этими героическими средствами достигалось спасение от голодной смерти только части городского населения и вместе с ним правительственного аппарата — другая часть вымирала. И можно ли было заставить работать необходимый для всей этой политики аппарат — матросов,

красноармейцев, юнцов-революционеров — иначе, как с помощью понятных и давно знакомых им по социалистической пропаганде лозунгов?..

Коммунистическая

260

идеология оказалась полезной этикеткой для жестокой необходимости... И немудрено, что, плывя по течению, большевики воображали, будто вводят коммунизм»¹⁰⁵⁹.

Именно эти ключевые тенденции формировали своеобразную идеологию большевиков. Коммунистические лозунги, например, той же мировой революции или полного отрицания частной собственности, построения государства-коммуны не должны вводить в заблуждение исследователя того времени. Ведь, как указывал А. Деникин: «Идеология партии была недоступна пониманию не только темных масс русского народа, но и второстепенных работников большевизма, которые были рассеяны по стране. Массам нужны были лозунги простые, ясные, немедленно проводимые в жизнь и отвечающие их желаниям и требованиям, чрезмерно возросшим в бурной атмосфере революции. Этот упрощенный большевизм — с типичными чертами русского бунта — проводить было тем легче, что он отрешился от всяких сдерживающих моральных начал...»¹⁰⁶⁰ Однако риторика «упрощенного большевизма» своими простыми лозунгами играла огромную роль, консолидирующую общество, что позволило ему выйти из хаоса гражданской войны.

Сам В. Ленин признавался: «У нас была полоса, когда декреты служили формой пропаганды. Над нами смеялись, говорили, что большевики не понимают, что их декретов не исполняют..., но эта полоса была законной, когда большевики взяли власть... Простому рабочему и крестьянину мы свои представления о политике давали в форме декретов. В результате было завоевание того громадного доверия, которое мы имели и имеем в массах»¹⁰⁶¹. Эту упрощенную пропаганду можно было бы назвать обманом, но она была не больше лжи царского и Временного правительств. Но в отличие от них большевистская пропаганда становилась способом организации, мобилизации масс в критический час существования государства. Н. Бердяев замечал по этому поводу: «*символика революции условна, ее не нужно понимать слишком буквально...*»¹⁰⁶²

Большевики никогда не только не удержались бы у власти, но и не завоевали бы ее, если бы неукоснительно следовали за своими идеологическими лозунгами. Лидер кадетов П. Милюков в эмиграции в 1927 г. писал: «Коммунистическая» революция 25 октября 1917 г. не есть что-то новое и законченное. Она есть лишь одна из ступеней длительного и сложного процесса русской революции. Мы увидим, что никакого «коммунизма» не было введено в России и что сами коммунисты в процессе революции должны были приспособляться к условиям русской действительности, чтобы существовать...»¹⁰⁶³ Н. Бердяев, тонко чувствовавший эпоху, отмечал высокие адаптивные способности большевиков, ведь в противном случае при строгом следовании принципам марксиз-

261

ма социальной революции в России пришлось бы ждать очень долго: «И наиболее революционно настроенные марксисты должны были иначе истолковывать марксизм и построить другие теории русской революции, выработать иную тактику. В этом крыле русского марксизма революционная воля преобладала над интеллектуальными теориями, над книжно-кабинетным истолкованием марксизма. Произошло незаметное соединение традиций революционного марксизма с традициями старой русской революционности... Марксисты-большевики оказались гораздо более в русской традиции, чем марксисты-меньшевики».

Именно способность к адаптации и эволюционированию определяют

жизнеспособность и перспективы развития любого живого и общественного организма. В этой связи интересно замечание Ллойд-Джорджа, который «достаточно твердо заявил окружению, что, прежде чем помогать различным врагам большевизма, необходимо оценить сам большевизм, его способности, вероятность эволюции...»¹⁰⁶⁴.

Отличительной чертой ленинской политики был как раз не догматизм, а прежде всего эмпирический характер, она шла за тенденциями развития общества, а не подгоняла их под себя. М. Горький писал о Ленине: «Я знаю, что он любил людей, а не идеи, вы знаете, как ломал и гнул он идеи, когда этого требовали интересы народа». В. Гайдар и В. Мау так же отмечают: «После захвата власти большевиками марксистская доктрина претерпевает разительные превращения. Большевики как жесткие прагматики, не желающие повторить трагическую судьбу якобинцев, идут на любые политические шаги, чтобы удержать политическую власть. Позиции меняются быстро, подчас на противоположные»¹⁰⁶⁵. Один из классиков социализма и одновременно идеологический противник большевиков К. Каутский при этом указывал: «Социализм не есть механизм, который строится по заранее намеченному плану... У нас нет готовых утопий, которые можно воплотить всенародным решением»¹⁰⁶⁶.

Большевики не имели и не могли иметь программы построения социалистического (коммунистического) общества, они даже не совсем ясно представляли себе, что это такое; нельзя же идеалистические, по сути религиозные мечты принимать за реальные цели. И большевики осуществляли свою политику на основе действия неизбежных объективных экономических законов, которые откровенно не стыковались с марксистскими «тезисами», как отмечал Войтинский¹⁰⁶⁷. Конечно, идеология играла при этом свою роль, но экономические законы ставили на ее пути непреодолимые преграды. В. Ленин сам признавал провал своих надежд на революционный энтузиазм масс: «мы рассчитывали осуществить непосредственно на этом энтузиазме столь же великие (как и общеполитические, так и военные) экономические задачи. Мы рассчитывали — или, может быть, вернее будет сказать, мы пред-

262
полагали, без достаточного расчета — непосредственными велениями пролетарского государства наладить государственное производство и государственное распределение продуктов по-коммунистически в мелкобуржуазной стране. Жизнь показала нашу ошибку»¹⁰⁶⁸. «Мы меры не соблюли... и... слишком далеко зашли по пути национализации торговли и промышленности, по пути закрытия местного оборота»¹⁰⁶⁹.

Положение большевиков наглядно рисовал Е. Преображенский: «На территории советской республики в ближайшие годы мы будем иметь возможность наблюдать и изучать два различных «естественных закона развития», в *историческом масштабе отделенных один от другого парой столетий, но по иронии судьбы происходящих на одной территории и в одно время*: естественный закон развития мелкого товарного производства... и естественный закон развития социалистического общества... Естественные законы товарного хозяйства мы знаем достаточно хорошо из всего прошлого капиталистических стран... Наоборот, естественные законы... социалистических отношений только намечаются. Здесь история нас учит мало, потому что мы сами здесь делаем историю и можем изучать лишь то немногое, что уже сделано и притом *сделано в чрезвычайно сложной обстановке, отнюдь не характерной для будущего развертывания социалистических отношений на Западе...*»¹⁰⁷⁰

Попытки совмещения этих двух различных «естественных законов развития» находят отражение в народно-хозяйственных идеях, выдвигавшихся В. Лениным

в начале 1918 года: «Свою строительную, хозяйственную работу, которую тогда выдвинули на первый план, мы рассматривали под одним углом. Тогда предполагалось осуществление непосредственного перехода к социализму без предварительного периода, приспособляющего старую экономику к экономике социалистической. Мы предполагали, что, создав государственное производство и государственное распределение, мы этим самым непосредственно вступили в другую по сравнению с предыдущей экономическую систему производства и распределения. Мы предполагали, что обе системы — система государственного производства и распределения и система частноторгового производства и распределения — вступят между собой в борьбу в таких условиях, что мы будем строить государственное производство и распределение, шаг за шагом отвоевывая его у враждебной системы. Мы говорили, что задача наша теперь уже не столько экспроприация экспроприаторов, сколько учет, контроль, повышение производительности труда, повышение дисциплины. Это мы говорили в марте и апреле 1918 г., но мы совершенно не ставили вопроса о том, в каком соотношении окажется наша экономика к рынку, к торговле»¹⁰⁷¹.

Т.е. основы экономической политики которую предлагал использовать лидер большевиков, носили в своей основе рыночную конкурен-

263

цию между частным и государственным секторами экономики. Т.е. экономические законы откровенно преобладали над идеологией. Не зря в 1917 г. Булгаков критиковал социализм за «буржуазность»: «Он сам с головы до ног пропитан ядом того самого капитализма, с которым борется духовно, он есть капитализм навыворот»¹⁰⁷². Сам В. Ленин четко определял, что с Октября до середины 1918 г. революция «была в значительной мере буржуазной»¹⁰⁷³.

Но гражданская война и интервенция не дали возможности развить представления большевиков о новом обществе, загоняя их в прокрустово ложе жесткой мобилизационной политики, где экономика уходит на второй план, уступая место борьбе за выживание любой ценой. Как указывал Н. Бухарин: «Наша хозяйственная политика эпохи так называемого «военного коммунизма» по существу дела не могла быть политикой, направленной на развитие производительных сил. «Ударной» и притом всеобъемлющей задачей была задача... обороны страны... Чрезвычайно ярко это сказывалось на сельском хозяйстве. Наша хозяйственная политика здесь сводилась почти исключительно к... реквизиционной системе продразверстки. При этой системе... индивидуальный производитель, крестьянин, лишался интереса, стимула к расширению производства... Таким образом, здесь был налицо конфликт между потребностями развития индивидуального хозяйства и нашей политикой»¹⁰⁷⁴.

Окончание гражданской войны и интервенции повлекло за собой необходимость смены мобилизационной политики на политику ускоренного, догоняющего экономического роста. И большевики на ходу приспособлялись к новым условиям, снова возвращаясь к ориентации на законы «естественного экономического роста». «Самый яркий, хрестоматийный пример гибкости большевиков, — указывают В. Мау и И. Стародубровская, — отказ от радикализма времен гражданской войны и переход к новой экономической политике весной 1921 года. Ленин связывал идеологические источники нэпа с некоторым комплексом идей, содержавшихся в его работах конца 1917-го — начала 1918 года»¹⁰⁷⁵. К. Каутский (в русском издании 1926 г.) давал следующую характеристику новому строю: «Русская революция и наша задача в ней рассматривается не как буржуазная революция в обычном смысле, не как социалистическая революция, но как совершенно особый процесс, происходящий на границах буржуазного и социалистического обществ, служа ликвидации первого, обеспечивая условия для второго и предлагая мощный толчок для

общего развития центров капиталистической цивилизации»¹⁰⁷⁶.

Критерии оценки власти в этот момент становятся чисто экономическими. Так, Рыков утверждал: «Только при условии быстрого повышения производительности труда мыслимо будет перейти к разрешению всех остальных кардинальных задач. От этого же в значительной

264

степени будет зависеть и вопрос о диктатуре рабочего класса, потому что, если диктатура рабочего класса не принесет народу, крестьянству, всему 130-миллионному населению Советского Союза наглядных уроков того, что при рабочей диктатуре улучшается работа фабрик, продукты удешевляются, что при советском строе жить с каждым годом легче, без этого, конечно, диктатуры не удержать»¹⁰⁷⁷.

Во всей политике большевиков сквозят пускай и не вполне отчетливо, но все более явственно попытки в той или иной мере, но встать на цикл эволюционного развития России, прерванный в 1914 г. Первой мировой войной, а затем интервенцией и гражданской войной. Но интервенция и войны не пройдут бесследно, они наложат отпечаток на все дальнейшие тенденции развития России. Войны радикализовали сознание и уничтожали социально-экономические ресурсы развития русского общества, копившиеся десятилетиями, отбрасывая его назад и в корне подрывая возможности России вновь вернуться на эволюционный путь...

Сквозь риторику фраз, повторяемых как молитва, постепенно начинала проступать первоначальная сущность ленинских идей, определенная им в первые после революции месяцы. На одну из них указывает известный английский историк Э. Карр¹⁰⁷⁸, который обратил внимание на то, что в документах раннего этапа Октябрьской революции редко, не привлекая особого внимания, появляются слова «социализм» и «социалистический»... Важнейшие первые шаги новой власти, — отмечал он, — были сделаны... не под знаменем социализма, а под знаменем демократии»¹⁰⁷⁹. О второй идее мы говорили выше — это построение социально ориентированного буржуазно-демократического государства. Третья идея связана с полным отходом В. Ленина от идей мировой революции и переориентации на построение мощного российского государства. Ленин пришел к выводу, что «неравномерность экономического и политического развития есть безусловный закон капитализма»¹⁰⁸⁰ «Из этого тезиса он делал вывод, — отмечают Е. Гайдар и В. Мау, — о возможности победы социализма первоначально в немногих, но и даже в одной, отдельно взятой стране, тем самым дополняя проблему догоняющего развития социальным аспектом»¹⁰⁸¹. Г. Уэллс отмечал, что интернациональный марксизм все больше превращается в русский ленинизм¹⁰⁸².

В своей программной статье «Главная задача наших дней» Ленин, не раз упоминая о «международной социалистической революции» как о высшей цели, вместе с тем, по сути дела вступая в противоречие с этой постановкой вопроса, так определял «главную задачу»: «Добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь... стала в полном смысле слова могучей и обильной... У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил... чтобы создать действительно могучую

265

и обильную Русь». Рассуждая далее о тогдашней германской угрозе, Ленин употребил слова, которые, вне всякого сомнения, удивили многих его соратников: «Россия идет теперь... к национальному подъему, к великой *отечественной* войне... Мы — оборонцы с 25 октября 1917 г. Мы за «защиту отечества»...» Правда, словно убоившись собственных высказываний, столь противоречивших предшествующей большевистской фразеологии, Ленин тут же оговорился: «Та

отечественная война, к которой мы идем, является войной... за Советскую республику как *отряд* всемирной армии социализма»¹⁰⁸³. В. Кожин справедливо замечает, что «противоречие между "национальным подъемом", "отечеством", "Русью" и, с другой стороны, неким безличным "отрядом всемирной армии" достаточно острое, и оно во многом определило грядущую борьбу *внутри* большевистской власти»¹⁰⁸⁴.

Нам осталось ответить еще на один вопрос: а кто такие большевики? Ту самоотверженность и самоотречение, с которыми они боролись за свои идеалы, невозможно объяснить ни личным материальным интересом, ни радикализованной борьбой за личное выживание. Большевики вполне могли или отсидеться за границей, где они пребывали, или войти в альянс с меньшевиками и плыть вместе с ними по течению, постепенно вращаясь в буржуазное общество на законных основаниях, получая свой законный «кусочек пирога». Как, например, сделали английские лейбористы или немецкие социал-демократы. Большевики же поставили на карту не только свое будущее, но и свою жизнь.

В движении большевиков действительно была еще одна составляющая, которая приобрела свойство тенденции. На нее порой мало обращают внимание, но она сыграла весьма существенную роль в их победе и в формировании их отношения к реальности. Для большевиков и социал-демократов вообще революция и новый общественный строй были не чем-то осязаемым, а в большей степени новой религией. Революция совершалась не столько ради новых механизмов хозяйствования, сколько ради новых идеологических целей: «для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплуатации одной части общества другою»¹⁰⁸⁵. Деятельность революционеров была больше похожа на деятельность *религиозных* сподвижников, чем на целенаправленную хозяйственную, экономическую политику. О религиозном характере русской революции, что касается, по-видимому, любой революции, говорил и Н. Бердяев: «Для русской левой интеллигенции революция всегда была и религией, и философией, революционная идея была целостной. Этого не понимали более умеренные направления»¹⁰⁸⁶. «Коммунистическая революция, которая и была настоящей революцией, была мессианизмом универсальным, она хотела принести всему миру благо и освобождение от угнетения...»¹⁰⁸⁷

266

Ф. Мельников еще в начале 20-х годов одним из первых сформулировал тезис о том, что официальный атеизм большевиков — «не что иное, как попытка создать новую государственную религию»¹⁰⁸⁸. П. Прибылев, народник, вспоминал: «Мы воспринимали социализм тогда не как науку, а как нечто от веры, от религии». С. Кара-Мурза: «Академик Шаталин издевался: мол, большевизм — это хилиазм XX века. Хилиазм — ересь ранних христиан, веривших в возможность построения Царства Божия на земле. Шаталин был в этом прав, а вот достойно ли это издевательства — вопрос совести... Это было страстное столкновение двух *религиозных* представлений о правде. Такие разломы пережили в молодости все нации, в Европе раньше, чем у нас (и несравненно тяжелее — в Германии при этом было уничтожено 2/3 населения)»¹⁰⁸⁹. М. Пришвин в период максимальных успехов белых во время гражданской войны, сам в то время убежденный антикоммунист, «несмотря на все глупости и злодейства «местных» большевиков», писал: «Сейчас все кричат против коммунистов, но, по существу, против монахов, а сам монастырь-коммуна в святости своей признается и почти всеми буржуями». «Моральный кодекс строителя коммунизма» практически повторяет основополагающие постулаты религиозных заповедей.

Религиозный дух был не столько особенностью большевистской революции, сколько закономерностью, сопровождавшей и все буржуазные революции в Европе. Так, например, в середине XIX века Де Токвиль писал: «Французская революция является политической революцией, употребившею приемы и, в известном отношении, принявшею вид революции религиозной... Она проникает на далекие расстояния, она распространяется посредством проповеди и горячей пропаганды, она воспламеняет страсти, каких до того времени никогда не могли вызвать самые сильные политические революции... Она сама стала чем-то вроде новой религии, не имевшей ни Бога, ни культа, ни загробной жизни, но тем не менее наводнившей землю своими солдатами, своими апостолами и мучениками»¹⁰⁹⁰.

Почему же в России коммунистическая религия так легко вытеснила православную и потеснила все остальные? Тому есть несколько причин, и две из них кроются в самой православной церкви.

Первая причина состоит в особом отношении между церковью, государством и народом в России. Вот что писали иностранцы, впервые сталкиваясь с православной церковью еще за 100-300 лет до революции:

Р. Чанселлор, в середине XVI столетия: «Они соблюдают законы греческой церкви с таким рвением, подобного которому и не слыхивали. В их церквях нет идолов, только нарисованные иконы, чтобы не нарушать Десять заповедей, но к своим нарисованным идолам они относятся с таким поклонением, подобного которому никогда не знали в Англии»¹⁰⁹¹.

267

Дж. Флетчер, в конце XVI века: «Кроме своей Думы, царю не с кем советоваться... за исключением немногих епископов, архимандритов и монахов, и то для того только, чтобы воспользоваться суеверием народа (притом всегда к его вреду), который считает святым и справедливым все что ни сделано с согласия их епископов и духовенства. Вот почему цари, пользуясь для своих выгод теперешним упадком церкви, потворствуют ему чрезвычайными милостями и привилегиями, дарованными епископиям и монастырям, ибо они знают, что суеверие и лжеверие лучше всего согласуются с тираническим образом правления и особенно необходимы для поддержания и охранения его»¹⁰⁹². О русских священниках: «Будучи сами невеждами во всем, они стараются всеми средствами воспрепятствовать распространению просвещения, как бы опасаясь, чтобы не обнаружилось их собственное невежество и нечестие. По этой причине они уверили царей, что всякий успех в образовании может произвести переворот в государстве и, следовательно, должен быть опасным для их власти. В этом случае они правы, потому что человеку разумному и мыслящему, еще более возвышенному познаниями и свободным воспитанием, в высшей степени трудно переносить принудительный образ правления»¹⁰⁹³.

А. де Кюстин, в середине XIX века: «Я увидел в России христианскую церковь, которая не подвергается ничьим нападкам, которую все, по крайней мере внешне, чтят; все способствует этой церкви в отправлении ее духовной власти, и, однако ж, она не имеет никакой силы в сердцах людей, порождая одно лишь ханжество да суеверие. Церковь эта мертва, и вместе с тем русской церкви недостает того же, чего недостает этой стране повсеместно, — свободы, без которой меркнет свет и отлетает дух жизни»¹⁰⁹⁴. «...Абсолютно достоверный факт: публичного религиозного воспитания в России не существует. Нашим (русским) священникам запрещено писать что бы то ни было, даже летописи. **Именно религиозные распри погубят русскую империю;** вы завидуете силе нашей веры оттого, что судите о нас понаслышке!!!»¹⁰⁹⁵ **«Я не устаю повторять: революция в России будет тем ужаснее, что она свершится во имя религии;** русская политика в конце концов растворила Церковь в Государстве, смешала небо и

землю: человек, который смотрит на своего повелителя как на Бога, надеется попасть в рай единственно милостью императора»¹⁰⁹⁶.

Лидер кадетов П. Милюков, в начале XX века: «В вопросах церкви и веры, независимо от своего общего мировоззрения, я разделял как политик формулу Кавура: *Chiesa libera nel stato libero* — свободная церковь в свободном государстве... Факты окостенения веры и злоупотреблений церковного управления были настолько очевидны для всех, что в более умеренной форме эти взгляды проникали и в среду самих служителей церкви, а через них и в консервативные круги общества... Блюстителем этой традиции был учитель и советник обеих царей, сухой, упрямый фа-

268

натик, получивший недаром прозвище Торквемады, К. Победоносцев, принципиальный враг всего, что напоминало свободу и демократию. Он — один из тех, кто несет главную ответственность за крушение династии»¹⁰⁹⁷. Витте в данном случае полностью солидарен с кадетами, он указывал, что Победоносцев установил в России режим полицейско-православной церкви, которую он, Победоносцев, двадцать пять лет культивировал в качестве обер-прокурора Святейшего Синода¹⁰⁹⁸.

Пришедший на смену К. Победоносцеву в 1905 г. А. Оболенский предложил провести реформы, направленные на демократизацию и расширение самоуправления церкви, выводу ее из-под монархической власти. Однако Николай II при полной поддержке Столыпина отказал в проведении радикальной реформы, поскольку свобода церкви подрывала основы монархии и самого полуфеодального государства. Столыпин предложил эволюционный путь реформирования, начав с принятия законов о веротерпимости, свободы совести, постепенного отделения церкви от государства*. Свою позицию Столыпин определил следующим образом: «Вступая в область верования, в область совести, правительство, скажу даже — государство, должно действовать крайне бережно, крайне осторожно»¹⁰⁹⁹.

Но был и другой, не зависящий от светских властей аспект деятельности церкви. Его отражает вторая причина слабости православной церкви...

Вторая причина состоит в том, что уже к XIX веку европейская церковь прошла период протестантской реформации. Она осуществлялась вполне революционными мерами. В Англии, например, тех, кто сопротивлялся смене католицизма на кальвинистский протестантизм, просто

* К попыткам реформировать церковь в определенной мере можно отнести деятельность священника Г. Гапона, который при поддержке своей епархии проповедовал патриотические лозунги, призывал рабочих воздерживаться от пьянства, заниматься самообразованием, организовывал соответствующие кружки и клубы, тем самым приближал церковь к народу и его нуждам... Гапон получил известность благодаря тому, что возглавил шествие 9 января 1905 г. с *петицией* к Николаю II. Петиция содержала либеральные и социальные требования: Учредительного собрания, гражданских свобод, ответственного правительства, восьмичасового рабочего дня, отмены выкупных платежей... Шествие было расстреляно. Сам Г. Гапон был позже объявлен провокатором охранки. Спустя несколько месяцев после «кровавого воскресенья» Николай II в той или иной мере утвердил основные требования *петиции*. Начало религиозным реформам дала первая русская революция и указы Николая II от 12. 12. 1904., 17. 04. 1905., 17. 10. 1905. Эти законы были во многом более прогрессивными и демократичными, чем аналогичные законодательства Швейцарии, Пруссии и Австрии. (См. подробнее: Столыпин П.А. Речь о вероисповедальных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенная в Государственной Думе 22 мая 1909 г. (Рыбас С... С. 344.))

269

сжигали на кострах как еретиков. Для того чтобы установить новую религию, старая вместе со своими служителями должна быть фактически уничтожена. Было резко сокращено количество церквей, земли и ценное имущество большинства церквей и монастырей национализированы, а затем приватизированы новыми

собственниками. Многие храмы были разграблены и разрушены, их камни использовали для строительства дворцов новой знати. Ценности из священников и монахов в период европейской реформации выбивали средневековыми методами с жестокостью, которая и не снилась большевикам. В результате реформации церкви один из чиновников английской короны подсчитал, что расходы на содержание церквей и монастырей в общенациональных расходах Англии снизились в несколько раз¹¹⁰⁰. В Европе, растянувшись на несколько столетий, происходило становление из политеократических цивилизованных — светских государств. «Само понятие *цивилизации*, введенное французскими просветителями XVIII в., — замечает С. Кара-Мурза, — означало секуляризованную и рационализованную форму общежития — то есть внерелигиозную и основанную на разумном расчете. *Нецивилизованной* формой признавались средневековый образ жизни и образ жизни неевропейских народов»¹¹⁰¹.

Реформа русской православной церкви произошла под руководством патриарха Никона, примерно в то же время что и Реформация в Европе, в 1650-1660 годах. Никон хотел вывести церковь из прямого подчинения царю и создать свою независимую церковную власть. При этом положение церкви в российском государстве давало патриарху огромное влияние. Так, например, во время польско-литовских походов к Никону на утверждение поступали важнейшие государственные дела, его имя ставилось на месте царского: «Святейший патриарх указал и бояре приговорили»¹¹⁰². Светская власть была так же заинтересована в реформе церкви, поскольку, как и во времена введения христианства на Руси, в середине XVII века с присоединением Востока и Малороссии потребность в консолидирующей силе церкви вспыхнула вновь. В качестве инструмента сближения русской и украинской церквей была использована унификация русской и греческой церквей. Но был и еще один более важный момент — в эти годы происходило окончательное формирование абсолютизма и крепостного права, утвержденных в 1649 г. принятием Соборного уложения. Но уже в 1650 г. вспыхнул бунт, в подавлении которого «проклятиями и увещаниями» принял активное участие будущий патриарх Никон. Именно в этот год царь Алексей Михайлович обратил на него свое внимание. Причина заключалась в том, что введенное указами крепостное право, противоречившее существовавшим традиционным моральным нормам, оказалось неустойчивым и требовало соответствующего нравственного обоснования.

Реформа Никона решала в первую очередь как раз эту задачу, хотя, на первый взгляд, затрагивала в основном обрядовую сторону вопро-

270

са. Но именно обряд в те времена имел ключевое значение, поскольку наполнялся неким сокровенным смыслом. Это особенно проявилось в замене двоеперстия троеперстием. Смысл двоеперстия толковался, как «я и Бог», троеперстие исключало человека и толковалось как триединство Бога*. Исключение человека из веры полностью подчиняло его воле Бога и «помазанника», превращая в послушного крепостного**. А. де Кюстин спустя два века напишет: «Нация, которой управляют по-христиански, возмущалась бы против такой общественной дисциплины, уничтожающей всякую личную свободу. Но здесь все влияние священника сводится к тому, чтобы добиваться и от простого народа, и от знати крестного знамения и преклонения колен»¹¹⁰³. Введение новой религии осуществлялось жестокими репрессивными мерами и гонениями против старообрядцев.

Права сохранившихся старообрядцев до первой русской революции 1905 г. были резко ограничены***. Но не случайно именно старообрядчество, сохранявшее индивидуализм верующего, вытесненное из официальной жизни,

имело возможность постепенно эволюционировать в русское общинное религиозное течение, отдававшее духом протестантизма — «купеческую веру» по С. Морозову. Из старообрядчества вышли почти все известные русские промышленники****. «Из старообрядческой среды происходили Морозовы, Рябушинские, Гучковы, Рахмановы, Солдатенковы, Носовы, Рогожины, Бугровы и немало иных фамилий, представлявших цвет «Москвы купеческой»¹¹⁰⁴.

До начала XX века православная церковь оставалась одним из наиболее консервативных институтов самодержавия, в условиях роста самосознания и индустриализации XX века проповедуя покорность и смирение времен крепостного права. Великий князь Александр Ми-

* Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух Святой.

** В европейской церкви в то же самое время шли прямо противоположные процессы. Во-первых, церковь стимулировала уничтожение крепостного права «в большинстве отпускных грамот мы встречаем: *pro redemptione animae* — ради искупления души». (Чаадаев П.Я... С. 58.) Во-вторых, протестантская «реформация» церкви способствовала развитию индивидуализма и самоутверждению человека как личности. Человек зависел только сам от себя, а не от Бога или его «помазанника».

*** Старообрядцы в начале XX века составляли до 10% населения России. До 1883 г. дети староверов считались незаконнорожденными... В 1905 г. старообрядцам дали те же права, что католикам и лютеранам.

**** В. Кожин связывает все возрастающую склонность в работе с капиталом старообрядцев с тем, что она «стала "богоугодным" делом», с вытеснением их из мирской жизни. (Кожин В.В. О русском... С. 282-283). «Купеческая вера» — «русский протестантизм» отличался от западного, тем, что промышленник работал не во славу Бога, а в интересах развития своей общины, общества. Далекое не случайно, например, С. Морозов говорил о себе как об управляющем, организаторе производства, а не как о собственнике.

271

хайлович, анализируя причины падения монархии, приходил к выводу: «Официальное христианство, обнаружившее свою несостоятельность в 1914 году, прилагает все усилия к тому, чтобы превратить нас в «рабов Божьих», приводя нас таким образом к фатализму, который несет страшную ответственность за трагический конец России и ее династии»¹¹⁰⁵. К аналогичным выводам приходил в эмиграции Н.Бердяев: «Воинствующее безбожие коммунистической революции объясняется не только состоянием сознания коммунистов, очень суженного и зависящего от разного рода *ressentiments*, но и историческими грехами православия, которое не выполняло своей миссии преображения жизни, поддерживая строй, основанный на неправде и гнете. Христиане должны сознать свою вину, а не только обвинять противников христианства и посылать их в ад»¹¹⁰⁶.

Вполне естественно, что к началу пропитанного духом капитализма индустриального XX века феодальная православная церковь в России фактически утратила свою главенствующую духовную роль. О деградации церкви говорили все ведущие мыслители того времени.

С. Шарапов: «Прекрасно оборудованная церковь стала одной из отраслей государства и потеряла всякую связь с душой народа, стала для него внешней силой. Народ привязан к ней только обрядностью, в огромной части обязательной. Звонят колокола, идут чинные службы, но дух церковности отлетел, но живого Христа церковь постепенно забывает. Верующие ходят слушать певчих, говеть, даже молиться, но жизнь стала языческой, в жизни церковь потеряла всякое значение. Отсюда глубокая народная тоска, сознание пустоты, лжи и обмана и поразительная легкость всяких соблазнов и совращений»¹¹⁰⁷.

Н. Бердяев: «Официальная церковь заняла консервативную позицию в отношении к государству и социальной жизни и была рабски подчинена старому режиму... Церковной реформы и обновления церковной жизни творческими

идеями XIX в. и начала XX в. не произошло. Официальная церковь жила в замкнутом мире, сила инерции была в ней огромна»¹¹⁰⁸.

Проницателен и резок был С. Витте: «У нас церковь обратилась в мертвое, бюрократическое учреждение, церковные служения — в службы не Богу, а земным богам, всякое православие — в православное язычество. Вот в чем заключается главная опасность для России. Мы постепенно становимся меньше христианами, нежели адепты всех других христианских религий. Мы делаемся постепенно менее всех верующими. Япония нас победила потому, что она верит в своего бога несравненно более, чем мы в нашего. Это не афоризм или же настолько же афоризм, насколько верно то, «что Германия победила Францию в 1870 г. своей школой...»¹¹⁰⁹

Даже такой славянофил, как И. Аксаков, порицал недуги Церкви: «Наша Церковь кажется каким-то невообразимым бюро или канцеляри-
272

ей, в которой обязанность заниматься паствой Христовой увязывается со всеми традициями немецкого бюрократизма и одновременно со всей официальной, свойственной ему, ложью. Поскольку управление Церковью организовано наподобие отдела светской администрации, а служители Церкви считаются слугами государства, сама Церковь превращается в подразделение светской власти. Другими словами — она становится служанкой государства. На первый взгляд кажется, что в Церкви воцаряется необходимый порядок, в действительности же ее лишают души... Опору в обосновании православия ищут скорее в своде законов царского государства, нежели в Святом Духе. *Церковь, которая есть не что иное, как часть государства, часть империи этого мира, изменяет своей миссии и разделит судьбу всех империй этого мира. Она сама себя обрекает на бессилие и смерть»*¹¹¹⁰.

Р. Фадеев в 1889 г. приходил к выводу: «Православная церковь требует духовенства по призванию, а не по ремеслу; *Россия не выйдет из нынешней духовной апатии без изменения существующего в церкви порядка...* Церковный вопрос о создании нескольких сосредоточий русской жизни и мысли... как и многие другие великие вопросы, принадлежит будущему. Задача нынешнего поколения заключается в том, чтобы создать орудие русской общественной жизни, посредством которого вопросы могли бы быть сдвинуты со временем; орудие, без которого *русское правительство, несмотря на свое несравненное и исключительно нравственное могущество, не может... пользоваться этим могуществом для блага России. Сила без рычага остается отвлеченностью»*¹¹¹¹.

Вышеприведенные рассуждения вовсе не перечеркивают огромное значение православной церкви в истории развития России. Столыпин абсолютно справедливо указывал, что именно вековая связь между церковью и государством «дала жизнь нашему государству и принесла ему неоценимые услуги»¹¹¹². Не отрицают эти рассуждения и огромного потенциала православной церкви в XXI веке, но что не меняется, то гибнет, а что меняется слишком быстро — ищет своей смерти.

Третья причина кроется в самом коммунизме.

П. Чаадаев в 1831 г. после возвращения из заграничного путешествия передавал ощущение предчувствия просвещенной нигилистической Европой появления в скором времени учения, «которое только и может быть самым согласным с подлинным духом религии, потому что дух этот заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении социальной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей... Всякое иное учение... не желает водворения царства Божьего на земле»¹¹¹³.

И это учение появилось, лет пятнадцать спустя, в форме марксистской идеологии — сочетавшей в себе как теологические, схоластические, так и материалистические, научные начала новой социально-экономической системы. А. Кестлер рассматривает марксизм как религию и сравнивает его с католицизмом, а М. Ротбард указывает на марксизм, как на «светскую религию»¹¹¹⁴. Датский богослов С. Кьеркегор еще в первой половине XIX века предсказывал: «Коммунизм будет выдавать себя за движение политическое, но окажется, в конце концов, движением религиозным»¹¹¹⁵. М. Пришвин, 7 января 1919 г.: «Социализм революционный есть момент жизни религиозной народной души: он есть прежде всего бунт масс против обмана церкви, действует на словах во имя земного, материального изнутри, бессознательно во имя нового Бога, которого не смеет назвать и не хочет, чтобы не смешать его имя с именем старого Бога». По мнению Бердяева, коммунизм «сам хочет быть религией, идущей на смену христианству; он претендует ответить на религиозные запросы человеческой души, дать смысл жизни. Коммунизм целостен, он охватывает всю жизнь, он не относится к какой-либо социальной области»¹¹¹⁶. «Коммунизм, каким вы его себе представляете, есть, в сущности, новая религия, религия коллектива со свойственной всякой религии фанатизмом и ложью»¹¹¹⁷.

На русской почве марксистское учение приобретает новые черты, формировавшиеся под воздействием отличительных черт ее народа — его духовности и общности. Наряду с деградацией православной церкви, эти особенности русского народа привели его к отрицанию прежней и к поиску новой духовной опоры. В. Шубарт весьма точно отобразил этот процесс: «Большевизм — это борьба *против* религии и, следовательно, борьба за религию. Он не опровергает, а как раз подтверждает то, что Россия призвана к всемирной христианской миссии. Православная Церковь в ее дореволюционном виде была для этого уже непригодна. Она подчинилась насилию государства и утратила свободу решений. Ей не хватало и действенной заботы о спасении душ — в этом недостатке ее часто упрекал более деловой Запад. Эта Церковь должна была измениться, если она хотела стать действенной...»¹¹¹⁸ По мнению Бердяева, «христианство не исполняло своего долга»¹¹¹⁹ по обновлению жизни и ему на смену пришел «русский коммунизм», который «есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи. Коммунизм в Западной Европе был бы совершенно другим явлением»¹¹²⁰.

В. Шубарт отмечает отличие самого русского духа от европейского: «...Русский... упорно пребывает в душевном состоянии верующего даже тогда, когда приобретает нерелигиозные убеждения. Его стремление к обожествлению столь сильно, что он расточает его на идолов, как только отказывается от Бога. Западная культура приходит к атеизму через обмирщение святого, а восточная — через освящение мирско-

274

го»¹¹²¹. «Русский атеизм — это возмущение, а не равнодушие, восстание против Бога, а не отпадение от Него, обвинение и проклятье, а не увольнение слуги, переставшего быть необходимым. Русский атеист совершает религиозное действие, но в ложном направлении... Безбожие для русского — не душевный пробел, а позитивное убеждение. Он не перестает верить, но верует в нечто новое. Он верует в безбожность и отстаивает эту веру с такой нетерпимостью и с такой фанатичной энергией, которые свойственны только религиям»¹¹²². Б. Соколов, на личном опыте познавший силу большевиков, вспоминал: «Вопрос, который я себе не раз ставил — это откуда, из каких недр родился русский коммунист. Ведь это в большинстве выходцы из серой пассивной массы, безразлично настроенной и, однако, сколь они активны и упорны. Ибо этих качеств от русских коммунистов отнять нельзя. Удивительнейшим

биологическим отбором были они выдвинуты на арену русской жизни, возобновив давно ушедшие времена русского раскола, столь же отмеченного своей активностью и своим фанатизмом»¹¹²³.

«Европеец — атеист из эгоизма и очерствелости сердца, — указывал В. Шубарт. — В своем "точечном" чувстве он признает только себя. В своей самонадеянности он не терпит рядом с собой никаких богов. Русский становится атеистом из противоположных побуждений: из сострадания к твари земной. В своем вселенском чувстве он простирает взор далеко за пределы своего "я". Он больше не может совместить избыток страданий, которые видит вокруг себя, с благостью Бога. Он уже не может справиться с проблемой нищеты... Европейцу такие настроения (*мессианство и богоборчество*) чужды. Поэтому он обычно неверно судит о русском безбожии. Он его воспринимает или за нравственное вырождение, или за гротеск, над которым можно посмеяться... Европа не слышит скрытую трагическую ноту, которая сотрясает русский атеизм»¹¹²⁴. «Недостаток религиозности, даже в религиозных системах, — отличительный признак современной Европы. Религиозность, даже в материалистических системах, — отличительный признак Советской России. У русских религиозно все — даже атеизм»¹¹²⁵.

Но особая роль коммунистической идеологии в России была обусловлена не только мессионерскими и особыми духовными свойствами русского человека, но и совершенно объективными условиями и законами развития. Ведь православная церковь в том виде, в котором она существовала к началу XX века, уже перестала удовлетворять потребностям изменившегося и вступившего в эру капитализма русского общества, которому настойчиво была необходима своя Реформация, свой кальвинизм. Роль протестантской церкви в России взяла на себя коммунистическая идеология, а в роли миссионеров выступили большевики.

Н. Бердяев писал по этому поводу: «Требование к членам ВКП(б) порвать связи с церковью было своего рода требованием единобожия.

275

Задаче строительства подчинены и самые абстрактные науки — при коммунизме «философия должна не познавать только мир, но и переделать мир, создавать новый мир... Философская работа должна быть соединена с трудом, с социальным строительством, должна его обслуживать»¹¹²⁶. Дж. Кейнс, работавший в 20-е годы в России, в этой связи отмечал: «Ленинизм — странная комбинация двух вещей, которые европейцы на протяжении нескольких столетий помещают в разных уголках своей души, — религии и бизнеса».

Победу коммунистической идеологии именно в России Бердяев относил на счет ее «реформистского» характера, который был востребован русским обществом: «**Русская революция пробудила и расковала огромные силы русского народа. В этом ее главный смысл**»¹¹²⁷. Бердяев весьма точно выделяет эти черты «русской Реформации»: «**Ленин хотел победить русскую лень... Произошла метаморфоза: американизация русских людей...**»¹¹²⁸ В. Шубарт так же отмечал: «**Нельзя не заметить, что большевизм сильно культивирует в русских деловитость**. С чисто русским размахом он даже перебирает с этим, как ранее с чисто человеческим»¹¹²⁹. Н. Бердяев находил русские особенности в другом: «**Появилось новое поколение молодежи, которое оказалось способно с энтузиазмом отдаться осуществлению пятилетнего плана, которое понимает задачу экономического развития не как личный интерес, а как социальное служение**»¹¹³⁰.

Большевики двигали Россию по западному пути развития, и «коммунистическая идеология» в данном случае по сути выполняла те же функции, которые осуществляла протестантская религия во времена Реформации в Англии и Европе, Ренессанса в южных странах. Проводниками нового духа в

Европе были Лютер и Кальвин, на юге Макиавелли, в России стали Маркс и Ленин. В. Шубарт по этому поводу отмечал: «То, что на Западе началось с Лютера, на Востоке должно было закончиться Лениным»¹¹³¹.

В этом плане интересно сравнение основного постулата реформационных движений в Европе с коммунистической идеологией в России: Вебер приводит символ веры мормонов, который завершается словами: «...ленивый или нерадивый не может быть христианином и спастись. Его удел — гибель, и он будет выброшен из улья». Таким образом, верующий поставлен здесь перед выбором между трудом и гибелью¹¹³². Бакстер указывал: «Богатство... позволяет вам отказаться от низкой работы в том случае, если вы можете быть более полезными на другом поприще, однако от работы как таковой вы освобождаетесь не более, чем последний бедняк... Хотя их (*богачей*) не подстрекает к этому крайняя нужда, они в такой же степени, как другие, должны повиноваться воле Божьей... Бог всем велел трудиться»¹¹³³. В этих изречениях потустороннее, посмертное воздаяние за труд уступает место простой констатации необходимости и обязательности труда, т.е., по сути, коммунистическо-

276

му лозунгу «кто не работает, тот не ест». Отличие состоит в том, что если у кальвинистов в роли морального стимула развития выступает труд во имя Бога, то у большевиков — труд во имя построения царства Божьего на земле — коммунизма.

Коммунистическая идеология, с одной стороны, делала в России то, что сделал протестантский кальвинизм в эпоху становления капитализма в Европе, т.е. ставила достижения человека в зависимость от результатов его труда. С другой, в отличие от кальвинизма русский коммунизм учитывал духовные особенности русского общества и рассматривал человека не как индивидуума, а как неразрывного члена общества. Именно последний тезис вызывал и вызывает наиболее агрессивное неприятие русского коммунизма. Н. Бердяев выражал это противоречие следующим образом: «В коммунизме есть своя правда и своя ложь. Правда — социальная, раскрытие возможности братства людей и народов, преодоление классов; ложь же — в духовных основах, которые приводят к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности всякого человека, к сужению человеческого сознания...»¹¹³⁴

Как ни парадоксально, в этом и заключалась одна из причин успеха большевистской идеологии, которая, с одной стороны, находилась в русле российских традиций, в том числе политики русского самодержавия и никоновского православия, подавлявших индивидуалистические наклонности, с другой — она носила революционный характер и по-своему повторяла эволюционный путь протестантско-кальвинистской реформации, которая на первом этапе точно так же привела к процессу дегуманизации, к отрицанию ценности любого человека, не обладающего частной собственностью... Отличие состояло в том, что в коммунизме это делалось во имя блага для всего общества, в кальвинизме во имя блага избранных.

Среди лидеров большевиков были творцы и были догматики революции, были борцы и были откровенные отбросы общества. Любая революция прежде всего поднимает «грязь со дна». Между тем наличие огромного положительного созидательного, творческого потенциала у большевиков отмечали даже их радикальные противники. Так, Милюков считал, что успех большевиков предопределили их качества, которых не хватало умеренным социалистам, — *реализм и последовательность*¹¹³⁵. Хотя в «Истории» Милюкова громко звучит тема о предательстве и «немецких деньгах», благодаря которым большевики смогли достичь своих целей... и в этой книге («Воспоминания»), и в изданной в 1926 году «России на переломе» Ленин и его последователи изображены людьми

сильными, волевыми и умными¹¹³⁶. П. Миллюков приходил к выводу, что Ленин — «централист и государственник»¹¹³⁷. Уткин пишет про Ленина: «Этот человек удивительным образом сочетал фанатическую веру в учение с беспримерным реализмом в конкретной политике»¹¹³⁸. В 1922 г. Дж. Кейнс говорил о Ленине, что «он слишком умен, чтобы верить в коммунизм».

277

Конечно, «ложь коммунизма»¹¹¹⁹ создавала на пути развития русского общества свои препятствия, но, как справедливо указывал Бердяев: «Коммунизм есть русское явление, несмотря на марксистскую идеологию. Коммунизм есть русская судьба, момент внутренней судьбы русского народа. И изжит он должен быть внутренними силами русского народа. Коммунизм должен быть преодолен, а не уничтожен. В высшую стадию, которая наступит после коммунизма, должна войти и правда коммунизма, но освобожденная от лжи»¹¹⁴⁰. Эволюционное развитие России должно было вести ее именно по этому пути. В. Аксютин отмечает: «По мере угасания идейных фобий (одержимости идеей, ввергающей в состояние ненависти, страха и агрессии) идеологемы из мобилизующих заклинаний превращаются в иллюзии и фикции. Последние становятся элементами условного этикета, церемониала...»¹¹⁴¹ «Ложь коммунизма» могла и должна была быть преодолена, как преодолялась ложь любой новой религии, неизбежно страдающей ортодоксальностью, догматизмом на первом этапе своего развития; но для этого необходимо было время и воля...

278

МАТЬ ВСЕХ КАТАСТРОФ...

Первая мировая война и русская революция

«...если дет действительно дойдет до войны..., как это наиболее вероятно, то на французской границе будет затяжная война с переменным успехом, а на русской границе — наступательная война со взятием польских крепостей и революция в Петербурге, в результате которой перед господами, ведущими войну, все предстанет в совершенно ином свете. Одно можно сказать наверняка: не будет ни быстрой развязки, ни триумфальных походов на Берлин или Париж».

Ф.Энгельс, 1888 г¹¹⁴²

Мы подошли к тому событию, которое предопределило всю дальнейшую историю России и мира. Немецкий историк Голо Манн назвал Первую мировую войну — «матерью всех катастроф», обрушившихся на человечество в XX веке. Что касается России, то ни один серьезный исследователь в поисках причин русской революции не может пройти мимо Первой мировой войны. Из-за чего же началась эта война? Какие цели преследовала? Почему Россия потерпела в ней поражение?

В поисках ответов на эти вопросы мы должны погрузиться в историю. А для того, чтобы слишком далеко не уходить от темы книги, начнем эту главу с конца — с поражения России:

БРЕСТСКИЙ МИР

*Ultra posse nemo obligatur**

«Прочность всех договоров между большими государствами становится условной, как только она подвергается испытанию в «борьбе за существование».

О. фон Бисмарк¹¹⁴³

Спустя две недели после Февральской революции Петроградский Совет принял резолюцию, в которой выразил свое отношение к войне. Оно строилось на принципах «революционного оборончества» — «за-

* Сверх возможного никто не обязуется.

279

щита фронта есть защита революции» — и отказа от империалистических целей войны: «за всеобщий мир без аннексий и контрибуций»¹¹⁴⁴. В ответ на возмущенную этим заявлением ноту союзников Временное правительство выпустило свою декларацию, согласно которой вопрос мира должно решить Учредительное собрание в «тесном единении с союзниками», а до этого «воля народная» будет проводиться Временным правительством «при полном соблюдении обязательств, принятых в отношении наших союзников». В конце еще раз подчеркивая «непоколебимую верность общему союзному делу» (!), предлагалось созвать конференцию союзных держав, «когда создадутся для этого благоприятные условия»..¹¹⁴⁵

«У либералов... — отмечал Троцкий, комментируя декларацию, — все вопросы требовали отлагательства, кроме одного — принесения присяги на верность Антанте... В отношении грознейшей проблемы народного существования революция совершилась как бы для того только, чтобы объявить: все остается по-старому. Так как демократы придавали признанию новой власти со стороны Антанты мистическое значение: мелкий торговец ничто, пока банк не признает его кредитоспособным,— то Исполнительный комитет молча проглотил империалистическую декларацию... «Ни один официальный орган демократии... — сокрушался Суханов, — публично не реагировал на акт Временного правительства...»¹¹⁴⁶

Между тем напряжение нарастало. В середине апреля начались стихийные братания на фронте, грозившие перейти в сепаратное перемирие. Встревоженный французский посол писал Милюкову: «У вас более десяти миллионов человек под ружьем; вы пользуетесь поддержкой восьми союзников, из которых большинство пострадало гораздо больше вас, но при этом полны решимости бороться до полной победы. К вам прибывает девятый союзник, и какой?! Америка! Эта ужасная война была начата за славянское дело. Франция поспешила вам на помощь, ни на миг не торгуясь из-за своей поддержки. Неужели вы осмелитесь первыми оставить борьбу?»¹¹⁴⁷

В ответ 20 апреля появилась знаменитая нота Милюкова, в которой союзники в очередной раз уверялись в том, что Россия не желает сепаратного мира, а жаждет всеобщего мира и пересмотра целей войны, но при этом Временное правительство «будет вполне соблюдать обязательства, принятые в отношении союзников»; в очередной раз выражалась уверенность в «победоносном окончании настоящей войны, в полном согласии с союзниками». Нота, успокоив союзников, привела к прямо противоположному эффекту внутри страны, вызвав массовые стачки и демонстрации против продолжения войны. Именно в тот период впервые был широко развернут лозунг «Долой Временное правительство!». Милюков посчитал эти демонстрации незначительными и отнес их к проискам немецкой пропаганды¹¹⁴⁸.

Но настораживало, например, уже то, что во главе Финляндского полка, первым пришедшего к Мариинскому дворцу с требованием отставки правительства, был Линде — ученый, математик, меньшевик,

280

настроенный явно патриотически, позже погибший на фронте¹¹⁴⁹. Подобные примеры носили массовый характер. При этом, как отмечал меньшевик В. Войтинский: «Апрельские дни доказали, что правительства в России вообще не существует, внутри кабинет оказался настолько бессилён, что только вмешательство Совета спасло его от ареста, а его заявления, обращенные к внешнему миру, были с такой решительностью опровергнуты народными массами, что торжественная «нота» превратилась в пустую бутаду»¹¹⁵⁰. 27 апреля

военный министр Гучков подтверждал: «Вся страна когда-то признала: отечество в опасности. Мы сделали еще шаг вперед: отечество на краю гибели»¹¹⁵¹.

30 апреля меньшевистско-эсеровский Петроградский совет принял воззвание к социалистам Западной Европы: «Русская революция (Февральская) — это восстание не только против царизма, но и против ужасов мировой войны. Это первый крик возмущения одного из отрядов международной армии труда против преступлений международного империализма. Это не только революция национальная, это первый этап революции международной, которая вернет человечеству мир»⁵². Тем не менее в апреле все политические партии еще выступали против сепаратного мира. Даже большевики отрицали эту идею. В резолюции Всероссийской конференции большевистской партии, принятой 27 апреля, говорилось: «Конференция протестует еще и еще раз против низкой клеветы... будто мы сочувствуем сепаратному миру с Германией»¹¹⁵³. В апреле 1917 г. датчанин Боргбьерг* предложил социалистическим партиям России принять участие в конференции по вопросу о заключении мира. 6 мая на заседании Исполкома Петроградского совета Боргбьерг утверждал: «Германское правительство согласится на те условия мира, которые германская социал-демократия предложит на социалистической конференции...»

За конференцию высказались меньшевики, но правительства Англии, Франции, Италии и США при неявной поддержке Временного правительства не дали паспортов своим делегатам. Как писал видный английский историк социал-демократии, западные державы «бросили жаждавшие мира массы в объятия левых экстремистов, которые обещали немедленный конец кровопролития»¹¹⁵⁴. Правда, сам Ленин выступил против конференции. 8 мая он заявил: «За всей этой комедией якобы социалистического съезда кроется самый реальный политический шаг германского империализма...»

С другой стороны, уже в «Апрельских тезисах» Ленин призвал к братанию на фронте. Плеханов отметил этот факт, как один из признаков бредового характера тезисов. Между тем братания были не выдумкой Ленина, не изобретением немецкого Генерального штаба, ни специфическим «невиданным в истории порождением русской революции»... Следы таких сношений можно найти в истории многих войн".

* От имени Объединенного комитета рабочих партий Дании и Норвегии.

** Например, Л. Толстой описывал братания при Севастопольской обороне. Не новость и идея заключения мира путем братания. Классическим являлся пример

281

Например, в начале Первой мировой Папа римский призывал к приостановлению боевых действий на рождественские дни, что, по сути, вылилось в то же братание. Один из французских солдат писал в декабре 1914 г.: «В самый разгар войны люди, которые накануне убивали друг друга, устроили перемирие на 48 часов и братались. Когда эти факты стали известны в штабе, был отдан приказ об отводе нашего полка... сержанты... прочитали нам приказ: «...если кто-либо будет застигнут при братании с неприятелем, он будет подлежать смертной казни»¹¹⁵⁵. Немецкий солдат со своей стороны вспоминал: «Как вели себя товарищи в окопах в рождественскую ночь? Они не сделали ни одного выстрела отнюдь не из религиозных побуждений, а исключительно из отвращения к этому истреблению народов. И если бы не последовали драконовские репрессии со стороны военных властей, то мы ведь все хорошо знаем, что наши товарищи, сражающиеся в настоящее время, как враждующие друг с другом братья, уже давно заключили бы между собой мир»¹¹⁵⁶.

В апреле 1917 г. на русском фронте братания начались сразу, что было неожиданностью как для оборонцев, так и для большевиков — «фронт замер»¹¹⁵⁷.

Позиция большевиков объяснялась тем, что они надеялись на установление

не сепаратного и тем более не империалистического, а общего социально-демократического мира. Идеализм большевиков, по видимому, основывался на их теории мировой революции, которая, начавшись в России, должна была перекинуться через немецкие окопы в Европу. С другой стороны, большевики следовали за движением масс, которые в начале апреля, в лице Советов, еще выступали за войну до победного конца, при этом воевать уже фактически отказывались. Попытка прямой пропаганды мира Лениным оттолкнула тогда большинство в Советах от большевиков. Один из первых руководителей Красной Армии Н. Подвойский вспоминал о настроениях армии в то время: «Ни один большевик не мог появиться в казармах, не рискуя быть арестованным, а то и битым...» Перелом наступил после апрельской ноты П. Милюкова. Была и третья сторона, которая на первый взгляд может показаться парадоксальной: лидер большевиков, несмотря на весь свой радикализм, пытался избежать прямого конфликта с союзниками, рассчитывая в дальнейшем на их признание и поддержку.

Тем временем вопросы войны и мира обострялись с каждым днем. Художник А. Бенуа 26 марта 1917 г. убеждал Палеолога: «Война не может дальше продолжаться. Надо возможно скорее заключить мир. Конечно, я знаю, честь России связана ее союзами, и вы достаточно знаете меня, чтобы поверить, что я понимаю значение этого соображения. Но необходимость — закон истории. Никто не обязан исполнять невозможное»¹¹⁵⁸. Для Временного правительства вопрос постепенно сводил-

окончания римско-сабинской войны. Верхарн незадолго до войны писал, что вопрос о войне разрешается восстанием в осажденном городе и братанием восставших с осаждавшими город войсками.

282

ся к формуле: «"энергичная" внешняя политика приводила к разрыву с союзниками и упиралась в сепаратный мир; "энергичная" внутренняя политика взрывала коалицию и прямым путем вела к диктатуре Советов». «Мы, — вспоминал Войтинский, — хотели избежать и того и другого, но не видели путей к решению этой двойной задачи — и отсюда то убийственное топтание на месте...»¹¹⁵⁹ В июне В. Войтинский отмечал, что «армия, не желавшая воевать, не может сопротивляться. А это значило, что уже в июле 1917 года продолжать войну было невозможно»¹¹⁶⁰.

Августовская сводка военно-политического отдела штаба верховного главнокомандующего гласила: «Общее настроение армии продолжает быть напряженным, нервно-выжидательным. Главными мотивами, определяющими настроение солдатских масс, по-прежнему являются неудержимая жажда мира, стихийное стремление в тыл, желание поскорее прийти к какой-нибудь развязке. Кроме того, недостаток обмундирования и продовольствия, отсутствие каких-либо занятий ввиду ненужности и бесполезности их, по мнению солдат, накануне мира угнетающе действуют на настроение солдат и приводят их к разочарованию»¹¹⁶¹. «Теперь на фронте не проходило дня без кровавых эксцессов. В чудовищной мере усилилось дезертирство — солдаты толпами покидали позиции... силой захватывали вагоны и целые поезда... Командование было бессильно бороться с этим явлением. Да оно и не боролось... На Эзеле два полка сдались без выстрела... на Даго немцы не приняли наших солдат, пришедших к ним для сдачи в плен, и отослали их обратно, даже не потрудившись их обезоружить... Целые дивизии выносили резолюции... что они остаются на фронте лишь до 1 ноября, а после этого срока, если не будет заключен мир, уходят по домам»¹¹⁶². «Предпарламент пытался выработать «формулу» своего отношения к войне, но безуспешно, ни одна резолюция не набрала большинства голосов»¹¹⁶³.

К концу августа 1917 г. русской армии практически не существовало, как и

экономики, способной обеспечить и прокормить эту армию. Американский представитель Н. Уиншин сообщал в Госдеп: «Массы желают не сепаратного мира, а окончания войны. Враждебность на фронте сейчас прекращается, и такое положение будет продолжаться. Не следует надеяться на сопротивление русских»¹¹⁶⁴. Генерал Скотт направил «мрачное послание военному министру Бейкеру: «Мы нашли дела в весьма дурном состоянии; несколько миллионов солдат бегут с фронта, среди оставшихся на фронте нет никакой дисциплины; сообщается, что армию захлестнули митинговые страсти, на офицеров не обращают почти никакого внимания». Он побеседовал с социалистом А. Керенским... и сообщил, что Керенский не горит желанием вести войну»¹¹⁶⁵. 1 октября Керенский предложил Ллойд-Джорджу заключить мир с немцами «без аннексий и контрибуций... Если этого не будет сделано, тогда с наступлением холодной погоды я не смогу удержать армию в траншеях. Я не вижу, как мы могли бы продолжить войну. Разумеется, я не говорю этого людям. Я всегда говорю, что мы должны продолжать борьбу при любых условиях — но это продолжение невозможно, если у меня не будет что сказать моей армии»¹¹⁶⁶.

283

За несколько дней до Октябрьской революции последний военный министр Временного правительства А. Верховский докладывал комиссии предпарламента:

«1. Армия в девять с половиной миллионов человек стране не по средствам. Мы ее не можем прокормить... Мы не можем эту армию ни одеть, ни обуть... Между тем, отпустив 600-700 тыс. человек, Ставка категорически заявила, что дальше ни один солдат отпущен быть не может... Не будучи хозяином этого дела, я не могу изменить решения Ставки; здесь, значит, непримиримый тупик, если люди, руководящие обороной страны, не будут заменены другими, способными найти выход из создавшегося противоречия. Если же оставить все это в его теперешнем положении, то иного выхода, как заключение мира, нет.

2. Наши расходы достигли в день 65 млн. рублей, из которых только 8 идет на общегосударственные нужды, все остальное — на войну... Между тем, по сообщению министра финансов, мы живем без доходов, единственно на печатном станке, так как налоги перестали поступать. Станок же дает 30 млн. бумажек в день. Таким образом, 1 января 1918 года образуется дефицит в 8 млрд. рублей. Изменить это положение можно только решительным сокращением расходов на войну, но так как Ставка не считает возможным уменьшить армию, то и здесь тупик.

3. Армию разрушает агитация большевиков... но средства борьбы с большевизмом нет, так как он обещает мир и масса на его стороне, поэтому разрушение армии прогрессирует, и его остановить нечем.

4. Армию можно строить, лишь опираясь на командный состав. В теперешних условиях это невозможно. Офицеры требуют исполнения своего долга перед Родиной — идти на смерть, видя в этом спасение страны, солдаты, сбитые с толку пропагандой, не понимают, за что они должны умирать. На этом создается разрыв между офицером и солдатом, делающий командование армией невозможным. Мер к разъяснению этого народу мы не принимаем. Поэтому взгляд солдата на офицера как на своего врага, заставляющего его «бессмысленно» умирать, не меняется, и исправить дела нельзя, если не пойти на крупные решения, на которых я настаивал»¹¹⁶⁷.

После своего выступления военный министр (Верховский) был уволен. В. Войтинский вспоминал, что это увольнение было объявлено «в такой форме, что и у населения, и у армии должно было получиться впечатление, что Временное правительство считает преступной саму мысль о мире. Это было повторение апрельской ноты Милюкова... Если в апреле Милюков поднес зажженную спичку к стогу соломы, то теперь правительство бросило факел в пороховой погреб»¹¹⁶⁸.

Американский представитель Джадсон телеграфировал в Госдеп: «Постепенный развал власти правительства во всех направлениях. Анархия близится с каждым днем; повсюду забастовки и угрозы забастовок... Политическая ситуация все затмевает, но стремительно надвигается экономическая и финансовая катастрофа»¹¹⁶⁹. Военный атташе сделал еще одно предсказание: «Возможно, правительство обладает политической силой, но у него нет штыков, на которые можно было бы опереть-

284

ся. Оппозиция большевиков, поддерживаемых 30 тыс. вооруженных рабочих, которым Кронштадт и Балтийский флот обещают содействие, открыто не признающих правительство, становится поистине угрожающей. Вскоре может произойти восстание»¹¹⁷⁰. Заголовок в «Вашингтон пост» от 2 ноября 1917 г. гласил: «Россия выходит из войны»¹¹⁷¹.

Именно стихийное стремление армии и народа к миру обеспечило большевикам, его обещавшим, поддержку армии и как следствие — их победу. Не случайно уже через несколько часов после свершения Октябрьской революции Советское правительство издает «Декрет о мире» и одновременно обращается к Германии с предложением трехмесячного перемирия и начала переговоров. 15 ноября предложение было повторено, и немцы согласились. 19 ноября британский посол докладывал: «...Если мир, который они (большевики) обещали, будет отложен надолго, и если подвоз хлеба, с каждым днем уменьшающийся, прекратится, то массы могут восстать и свергнуть их. За исключением военного министерства, большая часть государственных служащих еще продолжает забастовку. Подвоз угля к железнодорожным линиям сократился до опасных размеров; армия и большие города находятся под угрозой голода, и рано или поздно вся правительственная машина должна распасться. Что тогда случится — сказать невозможно»¹¹⁷².

20 ноября главнокомандующему Духонину было приказано начать мирные переговоры с немцами. 21 ноября Совнарком обратился к союзникам с «официальным предложением по заключению незамедлительного перемирия на всех фронтах и незамедлительного начала переговоров о мире»¹¹⁷³. «Троцкий сообщил союзным военным атташе ноту с уверением в том, что его правительство желает отнюдь не сепаратного, а всеобщего мира, но что оно решило заключить мир. «Это будет ошибка со стороны союзных правительств, — говорит в заключение нота, — если в России в конце концов придется заключить сепаратный мир»¹¹⁷⁴.

Лорд Роберт Сесиль заявил представителю агентства Ассошиэйтед Пресс, что «если эта акция будет одобрена и ратифицирована русской нацией, то поставит ее вне границ цивилизованной Европы»¹¹⁷⁵. Представитель американской военной миссии на русском фронте подполковник Керт послал протест новому главнокомандующему русской армии Каменеву: «Поскольку республика Соединенных Штатов ведет в союзе с Россией войну, причиной которой является противостояние демократии и автократии, мое правительство категорически протестует против любого сепаратного перемирия, которое могло бы быть заключено Россией»¹¹⁷⁶.

Не получив ответа от союзников, Троцкий напрямую телеграфировал германскому военному командованию предложение заключить перемирие для последующего «заключения демократического мира без аннексий и контрибуций». Одновременно Троцкий отдал приказ военным прекратить боевые действия ввиду мирных переговоров. А еще раньше, в начале ноября, «от края до края русских линий началось стихийное, ничем уже не предотвратимое «сепаратное заключение мира» — армиями, полками и даже ротами»¹¹⁷⁷. Но официально большевики отдали приказ об организации братания солдат на

фронте — прибегли к так-

285

тике переговоров «через головы правительств», — только отчаявшись получить их поддержку 23 ноября.

Фрэнсис вспоминал, что главнокомандующие союзников не обратили внимания на директивы Троцкого. Они потребовали от своих правительств не отвечать «лицемерной власти, утвердившейся силой и не признанной российским народом»¹¹⁷⁸. При этом американский представитель в русской Ставке Керт призвал русского генерала Духонина «вести политику, прямо противоположную проводимой Советом народных комиссаров». В ответ последовало заявление Троцкого: «Советское правительство, ответственное за судьбу страны, не позволит дипломатическим и военным агентам союзников под каким-либо предлогом вмешиваться во внутреннюю жизнь нашей страны и пытаться раздуть гражданскую войну»¹¹⁷⁹. С Троцким был фактически согласен даже английский посол. По замечанию Бьюкенена, протест союзников ничем не отличался от «завуалированной угрозы», и она будет интерпретирована в том смысле, что «мы почти готовы призвать Японию напасть на Россию». Британский посол продолжал: «Этот шаг рекомендовали плохие советчики, он способен причинить нам огромный вред»¹¹⁸⁰.

Духонин отказался от ведения мирных переговоров и был убит большевиками*. Эта акция произвела сильнейшее впечатление на представителей союзников. 27 ноября Бьюкенен, всего несколько месяцев назад призывавший Керенского и Корнилова уничтожить большевиков, докладывал: «Я разделяю взгляд, уже высказанный генералом Ноксом, что положение стало здесь настолько безнадежным, что мы должны пересмотреть свою позицию. По моему мнению, единственный правильный путь, оставшийся для нас, состоит в том, чтобы возвратить России ее слово и сказать народу, что мы понимаем, как истощен он войной и дезорганизацией, неразрывно связанной с великой революцией...»¹¹⁸¹ Другой англичанин писал: «После 27 ноября мне стало ясно, что большевики удержат власть и, что бы мы ни думали о них, они способны решить многие вопросы, в жизненно важной степени влияющие на исход войны... Нужно делать возможное из имеющегося... Почему мы должны играть на руку немцам и следовать политике сознательного невмешательства, отстраненности и враждебности?»¹¹⁸² «Постоянные глупые атаки на большевиков в британской прессе — что Ленин является германским агентом и т.п. — сбили с толку население в Англии и привели в бешенство большевиков. Французы ведут себя тонко... Нашим интересам соответствует избегать настолько долго, насколько это возможно, открытого разрыва с этой сумасшедшей системой»¹¹⁸³. Заведомая враждебность может дорого стоить, отмечал лондонский корреспондент в России.

Бывший посол России в США Бахметьев 30 ноября предупреждал Хауза: «Хотя правительство Ленина, захватившее власть путем наси-

* Духонин говорил: «Я имел и имею тысячи возможностей скрыться. Но я этого не сделаю. Я знаю, что меня арестует Крыленко, а может быть, меня даже расстреляют». На другой день толпа матросов — диких, озлобленных — растерзала генерала Духонина, и над трупом его жестоко надругалась. (Деникин А.И... Т. 2. С. 172.)

286

лия, не может рассматриваться как правительство, представляющее волю русской нации, его призыв к перемирию не может быть оставлен без ответа, так как всякое уклонение союзников от решения вопроса о мире только усилит позицию большевиков и позволит им создать в России атмосферу, враждебную союзникам. Какой-либо формальный протест против политики Ленина или какие-либо угрозы будут иметь тот же самый эффект...»¹¹⁸⁴ Т.е. все даже радикальные противники большевизма признавали объективность и неизбежность политики мира, проводимой Лениным.

Американские представители Джадсон и Робинс раньше многих других поняли значение большевизма: «Троцкий и Ленин... Любопытное тевтонское влияние. Ничего похожего на всех прежних лидеров». Джадсон 27 ноября пришел к выводу, что «среди всех разнообразных соперничающих политических элементов в России только большевики начинают наглядно демонстрировать, что у них кишка не тонка. Очевидно, только они могут хоть как-то повлиять на настроения солдат; возможно, если последние должны остаться на позициях и хоть как-то воевать (по крайней мере обороняться), им и надо подчиняться большевикам. Пока большевики остаются у власти, поступают свидетельства о том, что они становятся более консервативными»¹¹⁸⁵. Робинс усматривал в усилиях Троцкого свидетельство готовности к избирательному сотрудничеству с союзными державами. Большевикам был необходим рычаг в переговорах с Германией для предотвращения раздела России, и таким рычагом, позволяющим Ленину не допустить покорения России, могли стать союзники. Если уж Россия не имела возможности продолжать войну и была вынуждена пойти на сепаратный мир, то по условиям мира Германия, по крайней мере, могла бы не получить права неограниченного пользования российскими ресурсами. Если бы Россия получила признание и помощь, триумф Германии обернулся бы пирровой победой. У США еще был шанс; во всяком случае, по убеждениям Робинса¹¹⁸⁶.

С такими настроениями подходили «союзники» в ноябре 1917 г. к Парижской конференции, которая приняла позицию английского посла Бьюкенена: вернуть России данное ею слово не заключать сепаратного мира* и предоставить самой решать вопрос о заключении мира на условиях Германии¹¹⁸⁷. «Лорд Лэнсдаун, бывший британский министр иностранных дел, огласил.. благородные цели войны: арбитражное разрешение спорных вопросов, обеспечение коллективной безопасности...»¹¹⁸⁸ «Союзные державы и Соединенные Штаты объявили, что ведут войну не из агрессивных побуждений, не ради контрибуций,

* Союзнический договор от 4 сентября 1914 г. запрещал союзникам заключать сепаратный мир. США, не являясь участником Лондонского соглашения, выразили протест против сепаратного перемирия на «основании фактических союзнических отношений между США и Россией». (Джадсон. Доклад о ситуации в России», 16 марта 1918 г., Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д., Трани Ю... С. 142.))

287

но идут на жертвы, чтобы не позволить милитаризму захлестнуть мир». «Таким образом, большевистская инициатива вынудила всех союзников... на шаги к примирению...»¹¹⁸⁹ — отмечают Д. Дэвис и Ю. Трани. Однако на деле произошло то, о чем писал В. Вильсон своему госсекретарю Лансингу: «Я опасаюсь любого политического жеста, исходящего от руководства объединенных союзнических сил в Париже. Ни одно из них не кажется мне имеющим черты мудрости»¹¹⁹⁰. Действительно, союзники отказались вести переговоры с большевиками, изъявив готовность пересмотреть военные цели только со стабильным российским правительством¹¹⁹¹.

В определенной мере тому способствовала позиция самих большевиков, одно отрицание принципа частной собственности уже ставило союзников в тупик. А большевики обещали еще и мировую революцию в случае своего успеха. Мало того, большевики настаивали еще и на демократическом мире, что угрожало союзническим империалистическим целям войны и вело к самоопределению Эльзаса и Лотарингии, Ирландии, Египта и Индии.

Между тем в ЦК большевиков как по поводу отношения с союзниками, так и сепаратного мира не было абсолютного единства, а Ленин, со своим требованием мира вообще, оказался в явном меньшинстве:

- Ленин был согласен на сепаратный, аннексионный мир;
- Троцкий предлагал объявить войну прекращенной, но мира не

подписывать;

— Бухарин и левые коммунисты призывали к «революционной войне».

Левые были полны ожиданий революции в Германии. Большинство в ЦК партии надеялось, что продолжение войны ускорит ее появление: «...Схватка первого в мире государства рабочих и крестьян... должна побудить европейский пролетариат немедленно выступить на его защиту». Они были готовы пожертвовать ради этого даже победой своей революции, Россию левые радикалисты воспринимали лишь как плацдарм для развертывания мировой революции и были готовы пожертвовать ею во имя «великих целей». «В интересах международной революции, — заявляло Мособлбюро, — мы считаем целесообразным идти на возможность утраты Советской власти»¹¹⁹². Бухарин полностью разделял эти настроения: «Пусть немцы нас побьют, пусть продвинуется еще на 100 верст, мы заинтересованы в том, как это отразится на международном движении... Сохраняя свою социалистическую республику, мы проигрываем шансы международного движения»¹¹⁹³. Даже новый, уже большевистский главковерх Крыленко вместе со своим «военным советом» признал невозможным заключение мира и призвал к продолжению войны всеми средствами. «Какое нам дело — говорил Крыленко, — будет или не будет урезана Россия? И какое, наконец, нам дело, будет или не будет существовать сама Россия в том виде, как это доступно пониманию буржуев? Наплевать нам на территорию! Это плоскость мышления буржуазии, которая раз навсегда и безвозвратно должна погибнуть...»¹¹⁹⁴

288

Троцкий позже объяснял свою центристскую, а по сути, анархистскую позицию откровенной симпатией идеям левых: «...Мы все без исключения представляли себе, что темп европейской революции должен приближаться к размаху нашей революции. Несомненно, что все мы полагали... что самый факт нашей Октябрьской революции... послужит прямым и непосредственным толчком для развития брожения в Западной Европе»¹¹⁹⁵. В то же время Троцкий понимал всю безысходность текущей ситуации: «То, что мы не можем воевать, было для меня совершенно очевидно. Когда я в первый раз проезжал через окопы на пути в Брест-Литовск... окопы были пусты, никто не отважился говорить даже условно о продолжении войны. Мир, мир во что бы то ни стало!..»¹¹⁹⁶ В итоге Троцкий «требовал, чтобы не спешить с заключением мира и хотя бы ценою потери территории дать немецкому пролетариату время понять обстановку и сказать свое слово»¹¹⁹⁷.

Ленин же требовал немедленно: «Мир — любой ценой, иначе Советской республике — конец... Крестьянская армия, невыносимо истрепанная войной, после первых же поражений, вероятно даже не через месяц, а через неделю, свергнет социалистическое рабочее правительство»¹¹⁹⁸. Но ЦК, опьяненный победой, не слушал доводов Ленина. Для того чтобы провести свою точку зрения, Ленин был вынужден войти в коалицию с Троцким. «Ленин согласился не выступать открыто перед партией против моей формулы, — пишет Троцкий, — только потому, что я обещал ему не поддерживать сторонников революционной войны»¹¹⁹⁹. Троцкий, получивший поддержку Ленина, тем не менее продолжал придерживаться своей пролевой позиции, ориентированной на скорое свершение мировой революции. Киган отмечал: «Эти иллюзии (*о мировой революции*) во многом питались известиями о волне забастовок, которая прокатилась по Германии с 28 января 1918 года. В ней участвовал миллион промышленных рабочих, чьи лидеры призывали к «миру без аннексий»... Забастовки тем не менее быстро были разогнаны. К тому же, как и во время подобных забастовок во Франции в 1917 году, основной импульс исходил не от революционного энтузиазма, а от усталости и военных тягот — как психологических, так и

материальных»¹²⁰⁰.

Тем временем русская, уже большевистская армия все еще держала фронт. Так, 17 декабря Совет народных комиссаров, признавая Украинскую народную республику, указывал на недопустимость дезорганизации фронта, разоружения русских войск и поддержки частей А. Каледина... В противном случае СНК считал бы Центральную раду в состоянии «войны с Советской властью в России и на Украине»¹²⁰¹. Главный представитель Германии на переговорах в Брест-Литовске, генерал Гофман отмечал лояльность большевиков западным союзникам: «Русские придавали большое значение привязке к Восточному фронту германских войск, размещенных здесь, и предотвращению их транспортировки на запад...»¹²⁰² Это положение было включено в соглашение о перемирии от 25 декабря: «Договаривающиеся стороны обещают не предпринимать переводы войск до 14 января 1918 г. на фронте между

289

Черным морем и Балтийским морем, если такие переводы не были уже начаты к моменту подписания перемирия»¹²⁰³. Большевиков поддержал даже Ллойд-Джордж: «Да, большевики фактически сломали старую русскую армию. Да, они не готовят ни наступательных, ни оборонительных мероприятий в отношении немцев. При желании их можно назвать предателями. Но вот жесткий факт: большевики вовсе не призывают германские войска. Их при всем желании трудно определить как германских агентов, так как они по меньшей мере не находят с немцами общего языка в Брест-Литовске. Более того, они начали жесточайшую пропагандистскую войну против прусского милитаризма — а это именно то, что нужно. Большевики сломали фронт, противостоящий германской армии, но они стараются взять эту армию идейным измором»¹²⁰⁴. У союзников были еще шансы договориться о совместных действиях. 30 декабря 1917 г. Троцкий снова обращается к союзникам с предложением начать переговоры и запрашивает британского дипломата Ф. Линдли, смогут ли Британия и Франция оказать военную помощь, если немцы не ответят и война продолжится.

Американский военный атташе в России Джадсон встретился с Троцким еще 1 декабря, за день до начала переговоров о перемирии в Брест-Литовске. «Он нашел комиссара иностранных дел настроенным дружелюбно. Генерал объявил, что его интересует способ взаимной поддержки России и США. Троцкий признал обязательства России перед союзниками, например, удержание вражеских войск на Восточном фронте и отказ от обмена пленными... После предварительных переговоров в Брест-Литовске будет взят, по его утверждению, недельный перерыв, и союзники получают возможность присоединиться к переговорам. Если они не смогут или не пожелают участвовать, будет оглашен призыв непосредственно к народам их стран»¹²⁰⁵. «Джадсон назвал целью своего визита получение определенных гарантий того, что в протокол перемирия войдет условие, которое обеспечит удержание вражеских войск на русском фронте...»¹²⁰⁶.

Продолжение разговора Троцкого и Джадсона получил в январе 1918 г., когда В. Вильсон, исходя из своих «Четырнадцати пунктов», которые покоились на четырех фундаментальных принципах (мир без победы, триумф демократии, право на самоопределение при соблюдении принципа территориальной целостности и создание международной организации по поддержанию мира), сделал заявление: «Российские представители были искренними и серьезными в своих намерениях. Они не способны принять подобные предложения захвата и владычества...» Вильсон не находил слов для похвал в адрес «российских представителей», как он именовал большевиков, чтобы не споткнуться на первой же букве «б». «Российские представители настаивали, весьма справедливо, очень разумно, в истинном духе современной демократии, что проводившиеся совещания с тевтонскими и турецкими государственными деятелями должны

были вестись при открытых, а не при закрытых дверях, и желательно, чтобы весь мир мог следить за ними». Необходима была определенность, и в этот момент прозвучал российский

290

голос, «более звонкий и более требовательный», хотя Россия оставалась обессиленной и беспомощной»¹²⁰⁷.

Ленин указал, что заявление Вильсона — «это огромный шаг к миру во всем мире». Ленин «радовался как мальчишка гуманным и понимающим словам президента о России, признанию им честности целей большевиков»¹²⁰⁸. Но Ленин нашел и изъян: «Все это очень хорошо, но почему не официальное признание и когда?» Речь Вильсона, с подачи Ленина, получила широкое распространение. «Публикация в одних «Известиях», — писал Сиссон, — гарантирует знакомство с обращением каждого русского солдата». «Нынешним утром речь президента расклеена на плакатах на стенах Петрограда. В течение трех дней будет вывешено сто тысяч экземпляров. За пять дней будет роздано здесь триста тысяч листовок. В Москве пропорциональное распространение к концу недели... Официальная правительственная газета «Известия» с почти миллионным тиражом по России утром в субботу полностью напечатала речь с комментариями, приветствуя ее искренность и пользу»¹²⁰⁹.

Генерал Джон Дж. Першинг, глава американского экспедиционного корпуса во Франции, сообщал, что «максималистская пресса в России опубликовала полный текст речи президента, назвав его условия великой победой в борьбе за демократический мир»¹²¹⁰. Ректор Гарвардского университета Ч. Элиот писал Вильсону: «Самым поразительным в Вашем обращении к конгрессу 8 января было сказанное вами в двух абзацах о России. Насколько я могу судить из услышанного и прочитанного за последние два месяца, Ваши рассуждения на эту тему являются исключительно мудрыми»¹²¹¹. Известный журналист У. Уайт приветствовал речь Вильсона словами: «Лучшее в Ваших условиях мира — соображения о России, о русских взглядах и правах в этом смысле»¹²¹².

Однако торжествовали не только сторонники мира и примирения с большевиками, но и их гораздо более информированные противники. Для начала госсекретарь Лэнсинг почему-то потребовал, чтобы «Четырнадцать пунктов» были лишь неофициально переданы Троцкому¹²¹³. Затем американский посол Фрэнсис, видя произведенный пунктами эффект, стал торжествовать: «Полагаю, огромный эффект, далеко идущий»¹²¹⁴. Наверяд ли это было случайностью. Что стояло за этими пунктами В. Вильсона, несмотря на то, что сам президент был по видимому искренен? Попытка сорвать переговоры в Бресте? Выиграть время? Хауз по этому поводу писал: «Положение в России являлось в некотором смысле главным «целеоправданием» речи. Большевики заключили перемирие с Германией, но еще не выяснилось, смогут ли они согласиться на ее условия мира... Разум велит нам изолировать Россию, насколько возможно, от Германии, а этого можно достигнуть только открытым и дружественным **выражением сочувствия и обещанием** более существенной помощи»¹²¹⁵.

Между тем 24 января 1918 года Центральная рада провозгласила самостоятельность Украины, негласно согласившись на оккупацию своей страны немецкими и австрийскими войсками. Но 8 февраля Киев был

291

взят Красной Армией, в Харькове образовано советское правительство¹²¹⁶. В итоге суверенитет Центральной рады, по образному выражению Троцкого, ограничивался комнатой, занимаемой в Бресте¹²¹⁷. Тем не менее 9 февраля Центральная рада от имени Украины заключила сепаратный Брестский мир с Германией¹²¹⁸. Немецкий историк Ф. Фишер замечал: «Особенностью этого мира было то, что он был совершенно сознательно заключен с правительством, которое

на момент подписания не обладало никакой властью в собственной стране. В результате все многочисленные преимущества, которыми немцы владели лишь на бумаге, могли быть реализованы лишь в случае завоевания страны и восстановления в Киеве правительства, с которым они подписали договор»¹²¹⁹. «В день подписания мира с Радой генерал Людендорф послал телеграмму Кюльману, в которой напомнил об обязательстве через сутки после подписания мира с Украиной прервать переговоры с российской делегацией»¹²²⁰.

И 10 февраля германский представитель заявил, что, если их условия не будут приняты, они разорвут перемирие и захватят в России столько, сколько захотят. Троцкий ответил на немецкий ультиматум своей формулой «ни мира, ни войны». Декларируя нежелание русского народа участвовать в «чисто империалистической бойне», Троцкий заявил: «Мы более не согласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого... Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших армий... и отказываемся санкционировать условия мира, написанные... мечом на теле живых народов... мы не можем освящать насилие»¹²²¹. Комментируя ответ Троцкого генерал Гофман отмечал, что «большевики при всем своем ультрареализме выглядят несколько наивно в политике и верят в непробированные догмы»¹²²².

Через 7 дней началось немецкое наступление. 20 февраля Гофман записал в дневнике: «Свинства в русской армии гораздо больше, чем мы предполагали. Сражаться больше никто не хочет. Вчера один лейтенант и шесть солдат взяли в плен 600 казаков. Сотни пушек, автомобилей, локомотивов, вагонов, несколько тысяч пленных, дюжины дивизионных штабов захвачены без всякой борьбы». За неделю немцы беспрепятственно продвинулись на 250 км, взяли Псков, Киев и только достигнув Нарвы встретили первое сопротивление. Ленин отдал приказ взорвать при подходе немцев мосты и дороги, ведущие в Петроград, все боеприпасы увозить в глубь страны»¹²²³. Немецкое наступление произвело шокирующее впечатление на левых. Зиновьев признавал: «Напрасно мы приняли те забастовки, которые были в Австрии и Германии, за девятый вал революции, когда это был только первый. Теперь нам наступили коленом на грудь»¹²²⁴.

Ленин, используя даже угрозу выхода из правительства, добился того, что в ночь с 23 на 24 февраля 1918 года большинство в Центральном исполнительном комитете (116 против 85) проголосовало за подписание Брестского мира (в большевистском ЦК соотношение сил было еще более хрупким: 7 — за и 6 — против). В результате VII съезд партии

²⁹²

6 марта 30 голосами против 12 принял резолюцию Ленина относительно Брестского мира, при том что немцы выдвинули новые, гораздо более худшие условия. По Брестскому миру Россия должна была признать независимость Финляндии и Украины, терять Бессарабию, Белоруссию, Польшу, Прибалтику, Грузию, часть Армении, всего территорию в 2 млн. км², на которой до войны проживала треть населения страны. На уступаемой территории было сосредоточено (по данным Бьюкенена) 26% населения, 26% железных дорог, 33% обрабатывающей промышленности, 9 тысяч заводов, 75% угольных и железнорудных месторождений страны, 27% пахотной земли, дававшей почти половину всего товарного хлеба России того времени, 80% площадей сахарной свеклы. Корабли Черноморского и Балтийского военно-морских флотов России были переданы Германии. В марте 1918 г. в статье «Несчастный мир» Ленин писал: «Невыносимо тяжелы условия мира...»¹²²⁵ «Что новые условия хуже, тяжелее, унижительнее худых, тяжелых и унижительных брестских условий, в этом виноваты по отношению к великой российской Советской республике наши горе-левые...» — подчеркивал Ленин. В другом выступлении он прямо указывал на Троцкого, отмечал, что «вместо Брестского мира мы получили мир гораздо

унизительней по вине тех, кто не брал его»¹²²⁶. Решение съезда партии 14 марта было передано для ратификации IV Всероссийскому съезду советов.

Стремясь не допустить ратификации большевиками мира с Германией, американский представитель Р. Робинс 5 марта встретился с Троцким, который заявил: «Ленин знает, что угроза германского наступления чрезвычайно велика, и поэтому, если он сможет получить от союзников экономическое содействие и военную поддержку, то откажется от Брестского мира, отступит при необходимости из Петрограда и Москвы в Екатеринбург, восстановит фронт на Урале и будет воевать с немцами с союзнической помощью»¹²²⁷. Фактом является, что Ленин 5 марта запросил американское руководство, готово ли оно оказать помощь Советской России в случае возобновления войны с Германией, а также в случае, если Япония, сама или по договоренности с Германией, попытается захватить Владивосток и Военно-Сибирскую железную дорогу. При этом Ленин оговаривал: «Все эти вопросы обусловлены само собой разумееющимся предложением, что внутренняя и внешняя политика Советского правительства будет, как и раньше, направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что Советское правительство сохранит свою полную независимость ото всех несоциалистических правительств»¹²²⁸.

Ленин запросил у американского правительства содействия в расширении сети железных дорог и водных путей — как часть процесса взаимного улучшения отношений, развития экономического сотрудничества и сближения. На Вильсона послание Ленина произвело впечатление: «Предложения затрагивают чувствительные струны более сильным образом, чем я ожидал от автора. Различия наши лишь в конкретных деталях»¹²²⁹. 5 марта американское правительство уведомило Японию, что не может одобрить ведения ею военных действий в России. Высту-

293
пая как единственный друг покинутой Богом страны, президент Вильсон изъявлял симпатию к этой стране и ее революции, «несмотря на все несчастья и превратности фортуны, которые в текущее время обрушились на нее»¹²³⁰. Ленин 5 марта также интересовался, какую помощь предоставит Великобритания через Мурманск и Архангельск¹²³¹. Ленин согласился с Робинсом отсрочить съезд Советов, чтобы дождаться ответа из США на союзническое предложение Троцкого. Но это предложение не было передано как Вильсону, так и американскому правительству¹²³². В то время все сношения с Россией в США шли через госсекретаря Лансинга. Когда позже его спросили, знало ли американское правительство, что:

1) советское правительство было настроено против заключения Брестского договора и подписало его только потому, что не имело возможности сопротивляться немецким настояниям без помощи кого-либо из союзников;

2) Ленин и Троцкий вручили ноту полковнику Робинсу, адресованную президенту США, в которой указывалось, что договор не был бы подписан, если бы США оказали России помощь продовольствием и оружием.

Лансинг ответил, что сообщение по этим вопросам противоречило бы государственным интересам¹²³³.

Как бы там ни было, в послании к IV Съезду Советов от 11 марта 1918 г. В. Вильсон ограничился лишь общим заявлением: «Хотя правительство Соединенных Штатов не имеет в настоящее время возможности оказать непосредственную и эффективную помощь России, я обращаюсь к русскому народу в лице Съезда Советов и прошу верить, что правительство США использует всякий случай, чтобы помочь России сохранить полную независимость в решении вопросов внутренней жизни, равно как и восстановить ее роль в жизни Европы и всего мира»¹²³⁴. В это самое время Америка проливала миллиардный «золотой

дождь» над своими европейскими союзниками. В США находились военные материалы, закупленные для России по кредиту Керенского на 450 млн. долл., спустя несколько месяцев Америка начнет вкладывать десятки миллионов долларов в интервенцию в Россию. Возможности для материальной помощи, и огромной помощи, у США были, но она их даже не попыталась использовать. Очевидно, что Вильсон, несмотря на его симпатии к России, «не имел возможности» оказать ей помощь не по экономическим, а по сугубо политическим причинам. Отказ Соединенных Штатов в помощи обрекал Россию на поражение и Брестский мир. Депутаты Съезда Советов, видимо понимая это, ответили на послание Вильсона собственным. В нем выражалась признательность американскому народу и... надежда, что трудящиеся массы скоро сбросят капиталистическое ярмо¹²³⁵.

Робинс утверждал, что так была упущена возможность неизмеримых исторических пропорций¹²³⁶. Американский историк Л. Гарднер считал: «В любом случае, если бы последовало предложение помощи, Ленин не смог бы его утаить. И если даже прибытие американского

294

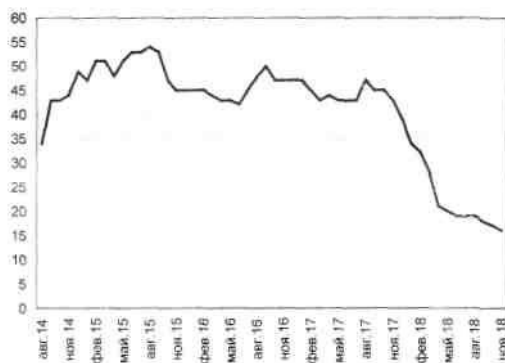
предложения ничего не изменило бы в этот вечер — или в следующее десятилетие, — изменились бы советские отношения с Западом»¹²³⁷. Кеннан полагал, что «если бы Робинс сумел в тот момент объявить Ленину о положительном ответе властей его страны на вопрос Троцкого, договор мог остаться нератифицированным»¹²³⁸. Д. Дэвис и Ю. Трани также приходят к выводу: «Восточный фронт можно было спасти... Если бы Робинс добился в Вашингтоне успеха, возможно, успешной была бы и формула Троцкого «ни войны, ни мира». Брестский мир мог остаться неподписанным»¹²³⁹. Но заявление В. Вильсона и «молчание» английского и французского правительств означало фактический отказ союзников от выполнения своих союзнических обязательств по оказанию помощи России и русской армии в противостоянии наступающим немецким войскам, какие бы политические мотивы за этим ни стояли. Именно потому, что союзники в очередной раз бросили Россию на произвол судьбы, Брестский договор был ратифицирован. Фрэнсис позже писал, что Г. Зиновьев, вернувшись в Петроград, заявил: «Мы дали пощечину президенту Соединенных Штатов»¹²⁴⁰.

С другой стороны, в революционной среде «внутренний и международный авторитет большевиков был... серьезно подорван заключением сепаратного мира с Германией, который расценивался как предательство интересов мировой революции»¹²⁴¹... Большевики же рассматривали Брестский мир только как «временную передышку». На VII экстренном съезде партии 16 марта 1918 года Ленин говорил: «Никогда в войне формальными соображениями связывать себя нельзя. Смешно не знать военной истории, не знать того, что договор есть средство собирать силы...» Троцкий позже оценивал Брестский мир следующим образом: «Нет никакого сомнения в том, что если мы не оказались вовлеченными в безнадежную войну, которая закончилась бы разгромом русской революции в течение 2-3 месяцев, то этим партия и революция обязана той решительности, с какой тов. Ленин поставил вопрос о необходимости временной капитуляции, — «перехода на нелегальное положение по отношению к германскому империализму»... Но, оглядываясь назад, можно сейчас с полной уверенностью сказать, что временный разрыв Брест-Литовских переговоров и переход германских войск в наступление против нас в последнем счете не повредил, а, наоборот, помог делу европейской революции. После захвата немцами Двинска, Ревеля и Пскова английские и французские рабочие не могли, разумеется, верить, что дело идет о закулисной сговору большевиков с Гогенцоллерном. Это надолго затруднило бандитам Соглашения возможность наступать на нас»¹²⁴².

Для союзников последствия Брестского мира выглядели еще более трагичными, чем для России. До середины 1918 г. им пришлось выдержать несколько страшнейших, отчаянных ударов немецких войск. Оставив сорок второсортных пехотных и три кавалерийских дивизии на востоке в качестве гарнизона на огромных территориях, отданных большевиками по условиям Брест-Литовского договора, Людендорф мог развернуть на Западе 192 дивизии против 178 дивизий союзников.

295

Доля дивизий (пехоты и спешенной кавалерии) центральных держав, находящихся на Восточном фронте (в % от общего количества дивизий, действовавших на Западном и Восточном фронтах)¹²⁴³

Через неделю после подписания Брест-Литовского договора немцы пошли на решительный штурм Запада, чтобы успеть до прибытия американских войск. За четыре месяца союзникам пришлось выдержать пять волн ожесточенных атак немцев. На головы английских и французских солдат обрушилось почти 5 млн. снарядов, в том числе и с ядовитыми газами. Немецкие ударные части шли напролом в разрыв между английскими и французскими армиями, не обращая внимания на свои потери. Немцы, взяли в плен почти 200 тыс. союзных солдат, форсировали Марну и вновь, как и в 1914 г. подошли к стенам Парижа. Союзники были деморализованы, в Версале говорили об эвакуации Парижа, Хейг отдал приказ о подготовке эвакуации тыловых частей и затоплению подступов к Дюнкеру и Кале (там же, с. 755). Секретарь британского военного кабинета М. Хэнки писал в те дни: «Мне не нравится происходящее. Немцы сражаются лучше чем союзники, и я не могу исключить возможности поражения»¹²⁴⁴. Вильгельм уже праздновал победу и вручил Гинденбургу Большой Крест с золотыми лучами, которым последний раз был награжден Блюхер за победу над Наполеоном в сражении при Ватерлоо¹²⁴⁵.

Но союзные армии продолжали обороняться. Приказ Фоша гласил: «Мы должны сражаться..., мы не должны уступать ни единого дюйма» (там же, с. 524). Командующий британскими силами Хейг вторил: «У нас нет другого пути, кроме как сражаться. Каждую позицию нужно защищать до последнего человека, иного выхода у нас нет. Прислонившись спиной к стене и веря в справедливость нашего дела, каждый из нас должен сражаться до конца»¹²⁴⁶. В критических условиях англичане согласились подчиниться единому командованию в лице маршала Фоша.

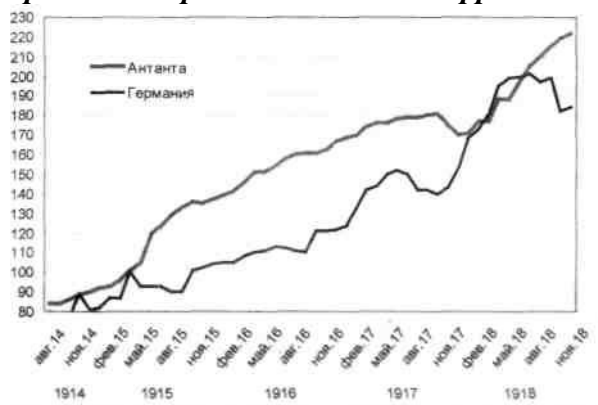
296

Потери союзников за четыре месяца немецкого наступления были сравнимы с потерями за самый тяжелый предшествующий год войны. Однако и немецкие войска уже выдохлись. К середине апреля потери ударных немецких армий составили полмиллиона человек. В рапорте поступившем из шестой армии сообщалось: «войска не атакуют, несмотря на приказы. Наступление остановилось» (Киган Д., с. 530). Людендорф в то время признавал: «Преодолеть

сопротивление противника вне наших возможностей» (Уткин А.И., с. 106). Тем не менее Людендорф снова приказывает наступать. Несмотря на силу их атак, это была уже агония. К середине июня немецкая армия встала.

Начало союзного контрнаступления ввело в депрессию высшее немецкое командование. Канцлер Г. фон Гертлинг вспоминал: «18 июля даже самые большие оптимисты среди нас знали, что все потеряно» (там же, с. 143). 24 июня Кюльман указывает, что не следует ожидать «какого-либо определенного окончания войны посредством чисто военного решения» (там же, с. 129). 8 июля он подает в отставку (Киган Д., с. 534). 8 августа Кайзер заявил Людендорфу «Мы достигли пределов своих возможностей, войну следует заканчивать» (Уткин А.И., с. 151). 15 августа принц Р. Баварский писал новому канцлеру — М. Баденскому: «наше военное положение ухудшается так быстро, что я более не могу рассчитывать на то, что мы продержимся до зимы; катастрофа, возможно наступит раньше» (там же, с. 151). 2 сентября Вильгельм II признал поражение: «Битва проиграна. Наши войска отступают без остановки начиная с 18 июля. Фактом является, что мы истощены... Наши армии просто больше ничего не могут сделать» (там же, с. 564).

Количество дивизий (пехоты и спешенной кавалерии) армий Антанты и Центральных держав на Западном фронте¹²⁴⁷

297

Успех союзникам обеспечил материальный перевес, созданный за предшествующие годы позиционной войны. Так в контрнаступление союзников в июле 1918 г. пошло 600 танков, которым противостояли 170 танков отбитых ранее немцами у французов и англичан (Киган Д..., с. 536). Но главный вклад в победу союзников обеспечили свежие американские части и их невероятные материальные ресурсы, которые в марте стали прибывать в Европу. По словам Людендорфа возрастающее недоумение в его армии и состояние предчувствия поражения возникало только при виде одного количества американцев, ежедневно прибывающих на фронт (там же, с. 538-539). «На самом деле было несущественно, хорошо сражались "пончики" или нет, — отмечал Киган. — Решающее значение имел эффект самого их появления. Противник находился в глубокой депрессии. После четырех лет войны, в которой немцы уничтожили царскую армию, разбили итальянцев и румын, деморализовали французов и как минимум сделали невозможной явную победу британцев, теперь они оказались лицом к лицу с армией, чьи солдаты появлялись в несчетных количествах, словно земля была засеяна драконьими зубами. Прошлые надежды на победу были основаны на соотношении сил, которое поддавалось подсчету. Вмешательство армии Соединенных Штатов свело все вычисления на нет» (там же).

Накалялась ситуация и внутри Германии. Первый звонок прозвучал еще в начале 1918 г., когда Брест-Литовские переговоры привели к массовым забастовкам в знак протеста против провала мирных переговоров, К 28 января

только в Германии бастовало более одного миллиона рабочих, а кроме этого бастовали Вена, Прага, Будапешт... Были образованы первые рабочие советы. В то время Ллойд-Джордж писал: «Большевики представляют собой страшную угрозу для Австрии и Германии... наши сведения о внутреннем положении в Австрии позволяли нам надеяться, что распространение большевизма серьезно угрожает двуединой монархии...» (Ллойд-Джордж, Указ. соч., с. 98). Австрийские моряки подняли 1 февраля в заливе Каттаро восстание под красным флагом, к которому присоединились моряки германских подводных лодок. Ленин писал: «А три месяца назад над нами смеялись, когда мы предсказывали революцию в Германии».

18 марта 1918 г. в заявлении союзников говорилось: «Брестский мир — политическое преступление, которое под именем германского мира было совершено против русского народа. Россия была безоружна... русское правительство в порыве странной доверчивости ожидало достигнуть путем убеждения «демократического мира», которого оно не могло достигнуть путем войны. Результатом было то, что последовавшее тем временем перемирие не успело еще истечь, как германское командование, хотя и обязанное не изменять расположения своих войск, перебросило их массами на Западный фронт, а Россия была так слаба, что она даже не посмела поднять протест против этого вопиющего нарушения данного Германией слова... Таких мирных договоров, как эти,

298

мы не будем и не можем признавать. Наши собственные цели совершенно иные...»¹²⁴⁸ У. Черчилль был менее щепетилен. Брестский мир привел его в бешенство. А 11 апреля 1919 г., он заявлял, что «гибель каждого английского и французского солдата, убитого в прошлом году, — дело рук Ленина, результат не имеющего параллелей в мировой истории предательства по отношению к союзнику»¹²⁴⁹.

Но на бумаге констатируется лишь факт уже свершившегося мира или капитуляции, сами они достигаются не за столом переговоров... России капитуляция была не в новинку. Она капитулировала в Крымской войне 1853-1856 гг., в русско-турецкой — 1877-1878 г., в русско-японской — 1904-1905 гг. Капитулировала не потому, что ее армия потерпела полный разгром, а Москва и Петербург были захвачены неприятелем, а потому что оказывалась на грани экономического и политического краха. Революционные волнения в виде крестьянских бунтов последовали за Парижским миром 1856 г., от них Александр II откупился отменой крепостного права; за Берлинским миром 1878 г. последовала вспышка революционного терроризма, жертвой которого стал тот же Александр II; после Портсмутского мира 1905 г. вспыхнула Первая русская революция. Николай II едва удержал трон, согласившись на Манифест.

Первая мировая война по масштабам, по количеству мобилизованных, по экономическим потерям, по количеству жертв, по продолжительности в несколько раз превосходила все эти предшествующие войны вместе взятые. И Брестский мир был подписан задолго до появления большевиков кровью, голодом и разорением во время войны.

Чтобы лучше понять движущие силы истории, приведшие к революции и Брестскому миру, нам важно знать не столько, кто зафиксировал этот факт, сколько то, кто его совершил. Для этого нам нужно вернуться назад.

ТЕНДЕНЦИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ

В нас говорило чувство долга защитить память той армии, которая, в полном смысле слова пожертвовала собой, дала победу своим союзникам.

*Н. Головин*¹²⁵⁰

1914 г. Фактически война для России началась не с 1 августа — дня объявления Германией войны России, а с неоднократных панических просьб французского правительства ускорить вторжение русской армии в Германию. Из мемуаров французского посла в Петрограде г. Палеолога можно убедиться, как настойчивы были просьбы Франции о помощи и с каким горячим сочувствием принимались эти просьбы Россией. Уже 23 июля (5 августа), т.е. на следующий день после объявления войны Германией Франции, ее посол г. Палеолог сделал императору Николаю II следующее заявление: «Французская армия вынуждена будет

299

выдержать могущественный натиск 25 германских корпусов. Я умоляю Ваше Величество приказать Вашим войскам немедленное наступление. Иначе французская армия рискует быть раздавленной»¹²⁵¹. 8 (21) августа Палеолог записывает: «На бельгийском фронте наши операции принимают дурной оборот. Я получил приказание воздействовать на императорское правительство, дабы ускорить, насколько возможно, наступление русских армий». Это требование нарушало уже сформированные стратегические планы, и, по мнению Головина, «подобная просьба была в полном смысле слова равносильна требованию от России самоубийства»¹²⁵². 13 (26) августа Палеолог снова получает телеграмму из Парижа: «...Нужно настаивать на необходимости самого решительного наступления русских армий на Берлин. Срочно предупредите российское правительство и настаивайте».

Министр иностранных дел С. Сазонов отвечал Палеологу, что поспешное наступление на Восточную Пруссию осуждено на неизбежную неудачу, так как «наши войска слишком разбросаны... но мы не имеем права дать погибнуть нашему союзнику...»¹²⁵³ Русский военный атташе в Париже граф Игнатьев сообщал, что в некоторых французских полках потери составляют 50%, и добавлял: «Стало ясно, что исход войны будет зависеть от того, что мы сможем сделать для того, чтобы оттянуть немецкие войска на нас»¹²⁵⁴.

Бьюкенен вспоминал: «Следуя плану кампании, Россия должна была сразу начать наступление на Австрию на юге и обороняться на севере до тех пор, пока все не будет готово для более серьезного наступления на Германию. Если бы Россия считалась только со своими интересами, это был бы для нее наилучший способ действия, но ей приходилось считаться со своими союзниками. Наступление германской армии на западе вызвало необходимость отвлечь ее на восток. Поэтому первоначальный план был соответствующим образом изменен, и 17 августа, на следующий день после окончания мобилизации, генерал Ренненкампф начал наступление на Восточную Пруссию... По мнению лучших русских генералов, такое наступление было преждевременно и обречено на неудачу... Но Россия не могла оставаться глухой к голосу союзника, столица которого оказалась под угрозой, и армии Самсонова был отдан приказ наступать»¹²⁵⁵. По словам французского историка Ecole de Guerre это был «жест, несомненно, рыцарский, но... чреватый большими опасностями»¹²⁵⁶.

Между тем французы имели основания требовать русского наступления, поскольку начальник Генерального штаба генерал Жилинский в 1912 г. обязался выставить только против Германии на 15-й день войны 800 тысяч солдат — половину русской армии мирного времени. По мнению Н. Головина: «Обязательство начать решительные действия против Германии на 15-й день мобилизации является, в полном смысле слова, роковым решением... Это в полном смысле слова государственное преступление»¹²⁵⁷.

Русская армия, не закончив мобилизацию и развертывание войск, без подготовки с марша перешла в наступление. Успех наступления

во многом объяснялся тем, что немцы его просто не ожидали. Русская армия вступила в бой всего через две недели после объявления войны*. По расчетам немцев, русские физически могли начать наступление не раньше чем на 40-й день с начала мобилизации¹²⁵⁸. Но президент Франции был недоволен: «Мы вынуждены констатировать, что медленность русской мобилизации и концентрации русских войск делает нашего русского союзника неспособным действовать с желательной быстротой»¹²⁵⁹. Для сравнения — английский экспедиционный корпус только к 20 числу был перевезен в район сосредоточения. Б. Такман по этому поводу отмечала: «Можно согласиться с Ланрезаком, что англичане не очень спешили»¹²⁶⁰.

По численности северные русские армии" превосходили немецкую группировку почти в 2 раза — с примерным равенством по легким орудиям и отставанием по тяжелым в 6 раз¹²⁶¹. «Однако на фронт две армии прибыли с разницей в пять дней, их разделяло 80 км пересеченных озерами земель, то есть три дня марша, которые не позволяли быстро прийти на помощь друг другу»¹²⁶². Армия Самсонова начала наступление на растянутом фронте в 120 км. При этом в армии еще «фактически отсутствовали тыловые службы, и войска по несколько дней не получали питания»¹²⁶³, не была налажена связь между войсками. Финал был предсказуем. Два русских корпуса были разгромлены. Это было первое в истории крупное поражение русской армии в битве с немцами. Командующий армией генерал Самсонов застрелился. Безвозвратные потери русской армии составили 120 тыс. чел. А. Гучков, находившийся в армии Самсонова, позже заявит, что в тот момент он «пришел к полному убеждению, что война проиграна». Участник боев генерал Клюев констатировал: «Причины катастрофы: неготовность армии к наступлению, неустройство тыла и коммуникаций, несистемность и чрезмерная форсированность марша, неосведомленность о противнике, растянутость фронта... переутомление от непрерывного марша с боями, от бессонных ночей и недостатка продовольствия». Бьюкенен считал, что «русские руководящие круги в своем стремлении облегчить напряжение на Западе зашли слишком далеко для сложного механизма своей армии. России приходилось очень тяжело. Ей нужно было перебрасывать войска на огромные расстояния по скверным дорогам, а в Польше, которую немцы заняли в начале войны, ей приходилось сражаться, имея с обоих флангов враждебную территорию».

Помимо объективных причин как союзники, так и противники России в войне отмечали крайне низкий профессиональный уровень русских генералов: Б. Такман пишет о безынициативности и недостатке способных генералов¹²⁶⁴. Нокс восхищался оптимизмом и выносливостью русского солдата и одновременно отмечал «слабую, бесконечно

* «План Шлиффена», учитывал разницу сроков мобилизации в Германии (10 дней) и России (30 дней). Поэтому основная масса войск направлялась на Запад, чтобы разбить французскую армию еще до сосредоточения русской. ** Самсонова и Ренненкампа.

слабую организацию войск — особенно в сравнении с безупречной машиной, управляемой прусскими офицерами». Г. Иссерсон делал из поражения Самсонова еще более обширные выводы: «История говорит: было бы неправильно считать генерала Самсонова и его действия единичными в русской армии; нет, и он и его действия являются, пожалуй, проявлением того самого благородного, что можно было найти в русской царской армии... Полная неподготовленность к управлению большими вооруженными массами, непонимание самой техники управления, притупленность оперативной восприимчивости и косность оперативной мысли — все эти черты, так наглядно выявившиеся в действиях ген. Самсонова, были

характерны для всей старой русской военной школы»¹²⁶⁵. Черчилль со свойственным ему красноречием писал: как мог Самсонов не ощутить 27 августа нависшую над ним смертельную опасность? — «Естественным был бы приказ отступить. Но темный дух фатализма — характерно русского, — казалось, лишил сил обреченного командующего... лучше погибнуть, чем отступить. Завтра, может быть, поступят хорошие новости. Ужасающая психическая летаргия опустилась на генерала, и он приказал продолжать наступление. По выражению Гинденбурга, «эти войска жаждали уже не победы, а самоуничтожения»¹²⁶⁶.

С другой стороны, о Самсонове современники отзывались как о «блестящем уме, укрепленном хорошим военным образованием», с безупречными моральными качествами¹³⁶⁷. Очевидно, что армию Самсонова вперед гнал не «фатализм» и не «летаргия», а приказ царя во исполнение просьбы французского союзника. Генералы Янушкевич и Жилинский еще до начала боевых действий заявляли: «Поспешное наступление в Восточную Пруссию осуждено на неудачу, так как войска еще слишком разбросаны и перевозка встречает массу препятствий»¹²⁶⁸. Позже Жилинский скажет французскому военному атташе Лагишу: «История проклянет меня, но я отдал приказ двигаться вперед»¹²⁶⁹. Русская армия Самсонова фактически пожертвовала собой ради исполнения союзнического долга. Несогласованность действий двух русских армий объясняется прежде всего отсутствием надлежащей подготовки к наступлению — без разведки, без планов, без тылов, без резервов русская армия, повинувшись долгу, наступала в неизвестность на чужой территории; ее гибель была предрешена*. Самсонов докладывал Жилин-

* Некоторые исследователи относят поражения русских армий на счет того, что все свои переговоры в первые месяцы войны русские вели по радио открытым текстом. Гинденбург и Гофман вспоминали: «Благодаря радиосообщениям противника мы знали все не только о диспозиции противника, но и о его намерениях... Мы знали силу русских войск и точное назначение каждой из задействованных русских частей». В дальнейшем выявилась полностью несогласованность действий двух русских армий. Гинденбург изумлялся: неужели Ренненкампф «не видел, что правый фланг Самсонова находится под угрозой полного поражения, что угроза его левому флангу усиливается с каждым

302

скому: «Армия наступает со времени Вашего приказания безостановочно, делая переходы свыше двадцати верст по пескам, посему ускорить не могу»... «Солдаты находятся на марше по двенадцать часов в день без привалов. Они измотаны, и поэтому большей скорости движения достичь невозможно. Территория опустошена, лошади давно не получали овса, нет продовольствия»¹²⁷⁰. «Люди были ужасно измучены... три дня они не видели хлеба...»¹²⁷¹

Вторая русская армия медлила прийти на помощь гибнущей армии, два дня она вообще простояла на месте*. По мнению Людендорфа: «Огромная армия Ренненкампфа висела, как грозная туча... Ему стоило только двинуться, и мы были бы разбиты»¹²⁷².

После разгрома армии Самсонова «Людендорф... на чистом русском языке потешался над побежденными и хвалился, что теперь русская граница открыта для вторжения...»¹²⁷³ Однако армия Ренненкампфа закрыла немцам дорогу в глубь России. «Победа на поле боя не имеет большого значения, — говорил Шлиффен, — если она не приводит к прорыву или окружению. Отброшенный назад противник вновь появляется на других участках, чтобы возобновить сопротивление, от которого он временно отказался. Кампания будет продолжаться...»¹²⁷⁴ Э. Людендорф считал, что Ренненкампф «очень своевременно начал отступление... Русские сумели организовать отступление и продвигали массы по местности без дорог... Я все время не оставлял мысли, покончив с Ренненкампфом, начать наступление на Нарев... Соответственные распоряжения уже отдавались, но им не суждено было осуществиться...»¹²⁷⁵ Киган

отмечает, что Ренненкампф «блестяще организовал маневр своих войск» и своими девятью дивизиями выдержал напор восемнадцати дивизий Гинденбурга, проводя грамотное планомерное отступление, закончившееся контрнаступлением с восстановлением рубежей, «достигнутых часом?» (Hindenburg P. Out of my Life. — Lnd., 1922. P. 123; Hoffman M. War Diaries and other papers. — Lnd. Vol. 1, 1929. P. 62, 95. (Уткин А. И... С. 48-50, 68.)) На французском театре германцы были также вынуждены в начале войны перейти к незашифрованному радио после почти общих случаев путаницы шифра. (Зайончковский А.М... С. 177.) Киган пишет, что и на русском фронте немцы часто передавали некодированные сообщения. «Проблемы русских были вызваны не обломовской ленью, а трудностями при распределении кодовых книг; кроме этого, сказывалась нехватка переводчиков» (для перехвата немецких сообщений)». (Киган Д... С. 182.) Почему у немцев были переводчики, а у русских нет? Одним из ответов может стать заметка М. Салтыкова-Щедрина. В книге «За рубежом», 1881 г. он описывает свою встречу в Германии с белокрысым юношей, заявившим: «Я солдат; мы уф Берлин немного учим по-русску... на всяк случай!» М.Салтыков-Щедрин замечал: «Мы, русские, с самого Петра I усердно «учим по-немецку» и все никакого случая поймать не можем, а в Берлине уж и теперь «случай» предвидят и учат солдат «по-русску». (Салтыков-Щедрин М.Е... С. 79.) Кстати, немецкие генералы Людендорф и Гинденбург свободно владели русским языком.

Часть исследователей относит медлительность Ренненкампфа на счет его личных разногласий с Самсоновым, возникших во время русско-японской войны.

303

в течение августовского вторжения...»¹²⁷⁶ «Было продемонстрировано превосходство русских в маневренной войне и даже в том, что касалось стратегической хитрости. Несмотря на предполагаемое преимущество, которое обеспечивал немцам радиоперехват, Людендорф был удивлен тем, с какой быстротой и секретностью русские осуществили развертывание вдоль Вислы...»¹²⁷⁷

Русский генералитет действительно нередко уступал немецкому, что стало одной из причин поражения русских армий. Одних только высоких моральных качеств, прекрасного образования и выучки недостаточно для успеха в том или ином деле. Одну из ключевых ролей здесь играет индивидуализм. Он культивирует агрессивность и инициативу, стремление к самосовершенствованию, самодисциплину и самоуважение. Все это было развито в немецких офицерах и генералах и крайне редко встречалось в русских. Русская армия в начале XX века, несмотря на технический прогресс, оставалась в психологическом плане армией постфеодальной, как, впрочем, и все общество, включая низшие и высшие классы. Даже в организации армии сохранялись черты прошлого века, так «в отличие от иностранных русская армия все еще сохраняла архаичную систему тылового обеспечения войск, при которой строевые части сами закупали для себя значительную часть продовольствия, сами «строили» себе обмундирование и заготовливали различные предметы снабжения...» В результате строевой офицер занимался не столько военным делом и воспитанием солдат, сколько хозяйственными делами.

Другой пример связан с назначением на должность, в России сохранялся традиционный подход дружеского или родственного протекционизма, в германской армии претензии на очередной чин необходимо было доказать. Как указывал в 1912 г. генерал Я. Червинка: «равной приблизительно ценности заграничных и наших офицеров в первом чине» «немецкие офицеры, начиная с чина капитана, в общем уже значительно опережают в военном деле наших»¹²⁷⁸. Вполне естественным на этом фоне выглядит характеристика высшего командного состава русской армии, данная генералом Залесским: «Много авантюры, много невежества, много эгоизма, интриг, карьеризма, алчности, бездарности и недалковидности и очень мало знания, талантов, желания рисковать собою и даже своим комфортом и здоровьем»¹²⁷⁹. Сухомлинов отмечал «в особенности среди старших офицеров» пассивность и склонность «более к

обороне, нежели к наступлению»¹²⁸⁰. М. Лемке обращал внимание на «боязнь начальников принять на себя ответственность за собственные распоряжения. Этой болезнью армия страдала всегда наряду со всей чиновницей Россией; она уже давно стала природно-хронической, принимая острую форму во время каждой войны»¹²⁸¹. Генерал Зайончковский приходил к радикальным выводам: «Русские войска в ко-

304

нечном результате потерпели поражение не столько от германских войск, сколько от своих бездарных высших начальников»¹²⁸².

Еще в 1907 году члены «Особой подготовительной комиссии при Совете государственной обороны» разбирали причины слабости русского офицерского корпуса. Генерал Иванов: «Упрекнуть наших офицеров в готовности умереть нельзя, но подготовка их в общем слаба, и в большинстве они недостаточно развиты; кроме того, наличный офицерский состав так мал, что наблюдается как обычное явление, когда в роте налицо всего один ротный командир. Старшие начальники мало руководят делом обучения; их роль сводится, по преимуществу, к контролю и критике. За последнее время приходится констатировать почти повальное бегство офицеров из строя, причем уходят, главным образом, лучшие и наиболее развитые офицеры». О повальном бегстве из строя «всего наиболее энергичного и способного» говорил и генерал Эверт. А генерал Мышлаевский добавлял: «С полным основанием можно сказать, что наши военные училища пополняют не столько войска, сколько пограничную стражу, главные управления и даже в значительной мере гражданские учреждения»...¹²⁸³ Все они — Иванов, Эверт, Мышлаевский и другие — видели главную, некоторые — исключительную причину ослабления офицерского корпуса в вопиющей материальной необеспеченности его, а в устранении этого положения — надежнейшее средство разрешения офицерского вопроса...»¹²⁸⁴

В переломный момент войны в феврале 1916 г. М. Алексеев писал М. Родзянко: «Штабы всех наименований надо уменьшить в 3-4 раза... Надо решительно покончить с этой гидрой... Роскошь и эпикурейство должны быть вырваны с корнем. Если на войне можно вставать в 11 часов утра, есть и пить, как на празднике, и до поздней ночи играть в карты, то это не война, а разврат... Обозы штабов и частей войск надо сократить в 3-5 раз... Надо заставить всех военных *добросовестно* заниматься *делами войны** а не... спекуляциями, наживами, наградами, выскакиваниями в дамки без риска для жизни и даже без серьезного труда»¹²⁸⁵. При этом начальник Штаба Ставки Верховного главнокомандующего фактически расписывался в полной собственной беспомощности, в существующих условиях, как-либо изменить ситуацию. Алексеев находил выход только в диктатуре и этим предложением фактически заканчивал свое обращение к председателю ГосДумы.

Кризис командования был «характерен не только для всей старой русской военной школы», но вообще для всех армий союзников на первом этапе войны. Правда, в отличие от русской армии оргвыводы там последовали незамедлительно. Так, в стремительно отступающей французской армии ее главнокомандующий генерал Жоффри в течение пер-

* Выделено в оригинале.

305

вого месяца войны отрешил от должности по служебному несоответствию 30% всего высшего командного персонала¹²⁸⁶. К январю 1915 г. из 48 довоенных командиров французских пехотных дивизий 36 были смещены со своих постов. Жоффри заявлял: «Я без сожаления расстаюсь с некомпетентными генералами и заменяю их теми, кто моложе, энергичнее и способнее»¹²⁸⁷. Б. Такман, в свою очередь, отмечает, что «Жоффри и его второстепенные божества намеревались

свалить все неудачи на некомпетентность командиров, солдат...»¹²⁸⁸ Историк Б. Лиддел Гарт был крайне невысокого мнения о военных талантах самого начальника Генерального штаба Франции Жоффра¹²⁸⁹. А. Игнатъев приводил один из примеров, подтверждающих эти слова: «Перегруппировка французской армии потребовала в первую очередь срочной переброски на север французской кавалерии под начальством генерала Сорде. По словам Лабурда, она почти целиком погибла от непосильных переходов в страшную жару и отсутствия воды в Арденнских горах. Стальным кирасирам, голубым гусарам и конно-егерям пришлось первыми бесславно заплатить за ошибки первоначального неправильного развертывания французских армий»¹²⁹⁰. Депутат французского парламента Марген восклицал: армия «глубоко возмущена неспособностью генералов... Эта неспособность генералов толкает армию на восстание»¹²⁹¹.

«Неудачи французов, — считает Киган, — были вполне объяснимы. Прежде всего сказались недостатки в управлении войсками. Армии получали задачи для действий в расходящихся направлениях, а наступление осуществлялось без достаточной разведки и устойчивой связи с соседями. В результате этого происходили неожиданные столкновения с неприятелем, что приводило к самовольному отходу некоторых частей, за которыми следовало отступление целой армии»¹²⁹². После поражения французской армии, которое повлекло за собой ее отступление по всему фронту до стен Парижа и далеко за Марну, генерал Жоффра 24 августа отмечал: «Наши армейские корпуса, несмотря на обеспеченное за ними численное превосходство, не проявили в открытом поле тех качеств при наступлении, на которые нам позволяли надеяться частичные успехи вначале...» Пуанкаре, еще недавно обвинявший русскую армию в недостаточной боеспособности, на этот раз сомневался: «Не знаю, не является ли эта оценка несколько строгой для наших войск»¹²⁹³. Всего через несколько дней президент Франции напишет: «Министр сообщает мне убийственные детали. Все оставшиеся у нас надежды погибли. Мы отступаем по всей линии»¹²⁹⁴. Спустя еще несколько дней Пуанкаре констатировал: «Мы должны согласиться на отступление и оккупацию. Так закончились иллюзии последних двух недель...»¹²⁹⁵

В то время как армия Самсонова жертвовала собой, а французы пытались остановить рвущихся к Парижу немцев, английский фельдмаршал Френч, преуспевавший в колониальных войнах, просил Жоффра незамедлительно отпустить его армию, поскольку она устала, на отдых

306

в Англию или по крайней мере за Сену¹²⁹⁶. 30 августа Френч извещал военного министра Китченера: «Моя вера в то, что французское командование сумеет выиграть кампанию, с каждым днем уменьшается»¹²⁹⁷. «После десяти дней кампании он (Дж. Френч) принял решение бросить разбитых французов и отправить экспедиционный корпус обратно в Англию»¹²⁹⁸. «Немцы отмечали инертность и нерешительность английской армии; порой она оставляла позиции без видимой необходимости; «попытки Жоффра побудить англичан хотя бы к кратковременной стабилизации фронта не всегда достигали цели»¹²⁹⁹. «Джон Френч и Вильсон так торопились отступить, что даже приказали «выбросить из транспортных фургонов все боеприпасы и другие предметы, не являющиеся абсолютно необходимыми», чтобы освободить место для перевозки людей... В результате «боевой дух войск резко упал», солдаты считали, что над армией нависла смертельная опасность; к тому же им пришлось выбросить всю лишнюю одежду и обувь»¹³⁰⁰. В это время, по словам Сухомлинова, британский посол требовал от России направить русский корпус для защиты английской столицы на случай появления немцев¹³⁰¹. Ланрезак тогда обвинил англичан в предательстве и добавил «ужасные, непростительные оскорбления в адрес Джона Френча и английской армии»¹³⁰².

Правда, сами англичане были другого мнения: Корреспондент «Таймс» А. Мор в это время писал об английской армии как о принявшей на себя «главный удар немецких войск» и бросил тем самым зерно, из которого вырос миф. Отсюда следовало, будто французская армия была каким-то несущественным придатком английской армии. В действительности же экспедиционный корпус в первый месяц войны вел бои всего лишь с тремя германскими корпусами из тридцати, однако убежденность в том, что он «вынес на себе всю тяжесть удара», постоянно звучала во всех отчетах о сражении под Монсом и в «славном отступлении». Таким образом, в английских умах укрепилась вера, будто бы в период мужества и ужасов первого месяца войны английские войска спасли Францию, Европу и западную цивилизацию. Один английский писатель даже сказал, не краснея от стеснения: «Монс. Смысл этого слова — освобождение мира»¹³⁰³. Историк Д. Макдоно так же однозначно заявляет, что «главным фактором, который обусловил провал плана Шлиффена, было прибытие во Францию британского экспедиционного корпуса»¹³⁰⁴. Аналогичного мнения был и У. Черчилль: «Там, где на чашу весов положены великие события,— каждый малейший факт или фактор может иметь решающее значение. Некоторые говорят, что таким фактором явилось великодушное наступление России, повлекшее за собою отозвание германским штабом двух армейских корпусов...; другие считают, что это — заслуга Галлиени, из Парижа в мгновение ока очутившегося на фронте, или заслуга Жоффра с его хладнокровием и стойкостью. Мы, англичане, естественно, склонны останавливаться

307

на той роли, которую сыграл сэр Джон Френч с его пятью дивизиями; многие другие также заявляют основательные претензии по поводу своего участия в этом деле»¹³⁰⁵. К словам Черчилля можно добавить, что доля британских войск в Европе составляла всего 5% от численности французских войск, или менее 3% от численности всех войск Антанты в начале Первой мировой войны.

Английский историк Б. Такман, характеризуя высший английский генералитет, отмечала, что Д. Френч, подобно Жоффру, «был назначен начальником штаба, не имея ни опыта штабной работы, ни соответствующего образования»¹³⁰⁶. Не привыкший к научным занятиям и отвыкший от чтения, по крайней мере после своих боевых успехов, Френч был известен более своим плохим характером, чем умственными способностями. «Я не думаю, чтобы он был умен, — поделился как-то король Георг V со своим дядей, — и в добавление ко всему у него еще и ужасный характер». Как и его французский коллега, Френч был необразован и отличался от Жоффра в основном тем, что тот был крайне тверд в своих решениях, а Френч как-то особенно поддавался влиянию настроений людей и предрассудкам¹³⁰⁷. Под подозрения были поставлены способности и самого военного министра фельдмаршала Китченера, который ставил «особой задачей войск... помогать французам и в конечном результате восстановить нейтралитет Бельгии», — что было равносильно, по мнению Такмана, предложению о возвращении утраченной девственности. Поскольку «численный состав английских войск и возможности пополнения крайне ограничены» и имея эти соображения постоянно в виду, Китченер призывал проявлять «максимум осмотрительности в отношении потерь»¹³⁰⁸. Б. Такман говорит и о «привычной чувствительности, присущей английским офицерам, к социальному происхождению. Борьба за «республиканизацию» французской армии привела к увеличению, с английской точки зрения, «недженгельменов». Несколько месяцев спустя Френч сообщал Китченеру, что «они низкого происхождения, и всегда приходится помнить, из какого класса вышло большинство их генералов». Французский главнокомандующий не составлял исключения — он был сыном торговца»¹³⁰⁹.

«Генералитет Первой мировой войны, — отмечал Киган, — один из наиболее спорных вопросов ее историографии. Хорошие генералы и плохие генералы изобилуют в описаниях войны, которые превращают этих людей в объекты критики или восхваления. В свое время почти все ведущие военные командиры представлялись великими людьми... В период между войнами их репутации разрушались в основном руками авторов мемуаров и романов — Сассуна, Ремарка, Барбюса, — чье реалистическое изображение «войны снизу» неумолимо подрывало положение тех, кто возвышался над ним. После Второй мировой войны нападки на репутации продолжились. Началась эра историков, по-

308

пулярных и академических, особенно в Великобритании, которые продолжали изображать британских генералов «ослами, ведущими львов», бездушными извергами, обрекавшими молодое поколение на смерть в полях Фландрии, или как психологически несостоятельных людей. Было осуществлено несколько контратак, особенно в попытке спасти репутацию Хэйга, который стал мишенью для драматургов, продюсеров фильмов и авторов телевизионных документальных фильмов, убежденных, что Первая мировая война стала демонстрацией гнетущей атмосферы британской классовой структуры»¹³¹⁰. Рассуждения Кигана заканчиваются сентенцией: «Генералы всегда готовятся к старой войне». «Все ошибки генералов 1914 года были в основном сделаны до войны. Их ум позволял им приспособить для своих нужд технологии, уже имевшиеся в распоряжении, например, разветвленную сеть европейских железных дорог. Но им недоставало широты мышления, чтобы оценить значение или возможности новых технологий, среди которых двигатель внутреннего сгорания и радио были наиболее значимыми. Они не были способны воспринять и проблемы, для которых эти новые технологии могли стать решением»¹³¹¹.

Вернемся к наступлению русских армий первых дней войны: Самопожертвование армий Самсонова привело к тому, что немецкое наступление на Париж, который военный министр А. Мильеран был уже готов сдать, одновременно взорвав все форты и крепости Вердена, было остановлено. 27 августа французский главнокомандующий Жоффр докладывал Мильерану: «Слава богу, мы имеем благоприятные известия от русских в Восточной Пруссии. Можно надеяться, что благодаря этому немцы будут вынуждены отправить отсюда войска на восток. Тогда мы сможем вздохнуть». Позже Жоффр дополнит: «Воздадим должное нашим союзникам — наша победа достигнута за счет их поражения»¹³¹². 31 августа лорд Китченер телеграфировал Д. Френчу: «32 эшелона германских войск вчера были переброшены с Западного фронта на восток, чтобы встретить русских»¹³¹³. Б. Такман отмечает, что: «Причина этого критического решения крылась в панике, охватившей Генеральный штаб, когда русские начали свое наступление через две недели после мобилизации вместо шести, как рассчитывали немцы»¹³¹⁴. «Председатель восточно-прусского бундесрата прибыл в Генеральный штаб просить о защите родины. Управляющий Круппа писал в своем дневнике 25 августа: «Люди повсюду говорили: «Ба, да русские никогда не закончат своей мобилизации... Мы можем еще долго обороняться». Но сегодня все думают по-другому, и уже слышны разговоры об оставлении Восточной Пруссии». Кайзер был глубоко озабочен. Мольтке сам всегда волновался по поводу слабой обороны на востоке, поскольку, как он писал перед войной, «все успехи на западном фронте ничего не будут стоить, если русские придут в Берлин»¹³¹⁵. В результате в ударную группировку на север Франции было послано на 20% меньше войск,

309

чем того требовал план Шлиффена, они были переброшены на восток*. По словам французского генерала Дюпона, «старый Мольтке должен был перевернуться в

гробу от такой ошибки Мольтке-младшего»¹³¹⁶. Генерал Людендорф утверждал: «Наше наступление на западе потерпело крушение, так как генерал Мольтке взял войска из победоносного положения, и благодаря этому 9 сентября 1914 г. свершилась драма на Марне». Однако Пуанкаре был, как всегда, недоволен Россией: «Это не тот «каток, давящий все на своем пути», о котором мечтали некоторые наши газеты. Но, во всяком случае, это ценная помощь для Франции в решительную минуту»¹³¹⁷. И тут же констатировал: «Очевидно, Германия понимает теперь, что ее план большого внезапного наступления не удался»¹³¹⁸. Действительно, наступление русских армий 1914 г. окончательно похоронило планы немецкого блицкрига. Германия была вынуждена перейти к длительной войне на истощение.

У. Черчилль на этот раз писал: «Нужно отдать должное русской нации за ее благородное мужество и лояльность к союзникам, с которой она бросилась в войну. Если бы русские руководствовались лишь собственными интересами, то они должны были бы отводить русские армии от границы до тех пор, пока не закончится мобилизация огромной страны. Вместо этого они одновременно с мобилизацией начали быстрое продвижение не только против Австрии, но и против Германии. Цвет русской армии вскоре был положен в ходе сражений на территории Восточной Пруссии, но вторжение в Восточную Пруссию пришлось как раз на решающую фазу битвы за Францию»¹³¹⁹. «История должна признать

* В результате на Марне 212 немецким батальонам противостояло 459 батальонов англо-французских войск. Подавляющее превосходство в численности войск Антанты дало повод некоторым исследователям утверждать, что роль России в победе на Марне была незначительной. Однако современники событий практически единодушно были иного мнения. Ведь и до Марны немцы в два раза уступали в численности французам, но дошли почти до стен Парижа. Игнатьев указывает еще на одну причину поражения немцев под Марной. Немцы просто истощили свои силы в гонке за отступавшими французами: «Неподалеку, в сторонке, прижимаясь к стенке, стояла небольшая партия пленных немцев. Это были гвардейцы... По исхудалым лицам немецких пленных, по их потухшим, безразличным взорам можно было убедиться, что эти люди были доведены до предела изнеможения... Их армии пришли на поле сражения измученными не только непосильными переходами по страшной жаре. Но и голодными — из-за отставания продовольственных транспортов и обозов. Когда после сражения на Марне французские врачи вскрыли из любознательности несколько немецких трупов, то в их желудках нашли только куски сырой сахарной свеклы. Поля были еще не убраны, и голодные германские солдаты заменяли свеклой недополученный военный рацион». (Игнатьев А... С. 365.) По мнению А. Игнатьева: «Марнское сражение было выиграно не пехотой, а французской артиллерией... деморализованную долгим отступлением пехоту спасла артиллерия. Это мнение разделял, как я мог впоследствии убедиться, и сам генерал Жоффри». (Игнатьев А... С. 370.)

310

интенсивные лояльные усилия, предпринятые царем и его генералами с целью осуществить наступление с величайшей возможной силой»¹³²⁰.

Б. Такман: «Чего бы она ни стоила России, эта жертва дала французам то, что они хотели: уменьшение германских сил на Западном фронте... Россия, верная союзническому долгу, начала наступление без соответствующей подготовки и оттянула на себя эти части»¹³²¹. Французский генерал Ниссель: «Всем нам отлично известно, насколько критическим было во время битвы на Марне наше положение. Несомненно, что уменьшение германской армии на два корпуса и две кавалерийские дивизии, к чему немцы были принуждены, явилось той тяжестью, которая по воле судьбы склонила чашу на нашу сторону». Французский маршал Фош был весьма далек от симпатий к России, тем не менее он писал: «...Мы не можем забывать о наших союзниках на Восточном фронте, о русской армии, которая своим активным вмешательством отвлекла на себя значительную часть сил противника и тем позволила нам одержать победу на Марне». Фош продолжал: «Если Франция не была стерта с лица земли, то этим прежде всего мы обязаны России»¹³²².

Победа была настолько маловероятна, что французы окрестили ее «Чудом на

Марне»... О том, кто сделал это чудо, напомнил в апреле 1939 г. Ллойд-Джордж: «Идеалом Германии является и всегда была война, быстро доводимая до конца... В 1914 году планы были составлены точно с такой же целью, и она чуть-чуть не была достигнута, если бы не Россия... Если бы не было жертв со стороны России в 1914 году, то немецкие войска не только захватили бы Париж, но их гарнизоны по сие время находились бы в Бельгии и Франции». «Мудрые слова», — сказал Черчилль об этой речи Ллойд-Джорджа в 1948 г.¹³²³

У. Черчилль в статье, опубликованной в мае 1930 года в газете «Дейли телеграф», отметил: «Очень немногие слышали о Гумбинене и почти никто не оценил ту замечательную роль, которую сыграла эта победа. Русская контратака 3-го корпуса, тяжелые потери Макензена вызвали в 8-й немецкой армии панику, она покинула поле сражения, оставив на нем своих убитых и раненых, она признала факт, что была подавлена мощью России». Собрав многие другие суждения в этом же ключе о победе под Гумбиненом, автор заключил: «Надо признать справедливым промелькнувшее одно время в иностранной военной литературе выражение, что сражение на Марне, или, как его называют, «Чудо на Марне», было выиграно русскими казаками». Последнее, конечно, надо отнести на счет пристрастия иностранцев к употреблению слова «русский казак», но сущность всей фразы верна. Да, «Чудо на Марне» было предreshено двадцатого августа на поле встречи 17-го немецкого и 3-го русского корпусов¹³²⁴.

Но это было только началом. После разгрома армии Самсонова русская армия... продолжала наступать. Армии Юго-Западного фронта под командованием Иванова, Алексева, Рузского и Брусилова громили австро-венгерскую армию. «В течение марта русские при каждой возможности контратаковали противника, измотанного жестокими погод-

311

ными условиями и бесплодностью собственных усилий. Генерал фон Краловиц, начальник штаба 10-го австрийского корпуса, сообщал о том, что «люди уже разбиты наголову и беззащитны... Каждый день сотни человек замерзают насмерть; раненые, не способные самостоятельно передвигаться, остаются умирать... нет никаких способов бороться с апатией и безразличием, которая охватывает всех»¹³²⁵. «Австрийцы, чьи потери за первые три месяца 1915 года составили 800 тысяч, в добавление к 1 миллиону 200 тысячам за 1914 год, находились на последнем издыхании. Без огромной помощи Германии, какая бы цена ни должна была быть уплачена за нее политической зависимостью и национальным престижем, империя Габсбургов не могла бы выжить»¹³²⁶. Киган писал об Австрии конца 1914 г.: «Этнический баланс был нарушен, людские и материальные резервы были почти исчерпаны. Если бы русские возобновили свои усилия, это могло бы не просто поставить ее на грань краха, но и вытолкнуть ее за эту грань. «По сути дела, результатом событий 1914 г. было не расстройство «планов Шлиффена», но угроза краха позиций центральных держав в Восточной Европе»¹³²⁷.

В результате Россия оттянула на себя свыше 50% всех дивизий центральных держав. Начальник германского генерального штаба Фалькенгайн считал, что «такое решение (центральных держав) знаменовало собою отказ, и притом уже на долгое время, от всяких активных действий на западе». Действительно, в результате русского наступления Германия была вынуждена в корне поменять свою тщательно разработанную поколениями своих знаменитых генштабистов стратегию. После наступления русских армий главный удар Германии был переориентирован с Франции на Россию...

Россия в 1914-м и в 1915 гг. спасла союзников. Но какой ценой!! Из-за незаконченного мобилизационного развертывания случалось, что кадровая основа армии — младшие унтер-офицеры — в августе-сентябре 1914 г. шли в бой

рядовыми, а старшие — командирами отделений; практически все они погибли. Британский генерал писал о последствиях для русских армий их союзнической помощи Франции: «В 1914 году армия начала боевые действия, недостаток офицеров составлял пять тысяч человек. Через три недели армии Самсонова и Ренненкампа потерпели поражение в Восточной Пруссии, потеряв четверть миллиона солдат. Кроме того, они потеряли лучших офицеров и не было резерва, чтобы заменить их»¹³²⁸. М. Геллер и А. Некрич также отмечали последствия первого года войны для русской армии: «Едва прошел патриотический энтузиазм первых недель войны, как начинает нарастать «кризис власти» в армии. Ее численность возрастает до какой степени, что административная машина оказывается не в состоянии с ней сладить. К июлю 1915 года было призвано 9 миллионов человек. Численность офицеров, недостаточная даже для двухмиллионной армии мирного времени, резко упала в связи с тяжелыми жертвами первого года войны. За год

312

войны офицерские потери составили 60 тысяч человек. Это значит, что из 40 тысяч довоенных офицеров не осталось почти никого...¹³²⁹ К сентябрю 1915 г. редкие фронтовые полки — 3 тысячи солдат — имели более 12 офицеров... Еще больше, чем нехватка офицеров, ощущалась нехватка унтер-офицеров, которые служили связующим звеном между офицерами и солдатами¹³³⁰. С. Волков приводит несколько другие цифры*, но при этом также подтверждает, что «едва ли не весь кадровый офицерский состав выбыл из строя уже за первый год войны»¹³³¹.

Всего за первые полгода войны русская армия потеряла убитыми и пленными более 1 млн. человек кадрового состава армии. На смену профессиональной кадровой армии пришла крестьянская, одетая в солдатские шинели, в офицеры производили всего после нескольких месяцев обучения. Эта «замена» приведет к самым трагическим последствиям...

После катастрофы армии Самсонова генерал маркиз де Лагиш, французский военный атташе, прибыл, чтобы выразить сочувствие русскому главнокомандующему. «Мы счастливы принести такие жертвы ради наших союзников», — галантно ответил великий князь". Чего бы она ни стоила России, — пишет Б. Такман, — эта жертва дала французам то, что они хотели: уменьшение германских сил на Западном фронте. Два корпуса, опоздавшие к Танненбергу, отсутствовали на Марне»¹³³².

В 1915 году русская армия не вела крупных наступательных операций. В феврале 1915 г. великий князь Николай Николаевич указывал: «К сожалению, мы в настоящее время ни по средствам, ни по состоянию наших армий не можем предпринять решительного общего контрманевра, которым мы могли бы перехватить инициативу из рук противника... Единственным способом действия, подсказываемого обстановкой, являются... (частые) контрманевры... по выбору главнокомандующих фронтами, остановить противника в развитии им наступательных действий и нанести ему хотя бы частичное поражение»¹³³³.

Одной из причин потери инициативы русской армией стали новые методы ведения войны. На них указывали слова Людендорфа: «Сила армии не играла роли, так как большое количество боевых припасов для тяжелых орудий сглаживало все затруднения атаки»¹³³⁴. Немецкий генерал добавлял: «На востоке у нас никогда не было недостатка в боевых припасах... На западе обстоятельства складывались иначе, и там чувствительно отзывался (их) недостаток»¹³³⁵.

Как обстояло дело в русской армии, вспоминал Деникин: «Весна 1915 года останется у меня в памяти навсегда. Великая трагедия русской армии — отступление из Галиции. Ни *патронов*, ни *снарядов*.

* Потери офицеров за 1914-1915 гг., поданным С. Волкова, составили 45,1 тыс. чел. (Волков С.

Изо дня в день кровавые бои, изо дня в день тяжкие переходы, бесконечная усталость — физическая и моральная; то робкие надежды, то беспросветная жуть. Помню сражение под Перемышлем в середине мая. Одиннадцать дней жестокого боя 4-й стрелковой дивизии. Одиннадцать дней страшного гула немецкой тяжелой артиллерии, буквально срывавшей целые ряды окопов вместе с защитниками их. *Мы почти не отвечали — нечем.* Полки, измотанные до последней степени, отбивали одну атаку за другой — штыками или стрельбой в упор; лилась кровь, ряды редели, росли могильные холмы. *Два полка почти уничтожены — одним огнем...* 21 марта генерал Янушкевич сообщил военному министру: «Свершился факт очищения Перемышля. *Брусилов ссылается на недостаток патронов... Из всех армий вопль — дайте патронов*»¹³³⁶.

1 мая началось наступление Макензена. «Доблесть русских,—отмечал Б. Линкольн, — значила мало на протяжении последующих двух недель, когда молот армии Макензена крушил третью армию с неумолимой брутальностью»¹³³⁷. «Со времени войны, — сообщал Палеолог, — мы уже в пятый или шестой раз наблюдаем ту же картину. Русский Генеральный штаб готовит большое наступление, германский Генеральный штаб разбивает последнее своими быстрыми движениями и мощной атакой. Русская армия не умеет ни уберечь себя, ни маневрировать, и когда происходит столкновение, она в результате всегда отступает, потому что у ее артиллерии не хватает снарядов»¹³³⁸. Британский представитель при 3-й русской армии сообщал в Лондон: «Эта армия ныне представляет собой безвредную толпу»¹³³⁹. 6 августа на заседании Совета министров Поливанов заявил: «Непоправимой катастрофы можно ожидать в любую минуту. Армия больше не отступает, она просто бежит, и вера в ее силу разрушена»¹³⁴⁰.

«Трудно на словах передать всю драматичность того положения, в котором оказалась русская армия в кампании 1915 года, — вспоминал Н. Головин. — Только часть бойцов, находящихся на фронте, была вооружена, а остальные ждали смерти своего товарища, чтобы, в свою очередь, взять в руки винтовку. Высшие штабы изошрялись в изобретениях, подчас очень неудачных, только бы как-нибудь выкрутиться из катастрофы. Так, например, в бытность мою генерал-квартирмейстером 9-й армии я помню полученную в августе 1915 года телеграмму штаба Юго-Западного фронта о вооружении части пехотных рот топорами, засаженными на длинные рукоятки... Я привожу эту почти анекдотическую попытку ввести «алебардистов» только для того, чтобы охарактеризовать ту атмосферу почти отчаяния, в которой находилась русская армия в кампанию 1915 года»¹³⁴¹. Ген. Алексеев утверждал, что из десяти солдат на линии фронта лишь семеро имели ружья, пулеметы вообще были редкостью. Осенью 1915 года Янушкевич сообщал Сухомлинову: «Армии 3-я и 8-я растаяли... Кадры тают, а пополнения, получающие

винтовки в день боя, наперебой сдаются... Нет винтовок, и 150 тысяч человек стоят без ружей».

Английский генерал Нокс находил причины поражений русской армии в психологических особенностях ее солдат и командиров: «Нельзя не поражаться тому, что многие из выдающихся начальников настолько подавлены убеждением в техническом превосходстве немцев, что считают, что немец «все может»... Среди солдатской массы было много случаев сдачи в плен и дезертирства в тыл. Предпринимаемые строгие меры наказания, по-видимому, мало действительны... Число заболевших громадно. Отыскиваются всякие предлоги, чтобы уйти в тыл.

Среди солдат распространяется убеждение, что не стоит драться, раз везде бьют»¹³⁴². «Русские, — пишет английский историк Чемберс, — начали чувствовать, что они воюют не человек против человека, а умение против умения, и в глубине своего сердца они не могли забыть, что русские в своих знаниях и в своем вооружении не могут сравниться с западной армией. Успехи в Галиции против менее сильной державы не могли компенсировать губительную для морали беззащитность, которую русские стали ощущать после каждого крупного столкновения с немцами»¹³⁴³. Другой английский историк Киган находил слабость духа русского солдата в малограмотности: «Смелость, преданность и послушание солдата-крестьянина обычно компенсировали ошибки и упущения его начальников. Однако, столкнувшись с армиями стран, в которых с неграмотностью было покончено, в то время как в России до этого было еще далеко, русские пехотинцы оказывались во все более невыгодном положении. Их быстро деморализовывали поражения, особенно нанесенные превосходящими силами артиллерии, и они сдавались легко и без стыда, массово, особенно если чувствовали себя покинутыми или обманутыми»¹³⁴⁴.

В утверждениях англичан была своя доля истины, но крайность их суждений выдает и другую особенность, присущую британцам, — англосаксонский национальный снобизм ко всем другим нациям, не только русским. Так, например, английский генерал Э. Айронсайд отмечал в английских солдатах: «отчетливое презрение ко всем "иностранцам"... которое трудно было преодолеть»¹³⁴⁵. Это утверждение можно без большой натяжки распространить на все англосаксонское общество*.

На деле превосходно оснащенные и обеспеченные, «просвещенные» английская и французская армии деморализовывались еще быстрее, чем

* Так, например, Вильгельм II за несколько лет до войны писал: «...до сих пор я ничего не сказал о том чувстве стыда и боли... и все из-за высокомерных и надменных действий (Ваших) министров... Правительству лорда Солсбери следовало бы научиться уважать нас и относиться к нам как к равным», (Мак-Доно Д... С. 361,363-364.)

315

русская, когда всерьез сталкивались с немецкой военной машиной. Вот всего два примера: «Артиллерия была великим уравнивателем сил, — писал Т. Якобс, рядовой 1-го Йоркширского Западного полка. — Никто не смог бы выстоять после более трех часов непрерывного обстрела, не начав чувствовать себя сонным и окоченевшим. После этих трех часов вы буквально измочалены, и им остается только разделаться с вами. Это все равно что получать удары под анестезией; вы не можете оказать никакого сопротивления... Когда «джерри» (немцы) как-то проявляли себя, наша артиллерия тоже проявляла себя и заставляла их успокоиться. Но на этот раз не было никакого ответа. Они были свободны делать с нами все что угодно»¹³⁴⁶. «21 марта 1918 г. ВЕИ потерпели свое первое настоящее поражение за три с половиной года окопной войны. На фронте в девятнадцать миль все передовые позиции англичан были потеряны... Было потеряно множество орудий, целые батальоны сдавались или бежали с поля боя. Те же, кто оставался и продолжал сражаться, понесли тяжелые потери. В общей сложности свыше 7 тысяч британских пехотинцев было убито, 21 тысяча попала в плен...»¹³⁴⁷ Французский офицер писал о состоянии своей части, попавшей под артобстрел: «Мы находились в мерзлой грязи под ужасной бомбардировкой, и единственной защитой являлся узкий окоп... Я прибыл сюда со 175 солдатами, а возвратился с 34, несколько человек сошли с ума, они не отвечают на вопросы»¹³⁴⁸.

Да что союзники, такая же паника овладела даже образцовой немецкой армией, когда она редкий раз столкнулась с полностью экипированной и обеспеченной снарядами русской армией, Б. Такман: «Результат обстрела от

тяжелых орудий бывает самым ужасающим для тех, кто оказывается под огнем. В данном, хотя и редком в 1914 году, случае под огнем оказались германские войска. Пехота была прижата к земле и лежала, не смея поднять голову, рвались патронные и снарядные ящики, носились обезумевшие лошади. Во второй половине дня 35-я дивизия дрогнула под огнем. Одна рота бросила оружие и побежала, за ней вторая, паника охватила целый полк, потом его соседей. Вскоре по полям и дорогам в тыл бежали батальоны. Офицеры дивизии, штаба и сам Макензен бросились к ним наперерез в автомобилях, пытаясь остановить бегущих. Тщетно. Они остановились только через двадцать километров»¹³⁴⁹. «В официальном немецком описании войны о 17-м корпусе сказано: «Великолепно обученные войска, позднее всюду достойно проявившие себя, при первом столкновении с противником потеряли свою выдержку. Корпус тяжело пострадал. В одной пехоте потери достигли в круглых цифрах восьми тысяч человек — треть всех наличных сил, причем двести офицеров было убито и ранено»¹³⁵⁰. Немецким командованием овладела паника: «Когда Притвицу и его штабу доложили о результатах сражения, он принял решение очистить Восточную Пруссию, уйти за Вислу и умолял прислать подкрепление. Естественно, никто в германских штабах не предполагал, что 1-я русская армия не разовьет

316

успех»¹³⁵¹. «8-я германская армия в бою под Гумбиненом,—подтверждал И. Вацетис, — потерпела крупную неудачу, которая при продолжении боя могла бы обратиться в катастрофу»¹³⁵².

Отличия у русского солдата все же были. Но отличался он не столько умением, в котором зачастую превосходил солдат армий других стран, сколько своими психологическими особенностями. Они у русского солдата определялись тем же «общинным духом», что и у высшего генералитета. Индивидуализм культивирует обострение конкурентной борьбы за выживание, ее радикализацию, агрессивность. В схватке индивидуализма и общинного мира побеждает не только оснащенный лучшей техникой или образованием, но и более агрессивный. Русский солдат в психологическом плане уступал немецкому, он был менее агрессивен по своей природе*. Сила русского солдата не в агрессивности, как западного, а в поражающей иностранцев невероятной выносливости, терпении и послушании. Качества, которые вырабатывались в русском человеке эволюционным путем на протяжении столетий.

А. Смирнов выделяет еще одну причину стойкости русского солдата: «Суровая простота крестьянской жизни в «зоне рискованного земледелия», полная лишений борьба с природой за существование — все это давно выработало в русском землепашце ту отмечающуюся русскими же офицерами «простоту взгляда на жизнь и смерть», при которой он особенно и не дорожил своим существованием на этом свете»¹³⁵³. Но и этим особенности русского солдата не исчерпывались. Так, М. Фонвизин приводил пример, когда во время убийства Павла I гвардейцы услышали шум, начали волноваться. Но их командир приказал «Смирно!» и «все время, как заговорщики управлялись с Павлом... ни один гренадер не смел пошевелиться. Таково было действие русской дисциплины на тогдашних солдат: во фронте они становились машинами»¹³⁵⁴. Герцен называл русского солдата «органической машиной со штыком». Тот уровень дисциплины, который поддерживался в кадровой русской армии, не встречался ни в одной другой армии мира.

Совокупность этих черт ярко проявились в одном из случаев с О. фон Бисмарком, о котором он позже писал: «Подобные факты вызывают у нас порицание и насмешку, но в них находят свое выражение примитивная

* У критика подобные рассуждения вызовут насмешку, ну о какой морали можно говорить в России, тем более большевистской, прошедшей через кровь и насилие гражданской войны и

репрессий. В. Шубарт по этому поводу замечал: «Как европейцу возможно, вопреки своей природе, сделать добро, точно так же и русскому возможно вопреки своей природе поддаваться соvrащению зла. Разделение на эгоизм и братство проявляется только в изначальном порыве души, а не в конкретном нравственном поведении человека, которое не обязательно должно быть прямым следствием первого побуждения чувств, но может так же быть и результатом внутренней борьбы, преодоления себя», либо быть следствием влияния внешних обстоятельств.

317

мощь, устойчивость и постоянство, на которой зиждется сила того, что составляет сущность России в противовес остальной Европе. Невольно вспоминаешь в этой связи часовых, которые в Петербурге во время наводнений 1825 г. и на Шипке в 1877 г. не были сняты, и одни утонули, а другие замерзли на своем посту»¹³⁵⁵. Во время Первой мировой войны немцам пришлось вживую столкнуться с этими особенностями русского солдата: «Его физические потребности невелики, но способность, не дрогнув, выносить лишения вызывает истинное удивление», — отмечал генерал Вермахта Г. Блюментритт, обобщая свои лейтенантские воспоминания о Восточном фронте 1915 г.¹³⁵⁶ «Он выдерживает потери и держится еще тогда, когда смерть является для него неизбежной», — заключал берлинский журналист С. Штайчал¹³⁵⁷. «Опыт показывает, что русский солдат обладает почти невероятной способностью выдерживать сильнейший артиллерийский огонь и мощные удары авиации», — констатировал генерал-майор Вермахта Ф. фон Меллентин, в 1942-1945 гг. «Нечувствительность русских к артиллерийскому огню, — напоминает он, — не является каким-то новым качеством — оно проявилось еще в ходе Первой мировой войны»¹³⁵⁸.

Нельзя не заметить, каким кардинальным образом расходятся мнение *противников* о русской армии от вышеприведенных мнений ее *«союзников»*. Правда, и в рассуждениях англичан иногда встречались исключения. Так, Ллойд-Джордж рассуждая о причинах поражений русских армий, говорил в одной из своих речей в 1915 г.: «Наши русские союзники подверглись суровому удару... Если вы не будете знать эту правду, от вас нельзя будет ожидать готовности приносить жертвы. Они получили жестокий удар. Немцы добились успеха, большого успеха. И почему? Совсем не потому, что их солдаты храбрее. Никакие солдаты ни в одной войне не сражались с большим мужеством и храбростью, чем сражаются русские солдаты. Ураганный огонь артиллерии забрасывал их снарядами, траншеи, защищавшие их, сравнивались с землей, и все-таки перед наступающими немцами из изрытой земли вставали легионы бесстрашных людей... Не превосходству ли своих генералов обязана Германия победой? Нет, русскими на этом фронте командовал один из самых выдающихся в современной Европе полководцев. Не решило ли дело в пользу германцев их численное превосходство? Тоже нет, ибо Россия обладает неограниченным запасом людей. Так чем же объясняется победа Германии? Она объясняется исключительно лучшим снаряжением армии... Победа эта одержана не стратегией немецких генералов, не большей храбростью их войск, а благодаря тому, что они умело пользовались своей артиллерией и лучшей организацией своих заводов и фабрик»¹³⁵⁹.

Организация снабжения русской армии действительно вызывала вопросы. Военный министр В. Сухомлинов позже оправдывался:

318

«В августе 1914 года ни одна армия, выступавшая на войну..., не была в силах покрыть неисчислимые обширные потребности войск. Русская армия была обеспечена едва лишь на 6 месяцев. Наступивший в действительности расход снарядов превзошел, однако, все самые широкие предположения»¹³⁶⁰. Предшественник Сухомлинова на посту военного министра А. Редигер был согласен с ним: «В моем распоряжении нет данных для того, чтобы винить Сухомлинова в том, что он не увеличил до войны норм запаса. Притом, кажется, и

во Франции эта норма была не больше нашей, так что и там не предвидели чрезвычайного расхода снарядов»¹³⁶¹. Людендорф подтверждал: «Все вступившие в войну государства недооценили как действенность сильно сконцентрированного артиллерийского огня, так и расход боевых припасов»¹³⁶². Сам Сухомлинов писал: «С началом войны не оказалось ни одной страны, в которой не говорили бы о недостаточной подготовке к походу. Даже немцы стояли на том, что они к последней войне не были вполне готовы, несмотря на то, что с 1871 года, т.е. 43 года, на это у них было достаточно времени, но после японской кампании — ко времени всемирной войны — всего девять лет»¹³⁶³. «Кроме того, никто не ожидал возможности такой продолжительной войны, которая длилась бы более 4-6 месяцев. Труднее всех оказалось положение России, которой могла помочь лишь обрабатывающая промышленность, которая у нас была сравнительно ничтожна и вследствие этого с большим трудом поддавалась мобилизации, тогда как германцы при всех их преимуществах в этой области завладели еще Бельгией, со всеми находящимися там заводами, а затем еще и всей нашей фабричной индустрией левого берега Вислы»¹³⁶⁴.

Однако, по сведениям, приводимым Н. Яковлевым, снаряды в русской армии все же были: согласно данным секретного отчета межсоюзнической конференции 1917 года расход снарядов 76-мм орудий «за первые пять месяцев до 1 января 1915 г. указывался в 464 тыс. выстрелов в месяц, а расход за пять летних месяцев 1915 г., т.е. в период «великого отступления», — по 811 тыс. выстрелов ежемесячно». В 1915 году армия получила свыше 10 миллионов таких снарядов отечественного производства, 1,2 миллиона поступило из-за рубежа, и перешел запас снарядов 1914 года — 4,5 миллиона. К этому нужно добавить 1,3 миллиона снарядов к средним калибрам, поставленных в 1915 году русской промышленностью, и еще несколько сот тысяч таких снарядов, оставшихся от 1914 года. Всего около 18 миллионов снарядов!¹³⁶⁵ «Всякий непредубежденный, хотя бы и очень строгий критик, — отмечает Н. Яковлев, — согласится, что кричать при таких условиях о катастрофе из-за недостатка выстрелов, когда их израсходовано было всего 37% или немного более одной трети всего запаса, как будто не резон»¹³⁶⁶.

Странные противоречия подтверждались не только цифрами, но и прямо противоположными заявлениями высших военных чинов империи. Так, верховный главнокомандующий Николай Николаевич

319

утверждал, что «артиллерийские снаряды выпущены все до одного». Палеолог был поражен этим заявлением, так как «в течение всех последних месяцев военный министр Сухомлинов множество раз доказывал, что нет оснований для серьезного беспокойства относительно положения с вооружениями в русской армии»¹³⁶⁷. Янушкевич просил военного министра об одном: «Дайте нам патронов», — а Сухомлинов говорил о недостатке талантливых людей в военном производстве¹³⁶⁸. «Военный министр Сухомлинов еще давал полные оптимизма интервью, генеральный штаб в Петрограде убеждал, что «расходы боеприпасов не дают никаких оснований для беспокойства», но русские батареи уже молчали...»¹³⁶⁹ Бьюкенен вспоминал, что для союзников «это был удар грома среди ясного неба»¹³⁷⁰.

В. Сухомлинов объяснял эти противоречия слабой подготовкой служб тылового обеспечения и транспорта. В тылу было все, а на фронте испытывали нужду не только в снарядах и патронах, сапогах, но порой и в хлебе, и в фуражке для кавалерии. По словам военного министра, в начале войны солдаты сдавались в плен от голода, хотя станции в недалеком тылу были забиты эшелонами с хлебом.

Слабая организация обеспечения войск отягощалась личным конфликтом

между Николаем Николаевичем и В. Сухомлиновым. Последний, например, писал: «Главного условия для спасения России как военный министр я создать не мог: устранение влияния на управление государством членов царской фамилии... с их дилетантизмом и безответственностью, при больших претензиях...»¹³⁷¹ Главным врагом армии военный министр считал «честолюбивого и грубого Николая Николаевича...»¹³⁷² Великий князь в свою очередь так же терпеть не мог военного министра и вынудил отправить его в отставку в июне 1915 г.

Против В. Сухомлинова выступили так же лидеры либеральной оппозиции. Причины, по словам бывшего военного министра, были две, первая носила чисто меркантильный характер — после его увольнения закупочные цены, например, на винтовки Маузера выросли с 40 до 120 руб. за штуку, а грузовиков — с 8,5 тыс. до 18,5 тыс.¹³⁷³ Второй причиной было желание А. Гучкова протолкнуть в военные министры своего друга Поливанова «для привлечения армии на свою сторону с целью захвата власти...»¹³⁷⁴ Настроения А. Гучкова передает его замечание: «Все думаю о тех чрезвычайных кредитах, за которыми к нам обратится правительство на нужды обороны. Никак не следует упускать случай, чтобы поставить, как говорили в освободительную эпоху, свои требования...»¹³⁷⁵

Именно последний факт, по мнению Н. Яковлева, стал основной причиной исчезновения снарядов: «Сопоставление цифр поступления снарядов за год и расхода их — интригующая загадка... Помимо психологических причин, в деле артиллерийского снабжения хозяйничали чьи-то незримые руки. Кто-то был заинтересован в том, чтобы импера-

320

горская армия терпела поражения из-за нехватки снарядов, в то время как тыловые склады забивались ими до предела. Не в ожидании ли того времени, когда в бой пойдет армия буржуазной России? Едва ли смелое допущение...»¹³⁷⁶

Аналогичная ситуация складывалась за десять лет до Первой мировой, во время русско-японской войны 1905 г. Генерал Драгомиров тогда сказал злую шутку: «Вот мы японцев все хотим бить образами наших святых, а они нас лупят ядрами и бомбами, мы их образами, а они нас пулями»¹³⁷⁷. Монархист В. Шульгин в 1905 году находил причины снарядного и патронного голода там же, где и Яковлев 70 лет спустя: «Робким провинциалом я пробирался сквозь злобные кулуары II Государственной Думы, "Думы народного гнева". Пробирался для того, чтобы с всероссийской кафедры, украшенной двуглавым орлом, высказать слова истинно киевского презрения к их "гневу" и их "народу"... Народу, который во время войны предал свою родину, который шептал гнусные змеиные слова "чем хуже, тем лучше", который ради "свободы" жаждал разгрома своей армии, ради "равноправия" — гибели своих эскадр, ради "земли и воли" — унижения и поражения своего отечества... Мы ненавидели такой народ и смеялись над его презренным гневом... Не свободы "они" были достойны, а залпов и казней...»¹³⁷⁸ Даже А. Гучков в мае 1908 года с думской трибуны признавал: «Если правительство, хотя в конце несчастной войны, поняло свою ошибку и в пределах своих сил и разумения ее исправляло, то второй виновник наших неудач — наше общество — так до конца и остался в этом своем ослеплении...»¹³⁷⁹

«Великое отступление» 1915 года обошлось русской армии в 1 миллион 410 тысяч убитых и раненых. Россия потеряла 15% территории и 30% промышленности. 20% населения империи либо бежало, либо попало под германскую оккупацию. То ли с сожалением, то ли просто констатируя факт, *английский* историк писал: «Второго Танненберга не получилось, однако Восточная Пруссия была навсегда освобождена от опасности русского вторжения — по крайней мере в этой войне»¹³⁸⁰. Генерал Гурко, в свою очередь, вспоминал о другом: «Люди, воевавшие в нескольких войнах и участвовавшие во многих кровавых битвах, говорили мне, что никакой ужас битвы не может сравниться с

ужасным зрелищем бесконечного исхода населения, не знающего ни цели своего движения, ни места, где они могут отдохнуть, найти еду и жилище. Находясь сами в ужасном положении, они увеличивали проблемы войск, особенно транспорта, который должен был двигаться по дорогам, заполняя все дезорганизованной человеческой волной... Только Бог знает, какие страдания претерпели они, сколько слез пролили, сколько человеческих жизней было принесено ненасытному молоху войны»¹³⁸¹. Только под жилье беженцев было занято 120 тыс. товарных вагонов, многие запасные пути превратились в городки на колесах. Толпы эвакуирован-

321

ного населения создали новую опасность, которую особо выделял министр сельского хозяйства Кривошеин: «Из всех суровых испытаний войны исход беженцев является наиболее неожиданным, самым серьезным и трудноизлечимым... Мудрые стратеги немцев создали этот поток, чтобы запугать противника... Болезни, печаль и нищета движутся вместе с беженцами на Россию. Они создают панику и уничтожают все, что осталось от порыва первых дней войны... Это тучи насекомых. Дороги разрушаются, и вскоре уже невозможно будет подвезти пищу... Будучи членом Совета министров, я утверждаю, что следующая миграция населения приведет Россию во мрак революции». Число беженцев достигло в 1915 г. десяти миллионов человек.

Отступление русской армии вызывало панические настроения даже у нового военного министра. Выступая в августе на заседании Совета министров, Поливанов заявлял: «Уповаю на пространства непроходимые, на грязь невылазную и на милость угодника Николая Мирликийского, покровителя Святой Руси!»... «По состоянию наших сил нет надежды добиться хотя бы частичных успехов, а тем более трудно надеяться на приостановку победного шествия немцев»¹³⁸². В западных столицах начали опасаться того, «что их русский союзник, не выдержав давления суровых обстоятельств, начнет в своих действиях исходить из собственных интересов, а не из союзнической лояльности»¹³⁸³.

Но русские, несмотря на потери, продолжали сохранять верность союзническим обязательствам, а русская армия сражалась отчаянно. О характере сражений лучше всего говорит противник. Весной 1915 г. Р. Бранд писал об одной из попавших в окружение русских частей: «Честь XX корпуса была спасена, и цена этого спасения — 7000 убитых, которые пали в атаке в один день битвы на пространстве 2 км, найдя здесь геройскую смерть! Попытка прорваться была полнейшим безумием — героизм, которое показало русского воина в полном его свете, которого мы знаем со времен Скобелева, времен штурма Плевны, битв на Кавказе и штурма Варшавы! Русский солдат умеет сражаться очень хорошо, он переносит всякие лишения и способен быть стойким, даже если неминуема при этом и верная смерть!»¹³⁸⁴ Гинденбург говорил о русском героизме, который «спасал честь армии, но не мог решить исхода битвы»¹³⁸⁵. В словах адмирала Тирпица, несмотря на успехи немецкой армии, звучали ноты отчаяния: «есть лишь один выход — договориться с Россией... Однако речь о нем сможет зайти лишь в случае краха русской армии, а сейчас нет никаких признаков этого... Их следовало направить к теплему морю; но мы воспрепятствовали этому вместе с Англией и теперь расплачиваемся»... «Русская армия дерется очень хорошо, а руководят ею гораздо лучше, чем можно было ожидать»¹³⁸⁶. Палеолог сообщал в Париж: «Хотя русские армии вынуждены перейти к обороне, они тем не менее оказывают нам весьма ценную помощь... Борьба эта ведется с энергией, которой надо отдать полную справедливость. Каждое

322

сражение является для русских ужасной гекатомбой... Русский народ безропотно несет налагаемые на него страшные жертвы»¹³⁸⁷.

Генерал Брусилов вспоминал: «За год войны обученная регулярная армия исчезла». От немецкого наступления на Восточном фронте, по словам А. Зайончковского, «больше всех оказались в выигрыше французы и англичане, так как отвлечение на Восточный фронт 4 германских корпусов явилось крайне благоприятным фактором для Англии. Подготовлявшийся против нее удар был отведен на русскую сторону»¹³⁸⁸. К концу 1915 г. паника в Париже и Лондоне улеглась, а ведь всего год назад президент Франции писал: «Обеспокоенный известиями из России, он (Вивиани) впал сегодня в крайне пессимистичное настроение. Он не видит больше никакого средства спасти Францию, кроме следующего: призвать японцев в Европу, чего бы это ни стоило, и уплатить за их помощь любую цену, которую они потребуют, в случае надобности — Индокитай»¹³⁸⁹. Главнокомандующий английским экспедиционным корпусом Дж. Френч в ноябре 1914 г. сообщал личному секретарю короля Георга: «Фактом является, что *все зависит от России...*» (выделено в оригинале.)¹³⁹⁰

А где же были сами союзники в 1915 г.?

Решительность немцев на Восточном фронте Н. Головин объясняет спокойствием, воцарившимся на Западном, что «наводило немцев на мысль, что французское и британское командование окажется более эгоистичным, чем русское, что армии наших союзников не проявят такого же жертвенного порыва, для того чтобы оттянуть на себя германские силы, как это сделала русская армия в кампанию 1914 г., что помощь союзников ограничится формулой «постольку поскольку», а при таких условиях немцы смогут спокойно навалиться всеми силами на Россию». В подтверждение этой версии В. Шамбаров ссылается на то, что еще в 1915 г. «британский Генштаб во главе с Мерреем полагал, что глубокое вторжение немцев на Востоке до рубежа Двины будет выгодным западным странам, поскольку немцы увязнут там на долгое время. Часть английских политиков начала вынашивать идею "Балканской конфедерации" из Румынии, Сербии, Греции, Болгарии, которая заменит в Антанте разгромленную Россию...»*

Представитель американского президента Э. Хауз объяснял нерешительность англо-французских союзников России тем, что им «не хватает одаренности и инициативы»¹³⁹¹. Французский президент объяснял причины пассивности союзников пристрастием английского военного

* В 1920 г. Франция действительно создаст Малую Антанту из Чехословакии, Румынии и Югославии, тесно связанную с Польшей. В феврале 1934 г. по инициативе Франции будет создана еще и Балканская Антанта, в которую войдут Греция, Румыния, Турция и Югославия.

323

министра Китченера «к операциям оборонительного характера, что ставит нас в затруднительное положение перед Италией, требующей немедленного наступления, и перед Россией, обвиняющей нас в нашей неподвижности. Жоффри и все без исключения считают тезис Китченера ересью»¹³⁹². Французский главнокомандующий оправдывал свою тактику следующим образом: «Мы их скоблим понемногу и тем препятствуем переброскам германских сил на ваш фронт. Поверьте, я чувствую, сколь дорого обходится русскому народу эта война, но я опасаясь, что вы не в состоянии оценить значение тех потерь, которые мы сами несем. Мы теряем в эти бои цвет нации, и я вижу, как после войны мы очутимся в отношении национальной культуры перед огромной пропастью. И не знаю, чем эта пропасть будет заполнена. Что будут представлять собой новые поколения?»¹³⁹³ Палеолог выдвигал свои причины «задумчивости» французской армии: «По культурному развитию французы и русские стоят не на одном уровне. Россия — одна из самых отсталых стран на свете. Сравните с этой невежественной бессознательной массой нашу армию: все наши солдаты с образованием; в первых рядах бьются молодые силы, проявившие себя в

искусстве, в науке, люди талантливые и утонченные — это сливки человечества... С этой точки зрения, наши потери будут чувствительнее русских потерь»¹³⁹⁴. Очевидно, Палеолог отражал общее мнение «просвещенной» Франции и всего Запада о России. Петроградский корреспондент «Тан» приписывал предшественнику Палеолога на посту посла Франции в России, Делькассэ, такую фразу: «Россия для меня — только дипломатическая и военная величина, а участь 180 миллионов мужиков меня совершенно не интересует»¹³⁹⁵. Русский военный агент во Франции Игнатъев, после разговора с Петэном пришел к выводу, что тот вообще «принимал нас за дикарей»¹³⁹⁶.

Вместо материальной и военной помощи в марте 1915 г. союзники оказали России «моральную» поддержку, пообещав ей, по ее давней просьбе, Константинополь и черноморские проливы в случае победоносного окончания войны. Союзники были готовы предложить России и больше, но русский царь отказался. «Британский посол попытался укрепить решимость России как союзника Запада новыми территориальными приращениями», но такие аргументы действовали уже все слабее. Николай отвечал, «что как ни плохи нынешние русские границы, ему придется довольствоваться ими»¹³⁹⁷.

На Западе постепенно начинали ощущать трагизм происходящего. В августе лорд Китченер заявил генералу Хейгу: с русскими на Восточном фронте «обошлись жестоко», русским грозит серьезное общее поражение, им следует помочь¹³⁹⁸. Жоффр делился своими опасениями с военным министром: «Для нас выгоднее начать это наступление возможно скорее, так как немцы, разбив русские армии, могут обратиться против нас». О скорейшей и «адекватной» помощи России заговорил и Ллойд-Джордж. Обеспокоенный корреспондент сообщал французскому прези-

денту: «Русский главнокомандующий заявляет, что если на его фронт будет продолжаться отправка неприятельских подкреплений, он будет «вынужден отказаться от своей нынешней тактики и перейти к системе окопной войны, практикуемой на франко-бельгийском фронте». Великий князь желает знать, намерен ли генерал Жоффр вскоре продолжать продвижение вперед»¹³⁹⁹.

На первом межсоюзническом совещании в Шатильи в июле 1915 г. французский главнокомандующий признал, что «русская армия выдерживает за последние два месяца главный натиск германцев и австрийцев и принуждена временно отступать. Генерал Жоффр был поддержан фельдмаршалом Френчем в необходимости перехода в наступление в ближайшем времени французских и английских сил»¹⁴⁰⁰.

Обещанное большое наступление началось лишь в самом конце сентября в Артуа и Шампани, где немцы были ближе всего к Парижу. В бой пошли 53 французские и 14 английских дивизий при поддержке 5 тысяч орудий. Только французы израсходовали на артиллерийскую подготовку 3 миллиона снарядов. Итог — продвижение за две недели на 10-15 километров; атакующие, понеся большие потери, уткнулись во вторую полосу германской обороны и остановились»¹⁴⁰¹. Наступление союзников закончилось полным провалом, что снова заставило обратить их взоры на Россию, как неисчерпаемый источник «живой силы».

Франция, для сохранения своего «цвета нации», «сливок человечества», затребовала у России направить во Францию 300 тысяч солдат*. Их предполагалось использовать на правах колониальных войск под командованием французских офицеров. Председатель военной комиссии французского сената Думер аргументировал: «Мы же в нашей армии имеем аннамитов (вьетнамцев), ни слова не понимающих по-французски, но прекрасно воюющих под нашим начальством»¹⁴⁰². Русское правительство отказалось, но в апреле 1916 г. Россию

посетили деятели II Интернационала, французский министр А. Тома и социал-шовинист Р. Вивиани, которые снова потребовали чтобы «русские отрешились от эгоистических задних мыслей» и послали во Францию 400 тысяч солдат, чтобы пошли навстречу румынам и к ним послали еще 200 тыс., а так же дожимали насчет свободы Польши. Алексеев и министры доказывали, что снять такое количество войск — это просто оголить фронт (где было всего 2 млн. активных штыков), что немцы прорвут оборону и овладеют Ригой. На что французы отмахивались и призывали не придавать внимания таким «пустякам». Мол, Россия потом «будет вознаграждена»¹⁴⁰³.

Царское правительство было вынуждено пойти на компромисс: в обмен на 105-мм орудия во Францию было отправлено 42 тысячи

* Мысль подала Англия в 1914 г. «У Англии была идея, несколько фантастическая, потребовать от России, чтобы она послала нам через Архангельск три армейских корпуса». (Пуанкаре Р... С. 180.)

325

солдат¹⁴⁰⁴. В то же время президент Франции Пуанкаре принял делегацию русских фронтовых офицеров, приехавших знакомиться с новейшими техническими достижениями. «Все ожидали, — вспоминал Игнатъев, — что глава государства станет расспрашивать о положении на фронте русской армии, но Пуанкаре, забыв про офицеров, начал излагать мне мотивы поездки Думера в Россию. С логикой, граничившей с цинизмом, скандируя слова, этот бездушный адвокат объяснял, насколько справедливо компенсировать французскую материальную помощь России присылкой во Францию не только солдат, но даже рабочих. «Какая мерзость, какая низость! — набросились на меня наши офицеры, выходя из дворца президента. — Что же, мы станем платить за снаряды кровью наших солдат?»¹⁴⁰⁵ Игнатъев по этому поводу писал: «В мою голову не укладывалась мысль, что французы попросту стремятся купить за свои снаряды русское пушечное мясо»¹⁴⁰⁶. Французские представители действительно были более чем откровенно циничны, но плата за отсталость бывает порой чересчур высока...

Причина обмена солдат на орудия заключалась в отсутствии у России средств для закупки вооружения. Союзники в свою очередь не торопились давать ей кредиты. В середине 1915 г. «Палеолог телеграфирует, что в результате поражений русских войск рубль стремительно падает. Внешний кредит России окажется поколебленным. От этого в течение ряда лет будут страдать торговля и промышленность. Кроме того, быстро подорожают предметы потребления, в первую очередь пострадает от этого рабочий класс. Удивляет бездействие министра финансов Барка. Палеолог думает, не ищет ли он возможности сослаться на это чрезвычайное ажио, чтобы добиться новых кредитов в Париже или Лондоне, не трогая золотого резерва»¹⁴⁰⁷. П. Барк не бездействовал, просто золотовалютные ресурсы у России были действительно ограничены и в значительно большей мере, чем у Франции. Удельные, на душу населения, золотые резервы центрального банка Франции в 1915 г. почти в 5 раз превосходили резервы России¹⁴⁰⁸. Тем не менее Франция так же настойчиво просила кредиты у Лондона и Вашингтона*.

На запросы П. Барка президент Франции Пуанкаре заявлял: «Я хотел бы Вам напомнить, что ни текст, ни дух нашего союза не позволяли предположить, что Россия будет просить у нас новые кредиты»¹⁴⁰⁹. Барку ничего не оставалось, кроме как напомнить, что Россия может просто

* Пуанкаре писал: «Канцлер (британского) казначейства не желает и слышать о коллективном займе в пользу трех союзных наций. Зато он желает, чтобы металлическая наличность Французского банка могла быть предоставляема к услугам Англии... комбинации, которая могла обесценить нашу валюту... Министерство заключает слишком много сделок в Америке. Курс падает. Придется вывозить золото. Это окажет вредное действие на наши

кредитные деньги. Необходимо непременно сократить наши расходы в Соединенных Штатах». (Пуанкаре Р... С. 461, 568.)

326

оказаться не в состоянии продолжать войну. Эта страшная угроза сработала мгновенно — Пуанкаре согласился кредитовать новые закупки¹⁴¹⁰. Английский кабинет в лице Китченера и Грея послали в Петроград пространный меморандум, где подробно перечислялись все британские благодеяния по отношению к России и также проводилась мысль, что Англия в общем-то и не брала на себя обязательств помогать союзнице, а значит, русские должны быть безмерно благодарны и за то, что получили¹⁴¹¹. Однако сокрушительный провал наступления союзников 1915 г., которое по мысли англо-французских стратегов должно было окончить войну без участия России, снова вызвал потребность в русском союзнике. И британский истеблишмент меняет тактику. С одной стороны — пойдя на оказание помощи России, а с другой — пытаясь поставить под свой контроль российские финансы, Великобритания становится крупнейшим кредитором России. При этом британский министр финансов Маккенной доказывал русскому — Барку, что Англия «прилагает более мощные национальные усилия», чем русские, поскольку на службу общему делу поставила свои финансы, накопленные вековыми стараниями. Финансовая зависимость от союзников во время войны стала носить для России, по сути, кабальный характер. Уже в июне 1915 г. Черчилль писал, что война дает Англии новые возможности: Британия «владеет морями, в ее руках находится кошелек коалиции, она становится важнейшим арсеналом производства вооружений»¹⁴¹².

Русский военный агент во Франции по этому поводу замечал: «Французы долго не без основания считали свой собственный фронт решающим. Но в действительности, после стабилизации его в 1914 году, война приняла характер мировой, а мировым городом среди европейских столиц с давних пор был, конечно, не Париж и не Петербург, а Лондон»¹⁴¹³. Игнатъев приводил «обычную картину союзных конференций мировой войны: добрые две трети стола были заняты англичанами, рассевающимися в непринужденных позах, уверенных и всегда довольных людей»¹⁴¹⁴.

Игнатъев указывает и на разницу в принципах кредитования союзниками России: «в то время, когда для обеспечения военных заказов в Англии вывозились золотые рубли в размере шестидесяти процентов суммы каждого заказа*, когда нейтральная Америка и союзная Япония требовали оплаты своих поставок наличным русским золотом, Франция ограничилась на первое время моей скромной подписью на чеках, дополнявшейся впоследствии телеграммами кредитной канцелярии русского министерства финансов»¹⁴¹⁵. Примечательно, что войну Японии против России Великобритания и США (не являясь прямыми союзни-

* Всего за время войны в Англию из России было вывезено золота на 640 млн. руб, по заниженным довоенным ценам. Заем сопровождался рядом требований. Так, Россия должна была выкупить обесценившиеся облигации Английского банка, не использовать кредитов в биржевых операциях, закупки по кредитам должны были осуществляться английской комиссией...

327

ками Японии) финансировали под залог будущих бюджетных доходов японского правительства. А Россию, своего непосредственного союзника в мировой войне, под залог золотых активов. То есть перспективы России как заемщика и соответственно как союзника оценивались в Англии и США крайне невысоко... Случайно ли?

Военные контракты были заключены только в октябре 1915 г., но и по ним оружия Россия почти не получила, поскольку русские военные заказы союзники либо отклоняли, либо использовали для своих нужд, либо выполняли в последнюю очередь... Так французы забрали тяжелые орудия, изготовленные по

русским заказам на французских заводах, для собственной армии. То же произошло с русским заказом фирме "Виккерс и Армстронг" на 5 млн. снарядов и 1 млн. винтовок, которые забрала себе английская армия. По условиям английских кредитов закупка вооружений производилась централизованно через англичан. Это привело к тому, что русские заказы в Англии были переведены в США, где они были поставлены в очередь после выполнения английских заказов, начало поставок для русской армии ожидалось теперь лишь через год... Еще в марте 15-го русское артиллерийское ведомство пришло к выводу закупать не снаряды, а оборудование для их производства. Но и заказанное осенью оборудование не поставили!...¹⁴¹⁶ Поставки союзников начались только во второй половине 1916 г. Но, как отмечает Ллойд-Джордж, было уже слишком поздно. «Архангельский порт был уже затерт льдами. Прежде чем он растаял, весной в России разразился революционный крах, и все надежды укрепить ее как союзную державу исчезли»¹⁴¹⁷.

Зато «разного рода предпринимателей, дельцов, экспертов по подъему и «оздоровлению» экономики в Россию наезжало много... видный британский историк И. Стоун писал об этой «помощи» Запада: «Нечестность и авантюризм иноземных бизнесменов разрушили веру русского народа в иностранных капиталистов. В Петрограде, в отталкивающей атмосфере ожидания обогащения, один за другим паразиты въезжали в отель «Астория»... *Кризис с военным оборудованием и боеприпасами длился до тех пор, пока русские не оказались способными обеспечить себя сами*»¹⁴¹⁸.

Ллойд-Джордж позже будет вспоминать: «Когда летом 1915 г. русские армии были потрясены и сокрушены артиллерийским превосходством Германии и были не в состоянии оказывать какое-нибудь сопротивление вследствие недостатка винтовок и патронов, французы копили свои снаряды, как будто это были золотые франки, и с гордостью указывали на огромные запасы в резервных складах за линией фронта... Пушки, ружья и снаряды посылались в Россию с неохотой; их было недостаточно, и когда они достигли находившихся в тяжелом положении армий, было слишком поздно, чтобы предупредить катастрофу... Когда Англия начала по-настоящему производить вооружения и стала давать сотни пушек большого и малого калибров и сотни тысяч

328

снарядов, британские генералы относились к этой продукции так, как если бы мы готовились к конкурсу или соревнованию, в котором все дело заключалось в том, чтобы британское оборудование было не хуже, а лучше оборудования любого из ее соперников, принимающих в этом конкурсе участие... На каждое предложение относительно вооружения России французские и британские генералы отвечали и в 1914-1915 и в 1916 гг., что им нечего дать и что если они дают что-либо России, то лишь за счет своих собственных насущных нужд... *Мы предоставили Россию ее собственной судьбе*»¹⁴¹⁹.

Черчилль писал о лете — осени 1915 г.: «Уже ослабленные в отношении качества и структуры нанесенными ударами, находясь в худшей фазе недостачи оружия и боеприпасов, армии царя на 1200-километровом фронте удерживали позиции от последовательных германских ударов то здесь, то там, осуществляя глубокий и быстрый отход. Следующие на всех направлениях удары поставили под вопрос само существование русской армии. Это было зрелище германского воинства, действующего с удивительной энергией и близкого к тому, чтобы обескровить русского гиганта... Это была сага одной из ужасающих трагедий, неизмеримого и никем не описанного страдания. Учитывая состояние их армий и их организации, русское сопротивление и твердость достойны высшего уважения... Весь обороняемый фронт рухнул под ударами молота. Все железные дороги перешли в распоряжение врага. Почти целиком население бежало в ужасе

от надвигающейся грозы. Когда наконец осенние дожди превратили дороги в грязь и зима раскрыла свой щит над измученной нацией, русские армии, избегнув опасности, стояли во все той же непрерывной линии от Риги на Балтике до румынской границы — перед ними лежало будущее, не лишенное надежд на конечную победу»¹⁴²⁰.

Американский историк Б. Линкольн: «Недостаток офицеров, снарядов, винтовок, даже обуви и униформ на протяжении уже первых недель Великой войны показал, как тяжело было России поддерживать современные военные усилия... Как только наступила первая зима, критическим вопросом стал: останутся ли граждане России твердыми в своей лояльности царю и стране? Ни одна из мыслей не была излишне авантюристичной и героической теперь, когда террор битвы унес миллион молодых жизней России». «Впервые в русской истории ее солдаты-крестьяне лишились желания сражаться за царя и страну, которые не давали им ничего взамен. Жизнь на фронте больше не приносила славы — она означала лишь смерть»¹⁴²¹. В Петрограде военный министр Поливанов 30 июля предупредил своих коллег по Совету министров: «Деморализация, уход в плен и дезертирство принимают огромные размеры»¹⁴²².

1916 г. К началу 1916 г. неожиданно для всех русская армия возродилась. Д. Киган: «К сентябрю (1915 г.) русские, ликвидировав Польский

329

выступ, сократили протяженность фронта почти наполовину, с 1600 до 900 километров, сэкономив на пространстве, чтобы выиграть в силе»¹⁴²³. «Русская армия осталась непобежденной. Производство снарядов было увеличено до 220 тысяч в месяц к сентябрю, резервы по-прежнему были очень велики — десятки миллионов человек. Четыре миллиона человек должны были быть призваны в 1916-1917 гг.»¹⁴²⁴. В апреле 16-го британский атташе Нокс с удивлением отмечал: «Русское военное положение улучшилось так, как того не смел бы предсказать ни один иностранный наблюдатель в дни отступлений прошлого года»¹⁴²⁵. У. Черчилль: «Мало эпизодов Великой войны более поразительных, нежели воскрешение, перевооружение и возобновленное гигантское усилие России в 1916 году». «Благодаря тому что русская промышленность была теперь мобилизована для нужд войны и новому призыву, русские армии теперь численно превосходили всех своих противников и имели 300 тысяч человек против 180 тысяч на севере и 700 тысяч против 360 тысяч в центре; только в южном секторе, которым командовал Брусилов, соотношение численности войск оставалось равным — по полумиллиону человек с каждой стороны»¹⁴²⁶.

Далеко не все были настроены так оптимистично, особенно в России, так например, Родзянко заявлял: «В армии проявляется вялое настроение, отсутствие инициативы, паралич храбрости и доблести. Если сейчас как можно скорее будут приняты меры... к улучшению высшего командного состава, к принятию какого-либо определенного плана, к изменению взглядов командного состава на солдата и к подъему духа армии справедливым возмездием тем, которые неумелым командованием губят плоды лучших подвигов, то время, пожалуй, не упущено. Если же обстановка сохранится до весны, когда все ожидают либо нашего наступления, либо наступления германцев, то успеха летом 1917 года, как и летом 1916 года, ожидать не приходится...»¹⁴²⁷. Н. Яковлев полагает, что Родзянко шельмовал русскую армию, намекая на то, что только другое — либеральное знамя может привести армию к победе... Между тем председатель ГосДумы очевидно не кривил душой. Его выводы подтверждало мнение ген. Брусилова, который утверждал, что командный состав армии не способен обеспечить победу¹⁴²⁸. О состоянии боевого духа, после поражений 1915 г., говорило свидетельство ген. Алексеева: «Отныне армия превратилась в ополчение — ненадежное и озлобленное, которое все оставшееся время до развала только

ждало знаменитого «Приказа № 1». В феврале 1916 г. М. Лемке записывает, что в армии «о неизбежности революции говорят очень многие; она ясна, как близкий факт, формы которого пока совершенно неясны», два месяца спустя в апреле, он уже отмечает: «Слепой только не видит, как в стране кипит грозящий взрывом котел»¹⁴²⁹

Планы союзников на кампанию 1916 г. кардинально расходились. На конференции главнокомандующих в Шантильи в самом конце 1915 г. ген. Жиблински предложил план совместных ударов по Авст-

330

ро-Венгрии для вывода ее и балканских стран из войны. Но Жоффр оборвал русского генерала, надо «разгромить главного врага», а «об австрийцах поговорим, когда вы будете в Берлине». После поражений 1915 г., по словам В. Шамбарова, с Россией почти перестали считаться. В феврале 1916 г. Франция и Англия представили меморандум, согласно которому первоочередной удар наносился против Германии. Наступление предполагалось начать в июле на р. Сомме. России и Италии указывалось, что им «было бы полезным» выступить на 2 недели раньше, оттянув на себя вражеские резервы. «Русская Ставка высказалась решительно против оттяжки операций до середины лета, что заведомо отдавало инициативу противнику. Однако все возражения союзники отменили — дескать, раньше не получится». По мнению В. Шамбарова, союзники «полагали, что немцы снова сосредоточат усилия против России, поэтому утратой инициативы не очень впечатлялись — пусть враг поглубже увязнет на Востоке. Алексеев же, когда были согласованы окончательные сроки — союзники наступают 01. 07, русские — 15. 06, лишь пожал плечами и сказал, что исполнить эти планы противник все равно не даст»¹⁴³⁰.

В Германии продолжение развития наступления 1915 года в России виделось нецелесообразным. Дальнейшее продвижение лишило бы немцев и австрийцев их преимущества — развитой сети железных дорог. Фалькенгайн рассуждал: «Удар на миллионный город Петроград, который при более счастливом ходе операций мы должны были бы осуществить из наших слабых ресурсов, не сулит решительного результата. Движение на Москву ведет нас в область безбрежного. Ни для одного из этих предприятий мы не располагаем достаточными силами...» Было решено оставить Восточный фронт как есть и атаковать французов у Вердена, имея в виду заставить Францию «истечь кровью». 21 февраля 1916 года завертнулись крылья верденской мельницы... Через эту мясорубку до конца 1916 года прошли 65 французских и 50 немецких дивизий. За девять месяцев боев потери сторон под Верденом составили около миллиона человек... К концу сражения стороны практически остались на исходных позициях¹⁴³¹.

С началом боев за Верден французское командование потребовало от русской ставки немедленно открыть наступление. Несмотря на условия погоды, начинающуюся распутицу, которые исключали возможность широкого маневра в лесисто-болотистом районе, 18 марта русские войска, выполняя союзнический долг, перешли в наступление. Завязались тяжелейшие бои. Русским не удалось прорвать оборону врага. Но главное, ради чего была затеяна эта операция, было достигнуто. С 22 по 30 марта немцы совершенно прекратили атаки на Верден, выжидая исхода сражения на востоке... «Всеми овладело напряженное беспокойство о дальнейшем... — вспоминал Людендорф. — Русские одержали в озерной теснине успех, который для нас был очень болезненным».

331

Однако продвижение не превышало 2-3 километров, и наступавшие, потеряв до 80 тысяч человек, выдохлись»¹⁴³².

Но 15 апреля пришла очередная срочная телеграмма от Жоффра: «Я просил бы наших русских союзников, согласно принятым на совещании в Шантильи

решениям, перейти в наступление всеми свободными силами, как только климатические условия это позволят, пользуясь отвлечением сил, вызываемым Верденским сражением. Необходимо, следовательно, чтобы подготовка русского наступления продолжалась с крайним напряжением и чтобы она насколько возможно полно была закончена ко времени окончания таяния, дабы наступление могло начаться в этот момент»... Жоффр задергал своими требованиями русскую Ставку, совершенно затерроризировал Жилинского, пытаясь ему приказывать. Когда же тот напомнил, что является не французским генералом, потребовал немедленно отозвать его. И Жилинского пришлось заменить ген. Палицыным... Только-только рассмотрели в ставке обращение Жоффра, как посыпались просьбы из Италии— 15 мая австрийцы обрушились на итальянскую армию. Представители Италии в России соразмерно со скоростью бегства своих солдат умоляли о немедленном переходе в наступление. В панике они говорили о том, что Италию могут вообще вывести из войны»¹⁴³³.

9 мая итальянское командование просило французов повлиять на русских, для немедленного перехода русской армии в наступление¹⁴³⁴. 10 мая пол. Энкель писал, что положение весьма серьезно вследствие обнаруженной (итальянскими) войсками малой стойкости, при которой катастрофа может стать вопросом нескольких дней¹⁴³⁵. В тот же день Ромеи заявлял: «Единственным средством для предотвращения ... опасности является производство сейчас же сильного давления на австрийский фронт южных русских армий. Подобные действия России вполне соответствовали бы условиям, заключенным между союзниками, согласно которым каждый союзник, в частности Россия, обязан произвести сильнейшее давление, как только другой союзник будет атакован»¹⁴³⁶. 11 мая Ромеи снова обращался к русскому командованию: «Итальянская главная квартира самым энергичным образом настаивает на том, чтобы русская армия немедленно начала наступление на австрийском фронте, и утверждает, что нынешнее затишье в действиях русских армий создает весьма серьезную опасность для союзников»¹⁴³⁷.

Отвечая на просьбу союзников, Алексеев просил командующих фронтами ускорить операцию, при этом в письме царю он указывал, что «выполнение немедленной атаки, согласно настоянию итальянской главной квартиры, неподготовленное и при неустранимой нашей бедности в снарядах тяжелой артиллерии производимое только во имя отвлечения внимания и сил австрийцев от итальянской армии, не обещает успеха. Такое действие поведет только к расстройству нашего плана во всем его объеме»¹⁴³⁸. Тем не менее Николай II 31 мая телеграфирует итальянскому королю, что 4 июня Юго-Западный фронт ранее установленного срока двинется на австрийцев. «Я решил предпринять это

изолирован-

ное наступление с целью оказать помощь храбрым итальянским войскам и во внимание к твоей просьбе»¹⁴³⁹.

Новые немецкие атаки на Верден ускоряют начало наступательных операций на русском фронте. В мае начинается знаменитый Брусиловский прорыв, в результате которого к осени 1916 года было занято 25 тыс. кв. км. «За пятимесячное сражение Юго-Западным фронтом, — подводил итоги Брусилов, — было взято в плен свыше 450 000 офицеров и солдат, то есть столько, сколько, по всем имеющимся довольно точным у нас сведениям, находилось передо мной неприятельских войск. За это же время противник потерял свыше 1,5 млн. убитыми и ранеными»¹⁴⁴⁰. Тем не менее к ноябрю перед моим фронтом стояло свыше миллиона австро-германцев и турок. Следовательно, помимо 450 000 человек, бывших вначале передо мной, против меня было перекинуто с других фронтов свыше 2 500 000 бойцов».

В результате Брусиловского прорыва австро-венгерская армия прекратила

наступление против итальянской армии и перебросила на русский фронт 15 дивизий, с французского театра было переброшено 18 немецких дивизий* и 4 дивизии, сформированные внутри страны, с салоникского фронта — еще 3,5 германские дивизии и 2 лучшие турецкие. Всего русская армия оттянула на себя 42,5 дивизии противника. В результате наступления планы германского командования на Западном фронте на 1916 г. были сорваны. Начальник германского Генштаба Э. Фалькенгайн лишился своего поста.

«Последствия Брусиловского прорыва были громадными. Расчеты Германии и ее союзников на то, что Россия не сможет оправиться от поражения 1915 года, рухнули. В 1916 году на полях сражений вновь появилась победоносная русская армия, достигшая таких успехов, которых не знали державы Антанты... Действия Брусилова, их внутреннее содержание — одновременное наступление на широком фронте, дававшее возможность запретить противнику свободный маневр резервами, были скопированы Фошем в 1918 году и принесли победу Антанте»¹⁴⁴¹.

1 июля 1916 года началось наконец наступление союзников на Западном фронте, на реке Сомме. Несмотря на то, что, как отмечал Фалькенгайн, «в Галиции опаснейший момент русского наступления был уже пережит, когда раздался первый выстрел на Сомме», брусиловское наступление ограничило возможности Германии в этом сражении. Фалькенгайн оправдывал неудачи немецкой армии на Сомме поражениями на Восточном фронте: «Если оказалось невозможным положить конец натиску и превратить его при помощи контрудара в дело, выгодное немцам, то это приходится приписать исключительно ослаблению резер-

* Снимая 18 дивизий с французского фронта, немцы немедленно формируют там новые 18 дивизий, но формирование производят за счет уничтожения егерских батальонов во всех дивизиях; таким образом, общая сила немцев во Франции уменьшилась на число отправленных против России дивизий.

333

вов на западе, а оно явилось неизбежным из-за неожиданного разгрома австро-венгерского фронта в Галиции»*.

«Успехи Брусилова снова высоко подняли престиж русских. Члены думской делегации, посетившей Лондон и Париж — Набоков, Чуковский, Немирович-Данченко — сообщали, что Запад испытывал очередной приступ «любви» к восточной союзнице: «Англию захлестнуло книгами о России, о русском народе. Даже «Слово о полку Игореве» переведено на английский». «Дейли телеграф» писала: «Понемногу мы начинаем понимать русскую душу... Непоколебимая лояльность, за которую мы так благодарны. Все, что неясно грезилось мечтателями-идеалистами, — выносливость, добродушие, благочестие славян — так выделяется из общего ада страданий и несчастья»¹⁴⁴².

Но победы Брусилова, кроме этого, вызвали у союзников и мысли о скором окончании войны, об аннексиях и контрибуциях, и вообще о новой расстановке сил в Европе. На фоне колоссального усиления влияния возродившейся России после войны и резкого ослабления Германии. Именно с побед Брусилова, с осени 1916 г. союзники начали активную подготовку к предстоящему послевоенному «разделу мира»...

Сам Брусилов был недоволен достигнутыми успехами: «Никаких стратегических результатов эта операция (*наступление 1916 г.*) не дала, да и дать не могла, ибо решение военного совета 1 апреля ни в какой мере выполнено не было. Западный фронт главного удара так и не нанес, а Северный фронт имел своим девизом знакомое нам с японской войны «терпение, терпение и терпение»**. Ставка, по моему убеждению, ни в какой мере не выполнила своего назначения — управлять всей

* На Сомме франко-английские войска превосходили немцев в начале боев по живой силе в 4 раза, по тяжелой артиллерии — более чем в 5 раз, впервые союзники использовали танки. Общие потери в сражении — 1,3 миллиона человек с обеих сторон. Итог — отвоевано у немцев 200 кв. км...Отражая наступление русского Юго-Западного фронта в 1916 году, противник потерял примерно в два раза больше людей, чем у Вердена и при Сомме вместе взятых.

** Напомнив в своих «Воспоминаниях» слова Людендорфа о положении германо-австрийских армий летом 1916 года на востоке: «На весь фронт, чуть ли не в 1000 километров длины, мы имели в виде резерва одну кавалерийскую бригаду», Брусилов указывал, что: «При дружном воздействии на противника нашими тремя фронтами являлась полная возможность — даже при тех недостаточных технических средствах, которыми мы обладали по сравнению с австро-германцами, — отбросить все их армии далеко к западу. А всякому понятно, что войска, начавшие отступать, падают духом, расстраивается их дисциплина, и трудно сказать, где и как эти войска останутся и в каком порядке будут находиться. Были все основания полагать, что решительный перелом в кампании на всем нашем фронте совершится в нашу пользу, что мы выйдем победителями, и была вероятность, что конец нашей войны значительно ускорился с меньшими жертвами. Не новость, что на войне упущенный момент более не возвращается, и на горьком опыте мы эту истину должны были пережить и перестрадать» (Брусилов А. А. Воспоминания. (Яковлев Н. Н... С. 251.))

334

русской вооруженной силой — и не только не управляла событиями, а события ею управляли, как ветер управляет колеблющимся тростником»¹⁴⁴³. «При таком способе управления Россия, очевидно, выиграть войну не могла, что мы неопровержимо и доказали на деле, а между тем счастье было так близко и так возможно!»¹⁴⁴⁴

Тем не менее Брусиловский прорыв спас, как и в 1914 г. армия Самсонова, итальянскую и французскую армии. Но какой ценой это было достигнуто! «Кампания 1916 года обошлась русской армии в два миллиона человек — притом пленные в этой цифре составляли уже не 40%, как при «великом отступлении», а всего 10%. С западного фронта доходили вести о таких же тяжелых потерях, о таком же «топтании на месте». Казалось, что войне не будет конца. Никакая пропаганда не могла преодолеть этой усталости от войны, побороть ее — на известный срок — могла только железная дисциплина, только строгая цензура. Только царская власть, только твердая власть, — по мнению С. Ольденбурга, — могла сдержать, затормозить это явление распада. Россия была больна войной. Все воюющие страны в разной степени переживали эту болезнь. Но русское общество, вместо того чтобы осознать причины неудачи, прониклось убеждением, будто все дело — в недостатках власти»¹⁴⁴⁵.

1917 г. «Признаком возрастающего авторитета России стало то, что очередная, февральская межсоюзническая конференция Антанты впервые прошла не в Шантильи, а в Петрограде. Правда, делегации Франции, Англии и Италии прибыли на нее с совершенно неопределенными инструкциями...» Но Россия, чувствуя себя куда более уверенно, отмечает В. Шамбаров, взяла инициативу на себя. Гурко спрашивал: «Должны ли будут кампании 1917 г. носить решительный характер?» Кастельно снова заикнулся, что неплохо русской армии начать пораньше. Гурко твердо ответил "нет". Россия пораньше уже в прошлом году наступала — очередь за союзниками. А русские фронты начнут наступление 15.5, когда завершится формирование 50 новых дивизий»¹⁴⁴⁶.

Несмотря на энтузиазм союзников, февральская 1917 года конференция произвела на Ллойд-Джорджа удручающее впечатление, по его мнению, она «еще раз доказала губительные последствия российской неспособности и западного эгоизма. Бессистемные и неспособные что-либо дать методы русского самодержавия были хорошо известны на Западе. Но союзные делегации только теперь впервые вполне уяснили себе, насколько эгоизм и глупость военного руководства Франции и Англии, настаивавшего на сосредоточении всех усилий на Западном фронте, и вытекающее отсюда пренебрежение к затруднениям и лишениям восточного союзника способствовали тому хаосу и разрухе, которые

вскоре вызвали окончательный крах России. Союзные делегации застали Россию в состоянии полной дезорганизации, хаоса и беспорядка, раздираемой партийной борьбой, пронизанной германской пропагандой и шпионажем, разъедаемой взяточничеством»¹⁴⁴⁷. «Для русского главного командования, — указывает в этой связи Киган, — было чрезвычай-

335

ной удачей, что зима 1916/17 года выдалась исключительно суровой, что исключало какое-либо крупномасштабное наступление немцев. Учитывая настроения, господствовавшие в царской армии, оно вполне могло достичь результатов, имеющих решающее значение»¹⁴⁴⁸.

В отчете военному кабинету лорд Милнер сообщал: «В России господствует заметное разочарование в войне. Как бы пренебрежительно ни относились в России к человеческой жизни, огромные потери России (6 миллионов русских убито, взято в плен или искалечено) начинают сказываться на народном сознании. Русские с горечью видят, что исключительные потери России не были неизбежны; они знают, что русские солдаты, храбрость которых несомненна, никогда не имели в этой войне и до сих пор не имеют подлинных шансов на успех вследствие вопиющего недостатка в военном снаряжении... Русские — весьма чувствительные, впечатлительные и неустойчивые люди... В воздухе чувствуется общее недовольство и смутная неудовлетворенность, которые легко могут перейти в отвращение к войне... С русскими нужно обращаться крайне бережно, особенно англичанам». Еще в ноябре 1916 г. британский офицер сообщал своему правительству: «Только с помощью самой усердной и терпеливой работы можно протащить Россию в лице ее правительства и народа еще через один-два года войны и лишений; чтобы достичь этого, не следует жалеть никаких усилий или сравнительно ничтожных расходов». Когда сэра Уолтера Лейтона по возвращении спросили, охотно ли русские воюют, он ответил: «Нет, они думают лишь о предстоящей революции»¹⁴⁴⁹.

«Перед новой властью (Временным правительством) встал капитальнейший вопрос — о войне. От решения его, — по мнению А. Деникина, — зависела участь страны. Решение в пользу сохранения союза и продолжения войны основывалось на побуждениях этических, в то время не вызывавших сомнений, и практических — до некоторой степени спорных. Ныне даже первые поколебались, после того как и союзники, и противники отнеслись с жестоким, циничным эгоизмом к судьбам России...» Позже Деникин, по другому поводу, но тем не менее касавшемуся той же темы — союзнических отношений, напишет: «Обоюдная государственная польза требовала от союзников не самопожертвования (этот банальный, с точки зрения Европы, альтруизм был похоронен давно на полях Восточной Пруссии и Галиции в русских братских могилах); она требовала некоторой жертвы. Конъюнктура безнадежная. До такой моральной высоты психология европейских государственных деятелей и практика союзной дипломатии подняться не могли»¹⁴⁵⁰.

«В толще армии и в глубинах народа широко всходила мысль, — вспоминал Головин, — что будто бы война нам была ловко навязана союзниками, желавшими руками России ослабить Германию. Автору часто приходилось слышать, начиная с зимы 1915/16 года, циркулировавшую среди солдатской массы фразу: «Союзники решили вести войну до последней капли крови русского солдата». Мысль о том, что русский народ втравлен в войну вопреки его интересам, особенно легко привива-

336

лась к темным народным массам, в которых доверие к правительству было в корне подорвано»¹⁴⁵¹. Но что «темный русский народ», кадровый офицер Э. Гиацинтов и тот заявлял: «Главкомандующим был великий князь Николай

Николаевич, который, как я считаю, был более французом, чем русским, — потому что он мог пожертвовать русскими войсками совершенно свободно только с той целью, чтобы помочь французам и англичанам»¹⁴⁵². Бьюкенен докладывал в Лондон: «Негативные чувства против нас и французов распространились столь широко, что мы не можем терять времени — мы должны представить доказательства того, что мы не бездействуем в ситуации, когда немцы переводят свои войска с Западного на Восточный фронт». Начальник британского генерального штаба ген. Робертсон предупреждал, что если англичане и французы не выступят на западе, русские придут к идее сепаратного мира; эти опасения стал разделять и король Георг V¹⁴⁵³.

Этим настроениям были подвержены не только солдаты, они захватили даже бывшего военного министра Сухомлинова: «лозунг мира с немцами и войны с «капиталом согласия» становился среди молодого корпуса офицеров все популярнее, так как очевидная эксплуатация России Антантой, несомненное использование русского солдата исключительно как пушечного мяса... Это было проклятие, тяготевшее над Временным правительством, а также и царским, которое... договором двойственного союза вело Россию к французскому игу. С того времени, как Россия... пошла на то, чтобы после объявления войны не соглашаться идти ни на какой сепаратный мир, она потеряла самостоятельность, так как в техническом отношении находилась в полной зависимости от своего союзника...»¹⁴⁵⁴ По словам Сухомлинова: «Русский народ своими дипломатами и финансовыми людьми прямо-таки был продан Франции. Весной 1917 года широкие круги в России начали это сознавать»¹⁴⁵⁵. В. Ламздорф, отражая эти настроения, еще в 1891 г. писал: «Французы собираются осаждать нас предложениями заключить соглашение о совместных военных действиях обеих держав в случае нападения какой-нибудь третьей стороны. Совершенно запутавшись в их сетях, мы будем преданы и проданы при первом удобном случае»¹⁴⁵⁶.

Прежняя жертвенная готовность по отношению к своим союзникам сменяется в русской армии чувством горькой обиды и разочарования. Генерал Нокс в своих воспоминаниях приводит свой разговор, состоявшийся 1 октября 1915 г. с генерал-квартирмейстером штаба армий Западного фронта: «Разговор коснулся доли тягот, выпавших на долю каждого из союзников, и маленький ген. Лебедев, горячий патриот, увлекся вовсю. Он сказал, что история осудит Англию и Францию за то, что они месяцами прятались, как зайцы в своих норах, свалив всю тяжесть на Россию. Я, конечно, спорил с ним и указывал ему, что если бы не Англия, то Архангельск и Владивосток были бы заблокированы и Россия вынуждена была бы заключить мир весной 1915 г. Я напомнил ему, что, хотя в мирное время мы имели лишь ничтожную армию, сейчас мы развернули ее до численной силы, почти равной русской, и это

337

несмотря на то, что численность нашего населения всего 45 000 000, а России — 180 000 000. Относительно Франции я повторил слова Делькассе, что для того, чтобы усилия России достигли уровня напряжения Франции, первая должна была бы мобилизовать 17 000 000*.

Лебедев ответил, что не желает сравнивать, что сейчас делает каждая из армий, но он сожалеет, что в Англии не понимают, что текущая война непосредственно грозит ее существованию. Несомненно, что Англия делает много, но она не делает всего, что она могла бы делать. Россия же ничего не бережет и все отдает. Что может быть ей дороже, чем жизнь ее сынов? Но она широко ими жертвует. Англия же широко дает деньги, а людей своих бережет. Число людей, которыми Россия готова жертвовать, ограничивается лишь возможностями их вооружения.

Эти возможности, как я знаю, ограничены. Англия ведет эту войну, как будто это обыкновенная война; но это не так. Из всех союзников России легче всего заключить сепаратный мир. Правда, она при этом может потерять Польшу, но Польша России совсем не нужна. России придется заплатить контрибуцию; но через 20 лет после этого Россия восстановит все свои силы. Не таково положение Англии. Если Германия выиграет войну, то через 20 лет Германия будет иметь флот в три раза сильнее английского. Затем он сказал: «Мы же продолжаем войну. Мы отдаем все. Думаете ли вы, что нам легко видеть длинные колонны населения, убегающего перед вторгающимися немцами? Мы прекрасно сознаем, что дети на этих повозках не доживут до весны». Что мог я ответить на это? Ибо я знал, что многое из того, что говорил Лебедев, была правда. Я говорил, что мог. Я надеюсь только, что говорил не глупее того, что высказывали некоторые из наших государственных деятелей, на беседах которых я присутствовал».

Американский представитель генерал Ф. Пул утверждал, что «80% русского народа жаждет немедленного мира, а за г-ном Керенским лишь немногочисленное меньшинство, расположенное в пользу поддержки союзников, и это меньшинство в очень большой степени зависит от всяческой помощи и содействия, которые сейчас способны оказывать ему союзники, особенно Великобритания и Франция, не только морально, но и материально. Российское правительство видит наиважнейший символ дальнейшего содействия в продолжении поставок оружия... Прекра-

* О том же 01. 04. 1916 г. Палеолог возмущенно высказывал премьеру Штюрмеру: «Я еще более настаиваю на своих обвинениях; я доказываю цифрами, что Россия могла бы сделать для войны втрое или вчетверо больше, Франция между тем истекает кровью». Когда Штюрмер попытался напомнить о российских потерях, Палеолог ответил, что численность населения России 180 млн., а Франции — 40 млн., поэтому «для уравнивания потерь нужно, чтобы ваши потери были в 4,5 раза больше наших. Если я не ошибаюсь, в настоящее время наши потери доходят до 800 тыс. человек... и при этом я имею в виду только цифровую сторону потерь». Другая сторона потерь касалась качества потерь, т.е. «сливок человечества».

338

щение дальнейших поставок оружия может стать важным фактором влияния на склонность России к сепаратному миру»¹⁴³⁷. Тем не менее 2 ноября Полк телеграфировал Фрэнсису просьбу «тактично» сообщить Керенскому, что Россия не сможет получить помощь, «пока не преисполнится намерения сыграть свою роль в военных действиях»¹⁴⁵⁸. Военный кабинет Британии утверждал, что «помощь правительству, которое откладывает необходимые для восстановления порядка шаги», оказывается под вопросом¹⁴⁵⁹. Военный кабинет пессимистически оценивал перспективы выживания Временного правительства¹⁴⁶⁰.

Россия потерпела поражение в войне задолго до появления большевиков на политической сцене. Кто тому виной: русская промышленность, неспособная обеспечить армию; оппозиционная общественность в лице либералов и социалистов, ставшая пятой колонной, толкавшей страну к революции; прогнивший царский режим, не справившийся с задачей мобилизации экономики и власти; неграмотность и забитость русского солдата; традиционные русский бардак и бесхозяйственность; неспособность генералов; эгоистичное пренебрежение союзниками интересов России; политическая и экономическая отсталость страны...??? Каждый вопрос становится одновременно и ответом на него.

Главную причину поражения России современники и исследователи Первой мировой войны находят в нехватке вооружений и боевого снабжения войск: «Немцы вспахивают поля сражений градом металла и ровняют с землей. Они тратят металл, мы — человеческую жизнь», — писал военному министру в 1915 г. командир 29-го корпуса Зуев¹⁴⁶¹. Брусилов вспоминал: «По сравнению с нашими врагами мы технически были значительно отсталыми, и, конечно, недостаток

технических средств мог восполняться только лишним пролитием крови»¹⁴⁶². Английский генерал Э. Айронсайд отмечал, что «российская армия не отвечала духу времени. Она испытывала недостаток во всем, кроме живой силы. Хотя после Маньчжурской войны было проведено немало реформ, военная промышленность не развивалась. У России имелся лишь один военный завод (в Британии — сто пятьдесят)»¹⁴⁶³. По мнению британского исследователя R. Charques: «Ни одна из участвовавших в войне стран не была хуже подготовлена к войне, чем Россия. После поражения в войне с Японией... интервал для восстановления сил был слишком кратким. Впрочем, даже если бы передышка была продолжительнее, русская система управления исключала возможность надежной подготовки к войне, учитывая, что предполагаемым противником была в высшей степени технически передовая Германия... Превосходство в людской силе не могло компенсировать отставания в производстве вооружений и недостатков военного руководства»¹⁴⁶⁴.

Но скажет критик: «В годы войны страна совершила гигантский промышленный рывок... валовый объем продукции российской экономики вырос к 1916 г. до 121,5% по сравнению с 1913 г... По подсчетам... Струмилина, производственный потенциал России с 1914 до начала

339

1917 г. вырос на 40%. Производство машинного оборудования всех типов возросло более чем втрое (978 млн. руб. против 308 млн. в 1913 г.), а производство химической промышленности — вдвое». «Если в 1915 г. Россия была вынуждена выпрашивать у западных союзников орудия и снаряды,... то всего через 1,5 года в производстве артиллерии обогнала и Англию, и Францию! Выпуск орудий увеличился по сравнению с 1914 г. в 10 раз, снарядов в — 20 раз, винтовок в — 11 раз... Возникло около 3 тыс. новых заводов и фабрик, а старые расширились и модернизировались. Скажем, если Тульский завод производил в 1914 г. 700 пулеметов в год, то в 1916 — тысячу в месяц... Прокладывалось более 5 тыс. км железнодорожных магистралей...»¹⁴⁶⁵

Почему тогда Россия потерпела поражение? Направление движения к ответу давал начальник главного артиллерийского управления (ГАУ) царской армии А. Маниковский, который открывал свою книгу словами: «Россия проиграла эту войну из-за недостатка боевого снабжения» — вот мнение, сложившееся в широких слоях общества на основании голосов, шедших из наших военных кругов, из самой армии. Что боевого снабжения действительно не хватало нашей армии — это факт неоспоримый; но в то же время было бы грубой ошибкой ограничиться только засвидетельствованием этого факта и всю вину за понесенные неудачи свалить на одно только «снабжение»; это было бы, что называется, из-за деревьев не видеть леса, так как истинные причины наших поражений кроются глубоко в общих условиях всей нашей жизни за последний перед войной период. И сам недостаток боевого снабжения нашей армии является лишь частичным проявлением этих условий как неизбежное их следствие. И только принадлежа к числу внешних признаков, всегда наиболее бьющих в глаза, он без особых рассуждений был принят за главную причину нашего поражения»¹⁴⁶⁶. Что имел в виду начальник ГАУ? Чем отличались «условия» России от «условий» ее союзников и противников?

Этих ключевых различий несколько, на часть из них мы уже обращали внимание читателя, к некоторым подойдем позже. Сейчас же нам нужен один обобщающий показатель, который бы отражал состояние ключевых движущих сил общества во время войны, назовем его — мобилизационной нагрузкой*. Сравнение мобилизационной нагрузки стран участников мировой войны поможет нам найти ответы на вопрос о причинах поражения России. Кроме того, пришла пора определить величину силы «Война» на приведенном нами графике

«Пределных политэкономических соотношений в начале XX века в России», обусловившей все дальнейшее направление развития русской революции и российского общества. Нам необходимо еще ответить и на вопрос: почему относительная численность русской армии была в 4 раза меньше, чем у союзников?

* Впервые настоящий термин вводится автором.

340

ЗАКОНОМЕРНАЯ ТРАГЕДИЯ Причины поражения России в Первой мировой войне

«Победу предстояло купить такой дорогой ценой, что она почти не отличалась от поражения».

У. Черчилль¹⁴⁶⁷

Мобилизационная нагрузка в начале XX столетия определялась долей мобилизованных от количества мужчин в возрасте 15-49 лет. Во время Первой мировой войны Германия и Франция мобилизовали почти 80% мужчин данной возрастной группы, Англия — 50%, а Россия — всего 39%¹⁴⁶⁸. О причинах столь существенного отставания России Менделеев писал еще в 1906 г.: из 128 млн. населения всей России в 1897 г. кормильцы (мужчины призывных возрастов) составляли 26,5%: «Каждый работник должен был в среднем прокормить (вместе с ним самим) 4 человека»¹⁴⁶⁹. Во Франции и Германии доля кормильцев составляла — 38-40%. Как следствие, реальные мобилизационные ресурсы в России были, как минимум на 30% меньше, чем на Западе. Одну из причин низкой численности кормильцев Менделеев находил в большем количестве детей в России...

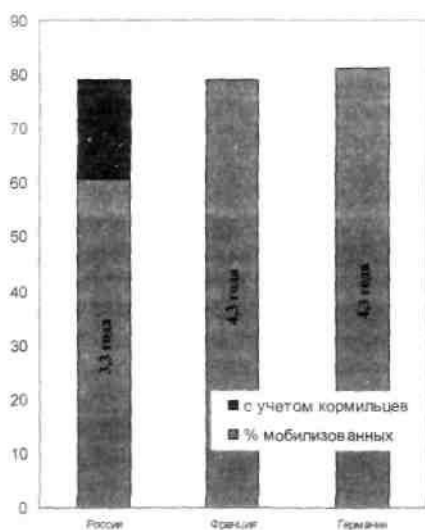
Кроме этого, если Россия оставалась империей, под которой «стонали покоренные народы», то те же Англия или Франция также были мировыми империями, но вели мобилизационный расчет только от населения метрополии. В Российской империи расчет велся от численности всего населения, хотя значительная часть инородцев в армию не призывалась*. Российская армия почти на 75% состояла из русских и украинцев, а их доля в населении империи составляла около 60%. Если вести

* В России от воинской службы были освобождено инородческое население Астраханской губернии, Тургайской, Уральской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей Сибири, самоеды Архангельской губернии, население Финляндии, некоторые горные племена Северного Кавказа и т.д.

341

расчет, как для Англии и Франции, только от численности населения «метрополии», то реальные мобилизационные ресурсы российской империи снижались почти в два раза. В результате уровень мобилизации в России, за 3,3 года участия в войне, практически равнялся показателям Франции и Германии, провоевавшим почти 4,3 года.

Доля мобилизованных, от количества мужчин в возрасте от 15 до 49 лет (Россия от 18 до 43), имперских наций¹⁴⁷⁰*

Люди старше 43 лет в Российскую армию не призывались, так как, по словам Гурко, «люди эти в своем преобладающем большинстве не являются ни бойцами, ни даже хорошими тыловыми работниками, а лишь лишними ртами...» Средняя продолжительность жизни в России была почти в полтора раза ниже, чем в Европе.

Средняя продолжительность жизни в начале XX века, лет.

Европейская Россия	2
Германия	2
Англия	6
Франция	7

342

Все вышеуказанные причины, в той или иной мере, на самом деле имели место, но ключевым фактором для России был уровень производительности труда, и в первую очередь в сельском хозяйстве. Объясняя низкую долю кормильцев в России Менделеев, в том числе, указывал, «что трудятся у нас в среднем еще немного». Для сравнения численность сельскохозяйственного населения в начале XX века в России составляла — 75%, в Германии — 28,7%, в Англии — 25%. То есть производительность труда немецкого и английского крестьянина была почти в десять раз выше, чем в России*. Низкая производительность труда в России обуславливала тот факт, что для нее мобилизация свыше 1/3 мужского населения деревни была смертельной, поскольку в этом случае оставшееся сельское население оказывалось неспособным прокормить империю...**

О всех этих проблемах член Государственного совета В. Гурко докладывал Николаю II: «Россия мобилизовала 15,5 млн. человек, что составляло 47,4% всех трудящихся мужчин, участвующих в трудовом процессе. К концу 1916 г. в России стал остро ощущаться недостаток людских резервов. Действующая армия требовала для ежемесячного пополнения 300 тыс. человек. Из общего людского запаса 26 млн. военнообязанных в возрасте от 18 до 43 лет осталось 11,5 млн. Из которых 2 млн. остались на занятой врагом территории, 5 млн. совершенно негодных к строевой службе из-за физического состояния и 3 млн. — специалисты, обеспечивающие работоспособность промышленности. Таким образом, с некоторыми поправками общая численность людского резерва составляла всего 1,5 млн. человек. 20 млн. годных к воинской службе инородцев России в армию не призывались... Промышленность и сельское хозяйство

совершенно обезлюдели, и это при том, что в одной Европейской России, исключив область, занятую врагом, посевная площадь составляет 72 млн. десятин, а сенокос — 20 млн. десятин, что примерно равно площади Франции и Германии, вместе взятых. Обрабатывать и убрать эту исполинскую земельную площадь одной лишь мускульной человеческой силой, без содействия специальных орудий оставшееся на местах население не в состоянии»¹⁴⁷¹.

Спустя полгода, 25 августа 1917 г., военный министр Временного правительства указывал, что некомплект действующей армии составил 674 000 человек. Все людские резервы, включая учебные команды, шко-

* На самом деле значительную часть продовольствия Англия импортировала, поэтому производительность труда английского крестьянина несколько ниже. Однако в данном случае имеет значение общеэкономический эффект, который в целом соответствовал указанной пропорции.

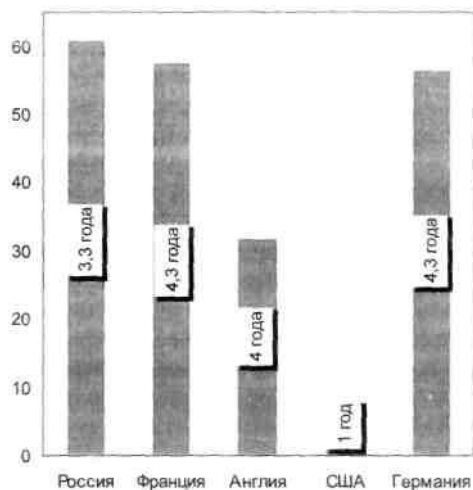
** В то же время, по данным Н. Яковлева, по степени мобилизации промышленности (из 3,3 млн. рабочих в 1916 году) 1,9 млн. рабочих, или 58% заняты в военном производстве, Россия находилась на уровне Германии и Франции, оставив позади Англию, где на войну работало 46% занятых.

343

лы прапорщиков, учителей, запасных полков, набирали 700-800 тыс. человек. «Такое положение повелительно указывает, что без решительных мер мы придем к окончательному экономическому краху, анархии и гибели государства. Необходимо смело смотреть правде в глаза»¹⁴⁷².

Выводы военного министра дополняет статистика совокупных военных потерь. За 3,3 года участия России в войне она потеряла больше солдат и офицеров, чем Англия, Франция и Германия за 4,3 года войны.

Совокупные военные потери в Первой мировой войне в % от количества мобилизованных*¹⁴⁷³

Но доля мобилизованных отражает лишь часть вопроса, на самом деле он был еще значительно глубже и трагичнее. Если бы Россия мобилизовала такой же процент населения, как Франция или Германия, то численность ее армии должна была бы составить примерно 46 млн. человек (вместо 15,7 млн.), но эту армию необходимо не только накормить, но и одеть, вооружить, перевезти; необходимо кормить и обогреть семьи мобилизованных кормильцев, поддерживать работоспособность

* Учтены: безвозвратные потери, пленные, демобилизованные по ранению, инвалидности, дезертиры. Удельные кровавые (убитые и умершие от ран) потери по месяцам участия в войне, в % от числа мобилизованных, для трех стран — России, Франции и Германии, составили практически одинаковую величину — 0,3% ежемесячно.

344

экономики и т.д. Таким образом, в индустриальную эпоху ключевым вопросом

для определения мобилизационной нагрузки является уровень экономического развития государства, т.е. экономический потенциал общества. Именно он обеспечивает содержание армии, определяет уровень ее технической оснащенности, ресурсы и резервы для ведения войны. Шлиффен, понимая это, еще в начале войны доказывал, что она не может быть длительной по экономическим соображениям. «Стратегия измора, — писал он, — немислима, когда содержание миллионов вооруженных людей требует миллиардных расходов»¹⁴⁷⁴. Аналогичного мнения были в России. В большой программе развития русской военной промышленности и армии говорилось, что политическое и экономическое положение в Европе исключает возможность длительной войны¹⁴⁷⁵. Представитель американского президента Э. Хауз в середине 1916 г. так же приходил к выводу, что «война больше превратилась в войну амуниции, чем в войну людей»¹⁴⁷⁶.

Ллойд-Джордж заявлял в 1915 г.: «Ни одна война (со времен наполеоновских войн) не обходилась так дорого. Ни одна война даже приблизительно не стоила столько, сколько эта война. Наибольшая сумма, израсходованная в течение одного года Великобританией до настоящего времени, составляла 71 миллион фунтов стерлингов... Один первый год нынешней войны будет стоить по меньшей мере 450 миллионов фунтов стерлингов. У нас непрерывно растет число солдат и, следовательно, увеличивается сумма расходов»¹⁴⁷⁷. Ллойд-Джордж продолжал: «Мы испытываем большую нужду в снаряжении, нежели в людях. Нынешняя война — война техники, и она будет выиграна или проиграна в зависимости от усилий или недостаточности специалистов. Если мы не сумеем снарядить наши армии, наше численное превосходство нам не поможет. Нам нужны люди, но вооружение нам необходимо еще больше, чем люди. Промедление в производстве вооружения грозит гибелью нашей стране»¹⁴⁷⁸.

Россия, казалось бы, не испытывала здесь проблем, по численности населения она в разы превосходила любого из своих союзников, а по ВВП занимало второе после США место в мире. Военные расходы России к февралю 1917 г. составили всего около 3 млрд. ф.ст., т.е. в полтора раза меньше, чем у Англии к середине 1917 г. — 5 млрд. ф.ст.¹⁴⁷⁹ При фактическом равенстве Валового Внутреннего Продукта (ВВП) обеих стран. Однако абсолютные цифры в данном случае не дают полной картины, они не отражают основного параметра, определяющего возможности государства, — эффективности экономики.

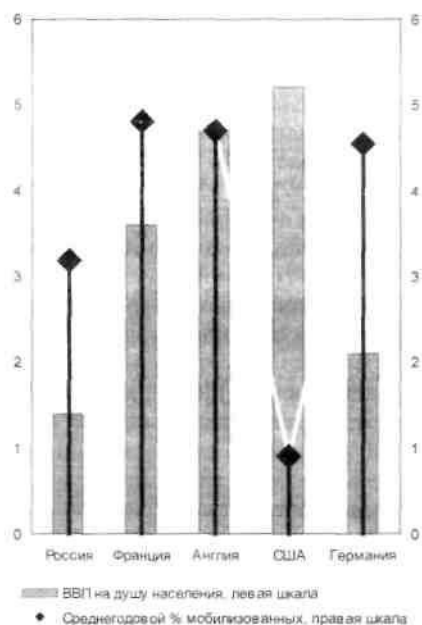
Понятие мобилизационной нагрузки призвано соотнести две величины — эффективность экономики и размеры военной нагрузки на нее. И здесь положение России выглядело далеко не так блестяще, и именно здесь скрывались основные причины ее поражения в войне.

Размеры мобилизационной нагрузки зависят от многих факторов. В первом приближении мобилизационную нагрузку можно опреде-

345

лить из соотношения доли мобилизованных и ВВП на душу населения в сравниваемых странах*.

***ВВП на душу населения в 1913 г. (в тыс. долл. США 1990 г.)¹⁴⁸⁰
и среднегодовой процент мобилизованных**
от общей численности населения¹⁴⁶¹***

Из графика видно, что ВВП на душу населения в России в 1913 г. был в 2,5-3 раза, а доля мобилизованных в 1,5 раза ниже, чем во Франции и Англии. Вводимое понятие сравнительной мобилизационной нагрузки позволяет соотнести эти цифры***.

* ВВП и годовая численность мобилизованных менялись во время войны, но из-за отсутствия надлежащих данных мы вынуждены использовать только имеющиеся. Общая картина от этого меняется незначительно.

** Включая флот, внутренние округа, вспомогательные военизированные службы и структуры.

*** Такой путь рассуждений выбран для наглядности. В итоге, в данном случае, среднегодовая мобилизационная нагрузка сводится к отношению количества мобилизованных к ВВП. (США рассчитаны за 4,3 года войны.)

346

*Среднегодовая мобилизационная нагрузка*¹⁴⁸²

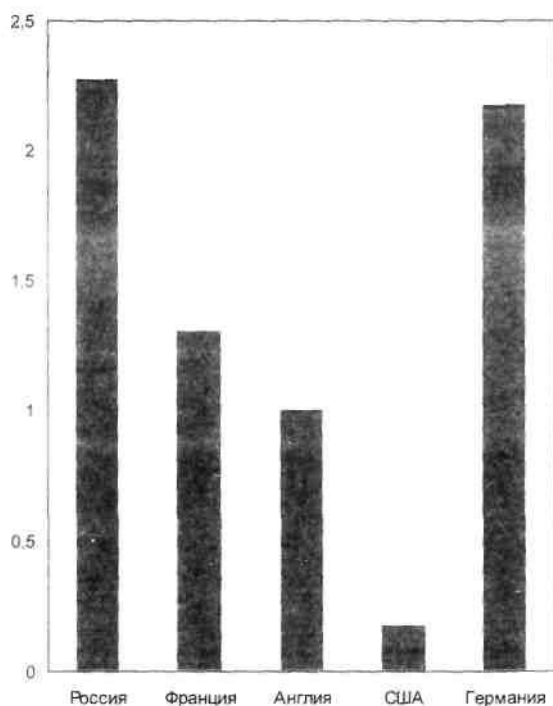

График наглядно демонстрирует, что среднегодовая мобилизационная нагрузка на Россию в Первой мировой войне более чем в 1,5-2 раза превышала

нагрузку на Францию или Англию. Можно заметить также, что сравнительная мобилизационная нагрузка Германии была почти такой же, как у России, а Германия провела на год дольше России. Такие показатели выносливости были достигнуты Германией за счет четко организованной жесткой мобилизационной политики. По этому поводу М. Флоринский писал: «Различие в процессе, приведшем к крушению центральных держав, и процессе, сокрушившем Россию, поразительно: Россия испытывала муки не ввиду истощения ее ресурсов, а из-за неспособности полностью использовать их»¹⁴⁸³.

Мобилизационное преимущество Германии обеспечивалось в первую очередь за счет того, что она на протяжении 40 лет, предшествующих мировой войне, готовилась к тотальной наступательной войне; вся ее экономика была подчинена данной цели. Для этого была выработана

347

даже особая форма мобилизационной общественной организации — «военный социализм». Мобилизация во время войны была для Германии естественным процессом. «Не стройте больше крепостей, стройте железные дороги!» — приказывал Мольтке-старший, развивавший свои стратегические планы на основе железнодорожных карт. Одна из завещанных им догм гласила, что железные дороги — ключ войны. В Германии система железных дорог находилась под контролем военных. К каждой железнодорожной линии был прикреплен офицер Генерального штаба, ни один путь не мог быть проложен или изменен без согласия этого учреждения. Ежегодные мобилизационные военные игры оттачивали опыт чиновников железнодорожного ведомства. Телеграммы с сообщениями о перерезанных дорогах и взорванных мостах давали возможность развить способности железнодорожников к импровизации и отправке поездов по окружным линиям. Говорили, что лучшие умы Военной академии направлялись в железнодорожные отделы, что они часто оканчивали свой путь в психиатрических больницах¹⁴⁸⁴. Учение не прошло даром. С первых дней мировой войны «началось огромное по масштабам перемещение германских войск. 550 поездов в день пересекали мосты через Рейн, более миллиона человек были перевезены в 11 тысячах поездов. По мосту Гогенцоллерна в Кельне на протяжении первых двух недель войны поезд шел каждые десять минут — шедевр военной организации»¹⁴⁸⁵.

Российская экономика была ориентирована изначально на мирное развитие, а военная доктрина в большей мере опиралась на оборонительные планы, именно поэтому в России большее внимание уделялось — крепостям.

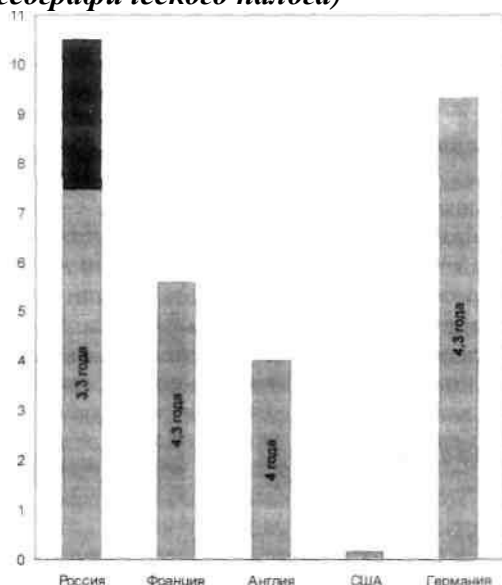
Но ключевую роль в более низкой мобилизационной нагрузке России по сравнению с Германией играли географические и климатические условия России, которые поднимали стоимость содержания армии и мобилизации экономики по сравнению с союзниками и противниками в разы. Так, например, расстояния, на которое приходилось перебрасывать солдат и продовольствие в России, в 3-4 раза превосходили германские¹⁴⁸⁶. Следовательно, и затраты на эти статьи в России были в среднем в 3-4 раза выше. Зима в России также холоднее и длиннее, значит, и угля надо больше, а все это упирается в большее количество паровозов, железнодорожных путей и т.д.

Это только ничтожная часть примеров, характеризующих главное отличие России от союзников и противников — она по сравнению с ними несла страшное, неизбежное и становившееся невыносимым бремя «климатическо-географического налога». Величина этого налога составляла 20-40% ВВП. Пропорционально увеличивалась и мобилизационная нагрузка. Таким образом, к концу октября 1917 г. совокупная мобилизационная нагрузка России была почти на 30% выше, чем в Германии.

348

Совокупная мобилизационная нагрузка учитывает время участия в войне. В Первой мировой войне Россия провела 3,3 года, Франция, Германия по — 4,3; Англия — 4*; США — около полугода**. График наглядно демонстрирует, что за 3,3 года войны совокупная мобилизационная нагрузка монархической России была выше, чем у демократий Франции и Англии за все время войны почти в 2 и 3 раза соответственно. К уровню мобилизационной нагрузки России приблизилась лишь Германия в ноябре 1918 г., после чего там также произошла революция.

***Совокупная мобилизационная нагрузка за время участия в войне
(Россия — с учетом 20%-ного климатическо-
географического налога)***

* Англия в начале войны перебросила на континент 4 дивизии, к январю 1915 г. имела 10 дивизий — 5% всех сил союзников, к июню 1915 г. — 9%. Англия до середины 1916 г. в основном финансировала союзников и осуществляла блокаду европейского побережья.

** США объявили войну Германии 23 марта 1917 г., но до июня 1918 г. лишь обозначили свое участие в ней, поставив на фронт всего 1-5 дивизий, что в декабре 1917-го составило 0,8% от общего количества дивизий Антанты, к июню 1918-го — 6% и к концу войны в ноябре 1918 г. — 12%.

349

График совокупной мобилизационной нагрузки дает нам сравнительную величину силы (вектора) «Война», которую мы указывали на диаграмме «Пределных политэкономических соотношений в 1917 г. в России», как видно из графика величина этой разрушительной силы в 1917 г. для России была больше, чем для Англии и Франции вместе взятых. Именно эта сила, а не военные поражения, уничтожила, как российскую, так и германскую империю.

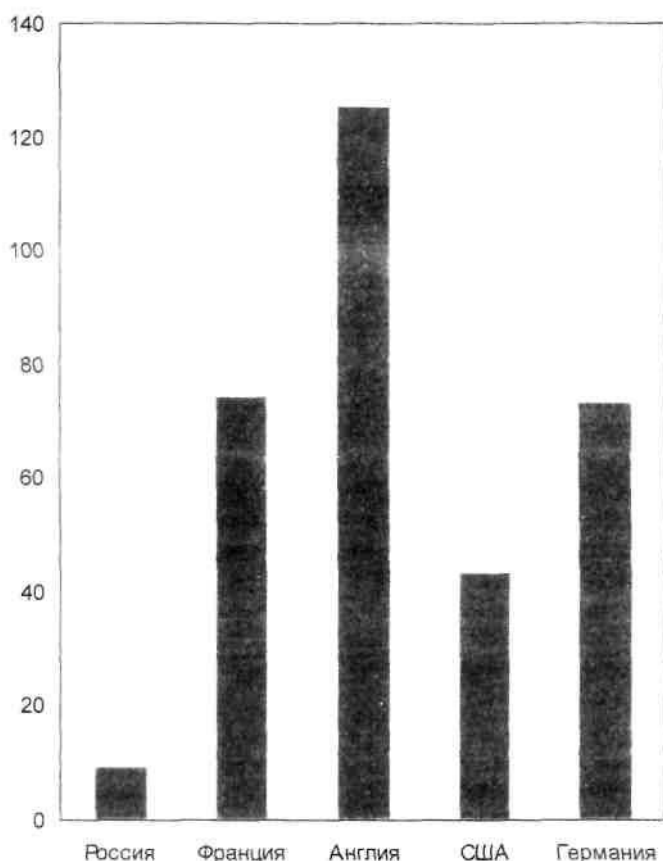
Поражение России в войне было предопределено не столько «реакционностью» монархического режима, который либералы обвиняли в неспособности управлять страной, или большевистской пропагандой, сколько запредельной перегрузкой мобилизационных возможностей русского государства и общества. В итоге Россия была недовольна не царской властью, а, как говорил Столыпин, «Россия была недовольна собой», т.е. была недовольна любой властью, требовавшей продолжения войны. Именно этим объяснялись все революции 1917 года... Буржуазно-демократическая Февральская революция привела к резкому снижению уровня мобилизации власти, по сравнению с монархией, которая по своей сути изначально представляет собой мобилизационный режим. После демократизации власти во время войны поражение и анархия становились неизбежными...*

Но этим не исчерпывается сравнение России с союзниками. Франция и Англия имели огромные резервы, в том числе накопленные в виде инвестиций в колониях, которые обеспечивали им дополнительные экономические ресурсы и соответственно снижали мобилизационную нагрузку. Так, например, «при полном доминировании на морях английского флота в Западную Европу шли бесконечные караваны судов с аргентинской пшеницей и бразильским мясом»¹⁴⁸⁷. Относительную величину этих резервов в определенной мере отражают размеры внешней торговли.

* Какова же должна была быть численность русской армии при условии равной мобилизационной нагрузки для всех союзников? Учитывая, что совокупная нагрузка на экономику России за время участия в войне была в 2-3 раза выше, чем у Франции и Великобритании, то численность ее армии должна была составлять не 15,8 млн. чел, а всего около 6 млн. Эти на первый взгляд весьма абстрактные расчеты поразительным образом близки к данным, которые автор позже нашел в воспоминаниях военного министра Сухомлинова. По его словам, накануне Первой мировой войны, «размер средств, которые ассигновались по государственной росписи Военному министерству, можно было предпринять организацию и подготовку наших вооруженных сил, с расчетом на мобилизацию всего лишь 4,2 млн. человек, которые могли быть поставлены под ружье на случай военных действий». (Сухомлинов В.А... С. 197-198.)

350

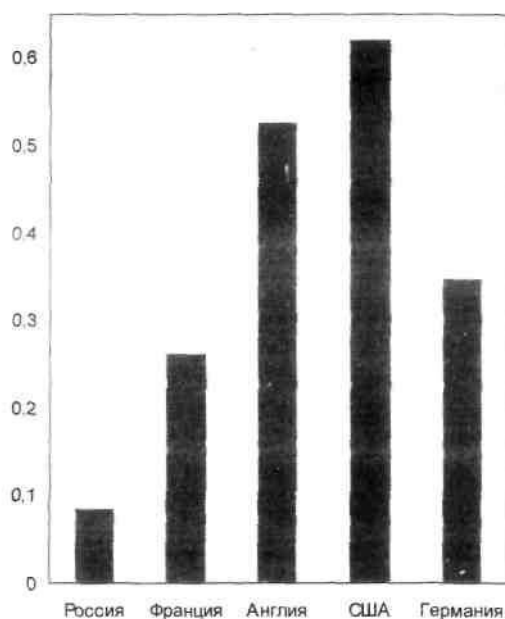
Оборот внешней торговли на душу населения в 1913 г. (долл.)¹⁴⁸⁸

Критик скажет, что Англия несла затраты на содержание огромного флота, вместе с Францией строила танки, самолеты и т.д. То есть ее солдат был вообще лучше вооружен, снабжен и обустроен, чем русский, что увеличивало уровень мобилизационной нагрузки этих стран по сравнению с Россией. Это на самом деле так. Здесь объемный показатель величины мобилизационной нагрузки тесно связан с качественным критерием ее оценки. Их совокупность в определенной мере характеризует объем промышленного производства на душу населения.

351

Доля промышленного производства, приходящаяся на миллион населения в 1913 г.¹⁴⁸⁹

Таким образом, качественное отставание России было еще более значительным, чем по общему значению мобилизационной нагрузки. Высокие темпы развития России в конце XIX — начале XX века позволили ей обогнать в совокупном промышленном производстве Францию и в два раза сократить разрыв с Англией. Однако в удельных показателях на душу населения промышленное производство в России в 1913 г. было почти в 3 раза ниже, чем во Франции, и в 7 раз ниже, чем в США**. В абсолютных показателях наглядным примером разницы в уровне промышленного производства является сравнение количества выстрелов, произведенных в ходе мировой войны. «Вся русская артиллерия произвела около 50 млн. выстрелов из орудий всех калибров; немецкая — в пять с половиной раз больше — 272 млн. выстрелов. Даже армия Австро-Венгрии, несравненно меньшая по численности,

* В совокупном промышленном производстве пяти стран-лидеров.

** В 1900 г. промышленное производство на душу населения в России было в 5 с лишним раз меньше, чем во Франции, и почти в 9 раз — чем в США.

352

была поддержана в своих боевых действиях 70 млн. артиллерийских выстрелов — почти в полтора раза больше, чем русская»¹⁴⁹⁰.

На промышленную отсталость России как основную причину ее бед указывали многие современники событий. Так, по словам В. Шульгина: «Ужасный счет, по которому каждый выведенный из строя противник обходился нам за счет гибели двух солдат, показывает, как щедро расходовалось русское пушечное мясо. Один этот счет — приговор правительству и его военному министру. Приговор всем нам, всему правящему и неправящему классу, всей интеллигенции, которая жила беспечно, не обращая внимания на то, как безнадежно в смысле материальной культуры Россия отстала от соседей. То, что мы умели только петь, танцевать, писать стихи в нашей стране, теперь окупалось миллионами русских жизней. Мы не хотели и не могли быть «Эдисонами», мы презирали материальную культуру. Гораздо веселее было создавать мировую литературу, трансцендентальный балет и анархические теории. Но за то пришла расплата. «Ты все пела... Так поди же попляши». И вот мы плясали «последнее танго» на гребне окопов, забитых трупами»¹⁴⁹¹. Шульгин, несмотря на явный перегиб (так, в английской армии на одного убитого немца приходилось в среднем — 2, а в 1915 — 2,4 английских солдата), был недалек от истины. В 1916 г. Особое совещание докладывало Николаю II: «В армии прочно привился взгляд, что при слабости наших технических сил мы должны пробивать себе путь к

победе преимущественно ценой человеческой крови. В результате в то время, как у наших союзников потери... постепенно и неуклонно сокращаются, уменьшившись во Франции по сравнению с начальными месяцами войны почти вдвое, у нас они остаются неизменными и даже обнаруживают склонность к увеличению»¹⁴⁹². Бьюкенен указывал, что промышленность России «была еще в отсталом состоянии; у нее не было достаточного количества фабрик и заводов, а на тех, которые существовали, не хватало машин и нужного числа квалифицированных рабочих»¹⁴⁹³. Б. Линкольн отмечал: «Многие русские пришли к заключению, что жизнями своих соотечественников они платят за индустриальную отсталость, в то время как их союзники развили индустриальную мощь и этим прикрыли свое население»¹⁴⁹⁴.

Экономическая и индустриальная отсталость стали ключевыми причинами поражения России в войне, все остальные по отношению к ним носили вторичный характер.

Можно сказать, что отсталость России — это ее внутренняя проблема, но она принимала участие в войне с союзниками, в общем деле. А союзники несут солидарную ответственность как за победу, так и за поражение. И здесь появлялась вторая «ахиллесова пята» России: ее военная промышленность еще до войны на треть зависела от западных поставок,

353

а если взять всю металлообрабатывающую промышленность, в том числе транспорт, то более чем наполовину*. При этом основным партнером России в промышленном импорте благодаря торговому договору 1904 г. была Германия". Фрэнсис отмечал жизненную важность для России связей с Германией и то, что их обрыв дорого стоил России***.

Экономика России критично зависела не только от импорта промышленной продукции, но и сырья: «Еще до войны, в силу разнообразных политических и экономических условий, в том числе и недостаточного внимания власти к развитию производительных сил страны, промышленность наша находилась в состоянии неустойчивом и в большой зависимости от иностранных рынков даже в отношении таких материалов, которые, казалось бы, можно добывать дома. — отмечал А. Деникин, — Так, в 1912 году в русской промышленности ощущался сильный недостаток чугуна, а в 1913-м — серьезный топливный кризис; заграничный ввоз металла возрастал с 1908-го по 1913 год с 29% до 34%; хлопка до войны мы получали извне 48%; при общем производстве 5 миллионов пудов пряжи требовалось 2,75 миллиона пудов иностранной шерсти и т.д.»¹⁴⁹⁵.

С началом войны зависимость российской промышленности и армии от импорта резко возросла. В январе 1915 года член русского кабинета М. Харитонов пришел к следующему выводу: «Изоляция нашей страны является одним из наиболее болезненных и опасных аспектов текущей войны»¹⁴⁹⁶. Министр иностранных дел Сазонов: «Изолированное положение наблюдалось с растущей тревогой правительством и общественным мнением по мере того, как становилось все ощутительнее наше одиночество. На почве тревоги за исход войны легко развивается

* Объемы отечественного производства и импорта промышленной продукции по видам, в России в 1912 г., в млн. рублей. (Егоров А.И... С. 33.)

	производство	и импорт	импорт / потребление, в%
транспорт и сельхозмашины	164	65	28
прочие металлические изделия (кроме	90	10 7	54

военных)			
предметы военной промышленности	249	11 0	31

** В 1913 году 47,4% всего русского импорта поступало из Германии, 12,5% — из Британии, 5,8% — из США, 4,1% — из Франции.

*** При этом Фрэнсис считал, что этот обрыв сыграет положительную роль для России, которая сможет диверсифицировать свои связи с Западом и стимулирует в ней развитие собственной промышленности.

354

и растет чувство всеобщего недовольства и падает то обаяние властью, без которого не может держаться никакая государственная организация, достойная этого имени... Россия была лишена главного элемента успеха, давшего ее союзникам победу: тесного слияния и сплочения между собой и общности материальных средств»¹⁴⁹⁷.

Действительно, с началом войны Россия оказывается фактически отрезанной от своих союзников. Архангельский порт доступен только 6 месяцев в году, остальное время скован льдом; мало того, из-за низкой пропускной способности архангельской узкоколейной железной дороги порт был завален грузами, которые не могли вывезти в Центральную Россию. «Несмотря на то, что Архангельск был единственный военный порт... на него почти не обращали внимания. К концу лета 1915 г. количество грузов было так велико, что ящики, лежавшие на земле от тяжести наложенных поверх грузов буквально вращались в землю»¹⁴⁹⁸. Железная дорога к Архангельскому порту была переведена на широкую колею только к концу 1916 г.*

Мурманского порта еще не существовало. Только в 1916 году по указу Николая II был основан Романов-на-Мурмане. За 20 месяцев к нему через вечную мерзлоту была проложена железная дорога длиной в 1050 км.** Владивосток удален от фронта на 5000 верст, и для одной пары поездов требовалось до 120 паровозов. «Сибирская железная дорога... не справлялась с перевозками, и в 1917 г. Владивосток был забит грузами». Балтийский и Черноморский порты были отрезаны. Головин образно описал состояние, в котором оказалась Россия в то время: «В результате после выступления Турции Россия уподобилась заколоченному дому, в который можно проникнуть только через дымовую трубу». С осени 1914 г. вывоз из России сразу падает на 98%, а ввоз — на 95%. Таким образом, Россия оказалась блокированной даже в большей степени, чем Германия.

По мнению Н. Головина: «союзники не оплачивали полноценной монетой за помощь, оказанную им Россией. Нужды последней не учитывались с той же полнотой. Первое проявление такого отношения можно увидеть в том, как в Средиземном море союзные флоты пропускают два германских крейсера, «Гебен» и «Бреслау», в Мраморное море. Этот пропуск имеет своим прямым следствием вступление Турции в войну, которое закрыло доступ России в Черное море, что было равносильно блокаде; здесь была ахиллесова пята русского колосса»¹⁴⁹⁹. Британский посол подтверждал: «Закрытие проливов было для России парализующим ударом»¹⁵⁰⁰. 10 августа 1914 г. «Гебен» вошел в Дарданеллы, принеся с собой, как позднее признал Черчилль, «больше бедствий, крови, ру-

* Дорога была построена за 1,5 года. Основная причина задержки строительства — нехватка людей: дорогу строили 30 тыс. крестьян из волжских губерний, 5 тысяч финнов, 15 тыс. пленных немцев и 15 тыс. китайцев. Кабель связи с Англией был проложен через Мурман только к 1 января 1915 г.

355

ин и неконтролируемых последствий, чем все другие военные корабли, вместе взятые, со времен изобретения корабельного компаса»¹⁵⁰¹.

По мнению начальника немецкого Генерального штаба фон Фалькенгайна: «Если бы проливы между Средиземным и Черным морями не были закрыты для прохода кораблей Антанты, надежды на успешное ведение войны уменьшились бы значительно. Россия освободилась бы от изоляции, которая давала более надежную, чем военные успехи, гарантию того, что рано или поздно колеблющиеся силы почти автоматически покинут этого Титана. Если такой строго дисциплинированный организм, как Германия, привыкший на протяжении столетий к сознательной работе и имеющий в своем распоряжении неистощимую мощь умелых, организованных сил своего народа, едва был способен решить огромную заданную войной задачу, то было ясно, что русское государство, значительно менее сильное внутренне, не выдержит испытания»¹⁵⁰².

Но испытаний не смог выдержать и отлаженный, дисциплинированный организм Германии. Действие политэкономических законов объективно, и оно основывается не столько на национальных, сколько на экономических предпосылках: Энгельс писал о будущей войне в 1887 г.: «Абсолютно можно быть уверенным только в одном: всеобщее разрушение создаст условия для победы рабочего класса». Данная закономерность являлась общей для всех стран, принимавших участие в Первой мировой войне:

Германия. Когда в Германии перенапряжение экономики во время войны достигло уровня мобилизационной нагрузки России ноября 1917 г., там также началась революция — в ноябре 1918 г., за которой (как и в России — Брестский мир) последовала немедленная капитуляция — Компьенский мир.

«Германия первой из воюющих держав, уже в феврале 1915 г., ввела хлебные карточки, по которым полагалось 225 г. муки в день на взрослого человека, а детям старше года — 100 г. Причем хлеб выпекали суррогатный, смешивая с картофелем... Отовсюду шли призывы об экономии. Например, пресса рекомендовала не чистить картошку, поскольку при этом теряется 15% веса... лаборатория профессора Эльцбахера (указывала)... каждый немец ежедневно выбрасывает в отходы до 20 г жиров при мойке посуды. Людендорф писал: «Виды на будущее были чрезвычайно серьезны», а «наше положение — чрезвычайно затруднительным и почти безвыходным»¹⁵⁰³. В 1915 г. от голода Германию спасла Америка, поставляя ей через нейтральные порты продовольствие и сырье...

«В то время как Франция хорошо кормила себя продуктами, выращенными внутри страны, а Британия поддерживала ввоз продовольствия на уровне мирного времени до середины 1917 года., Германия, а вместе с ней и Австрия, уже начиная с 1916 года, ощутили лишения, вызванные блокадой... Зима 1916/17 года стала «зимой репы», когда этот безвкусный и малопитательный корнеплод заменил всю пищу... реально необходимые вещи, такие как мыло и топливо, строго нормировались.

356

«К концу 1916 года жизнь... для большинства граждан... свелась к постоянному недоеданию, проживанию в нетопленых домах, ношению одежды, которую нужно, но невозможно сменить, и протекающей обуви. Это означает, что день с начала до конца заполнен суррогатами почти всего, чего только возможно». В Вене, самом большом городе империи Габсбургов, нужда была еще более жестокой. Реальная заработная плата уменьшилась вдвое в 1916 году и затем снова в 1917 году, когда наиболее бедные слои населения начали голодать. Что было еще хуже, у 60% мужчин призывного возраста, находившихся на фронте, семьи зависели от государственного пособия, которое никоим образом не заменяло дохода их отцов...»¹⁵⁰⁴

К середине 1917 г., когда «на грани агонии находилась Австро-Венгрия», ее новый кайзер Карл пришел к выводу, что единственный способ избежать в стране

революции — это заключить мир¹⁵⁰³. «Страну сотрясали не только забастовки рабочих и выступления национальных меньшинств, стала бунтовать даже армия. Не намного лучше обстояли дела и в самой Германии — в стране свирепствовал голод, и паек горожанина был рассчитан исходя из 1400 калорий в день, а солдата — из 2500 (американские солдаты получали по 4200 калорий, а британские — 3800). Все попытки центральных держав облегчить свое продовольственное положение за счет ограбления Украины были сведены на нет царившим там хаосом и гражданской войной»¹⁵⁰⁶.

В Германии «положение было невероятно трудным и почти безвыходным. Нечего было больше думать о наступлении. Надо было сохранить резервы для обороны, — писал Людендорф. — Не только в стране, но и в армии приходилось прибегать к суррогатам из соломы и древесины для питания лошадей, а иногда и людей. Масса населения, особенно среднего класса, положительно умирала с голода. Голодная блокада, организованная нашими врагами, бросила нас не только в физические страдания, но и в моральное отчаяние... Вечное недоедание создало упадок сил физических и нравственных и породило трусливое и истерическое настроение в немецком обществе»¹⁵⁰⁷. Видный австрийский генерал фон Арц — далеко не пессимист — в начале апреля 1917 года уверял, что «благодаря недостатку сырья и усталости войск австрийская армия не может драться долее, чем до зимы»¹⁵⁰⁸. К середине июня Гинденбург в телеграмме к императору пессимистически определял положение страны: «Огромное беспокойство возбуждает в нас упадок народного духа. Надо поднять его, иначе война будет проиграна. Наши союзники также нуждаются в поддержке, если мы не хотим, чтобы они нас оставили. Нужно разрешить экономические проблемы, страшно важные для нашего будущего. Является вопрос: способен ли канцлер их разрешить? А разрешить нужно — иначе мы погибем»¹⁵⁰⁹.

Д. Макдоно передает дух того времени: «Политическая ситуация внутри страны требовала к себе усиленного внимания. «Гражданский мир» трещал по швам. В Первомай 1916 года левый социал-демократ Карл Либкнехт на митинге в Берлине бросил клич: «Долой войну! До-

357

лой правительство!» Он был арестован и получил четыре года крепости. Однако строгая рука закона была не в состоянии предотвратить волну политических забастовок. Февральская революция 1917 года в России лишила германское командование главного довода, которым удавалось обеспечить поддержку войне со стороны немецких социалистов, — необходимость противостоять царю-реакционеру». В апреле Бетман-Гольвег издал манифест, в котором обещал после окончания войны реформу избирательной системы. «Им владел страх перед революцией»¹⁵¹⁰. Людендорф отмечал: «Связь между манифестом об избирательном праве и русской революцией была слишком очевидна»¹⁵¹¹. 17 октября 1918 г. Вильгельм выразил согласие впервые допустить в правительство умеренных социалистов. После начала ноябрьской революции в Берлине войска отказывались действовать против революционеров, министры-социалисты угрожали коллективной отставкой. Кайзер отрекся от престола.

Германия шла по пути России. В октябре 1918 г. «германские войска, оккупировавшие Дон и Малороссию, разложились в одну неделю, повторив до известной степени пройденную нами историю митингов, советов, комитетов, свержения офицерского состава, а в некоторых частях — распродажи военного имущества, лошадей и оружия... Только тогда немцы поняли трагедию русского офицерства. — вспоминал Деникин, — И нашим добровольцам приходилось видеть не раз унижение и горькие слезы немецких офицеров — некогда надменных и бесстрастных»¹⁵¹². «Первой очевидной катастрофой в ноябре 1918 года было учреждение солдатских Советов расквартированных в Киеве немецких

частей»¹⁵¹³. Армия продолжала разваливаться, и 26 октября Людендорф подал в отставку. В. Воейков вспоминал: «...Мне пришлось слышать за шесть недель до краха немецкой армии от одного немецкого дипломата слова: «Bei uns unmöglich» («У нас невозможно»), но в действительности их солдаты разложились совершенно так же, как наши, и нашим офицерам пришлось спасать немецких от ярости их нижних чинов, как это было в одном из самых блестящих полков гвардии императора Вильгельма «Garde du Corps»¹⁵¹⁴.

Первыми восстали моряки немецкого флота. Они отказались исполнять приказ адмирала Шеера дать последний бой британскому флоту. 4 ноября к восставшим матросам присоединились 20 тысяч солдат гарнизона Киля. Через два дня восстание охватило Гамбург, Бремен, Любек, Вильгельмсхафен. Социалисты призвали трудящихся к всеобщей стачке. В Баварии была провозглашена Советская республика. Кёльн был захвачен революционными матросами, и над городом взвился красный флаг, как и над десятью другими крупными немецкими городами. Когда кайзер спросил генерала Тренера, согласится ли армия подавить выступление революционных сил, тот ответил отрицательно. 9 ноября пост канцлера занял лидер социалистов Ф. Эберт. Социалисты провозгласили в Германии социалистическую республику, а Карл Либкнехт провозгласил Германскую советскую республику. 9 ноября рабочие Бер-

358

лина объявили всеобщую забастовку по призыву «Союза Спартака». 10 ноября Вильгельм бежал в Голландию.

Премьер-министр Франции Клемансо 9 ноября встретился с верховным главнокомандующим союзными войсками маршалом Ф. Фошем, который рассказал ему, как идет дело. «Немцы, — говорил он, — очень упирали на тот факт, что Германия находится на грани большевизма и что, если мы не поможем им восстановить порядок, мы сами впоследствии испытаем на себе это бедствие... что им нужно создать армию для борьбы с большевизмом и для восстановления порядка... Они, далее, указывали, что мы забираем у них слишком много пулеметов и им не из чего будет стрелять в своих соотечественников... Они, наконец, просили дать им продовольствие и сообщили, что они уже почти голодают. Фош ответил, что в таком случае было бы вполне достаточно, если бы они передали нам в «общий котел» свой флот, и тогда они смогут получить продовольствие»¹⁵¹³.

Министр финансов Германии Мельхиор: «Условия жизни низших классов отчаянные; единственный способ остановить распространение большевизма — прислать продовольственную и иную помощь» (Уткин А.И., с. 365). Голод в Германии действительно охватил только низшие и бедные классы, высший класс пользовался всеми благами цивилизации и имел «отличную кухню». Не случайно английские офицеры, находившиеся в то время на территории Германии пришли к выводу, что «германское население не голодает» (там же).

Франция. Во Франции мобилизационная нагрузка к середине 1917 г. была почти в два раза ниже, чем в России. Что это означало на практике? В России к 1917 г. «климатическо-географический налог» делал ситуацию еще хуже, чем в умиравшей от голода, разоренной войной и революционизированной Германии 1918 г. Русская армия к 1917 г. представляла собой плохо одетую, голодную, измученную трехлетней войной, почти безвылазно находившуюся в окопах толпу. А в тылу лежала забитая беженцами, разоренная страна с голодающими и замерзающими городами и деревнями. Русские держали в боях дивизии месяцами порой до полного уничтожения. У французов солдаты находились в окопах — лишь по 4-5, максимум 10 дней, потом они отводились в тыл для отдыха и пополнения.

Во Франции начала 1917 года «переход от этой неповрежденной зоны к месту

смерти был внезапным, особенно из-за благополучия, господствующего в тылу. Вместе с армией пришли деньги, и магазины, кафе и рестораны процветали...»¹⁵¹⁶
«...На полях, обрабатываемых фермерами в двух шагах от тех мест, где падали снаряды, вырастали настоящие города из палаток и барачков, готовые вместить миллионы тех, кто приходил и уходил в окопы, почти как фабричная смена. Четыре дня на передовой, четыре дня в резерве, четыре — для отдыха. В такие дни молодые офицеры... могли взять лошадь и отправиться, «как прежде, в давно откладываемую поездку (путешествие)...»¹⁵¹⁷

359

Французская армия и общество «сломалась» не от экономической катастрофы, а от моральной, психологической усталости от войны: «почти немедленно после неудачного наступления 16 апреля началось то, что командование признало как «случай коллективной недисциплинированности», а историки назвали «мятежами 1917 года»...»¹⁵¹⁸ 30 тысяч военнослужащих покинули окопы и отправились в тыл. 1 июня 1917 г. взбунтовавшийся полк объявил о создании антивоенного правительства. 5 февраля восстали жители городка Роанн на французской Луаре. Боевой дух значительно упал в сельской местности, где первоначальные стойкость и решимость уже не были столь явными. Это падение стойкости и решимости к июню 1917 года, когда появилось это сообщение, уже широко распространилось во французской армии¹⁵¹⁹.

По мнению русского военного агента во Франции: «Бесплодные потери, объяснявшиеся бесталанностью высшего военного руководства, оказались решающим толчком, повлекшим за собой революционные выступления, однако, — отмечал Игнатъев, — ни во французском генеральном штабе, где при каждом моем посещении я встречал все меньше откровенности, ни из прессы никаких сведений об этих революционных выступлениях узнавать не удавалось. О них только говорили шепотком депутаты парламента»¹⁵²⁰.

Правда, уже «к июню французы не могли больше скрывать от своих британских союзников, что... атаки не могут быть осуществлены. 7 июня Хэйг встретился с Петэном, чтобы услышать, что «две французские дивизии отказались прийти на смену двум дивизиям, находящимся на передовых позициях». На самом деле их число превышало пятьдесят*, и заверения Петэна в том, что «ситуация во французской армии в тот момент была серьезной, но теперь стала более удовлетворительной», были чисто показными... К июню, когда истина о мятежах во французской армии больше не была секретом, стало ясно, что британским войскам придется сражаться в одиночку. Задача была в том, чтобы найти этому оправдание»¹⁵²¹.

Нивеля сменил новый главнокомандующий Петэн. Военный трибунал под его председательством осудил 23 тысячи военнослужащих**. Было арестовано свыше тысячи оппозиционеров и лиц, заподозренных в связях с противником, не считаясь с их положением или иммунитетом — и министров, и депутатов парламента. Военным министром был назначен Клемансо, получивший диктаторские полномочия. Митинги и демонстрации разгоняли вооруженной силой. Все мало-мальски противоправительственные издания закрыли. Редакторов и владельцев газет расстреливали, обнаружив финансовую подпитку извне...¹⁵²²

* 54 дивизии, почти половина армии.

** К взбунтовавшимся солдатам подходили с некоторым снисхождением, учитывали их заслуги — к расстрелу приговорили более 500 чел., но казнили лишь 39. остальным заменили каторгой.

360

Кризис в армии подогревался исчерпанием финансовых, материальных и продовольственных ресурсов Франции. Ситуацию лучше всего передают приказы, полученные французским уполномоченным в США Тадье: «27 мая

хлебный запас под угрозой. Ускорьте сколь возможно погрузку на суда», 29 мая. «Необходимо немедленно обеспечить тоннаж под 30 тыс. пищевых запасов для опустошенных областей», «5 июня «пришлите возможно скорей 400 сноповязалок»... «16 июня пришлите 6 500 малых грузовиков», «примите меры отгрузки 80 тыс. т. пшеницы сверх программы. Очень серьезное положение. Неисполнение или задержка грозят опасностью»¹³²³. В конце 1917 г. во Франции вспыхнули забастовки рабочих, одна из них «забастовка сорока тысяч рабочих на заводах «Рено» и «Сальмон», разросшаяся к вечеру до ста двадцати тысяч, а через двадцать четыре часа разросшаяся до двухсот пятидесяти тысяч парижских рабочих, работавших на оборону, явилась угрозой самому французскому буржуазному политическому режиму»¹⁵²⁴. Французский кризис 1917 года был общенациональным, что привело к смене главы правительства. От полного экономического и политического краха Францию спасло вступление в войну США — массированная американская материальная помощь и кредиты.

Ф. Петэн предпринял серию мер, чтобы удержать и восстановить в армии моральное благополучие. Он пообещал более длительные и более регулярные увольнительные периоды. Он также косвенно пообещал прекратить, по крайней мере на время, наступление, не столь прямолинейно, поскольку это означало положить конец статусу Франции как державы, ведущей войну, но подчеркивая, что войска должны отдыхать и проходить переподготовку... Он также ввел новую доктрину, подобную той, которая уже была принята и действовала в немецкой армии — «обороны в глубине»... Эта инструкция преследовала строго оборонительные цели... «Никаких строгих мер не должно быть принято, — писал офицер пехоты 5-й дивизии. — Мы должны сделать все возможное, чтобы ослабить забастовочное движение убеждением, спокойствием и авторитетом известных людям офицеров, обращаясь к наилучшим чувствам забастовщиков». Его дивизионный командир соглашался: «Мы не можем добиваться уменьшения забастовочного движения строгостью, так как это, несомненно, приведет к непоправимым последствиям»¹⁵²⁵. «...В целом миллион погибших — среди мужского населения численностью двадцать миллионов — заглушил у французов желание сражаться. Солдаты Франции хотели защищать родину; но они не хотели идти в атаку. Такие настроения сохранялись почти год»¹⁵²⁶.

Британия. «...Британские тылы были обеспечены гораздо лучше немецких, — отмечал Киган. — Это могла позволить себе армия страны, избежавшей несколько лет блокады, которая в Германии сделала самые простые и жизненно необходимые вещи редкими и дорогими товарами. Эта роскошь неоднократно вводила в искушение продвигающихся вперед немецких солдат, вызывая у них желание остановиться и пограбить. Полковник Альбрехт фон Таер писал, что «целые дивизии, пресытив-

361

шись добытыми пищей и ликером, оказывались не в состоянии энергично продолжать атаку»¹⁵²⁷. «Разорение и искушение грабежом, возможно, было более страшным врагом немцев, нежели непосредственно сопротивление неприятеля...»¹⁵²⁸

Интервенция английских войск на Север России в 1918 г. дала удобный случай для сравнения обеспечения русских и западных армий во время Первой мировой войны. Б. Соколов отмечал, что у англичан: «Паек... был чрезвычайно обилён... То же самое приходится сказать и об обмундировании. Союзники, придя в Северную Область, принесли с собою и свои привычки и навыки. Комфорт их, даже военной, фронтовой жизни, казался странным русскому глазу, привыкшему к лишениям... Особенно поражала русских чистота палаток, безукоризненная чистота отхожих мест и мостки, проведенные в лагерях англичан... В свободное от войны время... англичане занимались спортом,

особенно футболом, ходили на охоту, бегали на лыжах, устраивали состязания, получая все нужное для этого из своего Красного Креста»¹⁵²⁹.

Игнатъев, посетивший окопы английского экспедиционного корпуса во время Первой мировой, был удивлен: «Марать сапог в окопах не пришлось: я шел по аккуратно сбитым решетчатым деревянным мосткам, под которыми стояла жидкая грязь, спускался в землянки по обитым деревом ступеням, любовался прочными, почти красивыми блиндажами из нескольких рядов толстых бревен, пересыпанных землей. Откуда и как завезли англичане столько леса в эту безлесную, безотрадную равнину?»¹⁵³⁰. В штабе британских войск Игнатъева поразило то, что английские офицеры, как и в мирное время, переодеваются к обеду и предпочитают для еды серебряную посуду. Не меньшее впечатление на Игнатъева произвел тот факт, что «на третий год войны во всю длину расширявшегося с каждым месяцем английского фронта были выстроены в три яруса орудия всех калибров, начиная с полевых и до самых тяжелых морских. Триста шестьдесят пять дней в году, с утра до ночи, не соблюдая даже пресловутых уикэндов, англичане бомбили немецкую оборону. Подобную роскошь они могли себе позволить, благодаря неограниченному запасу боеприпасов и развитой за первые годы войны мощной оружейной промышленности. Расстрелянная пушка заменялась так же просто, как лопнувшая автомобильная шина»¹⁵³¹.

Британия в отличие от России стала страдать от больших потерь только в 1916 году¹⁵³². У. Черчилль тогда откровенно паниковал, в апреле он писал жене: «Я очень сомневаюсь в конечном результате. Больше, чем прежде, я осознаю громадность стоящей перед нами задачи, и неумность способа ведения наших дел приводит меня в отчаяние. То же самое руководство, которое зависело от общественного мнения и поддержки, гаснет, будет готово заключить скоропалительный мир... Можем ли мы преуспеть там, где немцы, со всем их умением и искусством не могут ничего сделать под Верденом? Нашу армию нельзя сравнить с их армией, и, конечно же, их штаб прошел подготовку посредст-

362
вом успешных экспериментов. Мы — дети в этой игре по сравнению с ними»¹⁵³³.

Уже на следующий год после первых серьезных потерь «многие (английские) части, измученные борьбой на истощение, длившейся на протяжении 1917 года, не были в состоянии защищать свои передовые позиции, — указывал Д. Киган, — Вопрос должен стоять в том, относился ли этот крах — поскольку это был именно крах — к психологическим явлениям того же порядка, как крах французской армии весной 1917 года, крах русской армии после наступления Керенского и краха итальянской армии в битве при Капоретто. Все четыре армии, если считать британскую, к тому времени потеряли до ста процентов своего первоначального состава, с которым они вступили в войну, и могли запросто перейти грань, за которой уже невозможно действовать плотью и кровью»¹⁵³⁴. В 1917 г. Ллойд-Джордж начнет искать подходы к заключению мира с немцами.

На примере армии собственной страны Киган приходит к выводу, что «все армии... имеют точку разрушения. Оно может наступить, когда в сражающихся частях подсчеты, точные или не очень, показывают, что шансы выжить перешли линию, разделяющую возможность и вероятность, линию между произвольным шансом быть убитым и очевидной статистической определенностью»¹⁵³⁵. Но в тотальной войне ключевую роль играет даже не столько стойкость армии, сколько стойкость народа в целом. Эта стойкость определяется в первую очередь величиной экономических и психологических тягот войны, которые в полной мере характеризует мобилизационная нагрузка. По этому показателю Россию было невозможно сравнить даже с Францией, не говоря уже об Англии. Окажись

французские или английские войска и народ в тех условиях, в которых оказались русские к 1917 г., речь шла бы уже не о русской, а об английской или французской социалистической революции.

Именно об этом писал Герберт Уэллс в 1920 г. в книге «Россия во мгле»: «Если бы война на Западе длилась и поныне, в Лондоне распределялись бы по карточкам и ордерам продукты, одежда и жилье... Если бы мировая война продолжалась еще год или больше, Германия, а затем и державы Антанты, вероятно, пережили бы свой национальный вариант русской катастрофы. То, что мы застали в России, — это то, к чему шла Англия в 1918 г., но в обостренном и завершенном виде... расстройство денежного обращения, нехватка всех предметов потребления, социальный и политический развал и все прочее — лишь вопрос времени. Магазины Риджент-стрит постигнет судьба магазинов Невского проспекта, а господам Голсуорси и Беннету придется спасать сокровища искусства из роскошных особняков Мэйфера...»¹⁵³⁶

Можно было бы скептически отнестись к словам известного фантаста, однако, например, британский министр иностранных дел Э. Грей

363

еще 15. 07. 1915 предвидел подобный исход, указывая на него в своем письме канадскому премьер-министру Р. Бордену: «Продолжение войны приведет к низвержению всех существующих форм правления». Аналогичного мнения был не кто иной, как сам Ллойд-Джордж. В своей речи от 18 марта того же 1920 г. он говорил об угрозе социалистической революции в Англии: «...когда дело дойдет до сельских округов, опасность будет там так же велика, как она велика теперь в некоторых промышленных округах. Четыре пятых нашей страны заняты промышленностью и торговлей; едва ли одна пятая — земледелием. Это — одно из обстоятельств, которое я имею в виду, когда я размышляю об опасностях, которые несет нам будущее. Во Франции население земледельческое, и вы имеете солидную базу определенных взглядов, которая не двигается очень-то быстро и которую не очень-то легко возбудить революционным движением. В нашей стране дело обстоит иначе. Нашу страну легче опрокинуть, чем какую бы то ни было другую страну в свете, и если она начнет шататься, то крах будет здесь по указанным причинам более сильным, чем в других странах»¹⁵³⁷.

Именно критическая перегрузка экономики России за время войны, по сравнению с Францией и Великобританией, объясняет тот факт, что социальная революция произошла в России, а не у ее союзников.

Сравнения

У Черчилль противопоставлял революции в России пример подавления ее в Германии: «Их только горсть (*контрреволюционных офицеров в Германии*), но они побеждают. Морская дивизия, зараженная большевизмом, захватывает дворец, но после кровопролитного боя выбита оттуда верными войсками. Во время мятежа, когда авторитет власти окончательно рухнул, почти во всех полках с офицеров срывали погоны и у них отнимали сабли, но ни один из них не был убит. Среди всего этого смятения бросается в глаза суровая и вместе с тем простая личность. Это социал-рабочий и тред-юнионист по имени Носке. Назначенный социал-демократическим правительством министром национальной обороны, облеченный этим же правительством диктаторской властью, он остался верен германскому народу... Быть может, в длинном ряду королей, государственных деятелей и воинов, начиная с Фридриха и заканчивая Гинденбургом, будет отведено место Носке — верному сыну своего народа, среди всеобщего смятения бесстрашно действовавшего во имя общественного блага... Выдержка и разум всех германских племен дали возможность Временному правительству провести выборы»¹⁵³⁸.

В. Шубарт так же находил причины поражения революции в Германии в

национальных особенностях немцев: «В Германии никогда не было революций такого размаха, как французская или русская, и никогда не будет. Обычно все проходило спокойно и организовано, и только

364

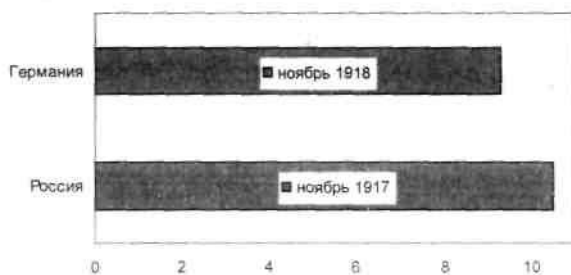
потом немцам приходила в голову остроумная мысль назвать происходившее революцией. — Характерным для элементарной потребности немцев в порядке было поведение государственных чиновников после 9 ноября 1918 года. В подавляющем своем большинстве они были против социализма. Тем не менее в день отречения кайзера они пришли на работу и, как ни в чем ни бывало, продолжали выполнять свои служебные обязанности. Иностранцы наблюдали колебались, восхищаться ли такому поведению как верности долгу или же смотреть на это с презрением как на проявление бесхребетности. Та же потребность в порядке спасла немцев от гибели и зимой 1918-1919 гг. В течение нескольких месяцев жизнь общества удивительно быстро, как нечто само собой разумеющееся, вернулась в обычную колею, устранив следы войны и политической смуты. — Поскольку немецкий чиновник является гарантом порядка, он пользуется необычайно высоким авторитетом. Он заметно выделяется из массы простых смертных, в то время как в царской России слово «чиновник» было оскорбительным! Мания нормирования — это смешная сторона дела. Положительная же называется: *организационный талант*. Немцы, пожалуй самый способный народ на земле в плане организации, а они таковы, поскольку должны быть таковыми по причине своей глубочайшей душевной неустроенности. Власть изначального страха вынуждает их заглядывать в будущее и жить в его постоянном предвидении. В этом и состоит сущность организованности»¹⁵³⁹.

В. Шубарт продолжает: «Немец нуждается в авторитете как гаранте порядка. Порядок любой ценой, даже ценою истины! Отсюда немецкая нелюбовь к революциям. Ленин это понимал, поясняя, что коммунистам в Германии труднее победить, чем где-либо, но зато после победы легче будет утвердиться. Гитлер вступил в беспроигрышную игру, заявив, что он стремится к власти законными средствами. Тем он пощадил самое раннее место у немцев. Немец покоряется начальству не столько из страха перед господином, сколько из страха перед состоянием без господина! Для характеристики немцев русские охотно рассказывают анекдот о взбунтовавшихся пролетариях, которые демонстрируют по Унтер ден Линден, пока не наталкиваются на официальную табличку «Проход запрещен» — на этом революция отменяется, и демонстранты мирно расходятся по домам»¹⁵⁴⁰. «Ничего она (*прометеевская культура*) так не боится, как хаоса. Он для нее — абсолютное ничто. Русский же ждет его с тайной радостью. Для него — это переход в предугадываемый, более совершенный мир. В русском всегда есть что-то от революционера и разрушителя. В германце этого нет никогда; в романском человеке — встречается крайне редко»¹⁵⁴¹.

Но кроме субъективных были и чисто объективные предпосылки. Во-первых, мобилизационная нагрузка в Германии во время Первой мировой войны по сравнению с Россией была ниже, т.е. тяготы и лишения, которым подвергался немец, были меньше, чем для русского.

365

Величина мобилизационной нагрузки России и Германии на момент выхода страны из войны

Во-вторых, и в России, и в Германии революция была прежде всего восстанием против войны, Компьен погасил этот очаг революции для немецких солдат. В России, наоборот, после Февральской революции — фактической капитуляции, союзники и либералы требовали нового наступления которое привело к радикальной перегрузке возможностей российского общества. Она перешла ту точку разрушения, за которой не оставалось никакого другого пути, кроме большевистской революции.

В-третьих, после капитуляции Германии (компьенского мира) победители оказали массированную продовольственную помощь побежденным, тем самым погасив уже разгоравшийся социальный взрыв. Голод, разразившийся в Германии и Австрии, был более веским аргументом в пользу социальной революции, чем все национальные различия вместе взятые.

Этот факт отмечали современники событий, так «Нью Репаблик» уже в декабре 1918 г. писала, что Германия не удержала бы своего социального мира, если бы не помощь Запада. Запад осознал свою ошибку в отношении России и пострадал не повторить ее в отношении Германии (Уткин А.И., с. 303).

После капитуляции России (брестского мира) «союзники» не только не оказали помощи России, но наоборот, в день подписания мира начали против нее интервенцию, одновременно установив блокаду против своего «бывшего союзника». Законы политэкономии объективны, эволюция социальной революции в России, в этих условиях, могла идти только в сторону ее углубления и радикализации.

Был ли для России в этой ситуации выход? К началу 1917 г. даже заядлым оптимистам становилось очевидным, что силы армии и государства были на исходе. Тем не менее А. Деникин, очевидно, был прав: «Можно делать различные предположения по поводу возможностей сепаратного мира — был ли бы он Брест-Литовским или менее тяжелым

366

для государства и нашего национального самолюбия. Но надо думать, что этот мир весной 1917 года привел бы к расчленению России и экономическому ее разгрому...»¹⁵⁴² Однако у революционной России оставался выбор: оборона или наступление. Мы уже видели, что во Франции в сравимой ситуации, как только возникла опасность мятежей, Петэн сразу же прибег к тактике «обороны в глубине». А что же Россия?

В России революционная пропаганда призывала к миру и вела к развалу армии, что на первый взгляд соответствовало планам Ленина, который еще в ноябре 1914 г. в манифесте «Война и российская социал-демократия» говорил: «Превращение современной империалистической войны в гражданскую войну есть единственно правильный пролетарский лозунг»¹⁵⁴³. Однако уже в 1917 г. Ленин писал: «Если бы соглашатели, вместо того чтобы помочь Керенскому гнать армию в огонь, пришли с предложением демократического мира, тогда армия не была бы так разрушена. Они должны были сказать ей: стой спокойно. Пусть в одной руке у нее будет разорванный тайный договор с империалистами и предложение всем народам демократического мира, и пусть в другой руке будет

ружье и пушка, и пусть будет полная сохранность фронта»¹⁵⁴⁴. В теории с такой позицией трудно поспорить, она сохраняла России миллионы жизней, армию и ее экономический потенциал. С Лениным был фактически солидарен Брусилов, который в это время отчаянно доказывал, что с разложившимися войсками наступать нельзя. Он просил оставить фронт в пассивном состоянии, чтобы сохранить хотя бы видимость боеспособности и тем самым заставить противника держать на Востоке значительные силы¹⁵⁴⁵.

Но весной 1917 г. «союзники настаивали на начале активных действий на нашем фронте, — вспоминал ген. Лукомский, — с другой стороны, теплилась надежда, что, может быть, начало успешных боев изменит психологию массы и возможно будет начальникам вновь подобрать вырванные из рук вожжи»¹⁵⁴⁶. В. Войтинский: «Война переставала быть средством и путем к победе. Война сама по себе начинала казаться благом как противоположное революции начало»¹⁵⁴⁷. Милюков говорил Набокову, что только «благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось»¹⁵⁴⁸. Станкевич: «Бездеятельная армия явно разлагалась.. Надо было дать армии дело... Конечно, быть может, лучшим исходом было бы в смысле внутренней политики, если бы наступление начал сам противник. Но он не наступал. Значит, надо было двинуться на него и ценою войны на фронте купить порядок в тылу и армии»¹⁵⁴⁹. Даже меньшевики, которые еще в мартовском номере своей «Рабочей газеты» утверждали, что «революция победила царизм, но если она не победит войну — все ее успехи превратятся в ничто. Война свалила старый режим, но она свалит и новый режим, если народам не удастся ее прекратить», в июне, войдя в коалицию с кадетами, сдвинулись к поддержке летнего наступления. Войтинский объяснял позицию своей партии: «Положение виделось нам в виде дилеммы: сепаратное перемирие или наступление»¹⁵⁵⁰. Наступление не оправдало надежд

367

либералов и социал-демократов, наоборот — оно исчерпало последнюю каплю народного терпения...

Почему же бремя войны (мобилизационная нагрузка) для России оказалось тяжелее чем для союзников?

Ведь союзников связывает общность цели, ради которой они объединяют свои ресурсы, что, следовательно, определяет их относительно равную мобилизационную нагрузку. Вполне естественно, что для стран, находящихся в непосредственном контакте с противником, она будет больше, чем для союзника, расположенного вне прямой досягаемости для него. Но здесь существует вполне отчетливая грань, за которой неравномерность распределения нагрузки превращается в эксплуатацию одним союзником другого. Мало того, один из союзников может вполне сознательно бланкировать своим положением, давая «дружественной, союзнической пропагандой», давая ложные ориентиры «другому союзнику», заставляя его выработать свою стратегию применительно не к реальному положению, в котором он находится, а к завышенным союзническим обязательствам. Подобная политика ведет к радикальному, самоубийственному перенапряжению сил последнего.

Во время Первой мировой критическая неравномерность распределения мобилизационной нагрузки между союзниками была настолько очевидна, что даже Ллойд-Джордж замечал в своих мемуарах: ***«Военные руководители в обеих странах (Англии и Франции), по-видимому, так и не восприняли того, что должно было быть их руководящей идеей: они участвуют в этом предприятии вместе с Россией и для успеха этого предприятия нужно объединить все ресурсы так, чтобы каждый из участников был поставлен в наиболее благоприятные условия для содействия достижению общей цели...»***¹⁵⁵¹

В русской армии по отношению к союзникам действовали прямо противоположные моральные установки, которые отражали особенности русского духа братства, ведь «братство по оружию — самая древняя и самая стойкая форма идеи братства»¹⁵⁵². Это особое отношение России к союзникам подчеркивал даже У. Черчилль: «В начале войны Франция и Великобритания во многом рассчитывали на Россию. Да и на самом деле Россия сделала чрезвычайно много. Потерь не боялись, и все было поставлено на карту. Быстрая мобилизация русских армий и их стремительный натиск на Германию и Австрию были существенно необходимы для того, чтобы спасти Францию от уничтожения в первые же два месяца войны. Да и после этого, несмотря на страшные поражения и невероятное количество убитых, Россия оставалась верным и могущественным союзником. В течение почти трех лет она задерживала на своих фронтах больше половины всех неприятельских дивизий и в этой борьбе потеряла убитыми больше, чем ее прочие союзники, взятые вместе. Победа Брусилова в 1916 г. оказала важную услугу Франции и особенно Италии; даже летом 1917 г., *уже после падения царя*, правительство Керенского все еще пыталось организовать наступление, чтобы помочь общему делу. Эта выдержка России была важнейшим фактором наших

368

успехов вплоть до вступления в войну Соединенных Штатов, уступавшим по значению разве только неудаче германской подводной войны, явившейся поворотным пунктом всей кампании»¹⁵⁵³. Русские, по признанию У. Черчилля, проявляли подлинное «соревнование боевого товарищества, которое было отличительной чертой царской армии».

У. Черчилль верно оценивал участие России в войне, но все его сочувствие, как и во время Второй мировой войны, оставалось лишь словами, демонстрируя эволюционное развитие старого *английского принципа*, первенство в установлении которого отдают Дизраэли. *В XX веке его заменили «слова Черчилля»*. В. Ленин еще не сталкивался вплотную с последним, но его замечание лишь подтверждало традиционность и преемственность старого принципа: «Я бы назвал эту систему, ллойд-джорджизмом, по имени одного из самых передовых и ловких представителей этой системы»¹⁵⁵⁴.

Первая мировая война дала тому многочисленные примеры. Министр Кривошеин: «Они восхищаются нашими подвигами для спасения союзных фронтов ценою наших собственных поражений, а в деньгах прижимают не хуже любого ростовщика»¹⁵⁵⁵. В. Шацлло: «В 1916 году наша армия бросилась в знаменитый Брусиловский прорыв после слезной просьбы итальянцев, терпевших в Альпах одно поражение за другим. Когда же наступил час союзников России по Антанте платить по векселям, они умыли руки, и русские так и не получили ни военной, ни экономической помощи»¹⁵⁵⁶. Алексеев в январе 16-го писал в Париж ген. Жилинскому: «За все, нами получаемое, они снимут с нас последнюю рубашку. Это ведь не услуга, а очень выгодная сделка. Но выгоды должны быть хотя немного обоюдные, а не односторонние». Увы, нередко претензии западных держав вообще зашкаливали за рамки приличий. Например, суда, перевозившие в русские порты вооружение, конвоировались английскими крейсерами. Лондон попытался получить за это «компенсацию»: «Ввиду того, что от действий германских подводных лодок утрата тоннажа торгового флота союзников весьма значительна, английское правительство предлагает весь русский торговый флот, находящийся в свободных морях, передать ему в распоряжение...» Союзники сопровождали свои претензии откровенным шантажом — сокращением грузов, отправляемых в Россию. Эти требования возмутили даже Думу, Родзянко заявил послу Бьюкенену и военному агенту Нок-су: «Это вымогательство, это недостойно великой нации и союзницы...» Союзники пошли на попятную...*

* Но морской министр Григорович, предвидя, что англичане могут отомстить и возникнут проблемы с конвоированием судов, «по дешевке», всего лишь за возмещение расходов по подъему со дна и ремонту, выкупил у японцев крейсера, потопленные в прошлой войне: «Варяг», «Пересвет» и «Полтаву»... В обстановке величайшей секретности эти корабли летом прибыли в Архангельск. На Севере появилась собственная эскадра для конвоирования судов, и предлог для шантажа исчез. (Шамбаров В.Е... С. 492.)

369

Россия в Первой мировой войне выполнила свой долг до конца.

Генерал Г. Гудериан, звезда и надежда вермахта в 1939-1945 годах, писал по завершении Второй мировой войны: «Даже в Первую мировую войну победоносные немецкие армии и союзные с ними австрийцы и венгры вели войну в России с предельной осторожностью, в результате чего они и избежали катастрофы». Другой немецкий генерал, Г. Блюментрит, припоминал после 1945 года: «Во время Первой мировой войны наши потери на Восточном фронте были значительно больше потерь, понесенных нами на Западном фронте с 1914 по 1918 год... Русская армия отличалась замечательной стойкостью...»¹⁵⁵⁷

Генерал Нокс констатировал: «Дух русской армии проходит через многие тяжелые испытания, только одного из которых было бы достаточно, чтобы подорвать дух многих других армий»¹⁵⁵⁸. Причем все это чудовищное перенапряжение сил Россией осуществлялось в обеспечение интересов союзников. Их же отношение к России весьма красноречиво характеризовал Ллойд-Джордж, которого трудно заподозрить в необъективном подходе: «Если бы мы послали в Россию половину снарядов, израсходованных впоследствии в битвах на Западном фронте, и пятую часть орудий, то не только не было бы русского поражения, но немцы были бы отброшены на расстояние, по сравнению с которым захват нескольких окровавленных километров во Франции казался бы насмешкой»¹⁵⁵⁹. Официальный английский историк Аспиналь-Огландер говорил о том же: «Операции на Западном фронте были рискованной игрой со ставкой на фунты стерлингов ради выигрыша пенсов, а на востоке ставить надо было пенсы ради нисколько не преувеличенных надежд выиграть фунты»¹⁵⁶⁰.

Далеко не дружелюбно и даже цинично высокомерно настроенный не только к большевикам, но и к русским вообще, приверженец самой жесткой интервенции в Россию, французский дипломат Л. Робиен, откровенно примитивизируя характер русской революции, сводя ее только к «солдатской революции», доводил эту линию до логического конца и в ее рамках был последователен и объективен: «Боюсь, что мы слишком настойчивы в нашем бездействии! Истинная причина этому — старый запас иллюзий насчет русской революции, еще непонятой у нас. Русская революция — это не революция интеллектуалов, провозглашающих свободу мысли, крестьян, желающих получить землю, рабочих, поднимающихся против хозяина, или нации, измученной правонарушениями режима... Это революция солдата, который больше не хочет драться. И с самого начала революционное ядро было сформировано из Совета солдатских депутатов, что явилось причиной беспорядка и элементом разложения. Правда о революции и ее тенденции была сказана солдатом, который во время наступательных действий в прошлом году ответил на призывы Керенского «Вперед за землю и свободу!!!»: «Зачем мне земля и свобода, если я буду убит?.. Сперва мир».

370

Все это, по сути, очень человечно, и я не понимаю тех, кто бранит русских, называя их предателями. Когда Россия не пошла на заключение сепаратного мира, она вынуждена была вступить в войну. И теперь катастрофа, в которой увязла Европа, не имеет ничего общего с той войной, которая была задумана в момент подписания Россией этого соглашения. Однако ***в чрезвычайной ситуации всякое обязательство теряет силу, нельзя требовать от страны того, что может привести к ее гибели. И если русский народ понял это лучше, чем другие, и не***

позволил себе спрятать истину за словами, можем ли мы его в этом упрекать? Кроме того, мы давно знали о том, что произойдет; и если мы поддались хвастливым заявлениям Керенского, вместо того чтобы прислушаться к голосу русского народа, который желал мира и умолял заключить его с ним, то это наша вина. ***Весь народ хотел мира, а не только одни большевики, как это пытаются представить во Франции. И большевики преуспели только потому, что смогли осуществить надежды всей нации»***¹⁵⁶¹.

Большевики, подписывая Брестский мир, только констатировали уже по сути свершившийся факт поражения России в Первой мировой войне. Брестский мир еще до большевиков де-юре подписали царское правительство, либералы и союзники из Англии, Франции, Италии, США и т.д. Несмотря на сохранявшуюся еще боеспособность армии, экономика России к 1917 г. была истощена сверх пределов выживания государства. Истощение государственного организма, как и человеческого, в подобных случаях ведет к необратимым изменениям или смерти. Россия к 1917 г. находилась именно в таком состоянии. Даже скорая победа вела не к снижению, а к продолжению роста мобилизационной нагрузки — так как нужны были ресурсы для восстановления экономики. Традиционные для того времени хозяйственные методы не давали инструментов для решения такого рода задач... Победа была равносильна поражению. Для России выбор стоял между самоуничтожением и миром любой ценой, с дальнейшей социальной трансформацией. Россия выбрала последнее. Но именно Брестский мир стал для стран Антанты официальным поводом для начала открытой интервенции против своего павшего союзника.

В день принятия партийным съездом резолюции Ленина по Брестскому миру, 6 марта, союзные войска высадились в Мурманске. Шульгин напишет в то время, правда, по другому поводу, но тем не менее весьма точно: ***«Французы и другие не доросли еще до того, чтобы Щадить "больную нацию". В международных отношениях царит Средневековье — век звериный»***¹⁵⁶². Тотальная война «союзников» против России продолжится еще на четыре года...

371

ЗА КУЛИСАМИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ...

Практическая геополитика, или Почему начинаются войны

«Новые министры-социалисты, конечно, узнают содержание тайных соглашений, заключенных Россией, и если русским солдатам скажут, что они должны воевать до тех пор, пока не будут достигнуты цели, указанные в этих соглашениях, то они потребуют сепаратного мира».

Дж. Бюкенен¹⁵⁶³

«Война..., особенно в том случае, если ее цели непонятны народу, станет фатальной для России и династии».

П. Столыпин¹⁵⁶⁴

Ответив на вопросы о причинах поражения России в Первой мировой и победы социалистической революции, добросовестный исследователь того времени не может обойти вопроса — а ради чего собственно велась мировая война? Какие цели преследовали участвовавшие в ней страны? Почему эти цели были скрыты в тайных договорах? Для поиска ответов на эти вопросы мы вынуждены снова углубиться в историю, хотя бы одного только XIX века. Именно там скрыты силы, приведшие к Первой мировой войне.

ФРАНЦИЯ

*С XI века, когда «французский король Генрих I испросил себе в супруги дочь киевского князя Ярослава — Анну», все французские королевы приносили присягу на русской Библии»*¹⁵⁶⁵.

После окончания наполеоновских войн победители, по инициативе Александра I, обошлись с Францией очень мягко, согласившись

372

считать войны не французской, а наполеоновской агрессией. Победители отказались от финансовых исков; в парижских музеях оставлялись награбленные Наполеоном в странах Европы произведения искусства; несмотря на планы Англии, Австрии и Пруссии, требовавших значительного уменьшения территории Франции, последней, благодаря настойчивости Александра I, вернули все владения Бурбонов*.

Тем не менее Франция лишилась части своих колоний, а наполеоновская карта Европы был перекроена победителями заново. Англия получила область Ганновера, Мальту, Цейлон и прочие французские колонии, Австрия — огромные территории в Италии и Германии. Швейцария расширила свою территорию и получила стратегические альпийские перевалы... Россия оставляла за собой лишь небольшой кусочек Польши — Герцогство Варшавское**. Герцогство необходимо было Александру I, как стратегический плацдарм России в Европе. Кроме этого, в послевоенном разделе Европы Россия поддержала Пруссию в Саксонском вопросе. Англия, Австрия и Людовик XVIII, привезенный в Париж в русском обозе, увидели в этом усиление России и заключили против нее военный союз¹⁵⁶⁶. Только побег Наполеона с Эльбы спутал карты... Бывшие союзники вынуждены были снова объединиться в седьмую антинаполеоновскую коалицию.

Активная поддержка французами Наполеона изменила настроения союзников, и по новому мирному договору границы Франции были возвращены к состоянию 1790 г.¹⁵⁶⁷ Кроме того, на сей раз Франция должна была выплатить военные репарации и вернуть Германии и Италии все похищенные художественные ценности. Большинство французов восприняли новый мирный договор, как национальный позор***. «Французы все грезили былой славой и возмущались, что им не оставили... и их завоеваний. Или хотя бы «естественные границы» по Рейну и Альпам, включая Бельгию, часть итальянских и немецких земель..., — отмечает В. Шамбаров, — Франция в попытках повысить утраченный рейтинг встревала всюду — пробовала утвердиться в Италии, вводила войска в Испанию, заигрывала с поляками...»¹³⁶⁸

Но не только территориальные потери возмущали национальное чувство Франции. В. Шубарт отмечал, что в наполеоновскую эпоху: «впервые вошел в историю Европы русский Восток. Тогда о него разбилась мощная волна Французской революции, начавшая после двадцатилетнего наступления откатываться назад. С этого момента Александр I

* В границах дореволюционной Франции на 01. 01. 1792 г.

** Территория Польши с 1795 г. была разделена между Австрией, Пруссией и Россией.

*** Когда русские войска «покидали Францию, жители Сен-Дени поднесли военному коменданту генералу Нарышкину благодарственный адрес за исключительно гуманное отношение оккупационного корпуса к местному населению». Больше никто из союзников подобных адресов не получил. (Игнатьев... С. 296.)

373

с его идеей легитимности и Священного Союза стал определять политически и идейно развитие Запада»¹⁵⁶⁹. Так, в 1823 г. по мандату конгресса Священного союза французские войска усмирили народное восстание в Испании, а Австрия подавила революцию в Неаполе¹⁵⁷⁰. До середины XIX столетия российский монархический легитимизм будет подавлять в Европе влияние идей французского либерализма. И эта борьба идей будет не менее острой, чем борьба за экономические интересы великих европейских держав.

Пока же интересы Франции и России пересекались лишь в Турции, где Париж пытался вернуть себе утраченные после 1814 г. позиции. Франция помогала

Турции, посылая оружие и деньги северокавказским горцам, провоцируя их набеги на казачьи станицы и грузинские селения...¹⁵⁷¹ Во Франции Шамиля провозглашали «великим демократом», ведущим «борьбу за свободу» против тирании русского царя.

«Кавказская война была одной из самых кровопролитных, длительных и тяжелых, которые Россия вела за всю свою историю». На причину этого указывал еще К. Клаузевиц: «Дух народа, отражающийся в войсках (энтузиазм, фанатизм, вера, убеждения), ярче всего проявляется в горной местности, где каждый предоставлен самому себе вплоть до единичного солдата. Уже по одной этой причине горы являются наиболее выгодной ареной борьбы для народного ополчения» (с. 202, ук. соч.).

Кавказская война началась в 1804 г., когда «русские войска впервые ответили набегом на чеченский набег. Не ответить на набеги горцев российская армия не могла, потому что никогда и ни одно государство не могло и не может допустить, чтобы его подданных грабили и превращали в рабов»¹⁵⁷². Самые плодородные земли России, на Северном Кавказе, из-за набегов оставались дикими и неосвоенными до середины XIX века. Исследователи почти единодушны в мнении, что «кавказская война выросла из набеговой системы»¹⁵⁷³. За время войны Россией были использованы различные стратегии: ответных набегов, силового сдерживания, создания специальных военизированных казачьих поселений (по сути, нового народа) вдоль границы с горцами, голодной блокады, беспощадного завоевания, убеждения *«русские офицеры долгое время были искренне убеждены: горцев можно убедить не набегать!... И Николай I. и его царедворцы, и вообще многие образованные русские люди были убеждены: стоит рассказать диким людям о цивилизации — и они встанут на сторону цивилизаторов...»* «Русские были готовы воспринимать горцев так же, как любых других новых подданных, но с одним условием — немедленное прекращение набегов». *«Русские офицеры и генералы даже в условиях войны готовы были относиться к горцам сочувственно»*¹⁵⁷⁴. Они считали набеговую систему отчасти *«дитятей*

374

бедности», отчасти следствием дикости и варварства. Но полумеры не помогали. В данном случае русские столкнулись с народом, среди которого на протяжении веков и поколений «необходимость участвовать в вечной борьбе всех против всех отсеивала в жизнь людей невероятно агрессивных, крайне жестоких, очень равнодушных и к собственным страданиям, и к страданиям других людей»¹⁵⁷⁵.

— в 1830-1834 гг. вспыхнула вторая после наполеоновских войн волна европейских революций. Она снова началась во Франции, а затем перекинулась на Бельгию и Польшу с массовой резней русскоязычного населения в последней. Начались волнения в Германии, Италии, Испании, Швейцарии. «Революционные французы вопили о реванше, требовали поддержать поляков и Бельгию и двинуть войска на Рейн и в Италию». Большой войны удалось избежать лишь из-за того, что французские войска завязли в Алжире**а в самой Франции набирала обороты буржуазная «июльская» революция***. Карл X был свергнут, новым королем был провозглашен Луи-Филипп. К власти во Франции пришла финансовая аристократия. Польское восстание было подавлено, и Николай I в наказание лишил поляков конституции. Бельгия получила независимость на условиях нейтралитета, гарантированного пятью державами, что соответствовало интересам Англии. Германия, пережив угрозу вторжения со стороны Франции, снова заговорила об объединении для борьбы с «наследственным врагом»¹⁵⁷⁶.

— в 1848 г. под лозунгами «свободы наций» началась третья волна европейских революций****. Как и прежде, тон задавала Франция, 24 февраля

Луи-Филипп отрекся от престола, а на следующий день во Франции была провозглашена республика. Французы подавляющим большинством избрали президентом Луи-Бонапарта, обещавшего подавление беспорядков и сильную власть — вошедшую в историю под названием «бонапартизма». При подавлении восстания в Париже бы-

* Этому способствовал непропорционально высокий уровень рождаемости по отношению к возможностям развития хозяйственной системы горцев. Перенаселенность же, в свою очередь, всегда вела к войне, даже среди самых высокоразвитых стран XX века.

** Франция в 1830 году захватила Алжир. Предлогом стало требование правителем Алжира возвращения Францией долга за поставки ей хлеба во времена Директории. Покорение Алжира Францией продолжалось до 1847 года. *** А. Пушкин оценил революцию 1830 г. во Франции посредством сравнения их гимнов: «"Парижанка" не стоит "Марсельезы", это водевильные куплеты». Европейские революции 1830 г. позволили Пушкину сделать вывод, что на сцену истории выходит новый великий «принцип невмешательства (либерализма), который заменит принцип легитимизма, нарушенный от одного конца Европы до другого».

**** В 1848 г. революции вспыхнули во Франции, Германии, Италии, Австрии, Чехии и Венгрии.

375

ло расстреляно 11 тыс. чел. Спустя три года новый Бонапарт, опираясь на армию разогнал Национальное собрание и установил личную диктатуру, провозгласив себя императором Наполеоном III. Целью внешней политики Луи-Бонапарт объявил восстановление национальной славы Франции времен Наполеона I. Неслучайно, что во Франции в то время стали брать верх те, кто громче всех поднимал тему реванша... В союзе с Англией Франция дважды в «опиумных войнах» громила Китай, фактически превратив его в колонию, захватила Вьетнам и Сенегал, начала строительство Суэцкого канала. Пользуясь тем, что в США шла война Севера с Югом, а Франция вместе с Англией и Испанией послали войска в Мексику, где шла гражданская война, Наполеон III провозгласил там новую империю. Он также вынашивал проект "Латинской империи", где под его гегемонией объединились бы Италия, Испания, Мексика... Наполеон хотел образовать на Апеннинах конфедерацию нескольких государств, связанных с Францией так же, как немцы с Веней. Между тем Пруссия под предлогом французской экспансии стала усиленно вооружаться¹⁵⁷⁷.

Распространение европейской революции 1848 г. было остановлено Россией, подавившей революцию в Венгрии и восстановившей статус-кво в Европе. Волна французского либерализма вновь остановилась перед стеной русского легитимизма. Напряжение этого противостояния передавал Ф. Тютчев: «Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия. Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу. Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из них равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит на многие века вся политическая и религиозная будущность человечества»¹⁵⁷⁸. Энгельс приходил к выводу, что «ни одна революция в Европе и во всем мире не сможет достичь окончательной победы, пока существует теперешнее русское государство»¹⁵⁷⁹.

О последствиях сохранения политики легитимизма для самой России писал А. Керсновский: «С удивительной прозорливостью Россия спасала всех своих будущих врагов. Русская кровь проливалась за всевозможные интересы, кроме русских. Постоянные вмешательства России во внутреннюю жизнь европейских народов делали русское имя всюду одиозным. Россию боялись, но ее ненавидели. Европейские правительства, используя в своих интересах усердного и бескорыстного «русского жандарма», отводили от себя на него всю ярость своих народов. Вот первопричина русофобства европейского общественного мнения весь XIX и XX века...»¹⁵⁸⁰ Легитимизм вставал не только на пути либерализма, но

и мешал территориальному переделу Европы. «А к перекройке границ рвались все, от Франции и Пруссии до маленького Сардинского королевства. И почти сразу же после заключения Парижского

376

мира в Европе произошла серия войн. В 1859 г. Франция и Сардинское королевство начали войну против Австрийской империи»¹⁵⁸¹. По словам Г. Уэллса: «Наполеон хотел возродить то соперничество великих держав, которое в Европе XVII и XVIII столетий порождало почти непрерывные и совершенно бесполезные войны»¹⁵⁸².

При подавлении венгерского восстания впервые проявились новые черты европейской политики России. Ею двигали уже не только принципы легитимизма — венгры, не успев создать собственное свободное государство, сразу проявили имперские амбиции и обрушились на соседних славян, не желавших жить в венгерском государстве. Венгерская армия разоряла и сжигала дотла деревни сербов и словаков, людей расстреливали за незнание венгерского языка или отказ пропеть строки венгерского гимна¹⁵⁸³. Именно в то время славянами Австро-Венгерской империи были впервые выдвинуты панславянские лозунги, в которых России отводилась роль защитницы интересов всех славян.

— Пересечение религиозных, политических и экономических интересов двух стран отчетливо проявилось в Крымской войне 1853 г., когда Франция и Великобритания выступили против России. В 1863 г. Париж поддержал польское восстание. Одновременно он неизменно вместе с Лондоном и Веней блокировал предложения Петербурга о вмешательстве международного сообщества в восстание в Османской империи и массовой резни христиан. На Всемирную выставку во Франции в 1867 г. был приглашен султан, встреченный с большой помпой. А Александра II «забыли» пригласить. Правда, по настоянию дипломатов «недоразумение» устранили, но на царя в Париже произошло покушение. Стрелявшему в него поляку Березовскому суд вынес относительно мягкий приговор, а царя при посещении Дворца Правосудия французские судьи демонстративно приветствовали: «Да здравствует Польша, месье!»¹⁵⁸⁴

Тем временем реваншистская внешняя политика Наполеона III заводила Францию в тупик: «Французская авантюра в Мексике, стоившая 50 тыс. погибших солдат, кончилась провалом — американцы, едва завершив гражданскую войну, потребовали от французов убраться. Поссорились и с итальянцами, расстреляв гарибальдийцев, пытавшихся атаковать Рим. В австро-прусской войне (1866 г.) Наполеон ожидал победы Австрии, после чего хотел вмешаться с вооруженным посредничеством за соответствующие выгоды. Оставшись ни с чем, вспоминал, что же ему наобещал Бисмарк, и затеял торг о "компенсациях" в надежде получить то ли германское левобережье Рейна, то ли Бельгию и Люксембург. Французские дипломаты согласились по просьбе Бисмарка изложить эти претензии письменно. А канцлер познакомил с ними представителей южно-германских княжеств, и те тут же заключили с Пруссией военный союз»¹⁵⁸⁵. Франция решила отыграться на Италии и в 1867 г. ввела войска в Папскую область¹⁵⁸⁶. За время правления Наполеона III Франция успела поссориться со всеми своими соседями.

377

— В 1870 г. во Франции назревала очередная, четвертая за столетие революция, и Наполеон III был вынужден пойти на уступки, введя вместо прежней фактической диктатуры парламентский режим. Но этот шаг только усугубил положение. Выход Наполеон III, как и его великий предок, нашел в эксплуатации национальных чувств французов — стоило начать подготовку к новой войне, как референдум по вопросу, быть или не быть империи в ее прежнем виде, дал Наполеону 7,5 млн. голосов против 1,6 млн. Предлогом для войны стало

согласие одного из Гогенцоллернов стать кандидатом на освободившийся испанский престол, что было объявлено попранием «французских интересов». И даже когда Гогенцоллерны сняли эту кандидатуру, Париж продолжал цепляться, требовать еще извинений и заверений, что немцы «больше не будут»¹⁵⁸⁷. Этим воспользовался Бисмарк, спровоцировав Францию, и 300-тысячная французская армия напала на миллионную армию Германского Союза.

Во Франции настрой воевать был всеобщим. Численное превосходство немцев не страшило, вспоминали слова Наполеона I, утверждавшего, что один французский солдат стоит двух немецких. Депутатам парламента, пытавшимся занять более миролюбивую позицию, толпа била стекла, называла их «предателями» и «пруссаками». Англия и Россия предлагали созвать конференцию. Но Франция спешила!... Бисмарк опубликовал в «Таймс» французский проект аннексии Бельгии, и позиция Британии тоже стала однозначной. Австрийцам не позволили вмешаться русские. Немцы разгромили французскую армию. В Париже вспыхнула либерально-буржуазная революция, которая разрушив остатки государственной власти и наглядно продемонстрировав цели либеральной «демократии», быстро докатилась до Коммуны.

Франция капитулировала. По мирному договору Германия затребовала у Франции огромную контрибуцию и аннексировала Эльзас и Лотарингию. Тем временем правительственные войска вновь провозглашенной Третьей французской республики при содействии своих бывших немецких противников громили Парижскую Коммуну. Свыше 25 тыс. коммунаров было убито и около 40 тыс. сослано в тюрьмы и лагеря Алжира и Новой Каледонии.

— Огромную контрибуцию Франция заплатила досрочно, и уже в 1873 г. немцы должны были вывести оккупационные части. Тем временем во Франции с новой силой вспыхнули реваншистские настроения. Ведь французы впервые в своей истории потерпели поражение от немцев. Но главное было не в этом. Вместе со своим поражением Франция утратила свою ведущую роль в Европе. Эльзас и Лотарингия стали для французов не просто потерянной территорией, а символом утраты «законной гегемонии» над континентом, которую Франция осуществляла на протяжении двух веков.

Вспышка реваншистских настроений во Франции привела в Германии к популяризации идеи «превентивной войны», пока Франция еще

³⁷⁸

не окрепла. Против этих планов последовательно выступал О. Бисмарк. В его мемуарах постоянно звучит мысль, что главная военная угроза Германии исходит со стороны Франции, в поддержании мирных отношений между двумя странами он видел залог успешного развития Германии. Но даже Железный канцлер не выдержал и в конце 1873 г. заявил британскому послу Одо Расселу: «Если французы думают о реванше, то я предпочел бы довести дело до конца и объявить им войну уже завтра, а не ждать, пока они подготовятся к нападению на Германию». «И в 1875 г. Германия стала явно искать ссоры... Французы в панике обратились за помощью к России... Чуть позже вмешалась и Англия, не желая уступать миротворческую миссию одним русским. И мир в Европе был сохранен»¹⁵⁸⁸.

Получив отпор в Европе, амбиции Франции нашли выражение в усилении ее империалистической экспансии в Африке и Индокитае. Но уже в 1881 г. Франция столкнулась с Бельгией в Конго, в 1898 г. с Англией в Египте (Фашодский кризис), в 1905 г. впервые с Германией в Марокко...

— Германия к этому времени уже сформировала доктрину своего развития и на всех парах неслась к новой войне. В 1910 г. Вильгельм спровоцировал Францию через бельгийского короля Альберта, представив ему генерала фон Клюка, который «должен будет возглавить марш на Париж», и Мольтке, говорившего

Альберту, что «война с Францией приближается», так как это государство «провоцирует и раздражает» немцев... А в 1911 г. разразился второй кризис вокруг Марокко. Во Франции произошел бурный всплеск антигерманских настроений, приведший к полному разрыву экономических отношений с Германией, Французские банки отозвали из Германии свои капиталы. Война не началась только потому, что Франция не получила поддержки России, а Германия — Австро-Венгрии. Петербург соглашался выступить лишь в том случае, если Германия начнет первая. И если опасность будет угрожать самой Франции, а не ее колониальным интересам. В Вене правительство сочло, что марокканские вопросы не являются для их страны жизненно-важными. Лондон отреагировал однозначно. В речи министра финансов Ллойд-Джорджа прозвучало открытое предупреждение: «Если обстоятельства будут выше нас и мир может быть сохранен только ценой отказа от великого и благодетельного положения Британии, добытого веками героизма и подвига, позволив попирать ее интересы... я подчеркиваю, что мир такой ценой будет унижением, невыполнимым для такой страны, как наша»¹⁵⁸⁹.

— Обострение отношений между странами вело к радикализации реваншистских настроений во Франции. «Тема Эльзаса и Лотарингии поднималась в каждой предвыборной кампании, на ней играли в борьбе за голоса избирателей. И самые воинственные политики, вроде Пуанкаре... уже целенаправленно желали столкновения. В 1913 г. он был из-

379

бран президентом»¹⁵⁹⁰. «Франция... была едина в решимости сражаться с обидчиками 1870 г. Даже социалисты без оговорок вотировали военные бюджеты... Французский генеральный штаб уволил из армии всех сторонников оборонительной войны»¹⁵⁹¹.

Францию сотрясали и внутренние проблемы: с 1912 по 1914 г. сменилось 7 кабинетов и 6 премьеров, война могла вновь, как и прежде, сплотить нацию. В то же время немцы за серьезного соперника французов уже не воспринимали, например, историк Г. Дельбрюк указывал «невозможно, чтобы страна, в которой сменилось сорок два военных министра за сорок три года, сражалась эффективно»¹⁵⁹². Германская угроза становилась все реальнее, и в ответ на наращивание германских вооруженных сил Франция в 1913 г. приняла закон об увеличении срока службы с 2 до 3 лет, что увеличивало армию на 50%.

— Немцы считали Францию своим естественным врагом; так, прусский министр внутренних дел фон Лебель 29 октября 1914 г. в меморандуме «О целях войны» указывал: «Франция является историческим врагом Германии, и мы должны были с этим веками считаться. Францию можно найти в любой враждебной нам комбинации»¹⁵⁹³. Отношение Германии к Франции характеризует и высказывание начальника военного кабинета императора ген. фон Линкера: «Мы отлично знаем, что у России нет денег. Денег от нее мы и не потребуем. Кошелек, из которого мы можем почерпнуть средства для уплаты всех наших долгов, находится в руках Франции, и кошелек этот мы несомненно добудем»¹⁵⁹⁴.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Отношения Великобритании с Европой начала XIX века определяла французская революция. Уже в 1793 г. началась интервенция Австрии и Пруссии против революционной Франции. В ее организации активное участие приняла Англия¹⁵⁹⁵. Интервенция стала одной из основных причин вспышки революционного террора во Франции. В 1803 г. между Францией и Англией началась война. В 1804 г. Наполеон подготовил армию вторжения, победить которую в одиночку англичане и не мечтали. Англия быстро нашла союзников на

континенте. В 1805 г. был подписан англо-российский договор, направленный против Наполеона. Британский парламент вотировал 5 млн. фунтов на военное пособие континентальным державам. И 27 августа 1805 г. Наполеон получает известие, что русские армии двинулись на соединение с австрийскими. Французская армия вторжения из Булонского лагеря за три недели была переброшена на Дунай. Наполеон разбил русско-австрийскую армию, финалом стало Аустерлицкое сражение. Потерпев поражение, Австрия подписала с Францией Прессбургский мир. После этого Англия и Швеция вышли из коалиции с Россией и отозвали

380

свои войска. В 1806 г. началась прусско-французская война, где русские войска пришли на помощь Пруссии. В этой компании потери русской армии составили десятки тысяч человек, только в одной битве под Фридландом более — 25 тысяч. В начале 1806 г. Александр I обратился к Англии с просьбой о займе на военные нужды, но получил отказ. Наполеон уже ввязался в континентальную войну и не мог угрожать Англии. Оставшись один на один с армией Наполеона, Александр I подписал Тильзитский мир, согласно которому Россия шла на значительные территориальные, политические и экономические уступки (включая экономическую блокаду Великобритании, выход из антифранцузской коалиции и создание оборонительного союза «против любой европейской державы»)*.

В 1808-1809 гг. Англия осуществляла морскую блокаду России, захватывая суда и разоряя ее приморские города и селения. Россия тем временем копила силы. Уже в 1811 г. она фактически дезавуировала тильзитский мир введением положения о нейтральной торговле, тем самым отказавшись от континентальной блокады Великобритании. В 1812 г. французская армия вступила в Россию...

Не прошло и года после разгрома Наполеона, как Англия заключает с Францией и Австрией секретный союз против России, к которому сразу присоединяются Бавария, Ганновер и Нидерланды.

—В 1821 г. интересы Англии и России пересеклись в Греции, восставшее население которой было настроено пророссийски. Британия признала войну греков освободительной, не предпринимая при этом никаких реальных действий. Греки, по словам Г. Уэллса, «в течение шести лет вели отчаянную войну, но европейские правительства лишь наблюдали за их борьбой»¹⁵⁹⁶. Вена и Лондон, указывая на принципы легитимизма Александра I, требовали через Священный Союз искать «политическое решение» проблемы. В результате, по словам В. Шамбарова, «дело тонуло в словопрениях, турки резали повстанцев, а те разочаровались в России». Ситуация изменилась после воцарения Николая I, который настоял, чтобы объединенная миротворческая эскадра, направленная для пресечения перевозки турецких карательных экспедиций, получила право при неповиновении применять силу. И грянуло Наваринское сражение, лишившее Порту ее флота (британский король Георг IV назвал эту победу «злосчастливым происшествием»).

В 1827 г. правителем Греции был избран прорусский граф И. Каподистрия**. Началась многолетняя русско-турецкая война, в которой турки были разгромлены, а русская армия остановилась на подступах к Константинополю. Результатом стал Адрианопольский мир 1829 г.. по которому к России отошли Анапа и Поти (через них шло снабже-

* Наполеон к этому времени уже завоевал почти всю Европу.

** И. Каподистрия до этого был товарищем министра иностранных дел России.

381

ние горцев оружием); русские товары на территории Турции освобождались от внутренних пошлин. Получила независимость Греция, автономию — княжества Молдавия, Валахия и Сербия.

И. Каподистрия случайно был убит, и в 1832 г. лондонская конференция европейских держав объявила Грецию королевством, отдав корону О. Баварскому, после чего «русское политическое влияние в Греции, получившей свободу вследствие русско-турецкой войны, рухнуло быстро и безвозвратно»¹⁵⁹⁷.

— В 1831 г. в Турции вспыхнуло очередное восстание, и Россия по просьбе султана пришла ему на помощь. Результатом стал новый мирный договор 1833г., который превращал Черное море фактически в русско-турецкое. При этом Россия получала свободный выход в открытое море. Это был вызов мировой морской монополии Англии и Франции. Уже в 1833 году Николай I писал Паскевичу о возможной войне с Англией. На следующий год после заключения мира английская эскадра начала проведение маневров у входа в Дарданеллы с высадкой сухопутного десанта. В 1835 г. английские негодяи снабжали порохом черкесские племена, боровшиеся против России.

Но еще большее значение для Англии приобретала экономическая экспансия России, стремившейся охватить своей таможенной зоной все Черное море. Английские публицисты в то время писали: «Вопрос интереса обнимает собою всю область наших коммерческих отношений с Турцией, Персией* и Левантом**. 3,3 млн. фунтов стерлингов вкладывается в эту торговлю и дело идет о 25 тысячах тонн нашего торгового флота». Англичане звали к защите против «русского варварства» — т.е. русского промышленного протекционизма.

Покровительственный (протекционистский) тариф*** был введен в России в 1822 г., что привело к бурному росту отечественной промышленности**** и вытеснению английской. Тот же английский публицист

* Россия одержала победу над Персией в войне 1826-1828, которая закрепила за Россией в Персии положение наиболее благоприятствующей нации. ** Левант (от франц. *levant* или итал. *levante* — *Восток*), общее название стран, прилегающих к восточной части Средиземного моря (Сирия, Ливан, Израиль, Египет, Турция, Греция, Кипр).

*** Одной из причин введения покровительственного тарифа было резкое снижение в 1818-22 гг. цен на зерно на европейском рынке, что вытесняло русские капиталы из сельского хозяйства в промышленность. Последняя для своего развития требовала протекционистских тарифов и рынков сбыта, чем и была отчасти обусловлена дальнейшая активная внешняя политика России.

**** Например, в 1823 г. в Россию была ввезена первая жаккардовая машина, в 1828 г. только в Московской губернии их было уже 2500. Цена машины упала с 10 000 до 75 рублей. Объем производства тканей с 1820 по 1825 г. вырос более чем в 4 раза. При этом импорт прядильного сырья с 1820 по 1826 г. вырос в среднем в два раза, в том числе по хлопку почти в 15 раз, а импорт готовых тканей, основным поставщиком которых была Англия, сократился в 2 раза.

382

отмечал в 1831 г.: «Наши мануфактурные изделия привозят теперь в Россию в количестве впятеро меньшем, чем прежде, и однако же население России увеличилось за этот период на десять или двенадцать миллионов душ, да столько же новых подданных было включено в русскую таможенную черту». «Своими новейшими тарифами Россия почти исключила возможность ввоза английских товаров в ее пределы... а ее влияние в Турции было и есть направлено, и с успехом, к тому, чтобы сделать ресурсы этой страны почти бесполезными для нас и помешать нам получать всякого рода сырье из этой страны дешевле, чем из России»¹⁵⁹⁸. Обострение отношений между странами привело к тому, что в 1836 г. русский представитель в Лондоне заявлял, что война между Россией и Англией хотя и невероятна, но тем не менее возможна. В том же году русские появились на границе Индии — в Афганистане, а в 1839 началось русское завоевание Средней Азии, тогда состоялся первый пока неудачный поход на Хиву. Причем русские наступали на те позиции, которые англичанам еще недавно казались совершенно неприкосновенными и недоступными никакому неприятелю. «С этой поры и до самого Севастополя война носится в воздухе»¹⁵⁹⁹.

И Россия действительно с 1833 г. стала готовиться к войне. В тот год была принята новая судостроительная программа, о результатах которой английский

морской агент в 1836 г. докладывал: «Когда я сравниваю состояние русского флота теперь и раньше... я чувствую, что русские опередили нас и что мы не можем игнорировать этот факт. Есть ли у нас флот для защиты наших берегов, который был бы в состоянии отразить такую морскую силу?.. Я утверждаю, со всей определенностью, что в настоящее время мы не обладаем указанным превосходством, и что нам необходимо огромное напряжение, чтобы достигнуть этого превосходства...»¹⁶⁰⁰ Англия на деле ничего не могла противопоставить России, ибо для войны на континенте нужна сухопутная армия, которой у Англии не было, ей были необходимы союзники. И она их скоро нашла в лице Франции и Австрии, только что спасенной русскими штыками от революции. Интерес континентальных союзников базировался, не столько на плохих отношениях между Николаем I и Наполеоном III, сколько на вытеснении Францией стремительно растущей России с европейского и ближнеазиатского рынков. Чтобы вернуть себе влияние на Турцию, Англия и Франция в 1841 г. организуют конвенцию пяти великих держав. Конвенция закрывает черноморские проливы для военных судов всех стран и заявляет о поддержании «целостности и независимости Османской империи в интересах упрочнения европейского мира». Российский военный флот оказался запертым в Черном море.

— В 1853 г. Николай I попытался воспользоваться обострением кризиса в Османской империи, чтобы вернуть России возможность свободного выхода в мировой океан. В Турции в то время начались реформы «танзимата», провозглашалось «равенство перед законом», что широко

383

подавалось как переход на демократический путь. Одновременно усилились национально-освободительные движения, начались восстания в Боснии и Черногории, куда были посланы турецкие каратели. Начавшееся истребление христиан и обязательства России по сохранению принципов легитимизма, требовавших подавления революции, стали основными причинами войны. Поводом для нее стал отказ Турции от требования России признать покровительство русского царя над православными подданными Турции. И Россия в июне 1853 г. вводит войска в Молдавию и Валахию. В ответ Турция, опираясь на Англию и Францию, в свою очередь усилила военную помощь Шамилю и в октябре внезапно захватила форт Св. Николая. Англо-французская эскадра тем временем, нарушив Лондонскую конвенцию 1841 г., еще в сентябре вошла в Мраморное море*... Началась Крымская война**.

Она закончилась Парижским миром 1856 года, после которого Александр II писал: «Англия — наш действительный, упорный враг — оставалась недовольной и злобной по заключению мира, а потому начальные причины, вызвавшие против нас коалицию, продолжают существовать...»¹⁶⁰¹ Позже канцлер К. Нессельроде отметит, что английская коалиция принимала все более и более страшные размеры и становилась способной «вергнуть Россию в продолжительную войну, исход которой нельзя было предвидеть»¹⁶⁰². Основные цели, ради которых Британия сколачивала коалицию, были сформулированы в письме Пальмерстона в 1854 г.: «Мой идеал результатов войны заключается в следующем. Аланды и Финляндия возвращены Швеции; ряд германских провинций России на Балтийском море передан Пруссии; незави-

* Австрия, обеспокоенная действиями России, фактически поддержала англо-французскую коалицию, введя войска в Дунайские княжества, вынуждая держать там две трети русских войск...

** Примеры той войны приводит А. Широкоград: Англо-французская эскадра 8 апреля 1854 г. бомбардировала Одессу, которая до войны вообще не имела укреплений. По этому поводу в германской газете «Neue Preussische Zeitung» говорилось: «Адмиралы очень хорошо знали, что английский и французский консулы уже давно выехали из Одессы. Целью их прибытия была рекогносцировка, и только... Как громко вопили журналисты в английских газетах и министры в парламенте по случаю бомбардировки Палермо и Мессины в 1848 г.! Они говорили, что нужно

назвать варварством бомбардирование неукрепленных городов... Действительным же варварством было бомбардирование Одессы — города, совершенно открытого. Только злоба и страсть к разрушению могли побудить союзников на подобный поступок...» (Крымская война. Сост. С. Семанов. — М.: Вече, 1999. С. 222.) На следующий год английская эскадра начала расстрел мирных портовых городов на Азовском море — Геническа, Таганрога, Мариуполя и Ейска, — где не только пушек, но и солдат-то не было, если не считать нескольких полицейских. (Широкоград А.Б... С. 26-27.) За ними последовал расстрел мирных городов и селений на побережьях Белого и Балтийского морей.

384

симая Польша вновь становится барьером между Германией и Россией; Молдавия, Валахия и устье Дуная переданы Австрии... Крым и Грузия присоединены к Турции, Черкесия — либо независима, либо находится под суверенитетом Турции»¹⁶⁰³. Фактически этот план означал полную морскую блокаду России и создание «санитарного кордона» между ней и Европой.

Последствия войны: по Парижскому миру Англия и Франция лишили Россию возможности иметь черноморский военный флот; в 1857 г. Россия была вынуждена ввести фритрейдерский тариф, что привело к кризису российской, в первую очередь текстильной, промышленности; хлебный вывоз за время войны упал в 20 с лишним раз с 73 млн. пудов в 1853 г. до 3,4 млн. в 1855 г.¹⁶⁰⁴; дефицит бюджета за то же время вырос с 57 до 307 млн. рублей., инфляция достигла 50% в год¹⁶⁰⁵. С другой стороны, поражение в войне привело к началу реформ — отмене крепостного права и бурному строительству железных дорог. В связи с этим российское общественное мнение приходило к выводу, что «поражение России сноснее и даже полезнее того положения, в котором она находилась последнее время»¹⁶⁰⁶.

— В 1863 г. началось польское восстание, активно подпитываемое из-за рубежа. В России в это время как раз проводились реформы — отмена крепостного права, телесных наказаний, шла подготовка к созданию земств, судебной реформе и т.д. Но главным лозунгом польских повстанцев были не реформы, а полная независимость Польши. Александр II был готов предоставить ее задолго до начала восстания, но на пути этого решения стояли две неразрешимых проблемы: первая — поддержка Польши врагом России со времен Крымской войны — Францией. Приобретая независимость, Польша создавала бы в таком случае очаг напряженности на русской границе*, вторая проблема заключалась в том, что поляки требовали восстановления независимости в границах 1772 г., включая немецкие и русские территории.

Одна из причин польских претензий на русские и немецкие земли заключалась в социальной структуре польского общества. К 1860-м годам в Польше был самый большой процент дворян: из 6 млн. поляков, живших в пределах Российской империи, 0,5 млн. приходилось на потомственных дворян. В связи с этим, по мнению А. Широкограда, территориальные претензии поляков основывались на том, что присоединенные «диссиденты, т.е. православные и протестанты, должны будут кормить оголодавшую шляхту»...** П. Кропоткин писал в то время: «Никогда

* Именно так и произойдет в 1919-1921 гг. Как только Польша получит независимость, она, при поддержке прежде всего Франции, первым делом нападет на Россию.

** Для сравнения: на 50 млн. остального населения европейской части империи приходилось всего лишь 0,25 млн. потомственных дворян. (Широкоград А.Б... С. 56-58.)

385

раньше польскому делу не сочувствовали в России, как тогда... Деньги на восстание собирались со всей России». Однако скоро даже «радикальная часть русского общества с сожалением убедилась, что в Польше берут верх чисто националистические стремления»¹⁶⁰⁷. А. Волков-Муромцев вспоминал, что тогда в России многие культурные люди, и особенно студенты, сочувствовали польской революции. Однако упорное стремление поляков сохранить за собой Волынскую,

Подольскую, Киевскую, Полтавскую. Харьковскую губернии, где все население русское, а только дворяне являются поляками, отталкивало прогрессивных русских¹⁶⁰⁸.

Единственной причиной большой продолжительности восстания, указывал канцлер Горчаков, являются симпатии к нему со стороны Европы... Базы мятежников находились в австрийской Галиции, в Париже открыто шла вербовка добровольцев в Польшу. Англия, Австрия и Франция предъявили требования создания в Польше национального правительства. Наполеон III стал сколачивать тайный союз, предлагая восстановить Польшу "в полном объеме" — с возвращением ей Украины, Белоруссии, Литвы, отобрать у Пруссии Силезию, а Турции отдать «Черкесский край». Англия в свою очередь активно поддержала польскую «демократическую революцию, направленную против тирании русского царя», вплоть до угрозы объявления войны России*.

Польское восстание было быстро подавлено благодаря поддержке Бисмарка. Он сам предложил царю Альвенслебенскую конвенцию, по которой Пруссия обещала содействовать подавлению инсургентов. Пальмерстон, опасавшийся укрепления связей Германии и России, был вынужден отступить, заявив, что «с удовлетворением принимает благожелательные намерения России в отношении Польши»... Восстание в Польше быстро погасло, едва лишь прекратилась помощь из-за рубежа¹⁶⁰⁹.

Восстание дало совершенно неожиданный косвенный результат — Александр II был вынужден резко ускорить крестьянскую реформу в губерниях, охваченных восстанием. Крестьяне, получив землю, перешли на сторону правительства «и стали помогать ловить повстанцев. Революция закончилась»¹⁶¹⁰. Кроме этого, царское правительство решило наказать бунтовавших помещиков и снизило для крестьян западных губерний размер кабальных выкупных платежей в 1,5-2 раза по сравнению с крестьянами остальной европейской части России¹⁶¹¹.

— С середины XIX века началось активное проникновение России в Среднюю Азию, где ее интересы немедленно столкнулись с британскими. Причины роста активности России в Средней Азии обоснованы

* В то же самое время «демократическая» Великобритания в Америке выступала на стороне южных рабовладельческих штатов против северных, воевавших за отмену рабства.

386

вал в 1864 г. князь Горчаков: «Положение России в Средней Азии одинаково с положением всех образованных государств, которые приходят в соприкосновение с народами полудикими, бродячими, без твердой общественной организации. В подобном случае интересы безопасности границ и торговых сношений всегда требуют, чтобы более образованное государство имело известную власть над соседями, которых дикие и буйные нравы делают весьма неудобными. Оно начинает прежде всего с обуздания набегов и грабительств. Дабы положить им предел, оно бывает вынуждено привести соседние народцы к более или менее близкому подчинению... при этом следует избегать опасных и почти неизбежных увлечений, которые могли бы от возмездия к возмездию привести к безграничному расширению»¹⁶¹².

Слова Горчакова не были пустым оправданием российской экспансии. Страны Средней Азии, в том числе Бухара, в середине XIX века были центрами работорговли. Близость более заселенной земледельцами России именно ее превращало в поле охоты на рабов. Пример обращения с рабами приводил русский офицер Е. Мейендорф: «Участь рабов в Бухаре внушает ужас... я видел одного раба, которому его хозяин отрезал уши, проткнул руки гвоздями, облил его кипящим маслом и вырезал кожу на спине, чтобы заставить его признаться, каким путем бежал его товарищ...»¹⁶¹³ Завоевав Кокандское ханство, Россия освободила рабов и запретила работорговлю¹⁶¹⁴.

Генерал-губернатор Туркестана Кауфман отмечал еще один аспект роста активности России: «Несомненно, что Англия — враг России и нигде не уязвима, кроме как в Азии... Это узда, которой мы всегда можем сдерживать Англию, готовую нам всюду вредить»¹⁶¹⁵.

Еще на одну причину проникновения России в Азию в мае 1896 г. указывал «Вестник Европы»: «Нам предоставляется новое обширное поле для деятельности... громадный рынок для сбыта изделий, несмотря на английскую конкуренцию». Журнал сетовал на недостаточную поддержку правительством русской торговли, которая «должна прокладывать себе путь сама», в то время как британское правительство активно поддерживает свою торговлю. В статье указывалось: не увлекаться только административными мерами, а придать русской политике в крае «характер экономический, промышленный, торговый»¹⁶¹⁶. Весной 1872 г. агент министерства финансов Н. Петровский сообщал: «В настоящее время можно с уверенностью сказать, что торговля русским товаром имеет здесь первостепенное место и тяготение Бухары к Макарию чувствуется на каждом шагу...» Генерал-губернатор Кауфман констатировал: «В настоящее время русские товары на бухарских рынках преобладают и смело могут конкурировать с немногочисленными английскими произведениями, встречающимися на рынках Бухары»¹⁶¹⁷. Кроме этого, завоевав Среднюю Азию, Россия впервые получила возможность сама производить хлопок — основной вид сырья для отечественного ка-

387

питализма. В 1913 г. из 228 хлопкобумажных заводов всей Российской империи 220 находилось в Средней Азии¹⁶¹⁸. Недаром Россию облетела крылатая фраза Кауфмана о Туркестане: «Здесь русская земля, в которой не стыдно лежать русским костям»¹⁶¹⁹. Британский историк Дж. Сили восклицал по поводу успехов русских в Средней Азии: «Какая держава может сравниться с нею (Россией) в успешных завоеваниях»¹⁶²⁰.

— Появление русских в Средней Азии обострило индийский вопрос. Любое продвижение русских войск вызывало напряжение в Лондоне — «русские идут в Индию!». В 1868 г. Г. Раулинсон подал нашумевшую записку об угрозе завоевания русскими Индии¹⁶²¹. Дж. Сили в своем труде «Расширение Англии», изданном в конце XIX века, неоднократно повторял: «Индия, и только Индия, вовлекает Англию в постоянное соперничество с Россией»¹⁶²². В 80-х гг. XIX в. известный востоковед И. Минаев не без иронии отмечал: «Англичане так много и давно толковали о возможности русского нашествия, что индийцы поверили им»¹⁶²³. Действительно, в Ташкент потянулись «просители». В начале 1860-х гг. прибыло посольство магараджи Кашмира, затем посланец от союза княжеств Индур, Хайдарабад, Биканер, Джодхнур и Джайпур — со словами: «Когда начнутся у вас с англичанами военные действия, то я им буду сильно вредить и в течение одного месяца всех их выгоню из Индии» и т.д. В 1879 г. в Россию прибыл гуру Ч. Сингх, привезший призыв о помощи «верховного жреца и главного начальника племени сикхов в Индии». В 1887 г. магараджа Пенджаба, лишенный англичанами престола, писал в Петербург, что он «уполномочен от большей части государей Индии прибыть в Россию и просить императорское правительство взять их дело в свои руки. Эти государи в совокупности располагают войском в триста тысяч человек и готовы к восстанию, как только императорское правительство приняло бы решение двинуться на Британскую империю в Индостане»¹⁶²⁴. Правитель провинции Бехтар, отказавшись от предложения англичан, просил русского консула взять в русский кадетский корпус его сына¹⁶²⁵.

Англичане вполне отчетливо понимали угрозу, и она имела вполне конкретную цену. Дж. Сили отмечал, что «прекращение торговли с Индией

обошлось бы Англии в 60 млн. фунтов ежегодно»¹⁶²⁶. Коррей в 1876 г. писал из Лондона: «Нет благоразумного человека, который бы сомневался, что русские дойдут до Гиндукуша. Неужели непонятно, что в Азии все держится скорее обаянием, чем силою, и что прикосновение к Индии будет равносильно гибели Англии»¹⁶²⁷. Понимали свои возможности и русские. Полковник Столетов был уверен, что «по приближении к Герату можно быть уверенным, что вся Индия будет в огне»¹⁶²⁸. О том же докладывал генерал М. Скобелев: «Компетентные люди в Англии сознаются, что неудача у границ Индии может повлечь за собою даже социалистическую революцию в самой метрополии, так как в последние 20 лет громадность затраченных в Индии английских

388

капиталов и колоссальное увеличение торговых оборотов теснее, чем когда-либо, связали современную Англию с ее индийскими владениями. Одним словом, падение британского могущества в Индии будет началом падения Англии»¹⁶²⁹.

Между тем мнение Александра II по индийскому вопросу было вполне определенным: «России приписывают намерение покорить в будущем Индию и завладеть Константинополем. Есть ли что нелепее этих предложений? Первое из них — совершенно неосуществимо, а что касается второго, то я снова подтверждаю самым торжественным образом, что не имею ни этого желания, ни намерения»¹⁶³⁰. Тем не менее в 1878 г. в Туркестане действительно был сформирован отряд общей численностью 20 тыс. человек для похода в Индию на случай обострения русско-британского противостояния в Афганистане и Турции*.

— В 1869 г. началось противоборство Англии и России в Афганистане. Сначала англичане предложили сделать Афганистан нейтральной зоной. Александр II согласился. Горчаков писал: «Оставим эти призраки прошлого... Со своей стороны, мы не питаем никакого страха к честолюбивым видам Англии в центре Азии, и мы вправе ожидать такого же доверия к нашему здравому смыслу. Но что может смутить рассудок, так это взаимное недоверие!»¹⁶³¹ Однако, получив согласие на свое предложение, лорд Кларендон вдруг отказался от него, сославшись на то, что Афганистан не удовлетворяет требуемым условиям.

Афганский вопрос получил развитие в 1874 г., когда правительство Гладстона сменило консервативное правительство Дизраэли, придерживавшееся агрессивной внешней политики**. Бисмарк говорил, что Дизраэли — это поистине «новый Бонапарт, он должен быть обуздан... Возможен союз между Россией и нами для данной конкретной цели»¹⁶³². Согласно новой британской доктрине, Афганистан должен был стать британской колонией. Одновременно министр иностранных дел Англии Дерби заявлял русскому послу П. Шувалову: «Ничто не может помешать России и Англии договориться друг с другом в Азии... Там хватит места для обеих»¹⁶³³. Дизраэли тем временем подталкивал турецкого султана, готовившегося к войне с Россией, уговорить эмира Афганистана Шер Али объединиться «для общих действий против русских». Шер Али, понимая возможные последствия, отказался. Ощущая возрастающее английское давление, эмир в середине 1878 г. заключил с Россией оборонительный союз¹⁶³⁴. В ответ вице-король Индии объявил Афгани-

* Англичане пытались снизить остроту индийского вопроса. К 1875 году Англия скупила большую часть акций компании Суэцкого канала и проложила 6,5 тысяч миль железной дороги через всю Индию. Теперь русские были не так страшны, Англия в любой момент могла перебросить в Индию необходимые войска. ** Чему способствовало обострение экономического кризиса в Англии.

389

стану войну. Политика России в Афганистане в то время не отличалась активностью, и к 1885 г. война при поддержке англичан докатилась до российской границы. После столкновения на Кушке Россия и Англия оказались на

границы войны. За работу взялись дипломаты, и в 1885 и 1887 гг. были подписаны англо-русские договоры, по которым Англия устанавливала свой протекторат над Афганистаном*.

— В 1873-1878 гг. Россия и Англия противоборствовали в Кашгарии (Восточном Туркестане). Англия и Турция вооружали и финансировали местное правительство, навязав ему кабальный договор и настраивая его против России и Китая¹⁶³⁵. Одновременно в 1875 г. Англия выступила совместно с Россией в Европе, когда Пруссия стала угрожать новой войной Франции.

— В 1875 г. в Сербии, а затем в Болгарии вспыхнули антитурецкие восстания. В ответ султан Мурад V устроил там резню. Россия, обвиняемая Европой в панславизме, предложила поручить посредничество в урегулировании кризиса Великобритании. Тем временем в Константинополе произошел новый переворот, снова были провозглашены широкие реформы, вплоть до парламентаризма и конституции на принципах Великой Французской революции. Дизраэли потребовал, чтобы Турция дала время для проведения этих реформ. Прошло два года, но ситуация не изменилась. Россия, убедившись в бесплодности дипломатических усилий, заявила, что, «если произойдет резня, наподобие той, которая облила кровью Болгарию, это неизбежно остановит демобилизационные меры». В. Шамбаров продолжает: «Это требование возмутило западную «общественность». Она сочла подобный тон «оскорбительным», требования «высокими» и сетовала, что царь таким образом делает войну неизбежной¹⁶³⁶. 28 октября Дизраэли в пику России заявил, что мир в Европе составляет суть политики Англии, твердым основанием этого мира должно служить уважение к договорам и соблюдение независимости и территориальной целостности Турции, отметив при этом: «Если Англия хочет мира, то ни одна держава лучше ее не подготовлена к войне»¹⁶³⁷. Гладстон выступил против Дизраэли и издал брошюру «Болгарские зверства», указывая, что для цивилизованного государства позорно оказывать поддержку столь варварскому правительству, как турецкое. Гладстон заявлял: «Что бы ни говорили о некоторых других главах русской истории, освобождением многих миллионов поработанных народов от жестокого и унижительного ига Россия окажет человечеству одну из самых блестящих услуг, какие только помнит история, услугу, которая никогда не изгладится в памяти народной»¹⁶³⁸.

Одного слова из Лондона было достаточно, чтобы прекратить зверское истребление десятков тысяч человек. Однако турки при полной

* Соглашение 1895 г. окончательно установило южную границу России (СССР), просуществовавшую до 1991 г.

390

поддержке правительства Дизраэли по сути осуществляли геноцид славянского населения Турции. Последствия этого не трудно было предвидеть...

Восстания и террор на Балканах вызвали в России всплеск мессианских идей панславизма. Лозунг освобождения братских славянских народов, стонущих под турецким игом, приобрел широкую популярность среди русской общественности. Данилевский, утверждая идеалы славянофилов, писал о «Москве, как третьем Риме»¹⁶³⁹. Идеалы панславизма активно продвигал Ф. Достоевский.

Русский панславизм (славянофильство) стал своеобразным идеологическим наследником российского легитимизма. Панславизм, как прежде легитимизм, был противопоставлен европейскому либерализму. Здесь две идеологии: русский общинный дух и европейский индивидуализм, боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. Этому противостоянию посвящены почти все работы Ф. Достоевского от «Преступления и наказания», «Дневника писателя», «Бесов» до «Братьев Карамазовых». Они носят символический характер, перенося глобальную борьбу в мир одного человека или небольшой группы людей*. Со

своими идеями всечеловечности, всепримиримости Ф. Достоевский не смог принять европейского индивидуализма — «войны всех против всех». Он писал: «Европа отвергает Христа», «продажа истинного Христа за царства земные свершилась» и находил спасение человечества в установлении Третьего Рима, как новой всемирной русской монархии".

С внешнеполитической точки зрения, с возникновением Германии панславизм становился идеологической базой сдерживания роста пангерманского влияния в Восточной Европе. (Австрия, нацелившись на аннексию Боснии и Герцеговины, активизировала свою деятельность на Балканах в 1875 г., после герцеговинского восстания. Согла-

* Ф. Достоевский словно пытается примерить «сюртук» европейских идей на русского «мужика» и в итоге приходит к выводу, что революция в России пойдет совсем по другому пути, чем в Европе. Д. Мережковский назовет Ф. Достоевского «пророком русской революции».

** Состояние этой идеологической войны русского общинного духа и европейского индивидуализма наглядно передавал сам Ф. Достоевский: «Если бы вы знали, — писал он из Дрездена в 1870 г., — какое кровное отвращение, до ненависти, возбудила во мне к себе Европа... Господи, какие у нас предрассудки насчет Европы!.. Пусть они ученые, но они ужасные глупцы... Здесь народ грамотен, но до невероятности необразован, глуп, туп, с самыми низменными интересами». В «Дневнике писателя» накануне 1876 г. Ф. Достоевский призывал к войне: «Константинополь должен быть наш». Москва Третьим Римом не была. «Константинополь должен стать третьим (русским) Римом... *без Рима мир не обойдется*. *«Пролитая кровь спасет Европу»*. Константинополь должен был стать только первым шагом, дальше Ф. Достоевский призывал к захвату всей Азии и Индии под знамя Белого Царя. (Достоевский Ф.М... С. 467-470.)

391

сие Германии на оккупацию было получено ею еще в 1871-1872 годах.) Идеи панславизма в этих условиях приобретали вполне прагматичный смысл. Так, генерал Р. Фадеев «был убежден в том, что выяснение отношений между славянами и немцами неизбежно. Россия, настаивал он, либо в противовес австрийской экспансии укрепит позиции на Дунае, используя свои славянские связи, либо утратит всякое влияние в Европе и будет отброшена за Днепр, вновь став абсолютно азиатской страной. «Славяне или Азия», любил повторять Фадеев в разговорах с русскими дипломатами». За пропаганду подобных идей Фадеев был уволен из армии»¹⁶⁴⁰. Тем не менее идеи панславизма предполагали создание единого таможенного и оборонительного союза славянских государств.

Империалистические цели России ограничивались захватом Батума и Бессарабии, главным экономическим интересам России в Турции — проливам — уделялось третьестепенное место. Константинополь предполагалось сделать вольным городом. В геополитическом плане война представляла собой, с одной стороны, попытку России сближения с Европой, с другой реванш за поражение в Крымской войне. Был и еще один нюанс: маленькая победоносная идеологическая война могла сплотить нацию и на время ослабить революционные волнения в стране.

Обеспечение тыла русской армии — нейтралитет Австрии — было достигнуто за счет быстрой договоренности двух императоров в Рейхштадте 26 июня 1876 г. Согласно договору, Австрия своей гарантией нейтралитета, не жертвуя ни одним солдатом и ни одной монетой, покупала Боснию (о Герцеговине просто забыли упомянуть, как говорил Андраши). Относительно других освобожденных от турок территорий было установлено, что проживающие на них народы не могут образовать на Балканах *одного большого славянского государства*. Андраши не слишком рассчитывал на альтруизм России, которая за счет огромных жертв должна была бы просто так подарить Австрии ее балканские владения и на всякий случай заручился поддержкой Англии.

В апреле 1877 г. началась русско-турецкая война. Англия тотчас же заявила протест и одновременно обозначила «во избежание недоразумений» сферу своих интересов: Суэцкий канал, Египет, Константинополь, Босфор, Дарданеллы и

Персидский залив. «В это время королева Виктория писала премьеру, что, будь она мужчиной, она «немедленно отправилась бы бить русских»¹⁶⁴¹. Для начала Англия вооружила турецкую армию своими новейшими скорострельными винтовками, дала военных консультантов, обильно снабдила деньгами и патронами¹⁶⁴². Тем не менее русской армии потребовалось менее года, чтобы разгромить турок. В январе 1878 г. она находилась уже в 80 км от Константинополя, где войска были остановлены угрозой совместного вмешательства Австро-Венгрии и Англии. В связи с этим великий князь Александр Михайлович указывал, что на деле русская армия не столько воевала

392

против турок, сколько «вела жесточайшую кампанию против Британской империи»¹⁶⁴³.

Русско-турецкий мирный Сан-Стефанский трактат был подписан 19 февраля 1878 г. По нему Сербия, Румыния и Черногория получали независимость; Болгария получала самостоятельность на пространстве от Черного до Эгейского моря, под номинальным суверенитетом Турции; в Боснии, Герцеговине и на Крите должны были быть проведены реформы.

Сан-Стефанский мир не был признан Австрией и Англией, опасавшихся усиления России на Балканах. На требование Великобритании вынести Сан-Стефанский договор на суд международного арбитража Горчаков ответил отказом. Тогда Британия прибегла к политике шантажа. 20 марта начался призыв резервистов, а в мае Англия стала собирать «особую эскадру» для атаки Кронштадта... Однако, как пишет М. Покровский, даже у британских «противников консервативного министерства были основания считать все дело грандиозным bluffом»¹⁶⁴⁴. Ни денег, ни сухопутной армии для войны против России у Англии не было, но был континентальный союзник Австрия, которая так же объявила мобилизацию.

И Россия уступила. Турецкая война привела к тому, что «средства государства были истощены, боевые запасы израсходованы. В трудности, едва ли не в полной невозможности продолжать войну уверяли посла* высшие государственные сановники»¹⁶⁴⁵. Война обошлась России более чем в миллиард рублей, половина расхода была покрыта денежной эмиссией, что уронило курс кредитного рубля с 87 до 63 копеек золотом. «Внутренний кредит был исчерпан — внешнего не оказалось: попытки получить заем за границей не удались». Если русско-турецкая война только угрожала банкротством, то, по мнению министра финансов Рейтерна, русско-англо-австрийская война вела к такому банкротству неизбежно¹⁶⁴⁶. Россия сдалась Англии, подписав протоколы, подтвердившие русско-австрийское рейхштадтское соглашение 1876 г. Последовавший Берлинский конгресс был лишь спектаклем, утверждавшим величие Англии, мудрость Германии и унижение России**. Другим результатом Берлинского конгресса стало отвлечение большей части направленного на Англию негодования русской общественности на Германию¹⁶⁴⁷.

Единодушные европейские страны, выступивших против России на Берлинском конгрессе, диктовалось стремлением сохранить баланс сил и, главное, сдержать усиление русского влияния в Европе. В результате конгресса, несмотря на то, что Франция уже забрала у Турции Алжир, Тунис, Сирию; Австро-Венгрия — Трансильванию; Англия — Египет,

* Русский посол в Лондоне.

** Дизраэли за победу над Россией получил титул лорда Биконсфильда.

Месопотамию, Палестину, кроме этого за поддержку на конгрессе Турция отдала Англии Кипр, подписала с ней оборонительный договор и согласилась на проведение британских реформ; Италия получила Ливию, острова в Эгейском

море, России был оставлен только Батум, Ардаган и Карс. Боснию и Герцеговину оставили номинально в составе Турции, но под австрийской оккупацией. Сербия и Черногория получили независимость, при этом их территорию сократили на 60%. Болгарию сократили втрое и поделили на две части — северная становилась автономным княжеством, южная оставалась под Турцией. Румынам за Бессарабию, возвращенную России, дали 2 тыс. кв. км за счет Болгарии...

В областях Болгарии, которые отошли к Турции, начался массовый геноцид болгар, десятки тысяч были растерзаны, распяты, сожжены со средневековой жестокостью¹⁶⁴⁸. О реакции европейских держав говорит пример, приведенный Ф. Достоевским. Он ссылается на признание корреспондента «Daily News» Форбеса, который «высказал наконец всю свою английскую правду откровенно». По мнению Форбеса, «турки имели «полное право» истребить все болгарское население к северу от Балкан, в то время когда русская армия перешла Дунай. Форбес почти жалеет (политически, конечно), что этого не случилось, и выводит, что болгаре должны быть обязаны вечною благодарностью туркам за то, что те не прирезали всех поголовно, как баранов»¹⁶⁴⁹.

Берлинский раздел Балкан, по словам Дж. Бьюкенена, был проведен вопреки национальным стремлениям, пробужденным не только Сан-Стефанским договором, но и решениями конференции в Константинополе накануне русско-турецкой войны¹⁶⁵⁰. Как следствие, англо-австрийский раздел Балкан превращал их в очаг нестабильности и новых войн. Первые два восстания последовали сразу после опубликования Берлинского договора. Кроме этого, у Англии вызывал беспокойство всплеск панславянских настроений в Болгарии, Бьюкенен отмечал: «Радужный прием, оказанный русским гостям всеми классами населения, был симптоматичен. Он показал, что... основным фактом остается то, что только России Болгария обязана своим освобождением»¹⁶⁵¹. Англия не могла «бросить» Болгарию на «произвол русских».

Британская политика на Балканах велась в традиционном стиле: посол ее величества противопоставлял «Австрию и Россию — два наиболее реакционных и эгоистических члена европейского концерта держав» — Болгарию, «молодой мужественной и демократической нации, борющейся за сохранение своей самостоятельности...»¹⁶⁵² Бьюкенен не скрывал, что действовал в духе английской дипломатии по правилам Дизраэли — «лесть подавалась лопатами».

Говоря о истинных мотивах английской политики, английский посол указывал: «Я всегда считал Болгарию наиболее важным фактором на Балканах, а вследствие новой ситуации, созданной русско-японской

394

войной, я более чем когда-либо стремился оторвать ее от слишком большой зависимости от России... Британское правительство было серьезно озабочено продвижением России к Константинополю, и сэр А. Пэджет постоянно получал инструкции, с тем чтобы вызвать австрийское правительство на шаги, которые устранили бы опасность окончательного подчинения Болгарии русскому влиянию...»¹⁶⁵³ Тактика «дешевой империалистической политики»* проводимая Англией, в очередной раз оправдала себя: в 1885 г. произошло восстание в Восточной Румелии с присоединением ее к Болгарии, а затем война с Сербией, склонившие чашу влияния в Болгарии в пользу англичан. Англичане проводили свою политику в Болгарии через всемогущего министра Стамбулова. Князь Фердинанд «царствовал, а Стамбулов управлял»¹⁶⁵⁴.

Послевоенная расстановка сил в Европе носила вполне закономерный характер. Один из основных идеологов русско-турецкой войны Ф. Достоевский еще до ее начала предвидел результат: «Начнут же они (славянские страны) по освобождении свою новую жизнь, именно с того, что выпросят у Европы, у Англии и Германии, например, ручательство и покровительство их свободе...

убедят себя в том, что России они не обязаны ни малейшей благодарностью, напротив, что от властолюбия России они едва спаслись... они будут заискивать перед европейскими государствами, будут клеветать на Россию, сплетничать на нее, интриговать против нее... Особенно приятно будет для освобожденных славян высказывать и трубить на весь свет, что они племена образованные, способные к самой высшей культуре, тогда как Россия — страна варварская, мрачный северный колосс, даже не чистой славянской крови, гонитель и ненавистник европейской цивилизации...»¹⁶⁵⁵ «России

* Термин «*дешевая империалистическая политика*» был широко популярен. Он означает политику получения выгоды за счет ослабления конкурентов чужими руками. При этом используются различные методы: лесть, обман... на почве национальных или территориальных претензий, идеологических или религиозных споров и т.д.; подкуп оппозиционных или недовольных государственных деятелей и покупка соответствующего «общественного мнения» (средств массовой информации); подрыв тем или иным способом экономики страны, что неизбежно ведет к радикализации общества; задача облегчается, если жертва ослаблена войной или дурным правлением. Хотя история знает, как от этой тактики гибли и вполне здоровые народы. Нередко все три метода использовались одновременно и становились причиной развязывания гражданской или внешней войны. Для этого, жертве выведенной из равновесия, оставалось лишь придать нужное направление движения, что достигалось за счет соответствующей целевой поддержки, например, в виде поставок вооружений, военных кредитов и инвестиций, пропаганды, обещаний, попустительства и т.д. Впрочем, нередко сами жертвы провоцировали проведение подобной политики или даже были ее активными сторонниками в собственных агрессивных целях.

395

надо серьезно подготовиться к тому, что все эти освобожденные славяне с упоением ринутся в Европу... Между собой эти земли будут вечно ссориться, вечно друг другу завидовать и друг против друга интриговать»¹⁶⁵⁶.

Так ради чего велась эта война, апологетом которой был великий писатель? По мнению Ф. Достоевского, в мире боролись две идеи — европейская, подчинившаяся жажде наживы и забывшая Христа, ведущая к всеевропейской войне, и русская братская. Победа европейской идеи означает конец русского народа и конец человечества. Именно русская идея, утверждал Достоевский, должна была открыть миру будущее. По своей сути, призыв Достоевского звучал идеалистическим, религиозным обоснованием создания некой единой Европы под русским началом, во имя ее спасения: «Для того, чтоб жить высшею жизнью... светить миру великой, бескорыстной и чистой идеей, воплотить и создать в конце концов великий и мощный организм братского союза племен... вот цель России, вот и выгоды ее, если хотите. Если нации не будут жить высшими, бескорыстными идеями и высшими целями служения человечеству, а только будут служить одним своим «интересам», то погибнут эти нации несомненно, окаменеют, обессилеют и умрут»¹⁶⁵⁷.

В балканской войне за «освобождение славян» царское правительство русской крови не жалело, только солдат Россия похоронила более 200 тыс., бросив при этом на алтарь войны огромное количество материальных ресурсов, столь необходимых для развития своего народа... Интересно отношение как властей, так и либеральной общественности к пленным туркам и к собственным солдатам. Экзальтированные барышни дарили турецким офицерам конфеты, для их перевозки давали вагоны второго класса, солдатам — третьего, в то время, как наших солдат перевозили в обычных теплушках. И это после всех тех невероятных массовых пыток, издевательств и зверств, которые устраивала турецкая армия, в том числе и над русскими солдатами, попавшими в турецкий плен. Подобные свидетельства можно встретить в любом мало-мальски серьезном описании той войны¹⁶⁵⁸.

Мнение о русско-турецкой кампании всей просвещенной Европы и прогрессивной части русской интеллигенции на этот раз было единодушно.

Бисмарк говорил, что Россией двигали не прагматические цели, а инстинкты... Тарле указывал: «Крымская война, русско-турецкая война 1877-1878 годов и балканская политика России 1908-1914 годов — единая цепь актов, ни малейшего смысла не имевших с точки зрения экономических или иных повелительных интересов русского народа». М. Покровский считал, что русско-турецкая война «ближайшим образом» была растратой «средств и сил, для народного хозяйства совершенно бесплодной и вредной»¹⁶⁵⁹. Скобелев говорил, что Россия — единственная страна в мире, позволяющая себе роскошь воевать из чувства состра-

396

дания¹⁶⁶⁰. Кн. П. Вяземский: «Русская кровь у нас на заднем плане, а впереди — славянолюбие. Религиозная война хуже всякой войны и есть аномалия, анахронизм в настоящее время»¹⁶⁶¹. В. Кокорев: «Историк России будет удивлен тем, что мы растеряли свою финансовую силу на самое, так сказать, ничтожное дело, отправляясь в течение XIX столетия, по два раза в каждое царствование, воевать с какими-то турками... Покойное и правильное развитие русской силы в смысле экономическом и финансовом, без всяких походов под турку... произвели бы гораздо большее давление на Порту, чем напряженные военные действия»¹⁶⁶². В. Полетика: «Мы предпочли донкихотствовать на последние гроши русского мужика. Сами лишены всяческих признаков гражданской свободы, мы не уставали лить русскую кровь за освобождение других... разорялись за водружение креста на Софийском холме. И вот в течение столетий мы не перестаем воевать за освобождение греков, румын, сербов и болгар, которые все от нас отворачиваются, предпочитая лучше воссоединиться с общечеловеческой культурой, чем с нашими своеобразными порядками»¹⁶⁶³. Русско-турецкая война на десятилетия сформировала в Европе агрессивный образ России, готовой воевать ради идеи, вопреки собственным экономическим и политическим интересам.

Идеологический характер русско-турецкой войны для международной общественности подчеркивался отсталостью России, где две трети населения не знали еще кожаной обуви и были неграмотны и которая вторгалась в окраины просвещенной и развитой Европы. Для нее это было «варварским нашествием» — подобным тем, которые русские подавляли в Средней Азии. Эти различия в уровне развития цивилизации Европы и России очень точно отметил Салтыков-Щедрин в своей книге «За рубежом» и отразил его в диалоге «мальчиков в штанах и без штанов». Кони в то же время писал: «Мрачной иронией дышало пролитие крови русского солдата, оторванного от далекой курной избы, лаптей и мякины для обеспечения благосостояния "братушки", ходящего в сапогах, раздобревшего на мясе и кукурузе и тщательно запрятывающего от взоров своего "спасителя" плотно набитую кубышку в подполье своего прочного дома с печами и хозяйственными приспособлениями». У Достоевского находим: «мы их спасти пришли..., а они косятся, даже как будто и не рады нам! Это нам-то! Хлеб-соль выносят, это правда, но косятся, косятся!..»¹⁶⁶⁴

Между тем волны патриотизма и реакции, вызванные войной, погасили на время революционные волнения в России, почти на три десятилетия затормозив ее политическое и экономическое развитие. М. Покровский отмечал: «Феодальный режим 80-х вышел из испытания столь свежим и бодрым, каким он ни разу не был после смерти Николая Павловича»¹⁶⁶⁵. «Реакция 80-х годов, казалось, отнимала у России всякую надежду стать когда-нибудь «буржуазной» страной»¹⁶⁶⁶. Действительно, война и реакция, подорвав экономическую базу реформ, дела-

397

ли возвращение России на эволюционный путь развития практически

невозможным...

— Непосредственным результатом событий 1877—1878 гг. стал ахалкетинский поход Скобелева (1880-1881) на Индию со стороны Каспийского моря. Скобелев мечтал о походе в 1877 г., чтобы «нанести нашему врагу смертельный удар... по самому чувствительному для англичан операционному направлению... для того, чтобы побудить их к полной уступчивости»¹⁶⁶⁷. В августе 1881 г. Скобелев указывал: «Без серьезной демонстрации в Индии... немисливо представить себе войны за Балканский полуостров», но за этими словами следует совершенно неожиданное заключение: «Всю среднюю Азию можно было бы отдать за серьезный и прибыльный союз с Англией». Скобелев начинает видеть главным врагом России уже не Англию, а Германию. В последние годы жизни Скобелев пишет только о немцах и только о них. В 1882 г. в Париже прозвучал призыв генерала М. Скобелева: «Провозглашение войны немцам и объединение славян»¹⁶⁶⁸. По мнению Тарле, «в Германии уже никогда не забывали речи генерала»¹⁶⁶⁹.

Острота противоборства между двумя империями объяснялась не только их активной внешней политикой, но и бурной индустриализацией, начавшейся в России с середины 1860-х годов. Так, производство чугуна с 1867 по 1876 г. выросло более чем на 50%, переработка пряжи на — 80%, хлопка на — 40%. Английский экспорт в Россию стал снижаться с 1874 г. и совсем обвалился в 1876 г., когда фритрейдерский тариф был сменен на покровительственный. Последствия были предсказуемы: «Давно уже сделано наблюдение, что Англия никогда не может быть другом державе, которая ведет у себя строго протекционную систему. — отмечал М. Покровский, — Одного того факта, что на границах России с 70-х годов вновь поднялась николаевская стена таможенного тарифа, было бы достаточно, чтобы испортить русско-английские отношения»¹⁶⁷⁰. Английский историк конца XIX века Дж. Сили был еще более конкретен: «Если какое-нибудь государство, сношение с которым обещает выгоды, искусственно, путем правительственного декрета, закрывается для торговли, то эта последняя требует войны»¹⁶⁷¹. Мало того, что Россия закрыла для импорта свой рынок, она своей активной внешней политикой в то же время пыталась вытеснить англичан с ближневосточных и балканских рынков. Не случайно в 1879 г. В. Стасов, посетивший острова, писал о «необыкновенной ненависти к России и ко всему русскому, царствующей в целых слоях английского общества и в их выразительнице — английской печати»¹⁶⁷².

— В конце XIX века обострилось противостояние России и Англии в Персии. Англичане заходили в Персию с юга, получая выгодные концессии на организацию судоходства, постройку шоссе, на основании

398

Шахиншахского банка... В середине XIX в. англичане построили большую военно-морскую базу и береговую крепость на юге Аравийского полуострова. Отношения между Россией и Персией с 1829 г. так же были вполне партнерскими. Персия даже помогала России в ходе войны 1877-1878 гг.; в свою очередь, регулярная армия в Персии создавалась под командованием русских офицеров. Россия получила в Персии выгодные концессии на строительство железных и шоссежных дорог, освоение рыбных промыслов, русская торговля вытесняла английскую, становясь важным рынком для русской промышленности*. В противовес Шахиншахскому банку купец Поляков в 1890 г. основал Учетно-ссудный банк Персии, чеканивший персидскую монету. Конкуренция между Англией и Россией все больше обострялась, начиналась борьба за право вести нефтяные трубопроводы в Персии.

В 1892 г. вышла книга Керзона «Персия и персидский вопрос», в которой он выдвинул идею раздела Персии с Россией¹⁶⁷³. В 1907 г. после продолжительного

противоборства договор о разделе был заключен. Вспыхнувшей в то время (1906 г.) в Персии буржуазной революцией попыталась воспользоваться Турция, захватывая соседние территории и угрожая войной России. В этом Турцию, по данным русского консульства в Константинополе и наместника на Кавказе Воронцова-Дашкова, поддерживали немцы. Но революция грянула в самой Турции, а в декабре 1911 г. совместными англо-русскими усилиями персидская революция была подавлена. Новый регент разогнал меджлис и все демократические организации, в марте 1912 г. персидское правительство подтвердило русско-английское соглашение о разделе страны¹⁶⁷⁴.

— В 1903 г. обострилось русско-английское противостояние на Тибете. Англия в июне 1903 г. отправила на Тибет дипмиссию и одновременно войска, около трех тысяч человек. В результате британцы подписали с Тибетом договор, по которому последний входил в зону интересов Англии¹⁶⁷⁵. Против договора выступила Россия. В итоге в августе 1907 г. было заключено русско-английское соглашение по Тибету, которое в принципе фиксировало все достижения англичан в регионе, но препятствовало развитию английской экспансии — Тибет был признан частью Китая¹⁶⁷⁶.

— В 1904 году началась русско-японская война...

На Тихом океане с 1880-х годов евроамериканская экспансия стала приобретать массированный характер. Франция оккупировала Камбоджу, Лаос и Вьетнам, ряд архипелагов в Тихом океане (Новая Каледония; острова Лоялти, Общества, Маркизские и др.). Германия захватила вос-

* В 1883 г. русское правительство отменило беспошлинный транзит иностранных товаров через Закавказье, что сразу ослабило конкуренцию иностранных товаров на рынках Северной и Средней Персии. (Широкорад А.Б... С. 398.)

399

точную часть Новой Гвинеи, Марианские, Маршалловы, Каролинские острова, архипелаг Бисмарка, острова Западные Самоа и т.д. Соединенные Штаты в 1893 г. окончательно присоединили к себе Гавайские, захватили Филиппинские острова, острова Гуам, Уэйк, Мидуэй, архипелаг Восточные Самоа и т.д. Япония нацеливалась на Корею и Маньчжурию. Англия захватила Гонконг, Сингапур, Малайю и часть острова Борнео, а также ряд архипелагов в Тихом океане, в том числе острова Гилберта (1892), Эллис (1892), Санта-Крус (1898), Соломоновы (1885) и т.д. Активное внедрение евроамериканцев на Тихоокеанском регионе способствовало его интенсивному развитию.

Россия активно проявила себя в Тихоокеанском регионе еще более чем за полвека до этого. Русские купцы и промышленники активно осваивали побережье Аляски и дошли даже до Калифорнии. Но их блестящие начинания быстро затухли. Так, принадлежащий России Форт-Росс в Калифорнии, буквально стоявший на золоте, был продан в 1841 г., за семь лет до начала золотой лихорадки. В 1867 г. за гроши была продана Аляска¹⁶⁷⁷. И американцы с того времени хозяйничали не только на своем континенте, но и на Камчатке, в Колымском крае, на побережье Охотского моря. Они занимались браконьерством на русской территории и контролировали всю торговлю на севере Тихого океана¹⁶⁷⁸. Почему же Россия не смогла даже удержать уже занятые ею позиции и территории?

Активность России в Тихоокеанском регионе ограничивалась: с одной стороны, отсутствием мощного морского флота, подобного тому, который имела Англия. С другой — тем, что на Дальнем Востоке Россия имела всего один порт Владивосток, недоступный в течение 6 зимних месяцев (надлежащих ледоколов в то время еще не было). Русские корабли проводили зиму либо на приколе, либо в портах Японии и Китая. В результате Россия, обладая менее эффективными средствами колонизации, со становлением капиталистических отношений

утратила свою конкурентоспособность по сравнению с другими странами в освоении тихоокеанского региона.

Отсутствие у России незамерзающего порта на побережье Тихого океана ставило перед ней еще более серьезные проблемы. Без доступа к морю фактически весь российский Дальний Восток оказывался в полной изоляции, как от метрополии, так и всего остального мира. Удаленность и неблагоприятные климатические условия определяли нерадужные перспективы развития региона. Именно поэтому вопрос о занятии незамерзающего порта на Дальнем Востоке постоянно обсуждался в России с 1870-х годов*. В 1895 г., в период переговоров с Японией, ко-

* В октябре 2003 г. правительство России снова подняло вопрос об аренде северокаорейского порта Раджин с прокладкой к нему железнодорожного пути с широкой колеей и экспорта через него нефти.

400

манdüющий российскими соединенными эскадрами на Тихом океане указывал на Циндао как на удобнейшую зимнюю стоянку русских судов¹⁶⁷⁹. С другой стороны, развивались идеи территориального расширения Дальневосточной России в более благоприятный климатический регион в Маньчжурию и Корею.

Однако занятие порта или территориальное расширение вело к неизбежной войне с Китаем. О ее перспективах и проблемах Дальневосточного региона начальник Главного штаба Н. Обручев докладывал Николаю II в 1895 г.: «Как бы мы ни разводили по Амуру своих поселений, при данных условиях мы обречены здесь на слабость, тогда как китайцам ничто не препятствует развивать свои силы». В случае военного конфликта с Китаем связь России с Владивостоком могла быть легко прервана противником, а замерзающий порт Владивостока представлял собой не вполне удобную базу для Тихоокеанской эскадры: «В таком виде никаких залогов могущества России на Тихом океане Владивосток не дает. Это — отдаленная сухопутная колония России, требующая от нее все больших и больших жертв, вызывающая постоянные опасения за свою целостность и не приносящая пока Государству никаких существенных выгод»¹⁶⁸⁰.

Н. Обручев предлагал программу аннексии китайской Северной Маньчжурии и части Северной Кореи, которые позволили бы сократить протяженность границы с Китаем почти на 2000 верст и создать в бассейне реки Сунгари «сильную Русскую провинцию» — экономическую и стратегическую основу могущества России на Дальнем Востоке. Для развития региона, по мнению Н. Обручева, больше всего подходил корейский порт Шестаков (Синп'о)¹⁶⁸¹. В этом вопросе точка зрения Обручева полностью совпадала с позицией морского министерства¹⁶⁸². Обручев рассчитывал добиться поставленных целей «мирно, без войны» за счет уступок Японии в Южной Маньчжурии и Корее. Компенсации Китаю заключались в российских гарантиях от дальнейшего расширения японского присутствия в Поднебесной. Военный министр А. Куропаткин в 1898 году отдал секретное распоряжение составить продолжение «замечательной» записки Обручева¹⁶⁸³. Уже после русско-японской войны он писал: «Только чувствуя себя прочно в Северной Маньчжурии, мы могли признать Приамурский край достаточно прикрытым и заняться развитием этого края... Япония из-за Северной Маньчжурии не начала бы войну с Россией»¹⁶⁸⁴.

Однако аннексия и освоение части китайской и корейской территории требовали огромных затрат и в итоге могли привести к превращению их в очередную зону нестабильности, своеобразный дальневосточный аналог Польши и Финляндии. Очевидно, именно поэтому распространение получила идея «мирного проникновения» в Китай за счет экономической и железнодорожной экспансии, предложенная Витте. Однако эта идея обладала не меньшими недостатками, поскольку-

ку ставила развитие всего Дальневосточного региона России в зависимость от политики Китая (Японии). Рано или поздно «строительство железных дорог в Маньчжурии и проникновение к Желтому морю, не имевшее под собой основы в виде военного и военно-морского могущества России на Дальнем Востоке», могли создать существенные проблемы. В частности, Б. Романов доказывал, что захват Ляодуна стал прямым и естественным следствием политики Витте¹⁶⁸⁵. В любом случае перспективы развития российского Дальнего Востока ставились в зависимость от тех или иных успехов русских в Китае и Корее. Именно этим во многом объяснялась политика России в регионе*.

20 октября 1897 году в Шаньдуне, недалеко от Циндао, были убиты два немецких католических миссионера. Германская пресса представила инцидент, как угрозу всей германской нации. Под предлогом защиты католической веры, немецкой нации, наказания «китайских разбойников» и потому, что Циндао наиболее подходящая стоянка, Вильгельм II обратился к Николаю II за согласием на захват Циндао. Николай II ответил, что строгие меры наказания только вызовут волнения, произведут тяжелое впечатление на Дальнем Востоке и расширят или углубят пропасть, уже и без того существующую между христианами и китайцами. Тем не менее немецкий десант был высажен, и в конце декабря 1897 г. Германия получила бухту Циндао в аренду на 99 лет**.

Инициатива Германии вызвала цепную реакцию. Посол Павлов сообщал в Петербург 25 ноября, что британская эскадра идет в Порт-Артур, дабы предупредить Россию. 27 ноября из Чифу доносил об этом русский консул Островерхов. Наконец, о подобных планах Англии намекнул русскому представителю в Пекине и германский посол Розен. Русский посланник в Токио писал: «Нам очевидно опасно оставление этой важнейшей для нас позиции в бессильных руках Китая». Управляющий МИДом граф Муравьев находил, что с согласия китайского правительства вполне возможно занять Порт-Артур, «дабы предупредить занятие этой гавани другой нацией»¹⁶⁸⁶. Англия не заставила себя ждать. Уже 18 декабря 1897 г. британская эскадра появилась на рейде Чемульпо.

* Существует точка зрения, что из стратегических интересов железную дорогу Витте необходимо было прокладывать не через Маньчжурию, а по территории России вдоль Китайской границы. Но выбор Витте очевидно был обусловлен не стратегическими (военными), а экономическими расчетами. Маньчжурский вариант с экономической точки зрения был несравненно более выгоден, чем дальневосточный, он открывал новые обширные рынки. Он носил характер железнодорожной экономической экспансии, который в то время был весьма популярен среди развитых стран мира.

** Договор аренды в точности соответствовал тому, который ранее заключили англичане в отношении Гонконга. За несколько лет Циндао превратился из маленькой рыбацкой деревушки в 60-тысячный город с многочисленными промышленными предприятиями и мощной крепостью.

402

Против приобретения военно-морской базы на Желтом море выступал еще Н. Обручев, поскольку это, по его мнению неизбежно вело к столкновению с Японией. В этом случае, писал Обручев, «кой-что демонстративное мы можем еще сделать, но серьезного и прочного ничего. Ввязываться же ради демонстраций (коим на каждом шагу может мешать Англия) в войну с державой, удаленной от средоточия сил России на 10 т[ысяч] верст, — слишком рискованно и разорительно»¹⁶⁸⁷. Против захвата Порт-Артура резко выступил и Витте, в знак протеста он даже подал прошение об отставке. Витте отмечал, что оккупация Квантунской области осуществляется, несмотря на то, что Россия совсем недавно «провозгласила принцип неприкосновенности Китая, в силу этого принципа заставили Японию покинуть Ляодунский полуостров, а в том числе Порт-Артур... После того как мы вошли с Китаем в секретный союзный оборонительный договор против Японии... после всего этого подобного рода захват явился бы мерой возмутительной и в высокой степени коварной...» Кроме того, Россия уже

начала строить железную дорогу через Монголию и Китай, и обострение отношений с Китаем ставило ее под угрозу¹⁶⁸⁸. Тем не менее во избежание военных действий он сам был вынужден содействовать высадке русских на Ляодунском полуострове.

Первоначальные отношения русских и китайцев были самые дружественные. Русский посол Павлов сообщал: «Китайские власти в Порт-Артуре оказывают нашим судам самое широкое внимание». Объяснялось такое отношение тем, что, во-первых, «официальный Петербург заявил, что мы пришли туда для того, чтобы помочь Китаю избавиться от немцев... и как только немцы уйдут — и мы уйдем»¹⁶⁸⁹. Во-вторых, за день до прихода русской эскадры в Порт-Артур китайцы попросили у России новый заем в сто миллионов лан — просьба была удовлетворена. В-третьих, Витте дал огромные «подарки» двум высокопоставленным китайским сановникам. В результате русско-китайское соглашение, по которому Китай должен был передать России в арендное содержание на 36 лет всю Квантунскую область вместе с Порт-Артуром, было подписано 5 марта 1898 г., причем «вопрос об уплате за аренду не подымался»¹⁶⁹⁰. «Таким образом, — писал Витте, — совершился тот роковой шаг, который повлек за собой все дальнейшие последствия, кончившиеся несчастной для нас японской войной, а затем и смутами. Этот захват нарушил все наши традиционные отношения к Китаю, и нарушил их навсегда...»¹⁶⁹¹

При захвате Порт-Артура министр иностранных дел заявил, что берет на свою ответственность, что «ни Япония, ни Англия никаких репрессий по этому предмету не предпримут»¹⁶⁹². На причины «лояльности» конкурентов указывал Витте: «Чтобы успокоить Японию, последовало 13 апреля 1898 г. соглашение с Японией, в котором мы явно отдали Корею под доминирующее влияние Японии. Япония это так

403

и понимала и до поры до времени успокоилась. Если бы мы это соглашение сдержали в точности, не только по букве, но и по духу его, т.е. предоставили бы Корею прямо полному влиянию Японии, то несомненно, что на долгое время установились бы миролюбивые отношения между Японией и Россией»¹⁶⁹³.

Реакцию Англии наглядно демонстрирует статья от 10 января 1898 г. в газете «Standart», где лорд Уолсней заявил, что если война с Россией начнется, то она застанет британскую армию в блестящем состоянии¹⁶⁹⁴. Однако воевать Англии было крайне невыгодно. Тем более что Германия поддержала Россию. 5 декабря 1897 г. император Вильгельм II говорил Николаю II: «Ваши враги — будь то англичане или японцы — становятся и моими врагами, и какими бы агрессивными они ни были, как бы ни противостояли вашим интересам, будьте уверены в том, что германская эскадра станет бок о бок с вашими военными судами»¹⁶⁹⁵. Англию интересовал совсем другой реванш — в марте она потребовала от китайского правительства уступки порта Вэйхайвэя и полуострова Цзюлун (Коулун) рядом с Гонконгом, расширения прав английского судоходства по рекам Китая — и получила фактическое признание бассейна реки Янцзы, богатейшей части Китая, в качестве сферы влияния Англии¹⁶⁹⁶.

Расхват Китая привел в 1898 г. к протестам среди местного населения, вылившимся в «боксерское восстание». Китайское правительство тайно содействовало ему, что вызвало вооруженное вмешательство иностранных держав*. Англичане пошли экспедицией к Пекину, но их сил не хватило, и пока они подтягивали резервы из метрополии, Россия приняла инициативу на себя. Витте вспоминал: «Мы вместе с японцами взяли Пекин, и взятие это ознаменовалось главным образом тем, что войска занялись грабежами... Наши войска распоряжались в Китае совершенно произвольно, т.е. так, как поступает неприятель в захваченной стране, да и то в стране азиатской. Таким образом, была

создана та почва, на которой неизбежно должна была разразиться катастрофа»¹⁶⁹⁷.

Но это было только началом. «Одновременно русские войска, введенные в Маньчжурию якобы для поддержания акции против боксерского восстания, остались там и фактически оккупировали ее. Мало того, царский режим попытался обмануть и японцев и вернуть скрытым путем, посредством установления контролируемых русским правительством различных концессий... себе влияние на Корею. Эта эпопея вошла в русскую историю под фамилией ее главного действующего лица — «безобразовщина». Витте продолжал: «Такое положение дела, естественно,

* В подавлении боксерского восстания приняли участие войска Германии, Японии, Италии, Англии, США, Франции, России и Австро-Венгрии. Киган подает подавление боксерского восстания как подавление угрозы иностранным посольствам; в итоге в Пекине был создан посольский квартал, пользующийся правами экстерриториальности. (Киган Д... С. 25.)

404

крайне настроило японцев против нас, и уже не столько китайцы, сколько японцы, поддерживаемые, между прочим, Англией и Америкой, настаивали на удалении нас из Маньчжурии»¹⁶⁹⁸. Настойчивые призывы Витте, министров финансов и иностранных дел к царю вывести войска из Китая и Маньчжурии, прекратить провокации в Корее не привели к успеху.

Действия России в Корее и Маньчжурии привели к ускорению англо-японского сближения. В марте 1901 г. в Лондоне начались соответствующие переговоры. Они строились не на пустом месте. Уже в конце XIX в. англичане закончили строительство Трансканадской железной дороги до порта Ванкувер на Тихоокеанском побережье. В обращении к парламенту по поводу строительства дороги лорд Д. Макдональд заявил: «Я рекомендую это великое предприятие не с коммерческой точки зрения, но с точки зрения высших интересов Великобритании. Этот путь... обеспечит Англии экономическое общение с Японией и Китаем. Он явится безопасным путем для британских войск, если их понадобится перевозить к берегам Тихого океана»¹⁶⁹⁴. Рядом с портом Ванкувер англичане построили военно-морскую базу.

Зачем нужны были английские войска на Тихом океане, объяснил Керзон в палате общин 7 июля 1897 г., определяя интересы Англии: во-первых, тем, «чтобы независимость Кореи была обеспечена» и «чтобы она не была поглощена территориально или административно Российской империей»; во-вторых, «чтобы корейская территория и корейские порты не сделались базисом для планов территориальных расширений, могущих нарушить равновесие сил на Дальнем Востоке и дать одной державе военно-морское преобладание в восточных водах». «Какие бы то ни было попытки одной державы, вроде тех, которые я описывал, найдут нас готовыми к охране там наших интересов»¹⁷⁰⁰. «Одной державой» могла быть только Россия.

Однако английских сил на удаленном тихоокеанском фронте было явно недостаточно. Отмечая это, еще 12 апреля 1897 г. русский посол в Токио барон Розен докладывал: «Англия нуждается на Дальнем Востоке в союзнике, который поддерживал бы сухопутными войсками действия английского флота. Такого союзника она могла бы найти в лице Японии с ее превосходно организованной и сравнительно сильной армией. Вследствие этого Англия и стремится всеми силами втянуть Японию в союз с собой, который обеспечил бы за ней преобладание, которого она, несомненно, ищет как здесь, так и повсюду»¹⁷⁰¹.

О японской армии специалисты давали самые блестящие отзывы. Так Вогак доносил в 1895 г.: «В лице Японии мы имеем соседа, заслуживающего полного с нашей стороны внимания... Японская армия уже теперь представляет собой внушительную силу, прекрасно организованную, составленную из отличных солдат, очень хорошо обученных

405

и воспитанных, руководимых офицерами, всецело преданными своему делу, относящимися к службе с завидной любовью и разумным рвением... За этой армией стоит нация честолюбивая, может быть, даже чересчур, готовая на все жертвы для славы Японии. Одержав победу над Китаем, у нее не будет другого стремления, как помериться силами с европейскою державою, а таковою, по самому положению Дальнего Востока, может быть только либо Россия, либо Англия...»¹⁷⁰² «Военный сборник», который получал каждый полк русской армии, в 1899 году, сообщал: «Японским офицерам и нижним чинам присуще врожденное стремление к знанию, к самосовершенствованию, к добросовестному исполнению своих обязанностей. Японская армия... одушевлена любовью к отечеству, и каждый готов пожертвовать свое имущество и жизнь ради общей славы и чести императора. В 1894 году объявление войны было встречено с общим восторгом. Военные пользуются всеобщим уважением, а в продолжение кампании народ смотрел на солдат как на героев, дравшихся за славу своей родины. Во время войны войска выказали редкую дисциплину и порядок...»¹⁷⁰³ Эти настроения были отражением ускоренной индустриализации и быстрого роста численности населения Японии с 26 млн. в 1867 г. до 52 млн. в 1913 г., именно они создали в стране основу для развития империалистической идеологии...

Между тем военный министр А. Куропаткин утверждал, что японская армия не являлась для России и Порт-Артура серьезной угрозой¹⁷⁰⁴. Николай II в свою очередь был абсолютно уверен, что «японцы нам войны не объявят»¹⁷⁰⁵. Некоторые основания для подобных заявлений были, ведь даже самая лучшая японская армия была бессильна без военного флота, способного обеспечить доставку этой армии на континент. А у Японии своего флота не было. Он вдруг и совершенно внезапно появился всего за десять лет. Флот Японии для войны с Россией, при поддержке США и Германии, дала Англия.

Первая судостроительная программа была принята в Японии в 1895 г. До войны Англия, Франция, США и Германия поставили Японии 80 броненосцев, крейсеров и др. крупных военных кораблей водоизмещением более 800 тыс. Т. Сама Япония построила только 3 минных крейсера. Англия и США в апреле и ноябре 1904 г. предоставили Японии займы на сумму 50 и 60 млн. долл. под 6% годовых под залог доходов с таможен. В марте и июле 1905 г. с участием германских банков Япония получила два займа по 150 млн. под 4,5% под залог доходов от табачной монополии. Кредиты Японии дала даже союзная России Франция*. Всего иностранные займы покрыли свыше 40% всех воен-

* Французский банкир барон Жак Гинзбург, по воспоминаниям графа Игнатьева, во время войны организовал заем для Японии.

406

ных расходов Японии. В годы войны почти все тяжелые орудия*, огромное количество военно-морского вооружения, включая пушки, торпеды и даже подводные лодки, были получены Японией из-за рубежа¹⁷⁰⁶. В этой связи А. Вихров до определенной степени прав утверждая, что именно Англия и США «выпестовали японский милитаризм»¹⁷⁰⁷.

Приготовления Японии не вызывали беспокойства в России и по другой причине. На нее указывал А. Свечин: «Враждебное отношение к нам Японии и вооружения ее не ускользнули от нашего внимания. Тем не менее в подготовке к войне мы отстали от японцев — главным образом потому, что придавали дальневосточному театру борьбы только второстепенное значение. Судьба Маньчжурии, по господствовавшему мнению, должна была решиться на европейских полях сражений. Мы готовились к худшему случаю — к выступлению Японии против нас в момент европейской войны»¹⁷⁰⁸. По сути русско-японская война 1904-1905 гг. и была лишь азиатским фронтом

европейской войны. В Европе в это время она носила еще характер «холодной войны». Например, чешская газета «Час» писала: «Не верим никому на свете», — может провозгласить каждый славянин, внимательно читая сообщения с мест сражений. Эти сообщения приходят в Европу уже искаженными, прошедшими цензуру или в лучшем случае тенденциозно окрашенными. Весь мир обслуживают в основном английские, американские и немецкие журналисты, информация которых является абсолютно односторонней. Комично читать в английской газете сообщение о том, что потери японцев в войне составили лишь три человека... Европа наводнена новостными сообщениями, выгодными только Японии. Эта политика имеет целью нанести хотя бы финансовые потери России на биржах...»¹⁷⁰⁴

Во время русско-японской войны Россия попыталась организовать каперскую войну против поставок в Японию военных материалов. Первая же операция русской каперской флотилии в Красном море, когда было захвачено несколько судов, везших в Японию боеприпасы и сырье, вызвала взрыв недовольства правительств Англии и Германии. Министр иностранных дел России в панике заявлял: «Мы рискуем тем, что нам будет объявлена война Великобританией и Германией»¹⁷¹⁰.

Япония, со своей стороны, не оставляла надежд попытаться договориться о разграничении сфер влияния с Россией в Азии. Витте вспоминал: «В ноябре 1901 г. японский представитель прибыл в Петербург для того, чтобы попытаться наконец установить соотношение между

* В частности, Германия поставила Японии лучшие в то время в мире осадные 280-мм гаубицы. Именно их огнем будут разрушены, ранее неприступные, долговременные укрепления Порт-Артура и потоплены почти все крупные корабли Первой Тихоокеанской эскадры, прямо на якорных стоянках.

407

Японией и Россией, которое предотвратило бы ту несчастную войну, которая затем случилась...» «Курино, японский посланник, человек умный, и его point d'honneur как посланника был, чтобы войны не было. Он любил Россию, насколько японец мог ее любить. Он мне передал, что переговоры ведутся так, что Россия, видимо, хочет войны... Если бы в это время Россия не делала приготовлений к войне, то Япония могла бы не беспокоиться. Между тем со всех сторон говорят о приготовлениях... В конце года государь переехал в Петербург, и в начале января начались придворные балы — как ни в чем не бывало... Одновременно японский посланник в Англии вел переговоры с Англией. Несмотря на это, царское правительство медлило и в конце концов практически ответило отказом Японии на ее предложения»¹⁷¹¹. «Вовремя мы ответа не дали», и в январе 1902 г. был заключен союзнический англо-японский договор, в котором Англия впервые нарушила свою традицию — не брать на себя обязательств. «Невозмутимая» позиция России объяснялась не только недооценкой Японии как противника, но и тем, о чем министр внутренних дел Плеве говорил военному министру Куропаткину: «Вы внутреннее положение России не знаете. Чтобы удержать революцию, **нам нужна маленькая победоносная война**»¹⁷¹².

Войны формировали в России самостоятельную тенденцию. В силу климатическо-географических условий войны и активная внешняя политика для России имели гораздо большее значение, чем для любой другой великой державы. Они обуславливали не только перспективы ее развития, но и само выживание государства, за счет продвижения на юг к более плодородным землям и необходимости защиты огромной империи*. Кроме этого, по словам В. Потто, русский народ «по историческому закону, о котором говорит основатель научной географии Риттер, естественно и неизбежно, хотя бы бессознательно, инстинктивно, должен был стремиться "к мировому морю", вообще на простор

сношений с другими народами»¹⁷¹³.

Со временем жизненная необходимость в расширении империи сформировалась в тенденцию, которая позже выродилась, по словам С. Витте, в «страсть к завоеваниям»: «У нас в России в высших сферах существует страсть к завоеваниям или, вернее, к захватам того, что, по мнению правительства, плохо лежит»¹⁷¹⁴. 16 февраля 1903 года военный министр А. Куропаткин сделал в своем дневнике запись: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию,

* Например, наследие монголо-татарского нашествия XIII-XV веков — последний набег татар на Украину — был совершен в конце XVIII века, в 1772 году. Расширение империи далеко не в последнюю очередь было связано с необходимостью включения в ее орбиту соседних воинственных народов, для обеспечения мира и стабильности.

408

идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы. Что мы, министры, по местным обстоятельствам задерживаем государя в осуществлении его мечтаний, но все разочаровываем; он все же думает, что он прав, что лучше нас понимает славы и пользы России. Поэтому каждый Безобразов, который поет в унисон, кажется государю более правильно понимающим его замыслы, чем мы, министры»¹⁷¹⁵.

С одной стороны, Витте и Куропаткин были не правы — запросы России носили гораздо более умеренный характер, чем империалистические амбиции их конкурентов — Англии, Франции, США, Германии или Японии. Но с другой стороны, к концу XIX века внешняя активность России в отличие от этих стран стала значительно превосходить уровень, допускаемый ее внутренним развитием. Для России на стадии становления империи экономический эффект от захвата новых территорий, а особенно выходов к морям, был жизненно необходим и многократно превосходил понесенные военные затраты. А войны доиндустриальной эпохи при существовавшем относительном равенстве вооружений предъявляли не столь жесткие требования к внутреннему уровню развития государства — мастерство военачальников, стойкость и количество солдат были определяющими факторами победы. С наступлением же индустриальной эпохи, а особенно с конца XIX века, главную роль стал играть фактор внутреннего развития государства, а здесь Россия все больше отставала от соперников. Вместо того чтобы вкладывать средства в развитие собственной промышленности и населения, Россия вкладывала их в активную внешнюю политику, которая разоряла страну.

Слова Бисмарка, «железом и кровью» объединившего Германию, но в дальнейшем настойчиво проводящего политику сохранения мира в Европе, должны были звучать для отсталой России грозным предупреждением: «Наш престиж и наша безопасность будут тем устойчивее, чем больше мы будем воздерживаться от вмешательства в споры, которые нас непосредственно не касаются, и чем безразличнее мы будем ко всяким попыткам возбудить и использовать наше тщеславие». 6 февраля 1888 г. Бисмарк заявлял в рейхстаге: «Не страх настраивает нас столь миролюбиво, а именно сознание собственной силы, сознание того, что и в случае нападения в менее благоприятный момент мы окажемся сильны для отражения противника... Любая крупная держава, которая пытается оказать влияние и давление на политику других стран, лежащих вне сферы ее интересов, и изменить положение вещей, приходит в упадок, выйдя за пределы, отведенные ей богом, проводит политику власти, а не политику собственных интересов, ведет хозяйство, руководствуясь соображениями престижа». Бисмарк указывал в своих мемуарах, что Германия не должна увлекаться территориальными захватами, в противном случае она рискует

уподобиться польскому шлях-

409

гичу, у которого есть старинная родовая медвежья шуба, но под шубой нет белья — продукта современной промышленности.

Восприятие внешней и внутренней политики Витте было столь же реалистично, как и Бисмарка. Русский премьер-министр последовательно выступал за мирную политику России, поскольку война как инструмент внешней политики действительно выродилась в ее «высших сферах» в «страсть к завоеваниям». Для полуфеодальной России война с развитыми индустриальными странами уже не могла быть ни экономически, ни политически эффективной. Войны 1853-1856, 1877-1878 гг., 1904-1905 гг. превратились для России в форму самоубийства, растянутого во времени, которое неизбежно должно было закончиться полным экономическим и политическим крахом.

С. Витте приводил следующий пример: «Черноморский берег представляет собой такие природные богатства, которым нет сравнения в Европе. В наших руках это все в запустении. Если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы... Но куда там! Для этого нужны капиталы, нам же назначение капиталов — война. Мы не можем просидеть и 25 лет без войны, все народные сбережения идут в жертву войнам. Мы оставляем в запустении богатейшие края, завоеванные нашими предками, в душе все стремимся к новым и новым завоеваниям оружием и хитростью. О каком благосостоянии можно при таком состоянии вещей говорить!»

О. Бисмарк был аналогичного мнения: «[сырая непереваренная масса Россия] — слишком тяжеловесна, чтобы легко отзываться на каждое проявление политического инстинкта. Продолжали освобождать, — и с румынами, сербами и болгарами повторялось то же, что и с греками... Если в Петербурге хотят сделать практический вывод из всех испытанных до сих пор неудач, то было бы естественно ограничиться менее фантастическими успехами, которые можно достичь мощью полков и пушек... Освобожденные народы не благодарны, а требовательны, и я думаю, что в нынешних условиях Россия будет в восточных вопросах руководствоваться соображениями более технического, нежели фантастического свойства»¹⁷¹⁶. Но Россия продолжала влезать в одну разорительную авантюру за другой.

Один из членов подготовительной комиссии к реформированию армии определил цель ее работы следующим образом: «Что жалеть денег на армию нельзя, когда они есть, это верно..., но если денег в государственном казначействе нет и насос уже не может выкачивать их из населения, которое обнищало, приходится подумать»¹⁷¹⁷. И деньги находили, за счет дальнейшего усиления эксплуатации экономики и населения.

Какие же военные цели преследовала Россия в конце XIX — начале XX веков?:

— Одной из основных причин гонки вооружений к этому периоду стало сохранение статуса России как великой державы. Пример дает ре-

410

золюция одного из совещаний Главного управления генерального штаба, прошедшего в ноябре 1907 г.: «В вопросе о количестве и качестве своих вооруженных сил Россия должна соотносываться не с тем или иным финансовым положением страны, не с тем или иным временным затруднением, в котором она находится, а исключительно с ее политическим значением, приобретенным тысячелетним существованием»¹⁷¹⁸.

— Другой не менее серьезной причиной было вполне объяснимое инстинктивное движение России к югу и незамерзающим морям. Оно стимулировалось вполне прагматичными экономическими и политическими

интересами России и в определенной мере являлась вопросом выживания России, как государства.

— Монархия рассчитывала, что за счет эксплуатации патриотизма обеспечит сплочение общества. Маленькая победоносная война не раз сплачивала нацию и консервировала незыблемость существующего строя еще на несколько десятилетий.

— Для некоторых война становилась и выгодным бизнесом, позволяя получить сверхприбыль на военных заказах. Великий князь Александр Михайлович накануне Первой мировой войны приводил слова товарища министра финансов, который в ответ на предупреждение об угрозе войны заявлял: «Человеческая кровь всегда вносит в дела биржи оживление»¹⁷¹⁹

— Для других война превращалась в инструмент политической борьбы. Так, либералы строили свои надежды на то, что война подорвет основы самодержавия и расчистит путь буржуазной революции. Позиция либералов объясняет недоумение М. Вебера, который писал во время русской революции 1905 г.: «В минуту, когда в собственном доме царит беспорядок, кажется неправдоподобным, что Котляревский в «Полярной звезде»..., рассматривает будущее партии (кадетов) в связи со столь необходимым изгнанием турок из Европы посредством союза с Англией (апрельский съезд партии послал приветственную телеграмму премьер-министру Англии)...»¹⁷²⁰ Новая война, по мысли либералов, во время еще не закончившейся русско-японской войны и революции, тем более в союзе с Англией, должна была окончательно похоронить самодержавие.

— Однако наиболее существенными целями войн, по-видимому, была все же борьба за выживание. Далеко не случайно русская монархия с такой последовательностью выступала за сохранение принципов легитимизма в Европе. Легитимизм и пришедший на смену панславизм были защитной реакцией идеологических, общинных, патриархальных основ российского государства. За победой либерализма в Европе он неизбежно должен был восторжествовать в России, что неизбежно вело к разрушению империи и физической ликвидации огромной массы неэффективного в капиталистическом мире полуфеодального русского населения. Монархия интуитивно чувствовала эти тенденции и сопро-

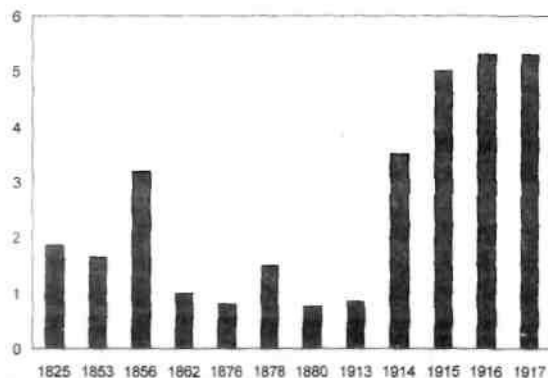
411
тивлялась им как могла. Именно на этом была основана европейская политика России в XIX веке — сдерживание либерализма. Легитимизм был не столько особенностью России, сколько всего Востока. Россия в данном случае была его передовым рубежом.

Войны уничтожали ресурсы и накопленный потенциал экономического развития России. В итоге она настолько отстала от своих великих соседей, что эволюционным путем догнать их была уже не в состоянии. Этот факт не столько отодвигал Россию на второй план среди мировых держав, сколько в перспективе означал прекращение ее существования как единого, самостоятельного государства.

Но Россия не только воевала, она содержала огромную армию — это была самая большая армия в Европе мирного времени. Огромная армия была физической основой поддержания принципов легитимизма. По-видимому, Александр I видел в этом принципе и гарантию сохранения мира в Европе. Наследники Александра I сделали выводы из последствий наполеоновского нашествия, которые привели в России к масштабному экономическому кризису, задержавшему развитие страны на десятилетия. В 1825 г. этот кризис привел к восстанию декабристов. Европейские революции 1830, 1848, 1871 гг. вполне могли привести к появлению очередного «Наполеона» или «Кромвеля» и к новой европейской войне. Очевидно, стратегия русских царей базировалась на принципе: лучше большая армия в мирное время, чем маленькая, но

всемирная война. Только поражение в Крымской войне привело к сокращению численности армии.

Численность армии в % к общей численности населения России

412

Именно в то время, когда Россия тратила огромные ресурсы на армию, европейские страны совершали первую фазу индустриализации, вкладывая капиталы в промышленность. Расходы на армию до 1850 г. составляли почти половину государственного бюджета России.

Противоборство России и Великобритании было только частным случаем мировой политики Англии, о целях которой Керзон еще в 1892 г. писал: «Афганистан, Закаспийский район, Персия — это для меня клетки шахматной доски, на которой разыгрывается партия; ставка в ней — мировое господство».

— В Первой мировой войне Англия, на протяжении столетий соперничающая с Россией, на первый взгляд вдруг неожиданно выступила ее союзником. Мало того, Бьюкенен в 1917 г. уже говорил о дружбе между странами. Он писал: что можно сказать «о России, ежедневно в печати клеймящей империалистические цели Великобритании, возлагая на нее ответственность за бойню? Если бы не вступление Великобритании в Первую мировую войну, Россия потерпела бы поражение от Германии, в результате чего не было бы ни русской революции, ни русской демократии. Об этом позаботилась бы германская армия, и без нашего военного взаимодействия Россия никогда не обрела бы свободу». Поэтому, подчеркивал Бьюкенен, «Великобритания должна считаться другом России»¹⁷²¹. Киган объясняет вступление Англии в войну тем, что, «возможно, на карту был поставлен принцип. Но соблюдение принципа святости международного договора, который привел Британию к участию в (Первой мировой) войне, едва ли оправдывает цену, которая в конечном счете была уплачена за его соблюдение»¹⁷²². В чем причина столь разительной перемены отношения Великобритании к России, заставившей ее пойти на огромные жертвы ради своего конкурента? Дружеские чувства, принципы... или что то другое?

В конце XIX века у Англии появился гораздо более мощный соперник, чем Россия, и ее мировое господство оказалось под угрозой. На нее указывал германский рейхсканцлер Л. Каприви: «Немцев в Англии общественность никогда не любила. Но после того как в течение многих лет они в качестве невинных мечтателей были больше предметом насмешки, чем ненависти или зависти, наши оглушительные победы 1866 г., а еще более 1870 г., вызвали по ту сторону Ла-Манша изумление и некоторое беспокойство. В первой половине 70-х годов многие мои английские коллеги и друзья читали фантастический роман «Сражение при Доркей», в котором... весьма ярко изображалось внезапное нападение тевтонских полчищ на Англию... В 80-е годы впервые пробудилась британская зависть к блестящему и бурному, пожалуй слишком бурному,

экономическому развитию, ринувшейся вперед Германии. Порожденное этой завистью распоряжение, чтобы все германские товары снаб-

413

жались пометкой об их происхождении: «Made in Germany», оказалось промахом. Эти принудительные этикетки действовали не как отпугивающее клеймо, а, скорее, как приманка или рекомендация. Германская конкуренция не ослабевала, а усиливалась, и вместе с ней усиливалась английская зависть». «При правлении императора Вильгельма II, — отмечал Кассель, — Германия вторглась на мировой рынок, германская промышленность и торговля достигли такого расцвета, который раньше никто не мог себе вообразить, а Англия понесла огромные потери во внешнеторговой сфере. Ее торговый оборот уменьшается...»¹⁷²³

Несмотря на то, что Англия по удельным (на душу населения) показателям объемов производства и экспорта превосходила Россию и Германию вместе взятых, она в то же время имела самые низкие темпы промышленного развития среди всех великих стран Европы, в 2-4 раза ниже, чем у Германии или России. Конкуренты наступали Британии на пятки. Их бурный рост грозил в течение ближайших 20 лет оттеснить Англию на третьи роли в мировой политике и экономике, что делало скорый крах всей великой колониальной английской империи и превращение ее в европейскую провинцию неизбежным. В 1908 г. один британский аристократ заявлял, имея в виду Германию: «Опасность теперь состоит в том, что в Европе у нас появился самый грозный конкурент из всех, с кем мы когда-либо сталкивались, — как в количественном, так и в интеллектуальном и в образовательном отношении»¹⁷²⁴.

Но для английской империи была и еще гораздо более близкая угроза, поскольку основу ее могущества к этому времени составляло не промышленное производство, а мировая монополия на международную торговлю и ее крупнейшая в мире колониальная империя. Положение мирового лидера и свои сверхприбыли в этих условиях Британия могла сохранять только при условии абсолютного превосходства на море. Его обеспечивали ее крупнейшие в мире торговый и военный флоты. (В 1914 г. более 60% всех мировых морских перевозок выполнял английский флот, российский — 2,5%, германский около — 16%.) Но именно здесь мощь Британии была поколеблена.

Свои претензии на права морской державы заявила Германия.

*Среднегодовые темпы роста тоннажа торгового флота в 1904-1914 гг., в %*¹⁷²⁵

	Темпы роста, в %
Росс ия	5,4
Герм ания	6,7
Англ ия	3,5

414

Начальник Генерального штаба Германии Мольтке утверждал: «Нам нужны рынки, без них и свободных путей к ним мы жить не можем... Если нам запрет пути для торговли, мы должны будем взяться за оружие. Главные пути, конечно, теперь для нас морские, поэтому развитие флота совершенно необходимо и должно идти быстрыми темпами». «Без мощного военного флота, — говорил Вильгельм, — Германии и колонии не нужны»¹⁷²⁶. «Мы можем видеть, — писал

он канцлеру Гогенлоэ в конце 1896 г., — какую ошибку мы сделали бы, начав колониальную политику 10 лет назад без флота»¹⁷²⁷. В 1898 г. была принята глобальная судостроительная программа. «Под давлением необходимости, — отмечал кайзер в своих мемуарах, — мы должны были расширить наши колониальные приобретения», но поскольку первоначально у Германии не было достаточно сильного военного флота, «все это делалось лишь с разрешения Англии, что было тяжело и позорно для нас»¹⁷²⁸.

Вильгельм в 1900 заявлял: «Океан — это неперемненное условие величия Германии... Ни одно крупное решение мировой политики отныне не может быть принято без Германии, без участия и согласия германского кайзера... Мой долг и моя миссия заключаются в том, чтобы использовать любые методы, самые жесткие и неприятные, для достижения того, что мы считаем необходимым и важным»¹⁷²⁹. На Вильгельма большое впечатление произвело сочинение американца А. Махана «Значение морской мощи в истории». Автор утверждал, что сильный флот — обязательный атрибут мировой державы¹⁷³⁰.

Великобритания до поры относилась с высокомерным пренебрежением к амбициям немецкого кайзера, тем самым лишь провоцируя его на активизацию строительства германского военного флота. Так, например, на вопрос Вильгельма, где Германия могла бы приобрести себе маленькую колонию, не мешая англичанам, лорд Солсбери отвечал: «Мы не хотим видеть вас нигде». Когда немцы попытались создать себе базу в заливе Дельгоа и послали туда пару канонерок, их встретила целая эскадра, командующий которой заявил своему немецкому коллеге, чтобы тот «убирался ко всем чертям». «Я понял, — говорил Вильгельм, — что наша торговля не сможет успешно развиваться, пока у меня не будет такого флота, который заставил бы... дважды подумать, прежде, чем посылать нас к черту»¹⁷³¹. В 1899 произошел «кувейтский инцидент». Вильгельма поразила легкость установления английского протектората над этим богатым нефтью султанатом: «Он выпукло показал, какое преимущество дает мощный флот...»¹⁷³² В конце 1900 года англичане захватили два германских парохода и под конвоем отвели их в свой порт. Кайзер не мог ничем ответить: «В нынешних обстоятельствах я вынужден соблюдать строжайший нейтралитет. Прежде всего мне надо создать флот, и лет через двадцать я буду говорить другим языком»¹⁷³³.

По словам Тирпица, у Германии «не было иного пути к мировому могуществу, кроме постройки флота... Морское могущество было

415

естественной и необходимой функцией нашего хозяйства, которое в области мирового влияния оспаривало первенство у Англии и Америки, опередив все другие народы»¹⁷³⁴. «В 1900 году, — продолжал Тирпиц, — повсюду чувствовалось, что Германия намеревается сделать неизбежный для перехода к мировой политике шаг, с тем чтобы ее торговля впредь хоть приблизительно следовала за ее флагом... поэтому могущество на море все больше выдвигается на первый план...» «Вопрос шел о том, — признавался А. Тирпиц, — не опоздали ли мы принять участие в почти уже закончившемся разделе мира». Поскольку, по его мнению, еще не поздно было переделить мир, «попытку морского могущества необходимо было предпринять без всяких проволочек. При разработке второй программы, — вспоминал Тирпиц, — мы долго думали над тем, следует ли включить в ее обоснование возможность столкновения с Англией... Но, выставляя столь необычное требование, как удвоение морских сил, невозможно было совершенно обойти его действительную подоплеку. Нашу общественность все равно невозможно было приучить к молчанию в отношении Англии».

Англичане почувствовали угрозу своей мировой монополии уже в 1901 г. Тогда Вальдерзее отмечал, что англо-германские отношения достигли своей низшей точки. «Таймс» изощряется в проповеди «ненависти и недоверия»,

англичане болезненно воспринимают строительство германского военноморского флота и ту солидарность, которую немецкая публика проявляет в отношении буров. По мнению Вальдерзее, свою долю ответственности за создавшееся положение несут французы и русские. А общий вывод Вальдерзее сводится к тому, что больше всего англичанам не нравится быстрый рост германского экспорта¹⁷³⁵.

«Первенство Германии на море не может быть совместимо с существованием Британской империи», — заявлял Эйр Кроу, один из руководящих деятелей английского Министерства иностранных дел¹⁷³⁶. Асквит, казначей Британского правительства, утверждал, что английское правительство может гарантировать твердо только одно: оно никогда не допустит потери Англией господства на море, ибо если для других флот — только предмет национальной гордости, то для Англии — это вопрос жизни или смерти. Гардинг (постоянный заместитель английского МИДа) в августе 1908 г. предупреждал Вильгельма, что сохранение «морского превосходства Великобритании сделалось кардинальным принципом Британской политики, принципом, который не может игнорировать ни одно правительство любой партии»¹⁷³⁷.

В начале 1905 г. второй лорд адмиралтейства А. Ли заявлял, что «при существующих условиях британский флот готов первым нанести удар, прежде чем другая сторона получит время прочесть в газетах об объявлении войны»¹⁷³⁸. «Королевскому флоту следует повторить копенгагенский подвиг Нельсона, бомбардировать немецкие корабли в их собственных портах и отправить их все на дно, пока не поздно»¹⁷³⁹.

416

Тема превентивного удара была популярна и кочевала по страницам английских газет. В 1908 г. заявление А. Ли почти дословно повторил первый лорд по морским делам Дж. Фишер¹⁷⁴⁰. Вильгельма трудно было испугать подобными речами. В ответ на заявление А. Ли кайзер указал Тирпицу, «что этот драчливый пират должен быть официально завтра же одернут своим правительством. Иначе поднимется такая буря в нашей прессе, которая может быть сдержана только немедленным введением колоссальной судостроительной программы, вырванной у нас общественным мнением»¹⁷⁴¹.

Тем не менее Вильгельм и Бюлов приходили к выводу, что «Германия рано или поздно подвергнется нападению со стороны Британии, причем «ясно, что эту войну не удастся локализовать: она приведет к опустошительным последствиям для всей Европы». Мольтке доложил о том, как он представляет себе будущую войну: это не будет скоротечная схватка, которая завершится одной славной победой, нет, борьба будет долгой и закончится, когда у одной из сторон иссякнут все ресурсы; впрочем, и победитель будет истощен до предела»¹⁷⁴². Гогенлоэ отмечал в 1889 г.: «В нашей колониальной политике мы самым бесцеремонным образом наступаем на большую мозоль англичан. Это грозит тем, что Англия может объединиться с Францией и Россией, что было бы для нас крайне неприятно»¹⁷⁴³. Вильгельм писал Николаю: «Нельзя отрицать, что Англия скрытым образом делает все, чтобы изолировать нас от внешнего мира... Постепенно нас изолируют, чтобы потом нанести смертельный удар»¹⁷⁴⁴.

В 1908 г. будущий адмирал Керр прислал Вильгельму выписку из инструкции адмирала Нельсона, в которой перечень обязанностей британского офицера-моряка исчерпывался тремя пунктами: повиноваться приказам, чтить короля и ненавидеть французов как исчадий ада. К последней заповеди Керр сделал приписку: «...ныне она нуждается в изменении; речь идет о другой нации. О какой — нет необходимости говорить»... Вильгельм воспринял приписку Керра как намеренное оскорбление. С трудом англичанину удалось убедить кайзера в том, что, говоря о «другой нации», он имел в виду русских¹⁷⁴⁵. В то же время

английская пресса приветствовала спуск на воду первого дредноута как «самое надежное средство, чтобы покончить с Германией»¹⁷⁴⁶. В апреле 1911 г. Вильгельм увидел в британском военно-морском альманахе, что немецкие корабли фигурируют под рубрикой «противник»¹⁷⁴⁷. Людендорф отмечал, что «английские морские маневры 1910 и 1911 гг. указывали на то, что Англия замышляет широкую блокаду. Таковая, правда, не соответствовала международному праву и могла быть осуществлена только с одобрения нейтральных государств, в особенности Соединенных Штатов»¹⁷⁴⁸.

Всего через несколько лет после начала реализации немецкой морской программы высокомерие англичан сменилось откровенным стра-

417
хом перед континентальным соседом. На повестке дня стояло уже не нападение на Германию, а панический страх перед ее нападением на Британские острова. В 1908 г. накал страстей достиг уровня настоящей истерии — личный друг короля, лорд Эшер, предложил в ответ на каждый новый германский корабль строить два английских. Основатель скаутского движения лорд Баден-Пауэлл заявил, что страна находится на пороге немецкого вторжения¹⁷⁴⁹. По улицам Лондона ходили люди, рекламировавшие книгу о немецком вторжении.

Расходы на военно-морской флот в фунтах стерлингов

Страны	1907- 1908	1913- 1914	Абсолютное увеличение	Рост в %
Россия	8 850 240	24 249 454	15 399 214	173,9
Англия	31 251 156	46 809 000	15 058 144	48,2
Германия	14 225 000	23 039 194	8 824 194	61,9
Австро- Венгрия	2 713 540	6 600 551	3 887 011	143,0

Англия сменила тон и попыталась сторговаться с Германией. Но, когда в конце 1911 г. с британской стороны последовала попытка заинтересовать Германию предложением новых колоний, Вильгельм ответил отказом. По его мнению, в этом случае Германия оказалась бы втянутой в грязные колониальные войны. Великобритания должна «признать политический авторитет и равноправие Германии» — в этом все дело. Бросать Германии объедки — это ни к чему хорошему не приведет; а кроме того, «без мощного флота большие колониальные владения все равно не удержать»¹⁷⁵¹. Последовавшая миссия Холдена также ни к чему не привела. Как отмечает Д. Макдоно: «Англичане и впрямь выдвигали неприемлемые условия: снять с обсуждения законопроект о флоте, а ничего более или менее привлекательного взамен они не предлагали»¹⁷⁵². Позже англичане за взаимное ослабление темпов строительства флота предлагали немцам уступки в вопросе о Багдадской железной дороге и железнодорожных концессиях в Персии¹⁷⁵³. Тирпиц соглашался несколько уменьшить темпы строительства флота, но только потому, что германский флот пока к войне не готов. Поэтому в течение «опасного периода» — «5-6 лет, примерно к 1915 г. — нам придется ладить с Англией»¹⁷⁵⁴ — указывал адмирал.

У Вильгельма было достаточно оснований для того, чтобы не доверять «джентельменским предложениям». Например, в то время, как Холден изо всех сил пытался убедить немецких партнеров умерить

темп гонки морских вооружений, Черчилль, выступая в Глазго, презрительно отозвался о предмете гордости и любимом детище Вильгельма как об «игрушечном флоте»... Британская пресса назвала речь Черчилля провокацией, и, по-видимому, так оно и было. Вильгельм телеграфировал Баллину...: «Соглашение — нарушенное Англией — мертво. Переговоры надо теперь вести на новой основе. Где в речи извинение за «игрушечный флот»?»¹⁷⁵⁵ Были и более серьезные причины для недоверия. Так, агадирский кризис 1911 г., поставивший Германию на грань войны с Францией и Англией, в очередной раз подтвердил, что противоречия между Германией и ее главными соперниками не могут быть разрешены мирным путем¹⁷⁵⁶.

В то же время кайзер сам проявлял инициативу и стремился договориться с Лондоном. О том, зачем это было ему нужно, Вильгельм объяснил в 1912 г. на очередной сессии рейхстага. Кайзер обратился не столько к депутатам, сколько к Англии, он заявил, что стремится к союзу или по крайней мере к нейтралитету с Англией в случае любой войны, могущей случиться на континенте¹⁷⁵⁷. Идея заключалась в том, чтобы использовать наличие германского флота в качестве козыря для достижения уступок с английской стороны с целью вырвать Британию из франко-русского союза¹⁷⁵⁸.

По мнению Бюлова, «если Россия объединится с Англией, это будет означать открытие направленного против нас фронта, что в ближайшем обозримом будущем приведет к большому международному военному конфликту. Каковы были бы его последствия?... Увы, скорее всего Германия потерпит поражение, и все кончится триумфом революции»¹⁷⁵⁹. Немецкому послу в Лондоне Лихновскому было поручено добиться от британского правительства заявления о нейтралитете в любом европейском конфликте¹⁷⁶⁰. Ради английского нейтралитета Вильгельм готов был урезать вдвое морскую программу, но когда Грей и британское адмиралтейство начали выдвигать новые предварительные условия, лишь при выполнении которых Германия могла бы получить более или менее значительные куски Африки — португальской или французской, терпение у Вильгельма лопнуло. К тому же к нему пришла здравая мысль: ни одна страна так, за здорово живешь, со своими колониями не расстанется...¹⁷⁶¹ Война становилась неизбежной...

Офицеры русского Морского Генерального штаба докладывали уже в 1907 г.: «Мировое положение определяется соперничеством Соединенного королевства и Германской империи. Соперничество их не может быть разрешено иначе как с оружием в руках»¹⁷⁶². Бернсторф: «Если морская программа будет продолжаться, никто не сможет отрицать перспективы того, что рано или поздно дело кончится войной»¹⁷⁶³. Хардиндж: «Германская морская программа — это тот стержень, на который нанизано все остальное. До тех пор, пока этот вопрос не решен, смятение, царящее ныне в Европе, будет продолжаться»¹⁷⁶⁴. У Черчилль, в 1912 г. предсказывал: «Это бесперывное вооружение вперегонку

419

должно в течение ближайших двух лет привести к войне». Уже после войны германский посол Меттерних¹⁷⁶⁵, сменивший его Лихновский, рейхсканцлер Бетман-Гольвег и британский премьер Ллойд-Джордж все были убеждены, что именно «строительство германского флота в значительной степени вызвало мировую войну»¹⁷⁶⁶.

Но гонка морских вооружений была лишь частным случаем столкновения глобальных мировых амбиций двух стран. На них указывал германofil Холдейн, возглавлявший в то время британскую миссию в Германии: «Познакомившись с германским генеральным штабом, я понял, что как только немецкая военная партия прочно сядет в седло, война будет вестись не просто за захват Франции или России, а за достижение мирового господства»¹⁷⁶⁷. Именно Англии, по словам

Бьюкенена, «германские поэты посвящали... свои гимны ненависти, а германские профессора изливали на Англию потоки своей ярости, и делали это потому, что знали, что только Британская империя преграждает им путь к владычеству над всем миром»¹⁷⁶⁸. Немецкий историк Ф. Майнеке утверждал осенью 1914 г.: «Наши оппоненты приписывают нам военные планы создания новой Римской империи — но деревья не растут до небес так быстро... Мы должны прежде всего сокрушить Британию до такой степени, чтобы она признала нас равной себе мировой державой, и я верю, что наша мощь для достижения этой цели достаточна»¹⁷⁶⁹.

Английский историк Дж. А. Крэмб накануне войны в 1913 г. издал книгу «Германия и Англия», в которой приходил к выводу: «Не Россия или Австрия враг Германии; они играют лишь второстепенную роль; и не Франция — она является лишь превосходящим эпизодом: враг из врагов — Англия. Она мешает осуществлению всего, что есть наиболее возвышенного в германской жизни»¹⁷⁷⁰. Дж. Крэмб предсказывал: «...Исход не сомненен, и скорый исход. Это война»¹⁷⁷¹.

В первые же месяцы войны английский фельдмаршал Китченер откровенно паниковал: «Наиболее важным является получение достоверной информации относительно состояния боевых действий на восточной границе Германии». Тупик на востоке приведет «к попытке... германских войск осуществить высадку в Англии, что создаст для нас ситуацию не только критическую, но фатальную». Весь октябрь и ноябрь 1914 г. Китченер просит русских не ослаблять давления на германском направлении¹⁷⁷². Фельдмаршал Френч также предупреждал, что в случае развития немцами успехов на Восточном фронте можно ожидать их победоносного обращения к Западу и даже высадки на Британских островах¹⁷⁷³.

У. Черчилль уже после войны напишет: «Как можно сравнить положение, какое занимает в настоящее время Германия, с той судьбой, какая постигла бы Британскую империю и всю Великобританию в том случае, если бы в подводной войне погиб королевский флот и наш со-

420

рока миллионный народ должен был бы сделать выбор между безусловной капитуляцией и верной смертью от голода. Половина строгости, заключенной в Версальском договоре, примененная к нам, повлекла бы за собой не только финансовый крах нашей старинной, медленно создавшейся мировой хозяйственной организации, но и быстрое сокращение британского населения — на 10 млн. душ по крайней мере, остальные были бы приговорены оставаться в беспросветной нищете. Ставки этой чудовищной войны превосходили всякие человеческие представления, и для Британии и ее народа они означали в будущем неминуемое постепенное угасание...»¹⁷⁷⁴

Именно Великобритания стояла на пути к немецкому господству в Европе и мире, и именно она должна была стать первым объектом германской агрессии. России было достаточно лишь заявить о своем нейтралитете, и Англия с Францией остались бы для будущих поколений лишь на страницах учебников истории XIX века. Мировая история пошла бы совершенно по другому пути. Россия так же пострадала бы от своего нейтралитета, но для нее последствия были бы гораздо менее трагичными, чем для англичан или французов.

Однако главным объектом агрессии стала именно Россия. Почему? По многим причинам, ответам на этот вопрос посвящена следующая глава. А сейчас лишь отметим, что Британии срочно нужны были союзники. «Для Англии, — с сожалением признавал ее военный министр Холден, — прошли дни, когда была возможна позиция блестящей изоляции. Наша морская мощь, так же как инструмент самообороны, была под угрозой стать не отвечающей своим требованиям при отсутствии дружбы, которая гарантировала бы, что другие флоты останутся если не активными союзниками нашего, то хотя бы

нейтральными». По его мнению, именно морская гонка «сделала необходимым появление Антанты»¹⁷⁷⁵. В 1904 г. Великобритания заключает договор с Францией, а в 1907 г. — со своим старым врагом — Россией. Эти договоры, впрочем, не связывали Англию никакими обязательствами относительно будущей войны, в то время как Франция и Россия становились открытыми врагами Германии... Начальник немецкого генерального штаба Фалькенгайн по этому поводу предупреждал Гинденбурга: «Наш самый опасный враг находится не на востоке, этот враг — Англия, организатор всего заговора против Германии»¹⁷⁷⁶.

Действительно, договоры 1907 г., несмотря на то, что они касались раздела сфер влияния в Средней Азии, были расценены современниками как начало общего англо-русского сближения, направленного против усиления Германии. Этот факт подтверждает английский историк Д. Киган: «Исходя из вероятности англо-германского конфликта, английская дипломатия пошла на урегулирование колониальных споров с Россией в Азии»¹⁷⁷⁷. По мнению же русского министра иностранных дел С. Сазонова, от этого договора в первую очередь выиграла Россия:

421

«...Для меня представляется несомненным, что соглашение 1907 года устранило многие препятствия к участию Англии в борьбе против Германии на стороне России... Я уверен, что английское общественное мнение не стало бы так единодушно на нашу сторону, как оно это сделало, если бы сблизившее нас соглашение 1907 года не было подписано»¹⁷⁷⁸.

Английское общественное мнение, на протяжении столетий старательно обрабатываемое средствами массовой информации, действительно было далеко от симпатий к своему давнему сопернику. Б. Такман отмечает: «В 1908 году Эдуард, к неудовольствию своих подданных, нанес официальный визит русскому царю на императорской яхте в Ревеле. Англичане рассматривали Россию как старого врага времен Крыма, а что касается последних лет — то как угрозу, нависшую над Индией. Либералы и лейбористы считали Россию страной кнута, погромов и казненных революционеров 1905 года, а царя, как заявил Рамсей Макдональд, — «обыкновенным убийцей»¹⁷⁷⁹. Министру иностранных дел Грею пришлось долго убеждать свою «передовую интеллигенцию», что Антанта между Россией, Францией и нами будет абсолютно безопасна, она необходима только на случай, если возникнет необходимость осадить Германию. Уступая общественному мнению, английская дипломатия повернула дело так, что формально визита Эдуарда вроде и не было. Он прибыл не в Петербург, а в Ревель (Таллин), со своей яхты не сходил, оставаясь на британской территории... Однако встреча в Ревеле в июле 1908 года русского и английского монархов дала повод Вильгельму заявить, что если «они» захотят «нас» окружить, то Германия будет обороняться до конца»¹⁷⁸⁰.

Для Англии сближение с Россией носило исключительно вынужденно-временный характер. Темпы экономического развития России представляли для мирового могущества Англии еще большую угрозу, чем милитаризм Германии. Постоянный подсекретарь британского МИДа А. Николсон заявлял в 1913 г.: «Для меня это такой кошмар, что я должен почти любой ценой поддерживать дружбу с Россией». В эти годы стала возрастать роль нефти. И англичане в 1913 г. выиграли концессии на разработку месторождений в Ираке и Иране. После чего Британия стала требовать пересмотра соглашения с Россией о разделе сфер влияния в Персии, подняла вопрос о выводе из Ирана русских отрядов, пошла на сотрудничество с немцами, войдя в пай для строительства Багдадской дороги...¹⁷⁸¹ С началом мировой войны Ллойд-Джордж будет предупреждать, что в случае излишнего ослабления Германии в Европе исчезнет противовес растущему русскому преобладанию. Ему будет вторить министр Холдейн: «Мы не должны

сокрушать немцев в конце этой войны». В противном случае, полагал Китченер, даже «святые земли Палестины окажутся под русским протекторатом»*.

* Сам Китченер при этом строил планы установления контроля даже над Меккой, центром исламского мира.

422

ГЕРМАНИЯ

«Отношения Германии с Россией по своим официальным проявлениям носили характер традиционной дружбы. И несмотря на роль Германии в боснийском кризисе, император Николай, как он сам мне говорил, не питал к ней недоверия».

Дж. Бьюкенен¹⁷⁸².

Для Германии «единственным прочным залогом русских дружеских отношений служит личность царствующего императора».

О. фон Бисмарк¹⁷⁸³.

Священная Римская империя германских наций распалась под натиском войск Наполеона в 1806 г. Наполеон создал вассальный Рейнский союз, в который входили шестнадцать немецких государств. Саксония, Бавария, Баден и Вюртемберг получили полный государственный суверенитет. Французские войска вошли в Берлин. Пруссия потеряла почти половину своей территории и оказалась в полной зависимости от Наполеона. Своего унижения немцы не забудут и не простят. С этих пор Франция стала для них «естественным врагом».

— Объединение Германии началось с европейских революций 1848 г., прошедших под лозунгами «свободы наций». Во Франкфурте революционеры создали Национальное собрание, провозгласившее «Закон об основных правах германского народа», предложившее Прусскому королю Вильгельму IV стать императором объединенной Германии. Вскоре «собрание» предъявило претензии уже на все земли, где жили немцы: на Эльзас и Лотарингию, Шлезвиг и Гольштейн, Польшу и российскую Прибалтику... Кайзер отказался от императорской короны и подавил восстание. Наведя порядок дома, Вильгельм IV помог подавить революции германским князьям, взамен на признание гегемонии Пруссии, что вызвало угрозу войны с Австрией... В роли миротворца выступила Россия. По просьбе Франца-Иосифа Николай I подавил революцию в Венгрии и примирил прусского короля с австрийским императором. Бисмарк по этому поводу писал: «В истории европейских государств едва ли известен другой пример, когда неограниченный монарх великой державы оказал своему соседу такую услугу, как император Николай — Австрийской монархии»¹⁷⁸⁴. Итог подводил в 1849 г. муж британской королевы Виктории: «Император Николай — господин Европы, Австрия — его орудие, Пруссия — одурачена, Франция — ничтожество, Англия — меньше нуля»¹⁷⁸⁵.

423

Участие России в подавлении восстания вызвало среди немецких революционеров настоящую истерию, в марте 1848 г. в Берлине они распространяли листовки, гласившие: «Русские уже здесь! Смерть русским!... Помните ли вы со времен освободительных войн* наших друзей? Спросите своих отцов,... бабушек и дедушек, как великолепно эти наши друзья умели воровать и грабить, мародерствовать и угонять... Всюду, где они побывали, они оставляли за собой разрушение, вонь и насекомых. И эти казаки, башкиры, калмыки, татары и т.д. десятками тысяч горят скотским желанием разграбить нашу Германию и нашу едва рожденную культуру, наше благосостояние, уничтожить, опустошить наши поля и кладовые, убить наших братьев, обесчестить наших матерей и сестер и с помощью тайной полиции и кнута уничтожить любой след свободы, человечности и честности. Сокровища Германии приманивают русские орды, подстрекаемые религиозным фанатизмом»...

— Объединение Германии получило свое продолжение в 1862 г., с назначением на пост премьер-министра Пруссии Отто фон Бисмарка. Пруссия сделала первый шаг к интеграции, создав Цоллерферейн — Таможенный союз, объединивший в единое экономическое пространство на первых порах 8 немецких государств, за которыми потянулись и остальные. Но когда Австрия захотела также вступить в Союз, Пруссия заблокировала ее принятие. Бисмарк закладывал национальный фундамент в единство нового германского государства и его интересовали не все территории, а только «истинно немецкие». И он последовательно шел к этой цели. Собирая Германскую империю, Бисмарк играл на имперских амбициях соседей и последовательно разгромил их всех.

Сначала, заключив союз с Австрией, он отвоевал в 1864 г. у Дании «истинно немецкие земли» Шлезвиг и Гольштейн. Международная конференция в Лондоне, созванная по этому вопросу, закончилась безрезультатно, тем самым фактически утвердив «право войны»... Затем, подготавливая войну с Австрией, Бисмарк заключил договор с Италией, *пообещав* ей Венецию, а «Наполеону III "железный канцлер", — по словам В. Шамбарова, — запудрил мозги проектами еще и похлеще "наполеоновских". Пруссия и Италия открыто вооружались, но стоило начать мобилизацию и Австрии, они завопили о "подготовке агрессии". Предъявили ультиматум об отказе от мобилизации со сроком в несколько часов и после отказа нанесли удар... Австрию разбили "блицкригом", за две недели»¹⁷⁸⁶. Но Бисмарк, желая сохранить австрийцев, как союзников, не стал унижать их чувства поражением и даже отказался брать их столицу, присоединив к Германии только немецкие территории. Эта политика полностью оправдала себя всего пять лет спустя во время франко-прусской войны, где Австрия выступила на стороне Пруссии.

Легкая победа Пруссии над Австрией в 1866 г. была одержана далеко не в последнюю очередь благодаря формальному, но по сути дружеско-

* Наполеоновских войн, когда русская армия участвовала в освобождении Европы, в том числе и Пруссии.

424

му нейтралитету России. Но еще большую, пожалуй, ключевую роль формально-дружеский нейтралитет России сыграл во франко-прусской (1870-1871) войне, приведшей к созданию объединенной Германии. В июне 1870 г. Александр II еще раз подтвердил Бисмарку обещание, что в случае вмешательства Австрии Россия выдвинет к ее границе трехсоттысячную армию и, если понадобится, даже «займет Галицию»¹⁷⁸⁷. Сам Бисмарк уже в 1862 г. писал: «Для будущего Пруссии позиция России была вопросом первостепенного значения»¹⁷⁸⁸.

В январе 1871 г., когда Вильгельм I был провозглашен германским императором, он телеграфировал Александру II: «Пруссия никогда не забудет, что именно благодаря Вам война не приобрела большого масштаба». Позже германский кайзер снова писал русскому царю: «После Бога Германия всем обязана Вашему Величеству»¹⁷⁸⁹. Но... сразу после победы начальник Генштаба Мольтке начал разрабатывать первый план войны против России...¹⁷⁹⁰ Россия в свою очередь, опираясь на поддержку Бисмарка, денонсировала Парижский трактат 1856 года*. Лорд Гренвиль назвал это событие «бомбой, брошенной в тот момент, когда Англия ее менее всего ожидала»¹⁷⁹¹.

— В 1872 г. был образован «Союз трех императоров» — России, Германии и Австрии», фиксировавший новую расстановку сил в Европе. «Добрососедские отношения между Россией и Германией поддерживались... в значительной степени благодаря ежегодным посещениям императором Александром II... германских курортов, на которые к нему приезжал император Вильгельм I». Они жили в одном доме и проводили две недели в постоянном общении друг с другом. Благодаря свиданиям императоров устранялись дипломатические трения...»¹⁷⁹² Но

уже в 1875 г. Россия поддержала Францию, когда Германия стала угрожать ей новой войной.

— В 1878 г. на Берлинской конференции, подводившей итоги русско-турецкой войны, Бисмарк, на чье содействие рассчитывала Россия, выступил только посредником, как он сам говорил — «честным маклером»¹⁷⁹³, что, вспоминал Витте, «оскорбило национальное чувство России»¹⁷⁹⁴. Горчаков после конгресса сообщал Александру II: «Было бы иллюзией в будущем рассчитывать на союз трех императоров». Вильгельм II в своих мемуарах утверждал, что Берлинский конгресс породил в «русской армии неугасимую ненависть к нам».

Ненависть была вызвана уверениями Горчакова, что Бисмарк частным образом обещал предоставить в распоряжение России, в случае разногласий с Австрией по Восточному вопросу, германскую 200-тысячную армию. Горчаков приводил слова Бисмарка: «Пруссия долж-

* Правда, воспользоваться своей победой Россия сможет только с 1883 г., когда будут заложены первые боеспособные корабли на Черном море.

** Совокупность соглашений, первоначально предусматривавшая военную помощь в случае нападения 4-й державы, с 1881 — благожелательный нейтралитет.

*** Вильгельм I был братом матери Александра II — Александры Федоровны.

425

ница России за ее поддержку в 1866 и 1870 годах. Расплатиться с этим долгом для нее дело чести»¹⁷⁹⁵. Сам Бисмарк вспоминал, что Горчаков неоднократно обращался к нему перед войной с настойчивой просьбой поддержать Россию, и канцлер ломал голову, как «добровольно дать русской политике доказательство нашей дружбы без ущерба для собственных интересов»¹⁷⁹⁶. Горчаков, по словам Бисмарка, вынудил его «отказаться дать обещание нейтралитета в случае русско-австрийской войны»¹⁷⁹⁷. Ситуация, в которой оказался Бисмарк, действительно была двойственной. С одной стороны, он пытался сохранить дружеские отношения с Россией, с другой европейская война была абсолютно не в интересах Германии. Именно поэтому никаких официальных документов подписано не было, а Бисмарк накануне войны в 1876 г. безуспешно пытался уговорить Россию не обострять Балканский конфликт. Канцлер являлся сторонником раздела сфер влияния на Балканах России в Болгарии и Австро-Венгрии в Сербии, не без основания считая, что это может обеспечить мир в Европе.

Горчаков, то ли оставшись неудовлетворенным реакцией на его предложения немецкого канцлера, то ли желая переиграть Австрию и Германию одновременно, спустя некоторое время втайне от Германии заключает с Австрией рейхштадтский союзный договор¹⁷⁹⁸.

В русско-турецком конфликте 1877 г. Россия зашла слишком далеко, поставив его на грань европейской войны. Выступление Германии, в данном случае на стороне России против Австрии и Англии за русские интересы на Балканах, за продвижение «панславизма», выглядело бредом. По-видимому, это понимал и Горчаков, об этом свидетельствует тот факт, что Россия в мае 1878 г. сдалась Англии, а не обратилась за помощью к Бисмарку, на чье содействие, по логике, должна была бы рассчитывать. На Берлинском конгрессе Бисмарк выступил с проавстрийской позицией, одной из причин тому был обнародованный русско-австрийский рейхштадтский союз. Он породил в канцлере кошмары Семилетней войны 1756-1763 г., когда Россия и Австрия вместе выступили против Германии. Настойчивость претензий Горчакова в этой ситуации М. Покровский назвал «упорством русского самообмана»¹⁷⁹⁹. Но далеко не все было так безобидно. Бисмарк отчасти верно находил причины популяризации ненависти к Германии царским правительством: «Чтобы не отвечать перед собственным народом за эту ошибку, постарались — и не без успеха — взвалить вину за неблагоприятный исход войны на... "неверность"

германского друга»¹⁸⁰⁰.

В вину Бисмарку российская сторона могла бы поставить его соглашательские настроения по отношению к Англии. Но они были обусловлены интересами германской промышленности, ведущей активную экономическую экспансию. Германии незачем было давать дополнительный повод для конфликта. Бисмарк обосновывал свою политику следующим образом: «Германия является, может быть, единственной великой

426

державой в Европе, которую никакие цели, достижимые только путем победоносных войн, не могут ввести в искушение. Наши интересы заключаются в сохранении мира, в то время как у всех без исключения наших континентальных соседей имеются тайные или официально известные желания, которые могут быть выполнены только путем войны. Сообразно с этим мы должны соразмерять нашу политику. Это означает по возможности препятствовать войне или ограничивать ее... Цель нашей сдержанности не в том, чтобы со свежими силами напасть на кого-либо из наших соседей или возможных противников, после того как другие были бы ослаблены. Напротив, мы должны стараться честным и миролюбивым использованием нашей мощи ослабить недовольство, вызванное нашим превращением в подлинно великую державу, чтобы убедить мир, что германская гегемония в Европе полезнее и беспристрастнее, а также менее вредна для свободы других, чем гегемония французская, русская или английская»¹⁸⁰¹.

Между тем Германия вполне откровенно воспользовалась Берлинским конгрессом для усиления своих позиций в Австрии и Турции, на что Александр II в письме от 3 августа 1879 г. указывал кайзеру¹⁸⁰². Бисмарка в то время, как он сам уверял, преследовал кошмар коалиций, направленных против Германии, и поэтому даже в этом весьма невинном письме он узрел угрозу войны¹⁸⁰³. Масла в огонь добавило последовавшее публичное заигрывание Горчакова с Францией¹⁸⁰⁴. Очевидно, что у Бисмарка страх перед российскими воинственными настроениями, сочетался с твердым расчетом, направленным на «капитализацию политических дивидендов», полученных от Берлинского конгресса. Поэтому Бисмарк в октябре 1879 г. склоняет Австро-Венгрию к подписанию секретного союза, который, как подчеркивал канцлер, «заключен нами для совместной защиты от русского нападения». Причем, по мысли Бисмарка, «этот союз не расторгался как при обыкновенном договоре, а был бы включен в законодательство обеих империй и подлежал бы расторжению не иначе, как путем специального законодательного акта»¹⁸⁰⁵. Мольтке тем временем разрабатывает уже третий план войны против России. Если по первому варианту предусматривались одновременные удары против Франции и России, по второму 1875 г. сначала на Запад, потом на Восток, то теперь главный удар наносился по России. Предполагалось «отрезать Царство Польское еще до сосредоточения русских армий», а потом удерживать до истощения противника и склонить его к миру. По расчетам Мольтке, эта война должна продлиться 7 лет.

В том же 1879 г. Бисмарк ответил на повышение Россией таможенного тарифа* введением своего протекционистского таможенного тарифа: «Петербург на недружественную политику отвечал аналогично. Ввел

* Таможенный тариф, с начала русско-турецкой войны, стал братья золотом, что автоматически увеличивало его на 33%. Золото необходимо было царскому правительству для покрытия военных расходов.

427

повышенный налог на иностранных владельцев недвижимости, что ударило по прусской аристократии, имевшей поместья в России. В ответ Бисмарк стал играть на понижение курса русских ценных бумаг, а потом вообще запретил их продажу на Берлинской и Бременской валютных биржах»¹⁸⁰⁶. Помимо политических и

экономических разногласий, возникли и династические проблемы, поскольку Александр III был женат на датской принцессе — императрице Марии Федоровне, помнившей «все горе, причиненное бывшему своему отечеству».

«При таком положении вещей традиционные дружеские отношения постепенно охладились и в конце концов привели Бисмарка к созданию Тройственного союза, а Россию — к постепенному сближению с Французской Республикой...»¹⁸⁰⁷ Тройственный союз Германии, Австро-Венгрии и Италии был подписан в 1882 г. и направлен против России и Франции. По мысли Бисмарка, Тройственный союз должен был уберечь страны Европы от социальных революций, которые, по его мнению, должны были стать неизбежным следствием всеевропейской войны: «Нашей первой потребностью является сохранение дружбы между великими монархиями, которые больше потеряли бы от революции, чем выиграли от войны между собой»¹⁸⁰⁸. Революционный хаос, по мнению Бисмарка, должен был неминуемо смениться диктатурой в виде цезаризма¹⁸⁰⁹.

— В 1885-1887 в результате болгарского кризиса Австрия, Великобритания и Германия совместными усилиями привели к власти в Болгарии антирусское правительство. Между тем во всех мемуарах Бисмарка сквозит откровенный страх угрозы реваншизма со стороны Австрии и Франции в коалиции с Россией¹⁸¹⁰. Возросшее напряжение на Балканах заставило "железного канцлера" изменить политику и в 1887 г. он предложил заключить тайный «договор перестраховки» между Германией и Россией, по которому стороны обязались не нападать друг на друга и сохранять нейтралитет, кроме случаев нападения России на Австро-Венгрию, а Германии на Францию. С другой стороны, в том же году Бисмарк поддержал средиземноморский союз Италии, Англии и Австро-Венгрии. Двойственная политика Бисмарка вела к сближению Германии с Англией и изоляции России и Франции, тем самым предупреждая создание антигерманской коалиции. «Договор перестраховки» был лишь компромиссом, но он на время разрядил атмосферу, и взаимовыгодные отношения между Россией и Германией стали улучшаться.

Бисмарк верил, что «непосредственная угроза миру между Германией и Россией едва ли возможна иным путем, чем искусственного подстрекательства или в результате честолюбия русских или немецких военных вроде Скобелева, которые желают войны, чтобы отличиться прежде, чем слишком состарятся...»¹⁸¹¹ Старый кайзер на смертном одре завещал своему внуку и наследнику Вильгельму II: «С Россией поддерживай только хорошие отношения, это принесло нам много пользы»...

428

Бисмарк и Вильгельм I следовали принципам Фридриха Великого, который писал в своем завещании за сто лет до этого: «Из всех соседей Пруссии самым опасным является Россия, как по своему могуществу, так и по географическому положению. Правители Пруссии после меня будут иметь достаточно оснований поддерживать дружбу с этими варварами»...

Тем не менее в последний год своей жизни старый кайзер распорядился увеличить сеть железных дорог на востоке, чтобы облегчить переброску войск, и санкционировал публикацию текста германо-австрийского договора 1879 г. После этого существование «Союза трех императоров» фактически потеряло смысл. Бисмарк отмечал в 1888 г., что военные «считали тогда уместной войну против России. Эта мысль завладела начальником генерального штаба так сильно, что генерал Вальдерзее обсуждал ее с австрийским послом графом Сечени. Последний донес об этом в Вену, и вскоре после этого император России спрашивал германского посла: «Зачем вы натравливаете Австрию против меня?»¹⁸¹²

Новый кайзер Фридрих III в первые дни своего правления заявил, что имеет целью начать «крестовый поход против России»¹⁸¹³. Причина русофобии кайзера, по словам русского царя, заключалась в том, «что бедняга Фридрих был просто орудием в руках своей супруги». По мнению Александра II, речь шла об английском влиянии, причем очень сильном¹⁸¹⁴. Стилистика и тон кайзера не оставляют никаких сомнений в авторстве. Агрессивные антирусские настроения супруги Фридриха III носили династические корни — она была дочерью английской королевы Виктории, с которой поддерживала тесные отношения.

По мнению историка М. Фрейнда, проживи Фридрих III дольше, мог бы стать реальностью союз Германии и Великобритании, что, в свою очередь, смогло бы предотвратить развязывание Первой мировой войны¹⁸¹⁵. Это вряд ли. Обострение конкуренции между Германией и Великобританией не оставляло места даже на призрак компромисса. А вот война Германии, в случае если бы она пошла на поводу у королевы Виктории, против России и в перспективе против Франции была бы гарантирована. Но сын Вильгельма I успел проправить всего три месяца.

Русофобские нотки появились в высказываниях Вильгельма II еще до вступления на престол¹⁸¹⁶. Однако первый свой зарубежный визит в качестве кайзера он нанес в Санкт-Петербург. В то же время, по словам Д. Макдоно, «Вильгельм был поглощен мыслями о войне, которая, как он считал, вот-вот начнется: «В любой момент обстоятельства могут измениться и подтолкнуть нас к началу войны. Внутреннего кризиса в России или даже во Франции было бы достаточно»... Вальдерзее — начальник Генерального штаба упорно толкал кайзера на войну с Россией»¹⁸¹⁷. «Бисмарк сумел несколько охладить эмоции нового кайзера в отношении России; ни он, ни его министры не допускали публичных нападок на восточного соседа»¹⁸¹⁸.

Вильгельм II в свою очередь в 1888 г. пугал Бисмарка тем, что Россия, «хотя Германия не нанесла ей ни малейшего ущерба», склоняется

429

«воспользоваться удобным моментом, чтобы в союзе с республикой напасть на нас. Это угрожающее положение возникло и существует... вследствие общей заинтересованности панславистов и республиканской Франции в уничтожении Германии... Для нас лучше раньше начать войну, в которой мы рассчитываем на помощь союзников»¹⁸¹⁹. В августе 1888 г. во время конвертации внешнего русского долга Вильгельм II дал указание, чтобы германская печать выступила против русского займа. Бисмарк протестовал против такого решения, утверждая что кайзер сам толкает русских в объятия Франции, но безрезультатно¹⁸²⁰. Немецкие финансовые рынки были закрыты для России.

Антирусские настроения Вильгельма подстегивались с двух сторон. С одной, начавшимся сближением Франции и России. С другой — надеждой создать, на русофобской платформе, основу для сближения с Англией. Вильгельм стремился к союзу с Великобританией, тем более что первым о необходимости и возможности такого союза высказался принц Альберт (супруг королевы Виктории)*. Вильгельм явно испытывал эйфорию, поддержав идею Альберта, «что английский флот вместе с германской армией станут гарантами сохранения международного мира». Старый Мольтке выразил скептическое отношение к нарисованной кайзером перспективе и ценности слов в политике¹⁸²¹. Действительно, все попытки немецкой стороны создать союз окончились безуспешно¹⁸²². Для чего нужна была Германия королеве Виктории, особых сомнений не вызывает**.

Тем не менее в августе 1889 года кайзер заверил Франца Иосифа в своей безусловной поддержке на случай войны с Россией¹⁸²³.

— В 1890 г. истекал «договор перестраховки» и Россия предложила продлить

его на 6 лет. Инициативу поддержал Бисмарк. Но новый кайзер являвшийся сторонником сближения с Англией и Австро-Венгрией обвинил Бисмарка в «слишком русофильской политике»¹⁸²⁴ и отправил его в отставку***. Канцлером был назначен Каприви, выступивший катего-

* Принц Альберт считал, «что между двумя мировыми полицейскими — Великобританией и Германией — должно существовать разделение труда: первая поставляет флот, вторая — сухопутные войска». (Макдоно Д... С. 352.) Вильгельм сам позже «объяснил, почему он отказался от старой своей мечты — объединить сухопутную мощь Германии и морскую мощь Великобритании, причем в тот самый момент, когда англо-германский союз казался уже реальностью: «В условиях практического отсутствия у нас флота нам пришлось бы довольствоваться теми объедками, которые англичане свысока бросали бы нам. Таковы законы мировой политики и мировой экономики.

** В то же время на континенте мы приняли бы на себя весь риск, связанный с предназначенной для нас ролью британского меча».

*** Кайзер говорил с намеком на Бисмарка: «Я не потерплю никого, кто захотел бы встать вровень со мной. Кто против меня, будет раздавлен». (Макдоно Д... С. 274.)

430

рически против договора «перестраховки». И в том же 1890 г. произошло первое совещание русского и французского генеральных штабов. В 1891 г. Франция предоставила России кредит в обмен на подписание франко-русского оборонительного договора. Для Франции — против Германии, для России — против Англии.

Франция начала активно кредитовать Россию с 1888 г. после заключения российско-германского договора перестраховки 1887 г., когда французы увидели в России своего единственного союзника против германской агрессии. Будущий министр иностранных дел России В. Ламздорф не ждал ничего хорошего от этого укрепления русско-французских отношений, он записал в дневнике: «Мы испортили наши отношения с соседней Германией и на более или менее длительное время устранили всякую возможность общих с ней действий в условиях доверия; все это ради того, чтобы понравиться французам, которые стараются скомпрометировать нас до конца, приковать только к союзу с собой и держать в зависимости от своей воли»¹⁸²⁵.

Ламздорф пояснял свою мысль: «Наше сближение с Францией и проистекающее отсюда пресловутое равновесие сил в Европе... на долгое время упрочивает разделение великих держав на два вооруженных до зубов лагеря, которые постоянно подстегивают друг друга и готовятся напасть друг на друга в ущерб безопасности и благосостоянию народов. Бог знает, не было ли для нас лучше понемногу изменить свою тактику? Какое имеет для нас, в сущности, значение, что немецкие социалисты и французские динамитчики ссорятся между собой, дерутся и стараются друг друга истребить? За это время Россия могла бы обеспечить себе лучшие условия для быстрого урегулирования своих жизненно-важных интересов на Балканах и в других местах своих интересов, от которых зависит ее будущее и мирное развитие ее могущества. Бояться полного разгрома Франции при той материальной мощи, которой она обладает, неосновательно, поскольку какой бы мощной и вооруженной ни была Германия, в войне она приобретет не «провинцию Францию», а беспощадного врага, который надолго ее свяжет... Вместо того чтобы систематически ссориться с немцами и донкихотствовать в пользу французов, мы должны были бы договориться с ними о нашем нейтралитете, необходимом для них обоим; мы могли бы его обещать при условии предоставления нам известной свободы действий на Востоке. После этого нам оставалось бы только заниматься нашими собственными делами, предоставив другим устраивать свои дела между собой. Им понадобится на это не менее столетия».

Чем дальше заходило сближение России с Францией, тем больше обострялись отношения с Германией. Б. Бюлов отмечал, что «всегда твердо держался

убеждения, что Франция обратится против нас, как только мы не поладим с Россией». Бисмарк оценивал ситуацию настороженно, но более взвешенно: «Совсем необязательно, чтобы француз-

431

ское нападение на нас с той же неизбежностью повлекло выступление против нас России, с какой русское нападение повлечет выступление Франции; однако склонность России оставаться спокойной зависит не от одних только настроений, а еще больше от технических вопросов вооружения... Когда Россия сочтет, что... она уже готова, тон, в котором разыгрываются ныне вариации русской политики, быть может, уступит место более вольному»¹⁸²⁶. О. Бисмарк предупреждал: «С Россией... нам не предстоит опасность военных осложнений, которая глубоко огорчила бы меня, не только с политической, но и с личной точки зрения. Эта опасность усиливалась бы лишь в том случае, если бы Франция была готова на совместное выступление с Россией»¹⁸²⁷.

— Твердый в настоящем Бисмарк колебался, когда начинал думать о будущем: «Такой бывалый человек, как я, не даст сбить себя с пути ложной тревогой. Но будет ли так обстоять дело с канцлерами, которые придут мне на смену и которым я не могу завещать своего хладнокровия и опыта»¹⁸²⁸. Время Бисмарка, незаметно для него, действительно подходило к концу. Период внутреннего созревания германской промышленности заканчивался, и Германия выходила на порог внешней экономической экспансии. Но мир был уже поделен, и экономическая экспансия неизбежно упиралась в войну за передел рынков. Новый канцлер Каприви считал, что «перед Германией стоит дилемма — либо экспортировать товары, либо избавляться от лишних подданных»¹⁸²⁹. Границы таможенного союза, созданного Бисмарком, были уже тесны для стремительно растущей Германии. И Каприви отказался от проводимой Бисмарком политики протекционизма в пользу создания наднационального общеевропейского рынка на базе таможенного союза всей Центральной Европы. У кайзера в то время возникли планы создания «Соединенных Штатов Европы»: «Это представляется мне попыткой добиться вечного мира, но это возможно, наверное, только в раю». С этим же временем совпал расцвет идеи «либеральной империи». Вильгельм тогда выразил сомнение в необходимости двухлетнего срока воинской службы и наложил вето на планы увеличения армии¹⁸³⁰.

Заключенные Каприви торговые договоры соответствовали новой стратегии Германии. За бортом союза оставалась Россия, что немедленно привело к «торговой войне» 1892-1894 гг. Витте вспоминал: «Александр III в 1892 г. ввел систематический и серьезный покровительственный тариф. (Каприви) провел также через рейхстаг покровительственный тариф, но не только покровительственный, но и боевой, т.е. одновременно общий тариф для стран, с которыми Германия имеет торговые договоры, и просто воспретительный для стран, с которыми не имеется торговых договоров. Россия не имела торгового договора с Германией, и по традиционной дружбе они всегда трактовали друг друга по принципу наибольшего благоприятствования... (На этот раз) вывоз России был обложен значительно более высокими пошлинами,

432

чем однородные продукты других стран и нашего главного конкурента по вывозу сырых продуктов — Америки, хотя Америка также не имела торгового договора с Германией. Подобный образ действия побудил меня (Витте) не на уступчивость, а на торговую войну»¹⁸³¹.

Торговая война стала быстро перерастать в гонку вооружений. «3 января 1893 г., вероятно, можно назвать днем прощания кайзера с идеей либеральной империи. Выступая перед своим генералитетом, он заявил: «Я добьюсь утверждения (военного) бюджета — любой ценой. Что понимает в военных делах

это сборище шпаков? Я не потерплю, чтобы они сократили армию — хотя бы на одного солдата, хотя бы на одну марку, и, если посмеют послушаться, я разгоню к дьяволу этот рейхстаг полупомешанных!» К середине года бюджет незначительным большинством был принят рейхстагом¹⁸³². Однако уже 5 февраля 1894 г. кайзер говорил: «Я не желаю быть втянутым в войну с Россией из-за сотни глупых юнкеров». Под давлением кайзера значительное большинство рейхстага проголосовало за торговый договор с Россией¹⁸³³. Германия была вынуждена пойти на уступки, но в том же 1894 г. она продляет и углубляет свой союз с Австро-Венгрией. В отличие от варианта 1879 г. (и от русско-французского союза) он был теперь не только оборонительным, но и наступательным...¹⁸³⁴

Основные противоречия между Россией и Германией касались экспорта русского хлеба. А. Игнатъев, характеризуя сложившуюся обстановку, писал: «Российская империя Николая I и Александра II систематически онемечивалась, и немцы имели основания смотреть на нашу страну как на собственный «хинтерланд», выжимая из нас все с большей и большей наглостью необходимые для себя материальные ресурсы. Навязанный России и вечно возобновлявшийся хлебный договор, кормивший немцев дешевым русским хлебом, как нельзя лучше характеризовал надетое на царскую Россию германское ярмо»¹⁸³⁵. Хлебный вопрос порой доходил до абсурда, немцы покупали по низкой цене зерно у России, а потом втридорога продавали ей же. Одновременно хлебный импорт бил по интересам немецких юнкеров, и они активно выступали против заключения торгового договора с Россией.

С другой стороны, экономическая экспансия Германии уперлась в британскую колониальную систему. Уже в 1896 г. Вильгельм пытался выяснить возможность подписания соглашения Германии с Россией и Францией о совместной защите колоний от враждебных акций Великобритании. Кайзер тяжело переживал слабость своего флота: «Вновь и вновь со всей очевидностью обнаруживается, насколько глупо было десять лет назад начинать нашу колониальную политику, не позаботившись о строительстве военно-морского флота. Наши купцы сцепились в схватке не на жизнь, а на смерть с англичанами, и наша пресса хвастается нашими успехами в этом деле, но весь наш огромный коммерческий

433

флот, бороздящий моря и океаны под нашим флагом, — он ведь совершенно бессилен перед лицом их ста тридцати крейсеров, которым мы можем гордо противопоставить четыре — всего четыре — наших!»¹⁸³⁶ В 1898 г. Вильгельм предложил Николаю II союз против Англии, ведущей, по его словам, антироссийскую политику и нацелившуюся на черноморские проливы. При этом он задавал адресату откровенный вопрос: «А теперь я прошу тебя, как старого и верного друга, — скажи мне откровенно, что ты мне можешь предложить взамен и как ты поступишь, если твое предложение меня не устроит?» Одновременно кайзер, играя на принципах легитимизма, убеждал русского царя разорвать с республиканской Францией, отрубившей головы своим королю и королеве¹⁸³⁷. Вильгельм писал Николаю: «Бог свидетель, я делаю все, что в моих силах, для сохранения мира в Европе, но если Франция и дальше будет вести себя так же — открытым или тайным образом нарушать все правила международной вежливости и мирного поведения, то в один прекрасный день ты, мой драгоценный Никки, волей-неволей окажешься вовлеченным в самую страшную войну, которую когда-либо знала Европа». Более того, история может рассудить, что именно политика Никки стала первопричиной этой катастрофы!»¹⁸³⁸

— В англо-бурской войне 1899-1902 гг. Вильгельм, рассчитывая на достижение взаимопонимания с Великобританией, решительно поддержал

англичан и даже послал ряд телеграмм солидарности членам королевского дома. Однако когда кайзер попытался капитализировать свою лояльность к островному соседу*, он пришел к выводу, что англичане намерены предложить ему союз на тех же условиях, которые во время Семилетней войны принял Фридрих II, потом горько об этом пожалевший". Заискивающая позиция Вильгельма в отношении Англии сменилась на прямо противоположную: «Ваша политика изоляции больше не имеет смысла. Вы привыкли разжигать распри среди континентальных наций. Но с этим покончено... Нации нашего континента сами позаботятся о сохранении мира, а вам, вам не удастся этому помешать. Вам придется примкнуть к той или другой стороне»¹⁸³⁹.

— С 1895 г. Вильгельм начал обрабатывать Николая II в новом направлении. Он предложил кузену «взять на себя роль защитника Европы от «желтой опасности» — азиатских орд, которые, по мнению кайзера, несли с собой угрозу миру и безопасности... Он писал: «Я, конечно же, сделаю все, что в моих силах, чтобы в Европе было тихо; я буду охранять Россию с тыла, дабы никто не помешал Вашим действиям

* Вильгельм заявлял: «Мы должны создать англо-германский союз, причем вы будете присматривать за морями, а мы — за сушей. При наличии такого союза ни одна мышь в Европе не сможет пискнуть без нашего соизволения». (Речь Вильгельма в Мальборо-Хауз 4 февраля 1901 г. (Макдоно Д... С. 382.))

** Британские условия содержали требования ограничения германского флота и разрыва отношений со всеми континентальными союзниками Германии.

434

на Дальнем Востоке». При этом он обещал подыскать там и для Николая «какую-нибудь приличную гавань». Вильгельм бомбардировал Николая письмами о своей озабоченности ситуацией в Азии и призывал «защитить христианский крест и европейскую культуру от вторжения монголов и буддизма»¹⁸⁴⁰. В 1902 г. он направил русскому царю символический привет от «адмирала Атлантического океана — адмиралу Тихого океана». В следующем году германский император предупредил российского, что японцы явно вооружают китайцев и «возбуждают надежды китайцев (на реванш), всячески раздувают в них чувство ненависти к белой расе — это серьезная угроза для твоего тыла»¹⁸⁴¹. В январе 1904 г. Вилли писал Никки, намекая на Англию: «Дай Бог, чтобы все обошлось наилучшим образом, вопреки стараниям злобной прессы в некоей стране, которая, кажется, не знает, куда девать деньги, и решила теперь оплатить японскую мобилизацию...»¹⁸⁴²

Очевидно, активность Вильгельма не прошла бесследно. Как вспоминал Великий князь Александр Михайлович: «В дипломатическом мире не было секретом, что государь император дал свое согласие на ряд авантур на Дальнем Востоке, потому что слушался вероломных советов Вильгельма II. Ни у кого также не вызвало сомнений, что если Россия будет продолжать настаивать на своих притязаниях на Маньчжурию, то война между Россией и Японией неизбежна»¹⁸⁴³. После начала русско-японской войны кайзер снова поднял тему «желтой опасности», которая несет «величайшую угрозу христианству и европейской цивилизации», «если русские будут продолжать отступление, желтая раса через двадцать лет овладеет Москвой и Позеном»¹⁸⁴⁴.

— Поощряя активность России на Дальнем Востоке, Вильгельм II особо не скрывал своих конечных целей: «Мы должны привязать Россию к Восточной Азии так, чтобы она обращала меньше внимания на Европу и Ближний Восток». В итоге, по мнению кайзера, «вся Европа должна будет объединиться, и объединиться в Соединенные Штаты Европы под предводительством Германии для защиты своих священных достояний».

На другую причину «пророссийских» настроений немецкого кайзера указывал в своих воспоминаниях С. Витте: «В 1904 г. истекал срок торгового

договора между Россией и Германией. В преддверии этого рейхстаг принимает новый таможенный тариф, значительно повышающий таможенные пошлины, в особенности на сырье, по сравнению с и без того весьма высоким тарифом 1894 г. Предлагая этот тариф России, Вильгельм прозрачно намекал на обеспечение сохранности западных границ России во время войны России с Японией»¹⁸⁴⁵. «Новый тариф был крайне невыгоден для России, но Вильгельм правильно рассчитал удар, кроме того, России, обескровленной войной, нужны были новые займы, которые она рассчитывала найти в том числе в Германии»¹⁸⁴⁶. Новый торговый договор носил характер откровенной экономической агрессии и стал очередным этапом эскалации «торговой войны» между странами.

435

— Главной причиной того, что Россия согласилась на немецкий тариф, стало резкое обострение ее отношений с Англией во время русско-японской войны. Это была по сути война Англии против России, которая велась на этот раз японскими руками, нанятыми на британские деньги. Николай II, ожидая продолжения развития этой войны в Европе, попытался найти себе союзника в лице Германии. 16 октября 1904 г., несмотря на сопротивление В. Ламздорфа, Николай II телеграфировал Вильгельму: «Германия, Россия и Франция должны объединиться против «наглости Англии». Не набросает ли ты проект такого договора? Как только мы его примем, Франция должна присоединиться к своей союзнице. Эта комбинация часто приходила мне в голову». Ответ Вильгельма гласил: «Дорогой Ники! Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным... Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе»¹⁸⁴⁷.

Русско-германский оборонительный союз был подписан в Бьёрке 10 июля 1905 г.¹⁸⁴⁸ Вильгельм уговаривал Николая: «Союз... принесет России большую пользу. Он успокоит умы, создаст общую уверенность в прочности мира и побудит финансовые круги в зарубежных странах вкладывать свои капиталы в новые предприятия на территории России — страны, чьи природные богатства еще, по существу, не тронуты»¹⁸⁴⁹. По мнению Вильгельма, договор в Бьёрке должен был стать базой для создания европейского «общего рынка». «Лишь для одной державы путь в это сообщество должен быть закрыт... этому островитянину-интригану, который только и мечтает всех залапать»¹⁸⁵⁰. Кайзер убеждал царя: «Единственный способ помешать тому, чтобы весь мир стал частной собственностью Джона Буля — это "континентальная комбинация" с Америкой на фланге»¹⁸⁵¹. Для того, чтобы умаслить Францию, Вильгельм даже был готов обсуждать вопрос о возвращении ей Эльзаса-Лотарингии¹⁸⁵².

Против Бьёркского договора резко выступил Витте: «Император Вильгельм много способствовал втащить нас в несчастную японскую войну, а когда мы искалеченные выбрались из этого несчастья в Портсмуте, он хотел совсем нам навязать петлю на шею»¹⁸⁵³. Реакция Витте на договор имела под собой очевидно французские корни — Франция выступила против союза трех государств. Свою позицию она подкрепила выделением новых кредитов для России. Определенную роль, видимо, сыграл и германо-российский торговый договор 1904 г., который давал представление о роли, которую Вильгельм отводил России в будущем «общем рынке». Николай II под давлением Витте и Ламздорфа дезавуировал Бьёркский договор*.

* Договор дезавуировали обе стороны. Канцлер Бюлов, все еще надевавшийся на союз с англичанами против русских, поставил перед Вильгельмом выбор — свою отставку или отказ от Бьёркского соглашения. Кайзер выбрал

436

— О значении французских кредитов говорит тот факт, что они спасли финансовую систему России после русско-японской войны от банкротства. Витте

вспоминал: «Кредитный рейтинг России упал так низко, что никто не хотел давать ей кредитов... Франция была готова даже заплатить контрибуцию, которую могла потребовать Япония с России в обмен на мир»¹⁸⁵⁴. Франция совершенно сознательно кредитовала Россию и смотрела сквозь пальцы на различные финансовые махинации, сопровождавшие получение Россией частных французских займов. Кредитами Франция «покупала себе союзника» в войне с Германией, которую считала неизбежной. Во французском меморандуме говорилось: «Считать мирное развитие мощи России главным залогом нашей национальной независимости».

Для России кредиты 1905 г. привели к превышению той дозы, о которой писал В. Ламздорф: дружба России с Францией «подобна мышьяку: в умеренной дозе она полезна, а при малейшем преувеличении становится ядом»... Витте, во Всеподданнейшем докладе о росписи, еще в 1901 г. говорил, что для России, при крупном ее долге, помещенном за границу, увеличение задолженности для покрытия чрезвычайных издержек было бы опасно...¹⁸⁵⁵ Вильгельм, рассуждая о причинах разрыва Бьеркского договора, приходил к выводу, что Николай II «по отношению к галлам — из-за займов — слишком бесхребетен»¹⁸⁵⁶. Таким образом ***Россия в результате русско-японской войны не только оказалась в глубоком экономическом и политическом кризисе, но и увязла одной ногой в кабальном торговом договоре с Германией, а другой в не менее кабальных французских кредитах.***

— Русско-японская война оказала решающее влияние и на изменение политической ситуации в самой России. По итогам войны Вильгельм писал: «В одном, кажется, все в Европе согласны, налицо «консенсус»: царь несет единоличную ответственность за развязывание войны, за то, что она началась так неожиданно, за полную к ней неподготовленность. Тысячи семей, потерявших своих родственников-мужчин, возлагают вину за это на царский трон»¹⁸⁵⁷. Аналогичного мнения придерживались даже ближайшие родственники царя. Так, великий князь Александр Михайлович заявлял: «Русский флот был уничтожен япон-

второе. Бюлов не верил, что Россия, ослабленная русско-японской войной, сможет стать надежным союзником Германии против Англии. Бирилев тогда писал: «Самое ценное в настоящее время в нашей политической жизни, это возможность заключать союзы с другими государствами. Россия теперь не может быть надежной союзницей не только по причине своих внутренних беспорядков и финансового расстройства, но и по причине необладания боевым флотом. Выгодный союз с другим государством можно заключить только имея в своем распоряжении армию и флот». (РГВИА. Д. 80. Л. 78. (Шацилло К.Ф... С. 348.))

437

цами в Цусимском проливе, адмирал Рожественский взят в плен. Будь я на месте Ники, то немедленно отрекся бы от престола. В цусимском поражении он не мог винить никого, кроме самого себя»¹⁸⁵⁸. Мнение российской общественности было практически единодушным: война с Японией показала, «что контроль и участие в законодательстве народных представителей — дело назревшей необходимости»¹⁸⁵⁹. В принципе, к этому отчасти сводились и советы Вильгельма, которыми он стал осыпать своего кузена после начала Первой русской революции¹⁸⁶⁰. При этом у кайзера все чаще стали проскальзывать замечания о том, что Россия — это не Европа¹⁸⁶¹.

— В том же 1905 г. произошел колониальный конфликт между Германией и Францией в Марокко. Вильгельм чувствовал себя уверенно, поскольку, по его мнению, ослабленная русско-японской войной и революцией Россия не могла прийти на помощь своему союзнику. Однако Франция не зря вкладывала деньги в Россию, и она была спасена от новой войны только благодаря тому, что Англия и Россия неожиданно для немцев выступили на ее стороне. В 1905 г. германским генштабом была разработана окончательная редакция «плана Шлиффена», он

основывался на разнице сроков мобилизации Франции и России и предусматривал их поочередный разгром за 2-3 месяца.

— Другим результатом русско-японской войны стало продвижение пангерманских интересов на Балканах. Именно благодаря влиянию Германии и Австро-Венгрии не был ратифицирован сербско-болгарский союзнический договор 1905 г. При этом ставка пангерманского союза была сделана на Болгарию. «Германский император сделался более чем вежливым с князем, а германское правительство выставляло себя наиболее бескорыстным другом Болгарии. В Софии был учрежден германский банк, армия была снабжена горными орудиями и артиллерийскими припасами, и германский капитал был приглашен помочь экономическому развитию страны. Князь Фердинанд, со своей стороны, надеялся привлечь на свою сторону услуги германской дипломатии и использовать влияние друга султана для поддержки болгарских требований в Македонии. Его стремление к связи с Германией было усилено еще тем, что Россия в этот момент была бессильна помочь ему»¹⁸⁶².

— Пангерманские тенденции получили развитие в конце 1908 года, когда Австро-Венгрия объявила об аннексии Боснии и Герцеговины*. Негласным посредником выступил Вильгельм, который в январе 1909 г. возобновил свою переписку с Николаем. Он заверял русского царя в пол-

* Ссылаясь на то, что в 1876 г. и в 1881 г. Россия уже давала на это согласие. В 1878 г. по Берлинскому договору Босния и Герцеговина были переданы во временное управление Австрии.

438
ном неведении относительно австрийских планов аннексии Боснии и Герцеговины. Кайзер снова возвращался к теме германо-русского союза: «Я более чем когда-либо твердо уверен, что Германия и Россия должны объединиться как можно теснее; их союз стал бы прочнейшим оплотом дела защиты мира и монархических институтов». Он попытался успокоить Николая насчет намерений своего союзника: «Мы здесь не питаем ни малейшего сомнения, что Австрия не собирается нападать на Сербию». Впрочем, он тут же добавил, что малые государства — это источник «всяческих бед» и не стоит из-за них ломать голову»¹⁸⁶³.

Россия дала согласие на аннексию с условием, что окончательное утверждение может быть достигнуто на международной конференции с учетом территориальных компенсаций для других государств*. В ответ Австро-Венгрия объявила о частичной мобилизации. Германия при этом впервые официально поддержала претензии двуединой монархии. По сути, это звучало как ультиматум. Россия запросила мнение партнеров по «сердечному согласию». Франция, а затем и Англия заявили, что не поддержат Россию, если та объявит войну Австро-Венгрии из-за Боснии и Герцеговины". Николай II под давлением Столыпина объявил о нейтралитете России. Между тем вызывающий демарш Германии, пожалуй, впервые привел многих политиков и военных в России к убеждению о неизбежности войны.

Именно тогда произошло переломное заседание правительства, на котором военный министр Редигер на вопрос о готовности русских войск к войне, в том числе к оборонительной, «категорически заявил, что они совершенно небоеспособны! Испуг собравшихся не стоит и описывать. Из объяснений Редигера оказалось, что японская война истощила всю материальную часть, которую не смогли пополнить, а проведенное без

* Извольский намеревался в обмен на согласие России потребовать у Австро-Венгрии поддержки России в пересмотре конвенции о черноморских проливах 1871 г. Столыпин и Коковцов подвергли Извольского резкой критике: «Россия хотя и не может воспротивиться присоединению, но должна явиться на конференцию защитницей интересов своих, Турции и балканских государств, а отнюдь не пособницей или укрывательницей Австрии». Министры рекомендовали ответить на ноту Австро-Венгрии протестом против аннексии и требованием

предварительного пересмотра Берлинского трактата (а не требованием компенсаций). (История внешней политики России (конец XIX — начало XX века), М., Международные отношения, 1997. С. 236-237 (Федоров Б.Г... С. 566-567)).

** Вильгельм в то время демонстрировал свою лояльность Альбиону, напоминая ему о англо-бурской войне: «Когда война достигла своего апогея, правительства Франции и России предложили германскому правительству выступить с совместным демаршем с требованием к Великобритании прекратить военные действия. Пришло время, говорили они, сделать что-то для того, чтобы спасти Бурскую республику и заодно унижить Англию». (Дейли телеграф, 28 октября 1908 г. (Макдоно Д... С. 365.))

439

предварительных предупреждений сокращение сроков службы и одновременная демобилизация совершенно расстроили кадры войсковых частей...»¹⁸⁶⁴ С этого момента началась реформа русской армии, а на место Редигера был назначен Сухомлинов.

Свою позицию новый военный министр обозначил следующим образом: «Граф Витте, точно так же, как генерал Редигер и я, стоял на той точке зрения, что в продолжение многих лет еще мы никакой войны вести не можем и что необходимо во что бы то ни стало изыскать средства избежать нашего участия в европейской войне. Его дипломатические соображения направлены были прежде всего на то, чтобы улучшить наши отношения с Германией»¹⁸⁶⁵. П. Столыпин примерно в то же время заявлял: «Пока я у власти, я сделаю все, что в силах человеческих, чтобы не допустить Россию до войны, пока не осуществлена целиком программа, дающая ей внутреннее оздоровление»¹⁸⁶⁶.

Далеко не случайно в октябре 1910 г. Николай II сделал еще одну попытку предотвратить войну и договориться с Вильгельмом. Они встретились в Потсдаме и снова подтвердили, что у них нет прямых разногласий. Русский царь обязался не поддерживать английские действия против Германии. Эта встреча вызвала взрыв возмущения российской либеральной общественности. Милуков заявлял: «Это значит, что наши союзные соглашения перестали быть наступательными и остались только на оборонительной функции». Либеральная печать обрушилась на Потсдам, Сазонов даже был вынужден заявить: «Должен сказать откровенно, что вы иной раз бываете слишком желчны... В интересах обоих народов был бы полезен более мягкий тон»¹⁸⁶⁷. Всех наблюдателей при этом поражала синхронность появления и схожесть статей в английской и российской либеральной печати. С другой стороны, консервативная пресса, особенно в лице суворинского «Нового времени»*, уже со времени боснийского кризиса травила правительство за то, что оно «недостаточно энергично защищает то братьев славян, то чуть ли не само достоинство России»¹⁸⁶⁸. Немецкие представители указывали на активную антигерманскую кампанию «Нового времени»¹⁸⁶⁹.

Вильгельм II, в свою очередь, вполне очевидно пытался использовать потсдамскую встречу для того, чтобы оторвать Россию от Антанты. О целях, которые ставил перед собой кайзер, говорит тот факт, что он фактически дезавуировал пункт соглашения о неучастии сторон во враждебных группировках. Тем самым Вильгельм, разрушая Антанту одновременно стремился сохранить союз центральных держав. Позиция Вильгельма носила явный антибританский характер. Англича-

* «Новое время», пожалуй, наиболее популярная и влиятельная газета того времени. А. Игнатьев, например, указывает, что Николай II читал только ее и «Русский инвалид».

440

не, по его мнению, были готовы бросить немцам лишь несколько крох со своего стола — и то при условии, что те возьмут на себя обязательство прекратить или замедлить осуществление своей морской программы. Последнее, по словам кайзера, грозило тем, что британцы давно бы устроили немцам то, «что Нельсон устроил датчанам в копенгагенской гавани»¹⁸⁷⁰.

На Потсдамских переговорах Россия была поставлена перед окончательным

выбором: Германия или Антанта. По мнению Г. Хальгартена, в то время «интересы империалистических держав настолько переплетались, что практически становилось невозможным, сглаживая противоречия с одной из держав, не обострять их с другой; и политика установления путем соглашений "наилучших отношений" со *всеми* великими державами, которую пытался проводить Извольский, была внутренне противоречива. Она содержала много подводных камней, обходить которые становилось все труднее, тем более, что царизм при этом не хотел отказываться и от собственных империалистических планов»¹⁸⁷¹. Новому царскому министру иностранных дел С. Сазонову, продолжал Г. Хальгартен, невольно приходилось делать окончательный выбор. «Он в значительной мере определил характер и направление развития вооруженных сил России на втором этапе. Отказ царского правительства подписать в августе 1911 г. общеполитическое соглашение с Германией, «в условиях ожесточенных англо-германских противоречий объективно означал вовлечение России в английский лагерь и прекращение политики лавирования»¹⁸⁷². Аналогичное мнение высказывал историк И. Астафьев, утверждавший, что именно Потсдамское соглашение положило конец колебаниям России и присоединило ее к Антанте¹⁸⁷³.

Активное негласное участие в российско-германских переговорах приняла Великобритания, в лице Дж. Бьюкенена, назначенного послом в Россию в 1910 г. Вопрос русско-германского соглашения был одним из первых, заданных Бьюкененом, когда он впервые появился на приеме у Николая II. «В своем ответе его величество уверил меня, что его правительство не заключит никакого соглашения с Германией без согласия британского правительства и что последнее в случае необходимости всегда может рассчитывать на его помощь»¹⁸⁷⁴. Британский посол вспоминал: «Переговоры между русским и германским правительствами требовали постоянного вмешательства с моей стороны»¹⁸⁷⁵.

В 1911 г. Италия, воспользовавшись революцией в Турции, объявила ей войну, претендуя на Триполи и Ливию. Война послужила стимулом для объединения балканских государств против Стамбула. В 1912 г. при поддержке России была образована Балканская конфедерация, в которую вошли Болгария, Сербия, Греция и Черногория. Участвуя в создании конфедерации, Россия пыталась перехватить влияние у Германии, Австро-Венгрии и Англии, значительно усиливших свои позиции

441

на Балканах. По мнению английского посла: «Россия предполагала, что эта конфедерация будет послушным орудием в ее руках и послужит двум целям: сохранению мира на Балканах и преградой движения Австрии к Эгейскому морю»¹⁸⁷⁶. Россия действительно твердо и последовательно выступала за мир. Так, когда в Болгарии началось движение против Турции, русское правительство предупредило, что если конфедерация начнет войну, Россия «будет считать свою историческую миссию законченной и предоставит Болгарию своей судьбе»¹⁸⁷⁷. Даже когда в случае «занятия болгарскими войсками Константинополя Болгария была намерена предложить его России как дар признательности за освобождение от турецкого ига. Он (Николай II) дал ей ясно понять, что Россия не может принять такого подарка, и рекомендовал ей отказаться от попытки занять его»¹⁸⁷⁸. Нота министра иностранных дел Сазонова, переданная другому воинственному участнику Балканской конфедерации гласила: «Категорически предупреждаем Сербию, чтобы она отнюдь не рассчитывала увлечь нас за собой...»

Косвенное участие в организации Балканской конфедерации и развязывании первой балканской войны приняли Франция и Англия, через своего ставленника премьер-министра Греции Венизелоса, который с помощью англичан реорганизовал флот, а с помощью французов — армию. По словам У. Черчилля:

«Венизелос создал Балканскую лигу и подготовил войну с Турцией, последовавшую в 1912 г...»¹⁸⁷⁹ В критический момент Англия, до этого момента столь активно выступавшая за «мир» на Балканах, по сути дела, самоустранилась¹⁸⁸⁰. Лишь когда балканская война докатилась до Константинополя, Англия поддержала инициативу России созвать конференцию для мирного урегулирования конфликта. — Первая Балканская война вызвала вполне предсказуемую реакцию. Милуков вспоминал: «Помню как сейчас глупую физиономию думского шута, Павла Крупенского, вскочившего на кафедру, размахивавшего руками и оравшего во все горло "ура!" болгарам. "Славянские" манифестации правых вышли на улицу... 25 марта Бетман-Гольвег откликнулся на эти проявления славянской самостоятельности речью, в которой послышался первый отклик нового настроения Вильгельма. Имперский канцлер заговорил о "возрождении и обострении расовых инстинктов", о необходимости борьбы "германства" против "славянства", о нарушенном в пользу славянства равновесии в Европе; этим он мотивировал необходимость дальнейших вооружений и заявил — уже более определенно, — что помощь, которую Германия обязана оказывать Австрии, "не ограничивается пределами дипломатического посредничества", "незвизрая на последствия". В начале апреля 1912 г. в рейхстаг был внесен законопроект, которым предполагалось создание двух новых армейских корпусов — одного на границе с Францией, а другого — на границе с Россией... Новый законопроект предусматривал также... возрастание в течение 5 лет военного бюджета более чем на 440 млн марок... Этому

442

законопроекту правительство придавало столь большое значение, что готово было даже распустить рейхстаг, если бы он отказался его утвердить»¹⁸⁸¹. Австрия снова объявила мобилизацию и стала сосредотачивать войска на сербской границе.

По мнению Д. Макдоно, «налицо была генеральная репетиция будущей мировой войны»¹⁸⁸². Вильгельма в данном случае больше всего интересовало, какую позицию займет Великобритания. Последняя на запрос кайзера ответила, что не потерпит поражения Франции. Мало того, Холден заявил, что его страна не останется равнодушной перед лицом австрийского вторжения в Сербию¹⁸⁸³. Вильгельм был в бешенстве: «В решающей битве между немцами и славянами англосаксы — на стороне славян и галлов!»... «Речь идет о вопросе жизни и смерти для Германии»¹⁸⁸⁴.

8 декабря 1912 года состоялся знаменитый Военный совет, на котором, как утверждают историки школы Фишера, было принято решение о начале войны*. На совете Вильгельм требовал немедленно начинать войну с Францией и Россией... Тирпицу было велено строить больше подводных лодок. Мольтке заявил: «Я считаю войну неизбежной, и чем быстрее она начнется, тем лучше...»¹⁸⁸⁵ Однако гросс-адмирал запросил восемнадцать месяцев для подготовки флота к войне. Восемнадцать месяцев — это как раз июнь 1914 года, плюс-минус месяц. Мольтке выразил разочарование позицией Тирпица: «Флот и тогда будет не готов, а армия окажется к тому времени в менее выгодном положении; противник вооружается более интенсивно, чем мы, у нас не хватает денег»¹⁸⁸⁶.

— Для начала войны достаточно было взорвать Балканы — «пороховую бочку Европы». «Сделать это было не так трудно — между балканскими странами постоянно вспыхивали споры по поводу проблем, связанных с разделом "наследства" Османской империи. Вене и Берлину удалось привлечь на свою сторону русофобский режим болгарского царя Фердинанда из немецкой династии Кобургов. Несмотря на все попытки российской дипломатии уладить конфликт на Балканах, ее усилия сохранить единство славянских государств успехом не увенчались. Польстившись на обещания Австро-Венгрии предоставить Софии

кредиты и обширные территории за счет ее соседей, болгары 29 июня 1913 года... напали на Сербию и Грецию. Так началась Вторая балканская война. Однако на помощь сербам и грекам пришли румыны, к ко-

* По мнению Д. Макдоно, на совете не была сформулирована четкая программа подготовки к войне, поэтому можно говорить лишь о всплеске эмоций. В любом случае, по его словам, «проводить прямую связь между декабрем 1912-го и событиями июля — августа 1914 года было бы некорректно». Однако дело было не в совете, как таковом, а в тех тенденциях, которые он отражал и фиксировал. Именно эти тенденции привели к августу 1914 г. (В.Г.)

443

торым присоединилась Турция. Австро-Венгрия отказалась предоставить какую-либо помощь еще недавно столь активно подстрекаемым ею болгарам, разгром которых стал неизбежен»¹⁸⁸⁷. По другой широко распространенной версии, которой в частности придерживались Тарле и Черчилль, войну начали Сербия и Черногория, претендовавшие на часть Албании и выход к морю. В данном случае инициатива не имела значения: в войне были заинтересованы все участвующие стороны. Греция в результате войны увеличила свою территорию в два раза, а Румыния не только отняла у Болгарии ее новые территориальные приобретения, но и получила исконную болгарскую провинцию Добруджу.

— «Какая-нибудь проклятая глупость на Балканах, — предсказывал Бисмарк, — явится искрой новой войны»¹⁸⁸⁸. В 1913 г. события на Балканах — уже пятый раз после событий 1908, 1909 и 1911, 1912 гг. — ставили вопрос о всеевропейской войне, и чем дальше, тем больше возрастало общее напряжение. Вблизи границ России прошло три войны, одновременно с этим Австро-Венгрия и Германия предприняли ряд акций, резко ухудшавших их взаимоотношения с Россией. В ноябре 1912 г. напряжение достигло такого уровня, что Сухомлинов решил воспользоваться *carte blanche* и в качестве ответной меры провести показную мобилизацию. Проблема состояла в том, что она по сути, в тех условиях, была равносильна объявлению войны Австро-Венгрии. В трактовке различных авторов этот эпизод звучит по-разному*. Фактом остается только то, что в марте 1913 г. царь отобрал у Сухомлинова право *carte blanche* начала войны с Австрией. В своих воспоминаниях Сухомлинов упоминает об этом: «Приказ был отменен вследствие боязни царя предоставить решающее слово военачальнику, тогда как в последний момент дипломатия могла бы еще найти исход и предупредить катастрофу. С технической точки зрения, мы сделали дипломатии уступку, введя понятие подготовительного периода к войне»¹⁸⁸⁹.

Тем временем Франция и Англия подталкивали Россию занять более жесткую позицию в отношении Германии. Пуанкаре обращался с этими предложениями напрямую к Николаю II. Председатель военного кабинета Мильеран интересовался у русского атташе в Париже Игнатьева: «Намерены ли вы и впредь оставаться безучастными зрителями проникновения австро-германцев на Балканы или, точнее говоря, насколько

* Например, Милюков прямо обвиняет Сухомлинова в подготовке войны с Австрией, одновременно указывая, что заказы на вооружения Сухомлинов разместил в той же Австрии. (Милюков П. Н... С. 452.) Навряд ли в этом случае можно дословно верить Милюкову, который считал Сухомлинова заклятым врагом. Военный министр оправдывался тем, что проведение мобилизации преследовало чисто предупредительные, демонстрационные цели. Очевидно намерения Сухомлинова действительно не шли дальше «игры мускулами». И она не осталась незамеченной, в марте 1913 г. в рейхстаг был внесен закон об армии, требовавший миллиард марок на новые вооружения.

444

вам дороги интересы Сербского государства?» Игнатьев отвечал: «Мы не желаем вызвать пожар европейской войны»¹⁸⁹⁰. В июле 1913 г. французское правительство предложило русскому ежегодно занимать на парижском рынке до 500 млн франков при условии: «1) Чтобы постройка стратегических линий, предусматриваемых в согласии с французским генштабом, была предпринята

немедленно; 2) Чтобы намеченные силы русской армии были значительно увеличены»¹⁸⁹¹. Спустя месяц Жоффр заявил, что «было бы выгодно в интересах обеих армий, чтобы группировка русских сил в Варшавской губернии с мирного времени была такова, чтобы она представляла для Германии прямую угрозу»¹⁸⁹².

Английский посол в свою очередь вспоминал: «Прежде всего Россия... не желала войны, и во все время затянувшегося балканского кризиса в 1912-1913 гг. основным тоном всей ее политики было стремление к сохранению мира. При всех случайных ошибках со стороны правительства царь никогда не колебался оказать свое влияние в пользу мира, как только положение становилось сомнительным. Своей миролюбивой политикой и готовностью на всякие уступки для избежания ужасов войны он в 1913 г. дал повод думать, что Россия никогда не будет воевать, что, к несчастью, побудило Германию использовать положение... Утверждение, что британское правительство толкало Россию на авантюрную политику, опровергается фактами. На деле происходило обратное. Никто более сэра Эдуарда Грея не работал в пользу сохранения европейского мира в течение этих двух критических лет; и тогда война была предотвращена только благодаря его неутомимым усилиям, его сдерживающему влиянию и рекомендуемой им в Петербурге и Вене умеренности»¹⁸⁹³.

Действительно, миролюбивая позиция России и Англии вызывала в Германии абсолютно необоснованные иллюзии. Так, заместитель статс-секретаря Циммерман полагал, что «как Англия, так и Франция, для которых война в данный момент вряд ли желательна, будут воздействовать в примирительном духе на Россию. Кроме того, можно надеяться на то, что блеф является одним из любимейших бутафории российской политики и что, хотя русский и рад угрожать мечом, однако в решительный момент он неохотно обнажает его в пользу других». Россия на самом деле постоянно стремилась к урегулированию конфликта на Балканах, однако в одиночку она не могла противостоять давлению Германии и Австро-Венгрии. Но где же был ее «главный союзник» по Антанте?

Британское правительство, обвиняя Россию в излишне «миролюбивой политике», одновременно категорически отказывалось брать на себе какие-либо обязательства перед своим партнером по Согласию (в том числе подписать с Россией оборонительный союз). Тем самым оно лишало действенной силы любые шаги России, направленные на ограничение немецкой агрессивной политики. С другой стороны, Англия

445

всячески препятствовала и урегулированию отношений между Германией и Россией. Срыв потсдамских переговоров может быть записан в актив британского посла Дж. Бьюкенена...

У Вильгельма еще сохранялись колебания относительно выбранного им курса. Но он уже не мог свернуть с избранного пути. Апологетами войны выступили Генштаб и правые, последние обрушились на кайзера с яростными нападениями¹⁸⁹⁴. Граф Э. Ревентлов в 1906 г. публикует книгу «Кайзер Вильгельм II и византийцы», в 1913 г. памфлет «Кайзер и монархисты»¹⁸⁹⁵. П. Лиман выпускает новое издание своего «Кайзера», выдержавшего несколько переизданий. В последние предвоенные месяцы такого рода опусы появлялись как грибы после дождя. В них содержались откровенные призывы к кайзеру и правительству — не бояться конфликтов, проводить линию на экспансию и захваты. А. Клаас, глава пангерманцев, опубликовал под псевдонимом Д. Фриман трактат «Если бы я был кайзером», в котором предлагал Великобритании альтернативу — отойти в сторону или воевать. Гарден и его националистически настроенное окружение проповедовали и расовую войну против русских. Ратенау заявлял, что хочет видеть Европу под германской гегемонией и «создание экономического пространства такого же типа, как американское, если не на более высоком

уровне»¹⁸⁹⁶. «Вильгельм Маленький стал символом надежд пангерманцев, алчущих новых земель, особенно на Востоке». Пангерманцев поддержали партии аграриев и социалистов. Кронпринц в предисловии к пангерманскому трактату «Германия во всеоружии» требовал создания «новой военной идеологии» — место под солнцем Германия может обеспечить себе только мечом¹⁸⁹⁷. Бейенс в то время приходил к выводу, что Вильгельм полностью попал под влияние своего военного окружения¹⁸⁹⁸.

В итоге Вильгельм 6 мая 1913 г. надписывает на докладе Пурталеса: «Борьбы между славянами и германцами более не избежать. Она, несомненно, придет. Когда? Время покажет»¹⁸⁹⁹. В ноябре 1913 г. Вильгельм сообщал королю Бельгии Альберту, что война может разразиться со дня на день и предложил ему разорвать отношения с Англией¹⁹⁰⁰. С колебаниями было покончено. «По надписям Вильгельма на докладах послов в 1914 г. мы продолжаем следить за характером этой перемены. Пурталес 12-25 февраля 1914 г. сообщает Вильгельму о примирительном настроении Сазонова. В ответ Вильгельм заявляет: «Довольно! Он (царь), во всяком случае, не хочет и не может ничего сделать, чтобы изменить (это положение). Русско-пруссские отношения раз и навсегда мертвы. Мы стали врагами». В докладе 11 марта Пурталес уверяет императора, что миролюбивые настроения Николая «не вызывают ни малейшего сомнения». Вильгельм иронически надписывает: «Так же, как его абсолютное непостоянство и слабость по отношению к любому влиянию»¹⁹⁰¹.

— В конце января 1914 г. в Германии неожиданно, на страницах почти всех газет, вспыхнула яростная антирусская кампания. Ряд видных

446

политических деятелей выступил с русофобскими речами и статьями, на площадях Берлина под улюлюканье и свист бюргеров сжигался фанерный московский Кремль и т.д., и т.п. Все это приняло столь серьезный размах, что морской министр Григорович 3 февраля обратился со специальным письмом к министру иностранных дел Сазонову, прося его сообщить «не следует ли ее (антирусскую кампанию. — *К.Ш.*) рассматривать как подготовку общественного мнения страны к возможному активному выступлению Германии»¹⁹⁰². Посол в Берлине Свербеев отмечал, что вся эта антирусская пропаганда «нисколько не сдерживается здешним правительством». Державы Антанты с апреля стали активно скупать и накапливать золото. Тогда же, в апреле, германский военный атташе в Токио ощутил какую-то странную перемену в отношении к нему его коллег: «Похоже на то, когда смертный приговор еще не вынесен, а уже тебе выражают сочувствие»¹⁹⁰³. За неделю до покушения в Сараеве Вильгельм в разговоре с М. Варбургом заявил: «российская программа вооружения и железнодорожного строительства представляет собой подготовку к большой войне, которая разразится в 1916 году... «Чем ждать, не лучше ли ударить первыми?»¹⁹⁰⁴

Война была предрешена. Германия искала только повод, и он скоро представился — сараевское убийство. При этом Австро-Венгрии Германией была отведена провокационная роль, на которую та с готовностью согласилась. Причины позже прозвучат в откровениях начальника канцелярии Берхтольда графа Гойоса: «Поверьте мне, мы не могли поступить иначе. В Сербии, в России, во всех славянских странах и в некоторых других установилось убеждение, что Австро-Венгрия разлагается и что полный ее развал — только вопрос трех-четырех лет. Лучше ускорить катастрофу, чем терпеть, чтобы нас считали обреченными. Нас поставили перед необходимостью доказать, что мы еще способны на мощное проявление энергии. Но видит Бог, что мы желали бы избавить Европу и нас самих от кризиса, в котором мы теперь оказались»¹⁹⁰⁵. Мольтке требовал от начальника австрийского Генштаба Конрада: «Всякая

потерянная минута усиливает опасность положения, давая преимущества России. Отвергните мирные предложения Великобритании. Европейская война — это единственный шанс на спасение Австро-Венгрии. Поддержка Германии вам абсолютно обеспечена»¹⁹⁰⁶. Вильгельм: «Австрия теряет свой престиж из-за отказа предпринять акцию против Сербии, постепенно утрачивает право называться великой державой»¹⁹⁰⁷.

В. Воейков в своих мемуарах намекает, что убийство Г. Принципом австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда было сознательной провокацией. Он отмечает, что покушение Г. Принципа было вторым за день, после неудавшегося покушения Габриновича, который бросил бомбу в автомобиль эрцгерцога. Это был тот самый Габринович, которого белградская полиция еще весной 1914 г. пыталась выселить из пределов Сербии, но тогда на его защиту официально встал австро-венгерский консул¹⁹⁰⁸. П. Милюков в своих воспоминаниях также приходит к выво-

447

ду, что «преступление не могло быть вполне неожиданным»¹⁹⁰⁹. В. Шамбаров приводит данные, что сербский премьер Пашич и российская дипломатия получившие сведения о готовящемся покушении, пытались предупредить Австро-Венгрию... Но до Франца-Фердинанда эти предупреждения то ли не дошли, то ли он пренебрег ими... * Это только подозрения, однако еще в 1913 г., когда Бетман-Гольвег представил доклад о балканской ситуации, Вильгельм на полях написал, что требуется хорошая провокация, дабы иметь возможность нанести удар. При нашей более или менее ловкой дипломатии и ловко направляемой прессе таковую (провокацию) можно сконструировать... и ее надо постоянно иметь под рукой. Война должна была начаться обязательно на Балканах, чтобы Австро-Венгрия, как в марокканском кризисе, опять в последнюю минуту не смогла вильнуть в сторону¹⁹¹⁰.

Провокацию не нужно было специально конструировать, радикально настроенные сербские офицеры, сторонники создания Великой Сербии, включающей территории всех южных славян, сами готовили ее. Объединенные в тайную организацию «Черная рука», они рассчитывали достичь своей целей только за счет всеевропеской войны. Одна из газет, контролируемых лидером радикалов Дмитриевичем, в 1912 г. писала: «Война между Сербией и Австро-Венгрией неизбежна. Если Сербия желает жить по чести, она может сделать это только через войну. Это война наших традиций и нашей культуры. Эта война происходит из долга нашего народа, который не позволит себе раствориться. Эта война должна принести настоящую свободу Сербии, южным славянам, балканским народам...» В различных балканских странах «Черная рука» создала сеть дочерних организаций — «Млада Босна», «Народна Одбрана» и т.п... Успехи в Балканских войнах вскружили сербам головы, в стране чрезвычайно повысился престиж военных. И радикалы стали брать верх над «умеренными»...¹⁹¹¹ В середине июня 1914 г. радикалы вынудили назначить принцем-регентом Сербии своего ставленника. Менее, чем через две недели, грянул теракт в Сараево...¹⁹¹²

— 3 июля Вильгельм записал: «Сейчас или никогда... с сербами надо покончить, и побыстрее»¹⁹¹³. 5 июля он объявил, что «Австро-Венгрия может рассчитывать на полную поддержку со стороны немцев»¹⁹¹⁴.

* Существует несколько версий причин убийства Фердинанда. Одна из них гласит, что эрцгерцог под влиянием жены чешского происхождения планировал создать «западное, чисто славянское государство, которое могло бы сговориться с восточными славянами». Это не устраивало немецкую часть австрийского общества и, по собственным словам, — начальника германского Генштаба Мольтке. С другой стороны, Фердинанд состоял в тесной дружбе с Вильгельмом. Очередная версия в связи с этим утверждает, что Вильгельм пытался использовать Фердинанда для отрыва славян от России. В случае неудачи Фердинанд становился идеальным объектом для провокации.

На следующий день, выступая на заводе Круппа, немецкий император заявил, что «на этот раз он не отступит»¹⁹¹⁵. Протокол заседания совета министров Австро-Венгрии от 7 июля гласил: «Кайзер Вильгельм, как и господин фон Бетман-Гольвег, со всей твердостью заверил нас (Австрию), что в случае военного осложнения с Сербией мы будем иметь безусловную поддержку Германии... Поэтому ясно, что вооруженный конфликт с Сербией может иметь следствием войну с Россией... И если из международных соображений будет предпринята дипломатическая акция против Сербии, то это должно быть сделано с твердым намерением, что эта акция может закончиться только войной»¹⁹¹⁶.

10 июля Берхтольд, подготавливая ультиматум Сербии, говорил германскому послу: «Было бы очень неприятно, если бы Сербия согласилась. Я обдумываю такие условия, которые сделают принятие их Сербией совершенно невероятным!» Именно так он был и написан. В конце июля 1914 г. австрийская социал-демократическая партия отреагировала на ультиматум собственной страны следующим образом: «Мы не можем взять на себя ответственность за эту войну и возлагаем эту ответственность, а также все возможные ужасные последствия этой войны на тех, кто придумал, поддерживал и осуществил тот роковой демарш, который ставит нас перед лицом войны (ультиматум Сербии)...» Германская социал-демократическая партия выступила с заявлением: «Если мы осуждаем происки сербских националистов, то еще более энергичный протест с нашей стороны вызывает то легкомыслие, с которым австро-венгерское правительство провоцировало войну. Это правительство обратилось к Сербии со столь наглыми требованиями, которые еще никогда во всемирной истории не предъявлялись к самостоятельной нации, они могли быть рассчитаны только на то, чтобы привести к войне...»¹⁹¹⁷

«Таков был документ, — вспоминал Милюков, — предъявленный Сербии 10 (23) июля с таким расчетом, чтобы выждать отъезд Пуанкаре из Петербурга. Как реагировала на это Россия? Я должен сказать, что первые заявления Сазонова не противоречили возможности локализации войны. Сазонов немедленно телеграфировал в Белград: «Положение безнадежно для сербов; лучше всего для них — не пытаться сопротивляться и апеллировать к державам». Французскому послу он говорил: «Я думаю, что даже если австро-венгерское правительство перейдет к действиям, Сербия должна без борьбы допустить нападение и показать всему свету австрийское бесстыдство». Как ни неприемлем был австрийский ультиматум, Сазонов советовал сербам принять его требования; оговорен был лишь сербский суверенитет. И Сербия приняла все самые тяжелые пункты, кроме одного второстепенного — чтобы австрийская полиция участвовала на территории Сербии в расследовании по делу лиц, замешанных в сараевских событиях, поскольку это противоречило бы сербской конституции. Но ведь еще до австрийского ультиматума на протяжении почти целого месяца после сараевского

убийства Сербия отклоняла все предложения Австрии о проведении расследования теракта... только сербскими властями. Странная «принципиальность», если только не учитывать того, что война давала шанс радикалам на создание Великой Сербии...*

Но даже такой ответ в принципе удовлетворял Вильгельма. 28 июля кайзер писал Бетман-Гольвегу: «После прочтения сербского ответа я считаю, что в общем и целом требования Дунайской монархии выполнены. Несколько оговорок, сделанных Сербией по отношению к отдельным пунктам, могут быть, по моему мнению, легко выяснены при переговорах. Но капитуляция — самая позорная, провозглашенная в ней *urbi et orbi*, и потому отпадает всякий повод для

войны...»

По мнению Тирпица, в этот момент вся военная лихорадка могла бы пойти на убыль, если бы Бетман и Берхтольд повели себя более разумно¹⁹¹⁸. Граф Лихновский вспоминал: «Достаточно было бы одного намека из Берлина, чтобы побудить графа Берхтольда, успокоившись на сербском ответе, удовлетвориться дипломатическим успехом. Этого намека, однако, не последовало. Напротив, настаивали на войне... Все более усиливалось впечатление, что мы желаем войны во что бы то ни стало...» Сам кайзер оценивал убийство в Сараеве как «первый акт новой политики панславизма на Балканах»... Сербь в его представлении были шайкой бандитов, а Сербия — «гнездом убийц». 24 июля он писал, что «австрийцы больше болтают, чем действуют, хотя их долг — держать Балканы в своих руках и выгнать оттуда русских»¹⁹¹⁹. 28 июля Мольтке давал свою оценку ситуации — Сербия на протяжении последних пяти лет сеяла смуту в мире, и надо быть благодарным австрийцам за их действия... Если Австрия продолжит мобилизацию, война станет неизбежной. В нее будет втянута и Франция. И тут же Мольтке констатировал «Все это устроила Россия, и, надо признать, очень ловко»¹⁹²⁰.

Мольтке был не оригинален. Этот способ оправдания агрессии — свалить всю ответственность за развязывание войны на жертву, был не случайным, а скорее традиционным приемом для правящих кругов Германии. Например, «в 1866 и даже в 1870 годах князь Бисмарк сумел добиться того, что клеймо инициатора войны оказалось припечатанным к его противникам. В этом мире важно не быть, а казаться. Еще греки это знали: образы, представления, а не реалии правят миром», — писал Бюлов в своих мемуарах¹⁹²¹.

* Результаты многочисленных расследований указывают на то, что теракт в Сараеве был делом сербских спецслужб и великодержавно настроенной военной верхушки... В результате войны от Англии, Франции и США Сербия действительно получила все, чего добивалась, — Великую Сербию в лице Югославии. Территория Сербии увеличится в шесть раз с 48 до 296 тыс. кв. км. В 1920 г. непосредственные участники сараевского убийства были провозглашены «национальными героями». В 1953 г. в Сараеве был открыт мемориал «Млада Босна», посвященный террористам и их вдохновителям. (См. подробнее: Шамбаров В.Г. Государство... С. 16-17, 20.)

450

Для германской элиты было жизненно важным свалить вину за развязывание мировой войны на Россию. Почему Бетман разъяснял в телеграмме от 28 июля к фон Чиршки в Вене: «Далеко идущая уступчивость Сербии... в случае абсолютно непримиримой позиции австро-венгерского правительства может привести к тому, что общественное мнение всей Европы постепенно повернется против него. В конце концов, даже в глазах германского народа на правительство ляжет клеймо виновности за мировую войну. А на таком фундаменте нельзя начать успешной войны на три фронта. Настоятельной необходимостью является, чтобы ответственность за возможное распространение конфликта на непосредственно заинтересованные державы пала при всех обстоятельствах на Россию...» Для этого кайзер и канцлер предлагали оккупировать Белград, в качестве залога выполнения Сербией условий ультиматума. «Если российское правительство не признает правомерности этой точки зрения, то и против него будет общественное мнение всей Европы...» «Важно было устроить так, чтобы русские напали первыми, иначе англичане выступят на их стороне»¹⁹²².

В то же время Вильгельм заваливал Николая II письмами, представления о которых дает телеграмма от 31 июля: «Ответственность за бедствие, угрожающее всему цивилизованному миру, падет не на меня. В настоящий момент все еще в твоей власти предотвратить его. Никто не угрожает могуществу и чести России... Моя дружба к тебе и твоему государству, завещанная мне дедом на смертном одре, всегда была для меня священна... Европейский мир все еще может быть

сохранен тобой, если Россия согласится приостановить военные мероприятия, угрожающие Германии и Австро-Венгрии»¹⁹²³. Николай II согласился и ответил: «Было бы правильно передать Гаагской конференции австро-сербский вопрос, чтобы предотвратить кровопролитие. Полагаюсь на твою мудрость и дружбу»¹⁹²⁴.

В то же день Вильгельм телеграфировал королю Георгу: «По техническим причинам моя мобилизация, объявленная уже сегодня днем, должна продолжаться на два фронта — Восточный и Западный... Но если Франция предлагает мне нейтралитет, который должен быть гарантирован флотом и армией Великобритании, я, конечно, воздержусь от нападения на Францию и употреблю мои войска в другом месте»¹⁹²⁵. В ожидании ответа короля Георга Вильгельм приказал Мольтке остановить удар на запад, заявив: «Мы лучше бросим все силы на восток»¹⁹²⁶.

Призыв Вильгельма приостановить мобилизацию русской армии повторял тактический ход, использованный Пруссией против Австрии в 1866 г. Тогда Германия также потребовала отмены мобилизации, после чего нанесла внезапный удар. Аналогичную тактику использовал и Фридрих II во время Семилетней войны в середине XVIII века. В 1914 г. время и неожиданность играли еще большую роль, поскольку «план Шлиффена» был построен на разнице сроков мобилизации русской и французской армий. С другой стороны, если бы Россия

от-
451

казалась от демобилизации, то на нее бы пала ответственность за развязывание войны. Несмотря на угрозу войны, Николай II согласился с предложениями кайзера и приостановил мобилизацию.

Мирные инициативы и настроения России и Англии не оставляли Германии времени на раздумья: «После целого месяца промедления со времени сараевского убийства (28. 06 — 28. 07) только четыре дня (29. 07 — 01. 08) были оставлены на дипломатические переговоры...»¹⁹²⁷. «Венский кабинет отказал продлить срок ультиматума Сербии и вступить с Петербургом в переговоры для улаживания конфликта. У всех начало складываться убеждение, что для России война неизбежна; но тем не менее государь повелел отвести в глубь страны на 10 или 15 верст все пограничные с Германией посты. Был также отдан приказ войскам соблюдать полную сдержанность, не допуская столкновений с германскими войсками даже в случае перехода ими нашей границы»¹⁹²⁸. Но война уже началась. «Семеро военных — Фалькенгайн, Мольтке, Линкер, принц Генрих, Тирпиц, Мюллер и Поль — без труда преодолели сомнения единственного штатского — Бетман-Гольвега. Берхтольд был вне себя от радости. «Все сработало!» — телеграфировал он из Вены»¹⁹²⁹. 25.07 Германия начала скрытую, а 26-го Австрия — частичную мобилизацию. Посол в Берлине граф Сечени сообщал: «Нам советуют выступить немедленно, чтобы поставить мир перед свершившимся фактом»... поскольку «любое промедление можно рассматривать как величайшую опасность вмешательства других держав». 28. 07 Австрия объявила войну Сербии. 29-го началась бомбардировка Белграда. В тот же день королевский флот Великобритании сосредоточился в Скапа-Флоу. На следующий день мобилизация была объявлена в России. Кайзер отреагировал: «Тогда я тоже должен провести мобилизацию... Российский царь таким образом взял на себя всю тяжесть ответственности... Мои попытки посредничества не удалась»...»¹⁹³⁰ 1 августа Баллин спросил Бетмана-Гольвега: «Ваше превосходительство, почему такая спешка с объявлением войны России?» Бетман ответил: «Если бы мы этого не сделали, мы бы не смогли заставить социалистов поддерживать войну». Свалить все на русского царя — стало политическим императивом»¹⁹³¹.

ФРАНЦИЯ

— «О частичной мобилизации армии* русские, в соответствии с франко-русской военной конвенцией 1913 года, уведомили французов. Ответ поступил от военного министра Франции Мессими и начальника Генерального штаба Жоффра. И тот и другой высказались за полную мобилизацию русской армии»¹⁹³². Киган замечает, что Россия «для обеспечения собственной безопасности вполне могла ог-

* Решение о частичной мобилизации принято Советом министров 24. 07 1914.

452

раничиться частичной мобилизацией армии. Общая мобилизация вела к полной мобилизации и других европейских армий, а значит, и к европейской войне. Рейхсканцлер Германии Бетман-Гольвег, опасавшийся военных приготовлений России, уполномочил немецкого посла в Петербурге предупредить Сазонова, что «русские мобилизационные мероприятия могут вынудить немецкие власти ответить аналогичными мерами, и в таком случае войну в Европе вряд ли можно будет предотвратить»¹⁹³³. Но к полной мобилизации «подталкивал Сазонова и Палеолог, французский посол в Петербурге, считавший, что война Франции и Германии неизбежна...»¹⁹³⁴ Приезд президента Франции Пуанкаре с премьером Вивани в Россию сразу после убийства Франца-Фердинанда Милюков «вместе со многими воспринял, как поощрение к войне. В Петербурге этот приезд «вестника войны» был вообще непопулярен, и президента пришлось защищать от недружественных манифестаций». Николай II после встречи с французским президентом писал: «Пуанкаре нуждается в мире не так, как я — ради мира. Он верит, что существуют хорошие войны»¹⁹³⁵.

Настаивая на полной мобилизации русской армии, Франция 24 июля, с одной стороны, начинает скрытные военные приготовления, а с другой, 30 июля отводит свои войска от границы на 10 км, чтобы случайно не спровоцировать немцев. Б. Такман комментирует это решение премьера Р. Вивиани, как желание Франции выглядеть жертвой агрессии, «для того чтобы добиться сотрудничества наших английских соседей»¹⁹³⁶. По той же причине мобилизация французской армии была объявлена лишь на следующий день после немецкой, 2 августа¹⁹³⁷. Д. Киган подозревает и другие мотивы таких странных «маневров» Франции, откровенно провоцировавших немцев на Восточном фронте (требование полной мобилизации русской армии) и одновременно предусмотрительно избегавших любой провокации на своем. По мнению Д. Кигана: «Правящим кругам Франции было необходимо, чтобы Россия в первые же дни войны с Германией начала наступательные действия по всему фронту. Такие действия обескровили бы и Россию, и Германию, в результате чего из войны победительницей вышла бы Франция»¹⁹³⁸. Только в этом случае Франция могла реализовать свой откровенно авантюрный «план XVII» войны против Германии, утвержденный в феврале 1914 г.¹⁹³⁹

К. Каутский в своей книге «Как возникла мировая война» очерчивал цели Франции в мировой войне следующим образом: «Германия совершила большую ошибку в 1871 г., насильственно отторгнув от Франции эльзасцев и лотарингцев против их воли и толкнув тем самым Францию в объятия России» и пробудив во Франции чувство реванша. Однако «перспективы французов в случае войны с Германией очевидным образом ухудшались. Численность населения Франции почти не возрастала, между тем, как население Германии стремительно росло... В 1866 г. на территории позднейшей Германской империи проживало 40 млн человек, а во Франции — 38 млн... В 1910 г. Франция насчитывала только

453

39 млн. жителей, Германия же свыше 65 млн.»¹⁹⁴⁰ Франции для достижения ее целей был жизненно необходим континентальный союзник, который бы отвлек на

себя основную часть сил немецкой армии.

На этого единственно возможного союзника указывает Б. Такман: «Для французов успех «плана XVII» был испытанием сил всей нации и одним из величайших моментов в истории Европы. Чтобы обеспечить прорыв в центре, Франция нуждалась в помощи России, которая оттянула бы на себя часть германских сил. Проблема состояла в том, чтобы заставить русских начать наступление на Германию с тыла одновременно с началом военных действий французами и англичанами на Западном фронте, то есть как можно ближе к пятнадцатому дню мобилизации... В 1911 году генерал Дюбай, начальник штаба Военного министерства, был отправлен в командировку в Россию, чтобы внушить русскому Генеральному штабу идею о необходимости захвата инициативы»¹⁹⁴¹.

По словам Б. Такман: «Русский колосс оказывал волшебное действие на Европу. На шахматной доске военного планирования огромные размеры и людские резервы этой страны имели самый большой вес. Несмотря на ее неудачи в японской войне, мысль о «русском паровом катке» утешала и ободряла Францию и Англию. Кавалерийская лавина казаков производила такое сильное впечатление на европейские умы, что многие газетные художники рисовали ее с подробнейшими деталями, находясь за тысячу километров от русского фронта. Казаки и неутомимые миллионы упорных, терпеливых русских мужиков, готовых умереть, создавали стереотип русской армии. Ее численность вызывала ужас: 1 423 000 человек в мирное время и еще 3 115 000 при мобилизации составляли вместе с 2 000 000 территориальных войск и рекрутов 6 500 000 человек¹⁹⁴². «Каждый французский политик находился под огромным впечатлением от растущей силы России, ее огромных ресурсов, потенциальной мощи и богатства», — писал Эдуард Грей в апреле 1914 года из Парижа¹⁹⁴³. Он и сам придерживался тех же взглядов. «Русские ресурсы настолько велики, — сказал он как-то Пуанкаре, — что в конечном итоге Германия будет истощена даже без нашей помощи России»¹⁹⁴⁴.

Военный представитель России во Франции в период Первой мировой войны А. Игнатъев отмечал: «Жившая воспоминаниями о разгроме ее немцами в 1870 году, Франция 80-х годов видела в России свою спасительницу. Вот почему прием русской эскадры адмирала Авелана в Тулоне, первый приезд Александра III во Францию, грандиозный, ставший историческим, парад в его честь — все эти события медового месяца франко-русской дружбы врезались в памяти целых поколений, и воспоминания о них дожили до моих дней. Французский генералитет рассказывал мне об этом, захлебываясь от восторга»¹⁹⁴⁵. Игнатъев вспоминал, что его публичное появление сопровождали крики толпы: "Vive la Rus-sie! Vive les russes!" Так же как и на маневрах в Монтобане, в этих возгласах слышалась уже не простая овация, а слепая вера парижан в свою

454

могучую восточную союзницу¹⁹⁴⁶. В. Сухомлинов по этому поводу замечал: «Французским дополнением к нему (франко-русскому союзному договору — В.Г.) была идея реванша. В настоящее время ясно, что симпатии к России и к русскому народу при этом не играли роли — это была исключительно спекуляция на русском пушечном мясе...»¹⁹⁴⁷

— Цели Франции в войне обозначил сам Президент в своей возмущенной реакции на мирную программу социалистов на Лондонском конгрессе: «Право Франции на аннексированные провинции ставится в зависимость от плебисцита... Большая часть французского общественного мнения была глубоко возмущена этой неуместной демонстрацией... Эльзас и Лотарингия были оторваны у нас силой... для такого преступления не может быть никакой давности»¹⁹⁴⁸. Цвет французской нации отражал всеобщие настроения: «За своими стенами, — говорил В. Гюго, — Франция будет стремиться только к одному — восстановить

свои силы, запастись энергией, лелеять свой священный гнев, воспитать молодое поколение так, чтобы создать армию всего народа, работать непрерывно, изучать методы и приемы наших врагов, чтобы стать снова великой Францией 1792 года, Францией «идеи с мечом». Тогда в один день она станет непобедимой. Тогда она вернет Эльзас-Лотарингию»¹⁹⁴⁹. В 1891 г. Э. Золя писал: «Мы должны есть, нас поедают для того, чтобы мир мог жить. Только воинственные нации процветают. Как только нация разоружается, она погибает. Война — это школа дисциплины, жертвенности и отваги»¹⁹⁵⁰. «Бергсон считал, что хотя полная победа союзников потребует «огромных жертв», их результатом вместе с «обновлением и расширением Франции будет моральная регенерация Европы. Тогда со стремлением к подлинному миру Франция и человечество смогут начать марш вперед, и только вперед, вперед к миру и справедливости»¹⁹⁵¹.

Помимо собственных амбиций и миссионерского пыла, националистические и реваншистские настроения французов были отчасти обусловлены эскалацией военных приготовлений Германии. Французское руководство считало силовое разрешение противоречий с Германией неизбежным и путем разжигания национальных чувств целенаправленно готовило нацию к войне. «Ослепленный полувековой идеей реванша за позор поражения 1870 года, оглушенный воинственными речами своего президента Пуанкаре, под барабанный бой и звуки фанфар, французский народ был брошен на войну...»¹⁹⁵²

— В основу военной доктрины во Франции была принята наполеоновская теория «элан виталь» — «жизненного порыва»*. «Новый Поле-

* Сущность плана XVII, согласно известному авторитетному английскому военному историку Лиддел Гарту, состояла в следующем. «План этот был основан на отрицании исторического опыта и здравого смысла». (Пуанкаре Р... С. 710. прим.)

455

вой устав, введенный правительством в октябре 1913 года, начинался громогласным и высокопарным заявлением: «Французская армия, возвращаясь к своей традиции, не признает никакого другого закона, кроме закона наступления». За этим следовали восемь заповедей, составленных из таких звонких фраз, как «решающая битва», «наступление без колебаний», «неистовость и упорство», «сломить волю противника», «безжалостное и неустанное преследование» со всем жаром верующего, уничтожающего ересь»¹⁹⁵³. Военная теория объявлялась ложным учением, в приказах утверждалось: «Никогда французская армия не будет рыть окопы, она будет всегда решительно атаковать и не унизит себя до обороны»... Начальник оперативного бюро Генштаба Гранмезон поучал: надо атаковать внезапно и стремительно, «сразу, без оглядки пускать в бой все средства». «Важнее воспитать в себе дух, необходимый для победы, нежели разбирать способы ее достижения»¹⁹⁵⁴. «Пуанкаре старался подогреть чувства воинственного патриотизма факельными шествиями войск...»¹⁹⁵⁵

В самомнении французов было никогда отказать нельзя, и «в 1912 году французские солдаты все еще продолжали носить те же голубые шинели, красные кепи и красные рейтузы, как и в 1830 году, когда дальность ружейного огня не превышала двухсот шагов и когда армии, сходящиеся на близкие дистанции, не испытывали необходимости в маскировке... Армия с таким же гордым упрямством не хотела отказаться от красных рейтуз, как и принять на вооружение тяжелые орудия...» Во время слушания дела в парламенте бывший военный министр Этьен... (воскликнул): «Отменить красные рейтузы?... — Никогда! Ле панталон руж се ля Франс!» («Красные рейтузы—это Франция!») «Эта глупая и слепая привязанность к самому заметному из всех цветов, — писал впоследствии Мессими, — будет иметь жестокие последствия»¹⁹⁵⁶.

— С началом войны немецкая армия быстро подавила бельгийскую. В

Бельгии немцы развернули настоящий террор против гражданского населения. «Процедура везде была почти одинаковой. Жителей собирали на главной площади, мужчин в одной стороне, женщин — в другой. Затем отбирался каждый десятый, второй или все, в зависимости от каприза офицера, командовавшего экзекуцией. Их отводили на ближайшее поле или на пустырь за железнодорожной станцией и расстреливали...»¹⁹⁵⁷ Как только немцы входили в город, его стены начинали белеть заранее отпечатанными объявлениями: «Любой, подошедший ближе двухсот метров к аэроплану или воздушному шару, будет застрелен на месте. Владельцы домов, в которых найдут спрятанное оружие, бу-

* Французский генералитет полагал, что тяжелая артиллерия замедлит темпы наступления, отказались и от телефонов, поскольку провода в ротах и батареях мешали бы стремительному продвижению. Связь осуществлялась в основном, через посыльных, радио было не в почете.

456

дут расстреляны. Все, кто укрывает у себя бельгийских солдат, будут отправлены на постоянные каторжные работы в Германию. Деревни, в которых будут совершены враждебные акты, будут сожжены. Если же подобные акты произойдут на дороге между двумя деревнями, к жителям обеих деревень будут применены те же меры»¹⁹⁵⁸. Но Франция, поглощенная реализацией своего реваншистского, наступательного «плана XVII», не могла прийти на помощь Бельгии, а Англия еще пребывала в размышлениях относительно своей роли в войне...

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Действительно, у России и Франции был еще один партнер по «сердечному согласию», позиция которого, по мнению многих современников, могла перевесить войну и привести к мирному разрешению конфликта. Разработка совместных военных планов Франции и Англии получила толчок в 1905 г. после поражения России в русско-японской войне, что нарушило баланс сил в Европе. Франция оказалась беззащитной перед Германией. Перед началом союзнических консультаций Холдейн предупредил французов, что эти переговоры ни к чему не обязывают Англию¹⁹⁵⁹. Такая позиция Великобритании привела к известному ответу Фоша на вопрос английского генерала Вильсона: «Какое наименьшее количество английских войск могло бы потребоваться для оказания вам практической помощи?» — «Один английский солдат, а мы позаботимся, чтобы он сразу погиб»¹⁹⁶⁰. Своим условием вступления в войну Лондон ставил нарушение агрессором нейтралитета Бельгии. Это давало Англии дополнительную свободу выбора своей политики в случае начала войны.

По мере приближения войны вопрос об участии в ней Англии все более обострялся. Министр иностранных дел Германии Ягов указывал своему послу в Лондоне: «Мы жизненно заинтересованы в том, чтобы австрийский союзник сохранил свою мировую позицию. Вашей светлости известно, какое значение будет иметь для нас при возможных дальнейших результатах конфликта позиция Англии»¹⁹⁶¹. 9 июля Э. Грэй отвечал немецкому послу: «...Англия хочет сохранить полную свободу действий, для того чтобы иметь возможность действовать по собственному усмотрению в случае осложнений на континенте...»¹⁹⁶²

12 июля австро-венгерский посол доносил: «Германское правительство считает, что имеются верные признаки того, что Англия не приняла бы сейчас участия в войне, возникшей ради какой-либо балканской страны, даже если бы дошло до войны с Россией и даже, может быть, с Францией. Таким образом, в общем политическая конъюнктура является для нас в настоящее время максимально благоприятной»¹⁹⁶³. 24 июля на новой встрече с немецким послом Э. Грей заявлял: «Если Австрия вступит на сербскую территорию, то возникнет

опасность европей-

457

ской войны... Невозможно даже представить себе следствия подобной войны *четырёх*» (он подчеркнул слово «четыре», имея в виду *Россию, Австро-Венгрию, Германию и Францию*)¹⁹⁶⁴. Двусмысленную позицию Э. Грея пыталась объяснить Б. Такман: «Находясь в течение восьми лет на посту министра иностранных дел в тот период, когда, по выражению Бюлова, «боснийские» кризисы следовали один за другим, Грей достиг совершенства в манере речи, которая не содержала почти никакого смысла. Он избегал прямых и ясных высказываний, возведя это в принцип, как утверждал один из его коллег»¹⁹⁶⁵. Мольтке, основываясь на своих умственных построениях, приходил к выводу, что «германский флот создан не для того, чтобы прятаться в гаванях. Он пойдет в наступление и, возможно, будет разбит. Пусть Германия потеряет свои корабли, но Англия утратит свое господство на морях, которое перейдет к Соединенным Штатам. Только они окажутся победителями в европейской войне. Англия это знает, — сказал генерал, сделав неожиданный логический поворот, — и, вероятно, останется нейтральной»¹⁹⁶⁶.

— Сазонов полагал, что «при нынешнем обороте дел первостепенное значение приобретает то положение, которое займет Англия. Пока есть еще возможность предотвратить европейскую войну... К сожалению, по имеющимся у нас сведениям, Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение»¹⁹⁶⁷. С русским министром был полностью солидарен французский президент. Английский посол во Франции 30 июля доносил: «Президент... убежден, что мир между державами находится в руках Великобритании... Если бы разразилась всеобщая война на континенте, Англия неминуемо была бы в нее вовлечена ради сохранения своих же жизненных интересов. Заявление о ее намерении поддержать Францию, которая искренне желает сохранения мира, несомненно, удержит Германию от стремления к войне»¹⁹⁶⁸. 31 июля 1914 г. Пуанкаре лично обратился с письмом к английскому королю Георгу V: «Если бы Германия имела уверенность, что английское правительство не вмешается в конфликт, в который вовлечена Франция, война была бы неизбежна, и наоборот, если бы Германия была уверена, что *entente Cordiale* было бы подтверждено в худшем случае совместным выступлением Англии и Франции на поле сражения, это явилось бы большой гарантией того, что мир не будет нарушен»¹⁹⁶⁹. Вильгельм заявлял, что «одного слова от Англии было бы достаточно, чтобы предотвратить войну, — и тут же добавлял: — Мира не будет до тех пор, пока не будет побеждена и уничтожена Англия. Только на руинах Лондона я дарую прощение Джорджи»*. Ведя войну против французов и русских, италъ-

* В конце 1914 года Баллин указывал на одну из причин англофобии Вильгельма: «Я виделся с кайзером: он преисполнен уверенности в будущем и ненависти к Англии, которую в нем поощряет императрица. Личные обиды и фобии

458

янцев и сербов, подлинным противником кайзер считал лишь коварный Альбион: «Англия одна несет ответственность за войну и мир...»¹⁹⁷⁰ Эта тема была весьма популярна в Германии. Так, Тирпиц заявлял: «Эта война — величайшая глупость, когда-либо совершенная людьми белой расы. Мы, обитатели континента, истребляем друг друга на благо Англии, причем англичане сумели убедить весь мир, что это мы, немцы, во всем виноваты...»¹⁹⁷¹

После событий в Сараеве Э. Грей выступил с предложением о мирном посредничестве, на что Вильгельм заявил, что Россия и Австрия сами способны урегулировать свои отношения. Англия этим удовлетворилась и лишь запросила в

ответ правительства Франции и Германии, готовы ли они уважать нейтралитет Бельгии, поскольку при нападении на Бельгию «Британия не сможет соблюдать своего нейтралитета». Германия промолчала...

Она не очень рассчитывала на нейтралитет Англии, война должна была начаться при любом решении английского парламента. «В годы, непосредственно предшествовавшие войне, у нас не было никаких сомнений в отношении незамедлительной высадки британского экспедиционного корпуса на континенте», — свидетельствовал генерал фон Кюль... Вильгельм писал Тирпицу: «В борьбе за существование в Европе, которую будут вести германцы против романцев (галлов) и поддерживающих их славян, англосаксы станут на сторону славян»¹⁹⁷². По расчетам германских генералов, британский экспедиционный корпус будет мобилизован на одиннадцатый день войны, направлен в порты погрузки на двенадцатый и полностью переброшен во Францию на четырнадцатый. Эти выкладки оказались практически точными. Штаб германских военно-морских сил также не испытывал никаких иллюзий. «Англия займет враждебную позицию в случае войны», — гласила телеграмма из Адмиралтейства, переданная одиннадцатого июля на борт «Шарнхорста» в Тихом океане, на котором находился адмирал фон Шпее»¹⁹⁷³.

— Нейтральную позицию Великобритании накануне войны К. Каутский объяснял тем, что «критики Грея забывают, что он был министром парламентской и демократической страны и совершенно не был уверен в согласии народа на войну. Если бы даже он нашел в парламенте большинство за войну против Германии, то эта война стала бы очень сомнительным делом, если бы масса рабочих и особенно многочисленные и влиятельные в Англии круги буржуазных пацифистов оказали бы ему энергичное сопротивление...» Действительно, с началом войны в Англии начались бурные дискуссии по поводу участия в ней. «По свидетельству Ллойд-Джорджа, банкиры и бизнесмены приходили в ужас при мысли о войне, которая разрушила бы «всю кредитную систему играют, таким образом, по-видимому, значительную роль в политике, и это представляется мне очень опасным феноменом», (Макдоно Д... С. 564.)

459

с центром в Лондоне». Управляющий Английского банка посетил в субботу Ллойд-Джорджа и информировал его о том, что Сити «решительно выступает против нашего вступления» в войну»¹⁹⁷⁴. Асквит 31 июля в своем дневнике писал: «Главный вопрос заключался в том, следовало ли нам вступать в войну или остаться в стороне? Разумеется, всем хотелось остаться в стороне»¹⁹⁷⁵. Позже он докладывая королю, пояснял: «Кабинет считает, что этот вопрос, если он возникнет, скорее вопрос политики, чем законных обязательств». А сотрудник МИДа А. Кроу рассуждал: «Англия не могла участвовать в большой войне, ибо это означало отказ от независимости» — под независимостью понималось следование собственным интересам, а не союзническим»¹⁹⁷⁶.

Между тем, как отмечал К. Каутский: «Ни у кого, знающего хоть немного англичан, не могло быть никакого сомнения, что громадное большинство нации с воодушевлением ринется в войну, как только могущественная армией и флотом Германия овладеет Бельгией и тем самым непосредственно будет угрожать Англии». Но даже если немцы не стали десантироваться на острова, то во что для Англии превратилась бы тогда независимость Бельгии, если на континенте оказались разгромленными Франция и Россия? — Бельгия в этом случае оказалась бы не более, чем «фиговым листком» британских гарантий. Британские политики отлично понимали все последствия для Британии победы Германии. Э. Грей утверждал: «Если Германия начнет господствовать на континенте, это будет неприемлемым как для нас, так и для других, потому что мы окажемся в изоляции»¹⁹⁷⁷.

Э. Грей в своем выступлении говорил: «Я прошу палату общин подумать, чем, с точки зрения британских интересов, мы рискуем. Если Франция будет поставлена на колени... если Бельгия падет... а затем Голландия и Дания... если в этот критический час мы откажемся от обязательств чести и интересов, вытекающих из договора о бельгийском нейтралитете... Я не могу поверить ни на минуту, что в конце этой войны, даже если бы мы и не приняли в ней участия, нам удалось бы исправить случившееся и предотвратить падение всей Западной Европы под давлением единственной господствующей державы... мы и тогда потеряем, как мне кажется, наше доброе имя, уважение и репутацию в глазах всего мира, кроме того, мы окажемся перед лицом серьезнейших и тяжелейших экономических затруднений»¹⁹⁷⁸. За участие в войне однозначно выступили У. Черчилль и Ллойд-Джордж, эзоповым языком политики они взывали к чести нации и патриотизму: «Я вижу во всех классах, высших и низших, отказывающихся от эгоизма, новое признание того, что честь страны должна заключаться не только в поддержании своей славы в открытом поле, но и в защите своих очагов от бедствий... Поток роскоши и лени, затоплявший страну, убывает, и рождается новая Британия. Мы теперь впервые оказываемся в состоянии замечать то основное в жизни, о чем мы до сих пор забывали благодаря сказочному росту нашего благосостояния»¹⁹⁷⁹.

460

Двойственность политики Великобритании (которая, с одной стороны, официально уклонялась от участия в войне, а с другой — ради самосохранения не могла не принять в ней участия) невозможно объяснить только ее парламентским строем, миролюбием или желанием избежать тяготы войны. Неопределенный нейтралитет великой державы, на протяжении последнего столетия определявшей судьбы мира и Европы, в ключевом вопросе европейской политики, стоявшей на грани мировой войны, на деле означал если не прямое подталкивание к войне, то откровенное попустительство ей...

Леди Аквит, жена премьер-министра Великобритании, вспоминала «"блестящие глаза" и "веселую улыбку" Уинстона Черчилля, когда он вошел в тот роковой день в номер 10 на Даунинг-стрит», в тот день началась Первая мировая война¹⁹⁸⁰.

А ЧТО ЖЕ РОССИЯ?

Все три российских премьера, Витте, Столыпин и Коковцов, были единодушны в своем отношении к участию России в войне. Их твердые убеждения в полной мере передает П. Столыпин, который писал министру иностранных дел А. Извольскому незадолго до своей гибели: «Вы знаете мой взгляд — нам нужен мир: война в ближайшие годы, особенно по непонятному для народа поводу, будет губельна для России и династии. Напротив того, каждый год мира укрепляет Россию не только с военной и морской точки зрения, но и с финансовой и экономической. Но кроме того и главное, это то, что Россия с каждым годом зреет: у нас складывается и самосознание, и общественное мнение. Нельзя осмеивать наши представительные учреждения. Как они ни плохи, но под влиянием их Россия в пять лет изменилась в корне и, когда придет час, встретит врага сознательно. Россия выдержит и выйдет победительницей только из народной войны»¹⁹⁸¹.

Ллойд-Джордж в 1915 г. утверждал: «Я вообще не знаю, чтобы Россия когда-либо затевала наступательную войну против кого-нибудь из своих европейских соседей... Она хотела мира, нуждалась в мире и жила бы в мире, если бы ее оставили в покое. Она переживала начало значительного промышленного подъема, и ей нужен был мир, чтобы промышленность достигла полного

расцвета. Не один раз она сносила оскорбления со стороны Германии, вплоть до унижения, и все это во имя мира... Что бы ни говорили о ее внутреннем управлении, Россия была миролюбивой нацией. Люди, стоявшие во главе управления ею, были проникнуты миролюбием»¹⁹⁸².

Именно по инициативе России прошли две первые в истории человечества мирные конференции в Гааге в 1899 и 1907 гг., посвященные сокращению вооружений, выработке механизмов международного ар-

461

битража и мирного урегулирования конфликтов. Против ограничения вооружений тогда выступили Англия и Германия. Во время 1-й конференции западная пресса с насмешкой писала, что «российское правительство решило сэкономить на своих военных расходах»... Британское военное министерство в свою очередь заявляло: «Нежелательно соглашаться на какие-либо ограничения по дальнейшему развитию сил разрушения... Нежелательно соглашаться на изменения международного свода законов и обычаев войны»...¹⁹⁸³ Во время 2-й конференции британское Адмиралтейство добавляло: «Производство военных кораблей тесно связано со всеми отраслями производства и торговли... крупным ударом по этим интересам является любое предложение ограничить рост морского вооружения. Такое ограничение серьезно отразится на одной из главных отраслей национальной индустрии». Немецкая сторона утверждала то же самое: «Приостановление на год строительства флота выбросит на улицу множество людей»¹⁹⁸⁴. Но ограничение вооружений очевидно вызывало не только социально-экономические проблемы... Ведь без сильного военного флота Великобритания не могла бы завоевать и сохранить свою колоссальную колониальную империю, а Германия была еще только в начале пути, уже пройденного морским конкурентом... Не случайно лорд британского Адмиралтейства Джон Фишер заявлял: «На первой мирной конференции в Гааге в 1899 г., когда я был британским делегатом, городили ужасную чушь о правилах ведения войны. Война не имеет правил... Суть войны — насилие. Самоограничение в войне — идиотизм»¹⁹⁸⁵.

Далеко не все в России придерживались точки зрения русских премьеров. В 1914 г. П. Милюков отмечал: «Если Коковцов считает войну «величайшим несчастьем для России», то Сухомлинов и Янушкевич «заявляют категорически, что Россия вполне готова к борьбе один на один с Германией, не говоря уже о столкновении с Австрией...» Отставка Коковцова 29 января 1914 г., по мнению П. Милюкова, была «удалением из правительства главного фактора мира»¹⁹⁸⁶ По мнению Д. Макдоно: «Налицо был самый настоящий сговор за спиной монарха»¹⁹⁸⁷. Милитаристская политика Вильгельма находила отклик в России прежде всего в высших армейских кругах, где все слышнее звучали воинственные антигерманские настроения. Б. Такман объясняет их причины тем, что «после Маньчжурии им также нужно было чем-то компенсировать унижительные военные поражения и позорные недостатки своей армии...»¹⁹⁸⁸ Однако антигерманские настроения захватили общественные и военные круги России задолго до русско-японской войны. Решающую роль здесь играли обострение «торговой войны» между странами и явные антироссийские, милитаристские тенденции германской внешней политики, которые с каждым годом проявлялись все ярче.

Германский посол в Петербурге Л. Швейниц в конце 1880-х годов писал о фактическом бессилии русского правительства «защитить свою

462

внешнеполитическую линию от разнузданных нападок собственной прессы, постоянно затевавшей антигерманские кампании»¹⁹⁸⁹. Бисмарк так же отмечал в 1888 г.: «Основы для совместной политики обоих кабинетов... ослаблены

десятилетней фальсификацией общественного мнения русской прессой, которая в читающей части населения создавала и питала искусственную ненависть ко всему немецкому...»¹⁹⁹⁰

Но вот что писал Ф. Достоевский из Дрездена в 1870 г.: «В Европе все держат против нас камень за пазухой», «Европа нас ненавидит», «Европа презирает нас, считает низшими себя, как людей, как породу...» Всех славян вообще «Европа готова заварить кипятком, как гнезда клопов...» «Там (в Европе) порешили давно уже покончить с Россией. Нам не укрыться от их скрежета, и когда-нибудь они бросятся на нас и съедят»¹⁹⁹¹. Посещение Германии в 1875 оставили у Ф. Достоевского впечатление о крайней агрессивности и русофобии немцев¹⁹⁹². А вот как передавал Салтыков-Щедрин свои впечатления от путешествия по Германии в 1881 г.: «Трудно представить себе что-нибудь более унылое, нежели улицы Берлина... самый гнетущий элемент берлинской уличной жизни — это военный». «Берлин ни для чего другого не нужен, кроме как для человекоубийства», «Застенчивость (у немцев) заменилась самомнением, политическая уклончивость — ничем не оправдываемой претензией на вселенское господство, скромность — неудачным стремлением подкупить иностранцев мещанской роскошью новых кварталов...» «Одним словом, вопрос, для чего нужен Берлин? — оказывается вовсе не столь праздным, как это может представиться с первого взгляда. Да и ответ на него не особенно затруднителен, так как вся суть современного Берлина, все мировое значение его сосредоточены в настоящую минуту в здании, возвышающемся в виду Королевской площади и носящем название: *Главный штаб...*»¹⁹⁹³

На правительственном уровне российско-германские отношения стали ухудшаться после Берлинского конгресса 1878 г., и пришли фактически к полному разрыву в 1887 г. Франко-русский оборонительный антигерманский договор был заключен в 1891 г. и последовательно укреплялся вплоть до Первой мировой войны. М. Вебер обеспокоенно писал во время русской революции 1905 г. о разделяемом всем русским обществом недоверии и ненависти к Германии поскольку «именно она имеется в виду как естественный враг...»¹⁹⁹⁴ Русские военные с балканского демарша Германии в 1908 году считали войну неизбежной.

Армейские круги имели веские основания для своих антигерманских настроений. В 1912-1913 гг. донесения русских военных агентов в Германии и Швейцарии Базарова и Гурко сходились на том, что война начнется в 1914 г. и начнется со стороны Германии. Гурко сообщал: «Насколько я лично убежден в том, что Германия не допустит войны до начала 1914 г., настолько же я сомневаюсь в том, чтобы 1914 год прошел без войны»¹⁹⁹⁵ Базаров предупреждал: «Весьма возможно, что к кон-

463
цу будущего или к началу 1914 г., когда лихорадочная деятельность по военной и морской подготовке Германии будет в главных чертах закончена, наступит критический момент, когда и общественное мнение, и армия, и стоящие во главе государства лица, придут к сознанию, что в данное время Германия находится в наиболее выгодных условиях для начала победоносной войны»¹⁹⁹⁶. В справке, составленной в Генеральном штабе России еще в июне 1912 г., отмечалось: «Германия будет в полной готовности к войне лишь через два года: все формирования будут закончены...»¹⁹⁹⁷

Великий князь Сергей Михайлович после посещения Австрии в начале 1914 г. писал «о лихорадочной работе на военных заводах центральных держав»¹⁹⁹⁸. Германские военные расходы с 1909 по 1914 г. возросли на 33%... В 1911-1912 гг. рейхстагом были приняты законы о чрезвычайном военном налоге, увеличении армии и программа модернизации вооружений. Рассчитана она была на 5 лет, до

1916 г. Но вскоре было решено, что программа должна быть выполнена раньше — к *весне 1914 г.* А в 1913 г. к прежним был добавлен ряд новых законов — о повышении расходов на вооружения путем введения налога на доходы и об очередном увеличении набора в армию — ее состав мирного времени возрастал на 200 тыс. чел.¹⁹⁹⁹ При внесении нового законопроекта в рейхстаг рейхсканцлер в марте 1913 г. заявил, что, «насколько можно предвидеть, не будет такой европейской войны, в которую мы не были бы втянуты». Открыто противопоставив «славян» «германцам», он предупредил, что Германия никогда не оставит Австро-Венгрию одну, «в верности союзу мы пойдем дальше дипломатического посредничества»²⁰⁰⁰.

Английский посол Дж. Бьюкенен отмечал: «Не надо забывать, что Германия в 1913 году сделала заем в 50 000 000 ф. ст. на военные цели, и Россия в целях самозащиты должна была принять соответствующие меры. Я вспоминаю, как г. Делькассе, тогдашний посланник в Петербурге, говорил мне, что Германия никогда не решилась бы на такую сильную меру, если бы не имела в виду войну в близком будущем»²⁰⁰¹. «Гонка вооружений была нескончаема,—отмечали авторы, специально исследовавшие деятельность Генерального штаба Германии...— С 1871 по 1914 гг. германские милитаристы 10 раз увеличивали численность и усиливали вооружение армии по штатам мирного времени»²⁰⁰². В конце мая и начале июня 1914 г. представитель американского президента Хауз сообщал своему шефу из Германии, что «здесь все люди поглощены одной мыслью — промышленным развитием и пропагандой войны... Положение исключительное... Это милитаризм, дошедший до полного безумия. В один прекрасный день произойдет ужасный катаклизм»²⁰⁰³. В. Сухомлинов вспоминал: «Что мы были накануне войны, о том не спорили даже самые ярые оптимисты»²⁰⁰⁴.

Как же реагировала на рост милитаризма в Германии Россия? Военный агент во Франции А. Игнатъев писал по этому поводу: «Вернув-

464

шись в Париж, я в своем очередном рапорте так охарактеризовал эту лихорадочную работу, что велась во французском генеральном штабе по проведению в жизнь большой программы вооружения: «Окна на Сен-Жерменском бульваре светятся подолгу в необычные ночные часы...» Генеральный штаб работал, Париж танцевал на вулкане, а в Петербурге царил общее благодушное самодовольство»²⁰⁰³. До 1910 г. «Совещания начальников Генеральных штабов России и Франции носили скорее символический характер. Они не приносили почти никакой практической пользы в деле согласования союзников в будущей войне, поскольку каждый раз выяснялась полная неготовность к ней со стороны русской армии»²⁰⁰⁶. Русская военная программа была принята лишь после того, как угроза войны с Германией стала очевидной — в 1914 г.* Даже непосредственная угроза войны не выводила русских из благодушного настроения. По мнению Д. Макдоно, русские, «как представляется, сами не отдавали себе отчета в том, зачем они проводят мобилизацию против Германии. Хелиус телеграфировал Вильгельму из Санкт-Петербурга: «Мое впечатление: они начали мобилизацию на всякий случай, без агрессивных намерений». Вильгельм написал на полях: «Совершенно верно, так и есть»²⁰⁰⁷.

Правда, в марте 1914 г. военный министр опубликовал нашумевшую статью «Россия готова»²⁰⁰⁸: «Мы все знаем, что готовимся к войне на западной границе, преимущественно против Германии... Не только армия, но и весь русский народ должен быть готов к мысли, что мы должны вооружиться для истребительной войны против немцев и что германские империи должны быть разрушены, хотя бы пришлось пожертвовать сотнями тысяч человеческих жизней»²⁰⁰⁹. Милюков расценил эту статью как провокационную. В. Сухомлинов отвечал, что его статья была лишь ответом на антироссийские милитаристские публикации в немецкой

прессе. Стилль статьи вполне соответствовал натуре военного министра, который не слишком вдавался в тонкости дипломатии и политики, однако при этом не прочь был «поиграть мускулами» для публики и прежде всего для царя**. Суть же статьи отражала реальную проблему — стремительно надвигавшуюся германскую агрессию. Однако ни морально, ни экономически Россия к мировой войне была не готова.

* «*Большая программа по усилению армии*» была разработана к концу 1912 г. под руководством генерала М. Беляева. В марте-октябре 1913 г. положения программы были одобрены Николаем II, однако утверждена она была только 24 июня 1914 г. (См. подр. Сухомлинов В.А... С. 483, прим. ред.)

** В своих мемуарах, в качестве подтверждения военных приготовлений России, Вильгельм указывает наречь генерала Щербачева, который выступая в Петербургской военной академии, в марте 1914 г. заявил, что война неизбежна и что она, по-видимому, разразится этим летом, причем «Россия будет иметь честь начать». (Вильгельм, События и образы, 1922 (Макдоно Д... С. 550))

465

Вполне естественно, что с началом войны в неготовности армии к ней общественность обвинила прежде всего военного министра. В. Сухомлинов не был выдающейся личностью. П. Столыпин, смертельно раненный, просил «доложить государю о необходимости замены Сухомлинова «ввиду сумбура в его голове». — «Наша оборона, в руках человека неподходящего, ненадежного, не умеющего внушить к себе уважения»²⁰¹⁰. Но военный министр не мог собой заменить русской промышленности, которая физически была не способна обеспечить армию всем необходимым. Заказы же, размещаемые за границей, курировали многие влиятельные люди и в первую очередь великий князь Сергей Михайлович. Военный министр имел слабости, на них указывали многие современники, в частности А. Игнатьев писал: «Какая громадная пропасть лежала между его частной жизнью и служебным долгом, который уже отходил в его уме на второй план. Он переставал сознавать всю ответственность, возложенную на него за судьбы страны»²⁰¹¹.

А. Брусилов, характеризуя Сухомлинова, писал: «Считаю его человеком, несомненно, умным, быстро соображающим и распорядительным, но ума поверхностного и легкомысленного. Главный же его недостаток состоял в том, что он был, что называется, очковтиратель и, не углубляясь в дело, довольствовался поверхностным успехом своих действий и распоряжений... Несомненно, его положение было трудное при слабохарактерном императоре, на которого влияли с разных сторон. Помимо того, он восстановил еще против себя, в угоду правительственному течению, всю Государственную Думу... Во всяком случае, я убежден, что Сухомлинов изменником не был, принял военное министерство в отчаянно расстроенном виде и за пять лет работы сделал довольно много, хотя и недостаточно. Нельзя не признать, что мог он и должен был сделать гораздо больше»²⁰¹².

Именно при Сухомлинове была проведена реорганизация тылового обеспечения русской армии. Была даже создана специальная Интендантская академия²⁰¹³. Усилилось техническое оснащение армии (в частности, в ней впервые появились автомобили). Была создана масштабная система запасов (например, были построены стратегические холодильники вдоль железных дорог). Произведена кадровая чистка армии (в отставку были отправлены 341 генерал и 400 полковников). Сам В. Сухомлинов объяснял незаконченность своих реформ финансовыми ограничениями, вмешательством в его работу великих князей и сопротивлением реформам либеральной общественности. Тем не менее В. Сухомлинов имел право заявить, что «никогда Россия не была так готова к войне, как в 1914 г.»²⁰¹⁴ Именно при Сухомлинове была впервые в России блестяще проведена быстрая общая мобилизация огромной русской армии²⁰¹⁵. Даже немцы не ожидали от русских такой прыти. О трудностях, с которыми

столкнулся русский Генштаб говорит хотя бы тот факт, что при мобилизации русского солдата надо было перебросить в среднем на тысячу километров — в четыре раза дальше, чем германского²⁰¹⁶.

466

Военный министр позже оправдывался в своих мемуарах....: «Я отрицаю... всякий упрек в неготовности русской армии перед открытием кампании... Утвержденная программа усиления нашей армии, ее пополнения и вооружения могла в действительности создать наши вооруженные силы в полной готовности для активного участия в европейской войне, но не ранее 1916 года. В критические дни перед объявлением войны я... был устранен с того момента, когда русские дипломаты, в особенности Сазонов, не считаясь с моим мнением о состоянии армии, считались с великим князем Николаем Николаевичем и подчиненным мне начальником Генерального штаба генералом Янушкевичем, который злоупотребил моим доверием... Будь сохранен мир, русская армия в 1916 году была бы с более прочным залогом для проведения в жизнь всероссийских и мировых политических задач, нежели войною 1914 года...»²⁰¹⁷

Главнокомандующего русской армией великого князя Николая Николаевича*, бывшего тогда еще председателем Комитета государственной обороны, Столыпин характеризовал в 1907 г. следующим образом: «Удивительно он резок, упрям и бездарен. Все его стремления направлены только к войне, что при его безграничной ненависти к Германии очень опасно. Понять, что нам нужен сейчас только мир и спокойное дружное строительство, он не желает и на все мои доводы резко отвечает грубостями. Не будь миролюбия государя, он многое мог бы погубить»²⁰¹⁸. С. Витте вспоминал, что еще «во время русско-японской войны великий князь Николай Николаевич носился с мыслью начать войну против Германии и Австро-Венгрии. Мысль эта была тем более бессмысленной и вредной, что в конфликте с Японией германский кайзер Вильгельм был на стороне России, исходя, конечно, из германских интересов»²⁰¹⁹. Адмирал И. Григорович писал о 1912 году, когда кризис на Балканах чуть было не вовлек Россию в войну: «Я мечтал отдохнуть, даже заказал себе билеты... но меня не пустил государь... Его величество просит обождать, так как военная партия требует вмешательства, это именно великий князь Николай Николаевич, которому все равно, готов флот или нет, лишь бы начать войну с готовой армией (без артиллерии и проч.)»²⁰²⁰. Немецкий историк В. Бемельбург: «Осенью 1912 года великий князь Николай Николаевич, который присутствовал на больших французских маневрах, воскликнул под восторженные аплодисменты французских офицеров: «Я пью за нашу общую будущую победу! До встречи в Берлине, господа!»²⁰²¹ Записи адмирала Григоровича 1914 года еще более тревожны: военные «действительно втянут нас в войну, и очень скоро. Недаром Николай Николаевич все хлопочет

* Николай Николаевич был женат на дочери черногорского князя Милиции, активно интригующей в пользу войны с Австро-Венгрией, Великий князь Александр Михайлович отмечал: «ничто не могло остановить черногорок от вмешательства в государственные дела». (Александр М... С. 141.)

467

о морской демонстрации у Бургаса, хорошо, что государь не соглашается»²⁰²². Историк Д. Чавчавадзе отмечал «воинственность» великого князя, который «всегда ненавидел немцев, и его радовала перспектива войны с ними...»²⁰²³

Другим ярким сторонником войны неожиданно стал министр иностранных дел С. Сазонов, который до конца июля выступал против нее. С. Сазонов поменял свое мнение после встречи с французским послом Палеологом и начальником Генерального штаба Янушкевичем, выступив в итоге за всеобщую мобилизацию. По мнению Кигана, «это решение не было вызвано острой необходимостью. Возможно, на министра иностранных дел России Сазонова, поддержавшего

инициативу русского Генерального штаба объявить полную мобилизацию армии, повлияла военная акция Австро-Венгрии, чьи канонерские лодки в ночь на 29 июля обстреляли Белград. Но бомбардировка не причинила городу существенного вреда...»²⁰²⁴ Однако подобная провокация не может иметь решающего значения для принятия такого кардинального решения, как объявление войны.

Очевидно, что министром иностранных дел двигали более глубокие мотивы, отражавшие уже давно сформировавшиеся тенденции. В этой связи позицию С. Сазонова в определенной мере можно принимать, как выражение обобщенного мнения подавляющего большинства представителей высших кругов российского общества. В данном случае можно выделить несколько тенденций, толкавших Россию к мировой войне:

— Во-первых, милитаристские настроения и приготовления немцев ни для кого не были секретом. С. Сазонов по должности должен был быть еще более информированным. Он действительно постоянно получал донесения о спешной подготовке Германии к войне, например: «Из коммерческих кругов в течение первой половины года поступали сведения о весьма интенсивной работе по приобретению Германией сырья и требовании ею возможно скорой уплаты по кредитам за различные поставки в Россию»²⁰²⁵. В департамент полиции тем временем поступил «циркуляр германского Генерального штаба № 421 от 9 июня 1914 года о немедленной мобилизации всех промышленных предприятий в Германии...»²⁰²⁶ «16 июля в Германии было объявлено состояние военной опасности «Kriegsgefahrzustand», которое давало ей возможность в любой день начать военные действия... не произнося слова «мобилизация»²⁰²⁷. В итоге С. Сазонов докладывал Николаю II, что «имеет храбрость взять на себя предложение не отменять частичной мобилизации, считая, по всем имеющимся в его распоряжении данным, войну неизбежной»²⁰²⁸.

— Во-вторых, министр иностранных дел был типичным представителем того слоя русской интеллигенции, для которого мнение просвещенной Европы во многом было определяющим. Далеко не случайно встреча с послом Франции, настаивавшим на полной мобилизации,

468

оказала влияние на изменение позиции С. Сазонова. До этого на протяжении нескольких лет С. Сазонов занимал последовательную антигерманскую позицию, следуя рекомендациям британского посла. Проанглийские и профранцузские симпатии министра иностранных дел отмечали почти все современники. Великий князь Александр Михайлович, например, характеризовал С. Сазонова следующим образом: «министр иностранных дел служит марионеткой в руках французского и английского правительств, его политика вовлекает Россию во всевозможные авантюры на Балканах и создает трудности в ее отношениях со странами Центральной Европы»²⁰²⁴.

— Ссылку на третью тенденцию можно найти в воспоминаниях П. Милюкова, который отмечал великодержавные, панславянские настроения министра иностранных дел. Призывая Николая II объявить общую мобилизацию, «Сазонов переходил в сентиментально-патриотический тон. Россия не простит царю капитуляции, которая «покрыла бы срамом доброе имя русского народа»; «исторически сложившееся влияние на естественных союзников России на Балканах будет уничтожено»; Россия «будет обречена на жалкое существование, зависимое от произвола центральных империй...»²⁰³⁰ С. Сазонова поддерживал другой министр А. Кривошеин, который заявлял: «Члены парламента и общественные деятели не поймут, почему в самый критический момент, когда речь идет о жизненных интересах России, правительство империи отказывается действовать решительно и твердо... Все факторы дают основание полагать, что наиболее справедливая политика, которую может проводить Россия в

сложившихся обстоятельствах, заключается в возврате к более твердому и более энергичному противодействию неразумным притязаниям центральноевропейских держав»²⁰³¹.

Поводом для начала мобилизации русской армии стали именно панславянские лозунги. Великий князь Александр Михайлович по этому поводу замечал: «Пятнадцать миллионов русских крестьян должны были оставить в 1914 г. домашний очаг, потому что Александр II и Александр III считали необходимым защищать балканских славян от притязаний Австрии. Вступительные слова Манифеста, изданного царем в день объявления войны... (гласили): «Верная своим историческим традициям, наша империя не может равнодушно смотреть на судьбу наших славянских братьев». Трудно добиться большего нагромождения нелогичностей на протяжении этой короткой фразы»²⁰³².

— На четвертую тенденцию указывал В. Воейков: «С. Сазонов держался того мнения, что только война может предупредить революцию, которая непременно вспыхнет, если войны не будет»²⁰³³. Это напоминало тезис Победоносцева накануне русско-японской войны 1904 г. о необходимости «маленькой победоносной войны». Аналогичный довод, сплочения нации перед угрозой войны, стал одной из причин и начала русско-турецкой войны 1877 г. Однако исторический пример этих войн,

469

которые закончились всплесками революционных волнений, говорил о прямо противоположном эффекте влияния войн на революцию.

Именно на этом опыте основывалось завещание, оставленное П. Столыпиным во время балканского кризиса 1908 г., предшественнику С. Сазонова А. Извольскому. Когда последний попытался поднять вопрос о возможности «сойти с почвы строго охранительной политики» и вести дело с твердостью, подобающей великой державе. П. Столыпин заявил, что «в настоящее время министр иностранных дел ни на какую поддержку для решительной политики рассчитывать не может. *Новая мобилизация в России придавала бы силы революции, из которой мы только начинаем выходить*»... «*В случае серьезных осложнений на Балканах придется надеяться лишь на дипломатическое искусство министра иностранных дел. В руках его теперь рычаг без точки опоры...*»²⁰³⁴ В Германии очевидно придерживались аналогичного мнения. «Немецкий посол граф Пурталес, который провел семь лет в России, пришел к выводу и постоянно заверял свое правительство в том, что эта страна не вступит в войну из-за страха революции»²⁰³⁵. Ее признаками в июле 1914 г. «по словам посла, служили забастовки, в те дни происходившие на многих крупных фабриках и заводах Петербурга»*.

Нелогичность поведения С. Сазонова, по-видимому, отчасти находит объяснение в рассуждениях О. Бисмарка по итогам русско-турецкой войны. В сентябре 1879 г. он пытался найти практические соображения панславянским, великодержавным амбициям России и приходил к парадоксальным выводам: «Если... император Александр, не желая войны с Турцией, все же вел ее под влиянием панславистов, то, учитывая усиление внимания этой партии, можно опасаться, что панславистам удастся получить подпись императора для дальнейший военных предприятий на Западе... если справедливы опасения консерваторов России, что *партия движения..., стараясь втянуть Россию в тяжелые войны, стремится не столько к победе России над заграницей, сколько к перевороту внутри России*. При этих условиях я не могу отделаться от мысли, что в будущем и, быть может, даже в близком будущем, миру угрожает Россия и притом только Россия»²⁰³⁶. Данная версия получает право на жизнь ввиду того, что именно Сазонов и Кривошеин в 1916 г. выступят во главе «забастовки министров», которую современники расценят, как первую попытку

государственного переворота, предшест-

* Действительно, в июне 1914 г. в России вспыхнули самые крупные массовые революционные беспорядки со времен революции 1905 г. Почти одновременно аналогичные забастовки начались в Ирландии. Председатель Думы М. Родзянко, Пуанкаре и У. Черчилль считали, что повод для их возникновения был «несомненно германского происхождения». Воейков В. так же вспоминал, что «упорно циркулировали слухи, будто бы деньги на забастовочное движение широко лились из «Дойче банк». (Воейков В.Н... С. 78-79.)

470

вовавшую Февралю 1917 г. Эти параллели скептик может оценить как намек на заговор. Отнюдь. Они скорее говорят об устойчивости тенденций, двигавших развитием русского общества.

Результирующая позиция министра иностранных дел, как и других ответственных лиц государства, очевидно формировалась под совокупным воздействием этих тенденций. В решении С. Сазонова не последнюю роль сыграл и психологический фактор*, аккумулировавший все вышеуказанные тенденции. Под давлением Янушкевича, Сазонова и Николая Николаевича Николай II принял решение об общей мобилизации.

НО ВЕРНЕМСЯ К ГЕРМАНИИ

По словам Томаса Манна, война для немцев должна была стать «очищением, освобождением, великой надеждой. Победа Германии будет победой души. Германская душа противоположна пацифистскому идеалу цивилизации, поскольку не является ли мир элементом, разрушающим общество?» Эта концепция — зеркальное отражение основной германской милитаристской теории о том, что война облагораживает, — была очень недалеко от сентенций Рупперта Брука, и в то время ее придерживалось немало уважаемых людей, в числе которых был и Теодор Рузвельт. К 1914 году, не считая окраинных войн на Балканах, Европейский континент не переживал подобных потрясений в течение целого поколения, и, по мнению одного наблюдателя, приветственное отношение к войне зависело в какой-то степени от «неосознанной скучности мира»²⁰³⁷. Эти слова подтверждал начальник военного кабинета императора ген. фон Линкер: «Ничего лучше радостной и победоносной войны нам не надо. Армия устала от этого 39-летнего мира и жаждет войны. Мы совершенно готовы начать ее немедленно...»²⁰³⁸

* По подсчетам О. Холсти, в критический период, примерно месяц, предшествовавший развязыванию войны, Министерства иностранных дел 5 ведущих стран получили от своих посольств 5620 документов, состоявших почти из 1,5 миллиона слов. Причем объем переписки резко возрастал по мере приближения необходимости принимать важнейшие решения. В расчеты политиков властно вторгся фактор времени. Н. и Д. Макворс показали, что при сокращении времени для принятия решений в пять раз количество ошибок возрастает в пятнадцать раз! Это частично объясняется тем, что во внимание принимаются не фактические данные, отражающие объективную реальность, а стереотипы (в свою очередь, стереотипы формируются под воздействием ранее сформированных тенденций. Т.е. процесс начинает управлять человеком, а не человек процессом. — В.Г.) (Предисловие О. Касимова. Mackworth N.H. and Mackworth J.J. Visual Search for Successive Decisions. «British Journal of Psychology», IL, 1958. P. 210-211. (Такман Б... С. 10-11.))

471

Однако, как отмечает Б. Такман: «Немецкий делец имел (и) более конкретные цели. Россия должна быть подчинена настолько, чтобы никогда больше славянская угроза не нависала над Европой. Великобритания должна быть совершенно повержена и лишена флота, Индии и Египта; Франция — заплатить такую контрибуцию, от которой бы она никогда не оправилась; Бельгия должна отдать свое побережье, поскольку Германии нужны порты в проливе; Япония будет наказана в свое время. Союз «всех тевтонских и скандинавских народов в Европе, включая Болгарию, будет пользоваться абсолютным господством от

Северного до Черного моря. У Европы будет новая карта, в центре которой — Германия». Подобные разговоры еще за несколько лет до войны не способствовали развитию дружественных чувств по отношению к Германии. «Мы часто действовали миру на нервы, — признается Бетман-Гольвег, — часто объявляли о праве Германии вести за собой мир. Это, — поясняет он, — истолковывалось как стремление к мировому господству, но на самом деле являюсь «неуравновешенной запальчивостью мальчишества»²⁰³⁹, которое в результате привело к двум мировым войнам и десяткам миллионов жертв!

В 1911 г. Отто Р. Танненберг издает книгу «Великогермания. Предстоящая работа в ходе XX века». Ее смысл отражает изданная в том же году генералом фон Бернарди книга «Германия и следующая война», ставшая бестселлером. Названия трех ее глав — «Право вести войну», «Долг вести войну», «Мировая держава или падение» — выражают ее основные тезисы. В «Исторической миссии Германии» он писал: «Война является биологической необходимостью, это выполнение в человеческой среде естественного закона, на котором покоятся все остальные законы природы, а именно законы борьбы за существование. Нации должны прогрессировать или загнивать, «не может быть стояния на одном месте», и поэтому Германия должна выбрать «между мировым господством или падением». Среди других наций Германия «в социально-политических аспектах стоит во главе всего культурного прогресса», но «зажата в узких, неестественных границах». Она не сможет достичь «своих великих моральных целей» без увеличения политической силы, расширенных сфер влияния и новой территории. Это увеличение мощи, «соответствующее нашему значению» и «которое мы вправе требовать», является политической необходимостью и «первой, самой главной обязанностью государства... Мы должны сражаться за то, чего мы сейчас хотим достигнуть... Завоевание, таким образом, становится законом необходимости...»²⁰⁴⁰ «Требуется раздел мирового владычества с Англией. С Францией необходима война не на жизнь, а на смерть, которая уничтожила бы навсегда роль Франции как великой державы и привела бы ее к окончательному падению. Но главное наше внимание должно быть обращено на борьбу со славянством, этим нашим историческим врагом»²⁰⁴¹.

472

Фельдмаршал фон дер Гольц в своей книге «Нация с оружием» поучал: «Мы завоевали наше положение благодаря остроте наших мечей, а не умов... Греки верили: характер — это судьба. Принятие рокового решения было обусловлено многими столетиями немецкой философии: в ней были заложены семена самоуничтожения, ожидавшие своего часа. Она говорила устами Шлиффена, но ее создали Фихте, веривший, что германский народ избран Провидением, дабы занять высшее место в истории Вселенной; Гегель, считавший, что немцы ведут остальной мир к славным вершинам принудительной культуры; Ницше, утверждавший, что сверхчеловек стоит выше обычного контроля; Трейчке, по которому усиление мощи является высшим моральным долгом государства, всего германского народа»²⁰⁴².

Вильгельм II провозглашал: «Солдат и армия, а не парламентские большинства и их решения объединили империю. Я надеюсь на армию». Популярный историк Г. Трейчке из Берлинского университета, указывал, что Германия — это государство, «которое стало великим благодаря своей армии, отстоявшей его величие» и дальнейшая ее задача — сокрушение «кольца враждебных государств». Другой идеолог пангерманизма, Гибихенфельд, утверждал: «Без войны не может существовать общественная закономерность и какое-либо сильное государство». Профессор Фукс в своей газете "Ди Пост" вопрошал: «Кто же возвышается и прославляется в национальной истории? Кому отдана глубочайшая любовь немца? Может быть, Гете, Шиллеру, Вагнеру,

Марксу? О, нет... Барбароссе, Фридриху Великому, Блюхеру, Мольтке, Бисмарку..., ибо они в свое время сделали то, что мы должны сделать сегодня». В 1912 г. на заседании «Пангерманского союза» в Эрфурте один из его руководителей генерал-лейтенант фон Врохем провозглашал: «... Мы обязаны подготовить нашу молодежь к военным походам, к будням великих испытаний, когда судьба Германии будет решаться на полях брани». Годом позже он говорил: «Нации, которая быстрее развивается и мчится вперед, подобно нации немцев, нужны новые территории, и если их невозможно приобрести мирным путем, остается один лишь выход — война»²⁰⁴³.

В начале 1914 года старший сын Вильгельма II опубликовал книгу «Кронпринц. Мысли о будущем Германии», в которой были представлены чисто пангерманские идеи территориальной экспансии; был намек на необходимость государственного переворота ради восстановления прерогатив монарха. Книга имела успех: было продано 22 тысячи экземпляров.

Милитаристские тенденции захлестывали как правые, так и левые круги немецкого общества. Немецкие социал-демократы, получившие на выборах 1913 г. треть мест в парламенте, дружно голосовали за выделение правительству военных кредитов. По мнению С. Хаффнера, причина поддержки войны социал-демократами заключалась в том что

473

«в 1914 г. СДПГ в действительности была уже парламентской, а не революционной партией. Она больше не стремилась разрушить существующее государство. Она хотела вместе с другими парламентскими партиями — либералами и партией Центра — встать в него. Массовые манифестации и красные знамена являлись не более, чем традиционным ритуалом». Выступление единым фронтом с властью, против общенациональной угрозы, позволяло социал-демократам заслужить признание национальной, государственной политической силы. В августе 1914 г. германские профсоюзы постановили — прекратить на время войны все забастовки и отказаться от требований повышения зарплаты.

Милитаристское движение в Германии приобрело массовый характер. По всей стране создавались «общественные» организации — «Пан-германский союз», «Военный союз», «Немецкое колониальное товарищество», «Флотское товарищество», «Морская лига», «Союз обороны», ведущие пропаганду этих идей. Министр образования Пруссии в 1891 г. давал указания вести обучение таким образом, чтобы «сердца молодых людей могли облагораживаться энтузиазмом за германский народ и за величие германского гения». И под теми же лозунгами возникали студенческие, молодежные, даже детские организации. Например, движение "Wandervogel". В 1910 по указу кайзера возник "Югендвер" ("юношеская армия"), затем появился еще и "Юнгдойчланд бунд", призванный сочетать усиленную физическую подготовку с пропагандистскими задачами. В воззваниях этой организации детям внушалось: «Война прекрасна... Мы должны встречать ее мужественно, это прекрасно и замечательно жить среди героев в церковных военных хрониках, чем умереть на пустой постели безвестным»... Провозглашалось, что на немцах лежит «историческая миссия обновления дряхлой Европы», и утверждалось «превосходство высшей расы»²⁰⁴⁴.

В высших слоях немецкого общества наряду с империалистическими лозунгами звучали и явно миссионерские мотивы защиты западной цивилизации от нашествия русских варваров и великой исторической роли Германии, призванной указать путь развития всему человечеству. В 1912 г. кайзер провозглашал: «Глава вторая Великого переселения народов закончена. Наступает глава третья, в которой германские народы будут сражаться против русских и галлов. Никакая будущая конференция не сможет ослабить значения этого факта, ибо это не вопрос высокой политики, а вопрос выживания *расы*». А

действующий начальник Генштаба Мольтке еще до войны указывал: «Латинские народы прошли зенит своего развития, они не могут более ввести новые оплодотворяющие элементы в развитие мира в целом. Славянские народы, Россия в особенности, все еще слишком отстали в культурном отношении, чтобы быть способными взять на себя руководство человечеством. Под правлением кнута Европа обратилась бы вспять, в состоянии духовного варварства. Британия преследует только материальные интересы. Одна

474

лишь Германия может помочь человечеству развиваться в правильном направлении. Именно поэтому Германия не может быть сокрушена в этой борьбе, которая определит развитие человечества на несколько столетий»²⁰⁴⁵.

Канцлер Бетман-Гольвег 16 сентября 1914 г. представил «Памятную записку о целях войны», в которой писал, что «германское лидерство не может быть достигнуто на основе соглашения об общих интересах — оно создается только вследствие политического превосходства»... «Россия должна быть отброшена в Азию и отрезана от Балтики; с Францией и Англией мы всегда сможем договориться, с Россией — никогда». «Мир должен быть достигнут за счет «реакционной России, что не закроет возможности для переговоров с демократическим Западом»... Правда при этом в записке предусматривалось: уничтожение Франции как великой державы, взыскание с нее такой контрибуции, от которой она никогда не оправилась; установление германского контроля над стратегическими отраслями бельгийской и французской промышленности; ликвидация британского господства на континенте, лишение Англии флота, Индии и Египта... Бетман-Гольвег указывал: «Абсолютно императивным является требование, чтобы *Срединная Европа*... образовывала единую экономическую общность. Нидерланды и Швейцария, три скандинавских государства и Финляндия, Италия, Румыния и Болгария будут присоединены к этому ядру постепенно... Великая Германия включит в себя Бельгию, Голландию, Польшу как непосредственные протектораты и Австрию как опосредованный протекторат». Запад и Восток должны будут подчиниться *«Срединной Европе»*, а «вся Юго-Восточная Европа» окажется «лежащей у наших дверей культурной колонией». Детальная проработка подобных проектов официально была поручена фон Шверину, считавшему главной задачей «расчленение России и отбрасывание ее к границам, существовавшим до Петра I, с последующим ее ослаблением»...²⁰⁴⁶

Министр иностранных дел фон Ягов, представил 2.09 меморандум о «восточной угрозе»: «До сих пор гигантская Российская империя с ее неиссякаемыми людскими ресурсами, способностью к экономическому возрождению и экспансионистскими тенденциями нависала над Западной Европой как кошмар. Несмотря на влияние западной цивилизации, открытое для нее Петром Великим и германской династией, которая последовала за ним, ее фундаментальная византийско-восточная культура отделяет ее от латинской культуры Запада. Русская раса, частично славянская, частично монгольская, является враждебной германо-латинским народам Запада...» 30.10 Ягов призывал «отбросить русский кошмар на Восток»: «...Россия останется нашим врагом и в будущем. Следует решить вопрос, не диктует ли необходимость выдворения полуазиатской Московской империи за Буг рассматривать как императивно необходимую, поскольку нынешний поворот истории обя-

475

зывает нас, как представителей западной культуры, отбросить славян за Эльбу, Одер и Вислу». Польшу, «славянское государство без монгольского элемента», он предлагал сделать «буферной зоной», подконтрольной Германии.

Министр внутренних дел Германии фон Лебедь 29. 11. 1914 в меморандуме «О целях войны» изложил свое видение вопроса: «Нам могут пригодиться лучшие

порты и более широкое побережье с более свободным выходом в Мировой океан, более сильная континентальная позиция по отношению к английскому сопернику; мы нуждаемся в безусловной свободе морей, в колониях с удобными гаванями, которые можно защитить, в колониях, снабжающих нас сырьем и способных стать рынками для сбыта, в колониях, способных жить своей собственной экономикой и отличающихся по сравнению с английской колониальной империей сплоченностью и свободой передвижения. Нам не нужны потерянные в мире позиции, которые нельзя удержать. Мы можем это все завоевать... Нам нужна на западе граница, которая дала бы нам по возможности ключ к Франции. Нам могут пригодиться районы угля и руды, прилегающие непосредственно к нашей границе... Наконец, нам нужна военная контрибуция, которая связала бы на долгое время Францию в экономическом отношении, лишила бы ее возможности развить в других частях света финансовую деятельность во вред нам. Это значит, что удовлетворение наших потребностей должно пойти в первую очередь за счет Франции, что необходимо фундаментальное изменение бельгийских условий, для чего необходимо добиться по меньшей мере сильных частичных успехов в борьбе с Англией, и что от России мы можем взять мало или даже вовсе ничего не взять...

Теперешняя война России с Германией основана на временных, а вовсе не на принципиальных противоречиях. Однако в первую очередь Россия хочет нас поразить как союзника Австро-Венгрии, поскольку она вообще сохранила контроль над своей политической волей в результате неопределенной политики последнего десятилетия, руководившейся не столько интересами страны, сколько инстинктом... Не так уже ошибаются люди, утверждающие, что война России с нами рождена не столько русско-французским союзом, сколько германско-австрийским. Дело в том, что Россия отнюдь не была для нас невыносимым соседом, напротив, она была максимально удобным соседом в самые трудные наши времена...»

Лебель продолжал: «Мы боремся за свое мировое политическое будущее. Для его обеспечения необходимо в первую очередь обладать достаточной территориальной и союзно-политической гарантией на континенте против нападений на метрополию — гарантией, которая по своей ценности была бы равна той, которую Англия имеет на морях. Эта гарантия нашей безопасности должна основываться на длительном ослаблении Франции и усилении нашей западной границы. Эта гарантия тре-

476

бует ликвидации бельгийских условий, оказавшихся невыносимыми. Она должна предотвратить слишком далеко идущую славянизацию и колонизацию Австро-Венгрии. Она, наконец, не должна допустить, чтобы вновь поднялся сосед, мечтающий о реванше... Она, наконец, заставляет желать, чтобы Англия и Япония находились под постоянным давлением, исходящим от покоренной нами России, ибо так как Россия является мощной политической реальностью, от которой нельзя отмахнуться и мы не ощущаем потребности обогатиться за ее счет, то мы должны заботиться о том, чтобы использовать ее в наших всемирно-политических интересах»²⁰⁴⁷.

Общегерманский союз в сентябре 1914 г. определял цели войны как создание «Миттельойропы»²⁰⁴⁸. Понятие этого термина наиболее полно дал либерал Ф. Науманн, опубликовавший в октябре 1915 года книгу «Миттельойропа». По его представлению, основой концепции *«Срединной (Объединенной) Европы»* должен был стать экономический и таможенный союз, который включал бы в себя Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Австро-Венгрию, Польшу и, возможно, Италию, Швецию и Норвегию. Эта ассоциация не должна была иметь какой-либо единой конституционально оформленной высшей власти, все ее члены должны были быть формально равны, но на практике находиться под германским

руководством и стабилизировать германское экономическое доминирование над Миттельойропой. При этом «Франция должна быть ослаблена, чтобы сделать ее возрождение в качестве великой державы невозможным на все времена. Россия должна быть отброшена назад настолько далеко, насколько это возможно, от германской восточной границы, а ее доминирование над нерусскими вассальными народами должно быть сокрушено»²⁰⁴⁹. Общегерманский союз предполагал дополнительно включить в «Миттельойропу» Швейцарию, Финляндию, Болгарию, Румынию... Планы создания «Великой Германии» или «Миттельойропы» объединялись с планами создания «Германской Центральной Африки» за счет присоединения португальских, бельгийских, французских, части британских колоний. Предусматривалось создание обширных владений в Китае, распространение влияния на Южную Америку — в противовес США.

Крупнейший промышленник А. Тиссен утверждал, что «Россия должна лишиться балтийских провинций, части Польши, Донецкого угольного бассейна, Одессы, Крыма, Приазовья и Кавказа». Ассоциация промышленников Рура требовала «Украину вплоть до Дона, Крым и Кавказ», чтобы «не тормозить сырьевую обеспеченность Срединной Европы». При этом «лицо России должно быть силой повернуто на восток снова, она должна быть загнана в границы, существовавшие до Петра Великого»²⁰⁵⁰. Промышленники Германии дополняли список территорий, включаемых в «Миттельойропу»: балканские страны, балтийские провинции России, часть Польши, Украину, Северный Кавказ. Цель Гер-

477

мании на Востоке — обеспечение сырьем немецкой промышленности и приобретение стратегических районов. «Только тогда Германия могла бы говорить на равных с Америкой и Британской империей»²⁰⁵¹. Партии центра расходились с правыми лишь в акцентах. «Кровавая борьба делает настоящим, чтобы победа была использована для достижения Германией военного превосходства на континенте на все времена и обеспечила германскому народу мирное развитие по меньшей мере на сто лет вперед... Вторая цель — ликвидация британского опекуна при решении вопросов мировой политики, нетерпимого для Германии; третья цель — сокрушение русского колосса»²⁰⁵².

Таким образом вырисовывалась окончательная цель Германии в войне — создание Объединенной Европы, под немецким контролем — «Миттельойропы» — и коренной передел мира в пользу Германии. За счет сокрушения остальных великих держав Англии, Франции, США и России. Россия вообще для Германии должна была превратиться в подобие сырьевой резервации. «Союз немецких производителей стали и железа» требовал, чтобы немцам была гарантирована свобода экономической деятельности в России. Их особенно интересовала железная руда и марганец для того, чтобы в будущей войне с англосаксами получить независимую базу производства оружия. «Россия должна быть превращена в поставщика сырьевых материалов, зависимого от Германии». Было выдвинуто требование разорвать соглашения России с Америкой, Англией и Францией, осуществить «свободную миграцию рабочей силы из русских индустриальных районов»²⁰⁵³.

План создания Объединенной Европы — не немецкое изобретение, ее идея вынашивалась еще во времена Французской революции; она напрашивалась сама собой. Впервые идеи «Срединной Европы» возникли в промышленных и банковских кругах Германии, как инструмент немецкой экономической экспансии в конце XIX века. В среде политиков идея получила распространение в виде «Соединенных Штатов Европы». На официальном уровне идею первым поднял канцлер Каприви в 1890 г. Ее горячим сторонником стал кайзер. В 1895 году «Срединная Европа» обсуждалась на страницах газеты «Франкфуртер цейтунг».

Тогда же с призывами создать экономический союз государств Центральной Европы выступили представители диаметрально противоположных политических течений: социалисты, с одной стороны, пангерманисты — с другой. Вильгельм в 1901 г. излагал свои планы создания европейского «Таможенного союза» — в качестве «редута против Соединенных Штатов» Америки.

Идея «Единой Европы» в то время витала в воздухе. В 1896 г. Витте в разговоре с Вильгельмом II говорил: «Европа в среде других стран представляет собой дряхлеющую старуху, и если так будет продолжаться, то через несколько столетий Европа будет совершенно ослаблена

478

и потеряет первенствующее значение в мировом концерте, а заморские страны будут приобретать все большую и большую силу, и через несколько столетий жители нашей земной планеты будут рассуждать о величии Европы так, как мы теперь рассуждаем о величии Римской империи, о величии Греции... Его величество этот взгляд очень удивил, и он мне поставил вопрос: «Что же, по вашему мнению, нужно делать, для того чтобы этого избежать?» Я ему на это ответил: «Вообразите себе, ваше величество, что вся Европа представляет собой одну империю, что Европа не тратит массу денег, средств, крови и труда на соперничество различных стран между собой, не содержит миллионы войск для войн этих стран между собой и что Европа не представляет собой того военного лагеря, каким она ныне в действительности является, так как каждая страна боится своего соседа; конечно, тогда Европа была бы и гораздо сильнее, и гораздо культурнее; она действительно явилась бы хозяином всего мира, а не дряхлела бы под тяжестью взаимной вражды, соревнований и междоусобных войн. Для того чтобы этого достигнуть, нужно прежде всего стремиться установить прочные союзные отношения между Россией, Германией и Францией. Раз эти страны будут находиться между собой в твердом, непоколебимом союзе, то, несомненно, все остальные страны континента Европы к этому центральному союзу примкнут, и таким образом возникнет общий континентальный союз, который освободит Европу от тех тягостей, которые она сама на себя наложила для взаимного соперничества. Тогда Европа сделается великой, снова расцветет, и ее доминирующее положение над всем миром будет сильным и установится на долгие времена. Иначе Европа и вообще отдельные страны, ее составляющие, находятся под риском больших невзгод»²⁰⁵⁴. Что это, как не проект создания Евросоюз?..

Военный министр В. Сухомлинов утверждал: «Русские и немцы настолько соответствуют друг другу в отношении целесообразной, совместной продуктивной работы, как редко какие-нибудь другие нации. Но для сохранения мира в Европе этого было недостаточно — необходим был тройственный союз на континенте. Вместе все это создавало почву для predetermined истории коалиции: Россия, Германия и Франция — коалиции, обеспечивавшей мир и европейское «равновесие», угрожавшей лишь одной европейской державе — Англии»²⁰⁵⁵. Сам Вильгельм перебрал все возможные варианты будущего союза. В зависимости от текущей ситуации он рисовал его то по линии Москва — Берлин — Париж, «против наглости Англии», то Берлин — Париж — Лондон, «против угрозы цивилизации со стороны России», и даже предлагал Хаузу ось Берлин — Лондон — Вашингтон, заявляя при этом, что Франция и Россия — страны «полуварварские»²⁰⁵⁶.

К началу Первой мировой идея союза ограничилась только континентальной Европой. Комментируя немецкие планы создания «Миттельойропы», Уткин делает весьма многозначительное и важное заме-

479

чание: «Мы нигде не находим планов инкорпорации России в Европе...» «...роль

бастиона "Миттельойропы" против "Московии", — отмечает Уткин, — предназначалась находящейся под германским протекторатом Польше. Поляков из Силезии и Пруссии предполагалось переселить на восточные земли Польши... Мы видим, как старый прусско-германский национализм превращается в германский расизм, крушащий все восточноевропейские границы ради германской гегемонии в Европе»²⁰⁵⁷.

Правда, в Германии существовали и другие мнения, хотя они не получили распространения: Генерал фон Сект (который в будущем возглавит рейхсвер) заявлял: «Решающим является вопрос, какая нация может быть нашим лучшим союзником в борьбе против Англии? Ответ, по моему мнению, будет иметь решающее значение в проведении нашей политики в будущем... Францию следовало бы приветствовать в качестве союзника, и с географической точки зрения такой выбор сделать легко. Но Франция в любом случае будет слабым союзником, даже если она и в стойле. Итак, в качестве потенциального союзника можно рассматривать лишь Россию. У нее есть то, чего нет у нас»²⁰⁵⁸. Аналогичной позиции придерживался посол в России В. Ратенау²⁰⁵⁹. Тирпиц разделял традиционно прусские убеждения о необходимости дружить с Россией. Он считал, что идея войны с восточным соседом — это «кардинальная ошибка нашей внешней политики»²⁰⁶⁰.

Возобладало мнение, которое утверждали в первую очередь кайзер и канцлер. Канцлер: «Мы должны выбирать между Англией и Россией, чтобы и после заключения мира иметь опору против одного из этих главных врагов»... «Россия должна была быть вычеркнута из европейского контекста»²⁰⁶¹. Кайзер: «Я ненавижу славян. Я знаю, что это грешно, но я не могу не ненавидеть их»²⁰⁶². «...Как военный, по всем моим сведениям, я ни малейшим образом не сомневаюсь, что Россия систематически готовится к войне с нами, и сообразно с этим я веду свою политику». Дважды в той же надписи он повторяет: это «вопрос расы»²⁰⁶³. Гинденбург: «Расовая ненависть является причиной антагонизма между Россией и нами»²⁰⁶⁴.

Идеолог К. Кранц требовал расстаться с «наивным наследием Бисмарка». А пангерманист В. Хен утверждал, что «русские — это китайцы Запада», их души пропитаны «вековой деспотизмом», у них «нет ни чести, ни совести, они неблагодарны и любят лишь того, кого боятся... Они не в состоянии сложить два и два... ни один русский не может даже стать паровозным машинистом... Неспособность этого народа поразительна, их умственное развитие не превышает уровня ученика немецкой средней школы. У них нет традиций, корней, культуры, на которую они могли бы опереться. Все, что у них есть, ввезено из-за границы». Поэтому «без всякой потери для человечества их можно исключить

480

из списка цивилизованных народов»²⁰⁶⁵. Кайзер говорил в 1912 г.: «Европейская война разразится рано или поздно, и это будет война между тевтонами и славянами...»²⁰⁶⁶

В основу расистской доктрины Вильгельма легли труды англичанина Х. Чемберлена²⁰⁶⁷, получившие большое распространение в Германии. Его «Основные черты...» до 1912 года переиздавались десять раз²⁰⁶⁸. Х. Чемберлен утверждал, что немцы были единственной способной к историческому творчеству расой, вышедшей из руин Римской империи; Германия является «спасительницей человечества»; она должна хранить себя от двух зол — «янкизированного англосаксонства и татаризированного славянства». И самое главное — необходимо хранить чистоту расы...»²⁰⁶⁹ Вильгельм возвел Х. Чемберлена в ранг рыцаря Железного креста.

Идея борьбы «германства» против «славянства» была далеко не нова. Она составляла неотъемлемую часть кодекса официального пангерманизма.

Подготовка к войне сообщила этому тезису новое реальное содержание, приведшее к «резкому оживлению расового инстинкта». Расизм стал одним из инструментов радикализации немецкого населения и пропаганды среди него тотальной войны. На известном совещании 08. 12. 1912 Мольтке указывал, что *«следует лучше обеспечить народный характер войны против России»*. Тирпицу тогда поручили задействовать свои контакты с журналистами, а Бетман-Гольвег должен был принять соответствующие меры для воздействия на общественное мнение. Фраза: война с русскими — это «вопрос жизни или смерти для немцев» стала обычной для предвоенной Германии²⁰⁷⁰.

Германская пресса кричала: «пора всех славян выкупать в грязной луже позора и бессилия», и о том, что грядущая война будет расовой, станет «последним сражением между славянами и германцами». И император Вильгельм просто ввел борьбу против «славизма» в общую программу своей мировой политики. Мы даже узнаем от него, кто был посредником при усвоении этой не новой, но обновленной идеи. «В особенности приобрел мое доверие, — признает он, — *балтийский* профессор Шиман, автор работ по русской истории и издатель ежегодных сборников по большой политике». В глазах императора — это «проницательный политик, блестящий историк и литератор, борец за германизм против славянского нахальства», с которым он «постоянно совещался в политических вопросах» и которому «обязан многими разъяснениями, особенно относительно Востока»²⁰⁷¹.

По словам Д. Макдоно, *Шиман одарил Вильгельма изрядной долей «балтийского менталитета»*. В 1870-1880 годах, когда царь начал политику русификации Прибалтики, многие представители немецкой диаспоры предпочли эмигрировать в Германию. Там они стали проповедовать идеологию агрессивной ненависти против всего русского. Бюлов

481

считал, что влияние Шимана перешло разумные рамки, и тщетно пытался обуздать его. Имея в виду Шимана и Бернарди, он как-то сказал Вильгельму: «В нашей стране эмоционально неустойчивые профессора-пангерманисты произносят глупые речи, а отставные военные пишут нелепые статьи»²⁰⁷². После поражения первой русской революции петербургские власти усилили политику русификации прибалтийских провинций. Пятьдесят тысяч этнических немцев переселились в Германию. Шиман и историк Г. Дельбрюк призывали к военной интервенции с целью присоединения Прибалтики к рейху. Даже обычно шовинистически настроенный Гарден считал, что они заходят слишком далеко: войну ради спасения прибалтийских баронов-реакционеров он считал непростительной авантюрой...²⁰⁷³

По словам В. Шубарта: «Те же, кто мог бы стать самым активным посредником между Западом и Востоком — балтийские немцы, — как раз пустили в ход самые неверные суждения о русских... Они смотрели на Восток с предубеждением, с ощущением некоей противоположности себе, с ненавистью или страхом, почему и не поняли Востока, однако сумели сделать вид, будто понимают его. *Мнение, что Россия является отсталой частью Европы, больше всего утверждалось именно балтийцами*»¹⁰¹⁴. Пример «балтийского менталитета» давал остзеец В. Хен, который писал в дневнике, изданном в 1892 г.: «Казачи придут на своих лошадях с плетками и все затопчут. У них нет никаких потребностей, они мастера разрушения, ведь у них нет сердца, они бесчувственны. И вместо убитых сотен тысяч придут другие сотни тысяч, ведь они как саранча... Монголы, пришедшие из глубин Востока, застряли в Силезии, славяне запросто могут остановиться лишь у Атлантического океана. Пока их уничтожает только алкоголь, который в данных обстоятельствах может стать благодетельным для человечества».

Б. Такман описывает объявление войны в Германии: «Люди в угаре шовинизма бросались избивать мнимых русских шпионов, некоторых до смерти, давая выход своим патриотическим чувствам»²⁰⁷⁵. Д. Макдоно отмечает, что немецкий народ встретил известие о начале войны с радостью: «1 августа огромные толпы хлынули на улицы, чтобы дать выход охватившему их ликованиям». В. Ратенау уже после войны «попытался решить для себя вопрос: из кого же состояли эти толпы, запрудившие берлинские улицы и бульвары, какие социальные группы и слои там были представлены? Его вывод был однозначен: все или почти все»²⁰⁷⁶. «В момент объявления войны только в Берлине скопилось до 50 тысяч русских путешественников, торопившихся вернуться на родину. Все они подверглись диким издевательствам со стороны немецких властей. Пытавшихся протестовать против избиений и насилий расстреливали на месте...»²⁰⁷⁷ Станиславский, вспоминая, что вытворяли немцы с русскими, застрелявшими у них в начале войны, пришел к мыс-

482

ли: «Мы очень много рассуждали о культуре! Но теперь выяснилось, что даже в таких развитых странах, какова Германия, народ обрел лишь внешнюю культуру, под которой скрывается человек с первобытными инстинктами...»* Русский военный агент в Германии Базаров, с детства хорошо и глубоко знакомый со страной, говорил, что «никогда не мог себе представить, чтобы немцы могли быть так грубы и изуверены»²⁰⁷⁸. Не только политические лидеры и общественность Германии были охвачены психозом расовой ненависти. Интеллектуальный цвет германской элиты не замедлил выступить с обоснованием своих расовых притязаний. 11 августа 1914 г. директор Императорской библиотеки фон Гарнак заявлял: «Московская цивилизация, впитавшая татаро-монгольские навыки и порядки, не сумела как следует воспринять ни плоды европейского Просвещения семнадцатого и восемнадцатого веков, ни достижений культуры девятнадцатого столетия. И вот теперь, в двадцатом веке, поднявшие головы москвиты пытаются угрожать не только независимости нашего государства, но и нашим великим культурным ценностям»²⁰⁷⁹. 3 октября последовал манифест 93-х представителей германской интеллигенции: ученых, писателей, художников и др.**, который гласил: «На востоке земля наполняется кровью женщин и детей, убиваемых русскими ордами, а на западе пули "дум-дум" разрывают грудь наших воинов. Выступать защитниками европейской цивилизации меньше всего имеют право те, которые объединились с русскими и сербами и дают всему миру позорное зрелище натравливания монголов и негров на белую расу. Неправда, что война против нашего так называемого милитаризма не есть также война против нашей культуры, как лицемерно утверждают наши враги. Без немецкого милитаризма немецкая культура была бы давным-давно уничтожена в самом зачатке. Германский милитаризм является производным германской культуры, и он родился в стране, которая, как ни одна другая страна в мире, подвергалась в течение столетий разбойничьим набегам. Немецкое войско и немецкий народ едины. Это сознание связывает сегодня 70 миллионов немцев без различия образования, положения и партийности»²⁰⁸⁰.

* «В России антигерманские эксцессы также имели место — например, возбужденная толпа погромила опустевший особняк германского посольства. Но подобные проявления «патриотизма» были только стихийными... в отношении иностранных граждан — а в нашей стране находилось 170 тыс. германских подданных и 120 тыс. австрийских, никаких преследований и арестов не производилось. Россия была единственной воюющей державой, где их даже не интернировали, а позволили свободно выехать за границу...» (Шамбаров В.Е... С. 183.)

** Среди них известный химик, изобретатель отравляющего газа Ф. Габер, драматург Г. Гауптман, композитор Э. Гумпердинк, Ф. Науман, нобелевские лауреаты Макс Планк и В. Рентген, режиссер М. Рейнхардт, экономист Шмоллер... (Макдоно Д... С. 580.)

483

В прессе и официальных заявлениях русские подавались, как недочеловеки, как варвары. Пресса вопила о «диких» казаках, разбивающих головы младенцам и поедаящих их мясо; о том, что русские поголовно насилюют всех женщин, включая старух. И добродетельные немки на митингах приносили публичные клятвы удавиться или отравиться, но не даваться в лапы этим чудовищам... Людендорф писал: «В августе и сентябре многие русские части вели себя при вторжении в Восточную Пруссию образцово. Винные погреба и склады охранялись. Ренненкампф поддерживал в Инстербурге строгую дисциплину. Но война все-таки сопровождалась бесконечным ожесточением и большими ужасами. Казаки были свирепы и дики, они жгли и грабили. Многие жители были убиты, совершались насилия над женщинами, часть населения рассеялась. В большинстве случаев в этих жестокостях не было никакого смысла. Население не оказывало ни малейшего сопротивления. Оно было покорно и, что соответствует и нашим взглядам, не принимало участия в борьбе. Вся ответственность за эти злодеяния ложится на русских»²⁰⁸¹. Тирпиц, приехав со Ставкой в Седан, писал о перепуганной французской прислуге: «На нас, разумеется, смотрят, как на коварных убийц и насильников. Мы их успокоили, заверив, что мы не русские».

Расовая ненависть немцев к русским находила отклик на Западе, играя на чувствах англичан и французов, которые относились к русским с откровенным расовым пренебрежением*. Русские находились для них, а особенно для немцев, на уровне чуть выше американских индейцев в эпоху завоевания. Так, после войны западное общество с легкостью принимало оправдания германских генералов и политиков, что под Ипром просто хотели поэкспериментировать с химическим оружием — а предназначалось оно для русских. Яковлев приводит воспоминание Игнатьева, офицера из русской бригады, попавшей под командование Петэна во Франции: «Из дальнейших вопросов стало ясно, что Петэн принимал нас за дикарей, обнаружил то, что сделало его впоследствии единомышленником нацизма». Французский посол Палеолог отзывался о русских солдатах как о «невежественной и бессознательной массе»²⁰⁸². Даже Керенский начинал в эмиграции в 1942 г. свою рукопись «История России» словами: «С Россией считались в меру ее силы или бессилия. Но никогда равноправным членом в круг народов европейской высшей цивилизации не включали... Нашей музыкой, литературой, искусством увлекались, заражались, но это были каким-то чудом возвращенные экзотические цветы среди бурьяна азиат-

* В. Шубарт накануне Второй мировой войны напишет: «В своей расовой гордости европеец презирает восточную расу. Причисляя себя к разряду господ, он считает славян за рабов (уже звуковое подобие этих слов соблазняет его на это). (По-английски *Slav*— *славянин*, *slave*—*раб*; по-немецки *Slawe* — *славянин*, *Sklave* —*раб*.) (Шубарт В... С. 98.)

484

ских степей»²⁰⁸³. Об этом же еще в 1889 г. писал Р. Фадеев в своей работе: «Русское общество в настоящем и будущем»: «Несмотря на блеск нынешнего государственного положения России, мы все-таки чужие в Европе; она признает и будет признавать наши права настолько лишь, насколько мы действительно сильны. Кто этого не знает?»²⁰⁸⁴.

Интересно в этой связи и замечание английского историка Кигана: «Германские пропагандисты все более охотно предпочитали изображать противников такими «варварами». Это было несправедливо хотя бы потому, что в числе русских командиров было немало балтийских немцев, причем имеющих родственные связи в Восточной Пруссии. Кроме того, русские офицеры поддерживали среди своих солдат весьма высокий уровень дисциплины и соблюдения моральных норм»²⁰⁸⁵.

Экцессы насилия естественны для войны и встречаются в любой армии. Но о варварстве и цивилизованности свидетельствуют в данном случае в первую

очередь отношение государства и общества к этим эксцессам. Наглядное представление об отношении к насилию в русской армии дает приказ Брусилова, изданный при переходе границы: «Русская армия не ведет войны с мирными жителями, русский солдат для мирного жителя, к какой бы он народности не принадлежал, не враг, а защитник... Я выражаю глубокую уверенность, что никто из чинов, имеющих честь принадлежать к армии, не позволит себе какого-либо насилия над мирными жителями и не осрамит имя русского солдата. С мирным населением каждый из нас должен обращаться так же, как это было бы в родной России»²⁰⁸⁶. В русской, а затем советской армии, во время войны в этом плане была поистине драконовская дисциплина, за насилие и вандализм судили и расстреливали. В Германии террор проводился с ведома и по прямым указаниям командования. Так, Мольтке писал ген. Конраду: «Разумеется, наше наступление носит зверский характер, но мы боремся за нашу жизнь, и тот, кто посмеет встать на нашем пути, должен подумать о последствиях». В приказах Ставки и командующих армиями предписывались «жестokie и непреклонные меры», «расстрел отдельных лиц и сжигание домов»²⁰⁸⁷. Очевидец свидетельствовал: «Добивание раненых, стрельба по нашим санитарным отрядам и полевым лазаретам стали обычным явлением»...

Немецкий агрессивный расизм строился на философии Ницше, который проповедовал: «Мораль — полезная ошибка... ложь, осознанная, как необходимость». «Глубочайшая благодарность морали за то, что она сделала до сих пор: но теперь она только бремя, которое может сделаться роковым. Она сама, предписывая нам правдивость, принуждает нас к отрицанию морали». «Мораль — это зверинец; предпосылка ее та, что железные прутья могут быть полезнее, чем свобода...» «Сострадательность есть расточительность чувства — вредный для морального

485

здоровья паразит...» Ницше ратовал за откровенный социалдарвинизм: «Возражение против дарвинизма. Средства слабых, необходимые для того, чтобы удержать власть...»²⁰⁸⁸ Но даже националдарвинизм он критиковал, как слишком умеренный, переоценивающий влияние «внешних обстоятельств», для Ницше уже «ощущение возрастания силы представляется истинным прогрессом»*. Идеалом для Ницше становился его сверхчеловек Заратустра, а силой, двигавшей развитием, являлась воля к власти.

Радикальная философия Ницше получила распространение, поскольку отражала процессы бурного экономического роста Германии после объединения «железом и кровью». При этом стремительное «физическое» развитие Германии значительно обгоняло «духовное»; именно на это справедливо указывал В. Шубарт, в результате немцы поверили в свою исключительность даже среди «цивилизованных наций». Гегель доказывал, что главная роль в мировом прогрессе принадлежит германцам. Т. Манн придавал войне миссионерский дух: «Поскольку немцы являются самыми образованными, дисциплинированными и миролюбивыми из всех народов, они заслуживают того, чтобы быть и самыми сильными, чтобы господствовать, создать германский мир из того, что со всякими возможными оправданиями называется германской войной»²⁰⁸⁹. Один немецкий ученый говорил американскому журналисту И. Коббу: «Мы, немцы, являемся наиболее трудолюбивой, честной и лучше всех образованной нацией в Европе. Россия отстаивает реакцию, Англия — эгоизм и вероломство, Франция — декадентство, Германия — прогресс. Германская Kultur просветит мир, и после этой войны другой не будет»²⁰⁹⁰.

О. Чемберлен после посещения Германии, писал: «Трейчке открыл мне новую сторону германского характера — ограниченность, высокомерие, нетерпимый прусский шовинизм». В условиях все ожесточающейся конкурентной борьбы

эпохи заката империализма эти особенности привели к отрицанию всех существовавших норм морали. Так, М. Штирнер отрицал понятия «человек», «право», «мораль» как признаки, не имеющие реального обоснования, утверждая, что источник права — в силе личности²⁰⁹¹.

Трактат Клаузевица, считавшего себя учеником Канта, «О войне» был развитием этих идей и звучал уже как инструкция по применению, говоря о неизбежности тотальной войны: «введение... в философию войны принципа ограничения и умеренности представляет полнейший абсурд»²⁰⁹². Шлиффен развивал тему и выдвинул «доктрину уничтожения». Фельдмаршал фон дер Гольц утверждал, что в войне «нельзя пренебрегать никакими средствами» и восхищался Наполеоном, который «готов был залить огнем и кровью неприятельскую страну». И еще в 1902 г. германский Генштаб издал «Kriegsbrauch im

* Выделено в оригинале. С. 647, 649.

486

Andkriege» — официальный кодекс ведения войны. В нем разделялись принципы Kriegraison — военной необходимости, и Kriegsmanier — законы и обычаи военных действий, причем подчеркивалось, что первые всегда должны стоять выше вторых²⁰⁹³.

Эти теории культивировали в немцах чрезмерную жестокость. Австрийцы несколько дальше отстояли от идей Ницше и Вильгельма II, тем не менее в жестокости, насилии и терроре ни в чем не уступали немцам, а порой и превосходили их. Во время Первой мировой войны Российское правительство было вынуждено образовать чрезвычайную следственную комиссию по расследованию зверств оккупантов. В 1916 г. она выпустила обзор собранных материалов, где приводились многочисленные факты убийств и истязаний гражданских лиц и пленных²⁰⁹⁴.

Показательным является пример отношения немцев к своим и русским военнопленным. Уже весной 1915 г. немецкие правительства обратились к президенту США с просьбой о контроле за соблюдением принципов обращения с военнопленными* в России²⁰⁹⁵. В то же самое время отношение немцев к русским военнопленным было несравненно хуже, чем к пленным из других стран. А. Луначарский в июне 1916 года напечатал в газете «День» очерк «Наши в плену» на основании опроса французских и бельгийских пленных, отпущенных по болезни из Германии в Швейцарию. Из их рассказов вырисовывалась ужасающая картина издевательств и насилий над русскими пленными. «Русские страшно голодали, — говорил французский сержант, — ...в каждом лагере есть как будто люди двух рас: русские и все остальные»²⁰⁹⁶.

Другой пример германской «цивилизации» — когда немцы в отместку за поражение на Марне подвергли бомбардировке г. Реймс, находившийся в германском тылу и разрушили знаменитый Реймский собор, место коронации королей Франции. Король Альберт высказал мысль, что основным мотивом варварства было германское чувство ревности и зависти: «Эти люди завистливы, неуравновешенны и вспыльчивы. Они сожгли библиотеку в Лувэне потому, что она была уникальной и ею восторгался весь мир». Другими словами, это был варварский приступ злобы против цивилизации. Справедливое, но неполное объяснение, — замечает Такман, но, — оно забывает о намеренном, даже предписанном применении террора: **«Войну следует вести не только против вооруженных сил вражеского государства, но также стремиться разрушить все материальные и интеллектуальные ресурсы противника»**²⁰⁹⁷.

* Обеспечение интересов Германии и Австрии предусматривало проверку сотрудниками посольства совместно с представителями миссии Красного Креста и Ассоциации молодых христиан условий содержания пленных в российских лагерях, соблюдения справедливых норм

ПРИЧИНЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Как ни грозно звучали речи германских идеологов, на самом деле все вышеприведенные теории германского милитаризма и расизма не являлись ни причиной, ни реальной целью войны. Они использовались лишь, как инструмент пропаганды для ее подготовки. Эта пропаганда имела целью обеспечить войне некую моральную базу, основанную на идеологии расизма и легитимности права войны*. На практике ни одна из вышеуказанных теорий не была достаточной, для ставки на мировую войну, в которой вероятность победы была сравнима с вероятностью самоуничтожения. Данный факт отмечали почти все внимательные исследователи тех событий.

Б. Такман вообще не могла найти явных причин войны, относя ее начало на волю несчастного стечения обстоятельств: «Внимательно посмотрев на довоенную политическую карту Европы, мы увидим, что объяснить характер и происхождение мирового кризиса 1914 года, отталкиваясь от геополитических интересов стран — участниц конфликта, невозможно. Германия играет в мировой войне роль нападающей стороны, не имея вообще никаких осмысленных территориальных притязаний. (Идеологи пангерманизма говорили, разумеется, об аннексии Бельгии, русской Польши и Прибалтики, но как серьезная политическая цель эти завоевания никогда не рассматривались, поскольку теории «жизненного пространства» еще не существовало, а с геополитической точки зрения пространство империи и без того было избыточным. Что же касается требования о переделе колоний, то сомнительно, чтобы оно вообще когда-либо выдвигалось.) Франция, выступающая под знаменем реванша и возврата потерянных территорий, напротив, обороняется. Россия, которой исторической судьбой уготовано южное направление экспансии (зона проливов и Ближний Восток), планирует операции против Берлина и Вены»²⁰⁹⁸. К. Каутский в своей книге «Как возникла мировая война», написанной в 1919 г., утверждал, что «не существует ни одного толкования этой войны, которое бы нашло всестороннее при-

* Моральный фактор на войне, по широко известному выражению Наполеона, соотносится с материальным «как три к одному». Ключевым моментом здесь становится мотивация к войне. Именно она порождает ту злость, тот боевой настрой, который создает боевой дух армии. Нападающая сторона всегда в этом плане обладает преимуществом, она психологически готова к войне, подвергшейся нападению необходимо время для радикализации своего сознания. Порой данного времени достаточно, для того, чтобы уничтожить кадровую армию противника. В Германии доктрина моральной подготовки к войне была сформулирована К. Клаузевицем, который для успеха в войне особое значение придавал не материальным, а именно духовным, моральным силам поскольку: «военные действия насквозь пронизаны духовными силами и воздействиями». Одним из элементов подготовки нации к войне по К. Клаузевицу было разжигание в нем «чувства (национальной) вражды», так как: «Национальная ненависть... заменяет в большей или меньшей степени личную вражду одного индивидуума к другому». (Клаузевиц К..., с. 126, 129)

488

знание»²⁰⁹⁹. Биограф кайзера Дж. Макдоно замечает: «Многие утверждали, что немцы стремились к войне ради установления своей гегемонии в Европе. В действительности не было никаких мотивов, ни соответствующего планирования, ни какой-либо программы завоеваний...»²¹⁰⁰

А. Тойнби-младший в своем фундаментальном 12-томном «Исследовании истории» указывает: «Не вызывает удивления... глубокое стремление к переменам и решимость добиться их тем или иным способом, возникающее в ряде угнетенных классов и побежденных или поработанных народов. Однако

довольно странно, что заварили кашу..., прусские милитаристы — которым на самом деле было от этого куда меньше проку, чем утрат...» Канцлер Бюлов вспоминал, что до самой своей отставки в 1909 г. «не имел намерения... вовлечь Германию в войну неизмеримых масштабов, относительно которой лишь одно было достоверно: мы выиграли бы от нее немного и притом то, что могли бы получить в результате естественного развития вещей также и без войны. Рисуем же мы чудовищно многим. Ставим на карту неизмеримые ценности...» В 1910 году была опубликована книга Нормана Анжелла «Великая иллюзия», в которой доказывалось, что война невозможна. С помощью внушительных примеров и неоспоримых аргументов Анжелл утверждал, что при существующей взаимозависимости наций победитель будет страдать в одинаковой степени с жертвой — поэтому война невыгодна и ни одна страна не проявит такой глупости, чтобы начать ее²¹⁰¹.

В 1908 Вильгельм писал: «Умопомрачительный абсурд — считать, что мы хотим напасть на англичан... В ситуации, когда Британия имеет семьдесят четыре линейных корабля против двадцати четырех германских, любая мысль о превентивном ударе — это «безумие»... Я считаю и всегда считал, что Англии, по финансовым и экономическим причинам, было бы очень трудно решиться на войну с нами. Я считаю, что Россия нуждается в мире и хочет мира. Я считаю, наконец, что и Франция, хотя и не оставила надежд на реванш, тем не менее не осмелится пойти на риск новой войны»²¹⁰². В том же году Вильгельм утверждал: «Я поддерживал мир в течение свыше двадцати лет и не намерен начинать войну, насколько это зависит от меня... Мы и так завоевываем весь мир — мирным путем»²¹⁰³. Относительно России в 1904 г. кайзер заявлял: «На Россию лучше не нападать; это все равно что объявить войну целому континенту»²¹⁰⁴.

В 1909 г. Б. Бюлов завещал своему наследнику на посту рейхсканцлера Т. Бетману-Гольвегу: «Мы теперь в качестве морской державы уже настолько сильны, что даже для Англии было бы небезопасно без нужды с нами связываться... Всякий серьезный конфликт был бы для

Германская пропаганда обрабатывала свою армию и готовила ее и народ к войне на протяжении предвоенных 30-40 лет, т.е. жизни почти всего военного поколения. Русские для немцев были кровными врагами, которых необходимо было уничтожить или покорить. Для русских от солдата до генерала, за редким исключением, немец не был смертельным врагом. В России не было даже отзвуков того националистического психоза, подобного тому, который сотрясал Германию.

489

нас борьбой не на живот, а на смерть, причем мы поставим на карту огромные ценности. От войны мы ничего не выиграем. Насильственное присоединение датчан, швейцарцев, голландцев или бельгийцев только дураку могло бы прийти в голову. Расширение империи на восток было бы не менее рискованно. У нас уже достаточно поляков, их более чем достаточно внутри наших черно-белых пограничных столбов. Нам не следует форсировать наше судостроение!... Франция была и останется элементом беспокойства... Французский народ, несмотря на его блестящий патриотизм, вряд ли долго будет переносить трехгодичный срок военной службы. Если Франция откажется от этих неестественно тяжелых вооружений, видя, что в военном отношении нас все равно нельзя опередить, то тогда будет создана возможность для продолжительного мира... Другая политика была бы возможна лишь в том случае, если бы мы хотели превентивной войны, но такая война была бы преступлением, потому что, как я буду это постоянно повторять, время работает на нас».

Бетман-Гольвег в конце 1913 г. писал: «До сих пор ни одна страна не покушалась на честь или достоинство немцев. Тот, кто в этих условиях говорит о войне, должен убедительно сформулировать ее цель и доказать, что иным путем этой цели достичь невозможно... Если в настоящее время имеется в виду начать

войну в отсутствие разумных и понятных мотивов, то это поставит под сомнение будущее не только династии Гогенцоллернов, но и Германии в целом»²¹⁰⁵. Бюлов в 1914 г. заявлял: «Все великие державы едины в желании сохранить мир; мир нужен всем»²¹⁰⁶.

Тем не менее, как сказал А. Тойнби-младший: «именно правящие круги Пруссии намеренным рывком сорвали слишком неплотно прикрытый клапан с котла истории».

Правда, в самой Германии долгое время не было однозначного отношения к тому, кто развязал Первую мировую войну. Немцы взяли на себя ответственность только в 1961 г. с появлением книги Ф. Фишера «Рывок к великодержавности». Ее основной тезис заключался в том, что кайзер со своим окружением развязали войну с целью нейтрализации социалистической угрозы внутри страны. Вильгельм неоднократно вспоминал о плане Бисмарка «объединиться с владетельными князьями и задать рейхстагу по первое число, а потом и вовсе его разогнать». По словам Бетман-Гольвега, на протяжении 1913 года эта тема возникала постоянно²¹⁰⁷. Эйленбург, отмечая ослабление роли кайзера, утверждал: «Звезда Пруссии клонится к закату», «авторитет (кайзеру) даст только успешно выигранная война»²¹⁰⁸.

Г. Велер был не согласен с точкой зрения Фишера. Он указывал, что «Вильгельмовская Германия была не единственной страной, в которой имелись сумасшедшие». Не было такой крупной европейской страны, где не разрабатывались бы военные планы, однако эти планы «не имели ничего общего с финансово-экономической подготовкой к войне, на-

⁴⁹⁰
чало которой было бы приурочено к такой-то конкретной дате. Образ прямой дороги к мировой войне, по которой якобы целенаправленно шла политика империи, — попросту неубедителен». По версии Велера, именно бонапартистские замашки Вильгельма и его бряцание оружием запустили процесс формирования противостоящих военных блоков в Европе. Далее страшная машина покатила уже сама по себе, подминая все... Тот факт, что имелись «тенденции» к конфликтам, не доказывает наличия сознательного намерения развязать войну²¹⁰⁹.

По мнению Бюлова: «Те, кто в 1914 году определял направление германской политики, не были ни хитроумными заговорщиками, ни беспощадными злодеями, они были попросту глупцами»²¹¹⁰. Эти мысли перекликались с опасениями О. Бисмарка, который за четверть века до событий в Сараеве указывал: «Для того, чтобы общественному мнению стали ясны ошибки, допущенные во внешней политике, как правило требуется период, равный человеческой жизни... Задача политики и заключается в возможно более правильном предвидении того, как поступят другие люди при данных обстоятельствах... Я не могу отрешиться от чувства тревоги, когда думаю, в какой степени эти качества утрачены нашими руководящими кругами».

Хауз высказывался более определенно: «Для меня совершенно ясно, что кайзер не хотел войны и не ожидал, что она начнется... В своем «блефе» он зашел, однако, так далеко, что обратного пути уже не было; события стали развиваться независимо от него. Он не сумел понять, что создание огромной военной машины само по себе неминуемо ведет к войне. Германия оказалась в руках милитаристов и финансовых магнатов, и именно с целью сохранения их эгоистических интересов были созданы предпосылки, сделавшие возможным это страшное событие»²¹¹¹. Д. Макдоно дополнял версию Хауза: «Война была вызвана гонкой вооружений, которая захватила не только Европу, но и Америку, ее развязывание провоцировала пресса, усиливая существующее недоверие между странами. Органы печати Германии, Британии, России или Франции подстрекали свои народы к войне, манипулируя понятиями чести и славы...»²¹¹²

Данные рассуждения могут привести исследователя к выводу, что Первая мировая война стала следствием несчастного стечения обстоятельств или злого умысла — заговора пангерманистов, милитаристов, монархистов и т.д. Т.е. была вызвана причинами чисто случайными или субъективными. Между тем неизбежность Первой мировой войны была предсказана еще за несколько десятилетий до ее начала. И этот прогноз строился на объективных постулатах материалистической теории К. Маркса: «Конечные причины всех общественных изменений и политических переворотов надо искать не в головах людей, не в возрастающем понимании ими вечной истины и справедливости, а в изменениях способа производства и обмена; их надо искать не в философии, а в экономике соответствующей эпохи»²¹¹³. Исходя из своей теории, К. Маркс

491

указывал на нарастание кризиса империалистических противоречий и предсказывал на его основе неизбежность мировой войны.

Ф. Энгельс в 1887 г., еще до того, как Вильгельм II стал кайзером, писал: «Для Пруссии-Германии невозможна теперь уже никакая другая война, кроме всемирной войны. И это была бы всемирная война невиданного раньше размера, невиданной силы. От восьми до десяти миллионов солдат будут душить друг друга и объедать при этом всю Европу до такой степени дочиства, как никогда еще не объедали тучи саранчи. Опустошение, причиненное Тридцатилетней войной, сжатое на протяжении трех-четырёх лет и распространённое на весь континент, голод, эпидемии, всеобщее одичание как войск, так и народных масс, вызванное острой нуждой, безнадежная путаница нашего искусственного механизма в торговле, промышленности и кредите — все это кончается общим банкротством; крах старых государств и их рутинной государственной мудрости, — крах такой, что короны дюжинами валяются по мостовым и не находится никого, кто бы поднял эти короны; абсолютная невозможность предусмотреть, как все это кончится и кто выйдет победителем из борьбы. Только один результат абсолютно несомненен: всеобщее истощение и создание условий для окончательной победы рабочего класса. Такова перспектива, если доведенная до крайности система взаимной конкуренции в военных вооружениях принесет, наконец, свои неизбежные плоды. Вот куда, господа короли и государственные мужи, привела ваша мудрость старую Европу»²¹¹⁴.

Классики марксизма не были в данном случае первооткрывателями. За 35 лет до них (в 1852 г.) предупреждение об угрозе мировой войны вышло из лона церкви: Доносо Кортес в письме к римскому кардиналу Фермари предсказывал грядущие апокалипсические потрясения и находил их причину в духовной деградации западного человека. Он предупреждал: «Гордыня человека нашего времени внушила ему две вещи, в которые он уверовал: в то, что он без изъянов, и в то, что не нуждается в Боге, что он силен и прекрасен. Вот причина, почему мы видим, как его распирает от собственной власти и от сознания своей красоты. Когда устраняется все сверхъестественное, человек обращает взор свой к земле и, в конце концов, предается культу материальных интересов. Это эпоха утилитарных систем, невиданного развития торговли, лихорадочного размаха индустрии, заносчивости богатых и раздражения бедных. За этим состоянием материального богатства и религиозной скудости всегда следует одна из тех мощнейших катастроф, которые преданием и историей навеки запечатлеваются в памяти человечества. Осторожные и умные объединяются для совета, как предотвратить катастрофу. Но разражается громовая буря и сносит их вместе с их заклинаниями. Между истиной и заблуждением не существует середины, есть лишь бесконечная пустота»²¹¹³.

Ф. Достоевский уже в 1875 г. предсказывал из Германии, как неизбежность, ее будущую агрессию против России: «В Европе собирается нечто как бы уж

неминуемое. Вопрос о Востоке растет, подымается, как

492

волны прилива, и действительно, может кончиться тем, что захватит все, так, что уж никакое миролюбие, никакое благоразумие, никакое твердое решение не зажигать войны не устоит против напора обстоятельств»²¹¹⁶.

Предвидение таких людей, как К. Маркс и Ф. Энгельс, Д. Кортес и Ф. Достоевский, навряд ли можно отнести к какому-либо случайному совпадению с реальностью. Мало того, классики марксизма основывали свой прогноз не на интуиции, а на точном политэкономическом анализе с математической точностью, позволившим, за несколько десятилетий до Первой мировой войны, точно предсказать ее неизбежность и характер. Именно действие объективных сил и законов развития общества формировало субъективные милитаристские настроения германской элиты. Но что же стало для Германии той последней каплей, которую она бросила, по образному выражению Г. Ле Бона, в наполненную до краев чашу и из-за которой все пролилось?

М. Шелер утверждал, что единственной подлинной целью Германии является объединение всего континента против России. Запад должен понять, что только могущественная Германия, вставшая между Балтикой и Черным морем, может защитить его от растущей мощи России²¹¹⁷. Автор книги «Гении войн» знал, о чем говорил. Темпы экономического роста России были впечатляющими. Вся Европа с ужасом наблюдала за стремительным ростом русского гиганта. Еще два-три десятилетия таких темпов развития — и Россия по численности населения, и промышленному потенциалу должна была превзойти все великие европейские державы вместе взятые*. Дж. Сили в конце XIX века писал: «Если Соединенные Штаты и Россия продержатся еще столетия, то совершенно затмят такие старые государства, как Франция и Германия, и оттеснят их на задний план. То же самое случится с Англией, если она будет считаться только европейской державою...»²¹¹⁸.

Эти слова имели под собой веские основания. Темпы промышленного развития России на рубеже веков, несмотря на кризисы, войны и революции, были самыми высокими в Европе. И они все время увеличивались, после 1910 г. достигая 8-11% в год. Население России всего за 17 лет с 1897 по 1914 гг. выросло почти на 50 млн. человек (что было сопоставимо с численностью населения всей Германии)**.

* Это, конечно, идеалистическая оценка, но именно она не давала покоя Европе того времени. В XXI веке подобные настроения встречаются в России, когда она смотрит на стремительно растущий Китай.

** Нетрудно представить себе, как влиял только один этот факт на германских стратегов. Ведь согласно классическому труду Клаузевица «О войне»: «Если мы рассмотрим без предубеждения историю современных войн, то вынуждены сознаться, что численное превосходство с каждым днем приобретает все более и более решающее значение...» (Клаузевиц К..., с. 331)

493

Среднегодовые темпы роста промышленного производства и экспорта в 1870-1913 гг. в %²¹¹⁹ Прирост численности населения за 1880-1910 гг., в %²¹²⁰

	Темпы роста промышленного производства	Темпы роста экспорта	Прирост населения
Россия	6,8*	3,5**	56
Германия	4,5	4,1	44

Англи	2,1	2,8	26
-------	-----	-----	----

Мало того, что русские стремительно догоняли своих конкурентов в материальной сфере, они захватывали лидерство и в культурной, духовной жизни. О. Шпенглер утверждал, что «на западе нет никого, кто хотя бы отдаленно мог сравниться с искусством автора "Анны Карениной"»²¹²². *Английский критик* М. Марри: «В одной лишь русской литературе можно услышать трубный глас нового слова. Писатели прочих наций всего лишь играют у ног этих титанов Толстого и Достоевского...»²¹²³ Немецкий литературовед Ю. Мейер-Грефе: «Любая книга Достоевского имеет большую ценность, чем вся литература европейского романа. Но разве только любая книга? — Нет, любая глава, любая страница...»²¹²⁴ Один из крупнейших писателей Индии — Прем Чанд — говорил в 1930-х годах, что Толстой «возвышается над всеми. Он поистине шахиншах всей литературы. Так было 25 лет назад, так это и сейчас»²¹²⁵. В. Кожин отмечал, что «подобные высказывания зарубежных авторитетов можно приводить бесконечно»²¹²⁶. А авторитетнейший критик и культуролог того времени Мэтью Арнольд, которого называли «законодателем вкусов», отмечал, что с конца XIX в области мировой литературы «французы и англичане потеряли первенство», оно перешло к «стране, демонстрирующей новое в литературе... Русский роман ныне определяет литературную моду. Мы все должны учить русский язык»***.

* Расчеты автора на базе данных Кафенгауза²¹²¹

** Отставание России в темпах роста экспорта объясняется наличием у нее собственного огромного внутреннего рынка сбыта, которого не имели ни Германия, ни Англия. *** Н. Берковский оценивая значение русской литературы писал: «Русская литература тем и влиятельна для Запада, что она, не всегда заметно для него же, служит ему средством самопознания, говорит ему о тех источниках жизни, которые есть и у него... Русская литература будит в Европе европейское самосознание». Немецкий критик Э. Турнейзен утверждал, что Достоевский «сосредоточивает в себе многообразные стремления европейской души конца XIX столетия и подставляет ей зеркало». (Берковский Н.Я. Мировое значение русской литературы, 1945. (Кожин В.В. О русском... С. 201.))

494

В мае 1913 года француз Эдмон Тэри опубликовал свое исследование «Россия в 1914 году». Пораженный увиденным, он пришел к выводу, что через десять лет Россию не догнать. Английский писатель Морис Беринг весной 1914 г., отмечая бурное и всестороннее развитие России, восклицал в книге «Основы России»: «Да чего же большего может желать русский народ!» И указывал, что недовольных, по сути, нет, кроме как главным образом в высших кругах²¹²⁷. Американский исследователь Дж. Спарго, которого также трудно заподозрить в пристрастности, отмечал: «Годы правления Николая II были характерны быстрым промышленным ростом; происходила стремительная трансформация крестьянства в мелких хозяев, быстро распространялось образование, наблюдались новые, многообразные и оригинальные культурные процессы, осуществлялось приобщение целого поколения к политическому опыту посредством земств, муниципалитетов, Думы и судов: и происходило грандиозное освоение Сибири»²¹²⁸. Правительственная комиссия из Германии под руководством профессора Аугагена пришла к выводу, что по завершении земельной реформы война с Россией будет не под силу никакой державе. «Русский посол в Берлине узнал, что этот отчет сильно обеспокоил Вильгельма»²¹²⁹. Начальник немецкого Генерального штаба Мольтке указывал, что «после 1917 г. мощь России окажется неодолимой», она будет «доминирующей силой в Европе», и «он не знает, что с ней делать».

Военный министр В. Сухомлинов утверждал: «Еще два года мира, и Россия со своими 180 млн. душ имела бы такую мощную армию по количеству,

образованию и снабжению, что была бы в состоянии в своих интересах давать направление решению всех политических вопросов европейского материка»²¹³⁰. Министр иностранных дел Германии Г. фон Ягов в июле 1914 года приходил к выводу: «В основном Россия сейчас к войне не готова. Франция и Англия также не захотят сейчас войны. Через несколько лет Россия уже будет боеспособна. Тогда она задавит нас количеством своих солдат... Наша же группа слабеет. В России это хорошо знают и поэтому, безусловно, хотят еще на несколько лет покоя»²¹³¹. Бетман в том же июле писал: «Военный потенциал России быстро возрастает, при таком стратегическом раскладе мы не удержим Польшу. Австрия слабеет и действует все более неуклюже»²¹³².

Переломной точкой во взаимоотношении двух стран стал германо-русский торговый договор 1904 г., который по сути являлся основой экономической экспансии Германии в России. Для России он носил кабальный характер: «Немецкие товары составляли половину импорта в Россию, подавляя развитие аналогичных отечественных отраслей. Причем русским навязывали даже совершенно не нужное им прусское зерно. Выращиваемое руками русских, так как ежегодно немцы за мизерную плату набирали в западных губерниях сотни тысяч сезонников. Германский капитал активно внедрялся и в самой России, захватив под

495

контроль половину торговых фирм, часть банков, судостроительных и судоходных компаний... Дж. Спарго писал: «Хладнокровная, безжалостная манера, с которой Германия осаждала Россию со всех сторон, как в Азии, так и в Европе, систематические усилия по ослаблению своей жертвы, его экономическая эксплуатация вызывает в памяти удушение Лаокоона и его сыновей»²¹³³. Диллон называл немецкую экономическую политику «германском игом», превратившим Россию в «германскую колонию». Так, с 1901 по 1913 гг. доля германских товаров в российском импорте выросла с 31 до 50%, и это не считая чистой торговой прибыли, полученной германскими промышленными и торговыми предприятиями в России²¹³⁴. В России германскими были предприятия текстильной и металлургической промышленности, все химические заводы, 85% электрических предприятий и 70% газовых заводов. Русских крестьян Столыпин переселял в Сибирь, а в это время немецкие банки скупали земли в Поволжье для немецких переселенцев. Диллон указывал, что «русские банки были порабощены германскими финансовыми учреждениями», «русские фирмы разорялись от недобросовестной конкуренции» германского синдиката²¹³⁵. Диллон говорил об экономическом завоевании России немцами. Русские промышленники требовали отмены российско-германского торгового договора для того, чтобы иметь возможность «путем развития индустрии создать внутренний рынок» для отечественной промышленности²¹³⁶. В. Сухомлинов утверждал, что противоречия между немцами и русскими находятся только в области торговли: «Между Германией и Россией стоял стеной русско-германский торговый договор...»²¹³⁷

«Но в 1914 г. срок договора истек. И съезд российских экспортеров, состоявшийся в Киеве, обратился к правительству: «Россия должна освободить себя от экономической зависимости от Германии, которая унижает ее как великую державу». Предлагалось ввести тарифы для компенсации привилегий германским трестам, развивать торговлю с другими государствами — с которыми выгода будет обоюдной... Д. Менделеев говорил: «Вы не можете пахать всю русскую землю германскими плугами». А министр финансов Барк пришел к заключению: «Именно за счет своей торговли с Россией Германия смогла создать свои пушки, построить свои цеппелины и дредноуты! Наши рынки должны быть для Германии закрыты». В общем, продлить договор Петербург отказался, и

газеты писали об «экономической дуэли между русскими и германцами»²¹³⁸. Витте в то время предупреждал, что отказ от продления торгового договора неизбежно приведет к русско-германской войне²¹³⁹.

Но тенденции развития неумолимы...

О их фундаментальности говорит пример, который приводил Дж. Сили, в конце XIX века: «Закон, который управлял историей Англии семнадцатого и восемнадцатого столетия, — закон тесной взаимосвязи между войной и торговлей. Ибо в продолжение этого периода торговля естественно ведет к войне, и война покровительствует торговле»²¹⁴⁰. Эта

496

мысль перекликалась с выводами Адама Смита: «Торговля, которая должна бы естественно служить связью дружбы и союза... сделалась самым обильным источником раздора и вражды»²¹⁴¹. Непосредственную причину войны, выведенную из векового опыта Англии, Дж. Сили находил в агрессивной экономической экспансии: «торговля, веденная таким способом, почти тождественная с войной, почти не может не повлечь за собой войны»²¹⁴².

Война между Германией и Россией была болезнью роста империалистической державы. Она повторяла ту же болезнь, которой переболели Англия и Франция в XVII-XIX веках, ведя почти непрерывные войны друг с другом. Война XX века, конечно же, по форме и масштабам отличалась от войн прошлого, точно так же, как войны XVII века отличались от войн XVIII столетия. Но сущность их оставалась неизменной..., ее понимание давало восклицание Вильгельма II, сделанное в марте 1913 г.: «Я защищаю купца. Его враг — мой враг»²¹⁴³.

А. Гитлер позже даст свою оценку причин Первой мировой войны: «В Германии перед войной самым широким образом была распространена вера в то, что именно через торговую и колониальную политику удастся открыть Германии путь во все страны мира или даже просто завоевать весь мир...» Но в 1914 г. в России теория «мирного экономического проникновения» (экономической экспансии) потерпела поражение, и для Германии оставался только один выход «приобрести новые земли на Востоке Европы, люди знали, что этого нельзя сделать без борьбы». Земля была нужна для «сохранения германской нации во что бы то ни стало», которой требовалось новое жизненное пространство. Действительно, рост населения и темпы индустриализации в Германии в XIX веке были одними из самых высоких в Европе, что вело к обострению кризиса ее перенаселенности и перепроизводства. Англия и Франция, столкнувшись с той же проблемой раньше Германии, в XVII-XIX веках, решали ее за счет войн, террора, «экспорта» избытка рабочей силы в колонии с истреблением и порабощением туземного населения. У Германии же, как пишет Гитлер, было четыре пути: искусственно ограничить рождаемость по французскому образцу; внутренняя колонизация; завоевание земли мирными экономическими средствами и силовое приобретение новых земель в Европе. Причину Первой мировой войны Гитлер найдет в искусственном сдерживании кайзером германской экспансии. По его мнению, войну на Востоке необходимо было начинать в 1904 г., добившись союза с Англией*. Он будет упрекать своих предшественников в нерешительности: «В Германии ничего как не боялись, как войны, а вели политику так, что война должна была не-

* Речь идет о русско-японской войне, где по мнению Гитлера Германия должна была выступить вместо Японии.

497

избежно придти, да еще в очень неблагоприятный для нас момент. Люди, определявшие судьбы Германии, хотели, чтобы страна ушла от неизбежной судьбы, на деле же судьба настигла страну еще скорей. Мечтали о сохранении мира во всем мире, а кончили мировой войной»*.

Действительно, Германия боялась войны. Немецкие политики отлично представляли себе ее возможные последствия. Так, по воспоминаниям В. Воейкова, император Вильгельм, который почти ежегодно приезжал «на свидания к нашему государю... высказывал несколько раз... свой взгляд, что Германия не должна иметь войны с Россией, ибо такая война только бы помогла международным социалистам довести или Россию, или Германию, или обе эти страны до революции»²¹⁴⁴. Т.е., не смотря на экономическое противоборство, ставки для развязывания мировой войны были все-таки слишком высоки...

Очевидно, что кроме прагматичных расчетов в принятии решения о развязывании войны, присутствовали и еще какие-то побудительные — психологические причины. Именно на них концентрировал свое внимание В. Шубарт. В предверии войны он указывал на царящее среди европейцев подавляющее чувство страха: «В зависимости от того, что преобладает — изначальный страх или изначальное доверие, — народ создает себе больше или меньше законов. Маниакальная приверженность прометеевского человека к нормативности свидетельствует о тревожно высокой степени его изначального страха»²¹⁴⁵. Для Запада руководящим посылом является «принцип страха. Его назначение — лишить будущее ужаса неизвестности»²¹⁴⁶. Аналогичные ощущения накануне Первой мировой передавал в своих воспоминаниях Э. Грэй: «Вместо чувства безопасности воцарилось увеличивающееся с каждым годом чувство страха... Таково было общее состояние Европы; подготовка к войне породила страх, а страх предрасполагает к насилию и катастрофе»²¹⁴⁷. Э. Хауз в июне 1914 г. сообщал президенту: «Я нахожу, что Англия и Германия имеют одно общее чувство, и это чувство есть страх одного перед другим»²¹⁴⁸.

По мнению Э. Хауза, «Германия держала курок взведенным и готова была спустить его при малейшем шорохе»²¹⁴⁹. На эту особенность немцев обращал внимание и В. Шубарт: «Изначальный страх (у немцев) достиг невиданного размаха и глубины»²¹⁵⁰. Он передавал восприятие Первой мировой войны в Германии: «Обнажение последних внутренних побуждений, освобождение душевного процесса стихийной силы, исчезновение изначального страха. Вот почему этими переживаниями были захвачены даже враги государства — социал-демократы. Они мало любили свое отечество и часто поносили его, но и они все были

* Гитлер А. Моя борьба. — М.: Витязь. 2000. — 587 с. С. 110-120,130.

498

законченными монадами, а потому безудержно упивались военным восторгом как личным освобождением. Где же, как не здесь, обнаруживается, что изначальный страх — это не боязнь смерти или предсмертных страданий, а только боязнь космического одиночества»²¹⁵¹.

Для бизнес- и политической элиты Германии чувство страха неизвестности перед будущим обострялось стремительным экономическим ростом России. Страх поражения в экономической дуэли перевешивал страх даже перед возможностью военного поражения. Бисмарк в свое время дал меткое определение превентивной войне против России: «*Самоубийство из-за страха смерти*»²¹⁵².

На страх накладывался радикализованный немецкий индивидуализм, превращавший немца в сверхчеловека — Заратустру Ницше, отрицавшего любые ограничения и нормы морали ради достижения успеха. Под ним, под залогом процветания Германии, ее деловая, политическая и военная элита понимала теперь только европейское и мировое господство. И на ее пути стояла Россия.

Другие страны не представляли для немцев серьезных затруднений. В соперничестве с Англией время играло на Германию. Она по всем показателям стремительно догоняла Британию, вытесняя ее с мировых рынков, рано или

поздно Германия экономически подавляла своего островного конкурента. Франция была для Германии не более, чем угрозой с тыла в случае войны с Россией. Экономически Франция уже не могла конкурировать с Германией и в этом плане не представляла для нее особого беспокойства. По этому поводу существовало редкое единодушие. Так, например, Э. Хауз придерживался мнения Бриана, который «считал, что если бы теперь Германия не начала войны, она мирным способом завоевала бы весь мир...»²¹⁵³ Единственная страна, которой развитая Германия проигрывала культурное и экономическое соревнование, была стремительно растущая, хотя пока еще и отсталая, Россия. И это представляло для Германии гораздо большую угрозу, чем война с Францией и Англией, да и со всей Европой вместе взятой.

Германская элита откровенно паниковала. Генерал П. Рорбах в книгах «Немецкая идея в мире», «Война и германская политика» утверждал: «Русское колоссальное государство со 170 миллионами населения должно вообще подвергнуться разделу в интересах европейской безопасности». В 1891 г. прусский посланник в Ольденбурге граф А. Монте писал: «Если Германия будет разрушена, европейская цивилизация погибнет. До Одера будет простираться объединенное славянское государство, перед которым остатки Германии и Франции потеряют всякое значение». Канцлер Бетман-Гольвег обосновывал необходимость войны именно предупреждением русской угрозы: «Я надеюсь, несмотря на войну и даже именно благодаря войне, установить действительно дружественные, полные взаимного доверия, лояльные отношения с Англией, а через Англию и с Францией. Германско-англо-французская группировка была

499

бы лучшей гарантией от тех опасностей, какими угрожает всей европейской цивилизации варварский русский колосс...» Л. Каприви, пришедший на смену Бисмарку в 1890 году, заявлял: «Безусловно, наши отношения с Россией были еще более важны, чем отношения с Англией... Вопрос о наших отношениях с Россией был для нас вопросом жизни и смерти...» Другой рейхсканцлер Бюлов в 1900 г. отмечал, «что решающая для нас точка находится на берегах Невы». В 1911 году генерал фон Бернарди в книге «Германия и следующая война» утверждал: «Славяне становятся огромной силой... остановить их требуют не только обязательства перед нашими предками, но и интересы нашего самосохранения, интересы европейской цивилизации». «На нас лежит обязанность, действуя наступательно, нанести первый удар». Он призывал не ограничивать «германскую свободу действий предрассудками международного права»²¹⁵⁴. По мнению Дж. Макдоно: «Единственным фактором, толкнувшим Верховное командование немецкой армии на войну, была их «заикленность» на идее, что рейху грозит упадок и гибель, если он не одержит победу в тотальной войне»²¹⁵³. Бетман: «Акция против Сербии приведет к мировой войне. Кайзер ожидает войну, думает, она все перевернет. *Пока все говорит о том, что будущее принадлежит России, она становится больше и сильнее, нависает над нами как тяжелая туча*»²¹⁵⁶.

В начале XX века Россия имела все шансы стать высокоразвитой, демократической, передовой державой, но агрессия Германии прервала естественное, эволюционное развитие России, отбросив ее в прошлое на десятилетия назад, интервенция «цивилизованных» стран и гражданская война продолжили дело. Россия, чтобы не отстать от мирового развития, вынуждена была перейти к мерам прорывного, скачкообразного развития, базирующимся на крайне жесткой мобилизационной политике, радикально перенапрягавшей силы русского общества...

РОССИЯ

Великий князь Николай Михайлович писал Николаю II в середине 1916 г. «Во Франции и Англии... подготовительные комиссии (по будущим мирным переговорам) давно уже действуют. И особенно удачно идет работа у французов...»²¹⁵⁷ «На будущей конференции предстоит задача нелегкая: держать все время высоко знамя своей родины, не уступая ни врагам, ни союзникам по тем вопросам, которые могут затронуть величие царя и интересы России. Аппетиты будут большие. Надо будет считаться не только с европейскими союзниками, но и с японцами, а может быть, и с американцами, о которых часто забывают в стенах у Певческого моста. Позволю себе сделать краткий обзор преды-

500

дущих конгрессов... В 1815 году... интересы России были представлены весьма оригинально, но, конечно, личное влияние императора Александра I сыграло главную роль, особенно по делам Польского королевства, возбуждившим радужные надежды поляков и закончившимся революцией 1831 года. После Крымской кампании собралась конференция в 1856 г. в Париже... Результаты совещаний были более чем плачевны для наших интересов. Наконец, в 1878 г. Берлинский конгресс, закончившийся полным дипломатическим поражением России. Таковы были наши представители на конгрессах XIX столетия, и какие получились плачевные результаты!»²¹⁵⁸

Какие же интересы собиралась отстаивать Российская империя на будущем мирном конгрессе, подводившем итоги Первой мировой войны? Какие цели войны ставила для себя Россия?

*«Только на международной торговле, на великой торговле, которая ведется через моря и нуждается для своего существования и развития в помощи внушительного военного флота, может держаться в настоящее время мировая держава» — таково было общее мнение всех без исключения государственных деятелей любой империалистической страны»*²¹⁵⁹.

«"Черноморские проливы «ключ к русскому дому"».
*О. Бисмарк*²¹⁶⁰.

Дарданеллы, отделяющие Европу от Азии, — морской пролив длиной около 50 км, в своей наиболее узкой части имеющий в ширину немногим более километра, ведет из Средиземного в Мраморное море. На его северо-восточном берегу Стамбул (Константинополь) охраняет вход в Босфор, водный путь, еще более узкий, чем Дарданеллы, который ведет в Черное море. Черноморские порты были единственными незамерзающими в России. Через них осуществлялась подавляющая часть российского экспорта (пшеницы, например, более 87%). Из Батума и Новороссийска за год через проливы вывозилось более 700 тыс. тонн нефтепродуктов. В 1912 г. только один «Продуголь» вывез из Мариуполя 164 тыс. тонн угля. Приводя эти данные, французский писатель М. Хошиллер заключал: «По своему капризу, одним росчерком пера обладатель Константинополя мог, таким образом, одновременно вызвать пертурбацию как в земледельческой жизни России, так и в продовольственном снабжении многих европейских народов»²¹⁶¹. М. Хошиллер утверждал,

501

что захват проливов является для России «ее главнейшей национальной задачей», отмечая при этом, что его мнение «опирается не на старую славянофильскую мистическую идеологию, а на громадный факт быстрого экономического развития русского Юга, уже не могущего более оставаться без свободного выхода к морю»²¹⁶².

Морской министр Диков в октябре 1907 г., разрабатывая «План развития наших морских сил на южных морях» и указывая на удобное географическое расположение черноморских портов, отмечал: «Непрерывно усиливающееся

разделение труда приведет к тому, что на мировом рынке будут появляться лишь товары тех стран, которые смогут их дешевле производить и дешевле доставлять к месту потребления». По мнению Дикова, все преимущества конкуренции на мировом рынке будут на стороне России: «Юг наш имеет не только огромные количества руды самого высокого качества, но и обширные залежи каменного угля в одном районе с рудой; при таких данных наше железо легко завоюет первенство на ближайших рынках Азии и Африки, тем более что и дешевизна доставки будет на стороне России»²¹⁶³.

Генерал Палицын, в 1908 г. заявлял: «Нам нужен Босфор. С приобретением его мы решаем оборонительную задачу: переносим оборону черноморского Побережья в одну точку. Нам нужен свободный выход в Средиземное море — Дарданеллы. С ним мы приобретем залог широкого развития торговли, благосостояния богатого Юга России, естественного развития торгового флота...»²¹⁶⁴

Идея захвата проливов в равной степени находила поддержку во всех высших кругах общества, как монархических, так и либеральных. России для своего развития были жизненно необходимы незамерзающие порты и свободный выход в открытое море.

До 1453 года для Византии, а после для Османской империи, ввиду их полного господства, Черное море фактически было внутренним. В 1696 году Петр I, взяв Азов, обеспечил России выход к Черному морю. Уже во время русско-турецкой войны 1768-1774 годов, служившей укреплению положения России на Черном море, возник вопрос прохода через черноморские проливы, который был урегулирован Кучук-Кайнарджийским договором. Получение Россией свободы выхода в открытое море вызвало взрыв негодования в Англии и Франции, которые считали Мировой океан своей монопольной вотчиной. Французский дипломат писал в 1776 году: «Захват Россией Константинополя, ее выход в Средиземное море, ее обладание проливами представляют в настоящее время наибольшую опасность для Европы».

Россия и Турция были заинтересованы в сохранении за Черным морем статуса их совместного внутреннего моря при сохранении за Россией права свободного прохода через проливы. Этот принцип был закреплен договорами 1799 и 1805 годов. Однако под влиянием наполео-

⁵⁰²
новской дипломатии Турция в 1806 году отменила свободный пропуск русских кораблей через проливы. А в 1808 г. Англия воспользовалась русско-турецкой войной и навязала Турции договор, который воспрещал пропуск через черноморские проливы военных кораблей любой иностранной державы*.

В 1829 г. по Адрианопольскому миру, который завершил очередную русско-турецкую войну, Турция открывала черноморские проливы для российских торговых судов. Ункяр-Искелесийский договор 1833 года по сути восстановил русско-турецкий союз. Этот факт стал одной из причин разрыва в 1841 г. Францией дипломатических отношений с Россией и послужил резкому обострению отношений с Англией. Под их давлением была подписана Лондонская конвенция 1841 г., по которой черноморские проливы закрывались для военных судов всех стран, а Турция оказалась под коллективной защитой великих держав. Результатом стала Крымская война 1853-1856 гг. Поражение России лишило ее права иметь военный черноморский флот. В 1871 году русское правительство разорвало статьи Парижского договора о «нейтрализации» Черного моря. Однако режим черноморских проливов был определен в новой конвенции почти на той же основе, что и в 1841 году.

С 1878 по 1914 гг. Турция, находившаяся под неослабным влиянием Англии, пришла к полнейшему упадку и именовалась не иначе как «больной ребенок

Европы». Все европейские страны ждали, когда же этот ребенок наконец начнет агонизировать, для того, чтобы поделить его части между собой. У. Черчилль назвал ее «скандальной, разлагающейся, дряхлой, кровавой и нищей деспотией»²¹⁶⁵.

Планы европейских держав по разделу «турецкого наследства» вызывали закономерное беспокойство в России. В сентябре 1879 г. на совещании у Александра II было установлено, что в случае распада Османской империи Россия не может допустить двух вещей: расширения Австро-Венгрии на Балканах и «постоянной оккупации проливов Англией». Была намечена задача: «овладение проливами, в случае если обстоятельства приведут к уничтожению турецкого господства в Европе»²¹⁶⁶. Союзниками России в то время стали Австро-Венгрия и, в обмен на гарантии Эльзаса и Лотарингии, Германия, секретный договор был заключен в июне 1881 г. Подписанием договора Бисмарк предотвращал создание новой коалиции между Россией и Австрией, а также способ-

* Целью Великобритании и Франции было получение неограниченного доступа в Черное море для своих торговых и военных судов с одновременным блокированием прохода русского военного флота через проливы. Но поскольку открыто обосновать такое требование было невозможно, они добивались формального «равенства» с Россией, то есть либо полного открытия, либо полного закрытия черноморских проливов для военных кораблей всех стран.

503

ствовал обострению русско-англо-французских отношений. В случае же конфликта между сторонами, ослаблявшим конкурентов, Германия также оставалась в выигрыше. Канцлер отмечал: «Наши интересы более, нежели интересы других держав, совместимы с тяготением русского могущества на юг; можно даже сказать, что оно принесет нам пользу. Мы можем дольше других выждать развязки нового узла, затянутого Россией»²¹⁶⁷. А узел затягивался все туже. В 1885 г. Александр III писал начальнику Генштаба Н. Обручеву, что главная цель России — занятие Константинополя и проливов: «...Надо быть готовыми к этому и приготовить все средства»²¹⁶⁸. Но уже к 1890-му г. из-за обострения отношений между Германией и Россией договор 1881 г. фактически перестал существовать. Попытка овладеть проливами, без поддержки европейских союзников, была обречена на политическое поражение, даже в случае военного успеха, об этом свидетельствовал опыт русско-турецкой войны 1878 г. Александр III решил не рисковать и развивать активность на среднеазиатском направлении.

Ситуация в Турции тем временем продолжала обостряться. Так, в 1894 г. Абдул-Гамид устроил массовую резню армян. Со средневековым садизмом и жестокостью было истреблено свыше 300 тыс. человек. 100 тыс. бежали в Россию, Болгарию, Египет. «Совместными демаршами русских, англичан, американцев и французов бойню кое-как остановили, — пишет В. Шамбаров, — Для расследования зверств впервые в истории была сформирована международная комиссия. Русский юрист Ф. Мартенс внес предложение создать юридический прецедент для международной правовой оценки таких преступлений. «Однако от решительных шагов западные «гаранты» уклонились, и на Порту даже не было наложено никаких санкций...»²¹⁶⁹ Вместо этого Англия предложила России оккупировать Турецкую Армению, в обмен на признание прав Британии на Египет. Российский МИД отказался, так как для России это было бы не чем иным, как повтором кровавого и разорительного балканского урока 1878 г.: «Что царю пришлось бы делать с «собранными армянами»? — пишет А. Широкопад. — Давать им независимость и создавать буферное государство между Россией и Турцией, в котором будет сильно... английское влияние?»²¹⁷⁰

В 1895 г. премьер-министр Англии Солсбери предложил план раздела Османской империи, по которому Великобритания получала Месопотамию,

всю Аравию, остров Крит и брала под контроль черноморские проливы. Во исполнение своих планов он требовал ввести британскую эскадру в Мраморное море под предлогом защиты греков и армян. Антитурецкую компанию, по сути, возглавил бывший премьер-министр Гладстон, который провозглашал, что империя «непредсказуемого турка» заслуживала того, чтобы «быть стертой с карты мира» как «позор цивилизации» и «проклятие человечества»²¹⁷¹. Антитурецкие настроения активно подогревались английской прессой. Министр иностранных

504

дел Австро-Венгрии поддержал Англию и предложил европейским державам ввести в проливы эскадры, «невзирая на протест и сопротивление оттоманского правительства»²¹⁷².

В этих условиях только что восшедший на престол 26-летний Николай II принимает решение занять Босфор, а по возможности и Дарданеллы. 6 июля 1895 г. в постановлении «Особого совещания» говорилось о «полной военной готовности захвата Константинополя»: «Взяв Босфор, Россия выполнит одну из своих исторических задач, станет хозяином Балканского полуострова, будет держать под постоянным ударом Англию, и ей нечего будет бояться со стороны Черного моря. Затем все свои военные силы она сможет тогда сосредоточить на западной границе и на Дальнем Востоке, чтобы утвердить свое господство над Тихим океаном»²¹⁷³. Широкоград указывает, что для военного успеха были все предпосылки. К концу XIX века боевые корабли турецкого флота за сто лет почти ни разу не выходили в Черное море, «Босфорский пролив защищали только шесть береговых батарей, причем большинство их орудий были установлены открыто за земляными брустверами. Батареи находились на самом берегу пролива, почти у уреза воды. Расстрел их русскими броненосцами не составил бы особого труда. Но это, скорее всего, стало бы излишним. Моральный дух турок был слаб, и в случае внезапного нападения они просто не оказали бы сопротивления. Наконец, рядом с Босфором на обоих берегах Черного моря не было ни войск, ни противодесантных укреплений...»²¹⁷⁴

На пути военной операции встало дипломатическое урегулирование вопроса. Попытки России заручиться согласием великих держав на аннексию проливов потерпели провал. Так, в сентябре 1896 г. на переговорах с премьер-министром Николай II зондировал позицию Британии по этому вопросу, но получил вполне предсказуемый отказ. Тем не менее спустя два месяца совещание министров под председательством Николая II приняло решение о высадке на Босфоре²¹⁷⁵. В случае вмешательства Англии и расширения конфликта русский Генштаб прорабатывал удар русских войск из Средней Азии в направлении Индии²¹⁷⁶. Единственным, кто возражал, и возражал весьма настоятельно и резко, был Витте. Он указывал, что «эта затея приведет, в конце концов, к европейской войне и поколеблет то прекрасное политическое и финансовое положение, в которое поставил Российскую империю император Александр III...»²¹⁷⁷ Очевидно, что не без влияния Витте Николай II отложил, но не отменил планы захвата проливов²¹⁷⁸.

Новый всплеск энтузиазма операция в проливах получила «после того, как нападение японцев на Порт-Артур удалось с таким блестящим успехом, — последний, — по словам В. Сухомлинова, — вскружил головы многих публицистов, фантазеров, спекулянтов и, к сожалению, и головы наших ответственных дипломатов»²¹⁷⁹. Дополнительный толчок эмоциям дала революция «младотурок». «Оживление ее (*Турции*)

505

под властью младотурок, — отмечал Киган, — возродило старинные страхи Южной Европы, которые не смогло вытеснить даже поражение Турции в балканских войнах, и союз Турции с Германией и Австрией и ее вступление в

войну их только усилил. Кроме того, за турками стойко закрепились репутация воинственного народа»²¹⁸⁰. В Адане младотурки полностью повторили методы Абдул-Гамида, учинив резню, где были истреблены десятки тысяч немусульман. Европейская дипломатия и «общественное мнение» оставили данные эксцессы почти без последствий, из-за соперничества за влияние на обновленную Турцию никто не хотел с ней ссориться²¹⁸¹.

Великобритания, которая в период русско-японской войны 1904-1905 гг. устроила военно-морскую демонстрацию вблизи Дарданелл, чтобы воспрепятствовать пропуску русской эскадры из Черного моря, в 1907 прибегла к своей «традиционной политике» — стала намекать России на возможность пересмотра режима о проливах. С другой стороны, устами посла в Константинополе Д. Лаутера она заявляла Камиль-паше, что «английское правительство убеждено в том, что Россия воспользуется первым удобным случаем, чтобы добиться открытия проливов» — и поэтому советовала Турции быть особо бдительной в этом вопросе²¹⁸². Россия обратилась к Турции напрямую с предложением открыть проливы для черноморских государств. Турция, балансируя между двумя мощными противниками, сообщала Петербургу о согласии и одновременно заявляла англичанам, что никогда не примет русские предложения.

Ситуация накалялась, и Россия вновь вернулась к рассмотрению силового метода. На нем настаивали ген. Палицин и министр иностранных дел Извольский, поднявшие алармистскую шумиху о турецкой угрозе России. При этом Извольский совершенно игнорировал категоричное мнение МИДа о том, что Англия выступит в вопросе о проливах против России²¹⁸³. Он был уверен в туманных посулах Англии и даже пытался комбинировать совместные военные действия. Остальные члены правительства выступили против этих планов. Общее мнение выразил П. Столыпин, который категорически заявил, что «новая мобилизация в России придавала бы силы революции... Иная политика, кроме строго оборонительной, была бы в настоящее время бредом ненормального правительства...»²¹⁸⁴

Тем не менее Особое совещание 21 июля 1908 года постановило, что «политическая обстановка может вынудить нас занять Верхний Босфор»²¹⁸⁵. Но, как говорил в Думе помощник военного министра А. Поливанов: «Армия была тогда лишена многого для нее необходимого... в 1908 г. не хватало почти половины комплекта обмундирования и снаряжения... не хватало винтовок, патронов, снарядов, обозов, шанцевого инструмента, госпитальных запасов; совсем почти не было... гаубиц, пулеметов, горной артиллерии, полевой тяжелой артиллерии, искровых телеграфов, автомобилей, т.е. в 1908 г. наша армия была небоеспособна»²¹⁸⁶. А. Зайончковский замечал по этому поводу: «Россия впуты-

506
валась в авантюру в самой невыгодной для нее обстановке, благодаря близорукой самонадеянности русского министра (Извольского)»²¹⁸⁷.

Палицин и Извольский пошли на попятную. Последний писал: «До настоящего времени я не могу себе определенно выяснить, чем именно вызвана та охватившая многих тревога и уверенность в неизбежности неприязненного столкновения с Турцией... Со своей стороны, будучи осведомлен с постановкою международных отношений в данную минуту, отказываюсь верить, чтобы Турция имела намерение напасть на нас. Эта гипотеза представляется совершенно невероятной»²¹⁸⁸. Кроме того, по его твердому убеждению, война никогда не ограничится только одним Кавказским театром и неизбежно перебросится на Балканы. Действительно, как отмечал К. Шаццло, «именно в это время Германия, закончив первый круг вооружений, не прочь была бы начать войну. В феврале 1908 г. «один из самых проникательных военных атташе в Берлине полк.

Михельсон» сообщал, что считает «весну 1909 г. моментом благоприятным для Германии для начала войны с точки зрения *военно-технической*. Нынешнее обострение внутренних отношений в Германии, с одной стороны, и *волнения на Балканском полуострове*, с другой стороны, гнут еще сильнее ход событий ближайшего будущего в сторону войны»²¹⁸⁹.

При новых военных министрах Редигере, а затем Сухомлинове разработка планов установления контроля над Босфором военным путем продолжалась. Некоторые планы были просто наполеоновские. Так, Ливен в октябре 1912 предлагал присоединить к России не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова Греческого архипелага, включая и о. Крит²¹⁹⁰. Лидер кадетов П. Милуков с Думской трибуны в том же году заявлял: «При будущем делении сфер влияния или территориальных приобретений что же останется нам? Об этом вопросе говорить считается неудобным, но и умолчать нельзя. Это вопрос о проливах»²¹⁹¹. В своей среде Милуков был еще более конкретен. «Для России трудно довольствоваться просто нейтрализацией проливов, для нее нужны и куски территории по берегам проливов»²¹⁹². Однако, как пришло к выводу руководство генеральных штабов, «в настоящее время наш Черноморский флот слишком слаб, чтобы захватить и удержать за собой господство на Черном море...»

ПОЛИТИКА ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ...

Пока Россия выясняла свое отношение к Турции, Англия захватила Египет, а Австро-Венгрия в 1908 г. аннексировала Боснию и Герцеговину. Такая политика великих держав привела к сближению Турции и России, и султан стал противиться укреплению Босфора: «Принимая в соображение дружественные чувства, обнаруженные Россией во время переживаемого ею кризиса и заслуживающие благодарности со стороны турецкого правительства, он (султан) признает несвоевременным

507

приступать к мерам, которые могут показаться обидными для русского правительства, и потому полагал бы необходимым отсрочить осуществление проекта Босфорских укреплений»²¹⁹³. Однако начало итало-турецкой войны показало, что сохранение статус-кво Турции в этом районе зависит отнюдь не только от ее желаний. Вместе с тем эта же война очень ясно показала, какое значение для России имеют проливы; она поставила, по словам Г. Хальгартена, перед ней дилемму «быть или не быть»²¹⁹⁴. И это было понятно не только России.

К весне 1911 г. под давлением и с помощью Англии и Германии почти все батареи Босфора были перевооружены новыми пушками, пополнен артиллерийский боезапас, перезаряжены старые мины заграждения, начата организация обороны пролива при помощи торпед²¹⁹⁵. Во главе турецкого флота была поставлена группа английских офицеров, возглавляемая адмиралом Гемблом, «все требования которого исполняются турецким правительством быстро и беспрекословно»²¹⁹⁶. Задача Гемблу была поставлена вполне определенная: «Для поправки дел английской промышленности... подбить турок на размещение военных заказов, которые, разумеется, должны были быть переданы Англии»²¹⁹⁷. Турецкие моряки обучались в британских военных училищах. Тем не менее в 1911 г., чтобы не связывать себя обязательствами, Англия отклонила предложения Турции заключить союзный договор. Взамен Черчилль предложил Турции дружбу, которую ей не рекомендовалось нарушать, пока Британия «будет сохранять свое господство на море».

Французы пытались не отстать от англичан, они укрепляли свое положение, финансируя Турцию. Одновременно во главе турецкой жандармерии был

поставлен француз. Франция снабжала Турцию самолетами, во главе турецкой авиационной школы стояли французские инструкторы.

Но главную роль в Турции все больше играла Германия. Бисмарк в свое время заявлял: «Весь балканский вопрос не стоит костей одного померанского гренадера». Однако после завершения процесса объединения страны приоритеты внешней политики Германии изменились. «Или на укреплениях Босфора будет скоро развеяться германский флаг, или же меня постигнет печальная судьба великого изгнанника на острове Св. Елены», — заявлял Вильгельм. На совещании Высшего военного совета в Вене, где были сказаны эти слова, эрцгерцог Франц-Фердинанд зачитал также «выдержки из личных писем императора Вильгельма к нему, заключающие твердое намерение императора довести намеченную программу утверждения германского влияния на Босфоре до конца, не считаясь для достижения цели ни с какими препятствиями»²¹⁹⁸.

В 1897 г. на Крите греки-христиане подняли восстание и провозгласили свою независимость от турецкого господства. Германия оказалась единственной европейской державой, прямо выступившей на стороне султана²¹⁹⁹. В 1898 г. Вильгельм посетил Порту и объявил себя другом всех «300 миллионов магометан, рассеянных по всему миру», и что из этой дружбы возникнет «военная держава, которая может стать угро-

508

зой не только для Франции, России и Великобритании, но и для всего мира». Петербург получил от Берлина предупреждение: «Если Россия выступит в защиту турецких армян, тогда Германия, в свою очередь, примет меры для защиты своих интересов в Анатолии...» В Константинополе кайзеру устроили торжественную встречу, и соглашение о строительстве Багдадской дороги было достигнуто²²⁰⁰. Финансовые затруднения Турции (дефицит бюджета составлял 19 млн. лир, а на послевоенное восстановление требовалось еще 20 млн., — это при годовом доходе в 29 млн.) были разрешены с помощью Германии. «Дойче Банк» выразил готовность помочь за ряд уступок — преимущественное право покупки казенных земель и контроль за налогами... И после нескольких лет охлаждения Порты снова пошла на сближение с Германией. За 9 лет объем торговли Германии с Портой вырос в 9 раз. Были созданы Немецко-восточный, Немецко-палестинский и ряд других банков...²²⁰¹

Но германская экспансия не ограничивалась только экономическим проникновением: «Схема немецкого внедрения, — сообщал военный агент в Константинополе, — простая и ясная: военные училища, офицерские школы и академия в чисто учебном отношении, и образцовые полки, и высшие тактические единицы — в командно-строевом отношении. Если к этому прибавить известный процент германских офицеров в центральных управлениях, то окажется, что в недалеком будущем германская миссия раскинет свою паутину на всю турецкую армию»²²⁰². «Все это означает, — считал Щеглов, — что в случае десантных операций в районе Босфора в будущем мы встретим здесь германский корпус»²²⁰³. В ноябре 1913 года султан назначил немецкого генерала Л. Сандерса командующим турецкими войсками в Стамбуле. Россия выразила свой протест. В частности, С. Сазонов заявил германскому послу Пурталесу, что он «не может себе представить, чтобы в Берлине не отдавали себе отчета в том, что русское правительство не может относиться безразлично к такому факту, как переход в руки германских офицеров командования Константинопольским гарнизоном...»²²⁰⁴

В беседе с английским послом Николай II говорил, «что у него нет оснований не доверять Германии, исключая турецкий вопрос. Турецкая армия может выступить только либо против России, либо против одного из балканских государств; поэтому Германия поступает не по-дружески, снабжая эту армию

своими военными инструкторами. Благодаря этим инструкторам турецкая армия достигла высокой степени совершенства. Царь не раз запрашивал императора Вильгельма по этому поводу, но тот ни разу не дал ему удовлетворительного ответа»²²⁰⁵. Как сообщал Бьюкенен в Лондон, обеспокоенный сближением России и Германии: «царь... высмеял мысль о перегруппировке держав. Как бы ни хотелось ему сохранить хорошие отношения с Германией, союз с ней был, по его словам, невозможен, помимо прочих причин, еще и потому, что Германия старалась занять такое положение в Константинополе, которое позволило бы ей запретить Россию в Черном море»²²⁰⁶. Слова Николая II были подтверждены 24 января 1914 г. на совещании австрийского

509

военного ведомства, где был оглашен текст меморандума германской военной канцелярии, гласивший: «Стремление германского правительства к разрешению в свою пользу вопроса о проливах должно неизбежно сопровождаться, вследствие общеизвестных политических причин, одновременным столкновением на восточной и западной границах».

Россия в 1913 г. призывала Англию и Францию выступить против усиления немецкого влияния в Турции, но «союзники» в очередной раз отказали*. «Сазонов выразил сильнейшее разочарование. По его мнению, Россия в первый раз просила поддержки Англии в вопросе, серьезно задевающим ее интересы... Согласие, как он говорил, представляет более сильную комбинацию держав, чем Тройственный союз, и если бы только Англия, Франция и Россия показали Турции серьезность своих намерений, последняя уступила бы, и Германия ничего бы не могла поделать. Но вместо того чтобы уверенно действовать вместе, они постоянно охвачены паническим страхом войны, которую они, в конце концов, и навлекут на себя своими поступками»²²⁰⁷. Сазонов выглядел пророком. Когда война началась, президент Франции пришел к выводу, что «опасения, которые Россия высказала нам несколько месяцев назад по поводу миссии Лимана фон Сандерса, оказываются, таким образом, совершенно основательными. С этого времени все тщательно подготавливалось, и партия разыгрывается так, как это предвидели и желали обе центральные империи»²²⁰⁸. В начале Первой мировой войны французский агент будет доносить: «Немцы теперь в Турции на каждом шагу и распоряжаются здесь как у себя дома»²²⁰⁹.

ТУРЦИЯ

В Турции тем временем продолжались эксцессы с насилием против христиан, и в июне 1913 г. Сазонов посылает турецкому правительству ноту, в которой указывает, что «положение армянского населения требует немедленно начать обсуждение необходимых реформ». «Иттихадисты резко воспротивились, поскольку увидели в этом предпосылки для дальнейшего распада государства. — отмечает В. Шамбаров. — Тем не менее в Лондоне была созвана конференция, на кото-

* Правда, англичане не скупались на саморекламу своих титанических «косметических операций». «Сэр Э. Грей вновь выступил посредником, прибавив к множеству оказанных им России и Европе услуг по поддержанию мира еще одну — он добился соглашения, согласно которому генерал Лиман фон Сандерс, получив звание турецкого фельдмаршала и оставаясь во главе германской военной миссии, отказался от командования армейским корпусом...» (Бьюкенен Дж... С. 113-114.) Такой профессиональный дипломат, как Бьюкенен, отлично понимал, что смена «декораций» не меняла сути. Именно германская военная миссия осуществляла подготовку турецкой армии. Всего несколько месяцев спустя немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» сменяют немецкие флаги на турецкие и укажут на «действенность» английской «мирной» политики.

510

рую была вынесена программа, разработанная русским дипломатом А.

Мандельштамом... Председательство на конференции досталось германскому послу в Стамбуле Вангенгейму... И когда... соглашение было все же подписано, программа Мандельштама оказалась сведенной к минимуму. Вангенгейм не преминул доказать визирю Халил-паше, что достигнуто это лишь благодаря Германии, подтвердившей таким образом репутацию "верного друга". Что же касается самих реформ, то к их практическому осуществлению Турция так и не приступила, спустив все на тормозах»²²¹⁰.

Во внешней политике Турции все сильнее звучали мотивы панисламизма и пантюркизма. Турецкая газета «Сиратель Мустагим» в 1910 г. писала, что «вся мировая наука и культура вышли из стран ислама, и покорение тех или иных стран арабами и турками сопровождалось их просвещением...» Идеолог панисламизма Сами Заде Сурей: «Цивилизация до XX в. принадлежала только мусульманам; европейцы украли ее у мусульманского мира, присвоили себе, а мусульмане на определенное время, благодаря своей беспечности, отстали от них». Отсюда следовал призыв к мусульманам Азии, Африки и Европы объединиться вокруг халифа, т.е. турецкого султана... По утверждению той же «Сиратель Мустагим», «когда мы достигнем этой цели, мы, без сомнения, станем нацией, господствующей над всем миром»²²¹¹.

Один из главных идеологов пантюркизма З. Гекальп утверждал: «Политические границы родины турок охватывают всю территорию, где слышна тюркская речь и где имеется тюркская культура»... Редактор газеты "Тюрк юрду" ("Тюркская родина"), эмигрант из России Юсуф Акчура, писал о «единой нации всех тюркоязычных народов от Дуная до Китая». Видные деятели и идеологи партии "Иттихад" объявляли турков «чистокровной высшей расой», призванной господствовать над другими народами. В 1910 г. на обсуждение меджлиса (парламента) была вынесена резолюция о запрещении туркам вступать в смешанные браки. В том же году на съезде партии "Иттихад" был выдвинут лозунг «Турция — только для турок»²²¹².

В состав «Великого Турана» турки включали Среднюю Азию, Казахстан, Крымское ханство, а Поволжье намеревались превратить в Казанское ханство (зависимые от Порты)... Основные надежды на реализацию своих планов турки возлагали на европейскую войну. Текин Альп писал: «Если русский деспотизм... будет уничтожен храбрыми армиями Германии, Австро-Венгрии, Турции, тогда от 30 до 40 миллионов турок получат независимость. Вместе с 10 миллионами османских турок они образуют нацию... которая продвинется вперед к великой цивилизации... В некотором отношении она достигнет превосходства над вырождающейся французской и английской цивилизацией». В официальных документах "Иттихада" указывалось: «Наше участие в мировой войне оправдывается нашим национальным идеалом. Идеал нашей нации ведет нас к уничтожению нашего московского врага для того, чтобы благодаря этому установить естественные границы нашей империи,

511

которые включают в себя и объединят все ветви нашей расы»²²¹³. Планы пантюрецкого комитета У. Черчилль назвал «фантастическими», отмечая при этом, что уже в 1912 г. турки не сомневались, что скоро «разразится великая война»²²¹⁴.

Методы создания «Великого Турана» давала газета «Азм», которая 01. 07. 1913 г. писала: «Каждый солдат должен вернуться к дням варварства, жаждать крови, быть безжалостным, убивая детей, женщин, стариков и больных, пренебрегать имуществом, честью, жизнью других»²²¹⁵. Эти призывы базировались на предыдущим опыте массового террора. Во время Первой мировой войны «наступление (турок) сопровождалось жуткой резней..., — отмечает В. Шамбаров, — Доклад германских дипломатов о возвращении турок в

Трапезунд гласил: «Тысячи русских расстреляны или сожжены заживо. Армяне подвергаются неописуемым пыткам. Детей суют в мешки и кидают в море, стариков и женщин пригвозждают к крестам и калечат, девушек и женщин насилюют. Об этом сообщено послу в Константинополе». О том же статс-секретарь германского МИДа доложил министру Кюльману. 27. 02. Энвер издал секретный приказ (позже представленный Версальской конференции), предписывающий 3-й армии вторгнуться в российское Закавказье и там тоже решить «армянский вопрос»: «Положение вещей требует поголовного истребления армянского народа, о чем издано султанское ираде»²²¹⁶. Массовому истреблению подвергались не только русские и армяне, но и другие народы, в тотальном геноциде турками было истреблено 2-2,5 млн. человек.

Подготовка к войне за Великий Туран началась сразу после прихода к власти младотурок. В 1908-1914 гг. российский Кавказ и Среднюю Азию буквально наводнили турецкие эмиссары и агенты, действующие под видом купцов, паломников, путешественников. Доклады о их подрывной деятельности и панисламистской пропаганде шли потоком... Сазонов при переговорах с Вильгельмом в Берлине указал на это явление, которое беспокоит Россию²²¹⁷. 1 февраля 1911 г. турецкий парламент, подбиваемый английскими представителями, отпустил на усиление флота в течение 10 лет чрезвычайный кредит в 5 млн. турецких лир*. «Невзирая на все финансовые затруднения, — отмечалось в докладе бюджетной комиссии парламента, — мы тем не менее полагаем необходимым иметь флот, способный защищать наши берега, и особенно настаиваем на такой его силе, которая обеспечила бы за нами господство на Черном море»²²¹⁸. На этот демарш С. Сазонов заявил турецкому послу в Петербурге, что Россия никогда не сможет допустить господства на Черном море чьего бы то ни было флота. Попытки к этому Турции приведут лишь к одному — к взаимной гонке морских вооружений²²¹⁹.

* (Архив внешней политики Российской империи. Фонд канцелярии МИД. 1908. Д. 1039. Л. 141. (Шацилло К.Ф... С. 170.)) Или примерно 50 млн руб. золотом — (около десяти годовых бюджетов образования России того времени). Линкоры были заказаны в Англии.

512

Немцев планы «туранизма» вполне устраивали. Морской атташе Щеглов еще в мае 1912 г. докладывал из Константинополя: «Живя здесь, можно наблюдать факты, доказывающие, что задача германской дипломатии состоит в том, чтобы отвлечь силы и помыслы России от внутреннего культурного устройства своего и толкнуть на внешние осложнения с Турцией...» В 1912-1913 гг. Турция в связи с Триполитанской и Балканскими войнами закрыла проливы для иностранных судов, Россия понесла колоссальные убытки. В 1914 г. Порты еще до вступления в войну заняла позицию весьма однобокого «нейтралитета», пропуская через Дарданеллы и Босфор германские корабли и не пропуская корабли Антанты, так что Россия сразу же очутилась в фактической изоляции, а русский консул докладывал: «В Кербеле духовенство приступило к пропаганде священной войны против России»²²²⁰.

А ЧТО ЖЕ РОССИЯ?

Для укрепления своих позиций на Балканах в 1912 году Россия поддержала во время войны Болгарию против Турции в вопросе об Адрианополе. Дело дошло до того, что на кавказской границе стали сосредотачиваться войска, а в феврале 1913 года Черноморский флот получил приказ быть готовым захватить Босфор (по примеру англичан, захвативших Суэцкий канал). Военный министр в то время заявил о чрезмерной рискованности самой операции по занятию проливов... «Выслушав мой доклад, император Николай II..., не отрицая трудности операции

с военной стороны, дал мне понять, что в этом деле идея и цель всего вопроса имеют такое доминирующее значение, что технические детали отходят на задний план»²²²¹. Высадка не состоялась, но русский монарх выиграл тогда политический раунд. Под нажимом Франции и Англии, опасавшихся удачи русских, Турция уступила. Поддержка Болгарии позволила России в противовес усилению влияния Англии, Франции и Германии в Турции в феврале 1912 г. организовать Балканский союз.

Зыбкость этого раздираемого противоречиями союза была очевидна всем. Но у России не было другого выхода. 23 ноября 1913 г. Сазонов докладывал Николаю II, что Турция находилась накануне окончательного распада, который сейчас России нежелателен, т.к. неизбежно поставит вопрос о судьбе проливов, который «в настоящее время разрешается, в сущности, довольно удовлетворительно с точки зрения наших непосредственных интересов...» Совершенно иная обстановка может сложиться при окончательном распаде Турции: «проливы в руках сильного государства — это значит полное подчинение экономического развития всего Юга России этому государству, это значит гегемония этого государства на Балканах и в Малой Азии...»²²²² Однако тут же Сазонов указал не только на то, что десантную операцию на Босфоре в настоящее время «почти невозможно осуществить», но и на недостаточность «наших оборонительных средств против морской программы, которая

513

может быть осуществлена в ближайшее время Турцией»²²²³. При этом министр иностранных дел отмечал, что возможная война с Турцией вряд ли сможет быть локализована²²²⁴. Против десанта в проливах активно выступал и военный министр Сухомлинов. По его мнению, десант на Босфоре являлся утопией, дорогой игрушкой, сверх того могущей стать опасной забавой²²²⁵.

В «Плане операций Черноморского флота на 1914 г.» признавалась слабость России, в силу чего она «сама войны не начнет. Таким образом, на Черном море в 1914 г. война может быть наступательная только со стороны Турции, при обороне со стороны России»²²²⁶. В феврале 1914 г. прошло чрезвычайное совещание, посвященное теме проливов. «Под каким безотрадным впечатлением нашей полной военной неподготовленности я вышел из этого совещания! — вспоминал С. Сазонов, — Я вынес из него убеждение, что если мы и были способны предвидеть события, то предотвратить их не были в состоянии. Между определением цели и ее достижением у нас лежала целая бездна»²²²⁷. Ситуация отягощалась тем, что правительство Столыпина, с подачи монарха, предпочитало финансировать развитие представительского Балтийского флота, а не жизненно необходимого для обороны России Черноморского. Против этого, за Черноморский флот, в Думе активно выступали кадеты. И только в начале 1914 г. ситуация изменилась кардинальным образом. Главный штаб ВМФ принял «за основу наших планов войны идею сосредоточения всего нашего флота в Средиземном и Черном морях»²²²⁸. Но было уже слишком поздно, началась война.

ВОЙНА...

За несколько дней до начала войны, в июле 1914 г., немцы предложили Турции заключить союзный договор. Турция колебалась и выдвигала все более трудновыполнимые требования, на что Вильгельм II отвечал: «Ни при каких обстоятельствах мы не можем позволить себе отвергать их предложения». На следующий день после объявления войны, 2. 08 Германия подписала с Турцией секретный фактически союзный договор* и одновременно Турция публикует декларацию о своем нейтралитете. 3. 08 статс-секретарь германского МИДа направил в Стамбул просьбу поднять против России народы Кавказа. И в тот же

день Турция начинает всеобщую мобилизацию, которую 5.08 Энвер-паша назовет «дружественной по отношению к России» и предложит ей заключить военный союз²²²⁹. 10-го Германия предоставляет Турции

* Поводом якобы послужило то, что Великобритания «реквизировала» два новейших линкора, построенных на английских верфях для Турции. У. Черчилль вспоминал: «28 июля я реквизировал оба турецких дредноута для британского королевского флота... Ни в Адмиралтействе, ни, насколько я знаю, во всей Англии никто не знал о турецких планах... Неведомо для самих себя мы сделали самый правильный ход». (Черчилль У... С. 411-412.)

514

заем в 100 млн. марок. 13 августа русский посол Гирс сообщал: «Здесь все упорнее утверждается мнение, что турецко-германское соглашение уже состоялось...» Спустя два дня Леонтьев докладывал, что турецкие войска двинулись на кавказские границы.

Двойственная политика Турции, оказывавшей прямую поддержку немцам и продолжавшей сохранять нейтралитет, ставила в тупик многих исследователей. Так У. Черчилль писал: «Я не помню ни одной области политики, в которой британское правительство было бы менее осведомлено, чем в турецких делах... Все союзники были уверены, что Турция не решила следовать какой-либо определенной политической линии и может или присоединиться к союзникам, или отойти от них...»²²³⁰ Министр иностранных дел Сазонов в то время был аналогичного мнения: «Продолжаю придерживаться мнения, что нам нужно сохранить мирные отношения с Турцией, пока не определится решительный перевес русско-французских войск над австро-германскими...»²²³¹ Союзники в начале войны прощали Турции дружественный Германии «нейтралитет»; отмену 09.09 привилегий для иностранцев в торговле и экономике, что вызвало протесты англичан и французов. Но дальше протестов дело не пошло — все понимали, что это тоже может быть формой оплаты за нейтралитет...²²³² Сазонов активно пытался договориться с Турцией, требовавшей откровенно провокационных территориальных компенсаций, и старался согласовать ее претензии с интересами союзников. Президент Франции воспринимал усилия Сазонова как надоедливую и пустую суету. В итоге, как констатировал Пуанкаре: «Сегодня послы держав Тройственного согласия вручат Порте предложение, которое, несомненно, страдает двумя недостатками: оно слишком запоздало и остается слишком неопределенным...»²²³³

Действительно, предложение слишком запоздало: немецкие крейсера «Гебен» и «Бреслау» уже 15.08 подняли турецкие флаги. Но до этого они должны были пройти через все Средиземное море, где союзники имели абсолютное, подавляющее превосходство.

Военно-морские силы сторон в Средиземном море в начале августа 1914 г.²²³⁴

	Линк ры	Броне носцы	Крейс ера	Эсмин цы
Франц ия	16		6	24
Англи я	3	4	4	14
Герма ния	1		1	

Не считая подводных лодок, которые были у союзников и не было у немцев.

515

«Задача союзного флота... была значительно облегчена объявлением итальянского нейтралитета. Достаточно было незначительными силами заградить

вход в Дарданеллы и в Адриатическое море для воспрепятствования германским судам прорваться в австрийскую гавань Пола, как «Гебен» и «Бреслау» были бы обречены, не имея угольной базы...»²²³⁵ У. Черчилль 31 июля указывал командующему Средиземноморским флотом адмиралу Б. Милну, что скорость его эскадр «является достаточной, чтобы вы могли оптимально распределить силы и выбрать момент для удара по противнику» — и тут же указывал «беречь свои силы» и «избегать вступления в бой с превосходящими силами противника». Англофранцузский флот 6-7.08 запер «Гебен» в Мессине. Но затем, после того как немецкие крейсера заправились с греческого угольщика... благополучно пропустили их в проливы.

Союзники отлично понимали ситуацию. Пуанкаре писал: «Морис Бомпар тоже торопит нас выйти из нашей выжидательной позиции... в высшей степени важно, чтобы соединенные эскадры Франции и Англии без промедления свели на нет силу австро-германского флота в Средиземном море. Военный министр Мессими и морской министр Оганьер тоже находят опасным всякое промедление»²²³⁶. Мало того, русско-французская морская конвенция 1912 г. обязывала Францию оказать помощь России в случае войны отвлечением австро-германо-итальянских морских сил от Черного моря. Французскому главнокомандующему средиземноморской эскадры было хорошо известно это обязательство, но он тем не менее его не выполнил²²³⁷. Проливы были блокированы.

«Нейтралитет» Турции был прерван командующим турецким ВМФ немецким контр-адмиралом Сушоном, 29 октября приказавшим обстрелять Севастополь, Одессу, Феодосию и Новороссийск. По мнению К. Шацилло, обстрел черноморских городов был чистой провокацией, которая достигла своей цели. «Вечером 30 октября состоялось под председательством великого визиря заседание верховного совета турецкого правительства и комитета «Единение и прогресс». Оно единогласно высказалось за сохранение мира с державами Тройственного соглашения и постановило вручить русскому послу ноту с предложением уладить инциденты на Черном море полюбовно или с помощью третьей стороны»²²³⁸. Тем не менее через три дня, 2 ноября, вышел высочайший манифест Николая II: «Нынешнее безрассудное вмешательство Турции в военные действия только ускорит роковой для нее ход событий и откроет для России путь к разрешению завещанных ей предками исторических задач на берегах Черного моря»²²³⁹.

Пуанкаре замечал: «Русское правительство с большим хладнокровием относится к тем осложнениям, которые должны последовать в результате этого»²²⁴⁰. Об этих осложнениях предупреждал Николая II представитель морского ведомства: «Через три-четыре дня после объявления

516

войны появиться перед Босфором — невысказано... вся эта фантастическая затея на словах и на бумаге не могла иметь никакого практического результата... Убедить в этом государя не довелось...»²²⁴¹ 5 и 6 ноября, по примеру России, войну Турции объявили Англия и Франция.

Китченер скептически относился к возможностям Англии в войне с Турцией. Он писал, что, вероятно, придется ограничиться лишь демонстрацией в районе Дарданелл. Но Черчилль предложил, чтобы англо-французский флот с боем прорвался через проливы и заставил Турцию выйти из войны. В адмиралтействе возникли большие сомнения, сможет ли один флот решить эту задачу. Адмиралы полагали, что штурмовать проливы следует комбинированными силами — кораблями флота и сухопутными войсками...²²⁴² Таких же настроений придерживался и Пуанкаре: «Английское адмиралтейство готово посвятить несколько старых броненосцев или, вернее, пожертвовать ими для нее. Оно

надеется без труда разрушить форты, охраняющие вход в Дарданеллы... Экспедиция весьма ненадежная...»²²⁴³ Правда, тут же Пуанкаре заявлял: «Английское морское министерство намерено предпринять без нашего ведома экспедицию на Дарданеллы. Между тем, в силу франко-британской морской конвенции, право командования союзными эскадрами на Средиземном море принадлежит Франции. Следовательно, ничего не может быть предпринято без предварительного соглашения с нами...»²²⁴⁴

Непоследовательность Пуанкаре, который сначала критиковал операцию, а затем обвинял англичан, что они не пригласили принять в ней участие, объяснял Ллойд-Джордж: «Французы очень хотели завладеть этим городом (Константинополем. — *В.П.*) собственными силами. Они, кажется, в тайниках души побаивались, что если мы, англичане, наложим руку на Константинополь, то мы, возможно, начнем независимо от союзников строить свои собственные планы насчет дальнейшей судьбы этого города...»²²⁴⁵ Но Пуанкаре знал, с кем имеет дело, и имел все основания для сомнений. У. Черчилль вполне откровенно писал в то время: «Попадание этого города в наши руки даст нам огромное влияние среди союзников и гарантирует их сотрудничество с нами. Больше всего это подействует на Россию»²²⁴⁶.

Очевидно, что это ощущали и в России, тем более, что подготовка к операции велась в тайне от нее. А ведь еще в ноябре 1914 г. Россия официально заявила свои притязания на проливы. П. Мультатули в этой связи утверждает: «Главной целью англо-французского командования в Дарданелльской операции было не допустить Россию к господству в этой части земного шара»²²⁴⁷. Николай II, обеспокоенный таким поворотом событий, несмотря на то, что русская Ставка и Генштаб пришли к выводу, что взятие Дарданелл «почти невозможно» и нецелесообразно, распорядился начать немедленно подготовку к собственной Босфор-

⁵¹⁷ской операции²²⁴⁸. Русский Черноморский флот тем временем принял участие в союзнической операции и ударил с севера на Босфор.

Операция Черчилля в проливах провалилась и стала предметом специального рассмотрения в палате общин. Пуанкаре писал: «Наши генералы сурово критикуют метод организации этой экспедиции Уинстоном Черчиллем»²²⁴⁹. Английский адмирал Валис признает позже, что «во всей мировой истории нет ни одной операции, которая была бы предпринята на столь скорую руку и которая была бы столь плохо организована»²²⁵⁰.

Германия в свою очередь не теряла времени даром и готовилась к новым попыткам союзников штурмовать проливы. «Немецкие офицеры все солиднее и основательнее организуют защиту Дарданелл. За последние недели в Константинополь пришло много вагонов с военными материалами, посланными из Германии и Австрии...» — отмечал Пуанкаре²²⁵¹.

Сухопутная Галлиполийская англо-французская операция началась несколько месяцев спустя. Она проводилась под предлогом проведения отвлекающего маневра, осуществляемого по просьбе русского командования. Разведка полагала, что в распоряжении турок имелось 170 тысяч человек. На самом деле турки имели всего шесть слабых дивизий общей численностью 84 тысячи человек для охраны 250 км побережья. Турецкие оборонительные сооружения были устаревшими — все они были построены еще в Средние века или даже раньше²²⁵². Вероятность успеха была высока, «Но введение в бой многочисленных войск, — отмечал Киган, — не отвечало задачам кампании... Гамильтон мог надеяться на успех своей, по сути, диверсионной акции только в том случае, если турки неправильно среагируют на высадку десанта»²²⁵³.

Характер операции определялся тем, что Англия не имела в ней прямой

заинтересованности: «Посол его королевского величества получил инструкции заявить... (российскому правительству), что, только исходя из соображений пользы общего дела, правительство е. в. предприняло операции в Дарданеллах. Великобритания не извлечет из них для себя никакой прямой выгоды...»²²⁵⁴ Спустя шесть дней британцы еще раз повторяют: «Этот документ свидетельствует о полном перевороте традиционной политики правительства его величества и находится в прямом противоречии с взглядами и чувствами, в свое время всецело господствовавшими в Англии и пока еще отнюдь не исчезнувшими... Операции в Дарданеллах, как бы успешны они ни были, не могут принести какую бы то ни было выгоду правительству его величества при заключении мира. Россия одна, если война будет успешна, получит непосредственные плоды этих операций»²²⁵⁵. Такая позиция Англии объясняла недоумение Пуанкаре по поводу Галлиполийской операции: «Китченер... требует, чтобы генерал д'Амаде оставил в Лемносе только небольшую часть своих войск и отправил остальные в Египет. Странная судьба экспедиции в проливы!»²²⁵⁶

518

При этом союзники крайне беспокоились, чтобы русские не сняли свои армии с европейского фронта и не отправили их на завоевание предмета «своей вековой мечты». Сазонову приходилось увещевать Палеолога, что «ни один солдат не будет снят с европейского фронта. Прежде всего необходимо победить Германию, ее поражение повлечет за собой гибель Турции. Поэтому Россия сведет к минимуму свою оборону против турецкой армии»²²⁵⁷. Видимо, слова русского министра подействовали на французского посла, который позже сообщал своему президенту: «Англия напрасно тревожится. Россия не оставляет ни одного солдата на случай возможных военных действий против Турции»²²⁵⁸. Вместо русских планировалось привлечь к операции греков, против чего, опасаясь их притязаний на проливы, выступала Россия. Реакция У. Черчилля последовала незамедлительно. Он писал Э. Грею: «Скажите русским, что они встретят с нашей стороны великодушное и сочувственное отношение в вопросе о Константинополе. Но никакие препятствия не должны воздвигаться на пути сотрудничества с Грецией. Мы должны заполучить Грецию и Болгарию, если они согласятся перейти на нашу сторону. Я очень опасаясь, что вы теряете Грецию и все будущее отдаете в руки русским. Если Россия помешает получению помощи от Греции, я сделаю все для того, чтобы воспрепятствовать получению ею Константинополя»²²⁵⁹.

Союзнические попытки завладеть проливами во время войны на этом прекратились*. Несмотря на то, что как отмечал Пуанкаре, «все члены правительства признают теперь, что успех ее (дарданельской экспедиции) имел бы первостепенное значение, гораздо более важное, чем успех мелких наступлений на нашем фронте, признают, что от успеха этой экспедиции зависят все наши дипломатические выступления и что он представляет также первостепенный интерес с военной точки зрения»²²⁶⁰.

Россия не отказалась от мысли захватить Босфор. Для этого планировалось использовать порт Бургас. По словам адмирала Бубнова: «Болгарский порт этот (Бургас) имел значение огромной важности для Босфорской операции... Дело в том, что Бургас был единственным портом вблизи Босфора, где можно было высадить крупный десант... Болгария требовала за выступление на нашей стороне Македонию, на что

* Правда, У. Черчилль не мог упустить случая для традиционной «рекламы»: «Турция с изменчивым успехом боролась с Россией на Кавказе, но главным врагом стала для нее Британская империя. Главные силы турецкой армии были разбиты на Галлипольском полуострове английскими и австралийскими войсками.» (Черчилль У... С. 413-414.) У. Черчилль «преувеличивает», англичане продержались в Галлиполи менее года, русская армия на Кавказе сражалась более трех лет. за это время русскими было уничтожено турецких солдат больше, чем

их противостояло англичанам во время всей галиопольской операции.

519

Сербия своего согласия ни за что давать не хотела... Эта черная неблагодарность, угрожающая лишить нас не только возможности решить нашу национальную проблему, но даже выиграть войну, глубоко опечалила и поразила государя, заступничеству коего Сербия была обязана всем...»²²⁶¹

Против десанта выступили морской министр и начальник Генерального штаба. По мнению адмирала Григоровича, «транспортная операция возможна только тогда, когда наш Черноморский флот окончательно овладеет морем и заблокирует наглухо Босфор и когда вместе с тем война на Западном фронте будет приведена к желательному концу, то есть возможно будет снять с этого фронта необходимые для этой операции войска»²²⁶². Алексеев предлагал даже заключить с Турцией сепаратный мир, для того чтобы перебросить войска с Кавказского фронта на европейский. Он утверждал, что Курляндия важнее проливов.

С другой стороны адмирал А. Бубнов считал, что «по своей решающей стратегической и политической важности Босфорская операция принадлежала к категории тех операций, при коих даже самый крайний риск не только допустим, но и обязательно необходим. В данном случае мы рисковали бы лишь одной бригадой, а если даже при этом погиб бы весь Черноморский флот, состоявший из устарелых судов, то это не было бы бедой, ибо как раз весной 1915 года должны были вступить в строй мощные современные корабли...»²²⁶³ Мнение А. Керсновского: «Величайший грех был совершен весной 1915 года, когда Ставка отказалась от овладения Константинополем, предпочитая ему Дрышув и погубив без всякой пользы десантные войска на Сане и Днестре. Вывод из строя Турции предотвратил бы удушение России... Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре»²²⁶⁴. «Великое отступление» 1915 г. лишь сдвинуло планы по овладению проливами, но не отменило их.

Возглавив осенью 1915 года вооруженные силы, Николай II потребовал ускорить подготовку Босфорской операции²²⁶⁵. Как вспоминал генерал М. Свечин: «К середине 1916 года было решено предпринять под прикрытием Черноморского флота высадку частей у входа в Босфор...»²²⁶⁶ Реализовать десантную операцию не удалось из-за вступления в войну Румынии. Николай II говорил тогда: «Я совершенно не сочувствую при настоящем положении выступлению Румынии, я боюсь, что это будет невыгодное предприятие, которое только удлинит наш фронт, но на этом настаивает французское союзное командование: они требуют, чтобы Румыния во что бы то ни стало выступила, они послали в Румынию специальную миссию, боевые припасы, и приходится уступать давлению союзного командования»²²⁶⁷. «Просчитав все последствия вступления Румынии в войну на стороне Антанты, российский МИД и Генеральный штаб пришли к выводу, что лучше иметь Румынию нейтральной, чем союзной...»²²⁶⁸ Тем не менее под давлением Франции и Англии в августе 1916 г. Сазонов дал согласие на привлечение

520

в союзники Румынии²²⁶⁹. Ее вступление в войну обернулось катастрофическими последствиями. Для начала Румыния подписала сепаратный мирный договор с Болгарией, а всю 400-тысячную армию бросила на захват Трансильвании* и совершенно отказывалась координировать свои действия с русской Ставкой... В результате, увлеченная новыми территориальными приобретениями, румынская армия была охвачена с флангов войсками центральных держав и разгромлена. Людендорф констатировал, что румыны вступили в схватку, «не понимая большой войны»²²⁷⁰.

Румынский главнокомандующий бежал, бросив свою армию. От полнейшего

разгрома румын спасли русские корпуса, которые прикрыли отход румын и стабилизировали фронт. На спасение новых союзников Россия вынуждена была послать 35 пехотных и 13 кавалерийских дивизий, при этом ее линия фронта моментально увеличилась на 500 км. Действительно, об операции на Босфоре можно было забыть. Мало того, для Румынии войска снимались и с Северного фронта, заметив это, германское командование резко усилило свои атаки на Ригу.

В разгроме румынской армии французы обвинили... Россию. Ю. Лисовский, бывший тогда во Франции, вспоминал: «Говорилось о том, что бесконечно жаль бедных и благородных румын, хороших и культурных румын, ставших жертвою такой ужасной измены, такого жестокого предательства... А предав Румынию, этот предатель, разумеется, предал и других союзников, вынужденных снова напрягать свои усилия и изнемогать в борьбе. И очень скоро удалось разобрать, что французы обвиняют в предательстве никого другого, как Россию и русских. Говорилось, правда, не о России, а о ее министрах, работающих в пользу Германии, в особенности о Штюмере, будто бы «умышленно направившем целые транспорты французских снарядов, предназначенных румынам, куда-то в Сибирь»²²⁷¹.

Румынский посол Диаманди жаловался Палеологу, что генерал Алексеев, «кажется, не понимает страшной серьезности положения или, может быть, руководствуется эгоистическими задними мыслями, исключительной заботой о своих собственных операциях... Я заклинал его пойти нам навстречу шире, но я не в состоянии был убедить его в целесообразности идей румынского главного штаба». Палеолог отмечал в дневнике: «Отдает ли себе генерал Алексеев точный отчет в высоком преимущественном интересе, какой представляет для нашего общего дела спасение Румынии?»²²⁷²

Этот «преимущественный интерес» Франции в Румынии, по сравнению с ее интересом к России, объяснялся несколькими причинами. Во-первых, Румыния, будучи нейтральной страной, «охотно постав-

* Союзники обещали Румынии после победы — и Трансильванию, и Банат, и даже Буковину (занятую русскими).

521

ляла свои продукты» в Германию²²⁷³. Румыния тем самым подрывала английскую блокаду Германии с моря. После вступления Румынии в войну Людендорф вопрошал: «Как сможем мы жить и вести войну без румынского хлеба и нефти»²²⁷⁴. Во-вторых, вступление в войну Румынии неизбежно втягивало в новые наступательные действия русскую армию. В 1916 г. Россия откликнувшись на просьбы и мольбы Франции и Италии, уже спасала их от разгрома, второй раз союзники просить ее не могли. Вступление в войну Румынии давало отличный повод, и русская армия снова должна была наступать, спасти румынскую армию и тем самым снова оттягивать немецкие войска с Западного фронта на Восточный. Не случайно «после объявления войны Румынией наступление (союзников на Сомме) разгорелось с новой силой»²²⁷⁵.

Наступления 1916 г. опустошили и обескровили Россию, тем не менее десант на Босфор был перенесен на весну 1917 года. Военная обстановка на Черном море, по мнению Бубнова и Колчака, ей благоприятствовала. «Турция, несмотря на все усилия немцев, почти совсем утратила свою боеспособность»²²⁷⁶. 7 октября 1916 года на борту новейшего (вступил в строй в 1915 году) линкора «Императрица Мария», призванного сыграть ключевую роль в Босфорской операции, водоизмещением 22 600 т, с 12-тью 305-мм орудиями... вспыхнул пожар, и линкор был затоплен. Тем не менее 1 декабря 1916 г. Николай II подтвердил свои намерения относительно проливов. Однако Февральская революция положила конец этим планам. Советы провозгласили мир без аннексий, а во Временном правительстве не было единодушия. Терещенко

возражал против шагов, несовместимых с «жизненными интересами России», а Церетели от имени «всей демократии» тянул правительство на мирную конференцию в надежде, что Англия там откажется от Месопотамии, а Франция — от Сирии...

Несмотря на попытки решить вопрос проливов военным путем, он носил лишь вспомогательный характер. Основной задачей ставилось дипломатическое решение вопроса. «Русская политика в конце 1914 г. и в начале 1915 г. лишь с великим трудом могла определить свои намерения в вопросе о Константинополе и проливах»²²⁷⁷. Однако уже 14 ноября 1914 г. по настойчивой просьбе Николая II Э. Грей *обещал* российскому правительству учесть интересы России по окончании войны в Константинополе.

В период «великого отступления» 1915 г., когда для союзников самым большим кошмаром было заключение сепаратного мира России с Германией. Именно прозрачные намеки Сазонова на такой поворот событий привели к уступчивости Англии и Франции в вопросе о проливах. Николай II в марте 1915 г. указывал союзникам на необходимость придать смысл жертвам, величина которых начала превосходить все мыслимое. «Я не признаю за собой права навлекать на мой народ ужас-

522

ные жертвы нынешней войны, не давая ему в награду осуществление его вековой мечты...»²²⁷⁸ Диллон указывал: «Иностранцам даже трудно понять бедствие России, вызванное прекращением ее вывоза. Хороший урожай, вывоз зерна поддерживают платежеспособность России. Вывоз сельскохозяйственных продуктов — источник не только русского благосостояния, но и ее культурного развития. Народ остался без доходов. Только русский или иностранец, долго проживший в России, может понять, что значит подобный удар... Вот почему русское правительство настаивало, чтобы Делькассе и Э. Грей открыли Дарданеллы для русского зерна... это не было политической мудростью, но вполне понятно с общечеловеческой точки зрения. Если титаническая борьба, от которой, быть может, Россия страдает более других, должна принести ей какую-либо осязаемую выгоду, то таковой может быть только свободный выход к морю для общения со всем миром»²²⁷⁹.

И Лондон обещал передачу России проливов с Константинополем, прилегающими территориями и островами в случае победы союзников в войне. Э. Грей заявлял: «Абсурдно, что такая гигантская империя, как Россия, обречена иметь порты, перекрываемые льдами на протяжении значительной части года, или такие порты, как на Черном море, которые закрыты в случае любой войны...» В обмен премьер Асквит потребовал компенсаций: «Мы и Франция взамен должны получить значительную часть всего каркаса Турецкой империи». Премьера поддержал Ллойд-Джордж: «Русские настолько стремятся овладеть Константинополем, что будут щедры в отношении уступок во всех прочих местах»²²⁸⁰.

Президент Франции, находящейся под угрозой немецкой оккупации, очевидно не понимал ни своего положения, ни тактики англичан и был до крайности возмущен: «Министры и я не понимаем, как это Великобритания, не расспросив нас, дала такую полную свободу действий России в вопросе, который интересует всех союзников, к которому Россия никогда не подходила без задней мысли и в котором Франция всегда отказывалась связывать себя»²²⁸¹. «Английское министерство иностранных дел... отнюдь не считает нужным щадить Высокую Порту. Последняя обречена в глазах Англии, она не может более быть стражем проливов»²²⁸². «Если Константинополь падет, Россия... не может также не знать, что Румыния никак не согласится с перспективой быть закупоренной и что греки предпочитают видеть в Константинополе турок, а не

русских. Итак, Россия вызовет раздражение двух наций, симпатии которых для нас ценны и, пожалуй, даже необходимы. Наконец, когда России обеспечат обладание Константинополем, она, несомненно, потеряет всякий интерес к войне с Германией»²²⁸³.

Позже под давлением катастрофы на русском фронте французский президент скорректирует свою позицию. Он напишет своему послу в России: «Мы знаем устремления России и желаем, чтобы они могли осуществиться, но мы не можем принести при этом в жертву свои уст-

523

ремления. Отдача России Константинополя, Фракии, проливов и берегов Мраморного моря означает раздел Оттоманской империи. Мы не имеем никаких разумных оснований желать этого раздела. Если он неизбежен, мы не желаем, чтобы он произошел за наш счет. Поэтому надо будет, с одной стороны, найти такую комбинацию, которая позволит нам успокоить наших мусульманских подданных в Алжире и Тунисе, а с другой — для соблюдения наших экономических интересов в Малой Азии добиться признания наших прав на Сирию, Александретту и вилайет Адан. Но обладание Константинополем и его окрестностями... введет Россию через Средиземное море в концерт западноевропейских держав и даст ей возможность, благодаря выходу в незакрытое море, стать великой морской державой. Таким образом, в европейском равновесии наступит полная перемена. Такой прирост сил мог бы быть приемлем для нас лишь в том случае, если бы мы сами извлекли из войны равноценные выгоды. Итак, все тесно связано между собой. Мы будем в состоянии поддерживать желания России только в соответствии с теми удовлетворениями, которые мы сами получим... Это интимное письмо, в котором я высказываюсь со всей свободой, достаточно показывает, что, что бы ни говорили и писали об этом, ни правительство, ни я ни разу не принимали ни малейшего обязательства перед Россией...»²²⁸⁴

В качестве основной компенсации за уступку проливов России Британия потребовала включения в английскую сферу влияния нейтральной зоны Персии с обширными нефтяными месторождениями. Кроме того, Великобритания, официально вступив в войну с Турцией, провозгласила свой протекторат над Египтом и низложила хедива. Франция пыталась не отстать. «За наше согласие (прав Британии над Египтом) мы требуем от Англии, — писал Пуанкаре, — в свою очередь, признать наш протекторат в Марокко...» Получив признание, Пуанкаре был удовлетворен: «Если бы Англия и мы не находились теперь в войне с Турцией, нам, несомненно, пришлось бы еще дожидаться этого признания, и эта задержка не говорила бы об особой любезности к нам»²²⁸⁵. Тем временем Эдуард Грей официально известил Францию об аннексии (У Турции) Кипра Великобританией. Фактически англичане занимали этот остров с 1878 г. и неоднократно выражали намерение возвратить его Греции²²⁸⁶.

В начале 1916 г. между Францией и Англией было подписано *тайное от России* соглашение Сайкса — Пико о разделе Османской империи. *Союзники согласились допустить к переговорам Россию, только после того, как ей стало известно о нем.* В итоге зоной интересов Англии признавались Ирак, Аравия, Хайфа... Франции отдавались Сирия, Киликия, Ливан, часть Курдистана... Палестина попадала под международный контроль. К России отходили области Трапезунда, Эрзерума... За это царь обещал поддержать притязания союзников на левом берегу Рейна, на Адриатике, в Трансильвании и Персии.

524

Между тем при любом стечении обстоятельств у России практически не было ни одного шанса получить проливы: *с одной стороны*, союзники и не собирались выполнять своих *обещаний*. По словам У. Черчилля: «В 1914, 1915 и 1916 гг.

помощь России была совершенно необходима. Франция истекала кровью, а британские армии только что начинали становиться важным фактором в войне. Первая обязанность британской и французской дипломатии заключалась в том, чтобы поддерживать добрый дух борющейся огромной России и устранить все поводы, которые могли бы вызвать ее отчуждение... *В случае общей победы и крушения Турецкой империи все эти договоры предполагалось пересмотреть... они были просто-напросто судорожными жестами, которые приходилось делать в целях самосохранения»*²²⁸⁷. Представитель американского президента Э. Хауз по этому поводу оставил интересную запись беседы, состоявшейся в феврале 1916 г. с английскими союзниками: «Все мы с радостной готовностью поделили территорию Турции в Азии и Европе. Долгое время обсуждали судьбу Константинополя. Ллойд-Джордж и Бальфур не выражали особого энтузиазма к идее передачи его России, а Грэй и Асквит считали, что если этого не сделать, то навсегда сохранится предлог для новой войны. Я предложил объявить Константинополь нейтральным»²²⁸⁸. Позже — в апреле 1917 г., Бальфур и Э. Хауз придут к решению сделать из Константинополя «вольный город» или «открытый порт»²²⁸⁹.

Последний вариант предлагал британский посол в Париже Берти еще в декабре 1914 г.: «Правильное решение заключалось бы в следующем: Константинополь превращается в вольный город, все форты на Дарданеллах и Босфоре разрушаются, к Дарданеллам и Босфору применяется под европейской гарантией режим Суэцкого канала... Я надеюсь, что общественное мнение в Англии и за границей заставит державы отвергнуть в принципе русскую точку зрения о правах москвичей в отношении Константинополя и проливов между Черным и Средиземным морями... Считаю целесообразным, чтобы Англия и Франция (в этом вопросе Англия ставится вне Франции) заняли Константинополь раньше России, дабы москвит не имел возможности совершенно самостоятельно решить вопрос о будущем этого города и проливов»²²⁹⁰. Очевидно, что далеко не случайно «министр иностранных дел Н. Покровский 21 февраля 1917 г. (в день окончания работы Петроградской союзнической конференции) подал всеподданнейшую записку, в которой отстаивал идею захвата Босфора до окончания войны с целью избежать угрозы невыполнения союзниками своих обязательств по передаче проливов России»²²⁹¹. Киган подтверждает эти подозрения относительно реальных намерений Англии и Франции об уступке проливов России: «Франция, а тем более Великобритания не были склонны допустить такое драматическое усиление влияния России в южной Европе»²²⁹². Довольный У. Черчилль напишет после окончания Первой мировой войны

525

многозначительную фразу: «Удалось добиться и других существенных выгод... Российская империя, бывшая нашим союзником, уступила место революционному правительству, которое отказалось от всяких притязаний на Константинополь...»²²⁹³

С другой стороны, Россия, даже получив проливы, не смогла бы ни при каких, даже самых благоприятных условиях удержать их за собой. Примером может быть русско-турецкая война 1878 г., когда Россия не смогла сохранить свое влияние даже на славянских Балканах. Война 1905 г. является подтверждением тому, как Россия не смогла удержать отдаленную территорию, а ведь тогда еще монархическая Россия была в полном расцвете. Провал союзнической и греческой интервенции в Турции после Первой мировой войны лишний раз подтверждает эти доводы. Что же могла сделать разоренная войной, раздираемая национальными и социальными противоречиями, отсталая по сравнению с «союзниками-конкурентами» Россия в отдаленной и слабо развитой турецкой провинции вкупе с одним из центров мусульманства, Стамбулом? Шацилло

совершенно справедливо ставил вопрос: «Сможет ли Россия «переварить» такой щедрый подарок?»²²⁹⁴ Ответ более чем однозначен. Англия совершенно спокойно могла пойти на уступки России во время войны, обещая ей любые территории и прекрасно понимая, что та никогда не сможет ими воспользоваться. «Кошелек коалиции» уже в 1915 г. находился в Лондоне, и именно от него зависела дальнейшая судьба России.

Оптимальным решением для российской империи была нейтрализация проливов. Этот вариант премьер-министр Горемыкин предлагал Палеологу еще 15 ноября 1914 г.²²⁹⁵ Аналогичного мнения придерживались русские МИД и Генштаб. Правда, за выгодные условия для России стоило побороться против Англии и Франции, но только после войны, и здесь многое зависело от того, в каком состоянии страны пришли бы к ее концу. Так, начальник Генштаба Беляев предлагал идею коллективного мандата — управления зоной проливов советом из русского, английского и французского комиссаров. Но даже против этого выступил французский министр Делькассе — считавший, что из этих трех комиссаров реальная власть достанется российскому. Лондон предлагал превратить Стамбул в вольный город и «порто-франко», открытый порт с полной свободой торгового судоходства, но окончательно судьба проливов должна была разрешиться только после войны...

Если бы Россия сразу и однозначно заявила о нейтрализации проливов, то появлялась возможность повернуть Турцию лицом к союзникам. Ведь еще перед самой войной Турция «предложила России заключить союзный договор в обмен на ее отказ поддерживать претензии балканских государств к Турции. При этом Турция предоставляла России огромные права по пользованию Черноморскими проливами и принимала в свою армию и флот русских офицеров в качестве инструкторов.

526

Россия ответила молчанием, и тогда Турция заключила договор с Германией». Во время войны в январе 1915 г. оппозиционная часть правящей партии «Единение и прогресс» пыталась установить контакт с Россией на предмет сепаратного мира... Предварительное условие — сохранение Константинополя и проливов за Турцией... Либеральная партия, опиравшаяся на командира 1-го корпуса в Константинополе Мехмед-Али пашу, пыталась завязать сношения... с Англией. Мехмед-Али паша предлагал устроить переворот в Константинополе, изгнать немцев... Опасаясь, однако, что перспективы заключения мира с Турцией могут побудить Англию отказаться от своего обещания, Сазонов добился заключения формального соглашения, которое должно было похоронить всякие попытки переговоров о сепаратном мире с Турцией»²²⁹⁶.

Если бы Россия смогла перевести Турцию в разряд союзников, у нее в этом случае появлялся шанс выйти из войны в числе победителей. Адмирал фон Тирпиц отражал общее мнение германского командования: «Если Дарданеллы падут, то война для нас проиграна...»

Дальнейшая судьба проливов весьма показательна. Большевики отказались от всех претензий России и, когда «Турция была разбита», по словам У. Черчилля, она призвала: «Пусть нас наказывает наш старый друг — Англия»²²⁹⁷. После подписания Мудросского перемирия в 1918 году корабли «союзников» вошли в черноморские проливы. Но вдруг «...британских офицеров, следивших за исполнением условий перемирия, сначала стали игнорировать, затем оскорблять и, наконец, преследовать или безжалостно уводить в плен»²²⁹⁸. Ллойд-Джордж и лорд Керзон предложили выгнать турок из Константинополя. Черчилль, поддержанный военным министерством, выступил за «постоянную оккупацию международными силами обоих берегов пролива. Через несколько лет такая оккупация перестала бы формально оспариваться»²²⁹⁹. Черчилль вспоминал, что

дебаты относительно проливов велись на этот раз в Кабинете министров «в гораздо более горячем тоне, чем это бывает даже в палате общин»²³⁰⁰.

В 1920 году Стамбул был оккупирован войсками Антанты, тогда же был подписан Севрский мирный договор, по которому Турция подлежала расчленению, часть ее вассальных территорий переходила под мандат Англии и Франции. Сама Турция делилась пополам, на востоке образовывалось армянское государство, а западная часть попадала под союзный контроль Англии, Франции, Италии и Греции, где вводился режим «капитуляций». Но он не успел вступить в силу, так как союзническая и греческая интервенции в Турции были разбиты. Французы бежали, бросив своих турецких и греческих союзников и армяно-французские добровольческие части. Кемалистское наступление сопровождалось истреблением полумиллиона христиан. Но на этот рецидив геноцида европейские державы не реагировали. Причина крылась в том, что

527

борьба за влияние в Турции и проливы вступала в новую фазу, на этот раз против коммунистической России*.

США

П. Столыпин за несколько лет до Первой мировой войны оценивал расстановку сил в Европе следующим образом: «Германия со своим большим населением, вне всякого сомнения, задыхается на своей сравнительно небольшой территории. Ее стремление расширить свою территорию на восток легко может послужить поводом к войне против России. Один лишь Бисмарк, сравнительно хорошо знавший Россию, не раз предупреждал германского императора, что всякая война против России очень легко поведет к крушению германской монархии. Англия же, считая себя первой державой мира и стремясь к тому, чтобы всегда играть первую скрипку в международном концерте, вне всякого сомнения, боится того, чтобы Россия, постоянно улучшая свое экономическое и военное положение, не помешала бы ей в ее колониальной политике. Больше всего Англия боится того, чтобы Россия не проникла в Индию, хотя Россия абсолютно не имеет никаких желаний захватить Индию... Англия не может не чувствовать, что ее эксплуатация таких стран, как Индия и других, рано или поздно может закончиться, и тогда она не только не будет играть роль первой скрипки в международном концерте мира, но и перестанет быть той великой империей, каковой является в данное время. Поэтому Англия больше всех ненавидит Россию и будет искренне радоваться, если когда-нибудь в России падет монархия, а сама Россия не будет больше великим государством и распадется на целый ряд самостоятельных республик... Ни любви, ни уважения во Франции к России нет, но вместе с тем Франция, ненавидя и боясь Германию, совершенно естественно стремится к тому, чтобы быть связанной с Россией военными союзами и договорами»²³⁰¹.

Об Америке Столыпин отзывался иначе. Он видел в США не соперника, а союзника и предполагал в ближайшее время поехать в Вашингтон и «в разговоре с президентом и государственным секретарем найти общие пути к более тесному и дружескому сближению России с Соединенными Штатами...» Столыпин надеялся «повлиять на прессу и общественные круги, чтобы путем личного посещения России большой группы представителей законодательных палат, корреспондентов и общественных деятелей Соединенные Штаты могли бы иметь

* 16 марта 1921 г. в Москве между РСФСР и Турцией был подписан договор о проливах, отражавший интересы двух стран.

528

возможность убедиться в том, что в России существует свобода и нет того

угнетения национальностей, населяющих Россию, о котором распространяют слухи враги России». Он надеялся привлечь США к идее Международного парламента. «Считаю вполне возможным, что в будущем в России, как и в каждом государстве, могут меняться формы управления государственным режимом, но русский народ по своему характеру, по своим взглядам, в своем отношении к людям не будет меняться и лишь об одном не будет забывать: кто его враги и кто его друзья. Народы Западной Европы, безусловно, значительно культурнее русского народа, но его искренними друзьями никогда не будут, и, может быть, только за океаном русский народ скорее в состоянии будет рассчитывать на то, что его поймут и пойдут ему навстречу. Равным образом народы Северной Америки всегда могут рассчитывать на то, что русский народ со своим русским радушием, со своей отзывчивостью и доброй душой, с искренним сердцем отзовется и во всем пойдет навстречу Америке, которой Россия и раньше помогала»²³⁰².

С обострением ситуации на Балканах в июле 1914 г. США выступили с предложением мирного посредничества, но никто не нашел возможным его принять. Одни не желали утратить преимущество своего внезапного наступления, другие рассчитывали на войну, как на шанс достижения своих реваншистских или империалистических целей. На протяжении войны США неоднократно возвращались к предложениям мирного посредничества. В 1916 г. президент полагал, что «наступило время получить от всех воюющих ныне держав соображения как об *условиях, на которых война могла бы быть закончена*, так и о формах, которые, по их мнению, могли бы быть признаны в качестве действительной гарантии против ее возобновления...»²³⁰³.

Условия, которые выставила Германия, включали в себя: «Возвращение оккупированной Францией части Верхнего Эльзаса... Возврат колоний... Экономическое и финансовое возмещение при обмене завоеванными обеими сторонами областями, подлежащими возвращению при заключении мира. Возмещение убытков пострадавшим от войны германским предприятиям и частным лицам...» Кроме этого, Германия требовала свободы торговли и свободы морей²³⁰⁴. Англия и Франция откликнулись на призыв американского президента своим меморандумом. Комментируя его, Хауз приходил к выводу, что союзники «хотели попытаться счастья в войне против Германии, ничем не связывая себя при выработке условий в случае победы»²³⁰⁵.

Оставалась Россия, которая еще в первые месяцы войны пыталась установить общие *«условия, на которых война могла бы быть закончена»*. Пуанкаре тогда с насмешкой писал: «В Петрограде продолжают делить шкуру неубитого медведя в надежде на то, что условия мира долж-

ны быть установлены между союзниками и будут затем продиктованы Германии и Австрии и что мирный конгресс или мирная конференция состоится лишь для урегулирования второстепенных вопросов»²³⁰⁶. Пуанкаре не захотел ограничивать «французский кусок шкуры». Россия же в то время была готова удовлетвориться только приданием Константинополю статуса вольного города²³⁰⁷.

Предложения американского президента 1916 года России уже не касались. Ее к тому времени попросту списали со счетов. Ни «союзники», ни американцы не рассматривали российскую империю, как полноценного политического партнера. Асквит, Э. Грей, Бальфур и Хауз уже в феврале 1916 г. пришли к выводу, что Россия с истощенными войной ресурсами скорее заключит сепаратный мир с Германией, чем обратится за помощью к США²³⁰⁸. Союзники имели веские основания для подобных выводов, ведь Россия на протяжении всей войны неоднократно обращалась к ним за помощью, получая в ответ большей частью одни обещания. Та легкость, с которой лидеры Англии и США пришли к

выводу, что России легче заключить мир с Германией, чем добиться реальной помощи от своих «союзников», свидетельствует о том что они сами, после поражений России в 1915 г., больше верили в силу Германии, чем в выполнение своих союзнических обязательств.

Впрочем, даже англичане, по словам Э. Хауза, испытывали «подозрения к президенту Вильсону». В них нарастало чувство уверенности «в том, что он никогда не предпримет решительных действий и что на американскую помощь рассчитывать не приходится. Эти чувства подозрения... постепенно переходили во враждебность»²³⁰⁹. И тогда уже Ллойд-Джордж начнет искать сепаратные пути поиска мира с Германией.

Но, казалось бы, какое США дело до России и ее союзников, воюющих на другой стороне океана? Сапог немецкого солдата все равно никогда не ступит на американскую землю. Следовательно, и помощь России и союзникам для американцев были проявлением чистого демократического альтруизма?

Но во-первых, для США, как участника Гаагской конференции, вступление в войну на стороне Антанты было моральным долгом. Во-вторых, демократические принципы и права человека, которые отстаивали США, так же требовали вступления Америки в войну. Однако вместо этого В. Вильсон, спустя две недели после начала войны, заявил о нейтралитете своей страны.

В-третьих, уже 15 сентября 1914 г. американский посол в Лондоне Пэйдж сообщал: «Цивилизация должна быть спасена. А это невозможно, пока жив германский милитаризм»²³¹⁰. Менее года спустя Хауз пришел к выводу, что Германия представляет прямую угрозу для Америки: В мае 1915 г. он пишет президенту: «Война неизбежна»²³¹¹. В июле: «Мы идем на ужасный риск ставя свою безопасность почти в полную

530

зависимость от победы союзников»²³¹². В октябре: «Следующим объектом нападения несомненно были бы мы, и доктрина Монро в самом деле превратилась бы в клочок бумаги...»²³¹³ В итоге, констатировал Хауз, в случае поражения союзников «положение для Америки было бы роковым»²³¹⁴. Американский посол в России Фрэнсис был аналогичного мнения: «...Я думаю, что если Германия выиграет эту войну, не только нашей свободе в Америке будет угрожать опасность, а нашим принципам — разрушение, но и сам этот мир перестанет быть подходящим местом для свободомыслящего человека»²³¹³. Но тем не менее вступать в войну США не торопились.

Американцев не смущали и заявления военного министра Англии Китченера, по мнению которого вступление США в войну «намного сократит срок войны и сохранит неисчислимые жизни не только у союзников но и у немцев», он «не скрывал своего мнения, что наше вступление в войну сыграет решающую роль»²³¹⁶. На реплику английского посла в адрес США: «Одно время эта страна была построена из чистого камня, но теперь она построена из грязи, песка и небольшого количества камня; и никто не может предсказать, как и куда она ползет»²³¹⁷. Э. Хауз позволил себе только оскорбиться*.

Чем объяснялась такая «непробиваемая» «миролюбивая» позиция США? На этот счет существует множество версий. Например, В. Вильсон 11 мая 1915 г. заявлял: «Есть такая вещь, как гордость, не позволяющая вступать нам в драку»²³¹⁸. Другие объясняют этот факт пацифизмом, присущим американцам, третьи их приверженностью к позиции изоляционизма, четвертые желанием американского истеблишмента найти пути *мирного урегулирования мировой войны*, пятые считали оскорблением чести американской нации участие в империалистической войне. Хауз ссылается и на профессорские склонности президента, не позволяющие ему быстро принимать решения, не обдумав все варианты. Есть и такое мнение, что Вильсон не мог предпринять более

решительные шаги накануне предвыборной кампании, и лишь перевыборы на второй срок развязали ему руки и т.д.

Чем же тогда занималась Америка во время мировой войны, грозившей по мнению Фрэнсиса, Пэйджа, Хауза, Элиота... ее существованию? Во время войны уносившей миллионы человеческих жизней?

Америка — торговала!

Ни один вид бизнеса не дает таких прибылей, как война. Уже в апреле 1914 г. газеты «Нью-Йорк Таймс» и «Бостон Коммершл Бюллетин» устами Гилда утверждали, будто президент предсказал друзьям бум американского бизнеса, торгующего во время войны с обеими сторонами²³¹⁹. Секретарь президента отрицал подобные высказывания²³²⁰. Тем не менее очевидно, что публикации отражали вполне определенные надежды и ожидания в американском обществе.

531

Торговля оружием, сырьем, продовольствием — во время войны это «золотой дождь». Но для того, чтобы он «пролился», товар необходимо было доставить потребителю, и тут у США возникали проблемы. Для «свободы торговли» необходима — «свобода морей»*. Но свободе торговли с Англией представляли угрозу немецкие подводные лодки, с другой стороны ей мешала английская морская блокада портов европейских нейтральных держав, которые использовали немцы для торговли с Америкой. США стояли перед дилеммой: с кем торговать — с немцами или англичанами. Э. Хауз писал президенту: «Германия нарушала права человечества, между тем как разногласия с Великобританией были гораздо менее значительны. Но они задевали карман и самолюбие многих американцев»²³²¹.

И США пошли третьим путем, торгуя с теми и с другими, под прикрытием «прав нейтральной державы»**. Америка поставляла союзникам вооружения, а немцам продовольствие и сырье: медь, сталь, хлопок и т.д. На этой почве у США возникли разногласия с Англией, которые постоянно грозили перерасти в серьезный конфликт. Американские представители негодовали. Лэйн заявлял: «Ее победа зависит от нашего строжайшего нейтралитета, и вместе с тем она нам не дает пользоваться нашими правами нейтральной державы»²³²²; Хауз утверждал: «Поддержание дружеских отношений между двумя странами оказало больше пользы Англии, чем нам»²³²³. Генеральный прокурор Т. Грегори рассказывал, «какое давление оказывалось на Вильсона, чтобы вынудить его принять репрессивные меры против Антанты за ее вмешательство в американскую торговлю»²³²⁴. Американцы доходили

* Термин «свобода морей» введен Э. Хаузом в начале 1915 г. (Хауз... Т. 1. С. 198.)

** Права блокады и нейтралитета стороны толковали в зависимости от своих интересов. Так требуя блокады Германии Великобритания одновременно протестовала против подводной войны развязанной немцами. Она называла «ее негуманным способом ведения войны, противоречащим международному праву. Удивительная фраза при постоянном нарушении этого права Антантой!», — восклицал Людендорф, — Новые средства войны создают новые нормы международного права. Последнее было признано Соединенными Штатами в ноте к Англии от 5 марта 1915 г. Таково же суждение английского руководства, принадлежащее адмиралу сэру Перси Скотту, опубликованное в «Таймсе» 16 июля 1914 г. Он пишет: «Я считаю объявление блокады... вполне допустимым... И если при попытке прорваться судно будет потоплено, то это никак нельзя квалифицировать как возвращение к варварству и пиратству в их самых мрачных формах». Американцам блокада мешала наживаться на войне, поэтому нота протеста США от 30 марта 1915 г. утверждала, что английская блокада «является почти полным отрицанием суверенных прав наций, не находящихся в состоянии войны... что несовместимо с лежащим в настоящих условиях на Соединенных Штатах высоким долгом»... Вторая американская нота от 5 ноября указывала, что «блокада... является незаконной и недействительной». (Людендорф Э... С. 214-215, 414.)

532

до откровенного шантажа англичан, угрожая приостановить поставки вооружений²³²⁵.

По мнению американского историка, англичане и французы «считали себя

защитниками цивилизации и верили в то, что дерутся за Америку, которая из трусости или жадности оставалась в стороне и собирала золотую жатву от продажи военного снаряжения»²³²⁶. Э. Хауз этого не отрицал, в письме президенту он указывал: «мы наживаем деньги на их несчастье, но это тем не менее неизбежно»²³²⁷. Отчасти это действительно было так, поскольку сохранение принципа «свободы морей» было выгодно не только Германии, но и Англии. Хауз по этому поводу замечал: «Настойчивость Вильсона спасла английский торговый флот от усиления подводной войны»²³²⁸.

Что ожидало Англию в противном случае, наглядно демонстрирует неограниченная подводная война, объявленная немцами в конце 1916 г.: Глава комитета морского транспорта союзников сообщал: «Все военные успехи союзников оказались под угрозой катастрофы — и над всеми главными европейскими державами нависла неизбежная опасность голода... За первые три месяца подверглись уничтожению 470 судов океанского класса (если включить суда всех классов, то общее число единиц дойдет до 1000). Только за две недели апреля были потоплены 122 океанских судна..., (что) эквивалентно 25% среднего количества находившихся в пути судов... Дальнейшие потери в таком размере имели бы следствием бедственное положение на всех союзных фронтах и могли довести до безоговорочной сдачи»²³²⁹. У. Черчилль тогда говорил: «Еще бы немного, и подводная война, направленная против морской торговли, вместо того чтобы привлечь на нашу сторону Америку, привела бы нас к неизбежному поражению вследствие голода...»²³³⁰ Правда, в первые годы войны у Германии еще не было достаточного количества подводных лодок для тотальной подводной войны. А вступление в войну США в любом случае неизбежно приводило к скорой победе коалиции.

Америка не только торговала — она еще и продвигала свои политические идеалы, основанные на твердом экономическом интересе.

Американцы не вступали в войну, поскольку меньше всего хотели воевать за империалистические интересы европейских стран, которые в случае победы вели к новому переделу мира. В. Вильсон в обращении от 27 мая 1916 г. по сути обвинил обе воюющие стороны в преследовании ими империалистических целей: «Цели обеих сторон... фактически одинаковые» и сформулировал свои принципы демократического мира, в конце призвав к «миру без победы»²³³¹. На пути Вильсона стоял европейский империализм образца XVIII-XIX веков, который и привел к Первой мировой войне. США совершенно хладнокровно предоставили возможность Европе «перевариться в собственном соку», «в соб-

533

ственной крови», т.е. самим переваривать свой империализм, и его последствия.

С другой стороны, на пути продвижения американской экономической экспансии, непосредственно связанной со свободой торговли и морей, стояла Великобритания — ее колониальная империя и ее морское господство. И США были жизненно заинтересованы в радикальном ослаблении своего грозного конкурента. Мировая европейская война представляла для этого уникальные возможности. Без долгой и разорительной торговой войны американцы могли получить все не только даром, но еще и с огромной доплатой в виде военных заказов...

Но главное препятствие в продвижении американских интересов, по мнению Хауза, создавалось в случае победы в войне России или Германии: «Самое печальное во всем этом положении для меня то, что ничего хорошего от него нельзя ожидать. Если победят союзники, то это главным образом будет означать господство России на Европейском континенте. Если же победит Германия, это означало бы пришествие на целые поколения несказанной тирании милитаризма... Успех Германии в конечном счете означал бы большие заботы для нас. Нам

пришлось бы сойти с того пути, который Вы осветили для будущих поколений, с постоянным миром как конечной цели и новым международным кодексом морали как путеводной звездой, и вместо этого создавать военную машину грандиозных размеров»²³³².

Новые политические принципы, выдвигаемые США, опирались на их глобальные экономические интересы. Америка, как самая мощная экономическая держава, могла реализовать свое мировое господство только посредством распространения во всем мире политического строя, основанного на действии чисто экономических законов — «американской демократии», «свободы наций», «свободы торговли». В этом случае Европа и мир превращались в шахматную доску, на которой фигуры передвигались экономическими рычагами, управление которыми неуклонно перемещалось в США. Именно глобальные экономические интересы, по мнению Л. Троцкого, привели США к участию в войне: «Соединенные Штаты вступили в войну спустя три года после ее начала под влиянием трезвых расчетов американской фондовой биржи. Америка не может смириться с победой одной коалиции над другой. Америка заинтересована в ослаблении обеих коалиций и консолидации гегемонии американского капитала»²³³³.

«Мир без победы» на деле фактически оставлял в Первой мировой войне единственного победителя... В. Вильсон, подразумевая глобальное экономическое превосходство США, говорил в начале 1917 г.: «Англия и Франция не имеют тех же самых взглядов на мир, которые свойственны по известной причине нам. Когда война кончится, мы сможем заставить их думать по-нашему»²³³⁴.

Вступая в войну, в апреле 1917 г. американский президент заявлял: «Миру должна быть обеспечена демократия. Мир должен быть установлен на прочной основе политической свободы. Мы не преследуем эгои-

534

стических целей. Мы не хотим ни побед, ни власти, нам не нужны военные контрибуции и никакие материальные компенсации за жертвы, которые мы добровольно принесем. Мы только боремся за права человечества. Мы будем удовлетворены тогда, когда эти права будут обеспечены так, как могут обеспечить их только доверие и свобода наций»²³³⁵.

Решение о вступлении США в войну было принято за год до этого. В мае 1916 г. В. Вильсон говорил: «Хотим мы того или нет, но мы живем жизнью всего мира. Интересы всех стран — наши собственные интересы. Мы партнеры всем остальным. То, что затрагивает интересы человечества, неизбежно наше дело, точно так же, как дело всех стран Европы и Азии»²³³⁶. Хауз отмечал: «Это решение означало поворотный пункт в наших международных отношениях и в нашей прежней политике невмешательства»²³³⁷. Решение было принято под массивным давлением союзников на США, Хауз записывал 24 мая 1916 г.: «Становится очевидным, что если США не выкажут готовности пожертвовать сотнями тысяч жизней и миллиардами долларов, мы никогда не будем в хороших отношениях с союзниками»²³³⁸.

Окончательное решение о вступлении США в войну было принято после развязывания немцами тотальной подводной войны. Она стала следствием провала декабрьских 1916 г. мирных инициатив президента США. Тогда Германия выдвинула неприемлемые условия окончания войны, а Англия и Франция вообще отказались их обсуждать. Только после этого правящие круги Германии приняли решение о возобновлении полномасштабной подводной войны»²³³⁹.

Что она значила для США? Ответ давал Л. Троцкий: «Экспорт Соединенных Штатов, достигший в 1913 г. суммы в 2 466 миллиардов долларов, поднялся в 1916 г. до совершенно невероятной высоты в 5 481 миллиардов! Львиную долю

этого экспорта доставляет, разумеется, военная индустрия. Внезапное прекращение, после объявления неограниченной подводной войны, вывоза в союзные страны, которые поглотили в 1915 г. американских товаров не менее, как на 3 1/2 миллиарда, означало не только прекращение притока чудовищных барышей, но и грозило небывалым кризисом всей американской промышленности, перестроившейся на военную ногу»²³⁴⁰.

Чем же определялся конкретный момент вступления США в войну? У. Черчилль в своем привычном тоне дает направление для поиска ответа на этот вопрос: «Но не напрасны были ее (России) героические поступки. Гигант, сраженный насмерть, умирая, успел передать эстафету с востока через океан новому титану... Российская империя пала 16 марта, 6 апреля в войну вступили Соединенные Штаты Америки»²³⁴¹. США не могли допустить поражения союзников и после падения Восточного фронта, были вынуждены воздвигнуть Второй (американский) фронт. Этот вопрос в принципе был решен на совещании представителей британского и американского истеблишмента еще в феврале 1916 г. — угроза поражения России делала неизбежным вступление в войну США.

535

Тогда Э. Хауз заявил: «Россия, может быть, и останется в рядах борющихся но стоит ли рисковать?»²³⁴²

Союзники не только не сомневались в поражении России, но и вполне прагматично планировали его. России не было места в клубе победителей, ее место должны были занять Соединенные Штаты. И именно поэтому англосаксов тогда больше волновал вопрос: «Каким образом английское правительство сможет сообщить нам (американскому правительству), что оно считает момент благоприятным для нашего вмешательства... и как в таком случае избежать обвинений в двойной игре?»²³⁴³

Америка, вступая в войну, была не готова к ней — «армия США в апреле 1917 года насчитывала лишь 108 тысяч человек... национальная гвардия, состоящая из 130 тысяч солдат запаса, лишь незначительно повысила ее эффективность. Лучшие американские формирования входили в состав корпуса морской пехоты, но они насчитывали только 15 тысяч человек»²³⁴⁴. Однако для Европы основную ценность имели не американские солдаты, а американские доллары. Французский уполномоченный Тадье вспоминал: «Лишившись возможности расплачиваться долларами... союзники были бы разбиты до конца 1917 г. Вступление Америки в войну спасло их. Еще раньше американских солдат американские доллары придали событиям совсем другое направление... Что за поток золота хлынул в Европу!»²³⁴⁵ Английский уполномоченный лорд Нортклиф писал о том же: «Американцы являются полными хозяевами положения, как в отношении нас, англичан, так и в отношении Канады, Франции, Италии и России. Наш заем встречает резкую оппозицию конгресса. Если провалится заем, то провалится и война»²³⁴⁶.

Тем не менее У. Черчилль 10 мая 1917 г. в обращении к палате общин заявлял: «Мы не должны растрачивать остающиеся армии Франции и Британии, прежде чем американская мощь станет ощутимой на полях сражений»²³⁴⁷. В это же самое время английские, французские и американские представители вели в России усиленную пропаганду войны и требовали от русских армий нового летнего наступления. России на него был выделен, хоть и скромный по сравнению с союзниками (в пять с лишним раз меньше, чем Англии), но все-таки заем. Однако к июльскому наступлению и даже к Октябрьской революции практически ни один овеществленный «заемный доллар» не достиг берегов России.

США вступали в войну уже после того, как Россия, провоевав три с половиной года, находилась за гранью экономической и политической

катастрофы, она потеряла только погибшими более 1,5 млн. человек. Тем не менее в мае 1917 г. И. Рут, глава миссии США, не потерявших в этой войне еще ни одного человека, отчаявшись побудить Россию к продолжению войны, писал: «Осознавая примитивный характер российской

536

демократии, можно сделать вывод, что *Россия не желает приносить величайшие жертвы ради того, чего русские неспособны постичь*»²³⁴⁸. Президент США В. Вильсон в то время в своем послании Конгрессу выражал надежду, что «великий и щедрый русский народ во всем своем наивном величии и могуществе присоединится к силам, сражающимся за свободу, за справедливость и мир во всем мире».

Когда «передовая демократия» только грузила первую дивизию для отправки в Европу, Россия была уже разорена... Для США, наоборот, Первая мировая война стала «золотым дождем». Так, капитал одной только «Дюпон де Немур» за четыре года войны вырос с 83 до 308 млн. долл. Военные дивиденды были исчислены из нормы 458% нарицательной стоимости акционерного капитала. Штаты из должника Европы (3 млрд. долл.) превратились в ее кредитора. Союзники по окончании войны были должны США 10,4 млрд. долл. Но и это была лишь сравнительно ничтожная часть полученной выгоды, ведь помимо этого США благодаря войне получили глобальное экономическое превосходство над всеми мировыми державами. Естественно, что США не требовали ни контрибуции, ни материальные компенсации; они их уже получили и будут получать в виде процентов и возврата долгов, как с союзников, так и с противников на протяжении почти 15 лет после окончания войны...*

Теперь можно было поговорить о «правах человечества» и «идеалах»... Э. Хауз еще в январе 1916 г. писал В. Вильсону, что «ни одна стран в мире не обладает такими высокими идеалами и не проявляет столько готовности к жертвам ради этих идеалов, как наша»²³⁴⁹. Наглядно слова Э. Хауза о жертвах «подтверждает» нижеприводимая таблица...

Сальдо долгов «союзников» друг другу по окончании Первой мировой войны, млрд. фунтов стерлингов²³⁵⁰, и количество погибших в Первой мировой войне, млн. чел.²³⁵¹

	Актив	Пасси	Баланс	Количе
	в			ство
				погибших
США	1,9	0	1,9	0,037
Велик обритания	1,7	0,84	0,86	0,485
Франц ия	0,35	1,06	-0,71	0,898
Россия	0	0,76	-0,76	1,2

* США получали бы проценты и долги с союзников почти до 1960 года, но этому помешала Великая Депрессия.

537

Даже У. Черчилль не мог сдержаться: «Европе предстояло выбираться из положения, созданного мировой катастрофой, собственными силами; а Соединенные Штаты, которые во всей этой борьбе потеряли лишь 125 тысяч человек, настояли на получении тем или иным путем четырех пятых всей суммы репараций, уплачиваемых Германией тем странам, которые она опустошила и цвет мужского населения которых она уничтожила. Говоря так, мы не хотим высказать осуждения народам или их руководящим государственным деятелям. Необходимо указать лишь на сравнительно низкий моральный уровень, которым характеризуются взаимоотношения больших государств на современной стадии

развития человечества»²³⁵².

Тем временем И. Рут, вернувшись из России, стал горячим сторонником оказания ей помощи, указывая на то, что «мы пришли в виноградник в одиннадцатом часу»*. В августе 1917 г. он рекомендовал «оказывать в полной мере помощь России... Чтобы Россия продолжала войну, требуется материальное, существенное, практическое содействие. Мы должны ее обеспечить, если верны своим обещаниям, если верны своим принципам»²³⁵³. Мысли Хауза отчасти совпадали с предложениями Рута, но при этом он был более прагматичен: «Важнее превратить Россию в жизнеспособную республику, чем поставить Германию на колени. Если внутренний раздор достигнет в России точки, когда Германия сможет вмешаться, тогда Германия окажется в состоянии доминировать в России и политически и экономически. Это привело бы к выходу монолитного блока Евразии, возглавляемого Германией, за пределы зоны влияния США, превратило бы его в непобедимую мировую силу. Если же Россия выйдет из своего кризиса окрепшей республикой, Германии не миновать своей скорбной участи, сколько бы ни длилась война»²³⁵⁴.

Однако В. Вильсон и госсекретарь Лэнсинг слабо реагировали на эти призывы. Выводы миссии Рута приводили Лэнсинга в недоумение: «Я поражаюсь их оптимизму»²³⁵⁵. Уоллинг заявлял: «Послали комиссию Рута, которая заблудилась в России, как дети в лесу»²³⁵⁶. Рут жаловался, что «миссия была показным представлением», с помощью которого президент хотел продемонстрировать свое сочувствие русской революции. Когда мы доставили послание и произнесли речи, он удовлетворился: это все, что было ему нужно»²³⁵⁷.

Победа большевистской революции в России стала первым практическим прорывом в истории на пути к демократическому миру. Американский историк писал: «Едва захватив бразды правления, большевики предложили перемирие всем участникам войны и обнародовали замеча-

* Притча Христа о рабочих, последними пришедших на виноградник. Евангелие от Матфея, 20:1-16. (Дэвис Д.Э., Трнай Ю.П... С. 93.)

538

тельный манифест, отмечающий первый официальный шаг советского правительства к «справедливому и демократическому миру»²³⁵⁸. «Отвечая на брошенный Октябрьской революцией вызов, Вильсон в начале 1918 г. готовил заглавную речь своей мировой дипломатии — об условиях предстоящего мира (Знаменитые 14 пунктов Вильсона). По словам одного из наиболее известных исследователей «вильсонизма» Ч. Сеймура, «главной причиной выдвижения мирной программы США являлось положение в России»²³⁵⁹. «Мирной программе в России... и Брест-Литовскому миру он (*Вильсон*) посвятил почти половину программной речи...»²³⁶⁰ Декларация Вильсона носила откровенно двойственный характер: с одной стороны, она определяла новые демократические принципы мирного сосуществования народов, с другой — утверждала мировое господство США, отражая новую расстановку сил на мировой арене.

В *первом* пункте содержалось осуждение тайной дипломатии. Вильсон заметил, что желание России вести открытые переговоры отражает «подлинный дух современной демократии». Американская демократия постарается соответствовать моральным принципам, исповедуемым Россией.... «Секретность обсуждений, отсутствие бесстрашной прямоты, неспособность определенно объявить о целях войны присуща Германии и ее союзникам, но слышен голос, призывающий к определению принципов и целей, и этот голос, как мне кажется, является самым волнующим и убедительным среди голосов, которыми наполнен охваченный беспокойством мир. Это голос русского народа. Этот народ находится в пространии и почти беззащитен перед мрачной мощью Германии, от

которой до сих пор никто не видел сочувствия или жалости. Мощь русского народа, по-видимому, сокрушена. Но дух его не покорен. Русские не подчиняются ни в принципах, ни в реальных действиях. Их понимание того, что справедливо, того, что гуманно, и того, что затрагивает их честь, выражено откровенно, с широким взглядом на мир, щедростью души и всемирной человеческой симпатией, которая вызывает восхищение всех друзей человечества».

Второй и третий пункты призывали к свободе торговли. После войны США не имели конкурентов на мировом рынке, и экономическую экспансию Нового Света сдерживали только торговые барьеры и морская гегемония Великобритании. Поэтому В. Вильсон призывал к «снятию экономических барьеров и установлению свободы торговых отношений между всеми нациями» и требовал свободы морей. Мало того, США выдвигали прежде немыслимое требование равенства морских вооружений с Англией.

Четвертый пункт провозглашал необходимость разоружения. Он повторял как предложения России на гагской конвенции 1899 и 1907 гг., так и большевиков, уже ликвидировавших армию. С другой стороны окруженным океанами Штатам нечего было бояться Канады и Мексики. Кроме того лозунг требовал разоружения прежде всего тех, кто мог со-

539

перничать с США — главных европейских государств Германии, Франции и Англии.

Пятый пункт призывал к «свободному, открытому и абсолютно беспристрастному урегулированию всех колониальных притязаний». Обратной стороной этого пункта была борьба за новый передел мира.

В *шестом* пункте речь шла о России. Президент так определил свою позицию: «Эвакуация иностранных войск со всей русской территории — таково решение всех вопросов, касающихся России, которое обеспечит получение ею возможности независимого определения своего собственного политического развития, проведения национальной политики; обеспечение приглашения ее в сообщество свободных наций на условиях гарантии независимого выбора своих политических институтов».

...*Четырнадцатый* пункт, который, в определенном смысле, стал самым главным, предлагал создание всемирной организации государств: «Должна быть создана ассоциация наций с целью обеспечения гарантий политической независимости и территориальной целостности, как для великих, так и малых стран»²³⁶¹. США естественно надеялись занять в этой ассоциации доминирующее положение.

«Четырнадцать пунктов» В. Вильсона венчали Первую мировую войну. Они разрушали великие колониальные империи и утверждали экономическое и политическое мировое господство США. Не случайно, что «пункты» вызвали скрытое противодействие европейских держав и прежде всего Англии и Франции. В случае их полной реализации в начале XX века даже Европа по сути дела превращалась если не в американскую колонию, то в американский протекторат. Но европейский империализм был еще силен и сдаваться не собирался. Америка не смогла «заставить Европу думать по-американски».мерикано-европейский конфликт возникший в ходе Первой мировой войны, не был разрешен и неизбежно в будущем вел к новым войнам.

РОССИЯ ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ

У России никогда не было союзников, были только попутчики, которые в меру своих интересов выступали с ней по одну линию фронта. Но это ни в коей мере не ослабляло конкурентной борьбы между ними, наоборот война давала

шанс для «кардинального решения вопроса». Впрочем этот закон действовал в той же мере и между другими великими странами. Отличие России заключалось в том, что Запад, признавая и даже порой склоняясь перед ее военной силой, никогда не считал русских равными себе. Даже освободительная война 1812 г. принесла России в Европе не столько благодарность, сколько страх перед бесчис-

540
ленными «русскими варварами». Поэтому в отношении России Запад позволял себе заходить гораздо дальше, чем разрешали «правила приличия» европейского общества. Наглядным примером откровенно пренебрежительно-корыстного отношения «союзников» к России в начале XX века стали Первая мировая война, Брестский мир и интервенция.

Россия не должна была победить в Первой мировой войне. Победа вела к усилению реакции и консервации существующего строя еще на несколько десятилетий. Мало того, победа ставила Россию в полную зависимость от союзников, она физически не могла рассчитаться по долгам военного времени. Ее победа была равносильна поражению. Но Россия не могла и проиграть войну на поле боя, поскольку теряла бы в этом случае все свои наиболее благоприятные для жизни территории и выходы к европейским морям. Поражение можно было считать концом России как государства. На выход из этой ситуации указывали социал-демократы — «мир без аннексий и контрибуций», в устах американского президента этот принцип звучал, как «мир без победителей». Только в этом случае Россия могла сохранить ресурсы и возвратиться на свой эволюционный путь развития. Очевидно, это понимал председатель совета министров И. Горемыкин, когда в октябре 1914 г. выдвигал мирные условия, на которых война может быть окончена. Он тогда обозначил интересы России в Первой мировой войне лишь исключительно нейтрализацией черноморских проливов...

Цели России в войне после Февральской революции были провозглашены уже 28(15) марта Петроградским Советом в воззвании «К народам всего мира», в котором он призвал к «миру без аннексий и контрибуций на основе права наций на самоопределение». Под давлением Советов Временное правительство было вынуждено принять этот лозунг. Правда, до Октября он носил чисто декларативный характер. Лозунг либералов призывал оказать помощь союзникам в войне до «победного конца», о цене вопрос не стоял.

Сами союзники, по словам Г. Уэллса, «не понимали, что происходит в России. Их аристократические дипломаты, ориентировавшиеся на императорский двор, в каждой новой ситуации попадали впросак. Они не сочувствовали демократии и явно старались создать для нового режима как можно больше трудностей. Во главе республиканского правительства оказался Керенский... Союзные правительства относились к нему с пренебрежением и не соглашались ни на передачу земли крестьянам, ни на заключение мира в пределах русских границ. Французская и английская пресса требовала от своего истощенного союзника нового наступления. Но когда немцы провели... операцию против Риги, британское Адмиралтейство не послало на помощь русским экспедиционные силы, и молодой Российской республике пришлось сражаться в одиночку...»²³⁶²

541

25 сентября 1917 г. Керенский выдвинул список условий мира для межсоюзнической мирной конференции: «Французы узнали, что будущее Эльзаса и Лотарингии должно решаться *посредством плебисцита*. Бельгия получит компенсацию за счет международного фонда. Англичане узнали, что Германии предлагается *сохранить за собой все колонии*. Американцам предложили *нейтрализацию Панамского канала*, а англичанам — *нейтрализацию Суэцкого канала*, равно как и черноморских проливов. Все нации после окончания войны получат равные экономические возможности. Тайная дипломатия отменялась.

Мирные переговоры будут вестись делегатами, избранными парламентами своих стран...» Не стоит говорить, что это в принципе противоречило тем целям, ради которых вели войну великие державы²³⁶³.

«В этих условиях Запад прибег к простому способу, — отмечает Уткин, — он усомнился в прерогативах правительства, которое само себя назвало Временным. Имеют ли делегаты этого правительства легитимное право представлять свою нацию?» Министр иностранных дел Англии Бальфур сказал послу Набокову: «Не следует создавать прецедент для ведения переговоров, когда исключительные прерогативы получают фактически частные лица. Такой способ ведения дел мог бы иметь нежелательные последствия»²³⁶⁴. Таким образом, *Временное правительство было во внешнеполитическом плане свергнуто союзниками, признавшими его всего чуть более полугода назад, за месяц до Октябрьской революции.*

Большевики после своего прихода к власти сразу официально отказались от всех претензий прежних правительств России на чужие территории и контрибуции, одновременно «Декларацией прав народов России» утвердили право наций на самоопределение. Большевиками были опубликованы тайные договоры между Россией и союзниками: «Правительство рабочих и крестьян отказывается от секретной дипломатии с ее интригами, секретными шифрами и ложью». Они изложили свою концепцию мира устами Троцкого в интервью Дж. Риду всего через несколько дней после Октябрьской революции: «После окончания этой войны Европа будет воссоздана не дипломатами, а пролетариатом — в виде федеративной европейской республики, в виде Соединенных Штатов Европы... Экономическое развитие требует уничтожения национальных границ. Если Европе суждено остаться расколотой на национальные группы, то в этом случае империализм опять начнет свою работу. Только федеративная республика может обеспечить мир всему миру...»²³⁶⁵

Великобритания. Против мирных инициатив, провозглашенных большевиками, официально не смогло выступить ни одно государство. В. Вильсон отозвался на них своими 14 пунктами. Даже Великобритания была вынуждена признать их, правда, весьма своеобразно. Англий-

ский посол писал: «Существуют еще более высокие принципы, к которым мы могли бы апеллировать, если бы пожелали этого, к тому же это принципы, вполне признаваемые Советом народных комиссаров. Это принципы демократического мира, мира, согласующегося с желаниями малых и слабых народностей». «Не вправе ли мы поэтому претендовать на то, чтобы с нами обращались как с друзьями, а не делали бы нас предметом грубых нападков...»²³⁶⁶ Британский дипломат демонстрировал чудеса политической гибкости, умудряясь даже выразить симпатию большевикам и оскорбиться, что большевики предпочитают немецких пролетариев британским: «Я позволил бы себе обратиться к русской демократии со словами предостережения. Ее вожди, я знаю это, воодушевлены искренним желанием создать братство между пролетариями всего мира с целью обеспечения всеобщего мира. Я вполне симпатизирую преследуемой ими цели, но я хотел бы попросить их рассмотреть, удобны ли их настоящие методы для обращения к демократиям союзных стран, особенно Англии. Они, несомненно, ненамеренно создают такое впечатление, что придают большее значение германскому пролетариату, нежели британскому...»²³⁶⁷

Троцкий не купился на традиционный прием английской дипломатии, когда «лесть подавалась лопатами». Бьюкенен вспоминал: «Троцкий сказал, что я выразил свою любовь к России на пяти газетных столбцах, и теплота моих чувств его радует. Однако он предпочитал бы дела словам»²³⁶⁸. «Дела» означали признание правительства большевиков, определение демократических целей

войны и оказание конкретной материальной помощи русской армии.

Свои лирические выступления в пользу нового коммунистического правительства и принципов демократического мира Бьюкенен объяснит сам: «Моим единственным стремлением и целью всегда было удержать Россию в войне, но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее собственной воле. Если еще что-нибудь может побудить Россию сделать еще одно усилие, то это сознание того, что она совершенно свободна действовать по собственному желанию, без всякого давления со стороны союзников... Для нас требовать своего фунта мяса и настаивать на том, чтобы Россия исполнила свои обязательства, вытекающие из соглашения 1914 г., значит играть на руку Германии. Каждый день, что мы удерживаем Россию в войне вопреки ее собственной воле, будет только ожесточать ее народ против нас. Если мы освободим ее от этих обязательств, то национальное чувство обратится против Германии... Для нас вопрос жизни и смерти — отпарировать этот последний ход Германии, так как русско-германский союз после войны будет представлять вечную угрозу для Европы, особенно же для Великобритании»²³⁶⁹.

«Теплота чувств» изменила Бьюкенену уже после того, как «Троцкий, выехавший в Брест-Литовск для возобновления мирных переговоров,

543

стал обвинять нас в том, что мы намерены заключить мир за счет России. Вчера он сказал, что это ясно из последней речи Ллойд-Джорджа, в которой он заявил, что союзникам будет приятно видеть, что Германия заключит мир «с аннексиями» с Россией, так как они надеются, что, насытившись по горло на востоке, она будет более расположена к уступкам на западе. Это ясно показывает, что он готовится к отступлению и к принятию германских условий»²³⁷⁰. Но это так же означало и то, что Ллойд-Джордж не исключал возможности заключения мирного договора с Германией за счет России. Со своей стороны Троцкий имел все основания заявить: «Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей... Это борьба за передел мира. Теперь это ясно — яснее, чем когда-либо»²³⁷¹.

Позже Бьюкенен в беседах с членами британского правительства «усиленно подчеркивал то обстоятельство, что... Ленин и Троцкий, хотя они и очень крупные люди, представляют собою разрушительную, а не созидательную силу... Их конечная цель состоит в низвержении всех старых так называемых империалистических правительств... Они никогда не будут работать вместе с человеком, в котором они видят подлинное олицетворение империализма». «Симпатии к большевикам» у Бьюкенена быстро сменились на призывы к вооруженной интервенции: «русский вопрос является доминирующим фактором международного положения, и до тех пор, пока он остается нерешенным, не может быть устойчивого мира в Европе. Сверх того, предоставление России ее собственной участи могло бы привести к тому, что Германия могла бы в один прекрасный день обеспечить за собой распоряжение огромной людской силой России и ее неслыханными минеральными богатствами. В то же время позволить большевикам упрочить свое положение значило бы позволить их агентам распространять разрушительные коммунистические доктрины в большей части Азии и Европы. Я отстаивал подкрепление армии генерала Деникина и прочих противобольшевистских армий... если бы цель этого предприятия была достигнута, то деньги, которых оно стоило бы, оказались бы помещенными в хорошее дело. Мы достигли бы открытия торговли с богатейшей страной в Европе, мы спасли бы многие важные британские интересы в России...»²³⁷²

О каких интересах говорил уже бывший британский посол?

Эти интересы были обозначены еще в 1915 г. на экономической конференции, созванной по инициативе России в Париже. Вместо того, чтобы обсуждать

вопросы совместного финансирования военных расходов, конференция под председательством французского министра торговли Клемантеля стала вырабатывать «экономическую программу для России» — что вылилось, — как отмечает В. Шамбаров, — в откровенные споры о послевоенных разделах русского рынка... Французские газеты писали: «Внимание всего мира будет обращено на Россию. После войны возникнет огромная конкуренция за торговлю с Россией».

544

А о проблемах насущных так и не вспомнили. Правда, русская делегация смогла договориться об очередном займе в 5 млрд. франков, но тут же в довершение ей попытались навязать льготные тарифы для французской и британской промышленности... А французы еще потребовали, чтобы в "нагрузку" к займам у них покупали вино, а то сбыта почти нет и фермеры разоряются... Россия, неся огромные убытки от собственного «сухого закона», должна была за дефицитную одолженную валюту покупать дорогое вино во Франции!.. Ллойд-Джордж тем временем писал Асквиту про русских: «Они всегда воображают, что мы стараемся извлечь барыш из отношений с ними»²³⁷³.

Сразу после Октябрьской революции, до начала полномасштабной интервенции, в России возник некий международный вакуум. Именно в это время (19 декабря 1917 г.) английский генерал Пул очевидно паниковал: «Если бы я был художником, я бы послал вам картину будущего — германский посол сидит за столом с Лениным по правую руку и Троцким по левую, вкушая все плоды России. На заднем плане клерк из нашего посольства собирает косточки»²³⁷⁴. Пул рекомендовал своему правительству сконцентрироваться на резине, металлах, хлопке, нефти и химикатах — действовать как можно скорее ввиду дипломатических переговоров России с Германией и учитывая исключительную активность американцев. «Если повести дело умело, то Россия благоприятно воспримет приток британского капитала». План экспертов заключался в том, чтобы разместить примерно 15 млн. фунтов стерлингов в восьми — десяти ведущих русских банках — рычаг эффективного воздействия на общую экономическую ситуацию в чрезвычайно ослабленной стране»²³⁷⁵. Британский МИД уже разрабатывал механизмы скупки ведущих российских банков. Специально посланный в Россию британский майор Бантинг писал в Лондон 29 декабря 1917 г.: «Необходимо создать здесь ценой любых усилий совершенно новую и мощную организацию, чтобы не терять связей с Россией в условиях, когда в руках немцев находится большинство козырных карт... Сибирь удалена от Германии, и возможности развернуться здесь огромны...» Ввиду того, что нереально требовать от России скрупулезной и пунктуальной выплаты долгов — их у России нет, — Бантинг предлагал использовать долги военных лет для получения концессий, внедрения в русскую промышленность, завладения русским рынком²³⁷⁶. Британский историк пишет, что в донесениях Локкарта этого периода содержалось «не что иное, как схема британского охвата всей русской экономики — гигантское расширение зоны влияния британского империализма, в то время как лежащая в прострации Россия могла быть низведена — или поднята — до статуса британской колонии»²³⁷⁷.

«То, что мы наблюдаем в России, является началом великой борьбы за ее неизмеримые ресурсы сырья», — сообщал в мае 1918 года журнал англо-русских финансовых кругов «Россия». Похоже писала и «Лондон

545

файнэншл ньюс» в ноябре того же года: «События все более принимают характер, свидетельствующий о тенденции к установлению над Россией международного протектората по образу и подобию британского плана для Египта. Такой поворот событий сразу превратил бы русские ценные бумаги в сливки международного

рынка»²³⁷⁸.

США. Судьба Германии была предрешена, а конкуренция диктовала свои правила игры, и американский посол заботился прежде всего о том, имея в виду Британию, чтобы Россия не попала «в кабалу к новому монополисту», который бы ограничил ее возможности. «Нет сомнения, писал Фрэнсис, что целью западных союзников является обеспечение себе привилегированного места в послевоенном экономическом развитии России... Говоря об исключительной важности текущего периода, посол предлагал Вильсону мобилизовать все доступные американцам рычаги; одним из них, пишет Фрэнсис, является зависимость Британии от американских займов. А наиболее эффективным путем предотвращения вхождения России в британскую зону влияния является ужесточение предоставления Лондону кредитов»²³⁷⁹. «Трудно избежать впечатления, — приходит к выводу Уткин, — что Фрэнсиса меньше волновала судьба России, но его искренне беспокоило будущее многомиллиардного рынка, уплывающего из американских рук»²³⁸⁰. Аналогичного мнения был и английский посол Бьюкенен, которого волновала не столько возможность выхода России из войны в результате сепаратного мира с немцами и приход большевиков, сколько растущая активность США. 18 ноября 1917 г. он сообщал Бальфуру, что «американцы играют в собственную игру и стремятся сделать Россию американской резервацией, из которой англичане должны быть удалены, и как можно подальше»²³⁸¹. Вместо И. Рута, не оправдавшего надежд, для реализации «американских принципов» Госдепом была послана миссия Гувера, которая должна была стать своеобразным «троянским конем», призванным склонить В. Вильсона, упорно не желавшего ввязываться в гражданскую войну в России, пойти на прямую военную интервенцию для защиты «американских интересов».

Германия. Планы американской и британской «демократий» отличались от планов германского империализма лишь в деталях: министр иностранных дел Австро-Венгрии Чернин писал канцлеру Гертлингу 10 ноября 1917 г.: «Я не могу даже перечислить те возможности, как военные, так и политические, которые появятся у нас, а особенно у Германии, если мы сможем сейчас покончить с русскими. Порвав с державами Запада, Россия будет вынуждена в экономической области попасть в зависимость от центральных держав, которые получат возможность проникновения и реорганизации русской экономической жизни»²³⁸². 3 декабря министр иностранных дел Кюльман объяснил германскую стратегию: «Возникшее напряжение в отношениях с Антантой обеспечит зависимость России от Германии. Отринутая своими союзниками,

⁵⁴⁶

Россия будет вынуждена искать нашей поддержки. Мы сможем помочь России различными способами; прежде всего в восстановлении ее железных дорог, в предоставлении ей значительного займа, в котором Россия нуждается для поддержания своей государственной машины. Этот заем может покрываться предоставлением зерна, сырьевых материалов и пр. Помощь на такой основе обеспечит сближение двух стран... Мы достаточно сильны... для предоставления России того, в чем она нуждается для реконструкции своего государства»²³⁸³.

После заключения Брестского мира политика Германия в отношении России была дополнена программой экономической интервенции — в противовес усилению английского и американского влияния в России. Лидеры немецкой промышленности требовали обеспечения в России минимальной развитости местной промышленности и максимальной потребности в импорте. 16 мая 1918 г. они предложили предоставить России кредиты до 2 млрд. марок в качестве обеспечения под кредиты, промышленники потребовали поставить под германский контроль транспортные пути России, что предполагало «постоянную военную оккупацию Германией и ее союзниками европейских путей к северу от

России». То есть полное блокирование Германией северных и балтийских портов России. Черноморские порты уже и так были включены в германскую сферу интересов по плану «Миттельойропы». Немцы начали активно продвигать свои планы. 13 мая 1918 г. первый посол Германии в Советской России граф Мирбах писал: «Реализация наших интересов требует продолжения поддержки большевистского правительства. Если оно падет, то его наследники будут более благосклонны к Антанте... Большевики сейчас более расположены к экономическому сотрудничеству, и должны быть предприняты меры в направлении будущего экономического проникновения»²³⁸⁴.

Ощущения современников той ситуации, в которой оказалась Россия в марте 1918 г., наглядно изобразил А. Флит в своем стихотворении «Аукцион»:

Со всех концов большого света,
Надевши брюки на ходу,
Они бегут, почуяв где-то
Добычу в дьявольском году.

Раскрытый зал аукциона,
Гудит блестящая толпа,
Сверкают фраки и короны
И дипломатов черепа.

Германцев жирные затылки,
Балканских хищников носы,
Французов трепетные жилки
И профиль английской лисы...

547

Поодаль, скромником в сторонке,
Придав спокойный блеск глазам,
Оскалив желтые коронки,
Со звездным флагом — Дядя Сам...²³⁸⁵

Оказавшись зажатыми с двух сторон, они пытались найти компромисс с союзниками, соглашаясь даже на принципиальные для своей ортодоксальной политики уступки, но в марте первые войска союзников высадились в Мурманске — началась интервенция. В этой ситуации правительству Ленина не оставалось ничего другого, как пойти на компромисс с немцами. 15 мая 1918 г. оно предложило Мирбаху обширную программу экономического сотрудничества в России... Министр иностранных дел Кюльман наставлял посла в Москве: «Расходуйте больше денег, поскольку в наших интересах, чтобы большевики выстояли... Если нужно больше средств, телеграфируйте»*. Экономический советник доктор Брюн предложил Генеральному штабу германской армии создать синдикат с целью экономического проникновения в Россию. 4 июня экономическое управление рейха предложило частным компаниям собрать по 50 млн. марок, еще 1,9 млрд. марок предполагалось получить за счет общенационального займа и прямых субсидий правительства»²³⁸⁶. Но сотрудничества не получилось, большевики очень скоро на себе ощутили, как Германия понимала его принципы... Не случайно генерал Людендорф заявлял, что большевики представляют угрозу для Германии: «От Советского правительства не следует ждать ничего хорошего, хотя существует оно по нашей милости... Опасная для нас обстановка будет сохраняться до тех пор, пока Советское правительство не признает нас без всяких оговорок высшей державой и не начнет действовать, исходя из страха перед Германией и беспокойства за свое существование. С этим правительством следует обращаться с силой и безжалостно»²³⁸⁷.

* Мирбах отвечал в начале июня, что, ввиду активного соперничества в России стран

Антанты, ему требуется три миллиона марок в месяц. В Берлине 11 июня 1918 г. был создан фонд в сорок миллионов марок.

548

ССЫЛКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

- РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив. АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи. АРР — Архив русской революции
- Александр М... — Александр Михайлович. Воспоминания великого князя. — М.: Захаров, 2004. — 524 с.
- Айрапетов О... — Айрапетов О. Бешабашная бестолочь // Родина, 2004, № 1.
- Айронсайд Э... — Айронсайд Э. Архангельск. 1918-1919. (Голдин В.И...)
- Белый Север, Т. 2... — Белый Север. 1918-1920 гг.: Мемуары и документы. Т. II. Сост. В.И. Голдин. — Архангельск: Правда Севера, 1993. — 496 с.
- Беспалов Ю.Г... — Беспалов Ю.Г. Революционеры Романовы и консерватор Ульянов // Ю.Г. Беспалов, Н.Ю. Беспалова, К.В. Носов. — М.: АСТ, 2004. — 415 С.
- Бердяев Н.А... — Бердяев Н.А. Самопознание. — М.: Эксмо-пресс. Харьков: Фолио, 1999.
- Бердяев Н.А. Истоки... — Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М., 1990.
- Бисмарк О. Мемуары... — Бисмарк О. Воспоминания, мемуары в 2 т.—М.: АСТ. Мн.: Харвест, 2002.
- Бородин А.П... — Бородин А.П. Реформы во имя России. — М.: Вече, 2004. — 384 с.
- Буровский А.М... — Буровский А.М. Крах империи: Курс неизвестной истории. — М.: АСТ, Красноярск: КИ «Издательские проекты», 2004. — 462 с.
- Бушков А... — Бушков А. Красный монарх. Хроники великого и ужасного времени. — СПб.: «Нева», 2004. — 640 с.
- Бьюкенен Дж... — Бьюкенен Дж. Мемуары дипломата. — М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2001. — 400 с.
- Валянский С, Калюжный Д... — Валянский С, Калюжный Д. Понять Россию умом. — М.: Эксмо, 2002. — 544 с.
- Валянский С... — Валянский С. Русские горки: Конец Российского государства // Валянский С, Калюжный Д. — М.: АСТ; Астрель; Транзиткнига, 2004. — 556 с.
- Вебер М... — Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. В кн.: Вебер М. Избранные произведения. — М., 1990.
- Вильгельм II — Вильгельм II. Мемуары. События и люди. 1878-1918. — М. — Л.: Изд-во Л.Д. Френкеля, 1923.
- Витте С.Ю... — Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: Т. 1. — Мн: Харвест, — М: АСТ, 2001. — 800 с.
- 549
- Всемирная история — Всемирная история: Эпоха английской революции // Бадак А.Н., Войнич И.Е., Волчек Н.М. и др. — Мн.: Харвест, — М.: АСТ, 2000. — 560 С.
- Воейков В. Н... — Воейков В. Н. С царем и без царя. — М: ТЕРРА, 1995. — 480 с.
- Войтинский В.С... — Войтинский В.С. 1917-й год побед и поражений. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб, 1999. — 320 с.
- Волков С.В... — Волков С.В. Трагедия русского офицерства. — М.: Центрполиграф, 2002. — 509 с.
- Волобуев П.В... — Волобуев П.В. Экономическая политика Временного правительства. — М., 1962.
- Гайдар Е., Мау В... — Гайдар Е., Мау В. Марксизм: между научной теорией и «светской религией». Вопросы экономики. — М.: Институт экономики РАН. № 5, май; № 6, июнь 2004.
- Геллер М., Некрич А... — Геллер М.Я., Некрич А.М. Утопия у власти. — М.: МИК, 2000. — 856 с.
- Голдин В.И... — Зброшенныя в небытие. Интервенция на русском Севере (1918-1919) глазами ее участников. Составитель В.И. Голдин.— Архангельск: Правда Севера, 1997.
- Головин Н.Н... — Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. — М.: Кучково поле, 2001. 440 с.
- Горянин А... — Горянин А. Мифы о России. Pentagraphic, Ltd. — М.: 2002. — 336 с.
- Грегори П... — Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста. Экономическая история России. Ежегодник. 2000. — М.: РОССПЭН, 2001. — 712 с.
- Деникин А.И... Т. 1.—Деникин А.И. Очерки русской смуты: Крушение власти и армии — Мн.: Харвест, 2002.
- Деникин А.И... Т. 2. — Деникин А.И. Очерки русской смуты: Борьба генерала Корнилова — Мн.: Харвест, 2002.
- Деникин А.И... Т. 3. — Деникин А.И. Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 — март 1920. — Мн.: Харвест, 2002.
- Деникин А.И. Поход на Москву... — Деникин А.И. Поход на Москву; В сб.: Гражданская война в

- России: Разгром Деникина. — М.: АСТ; — СПб.: Terra Fantastica. 2003. — 640 с.
- Достоевский Ф.М... — Достоевский Ф.М. Бесы. Антология русской критики. Составление, комментарии Сараскиной Л.И. — М.: Согласие, 1996. — 752 с.
- Достоевский Ф.М... — Достоевский Ф.М. Дневник. Статьи. Записные книжки: В 3 т. — М.: Захаров, 2005.
- Дэвис Д., Трани Ю... — Дэвис Д., Трани Ю. Первая холодная война. Наследие Вудро Вильсона в советско-американских отношениях. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. — 479 с.
- Зайончковский А.М... — Зайончковский А.М. Первая Мировая война — СПб.: Полигон, 2000. — 880 с.
- История... — История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, (репринтное воспроизведение) (Одобрено ЦК ВКП(б) в 1938 г. —ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. 1945 г.) — М.: Писатель, 1997 г. — 351 с.
- Кара-Мурза С... — С. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Книга первая. От начала до великой победы. М.: Алгоритм, 2002.
- Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма... — Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма в России: крах буржуазной революции, как исторический урок. — М.: Наш Современник. 550
- Каутский К... — Каутский К. Как возникла мировая война. — М.: Красная новь, 1924.
- Каширин В... — Каширин В. "Русский Мольте" смотрит на Восток // Родина, 2004, №1.
- Керсновский А.А... — Керсновский А.А. История русской армии. В 4 т. — М.: Голос, 1999.
- Киган Д... — Киган Д. Первая мировая война // Пер. с англ. Горошковой Т., Николаева А. — М.: АСТ, 2002 — 576 с.
- Китанина Т.М... — Китанина Т.М. «Война, хлеб, революция (продовольственный вопрос в России. 1914—октябрь 1917)».—Л.: 1985.
- Клаузевиц К... — Клаузевиц К. О войне. — М: Логос, Наука. — 448 с.
- Кобылий В... — Кобылий В. Анатомия измены. Император Николай II и генерал-адъютант М.В. Алексеев. Истоки антимонархического заговора. — СПб, 1998.
- Кожин В.В... — Кожин В.В. Россия, век XX-й (1901-1939). — М: ЭКСМО-Пресс, 2002. — 448 с.
- Кожин В.В. О русском... — Кожин В.В. О русском национальном сознании. — М.: Эксмо, Алгоритм, 2004. — 416 с.
- Кремлев С...—Кремлев С.Россия и Германия: сравнить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну. — М.: АСТ: Астрель, 2003. — 318 с.
- Кюстин А... — Кюстин А. Россия в 1839 году. В 2 т. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996. —528 с.
- Лемке М.К...—Лемке М.К. 250 дней в царской ставке, в 2-х т.: 1914-1915, 1916. — Мн.: Харвест, 2003.
- Ленин В. Государство и Революция... — Ленин В. Государство и Революция. Учение марксизма о Государстве и задачи пролетариата в Революции. Сентябрь 1917 г.
- Лиддел Г.Б... — Лиддел Гарт Б. Энциклопедия военного искусства. — М.: АСТ, — СПб.: Terra Fantastica, 2003. — 651 с.
- Ллойд-Джордж Д... — Ллойд Джордж Д. Речи, произнесенные во время войны: Воспоминания. Мемуары. — Мн.: Харвест, 2003 — 208 с. Людендорф Э. — Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. — М.: АСТ, — Мн.: Харвест, 2005 — 800 с. Макдоно Дж... — Макдоно Дж. Последний кайзер: Вильгельм Неистовый. // Пер. А. Филитова. — М.: АСТ; ЛЮКС, 2004. — 746 с. Макконнелл... — Макконнелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л. Экономикс. В 2 т. — М.: Республика, 1995. — 400 с. Манчестер У...—Манчестер У. Стальная империя Круппов. — М.: Центрполиграф, 2003. — 702 с. Мау В.А., Стародубовская И.В... — Мау В.А., Стародубовская И.В. Великие революции: От Кромвеля до Путина. — М.: Вагриус, 2001. Милоков П.Н... — Милоков П. Н. Воспоминания. — М.: Вагриус, 2001. Мультатули П.В... Мультатули П.В. Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов. — СПб.: САТИСЪ, 2000. Мурхед А... — Мурхед А. Борьба за Дарданеллы. — М.: Центрполиграф, 2004. — 383 с. Население... — Население России в XX веке. В 3-х т. — М.: РОССПЭН, 2000. — 463 с Ницше Ф... — Ницше Ф. Философия в трагическую эпоху. — М.: REFL-book, 1994. — 416 с.
- Петров Ю.А... —Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М. Русская книга. 1997. — 197 с.
- Покровский М... — Покровский М. Русская история в 3 Т. — СПб.: Полигон. 2002. — 367 с. 551
- Пуанкаре Р... —Пуанкаре Р. На службе Франции 1914-1915. — М.: АСТ, — Мн.: Харвест, 2002. —

784 с.

- Романов Б.А... — Романов Б.А. Дипломатическое развязывание русско-японской войны 1904—1905 гг. Арабески истории. — М.: Русский разлив. Т. 2. 1996. — 622 с.
- Рыбас С.Ю... — Рыбас С.Ю. Столыпин. — М.: Молодая гвардия, 2003. — 421 с.
- Рыбас С, Тараканова Л... — Рыбас С, Тараканова Л. Реформатор. Жизнь и смерть Петра Столыпина. — М.: Недра, 1991.
- Савченко М... — Савченко М. Английская торговля Ивана Янжула // Родина, № 5-6, 2003.
- Сазонов С.Д... — Сазонов С. Д. Воспоминания. — Мн.: Харвест, 2002. — 368 с.
- Салтыков-Щедрин М.Е... — Салтыков-Щедрин М.Е. За рубежом. 1881. — М.: Худож. лит., 1973.— 288 с.
- Сили Дж.Р, Крэмб Дж. А... — Сили Дж.Р., Крэмб Дж. А. Британская империя. — М.: Алгоритм-книга, Эксмо, 2004. — 448 с.
- Скальковский К... — Мнения русских о самих себе: Маленькая хрестоматия для взрослых // Сост. К. Скальковский 1904 г. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001. — 304 с. Соколов Б. Ф... — Соколов Б. Ф. Падение Северной Области. (Белый Север, Т. 2...) Судьбы... — Судьбы реформ и реформаторов в России. — М.: РАГС, 1999. — 374 с. Сухомлинов В.А... — Сухомлинов В.А. Воспоминания. — Мн.: Харвест, 2005. — 624 с.
- Сычев Н.В... — Сычев Н.В. Политическая экономия. Курс лекций. — М.: ИКФ «ЭКМОС», 2002.
- Такман Б... — Такман Б. Первый блицкриг, август 1914 // Предисл. и пер. О. Касимова. — М.: ООО «Издательство АСТ»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. — 635 с.
- Татищев С... — Татищев С. Император Александр Второй., в 2 т. — М.: Алгоритм, 1996.
- Тимошина Т.М... — Тимошина Т.М. Экономическая история России. — М.: Филинь, Юстицинформ, 1998. — 432 с.
- Трухановский В.Г... — Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. — М.: Международные отношения. 1982. --464 с.
- Тэтчер М... — Тэтчер М. Искусство управления государством. — М.: Альпина Паблишер, 2003. — 504 с.
- Тыркова-Вильямс А.В... — Тыркова-Вильямс А.В. Воспоминания. То, чего больше не будет. — М.: 1998.
- Урланис Б.Ц... — Урланис Б.Ц. История военных потерь. — СПб, М.: Полигон АСТ 1998.
- Уткин А. И... — Уткин А. И. Забытая трагедия. Россия в первой мировой войне. Смоленск: Русич, 2000 — 640 с.
- Уткин А.И. Черчилль... — Уткин А.И. Черчилль: победитель двух войн. — Смоленск: Русич, 1999 — 656 с.
- Уэллс Г. Дж... — Уэллс Г. Дж. Краткая всемирная история. — СПб.: Амвора, 2005. — 350 с.
- Фадеев Р.А... — Фадеев Р.А. Русское общество в настоящем и будущем.. Собр. соч. СПб Изд. Комарова. 1889. т.3.; Русский исторический журнал — М.; РГГУ Т. III, 2000. № 1-4. — 708 с.
- Федоров Б. Г... — Федоров Б. Г. Петр Столыпин: «Я верю в Россию». , в 2 Т. Т. 1. — СПб.: Лимбус Пресс, 2002. — 624 с.
- Харенберг Б... — Хроника человечества. Сост. Бодо Харенберг. М.: Большая энциклопедия, 1996. — 1200 с.
- Хауз... — Архив полковника Хауза. В 2 Т. — М.: АСТ, Астрель, 2004. — 602 с; — 744 с.
- 552
- Хрестоматия... — Хрестоматия по истории России. — М.: Проспект., 2000. — 592 с.
- Чаадаев П.Я... — Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего. — СПб.: Азбука-классика, 2004. — 224 с.
- Черчилль У... — Черчилль У. Мировой кризис. Автобиография. Речи. — М.: Изд-во Эксмо, 2003. — 768 с.
- ЧКК... — Черная книга коммунизма. — М.: Три века истории, 1999. — 768 с.
- Шамбаров В.Е... — Шамбаров В.Е. За веру, царя и Отечество! — М.: Алгоритм, 2003. — 656 с.
- Шарапов С.Ф... — Шарапов С.Ф. Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок — Новая книга, 1998. — 112 с.
- Шацилло В.К... — Шацилло В. К. Первая мировая война 1914-1918. Факты. Документы. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. — 480 с.
- Шацилло К.Ф... — Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой Мировой войне — М.: РОССПЭН, 2000. — 399 с.
- Шелохаев В.В... — Шелохаев В. В. Прогрессисты — партия предпринимателей и интеллектуалов. ПОЛИС, 1993, № 4.
- Широкоград А.Б... — Широкоград А.Б. Россия-Англия: неизвестная война, 1857-1907. — М.: «АСТ», 2003. — 512 с.
- Шубарт В... — Шубарт В. Европа и душа Востока. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2003. — 480 С.
- Шульгин В.В... — Шульгин В.В. Дни. 1920. Записки // Сост. Жуков Д.А., — М.: Современник, 1989. — 559 с.

Яковлев Н.Н... — Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. — М.: Эксмо, 2003.

Язьков Е.Ф... — Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918-1945) — М.: МГУ; ИНФРА-МБ, 2001.

553

¹ Шубарт В... С. 8.

² Ф. Ницше...

³ Мандельштам Н. Книга вторая.

⁴ Де Кюстин А... Т. 1. С. 308.

⁵ Шубарт В. Европа... С. 100. Прим. 1.

⁶ Шубарт В. Европа... С. 148. (Макиавелли, «Discorsi». III, 43).

⁷ Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 11.

⁸ Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 9.

⁹ Кожин В.В. О русском... С. 406

¹⁰ Ключевский В. Сочинения. — М.: Мысль, 1990. Т. 9. С. 375.

¹¹ Лебон. Психология социализма. (Деникин А.И... Т. 1. С. 239.)

¹² Абалкин Л.И. Россия. Поиск самоопределения. — М.: Наука, 2002. С. 9.

¹³ Деникин А.И... Т. 1 С. 397.

¹⁴ Чаадаев П. Я... С. 180.

¹⁵ Харенберг Б... С. 668.

¹⁶ Кара-Мурза С... С. 171, 473.

¹⁷ Ницше Ф... С. 279.

¹⁸ Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 188.

¹⁹ Пушкин А. Письмо П. Чаадаеву от 19. 10. 1836.

²⁰ Столыпин П.А. Речи 1906-1911. — Нью-Йорк, 1990 С. 123.

²¹ Столыпин П.А. Речь об устройстве быта крестьян и о праве собственности, Госдума, 10. 05.1907.

²² Литературная газета, 28. 01. 1998. (Горянин А... С. 58.)

²³ Чаадаев... С. 29, 31.

²⁴ Скальковский К... С. 55.

²⁵ Скальковский К... С. 56.

²⁶ Шубарт В... С. 150.

²⁷ Уткин А.И... С. 602, эпиграф.

²⁸ Шубарт В... С. 151.

²⁹ Шубарт В... С. 108.

³⁰ Шубарт В... С. 176.

³¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Всемирная история... С. 419.)

¹² Кожин В.В. О русском... С. 305.

³³ Столыпин П.А. Речь в Госдуме 31. 03. 1908. (Рыбас С... С. 306.)

³⁴ Столыпин П.А. Речь в Госдуме 31. 03. 1908. (Рыбас С... С. 306.)

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. С. 384. (Сычев Н.В... С. 19.)

³⁶ Такман Б... С. 15, пред. О. Касимова.

³⁷ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг. Т. 1 С. 25-29. (Шаццлло В.К... С. 144.)

³⁸ Широкоград А.Б... С. 243-244.

³⁹ Ницше Ф... С. 311.

⁴⁰ Такман Б... С. 518, прил. 5.

⁴¹ Ницше Ф... С. 311.

⁴² Чаадаев П.Я... С. 122-124.

⁴³ Гегель Г. Соч. Т. VII. — М. — Л.: Соцэкгиз, 1934. С. 218. (Сычев Н.В...)

⁴⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13 С. 6-7.

⁴⁵ Предисловие Энгельса к немецкому изданию «Манифеста коммунистической партии».

(История... С. 123.)

⁴⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. С. 350-351.

⁴⁷ Чаадаев П.Я... С. 72.

⁴⁸ Чаадаев П.Я... С. 82.

⁴⁹ Чаадаев П.Я... С. 83.

⁵⁰ Шубарт В. Европа... С. 330-331.

⁵¹ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М.: REFL-book, 1994. — 352 с. С.

8.

⁵² Чаадаев П.Я... С. 178.

⁵³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 150-151.

554

⁵⁴ Й. Шумпетер (Шумпетер Й. История экономического анализа. — СПб.: Экономическая школа, 2001. Т. 2. С. 578-580). (Гайдар Е., Мау В... № 5.)

- ⁵⁵ Гайдар Е., Мау В... № 5.
- ⁵⁶ Schumpeter J. Capitalism, Socialism and Democracy. — London, Unwin Paperbacks, 1987. P. 5. (Гайдар Е., Мау В... № 5.)
- ⁵⁷ Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 168.
- ⁵⁸ Jejer L. Ideology and the Ideologist. — Oxford; Blackwell, 1975. P. 181 (Фурсов А.И. «Биг Чарли», или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... РИЖ. Весна, 1998. С. 376).
- ⁵⁹ Фурсов А.И. «Биг Чарли», или О Марксе и марксизме: эпоха, идеология, теория... (РИЖ. Весна, 1998. С. 376).
- ⁶⁰ Гайдар Е., Мау В... № 5. С. 19.
- ⁶¹ Маршалл А. Принципы экономической науки. Т. 1. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 69.
- ⁶² Критика антимарксистских теорий в преподавании политической экономии. — М.: Высшая школа, 1981. С. 32-33.
- ⁶³ Самуэльсон П. Экономика. — М.: Прогресс, 1964. С. 25.
- ⁶⁴ Макконнелл... Т. 1. С. 18.
- ⁶⁵ Витте С.Ю... Т. 1. С. 522.
- ⁶⁶ Кюстин А... Т. 1 С. 150-151.
- ⁶⁷ Шубарт В. Европа... С. 203.
- ⁶⁸ Шубарт В. Европа... С. 89.
- ⁶⁹ Макконнелл..., Т. 1...
- ⁷⁰ Braudel F. History and the Social Sciences. Economy and Society in Early Modern Europe. London, Routledge & Kegan Paul, 1972. P. 38-39.
- ⁷¹ Павлов И.П. Лекции по физиологии. — М.: 1952. С. 21.
- ⁷² Ницше Ф... С. 346.
- ⁷³ Макконнелл..., Т. 2. С. 290.
- ⁷⁴ Маркс К. Предисловие к «К критике политической экономии» 1859 г. (К. Маркс, Избранные произведения. Т. 1. С. 269-270). (История... С. 126.)
- ⁷⁵ Lipset S. Political Man. The Social Basis of Politics.—New York, Doubleday, 1960; Huntington S. The Third Wave: Democratization in the Late twentieth Century; Diamond L. Economic Development and Democracy Reconsidered. In: Marks G., Diamond L. (eds.). Reexamining Democracy. — London, Sage Publications, 1992; Vanhanen T. Prospects for Democracy: A Study of 172 Countries. — London — New-York, Routledge, 1997. (Гайдар Е., Мау В...)
- ⁷⁶ Arthur M. Okun. Equality and Efficiency: The Big Tradeoff: Washington, D.C.: The Brookings Institution, 1975. P. 1. Макконнелл... Т. 2. С. 283.
- ⁷⁷ Макконнелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. — М.: Республика, 1995. Т. 2. — 400 с. С. 290.
- ⁷⁸ Уэллс Г.Д... С. 261.
- ⁷⁹ Германия в стройке. 1952. (Эрдхард Л. Благополучие для всех: Репринт. Воспроизведение: Пер. с нем. — М.: Дело, 2001. — 352 с. С. 70.)
- ⁸⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 38. С. 234,248.
- ⁸¹ Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 227.
- ⁸² Шубарт В... С. 15, прим.
- ⁸³ Миртов (Лавров). Исторические письма, 3-е изд. С. 345 (Покровский М... С. 202).
- ⁸⁴ Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М.: REFL-book, 1994. — 352 с. С. 178-179.
- ⁸⁵ Popper K. The Poverty of Historicism. London, Routledge & Kegan Paul, 1957. P. 135. См. также: Berlin I. Historical Inevitability. — London — Oxford, Oxford University Press, 1954; Popper K. The Logic of Scientific Discovery. - London, Hutchinson, 1972. P. 136; Popper K. Unended Quest: An Intellectual Autobiography. — London, Routledge, 1982. P. 135. (Гайдар Е., Мау В... № 6... С 54-55.)
- ⁸⁶ Шубарт В... С. 23-24.
- ⁸⁷ Письмо от 21 июля 1869 г. Бисмарк О...
- ⁸⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., Т. 37. С. 394-395.
- ⁸⁹ Кюстин А. де... Т. 1. С. 131-132, 136, 157, 185,283.
- ⁹⁰ Витте С.Ю... Т. 1. С. 443-444.
- 555
- ⁹¹ Витте С.Ю... Т. 1 С. 715-718.
- ⁹² Витте С.Ю... Т. 1 С. 475.
- ⁹³ Беспалов Ю. Г... С. 111-112.
- ⁹⁴ Покровский М... С. 27-28.
- ⁹⁵ Беспалов Ю. Г... С. 116-117.
- ⁹⁶ Беспалов Ю. Г... С. 117-118.
- ⁹⁷ Беспалов Ю. Г... С. 126.
- ⁹⁸ Покровский М... С. 5-27.

- ⁹⁹ Покровский М... С 14
- ¹⁰⁰ Покровский М... С. 169
- ¹⁰¹ Покровский М... С. 307-308
- ¹⁰² Туган-Барановский. Русская фабрика С. 411 (Покровский М... С. 314-315)
- ¹⁰³ Воейков В. Н... С. 83.
- ¹⁰⁴ Воейков В. Н... С. 83.
- ¹⁰⁵ Витте С.Ю... Т. 1 С. 667.
- ¹⁰⁶ Рябушинский В. Купечество московское. С. 185. (Петров Ю.А... С. 75.)
- ¹⁰⁷ Милюков П. Н... С. 244
- ¹⁰⁸ Милюков П. Н... С. 268
- ¹⁰⁹ Витте С.Ю... Т. 1 С. 753.
- ¹¹⁰ Александр М... С. 191-192.
- ¹¹¹ Витте С.Ю... Т. 1С. 762.
- ¹¹² Милюков П. Н... С. 257-258.
- ¹¹³ Витте С.Ю... Т. 2 С. 4, 5.
- ¹¹⁴ Кара-Мурза С...
- ¹¹⁵ Александр М... С. 217.
- ¹¹⁶ Витте С.Ю... Т. 2 С. 107.
- ¹¹⁷ Витте С.Ю... Т. 1 С. 677-678.
- ¹¹⁸ Витте С.Ю..., Т. 2. С. 217.
- ¹¹⁹ Покровский М..., Т. 3 С. 337.
- ¹²⁰ Кадегты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. — М.: 1983 С. 184. См. так же Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Кн. 1. М., 1992. С. 140-141. Шелохаев В.В.
- ¹²¹ Витте С.Ю... Т. 3 С. 222-223.
- ¹²² Милюков П. Н... С. 274-276
- ¹²³ Милюков П. Н... С. 287
- ¹²⁴ Милюков П.Н... С. 229-230, 250,251.
- ¹²⁵ Кара-Мурза С... С. 106-107.
- ¹²⁶ Милюков П. Н... С. 290-291.
- ¹²⁷ Булгаков С. Н. Христианский социализм. Новосибирск, 1991 С. 302, 300. (Кожин В.В... С. 36.)
- ¹²⁸ Милюков П. Н... С. 333.
- ¹²⁹ Кара-Мурза С... С. 99-100.
- ¹³⁰ Милюков П. Н... С. 407.
- ¹³¹ П. Столыпин, 8 июля 1906 г. (Раух Г. Роспуск 1-й государственной Думы. Отрывки из воспоминания // Возрождение. 1930. 19 сентября (Бородин А.П... С. 39))
- ¹³² Витте С.Ю... Т. 2 С. 477, 478.
- ¹³³ Милюков П.Н.. С. 338.
- ¹³⁴ Витте С.Ю... Т. 1 С. 400.
- ¹³⁵ Александр М... С. 226.
- ¹³⁶ Дневник А.А. Половцова. Запись 8.06.1906. // Красный архив. 1923. № 4 С. 115 (Бородин А.П... С. 256. прим.)
- ¹³⁷ Лопухин В.Б. Люди и политика.// Вопросы истории. 1966. № 10 С. 110-111 (Бородин А.П... С. 260, прим.)
- ¹³⁸ П.А. Столыпин — А.Ф. Кони, 17 июля. (Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. Т. 2, М., 1966 С. 362 (Бородин А.П... С. 44))
- ¹³⁹ Николай II — Марии Федоровне, 21.07.1906. Красный архив. 1927. Т. 3 С. 192-193 (Бородин А.П... С. 45)
- ¹⁴⁰ Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. Т. 2, М., 1966 С. 362, 364, 369. См. также П. А. Гейден — Ю. Н. Милютину, 22.08.1906. // РГИА, ф. 869, оп. 1, д. 1369, л. 5-6. (Бородин А.П... С. 44-45)
- ¹⁴¹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума (Воспоминания современника), Париж, б.г. С. 49 (Бородин А.П... С. 46)
- ¹⁴² Из воспоминаний А. И. Гучкова // Новый журнал. Кн. 161. Нью-Йорк, 1985 С. 163-164; Львов Н. Гр. Витте и П. А. Столыпин // Возрождение, 1927, 17 декабря (Бородин А.П... С. 46)
- ¹⁴³ Николай II — П. А. Столыпину, без даты // Красный архив, 1924, Т. 5 С. 102 (Бородин А.П... С. 46)
- ¹⁴⁴ Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. Т. 2, М., 1966 С. 370 (Бородин А.П... С. 46)
- ¹⁴⁵ Лопухин В. Б. Люди и политика.// Вопросы истории, 1966, № 11 С. 124 (Бородин А.П... С. 249-250, прим.)
- ¹⁴⁶ Кони А. Ф. Моя Гефсиманская ночь // Собр. Соч. Т. 2, М., 1966 С. 367 (Бородин А.П... С. 46-47)

- ¹⁴⁷ Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997, № 4 С. 121 (Бородин А.П... С. 47)
- ¹⁴⁸ Тыркова-Вильямс А.В... С. 460, 509.
- ¹⁴⁹ Тыркова-Вильямс А.В... С. 493-494,468-469.
- ¹⁵⁰ Тыркова-Вильямс А.В... С. 385.
- ¹⁵¹ Тыркова-Вильямс А.В... С. 460, 509.
- ¹⁵² Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000. С. 550 (Бородин А.П... С. 276-277, прим.)
- ¹⁵³ Милюков П. Н... С. 348.
- ¹⁵⁴ Кожин В.В... С. 36.
- ¹⁵⁵ Милюков П. Н... С. 313.
- ¹⁵⁶ П. А. Столыпин — Николаю II, 18.05.1907. // РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 948, л. 252-252 об. (Бородин А.П... С. 85)
- ¹⁵⁷ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума (Воспоминания современника), Париж, б.г. С. 225 (Бородин А.П... С. 129)
- ¹⁵⁸ Милюков П. Н... С. 354.
- ¹⁵⁴ Витте С.Ю... Т. 2 С. 134, 579.
- ¹⁶⁰ Милюков П. Н... С. 462-463.
- ¹⁶¹ Воейков В. Н... С. 36—37.
- ¹⁶² Милюков П. Н... С. 462-463.
- ¹⁶³ Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...
- ¹⁶⁴ Шараров С.Ф. Диктатор. 1907 г. —М.: Бобок — Новая книга, 1998. 112 С. С. 36
- ¹⁶⁵ К. П. Победоносцев — С. Д. Шереметьеву, 28.09.1906. // Источник, 1996, № 6 С. 24 (Бородин А.П... С. 125)
- ¹⁶⁶ А. К. Варженевский — С. Д. Шереметьеву, 31.09, 12.12.1907. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5082, л. 128 (Бородин А.П... С. 125)
- ¹⁶⁷ А. И. Зыбин — А. А. Бобринскому, 21.06.1908. // РГАДА, ф. 1412, оп. 3, д. 818, л. 23-23 об. (Бородин А.П... С. 126)
- ¹⁶⁸ Из дневника Л.А.Тихомирова. Запись 12.04.1910. // Красный архив. 1936. № 1 (74) С. 173 (Бородин А.П... С. 126)
- ¹⁶⁹ Три последних самодержца. Дневник А. В.Богданович. Запись 12.03.1907. — М.; Л., 1924 С. 412-413 (Бородин А.П... С. 126)
- ¹⁷⁰ Генерал Богданович — Николаю II, 10.05.1907. (Бородин А.П... С. 127)
- ¹⁷¹ Киевлянин, 21.03 и 7.05.1907. (Бородин А.П... С. 126-127)
- ¹⁷² РГАДА ф. 1287, оп. 1, д. 5079, л. 140 (Бородин А.П... С. 128)
- ¹⁷³ Н. Е. Комаровский — С. Д. Шереметьеву, 2.06.1907. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5079, л. 248 об. — 249 (Бородин А.П... С. 128)
- ¹⁷⁴ И. Ф. Тютчев — С. Д. Шереметьеву, 15.07.1907.//РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5080, л. 60(Бородин А.П... С. 129)
- ¹⁷⁵ Падение царского режима. Т. V С. 418 (Бородин А.П... С. 87)
- ¹⁷⁶ Падение царского режима. Т. VII. —Л.: 1927 С. 101-102 (Бородин А.П... С. 87)
- ¹⁷⁷ Шубинский Н. П. Памяти П.А.Столыпина. Речь от 5.09.1913. в ЦК «Союза 17 октября» в Москве // Правда Столыпина. — Саратов: 1999 С. 96 (Бородин А.П., С. 72)
- ¹⁷⁸ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. М., 2000 С. 600 (Бородин А.П... С. 87)
- ⁵⁵⁷
- ¹⁷⁹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Воспоминания 1903-1919 гг. Т. 1. —Париж: 1933 С. 259 (Бородин А.П... С. 87)
- ¹⁸⁰ Бородин А.П... С. 129.
- ¹⁸¹ Маклаков В. А. Вторая Государственная дума. — Париж: б.г. С. 225 (Бородин А.П... С. 88)
- ¹⁸² А.А. Киреев — Ф. Д. Самарину, 8.11.1908. // РО РГБ, ф. 265.190.32, л. 112 об.—113 об. (Бородин А.П... С. 87-88)
- ¹⁸³ Записки русского консерватора // Вопросы истории. 1997, № 4 С. 128 (Бородин А.П... С. 89)
- ¹⁸⁴ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. — СПб.: 1999 С. 96 (Бородин А.П... С. 129)
- ¹⁸⁵ Муратов Н. П. Воспоминания // РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 26, л. 436 (Бородин А.П... С. 129-130)
- ¹⁸⁶ Г. Шечков —П. Б. Мансурову, 24.09.1908. // ГА РФ, ф. 990, оп. 2, д. 575, л. 4 об. (Бородин А.П... С. 130)
- ¹⁸⁷ Родзянко М.В. Государственная Дума и Февральская 1917 года революция // Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев. Февральская революция. — М., Л.: 1926. С. 3 (Бородин А.П... С. 299, прим.)
- ¹⁸⁸ Милюков П. Н... С. 461.
- ¹⁸⁹ П. Столыпин, речь в Госсовете 1.04.1911.
- ¹⁹⁰ Милюков П. Н... С. 412.
- ¹⁹¹ Л. А. Тихомиров — П. А. Столыпину, 5.07.1911. // Новое Время, 1911, 18.09 (1.10) (Бородин А.П... С. 71)

- ¹⁹² Маклаков В. А. относительно речи П. Столыпина в Думе 27.04.1911. (Маклаков В. А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника). Т. 3, — Париж: 1936 С. 594 (Бородин А.П... С. 71))
- ¹⁹³ История СССР 1969. № 6. С. 61 (Бородин А.П... С. 206)
- ¹⁹⁴ Милюков П. Н... С. 461.
- ¹⁹⁵ Речь от 14(27).03.1911. (Бородин А.П... С. 291, прим.)
- ¹⁹⁶ Крыжановский С. Е. Воспоминания. — Берлин: б. г. С. 213 (Бородин А.П... С. 163)
- ¹⁹⁷ Красный архив. 1936. № 1 (74). С. 186-187 (Бородин А.П... С. 208)
- ¹⁹⁸ Милюков П. Н... С. 394.
- ¹⁹⁹ Открытое письмо к П. А. Столыпину о правительственном сообщении и программе С. Шарапова. Бесплатное приложение к № 36 «Русского дела», 1906 С. 3 (Бородин А.П... С. 133)
- ²⁰⁰ П.А.Столыпин в мае 1911 г. П.П.Стремоухову. Из воспоминаний сенатора П.П.Стремоухова // АРР Т. XVI. — Берлин: 1925. С. 39-40 (Бородин А.П... С. 293, прим.)
- ²⁰¹ С.Шереметев 23.03.1911. — императрице Марии Федоровне, Дневник СД. Шереметева // РГАДА. Ф. 1287. Оп. 1. Д. 5056. Л. 56 об, 58-59, 66.; См. о том же А. К. Варженевский — СД. Шереметеву, 12.04.1911. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5102. л. 204 об.; См. так же, Дневник кн. В.М. Голицына. 15(28).05.1911. // ГО РГБ. Ф. 75. Д. 30. Л. 331-332 (Бородин А.П... С. 207)
- ²⁰² Труды V съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. — СПб.: 1909 С. 148 (Бородин А.П... С. 135)
- ²⁰⁵ Андронников, конец 1910 г. (Государственная деятельность П. А. Столыпина. Сборник статей. — М.: 1994 С. 143.)
- ²⁰⁴ Новицкий В. Д. Воспоминания тяжелых дней моей службы в корпусе жандармов // Былое. 1917, № 5-6 С. 114 (Бородин А.П... С. 161-162)
- ²⁰⁵ Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. — М.: 2000 С. 606 (Бородин А.П... С. 162)
- ²⁰⁶ Из воспоминаний А. И.Гучкова // Новый журнал. Кн. 161. — Нью-Йорк: 1985 С. 189 (Бородин А.П... С. 162)
- ²⁰⁷ Витте С.Ю... Т. 2 С. 414, 415.
- ²⁰⁸ Воспоминания министра народного просвещения графа И.И.Толстого. 31.10.1905 — 24.04.1906. — М.: 1997 С. 220 (Бородин А.П... С. 257, прим.)
- ²⁰⁹ Джунковский В.Ф. Воспоминания. Т.1. —М.: 1997 С. 160, 163. (Бородин А.П... С. 257, прим.)
- ²¹⁰ Кошко И. Ф. Воспоминания губернатора (1905—1914). — Пг.: 1916 С. 49—50 (Бородин А.П... С. 257-258, прим.)
- ²¹¹ П.Б. Мансуров — Ф.Д. Самарину, 7.07.1906. // РО РГБ. Ф. 265.193.12. Л. 148 (Бородин А.П... С. 258, прим.)
- 558
- ²¹² Olson M. jr. Rapid Growth as a Destabilizing Force // Davies J.C. (ed.). When Men Revolt and Why—New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1996. P. 217. (May В.А., Стародубровская И.В..., 372.)
- ²¹³ Лорис-Меликов М. Т. (статья В. В. Водовозова из «Нового энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона», 1911 — 1916).
- ²¹⁴ Меньшиков М. 8.09.1911. в статье «Нужен сильный». «Новое время». (Федоров Б. Г... С. 409.)
- ²¹⁵ Ф. Д. Самарин — С. Д. Шереметьеву, 14 и 27.08.1906. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5074, л. 259, 364 об. (Бородин А.П... С. 125-126)
- ²¹⁶ Шванебах П. Х. Записки сановника // Голос минувшего. 1918. № 1 — 3 С. 115-116 (Бородин А.П... С. 126)
- ²¹⁷ Дякин В. С. Столыпин и дворянство (Провал местной реформы) // Проблемы крестьянского землевладения и внутренней политики России. — Л.: 1972 С. 233-234. (Бородин А.П... С. 161)
- ²¹⁸ Из дневника Л. А. Тихомирова // Красный архив. 1933. № 6 (61) С. 95 (Бородин А.П... С. 126)
- ²¹⁹ Дневник А.А. Киреева. Записи 10.04.1909. // РО РГБ, ф. 126.14., л. 210. и ф. 126.15., л. 27 (Бородин А.П... С. 126)
- ²²⁰ Дневник А.А. Киреева. Запись 18.03.1910. // РО РГБ, ф. 126.14., л. 164 об. (Бородин А.П... С. 125)
- ²²¹ Еропкин А. П. А. Столыпин и указ 9 ноября. — СПб.: 1912 С. 14 (Бородин А.П... С. 125)
- ²²² Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого. — М.: 2000 С. 600 (Бородин А.П... С. 72)
- ²²¹ В. И. Герье — А. И. Гучкову, 9.03.1910 // ГА РФ, ф. 555, оп. 1, д. 790, л. 7 (Бородин А.П... С. 72)
- ²²⁴ Дневник А. С. Суворина. — М.: 2000 С. 499 (Бородин А.П... С. 72)
- ²²⁵ ГАРФ, ф. 555. Оп. 1, д. 1112, л. 3 (Бородин А.П... С. 960)
- ²²⁶ Лемке М.К..., 1916 С. 297.
- ²²⁷ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера.—СПб.: 1999 С. 131, 158 (Бородин А.П... С. 96)
- ²²⁸ Дневник А. А. Киреева. Запись 18.03.1910. // РО РГБ, ф. 126.15., л. 89 (Бородин А.П... С. 96)
- ²²⁹ Дневник А. А. Киреева, 5.03.1907. // РО РГБ, ф. 126.14., л. 203-203 об., 210 об., 211 См. так же записи от 26.11.1907, 25.08.1908. // РО РГБ, ф. 126.14., л. 256, 309-310. (Бородин А.П... С. 137)

- ²³⁰ Н.Е. Комаровский — С. Д. Шереметьеву, 3(16).04.1907. // РГАДА, ф. 1287, оп. 1, д. 5078. л. 216-216 об. (Бородин А.П... С. 137)
- ²³¹ Три последних самодержца. Дневник А. В. Богданович. Запись 25.05.1907. — М., Л.: 1924 С. 420 (Бородин А.П... С. 138)
- ²³² Дневник А.А. Киреева, запись 6.07.1907. // РО РГБ, ф. 126.14., л. 234 (Бородин А.П... С. 138)
- ²³³ Труды третьего съезда уполномоченных объединенных дворянских обществ 32 губерний. — СПб.: 1907 С. 108 (Бородин А.П... С. 138)
- ²³⁴ Дневник князя В.М. Голицына. Запись 10(23).03.1907. // РО РГБ, ф. 75, д. 27 С. 82 (Бородин А.П... С.80)
- ²³⁵ Выступление А.А. Нарышкина в заседании Постоянного совета 10.11.1906. // ГА РФ, ф. 434, оп. 1, д. 76, л. 33 об. (Бородин А.П... С. 135)
- ²³⁶ Открытое письмо к П. А. Столыпину о правительственном сообщении и программе С.Шарапова. Бесплатное приложение к№ 36 «Русского дела», 1906 С. 2 (Бородин А.П... С. 131)
- ²³⁷ Столыпин П. А. Нам нужна великая Россия: Поли. собр. речей в Госдуме и Госсовете. 1906-1911 гг. — М.: 1991 С. 51 (Бородин А.П... С.80)
- ²³⁸ Россия, 23.03(5.04).19П. (Morning Post, 29 марта.) (Бородин А.П... С. 209-210) ²³⁹ Ленин В. И. ПСС. Изд. 5., Т. 17. 1973. С. 273-274.
- ²⁴⁰ Струве П. Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. Сб. Статей за пять лет (1905-1910 гг.) —СПб.: 1991. С. 269 (Бородин А.П... С. 165)
- ²⁴¹ Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. — СПб.: 1999 С. 160, 122 (Бородин А.П... С. 166-167)
- ²⁴² Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа Витте» // Русская летопись. Кн. 2. — Париж: 1922 С. 146-147 (Бородин А.П... С. 167)
- ⁵⁵⁹
- ²⁴³ Бок М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. — М.: 1992 С. 95 (Бородин А.П... С. 168-169)
- ²⁴⁴ Извольский А. П. Воспоминания. — М.: 1989 С. 78 (Бородин А.П... С. 169)
- ²⁴⁵ Воспоминания А.И. Гучкова. Российские либералы: кадеты и октябристы (Документы, воспоминания, публицистика). — М.: 1996 С. 165 (Бородин А.П... С. 48)
- ²⁴⁶ Тыркова-Вильямс А... С. 458,459.
- ²⁴⁷ В.Шульгин «Речь», 29.03.1911; См. так же Дневник А.А. Киреева. 13.02.1909. // РО РГБ. Ф. 126.15. Л. 14.; См. так же Е.В. Богданович — Николаю II, 29.03.1911 (копия) // РО РГБ. Ф. 664.1.13. Л. 9 об. (Бородин А.П... С. 292, прим.)
- ²⁴⁸ Ленин В.И. ПСС, Т. 19 С. 422.
- ²⁴⁹ Монархия перед крушением, 1914-1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. — М.,Л.: Госиздат, 1927. С. 91-92. (Мультиатули П.В...)
- ²⁵⁰ Монархия перед крушением, 1914-1917. Бумаги Николая II и другие документы. Статьи В.П. Семенникова. — М.,Л.: Госиздат, 1927. С. 91-92. (Мультиатули П.В...)
- ²⁵¹ Милюков П. Н... С. 488-489.
- ²⁵² Петров Ю.А... С. 93, 94.
- ²⁵³ Яковлев Н. Н... С. 336.
- ²⁵⁴ Ф. 523 ЦК Партии Кадетов Опись 1. Д. 30. Л. 8 (Шацилло К. Ф... С. 321.).
- ²⁵⁵ Милюков П. Н... С. 486-487,
- ²⁵⁶ Милюков П. Н... С. 497
- ²⁵⁷ Ленин В.И. ПСС, т.49 С. 14.
- ²⁵⁸ Смирнов А.Ф. А.Ф. Государственная Дума Российской Империи. 1906-1917. Историко-правовой очерк. — М.: Книга и бизнес, 1998. С. 582. (Мультиатули П. В...)
- ²⁵⁹ Гессен И.В. В двух веках. APR Т. XXII. — Берлин: 1937 С. 336-337.
- ²⁶⁰ Шамбаров В. Е... С. 284.
- ²⁶¹ Уткин А.И... С. 183.
- ²⁶² Яковлев Н.Н... С. 206. С. 312.
- ²⁶³ Милюков П. Н. Как пришла революция, 1921 (Яковлев Н. Н... С. 266)
- ²⁶⁴ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту, (заговоры перед революцией 1917 года). — Париж: Родина, 1931. С. 102.; См. так же Брачев В.С. Русское масонство XVIII-XX веков. — СПб: Стома, 2000 С. 297. (Мультиатули П.В...)
- ²⁶⁵ Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: Издательство политической литературы, 1991 С. 404.
- ²⁶⁶ Данилов Ю.Н. Россия на пути к крушению. С. 45. (Мультиатули П. В...)
- ²⁶⁷ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y., 1984, p. 130 (Уткин А.И... С. 304)
- ²⁶⁸ Милюков П.Н. Воспоминания. — М.: Издательство Политической литературы, 1991 С. 450.
- ²⁶⁹ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту, (заговоры перед революцией 1917 года). — Париж: Родина, 1931. С. 6.
- ²⁷⁰ Яковлев Н.Н... С 167.

- ²⁷¹ Сухомлинов В. А... С. 336.
- ²⁷² Милуков П... С. 495.
- ²⁷³ Сухомлинов В. А... С. 318.
- ²⁷⁴ Воейков В. Н... С. 124-125.
- ²⁷⁵ Яковлев Н.Н... С. 167.
- ²⁷⁶ Яковлев Н. Н... С. 260-261.
- ²⁷⁷ Сухомлинов В.А... С. 343-344.
- ²⁷⁸ Яковлев Н.Н... С. 167.
- ²⁷⁹ Воейков В.Н.. С. 113-114.
- ²⁸⁰ Воейков В.Н... С. 144.
- ²⁸¹ Великий князь Александр Михайлович — Николаю II, 1.01.1917. (Воейков В. Н... С. 441-442, прил.)
- ²⁸² Яковлев Н. Н... С. 11-12.
- ²⁸³ Шульгин В.В... СИЗ, 114.
- ²⁸⁴ Шульгин В.В... С. 114.
- ²⁸⁵ Записка А.Н. Наумова. Сборник записок, относящихся к снабжению в Великую войну. Сборник Финансового Агентства США С. 99 — 100. (Головин Н.Н... С. 248,253.)
- ²⁸⁶ Сухомлинов В. А... С. 317-318.
- ⁵⁶⁰
- ²⁸⁷ Головин Н.Н. Военные усилия России в Первой мировой войне. В двух томах. — Париж: 1939. Т. 2. С. 139. 38
- ²⁸⁸ Кобылий В... С. 122.
- ²⁸⁹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989 С. 89.
- ²⁹⁰ Милуков П. Н... С. 506-507.
- ²⁹¹ Данилов Ю. Н. Россия в мировой войне, 1914-1915 г. — Берлин: 1924 С. 112 (Уткин А.И... С. 141.)
- ²⁹² Русская летопись. 1928, № 7.
- ²⁹³ Адмирал Григорович. ЦГАВМФ. ф. 701, оп.1, Д.5 С. 107. (Мультатули П. В...)
- ²⁹⁴ Катков Г.М. Февральская революция. — Париж: YMCA-Press, 1984.С. 58.
- ²⁹⁵ Кобылий В... С. 126.
- ²⁹⁶ Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. Париж: Товарищество Объединенных Издателей, 1939, Т. 2 С. 154.
- ²⁹⁷ Фрейлина Ее Величества. «Дневник « и воспоминания Анны Вырубовой. — М.: Советский писатель, 1991, с, 157.
- ²⁹⁸ Бубнов А.Д. В Царской Ставке. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 12.
- ²⁹⁹ Великий князь Николай Михайлович — Николаю II, 28.04.1916. (Воейков В. Н... С. 389, прил.)
- ³⁰⁰ Воейков В.Н... С. 111.
- ³⁰¹ Бубнов А.Д. В Царской Ставке. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 166
- ³⁰² Noskoff A.A. (general). Nicolas II iconnup. 9-17.
- ³⁰³ РГВИА. Ф. 405, оп. 2, д. 5.
- ³⁰⁴ Кобылий В... С. 130; Генерал Спиридович А.И. Великая война и Февральская революция 1914-1917 гг. Нью-Йорк: Весславянское издательство, 1960 С. 177-179.
- ³⁰⁵ Русская Летопись, 1928. кн. 7.
- ³⁰⁶ АРР. - М. Терра, 1993, Т. 18 С. 2. (Мультатули П. В...)
- ³⁰⁷ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989 С. 90.; См. так же Яхонтов А.Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16.07-2.09.1915) «АРР», XVII, 1926 С. 55-60.
- ³⁰⁸ Бьюкенен Дж... С. 168
- ³⁰⁹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989 С. 91.
- ³¹⁰ Катков Г.М. Февральская революция. — Париж: YMCA-Press, 1984 С. 153.
- ³¹¹ Мультатули П. В...
- ³¹² Кобылий В... С. 160.
- ³¹³ АРР Т. 18 С. 69. Мультатули П.В...
- ³¹⁴ Сухомлинов В. А... С. 343-344.
- ³¹⁵ Кобылий В... С. 143.
- ³¹⁶ Николай II в секретной переписке С. 212. (Мультатули П. В...)
- ³¹⁷ Великий князь Николай Михайлович — Николаю II, 26.07.1916. (Воейков В. Н... С. 399, прил.)
- ³¹⁸ Троцкий Л.Д. История русской революции Т. 1. Февральская революция.
- ³¹⁹ Мультатули П. В...
- ³²⁰ Шульгин В.В... С. 125-126.
- ³²¹ Letters of the Tsar to the Tsaritsa. Lincoln B. Passage Trough Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 315. (Уткин А.И... С. 178.)
- ³²² АРР Т. 10 С. 213-214.

- ³²³ Деникин А. И... Т. 1 С. 38-39.
- ³²⁴ Воейков В. Н... С. 143.
- ³²⁵ Воейков В. Н... С. 211.
- ³²⁶ Уткин а.И. Черчилль... С. 155.
- ³²⁷ Воейков В.Н... С. 211.
- ³²⁸ Шульгин В.В... С. 155.
- ³²⁹ Шульгин В.В... С. 225.
- ³³⁰ Шульгин В.В... С. 122-123.
- ³³¹ Шульгин В.В... С. 162.
- ³³² Ницше Ф... С. 353.
- ³³³ Речь о морской обороне. Госдума 24.05.1908. (Рыбас С. Ю... С. 324)
- ⁵⁶¹
- ³³⁴ Великий князь Александр Михайлович. Мемуары великого князя. — М.: Захаров-Аст, 1999 С. 259-260.
- ³³⁵ Великий князь Кирилл Владимирович. Моя жизнь на службе России. — СПб: Лики России, 1996 С. 234.
- ³³⁶ Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции 1917 года. Стокгольм-Берлин, 1921 С. 1.
- ³³⁷ Маклаков В. А. «Трагическое положение». Русские Ведомости 27.9.1915. Горянин А. Мифы о России и дух нации. — М.: Pentagraphic, Ltd. 2001.-336 с. С. 122-123.)
- ³³⁸ Мамонтов В.И. На государевой службе. Воспоминания. — Таллин: 1926 С. 233.
- ³³⁹ Воейков В. Н... С. 142.
- ³⁴⁰ Дэвис Д.Э., Трнаи Ю.П... С. 62, 64.
- ³⁴¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1923 С. 36 (Уткин А.И... С. 217)
- ³⁴² Lincoln V. L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N. Y., 1986, p. 211; (Уткин А.И... С. 217)
- ³⁴³ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 19 (Уткин А.И... С. 217)
- ³⁴⁴ Бьюкенен Дж... С. 183
- ³⁴⁵ Бьюкенен — министерству иностранных дел. 18.08.1916. (Бьюкенен Дж... С. 193)
- ³⁴⁶ Рябушинский В. Купечество московское. С. 185. (Петров Ю.А... С. 65.)
- ³⁴⁷ Великий князь Александр Михайлович — Николаю II, 25.01.1917 (Александр М..., с 179-180)
- ³⁴⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 46.
- ³⁴⁹ Великий князь Александр Михайлович — Николаю II, 1.01.1917 (Воейков В. Н... С. 442, прил.)
- ³⁵⁰ Великий князь Александр Михайлович — Николаю II, 25.01.1917 (Воейков В. Н... С. 443, прил.)
- ³⁵¹ Великий князь Георгий Михайлович — Николаю II, 11.11.1916 (Воейков В. Н... С. 445, прил.)
- ³⁵² Письмо Великого князя Георгия Михайловича — Николаю II от 11.11.1916 (Александр М... С. 180.)
- ³⁵³ Великий князь Николай Михайлович — Николаю II, 1.11.1916 (Русское слово // № 54, от 9.03.1917 (Воейков В. Н... С. 468, комм.)
- ³⁵⁴ Письмо Великого князя Михаила Михайловича — Николаю II от 15.11.1916 (Александр М... С. 180.)
- ³⁵⁵ Манифест великого князя Павла Александровича, 1.03.1917. См. «Красный архив», Т. IV С. 216 (Воейков В. Н... С. 465, комм.)
- ³⁵⁶ Милюков П. Н... С. 495.
- ³⁵⁷ Сухомлинов В. А... С. 318-319.
- ³⁵⁸ Русские ведомости, 5.01.1917 (Яковлев Н. Н... С. 318)
- ³⁵⁹ Милюков П. Н... С. 534-535, 551.
- ³⁶⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 349.
- ³⁶¹ Богомолов А. Красная Звезда. 31.03.2005.
- ³⁶² Яковлев Н. Н... С. 259-260.
- ³⁶³ Гучков — Алексееву, 28.08.1916.
- ⁵⁶⁴ Александр М... С. 185.
- ³⁶⁵ Александр М... С. 256.
- ³⁶⁶ Яковлев Н. Н... С. 223-224. ³⁶⁷ Лемке М.К..., 1916 С. 297.
- ³⁶⁸ Шамбаров В. Е... С. 577-578.
- ³⁶⁹ Игнатъев... С. 422-423.
- ³⁷⁰ Палеолог М. Воспоминания посла, М., 1992 С. 132-133 (Уткин А.И... С. 268-269)
- ³⁷¹ Шамбаров В. Е... С. 58.
- ¹⁷² Игнатъев... С. 445-446.
- ³⁷³ Терехин М.Ф., Шварев И.А. Рассказы о прожитом.—Воронеж: Издат. Им. Е.А. Болховитинова. 2003. 152 С. С. 21-22.
- ³⁷⁴ Деникин А. И... Т. 1 С. 331.

- ³⁷⁵ ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, ед. хр. 38, л. 13 об. (Айрапетов О... С. 56)
- ³⁷⁶ Витте С.Ю..., Т. 2 С. 65, 66.
- ³⁷⁷ Троцкий Л.Д. История русской революции // К истории русской революции. — М.: 1990 С. 373. (Хрестоматия... С. 387.) Впервые была издана в Берлине в 1931-1933 гг.
- ³⁷⁸ Бердяевы. А... С. 241.
- ³⁷⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 453.
- ³⁸⁰ Буровский А.М... С. 239.
- ³⁸¹ Жуков Д. Жизнь и книги В. В. Шульгина (Шульгин В. В... С. 32-33.)
- ³⁸² Кожин В.В... С. 37.
- ³⁸³ Клох А. With the Russian Army 1914-1917. Vol. II, Lnd., 1921, p. 211 (Уткин А.И... С. 303)
- ³⁸⁴ Бьюкенен Дж... С. 222-223.
- ³⁸⁵ Платонов О.А. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке. — М.: 1996. С. 610.
- ³⁸⁶ Шамбаров В. Е... С. 584-585.
- ³⁸⁷ Троцкий Л.Д. История Русской Революции. Т. 1. Февральская Революция. Предисловие к русскому изданию.
- ³⁸⁸ Шульгин В.В... С. 165-166.
- ³⁸⁹ Покровский М... С. 313
- ³⁹⁰ Черчилль У... С. 135.
- ³⁹¹ Шамбаров В. Е... С. 581.
- ¹⁹² Доклад охранного отделения от 5.02.1917. (Милюков П. Н... С. 556)
- ³⁹³ Шляпников. Семнадцатый год. ГИЗ. 1925. Книга 1. С. 119. (Геллер М., Некрич А... С. 21.)
- ³⁹⁴ Милюков П. Н... С. 556.
- ³⁹⁵ Троцкий Л.Д. История Русской Революции Том Первый Февральская Революция.
- ³⁹⁶ Вейков В. Н... С. 161.
- ³⁹⁷ Кара-Мурза С... С. 108.
- ³⁹⁸ Китанина Т.М... С. 219.
- ³⁹⁹ Китанина Т.М... С.338.
- ⁴⁰⁰ Яковлев Н. Н... С. 294-295.
- ⁴⁰¹ Яковлев Н. Н... С. 296-297.
- ⁴⁰² Милюков П. Н... С. 556, 557.
- ⁴⁰³ История отечества в документах. 1917-1993 гг. Часть 1. 1917-1920 гг. С. 12. (Хрестоматия... С. 386.)
- ⁴⁰⁴ История отечества в документах. 1917-1993 гг. Часть 1. С. 12. (Хрестоматия... С. 386.)
- ⁴⁰⁵ АРР Т.Ш. С. 261. (Головин Н.Н... С. 344.)
- ⁴⁰⁶ Шульгин В. В... С. 546, комм. Ю. В. Мухачева.
- ⁴⁰⁷ Милюков П. Н... С. 560.
- ⁴⁰⁸ Деникин А. И. (I)... С. 40-41.
- ⁴⁰⁹ Шульгин В.В. Дни. Белград. 1925 С. 59. (Геллер М., Некрич А... С. 20.)
- ⁴¹⁰ Милюков П. Н... С. 563.
- ⁴¹¹ «Русская Летопись», книга 7. Париж, 1925 С. 208. (Мультагули П. В...)
- ⁴¹² Страна гибнет сегодня. Воспоминания о февральской революции 1917 г. — М.: Книга, 1991 С. 130.
- ⁴¹³ Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных. —М.: Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999. С. 227.
- ⁴¹⁴ Великий князь Александр Михайлович. Мемуары великого князя. — М.: Захаров-Аст, 1999. С. 186.
- ⁴¹⁵ Милюков П. Н... С. 568-570.
- ⁴¹⁶ Богомолов А. Красная Звезда. 31.03.2005.
- ⁴¹⁷ Александр М... С. 273.
- ⁴¹⁸ Wallace D. Russia, Lnd., 1912, p. 728 (Уткин А.И. Черчилль... С. 140.)
- ⁴¹⁹ Уткин А.И... С. 117-118.
- ⁴²⁰ Пуанкаре Р... С. 124-125.
- ⁴²¹ Пуанкаре Р... С. 668.
- ⁴²² Пуанкаре Р... С. 592.
- ⁴²³ Телеграмма из Касабланки, N 805 (Пуанкаре Р... С. 189)
- ⁴²⁴ Пуанкаре Р... С. 736, 737, прим..
- ⁴²⁵ Пуанкаре Р... С. 139.
- ⁵⁶³
- ⁴²⁶ Пуанкаре Р... С. 140, 141.
- ⁴²⁷ Пуанкаре Р... С. 146.
- ⁴²⁸ Пуанкаре Р.. С. 168.
- ⁴²⁹ Пуанкаре Р.. С. 451.

- ⁴³⁰ Пуанкаре Р.. С. 614.
- ⁴³¹ Пуанкаре Р.. С. 644.
- ⁴³² Телеграмма из Петрограда, 1.06.1915, № 706 (Пуанкаре Р.. С. 615)
- ⁴³³ Пуанкаре Р.. С. 648-649.
- ⁴³⁴ Пуанкаре Р.. С. 668.
- ⁴³⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 129.
- ⁴³⁶ Кара-Мурза С..., 91.
- ⁴³⁷ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. Предисловие к русскому изданию.
- ⁴³⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 13-15.
- ⁴³⁹ Шульгин В.В... С. 76.
- ⁴⁴⁰ Витте С.Ю... Т. 2 С. 192.
- ⁴⁴¹ Деникин А. И... Т. 1 С. 231.
- ⁴⁴² Деникин А. И... Т. 1 С. 128.
- ⁴⁴³ Краснов П. Н. Тихие подвижники. Венок на могилу неизвестного солдата Императорской Российской армии. Нью-Йорк: Джорданвилль, 1986 С. 14.
- ⁴⁴⁴ Барон РФ. Унгерн-Штернберг. Письмо Ценде-гуну 27.04.1921. (Родина № 9. 2004 С. 53)
- ⁴⁴⁵ Врангель П.Н. Воспоминания. М.: Терра, 1992. Т. 1 С. 26.
- ⁴⁴⁶ Деникин А. И... т.2.
- ⁴⁴⁷ Бьюкенен Дж... С. 289.
- ⁴⁴⁸ Головин Н.Н... С. 107.
- ⁴⁴⁹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1. М., 1991. С. 30.
- ⁴⁵⁰ Сергеевский Б. Н. Пережитое. 1914. — Белград: 1933 С. 4 (Айрапетов О... С. 54)
- ⁴⁵¹ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. — М.: Наука, 1989 С. 193.
- ⁴⁵² Лемке М. К. Дневник. Ноябрь 1915 г. (Яковлев Н.Н... С. 223)
- ⁴⁵³ Киган Д... С. 428-429.
- ⁴⁵⁴ Телеграмма ген. Алексеева, 2.03.1917. (Воейков В. Н... С. 180-181)
- ⁴⁵⁵ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. — М: Военное издательство МО СССР, 1957 С. 107.
- ⁴⁵⁶ Генерал Сахаров — Рузскому, телеграмма 2.03.1917, Яссы (Воейков В. Н... С. 178-179)
- ⁴⁵⁷ Шульгин В.В... С. 272.
- ⁴⁵⁸ Шульгин В.В... С. 274.
- ⁴⁵⁹ АРР Т. 10 С. 212. (Мультиатули П. В...)
- ⁴⁶⁰ «Россия в мировой войне 1914-1918 гг." ЦСУ СССР.
- ⁴⁶¹ Войтинский В.С.. С. 48.
- ⁴⁶² Набоков В.Д. Временное правительство. С. 74.
- ⁴⁶³ Людендорф Э... С. 303,425
- ⁴⁶⁴ Верховский А. И. На трудном перевале. — М.: 1959 С. 207.
- ⁴⁶⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 67.
- ⁴⁶⁶ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г.—март 1918 г. — М.: 1981 С.18.
- ⁴⁶⁷ Деникин А. И... Т. 1 С. 68-70.
- ⁴⁶⁸ Anet С. La revolution russe/ (Деникин А. И... Т. 1 С. 70)
- ⁴⁶⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 71.
- ⁴⁷⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 65-67.
- ⁴⁷¹ Деникин А. И... Т. 1 С. 351.
- ⁴⁷² «Вопросы истории», 1990, № 7 С. 107, 108. (Кожин В.В... С. 166.)
- ⁴⁷³ Деникин А. И... Т. 1 С. 178.
- ⁴⁷⁴ Деникин А. И... Т. 1 С. 207-208.
- ⁴⁷⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 65-67.
- ⁴⁷⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. 209.
- ⁴⁷⁷ ОР РГБ, ф. 855, карт. 1, ед. хр. 37, л. 22,24-24 об. (Айрапетов О... С. 56)
- ⁴⁷⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 215, 216.
- ⁴⁷⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 218.
- ⁵⁶⁴
- ⁴⁸⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 223-225.
- ⁴⁸¹ Деникин А. И... Т. 1 С. 226.
- ⁴⁸² Деникин А. И... Т. 1 С. 232-233.
- ⁴⁸³ Деникин А. И... Т. 1 С. 234-235.
- ⁴⁸⁴ Деникин А. И... Т. 1 С. 237.
- ⁴⁸⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 366.
- ⁴⁸⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. 243.
- ⁴⁸⁷ Головин Н.Н... С. 366.
- ⁴⁸⁸ Письмо А.И. Гучкова генералу Алексееву в Ставку. (Милуков П. Н... С. 615.)

- 489 Деникин А. И... Т. 1 С. 94-95.
- 490 Деникин А. И... Т. 1 С. 244, 251,255.
- 491 Деникин А. И... Т. 1 С. 258.
- 492 Деникин А. И... Т. 1 С. 312.
- 493 Деникин А. И... Т. 1 С. 259.
- 494 Деникин А. И... Т. 1 С. 263.
- 495 Деникин А. И... Т. 1 С. 204.
- 496 Деникин А. И... Т. 1 С. 205.
- 497 Деникин А. И... Т. 1 С. 264.
- 498 Деникин А. И... Т. 1 С. 47-48.
- 499 Шамбаров В. Е... С. 407.
- 500 Богомолов А. Красная Звезда. 31.03.2005.
- 501 Деникин А. И... Т. 1 С. 396.
- 502 Деникин А. И... т.2 С. 144.
- 503 Шульгин В.В... С. 215.
- 504 Шамбаров В. Е... С. 456.
- 505 Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 110-111. (Уткин А.И... С. 338.)
- 506 Милюков П. Н... С. 618.
- 507 Милюков П. Н... С. 593.
- 508 «Вопросы истории», 1990, № 9 С. 103 — 104. (Кожин В.В... С. 151.)
- 509 Бьюкенен — министерству иностранных дел, 18 октября 1916 г. (Бьюкенен Дж... С. 202)
- 510 Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1923 С. 325-326. (Уткин А.И... С. 289.)
- 511 Kresmer J. Vaclav Klofac a feho narodni socialismus. — Praha, 2000, s. 38 (Шевченко К. «Как славяне, мы верим в победу...» // Родина, 2004, № 1 С. 67)
- 512 Войтинский В.С.. С. 106.
- 513 Людендорф Э... С. 513
- 514 Ленин. Т. 35. С. 260.
- 515 Воейков В. Н... С. 266-267.
- 516 Милюков П. Н... С. 629-630.
- 517 Сараскина Л.И. «Бесы» или Русская трагедия. Достоевский Ф.М... С. 437-438.
- 518 Бушков А... С. 154.
- 519 Бушков А... С. 157.
- 520 Ленин В. И. ПСС, Т. 26 С. 315
- 521 Людендорф Э... С. 357,411-412. См. так же Людендорф. «Mes souvenirs de guerre» (Деникин А. И... Т. 1 С. 51)
- 522 Уткин А.И... С. 183.
- 523 Робине, Дневник, 14 ноября 1917 г., 15 ноября 1917 г., Robins Papers, box 42, WSHS; R. H. Bruce Lockhart, British Agent, NY, 1933, p. 222 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 140-141)
- 524 Милюков П. Н... С. 486-487.
- 525 Милюков П. Н... С. 534.
- 526 Яковлев Н. Н... С. 126, 127.
- 527 Воейков В. Н... С. 109.
- 528 Ф. 1467 Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства. Опись 1. Д. 761. Л.7. (Шацкило К. Ф... С. 342.).
- 529 Воейков В. Н... С. 255.
- 530 Яковлев Н. Н... С. 217.
- 565
- 531 Яковлев Н. Н... С. 218-220.
- 532 Яковлев Н. Н... С. 268-269.
- 533 Шульгин В.В... С. 127.
- 534 Шульгин В.В... С. 127-128.
- 535 Шульгин В.В... С. 126-127.
- 536 Яковлев Н. Н... С. 267-269.
- 537 Резанов А. С. Штурмовой сигнал П.Н. Милюкова. Париж, 1924. С. 45-61; Хрестоматия по отечественной истории (1914-1945 гг.). — М, 1996. С. 17-25. (Хрестоматия... С. 373.)
- 538 Милюков П. Н... С. 548.
- 539 Витте С.Ю... Т. 1 С. 755.
- 540 Рыбас С... С. 154.
- 541 Воейков В. Н... С. 138.
- 542 Яковлев Н. Н... С. 268-269.
- 543 Деникин А. И... Т. 1 С. 15.
- 544 Яковлев Н. Н... С. 200.

- ⁵⁴⁵ Мельгунов С.П. На путях к дворцовому перевороту. С. 21.
- ⁵⁴⁶ Воейков В. Н... С. 136-137.
- ⁵⁴⁷ Яковлев Н. Н... С. 219-220.
- ⁵⁴⁸ Шульгин В.В... С. 130.
- ⁵⁴⁹ Набоков В.Д. Временное правительство. С. 23.
- ⁵³⁰ Яковлев Н. Н... С. 220-221.
- ⁵⁵¹ Шамбаров В. Е...С.281.
- ⁵⁵² «Былое» 1918 г. Записки Коростовца. (Добровольский С.Ц... С. 201.)
- ⁵⁵³ Бьюкенен Дж... С. 125-126.
- ⁵⁵⁴ Бьюкенен Дж... С. 154
- ⁵⁵⁵ Уткин А.И... С. 118-119.
- ⁵⁵⁶ См.: memoires de Sir George Buchanan, trad. Jr., Paris, Payot; Пуанкаре Р... С 514.
- ⁵⁵⁷ См.: Les Tentatives de paix separee entre l'Allemagne et la Russie tsariste par Andre Pierre / Revue de l'histoire de la guerre mondiale, feuillet 1930; Пуанкаре Р... С 500.
- ⁵³⁸ Телеграмма от Шевалье из Христиании от 27 августа, № 168 (Пуанкаре Р.. С. 157)
- ⁵⁵⁹ Пуанкаре Р... С. 158.
- ⁵⁶⁰ Fischer J. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 212 (Уткин А.И... С. 198)
- ⁵⁶¹ Уткин А.И... С. 199
- ⁵⁶² Fischer J. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 152 (Уткин А.И... С. 192)
- ⁵⁶³ Zeman A. Germany and the Revolution in Russia. 1915-1918. Documents from the Archives of the German Foreign Ministry. Lnd., 1963, p. 2 (Уткин А.И... С. 195-196)
- ⁵⁶⁴ Уткин А.И... С. 197.
- ⁵⁶³ Шамбаров В. Е... С. 456.
- ⁵⁶⁶ Людендорф Э... С 411.
- ⁵⁶⁷ Людендорф Э...С412
- ⁵⁶⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 196.
- ⁵⁶⁹ Макдоно Д... С. 579
- ⁵⁷⁰ Макдоно Д... С. 579-580
- ⁵⁷¹ Людендорф Э... С. 363
- ⁵⁷² Макдоно Д... С. 581
- ⁵⁷³ Людендорф Э... С. 364
- ⁵⁷⁴ Воейков В. Н... С. 268.
- ⁵⁷⁵ Шамбаров В. Е... С. 29-30.
- ⁵⁷⁶ Шамбаров В. Е... С. 496.
- ⁵⁷⁷ Шамбаров В. Е... С. 497.
- ⁵⁷⁸ Воейков В. Н... С. 144-145.
- ⁵⁷⁹ Воейков В. Н... С. 313.
- ⁵⁸⁰ Шамбаров В. Е... С. 569.
- ⁵⁸¹ Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам. Воспоминания. М: Военное издательство МО СССР, 1957 С. 107.
- ⁵⁸² Людендорф Э... С. 362
- ⁵⁸³ Ленин В.И. ПСС. V изд., Т. 31 С. 15-17.
- ⁵⁶⁶
- ⁵⁸⁴ Воейков В. Н... С. 154.
- ⁵⁸⁵ Воейков В. Н... С. 227.
- ⁵⁸⁶ Воейков В. Н... С. 144-145.
- ⁵⁸⁷ Revue de Paris, июнь 1916 г. (Бьюкенен Дж... С. 258)
- ⁵⁸³ Троцкий Л.Д. История Русской Революции. Т 1. Февральская Революция. Предисловие к русскому изданию.
- ⁵⁸⁹ Бьюкенен Дж... С. 260
- ⁵⁹⁰ Царственные мученики в воспоминаниях верноподанных. — М/. Сретенский монастырь, Новая книга, Ковчег, 1999. С.228. По Мультигаули П. В...
- ³⁹¹ Воейков В. Н... С. 146.
- ⁵⁹² Яковлев Н. Н... С. 267-269.
- ⁵⁹³ Людендорф Э... С. 411
- ⁵⁹⁴ Речь Бьюкенена 24.03.1917 перед членами Временного правительства (Бьюкенен Дж... С. 256)
- ⁵⁹⁵ Бьюкенен Дж... С. 262.
- ⁵⁹⁶ Александр М... С. 264.
- ⁵⁹⁷ Ллойд Джордж Д. Боритесь 5.08.1915. (Ллойд Джордж Д... С.204-205.)
- ⁵⁹⁸ Воейков В. Н... С. 146.
- ⁵⁹⁹ Александр М... С. 273.
- ⁶⁰⁰ Людендорф Э... С. 430
- ⁶⁰¹ Шамбаров В. Е... С. 585, 592.

- ⁶⁰² Черчилль У... С. 98.
- ⁶⁰³ Черчилль У... С. 434.
- ⁶⁰⁴ Jessup. Elihu Root, 2:353, и R. S. Baker. War Leader, 7:109; Фрэнсис Лэнсингу, 13.06.1917, JRUS, 1918, Russia, 1:116; Рут Лэнсингу, 17.06.1917, 6.18.17, JRUS, 1918, Russia, 1:118-119, 123. Текст речи Рута см. Рут госсекретарю, 17.07.1917, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 94)
- ⁶⁰⁵ Цитаты см. Уайзмен Драммонду, 20.06.1917, JO 800\205, Balfour Papers, PRO; см. также W. B. Jowler, British-American Relations, 1917-1918: The Role of Sir William Wiseman, 111. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 94)
- ⁶⁰⁶ Рут Лэнсингу, 17.06.1917, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States: The Lansing Papers, 1914-1920, 2:120-122 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 95)
- ⁶⁰⁷ Report of the Special Diplomatic Mission to Russia to the Secretary of State, 08.1917, JRUS, 1918, Russia, 1:133 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 96)
- ⁶⁰⁸ Джордж Крил Вильсону, вложение, 20.06.1917, PWW, 43:526-530 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 96)
- ⁶⁰⁹ Оскар Страус государственному секретарю, 4.04.1917, SD, RG59,861.00Ш4, NA (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 70)
- ⁶¹⁰ См. Kennan G. J., Russia Leaves the War, Princeton, 1956, p. 56-61; Дэниеле, Дневник, 4.01.1918, PWW, 45: 474 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 131,207)
- ⁶¹¹ Мотт Лэнсингу, вложено в: Лэнсинг Вильсону, 27.08.1917, WP, LC; Лэнсинг, Рабочий дневник, 28.08.1917, Lansing Papers, box 65, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 110)
- ⁶¹² General Scott's Report to the Secretary of War, 25.07.1917, Bliss Papers, box 174, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 99)
- ⁶¹³ USA, Department of State, Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1918/1919, vol. I, p. 146 (Уткин А.И... С. 364)
- ⁶¹⁴ JRUS, 1918, Russia, v.I, p.7. (Уткин А.И... С. 319.)
- ⁶¹⁵ Уткин А.И... С. 347.
- ⁶¹⁶ Уошберн Бейкеру, 25.07.1917, N. Baker Papers, box 5, LC; Лэйн Бейкеру, приложенное к письму Уошберна Бейкеру от 25.07.1917, N. Baker Papers, box 5, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 99)
- ⁶¹⁷ General Scott's Report to the Secretary of War, 25 июля 1917 г., Bliss Papers, box 174, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С.99)
- ⁶¹⁸ Миллюков П. Н. История второй русской революции. — София: 1921, Т. 1 С. 42 (Уткин А.И... С. 302)
- ⁶¹⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 33.
- ⁶²⁰ Шамбаров В. Е... С. 592.
- ⁶²¹ Людендорф Э... С. 301
- ⁶²² Зайончковский А.М... С. 865-871.
- ⁵⁶⁷
- ⁶²³ Миллюков П. Н... С. 593.
- ⁶²⁴ Деникин. Очерки Русской Смуты. Т. 1. Вып. 2. Гл. XXII. С. 48-78.; Головин Н.Н... С. 362.
- ⁶²⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 140.
- ⁶²⁶ Совещание в Ставке 18.03.1917. Секретно (Разложение армии в 1917 году. 1917 год в документах и материалах: М.; Л., 1925. С. ! 1) (Шацилло В. К... С. 222)
- ⁶²⁷ Телеграмма командующих фронтами Брусилова, Баланина, Щербачева, Каледина, Балугева военному министру России о состоянии армии. Весьма срочно, весьма секретно. 18.03.1917. (Разложение армии в 1917 году. 1917 год в документах и материалах: М.; Л., 1925. С. 30) (Шацилло В. К... С. 223)
- ⁶²⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 378.
- ⁶²⁹ Головин Н.Н... С. 367.
- ⁶³⁰ Революционное движение в русской армии С. 213. (Волков С.В... С. 24.)
- ⁶³¹ Киган Д.. С. 432.
- ⁶³² Деникин А. И... Т. 1 С. 394.
- ⁶³³ Мультатули П.В...
- ⁶³⁴ Головин Н.Н... С. 368.
- ⁶³⁵ В.В. Шульгин. (Кара-Мурза С... С. 130-131.)
- ⁶³⁶ Киган Д.. С. 432.
- ⁶³⁷ Деникин А. И... Т. 1 С. 392.
- ⁶³⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 368-369.
- ⁶³⁹ Деникин А. И... т.2 С. 132-135.
- ⁶⁴⁰ Деникин А. И... т.2 С. 150-151.
- ⁶⁴¹ Троцкий. Угроза Петрограду и борьба за мир. «Рабочий и Солдат» № 1, 30(17).10.1917.
- ⁶⁴² Миллюков П. Н... С. 9, пред. Н. Г. Думовой.
- ⁶⁴³ Бунин И.А. "Окаянные дни". — М.: Советский писатель. 1990. (Кара-Мурза С... С. 295-296.)
- ⁶⁴⁴ Марушевский В. В... С. 178

- ⁶⁴⁵ Деникин А. И... т.2 С. 146.
- ⁶⁴⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. 394.
- ⁶⁴⁷ Уткин А.И. Черчилль... С. 172.
- ⁶⁴⁸ Звенья. Исторический альманах. Вып.2. —М., СПб: 1992 С. 271-272, 354. (Кожин В.В... С. 161-162.)
- ⁶⁴⁹ Maddox R. The Unknown War with Russia. Wilson's Siberian Intervention. San Rafael, 1977, p. 112 (Уткин А.И... С 354)
- ⁶⁵⁰ Деникин А. И... т.2 С. 145.
- ⁶⁵¹ Зайончковский А.М... С. 680.
- ⁶⁵² Деникин А. И... т.2 С. 145.
- ⁶⁵³ В.В. Кондрашин. 1995 г. (Кара-Мурза С... С. 63.)
- ⁶⁵⁴ Горн В. Общественное движение в России в начале XIX века, Т. 1 С. 241-242. (Покровский М..., т.3 С. 324.)
- ⁶⁵⁵ Покровский М..., т.3 С. 325.
- ⁶⁵⁶ Труды Вольного экономического общества, 1908, № 3 С. 95-96. (Покровский М... С. 326.)
- ⁶⁵⁷ Витте С.Ю... Т. 1 С. 745.
- ⁶⁵⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 146 — 147.
- ⁶⁵⁹ Витте С.Ю... Т. 2 С. 251.
- ^ш Опубликовано в крымских газетах в сентябре 1920 г. (Рыбас С. Ю... С. 17-18)
- ⁶⁶¹ Речь в Государственной думе 5.12.1908. (Рыбас С. Ю... С. 335.)
- ⁶⁶² Витте С.Ю... Т. 2 С. 251.
- ⁶⁶³ Столыпин П. А. Речи 1906-1911. — Нью-Йорк: 1990 С. 149-150.
- ⁶⁶⁴ Деникин А. И... Т. 1 С. 146-147.
- ⁶⁶⁵ Революционное движение в России после свержения самодержавия. — М: 1957. С. 419.
- ⁶⁶⁶ Судьбы... С. 229.
- ⁶⁶⁷ Кара-Мурза С... С. 129.
- ⁶⁶⁸ Кара-Мурза С... С. 128.
- ⁶⁶⁹ Минц И.И. История Великого Октября. Т.2. — М.: 1979 С. 134.
- ⁶⁷⁰ Революционное движение в России после свержения самодержавия. — М: 1957 С. 419.
- ⁶⁷¹ ЧКК... С. 72-73.
- ⁶⁷² Минц И.И. История Великого Октября. Т. 2. — М.: 1979 С. 734.
- ⁵⁶⁸
- ⁶⁷³ Революционное движение в России в сентябре 1917 г.: Общенациональный кризис. — М.: 1961 С. 487.
- ⁶⁷⁴ Бок М. П. П. А. Столыпин: Воспоминания о моем отце. — М.: 1992 С. 89 (Бородин А.П... С. 26)
- ⁶⁷⁵ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ⁶⁷⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. 149.
- ⁶⁷⁷ Кара-Мурза С... С. 40.
- ⁶⁷⁸ Кара-Мурза С... С. 129.
- ⁶⁷⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 325, примечание.
- ⁶⁸⁰ Отчет VII Всероссийскому съезду (Деникин А. И... Т. 1 С. 147, примечание)
- ⁶⁸¹ Деникин А. И... Т. I С. 153-154.
- ⁶⁸² Головин Н.Н... С. 255. См. так же Деникин А. И... Т. 1 С. 154.
- ⁶⁸³ Деникин А. И... Т.1 С. 150.
- ⁶⁸⁴ Кара-Мурза С... С. 130.
- ⁶⁸⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 159-161.
- ⁶⁸⁶ ЧКК... С. 77.
- ⁶⁸⁷ Часть статьи была опубликована в газете «Рабочий путь» 20.10, другая — предназначалась только «для раздачи членам ЦК, ПК, МК и Советов» (так в тексте. — Сост.), так как в ней рассматривалась тактика подготовки восстания, доказывалась необходимость его организации до созыва съезда Советов. Ленин В.И. ПСС. —М., 1977, Т 34 С. 272-283. (Хрестоматия... С. 401-402.)
- ⁶⁸⁸ Яковлев Н. Н... С. 318-319.
- ⁶⁸⁹ Шульгин В.В... С. 171.
- ⁶⁹⁰ Шульгин В.В... С. 169-170.
- ⁶⁹¹ Шульгин В.В... С. 169-170.
- ⁶⁹² Шульгин В.В... С. 169-170.
- ⁶⁹³ Деникин А. И... Т. 1 С. 38-39.
- ⁶⁹⁴ Шульгин В.В... С. 194.
- ⁶⁹⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 43.
- ⁶⁹⁶ Милуков П. Н... С. 568.
- ⁶⁹⁷ Милуков П. Н... С. 573.
- ⁶⁹⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 453-455.
- ⁶⁹⁹ Шульгин В.В... С. 180.

- ⁷⁰⁰ Яковлев Н. Н... С. 265.
- ⁷⁰¹ Красный архив. 1924. Т. 5. С. 102.
- ⁷⁰² Бьюкенен Дж... С. 271
- ⁷⁰³ Buchanan G. My Mission to Russia, vol. II; Maurice Paleologue, La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, tome III. (Миллюков П. Н... С. 599-600)
- ⁷⁰⁴ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: 1923 С. 394 (Уткин А.И... С. 317)
- ⁷⁰⁵ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 109 (Уткин А.И... С. 309)
- ⁷⁰⁶ Теребихин М.Ф., Шварев И.А. Рассказы о прожитом. — Воронеж: Издат. им. Е.А. Болховитинова. 2003.152 С.С. 19.
- ⁷⁰⁷ Кара-Мурза С... С. 118.
- ⁷⁰⁸ Волобуев П.В... (Судьбы... С. 229.)
- ⁷⁰⁹ Новая Жизнь 1917.25 апр. (Судьбы... С. 229.)
- ⁷¹⁰ Волобуев П.В... С. 356.
- ⁷¹¹ Волобуев П.В... С. 360.
- ⁷¹² Денежное обращение в России и за границей в годы войны и революции 1914-1921 гг. (Волобуев П.В... С. 361.)
- ⁷¹³ Данные Министерства Финансов. (Волобуев П.В... С. 356.) Эмиссия за октябрь 1917 г. дана в сравнительной оценке автора — В.Г., на основании расчетов за 23 дня Октября П. Волобуева.
- ⁷¹⁴ Вестник Временного правительства. 11.03.1917. (Судьбы... С. 229.)
- ⁷¹⁵ Судьбы...
- ⁷¹⁶ Прокопович С.Н. Указ. Соч. С. 121. (Волобуев П.В... С. 358.)
- ⁵⁶⁹
- ⁷¹⁷ Сидоров А.Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны.—М.: 1960 С. 517. (Судьбы... С. 229.)
- ⁷¹⁸ Судьбы... С. 229.
- ⁷¹⁹ Петров Ю.А... С. 99.
- ⁷²⁰ Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства С. 356.
- ⁷²¹ Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 31, 149. (Судьбы... С. 220-226.)
- ⁷²² Воейков В. Н... С. 195.
- ⁷²³ Миллюков П. Н... С. 282-285.
- ⁷²⁴ Кара-Мурза С... С. 134.
- ⁷²⁵ Шульгин В. В. Размышления. Две старые тетради // Сб.: Неизвестная Россия XX век/ Сост. В. А. Козлов С. М. Завьялов. — М.: Историческое наследие, 1992; (Рыбас С. Ю... С. 214.)
- ⁷²⁶ Хоскинг Дж. Россия и русские в 2 кн., — М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. — 492 С. С. 65.
- ⁷²⁷ Кара-Мурза С... С. 132-133.
- ⁷²⁸ Ленин В.И. Русская революция и гражданская война. Июль 1917 г. т.34. с.217.
- ⁷²⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 114-115.
- ⁷³⁰ Basile K. La Societe sovirtique contemporaine. Paris, 1977. С. 146. (Геллер М., Некрич А... С. 14-15.)
- ⁷³¹ Ленин В. И. ПСС, Т. 30 С. 328.
- ⁷³² Шляпников Семнадцатый год. ГИЗ. 1925. Книга 1. С. 40. (Геллер М., Некрич А... С. 19.)
- ⁷³³ Бердяев Н. А... С. 474.
- ⁷³⁴ Блок А. Последние дни императорской власти. — Петербург: 1921. С. 45-46. (Геллер М., Некрич А... С. 19.)
- ⁷³⁵ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: 1923 С. 422 (Уткин А.И... С. 303)
- ⁷³⁶ Миллюков П. Н... С. 547.
- ⁷³⁷ Миллюков П. Н... С. 282-285, 618-619.
- ⁷³⁸ Войтинский В.С.. С. 53,54.
- ⁷³⁹ Бьюкенен Дж... С. 236
- ⁷⁴⁰ Миллюков П. Н... С. 282-285.
- ⁷⁴¹ Деникин А. И... Т.1 С. 114.
- ⁷⁴² Миллюков П. Н... С. 618-619.
- ⁷⁴³ Миллюков П. Н... С. 282-285.
- ⁷⁴⁴ Резолюция Первого съезда 4.04.1917. (Деникин А. И... Т. 1 С. 118,223)
- ⁷⁴⁵ Шульгин В.В... С. 226.
- ⁷⁴⁶ Деникин А. И... т.2 С. 122.
- ⁷⁴⁷ Деникин А. И... Т. 1 С. 79.
- ⁷⁴⁸ Шульгин В.В... — 559 С. С. 227-228.
- ⁷⁴⁹ Миллюков П. Н... С. 302-303.
- ⁷⁵⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 123.
- ⁷⁵¹ Деникин А. И... Т. 1 С. 128.

- ⁷⁵² Милуков П. Н... С. 299-300.
- ⁷⁵³ Войтинский В.С.. С. 65.
- ⁷⁵⁴ Деникин А. И... Т. 1 С. 129-130.
- ⁷⁵⁵ Бьюкенен Дж... С. 288.
- ⁷⁵⁶ Liddel Hart. The Real War. Lnd., 1930, p. 304 (Уткин А.И... С 326)
- ⁷⁵⁷ Деникин А. И... т.2 С. 122.
- ⁷⁵⁸ Милуков П. Н... С. 612-613.
- ⁷⁵⁹ Милуков П. Н... С. 612.
- ⁷⁶⁰ Милуков П. Н... С. 617.
- ⁷⁶¹ Войтинский В.С... С. 129.
- ⁷⁶² Войтинский В.С.. С. 116.
- ⁷⁶³ Известия 29.05.1917.
- ⁷⁶⁴ Войтинский В.С... С. 138, 139.
- ⁷⁶⁵ Войтинский В.С.. С. 162.
- ⁷⁶⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. 116-117.
- ⁷⁶⁷ Милуков П. Н... С. 624.
- ⁷⁶⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 129-130.
- ⁵⁷⁰
- ⁷⁶⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 116-117.
- ⁷⁷⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 114.
- ⁷⁷¹ Милуков П. Н... С. 626-628.
- ⁷⁷² Правда 1917. № 39. 23 апреля.
- ⁷⁷³ Выступление В. Ленина 4(17).06 на Всероссийском съезде Советов. «Об отношении к Временному правительству», опубликовано в «Правде» 15(28) и 16(29).06.1917.
- ⁷⁷⁴ Войтинский В.С... С. 152.
- ⁷⁷⁵ Милуков П. Н... С. 628-629.
- ⁷⁷⁶ Войтинский В.С.. С. 169.
- ⁷⁷⁷ Милуков П. Н... С. 629-630.
- ⁷⁷⁸ Милуков П. Н... С. 631-632.
- ⁷⁷⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 275-276.
- ⁷⁸⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 275-276.
- ⁷⁸¹ Дневник Дж. Бьюкенена, запись 3.09.1917. (Бьюкенен Дж... С. 327-328)
- ⁷⁸² Бьюкенен Дж... С. 343.
- ⁷⁸³ Милуков П. Н... С. 633.
- ⁷⁸⁴ «Рабочая газета», 1917, 29 июля.
- ⁷⁸⁵ История... С. 69-71.
- ⁷⁸⁶ Милуков П. Н... С. 299-300.
- ⁷⁸⁷ Плеханов Г.В. Год на Родине. Т. 1. — Париж: 1921. С. 27-28.
- ⁷⁸⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 442-443.
- ⁷⁸⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 442-443.
- ⁷⁹⁰ Войтинский В.С.. С. 236, 237.
- ⁷⁹¹ Деникин А. И... т.2 С. 123.
- ⁷⁹² Валянский С... С. 124.
- ⁷⁹³ Бьюкенен Дж... С. 341
- ⁷⁹⁴ Ленин В.И. письмо 12-14.09.1917. Центральному Комитету, Петроградскому и Московскому Комитетам РСДРП(б) «Большевики должны взять власть» ПСС, 1977, Т. 34 С. 239-241. (Хрестоматия... С. 400-401.)
- ⁷⁹⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 420.
- ⁷⁹⁶ Деникин А. И... т.2 С. 125.
- ⁷⁹⁷ Войтинский В.С.. С. 243.
- ⁷⁹⁸ Бьюкенен Дж... С. 348-349
- ⁷⁹⁹ официальное название «Временный совет Российской республики», заседал в Мариинском дворце.
- ⁸⁰⁰ Войтинский В.С.. С. 247.
- ⁸⁰¹ С. Ан-ский. После переворота 25-го октября 1917 г. "Архив Русск. Революции", Т. VIII. — Берлин: 1923.
- ⁸⁰² Бьюкенен Дж... С. 348
- ⁸⁰³ Войтинский В.С.. С. 253, 254, 256.
- ⁸⁰⁴ Шульгин В.В... С. 156.
- ⁸⁰⁵ Уткин А.И... С. 299.
- ⁸⁰⁶ Шульгин В.В... С. 197.
- ⁸⁰⁷ Волков С.В... С. 37, 38.
- ⁸⁰⁸ Прюссинг фон О. Защита Зимнего дворца. ВБ. № 20; Гайлеш де К. Защита Зимнего дворца НРС

- 4.11.1971 г. (Волков С.В... С. 39.).
- ⁸⁰⁹ Гроцкий Л.Д. Уроки Октября// К истории русской революции. — М.: 1990. С. 269, 273-278. (Хрестоматия... С. 406-407.)
- ⁸¹⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 151-152.
- ⁸¹¹ Чернов В.М. Листки из политического дневника. С. 201.
- ⁸¹² Francis D. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 178. (Геллер М., Некрич А...С 34.)
- ⁸¹³ Francis D. Russia from the American Embassy. N. Y., 1921, p. 193 (Уткин А.И... С. 414-415)
- ⁸¹⁴ Деникин А. И... Т. 1 С. 456-457.
- ⁸¹⁵ ЧКК... С. 70-73.
- ⁸¹⁶ Деникин А. И... т.2 С. 152.
- ⁸¹⁷ Деникин А. И... Т. 1 С. 454-455.
- ⁵⁷¹
- ⁸¹⁸ Карр Эдвард. История Советской России. — М.: 1990, кн. 12 С. 104. (Кожин В.В... С. 236.)
- ⁸¹⁹ Сведения о выборах 1917 года, основаны на подсчетах эсеровского депутата Учредительного собрания И. В. Святыцкого. Спирин Л. М. Классы и партии в Гражданской войне в России (1917—1920 гг.). — М.: 1968 С. 62 и 416-425. (Кожин В.В... С. 230.)
- ⁸²⁰ Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень, 11.1920 С. 2. (Петров Ю.А... С. 117.)
- ⁸²¹ L.Shapiro, Les Bolcheviks et l'opposition. Origines de l'absolutisme communiste, 1917-1922, Paris, Les lies d'or, 1957,р.84-86; V.Brovkin, op.cit, p.46-47, 59-63. (ЧКК... С 87.)
- ⁸²² Соколов Б.Ф. «Защита Всероссийского Учредительного Собрания» — Берлин. 1924. Октябрьская революция. Мемуары. — М.,Л.: 1926 С. 382. (Кожин В.В... С. 240.)
- ⁸²³ Деникин А. И... Т. 1 С. 454-455.
- ⁸²⁴ Милоков П. Н... предисл. Н. Г. Думовой С. 8.
- ⁸²⁵ ЧКК... С. 80.
- ⁸²⁶ Кара-Мурза С... С. 158-159.
- ⁸²⁷ Деникин А. И... Т. 1 С. 454-455.
- ⁸²⁸ Краснов В.Г. (II).. С. 60.
- ⁸²⁹ Ленин В. И. ПСС, Т. 34 С. 266.
- ⁸³⁰ Ленин В. И. ПСС, Т. 34 С. 344. (Кожин В.В... С. 237-238.)
- ⁸³¹ Деникин А. И... Т. 3 С. 35.
- ⁸³² Заметки о заседании Высшего Военного Совета 12.01.1919, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 309)
- ⁸³³ Кожин В.В... С. 240.
- ⁸³⁴ Болдырев В. Г. Директория, Колчак, интервенты. — Новониколаевск: 1926. С. 54-55 (Литвин А... С. 208)
- ⁸³⁵ Ленин В. И. IV конференция профсоюзов и фабзавкомов Москвы (ПСС, V изд., Т. 36, 1962 С. 443-444)
- ⁸³⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. ПО.
- ⁸³⁷ выражение Милокова, обосновывающее захват власти Временным правительством.
- ⁸³⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 454.
- ⁸³⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 454-455.
- ⁸⁴⁰ Деникин А. И... т.2 С. 127- 128.
- ⁸⁴¹ Уткин А.И... С. 353.
- ⁸⁴² Войтинский В.С.. С. 237.
- ⁸⁴³ Мартынов А. Великая историческая проверка
- ⁸⁴⁴ Ллойд Джордж Д... С. 112.
- ⁸⁴⁵ Томас Хью. Гражданская война в Испании, 1931-1939 гг. — М.: Центрполиграф, 2003. — 573 с. С. П.
- ⁸⁴⁶ Семенов Ю.Н. Социальная философия А. Тойнби.—М.: 1980 С. 185 (Кожин В.В... С. 230.)
- ⁸⁴⁷ Грамши А. Революция против «Капитала», 01.1918, (Кара-Мурза С... С. 144.
- ⁸⁴⁸ Бердяев Н. А. Истоки... С. 109.
- ⁸⁴⁹ Судьбы... С. 229.
- ⁸⁵⁰ Ипатьев В.Н. «Жизнь одного химика» в 2 т. — Нью-Йорк, 1945. Т. 1 С. 35-36. (Кара-Мурза С..., 144.)
- ⁸⁵¹ Витте С.Ю..., Т. 2 С. 65,66.
- ⁸⁵² Покровский М..., Т. 3 С. 193.
- ⁸⁵³ Ерманский А. Крупная буржуазия до 1905 года.//Общественное движение в России в начале XX века, Т. 1 (Покровский М... С. 300)
- ⁸⁵⁴ Покровский М... С. 300
- ⁸⁵⁵ Покровский М... С. 301-302
- ⁸⁵⁶ Чаадаев П. Я... С. 193.
- ⁸⁵⁷ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего (Чаадаев... С. 190)

- 858 Чаадаев П. Я. Философские письма (Чаадаев.... С. 31-32)
- 859 Уткин А.И... введение. С. 5.
- 860 Marquis de Custine. La Russie en 1839. — Paris, 1846 (Покровский М... С.49)
- 861 Шубарт В. Европа... С. 120-121
- 862 Шубарт В. Европа... С. 128
- 572
- 863 Скальковский К... С.133.
- 864 Скальковский К... С.135.
- 865 Кожин В. В. О русском... С. 268-269
- 866 Мережковский Д.С. Пророк русской революции. (Достоевский Ф... С. 487).
- 867 Скальковский К... С. 171.
- 868 Кожин В. В. О русском... С. 268
- 869 Кожин В. В. О русском... С. 10-11
- 870 Розанов В. Сочинения. Л.: Васильевский остров, 1990.
- 871 Крамарж К. П. Русский кризис. — Прага, Париж: 1926 С. 193 (Айрапетов О... С. 55)
- 872 Достоевский Ф.М..., т.3 С. 463-464.
- 873 Горчаков Д.П. Послание князю С.Н. Долгорукову 1807-1811.
- 874 Данилевский Н. Россия и Европа. М.: ЭКСМО. Алгоритм, 2003.
- 875 Покровский М... С. 204
- 876 Покровский М..., т.3 С. 145
- 877 Всемирная история: Эпоха английской революции/ А.Н. Бадак, И.Е. Войнич, Н.М. Волчек и др. — Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. —560 С. с. 185.
- 878 Max Weber, Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. New York: Scribner & Sons, 1930.
- 879 David Landes (ed), The Rise of Capitalism. New York: Macmillan, 1966, p. 7.
- 880 Розенберг Н., Бирдцелл, мл. Как Запад стал богатым. Пер. Б. Пинскер. Новосибирск.: Экор. 1995. -352 с.
- 881 R. H. Tawney, Religion and the Rise of Capitalism, New York: Harcourt, Brace & Co., 1926, pp. 188-189. Бродель приписывает те же взгляды Зомбарту. Braudel. Wheels of Commerce, p. 568. (Розенберг Н., Бирдцелл, мл. Как Запад стал богатым. Пер. Б. Пинскер. Новосибирск.: Экор. 1995. -352 с.)
- 882 Вебер М... С. 148.
- 883 Вебер М... С. 215, прим. 31.
- 884 Вебер М... С. 202.
- 885 Кара-Мурза С... С. 336-337.
- 886 Кара-Мурза С... С. 266.
- 887 Шубарт В. Европа... С. 189
- 888 Шубарт В. Европа... С. 191
- 889 Чаадаев П. Я. Философские письма (Чаадаев.... С. 148)
- 890 Шубарт В. Европа... С. 74.
- 891 Барон Р.Ф. Унгерн-Штернберг (Родина № 9. 2004 С. 54)
- 892 Кара-Мурза С... С. 337.
- 893 Кара-Мурза С... С. 268.
- 894 Э. Хауз запись 30.04.1914. (Хауз..., Т. 1 С. 116.)
- 895 Уткин А.И... введение С. 9.
- 896 Шубарт В. Европа... С. 119
- 897 Шубарт В... С. 118.
- 898 Шубарт В. Европа... С. 18
- 899 Шубарт В. Европа... С. 311-312
- 900 Шубарт В. Европа... С. 68,71.
- 901 Шубарт В. Европа... С. 71-72.
- 902 Кара-Мурза С... С. 456.
- 903 Keuserling. "Reisetagebuch eines Philosophen". Darmstadt, 1919. (Шубарт В... С. 159.)
- 904 Шубарт В... С. 159-162.
- 905 Кропоткин П.А. «Взаимная помощь, как фактор эволюции» — СПб. 1907.
- 906 Шубарт В... С. 177.
- 907 Энгельгардт. Письма из Деревни С. 320. (Покровский М..., т.3. С. 200.)
- 908 Бьюкенен Дж... С. 365.
- 909 Витте С.Ю... Т. 1.
- 910 Ленин В. «Столыпин и революция». 18.10.1911. «Социал-демократ». (Федоров Б. Г... С. 465)
- 911 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 13 С. 7.
- 912 Новое время, 3.10.1909. (Шульгин В. В... С. 24)
- 913 Милуков П. Н... С. 226.
- 914 Шелохаев В. В...

- ⁹¹⁵ Кара-Мурза С... С. 93.
- ⁹¹⁶ Милуков П. Н... С. 243.
- ⁹¹⁷ Кара-Мурза С... С. 92.
- ⁹¹⁸ Кара-Мурза С... С. 131.
- ⁹¹⁹ Воейков В. Н... С. 125-126.
- ⁹²⁰ Шульгин В.В... С. 112-113.
- ⁹²¹ Булгаков С. Героизм и подвижничество. Вехи.
- ⁹²² Чернышевский Н. Борьба партий во Франции. Современник, 1858, № 8, № 9 (ПСС т.4 С. 156-158) (Покровский М..., т.3 С. 178-179.)
- ⁹²³ Витте С.Ю... Т. 2 С. 170.
- ⁹²⁴ Витте С.Ю... Т. 2. С. 93.
- ⁹²⁵ Розанов В.В. О писательстве и писателях. — М.: 1995. С. 502, 503, 598—599. (Кожин В. В. О русском... С. 59-61)
- ⁹²⁶ Кара-Мурза С... С. 100.
- ⁹²⁷ Аврех А. Я. Распад третьеиюньской системы. — М.: 1985 С. 15,16. (Кожин В.В... С. 29.)
- ⁹²⁸ Бердяев Н. А... С. 242-243.
- ⁹²⁹ Кара-Мурза С. С. 92.
- ⁹³⁰ Открытое письмо А. И. Гучкову от профессора В.И. Герье // Российские либералы: кадеты и октябристы. -М.: 1996. С. 140—141 (Бородин А.П... С. 277, прим.)
- ⁹³¹ Покровский М..., Т. 3 С. 201.
- ⁹³² Твардовская В. А., Итенберг Б.С Н.С Русанов — искатель истины в социализме. — «Отечественная история», 1995, № 6. (Кара-Мурза С..., 139-140.)
- ⁹³³ Покровский М..., Т. 3 С. 217.
- ⁹³⁴ Семнюта Ц. Из воспоминаний об А. И. Желябове // Былое, 04.1906. (Покровский М... С. 220-221)
- ⁹³⁵ Бушков А... С. 91.
- ⁹³⁶ Гейфман А. Революционный террор в России 1894-1917. М.: Крон-Пресс, 1997.
- ⁹³⁷ Кара-Мурза С..., С. 217.
- ⁹³⁸ Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2003.
- ⁹³⁹ Миртов (Лавров). Исторические письма, 3-е изд. С. 345 (Покровский М... С. 202)
- ⁹⁴⁰ Миртов (Лавров). Исторические письма, 3-е изд. С. 43 (Покровский М... С. 203-204)
- ⁹⁴¹ Покровский М... С. 204.
- ⁹⁴² Вехи. Интеллигенция в России. Сборники статей 1909-1901. — М.: Молодая гвардия, 1991.
- ⁹⁴³ Деникин А. И... т.2 С. 129-132.
- ⁹⁴⁴ Воейков В.Н... С.270.
- ⁹⁴⁵ Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России. 1895-1904. — М.: 1976 С. 9 (Литвин А... С. 380, прим.)
- ⁹⁴⁶ Лейкина-Свирская В. Р. Русская интеллигенция в 1900-1917 гг. — М.: 1981 С. 50, 78, 97 (Литвин А... С. 380, прим.)
- ⁹⁴⁷ Пинегина Л. А. Некоторые данные о численности и составе интеллигенции к началу восстановительного периода (по материалам переписей 1922 и 1923 гг.) // Вестник МГУ, 1979, № 3. С. 17 (Литвин А... С. 380, прим.)
- ⁹⁴⁸ Валянский С... С. 31.
- ⁹⁴⁹ А. де Кюстин... С. 154.
- ⁹⁵⁰ Валянский С... С. 31. Графа население 1914-1918 гг. из Урланиса... С. 391-392.
- ⁹⁵¹ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 533.
- ⁹⁵² Покровский М..., Т. 3 С. 302.
- ⁹⁵³ А. де Кюстин... С. 153, 154.
- ⁹⁵⁴ Ю. Давыдов. (Кара-Мурза С... С. 100-101.)
- ⁹⁵⁵ Карр Э. История Советской России: Большевицкая революция 1917-1923. Т. 1-2. — М.: 1990. С. 97. (Судьбы... С. 226-232.)
- ⁹⁵⁶ Дементьев Е. М. Фабрика, 2-е изд. С. 164-183 (Покровский М... С. 303-304)
- ⁹⁵⁷ Туган-Барановский. Русская фабрика С. 449 (Покровский М... С. 304)
- ⁹⁵⁸ Покровский М..., Т. 3 С. 202.
- ⁹⁵⁹ Покровский М..., т.3 С. 302.
- ⁹⁶⁰ Скальковский К... С.122.
- ⁹⁶¹ Семнюта Ц. Из воспоминаний об А. И. Желябове // Былое, 04.1906. (Покровский М... С. 220-221)
- ⁹⁶² Герцен. Русский народ и социализм, письмо к Мишле, 1851. (Покровский М... С. 171-172)
- ⁹⁶³ Бисмарк О... Т. 2 С. 514.
- ⁹⁶⁴ Макдоно Д...С. 431

- ⁹⁶⁵ Аврех А. Я. Распад третьей ионийской системы. — М.: 1985 С. 15,16. (Кожин В.В... С. 29.)
- ⁹⁶⁶ Валянский С... С. 55.
- ⁹⁶⁷ Совещание русских торгово-промышленных деятелей в Константинополе. Информационный бюллетень. 11.1920 С. 2. (Петров Ю.А... С. 117.)
- ⁹⁶⁸ Уткин А. И. с 164.
- ⁹⁶⁹ Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...
- ⁹⁷⁰ Воспоминания Янжула И.И. о пережитом и виденном в 1864-1909 гг. Вып. 1 —СПб: 1910 С. 128. (Савченко...)
- ⁹⁷¹ Бердяев Н. А... С. 242-243.
- ⁹⁷² Никольский В. К. Наши политические партии о будущем России, 1917. (Яковлев Н. Н... С. 339)
- ⁹⁷³ Кара-Мурза С... С. 101.
- ⁹⁷⁴ Бердяев Н. А... С. 382.
- ⁹⁷⁵ Кара-Мурза С... С. 140-144.
- ⁹⁷⁶ Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 102. (Судьбы... С. 220-226.)
- ⁹⁷⁷ Язьков Е.Ф. История стран Европы и Америки в новейшее время (1918-1945), 2 изд. — М.: МГУ; ИНФРА-МБ 2001.- 352 С. с. 86-87.
- ⁹⁷⁸ Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grand Guerre. Tom III, Paris, 1921, p. 24 (Уткин А.И... С. 266)
- ⁹⁷⁹ Кожин В.В... С. 146.
- ⁹⁸⁰ Краснов В.Г. Колчак. И жизнь, и смерть за Россию. Кн. 1. — М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 287-288.
- ⁹⁸¹ Ленин В.И. ПСС, 1977, Т. 34, с 272-283. (Хрестоматия... С. 401-402.)
- ⁹⁸² Составлено на основании данных: Деникин А. И... Т. 1 С. 160. Самойлова К.Н. Современная безработица и борьба с нею.—Пг. 1918. С. 8.); Исаев А.Н. Безработица в СССР и борьба с нею. (1917-1924 гг.). — М.: 1924. (Население..., Т. 1. С. 247.)
- ⁹⁸³ Составлено на основании данных: Авторханов А. Технология власти. — М.: Слово, 1991. — 38 с. С. 331.; Кара-Мурза С... С. 139; История... С. 180,188.
- ⁹⁸⁴ Июнь — I Всероссийский съезд Советов, август — Петроградская дума, большевики получили 67 мест из 200-т, ноябрь — Учредительное собрание по Петрограду и крупным городам.
- ⁹⁸⁵ Клейнборт Л. М. История безработицы в России 1857-1919 гг.— М.: 1925. С. 113. (Население..., Т. 1 С. 247.)
- ⁹⁸⁶ Население..., Т. 1 С. 247.
- ⁹⁸⁷ СУ РСФСР. 1917. Отд. 1. № 8. Ст. 111. Население..., Т. 1 С. 247.
- ⁹⁸⁸ Пуанкаре Р... С. 736, прим.
- ⁹⁸⁹ Милуков П. Н... С. 385.
- ⁹⁹⁰ Октябрь 1917: Величайшее событие века или социальная катастрофа? С. 31, 149. (Судьбы... С. 220-226.)
- ⁹⁹¹ Кара-Мурза С... С. 142.
- ⁹⁹² Суханов Н.Н. Записки о революции. — М: 1992. Т. 3. Кн. 7. С. 343. (Хрестоматия... С. 410.)
- ⁹⁹³ Политические деятели России. 1917. Биографический словарь. — М.: 1993,с.349. (Кожин В.В... С. 239.)
- ⁹⁹⁴ Звенья. Исторический альманах. Вып.2. — М., СПб: 1992 С. 271-272, 354. (Кожин В.В... С. 161-162.)
- ⁹⁹⁵ Бердяев Н. А... С. 473-474.
- ⁹⁹⁶ Покровский М... С. 18
- ⁹⁹⁷ Шепелев Л. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. (Рыбас С... С. 156)
- ⁹⁹⁸ Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры.- М.: Изд. М. и С. Шабашниковых, 1918.- С. 322.
- ⁹⁹⁹ Чаадаев П. Я. Философские письма (Чаадаев... С. 51-52)
- ¹⁰⁰⁰ Полное собрание законов Российской империи. Т. XVIII № 12949.
- ⁵⁷⁵
- ¹⁰⁰¹ Скальковский К... С. 79.
- ¹⁰⁰² М. Вебер. Переход России к псевдоконституционализму, примечание 52 (РИЖ, Т. III, 2000, N1-4 С. 628)
- ¹⁰⁰³ Салтыков-Щедрин "За рубежом".
- ¹⁰⁰⁴ Грегори П. Экономическая история России: что мы о ней знаем и чего не знаем. Оценка экономиста. Экономическая история России. Ежегодник. 2000. — М: РОССПЭН, 2001. — 712 С. С. 83-97.
- ¹⁰⁰⁵ Игнатъев... С. 522.
- ¹⁰⁰⁶ П. Грегори Экономическая история России. Экономическая история. Ежегодник 2000. — М: РОССПЭН, 2001. — 712 С. С. 47.
- ¹⁰⁰⁷ Шепелев Л. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. (Рыбас С. С. 145-146.)

- ¹⁰⁰⁸ Рыбас С. Ю... С. 146.
- ¹⁰⁰⁹ Шепелев Л. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. (Рыбас С. Ю... С. 157)
- ¹⁰¹⁰ Шепелев Л. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. (Рыбас С. Ю... С. 158)
- ¹⁰¹¹ Наши противоречия// Промышленность и торговля, октябрь 1910 г. (Рыбас С. Ю... С. 199)
- ¹⁰¹² Ленин В.И. ПСС, Т. 16. С. 147.
- ¹⁰¹³ Шульгин В.В. Дни.. С. 112.
- ¹⁰¹⁴ Сараскина Л.И. «Бесы» или русская трагедия. (Достоевский Ф... С. 443)
- ¹⁰¹⁵ Герцен А.И. Собр. соч. в 30 т. — М.: 1954-1965. (Беспалов Ю.Г... С. 98).
- ¹⁰¹⁶ Из докладов и отчетов Союза промышленных и торговых предприятий России (цит. по: Шепелев Л. Царизм и буржуазия в 1904-1914 гг. (Рыбас С. Ю... С. 156))
- ¹⁰¹⁷ Вильгельм II речь 29.11.1902 в Герлице. (Макдоно Д... С. 417)
- ¹⁰¹⁸ Румянцев В. Россия, которой не стало, потому что никогда не было.
- ¹⁰¹⁹ Тэтчер М... С. 503.
- ¹⁰²⁰ Бьюкенен — лорду Мильнеру, 10.04.1917. (Бьюкенен Дж... С. 276)
- ¹⁰²¹ Buchanan G. My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, Boston, 1923, vol. II, p. 103 (Уткин А.И... С. 305)
- ¹⁰²² Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: 1923 С. 370, 388 (Уткин А.И... С. 311-312)
- ¹⁰²³ Миллюков П. Н... С. 601.
- ¹⁰²⁴ Энгельс Ф. наброски к критике политической экономии (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, Т. 1, 1955 С. 567)
- ¹⁰²⁵ Энгельс Ф. Принципы коммунизма (Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, изд. 2, Т. 4, 1955 С. 330)
- ¹⁰²⁶ Маркс «Критика Готской программы». (Ленин В. Государство и Революция...)
- ¹⁰²⁷ Ленин В. Государство и Революция...
- ¹⁰²⁸ Ленин В. Государство и Революция...
- ¹⁰²⁹ Верховский А. И. Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.) Военно-исторический журнал. 1993, № 9. С. 65-69 (Шацилло В. К... С. 457-458)
- ¹⁰³⁰ Витте С.Ю... Т. 1.
- ¹⁰³¹ Гайдар Е., Май В... № 6 С. 37.
- ^{1,132} Robert L. Heilbroner. The Worldly Philosophers. 3d ed. New York: Simon & Schuster, Inc., 1967. p. 53-54. Макконелл Кэмпбелл Р., Брю Стэнли Л. Экономикс: Принципы, проблемы и политика. В 2 т. — М.: Республика, 1995. Т. 1, 400 С. С. 91.
- ¹⁰³³ Бухарин Н.И. О новой экономической политике и наших задачах. Доклад на собрании актива Московской организации 17.04.1925.
- ¹⁰³⁴ Pettee George S. The Process of Revolution. — New York: Harper, 1938. P. 100. (Май В.А., Стародубровская И.В... С. 381.)
- ¹⁰³⁵ Бердяев Н. А... С. 357.
- ¹⁰³⁶ Чаадаев П. Я. Поли. собр. соч. и избранные письма. — М.: 1991, т. 1 С. 555, 557, 606. (Ко-жинов В.В... С. 228.)
- ¹⁰³⁷ Маркс К. Письмо В. Засулич. 1881.
- ¹⁰³⁸ Социал-демократ. — Берлин: 1924. N 12, январь-февраль (Булдаков В. П. Ленин: парадоксы жизни и смерти (РИЖ, Т. III, 2000, N 1-4 С. 664-665)
- ¹⁰³⁹ Устрялов Н. В. Под знаком революции. — Харбин: 1925. С 73-76 (Булдаков В. П. Ленин: парадоксы жизни и смерти (РИЖ, Т. III, 2000, N 1-4 С. 672)
- ¹⁰⁴⁰ Миллюков П. Н... С 547.
- ⁵⁷⁶
- ¹⁰⁴¹ Преображенский Е. Перспективы Новой Экономической Политики.
- ¹⁰⁴² Преображенский Е. Перспективы Новой Экономической Политики.
- ¹⁰⁴³ Ленин В.И. ПСС, Т. 36 С. 131. (Сычев Н.В... С. 351-352.)
- ¹⁰⁴⁴ Преображенский Е. Перспективы Новой Экономической Политики.
- ¹⁰⁴⁵ Преображенский Е. Перспективы Новой Экономической Политики.
- ¹⁰⁴⁶ Бонч-Бруевич В. На боевых постах Февральской и Октябрьской революций. — М: 1931. С. 23-24. (Геллер М., Некрич А...)
- ¹⁰⁴⁷ Геллер М., Некрич А... С. 32.
- ¹⁰⁴⁸ В.И. Ленин «О задачах пролетариата в данной революции» ("Апрельские тезисы") «Правда» 7 апреля (№ 26). Ленин В.И. ПСС, 1962, Т. 31 С. 113-118. (Хрестоматия... С. 394-395.)
- ¹⁰⁴⁹ Плеханов Г.В. «Единство», 1917. № 5.
- ¹⁰⁵⁰ Суханов Н. Записки о революции: в 7 томах. — Берлин? 1920 т.3. С. 57. (Геллер М., Некрич А...)
- ¹⁰⁵¹ Кара-Мурза С... С. 135.
- ¹⁰⁵² Ленин В.И. «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», сентябрь 1917 г.:
- ¹⁰⁵³ Ленин В.И. «Главная задача наших дней. О "левом" ребячестве и о мелкобуржуазности», содержит две статьи от 11.03 и 5.05.1918.

- ¹⁰⁵⁴ Ленин В.И. Грозная катастрофа и как с ней бороться. 10-14.09.1917. ПСС Т. 34 С. 151-199.
- ¹⁰⁵⁵ «Коммунист» 1918, № 1 С. 18
- ¹⁰⁵⁶ Мау В.А., Стародубровская И.В... С. 139.
- ¹⁰⁵⁷ Ленин В.И. «Главная задача наших дней. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности», содержит две статьи от 11.03 и 5.05.1918.
- ¹⁰⁵⁸ Ленин В. И. О продовольственном налоге. 21.04.1921.
- ¹⁰⁵⁹ Карсавин Л. П. Философия истории. — Берлин: 1923.; СПб: 1993 С. 307,308,309. (Кожин В.В... С. 160-161.)
- ¹⁰⁶⁰ Деникин А. И... Т. 1 С. 125.
- ¹⁰⁶¹ Ленин В.И. отчет ЦК РКП(б) XI съезду партии 27.03.1922. ПСС, т.45 С. 111.
- ¹⁰⁶² Бердяев Н. А... С. 242-243.
- ¹⁰⁶³ Милуков П.Н. «Россия на перепутье. Большевицкий период русской революции». — Париж: 1927.
- ¹⁰⁶⁴ Уткин А.И... С. 475.
- ¹⁰⁶⁵ Гайдар Е., Мау В...№ 6 С. 37.
- ¹⁰⁶⁶ Тот Каутский, который во всей своей предшествующей политической и научной деятельности утверждал как раз обратное. (Бруцкус Б. Д. Социалистическое хозяйство. Теоретические мысли по поводу русского опыта. СПб.: «Экономист», 1922 г. Новый мир. № 8. 1990.)
- ¹⁰⁶⁷ Войтинский В.С.. С. 72.
- ¹⁰⁶⁸ Ленин В.И. ПСС, Т. 44 С. 151.
- ¹⁰⁶⁹ Ленин В.И. ПСС, Т. 43 С. 63.
- ¹⁰⁷⁰ Преображенский Е. Перспективы Новой Экономической Политики.
- ¹⁰⁷¹ Ленин В.И. ПСС, Т. 44 С. 199.
- ¹⁰⁷² Булгаков С.Н. «Христианство и социализм» 1917. (Кара-Мурза С. Первый глоток капитализма...)
- ¹⁰⁷³ Ленин В.И. ПСС, Т. 38 С. 143.
- ¹⁰⁷⁴ Бухарин Н.И. Новый курс экономической политики
- ¹⁰⁷⁵ Мау В.А., Стародубровская И.В... С. 135.
- ¹⁰⁷⁶ Кара-Мурза С... С. 48.
- ¹⁰⁷⁷ Рыков А.И. Экономическое положение СССР. Доклад на VI съезде профсоюзов СССР 14.11.1924.
- ¹⁰⁷⁸ Карр Э. История Советской России.
- ¹⁰⁷⁹ Карр Э. История Советской России: Большевицкая революция 1917-1923. Т. 1-2. — М.: 1990. С. 101-102. (Судьбы... С. 226-232.).
- ¹⁰⁸⁰ Ленин В. ПСС, Т. 26 С. 354.
- ¹⁰⁸¹ Гайдар Е., Мау В...№ 6 С. 37.
- ¹⁰⁸² Уэлс Г. Россия во мгле. Собр. соч., т.5. — М.: Правда, 1964.
- ¹⁰⁸³ Ленин В. И. ПСС, Т. 36 С.79,80,82. (Кожин В.В... С. 242.)
- ¹⁰⁸⁴ Кожин В.В... С. 242.
- ⁵⁷⁷
- ¹⁰⁸⁵ Второй съезд РСДРП. Протоколы. — М.: 1959 С. 418-424. (Хрестоматия... С. 345-347.)
- ¹⁰⁸⁶ Бердяев Н. А... С. 242-243.
- ¹⁰⁸⁷ Бердяев Н. А... С. 242-243.
- ¹⁰⁸⁸ Мельников Ф.Е. «Марксизм и Атеизм» 1935 С. 216.
- ¹⁰⁸⁹ Кара-Мурза С... С. 264.
- ¹⁰⁹⁰ Кара-Мурза С... С. 146.
- ¹⁰⁹¹ Записки Чанселлора. Открытие России Ричардом Чанселлором при поиске северного пути в Китай 1553. —Архангельск. Правда Севера. 1998, 126 с.
- ¹⁰⁹² Флетчер Дж. О государстве Русском. 1589. Накануне смуты. История отечества. — М.: Молодая гвардия. 1990,623 С. С. 571
- ¹⁰⁹³ Флетчер Дж. О государстве Русском. 1589. Накануне смуты. История отечества. — М.: Молодая гвардия. 1990. 623 С. 571
- ¹⁰⁹⁴ Кюстин А... Т. 1 С. 383.
- ¹⁰⁹⁵ Кюстин А... Т. 1 С. 141.
- ¹⁰⁹⁶ Кюстин А...Т. 1 С. 15.
- ¹⁰⁹⁷ Милуков П. Н... С. 398.
- ¹⁰⁹⁸ Витте С.Ю... Т. 1 С. 515.
- ¹⁰⁹⁹ Столыпин П. А. Речь о вероисповедальных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенная в государственной Думе 22.05.1909. (Рыбас. С... С. 337.)
- ¹¹⁰⁰ сейчас только краткое изложение, позже мы будем говорить об этом подробнее.
- ¹¹⁰¹ Кара-Мурза С... С. 266.
- ¹¹⁰² Никон., А. Заозерский. Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия 2003.
- ¹¹⁰³ Кюстин А... Т. 1 С. 287.

- ¹¹⁰⁴ Рынцзонский П.Г. Старообрядческая организация в условиях промышленного капитализма. Вопросы истории, религии и атеизма. Вып. 1. М., 1950.
- ¹¹⁰⁵ Александр М... С. 318.
- ¹¹⁰⁶ Бердяев Н. А... С. 241.
- ¹¹⁰⁷ Шарапов С.Ф. Диктатор. 1907 г. — М.: Бобок — Новая книга, 1998. 112 С. С. 42.
- ¹¹⁰⁸ Бердяев Н. А... С. 241.
- ¹¹⁰⁹ Витте С.Ю... Т. 1 С. 522.
- ¹¹¹⁰ Аксаков И. С. Собр. соч., тт. 4 и 6 (Шубарт В. Европа... С. 195-196)
- ¹¹¹¹ Фадеев Р.А... С.161-162.
- ¹¹¹² Столыпин П.А. Речь о вероисповедальных законопроектах и о взгляде правительства на свободу вероисповедания, произнесенная в государственной Думе 22.05.1909. (Рыбас. С... С. 339.)
- ¹¹¹³ Чаадаев П.Я... С. 25.
- ¹¹¹⁴ Кестлер А. Автобиография. Фрагменты книги. Иностранная литература, 2002, № 7 С. 210-211. Rothbard M. Classical Economics. An Austrisn Perspective on the History of Economic Thought. Vol. II. Cheltenham-Northampton MA, Edward Elgar, 1995, p. 319-321. (Гайдар Е., Мау В...№ 5.)
- ¹¹¹⁵ Степун Ф.А. Бесы и большевистская революция. (Кьеркегор С. Литературное сообщение 1846 г.) Достоевский Ф.М... С. 683.
- ¹¹¹⁶ Бердяев Н. А. Истоки... С. 129.
- ¹¹¹⁷ Н. Бердяев на допросе у Дзержинского накануне высылки за границу. 1922.
- ¹¹¹⁸ Шубарт В. Европа... С. 216
- ¹¹¹⁹ Бердяев Н. А... С. 241.
- ¹¹²⁰ Бердяев Н «Истоки и смысл русского коммунизма» (1937); «Русская Идея» (1946). (Шубарт В..)
- ¹¹²¹ Шубарт В. Европа... С. 188.
- ¹¹²² Шубарт В. Европа... С. 197-198
- ¹¹²³ Соколов Б. Ф... С. 377
- ¹¹²⁴ Шубарт В. Европа... С. 199.
- ¹¹²⁵ Шубарт В. Европа... С. 200.
- ¹¹²⁶ Бердяев Н. А. Истоки... С. 123.
- ¹¹²⁷ Бердяев Н. А... С. 243-244.
- ¹¹²⁸ Бердяев Н. А. Истоки... С. 116.
- ⁵⁷⁸
- ¹¹²⁹ Шубарт В... С. 176.
- ¹¹³⁰ Бердяев Н. А. Истоки... С. 119.
- ¹¹³¹ Шубарт В. Европа... С. 84
- ¹¹³² Вебер М... С. 254, примечание 219.
- ¹¹³³ Вахтер, Christian Directory, I, p. 108, 376 (Вебер М... С. 254, прим. 222)
- ¹¹³⁴ Бердяев Н. А... С. 243-244.
- ¹¹³⁵ Милуков П. Н... предисл. Н. Г. Думовой С. 19.
- ¹¹³⁶ Милуков П. Н... предисл. Н. Г. Думовой С. 19.
- ¹¹³⁷ Милуков П. Н. История второй русской революции. Вып. 3. — Лондон: 1921. Т. 1 С. 184 21 (Милуков П. Н... предисл. Н. Г. Думовой С. 18)
- ¹¹³⁸ Уткин А.И... С. 497.
- ¹¹³⁹ Бердяев Н. А... С. 478.
- ¹¹⁴⁰ Бердяев Н. А... С. 243-244.
- ¹¹⁴¹ Аксючиц В. Под сенью Креста. — М.: 1997 С. 409 .
- ¹¹⁴² Энгельс Ф. Письмо В. Либкнехту в Лейпциг, 23.02.1888. К. Маркс и Ф. Энгельс, Собр. Соч. Т. XXVIII, М., 1940, [20-21]
- ¹¹⁴³ Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 267-268.
- ¹¹⁴⁴ Петроградский Совет 14.03.1917.
- ¹¹⁴⁵ Декларация Временного правительства от 28.03.1917.
- ¹¹⁴⁶ Троцкий Л.Д. История Русской Революции. Т. 1. Февральская Революция. Предисловие к русскому изданию.
- ¹¹⁴⁷ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: 1923 С. 464 (Уткин А.И... С. 334-335)
- ¹¹⁴⁸ Милуков П.Н. История второй русской революции, Т. 1. — София: Русско-болгарское издательство, 1921. С. 25,98.
- ¹¹⁴⁹ Войтинский ВС... С. 89.
- ¹¹⁵⁰ Войтинский ВС... С. 93.
- ¹¹⁵¹ Войтинский В.С.. С. 93.
- ¹¹⁵² Войтинский В.С.. С. 110.
- ¹¹⁵³ Войтинский ВС... С. 107.
- ¹¹⁵⁴ Кара-Мурза С, 142-143.
- ¹¹⁵⁵ Письмо солдата французского 25-го пехотного полка, помещенное в «Юманите» 25.09.1932.

- (Пуанкаре Р... С. 753, прим..)
¹¹⁵⁶ (Пуанкаре Р.. С. 753, прим..)
¹¹⁵⁷ Войтинский В.С.. С. 96,97.
¹¹⁵⁸ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М.: 1923 С. 399 (Уткин А.И... С. 326)
¹¹⁵⁹ Войтинский В.С... С. 121.
¹¹⁶⁰ Войтинский В.С.. С. 217.
¹¹⁶¹ Зайончковский А.М... С. 680.
¹¹⁶² Войтинский В.С... С. 244.
¹¹⁶³ Войтинский В.С.. С. 250.
¹¹⁶⁴ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 91.
¹¹⁶⁵ Скотт Ньютоу Д. Бейкеру, 14.06.1917, N. Baker Papers, box 3, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 95)
¹¹⁶⁶ Abraham R. Alexander Kerensky. The First Love of the Revolution. N. Y., 1987, p. 298 (Уткин А.И... С. 396)
¹¹⁶⁷ Верховский А. И.Россия на Голгофе (Из походного дневника 1914-1918 гг.) Военно-исторический журнал. 1993, N 9. С. 65-69 (Шацилло В. К... С. 454-455)
¹¹⁶⁸ Войтинский В.С.. С. 252.
¹¹⁶⁹ Джадсон руководству Военного колледжа, 7.10.1917, JRUS, 1918, Russia, 1:204-205 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 131)
¹¹⁷⁰ Джадсон руководству Военного колледжа, 28.10.1917, Judson Papers, box 4, NL (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 131)
¹¹⁷¹ Государственный секретарь Фрэнсису, 2.11.1917, JRUS, 1918, Russia, 1: 217-218 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 132)
¹¹⁷² Дневник Дж. Бьюкенена, запись 19.11.1917. (Бьюкенен Дж... С. 367)
⁵⁷⁹
¹¹⁷³ Фрэнсис Лэнсингу, 22.11.1917, JRUS, 1918, Russia, 1:244; см. также факсимильную копию, которая воспроизводится в: Kennan G. J. Russia Leaves the War, Princeton, 1956, p. 114, вставка в копию, датированную 7 ноября и полученную 8.11.1917. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 141-142)
¹¹⁷⁴ Дневник Дж. Бьюкенена, запись 27.11.1917. (Бьюкенен Дж... С. 372)
¹¹⁷⁵ Kennan G. Russia Leaves the War. Princeton, 1956, p. 94 (Уткин А.И... С. 412)
¹¹⁷⁶ Уткин А.И... С. 423.
¹¹⁷⁷ Деникин А. И... т.2 С. 168.
¹¹⁷⁸ Фрэнсис Лэнсингу, телеграмма N 2006 от 22.11.1917, JRUS, 1918, Russia, 1:244 и 1:245 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 142)
¹¹⁷⁹ Заявление Троцкого относительно ноты подполковника Керта 1.12.1917, «Известия», 1.12.1917, цит. в: Cumming and Pettit, eds., Russian-American Relations: March 1917 — March 1920, NY, 1920, p. 54 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 145)
¹¹⁸⁰ George Buchanan, My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, in 2 vol., Boston, 1923, 2:224 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 145). См. так же Бьюкенен Дж...
¹¹⁸¹ Бьюкенен — министерству иностранных дел, телеграмма 27.11.1917. (Бьюкенен Дж... С. 372-374)
¹¹⁸² Degras J. (ed.). Soviet Documents on Foreign Policy. Lnd., v. 1, p. 108 (Уткин А.И... С. 424)
¹¹⁸³ Lowe C. and Dockrill M. The Mirage of Power: British Foreign Policy, 1914-1922. Vol. 3, Boston, 1972, p. 664-669 (Уткин А.И... С. 450)
¹¹⁸⁴ Бахметьев Хаузу 30.11.1917. (Хауз... Т. 2 С. 211)
¹¹⁸⁵ Джадсон, Дневник, 27.11.1917, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 139-140)
¹¹⁸⁶ Робинс, Дневник, 14.11.1917, 15.11.1917, Robins Papers, box 42, WSHS; R. H. Bruce Lockhart, British Agent, NY, 1933, p. 222 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 140-141)
¹¹⁸⁷ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 162, 172.
¹¹⁸⁸ См. PWW, 45:173-174, письмо лорда Лэнсдауна от 29.11.1917. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 162-163)
¹¹⁸⁹ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 163.
¹¹⁹⁰ JRUS, The Lansing Papers, 1914-1920, vol. 2, W., 1940, p. 327 (Уткин А.И... С. 488)
¹¹⁹¹ Хауз Вильсону, 30.11.1917, PWW, 45:166, п. 1 и Хауз Вильсону, 2.12.1917, PWW, 45:184-185 Аналогичное требование выдвинул Бьюкенен George Buchanan, My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, in 2 vol., Boston, 1923, 2:225 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 162, 172.)
¹¹⁹² Резолюция Мосооблбюро (БСЭ, т.7, ст. «Брестский мир» С. 452.)
¹¹⁹³ Ксенофонтов И. Н., Мир, которого хотели и который ненавидели. — М: 1991 С. 216
¹¹⁹⁴ Деникин А. И... т.2.
¹¹⁹⁵ Мирные переговоры в Брест-Литовском. — М: 1920, предисл. С. 78 (БСЭ, т.7, ст. «Брестский мир» С. 452.)
¹¹⁹⁶ Троцкий Л. Советская Республика и капиталистический мир. Часть I. Первоначальный период организации сил. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 17, часть 1. — М., Л: 1926)

- ¹¹⁹⁷ Троцкий Л.Д., Моя жизнь: опыт автобиографии. — М: 1991 С. 435.
- ¹¹⁹⁸ Протоколы 7 съезда РКП(б), Партизд. С. 123 (БСЭ, т.7, ст. «Брестский мир» С. 460.)
- ¹¹⁹⁹ Троцкий Л.Д., Моя жизнь: опыт автобиографии. — М: 1991 С. 372.
- ¹²⁰⁰ Киган Д... С. 494-495.
- ¹²⁰¹ ДВП.Т. 1.С.711. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918-1939 гг. — М.: ВЕЧЕ. 2001. — 464 С. с. 16.).
- ¹²⁰² Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffman. Berlin, 1929, В. 2, S. 192 (Уткин А.И... С. 445)
- ¹²⁰³ Hoffman M. War Diaries and other Papers. Lnd., 1929, v. 2, p. 316 (Уткин А.И... С. 445)
- ¹²⁰⁴ Уткин А.И... С. 474.
- ¹²⁰⁵ Джадсон, Дневник, 1.12.1917, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 163-164)
- ¹²⁰⁶ Джадсон, «Доклад о ситуации в России», 16.03.1918, Judson Papers, box 8, NL (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 164)
- ¹²⁰⁷ Woodrow Wilson, An Address to a Joint Session of the Congress, 8.01.1918, PWW, 45:534-535,537 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 211)
- ⁵⁸⁰
- ¹²⁰⁸ Woodrow Wilson, An Address to a Joint Session of the Congress, 8.01.1918, PWW, 45: 537; Sisson, Edgar, One Hundred Red Days: A Chronicle of the Bolshevik Revolution, New Haven, 1931, p. 209 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 212)
- ¹²⁰⁹ Sisson, Edgar, One Hundred Red Days: A Chronicle of the Bolshevik Revolution, New Haven, 1931, p. 209, 211 Сиссон Крилу, 13.01.1918, вложено в: Крил Вильсону, 15.01.1918, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 212,213)
- ¹²¹⁰ Першинг генерал-адъютанту, 17.01.1918, вложено в памятную записку Н. Бейкера, 17.01.1918, N 505, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 214)
- ¹²¹¹ Чарльз У. Элиот Вильсону, 17.01.1918, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 214)
- ¹²¹² См. письмо Виктора Мердока Вильсону, 19.01.1918, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 215)
- ¹²¹³ Лэнсинг Фрэнсису, 9.01.1918, JRUS, 1918, Russia, 1:426 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 213)
- ¹²¹⁴ Фрэнсис Лэнсингу, 12.01.1918, JRUS, 1918, Russia, 1:426 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 213-214)
- ¹²¹⁵ Хауз... Т. 2 С. 211.
- ¹²¹⁶ Шацилло В. К... С. 361-362.
- ¹²¹⁷ Шацилло В. К... С. 362.
- ¹²¹⁸ По договору Центральная Рада должна была поставить Германии 1 млн тонн хлеба, 50 тысяч тонн живого веса рогатого скота, 400 миллионов штук яиц и т.д. Поставки успели выполнить не более чем на 20%.
- ¹²¹⁹ Fischer J. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegspolitik des kaiserlichen Deutschland. 1914-1918. Dusseldorf, 1967, P. 287 (Шацилло В. К... С. 362)
- ¹²²⁰ Шацилло В. К... С. 362-363
- ¹²²¹ Мирные переговоры в Бресте-Литовском. — М: 1920 С. 207-208. (Ксенофонтов И.Н... С. 265)
- ¹²²² Уткин А.И.. Черчилль... С. 161.
- ¹²²³ Чубарьян А. О. Брестский мир. — М.: 1964 С. 135. (Уткин А.И... С. 495)
- ¹²²⁴ Ксенофонтов И. Н., Мир, которого хотели и который ненавидели. — М: 1991 С. 368
- ¹²²⁵ Ленин В.И. ПСС, Т. XXII С. 288.
- ¹²²⁶ Ленин В.И. ПСС, Т. XXII С. 308 и 325.
- ¹²²⁷ Kennan G. J. Russia Leaves the War, Princeton, 1956, p. 496 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 219-220)
- ¹²²⁸ Документы внешней политики СССР, Т. 1. — М.: 1959 С. 209 (Уткин А.И... С. 521)
- ¹²²⁹ JRUS, 1918, Russia, vol. 1, p. 359 (Уткин А.И... С. 521)
- ¹²³⁰ JRUS, 1918, Russia, vol. 1, p. 67-68 (Уткин А.И... С. 521)
- ¹²³¹ Фрэнсис Лэнсингу, 12.03.1918, JRUS, 1918, Russia, 1: 397-398 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 222)
- ¹²³² Robins Papers, box 13, WSHS; Фрэнсис Лэнсингу, 9.03.1918, JRUS, 1918, Russia, 1: 394-395; Фрэнсис Лэнсингу, 9.03.1918, "Paraphrase of Special Cipher", Robins Papers, box 13, WSHS; Kennan G. J. Russia Leaves the War, Princeton, 1956, p. 499-517; (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 220,221.)
- ¹²³³ Ричардсон У. П. Война Америки на Севере России. (Голдин В.Н... С. 404-406.)
- ¹²³⁴ Wilson W. To the Fourth All-Russia Congress of Soviets, 11.03.1918, PWW, 46: 598.
- ¹²³⁵ Заседания Четвертого Чрезвычайного Съезда Советов, 14.03.1918, Robins Papers, box 13, WSHS (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 218)
- ¹²³⁶ Уткин А.И... С. 522
- ¹²³⁷ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y., 1984, p. 175 (Уткин А.И... С. 522)
- ¹²³⁸ Kennan G. J. Russia Leaves the War, Princeton, 1956, p. 516 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 222)
- ¹²³⁹ Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 222,223
- ¹²⁴⁰ Francis David R. Russia From the American Embassy: 04.1916-11.1918, NY, 1921, p. 230 (Дэвис Д.Э.,Трани Ю.Л...С.218)
- ¹²⁴¹ Мау В.А., Стародубовская И.В... С. 139.

- ¹²⁴² Троцкий Л. Советская Республика и капиталистический мир. Часть I. Первоначальный период организации сил. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 17, часть 1. — М., Л.: 1926)
- ¹²⁴³ Зайончковский А.М... С 865-871.; См. так же Деникин А. И... Т. 1 С. 33.
- ¹²⁴⁴ Gilbert M. The First War. N.Y., 1994, p. 430. (Уткин А. И. Унижение России..., с. 118.)
- 581
- ¹²⁴⁵ Киган Д... С. 526.
- ¹²⁴⁶ Уткин А.И. Унижение России..., с. 106.
- ¹²⁴⁷ Зайончковский А.М..., с. 866-867.
- ¹²⁴⁸ Декларация премьер-министров и министров иностранных дел стран Согласия в связи с заключением Брест-Литовского мирного договора. 19.03.1918. Лондон (Международная политика). Ч. II. — М.: 1926 С. 135-137; Шацилло В. К... С. 387-388)
- ¹²⁴⁹ Трухановский В.Г... С. 173.
- ¹²⁵⁰ Предисловие к книге Н.Н. Головина, посвященной Восточно-Прусской операции 1914 г. Предисл. О. Касимова, к книге Такман Б... С. 16.
- ¹²⁵¹ Мемуары Палеолога С. 55. (Головин Н.Н... С. 299.)
- ¹²⁵² Головин Н.Н... С. 299.
- ¹²⁵³ Головин Н.Н... С. 300.
- ¹²⁵⁴ Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 гг. — М.: 1922 С. 698, 700. (Геллер М.Я., Некрич А.М... С. 12.)
- ¹²⁵⁵ Бьюкенен Дж..., с. 150-151.
- ¹²⁵⁶ Головин Н.Н... С. 300.
- ¹²⁵⁷ Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте. — Прага: 1925 С. 63-64 (Такман Б... С. 19, предисл. О. Касимова)
- ¹²⁵⁸ Киган Д... С. 168.
- ¹²⁵⁹ Пуанкаре Р... С. 62.
- ¹²⁶⁰ Такман Б... С. 503, прил. 3.
- ¹²⁶¹ Зайончковский А.М... С. 136.
- ¹²⁶² Киган Д... С. 176.
- ¹²⁶³ Шефов Н.А. Битвы России. — М.: АСТ, 2002. 704 С. с. 117.
- ¹²⁶⁴ Такман Б. Августовские пушки. — М.: 1972 С. 110. (Уткин А.И... С. 23-24)
- ¹²⁶⁵ Иссерсон Г. Канны мировой войны (Гибель армии Самсонова). — М.: 1926 С. 115 (Такман Б... С. 32, предисл. О. Касимова).
- ¹²⁶⁶ Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N. Y., 1932, p. 207 (Уткин А.И... С. 50)
- ¹²⁶⁷ Gurko V. War and Revolution in Russia, 1914-1917. N. Y. 1919, p. 13.
- ¹²⁶⁸ Paleologue M. La Russie des tsars pendant la grande guerre. V. I, Paris, 1920, p. 55 и далее (Такман Б... С. 27-28, предисловие О. Касимова).
- ¹²⁶⁹ Lincoln B. L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N. Y., 1986, p. 63 (Уткин А.И... С. 42.)
- ¹²⁷⁰ Такман Б... С. 332.
- ¹²⁷¹ Такман Б... С. 346.
- ¹²⁷² Людендорф Э... С.51
- ¹²⁷³ Такман Б... С. 352-353.
- ¹²⁷⁴ Такман Б... С. 432.
- ¹²⁷⁵ Людендорф Э... С. 68-70
- ¹²⁷⁶ Киган Д... С. 183-184.
- ¹²⁷⁷ Киган Д... С. 208.
- ¹²⁷⁸ Червинка Я. В. Военная карьера у нас и за границей// Российский военный сборник. Вып. 17. Офицерский корпус русской армии. Опыт самопознания. — М.: 2000 С. 188.
- ¹²⁷⁹ Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. Февральская революция. Предисловие к русскому изданию.
- ¹²⁸⁰ Сухомлинов В.А... С. 317.
- ¹²⁸¹ Лемке М.К..., 1916С.291.
- ¹²⁸² Зайончковский А.М... С. 186.
- ¹²⁸³ Деникин А. И..., Т. 1, стр. 11.
- ¹²⁸⁴ Деникин А. И..., Т. 1, стр. 12.
- ¹²⁸⁵ М. Алексеев — М.Родзянко 16.02.1916. (Лемке М.К..., 1916 С. 289-290.)
- ¹²⁸⁶ 2 командующих армиями, 7 командиров корпусов, 24 начальника дивизии. (Зайончковский А.М... С. 329.) Поданным Кигана: 1 командующего армией, 21 командира корпуса и 31 начальника дивизии. К январю 1915 г. был смещен 61 командир дивизии. (Киган Д... С. 109.)
- ¹²⁸⁷ Киган Д... С. 109-110.
- ¹²⁸⁸ Такман Б... С. 282.
- 582
- ¹²⁸⁹ Лиддел Г.Б... С.183.

- ¹²⁹⁰ Игнатъев А... С. 344-345.
- ¹²⁹¹ Пуанкаре Р... С. 637.
- ¹²⁹² Киган Д... С. 115.
- ¹²⁹³ Пуанкаре Р.. С. 138.
- ¹²⁹⁴ Пуанкаре Р.. С. 185.
- ¹²⁹⁵ Такман Б...С. 305.
- ¹²⁹⁶ Киган Д... С. 134.
- ¹²⁹⁷ Киган Д... С. 141-142,158.
- ¹²⁹⁸ Такман Б... С. 425.
- ¹²⁹⁹ Киган Д... С. 141.
- ¹³⁰⁰ Такман Б... С. 402.
- ¹³⁰¹ Сухомлинов В.А... С. 306.
- ¹³⁰² Такман Б... С. 409.
- ¹³⁰³ Такман Б... С. 422.
- ¹³⁰⁴ Макдоно Д... С. 570
- ¹³⁰⁵ Черчилль У... С. 494.
- ¹³⁰⁶ Такман Б... С. 235-236.
- ¹³⁰⁷ Такман Б... С. 236-237.
- ¹³⁰⁸ Такман Б... С. 242.
- ¹³⁰⁹ Такман Б... С. 258.
- ^{13.0} Киган Д... С. 395-396.
- ^{13.1} Киган Д... С. 324.
- ¹³¹² Помогайбо А. Псевдоисторик Суворов. —М.: Вече, 2005. 476 С. С. 310-311.
- ¹³¹³ Уткин А.И... С. 63.
- ¹³¹⁴ Такман Б... С. 341.
- ¹³¹⁵ Такман Б... С. 341.
- ¹³¹⁶ Дюпон «Германское высшее командование в 1914 г.» (предисловие Жоффра). — Париж, 1920. (Головин Н. Н. Из истории кампании 1914 года на русском фронте.—Прага: 1925 С. 160 (Такман Б... С. 28-29, пред. О. Касимова))
- ¹³¹⁷ Пуанкаре Р...С. 219.
- ¹³¹⁸ Телеграмма Жюсерана N 298, 9.09.1914. (Пуанкаре Р... С. 219)
- ¹³¹⁹ Черчилль «Мировой кризис» — истории вервой мировой войны. (Уткин А.И... С. 55.)
- ¹³²⁰ Churchill. The Unknown War. The Eastern Front. N. Y., 1932, p. 78 (Уткин А.И... С. 41)
- ¹³²¹ Такман Б... С. 34, предисл. О. Касимова.
- ¹³²² Шамбаров В. Е... С. 178.
- ¹³²³ Яковлевы... С. 110.
- ¹³²⁴ См.: Будберг А. П. Гумбинен — забытый день русской славы. — Париж: 1937 С. 12, 14, 10 (Такман Б... С. 29, пред. О. Касимова)
- ¹³²⁵ Киган Д... С. 215.
- ¹³²⁶ Киган Д... С. 218.
- ¹³²⁷ Киган Д... С. 237.
- ¹³²⁸ Айронсайд Э. Архангельск. 1918-1919. (Голдин В.И... С. 384.)
- ¹³²⁹ С учетом мобилизованных численность довоенного офицерского корпуса составила 80 тысяч человек (Россия в мировой войне 1914-1918 гг. в цифрах. — М.: 1925 С. 31 (Волков С. В... С. 9))
Еще 35 тыс. чел. было произведено в офицерский чин в первый год войны.
- ¹³³⁰ Геллер М.Я., Некрич А.М... С. 13.
- ¹³³¹ Волков С. В... С. И.
- ¹³³² Такман Б... С. 357.
- ¹³³³ Яковлев Н.Н... С. 206.
- ¹³³⁴ Людендорф Э... С. 154
- ¹³³⁵ Людендорф Э... С. 121
- ¹³³⁶ Деникин А. И... Т. 1 С. 30-31.
- ¹³³⁷ Lincoln B. L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N. Y., 1986, p. 127 (Уткин А.И... С. 136)
- ¹³³⁸ 18.05.1915 Палеолог, телеграмма N 649 (Пуанкаре Р... С. 593-594)
- ¹³³⁹ Gilbert M. The First World War. N. Y, 1994, p. 167 (Уткин А.И... С. 137)
- 583
- ¹³⁴⁰ Яхонтов А. Н. Тяжелые дни (секретные заседания Совета Министров 16.07-2.09.1915). АРР, XVII, 1926 С. 52.
- ¹³⁴¹ Яковлев Н. Н... С. 138-139.
- ¹³⁴² With the Russian Army, p. 349-350.
- ¹³⁴³ Уткин А.И... С. 99.
- ¹³⁴⁴ Киган Д... С. 172-173.

- 1345 Айронсайд Э... С. 259.
- 1346 Киган Д... С. 518.
- 1347 Киган Д.. С. 521.
- 1348 Шамбапов В. Е... С. 498.
- 1349 Такман Б... С. 321.
- 1350 Восточно-Прусская операция: Сборник документов. — М: 1939 С. 15 (Такман Б... С. 26, пред. О. Касимова.)
- 1351 Такман Б... С. 26, пред. О. Касимова.
- 1352 Вацетис И. Боевые действия в Восточной Пруссии в июле, августе и начале сентября 1914 г.: Стратегический очерк, Высший Военный Редакционный Совет. — М.: 1923 С. 52. (Такман Б... С. 26, пред. О. Касимова.)
- 1353 Смирнов А. Сибирский удар и саксонская сталь. Родина. № 9. 2004 С. 18.
- 1354 Беспалов Ю.Г... С. 325.
- 1355 Бисмарк О..., Т. 1С. 317.
- 1356 Блюментритт Г. Московская битва. Роковое решение Вермахта. — Смоленск С.70. (Смирнов А. Родина. № 9. 2004 С. 18.)
- 1357 «Последний бой 20-го русского корпуса» // Летопись войны 1914-1915 гг. № 33. 4.04.1915 С. 532. (Смирнов А. Родина. № 9. 2004 С. 18.)
- 1358 Меллентин Ф. Бронированный кулак Вермахта. — Смоленск: 1999 С. 343-344. (Смирнов А. Родина. № 9.2004 С. 18.)
- 1359 Ллойд Джордж Д. Обращение к общественности Ланкашира (Речь, произнесенная в Манчестере 3.06.1915) (Ллойд Джордж Д... С. 108)
- 1360 Сухомлинов В. а... С. 320-321.
- 1361 Редигер А.Ф. Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. — М.: 1999, Т. 2 С. 396.
- 1362 Людендорф Э.... С. 121
- 1363 Сухомлинов В. А... С. 345.
- 1364 Сухомлинов В. А... С. 346.
- 1365 Яковлев Н. Н... С. 179-180; См. так же Головин Н.Н... С. 220.
- 1366 Яковлев Н. Н... С. 179-181.
- 1367 Paleologue M. La Russie des Tsars pendant la Grand Guerre. Tom I, p. 231-232 (Уткин А.И... С. 110)
- 1368 Блинов И. А. (ред.) Переписка В. А. Сухомлинова с Н. Н. Янушкевичем, Красный архив, III, 1923 С. 63-65 (Уткин А.И... С. 137)
- 1369 Уткин А.И... С. 121.
- 1370 Бьюкенен Дж... С. 153.
- 1371 Сухомлинов В.А... С. 280.
- 1372 Сухомлинов В.А... С. 281.
- 1373 Сухомлинов В. А... С. 341, 359.
- 1374 Сухомлинов В.А... С. 238-239.
- 1175 Ф. 932 Личный фонд А.И. Звегинцева Опись I. Д. 132. Л. 17. (Шацилло К.Ф... С. 297.)
- 1376 Яковлев Н. Н... С. 181-182.
- 1377 Витте С.Ю... Т. 1 С. 433.
- 1378 Шульгин В.В... С. 111.
- 1379 Гучков А. И. К вопросу о государственной обороне. Речи в Государственной Думе третьего созыва 1908-1912. Пп, 1915 С. 13 (Айрапетов О... С. 57)
- 1380 Киган Д... С. 218.
- 1381 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N. Y., 1931, p. 329 (Уткин А.И... С. 149)
- 1382 Поливанов, заявление от 17 и 19.08.1915.
- 1383 Уткин А.И... С. 102.
- 1384 Бранд Р. «Шлезисше фолькцайтунг» 2.03.1915. (Яковлев Н.Н... С. 206.)
- 584
- 1385 Hindenburg P. Out of my Life. N. Y., 1923, p. 96 (Уткин А.И... С. 50)
- 1386 Тирпиц 29 и 31.03.1915 г. (Шамбаров В. Е... С. 294.)
- 1387 18.05.1915 Палеолог, телеграмма N 649 (Пуанкаре Р... С. 593-594)
- 1388 Зайончковский А.М...
- 1389 5.12.1914 (Пуанкаре Р... С. 384.)
- 1390 Уткин А.И...С. 102.
- 1391 Хауз..., Т. 1 С. 392.
- 1392 6.12.1914 (Пуанкаре Р... С. 648-649.)
- 1393 Игнатъев... С. 387-388.
- 1394 Алексеева И.В. Агония Сердечного Согласия. Л., 1990 С. 20.
- 1395 Воейков В. Н... С. 41.

- 1396 Игнатъев... С. 435.
- 1397 Уткин А.И... С. 262-263.
- 1398 Китченер 18.08. Уткин А.И... С. 151.
- 1399 Телеграмма из Петрограда, N 1028, 1029 (Пуанкаре Р... С. 383)
- 1400 Игнатъев... С. 411-412.
- 1401 Яковлев Н. Н... С. 140-141.
- 1402 Игнатъев... С. 420-421.
- 1403 Шамбаров В. Е... С. 496.
- 1404 Яковлев Н. Н... С. 230, 234.
- 1405 Игнатъев... С. 424.
- 1405 Игнатъев... С. 423.
- 1407 Палеолог, телеграмма N 896 (Пуанкаре Р... С. 689-690)
- 1408 Green T. Central Bank Gold Reserves. An historical perspective since 1845. World Gold Council. November 1999.
- 1409 Пуанкаре Р... С. 459-460.
- 1410 Уткин А. И... С. 146.
- 1411 Шамбаров В. Е... С. 425-426.
- 1412 Уткин А.И... С. 180.
- 1413 Игнатъев... С. 406.
- 1414 Игнатъев... С. 408.
- 1415 Игнатъев... С. 398.
- 14.6 Шамбаров В. Е... С. 358-360.
- 14.7 Уткин А.И. Черчилль... С. 151.
- 1418 Шамбаров В. Е... С. 492-493.
- 1419 Зайончковский А.М... С. 861.
- 1420 Churchill W. The Unknown War. The Eastern Front. N. Y, 1931, p. 319 (Уткин А.И... С. 139-140)
- 1421 Lincoln B. L. Passage Through Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N. Y, 1986, p. 90,147 (Уткин А.И... С. 111, 141)
- 1422 Gilbert M. The First World War. N. Y, 1994, p. 176 (Уткин А.И... С. 151-152.)
- 1423 Киган Д... С. 300.
- 1424 Киган Д... С. 301.
- 1425 Шамбаров В. Е...С. 501.
- 1426 Киган Д... С. 384.
- 1427 Яковлев Н. Н... С. 258-260.
- 1428 Брусиллов А. А. Воспоминания. (Яковлев Н. Н... С. 251)
- 1429 Лемке М.К..., 1916 С. 209, 615.
- 1430 Шамбаров В. Е... С. 477.
- 1431 Яковлев Н. Н... С. 232-233.
- 1432 Яковлев Н. Н... С. 233.
- 1433 Яковлев Н. Н... С. 243-244.
- 1434 Телеграмма полковника Энкеля от 9.05 № 535.
- 1435 Телеграмма полковника Энкеля от 10.05 № 537.
- 1436 Телеграм ма полковника Ромеи (итальянского военного агента в России) от 10.05.1916.
- 1437 Телеграмма полковника Ромеи от 11.05.
- 585
- 1438 Всеподданнейший доклад Генерал-Адъютанта Алексева 13.05.1916, другой источник Алексеев — Николаю II, 26.05.1916. (Яковлев Н. Н... С. 244-245)
- 1439 Николай II — королю Италии, 31.05.1916. (Яковлев Н. Н... С. 245)
- 1440 Киган приводит сравнимые данные: «...Было взято в плен 400 тысяч австрийцев, и 600 тысяч было убито или ранено. Немецкие войска.. потеряли 350 тысяч человек. Полоса русской территории глубиной в сто километров была отбита у захватчиков». (Киган Д... С. 386.)
- 1441 Яковлев Н. Н... С. 248-251.
- 1442 Шамбаров В. Е... С. 517-518.
- 1443 Брусиллов А. А. Мои воспоминания. — М.: 1963 С. 248-252. (Шацилло В. К... С. 214-215)
- 1444 Брусиллов А. А. Мои воспоминания. — М.: 1963 С. 248-252. (Шацилло В. К... С. 217)
- 1445 Ольденбург С.С. Царствование Императора Николая II. — СПб: Петрополь, 1991. С. 593.
- 1446 Шамбаров В. Е... С. 591.
- 1447 Уткин А.И. Черчилль... С. 152.
- 1448 Киган Д... С. 424-425.
- 1449 Уткин А.И. Черчилль... С. 152-153.
- 1450 Деникин А. И... т.2 С. 258.
- 1451 Головин Н.Н... С. 324.
- 1452 Гиацингов Э. Записки белого офицера. —СПб: 1992 С. 51-52.

- ¹⁴⁵³ Уткин А.И... С. 153.
- ¹⁴⁵⁴ Сухомлинов В. А... С. 382-383.
- ¹⁴⁵⁵ Сухомлинов В. А... С. 383.
- ¹⁴⁵⁶ Воейков В. Н... С. 42.
- ¹⁴⁵⁷ Заседание военного кабинета № 215, 15.08.1917, PRO (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 109)
- ¹⁴⁵⁸ Фрэнк Полк, Дневник, 2.11.1917, Polk Papers, СтУ (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 111-112)
- ¹⁴⁵⁹ Заседание военного кабинета N 205, 7.08.1917, PRO (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 107)
- ¹⁴⁶⁰ George Buchanan, My Mission to Russia and Other Diplomatic Memories, in 2 vols, Boston, 1923, 2:157-205 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 107)
- ¹⁴⁶¹ Яковлев Н.Н... С. 129.
- ¹⁴⁶² Валянский С... С. 94.
- ¹⁴⁶³ Айронсайд Э. Архангельск. 1918-1919. (Голдин В.И... С. 383-384.)
- ¹⁴⁶⁴ Charques R. The Twilight of Imperial Russia. L., 1958, p. 211 (Уткин А.И... С. 25-26)
- ¹⁴⁶⁵ Шамбаров В. Е... С. 588, 590.
- ¹⁴⁶⁶ Маниковский А. А. Боевое снабжение русской армии в войну 1914-1918 гг. — М.: 1920 (Яковлев Н. Н... С. 56-57)
- ¹⁴⁶⁷ Черчилль У. Мировой кризис, Т. II С. 1-2. (Хауз..., Т. 1 С. 440.)
- ¹⁴⁶⁸ Урланис Б.Ц..., с 499.
- ¹⁴⁶⁹ Менделеев Д. К познанию России. — СПб: 1907, 118 с.
- ¹⁴⁷⁰ Расчеты автора на основании данных: Урланис Б.Ц..., 391,392; Население..., Т. 1 С. 79.
- ¹⁴⁷¹ Головин Н.Н... С. 92.
- ¹⁴⁷² Головин Н.Н... С. 103.
- ¹⁴⁷³ Население... С. 1 С. 78,79. См так же Россия и СССР в войнах XX века. — М.: ОЛМА ПРЕСС, 2001. — 608 С. С. 106.; См. также Головин Н.Н... С. 116-138.
- ¹⁴⁷⁴ Киган Д... С. 46.
- ¹⁴⁷⁵ Сидоров А.Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. — М.: 1973, с 5-6. (Геллер М.Я., Некрич А.М... С. 12.)
- ¹⁴⁷⁶ Э. Хауз — президенту 16.06.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 247.)
- ¹⁴⁷⁷ Ллойд Джордж Д. Доля каждого в общем бремени (Речь о бюджете 17.11.1914 в Палате общин) (Ллойд Джордж Д... С. 27)
- ¹⁴⁷⁸ Ллойд Джордж Д. Священная война (Речь 28.02.1915 в Бангоре) (Ллойд Джордж Д... С. 88)
- ¹⁴⁷⁹ Хауз... Т. 2 С. 73.
- ¹⁴⁸⁰ Расчеты автора на основании данных "Monitorinr The World Ekonomy 1820-1992" OECD 1995, рассчитаны по методу Гири-Камеса.
- ¹⁴⁸¹ Расчеты автора на основании данных: Урланис Б.Ц..., 391,392; Население..., Т. 1 С. 79.
- ¹⁴⁸² Расчеты автора, на базе данных: "Monitorinr The World Ekonomy 1820-1992" OECD 1995. и Урланис Б.Ц... С. 391,392.
- ¹⁴⁸³ Florinsky M. T. The End of the Russian Empire. New Haven, 1931, p. 49 (Уткин А.И... С. 265)
- ⁵⁸⁶
- ¹⁴⁸⁴ Такман Б...С. 129.
- ¹⁴⁸⁵ Уткин А. И... С. 36.
- ¹⁴⁸⁶ Такман Б...С. 105.
- ¹⁴⁸⁷ Шацилло В. К... С. 244
- ¹⁴⁸⁸ Рассчитано автором на базе данных: Statistical Yearbook of League of Nations (1929-1940) National Bureau of Economic Research (Cambridge, MA, USA).
- ¹⁴⁸⁹ Рассчитано автором на базе данных Kennedy P. The Rise and Fall of the Great Powers. L., 1988, p. 426. Economic Change and Military Conflict from 1500-2000 p.190, а так же Мэддисон А. Экономическое развитие в странах Запада. — М.: 1967 С. 246-296.), Trade and Development Report, 1997. UN, New York and Geneva, 1997. С 78.), а так же Statistical Yearbook of League of Nations. National Bureau of Economic Research (Cambridge, MA, USA), и Урланис Б.Ц... С. 391,392.
- ¹⁴⁹⁰ Барсуков Е. Артиллерия русской армии. Т. 1-4. —М.: 1948. Т. IV. С. 404. (Шацилло К.Ф... С. 340.)
- ¹⁴⁹¹ Шульгин В.В... С. 123-124.
- ¹⁴⁹² Из доклада «Особого совещания» Николаю II. (Головин Н.Н... С. 91-95.)
- ¹⁴⁹³ Бьюкенен Дж... С. 153.
- ¹⁴⁹⁴ Lincoln V. Passage Trough Armageddon. The Russians in War and Revolution 1914-1918. N.Y., 1986, p. 177. Уткин А.И... С. 181.
- ¹⁴⁹⁵ Деникин А. И... Т. 1 С. 156.
- ¹⁴⁹⁶ Nolde V. Russia in the Economic War. New Haven, 1928, p. 41 (Уткин А.И... С. 89)
- ¹⁴⁹⁷ Сазонов С. Д... С. 283-284.
- ¹⁴⁹⁸ Родзянко М.В. APP . Т. XVIII С. 100. (Головин Н.Н... С. 287.)
- ¹⁴⁹⁹ Головин Н.Н... С. 304.
- ¹⁵⁰⁰ Бьюкенен Дж... С. 156.

- ¹⁵⁰¹ Бунич И. Черноморская Цусима 1914-1921. — СПб.: Облик, 1999. -480 С. с. 58.
- ¹⁵⁰² Jalkenhayn E. fon. The German General Staff and Its Decisions, 1914-1916. N. Y, 1920, p. 20-21 (Уткин А.И... С. 90-91)
- ¹⁵⁰³ Шамбаров В. Е... С. 586.
- ¹⁵⁰⁴ Киган Д... С. 404-405.
- ¹⁵⁰⁵ История дипломатии, Т. 2. — М.: 1965 С. 47; (Шацилло В. К... С. 249)
- ¹⁵⁰⁶ Шацилло В. К... С. 367
- ¹⁵⁰⁷ Людендорф. "Mes souvenirs de guerre". (Деникин А. И... Т. 1 С. 172)
- ¹⁵⁰⁸ Деникин А. И... Т. 1 С. 173.
- ¹⁵⁰⁹ Деникин А. И... Т. 1 С. 176. ^{15,0} Макдоно Д... С. 596-597.
- ¹⁵¹¹ Людендорф Э... С. 446
- ¹⁵¹² Деникин А. И... Т. 1 С. 5.
- ¹⁵¹³ Воейков В. Н... С. 302.
- ¹⁵¹⁴ Воейков В. Н... С. 298-299.
- ¹⁵¹⁵ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 6. — М.: 1938 С. 138-141,145-149,171-175. (Шацилло В. К... С. 352)
- ¹⁵¹⁶ Киган Д... С. 393.
- ¹⁵¹⁷ Киган Д... С. 394.
- ^{15,8} Киган Д... С. 419-420.
- ¹⁵¹⁹ Киган Д... С. 404.
- ¹⁵²⁰ Игнатъев... С. 461-462.
- ¹⁵²¹ Киган Д... С. 458.
- ¹⁵²² Шамбаров В. Е... С. 604.
- ¹⁵²³ Tardie, France and America, p. 224-225. (Хауз... Т. 2 С. 61.)
- ¹⁵²⁴ Игнатъев А... С. 492.
- ¹⁵²⁵ Киган Д... С. 421-422.
- ¹⁵²⁶ Киган Д... С. 424.
- ¹⁵²⁷ Киган Д... С. 527.
- ¹⁵²⁸ Киган Д.. С. 527-528.
- ¹⁵²⁹ Соколов Б.Ф... С. 322-323.
- ¹⁵³⁰ Игнатъев... С. 384.
- ⁵⁸⁷
- ¹⁵³¹ Игнатъев... С. 384.
- ¹⁵³² Киган Д... С 409.
- ¹⁵³³ Уткин А. С. 237.
- ¹⁵³⁴ Киган Д... С. 522.
- ¹⁵³⁵ Киган Д... С. 444.
- ¹⁵³⁶ Уэллс Г. Собрание сочинений, Т. 15. — М.: Правда, 1994. (Бушков А... С. 205)
- ¹⁵³⁷ Бушков А... С. 206.
- ¹⁵³⁸ Черчилль У... С. 257.
- ¹⁵³⁹ Шубарт В. Европа... С. 262-263.
- ¹⁵⁴⁰ Шубарт В. Европа... С. 261-262.
- ¹⁵⁴¹ Шубарт В. Европа... С. 116.
- ¹⁵⁴² Деникин А. И... т.2.
- ¹⁵⁴³ Ленин В.И. ПСС, т., 26 С. 22.
- ¹⁵⁴⁴ Ленин В.И. ПСС, Т. 36 С. 84-85.
- ¹⁵⁴⁵ Шамбаров В. Е... С. 605.
- ¹⁵⁴⁶ Лукомский А.С. ген. Из воспоминаний. АРР, кн. 2. — Берлин: 1922.
- ¹⁵⁴⁷ Войтинский В.С... С. 105.
- ¹⁵⁴⁸ Набоков В.Д. Временное правительство С. 41. (Войтинский В.С.. С. 105.)
- ¹⁵⁴⁹ Станкевич Воспоминания С. 123.
- ¹⁵⁵⁰ Войтинский В.С.. С. 137.
- ¹⁵⁵¹ Зайончковский А.М... С. 861.
- ¹⁵⁵² Шубарт В. Европа... С. 275-276.
- ¹⁵⁵³ Черчилль В. Мировой кризис. — М.,Л.: 1932 С. 39. (Хрестоматия... С. 382-383.)
- ¹⁵⁵⁴ Ленин В. ПСС, 5 изд., Т. 30 С. 176.
- ¹⁵⁵⁵ Шамбаров В. Е... С. 491.
- ¹⁵⁵⁶ Шацилло В. К... С. 5.
- ¹⁵⁵⁷ Яковлев Н. Н... С. 309.
- ¹⁵⁵⁸ With the Russian Army p. 349-350.
- ¹⁵⁵⁹ Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 1. — М.: 1934. С. 317 (Шацилло В. К... С. 469)
- ¹⁵⁶⁰ Пуанкаре Р... С. 769. Прим..
- ¹⁵⁶¹ Робин Л. 30.04.1918. Дневник дипломата в России (1917-1918) (Голдин В.И... С. 170-171.)

- 1562 Шульгин В. В... С. 502.
- 1563 Бьюкенен Дж... С. 290.
- 1564 Столыпин, письмо Извольскому 1911.
- 1565 Игнатъев.. С. 296.
- 1566 Союз против России заключен 3.01.1815.
- 1567 Договор 20.11.1815.
- 1568 Шамбаров В. Е... С. 11.
- 1569 Шубарт В. Европа... С. 47
- 1570 Уэллс Г. Д... С. 239
- 1571 Шамбаров В. Е... С. 11.
- 1572 Буровский А.М... С. 172.
- 1373 Гордин Я. А. Кавказ: земля и кровь. — СПб.: Звезда, 1999. (Буровский А.М... С. 172).
- 1574 Буровский А.М... С. 173.
- 1575 Буровский А.М... С. 174.
- 1576 Шамбаров В. Е... С. 12-13.
- 1577 Шамбаров В. Е...
- 1578 Тютчев Ф. Россия и революция, 1848. (Шубарт В. Европа... С. 460)
- 1579 К. Маркс и революционное движение в России». — М.: 1933. (Шубарт В. Европа... С. 460)
- 1580 Керсновский А.А...Т.2 С. 35.
- 1581 Широкоград А. Б... С. 15.
- 1582 Уэллс Г. Д... С. 273.
- 1583 Буровский А.М... С. 182.
- 1584 Шамбаров В. Е... С. 17-18.
- 1585 Шамбаров В. Е... С. 18.
- 1586 Широкоград А. Б... С. 15.
- 1587 Шамбаров В. Е... С. 18-19.
- 588
- 1588 Шамбаров В. Е... С. 20.
- 1389 Шамбаров В. Е... С. 49-50.
- 1590 Шамбаров В. Е... С. 62.
- 1591 Уткин А. И... С. 17-18.
- 1592 Ганс Дельбрюк, ведущий историк Германии. (Такман Б... С. 73.)
- 1593 Меморандум «О целях войны» прусского министра внутренних дел фон Лебеля от 29.11.1914. (Заговор против мира. Факты и документы. — М.: 1934 С. 151—155; Международные отношения 1870—1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 346-349; (Шацилло В. К... С. 95, 257).
- 1594 РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 443. Л. 21-22. (Шацилло К.Ф... С. 202.)
- 1595 Аникин А. История финансовых потрясений. — М.: Олимп-Бизнес. 2000, 384 С. С. 53.
- 1596 Уэллс Г. Д... С. 242
- 1597 Пушкарев С.Г. Россия 1801-1917: власть и общество. — М.: Посев, 2001 С. 205. (Буровский А... С. 136).
- 1598 О Торговом контроле, которым обладает Англия по отношению к России. "Portfolio", т.2, т.5 С. 87, франц. Изд. 1837. (Покровский М..., т.3 С. 79-80).
- 1599 Покровский М..., т.3 С. 81.
- 1600 Покровский М..., т.3 С. 82.
- 1601 Татищев С..., кн. 1., 219-220 с.
- 1602 Татищев С..., кн. 1 С. 219.
- 1603 Пальмерстон — Дж. Эбердину 7(19).03.1854. The Later correspondence of lord G. Russell. L. 1876. Vol. II. P. 160-161. (Хрестоматия... С. 285.)
- 1604 Rubinow. Russia's wheat trade. — Washington 1908. (Покровский М..., Т. 3 С. 100)
- 1605 Лященко П.И. История народного хозяйства СССР, Т. 1. — М.: 1952 С. 450. (Тимошина Т.М... С. 115)
- 1606 Кошелев Записки С. 81-82. (Покровский М..., Т. 3 С. 102)
- 1607 Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988 С. 187-188.
- 1608 Wolkoff-Mouromtsoff A. Memoirs, L., 1928, p. 49 (Федоров Б. Г... С. 506)
- 1609 Шамбаров В. Е... С. 15-16.
- 1610 Кропоткин П.А. Записки революционера. — М.: Московский рабочий, 1988 С. 190-191.
- 1611 Покровский М..., т.3 С. 142-143.
- 1612 Горчаков 21.11.1864. (Татищев С..., кн. 2 С. 109-110.)
- 1613 Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. -М.: Наука, 1975 С. 145-146. (Буровский А... С. 169.)
- 1614 См. так же Айни С. Рабы. —М.: Художественная литература, 1954. С. 12-17. (Буровский А.М... С. 170).
- 1615 Толбухов Е. Устроитель Туркестанского края // Исторический вестник. 1913. № 6 С. 906-907

- (Широкоград А. Б... С. 102-103)
- ¹⁶¹⁶ Широкоград А. Б... С. 103.
- ¹⁶¹⁷ Глуценко Е. Герои Империи: Портреты российских колониальных деятелей. — М.: XXI век — Согласие, 2001 С. 63 (Широкоград А. Б... С. 103-104)
- ¹⁶¹⁸ Авторханов. Империя Кремля. Советский тип колониализма. — Франкфурт: Посев, 1988.
- (Буровский А.М... С. 214-215.)
- ¹⁶¹⁹ Широкоград А. Б... С. 104.
- ¹⁶²⁰ Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 308.
- ¹⁶²¹ Покровский М..., т. 3 С. 263.
- ¹⁶²² Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 208, см так же с.201.
- ¹⁶²³ Семенов Ю. Без единого выстрела. — М.: Молодая гвардия, 1983 С. 265. (Широкоград А. Б... С. 159)
- ¹⁶²⁴ Семенов Ю. Без единого выстрела. — М.: Молодая гвардия, 1983 С. 277. (Широкоград А. Б... С. 160-161.)
- ¹⁶²⁵ Рыбас С... С. 161.
- ¹⁶²⁶ Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 206.
- ¹⁶²⁷ Correy. Shadows of coming events or the eastern menace. London, 1876. (Татищев С..., кн. 2. С. 357.)
- ¹⁶²⁸ Полковник Столетов, Красноводск, 1870. (Широкоград А. Б... С. 488, прил.)
- ⁵⁸⁹
- ¹⁶²⁹ Записка генерал-адъютанта М. Д. Скобелева о походе в Индию/ В кн.: Военная энциклопедия/ Под ред. К. Величко, В. Новицкого, А. Фон-Шварца, СПб, 1912. Т. 10 С. 618-621 (Широкоград А. Б... С. 490, прил.)
- ¹⁶³⁰ Татищев С..., кн. 2 С. 309.
- ¹⁶³¹ Горчаков, 24.02.1869. (Татищев С..., кн. 2 С. 114.)
- ¹⁶³² Широкоград А.Б... С. 224-225.
- ¹⁶³³ История дипломатии/ Под ред. А. Громыко, И. Земскова и др. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963, Т. 2 С. 68 (Широкоград А. Б... С. 116)
- ¹⁶³⁴ Союз от 9.08.1878. Халфин Н. Победные трубы Майванда. М., Наука, 1980 С. 59-60.
- (Широкоград А. Б... С. 120.)
- ¹⁶³⁵ См. подробнее Широкоград А. Б... С. 105 — 110.
- ¹⁶³⁶ Шамбаров В. Е... С. 21.
- ¹⁶³⁷ Татищев С..., кн. 2 С. 313.
- ¹⁶³⁸ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 370.
- ¹⁶³⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. 1869.
- ¹⁶⁴⁰ Kohn Hans. Pan Slavism: Its History and Ideology — New York Vintage Books, 1960. — p. 184-186. (Хоскинг Дж... С. 399.)
- ¹⁶⁴¹ История дипломатии/ Под ред. А. Громыко, И. Земскова и др. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963, Т. 2 С. 122 (Широкоград А. Б... С. 257)
- ¹⁶⁴² Достоевский Ф.М..., т.3 С. 375.
- ¹⁶⁴³ Александр М... С. 34.
- ¹⁶⁴⁴ Покровский М. т. 3... С. 282.
- ¹⁶⁴⁵ Татищев. Александр П. Покровский М., Т. 3... С. 283.
- ¹⁶⁴⁶ Покровский М, Т. 3... С. 283.
- ¹⁶⁴⁷ Сухомлинов В. А... С. 215.
- ¹⁶⁴⁸ См хотя бы Достоевский Ф.М..., т.3 С. 378.
- ¹⁶⁴⁹ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 381.
- ¹⁶⁵⁰ Бьюкенен Дж... С. 45.
- ¹⁶⁵¹ Бьюкенен Дж... С. 61.
- ¹⁶⁵² Бьюкенен Дж... С. 42,49.
- ¹⁶⁵³ Бьюкенен Дж... С. 24.
- ¹⁶⁵⁴ Бьюкенен Дж... С. 24.
- ¹⁶⁵⁵ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 383- 384.
- ¹⁶⁵⁶ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 385.
- ¹⁶⁵⁷ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 387.
- ¹⁶⁵⁸ См хотя бы Достоевский Ф.М..., т.3 С. 379.
- ¹⁶⁵⁹ Покровский М..., Т. 3 С. 243.
- ¹⁶⁶⁰ Рыбас С... С. 169.
- ¹⁶⁶¹ Скальковский К... С. 62.
- ¹⁶⁶² Скальковский К..., С. 71.
- ¹⁶⁶³ Скальковский К..., С. 71.
- ¹⁶⁶⁴ Достоевский Ф.М..., т.3 С. 376.
- ¹⁶⁶⁵ Покровский М..., Т. 3 С. 195.

- ¹⁶⁶⁶ Покровский М..., Т. 3 С. 291.
- ¹⁶⁶⁷ Исторический вестник, 1884, кн. 12. (Покровский М., Т. 3... С. 288).
- ¹⁶⁶⁸ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 28 тт. — М., Л.: Наука, 1968.
- ¹⁶⁶⁹ Кремлев С. Россия и Германия: сравнить!: От Версаля Вильгельма к Версалю Вильсона. Новый взгляд на старую войну / С. Кремлев. — М.: «Издательство АСТ»: «Издательство Астрель», 2003. — 318 С. (Великие противостояния) С. 45-47.
- ¹⁶⁷⁰ Покровский М..., т.3 С. 271.
- ¹⁶⁷¹ Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 123.
- ¹⁶⁷² Стасов В.В. Письма к родным. В 3-х тт. — М.: Государственное музыкальное издательство, 1953.
- ¹⁶⁷³ Curzon G. N. Persia and the Persian question. Lnd., 1892, vol. 2, p. 621.
- ¹⁶⁷⁴ См. подробнее Широкопад А. Б... С. 401-402.
- ¹⁶⁷⁵ Татищев С..., кн. 2 С. 357.
- ⁵⁹⁰
- ¹⁶⁷⁶ См. подробнее: Похлебкин В. Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. — М.: Международные отношения, 1995, кн. 1 С. 759.
- ¹⁶⁷⁷ Обручев В.А. Плутония. — М.: Географгиз, 1956. (Буровский А.М... С. 204.)
- ¹⁶⁷⁸ Лондон Дж. Морской волк. Собр. соч. т.4., М.: Художественная литература, 1955; Платов Л.Н. Повести о Велгугине. -М.: Детгиз, 1969; Алдан-Семенов А.И. Зеленый крест. Сага о Севере. — М.: Московский писатель, 1968; Рытхэу Ю. Иней на пороге. — М.: Советская Россия, 1971. (Буровский А.М... С. 205.)
- ¹⁶⁷⁹ Россия и Япония на заре XX столетия/ Под ред. В. Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994 С. 70; (Широкопад А. Б... С. 422.)
- ¹⁶⁸⁰ Н.Обручев — Николаю II, 30.03.1895. Обручев Н. Н. Соображения, высказанные мною в начале японо-китайской войны, 1895; РГВИА (ф. 447); Айрапетов О. Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830-1904), СПб, 1998 С. 156-165. (Каширин В... С. 41-42)
- ¹⁶⁸¹ Обручев Н. Н. Соображения, высказанные мною в начале японо-китайской войны, 1895 (Каширин В... С. 42)
- ¹⁶⁸² См. подробнее: Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В. Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994 С. 74. См.: так же Гладких С. А. Проблема приобретения Россией незамерзающего военного порта на Дальнем Востоке // Гангут, 1998, Вып. 16 и (Каширин В... С. 42)
- ¹⁶⁸³ РГВИА, ф. 447, оп. 1, ед. хр. 69, л.1 (Каширин В.. С. 44)
- ¹⁶⁸⁴ Куропаткин А. Н. Русско-японская война 1904-1905. Итоги войны. — СПб: 2002 С. 141, 147 (Каширин В... С. 44)
- ¹⁶⁸⁵ Каширин В... С. 44.
- ¹⁶⁸⁶ Россия и Япония на заре XX столетия/ Под ред. В.Золотарева. М.: АРБИЗО, 1994 С. 78; Широкопад А. Б... С. 426.
- ¹⁶⁸⁷ Обручев Н. Н. Соображения, высказанные мною в начале японо-китайской войны, 1895 (Каширин В... С. 42-43)
- ¹⁶⁸⁸ Витте С.Ю. Т.1 С. 223-224.
- ¹⁶⁸⁹ Витте С.Ю... Т. 1С. 231.
- ¹⁶⁹⁰ Витте С.Ю... Т. 1 С. 233-234.
- ¹⁶⁹¹ Витте С.Ю... Т. 1 С. 236.
- ¹⁶⁹² Витте С.Ю... Т. 1 С. 225.
- ¹⁶⁹³ Витте С.Ю... Т. 1 С. 239.
- ¹⁶⁹⁴ Широкопад А. Б... С 433.
- ¹⁶⁹⁵ Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В. Золотарева. — М.: АРБИЗО, 1994 С. 80; (Широкопад А. Б... С. 431.)
- ¹⁶⁹⁶ Широкопад А. Б... С. 433.
- ¹⁶⁹⁷ Витте С.Ю... Т. 1 С. 280,283.
- ¹⁶⁹⁸ Витте С.Ю... Т. 1 С. 280,283.
- ¹⁶⁹⁹ Доливо-Добровольский Б. Тихоокеанская проблема. — М.: Высший военный редакционный совет, 1924 С. 146; (Широкопад А. Б... С 420.)
- ¹⁷⁰⁰ Россия и Япония на заре XX столетия/ Под ред. В. Золотарева. — М.: АРБИЗО, 1994 С. 323; (Широкопад А. Б... С. 442-443.)
- ¹⁷⁰¹ Россия и Япония на заре XX столетия / Под ред. В. Золотарева. — М.: АРБИЗО, 1994 С. 323; (Широкопад А. Б... С. 442.)
- ¹⁷⁰² Донесение Вогака от 16 февраля 1895 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Секретно. Вып. LXI, СПб., 1895 С. 107,109 (Каширин В... С. 40)
- ¹⁷⁰³ Военный сборник. 1899, № 6 С. 112, 125, 126-128 (Айрапетов О... С. 51)
- ¹⁷⁰⁴ Александр М... С. 205.

- 1705 Александр М... С. 207.
- 1706 Широкоград А. Б... С. 447,453.
- 1707 Вихров А. Пропавшая армия // Родина, 2004, № 1 С. 62
- 1708 Свечин А. Тактические уроки русско-японской войны.— СПб.: 1912 С. 2 (Айрапетов О... С. 51)
- 1709 Příloha casu k cislu 47.1904.16. II (Шевченко К. «Как славяне, мы верим в победу...» // Родина, 2004, № 1 С. 67)
- 1710 Александр М... С. 212.
- 591
- 1711 Витте С.Ю... Т. 1 С. 335,336.
- 1712 Витте С.Ю... Т. 1 С. 425. (т.2 С. 291)
- 1713 Потто В.А. Кавказская война.
- 1714 Витте С.Ю... Т. 1 С. 218.
- 1715 Дневник А. Н. Куропаткина. — М.: 1923 С. 36 (Айрапетов О... С. 51)
- 1716 Бисмарк... Т. 2 С. 297-298.
- 1717 РГВИА Ф. 2000. ГУ ГШ. Описание 1. Д. 346, Л. 101. (Шацилло К.Ф... С. 121.)
- 1718 РГВИА Ф. 2000. ГУ ГШ. Описание 1. Д. 346, Л. 194. (Шацилло К.Ф... С. 122.)
- 1719 Александр М... С. 241.
- 1720 Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму. Русский исторический журнал Т. III, 2000, № 1-4. — М: Институт русской истории РГГУ — 724 с. С 619-620.
- 1721 Buchanan, My Mission to Russia, 2: 235 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 173)
- 1722 Киган Д... С 559.
- 1723 Макдоно Д... С. 492
- 1724 Манчестер У... С. 269.
- 1725 Ю. Кузнецов и В. Никольский. Введение в теорию национальной безопасности — А.А. Верный, 1999. 808 С. 643.
- 1726 Беседа с русским военным агентом начальника Генерального штаба Германии Мольтке. Бюлов Б. Воспоминания. — М.; Л.: 1935 С 7. (Шацилло К. Ф... С. 214.)
- 1727 Флот в Первой мировой войне. Т. 1-2. — М.: 1964 С. 25 (Шацилло К. Ф... С. 214.)
- 1728 Гогенцоллерн В. Мемуары. — Пг.: 1923 С. 10 (Шацилло К. Ф... С. 215.)
- 1729 Вильгельм II. Речь 3 июля 1900 на церемонии спуска на воду броненосца «Виттельсбах».
- (Макдоно Д... С 370)
- 1730 Макдоно Д... С. 351
- 1731 Разговор Вильгельма и Керра. 1908 г. (Макдоно Д... С. 470-471)
- 1732 Вильгельм — Николаю, 3.01.1902. (Макдоно Д... С. 408-409)
- 1733 Макдоно Д... С. 376
- 1734 Тирпиц А. Воспоминания. — М.: 1957. С. 99,154,252. (Шацилло К. Ф. С 215-220.)
- 1735 Вальдерзее. Дневник, запись 3.11.1901. (Макдоно Д... С. 413)
- 1736 История дипломатии Т. II М., 1963. С. 625 (Шацилло К. Ф... С. 215.).
- 1737 Гардинг — Вильгельму, Вовремя встречи кайзера и короля Эдуарда VII в августе 1908 г. (Историк марксист. № 117, р. 185. (Шацилло К. Ф... С 225.))
- 1738 Артур Ли, речь 4.02.1905 г. (Флот в Первой мировой войне Т. 1-2. — М.: 1964. Р. 95 (Шацилло К.Ф... С. 220-221.))
- 1739 Артур Ли. Речь, 4.02.1905. (Макдоно Д... С. 428-429)
- 1740 Макдоно Д... С. 469-470
- 1741 Историк-марксист. № 124, р. 197. (Шацилло К. Ф... С. 220-221.).
- 1742 Макдоно Д... С. 437
- 1743 Гогенлоэ дневник, запись 19.06.1889. (Макдоно Д... С. 261)
- 1744 Вильгельм — Николаю II 19.11.1903. (Макдоно Д... С. 420)
- 1745 Макдоно Д... С. 471
- 1746 Макдоно Д... С. 474
- 1747 Вильгельм — Николаю, 04.1911. (Макдоно Д... С. 497)
- 1748 Людендорф Э... С213
- 1749 Макдоно Д... С. 469-470
- 1750 Павлович М. Милитаризм, маринизм и война 1914-1915 гг. t.V. ч. II. — М.: 1924 С. 209. (Шацилло К.Ф... С 213.).
- 1751 Вильгельм, запись 8.01.1912. (Макдоно Д... С. 504)
- 1752 Макдоно Д.. С. 510.
- 1753 Историк марксист. № 442-443, р. 598—600. (Шацилло К. Ф... С 229.).
- 1754 Бюлов Б. Воспоминания. — М., Л.: 1935. С. 362. Шацилло К. Ф... С. 227.).
- 1755 Макдоно Д... С. 510.
- 1756 Бовыкин В.И. Из истории возникновения Первой мировой войны.—М.: 1961. С. 71. (Шацилло К.Ф... С 187.)
- 1757 Макдоно Д... С. 507

- 1758 Макдоно Д... С. 492
- 1759 Бюлов, 6.11.1905. (Макдоно Д... С. 374)
- 592
- 1760 Макдоно Д... С. 513.
- 1761 Макдоно Д... С. 509.
- 1762 Работы офицеров МГШ. Т. I-IV — СПб.: 1906-1907. Т. 1. С. 59. (Шацилло К. Ф... С. 218.).
- 1763 Макдоно Д... С. 428.
- 1764 Макдоно Д... С. 475.
- 1765 Бюлов Б. Воспоминания. — М., Л.: 1935 С. 363. (Шацилло К. Ф... С. 233.)
- 1765 Ллойд-Джордж Д. Военные мемуары. — М.: 1934. Т. II С. 35. (Шацилло К. Ф..., 233.)
- 1767 Уткин А.И... С. 20.
- 1768 Бьюкенен Дж... С. 154.
- 1769 Meinecke J. Ausgewaher Briefwechsel. Stuttgart, 1962, S. 47. (Уткин А.И... С. 16)
- 1770 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 339.
- 1771 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 440.
- 1772 4.10.1914 телеграмма послу Бьюкенену в Петроград. (Уткин А.И... С. 97.)
- 1773 Уткин А.И... С. 145.
- 1774 Черчилль У... С. 271.
- 1773 Фостер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Прусско-германский генеральный штаб. К его политической роли в истории. — М.: 1966 С. 120. (Шацилло К. Ф... С. 233.)
- 1776 Der Weltkrieg, Band VI, Berlin, 1925, S. 95-96 (Уткин А.И... С. 81)
- 1777 Киган Д... С. 30.
- 1778 Сазонов С.Д. Воспоминания. — Париж: 1927.; — М.: 1991. С. 25. (Хрестоматия... с. 377-378.)
- 1779 Такман Б... С. 45.
- 1780 Игнатьев А. В. Внешняя политика России 1907-1914. Тенденции. Люди. События. — М.: 2000 С. 70.
- 1781 Шамбаров В. Е... С. 60-61.
- 1782 Бьюкенен Дж... С. 96.
- 1783 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 264.
- 1784 Бисмарк О. Мемуары..., Т. 1 С. 306.
- 1785 Харенберг Б...С. 720.
- 1786 Шамбаров В. Е... С. 16-17.
- 1787 Широкоград А. Б... С. 88.
- 1788 Бисмарк О...
- 1789 Керсновский А.А..., Т. 2 С. 173.
- 1790 Шамбаров В. Е... С. 19.
- 1791 Восточный вопрос во внешней политике России. Конец XVIII- начало XX в. / Под ред. Н. Княпина. — М: Наука, 1978 С. 180 (Широкоград А. Б... С. 88)
- 1792 Воейков В. Н... С. 40.
- 1793 Речь Бисмарка в Рейхстаге 19.02.1878. (Бисмарк О...)
- 1794 Витте С.Ю... Т. 1.С. 439.
- 1795 Горянинов. Босфор и Дарданеллы С. 316. (Покровский М., 3 т... С. 275.)
- 1796 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 226.
- 1797 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 248.
- 1798 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 249.
- 1799 Покровский М..., Т. 3 С. 276.
- 1800 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 223.
- 1801 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 294-295.
- 1802 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 241-242 прим.
- 1803 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 252.
- 1804 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 227.
- 1805 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 267.
- 1806 Шамбаров В. Е... С. 33.
- 1807 Витте С.Ю... Т. 1 С. 437.
- 1808 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 222.
- 1809 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 245.
- 1810 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 249.
- 1811 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 271-272.
- 1812 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 513.
- 593
- 1813 Макдоно Д...С. 167.
- 1814 Макдоно Д...С.212
- 1815 Фрейд М. Драма 99 дней. Болезнь и смерть Фридриха III. 1966. (Макдоно Д... С. 178)

- 1816 Макдоно Д... С. 167.
- 1817 Макдоно Д... С. 220-221
- 1818 Макдоно Д... С. 178
- 1819 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 516-517.
- 1820 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 521.
- 1821 Макдоно Д... С. 254-255
- 1822 Макдоно Д... С. 221
- 1823 Макдоно Д... С. 230
- 1824 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 521.
- 1825 Запись 1.06.1895. Ламздорф В. Н. Дневник. 1894-1896. — М.: Международные отношения, 1991.
- 1826 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 287.
- 1827 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 261.
- 1828 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 230.
- 1829 Макдоно Д... С. 267-268.
- 1830 Макдоно Д... С. 275.
- 1831 Витте С.Ю... Т. 1 С. 439.
- 1832 Макдоно Д... С. 284.
- 1833 Макдоно Д... С. 295.
- 1834 Шамбаров В. Е... С. 24, 35.
- 1835 Игнатъев А... С. 296-297.
- 1836 Вильгельм II — Гогенлоз 25.10.1896. (Макдоно Д... С. 339)
- 1837 Вильгельм II — Николаю II 25.10.1895 и 30.05.1898. (Макдоно Д... С. 324, 357-358)
- 1838 Вильгельм II — Николаю II 4.01.1894. (Макдоно Д... С. 315)
- 1839 Вильгельм II — британскому военному атташе Уотерсу, май 1901 г. (Макдоно Д... С. 401)
- 1840 Вильгельм II — Николаю II 26.04, 10.07.1895 г. (Макдоно Д... С. 315)
- 1841 Вильгельм — Николаю II 19.11.1903. (Макдоно Д... С. 420)
- 1842 Вильгельм — Николаю, 8,9.01.1904. (Макдоно Д... С. 421)
- 1843 Александр М... С. 200.
- 1844 Макдоно Д... С. 423-424
- 1845 Витте С. Ю..., Т. 1. С. 459-460.
- 1846 Витте С.Ю. Т1 , С. 455
- 1847 История дипломатии / Под ред. А. Громько, И. Земскова и др. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963, Т. 2 С. 563; (Широкоград А. Б... С. 475)
- 1848 Извольский А. Воспоминания. — М.: Международные отношения, 1989 С. 43.
- 1849 Вильгельм — Николаю, 27.07.1905. (Макдоно Д... С. 440)
- 1850 Макдоно Д... С. 441
- 1851 Вильгельм — Николаю, 26.09.1905. (Макдоно Д... С. 444-445)
- 1852 Вильгельм в беседе с британским консулом в Мюнхене Тауэром, август 1905. (Макдоно Д... С. 443)
- 1853 Витте С.Ю... Т. 1 С. 405.
- 1854 Витте С.Ю... Т. 1С. 571.
- 1855 Витте С.Ю... Т. 1 С 663.
- 1856 История дипломатии / Под ред. А. Громько, И. Земскова и др. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1963, Т. 2 С. 564; (Широкоград А. Б... С. 476)
- 1857 Вильгельм — Николаю, 21.02.1905. (Макдоно Д... С. 431)
- 1858 Александр М... С. 215.
- 1859 Шубинский Н. П. Памяти П.А.Столыпина. Речь, 5.09.1913 в ЦК «Союза 17 октября» в Москве Правда Столыпина. — Саратов: 1999 С. 95 (Бородин А.П... С. 70)
- 1860 Вильгельм — Николаю, 6.02.1905. (Макдоно Д... С. 430-431)
- 1861 Вильгельм — Николаю, 21.02.1905. (Макдоно Д... С 431)
- 1862 Бьюкенен Дж... С. 57.
- 1863 Вильгельм — Николаю, 9.01.1909. (Макдоно Д... С. 486)
- 1864 Сухомлинов В. А... С. 200.
- 594
- 1865 Сухомлинов В. А... С. 204.
- 1866 Федоров Б. Г... С. 572.
- 1867 Рыбас С... С. 195.
- 1868 Игнатъев... С. 318-319.
- 1869 Игнатъев... С. 318.
- 1870 Вильгельм записи, 11.1910, 03.1911. (Макдоно Д... С. 496)
- 1871 Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. — М.: 1961 С. 231. (Шацилло К.Ф... С. 188.)
- 1872 Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. — М.: 1961 С. 473. (Шацилло К.Ф... С. 188)

- 1873 Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. — М.: 1961, (Шацилло К.Ф... С. 187.)
- 1874 Бьюкенен Дж... С. 73.
- 1875 Бьюкенен Дж... С. 74.
- 1876 Бьюкенен Дж... С. 93.
- 1877 Бьюкенен Дж... С. 93.
- 1878 Бьюкенен Дж... С. 124.
- 1879 Черчилль У... С. 433-434.
- 1880 Бьюкенен Дж... С. 94.
- 1881 РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 2535. Л. 95-97, 101. (Шацилло К.Ф... С. 203-204.)
- 1882 Макдоно Д.. С. 515.
- 1883 Беседа Лихновского с Холденом, 3.12.1912. (Макдоно Д... С. 515)
- 1884 Вильгельм, 8.12.1912. (Макдоно Д.. С. 515)
- 1885 Макдоно Д.. С. 516.
- 1886 Макдоно Д.. С. 516-517.
- 1887 Шацилло В. К... С. 19.
- 1888 Такман Б... С. 119.
- 1889 Сухомлинов В.А... С. 277.
- 1890 Шамбаров В. Е... С. 51.
- 1891 Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 г. — М.: 1922 С. 583.
(Шацилло К.Ф... С. 192.)
- 1892 9-е совещание, август 1913 г. Материалы по истории франко-русских отношений за 1910-1914 г. — М.: 1922 С. 717. (Шацилло К.Ф... С. 192.))
- 1893 Бьюкенен Дж... С. 122.
- 1894 Макдоно Д... С. 519.
- 1895 Ревентлов. Кайзер и монархисты, 1913. (Макдоно Д... С. 519)
- 1896 Макдоно Д... С. 520.
- 1897 Макдоно Д... С. 520.
- 1898 Макдоно Д.. С. 530.
- 1899 Милоков П. Н... С. 454-455.
- 1900 Макдоно Д.. С. 530.
- 1901 Милоков П.Н... С. 472—473.
- 1902 Фонд Секретный архив министерства Оп. 470. Д. 215. Л. 3. (Шацилло К.Ф... С. 338.)
- 1903 Вильгельм, События и образы, 1922. (Макдоно Д... С. 550)
- 1904 М. Варбург, июнь 1914 г. (Макдоно Д... С. 539-540)
- 1905 Пуанкаре Р.. С. 68.
- 1906 Шамбаров В. Е... С. 84.
- 1907 Макдоно Д.. С. 526
- 1908 Воейков В. Н... С. 64,65.
- 1909 Милоков П. Н... С. 474.
- 1910 Шамбаров В. Е... С. 78.
- 1911 Шамбаров В. Е... С. 63.
- 1912 Шамбаров В.Г. Государство и революция. — М.: Алгоритм, 2001. — 592 с. С. 12.
- 1913 Макдоно Д... С. 544
- 1914 Киган Д.. С. 68.
- 1915 Макдоно Д... С. 544
- 1916 Из протокола заседания совета министров Австро-Венгрии от 7.07.1914 Вена (Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 260-261; Шацилло В.К... С. 50)
- 1917 Пуанкаре Р.. С. 682.
- 595
- 1918 Макдоно Д... С. 546
- 1919 Вильгельм II запись на полях депеши Лихновского, 24.07.1914. (Макдоно Д... С. 547-548)
- 1920 Макдоно Д... С. 548
- 1921 Макдоно Д... С. 554-555
- 1922 Макдоно Д... С. 536
- 1923 Вильгельм II — Николаю II, телеграмма 31.07.1914. (Макдоно Д... С. 555)
- 1924 Николай II — Вильгельму II, 16/29.07.1914. Телеграмма (Международные отношения в эпоху империализма. Серия III, Т. 1. — М.: 1935 С. 489; Шацилло В. К... С. 72)
- 1925 Вильгельм II — Георгу V, телеграмма 31.07.1914. (Макдоно Д... С. 555-556)
- 1926 Макдоно Д... С. 556.
- 1927 Милоков П. Н... С. 476-477.
- 1928 Воейков В. Н... С. 69-70.
- 1929 Макдоно Д... С. 549.
- 1930 Вильгельм, События и образы, 1922. (Макдоно Д... С. 550)

- 1931 Макдоно Д... С. 554-555.
- 1932 Киган Д... С. 75.
- 1933 Киган Д... С. 77.
- 1934 Киган Д... С. 79-80.
- 1935 Милуков П. Н... С. 476.
- 1936 Такман Б... С. 135-136.
- 1937 Киган Д... С. 77-78; 83, 84.
- 1938 Киган Д... С. 27-29.
- 1939 Такман Б... С. 84-85.
- 1940 Каугский К...
- 1941 Такман Б... С. 104.
- 1942 Такман Б... С. 103.
- 1943 Такман Б... С. 424.
- 1944 Такман Б... С. 104.
- 1945 Игнатъев... С. 297.
- 1946 Игнатъев... С. 322.
- 1947 Сухомлинов В.А... С. 215.
- 1948 Пуанкаре Р... С. 480-481.
- 1949 Такман Б... С. 72.
- 1950 Шамбаров В. Е...С.61.
- 1951 Такман Б... С. 361.
- 1952 Игнатъев А... С. 491.
- 1953 Такман Б... С. 76.
- 1954 Шамбаров В. Е... С. 98.
- 1955 Игнатъев А... С. 306.
- 1956 Такман Б... С. 81.
- 1957 Такман Б... С. 266.
- 1958 Такман Б... С. 267.
- 1959 Такман Б... С. 92.
- 1960 Такман Б... С. 95.
- 1961 Министр иностранных дел Германии фон Ягов — германскому послу в Лондоне К.М. Лихновскому, 15.07.1914. Секретно. Берлин (Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 267; Шацилло В. К... С. 52)
- 1962 Германский посол в Лондоне К. М. Лихновский — рейхсканцлеру Т. Бетман-Гольвегу, 9.07.1914г. Секретно. Лондон (Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 266; Шацилло В. К... С. 51)
- 1963 Австро-венгерский посол в Берлине Сегени — министру иностранных дел Австро-Венгрии Берхтольду, 12.07.1914. Берлин (Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 266-267; Шацилло В. К... С. 51-52)
- 1964 Германский посол в Лондоне К. М. Лихновский — министру иностранных дел Германии фон Ягову, 24.07.1914. Лондон (Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 272; Шацилло В. К... С. 55)
- 1965 Такман Б... С. 126.
- 596
- 1966 Такман Б... С. 163.
- 1967 Министр иностранных дел России С. Д. Сазонов — послу России в Лондоне А.К. Бенкендорфу, 12/25.07. 1914. Телеграмма № 1489 (Международные отношения в эпоху империализма. Серия III, Т. 1. — М.: 1935 С. 450-452; Шацилло В. К... С. 58)
- 1968 Посол Англии во Франции сэра Ф. Верти — министру иностранных дел Англии сэру Э. Грейю, 30.07.1914. (Германская Белая книга о возникновении германо-русско-французской войны. — Пп: 1915 С. 77-78) (Шацилло В. К... С. 77)
- 1969 Пуанкаре Р... С. 764, прим.
- 1970 МакдоноД... С. 564.
- 1971 МакдоноД...С.572
- 1972 Шамбаров В. Е... С. 50.
- 1973 Такман Б... С. 179.
- 1974 Такман Б... С. 148.
- 1975 Такман Б... С. 148.
- 1976 Шамбаров В. Е... С. 84-85.
- 1977 Такман Б... С. 144.
- 1978 Такман Б... С. 174-175.
- 1979 Ллойд Джордж Д... С.22.
- 1980 Александр М... С. 246.

- 1981 История внешней политики России (конец XIX — начало XX века) — М.: Международные отношения, 1997 С. 316.
- 1982 Ллойд Джордж Д. Священная война (Речь 28.02.1915 в Бангоре) (Ллойд Джордж Д... С. 87-88)
- 1983 Шамбаров В. Е... С. 38-39.
- 1984 Кремлев С... С. 96.
- 1985 Fisher J. A. *Memories*, Lnd., 1919 С. 126-127 (Широкоград А. Б... С. 454)
- 1986 Милюков П. Н... С. 458.
- 1987 МакдоноД... С. 553
- 1988 Такман Б... С. 111.
- 1989 L. von Schweinitz. *Denkwurdigkeiten*, В. II. 1927. Berlin, S. 328. (Горянин А... С. 23.)
- 1990 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 270.
- 1991 Достоевский Ф.М... С. 467-470.
- 1992 Достоевский Ф.М..., Т. 2, с 240-246.
- 1993 Салтыков-Щедрин М. Е. За рубежом... С. 79, 80, 87.
- 1994 Вебер М. Переход России к псевдоконституционализму. *Русский исторический журнал* Т. III, 2000, № 1-4. — М.: Институт русской истории РГГУ. 724 С. С. 619-620.
- 1995 РГВИА Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 687. Л. 198. (Шацилло К.Ф... С. 207.)
- 1996 РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 687. Л. 126. (Шацилло К.Ф... С. 207.)
- 1997 РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 705. Л. 8. (Шацилло К.Ф... С. 206.)
- 1998 Александр М... С. 241.
- 1999 РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 2535. Л. 136. (Шацилло К.Ф... С. 205)
- 2000 Фостер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Прусско-германский генеральный штаб. К его политической роли в истории. — М.: 1966 С. 120. (Шацилло К.Ф... С. 206.)
- 2001 Бьюкенен Дж... С. 128-129.
- 2002 Фостер Г., Гельмерт Г., Отто Г., Шниттер Г. Прусско-германский генеральный штаб. К его политической роли в истории. — М.: 1966 С. 120. (Шацилло К.Ф... С. 206.)
- 2003 Э. Хауз — президенту. 29.05.1914 и 17.06.1914. (Хауз..., Т. 1 С. 64, 95.)
- 2004 Сухомлинов В.А... С. 293.
- 2005 Игнатъев... С. 313.
- 2006 Бовыкин В.И. Очерки внешней политики России. — М.: 1960. С. 103. (Шацилло К.Ф... С. 191.)
- 2007 МакдоноД...С. 552.
- 2008 Сухомлинов В.А... С. 228-229, 302.
- 2009 Милюков П. Н... С. 474.
- 2010 Шульгин В. Годы. Дни. 1920 год. — М.: 1990 С. 366-367. (Бородин А.П... С. 50)
- 2011 Игнатъев... С. 300-301.
- 2012 Брусилов А.А. Мои воспоминания. — М.: 2001. С. 55, 56. (Бородин А.П... С. 362)
- 597
- 2013 Сухомлинов В. А... С. 488-498, прим.
- 2014 Сухомлинов В.А... С. 289.
- 2015 Сухомлинов В. А... С. 315.
- 2016 Уткин А. И... С. 24.
- 2017 Сухомлинов В.А... С.
- 2018 Бок. (Столыпина) М.П., П.А. Столыпин. С. 321.
- 2019 Витте С.Ю. Избранные воспоминания. — М.: Мысль, 1991 С. 436-437.
- 2020 ЦГАВМФ. Ф. 701, оп. 1, д.5 С. 71. (Мультиатули П. В...)
- 2021 *Werner Beumelburg. La Guerre de 14-18 racontue par un Allemand.*
- 2022 МГАВМФ. Ф. 701, оп. 1, д. 5 С 75. (Мультиатули П. В...)
- 2023 Чавчавадзе Д. Великие князья. — Екатеринбург: СВ-96, 1998. С. 171.
- 2024 Киган Д... С. 77.
- 2025 Воейков В. Н... С. 68-69.
- 2026 Воейков В. Н... С. 72-73.
- 2021 Воейков В. Н... С. 72-73.
- 2028 Воейков В. Н... С. 71.
- 2029 Александр М... С. 184.
- 2030 Милюков П. Н... С. 477-479.
- 2031 LievenD.C.B. *Russia and the Origins ofthe First World War.* —London: Macmillan, 1983. — p. 142-143. (Хоскинг Дж. Россия и русские в 2 кн., —М.: АСТ, Транзиткнига, 2003. — 492 С. С. 57.
- 2032 Александр М... С. 173-174.
- 2033 Воейков В. Н... С. 71.
- 2034 История внешней политики России, (конец XIX — начало XX века), М., Международные отношения, 1997 С. 226-227.
- 2035 Такман Б... С. 121-122.
- 2036 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 256-257.

- 2037 Такман Б... С. 359-360.
- 2038 РГВИА. Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 443. Л. 21-22. (Шацилло К.Ф... С. 202.)
- 2039 Такман Б... С. 359-360.
- 2040 Бернарди, Германия и следующая война, 1911 (Такман Б... С. 49-50)
- 2041 Бернарди, Германия и следующая война. (Шамбаров В. Е... С. 65-66.)
- 2042 Такман Б... С. 62.
- 2043 Шамбаров В. Е... С. 66.
- 2044 Шамбаров В. Е... С. 66-67.
- 2045 Шамбаров В. Е... С. 67.
- 2046 Шамбаров В. Е... С. 182-183.
- 2047 Меморандум «О целях войны» прусского министра внутренних дел фон Лебеля от 29. 10. 1914. (Заговор против мира. Факты и документы.—М.: 1934 С. 151-155; Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 346-349; Шацилло В. К... С. 259)
- 2048 Kruck W. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1894-1944, Wiesbaden, 1954, S. 71-77.
- 2049 Fischer J. Germany's Aims in the First World War. N. Y, 1967, p. 103-104 (Уткин А.И... С. 76)
- 2050 Basier W. Die Beziehungen zwischen der Regierung Bethmann-Hollweg und dem Monopolkapital in den Ersten Monaten des Weltkriegs. В., 1967, S. 61 (Уткин А.И... С. 77-78)
- 2051 Tirpitz A. Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926, S. 69 (Уткин А.И... С. 78)
- 2052 steumann D. Die Erben Bismark. Parteien und Verbande in der Spatphase des Wilhelminischen Deutschlands, 1897-1918. Koln, 1970, S. 449 (Уткин А.И... С. 78)
- 2053 Fischer J. Germany's Aims in the First World War. N. Y, 1967, p. 390 (Уткин А.И... С. 449)
- 2054 Витте С.Ю... Т. 1 С. 209-210. ²⁰⁵⁵ Сухомлинов В. А... С. 427.
- 2056 Макдоно Д... С 539
- 2057 Уткин А.И. С. 79.
- 2058 Фон Сект, 21.12.1914. (Kohn H. The Mind of Germany. The Education of a Nation. N. Y, 1960, p. 313 (Уткин А.И... С. 82-83))
- 2059 Turner L. Origins of the First World War, Lnd., 1978.; Tirpitz A. Deutsche Ohnmachtpolitik im Weltkrieg. Hamburg, 1926.
- 2060 Макдоно Д... С. 377-378
- 598
- 2061 Fischer J. War of Illusions, p. 103, 256 (Уткин А.И... С. 75)
- 2062 Такман Б. Августовские пушки, М, 1972 С. 127; (Уткин А.И... С. 16.)
- 2063 Милюков П.Н... С. 472—473..
- 2064 Fischer J. Germany's Aims in the First World War. N. Y., 1967, p. 435 (Уткин А.И... С. 401)
- 2065 Шамбаров В. Е... С. 67-68.
- 2066 Шамбаров В. Е... С. 67.
- 2067 Чемберлен Х. С. Англия и Германия; Основные черты девятнадцатого века. Х. Чемберлен позже принял немецкое гражданство.
- 2068 Макдоно Д... С. 406-407.
- 2069 Макдоно Д... С. 405-406.
- 2070 Макдоно Д... С. 522.
- 2071 Милюков П. Н... С. 438.
- 2072 Макдоно Д... С. 431-432.
- 2073 Макдоно Д... С. 432.
- 2074 Шубарт В. Европа... С. 35.
- 2075 Такман Б... С. 122.
- 2076 Макдоно Д... С. 558.
- 2077 Такман Б... С. 310, прим.
- 2078 Лемке М.К..., 1916 С. 332.
- 2079 Киган Д... С. 101,102.
- 2080 Воззвание к культурному миру (Пуанкаре Р... С. 744, прим.)
- 2081 Людендорф Э... С. 71
- 2082 Яковлев Н.Н... С. 236.
- 2083 Кара-Мурза С... С. 296.
- 2084 Фадеев Р.А... С. 167.
- 2085 Киган Д... С. 184.
- 2086 Приказ Брусилова по 8-й армии, 7.8.14 г. (Шамбаров В. Е... С. 190.)
- 2087 Шамбаров В. Е... С. 188.
- 2088 Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. — М.: REFL-book, 1994. — 352 с, с. 178-179.
- 2089 Такман Б... С. 359-360.
- 2090 Такман Б... С. 359-360.
- 2091 В. Шубарт понимал прежде всего Россию. (Шубарт В... С. 60.)

- 2092 Лиддел Г. Б...
- 2093 Шамбаров В. Е... С. 186-187.
- 2094 Шамбаров В. Е... С. 437.
- 2095 Брайак Вильсону, 5 марта 1915 г., Woodrow Wilson— William Jennings Bryan, Bound Correspondence, vol. 3, NA; Джеймс У. Джерард государственному секретарю, 11.03.1915, JRUS, 1915, Supplement, The World War, 1011-1012 (Дэвис Д., Трани Ю... С. 55)
- 2096 Луначарский А. В. Наши в плену («День», Июнь 1916) (Яковлев Н. Н... С. 236-237)
- 2097 Такман Б... С. 371.
- 2098 Такман Б... С. 520-521, прил. 5.
- 2099 Каугский К...
- 2100 Макдоно Дж... С. 541.
- 2101 Такман Б... С. 48.
- 2102 Вильгельм — Бюлову, 10.07.1908. (Макдоно Д... С. 472)
- 2103 Макдоно Д... С. 471.
- 2104 Макдоно Д... С. 440.
- 2105 Бетман-Гольвег, 15.11.1913. (Макдоно Д... С. 530-531)
- 2106 Макдоно Д... С. 533.
- 2107 Макдоно Д... С. 530.
- 2108 Макдоно Д... С. 308.
- 2109 Макдоно Д... С. 551.
- 2110 Макдоно Д... С. 554.
- 2111 Дневник полковника Хауза, запись от 15.04.1915. (Макдоно Д... С. 585-586)
- 2112 Макдоно Д... С. 552.
- 2113 Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. — 2-е изд. Т. 20 С. 278.
- 599
- 2114 Маркс К., Энгельс Ф. ПСС. т.21. С. 361.
- 2115 Шубарт В. Европа... С. 330-331
- 2116 Достоевский Ф.М... Т. 2 С. 243.
- 2117 Уткин А.И... С. 79.
- 2118 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 88.
- 2119 Мэддисон А. Экономическое развитие в странах Запада. — М.: 1967 С. 246-296. Trade and Development Report, 1997. UN, New York and Geneva, 1997. С 78.
- 2120 Киган Д... С. 19.
- 2121 Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства в России. — М.: Эпифания, 1994.
- 2122 Spengler Osw. Der Untergang des Abendlandes. Munchen, 1924, S. 236 (Кожин В.В. О русском... С 199-200)
- 2123 Murry M. Fyodor Dostoevsky. A Critical Study. Z., 1923, p. 263 (Кожин В. В. О русском... С. 200)
- 2124 Meier-Graefe. Dostoevsky der Dichter. B., 1926. S. 39 (Кожин В. В. О русском... С. 200)
- 2125 Русская классика в странах Востока. М., 1982. С. 22; (Кожин В. В. О русском... С. 200)
- 2126 Кожин В. В. О русском... С. 200.
- 2127 Рыбас С. Ю... С. 250.
- 2128 Шамбаров В. Е... С. 56-57.
- 2129 Рыбас С.Ю... С. 189.
- 2130 Сухомлинов В.А... С. 282.
- 2131 Хвостов. История дипломатии. Т. 2. — М.: 1963 С. 776-777.
- 2132 Бетман — К. Рицлеру 7.07.1914. (Макдоно Д... С. 544-545)
- 2133 Шамбаров В. Е... С. 55-56.
- 2134 Диллон «Затруднения, испытываемые Россией». Contemporary Review, февраль 1916. (Лемке М.К..., 1916 С. 250-254.)
- 2135 Диллон «Затруднения, испытываемые Россией». Contemporary Review, февраль 1916. (Лемке М.К..., 1916 С. 250-254.)
- 2136 Петров Ю.А. Династия Рябушинских. — М.: Русская книга. 1997. 197 С. С. 86.
- 2137 Сухомлинов В. А... С. 207-208.
- 2138 Шамбаров В. Е... С. 56.
- 2139 Диллон «Затруднения, испытываемые Россией». Contemporary Review, февраль 1916. (Лемке М.К..., 1916 С. 254.)
- 2140 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 122-123.
- 2141 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 144.
- 2142 Сили Дж. Р., Крэмб Дж.А... С. 124.
- 2143 Макдоно Д... С. 523.
- 2144 Воейков В. Н... С. 71.
- 2145 Шубарт В. Европа... С. 117.

- 2146 Шубарт В. Европа... С. 130.
- 2147 Грэй Э. Двадцать пять лет, т. II С. 279. (Хауз..., Т. 1 С. 116.)
- 2148 Э. Хауз — президенту. 06.1914. (Хауз..., Т. 1 С. 73.)
- 2149 Хауз..., Т. 1 С. 64.
- 2150 Шубарт В. Европа... С. 259.
- 2151 Шубарт В. Европа... С. 277-278.
- 2152 Макдоно Дж... С. 542.
- 2153 Э. Хауз запись 02.1916. (Хауз..., Т. 1 С. 368.)
- 2154 Шамбаров В. Е... С. 65-66.
- 2155 Макдоно Дж... С. 541.
- 2156 Макдоно Д... С. 545
- 2157 Великий князь Николай Михайлович—Николаю И, 21.09.1916. (Воейков В. Н... С. 411, прил.)
- 2158 Великий князь Николай Михайлович — Николаю И, 28.04.1916. (Воейков В. Н... С. 384-388, прил.)
- 2159 Проливы. Сборник. — М.: 1926 С. 28. (Шацилло К. Ф... С. 213.)
- 2160 Бисмарк О. Мемуары... Т. 2 С. 288.
- 2161 Проливы. Сборник. — М.: 1926 С. 64. (Шацилло К. Ф... С. 198,199.)
- 2162 Милоков П. Н... С. 483-484.
- 600
- 2163 Ф. 418 Морской Генеральный Штаб. Опись 1. Д. 409. л. 2. (Шацилло К. Ф... С. 195)
- 2164 РГВИА Ф. 2000 ГУ ГШ. Оп. 1, Д. 147, л. 10. (Шацилло К.Ф... С. 42 С. 10.)
- 2165 Бунич И. Черноморская Цусима 1914-1921. — СПб.: Облик, 1999. -480 С. с. 17.).
- 2166 Воспоминания участника совещания П. Сабурова. Сказкин С. Конец австро-русско-германского союза. Т. 1, 1879-1884. — М.: 1928, Т. 1 С. 112. (Широкоград А. Б... С. 370).
- 2167 Бисмарк О... Т. 2 С. 299.
- 2168 Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатъева. М.: Международные отношения, 1999 С. 232; (Широкоград А. Б... С. 383-384.)
- 2169 Шамбаров В. Е... С. 37.
- 2170 Широкоград А. Б... С. 361-362.
- 2171 Широкоград А. Б... С. 367-369.
- 2172 Широкоград А. Б... С. 385.
- 2173 Россия и Черноморские проливы (XVIII-XX столетия) / Под ред. Л. Нежинского, А. Игнатъева. М.: Международные отношения, 1999 С. 239; (Широкоград А. Б... С. 386)
- 2174 Широкоград А. Б...
- 2175 АВПРИ. Ф. Секретный архив, Оп. 467, д. 448; Татищев С..., кн. 2 С. 357.
- 2176 Широкоград А. Б. Россия-Англия... С. 390
- 2177 Витте С.Ю... Т. 1 С. 183.
- 2178 См. Татищев С, кн. 2 С. 357.
- 2179 Сухомлинов В. А... С. 224-225.
- 2180 Киган Д... С. 288.
- 2181 Шамбаров В. Е... С. 48.
- 2182 АВРПИ. Фонд канцелярии МИД, 1909. Д. 215. Л. 15. (Шацилло К. Ф... С. 164)
- 2183 АВПРИ. Фонд канцелярии МИД 1907. Д. 1025 л. 89. Шацилло К.Ф... С. 42.)
- 2184 АВПРИ. Фонд канцелярии МИД 1907. Д. 1025 л. 24-25. (Шацилло К.Ф... С. 43.)
- 2185 ЦГАВМФ. Ф. 3, д. 121. (Мультиатули П. В...)
- 2186 Ф. 1278 Государственная Дума Оп. 4. Д. 585, л. ПО. (Шацилло К. Ф... С. 185.)
- 2187 Зайончковский П.А. Подготовка России к мировой войне в дипломатическом отношении. — М.: 1926. С. 174. (Шацилло К.Ф... С. 55.)
- 2188 РГВИА Ф. 400 ГШ. Оп. 290., Д. 130277, л. 10. (Шацилло К.Ф... С. 47.)
- 2189 РГВИА Ф. 2000. ГУ ГШ. Опись 1. Д. 258, Л. 12; Д. 443, л. 22. (Шацилло К.Ф... С. 55.)
- 2190 Ливен 25.11.1912. Красный архив 1924 № 6 С. 58-59. (Шацилло К. Ф... С. 275.)
- 2191 Государственная дума. Созыв III. Сессия 5 Стенографические отчеты. СПб.; 1912. Стб.2227. (Шацилло К.Ф... С. 320.)
- 2192 П. Милоков речь на заседании ЦК 12.10.1912. Ф. 523 ЦК Партии Кадетов Опись 1. Д. 30. Л. 24. (Шацилло К.Ф... С. 320.)
- 2193 АВПРИ. Фонд канцелярии МИД. 1908. Д. 1029. Л. 15. (Шацилло К. Ф... С. 165.)
- 2194 Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. — М.: 1961. С. 460. (Шацилло К. Ф... С. 198.)
- 2195 Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 3825, л. 357-365. (Шацилло К. Ф... С. 165.).
- 2196 Ф. 898 Военно-морской агент в Турции опись 1. Д. 5, л. 19. (Шацилло К. Ф... С. 166.).
- 2197 Хальгартен Г. Империализм до 1914 г. — М.: 1961. С. 460. (Шацилло К. Ф... С. 166.).
- 2198 РГВИА ГУ ГШ. Д. 6718. Л. 9. (Шацилло К. Ф... С. 162.)
- 2199 Макдоно Д.. С. 340-341.
- 2200 Шамбаров В. Е... С. 37.

- 2201 Шамбаров В. Е... С. 46, 52.
2202 Ф. 2000. ГУ ГШ. Опись 1. Д. 718. Л. 16 (Шацилло К. Ф... С. 272.).
2203 Ф. 2000. ГУ ГШ. Опись 1. Д. 718. Л.60 (Шацилло К. Ф... С. 272.).
2204 Сазонов С.Д. Воспоминания. — М.: Международные отношения, 1991. С. 142.
2205 Бьюкенен Дж... С. 123.
2206 Бьюкенен Дж... С. 126-127.
2207 Бьюкенен Дж... С. 113.
2208 Пуанкаре Р.. С. 48.
2209 Делеша французского военного атташе в Константинополе от 9.08.1914. (Пуанкаре Р.. С. 48)
2210 Шамбаров В. Е... С. 52-53.
2211 Шамбаров В. Е... С. 73-74.
2212 Шамбаров В. Е... С. 74.
601
2213 Шамбаров В. Е... С. 219.
2214 Черчилль У... С. 409.
2215 Шамбаров В. Е... С. 73-75.
2216 Шамбаров В. Е... С. 613-614.
2217 Шамбаров В. Е... С. 75-76.
2218 Ф. 2000. ГУ ГШ. Д. 3825, л. 94 (Шацилло К. Л..., 170.)
2219 АВПРИ. Фонд канцелярии МИД. 1908. Д. 3062. Л. 62. (Шацилло К. Ф... С. 172.)
2220 Шамбаров В. Е... С. 214-215.
2221 Сухомлинов В. А.. С. 225
2222 История дипломатии. — М.: ГИПЛ, 1963. Т. 2 С. 762; См. также Зайончковский П.А. Подготовка России к мировой войне в дипломатическом отношении. — М.: 1926 С. 392-398. (Шацилло К.Ф... С. 77.)
2223 Красный архив, 1924, № 6 С. 23. (Шацилло К. Ф..., 278).
2224 Российский государственный архив. Ф. 96б. Личный фонд В.Н. Коковцова I. Оп.2 д. 11. Ф. 1276 Совет министров. Оп. 7 Д. 471 С. 23-24.
2225 Сухомлинов В. А... С. 224-225.
2226 Петров В.А. Подготовка России к мировой войне на море. — М.: 1926 С. 242. (Шацилло К.Ф... С. 201.).
2227 21.02.1914. Чрезвычайное совещание у Сазонова относительно десанта на Дарданеллы. (Сазонов С.Д. Воспоминания. — М.: Международные отношения, 1991. С. 151.)
2228 Ж. Родина, 1996, № 7-8 С. 61.
2229 Такман Б... С. 486-487, прил. 1.
2230 Черчилль У... С. 413.
2231 Шамбаров В. Е... С. 215.
2232 Шамбаров В. Е... С. 218.
2233 28.08.1914. (Пуанкаре Р... С. 170.)
2234 Бунич И. Черноморская Цусима 1914-1921. — СПб.: Облик, 1999. -480 С. с. 24.
2235 Пуанкаре Р.. С. 714, прим.
2236 Телеграмма из Терапии, N 290. (Пуанкаре Р.. С. 51.)
2237 Пуанкаре Р.. С. 715 прим.
2238 Телеграмма из Перы, N 524 (Пуанкаре Р.. С. 337-338)
2239 Ж. Нива, 11.1914.
2240 Пуанкаре Р.. С. 337.
2241 Сухомлинов В. А... С. 225-226
2242 Трухановский В.Г... С. 138-139.
2243 Пуанкаре Р.. С. 454.
2244 Пуанкаре Р.. С. 450.
2245 Ллойд Джордж Д. Военные мемуары. Т. 6. — М.: 1938 С. 138-141,145-149,171-175 (Шацилло В. К... С. 344)
2246 Шамбаров В. Е... С. 309.
2247 Histoire de la Grande Guerre. Par Paul Galland. Paris, 1974, p. 77. (Мультиатули П. В...)
2248 ЦГАВМФ. Ф. 418, оп. 2, д. 273. (Мультиатули П. В...)
2249 Пуанкаре Р.. С. 648.
2250 Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. — СПб: Бельведер, 2000.
2251 Пуанкаре Р.. С. 541.
2252 Киган Д... С. 309.
2253 Киган Д... С. 312.
2254 Памятная записка великобританского посольства в Петрограде министру иностранных дел России С. Д. Сазонову. Петроград, 21.02/6.03.1915. (Международные отношения в эпоху

- империализма. Серия III, Т. VII, Ч. 1. — М.: 1935 С. 416-417.)
- ²²⁵⁵ Памятная записка великобританского посольства в Петрограде министру иностранных дел России С. Д. Сазонову. Петроград, 27 февраля/12 марта 1915 г. (Международные отношения в эпоху империализма. Серия III, Т. VII, Ч. 1. — М.: 1935 С. 452-455.)
- ²²⁵⁶ Телеграмма из Лондона, N 513, 514 (Пуанкаре Р.. С. 528)
- ²²⁵⁷ Пуанкаре Р.. С. 337.
- ⁶⁰²
- ²²⁵⁸ Телеграмма от Поля Камбона, N 331; Телеграмма из Санкт-Петербурга, N 435 (Пуанкаре Р... С. 93)
- ²²⁵⁹ Письмо У. Черчилля Э. Грею от 5.03.1915. (Трухановский В.Г... С. 147-148.)
- ²²⁶⁰ Пуанкаре Р... С. 690.
- ²²⁶¹ Бубнов А.Д. В Царской Ставке. — Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955 С. 190. ²²⁶² ЦГАВМФ. Ф. 418, оп. 2, д. 274. (Мультиатули П. В...)
- ²²⁶³ Алексеева-Борель В. Сорок лет в рядах русской императорской армии. Генерал М.В. Алексеев. СПб: Бельведер, 2000. С. 454.
- ²²⁶⁴ Керсновский А.А. История Русской армии. —М: Голос, 1994, Т. 4 С. 181.
- ²²⁶⁵ ЦГАВМФ. Ф. 418, оп. 2, д. 273. (Мультиатули П. В...)
- ²²⁶⁶ Свечин М. Записки старого генерала о былом. — Ницца: 1964. С. 114.
- ²²⁶⁷ АРР Т.10 С. 202. (Мультиатули П. В...)
- ²²⁶⁸ Шацилло В. К... С. 238.
- ²²⁶⁹ Шацилло В. К... С. 239.
- ²²⁷⁰ Людендорф Э.... С. 278
- ²²⁷¹ Шамбаров В. Е... С. 556-557.
- ²²⁷² Шамбаров В. Е... С. 552.
- ²²⁷³ Людендорф Э.... С. 174.
- ²²⁷⁴ Людендорф Э.... С. 284.
- ²²⁷⁵ Людендорф Э.... С. 272.
- ²²⁷⁶ Бубнов А.Д. В Царской Ставке. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 218-213.
- ²²⁷⁷ Пуанкаре Р... С. 499.
- ²²⁷⁸ Николай II, 3.03.1915. (Уткин А.И... С. 128.)
- ²²⁷⁹ Диллон «Затруднения, испытываемые Россией». Contemporary Review, февраль 1916. (Лемке М.К..., 1916 С. 258.)
- ²²⁸⁰ 12.03.1915. (Уткин А.И... С. 128-129.)
- ²²⁸¹ Пуанкаре Р... С. 349.
- ²²⁸² Телеграмма из Лондона, от де Флерио, 1.11, N 967. (Пуанкаре Р.. С. 338)
- ²²⁸³ Пуанкаре Р.. С. 497.
- ²²⁸⁴ Пуанкаре Р.. С. 503.
- ²²⁸⁵ Пуанкаре Р.. С. 338,405.
- ²²⁸⁶ Телеграмма из Лондона, N 585 Пуанкаре Р... С. 339.
- ²²⁸⁷ Черчилль У... С. 186.
- ²²⁸⁸ Хауз, запись от 14.02.1916. (Хауз..., Т. 1 С. 385.)
- ²²⁸⁹ Хауз... Т. 2 С. 34.
- ²²⁹⁰ Берти, лорд. За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже (1914-1919). — М., Л.: 1927 С. 38-39,49-50. (Шацилло В. К... С. 280)
- ²²⁹¹ Айрапетов О. Колчак у ворот Царегграда. Россия № 9. 2004. С. 24.
- ²²⁹² Киган Д... С. 303.
- ²²⁹³ Черчилль У... С. 81-82.
- ²²⁹⁴ Шацилло В. К... С. 231
- ²²⁹⁵ Пуанкаре Р.. С. 744, прим.
- ²²⁹⁶ Пуанкаре Р.. С. 780-781. прим..
- ²²⁹⁷ Черчилль У... С. 420.
- ²²⁹⁸ Черчилль У... С. 421.
- ²²⁹⁹ Черчилль У... С. 427.
- ²³⁰⁰ Черчилль У... С. 427.
- ²³⁰¹ Рыбас С. Ю... С. 237-238.
- ²³⁰² Рыбас... С. 238-239.
- ²³⁰³ Предложение президента США В. Вильсона от 18.12.1916. (Международная политика. Ч. II. — М.: 1926 С. 58-60; Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. — М.: 1940 С. 362-364; (Шацилло В. К... С. 328))
- ²³⁰⁴ Людендорф Э.... С. 316-317.
- ²³⁰⁵ Хауз...,т. 1 С. 383.
- ²³⁰⁶ Телеграмма из Петрограда, N 917,918,919 (Пуанкаре Р.. С. 345)
- ²³⁰⁷ Пуанкаре Р.. С. 744, прим.

- ²³⁰⁸ Хауз...,т. 1 С. 380.
- ⁶⁰³
²³⁰⁹ Хауз..., Т. 1 С. 442.
- ²³¹⁰ Пэйдж — Э. Хаузу 15.09. 1914. Хауз..., Т. 1 С. 139.
- ²³¹¹ Хауз..., Т. 1 С. 224.
- ²³¹² Э. Хауз — президенту 14.07.1915. Хауз..., Т. 1 С. 307.
- ²³¹³ Э. Хауз — президенту 11.10.1915. Хауз..., Т. 1 С. 307.
- ²³¹⁴ Хауз..., Т. 1 С. 302.
- ²³¹⁵ Посол США Фрэнсис — Т. Уэсту. Архангельск, 27.08.1918. (Фрэнсис Д.Россия из американского посольства. (Голдин В.И... С. 67)
- ²³¹⁶ Э. Хауз запись 12.05.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 218-220.)
- ²³¹⁷ Посол Англии в США — Э. Хаузу 14.10.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 298-299.)
- ²³¹⁸ Хауз..., Т.1 С. 221.
- ²³¹⁹ . Boston Commercial Bulletin, August 1, 1914, ser. # 4, Record File 403, box 246, WP, LC (Дэвис Д., Трани Ю... С. 49)
- ²³²⁰ . Boston Herald, August 2, 1914; The Boston Globe, August 2, 1914, ser. # 4, Case File # 403, box 246, WP, LC; Гилд Дж. П. Тэмелти, 3 августа 1914 г., ser. # 4, Case File # 403, box 246, WP, LC; Harley Notter, The Origins of the Foreign Policy of Woodrow Wilson, Baltimore, 1937, p. 203 (Дэвис Д., Трани Ю... С. 49)
- ²³²¹ Э. Хауз — президенту 25.06.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 237.)
- ²³²² Лэйн — Э. Хаузу 5.05.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 238.)
- ²³²³ Хауз..., Т. 1 С. 298.
- ²³²⁴ Хауз..., Т. 1 С. 283.
- ²³²⁵ Э. Хауз запись 12.05.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 218-220.)
- ²³²⁶ Хауз..., Т. 1 С. 285.
- ²³²⁷ Э. Хауз — президенту 25.11.1915. (Хауз..., Т. 1 С. 315.)
- ²³²⁸ Хауз..., Т. 1 С. 442-443.
- ²³²⁹ Saiter, Allied Shipping Control, p. 77, 121. (Хауз... Т. 2 С. 8.)
- ²³³⁰ Сандей Пикчерел, 12.01.1919. (Людендорф Э.... С. 781)
- ²³³¹ Хауз..., Т. 1 С. 477.
- ²³³² Э. Хауз — президенту США В. Вильсону от 22.08.1914. (Хауз..., Т. 1 С. 99)
- ²³³³ Degras J. (ed.). Soviet Documents on Foreign Policy. Lnd., v. 1, p. 6-7 (Уткин А.И... С. 421-422)
- ²³³⁴ Хауз... Т. 2 С. 40.
- ²³³⁵ Речь президента США В. Вильсона перед конгрессом 2.04.1917. (Mc. Master T. В. The United States in the world war 1914-1918. N.-Y. L., 1933, p. 352-354; Международные отношения 1870-1918 гг. Сборник документов. М., 1940 С. 379-381; Шацилло В. К... С. 326)
- ²³³⁶ Хауз..., Т. 1С. 464.
- ²³³⁷ Хауз..., Т. 1 С. 464.
- ²³³⁸ Хауз..., Т. 1 С. 445.
- ²³³⁹ Людендорф Э.... С. 318-319.
- ²³⁴⁰ «Monthly summary of origin commerce of the U.S. (December 1916)». Троцкий Л. Историческое подготвление Октября. Часть I. От Февраля до Октября. (Л. Троцкий. Сочинения. Том 3, часть 1. — М.,Л.: 1924.
- ²³⁴¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. 1. — М.: 1955 С. 3-16; Churchill W. The World Crisis. 1911-1918, L., 1942, p. 675-677. (Шацилло В. К... С. 469)
- ²³⁴² Хауз...,т. 1 С. 380.
- ²³⁴³ Хауз...,т. 1 С. 380.
- ²³⁴⁴ КиганД...С.454.
- ²³⁴⁵ Tardie, France and America, p. 227-229. (Хауз... Т. 2 С. 76.)
- ²³⁴⁶ Н. Wickham Steed, Through Thirty Years, v. II, p. 143. (Хауз... Т. 2 С. 69.)
- ²³⁴⁷ Gilbert M. The First World War. Lnd., 1994, p. 325 (Уткин А.И... С. 348)
- ²³⁴⁸ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 92.
- ²³⁴⁹ Э. Хауз — президенту 7.01.1916. (Хауз..., Т. 1 С. 332.)
- ²³⁵⁰ Keynes J.M. The Economic consequences of the Peace. — Edinburg; R.& R. Clarc, L., P. 254. Ленин цитировал Кейнса в 1920 г. Без малых стран.
- ²³⁵¹ Только боевые потери, без учета умерших от ран, потерь среди военнопленных и гражданского населения. В России было около 4 млн. раненых и более 200 тыс. умерших от ран. (История военных потерь. СПб.,1994.С.160,165 (Хрестоматия... С. 383—384.))
- ²³⁵² Черчилль У... С. 183.
- ⁶⁰⁴
²³⁵³ Root, Elihu, et. AL, America's Message to the Russian People: Addresses by the Members of the Special Diplomatic Mission of the United states to Russia in the Year 1917, Boston, 1918, pp. 22,27, 67 (Дэвис Д.Э., Трани Ю.Л... С. 93)

- ²³⁵⁴ Заседание военного кабинета N 215, 15.08.1917., PRO; Хауз Вильсону, 15.08.1917, WP, LC; Заседание военного кабинета N 229, 7.09.1917, PRO; Хауз. Дневник, 16.09.1917, House Papers, СтУ (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 100) См. так же: Архив полковника Хауза. — М.: 1940, Т. 3 С. 214. (Уткин А.И... С. 388.)
- ²³⁵⁵ Лэнсинг 9.08.1917, Lansing Papers, box 67, LC. (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 100)
- ²³⁵⁶ Statement of William English Walling, вложено в: Вильсон Лэнсингу, 24.08.1917, WP, LC (Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 100)
- ²³⁵⁷ Дэвис Д.Э., Трани Ю.П... С. 67,68, 82.
- ²³⁵⁸ Хауз... Т. 2 С. 129.
- ²³⁵⁹ Архив полковника Хауза, Т. 3. — М.: 1944 С. 231. (Уткин А.И... С. 478)
- ²³⁶⁰ Архив полковника Хауза, Т. 3. — М.: 1944 С. 231. (Уткин А.И... С. 477)
- ²³⁶¹ Wilson W. War and Peace. Presidential Messages, Addresses and Public Papers (1917-1924) Ed. By R. Baker and W. Dodd, v. 1, N. Y., 1970, p. 158 — 165 (Уткин А.И... С. 481)
- ²³⁶² Уэллс Г. Д... С. 293-294.
- ²³⁶³ Уткин А.И... с. 402.
- ²³⁶⁴ Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Princeton, 1961, v. 1, p. 15 (Уткин А.И... С. 403)
- ²³⁶⁵ Троцкий Л. Беседа с Джоном Ридом 17.10.1917. (Джон Рид. 10 дней которые потрясли мир С. 63.)
- ²³⁶⁶ Дневник Дж. Бьюкенена 8.12.1917. (Бьюкенен Дж... С. 381)
- ²³⁶⁷ Дневник Дж. Бьюкенена 8.12.1917. (Бьюкенен Дж... С. 384-385)
- ²³⁶⁸ Дневник Дж. Бьюкенена 10.12.1917. (Бьюкенен Дж..., 386)
- ²³⁶⁹ Бьюкенен — министерству иностранных дел 27.11.1917. (Бьюкенен Дж... С. 372-374)
- ²³⁷⁰ Дневник Дж. Бьюкенена 5.01.1918. (Бьюкенен Дж... С. 390)
- ²³⁷¹ Декларация, сделанная уполномоченным РСФСР Л. Д. Троцким на заседании политической комиссии мирной конференции в Брест-Литовске 28.01/10.02.1918. (Международная политика. Ч. II. — М.: 1926 С. 112-114; (Шацилло В. К... С. 382-383))
- ²³⁷² Бьюкенен Дж... С. 393-395.
- ²³⁷³ Шамбаров В. Е... С. 518-519.
- ²³⁷⁴ Ullman R. Anglo-Soviet Relations, 1917-1921. Princeton, 1961, v. I, p. 47-48 (Уткин А.И... С. 458)
- ²³⁷⁵ Уткин А.И... С. 450.
- ²³¹⁶ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y., 1984, p. 153-155 (Уткин А.И... С. 459)
- ²³⁷⁷ Lloyd Gardner C. Safe for Democracy. The Anglo-American Response to Revolution, 1913-1923. N. Y., 1984, p. 169 (Уткин А.И... С. 515)
- ²³⁷⁸ «Россия», май 1918; London Financial News, ноябрь 1918 (Кремлев С... С. 251)
- ²³⁷⁹ Francis D. Russia from American Embassy. N.Y., 1921, p.201. (Уткин А.И... С. 227.)
- ²³⁸⁰ Уткин А.И... С. 226-227.
- ²³⁸¹ Бьюкенен Дж. Воспоминания посла. — М.: 1923, Т. 2 С. 244 (Уткин А.И... С. 465)
- ²³⁸² Zeman Z. (ed.). Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Lnd., Documents from the archives of the German Foreign Ministry. Lnd., 1958, p. 76-77 (Уткин А.И... С. 426-427)
- ²³⁸³ Zeman Z. (ed.). Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Lnd., Documents from the archives of the German Foreign Ministry. Lnd., 1958, p. 94 (Уткин А.И... С. 428-429)
- ²³⁸⁴ Zeman Z. (ed.). Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Lnd., Documents from the archives of the German Foreign Ministry. Lnd., 1958, p. 124-125 (Уткин А.И... С. 543-544)
- ²³⁸⁵ «Вечерняя звезда» 23.03.1918 г.
- ²³⁸⁶ Уткин А.И... С. 545.
- ²³⁸⁷ Zeman Z. (ed.). Germany and the Revolution in Russia, 1915-1918. Lnd., Documents from the archives of the German Foreign Ministry. Lnd., 1958, p. 134 (Уткин А.И... С. 549).

605

Содержание:

Опасная теория, или Почему была предана забвению наука о движущих силах развития общества..	б
Теория в действии. Уроки истории.....	29
По пути Запада — за свободу и демократию.	
Русская буржуазная революция 1917 года.....	31
Первое испытание — демократия во время мировой войны на примере русской армии	99
«Земли и воли». Главная движущая сила революции	

борьбе за... феодализм	145
Двоевластие как форма безвластия. Временное правительство и Советы «в борьбе за власть»	154
Русский путь — национальные особенности русской революции, или Почему победили большевики	192
Мать всех катастроф... Первая мировая война и русская революция	279
Закономерная трагедия. Причины поражения России в Первой мировой войне	341
За кулисами Первой мировой... Практическая геополитика, или Почему начинаются войны.....	372
Ссылки и библиография	549
606	

В. В. Галин

ЗАПРЕТНАЯ ПОЛИТЭКОНОМИЯ. РЕВОЛЮЦИЯ ПО-РУССКИ

Тенденции

Интернет-сайт: <http://www.galin.ru>

Ответственный редактор С.В. Маршков

Верстка О.В. Фомин

Корректор В.А. Симаков

ООО «Алгоритм-Книга»

Лицензия ИД 00368 от 29.10.99, тел.: 929-9302

Оптовая торговля: Центр политической книги - 733-9789

«Столица-Сервис» - 375-3211, 375-2433, 375-3673

Мелкооптовая торговля: г.Москва, СК «Олимпийский». Книжный клуб.

Торговое место: № 30, 1-й эт. Тел. 8-903-5198541

Сдано в набор 19.01.06. Подписано в печать 17.03.06. Формат 60х90/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печ. л. 38. Тираж 3000 экз. Заказ 791.

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат» 143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.